18614

ЦЕРКОВНАЯ РЕФОРМА

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

ДУХОВНОЙ и СВѢТСКОЙ ПЕРІОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

по вопросу о реформѣ.

Составилъ

И. В. Преображенскій.

Дублет
Гос. Публ. Бак
Обмен

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Э. Арнгольда, Литейный пр., № 59.
1905.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 20 мая и 12 августа 1905 года.

Цензоръ, Іеромонахъ *Александръ*.

БИБЛІОТЕКА

БИБЛІОТЕКА

227
30

СОДЕРЖАНІЕ.

17 марта. «*Церковный Вѣстникъ*»: Записка «32 хъ» столичныхъ священниковъ: «О необходимости перемѣнъ въ русскомъ церковномъ управленіи». — Статья К. Перевозникова: Почему молчитъ духовенство? 1

18 марта. Замѣтка «*Новаго Времени*» о запискѣ группы священниковъ и по поводу ея 9

19 марта. Статья «*Новаго Времени*»: Чиновники въ духовномъ вѣдомствѣ . . —

20 марта. «*Новое Время*»: Статья еп. Антонина: «На зарѣ».—Статья В. Розанова: Тревожный «слухъ» 13

21 марта. Статья «*Новаго Времени*»: Управленіе и самоуправленіе въ духовномъ мірѣ 17

22 марта. Статья «*Новаго Времени*»: О духовныхъ дѣлахъ 20

23 марта. Статья газеты «*Русь*»: О патріархѣ. — Статья «*Биржевыхъ Вѣдомостей*»: Церковь и міряне.—Статья «*Одесскаго Листка*»: Патріаршество въ Россіи . . . 23

24 марта. «*Церковный Вѣстникъ*»: Рѣчь еп. Сергія: «Свобода — для церкви, но не для насъ».—Письмо православнаго епископа, Димитрія новомиргородскаго —Мнѣнія и отзывы.—Выдержки изъ «*Разсвѣта*», «*Свѣта*» и «*Бирж. Вѣдомостей*». — Статья газеты «*Слово*»: Изъ бесѣдъ о церковной реформѣ. — Газета «*Русь*»: Статья Н. Симбирскаго: Къ церковной реформѣ.—«*Вѣстникъ Юга*» и «*Западный Голосъ*»: «Бесѣда корреспондента съ іером. о. Михаиломъ о церковныхъ дѣлахъ вообще и о реформѣ церковнаго управленія въ частности».—«*Русское Слово*»: Статья свящ. Г. Петрова: Недоумѣнный вопросъ 32

25 марта. Статья «*Новаго Времени*»: Къ преобразованію духовнаго вѣдомства — «*Русь*»: Статья вторая Н. Симбирскаго: Къ церковной реформѣ.—Статья «*Русскаго Слова*»: Церковныя реформы.—«*Сынъ Отечества*»: Статья Александра Новикова· Церковная реформа.—Статья Ал. Штанге: Къ вопросу объ учрежденіи патріаршества.—Статья «*Биржевыхъ Вѣдомостей*»: Проектъ церковной реформы.—Статья «*Московскихъ Вѣдомостей*»: Церковный переворотъ.—Статья газеты «*Кіевскіе Отклики*».—Статья газеты «*День*»: О церковномъ соборѣ.—Статья газеты «*Волынь*».—Статья «*Астраханскаго Листка*»: 57

26 марта. «*Петербургская Газета*»: Статья Иринарха: Свобода церкви.—Статья вторая «*Московскихъ Вѣдомостей*»: Церковный переворотъ. — Статья «*Кіевскаго Слова*»: Изъ бесѣды о церковной реформѣ 83

27 марта. Статья «*Новаго Времени*»: Разница именъ или разница вещей.—Статья газеты «*Русь*»: О патріархѣ.—Дневникъ публициста Н А. Демчинскаго. — Статья газеты «*Новости*»: Духовная опасность. — Статья «*Русскаго Листка*». Къ возстановленію патріаршества.—Статья «*Русскихъ Вѣдомостей*».—Газета «*День*»: Еще реформа.—«*Варшавскій Дневникъ*: Статья Н. Ак.: Кесарево—кесареви, а Божіе — Богови. — «*Одесскія Новости*»: Пресса 93

28 марта. «*Слово*». Записка С. Ю. Витте: О современномъ положеніи православной церкви — Докладная записка въ Комитетъ Министровъ митрополита Антонія: Вопросы о желательныхъ преобразованіяхъ въ постановкѣ у насъ православной церкви. — «*Новое Время*»: Статья В. Розанова: По поводу статьи проф. Н. К. Никольскаго.—Статья проф. Николая Никольскаго: Почему «32?»—«*Русь*»: Статья третья Н. Симбирскаго.—«*Петербургскій Листокъ*»: Статья Е. С. Игорова: Соборы и ихъ значеніе.—Выдержки «*Бирж. Вѣдомостей*» изъ газеты «*С.-Петербургскія Вѣдомости*» и изъ особаго прибавленія къ «*Русскому Дѣлу*» 122

29 марта. Статья «*Новаго Времени*»: Поменьше археологіи! — «*Слово*»: Какъ обстоитъ дѣло съ патріаршествомъ. — Первое письмо свящ. Л.: О церковной реформѣ. — Второе письмо о. Николая. — «*Новости*». Статья М. Энгельгардта: Чужая радость. — «*С.-Петербургскія Вѣдомости*» Статья Я. Н.: Къ вопросу о церковномъ управленіи въ Россіи.—«*Русское Чтеніе*»: Статья А. Н.: По вопросу о преобразованіи церковнаго управленія въ Россіи.—«*Варшавскій Дневникъ*»: Статья архим. Діонисія: О патріаршествѣ. — «*Забайкальскія Областныя Вѣдомости*» 152

30 марта. «*Новое Время*»: Статья В. Розанова: Центръ вопроса о реформахъ церковнаго управленія.—«*Новости*». Статья Мечтателя: Свободная церковь въ несвободномъ государствѣ —«*Русское Слово*»: Гражданская свобода и освобожденіе церкви.—«*Московскія Вѣдомости*»: Князь Мещерскій о церковной реформѣ.—«*Петербургскій Листокъ*» Статья Н. Вершинина: Возрожденіе духовенства.—«*Русскій Листокъ*» Статья г. З. 174

31 марта. Статья газеты «*Заря*»: По поводу предполагаемой реформы высшаго церковнаго управленія.—«*Русь*»» Статья четвертая Н. Симбирскаго. «*Новости*»: Бесѣда М. съ Д. С. Мережковскимъ: Къ созыву церковнаго собора.—«*Русское Слово*»: Статья свящ. Г. Петрова: Почему 32?—«*Кіевское Слово*»: Для чего нужно возстановленіе должности патріарха?—«*Олонецкія Губернскія Вѣдомости*». Статья г К.: Къ церковнымъ реформамъ.—«*Пріазовскій Край*»: О церковной реформѣ 190

1 апрѣля. «*Боюсловскій Вѣстникъ*»:—Статьи проф. Мышцына: По поводу записки «о необходимости перемѣнъ въ русскомъ церковномъ управленіи.—Объ учрежденіи патріаршества и избраніи патріарха въ Россіи.— «*Слово*». Статья Рцы: Закваска фарисейская. — «*Разсвѣтъ*»: Статья А. Слезскинскаго: О причтѣ и приходѣ. — «*Русскій Листокъ*»: Статья Черноморца: Несоразмѣрныя претензіи.—«*День*»: Петербургскіе реформаторы. — «*Одесскій Листокъ*»: Церковный соборъ и вопросъ о патріархѣ 207

2 апрѣля. «*Церковныя Вѣдомости*»: Высочайшее повелѣніе по всеподданнѣйшему докладу Св. Синода о созваніи собора епархіальныхъ епископовъ. — «*Заря*»: Статья г. Внѣшняго: Особый проектъ реформы высшаго церковнаго управленія.—«*Слово*»: Статья К. Ровинскаго: Патріаршество и приходскій вопросъ.—«*Сынъ Отечества*»:—«*Разсвѣтъ*»: Статья Н М.: Крупное разногласіе.—«*Московскія Вѣдомости*»: Статья Мірянина: Наканунѣ помѣстнаго собора —«*Казанскій Телеграфъ*»: Статья Б. Глѣбскаго: Два поколѣнія. — «*Приволжскій Край*» Статья В. А.: Къ вопросу о реформѣ церкви — «*Бѣлорусскій Вѣстникъ*»: Статья Православнаго: Къ вопросу о патріаршествѣ. — «*Западный Вѣстникъ*»: Отголоски 228

3 апрѣля. Статья «*Новаго Времени*»: Высочайшее повелѣніе Св. Синоду. — «*Заря*»: Статья Внѣшняго: Особый проектъ реформы высшаго церковнаго управленія. — «*Петербургскій Листокъ*»: Высочайшее повелѣніе.—«*Русскій Листокъ*»: Статья И. Гофштеттера: Независимость церкви.—«*Московскія Вѣдомости*»: Высочайшее рѣшеніе церковнаго вопроса 250

4 апрѣля. «*Новое Время*»: Статья К. Скальковскаго: Возстановленіе патріархата.—«*Свѣтъ*»: Статья В. К—ва. 265

5 апрѣля. «*Новое Время*»: Статья А. Кирѣева: О коренномъ преобразованіи строя помѣстной русской церкви.—«*Слово*»: Къ исторіи «записки 32-хъ» —«*Новости*»: Бесѣда М. съ проф. М. И. Горчаковымъ. — «*Русскія Вѣдомости*: Письмо еп. Исидора. — «*Русское Слово*»: Судьба реформъ.—«*Варшавскій Дневникъ*»: Статья свящ. Гр. М—скаго: Невольныя опасенія 277

6 апрѣля. Статья «*Новаго Времени*»: Какъ возбудился вопросъ о церковной реформѣ? Выдержка изъ «*Нижегородскаго Листка*» 291

7 апрѣля. «*Церковный Вѣстникъ*»: Воля Государя —Статья проф. В. Завитневича: О возстановленіи соборности въ русской церкви.—Мнѣнія и отзывы печати. — Статья «*Новаго Времени*»: «Келейное» и національное рѣшеніе дѣлъ 293

8 апрѣля. «*Миссіонерское Обозрѣніе*»: Статья Н. Гринякина: Благовѣстъ или набатъ.—Ст. В. Скворцова: Къ исторіи возникновенія патріаршаго вопроса.—«*С.-Петербургскія Вѣдомости*»: Статья А. Р.: Немножко «церковной» статистики. — «*Русскія Вѣдомости*»: Письмо Е. въ редакцію газеты: По поводу одного недоразумѣнія 308

9 апрѣля. «*Новое Время*»: Статья Я. Кирѣевскаго: Забытый фундаментъ церковной реформы. — «*Разсвѣтъ*»: Статья Рославлева: Мысли.—«*Московскія Вѣдомости*»:

Статья А. Басаргина· Конституція и церковь. — «*Рижскій Вѣстникъ*»: Статья В. Щукина: Мнимые грѣхи православной русской церкви. — «*Иргазовскій Край*»: Статья Ф. Б.: Церковные приходы. 334

10 апрѣля. «*Разсвѣтъ*»: Статья архимандрита Николая: Необходимое разъясненіе.—«*Московскія Вѣдомости*»: Статья *Spectator'a*: Вопросы русской жизни. — «*Русское Слово*: Статья свящ. Г. Петрова: Нуженъ ли патріархъ? — «*Южное Обозрѣніе*»: Статья Я. К. Яковлева: На житейскія темы 353

11 апрѣля. «*Новое Время*»: Статья Розанова: Государство и церковь во взаимной автономіи.—«*Заря*»: Письмо въ редакцію свящ. Пестрякова.—«*Южный Край*»: Статья Н. Ш—ва: Вопросы церкви. — «*Петербургскій Листокъ*»: Мнѣніе по вопросу о церковной реформѣ «составителя Сборника» 366

13 апрѣля. «*Заря*»: По адресу 32-хъ. — «*Разсвѣтъ*». Статья А. Р.: Патріаршій кризисъ.—«*Севастопольскій Вѣстникъ*». Голосъ Земца: О возстановленіи патріаршества въ Россіи.—«*Южный Край*»: Статья И—на: Что лучше? 379

14 апрѣля. «*Церковный Вѣстникъ*»: Статья архим. Михаила: Изъ кого долженъ состоять церковный соборъ? Мнѣнія и отзывы печати.—«*Новости Дня*»: Статья Арскаго: Духовный бытъ и реформы 388

15 апрѣля. «*Русскія Вѣдомости*»: Статья П. Астрова: Задача церковной реформы.—«*Кіевская Газета*» Церковныя реформы 400

17 апрѣля. «*Новое Время*»: «Письма къ ближнимъ» М. Меньшикова Духъ дышитъ, гдѣ хочетъ.—«*Недѣля*»: Статья В. А. Зор.: О церковной реформѣ и о свободѣ совѣсти. 406

20 апрѣля. «*Заря*» 417

21 апрѣля. «*Церковный Вѣстникъ*» Письмо въ редакцію П. Кудрявцева: По поводу реформы церковнаго управленія.—Голосъ сельскаго священника.—«*Петербургская Газета*»: Двѣ статьи: 1) «Изъ бесѣды Н. Г — е съ архимандритомъ Сергіемъ»: Православное духовенство и Высочайшій указъ.—2) Статья Сезама: «На новомъ пути».—«*Русское Дѣло*»: Статья В. Сенатова: О возстановленіи патріаршества 419

24 апрѣля. Выдержка изъ статьи кн. Евг. Трубецкаго въ «*Правѣ*» 430

25 апрѣля. «*Новое Время*»: Предполагаемыя «перемѣщенія» въ духовномъ вѣдомствѣ.—«*Рижскій Вѣстникъ*»: Выдержка изъ статьи кн. Мещерскаго 431

26 апрѣля. «*Новое Время*»: Мысли и мнѣнія Мірянина. Въ ожиданіи церковной реформы 434

28 апрѣля. «*Церковный Вѣстникъ*»: Статья Н. Аксакова: Канонъ и свобода.— Еще по поводу записки петербургскихъ священниковъ и постановленія Св. Синода 440

29 апрѣля. «*Разсвѣтъ*»: Статья Рославлева: Мысли — Рѣчи съ церковной каѳедры.—«*Православно-русское Слово*»: О соборности церкви въ связи съ вопросомъ о возстановленіи всероссійскаго патріаршества 449

Мѣсяцъ май. «*Богословскій Вѣстникъ*«: Статья проф. Мышцына: А) Объ автономіи церкви и государства (В. В. Розанову). — Б) По поводу Высочайшаго указа 17 апрѣля 466

3 мая. «*Слово*»: Три письма въ редакцію о церковной реформѣ: Преподавателя семинаріи, свящ. Василія Л—овскаго и Черноризца 471

4 мая. «*С.-Петербургскія Вѣдомости*»: Статья Я. Н.: Къ вопросу о церковномъ управленіи въ Россіи 475

5 мая. «*Церковный Вѣстникъ*»: Статья Н. Аксакова: Канонъ и свобода —«*Русь*»: Полемика двухъ сановниковъ по церковному вопросу 481

8 мая. «*Слово*»: Отношеніе духовенства къ церковной реформѣ. — «*Ярославскія Епархіальныя Вѣдомости*»: Статья свящ Петра Горицкаго: Надежды на будущій всероссійскій духовный соборъ 492

10 мая. «*С.-Петербургскія Вѣдомости*»: Статья Н. Г. Дебольскаго: Задачи освобожденной церкви 498

11 мая. «*Новое Обозрѣніе*»: Статья *N—скаго*: Интересы дня 509

12 мая. «*Церковный Вѣстникъ*»: Статья архим. Михаила: «Первосвятитель» или «первоприсутствующій»?.—«*Новое Время*» Лукавая фразеологія 512

13 и 14 мая. «*Бирж. Вѣдомости* и *Новости*» 518

15 мая. «*Холмско-Варшавскій Вѣстникъ*»: Статья А.: Царскій путь къ укрѣпле-

нію церкви.—«*Южный Край*»: Статья Н. Ш—ва: Нѣсколько словъ по поводу статьи «Что лучше»? . . . . . —

19 и 20 мая. «*Забайкалье*»: Статья сельскаго священника: О церковныхъ реформахъ. 523

21 мая. «*Пятигорскій Листокъ*» 526

22 мая. «*Новости*»: Статья А. Матюшенскаго: Что пробудилось? 527

24 мая. «*Наша Жизнь*»: Статья П. Павловскаго: Церковные вопросы 530

26 мая. «*Церковный Вѣстникъ*»: Вторая записка группы столичныхъ священниковъ: О составѣ церковнаго собора 533

27 мая. «*Русь*» и «*Слово*» 542

28 мая. «*С.-Петербургскія Вѣдомости*»: Статья Юзскаго: Отношеніе духовенства къ современному общественному движенію. — «*Слово*»: Статья Ф. Бѣлявскаго: Монашество и всецерковный соборъ.—«*Новости*» 550

29 мая. «*Либавскій Вѣстникъ*».—«*Слово*»: Статья С. Н. Сыромятникова: Замѣтки писателя.—Письмо свящ. В Калачева . . . . . —

30 и 31 мая. «*Русское Слово*» и «*Одесскій Листокъ*» 558

Мѣсяцъ іюнь. «*Миссіонерское Обозрѣніе*»: Статья И. В. Преображенскаго: Есть-ли историческій смыслъ въ словахъ Достоевскаго, что «церковь русская въ параличѣ со времени Петра Великаго»? . . . . . —

Указатель журнальныхъ и газетныхъ статей за іюнь и за іюль 573

Алфавитный указатель личныхъ именъ 577

Весенніе мѣсяцы 1905 года, по всей справедливости, должны быть признаны историческими въ жизни православной русской церкви. Мѣсяцы эти полны были толками о коренной реформѣ въ строѣ нашей церкви; въ правящихъ же сферахъ проявлено было и движеніе къ ней, и движеніе — сколько настоятельное, столько же и стремительное. Вопросъ о реформѣ, «о созваніи собора епархіальныхъ епископовъ для учрежденія патріаршества и для обсужденія перемѣнъ въ церковномъ управленіи» повергаемъ былъ (въ концѣ мѣсяца марта), согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, на Высочайшее Государя Императора благоволзрѣніе.

Говорятъ, что вопросъ о церковной реформѣ носился въ воздухѣ сравнительно давно. Но если это и такъ, то мало кто объ этомъ зналъ, а другіе, хотя и знали, но не придавали вопросу этому значенія, какъ несбыточной мечтѣ, и потому о немъ мало думали, если совсѣмъ не забывали. Неудивительно, поэтому, если вопросъ о церковной реформѣ признается иными возникшимъ совершенно неожиданно. «Нежданно, негаданно, — говоритъ напр. А. Кирѣевъ,—мы предъ новымъ грознымъ *вопросомъ!* Какъ громъ изъ безоблачнаго неба пронеслась надъ Россіей вѣсть о коренномъ преобразованіи всего строя нашей церковной жизни».

Неожиданно возникшій вопросъ о церковной реформѣ такъ же неожиданно и до невѣроятности скоро и глубоко захватилъ своимъ интересомъ «всю читающую и мыслящую Россію, церковную и безцерковную, вѣрующую и безвѣрную, консервативную и либеральную». Этимъ вопросомъ печать и умы общества заняты были въ теченіе всей весны, и моментами, въ несравненно большей степени, чѣмъ даже внѣшними событіями на Дальнемъ Востокѣ. А казалось бы, не на этихъ ли событіяхъ должно было сосредоточиться все наше вниманіе, не эта ли, можно сказать, роковая война, послѣдствія которой могли совершенно измѣнить судьбу нашего отечества, должна была заслонить собою, отодвинуть на задній планъ всѣ другіе интересы общества?..

Церковною реформою печать и общество продолжали интересоваться и въ лѣтніе мѣсяцы, но уже не въ такой степени, какъ весной. Это ослабленіе интереса къ вопросу произошло, однако, не потому, чтобы вопросъ потерялъ свою важность и значеніе, а потому, во-первыхъ, что за три мѣсяца (точнѣе съ 17 марта) желавшіе успѣли уже достаточно полно и разносторонне его разсмотрѣть и обсудить, а во-вторыхъ — вниманіе къ вопросу въ одинаковомъ, необыкновенно сильномъ, напряженіи не могло долго, безъ конца, поддерживаться и по чисто психологическимъ законамъ. Должно, однако, замѣтить, что если въ лѣтніе мѣсяцы меньше стало удѣляться мѣста вопросу о церковной реформѣ на столбцахъ газетъ, то о немъ чаще и подробнѣе стали говорить со страницъ журналовъ, хотя почти исключительно только духовныхъ, съ кругомъ читателей несоизмѣримо меньшимъ, чѣмъ какой имѣютъ газеты.

Разумѣется, не всякій изъ интересующихся церковною реформою въ состояніи судить о ней самостоятельно. Огромное большинство даже изъ людей образованныхъ, интеллигентныхъ, смотрятъ на это чрезвычайной важности дѣло такъ, какъ оно представляется въ томъ или иномъ органѣ печати, который кому приходится читать. Но составляющійся подъ вліяніемъ газеты или журнала взглядъ, естественно, является неполнымъ, одностороннимъ. Слѣдить же съ должнымъ вниманіемъ и систематично за тѣмъ, что говорилось по вопросу въ другихъ газетахъ и журналахъ иного направленія, рѣдко для кого представлялось возможнымъ. Между тѣмъ, въ разнообразныхъ органахъ печати, свѣтскихъ и духовныхъ, по вопросу о церковной реформѣ высказано столько самыхъ разнообразныхъ мнѣній и сужденій, охватывающихъ вопросъ съ самыхъ иногда противоположныхъ точекъ зрѣнія, и многія изъ этихъ мнѣній и сужденій такъ интересны, новы и—главное—такъ иногда глубоки и содержательны, что желающему быть въ курсѣ даннаго вопроса, основательнымъ судьею въ немъ, оставаться въ невѣдѣніи ихъ и, такимъ образомъ, сознательно игнорировать ихъ—положительно невозможно.

Ораторы, подавшіе свой голосъ о церковной реформѣ чрезъ печать, могли бы составить очень большую группу духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, цѣлый, можно сказать, соборъ церковный, на которомъ оказались бы присутствующими епископы, архимандриты и священники, профессора высшихъ разсадниковъ просвѣщенія, преподаватели среднихъ и низшихъ учебныхъ заведе-

ній, писатели, публицисты и вообще—міряне. Въ рѣчахъ своихъ одни изъ этихъ ораторовъ дополняютъ другихъ, другіе критикуютъ, опровергаютъ третьихъ, эти защищаются, отстаиваютъ свои положенія, и въ полемикѣ,—иногда страстной, нервной, но всегда почти искренней, изобличающей въ противникахъ не одинъ лишь задоръ и горячность (была, къ сожалѣнію, и такая), но нерѣдко богатство познаній, блескъ ума,—истина выясняется до очевидности, до степени непререкаемости. И вопросъ о томъ, нужна ли и именно теперь церковная реформа, вопросъ о ея характерѣ, сущности и подробностяхъ, а также о способахъ ея осуществленія и проведенія въ жизнь, равно какъ и самая исторія возникновенія вопроса о церковной реформѣ—является ярко освѣщеннымъ, всесторонне обсужденнымъ, такъ что для всякаго, внимательно слѣдящаго за ходомъ полемики по данному вопросу, становится яснымъ его теоретическое и практическое рѣшеніе. Вотъ почему,—позволяемъ себѣ питать крѣпкую увѣренность,—изданный нами «Сборникъ» окажетъ существенную, можно даже сказать, незамѣнимую услугу какъ для всякаго сына православной церкви, любящаго ее, болѣющаго ея болѣзнями и ревнующаго о ея процвѣтаніи, такъ равно и для всякаго, желающаго безпристрастно разобраться въ поднятомъ временемъ сложномъ и трудномъ вопросѣ о реформѣ русской православной церкви и быть въ этомъ вопросѣ судьею компетентнымъ, съ твердыми, опредѣленными убѣжденіями.

Въ «Сборникъ» нашъ вошло если не все, то значительнѣйшая часть (не будемъ много противорѣчить дѣйствительности, если скажемъ—почти все) изъ того, что высказано было по іюнь мѣсяцъ въ свѣтской печати и по май—въ духовной по вопросу о коренномъ преобразованіи въ строѣ нашей церкви. Изъ «Церковнаго же Вѣстника» помѣщены и майскія статьи. Обширные размѣры, которые приняла книга, побудили насъ нѣкоторыя статьи духовныхъ журналовъ помѣстить не полностію, а въ извлеченіи, однако, возможно подробномъ.

По тому же побужденію нами опущены нѣкоторыя газетныя статьи, цѣликомъ или въ своихъ главныхъ положеніяхъ вошедшія въ другія, напечатанныя въ «Сборникѣ», статьи Но вообще, составляя свой «Сборникъ», мы желали быть строго объективными, а потому не позволяли себѣ произвольной выборки статей, намъ, такъ сказать, симпатичныхъ или отвѣчающихъ нашимъ взглядамъ на предметъ, а помѣщали всѣ появлявшіяся въ

печати статьи, не исключая и такихъ, которыя отъ первой своей строки до послѣдней совершенно противоположны нашимъ убѣжденіямъ.

Самою естественною системою въ расположеніи статей мы признали хронологическую. При этой системѣ читатель легко, наглядно уяснитъ себѣ, какъ быстро вопросъ о церковной реформѣ, при посредствѣ печати, захватилъ вниманіе общества, съ какою постепенностью онъ углублялся и расширялся, съ какою, также, постепенностію сужденія о немъ, начавшись въ столичной печати, стали занимать печать провинціальную, проникая въ газеты и самыхъ отдаленныхъ нашихъ окраинъ вплоть до Забайкалья и Амурскаго края, насколько, наконецъ, вопросъ этотъ сталъ занимать вниманіе общества ко времени изданія настоящей книги (м. августъ).

Имѣя въ виду издать второй томъ «Сборника» со статьями появившимися въ печати послѣ помѣщенныхъ въ настоящемъ томѣ, мы сочли нужнымъ нынѣ же сдѣлать въ концѣ книги особые «указатели» большинства газетныхъ и журнальныхъ статей по августъ мѣсяцъ, по которымъ читатель, не ожидая появленія второго тома «Сборника», могъ бы, съ меньшею затратою времени на подысканіе статей, самъ прослѣдить дальнѣйшую, по крайней мѣрѣ, по мѣсяцъ августъ, литературную разработку вопроса.

Настоящую книгу мы заканчиваемъ «Алфавитнымъ указателемъ личныхъ именъ», встрѣчающихся въ ней. Пользу подобныхъ указателей можно считать общепризнанною. Тѣмъ не менѣе, позволяемъ себѣ сказать нѣсколько словъ по поводу нашего «Указателя». Уже бѣглый просмотръ его показываетъ читателю, около какихъ историческихъ именъ сосредоточивается главный интересъ большинства статей по вопросу о церковной реформѣ, какія, слѣдовательно, историческія эпохи и событія затрогиваются и выступаютъ на первый планъ при обсужденіи этого вопроса. Съ другой стороны, «Указатель» рельефно подчеркиваетъ и тѣхъ лицъ, съ которыми отнынѣ неразрывно связана исторія грядущаго преобразованія церкви. Наконецъ, изъ «Указателя» видно, какіе писатели, какого направленія, наиболѣе приняли участіе въ обсужденіи поднятаго вопроса и на какіе авторитеты, начиная съ Христа Спасителя, апостоловъ и до нашихъ дней, ссылались они въ своихъ статьяхъ.

И. В. Преображенскій.

17 марта.

«Церковный Вѣстникъ» (№ 11-й).

Записка «32-хъ» столичныхъ священниковъ.—Статья *К. Перевозникова:* «Почему молчитъ духовенство?»

Въ этотъ день въ № 11-мъ «*Церковнаго Вѣстника*» появилась пространная записка группы (изъ 32-хъ) столичныхъ священниковъ. Записка эта, предварительно напечатанія, была представляема вниманію высокопреосвященнаго митрополита Антонія. Ея заглавіе и содержаніе слѣдующія:

О необходимости перемѣнъ въ русскомъ церковномъ управленіи.

Державною волею предрѣшено открыть недоставшій просторъ для свободнаго проявленія религіозной жизни какъ тѣхъ гражданъ Россійской имперіи, которые чужды свѣту христіанства, такъ и тѣхъ, которые восприняли этотъ свѣтъ внѣ чистаго отраженія его въ единой церкви Христовой, или отпали и отложились отъ нея по малозначительнымъ обрядовымъ недоразумѣніямъ. Предстоящее освобожденіе религіозной совѣсти отъ внѣшнихъ стѣсненій, ставящихъ извѣстные предѣлы иновѣрію, инославію и старообрядчеству въ огражденіе господствующей церкви, не можетъ не быть привѣтствуемо во всей полнотѣ духовной радости истинными сынами православной церкви, истинными ревнителями чистоты ея и святости. Въ сердцахъ ихъ всегда живы были слова апостола: «Кто ты, судящій чужаго раба? Предъ своимъ Господомъ стоитъ онъ или падаетъ; и будетъ возставленъ, ибо силенъ Богъ возставить его» (Римл. 14, 4). Эта духовная радость усугубляется отъ сознанія, что чрезъ обѣщаемое освобожденіе совѣсти «чужихъ рабовъ» съ самой православной церкви снимается тяжелое, обезоруживавшее ее въ словѣ и въ дѣлѣ, нареканіе, выставлявшее ее виновницей насилій и

гнета, которые производились подъ предлогомъ ея защиты, но не ею измышлены и по существу противны духу ея. Только по окончательномъ устраненіи всѣхъ поводовъ къ столь долго принижавшему нашу православную церковь нареканію можетъ пріобрѣсти или возстановить она «доброе свидѣтельство отъ внѣшнихъ» (1 Тим. 3, 7) и стать предъ внѣшнимъ міромъ во всей полнотѣ и яркости принадлежащаго ей свѣта.

Но церкви, для надлежащаго сіянія этимъ свѣтомъ, еще недостаточно возстановленія правды въ ея положеніи относительно внѣшнихъ. Внутри себя она есть, по божественному предначертанію, «святая святыхъ» обитающаго въ ней Духа Животворящаго и совершаетъ служеніе въ «святая святыхъ» душъ человѣческихъ, руководя своихъ чадъ совокупно и къ личной каждаго цѣли—спасенію во Христѣ и къ общей всѣхъ цѣли—созиданію царства Божія въ людяхъ, объединяемыхъ въ единое, словесное стадо Христово. Еще важнѣе сознанія своей правоты предъ внѣшними должно быть для нея сознаніе правоты своей внутренней, свидѣтельство обитающаго въ ней Духа, что внутри себя она живетъ только Его вѣчною правдою, что она свободна отъ мірскихъ началъ, не вѣдаетъ другихъ внушеній и повелѣній, кромѣ внушеній Духа Святаго и повелѣній своего божественнаго назначенія. Только церковь свободная въ исповѣданіи полноты своего самосознанія, во внутреннемъ строѣ своемъ, въ служеніи слова своего, въ управленіи всѣхъ дѣлъ своихъ и всего ей ввѣреннаго, только свободно самоуправляющаяся церковь можетъ поддерживать въ совокупности чадъ своихъ полную, сыновне чистую вѣру въ себя и вполнѣ обладать необходимымъ для осуществленія ея высокаго божественнаго призванія голосомъ, отъ котораго горѣли бы сердца человѣческія. Внѣ этой свободы церковь можетъ только пребывать, сохраняться, но жить, вліять, дѣйствовать такъ, какъ свойственно ей по ея природѣ, она не можетъ. Что же будетъ, если свободою религіозной жизни, исповѣдыванія и проповѣдыванія своей правды будутъ пользоваться всѣ виды большаго или меньшаго религіознаго заблужденія, всѣ религіозныя общества и союзы,—и только православная церковь, хранительница подлинной Христовой истины и благочестія, одна будетъ оставаться лишенною равной и одинаковой съ ними свободы? Ограниченный въ своемъ самоопредѣленіи и выраженіи голосъ церкви православной, подверженный подозрѣнію въ порабощенности мірскимъ, государственнымъ цѣлямъ и интересамъ, сможетъ ли противостоять свободнымъ, искреннимъ и убѣжденнымъ голосамъ исповѣдниковъ иновѣрія, инославія, старообрядчества, всякаго иномыслія, не будетъ ли заглушаться онъ этими голосами? А что голосъ церкви, признаваемой «первенствующею и господствующею», не имѣетъ соотвѣтствующаго

этому достоинству авторитета независимости и весьма часто представляется не только для чужихъ, но и для присныхъ несвободнымъ отъ стороннихъ вліяній и соображеній,—казалось бы, не слѣдуетъ и доказывать, въ виду напримѣръ основной статьи государственнаго законодательства, по которой: «Въ управленіи церковномъ Самодержавная Власть дѣйствуетъ посредствомъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, Ею учрежденнаго» (Св. Зак. т I, ч. 1, гл. VII, ст. 43).

Все чаще и чаще слышатся упреки и обвиненія православной церкви, что общественная жизнь отошла отъ ея вліянія, устрояется и обычно течетъ, не справляясь съ правдой Христовой и жизнію церковной; что созидающія силы общественной жизни сторонятся отъ церкви, не находя въ ней мужественнаго свидѣтельства о правдѣ общественной жизни, безбоязненнаго исповѣданія истины и предъ высшими, какъ предъ низшими; что въ дни общественной тревоги и потрясеній подлинный голосъ церкви Христовой, опредѣляемый ея божественнымъ призваніемъ, невозможенъ, а то, что говорится отъ лица церкви, является даже вреднымъ, ибо говорится лишь въ одномъ направленіи, въ одну сторону, и умаляетъ значеніе церковнаго слова; что отъ этого умножается число чадъ церкви, которыя уже не знаютъ гласа ея, не вѣрятъ ему, когда приходится его слышать, не идутъ къ ней и за ней, и многомного, если только относятся къ ней съ равнодушнымъ незлобіемъ. А вѣдь члены отходящаго отъ церкви общества суть утрачиваемыя словесныя овцы словеснаго стада Христова, болѣзнь которыхъ отражается страданіемъ и всѣхъ остальныхъ членовъ тѣла церковнаго (1 Кор. 12, 26) и за которыхъ пастыри церкви должны дать строгій отвѣтъ предъ Пастыремъ добрымъ, душу Свою положившимъ за овцы Свои. Знаменія времени ярче и властительнѣе, чѣмъ когда-либо, свидѣтельствуютъ въ переживаемую нами годину, что церкви надлежитъ выступить изъ несвойственнаго и недостойнаго положенія, вслѣдствіе котораго она является или силой дѣйствующей подъ вліяніемъ извѣстнымъ образомъ понимаемыхъ обязательствъ предъ государствомъ, или же ни теплымъ, ни холоднымъ спутникомъ и созерцателемъ человѣческихъ дѣлъ и общественной жизни. Необходимо, настоятельно необходимо, чтобы церковь возвратила себѣ всю силу плодотворнаго вліянія на всѣ стороны жизни человѣческой и всю мощь своему голосу. А для этого она должна возвратить себѣ прежде всего свободу, искони ей принадлежавшую и опредѣленную строемъ священныхъ каноновъ, пренебрегаемыхъ и забываемыхъ, но не могущихъ утратить своей исконной для нея обязательности.

«Стойте въ свободѣ, которую даровалъ вамъ Христосъ, и не под-

вергайтесь опять игу рабства» (Галат. 5, 1). Этотъ великій призывъ апостола звучитъ не для однихъ только вѣрующихъ единицъ и не только въ миновавшемъ уже значеніи свободы отъ ига ветхаго закона. Онъ вѣчно и повелительно звучитъ и для всей церкви, требуя между прочимъ охраненія самостоятельности и свободы церковной отъ всего, что порабощаетъ или грозитъ поработить ее внѣшнему игу мірскихъ началъ и цѣлей. Не подчиняться должна церковь условіямъ и требованіямъ общественной и государственной жизни, какой бы высоты, всегда впрочемъ относительной, ни достигали эти требованія; она должна дѣйствовать всегда какъ свободная благодатная сила, провозглашая лѣто Господне благопріятное. Свободный строй жизнедѣятельности церковной не можетъ подлежать усмотрѣнію человѣческому, не можетъ быть сочиненъ такъ или иначе, ибо во всѣхъ основаніяхъ и даже во всѣхъ главнѣйшихъ подробностяхъ онъ точно опредѣленъ восходящимъ къ апостольскимъ временамъ преданіемъ, увѣковѣченъ строемъ каноническихъ постановленій, сохраняющимъ въ этой части своей обязательную на всѣ времена силу и значеніе, но предоставляющимъ необходимый просторъ для согласныхъ съ нимъ приспособленій къ условіямъ мѣста и времени. Возстановленіе свободы церковной не можетъ и не должно быть совершено иначе, какъ чрезъ возстановленіе дѣйствительности ограждающихъ эту свободу священныхъ каноновъ во всей полнотѣ ихъ и чистотѣ. Если бы даже и представлялось возможнымъ въ настоящее время изобрѣтеніе лучшаго устроенія церковнаго управленія въ обезпеченіе свободы церковной, то это лучшее, будучи только мнѣніемъ среди мнѣній, ни въ чьихъ глазахъ не имѣло бы надлежащей авторитетности, подвергалось бы оспариванію и передѣлкамъ и вызывало бы только нареканія за отступленіе отъ стародавнихъ священныхъ началъ. Итакъ, стремленіе къ свободѣ церковной есть, какъ и должно быть, только стремленіе къ возстановленію начертаннаго канонами строя церковнаго самоуправленія, въ основномъ и существенномъ навсегда неотмѣннаго, ибо строемъ этимъ охраняется свобода церкви вселенской, единой въ вѣкахъ, и безъ него помѣстныя церкви не могли бы сохранить обязательный характеръ вселенскаго единства.

Нѣтъ возможности вкратцѣ описать съ надлежащей полнотою канонической строй церковнаго управленія. Но все же нелишнимъ, быть можетъ, будетъ здѣсь воспомянуть основоположныя черты домостроительства церковнаго въ предѣлахъ каноновъ вселенскихъ и признанныхъ вселенскою церковью помѣстныхъ соборовъ и каноническихъ правилъ святыхъ отецъ (6 всел. соб.. пр. 2).

Епископъ, засвидѣтельствованный при избраніи отъ клира и на-

рода мѣстной церкви, есть средоточіе и образецъ пастырства въ предѣлахъ церкви, ввѣренной его попеченію, центръ всей жизнедѣятельности и средоточіе любви церковной. Кромѣ вполнѣ исключительныхъ случаевъ нужды церковной, онъ навсегда неотдѣлимъ отъ своей паствы, не можетъ имѣть повышеній и пониженій, ибо санъ епископскій безусловно равенъ и тожественъ повсюду; ни одинъ епископъ ни въ чемъ не имѣетъ іерархическаго превосходства предъ другимъ; ни отъ кого не можетъ получать онъ внѣшнихъ наградъ и отличій, о которыхъ ничего не вѣдаютъ святые каноны. Но для того, чтобы быть дѣйствительнымъ, а не по имени лишь, пастыремъ ввѣреннаго ему стада, онъ совершаетъ пастырское служеніе свое,—во-первыхъ, совмѣстно съ сонмомъ пресвитеровъ, какъ своихъ совѣтниковъ, сотрудниковъ и сослужителей, и предъ лицемъ народа, въ общеніи всего тѣла церкви (Θеоф. Алекс. пр. 7,—6,—14; Вас. Вел. пр. 89; Ант. соб., пр. 25; Карѳаг., пр. 42, и др.),—а во-вторыхъ, въ предѣлахъ сравнительно малой въ численномъ и территоріальномъ отношеніи церковной единицы, всегда совпадавшей съ младшимъ дѣленіемъ государственной области, такъ что самомалѣйшіе только городки и мѣстечки могли быть оставляемы безъ епископа, да и то потому, что жизнь въ древнія времена несравненно болѣе, чѣмъ теперь, сосредоточивалась въ городахъ. Главный городъ области—митрополія—есть каѳедра митрополита или архіепископа, съ вѣдома котораго собираются посвященные исправленію всѣхъ областныхъ дѣлъ церковныхъ постоянные періодическіе соборы, но который самъ, помимо собора, не имѣетъ никакой власти ни надъ епископами своей области, ни надъ чѣмъ въ предѣлахъ ихъ епархій. Областной—митрополичій—соборъ, кромѣ совершаемаго имъ устроенія и упорядоченія дѣлъ церковныхъ, вѣдаетъ недоразумѣнія и несогласія между епископомъ и клириками или мірянами, и такія дѣла, которыя подлежатъ второй судебной инстанціи, и передаетъ ихъ, въ случаѣ недовольства и обжалованія, на разсмотрѣніе высшаго собора,—собора патріархата, по мѣрѣ нужды собираемаго. Припоминаемъ, что митрополичьи округа, сообразно областямъ римско-византійскаго государства, уступали въ размѣрахъ нашимъ губерніямъ, а отдѣльныя епархіи отнюдь не превосходили нашихъ уѣздовъ, какъ не превосходятъ онѣ и по сіе время въ греческой церкви. При такомъ только условіи осуществляется и можетъ осуществляться полнота сближенія епископа съ клиромъ и народомъ, упрощеніе служенія епископскаго, обезпеченіе его церковной высоты и возможность соборнаго управленія, безусловно облегчаемаго въ настоящее время удобствомъ сообщенія и передвиженій.

Если воспроизведенныя нормы каноническаго церковнаго строя

найдутъ мѣсто въ устроеніи и обезпеченіи церковнаго самоуправленія нашей православной церкви, то на первомъ планѣ должно стоять такимъ образомъ упорядоченіе и развитіе епархіальнаго управленія въ строгой сообразности съ духомъ каноновъ, узаконяющихъ широкій просторъ соборности въ церкви. Эта соборность корнями углубляется въ самостоятельную, широко развитую жизнь приходовъ, какъ низшихъ единицъ, ячеекъ жизни церковной, а вверху увѣнчивается повременными соборами всей церкви, предсѣдательствуемыми архіепископомъ царствующаго града, которые выдѣляютъ изъ себя для постояннаго, въ промежутки между этими соборами, управленія церковью священный или святѣйшій синодъ, подъ предсѣдательствомъ того же архіепископа. Отличаясь отъ другихъ епископовъ этой своей соборной честью, столичный архіепископъ ради нея, то-есть какъ предсѣдатель и представитель повременныхъ соборовъ всей церкви и правящаго синода, носитъ именованіе всероссійскаго патріарха.

Итакъ, по условіямъ настоящаго времени, для православной церкви неотложна необходимость получить исконную каноническую свободу. Но чтобы возвратить эту свободу, она должна возстановить въ полнотѣ и неприкосновенности каноническое церковное устроеніе, воспринятое по преданію апостольскому, отъ котораго она не должна была и не можетъ отступать.

На вопросъ—какъ же достигнуть великой и святой цѣли возстановленія канонической свободы православной церкви въ Россіи,—отвѣтъ, по нашему глубокому убѣжденію, можетъ быть только одинъ: чрезъ нарочито для сего созванный помѣстный соборъ русской церкви.

Статья *К. Перевозникова:*

Почему молчитъ духовенство?

Въ 18 № газеты «Русь», въ статьѣ «Бюрократія въ духовенствѣ», неизвѣстнымъ авторомъ затронутъ вопросъ объ отношеніи духовенства къ текущимъ явленіямъ общественной жизни. Статья приглашаетъ искренно желающихъ блага своей родинѣ людей изъ среды духовенства «отозваться горячимъ свободнымъ словомъ въ защиту своихъ и чужихъ человѣческихъ правъ». «Общество,—говоритъ авторъ,—ждетъ отъ нихъ этого слова. Если оно его не услышитъ теперь, то вправѣ будетъ заключить о безжизненности духовнаго сословія. Молчать теперь преступно»...

Да, молчать въ такіе историческіе моменты, какъ нынѣ переживаемый, молчать, когда говорятъ всѣ и когда необходимо говорить, пре-

ступно. Но вправѣ ли общество, на основаніи этого молчанія, заключить о безжизненности духовнаго сословія, — вопросъ болѣе чѣмъ сомнительный.

Невѣрно, будто духовенство «молчитъ, не сознавая, что этимъ молчаніемъ оно становится соучастникомъ всѣхъ ошибокъ бюрократіи». Эти ошибки слишкомъ больно бьютъ его по сердцу, слишкомъ тяжелымъ гнетомъ ложатся на его и безъ того безотрадную жизнь. Оно стонетъ и изнемогаетъ подъ бременемъ этихъ роковыхъ ошибокъ, которыя создаютъ ему и массу ненужнаго, непроизводительнаго труда, и фальшивое положеніе въ обществѣ, и адское душевное состояніе. Но молчитъ, какъ молчало и претендующее на судъ надъ духовенствомъ общество и сама граждански мужественная *нынѣ* печать, по необходимости.

О нашемъ духовенствѣ мало сказать, что «уста его скованы мертвящей силой церковной бюрократіи». О немъ справедливѣе сказать, что оно лишено бюрократіей (церковной ли?!) всѣхъ правъ и преимуществъ и приговорено къ пожизненной ссылкѣ въ каторжныя работы.

Какъ каторжное, оно навсегда *прикрѣпощено* къ своей рясѣ *); какъ каторжному, ему великодушно предоставлены *одни только* святыя обязанности,—обязанности тяжелыя и отвѣтственныя, часто одна съ другой несовмѣстимыя (школа и приходъ), но одинаково строго предписываемыя неумолимой администраціей; какъ каторжное, оно лишено даже суда. Впрочемъ, виноватъ: къ его услугамъ два суда—свѣтскій и духовный, и потому оно... *сугубо* подлежитъ *карательной* силѣ законовъ, но не вѣдаетъ сладости судебной защиты и охраны, которыя считаются для него *неумѣстными*...

Многіе ли знаютъ, что *фактически* духовенство безправнѣе и беззащитнѣе любого мужика? У мужика есть много способовъ хоть искать, если не находить, удовлетворенія своихъ обидъ: къ его услугамъ и земскій начальникъ, и уѣздный съѣздъ, и уѣздный членъ суда, и окружной судъ, и судебная палата, и сенатъ. Все это *судебныя*, хотя бы и не всегда удовлетворительно судящія, инстанціи. Но кому, кромѣ Бога, повѣдаетъ печаль свою духовенство? Кому, напримѣръ, прикажете жаловаться на о. благочиннаго, если ему не понравится ваша физіономія и онъ начнетъ васъ съ достойнымъ лучшей участи усердіемъ тѣснить и преслѣдовать? Консисторіи? Но всѣ ли знаютъ, что такое консисторія? Доказывайте, сколько хотите, этому почтенному ареопагу, что вы правы, что вашъ насильникъ и притѣснитель оболгалъ васъ,—доводы ваши будутъ «оставлены безъ послѣдствій».

---

*) Не въ «рясобоязни» ли наша главная бѣда? *Прим. цензора*

Вы можете, правда, апеллировать къ епископу. Но не обольщайтесь сладкими надеждами на непремѣнный успѣхъ! Во-первыхъ, благочинный—одно изъ очей епископа—часто бываетъ у послѣдняго, втирается въ его довѣріе и потому говоритъ и дѣйствуетъ безапелляціонно; во-вторыхъ, многіе епископы не менѣе консисторій повинны въ ревнивомъ, во что бы то ни стало, обереганіи своей власти; въ-третьихъ, жалоба ваша всенепремѣнно будетъ сдана «въ консисторію на разсмотрѣніе», а тамъ по ней будетъ затребовано объясненіе благочиннаго, котораго вамъ не покажутъ и возражать на которое *не позволятъ*...

Если такъ трудно тягаться съ благочиннымъ, то что же станете дѣлать, подпавъ воздѣйствію личнаго усмотрѣнія «епархіальнаго начальства»? И жалобы въ Синодъ нисколько не помогутъ.

А между тѣмъ епископъ можетъ лишить васъ и семью вашу куска хлѣба, заклеймить васъ званіемъ преступника, лишить свободы заключеніемъ въ монастырь, запретить священнослуженіе, низвести въ причетники,—словомъ, однимъ взмахомъ пера, такъ часто отражающимъ минутное настроеніе пишущаго, можетъ отнять у васъ то, что вправѣ отнять одинъ только безпристрастный, лично не заинтересованный судъ.

И думаете, нужно для этого сильное прегрѣшеніе? Часто совершенно никакого грѣха не требуется. Достаточно, если вы имѣете «благороднаго» врага, который въ минуты творческаго воодушевленія удостоитъ васъ анонимнымъ, полнымъ лжи и инсинуацій, доносомъ, а въ средѣ вашихъ прихожанъ найдется десятокъ—другой такихъ же рыцарей подполья, которые, дѣйствуя заодно съ «литераторомъ», продадутъ ему свои лжесвидѣтельства.

Вотъ и пиши и протестуй, при такихъ условіяхъ, противъ «печенѣжскаго охраненія интересовъ церкви».

Нѣтъ, надо удивляться не безжизненности духовнаго сословія, въ которой *давно уже* несправедливо обвинило его общество, а его живучести. Надо удивляться тому, что, находясь въ такихъ невыносимо тяжелыхъ условіяхъ существованія, оно не угасило въ себѣ духа, не потеряло былыхъ идеаловъ.

Волна жизни неудержимо въ немъ клокочетъ. Дайте только ей выходъ, обратитесь къ нему со словомъ довѣрія, котораго оно, не по своей только винѣ, давно не слышитъ вокругъ себя.

18 марта.

Замѣтка «**Новаго Времени**» (въ № 10.429-мъ)

о запискѣ группы священниковъ и по поводу ея

«*Новое Время*», перепечатавъ записку, сдѣлало о ней и по поводу ея такое краткое замѣчаніе:

«Мы слышали, что Св. Синодъ постановилъ ходатайствовать передъ Государемъ Императоромъ о созывѣ помѣстнаго собора русской православной церкви.

«Объясненіемъ къ этому постановленію можетъ служить, по нашему мнѣнію, перепечатываемое нами изъ «*Церковнаго Вѣстника*» мнѣніе группы столичныхъ священниковъ «О необходимости перемѣнъ въ русскомъ церковномъ управленіи». Это мнѣніе дышетъ стремленіемъ къ свободѣ церковной, къ возстановленію начертаннаго законами строя церковнаго самоуправленія. Какъ достигнуть этой свободы православной церкви въ Россіи? Только «чрезъ нарочно для сего созванный помѣстный соборъ русской церкви»,—отвѣчаетъ духовенство».

19 марта.

Статья «**Новаго Времени**» (№ 10.430-й):

Чиновники въ духовномъ вѣдомствѣ.

Подавленность вообще всего русскаго и наконецъ цѣлой Россіи чиновничествомъ ни въ какомъ мѣстѣ не отражается такою болью и не приноситъ плодовъ столь тусклыхъ, безсочныхъ, немощныхъ, какъ въ самой утонченной и чуткой области—религіозной. Объ этомъ горѣ—давно говорилось во всей русской литературѣ. Пламенное перо Хомякова, Ив. Аксакова, Вл. Соловьева наносило постоянные удары въ эту стѣну, но безъ всякаго результата. «Русская церковь съ Петра Великаго въ параличѣ лежитъ» — эта фраза Достоевскаго привилась какъ пословица

въ нашей печати. Всѣ бы мы хотѣли слышать голосъ церкви; такой или иной голосъ, но непремѣнно самой церкви, безъ подсказыванія. Намъ это важно даже въ качествѣ освѣдомленія, если не авторитета. Но мы слышимъ только голосъ чиновниковъ въ мундирѣ и со свѣтлыми пуговицами, который диктуетъ духовному лицу свои мнѣнія или смотритъ на него такими глазами, что у того языкъ не шевелится и мысли путаются. Даже такія свѣтила, какъ митрополиты Платонъ и Филаретъ, не могли составить талантомъ, вѣрою и дѣлами своими «момента» въ исторіи церкви за XVIII и XIX вѣкъ, главы въ церковной исторіи. Исторія русской церкви XVIII и XIX вв., какъ исторія итоговъ въ направленіи ея, въ духѣ ея и въ ходѣ всѣхъ дѣлъ, сюда относящихся, раздѣляется на «главы» вовсе не по восхожденіямъ и нисхожденіямъ на митрополичьи каѳедры тѣхъ или иныхъ лицъ, и даже всѣхъ ихъ вмѣстѣ, а раздѣляется на рубрики по назначеніямъ и по увольненіямъ лицъ въ оберъ-прокуратурѣ Св. Синода. Умеръ митрополитъ—что произойдетъ? Ничего. Но если умеръ оберъ-прокуроръ? Произойдетъ полная перемѣна во всѣхъ дѣлахъ. Была эпоха Протасова; вонъ—эпоха Голицына; наступила эпоха Толстого. А Филаретъ или Платонъ только «витійствовали». Въ «приличныхъ случаяхъ» произносили приличное «слово». И самое «слово»-то было до того оформленное, офиціальное и заранѣе всѣмъ извѣстное, что новизну могъ представить для слушателя только какой-нибудь особенно величественный оборотъ мысли или пышное сравненіе. Великой имперіи нельзя, конечно, существовать безъ всякаго краснорѣчія, но русскому народу хотѣлось бы еще и вѣры и церкви. Но вотъ на вопросъ о нихъ-то приходится въ отвѣтъ только покачать головой. Для мужичковъ, для купцовъ, конечно, и сущее умилительно, но для образованныхъ классовъ довольно тоскливо.

Дѣловой центръ, да даже и паѳосъ «духовныхъ дѣлъ» находится въ кабинетѣ оберъ-прокурора Св. Синода и въ его оберъ-прокурорской канцеляріи. Безъ соизволенія отсюда не можетъ быть замѣщена ни одна преподавательская каѳедра въ семинаріи или духовной академіи, не будетъ учреждено никакое «братство» или «попечительство», даже не будетъ произведенъ капитальный ремонтъ губернскаго или уѣзднаго храма. Это о вещахъ; но то же можно сказать и о людяхъ, о лицахъ. Перемѣщенія архіереевъ съ епархіи на епархію, то съ повышеніемъ «за службу», то съ пониженіемъ «въ порицаніе», увольненіе ихъ, въ случаѣ «прорухи»—«на покой» или вызовъ на зимнюю сессію для присутствованія въ Синодѣ, т.-е. все-таки для нѣкотораго, хоть и призрачнаго, участвованія въ церковной власти—все это дѣлается по «докладу» или рекомендаціи и указанію, вообще по волѣ оберъ-прокуратуры. «На все

воля Божія»—говоритъ народъ о физической природѣ, а о нравственно-духовной области надо сказать: «на все воля оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода». Конечно, догматовъ онъ не мѣняетъ. Но оттого, что никто ими особенно и не интересуется. Они, какъ корни церкви: живутъ и дѣлаютъ свое дѣло, оставаясь невидимы. Листва, стволъ, сучья церкви—все видимое въ ней—его имѣетъ своимъ садовникомъ, поливщикомъ, воздѣлывателемъ. Насколько въ каждый данный моментъ церковь есть сумма живыхъ лицъ, живыхъ мнѣній и живого распорядка дѣлъ—она творится оберъ-прокуроромъ и имѣетъ въ немъ своего «родителя» и «отца». Тѣ древніе «отцы», которые собирались на соборы, все-же не всегда бывали между собою согласны; а оберъ-прокуроръ одинъ и уже всегда самъ съ собою согласенъ.

Мы позволяемъ себѣ говорить обо всемъ этомъ потому, что придерживаемся древняго воззрѣнія на церковь, какъ на необозримый «приходъ», объемлющій всю націю. А прихожане весьма и весьма могутъ судить о службѣ своего «батюшки», которымъ въ данномъ обще-національномъ случаѣ ужъ и не знаемъ кого наречь.

Прежде всего повалимъ одно старое «пугало», указывая на опасность котораго едва-ли оберъ-прокуроры и не получили свою исключительную власть. Это — угроза повтореніемъ исторіи Никона. Но ужъ если даже Никонъ, единственное въ нашей исторіи лицо по силѣ энергіи, по страстности и властолюбію, не могъ удержаться противъ «тишайшаго» Алексѣя Михайловича, притомъ до суевѣрности набожнаго,—то, значитъ, въ самыхъ элементахъ духовной іерархіи нисколько не содержится началъ, могущихъ сопротивляться громадѣ царскаго авторитета. Исторія Никона показываетъ обратное тому, что изъ нея выводятъ: невозможность, а при возможности полную безопасность такого «соперничества». Прибавимъ къ этому, что уже темныя времена никогда не вернутся; что образованіе, наука, свободное гражданство и литература такъ ограничили духовный авторитетъ въ его специфическихъ притязаніяхъ, что, конечно, забота должна быть направлена скорѣе на поддержаніе этого, все болѣе падающаго, авторитета, нежели сколько-нибудь на борьбу съ его непроявленными «поползновеніями». Боимся—чего нѣтъ; а что есть и страшно—не боимся.

Власти, особенно чрезмѣрной, духовенство уже никогда не получитъ. Просто—не та цивилизація, не тотъ фазисъ исторіи. Но мы всѣ и цѣлый русскій народъ хотѣли бы духовенству, во всякомъ случаѣ, независимости, свободы и достоинства. Къ авторитету его не пустятъ; но и въ темницѣ незачѣмъ держать. Въ темницѣ «духовной», осторожно въ путаницѣ законоположеній спрятанной, и которая еще болѣе

страшна, ибо отсюда невозможенъ крикъ, такъ какъ сбѣжавшіеся на него осудили бы кричащаго: «вотъ кричитъ человѣкъ, что онъ въ темницѣ, когда мы ни стѣнъ ея, ни оковъ не видимъ».

Въ № 9 «Русскаго Труда» помѣщено письмо къ редактору его, г. Шарапову, епископа новомиргородскаго Димитрія (Херсонской губ.). Письмо это опредѣляетъ положеніе церкви какъ глубоко «темничное». Слова мужественнаго пастыря такъ важны, что мы должны цитировать ихъ буквально, такъ какъ важны ни одни слова, но и уста, изъ которыхъ они выходятъ. «Я и раньше думалъ и говорилъ въ частныхъ бесѣдахъ съ окружающими меня лицами, что единственное спасеніе Россіи отъ надвигающихся на нее бѣдъ заключается въ дарованіи св. православной русской церкви свободы отъ владычества чиновниковъ и бюрократовъ. Это истина очевидная, и предстоитъ усиленно говорить о церковной реформѣ. Ни одинъ православный русскій епископъ и даже никто среди самаго образованнаго высшаго нашего духовенства не станетъ оспаривать истину, что необходимо освободить русскую православную церковь отъ подчиненія чиновникамъ. Не сознаетъ еще или плохо сознаетъ эту мечту только среднее сельское, приходское духовенство, воспитанное по семинарскимъ учебникамъ, въ которыхъ, согласно Духовному Регламенту, доказывается, что при нынѣшнемъ Синодальномъ управленіи въ русской церкви больше соборности, чѣмъ было при патріархахъ и всероссійскихъ митрополитахъ. Поэтому предстоитъ еще трудъ много и много разъ объяснять духовенству ту истину, что современное управленіе въ православной русской церкви не всегда согласуется съ церковными канонами и что положеніе его подъ властью чиновниковъ крайне ненормально, а потому необходима коренная церковная реформа». Далѣе епископъ говоритъ, что реформа должна идти двояко: снизу—какъ возстановленіе древняго прихода, и сверху—какъ преобразованіе высшаго управленія. Минуя первое, остановимся на второмъ. «Реформа сверху, — продолжаетъ владыка, — зависитъ отъ воли нашего Самодержавнаго Государя, который однимъ своимъ Царскимъ словомъ, однимъ почеркомъ пера можетъ даровать эту свободу церкви. Но вотъ вопросъ: какъ мы, ревнители церковной свободы, можемъ довести о ея нуждахъ до слуха Царева? Какъ мы можемъ умолить нашего Батюшку Царя, чтобы Онъ даровалъ эту свободу русскимъ сынамъ св. православной церкви? Кто можетъ разъяснить и доложить Государю нужды церковныя. Только одинъ оберъ-прокуроръ Св. Синода. Первенствующій митрополитъ едва-ли это можетъ сдѣлать при настоящихъ нашихъ церковныхъ порядкахъ. А оберъ-прокуроръ рѣшится-ли доложить Государю о томъ, что лучше освободить православную русскую

церковь отъ власти чиновниковъ? Не значитъ-ли это, что оберъ-прокуроръ долженъ самоотверженно отказаться отъ своей огромной власти надъ вѣдомствомъ православнаго исповѣданія. Имѣемъ ли мы возможность разсчитывать на такое великое самоотверженіе? Помимо же оберъ-прокурора по существующимъ порядкамъ никто изъ православнаго духовенства не можетъ подать своего голоса Государю. Такимъ образомъ одни представители православнаго духовенства безъ мірянъ оказываются совершенно связанными по рукамъ и ногамъ».

Давно слѣдовало заговорить объ этомъ, что какъ «вѣра безъ дѣлъ мертва есть», такъ и «церковь безъ мірянъ тоже мертва есть , т. е. не дѣйственна, безсильна, почти не реальна. Конечно, духовная іерархія со своей стороны и въ своей спеціальной сферѣ, ну хоть бы въ сферѣ семейнаго права, должна очень и очень позаботиться о мірскомъ интересѣ, о мірскихъ нуждахъ. И тогда уже само собою и у мірянъ появится доброе желаніе помочь іерархіи въ ея довольно безпомощномъ положеніи. При теперешнемъ высоко-образованномъ оберъ-прокурорѣ Святѣйшаго Синода, быть можетъ, возможно говорить и о скромномъ самоограниченіи чиновничества около церкви. Вѣдь если въ сферу школы, дотолѣ земской и министерской, онъ нашелъ нужнымъ ввести церковь, то не понятнѣе ли изъ церкви устранить неподобающій ей элементъ чиновничества.

---

20 марта.

«Новое Время» (№ 10.431-й).

Статьи *епископа Нарвскаго Антонина* и сотрудника газеты *В. Розанова.*

Статья *епископа Антонина:*

На зарѣ.

Открывается монументальный входъ въ палату государственнаго разума, и приближается къ ней колыхающееся шествіе разновѣрныхъ процессій. И ждутъ православные съ тревогой: ужели апостолъ Павелъ пройдетъ попрежнему прикованнымъ къ рукѣ центуріона?

Да будетъ превознесено имя, коему должно принадлежать безсмертіе благословенія. Мы ощутили доблесть Цареву дать свободу религіоз-

ной жизни подданнымъ, и на сердце Ему же взошло попеченіе о матери своей, осѣняющей державу Его, церкви православной. Синоду обращено изволеніе укрѣпить владычество господствующей вѣры. И мы стоимъ на пути умилительныхъ надеждъ и возрожденія нашей духовной бодрости и христіанской силы. Боль сиротливости стихаетъ, и высится алтарь народной святыни, который мы обступаемъ съ благоговѣйнымъ трепетомъ растроганной души. Занимается заря искренности, а для одушевленныхъ любовію къ родинѣ сердецъ надежда безтрепетнаго, крестомъ осѣняемаго, біенія. И встаетъ первосвященникъ Русской земли, и несетъ на раменахъ своихъ скорби страны, и входитъ въ скинію власти и полагаетъ къ подножію могущества сердце народа. Царь видитъ біеніе его и слышитъ вопли его. И звучитъ голосъ блюстителя небеснаго ученія. Ибо пастыри суть подданные царей, но по духу вѣры они отцы царей.

Открывается путь истинѣ къ началамъ и ко властямъ земнымъ. Утверждается дерзновеніе блюсти правду и посрамлять измѣняющихъ ей. И умножается богатство царствованія усиленіемъ любви народной. Синодъ проситъ у Царя соизволенія Его и мановенія, чтобы поднялся отъ лица земли церковный голосъ рвенія на избраніе богомольца и теплаго печальника за страждущую отчизну передъ престоломъ Божіимъ и передъ тропомъ земнымъ—всероссійскаго патріарха.

Статья *В. Розанова:*

Тревожный «слухъ».

Въ печати нашей прошло безъ всякихъ отраженій извѣстіе отъ 17 марта, которое, не живи мы такъ торопливо и поверхностно, должно бы вызвать величайшее безпокойство. «По весьма достовѣрнымъ слухамъ, вопросъ о пересмотрѣ государственнаго положенія нашей православной церкви и о необходимыхъ преобразованіяхъ въ строѣ церковнаго управленія *изъятъ* изъ вѣдѣнія Особаго совѣщанія при Комитетѣ Министровъ и переданъ въ Святѣйшій Синодъ».

Такъ какъ въ Особомъ совѣщаніи былъ выслушанъ голосъ высокопреосвященнаго митрополита петербургскаго по вопросу старообрядческому и сектантскому, и вся Россія узнала съ радостью о его ходатайствѣ передъ этимъ правительственнымъ учрежденіемъ однажды навсегда избавить духовенство отъ обязанности доносить на «иномыслящихъ» и тѣмъ охранять незапятнанною свою священническую репутацію, — то, конечно. Особое совѣщаніе такимъ же путемъ могло освѣдомиться. че-

резъ приглашеніе въ себя, и о взглядѣ остальныхъ семи *духовныхъ* членовъ Св. Синода. «Духовнымъ Регламентомъ» Петра Великаго предвидѣны и предустановлены *общія* засѣданія Св. Синода и Правительствующаго Сената, изъ которыхъ послѣдній имѣлъ по мысли Преобразователя чрезвычайно широкія полномочія. Какъ при самомъ Петрѣ Великомъ, такъ и при послѣдующихъ государяхъ XVIII вѣка происходили неоднократно такія *соединенныя* засѣданія Синода и Сената для разсмотрѣнія дѣлъ на смежной чертѣ государства и церкви. Очевидно, Особое совѣщаніе, поставленное теперь приблизительно въ предѣлахъ древняго Сената, съ обширнымъ правительственнымъ значеніемъ, могло бы, а мы думаемъ—и *должно* бы, по вопросу «о государственномъ положеніи нашей православной церкви», устроить засѣданія *общія* съ наличнымъ немногочисленнымъ составомъ Св. Синода, гдѣ члены послѣдняго могли бы высказаться съ такою же независимостью, какъ митрополитъ Антоній, о поднятыхъ вопросахъ. И притомъ они могли бы излагать свои взгляды вслухъ всей Россіи такъ, какъ постановленія Особаго совѣщанія публикуются. Россія, т. е. православный народъ, есть не что-нибудь пустое въ религіозно-церковной области, но онъ есть «самое тѣло церкви» по опредѣленію извѣстнаго посланія восточныхъ патріарховъ къ римскому папѣ въ половинѣ XIX вѣка, составленнаго въ отвѣтъ на его приглашеніе пріѣхать на замышляемый послѣднимъ соборъ... «Мы съ народомъ явиться не можемъ, а безъ народа мы не есть церковь, и мнѣніе наше безъ его одобренія не есть мнѣніе церковное»,— отвѣтили іерархи Востока. По Хомякову, да и по основному ученію догматовъ православныхъ о «соборной церкви», т. е. о церкви «народной», не одно священство церкви, а весь народъ православный есть хранитель и оберегатель и даже конечный судія вѣры. Это отличіе Востока отъ Запада, можетъ быть, болѣе существенное и во всякомъ случаѣ болѣе практически-жизненное, чѣмъ споръ о «filioque». На этомъ и только на одномъ этомъ основана наша борьба противъ «папизма», который можно назвать, при раскрытыхъ скобкахъ, «іерархизмомъ» церковнымъ. На этой особенности Восточной церкви было основано, что когда митрополитъ и епископы русскіе, вернувшись съ Флорентинскаго собора, принесли въ Россію «соединеніе церквей», то народъ ихъ рѣшеніе отвергъ, сами они были низвергнуты, и «соединеніе», іерархически признанное, одобренное и состоявшееся, — народно не состоялось. Таковы факты и такова лежащая подъ ними высокая теорія. Народъ есть церковь, Ecclesia, Ἐκκλησία, т. е. «народное собраніе». Слово Ἐκκλησία, т. е. «церковь», употреблялось еще при Периклѣ, и, взявъ этотъ политическій терминъ древней самоуправляющейся античной об-

щины въ *имя* себѣ, отцы соборовъ вселенскихъ никогда и не мыслили «церковь» иначе, какъ въ смыслѣ *громады* народной, цѣльной *націи*. Вотъ отчего іерархи, высказывая взгляды свои по вопросу, напримѣръ, о «положеніи православной церкви въ государствѣ», должны быть осторожны и также оглядываться на народъ, взвѣшивая возможное его мнѣніе, возможное согласіе и несогласіе, какъ должны бы были по догматическому ученію сдѣлать, отправляясь на Флорентинскій соборъ

Возвращаемся къ Особому совѣщанію. Здѣсь, и только здѣсь, среди государственныхъ людей, отъ которыхъ они служебно независимы, которыхъ они не имѣютъ причины стѣсняться подъ страхомъ вѣчной угрозы «увольненія на покой», т. е. лишенія службы, средствъ жизни и пр. и возвращенія къ состоянію нищаго монашества, здѣсь они высказались бы по движенію сердца, ума и знанія церковнаго ученія и церковной исторіи. Здѣсь мы услышали бы голосъ своего духовенства, знали бы рѣшеніе церкви. Нѣтъ сомнѣнія, что «изъятіе» изъ Особаго совѣщанія подлежащихъ вопросовъ состоялось вовсе не по требованію митрополита Антонія, который уже успѣлъ высказаться здѣсь въ преобразовательномъ духѣ. Все дѣло, очевидно, готовится быть изъято изъ этого совѣщанія *всѣхъ* министровъ и перенесено къ обдумыванію *одного* министра; и изъ обще-русскаго національнаго дѣла оно должно будетъ составить «дѣло за № 1583» (положимъ) въ синей папкѣ «канцеляріи» того же министра. Извѣстна департаментская поговорка: «дѣло не медвѣдь—въ лѣсъ не убѣжитъ», т. е. торопиться ни съ какимъ «дѣломъ» не слѣдуетъ. И если слухъ, «весьма достовѣрный» по сообщенію, основателенъ, то вопросъ какъ старообрядческій, такъ и иновѣрческій, и вообще весь вѣроисповѣдный вопросъ, пожалуй, «заляжетъ на зиму спать въ берлогу», запертый на крѣпкій ключъ въ письменномъ столѣ одного изъ министровъ. При такихъ условіяхъ, пожалуй, будетъ доказано на «соборныхъ уложеніяхъ», что православіе не устоитъ, если, не дай Богъ, выплыветъ изъ бокового кармана и «записной книжки» такого-то чиновника, «въ приказахъ посѣдѣлаго», на свѣтъ Божій, на вольный духъ.

Такъ думный дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый,
Добру и злу внимаетъ равнодушно.

Библиотека [illegible]

21 марта.

Статья «**Новаго Времени**» (№ 10.432-й):

Управленіе и самоуправленіе въ духовномъ мірѣ

Замѣчательная по содержательности статья: «О необходимости перемѣнъ въ русскомъ церковномъ управленіи», напечатанная въ № 11 «Церковнаго Вѣстника» 17 марта и перепечатанная у насъ 18 марта въ № 10.429, являетъ собою коллективный голосъ нѣсколькихъ петербургскихъ священниковъ, которые представили это свое мнѣніе по очень высокому адресу, и здѣсь также нашли свое одобреніе. Такимъ образомъ все изложенное здѣсь имѣетъ характеръ менѣе литературный и болѣе дѣловой, служебный, практически-дѣятельный. Въ этомъ «мнѣніи» указуется:

1) Отсутствіе свободы православной церкви, которая не только не есть «господствующая» въ отношеніи чего-либо внѣшняго, но не «господствуетъ» даже и надъ своими собственными поступками, дѣяніями, мнѣніями. Титулъ «господствующей» является мало позволительною ироніею въ отношеніи скорѣе къ «заключенной въ узахъ», о чемъ свидѣтельствуетъ какъ разсматриваемая статья, такъ и компетентный голосъ викарнаго епископа Антонина, который сравниваетъ теперешнее состояніе съ положеніемъ ап. Павла, «прикованнаго къ рукѣ римскаго центуріона». Совершенно для каждаго прозрачно, какія именно лица, должности и учрежденія соотвѣтствуютъ «римскому центуріону».

2) Отсутствіе каноничности въ устроеніи какъ высшаго, такъ равно и средняго и низшаго церковнаго управленія. Духовенство и въ частности епископы русскіе по одной особенной причинѣ должны чувствовать это съ необыкновенною болью. Зрѣлище таковой неканоничности,— о которой писалось многими и ранѣе (Хомяковъ, Ив. Аксаковъ, Вл. Соловьевъ), и вообще она составляетъ обще-признанный и обще-извѣстный фактъ,—должно поселять во всякомъ принимающемъ санъ епископѣ непрестанное въ будущемъ угрызеніе совѣсти и сознательную ложь при посвященіи. Именно, принимая свой санъ, беря жезлъ управленія, будущій епископъ «исповѣдуетъ» торжественно въ церкви, во время богослуженія, въ присутствіи сонма другихъ епископовъ, что онъ ни въ чемъ самъ не отступитъ и никого во ввѣренной ему епархіи не до-

пустить до отступленія отъ каноновъ церкви. Между тѣмъ и онъ, вновь нареченный епископъ, и епископы, передъ которыми онъ произноситъ «исповѣданіе», знаютъ равно о нарушенности этихъ каноновъ въ томъ самомъ управленіи, въ которомъ принимаютъ участіе, и не могутъ, безсильны или слабовольны протестовать противъ этого, какъ должны бы по произносимому «исповѣданію». Такимъ образомъ въ самый первый и волнующій моментъ, долженствующій неизгладимо лечь на душу нарекаемаго епископа, онъ вынужденъ бываетъ произнести неправду. Для чиновниковъ духовнаго вѣдомства, которые подобныхъ «исповѣданій» не произносятъ, на литургіи не служатъ и вообще только раціонально «служатъ» въ своемъ вѣдомствѣ, можетъ казаться «пустяками» указываемое здѣсь обстоятельство, и на маленькую «заминку» въ совѣсти епископа они могутъ смотрѣть «сквозь пальцы». «Ничего, стерпится—слюбится: и до него всѣ также произносили, и Ѳеофанъ Прокоповичъ, и Платоны, и Филареты». Но есть вещи, которыя никакъ не могутъ «стерпѣться и слюбиться», и къ числу такихъ вещей принадлежитъ ложь, которая, какъ заноза, болитъ и не можетъ не болѣть въ совѣсти. Было трудно и Филаретамъ, и Платонамъ. Было всѣмъ трудно, не можетъ не быть трудно каждому посвящаемому вновь епископу. По словамъ статьи «Церковнаго Вѣстника», епископъ, вновь возводимый въ санъ, долженъ быть «при избраніи засвидѣтельствованъ отъ клира и народа». Не всѣмъ ясно, что это значитъ. Строй церкви, строй ея управленія до «раздѣленія церкви» былъ общимъ, одинаковымъ на Востокѣ и Западѣ. Всѣ помнятъ изъ гимназическихъ учебниковъ, что «римскій епископъ», будущій папа, первоначально избирался «добрымъ римскимъ народомъ», плебсомъ и патриціями «Вѣчнаго города», т. е. по канонамъ паствою. И только когда въ Западной церкви былъ замышленъ громадный переворотъ въ пользу іерархическихъ поползновеній и въ цѣляхъ отдѣленія и противопоставленія іерархіи — народу, плебсу, только тогда была проведена громадная реформа, въ силу которой римскій епископъ, въ то время уже начавшій получать всемірное значеніе, началъ избираться «коллегіею кардиналовъ», которая замѣнила собою плебсъ, паству. Такимъ образомъ краткое и темное выраженіе статьи «Церковнаго Вѣстника» о «засвидѣтельствованіи при избраніи отъ клира и народа мѣстной церкви» (т. е. епархіи), обозначаетъ собою ту богатую и свѣтлую истину, что какъ приходъ, по канонамъ, избираетъ любовію своею и уваженіемъ приходскаго священника, такъ городъ (у насъ — губернскій, въ древности—митрополія греко-римской области) избираетъ себѣ изъ сонма извѣстныхъ ему жизнію, подвигомъ, ученіемъ и словомъ духовныхъ лицъ—епископа. По другому требованію, содержащемуся въ

«Апостольскихъ правилахъ», т. е. по основной и главной канонической у насъ книгѣ, которую поименно называетъ нарекаемый епископъ при своемъ посвященіи и даетъ присягу ни въ чемъ этихъ «Правилъ» не нарушать,—по правиламъ этимъ подъ угрозою отлученія отъ церкви запрещено епископу принимать власть свою и назначеніе на епископское служеніе, обходя любовь мѣстнаго народа. епархіальнаго плебса. и повинуясь посылкѣ или назначенію свѣтской государственной власти. Такимъ образомъ канонами подъ страшною угрозою запрещенъ всяческій видъ возведенія въ епископскій санъ и посылки для управленія епархіею «въ порядкѣ»,—примѣняясь къ нашей терминологіи, — «административномъ». Церковь должна быть «соборною , т. е. народною. И каноны до того берегли эту ея «соборность» и «народность», что прямо проклинали какъ всякое административное вмѣшательство сюда, такъ и тѣхъ духовныхъ лицъ, которыя, по слабости соблазняясь властью епископства, приняли бы ее не отъ любви народной, а получили отъ свѣтской власти. Именно на этомъ было основано каноническое анаѳематствованіе константинопольскаго патріарха Фотія, который изъ придворныхъ лицъ, пройдя въ короткій срокъ всѣ степени священства, былъ возведенъ на патріаршій престолъ благоволеніемъ къ нему византійскаго императора. Случаи эти важны, ибо показываютъ острыя грани канонически-позволительнаго и канонически-непозволительнаго. Но кто же не знаетъ, и развѣ не знаютъ всѣ епископы русской церкви, всѣ — Платоны и Филареты, что безъ какого-либо исключенія они получали «епархіи» и «митрополіи» по благоволенію даже не Государя, а свѣтскихъ чиновниковъ духовнаго вѣдомства? Вотъ «свидѣтельство»-то «клира и народа мѣстной церкви», иначе сказать — голосъ ихъ, и можетъ и долженъ высказаться, что всѣ они были слабы, безвольны; что они должны были, по канонамъ, отказаться отъ власти, такимъ способомъ даваемой, и пребыть лучше простыми монахами, въ кельѣ, постѣ и молитвѣ, нежели надѣть митру, полученную не изъ надлежащихъ рукъ. Это очень принципіально, очень важно. На этомъ-то пунктѣ именно епископской слабости, пожалуй даже «грѣха» епископскаго, состоящаго въ погонѣ за славою, почестями, служебнымъ положеніемъ, и водворилась та безграничная власть чиновничества, отъ которой они теперь стонутъ. Не «центуріонъ привязалъ къ рукѣ своей ап. Павла». Тогда такъ это случилось, доподлинно. Но то былъ ап. Павелъ. имѣвшій громы словъ. Утеряли «громы» его преемники, говорятъ «шопоткомъ»; увы— говорятъ льстиво Сами они привязали себя къ расшитому золотомъ рукаву «центуріона» и даже цѣлуютъ эту ведущую ихъ руку, «не обидѣлъ бы», «наградилъ бы». Одни явно цѣлуютъ, другіе тайно. Но цѣ-

луютъ всѣ. Теперь добрый сонмъ бѣлыхъ русскихъ священниковъ сказалъ: «Да не будетъ этого униженія!». «Да не будетъ»,—скажемъ и мы.

---

22 марта.

Статьи «**Новаго Времени**» (№ 10.433-й):

О духовныхъ дѣлахъ.

Какъ мы узнали опредѣленнымъ образомъ, весь вѣроисповѣдный вопросъ въ точности изъятъ въ настоящее время изъ Особаго совѣщанія и перенесенъ на разсмотрѣніе въ Св. Синодъ. Совершилось это вопреки желанію духовнаго авторитета, духовной власти, духовнаго мнѣнія, а исключительно по предложенію свѣтской власти, «совмѣстно съ іерархами» засѣдающей въ Св. Синодѣ. Но, затѣмъ, духовная іерархія, повидимому понимая, что или теперь, или никогда, она вернетъ себѣ независимость сужденія дѣлъ, рѣшила «мужествовать» далѣе и по предмету «отношенія церкви и государства», каковой вопросъ подлежитъ офиціальному обсужденію въ Св. Синодѣ, высказаться или единогласно или большинствомъ голосовъ за возвращеніе автономіи церкви въ государствѣ. Первый и ясный, какъ день, шагъ къ этому заключается въ томъ, чтобы духовенство «имѣло сужденіе о дѣлахъ» не въ связывающемъ присутствіи чиновниковъ, отъ которыхъ она зависитъ, а наединѣ, одно, чтобы связность между государствомъ и церковью выразилась инымъ методомъ, чѣмъ теперь. Въ самомъ дѣлѣ: ну, пусть бы представители церкви вошли, временно или постоянно, въ законодательныя государственныя учрежденія, въ Государственный Совѣтъ или Комитетъ Министровъ, для подачи мнѣнія при обсужденіи вопросовъ, смежныхъ у церкви и государства. Вотъ естественный образъ «связи» между государствомъ и церковью. Выбранъ способъ, совершенно этому обратный: гдѣ церковь себя нисколько и нигдѣ не представляетъ, не защищаетъ. Въ Государственномъ Совѣтѣ и въ Комитетѣ Министровъ представляетъ собою «церковный авторитетъ», «церковный интересъ» и «церковную неприкосновенность», говоря отъ имени церкви, оберъ-прокуроръ Св. Синода, причемъ духовныя лица цѣлой Россіи не могутъ судить о томъ, какъ именно излагаетъ передъ министрами или государственными людьми оберъ-прокуроръ «взглядъ церкви». Здѣсь можетъ быть и въ исторіи бывало двоякое за-

блужденіе. На Комитетъ Министровъ и на Государственный Совѣтъ оберъ-прокуроръ Синода давитъ авторитетомъ церкви; министры и члены Государственнаго Совѣта, слишкомъ занятые, чтобы до подробностей знать детали церковнаго ученія, уступаютъ и не могутъ не уступить оберъ-прокурору, когда имъ выражаемое сужденіе онъ ставитъ подъ санкцію «голоса церкви», «св. каноновъ», наконецъ даже Евангелія и І. Христа. Министры уступаютъ ему мертвой уступкой. Безъ согласія, безъ внутренняго убѣжденія, просто «передъ такимъ авторитетомъ». Между тѣмъ, напр., оберъ-прокуроръ Св. Синода въ первую половину царствованія Александра І, кн. Голицынъ, бывшій при назначеніи на эту должность открытымъ вольтеріанцемъ, о чемъ онъ заявилъ императору, во вторую половину оберъ-прокуратуры своей впалъ въ мистическое хлыстовство, за что и былъ, когда это разоблачилось, уволенъ изъ оберъ-прокуроровъ, съ оставленіемъ только въ должности почтъ-директора. Но когда-то это еще «разоблачилось» (и могло вовсе не разоблачиться), а до этого времени онъ въ Государственномъ Совѣтѣ представлялъ собою церковь, говорилъ отъ ея имени и давилъ страшнымъ ея авторитетомъ. Проф. Заозерскій въ послѣднихъ своихъ работахъ по исторіи брачнаго нашего законодательства за XIX вѣкъ указалъ поразительное обстоятельство, что именно давя авторитетомъ церкви на Государственный Совѣтъ, этотъ тайный хлыстъ-сановникъ и провелъ отмѣну всѣхъ, довольно многочисленныхъ въ XVIII в. поводовъ къ разводу, вслѣдствіе чего въ XIX в. семейное право, а повинуясь ему и семейная жизнь въ Россіи получили несносно жесткое, грубое, а мѣстами и жестокое теченіе. Между тѣмъ извѣстно, что самая сущность хлыстовства заключается въ непобѣдимомъ органическомъ отвращеніи вообще къ браку и семейной жизни, и кн. Голицынъ, еще до открытія его хлыстовства, провелъ мѣры вообще разрушительныя въ отношеніи къ семьѣ, хлыстовскія. При этихъ-то, хлыстовскихъ по вдохновенію, законахъ о семьѣ Россія пассивно живетъ и до сихъ поръ. Все это разсказано обстоятельно въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» за октябрь и ноябрь 1904 г. проф. А. И. Заозерскимъ. И церковь обманута, и Государственный Совѣтъ или вся Россія были въ этомъ случаѣ 1810 года обмануты. И рѣшительно нельзя предвидѣть и предсказать, по канцелярской тайнѣ всего дѣла, по непубликуемости преній въ Государственномъ Совѣтѣ,—въ какихъ именно случаяхъ теперь или въ будущемъ оберъ-прокуроръ можетъ ввести «въ заблужденіе» какъ церковь съ одной стороны, такъ и государство съ другой стороны. Для церкви тутъ особенно печально и даже страшно то, что мѣра, проведенная, положимъ, черезъ Государственный Совѣтъ оберъ-прокуроромъ Синода, относится вовсе не къ его личному

дѣйствію, а приписывается церкви; и послѣдняя судится если не громко, то иногда жестоко въ частныхъ разговорахъ, или же прямо въ печати, за такія дѣла и рѣшенія, въ которыхъ никакого участія не принимала. Никому изъ семейныхъ людей, путавшихся въ XIX в. въ тенетахъ бракоразводнаго процесса, не приходило въ голову обвинять князя Голицына; его имя народно неизвѣстно, въ быту общественномъ—неизвѣстно. Всѣ говорятъ, общество говоритъ или народъ ропщетъ: «духовныя власти рѣшили», «думаютъ», «постановили», когда онѣ и не думали и не рѣшали: и можетъ быть виновны только въ одномъ томъ, что или «дремали», или «боялись»; чаще всего—были равнодушны. Эпизодъ съ Голицынымъ яркій; и хотя онъ—подробность, но показующая, до чего можетъ дѣло дойти. Очевидно, что не въ Синодъ слѣдовало войти чиновникамъ, а духовныхъ лицъ нужно было пригласить или періодически приглашать по прикосновеннымъ къ церкви вопросамъ къ чиновникамъ, къ сановникамъ, въ государственныя учрежденія. Въ Синодъ же слѣдуетъ на мѣсто чиновниковъ скорѣе уже войти священникамъ, ввести сюда то мужественное и образованное бѣлое духовенство, которое и сейчасъ говоритъ ярче и дѣйствуетъ энергичнѣе духовенства чернаго. Синодъ вѣдь дѣйствуетъ по «Духовному Регламенту», по тонкой и скользкой мысли Ѳеофана Прокоповича, въ качествѣ и съ властью «помѣстнаго русскаго собора», но намъ, мірскимъ русскимъ людямъ, всероссійскому «приходу» Православія, скорбно и соблазнительно, а наконецъ и не убѣдительно видѣть «соборъ», т.-е. «собраніе церкви», изъ котораго «выставлены за дверь» всѣ до единаго священники, всѣ тѣ добрые «батюшки», которые насъ исповѣдуютъ, причащаютъ, напутствуютъ передъ смертью, крестятъ, вѣнчаютъ. Ихъ-то однихъ мы и видимъ какъ личную и разумную и сейчасъ дѣйствующую церковь. Епископы не пріобщаютъ, не крестятъ, не исповѣдуютъ, не вѣнчаютъ, а только «управляютъ». Неужели же «управленіе» выше и священнѣе совершенія таинства?

На этихъ дняхъ Святѣйшимъ Синодомъ былъ единогласно рѣшенъ вопросъ о необходимости введенія патріаршества въ Россіи и о созывѣ всероссійскаго собора православной церкви. Согласно Высочайшей волѣ, митрополитъ Антоній внесъ на разсмотрѣніе Синода вопросъ о свободѣ православной церкви, о приданіи ей самостоятельности и освобожденіи ея отъ недостойнаго и несвойственнаго положенія, какъ это было выражено въ извѣстной запискѣ 32 священниковъ петербургской епархіи, поданной митрополиту Антонію. Святѣйшій Синодъ единственнымъ выходомъ изъ современнаго положенія церкви и духовенства призналъ не-

обходимость введенія патріаршества и для избранія патріарха и обсужденія всѣхъ церковныхъ вопросовъ постановилъ созвать текущею же весною всероссійскій соборъ изъ высшихъ іерарховъ православной церкви. Созывъ собора предположенъ въ Петербургѣ. Въ избраніи патріарха примутъ участіе всѣ православные епископы. Напомнимъ, что послѣднимъ всероссійскимъ патріархомъ былъ Адріанъ и съ его смертью, съ начала XVIII вѣка, т.-е. въ промежутокъ болѣе 200 лѣтъ, соборы не созывались.

---

23 марта.

Статья газеты «**Русь**» (№ 74-й):

О патріархѣ.

Трудно скрыть чувство зависти, которое невольно поднимается при извѣстіи о томъ, какъ быстро и прямо пошло наше духовенство къ разрѣшенію вопроса, который признало наболѣвшимъ.

Только на-дняхъ митрополиту Антонію была подана группой священниковъ записка о созывѣ помѣстнаго собора духовенства и введеніи въ Россіи патріаршества,—и Синодъ не только обсудилъ уже этотъ вопросъ, но и постановилъ созвать помѣстный духовный соборъ не позднѣе мая мѣсяца.

Дѣйствительно, не мало накопилось вопросовъ въ нашей церковно-общественной сферѣ, относительно которыхъ необходимо возможно болѣе полно сговориться. Какъ ни какъ, а со временъ Петра Великаго наше духовенство попало въ крайне тяжелое и странное положеніе. Великій преобразователь Россіи, встрѣтивъ со стороны духовенства сильную препону къ проведенію его реформъ, имѣлъ, конечно, основаніе взглянуть на духовенство, какъ на элементъ только тормозящій дѣло. Уничтоженіе патріаршества и введеніе въ среду Синода—оберъ-фискала, чиновника, который могъ служить ушами и окомъ царевымъ, было естественнымъ послѣдствіемъ этого подозрительнаго отношенія. Петръ Великій создалъ въ видѣ своего чиновника какъ бы буферъ между церковью и государствомъ, изолировавъ совершенно духовенство, задачи котораго, такимъ образомъ, свелись лишь къ исполненію религіозныхъ обрядовъ и популяризаціи тѣхъ идей, которыя имъ поручалось проводить черезъ чиновника сверху.

Оберъ-фискалы были и среди другихъ сословій. Но тамъ это не играло такой роли. Фискалы сливались, тѣсно примыкали къ этимъ классамъ, сами къ нимъ принадлежали. Не то съ духовенствомъ. Ряса и мундиръ сильно отличались другъ отъ друга. Между тѣмъ, ряса лишена была всякой возможности даже сообщать о своихъ нуждахъ царю. Мѣшалъ мундиръ, который служилъ посредникомъ. А «мундиры» бывали разные. Недавно издана переписка А. И. Тургенева, бывшаго оберъ-прокуроромъ въ двадцатыхъ годахъ. Въ ней не мало черточекъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что оберъ-прокуроры обыкновенно смотрѣли на духовенство свысока и не прочь были такъ третировать не только священниковъ, но даже и епископовъ.

Такъ это началось отъ Петра Великаго и почти безъ перемѣнъ дошло до нашего времени. Удивительно ли, поэтому, что духовенство обособилось, принизилось, вошло въ сферу мелочныхъ интересовъ, что священники стали требоисправителями, монахи и епископы — администраторами-карьеристами, все толковавшими и все подгонявшими подъ тотъ же архаическій «Регламентъ» Петра Великаго. Когда въ 1862 г. графъ Валуевъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, завелъ рѣчь о подъемѣ русскаго духовенства, — онъ не встрѣтилъ себѣ поддержки даже у такихъ лицъ, какъ московскій митрополитъ Филаретъ. Предположеніе ввести епископовъ въ Государственный Совѣтъ, даже Высочайше одобренное, не было поддержано Филаретомъ подъ тѣмъ предлогомъ, что «лица духовнаго званія по своему образованію и служебнымъ занятіямъ не подготовлены къ сужденію о предметахъ, разсматриваемыхъ въ Государственномъ Совѣтѣ». Нечего и говорить, что противъ этой же мѣры протестовалъ также и оберъ-прокуроръ Св. Синода гр. А. П. Толстой, который находилъ, что «всякое коренное преобразованіе теперь не ко времени и можетъ только усилить колебаніе мыслей».

Въ слухахъ о предстоящемъ помѣстномъ соборѣ обращаетъ на себя вниманіе небольшая, но характерная подробность. Если справедливы эти слухи, патріарха будутъ избирать только епископы, т. е. представители чернаго духовенства. Невольно возникаетъ вопросъ: почему отъ этого устраняется духовенство бѣлое? Оно имѣетъ въ своей средѣ представителей, которые могли бы тутъ принести очевидную пользу. Представляется совершенно непонятнымъ, почему, напр., хотя бы такой образованный спеціалистъ, какъ проф. Горчаковъ, который даетъ свои заключенія Синоду по каноническимъ вопросамъ и признается большимъ авторитетомъ въ области церковнаго права, долженъ быть въ этомъ случаѣ менѣе предпочтителенъ, чѣмъ какой-нибудь викарный епископъ, ничѣмъ особеннымъ себя не проявившій и возведенный въ епископскій

санъ только потому, что у насъ вообще мало монаховъ съ высшимъ образованіемъ.

Вообще намъ кажется, что господство чернаго духовенства, порученіе ему всѣхъ высшихъ административныхъ и воспитательныхъ функцій—основано на недоразумѣніи. Епископъ, представляется намъ, долженъ быть только высшимъ духовно-нравственнымъ авторитетомъ, а не начальникомъ консисторіи, не ректоромъ академіи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ увлеченіе монахами доходитъ до того, что уже должности надзирателей семинаріи поручаются монахамъ. Единственно, что оправдывало бы еще преобладаніе монашества, — это была бы ихъ независимость во взглядахъ, возможность говорить «правду», но, увы, какъ извѣстно, именно это-то предположеніе менѣе всего основательно. Бѣлое духовенство, какъ болѣе близкое къ жизни, приблизило бы и самыя вершины духовной власти къ современнымъ нуждамъ, задачамъ и требованіямъ обновляющейся Россіи.

Статья «**Биржевыхъ Вѣдомостей**» (№ 8.735-й):

Церковь и міряне.

...Будетъ патріаршество. И если это будетъ не mutatio nominis, а дѣйствительная реформа церкви, съ возвращеніемъ ей законныхъ ея правъ, съ дѣйствительнымъ переводомъ въ руки ея первостоятеля подлинной церковной власти отъ министра духовныхъ дѣлъ, съ раскрѣпощеніемъ ея отъ чиновно-бюрократическаго режима и охранно-государственныхъ обязанностей, — можно сказать, что будетъ сдѣланъ первый шагъ къ возвращенію церкви истинной свободы духа. И вѣрный шагъ, потому что при одряхленіи фундамента не помогаютъ подпорки.

Реформа должна итти съ корней. Пора перестать кивать на несовершенства сельскаго клирика, какъ на первопричину всѣхъ золъ. Пора посмотрѣть выше. Послѣднее время нашло мужество и возможность сказать, что часто тамъ виноватъ генералъ, гдѣ винятъ стрѣлочника. Сейчасъ сказано—и устами авторитетныхъ людей—то же самое о нашемъ духовенствѣ. Одряхлѣлъ бюрократическій строй церкви, какъ оскудѣла и обуяла вся наша бюрократическая машина. Нужно поливать не верхушки, а корни. И пустыня церкви процвѣтетъ только тогда, когда сокрытыя въ землѣ плодоносныя сѣмена спрыснетъ живая вода, и родятся здоровые корни, безъ которыхъ не можетъ быть цвѣтенія.

Осужденный жизнью, коллегіальный строй правленія сохранился до послѣдняго времени только въ церкви. То, что по существу противно и враждебно ея духу, — чиновничество, съ его застегнутостью, формализмомъ, мѣстничествомъ, звѣздами и карьеризмомъ, — было навязано тѣмъ, кто былъ призванъ вѣдать судьбы Христова дѣла. Злѣйшій врагъ не могъ бы завѣщать горшаго наслѣдія. Трудно понять художника-чиновника, чиновника-литератора. Конечно, есть такіе, но жизнь ихъ отравлена раздвоеніемъ. Есть что-то вспугивающее поэзію, свободу, ширь человѣческаго взмаха въ понятіи чиновничества, что-то такое, отъ чего никнутъ крылья свѣтлаго ангела творчества. Чиновническій укладъ, понятія, все міровоззрѣніе, чиновничью мечту у насъ старательно навязывали представителю церкви, который долженъ былъ весь быть свобода и полетъ!

Бюрократически избирался епископъ. Сверху назначался священникъ. Въ академіи, съ принятіемъ клобука, намѣчалась будущая, какъ по нотамъ разыгрываемая, исторія предопредѣленнаго архіерея. Окончаніе курса въ ореолѣ начальственнаго предпочтенія. Года два инспекторства въ семинаріи или «смотрительства» въ духовномъ училищѣ. Года два семинарскаго ректорства. Вызовъ «на чреду священнослуженія», пророчественно предвѣщающій близость «нареченія». Викаріатство съ мечтой о самостоятельности. Самостоятельность съ мечтой о переводѣ на епископію съ бо̀льшими преимуществами чести. Переводъ на «видную» каѳедру съ мечтой объ архіепископствѣ. Архіепископство.

Инспекторство не успѣвало принести никакихъ плодовъ. Ибо что можно сдѣлать въ два-три года, не успѣвъ запомнить лицъ и фамилій двухсотъ–трехсотъ юношей? Ректура, далеко не всегда болѣе длительная и, въ лучшихъ случаяхъ, осложнявшаяся новою ректурой, но уже въ другомъ городѣ, едва-ли успѣвала приводить къ болѣе яркимъ результатамъ. Викаріатство всегда разсматривалось и разсматривается какъ временная и переходная ступень къ самостоятельности. Пастырскую работу оно подчиняло тѣмъ же законамъ случайности, временности, неустойчивости. Только на самостоятельной каѳедрѣ открывалась бы полная свобода епископскаго труда, если бы... если бы новый переводъ-повышеніе не влекъ трудящагося къ новой чести и новой резиденціи. И свобода эта и здѣсь была ограниченною.

Осложните этотъ укладъ слишкомъ частыми въ жизни случайностями, — экстренными переводами «начальствъ», въ виду ли педагогическихъ разладовъ, въ виду ли особыхъ начальственныхъ достоинствъ, доказанныхъ въ одномъ мѣстѣ и настойчиво требовавшихся въ другомъ, въ виду ли чисто ученыхъ занятій начальствующихъ лицъ, не прене-

брегавшихъ соисканіемъ высокихъ ученыхъ степеней, — и вы увидите, что даже эти сроки передвиженія очень часто должны были сокращаться иногда до полугода. Это «неимѣніе здѣ пребывающаго града» у высшаго епархіальнаго начальства естественно должно было парализовать благія намѣренія даже тѣхъ изъ его представителей, у которыхъ была настоящая мечта служенія.

Узкость контингента монашествующаго духовенства, отвѣчающаго бюрократической мѣркѣ, усиливала аномалію. Времена настойчивыхъ воздѣйствій монахофильствующаго начальства на студентовъ академіи и давленій на нихъ въ смыслѣ облеченія въ ангельскій образъ, слава Богу, прошли. Разсказы о почти прямо насильственныхъ постриженіяхъ. какія, между прочимъ, лежатъ на совѣсти даже такихъ іерарховъ, какъ Іоаннъ Смоленскій, о несчастныхъ людяхъ, кончавшихъ жизнь спившимися бездомными бродягами подъ заборами, со степенью магистра богословія и съ прошлымъ разстриги.—теперь отошли въ область мрачнаго бурсацкаго анекдота.

Но если встарь желательно было, по высшимъ соображеніямъ духовныхъ бюрократовъ, усиленіе монашествующаго академическаго студенчества, то нельзя сказать, что теперь этотъ вопросъ разрѣшился бюрократически удачнѣе. Процентъ студенческихъ постриговъ, напротивъ, сталъ меньше. Еще болѣе сузился выборъ. Еще вѣрнѣе стало предопредѣленіе къ высокому посту для монашествующихъ, хотя бы далеко не всегда это были лучшіе по успѣхамъ элементы студенчества. Ихъ будущая карьера опредѣлялась съ того момента, какъ уста ихъ произносили отреченіе отъ благъ жизни. Имъ предоставлялось первенство въ педагогіи, въ церкви, въ консисторіи, въ цензурныхъ комитетахъ въ томъ возрастѣ, который только-только не шелъ въ разрѣзъ съ каноническими установленіями. Сотни, тысячи талантливыхъ, энергичныхъ, горящихъ любовью пастырства, представителей бѣлаго духовенства оставались въ тѣни и забвеніи до сѣдыхъ волосъ. Старые педагоги семинарій, на своемъ трудѣ посѣдѣвшіе, отдавались подъ началъ своимъ бывшимъ ученикамъ,—только за то, что тѣ были монахами.

Въ своей извѣстной петиціи представители нашего бѣлаго духовенства, между прочимъ, высказали мечту свою и лучшей части своихъ собратій—о вѣрности епископовъ разъ ввѣренной имъ епархіи. объ епископскомъ непередвиженіи. При общей пунктуальной вѣрности православія догмѣ и практикѣ христіанской старины вышло какъ-то такъ, что въ этомъ пунктѣ оказалось возможнымъ нарушеніе основного и исконнаго церковнаго закона. Обычай передвиженія епископовъ прямо осужденъ каноническимъ правомъ. Оно вмѣнило епископу непрерывное

пребываніе въ своей епархіи (Сард. соб., кан. II) и категорически запретило переходы (14 апост. прав., 21 кан. Ант. соб.), предоставивъ архіереямъ исключительное право покиданія паствы, съ которой по идеѣ они должны состоять въ союзѣ, разрываемомъ только смертью,—лишь въ двухъ крайнихъ случаяхъ: при обстоятельствахъ, требующихъ отъ архипастыря особой мудрости, опыта, и при наличности между паствою и епископомъ рѣзкаго раздора. Въ дѣйствующей практикѣ церкви произошло полное перемѣщеніе каноническаго примѣчанія на мѣсто общаго правила, естественно повлекши за собою всѣ аномаліи гражданскичиновнаго режима повышеній, пониженій и отличій. Архіереевъ перемѣщали, какъ обыкновенныхъ губернаторовъ.

Въ этомъ явилось отступленіе отъ древнихъ каноновъ, какъ и въ исключительномъ выборѣ епископовъ изъ спеціально подготовляемой среды монашествующихъ, какъ и въ самомъ принципѣ единоличнаго избранія сверху. Этотъ послѣдній принципъ одинаково примѣняется и въ назначеніи рядового нашего духовенства,—назначеніи, замѣнившемъ старое избраніе. «Въ первые вѣка христіанской церкви,—читаемъ въ курсѣ каноническаго права *),—когда требовалось замѣстить какую-нибудь свободную епископскую каѳедру, *собирался народъ и областные епископы*, ставился вопросъ, кто достоинъ занять каѳедру, и послѣ того какъ народъ высказывалъ свое мнѣніе относительно извѣстныхъ лицъ, епископы рѣшали, кто наиболѣе достоинъ епископства, или же епископы сами предлагали извѣстное лицо, а народъ высказывалъ свое согласіе и несогласіе». Извѣстно, что такъ, неожиданно для себя, волею народа, былъ избранъ на епископство Амвросій Медіоланскій, и онъ не заставилъ пожалѣть о примѣненіи принципа народнаго избранія. «Съ теченіемъ времени, право народа на участіе въ избраніи своихъ епископовъ начало мало-по-малу теряться... Но оно все-таки не потеряло значенія, какъ это торжественно засвидѣтельствовалъ іерусалимскій соборъ 1762 г. въ 10 членѣ, вошедшемъ и въ символическія книги православія» **).

Приходъ нашъ, деревня наша давно мечтаетъ о выборномъ священникѣ. Въ первые вѣка христіанства въ выборѣ пастыря, дѣйствительно, участвовала вся паства. Это дѣлалось настолько стройно и чинно, что императоръ Александръ Северъ ставилъ христіанъ въ образецъ римлянамъ при избраніи гражданскихъ чиновниковъ ***). Свѣтское чинов-

---

*) Еп. Никодимъ, Православное ц право, стр. 364

**) Тамъ же, 366.

***) П. Нечаевъ, Практич руководство... 84.

ничество, прикосновенное у насъ къ дѣлу епископскихъ нареченій и священническихъ назначеній, никогда не могло замѣнять голосъ народа. Попытки заявленій мірянъ не приводили къ цѣли. Такъ погасло въ 1880 г. ходатайство московскаго губернскаго земскаго собранія о возстановленіи «древняго права приходовъ» — избирать лицъ, достойныхъ сана священника, и представлять о томъ какъ бы челобитныя мѣстному епископу. Св. Синодъ призналъ ходатайство «неподлежащимъ удовлетворенію», впрочемъ, отмѣтивъ, что заявленія епископамъ и сейчасъ примѣняются.

Съ извѣщеніемъ о патріаршествѣ мы соединяемъ мечту о прекращеніи безмолвія клира въ дѣлѣ избранія епископа, безмолвія народа, ввѣряемаго пастырю, мечту объ обновленіи высшей духовной власти, которая стала бы неразлучна съ пасомыми, какъ неразлученъ бываетъ отецъ съ дѣтьми и вождь съ воинами, о поднятіи ея духовно надъ житейскими почестями и ихъ знаками, которыхъ не искали, не хотѣли и не знали первые строители вѣры, пѣшкомъ, съ сумою и посохомъ совершавшіе свои архіерейскіе обходы. Мы мечтаемъ о способахъ, какіе дѣлали бы высшей іерархіи извѣстными всѣхъ, кто доблестно служитъ дѣлу церкви, хотя бы ихъ не осѣняла высшая мудрость академій, и ихъ рукъ не облекали монашескія четки. Эти способы отыскать не трудно, и такіе люди радостно отдадутъ церкви огонь своего таланта, пылъ своего сердца, широту своего взгляда.—качества, находящія пока столь скромное, подавленное, чиновничье примѣненіе.

Статья «**Одесскаго Листка**» (№ 78-й):

Патріаршество въ Россіи.

Среди цѣлаго ряда реформъ, ожидающихъ Россію, если вѣрить послѣднимъ газетнымъ слухамъ, намѣчено и возстановленіе патріаршества, нѣкогда уже существовавшаго на Руси.

Оно учреждено было у насъ въ 1589 году, при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, хотя уже съ XV вѣка, со времени митрополита Іоны, зависимость русской церкви отъ патріарха константинопольскаго оставалась только номинальной. Покореніе Константинополя турками и совсѣмъ уменьшило власть патріарха, а въ 1586 г. рѣшено было уничтожить и номинальную зависимость русской церкви отъ Византіи. Пользуясь пріѣздомъ въ этомъ году, за милостыней, антіохійскаго патріарха Іоа-

кима, царь заявилъ въ думѣ о своемъ желаніи «устроить въ Москвѣ превысочайшій престолъ патріаршій». Духовенство и бояре похвалили мысль царскую, но прибавили, что нужно снестись съ восточными патріархами, чтобы никто не могъ сказать, что патріаршій престолъ въ Москвѣ устроенъ одной только царской властью. Патріархъ Іоакимъ, которому передали рѣшеніе думы, взялся доложить объ этомъ собору греческой церкви. Годъ прошелъ безъ отвѣта. Лѣтомъ 1588 г. прибылъ сначала въ Смоленскъ, затѣмъ въ Москву, константинопольскій патріархъ Іеремія, и царь рѣшительно поставилъ вопросъ о патріархѣ, предложивъ самому Іереміи сдѣлаться патріархомъ русскимъ. На самомъ дѣлѣ, однако, имѣть патріархомъ грека не хотѣли, да въ Москвѣ былъ уже намѣченъ свой кандидатъ—митрополитъ Іовъ, клевретъ Бориса Годунова. Патріаршество было предложено Іереміи подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ жилъ не въ Москвѣ, а во Владимірѣ, какъ городѣ старѣйшемъ. Іеремія отказался жить не при государѣ. Тогда 26 января 1589 г. тѣмъ же Іереміей въ патріархи русскіе торжественно былъ поставленъ Іовъ. Черезъ 2 года получена была грамота отъ восточнаго духовенства, утверждавшая патріарха въ Москвѣ и подписанная 3 патріархами, 42 митрополитами, 19 архіепископами и 20 епископами. Московскій патріархъ долженъ былъ занимать мѣсто послѣ іерусалимскаго; поставлялся онъ соборомъ епископовъ русской церкви Поставленіе происходило обыкновенно такимъ образомъ. Послѣ смерти патріарха отъ имени царя или блюстителя патріаршаго престола—а имъ обыкновенно бывалъ митрополитъ крутицкій—разсылались грамоты ко всѣмъ митрополитамъ, архіепископамъ, епископамъ, архимандритамъ, игуменамъ степенныхъ, т. е. болѣе важныхъ, монастырей, съ извѣщеніемъ о смерти патріарха и съ приглашеніемъ «снитися въ царственный градъ Москву, благочестиваго ради собора и для избранія великаго святителя на превысочайшій патріаршескій престолъ, иже въ велицѣй Россіи». Къ назначенному сроку приглашенные съѣзжались въ Москву съ протопопами, священниками, дьяконами. Если бы кому-нибудь изъ архіереевъ нельзя было прибыть къ сроку для избранія патріарха, онъ долженъ былъ прислать грамоту, что онъ напередъ согласенъ со всѣми постановленіями собора. Когда всѣ духовные были въ сборѣ, царь повелѣвалъ имъ «видѣти свои государскіе очи въ золотой подписной палатѣ»; старшій изъ митрополитовъ «творилъ достойно по святительскому чину»; царь говорилъ рѣчь, указывая на поводъ къ созванію духовенства, и открывалъ соборъ. Форма избранія патріарха была открытая, или посредствомъ жребія. Послѣдняя окончательно установилась послѣ смерти патріарха Филарета (1634 г.) и состояла въ слѣдующемъ. На шести бумажкахъ равной величины пи-

сались имена шести кандидатовъ изъ архіепископовъ, епископовъ и настоятелей степенныхъ монастырей Бумажки эти обливались со всѣхъ сторонъ воскомъ, припечатывались царскою печатью, и въ такомъ видѣ царь посылалъ ихъ собору, который въ это время засѣдалъ въ московскомъ Успенскомъ соборѣ. Три изъ жребіевъ клались на панагію умершаго патріарха; затѣмъ, всѣ члены собора одѣвались въ ризы, служили акаѳистъ Богородицѣ; изъ трехъ жребіевъ вынимались два и откладывались въ сторону. Такъ-же поступали и съ тремя другими жребіями. Оставалось, такимъ образомъ, два жребія; вынимали изъ нихъ одинъ, который и содержалъ имя избраннаго патріарха. Жребій. не распечатанный, вручался боярину, который принесъ жребіи отъ царя: бояринъ шелъ къ царю, и тотъ уже распечатывалъ жребій и узнавалъ имя избраннаго патріарха. Бояринъ послѣ этого шелъ опять въ соборъ и объявлялъ ему имя вновь избраннаго патріарха. Такимъ образомъ, кандидатовъ въ патріархи называлъ царь, и изъ нихъ соборъ производилъ избраніе.

Всѣ іерархи въ своихъ епархіяхъ были равны и подчинялись патріарху такъ-же, какъ раньше—митрополиту. Юридически власть патріарха ничѣмъ не отличалась отъ власти прежняго митрополита; патріархъ пользовался только извѣстными богослужебными преимуществами. Къ нимъ, однако, вскорѣ присоединилась и та политическая роль, которую умѣли присвоить себѣ наиболѣе выдавшіеся изъ патріарховъ, какъ, напримѣръ, патріархъ Филаретъ, отецъ царя Михаила Ѳеодоровича. Какъ отецъ царя, Филаретъ получилъ титулъ «великаго государя» и занялъ въ государствѣ мѣсто, равное царю, наступило время полнаго двоевластія. Въ сферѣ церковнаго управленія и суда патріархъ оставался независимымъ и никѣмъ не стѣснялся. Дворъ патріарха былъ устроенъ по образцу царскаго. У патріарха были свои свѣчники, чашники, скатерники, повара, хлѣбники, пивовары, истопники, конюхи, иконописцы, мастера серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ и т. п., были у него и свои бояре, окольничьи, стольники, стряпчіе, дворяне, дѣти боярскіе, которымъ поручались патріархомъ разныя дѣла по управленію. Послѣдній русскій патріархъ Адріанъ не ладилъ съ Петромъ I и, въ виду этого, когда онъ умеръ въ 1700 году, преемника ему не было назначено и во главѣ управленія церковью былъ поставленъ рязанскій митрополитъ Стефанъ Яворскій, съ титуломъ «мѣстоблюстителя патріаршаго престола». Въ дальнѣйшемъ Петръ Великій, замѣнявшій приказы «коллегіями», и единоличную власть патріарха замѣнилъ коллегіей, постояннымъ соборомъ духовнаго правительства или Св. Синодомъ.

24 марта.

«Церковный Вѣстникъ» (№ 12-й):

Рѣчь *епископа Сергія* и письмо *епископа Димитрія*. — Мнѣнія и отзывы по вопросу о реформѣ (Освобожденіе православной церкви. — Общерусскій церковный соборъ и возстановленіе патріаршества).

Свобода—для церкви, но не для насъ.

(Рѣчь *епископа Сергія* при вручении жезла новопоставленному архимандриту Михаилу, доценту академіи, 20 марта 1905 г.).

Возлюбленный о Господѣ братъ, священноархимандритъ Михаилъ!

Святая Божія церковь призвала тебя къ служенію въ высшей почести пресвитерскаго чина, и моему недостоинству Богъ привелъ вручить тебѣ этотъ жезлъ, какъ символъ и знакъ твоего новаго званія...

Это не есть жезлъ властительства и превозношенія, это есть жезлъ «силы и цѣломудрія» (2 Тим. 1, 7), жезлъ человѣка, несущаго на себѣ бремя церковное, жезлъ пастыря, взявшаго на свои плечи заблудшую словесную овцу. Нашъ Господь и Учитель сказалъ намъ: «цари господствуютъ надъ народами, и владѣющіе ими благодѣтелями называются. А вы не такъ, но кто изъ васъ большій, будь какъ меньшій, и начальствующій, какъ служащій» (Лук. 22, 25—26). Мы, пастыри церкви, призваны не къ тому, чтобы «господствовать надъ наслѣдіемъ Божіимъ» (1 Петр. 5, 3), а къ тому, чтобы вмѣстѣ съ благовѣстіемъ «передать (своей паствѣ) и души наши» (1 Сол. 2, 8), чтобы искать не своей власти, не своего авторитета или покоя, а одного лишь спасенія ввѣренныхъ намъ словесныхъ овецъ. Мы должны возносить къ престолу Божію всѣ ихъ молитвы и прошенія, всѣ ихъ слезы, скорби, ихъ покаяніе; но должны нести на себѣ и все «поношеніе Христово» (Евр. 11, 26), все «уничиженіе Сына Человѣческаго» (Марк. 9, 12), должны понести на себѣ всю неукротимость страстей нашей паствы, всякія искушенія ея смущенной совѣсти, всѣ немощи ея немощной души. Мы стоимъ на правильномъ пути не тогда, когда паства намъ служитъ, а тогда, когда мы ей служимъ и потребностями ея духовнаго благополучія опредѣляемъ всю нашу духовную и тѣлесную жизнь...

Вотъ теперь по Руси разнеслась благая вѣсть: нашей россійской православной церкви вскорѣ будетъ возвращена вся ея древняя, отцами преданная и святыми канонами утвержденная, церковная красота (съ

возстановленіемъ патріаршества и соборнаго управленія), и наша церковь, освобожденная отъ внѣшнихъ стѣсненій и указаній, получитъ возможность невозбранно жить своею жизнію, дарованною и узаконенною для нея ея Божественнымъ Учредителемъ и небеснымъ Главою. Радостно бьются сердца всѣхъ ревнителей церковнаго дѣла, учащаются ихъ вздохи ко Творцу, чтобы скорѣе исполнилось это наше давнее чаяніе. Но не всѣ рады этой перемѣнѣ, и уже раздаются голоса, что свободы хотимъ только мы—пастыри церкви и вообще духовенство, свободы отъ внѣшняго государственнаго контроля надъ нашимъ поведеніемъ и служеніемъ, свободы дѣлать въ церкви, что мы хотимъ... Да смолкнутъ эти недоброжелательные голоса, не хотящіе видѣть ни церкви Божіей, ни ея истинныхъ нуждъ! Не о такой свободѣ мы думаемъ и молимся: такая свобода была бы для церкви лишь новымъ порабощеніемъ, можетъ быть, худшимъ всякаго другого. Да и сами мы, получивши въ свои руки безконтрольную власть, непремѣнно бы разбились на партіи, на правыхъ и лѣвыхъ, на бѣлыхъ и черныхъ, и за взаимной борьбой позабыли бы о церкви и привели бы и ее и самихъ себя къ униженію и разстройству, тягчайшему настоящаго. Не ищемъ мы этой свободы, и ея, во всякомъ случаѣ, при настоящемъ порядкѣ вещей, у насъ гораздо больше, чѣмъ будетъ впереди, когда отъ насъ потребуютъ всей нашей силы, когда нельзя будетъ ограничиться одною только внѣшней исправностью и усердіемъ только наполовину. Мы молимся о свободѣ для самой Божіей церкви, о возстановленіи для нея единственно правильной и законной жизни, сообразной ея природѣ, при которомъ голосъ церкви слышенъ и обязателенъ для всѣхъ ея чадъ, въ которомъ ею управляютъ лишь ея законы и нужды, и въ которомъ пастыри являются отнюдь не хозяевами и господами положенія, а несмѣнными слугами общаго спасенія...

Пойдемъ же, возлюбленный собратъ, навстрѣчу этому свѣтлому будущему, этому «царствію Божію, грядущему въ силѣ» (Марк. 9, 1) на нашу св. Русь, будемъ привѣтствовать его, какъ счастливѣйшую эпоху въ нашей церковной исторіи, и всячески содѣйствовать ея скорѣйшему наступленію.

А теперь пріими отъ меня этотъ жезлъ, пріими не какъ жезлъ властительства, а духовной силы, и во свѣтѣ открывающейся новой жизни съ миромъ иди на свое послушаніе: данными тебѣ Богомъ силами слова и пера служить церкви Божіей, освѣщать для другихъ путь истиннаго боговѣдѣнія, способствовать спасенію всѣхъ. Аминь.

Письмо православнаго епископа *).

Достопочтеннѣйшій Сергѣй Ѳедоровичъ!

Позвольте и мнѣ подѣлиться съ вами тѣми мыслями, которыя у меня возникли въ головѣ послѣ прочтенія вашей передовой статьи, напечатанной въ № 5-мъ «Русскаго Дѣла». Въ этой статьѣ вы дали прямой, откровенный, ясный и безусловно истинный отвѣтъ на вопросъ о томъ, что теперь намъ, русскимъ, нужно сдѣлать, чтобы спасти свое отечество отъ угрожающей ему опасности. Я и раньше думалъ и говорилъ въ частныхъ бесѣдахъ съ окружающими меня лицами, что единственное спасеніе Россіи отъ надвигающихся на нее бѣдъ заключается въ дарованіи св. православной русской церкви свободы отъ владычества чиновниковъ-бюрократовъ. Это—истина очевидная, и я считаю долгомъ присоединиться къ вашимъ воззрѣніямъ на русскую церковную реформу. Конечно, ни одинъ православный русскій епископъ и даже никто среди самаго образованнаго высшаго православнаго духовенства не станетъ оспаривать ту истину, которую вы проповѣдуете, т. е. что необходимо освободить русскую православную церковь отъ подчиненія чиновникамъ. Не сознаетъ еще, или плохо сознаетъ эту истину только среднее сельское, приходское духовенство, воспитанное по семинарскимъ учебникамъ, въ которыхъ, согласно Духовному Регламенту, доказывается, что при нынѣшнемъ синодальномъ управленіи въ русской церкви больше соборности, чѣмъ было при патріархахъ и всероссійскихъ митрополитахъ. Поэтому предстоитъ трудъ еще много и много разъ разъяснять духовенству ту истину, что современное управленіе въ православной русской церкви не всегда согласуется съ церковными канонами и что положеніе ея подъ властію чиновниковъ крайне ненормально, а потому необходима коренная церковная реформа, возвращающая русской церкви то положеніе, какое она имѣла до Петра Великаго. Теперь я ограничиваюсь только общимъ указаніемъ на то, что мысль о необходимости указанной реформы слабо сознается въ массѣ православнаго приходскаго духовенства. Въ этой реформѣ, въ особенности когда дѣло касается возстановленія древняго русскаго прихода, наши батюшки, пожалуй, готовы будутъ усмотрѣть только, якобы незаконное, посягательство на ихъ права и благосостояніе со стороны мірянъ. Если разрѣшите, то я

*) Письмо это напечатано въ № 9 «Русскаго Дѣла», изд. С. Ѳ. Шараповымъ. Помѣщаемъ его съ опущеніемъ того, что касается исключительно журнала, для котораго оно предназначалось. *Примѣч. ред «Церк. Вѣстника»*

когда-нибудь и подробнѣе изложу вамъ причины, побуждающія меня такъ смотрѣть на приходское духовенство въ данномъ случаѣ.

А теперь я считаю долгомъ заявить вамъ, что необходимо возможно болѣе широко и настойчиво распространять среди духовенства и мірянъ, ревнующихъ о славѣ св. церкви Божіей и о пользѣ русскаго государства, тѣ мысли относительно церковной реформы, которыя неоднократно уже были изложены на страницахъ вашихъ изданій.

Вы пишете, что реформа эта должна производиться съ двухъ сторонъ: сверху и снизу. Это безусловно вѣрно. Сверху—нужно освободить нашу іерархію отъ подчиненія чиновникамъ, созвать соборъ архипастырей въ Москвѣ, который долженъ избрать патріарха и приступить къ необходимымъ исправленіямъ недостатковъ въ нашей церковной жизни. Снизу—нужно немедленно приступить къ организаціи церковныхъ приходовъ на древнихъ каноническихъ и общинныхъ началахъ.

Реформа *сверху* зависитъ отъ воли нашего Самодержавнаго Государя, который однимъ своимъ Царскимъ словомъ, однимъ почеркомъ пера можетъ даровать эту свободу церкви. Но вотъ вопросъ: какъ мы, ревнители церковной свободы, можемъ довести о ея нуждахъ до слуха Царева? Какъ мы можемъ умолить нашего батюшку Царя, чтобы Онъ даровалъ эту свободу русскимъ сынамъ св. православной церкви? Кто можетъ доложить и разъяснить Государю нужды церковныя? Только одинъ оберъ-прокуроръ Св. Синода! Первенствующій митрополитъ едва-ли это можетъ сдѣлать при настоящихъ нашихъ церковныхъ порядкахъ. А оберъ-прокуроръ рѣшится ли доложить Государю о томъ, что нужно освободить православную русскую церковь отъ власти чиновниковъ? Не значитъ ли это, что оберъ-прокуроръ долженъ самоотверженно отказаться отъ своей огромной власти надъ «вѣдомствомъ православнаго исповѣданія»? Имѣемъ ли мы возможность разсчитывать на такое великое самоотверженіе? Помимо же оберъ-прокурора по существующимъ порядкамъ никто изъ православнаго духовенства не можетъ подать своего голоса Государю. Такимъ образомъ, одни представители православнаго духовенства безъ мірянъ оказываются совершенно связанными по рукамъ и ногамъ. Вотъ, именно это-то послѣднее обстоятельство и служитъ главною причиною того, что теперь на Руси не слышно голоса церкви, о чемъ вамъ и пишетъ между прочимъ г. Мих. Новоселовъ. Итакъ, что же дѣлать въ такомъ случаѣ? Я думаю, что если бы сговорились между собой православные міряне въ достаточномъ количествѣ въ нѣсколькихъ, особенно столичныхъ московскихъ приходахъ, и рѣшились бы подать просьбу или всеподданнѣйшій адресъ на имя Го-

сударя Императора *) о нуждахъ церковныхъ помимо высшей церковной власти, подобно тому, какъ это сдѣлали хотя бы и старообрядцы въ настоящее время, то, быть можетъ, и достигли бы плодотворныхъ результатовъ для церковной жизни. Законныя просьбы старообрядцевъ всѣ будутъ удовлетворены надлежащимъ образомъ. Неужели же будетъ отказано въ удовлетвореніи законныхъ просьбъ православнымъ? Напротивъ, теперь-то и необходимо дать свободу св. православной церкви. Иначе ея положеніе въ русскомъ государствѣ окажется хуже всѣхъ инославныхъ исповѣданій, и православная вѣра въ Россіи легко можетъ превратиться изъ господствующей въ гонимую.

Относительно реформы церковной *снизу* вы пишете, что прихожане сами должны собраться, завести книгу для записи населенія прихода, избрать приходскій совѣтъ, представить предположенія относительно веденія церковнаго хозяйства и содержанія причта. Все это въ принципѣ безусловно вѣрно и прекрасно. Но вы и сами выражаете опасеніе, что приходскій священникъ можетъ *не согласиться* на просьбу прихожанъ созвать послѣ обѣдни собраніе, и въ такомъ случаѣ придется *потребовать* отъ него такого согласія. Я думаю, что если священникъ и не будетъ соглашаться на таковую просьбу прихожанъ, то не по причинѣ своего нежеланія положить начало такому доброму дѣлу, а просто изъ боязни подвергнуться за таковое, якобы самовольное, дѣйствіе строгому наказанію со стороны начальства. Исключеніе могутъ представлять тѣ священники, которые еще не имѣютъ надлежащаго понятія о древнемъ приходскомъ устройствѣ и которые въ этой реформѣ усмотрятъ посягательство на свои права. Вѣдь у насъ въ настоящее время и архіереи, и священники на каждомъ шагу своей дѣятельности стѣснены безчисленными формальностями, циркулярами, указами и параграфами, малѣйшее нарушеніе которыхъ можетъ привести виновнаго къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ. Особенно, когда дѣло коснется церковнаго хозяйства, то тутъ прихожанамъ придется войти въ столкновеніе съ нашей духовной бюрократіей. А потому и для возстановленія древняго, общиннаго приходскаго устройства прихожанамъ, можетъ быть, придется обращаться къ Царской милости. Вообще, и вопросъ объ организаціи приходовъ требуетъ разъясненій и наибольшей популяризаціи среди самого приходскаго духовенства и православнаго русскаго народа.

Я не разъ бесѣдовалъ съ приходскими священниками относительно древней организаціи и выборнаго начала въ приходахъ, и мнѣ возражали: «если мужикамъ предоставить право выбирать себѣ священниковъ,

*) Какъ разъ это и готовится въ Москвѣ. *Прим. ред «Русск Дѣла»*.

то они будутъ искать такихъ кандидатовъ, которые согласятся на это за возможно меньшую плату, а потому въ приходскіе священники будутъ поступать самые худшіе люди и по образованію, и по жизни». Выражаютъ еще опасеніе и за то, что такіе выборные священники будутъ жалкой игрушкой въ рукахъ своихъ прихожанъ, особенно вліятельныхъ. Конечно, по-моему, эти опасенія напрасны, и можно установить такой порядокъ, по которому и прихожане будутъ выбирать себѣ достойныхъ и надлежаще подготовленныхъ пастырей и содержать ихъ прилично, да и сами пастыри поставятъ себя на должную высоту въ глазахъ своихъ прихожанъ.

Вотъ что я думалъ, когда прочиталъ вашу передовицу въ № 5-мъ «Русскаго Дѣла» и письма гг. Ф. Н. Шипова, П. Перцова и Мих. Новоселова въ № 6-мъ того же журнала. Я не претендую на новость и оригинальность моихъ мыслей. Все это многимъ извѣстно и много разъ было высказываемо въ печати. Я написалъ вамъ сіе письмо для того, чтобы присоединиться къ вашему мнѣнію относительно необходимости именно въ настоящее смутное время коренной церковной реформы, а также для того, чтобы показать вамъ, что ваши искреннія, одушевленныя рѣчи по церковнымъ вопросамъ не остаются гласомъ вопіющаго въ пустынѣ и среди духовенства и что многія духовныя лица чутко прислушиваются къ вашему голосу въ данной области.

Господь да благословитъ васъ въ вашихъ трудахъ.

Димитрій, епископъ новомиргородскій.

Мнѣнія и отзывы.

Освобожденіе православной церкви. — Обще-русскій церковный соборъ и возстановленіе патріаршества.

Настало, наконецъ, давно желанное время спасенія Россіи посредствомъ замѣны убійственной чиновной казенщины всеобщимъ освобожденіемъ и самоуправленіемъ, отъ которыхъ мы, къ стыду нашему, такъ трусливо и суевѣрно открещивались. Чтобы снять пагубное заблужденіе съ очей нашихъ, Господь послалъ намъ жестокое испытаніе. Нуженъ былъ небывалый позоръ манчжурскихъ пораженій, чтобы намъ дозволили на дѣлѣ осуществлять то, о чемъ цѣлыхъ полстолѣтія пламенно говорили и писали лучшіе и благороднѣйшіе сыны свѣтскаго и духовнаго общества и чего никакъ не хотѣли допустить упорные бюрократы послѣдней четверти вѣка. Какъ жаль, что не внимали спасительнымъ призывамъ своевременно! Россія и въ своихъ гражданскихъ и въ цер-

ковныхъ частяхъ теперь уже настолько ослаблена растлѣвающимъ игомъ духовной порабощенности, что только медленно и съ трудомъ можетъ оправиться на свободѣ, какъ изможденный и малокровный человѣкъ послѣ тяжкой болѣзни. Но, разумѣется, лучше начать исцѣленіе поздно, чѣмъ никогда, хотя пора бы уже, кажется, послѣ неоднократныхъ грозныхъ уроковъ исторіи понять, что намъ нашъ «задній умъ» слишкомъ дорого обходится. Наша первая, основная забота и надежда должна быть направлена теперь на *освобожденіе церкви православной,* этой носительницы и воспитательницы духа народнаго. Достаточно сильнымъ языкомъ говоритъ объ этомъ газета «Заря» (№ 238), какъ мы сами до послѣдней минуты не могли говорить по «независящимъ обстоятельствамъ», хотя твердо, ясно и съ болью сердечной давно все это сознавали. Газета говоритъ, что съ бо̀льшимъ освобожденіемъ нашихъ иновѣрцевъ и сектантовъ положеніе православной церкви оказалось бы далеко не соотвѣтствующимъ ея номинальному «господству», что ея господственная привилегія на государственную поддержку заключаетъ въ себѣ много горькихъ отрицательныхъ сторонъ:

«Поддержка эта чисто формальная: она обезпечиваетъ православію внѣшнее «благолѣпіе», но зато лишаетъ его свободы внутренняго развитія, такъ необходимой для каждой религіозной общины. У насъ есть «вѣдомство православнаго исповѣданія», но мы не имѣемъ церкви въ томъ видѣ, въ какомъ представляютъ ее церковные каноны и древнехристіанская практика. Не даромъ же за границей упрекаютъ насъ въ «цезаро-папизмѣ», въ подавленіи русской церкви государствомъ. Конечно, религіозное чувство вѣрующихъ никогда не можетъ признать своей зависимости отъ какого бы то ни было «департамента» или «министерства», но практически, de facto, въ русской церкви именно существуетъ безчисленный рядъ мертвящихъ канцелярій, подавляющихъ ея духовную самодѣятельность. Не менѣе часто раздаются среди интеллигенціи голоса, указывающіе на духовную косность и формализмъ нашего православія, но что же это какъ не результатъ благопопечительной опеки надъ церковью, связывающей ее по рукамъ? Развяжите эти руки, дайте русскому православію необходимую свободу дѣйствій, и тогда оно, ставши православіемъ вселенскимъ, ярко заблещетъ духовными лучами правды, которая озаритъ и согрѣетъ многихъ. Въ нашей церкви не мало талантливыхъ и одушевленныхъ дѣятелей; но сейчасъ у нихъ нѣтъ простора. Что можетъ сдѣлать самый пламенный идеалистъ, если ему силою закроютъ ротъ и свяжутъ руки? Очевидно, добрыхъ намѣреній тутъ недостаточно. Надо освободиться отъ давящихъ

тисковъ формализма, внесеннаго въ церковь ея подчиненіемъ свѣтскимъ чиновникамъ: тогда разомъ развяжутся всѣ гордіевы узлы нашей церковной жизни и она направится по новому, впрочемъ освященному древностью, пути. Теперь много говорятъ о возрожденіи прихода, децентрализаціи епархіальнаго управленія, участіи мірянъ въ церковно-административной дѣятельности: все это составляетъ pia desideria, которыя, несомнѣнно, должны оживить церковь. Но достижимо ли это путемъ однихъ мечтаній, хотя бы и самыхъ увлекательныхъ? Нѣтъ, до тѣхъ поръ, пока государство будетъ налагать свою руку на чуждую ему область церковной дѣятельности, ожидать этого трудно. И долгъ всякаго болѣющаго о нуждахъ русской церкви долженъ заключаться въ дѣятельномъ стремленіи къ освобожденію ея отъ власти свѣтскаго правительства».

Здѣсь, помимо главнаго, резонны и замѣчанія о томъ, что нельзя достичь всего этого посредствомъ однихъ только «добрыхъ намѣреній и мечтаній», что нужно «дѣятельное стремленіе» къ осуществленію намѣченнаго блага. Замѣчанія умѣстныя потому, что у насъ существуетъ довольно многочисленный классъ мечтателей, наивно не понимающихъ основныхъ законовъ соціальной жизни и воображающихъ, будто нѣтъ нужды въ стремленіи къ внѣшнимъ реформамъ и будто всѣ общественныя затрудненія разрѣшаются безъ остатка процессомъ индивидуальнаго внутренняго усовершенствованія. Пусть имъ яркимъ, наглядымъ урокомъ послужитъ настоящій моментъ русской жизни. Свое вышеизложенное мнѣніе газета заканчиваетъ предположеніемъ, что объ освобожденіи церкви позаботятся народные представители, когда соберутся въ Государственную Думу.

Другой и болѣе опредѣленный путь къ той же цѣли намѣчаетъ С. Ѳ. Шараповъ въ своемъ «Русскомъ Дѣлѣ» (№№ 4—9). Какъ гражданскій мыслитель, онъ цѣнитъ въ церкви главнымъ образомъ ея организаціонную силу для русской народной жизни. По его представленію, старо-русская автономная церковь, начиная съ нормальнаго прихода и кончая верховнымъ соборомъ съ патріархомъ во главѣ, служила такой прочной нравственно-бытовой организаціей и опорой для русской государственности, что возстановленіе этой организаціи сразу же излѣчило бы настоящія «шатанія и смуту». Возстановленіе нужно начать немедленно и одновременно «снизу»—путемъ разрѣшенія мірянамъ организоваться въ свободныя приходскія общины съ выборнымъ духовенствомъ, и «сверху»—путемъ *созванія общецерковнаго собора для избранія патріарха* и установленія церковной автономіи. Настоящую послѣпетров-

скую каноническую искалѣченность церкви и ея горькіе плоды почтенный славянофилъ рисуетъ самыми мрачными красками:

«Наверху оказался въ наши дни сонмъ совершенно дисциплинированныхъ гражданской властью сановниковъ-архипастырей, послушно повинующихся мановенію перста синодскаго чиновника, петровскаго «добраго оѳиціра». Русскіе іерархи, увы, только изъ учебниковъ знаютъ о церковныхъ канонахъ, о епископскихъ ежегодныхъ соборахъ, о независимомъ и громкомъ голосѣ церкви, останавливавшемъ зачастую рѣшенія высшей государственной власти, о патріархѣ, выходившемъ увѣщевать или умолять царя. Священники, чуждые своимъ приходамъ, стали только исполнительными и благообразными чиновниками. Въ душу никто не заглядывалъ, заботясь лишь объ одномъ, чтобы въ порядкѣ была внѣшняя декорація. На нашихъ глазахъ проваливается и падаетъ эта декорація, самая ужасная, самая преступная изъ всѣхъ Пастыри оказываются не только въ сторонѣ отъ общественнаго и начинающагося аграрнаго движенія, но своей неловкостью, своимъ иногда не въ мѣру чиновничьимъ усердіемъ только помогаютъ ему... Теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, необходимо освободить отъ бюрократическаго плѣна и интеллигентной злобы русскую церковь, возродить ея жизнь сверху и снизу. Раньше всякаго земскаго собора или иного созыва какихъ бы то ни было представителей долженъ быть собранъ въ Москвѣ помѣстный *соборъ іерарховъ русской церкви*, чтобы возстановить ея древнее автономное устройство и избрать *патріарха*, главу автокефальной русской церкви. Это дѣло Государя, дѣло одного Его слова, одного почерка пера. Остальное сдѣлаетъ сама церковь. Кончаемъ колѣнопреклоненной мольбою къ Государю. Единственная Твоя опора, о Царь нашъ,—Твой народъ, единственная сила народа и залогъ его воли и единства—церковь! Разбей, великій православный Царь, тѣ оковы, въ которыхъ изнемогаетъ такъ давно русская церковь! Тогда, и только тогда, утихнетъ надъ царствомъ нашимъ праведный гнѣвъ Божій, столь грозно насъ карающій, и наша родина, дошедшая до крайняго послѣдняго стыда, безсилія и униженія, возстанетъ исцѣленною съ своего смраднаго и скорбнаго одра болѣзни».

Но кто передастъ этотъ призывъ Государю? Одинъ изъ сочувствующихъ г. Шарапову корреспондентовъ обращаетъ свои чаянія къ іерархіи, «чтобы она молила вѣрнаго сына и оберегателя православной церкви, Самодержавнаго Царя, дать церкви высказаться на правильно созванномъ соборѣ, не оставлять ее безгласною и не организованною при переустройствѣ русской жизни». Но вполнѣ раздѣляющій мысли издателя «Русскаго Дѣла» іерархъ, Димитрій, еп. новомиргородскій (№ 9), остана-

вливается передъ этимъ вопросомъ въ характерномъ для іерарха недоумѣніи, какъ предъ неразрѣшимымъ тупикомъ, и уповаетъ на мірянъ (см. выше). Слава Богу, дѣйствительность, повидимому, не оправдала опасеній откровеннаго епископа. Іерархія не упустила изъ своихъ рукъ почетнаго почина въ столь славномъ и святомъ дѣяніи. Благодаря мужественной иниціативѣ духовенства, мы теперь уже несомнѣнно находимся, по словамъ преосвященнаго Антонина, «на зарѣ» церковнаго обновленія, т. е. наканунѣ всероссійскаго церковнаго собора и возстановленія патріаршескаго титула. Какъ же слѣдуетъ организовать этотъ соборъ, какія задачи ему предстоятъ, какъ будетъ вновь устроено управленіе русской церковью? Это—рядъ вопросовъ, которыхъ намъ придется еще неоднократно касаться въ будущемъ. Ограничимся здѣсь выраженіемъ нашего основного пожеланія относительно состава предстоящаго учредительнаго церковнаго собора. Необходимо вернуть русскую церковь къ чистому, не фальсифицированному началу соборности, какъ оно постулируется подлиннымъ догматическимъ понятіемъ о церкви и подтверждается нелицепріятными фактами наилучшихъ, цвѣтущихъ періодовъ церковно-канонической практики. Соборность заключается въ объединеніи расколотыхъ нынѣ частей церкви—клира и мірянъ. Соборы древней церкви, начиная съ собора апостольскаго, состояли изъ всѣхъ вѣрующихъ, при чемъ рѣшающій голосъ принадлежалъ епископамъ, но совѣщательнаго голоса не лишался никто изъ православныхъ, въ какомъ бы онъ чину не состоялъ. Точное, научное обоснованіе этого положенія, непривычнаго для нашихъ, искаженныхъ учебниками, представленій, можно найти въ статьѣ проф. Заозерскаго («Богосл. Вѣстн.» 1903, апрѣль), съ которой настоятельно рекомендуемъ всѣмъ познакомиться, потому что она написана какъ бы спеціально для настоящаго исключительнаго случая. Читатели этой статьи увидятъ, что настоящій, канонически правильный соборъ долженъ принять въ свой составъ не только бѣлое духовенство, теперь несправедливо урѣзанное въ своихъ іерархическихъ правахъ, но и мірянъ—«богослововъ, ученыхъ, литераторовъ, публицистовъ, художниковъ, людей житейской и юридической практики. Ихъ мнѣніе, свободно высказанное, должно быть внимательно выслушано и обсуждено, какъ бы ни казалось оно необычнымъ. Только при такомъ условіи достижима одна изъ цѣлей собора—достаточная освѣдомленность о запросахъ современной духовной жизни».

Въ № 10.435-мъ «**Новаго Времени**» помѣщены выдержки изъ статей, напечатанныхъ въ газетахъ: «**Разсвѣтъ**», «**Свѣтъ**» и «**Биржевыя Вѣдомости**» *).

Въ «Разсвѣтѣ» передается бесѣда съ однимъ духовнымъ лицомъ, освѣдомленнымъ о подробностяхъ, при которыхъ наладилось дѣло церковной реформы. Иниціатива въ этомъ принадлежитъ Особому Совѣщанію Комитета Министровъ.

Когда труды Совѣщанія по раскрѣпощенію сектантства подходили къ концу, предсѣдатель Совѣщанія пріѣхалъ къ митрополиту съ визитомъ и отраднымъ извѣстіемъ. Онъ сообщилъ, что получилъ отъ Верховной Власти полномочіе возбудить въ Совѣщаніи вопросъ о преобразованіи управленія господствующей церкви и просилъ владыку изложить по пунктамъ требованія и чаянія церковной іерархіи. Митрополитъ изложилъ въ шести пунктахъ проектъ главнѣйшихъ преобразованій, необходимыхъ для того, чтобы церковь очнулась отъ борющей ее летаргіи

— Вы помните эти пункты?

— Въ общемъ помню. Прежде всего, конечно, говорилось въ нихъ о снятіи съ церкви узъ бюрократіи и о возвращеніи ей права каноническаго соборнаго самоуправленія. Затѣмъ митрополитъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи священникамъ принимать участіе въ дѣлахъ гражданскаго управленія, и для этого присутствовать, въ качествѣ непремѣнныхъ членовъ, во всѣхъ мѣстахъ и центральныхъ учрежденіяхъ, начиная съ сельскаго схода и кончая Комитетомъ Министровъ. За этимъ шло ходатайство объ уравненіи господствующей церкви съ раскольничьею въ дѣлѣ пріобрѣтенія завѣщаннаго прихожанами имущества, намѣчены и другія, менѣе важныя, реформы. Предсѣдатель Комитета къ этимъ шести пунктамъ составилъ объяснительную записку, которую и разослалъ въ напечатанномъ видѣ всѣмъ членамъ Комитета, назначивъ на 17 марта засѣданіе по этому вопросу.

Однако оберъ-прокуроръ Синода исходатайствовалъ объ изъятіи вопроса о преобразованіи церковнаго управленія изъ вѣдѣнія Комитета Министровъ и перенесеніи его въ Синодъ. Во вторникъ состоялось засѣданіе Синода, на которомъ единогласно постановлено ходатайствовать о созывѣ помѣстнаго собора для избранія всероссійскаго патріарха. На этомъ засѣданіи присутствовалъ не оберъ-прокуроръ, а его товарищъ.

Окончательное рѣшеніе о созваніи собора Синодъ принялъ въ пятницу вечеромъ, собравшись на квартирѣ у митрополита, безъ присутствія органа свѣтской власти. Рѣшено ходатайствовать о созывѣ собора въ Москвѣ, въ началѣ лѣта, если можно, въ маѣ мѣсяцѣ. Соборъ будетъ состоять изъ епископовъ, управляющихъ епархіями. Такихъ іерарховъ въ Россіи имѣется 63. Исключительная цѣль собора—избраніе патріарха и преобразованіе, сообразно съ этимъ, высшаго церковнаго управленія.

Сотрудникъ газеты выразилъ сомнѣніе, не можетъ ли быть ходатайство Синода отложено оберъ-прокурорской властью для представленія на неопредѣленное время. Собесѣдникъ отвѣтилъ:

— Вмѣстѣ съ протоколомъ на совѣщаніи у митрополита рѣшено представить благодарственный адресъ отъ Синода за дарованіе церкви столь долго ожидаемыхъ реформъ. Въ этомъ адресѣ будетъ повторено содержаніе протокола.

---

*) Выдержки печатаются мелкимъ шрифтомъ.

— А развѣ такой адресъ не можетъ быть положенъ подъ сукно?

Мой собесѣдникъ продолжалъ съ тою же улыбкой:

— Вмѣстѣ съ адресомъ рѣшено было поднести икону. Икона же, какъ вы сами знаете, контролю свѣтской власти не подлежитъ и подъ сукно не можетъ быть положена. Врученіе иконы вмѣстѣ съ адресомъ состоится на-дняхъ...

«Свѣтъ» выражаетъ надежду, что помѣстный соборъ русской церкви сослужитъ двойную службу:

Непосредственно онъ подниметъ значеніе церкви и развяжетъ связанное людскими путами дѣло Божіе. Косвенно—соборность церковная сама собою подвигнетъ и соборность государственную сложиться, имѣя готовый уже примѣръ, на настоящихъ исконныхъ русскихъ началахъ.

Мы не сомнѣваемся, что созывъ помѣстнаго собора всероссійской православной церкви,—какъ автокефальной, но неразрывно связанной съ церковью вселенской,—будетъ началомъ умиротворенія смятенныхъ душъ, вносящихъ нынѣ столько чуждаго туману въ неотложное дѣло русскаго государственнаго строительства.

Мы не сомнѣваемся, что коли сіе первое и важнѣйшее дѣло будетъ совершено, то и остальное все нужное совершится съ благословенія Божьяго.

Сотрудникъ «Бирж. Вѣдом.» пытался получить подробности относительно возстановленія патріаршества непосредственно у первоисточника—у самого высокопреосвященнаго Антонія.

— Немного могу сказать объ этомъ,—отвѣтилъ владыка.—Ничего не могу сказать, кромѣ того, что русское духовенство просило Государя разрѣшить съѣздъ представителей православной церкви. И если онъ будетъ разрѣшенъ, тогда выяснится и вопросъ о патріархѣ. По мѣрѣ развитія этого дѣла и печать будетъ своевременно извѣщаема

— Въ какомъ видѣ можетъ быть возстановлено патріаршество? Въ прежнемъ объемѣ власти, или въ иныхъ формахъ сообразно современному положенію дѣлъ?

— Патріархъ можетъ быть избранъ только на строгомъ основаніи каноническихъ правилъ.

Статья газеты «**Слово**» (№ 104-й):

Изъ бесѣдъ о церковной реформѣ.

Въ послѣднее время всеобщее вниманіе привлекаетъ вопросъ о церковной реформѣ. Вчера въ «Разсвѣтѣ» представлена довольно правдивая картина возникновенія этого вопроса и его развитія въ административныхъ сферахъ.

Старательно собранные, по порученію редакціи «Слова», разными лицами матеріалы даютъ намъ возможность сдѣлать по этому вопросу значительныя дополненія и нѣкоторыя поправки. Возстановляемъ исторію вопроса, оставляя данныя, заимствованныя изъ газеты «Разсвѣтъ» въ ковычкахъ.—По окончаніи въ Особомъ совѣщаніи комитета министровъ разсужденій по вопросамъ о положеніи сектантства и иновѣрія, предсѣ-

датель Совѣщанія С. Ю. Витте обратился къ членамъ его съ краткою рѣчью, въ которой ярко оттѣнилъ ту несомнѣнную мысль, что теперь, когда Высочайшей волею будетъ дана свобода иновѣрію,—православной церкви, стѣсненной тяжелой опекой свѣтской власти, будетъ затруднительна борьба съ расколо-сектантствомъ; что, остановившись въ своихъ сужденіяхъ только на вопросахъ, касающихся иновѣрія, и не коснувшись положенія православной церкви, «Особое совѣщаніе взяло бы на свою душу тяжелый грѣхъ предъ общею нашею матерью—православной церковью. Не надо забывать, говорилъ С. Ю., что у нашего народа, у этой 120-милліонной массы, есть только два сокровища, которыми онъ живетъ: одно—это земля и то «небольшое», что онъ отъ нея получаетъ, другое—его живая «вѣра», которая облегчаетъ тяжесть земной ноши, даетъ ему силу мириться съ горестью жизни. И страшно, какъ бы намъ не лишить народъ этого, самого дорогого для него, сокровища.

Рѣчь предсѣдателя вызвала живое сочувствіе у членовъ Совѣщанія и особенно у представителя церкви — высокопреосвященнаго Антонія. Послѣ того, какъ во взаимной бесѣдѣ высокопреосвященный изложилъ предсѣдателю Совѣщанія «требованія и чаянія церковной іерархіи», подъ непосредственнымъ руководствомъ С. Ю. была составлена краткая записка «О современномъ положеніи православной церкви», представляющая собою сводъ мнѣній выдающихся канонистовъ, современныхъ церковныхъ дѣятелей и профессоровъ духовныхъ академій о «характерѣ и каноническомъ достоинствѣ церковной реформы Петра Великаго»; авторъ записки констатируетъ не-каноническій характеръ реформы Петра и ея неблагопріятное вліяніе на послѣдующую церковную жизнь.

Главная мысль записки и ея выводъ—тотъ, что со времени насильственной, совершенной по протестантскимъ образцамъ, реформы Петра, церковь русская въ своей канонической жизни порвала связь съ церковнымъ преданіемъ, что отъ этого глохнетъ религіозная жизнь. Не желая вести реформу бюрократическимъ путемъ, С. Ю. совершенно воздержался въ запискѣ отъ проектовъ какихъ-либо реформъ, настаивая только на одномъ, на созывѣ помѣстнаго собора, на разсмотрѣніе котораго и долженъ быть представленъ вопросъ о церковной реформѣ.

Параллельно съ этимъ подъ руководствомъ высокопреосвященнаго Антонія наличнымъ составомъ канонистовъ и профессоровъ церковной исторіи и гомилетики с.-петербургской духовной академіи былъ выработанъ рядъ пунктовъ о желательныхъ преобразованіяхъ въ постановкѣ у насъ православной церкви (самый текстъ этого документа печатается ниже). Представители академической науки и церковной власти, какъ можно судить по намѣченнымъ ими для предварительнаго обсужденія

церковной реформы въ Особомъ совѣщаніи комитета министровъ пунктамъ, сошлись въ своемъ отношеніи къ современному церковному строю съ предсѣдателемъ Особаго совѣщанія. Изъ хорошо освѣдомленнаго источника намъ извѣстно, что въ бесѣдѣ съ столичнымъ духовенствомъ высокопреосвященный Антоній назвалъ записку С. Ю. Витте прекрасной; «записка написана хорошо», выразился владыка въ бесѣдѣ съ однимъ лицомъ; благопріятное впечатлѣніе она произвела и на остальныхъ, ознакомившихся съ нею іерарховъ,—въ ней выражаются дѣйствительно церковные взгляды. «Оберъ-прокуроръ Синода, узнавъ о предпринятой безъ его вѣдома реформѣ церковнаго управленія, вскипѣлъ гнѣвомъ и особымъ всеподданнѣйшимъ докладомъ исходатайствовалъ изъятіе вопроса о церковной реформѣ изъ вѣдѣнія Особаго совѣщанія комитета министровъ для передачи его въ Синодъ» или, что то же, въ его Константина Петровича безконтрольное распоряженіе.

«Такъ разыгралось qui pro quo. Церковь просила свѣтскую власть вернуть ей автономное управленіе, а оберъ-прокуроръ, во имя церковной автономности, просилъ въ этой просьбѣ отказать».

Передъ синодальнымъ засѣданіемъ, въ которомъ предполагалось обсужденіе вопроса о реформѣ церкви, К. П. Побѣдоносцевымъ была разослана особая записка, представляющая попытку возраженія на записку С. Ю. Витте. Записка носила весьма своеобразный характеръ. Главный основной тезисъ записки С. Ю. Витте «о неканоническомъ характерѣ церковной реформы Петра, о замѣнѣ въ немъ соборно-представительнаго управленія церкви коллегіально-бюрократическимъ», оставленъ безъ всякаго возраженія. К. П. Побѣдоносцевъ дѣлаетъ лишь слабыя попытки доказать только то, что реформа Петра I не оказала тягостнаго вліянія на церковную жизнь; что церковь нисколько не стѣснена свѣтскими чиновниками, наоборотъ, процвѣтаетъ подъ ихъ покровительствомъ; что, однимъ словомъ, въ церковной жизни все обстоитъ благополучно.

Кажется, что въ лицѣ составителя этой контръ-записки, поданной отъ имени К. П. Побѣдоносцева, оберъ-прокуроръ нашелъ среди своихъ же собственныхъ чиновниковъ коварнаго предателя. Дѣло въ томъ, что вся записка составляетъ сколокъ съ одной диссертаціи нѣкоего Рункевича, именно съ тѣхъ ея главъ и мѣстъ, которыя на совѣтѣ профессоровъ с.-петербургской духовной академіи были офиціально признаны представляющими церковную жизнь въ невѣрномъ, предвзятомъ свѣтѣ, составленными не научно и узко-тенденціозно.

Утверждаютъ также, что далѣе въ запискѣ К. П. Побѣдоносцева, по такому ли сознательному плану «коварнаго предателя» или недоразумѣнію, возраженія дѣлаются какъ разъ противъ тѣхъ мыслей записки

Витте, которыя взяты изъ сочиненій, удостоенныхъ премій за ученые труды самимъ же Синодомъ. Несомнѣнно одно, что контръ-записка Побѣдоносцева произвела на членовъ Синода отрицательное впечатлѣніе.

Не смотря на усиленное давленіе свѣтской власти, члены Синода единогласно рѣшили ходатайствовать о разрѣшеніи созвать помѣстный соборъ русской церкви для обсужденія вопроса о желательныхъ церковныхъ реформахъ. Направленіе мыслей іерарховъ было такъ ясно, а рѣшимость ихъ какимъ бы то ни было путемъ довести до свѣдѣнія Монарха о своихъ желаніяхъ такъ сильна, что свѣтская власть воздержалась отъ прямого противодѣйствія. Тѣмъ болѣе, что членамъ Синода стало извѣстно о волѣ Государя—созвать помѣстный соборъ, выраженной Имъ по поводу представленнаго, по слухамъ, тѣмъ же С. Ю. Витте письма съ докладомъ о ходѣ прерванныхъ въ самомъ началѣ сужденій «Особаго совѣщанія комитета» о церковной реформѣ и о желаніи представителей церкви просить о созывѣ собора.

По сообщенію газеты «Разсвѣтъ», присутствовавшій на этомъ засѣданіи, за болѣзнью К. П. Побѣдоносцева, его товарищъ глядѣлъ съ bonne mine на то, что происходило. Когда черезъ день Синодъ снова собрался, товарищъ оберъ-прокурора увѣрялъ, что истинно счастливъ, ибо его давняя мечта объ автономіи русской церкви сбылась. Одинъ изъ членовъ Синода при видѣ этой радости, говоритъ газета, даже замѣтилъ, что, вѣроятно, у товарища оберъ-прокурора было ночное видѣніе». Весьма возможно, что послѣднее открытіе впервые сдѣлано въ газетѣ «Разсвѣтъ», но, во всякомъ случаѣ, образъ дѣйствій товарища оберъ-прокурора явился неожиданнымъ, и мы не беремся рѣшить, нужно ли видѣть въ немъ обычную политику борьбы изъ-за угла или, можетъ быть, дѣйствительную рѣшимость стоять за правое дѣло. Ближайшее будущее покажетъ это. Ходатайство Синода на-дняхъ должно быть доложено Государю, и оберъ-прокурору съ его товарищемъ предстоитъ или вступить въ открытую вражду съ церковнымъ мнѣніемъ и постараться измѣнить выраженный уже взглядъ на этотъ предметъ самого Монарха, или взять на себя смѣлость скрыть отъ Государя истину и не допустить свиданія Монарха съ высшимъ представителемъ церкви. На что рѣшатся эти люди,—покажутъ ближайшіе дни.

Но какъ-бы то ни было, начавшееся въ духовенствѣ движеніе не замретъ, засохшій кумиръ падетъ не сегодня, такъ завтра, ибо находившаяся въ параличѣ церковь встала съ своего одра, на которомъ неподвижно лежала столько лѣтъ.

Нельзя не отмѣтить, что иниціатива въ этомъ великомъ дѣлѣ принадлежитъ С. Ю. Витте. «Я и мои братья епископы,—высказался вы-

сокопреосвященный Антоній,—будемъ всю жизнь молить за него Бога». То одушевленіе и мужество, съ которымъ духовенство встало на защиту попранныхъ правъ церкви, производитъ сильное впечатлѣніе на общество. «Попы-то, попы-то! — говорилъ на-дняхъ одинъ невѣрующій интеллигентъ,—какіе молодцы; ей-Богу, если они такъ будутъ дѣйствовать, то я опять сдѣлаюсь православнымъ».

Газета «**Русь**» (№ 75-й).

Статья *Н. Симбирскаго*:

Къ церковной реформѣ.

Всероссійскій соборъ архипастырей и пастырей православной церкви въ Москвѣ, предполагаемый осуществленіемъ въ маѣ мѣсяцѣ текущаго года, главной своей цѣлью имѣетъ возстановленіе патріаршества въ Россіи путемъ свободнаго выбора представителя на патріаршій престолъ.

Вопросъ о соборѣ былъ рѣшенъ въ высшихъ правящихъ сферахъ послѣ обсужденія въ Особомъ совѣщаніи комитета министровъ вопросовъ сектантства и старообрядчества.

Какъ передаютъ изъ источниковъ высококомпетентныхъ, современное положеніе сектантства и старообрядчества было представлено на совѣщаніи чрезвычайно ярко и сильно передъ членами Особаго совѣщанія.

Было представлено много фактовъ, рисующихъ дѣйствительное положеніе старообрядчества и отношеніе къ нему господствующей церкви. Матеріалы эти и дали какъ бы первый толчокъ къ возбужденію вопроса объ освобожденіи господствующей церкви отъ бюрократическихъ узъ, сковавшихъ ее и направившихъ на путь неправильный, отступающій отъ истинныхъ путей церкви.

Собору въ Москвѣ долженъ предшествовать рядъ подготовительныхъ мѣстныхъ соборовъ, ближайшей цѣлью которыхъ явится, помимо подготовки къ выбору патріарха, разсмотрѣніе главныхъ вопросовъ, имѣющихъ быть поставленными на всероссійскомъ соборѣ архипастырей и пастырей православной церкви. Во главѣ угла стоитъ вопросъ освобожденія церкви отъ бюрократическихъ узъ, т. е. освобожденіе отъ того вліянія, коимъ уже издавна пользуется на всѣ церковныя дѣла свѣтскій представитель церкви—оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода. Церкви необходимо право свободнаго каноническаго соборнаго самоуправленія. Нужна автономность церкви. При этомъ церковь просила высшія власти о дарованіи ей права самой разобраться въ дѣлахъ своихъ, провести

церковную реформу не обычнымъ путемъ проведенія всѣхъ государственныхъ реформъ, а собрать на этотъ предметъ всероссійскій духовный соборъ. Довольно неожиданно для самихъ пастырей церкви рѣшено было изъять вопросъ изъ вѣдѣнія Особаго совѣщанія комитета министровъ и передать на рѣшеніе Синода. На состоявшемся собраніи въ Синодѣ единогласно рѣшено ходатайствовать о разрѣшеніи созвать всероссійскій соборъ въ Москвѣ изъ 69 епископовъ Россіи.

Такова исторія вопроса въ стадіи возникновенія его.

Перейдемъ теперь къ исторіи петиціи 32-хъ священнослужителей столицы—этотъ частный фактъ имѣетъ несомнѣнную, хотя и косвенную, связь съ общимъ вопросомъ. Однажды къ митрополиту Антонію явились 25 священниковъ столицы съ просьбой разъяснить имъ: какъ имъ держать себя въ настоящее трудное время съ прихожанами? Приходъ требуетъ отъ пастырей разъясненій, твердаго слова о происходящемъ вокругъ,—пастыри не знаютъ, что сказать, чего держаться, они мятутся духомъ, безпокоятся.

Владыка успокоилъ священниковъ и подалъ имъ совѣтъ: собираться для обсужденія своихъ дѣлъ и рѣшать ихъ сообща, какъ-бы соборнѣ. Плодомъ этихъ совѣщаній явилась извѣстная петиція, которая впервые на страницахъ общей печати разъяснила то тяжелое положеніе, въ которомъ находится въ настоящее время церковь.

Вопросъ о соборѣ назрѣвалъ, и это коллективное заявленіе священниковъ столицы дало какъ бы частицу матеріала для полнѣйшаго выясненія вопроса.

Одинъ изъ толчковъ движенію его былъ данъ параллельнымъ разсмотрѣніемъ положенія православія и старообрядчества въ Россіи: доселѣ, какъ извѣстно, представители старообрядчества находились въ угнетенномъ положеніи; послѣ разсмотрѣнія вопросовъ сектантства въ Особомъ совѣщаніи комитета министровъ выяснилось, что въ ближайшемъ будущемъ старообрядчеству будутъ даны значительныя облегченія: автономія ихъ церковной жизни и управленія. Какъ извѣстно, въ настоящее время старообрядцы двухъ основныхъ толковъ—австрійскаго и поморскаго—пользуются свободой съѣздовъ. Были съѣзды въ Москвѣ, Нижнемъ-Новгородѣ и т. д. Между прочимъ, на московскомъ съѣздѣ рѣшено было не ходатайствовать передъ правительствомъ объ утвержденіи старообрядческаго духовенства—ихъ епископовъ и священниковъ.

Какъ извѣстно, у старообрядцевъ священники и епископы допускаются лишь свободнымъ выборомъ. Если же къ этому добавить еще и автономію церковной жизни старообрядчества, санкціонированную правительствомъ,—окажется, что старообрядческая церковь будетъ пользо-

ваться въ Россіи бо́льшими правами, чѣмъ господствующая — православная.

Въ силу этого, можно было предположить даже и ту опасность, что старообрядчество, и безъ того пользующееся симпатіями простого народа, пріобрѣтетъ громадное, подавляющее количество приверженцевъ среди народа. И въ результатѣ церковь старообрядческая можетъ стать церковью народной, православная же останется лишь церковью правительственной.

Чтобы устранить эту опасность, необходимо вернуть православной, господствующей въ имперіи, церкви ея старыя начала, разрушенныя желѣзной десницей Петра Великаго.

Состоится-ли вообще соборъ?

Этотъ вопросъ долженъ быть рѣшенъ въ самомъ ближайшемъ будущемъ. Но, во всякомъ случаѣ, программа перваго собора выработана совершенно.

Сообщаемъ теперь предполагаемыя основы перваго собора:

1) Избраніе патріарха будетъ произведено шестьюдесятью девятью епископами такимъ порядкомъ: вначалѣ записками епископы изъ своей среды изберутъ трехъ кандидатовъ. Далѣе, путемъ тайной подачи голосовъ, изъ этихъ трехъ кандидатовъ выбирается уже патріархъ. До этого акта избранія будетъ избранъ изъ среды присутствующихъ предсѣдатель собора путемъ открытаго голосованія. По избраніи патріарха, соборъ представляетъ свое рѣшеніе на утвержденіе Государя Императора.

Передъ избраніемъ патріарха всея Россіи будутъ оповѣщены всѣ православныя церкви. Соборъ войдетъ въ сношенія съ патріархами константинопольскимъ, александрійскимъ, антіохійскимъ и іерусалимскимъ, съ церквами греческой, сербской и черногорской.

Эти православныя церкви пришлютъ своихъ делегатовъ на всероссійскій соборъ, ибо требуется актъ признанія этими церквами вновь избраннаго патріарха.

2) Когда избранъ будетъ патріархъ, собирается въ резиденціи его— С.-Петербургѣ—особый патріаршій синодъ изъ 12 епископовъ. При этомъ шесть епископовъ будутъ постоянными членами этого синода, остальные же шесть будутъ избираться сообразно старшинству служенія ихъ.

Патріаршій синодъ является какъ бы совѣщательнымъ органомъ патріарха, но одновременно съ этимъ синоду дается право суда надъ патріархомъ, если потребуютъ того чрезвычайныя обстоятельства, напримѣръ, отпаденіе отъ вѣры и т. п. Жалобы на патріарха поступаютъ въ этотъ синодъ.

Вновь избранный патріархъ долженъ имѣть право непосредственнаго сношенія съ главой государства. Нынѣ же существующіе чины оберъ-прокуратуры при Св. Синодѣ будутъ служить лишь для сношеній патріарха и его патріаршаго синода съ остальными вѣдомствами.

3) Раздѣлъ Россійской имперіи на духовныя митрополіи по образцу гражданскихъ генералъ-губернаторствъ. Нынѣ, какъ извѣстно, власть даже лицъ высшаго духовенства, какъ, напримѣръ, митрополита, простирается лишь въ предѣлахъ той губерніи, въ которой находится митрополія. Власть же дальнѣйшая принадлежитъ всецѣло чинамъ оберъ-прокуратуры Синода. Это порождаетъ много неудобствъ; прежде всего не даетъ возможности объединенія духовныхъ лицъ.

Переходя къ положенію епископовъ, намѣчается слѣдующее: будетъ поставленъ вопросъ объ отказѣ отъ установившихся градацій на епископскія каѳедры. Въ настоящее время назначеніе епископа обставлено такъ: если назначается епископъ на какую-либо новую каѳедру, приходится производить передвиженіе едва-ли не десяти епископовъ. Эта система взята сколкомъ съ таковой же гражданскаго вѣдомства, но значительно превзошла ее по формѣ. Далѣе, весьма неравномѣрно распредѣлены самыя каѳедры епископскія: епископъ орловскій, напримѣръ, получаетъ матеріальнаго обезпеченія 1.500 руб. въ годъ, таковой же епископъ одесскій—до 20.000 руб. Помимо этого, постоянныя передвиженія епископовъ съ одной каѳедры на другую значительно подрываютъ нравственную связь епископа съ паствой. Средняя продолжительность пребыванія епископа въ данномъ раіонѣ не превышаетъ четырехъ лѣтъ. Поэтому, на разрѣшеніе собора будетъ представленъ вопросъ о несмѣняемости епископовъ и о возможномъ уравненіи ихъ матеріальнаго положенія.

Вотъ въ общихъ чертахъ тѣ вопросы, которыми будетъ занятъ первый всероссійскій соборъ архипастырей и пастырей церкви.

Въ слѣдующей статьѣ мы дадимъ впечатлѣнія нашихъ бесѣдъ на эту тему съ нѣкоторыми лицами высшаго духовенства.

Въ газетахъ **«Вѣстникъ Юга»** (№ 891-й) и **«Западный Голосъ»** (№ 167-й) помѣщена слѣдующая *«Бесѣда» корреспондента* (вѣроятно, обѣихъ этихъ газетъ) *съ іеромонахомъ о. Михаиломъ* о церковныхъ дѣлахъ вообще и о реформѣ церковнаго управленія въ частности:

«Среди вопросовъ, выдвинутыхъ въ послѣднее время общественнымъ движеніемъ въ Россіи, обратилъ на себя вниманіе по своей большой практической важности и вопросъ объ отношеніи къ современной смутѣ

русскаго духовенства. Поэтому, появившееся вчера въ газетахъ извѣстіе о желаніи Святѣйшаго Синода созвать помѣстный соборъ русской православной церкви произвело настоящую сенсацію.

Намъ захотѣлось скорѣе услышать голосъ русскаго духовенства, заглушавшійся до сихъ поръ, по словамъ записки столичныхъ священниковъ, «сторонними вліяніями и соображеніями»; интересно было также услышать мнѣніе о современныхъ событіяхъ одного изъ наиболѣе выдающихся проповѣдниковъ, и мы обратились къ о. Михаилу. Іеромонахъ Михаилъ вмѣстѣ съ тѣмъ популярный писатель, авторъ многихъ книгъ, предназначенныхъ, какъ сказано на ихъ обложкахъ, «для ищущей Бога интеллигенціи». Онъ доцентъ петербургской духовной академіи, и его манера говорить, его маленькая, заполненная книгами, келья, его заваленный рукописями и лекціями столъ,— все говоритъ объ ученомъ и аскетѣ.

— Синодъ, дѣйствительно, будетъ ходатайствовать о созывѣ помѣстнаго собора,—сказалъ намъ о. Михаилъ,—это стало ужъ насущной потребностью нашей церкви въ виду многихъ неустройствъ въ ней. На очереди цѣлая масса вопросовъ церковной жизни, какъ измѣненіе устава духовныхъ консисторій, положеніе объ епархіальныхъ съѣздахъ и др. Но главнымъ предметомъ обсужденія будетъ коренное измѣненіе церковнаго правленія путемъ возстановленія патріархата. Это необходимо: церковь, подчинявшаяся государству, подчинилась вмѣстѣ съ тѣмъ чуждымъ ей мірскимъ началамъ, и это гибельно отражается на религіи, на авторитетѣ самой церкви. Кому въ самомъ дѣлѣ было неизвѣстно, что въ Россіи голосъ ея раздавался не разъ недобровольно, иногда прямо по принужденію. И поэтому этому голосу не вѣрили, заподозрѣвали его искренность и тогда, когда онъ звучалъ даже не подъ чужимъ воздѣйствіемъ.

— Вы говорите,—продолжалъ о. Михаилъ,— что это въ большой степени слѣдствія подчиненія церкви государству, и хотите знать специфическое вліяніе на религію особенностей нашего самодержавнаго и бюрократическаго строя. Я затрудняюсь отвѣтить вамъ о вліяніи именно самодержавія Деспотическая Византія IX вѣка была вѣдь эпохой большого вліянія и свободы церкви; но, съ другой стороны, въ той же Византіи были примѣры прямо обратнаго. Въ Россіи, дѣйствительно, императоры Петръ I и Павелъ стѣснили власть духовенства ради усиленія абсолютизма: нужно и то сказать, что вліяніе церкви у насъ слишкомъ ужъ было поставлено въ зависимость отъ личности оберъ-прокурора Синода.

— Бюрократизмъ. Вотъ о его явленіи есть что сказать. Бюрократизмъ цѣликомъ перешелъ въ церковь, и церковь стала теперь еще болѣе бюрократична, чѣмъ государство. Это случилось отчасти по сосѣд-

ству, такъ сказать—инфекціонно, отчасти же по прямому насилію. Примѣръ перваго—это «усмотрѣніе», которое проникло въ епархіальное управленіе и господствуетъ тамъ не хуже, чѣмъ въ нашей мірской администраціи. Примѣръ бюрократическихъ формъ, навязанныхъ намъ государствомъ, еще хуже; вѣдь церковь отрицаетъ всякое формальное судопроизводство и должна была рѣшать хотя бы брачныя дѣла о разводѣ только по совѣсти; между тѣмъ вамъ, конечно, извѣстенъ господствующій теперь порядокъ собиранія и разбирательства уликъ о прелюбодѣяніи.

— Раньше, чѣмъ отвѣтить на другой вашъ вопросъ объ отношеніи ко всѣмъ предстоящимъ реформамъ массы духовенства, я прочту вамъ два отрывка: одинъ изъ частнаго письма, другой — выдержка изъ статьи Ю. В. Самарина, приводимая въ одной моей книгѣ: «Церковь, литература и жизнь»... «Преслѣдованіе сектантовъ и вообще свободы вѣры церковью; одобреніе церковью войны, каждаго наличнаго факта, хотя бы крѣпостного права, потому что это *фактъ*... Я видѣлъ, что церковь орудіе на службѣ «наличнаго», тогда какъ ея дѣло судить съ высоты «вѣчности», съ высоты Евангелія... И я не могъ принять ея».

«Когда порядокъ вещей цѣликомъ ставится подъ непосредственную охрану вѣры; когда ей, такъ сказать, навязывается одобреніе, благословеніе и освященіе всего, что есть въ данную минуту... тогда все пріучается смотрѣть на вѣру и церковь, какъ на преграды, черезъ которыя рано или поздно надо перешагнуть»...

Послѣ этого можетъ ли быть сомнѣніе въ томъ, каково отношеніе духовенства къ предстоящимъ реформамъ. Духовенство на себѣ испытало вліяніе бюрократіи и не меньше другихъ сословій заинтересовано въ освобожденіи отъ нея.

Частные примѣры противнаго, которые вы приводите, вы обобщаете совсѣмъ напрасно. Меньше всего можетъ служить возраженіемъ и доказательствомъ нелиберальнаго отношенія духовенства послѣдняя проповѣдь волынскаго епископа. Преосвященный Антоній безусловно приверженецъ самодержавія, но и онъ противникъ бюрократіи, и былъ даже однимъ изъ главныхъ дѣятелей, домогавшихся созыва помѣстнаго собора».

Статья *свящ. Г. Петрова* въ № 80-мъ «**Русскаго Слова**»:

Недоумѣнный вопросъ.

Въ 11-мъ № «Церковнаго Вѣстника» помѣщена маленькая замѣтка: «По слухамъ, въ Особомъ совѣщаніи комитета готовились къ обсужденію государственнаго положенія нашей церкви (въ видахъ предоставленія

ей большей самостоятельности въ церковныхъ дѣлахъ). Теперь, говорятъ, этотъ вопросъ вмѣстѣ съ вопросомъ объ основной реформѣ нашего церковнаго управленія переданъ Святѣйшему Синоду. Вмѣстѣ со всей православной Русью привѣтствуемъ давно желанный починъ!»

Эта краткая замѣтка духовнаго академическаго журнала вызываетъ глубокое недоумѣніе. Что собственно привѣтствуется какъ давно желанный починъ? То-ли, что поднялся вопросъ о раскрѣпощеніи русской православной церкви отъ невыносимой и всемертвящей казенщины свѣтскаго чиновничества при Святѣйшемъ Синодѣ? То-ли, что вопросъ о государственномъ положеніи нашей церкви въ смыслѣ предоставленія ей большей, столь необходимой и столь законной, самостоятельности въ церковныхъ дѣлахъ, подлежавшій было обсужденію Особаго совѣщанія комитета министровъ, изъятъ оттуда и переданъ на усмотрѣніе Святѣйшаго Синода.

Мы, полагаемъ, болѣе—мы увѣрены, что «Церковный Вѣстникъ» привѣтствуетъ первое. Ибо второе—передача дѣла о пересмотрѣ внѣшняго положенія нашей церкви на усмотрѣніе Святѣйшаго Синода—можетъ вызывать скорѣе обратное чувство, не привѣтствіе, а недоумѣніе и даже тревогу. Что разумѣть тутъ подъ Святѣйшимъ Синодомъ? У насъ обыкновенно царствуетъ смутное представленіе о рѣшеніи дѣлъ Святѣйшимъ Синодомъ. Будутъ рѣшать вопросъ о самостоятельности церкви епископы, члены Синода? или канцелярія синодальнаго оберъ-прокурора, чиновники, то-есть тѣ самыя лица, объ освобожденіи отъ нежелательнаго, но властнаго вмѣшательства которыхъ въ устроеніе церковной жизни и подымается вопросъ?

Мы думаемъ, что послѣднее никакъ не возможно; что если *слухъ*, сообщаемый «Церковнымъ Вѣстникомъ» и справедливъ, то рѣшеніе вопроса будетъ предоставлено именно Святѣйшему Синоду, то есть исключительно епископамъ, а никакъ не канцеляріи синодальнаго оберъ-прокурора. Послѣднее было бы насмѣшкой надъ здравымъ смысломъ и надъ чувствомъ самой основной правды, что въ вопросахъ столь великой важности, какъ вопросъ о правахъ и полномочіяхъ Христовой церкви, конечно, немыслимо, почему мы заранѣе убѣждены, что поднятый жизнью вопросъ о возстановленіи законныхъ внѣшнихъ самостоятельности и свободы дѣйствій нашей церкви будетъ рѣшаться безъ всякаго вмѣшательства и воздѣйствія чиновниковъ. Хотя нѣтъ сомнѣнія, конечно, что свѣтское чиновничество, привыкшее вершить дѣла церкви по своей волѣ и усмотрѣнію, приложитъ всѣ усилія, чтобы замять вопросъ, какъ говорится, смазать.

Человѣку, чуждому міра чиновничества духовнаго вѣдомства, трудно

представить себѣ, до чего доходитъ и какъ глубоко здѣсь вкоренилось надменное самовластіе и высокомѣрное пренебреженіе вицъ-мундировъ къ рясѣ. При столкновеніи вицъ-мундира съ рясой нѣтъ человѣка въ первомъ,—есть олимпіецъ.

Спросите любого батюшку, не просто даже священника, а почтеннаго протоіерея, какъ съ ними обращаются не то что оберъ-секретари Синода, а простые секретари консисторій. Какой напыщенный видъ, какая гордая осанка, какое бросаніе словъ сверху внизъ. Даже въ частной жизни, когда съ ними встрѣчаешься по старому школьному товариществу, и то они не могутъ освободиться отъ своего олимпійства.

Для поясненія первый попавшійся случай. Первые полтора-два года моего священства я былъ прикомандированъ къ полу-приходской церкви. Затѣмъ перешелъ законоучителемъ въ учебное заведеніе съ домовой церковью, на другой конецъ Петербурга.

Минуло года три, если не больше. Вдругъ получаю изъ консисторіи бумагу. Какой-то инженеръ хлопочетъ о разводѣ съ женой, и консисторія *предписываетъ* мнѣ усовѣщевать супруговъ, примирить ихъ. Адресъ—поблизости моей прежней церкви.

Положеніе пренепріятное: поѣзжай къ незнакомымъ людямъ, незванный входи въ ихъ квартиру и по казенному предписанію «усовѣщевай» ихъ. Какая въ семьѣ драма, что пережили супруги, пока дошли до развода,—ничего не сказано.

— Такіе-то хлопочутъ о томъ-то. Предписывается то-то.

Коротко и неясно, чтобы не сказать: грубо и глупо. Смотрю на подписи, вижу знакомую фамилію: «Столоначальникъ такой-то». Вспоминаю, что онъ при мнѣ двумя-тремя годами младше учился въ академіи.

Занятый сверхъ мѣры лекціями и подготовкой къ нимъ, бросаю дѣла и ѣду въ консисторію, въ третій конецъ города. Прошу вызвать такого-то. Выходъ не сразу. Жду 15—20 минутъ. Затѣмъ выходитъ. Знакомаго когда-то студента нѣтъ. Появилась персона Окинула меня величественно взоромъ и спрашиваетъ:

— Вамъ что угодно?

— Мнѣ,—говорю,—ничего не угодно, а вотъ вамъ было благоугодно предписать мнѣ. Не знаю только, почему.

— Въ чемъ дѣло? Изложите.

Въ лицѣ все—неизмѣнное величіе.

Излагаю.

— Что же? Вамъ остается исполнить.

— Но вы, очевидно, перепутали,—возражаю. — Я уже три года на другомъ концѣ города.

— Это безразлично! Вамъ *предписано*, и вы *обязаны* исполнить.

Признаться, меня взяла досада на эту дутую самоувѣренность и властность консисторскаго столоначальника. Я положилъ на столъ его предписаніе и говорю:

— Вы, господинъ хорошій, предписывать мнѣ можете, что угодно, только ваши предписанія сами и читайте, а меня попрошу напрасно отъ дѣла не отрывать. Впредь ваши предписанія оставляйте при себѣ.

Тогда вицъ-мундирный пѣтухъ сразу осѣлъ, опустилъ надутый гребень и сталъ просить:

— Простите, вышла ошибка. Мы тутъ напутали. То да се. Да нельзя ли? и т. д.

Дѣло устроилось просто. Но это въ столицѣ, маленькій неоперившійся столоначальникъ и съ нимъ человѣкъ, принципіально отрицающій власть чиновника надъ духовенствомъ! А что дѣлать сельскому или уѣздному батюшкѣ, да передъ секретаремъ консисторіи? А въ Синодѣ оберъ-секретари и выше? Тамъ и теперь еще не забыто имя оберъ-прокурора, который кричалъ и топалъ на архіереевъ, грозилъ имъ упрятать ихъ въ глухую епархію.

Понятно, что синодальному чиновничеству не угодно будетъ изъ господъ церковнаго вѣдомства обратиться просто въ исполнителей рѣшеній и постановленій самостоятельной церковной іерархіи; и дать имъ рѣшать вопросъ о насущномъ расширеніи законныхъ правъ и самостоятельности православнаго духовенства,—это значитъ погубить все дѣло. Послѣдняго быть не можетъ. Было бы тяжкимъ преступленіемъ, грѣхомъ и передъ церковью Христовою, и передъ вѣрующими сынами православной церкви. Время пришло роковое. Настали дни, когда передъ сознаніемъ живыхъ членовъ церкви во всемъ ужасѣ раскрылся вопросъ:

— Или спасать канцелярію и чиновниковъ, и оставить церковь, по словамъ великаго писателя земли русской, преданнаго сына церкви, Достоевскаго, въ духовномъ параличѣ? Или отодвинуть синодальное чиновничество въ сторону, снять ихъ съ «сѣдалища Моисеева» и поставить на свое мѣсто, а живой Христовой церкви православной дать свободу дѣйствій по изволенію Святаго Духа, полностью пребывающаго въ ней, а не по усмотрѣнію вицъ-мундирной канцеляріи, все болѣе и болѣе насѣдающей на нее?

Или власть человѣковъ, или власть Духа Божія въ православной церкви? Вотъ какъ стоитъ теперь вопросъ. Или то, или другое. Tertium non datur.

Чиновники духовнаго вѣдомства, конечно, съ такой постановкой вопроса не согласны. Они находятъ, что все обстоитъ благополучно, что

лучшаго и желать не надо. Мнѣ въ одномъ многолюдномъ собраніи приходилось слышать разсужденія такого благополучнаго византійца въ вицъ-мундирѣ, чиновника русскаго духовнаго вѣдомства.

— О чемъ шумъ? О чемъ споры?—наивничалъ онъ.—Требуете соборности, соборнаго управленія въ дѣлахъ церкви? Такъ оно же есть. Право, есть. Не вполнѣ, но насколько позволяютъ обстоятельства. Положимъ, и правила апостоловъ, и правила вселенскихъ соборовъ, и практика всей древней церкви, и обычаи древне-русской церкви говорятъ о необходимости ежегодно собираться епископамъ для обсужденія общецерковныхъ нуждъ и дѣлъ, но вѣдь надо принять во вниманіе и пространства наши, наше бездорожье. Гдѣ жъ тутъ съѣзжаться всѣмъ, да еще каждогодно?

Вицъ-мундирный соловей такъ увлекся, что забылъ и о желѣзныхъ дорогахъ, и о томъ, что наши епископы живутъ не въ пустыняхъ, за тысячами верстъ непролазныхъ болотъ.

Далѣе онъ еще болѣе увлекательно пѣлъ о прелестяхъ чиновничьей кабалы для церкви.

— Надо писать циркуляры, надо наводить справки, надо вырабатывать новые законы, слѣдить за исполненіемъ и многое еще другое. Все это требуетъ силъ и труда, отнимало бы людей отъ церкви, вырывало бы полезныхъ работниковъ изъ среды духовенства. Въ однѣхъ, напримѣръ, консисторіяхъ какая переписка! Въ любой за годъ до 20 тысячъ бумагъ. И все это дѣлаютъ чиновники! Духовенству надо благодарить ихъ.

Слушатели вицъ-мундирнаго оратора, духовенство, однако, не хотѣли благодарить ни его, ни его товарищей. Они возмущались рѣчью чиновника, брезгливо указывали на его подтасовки и говорили:

— Кто васъ, чиновниковъ, поставилъ судьею надъ нами? Кто далъ вамъ власть устроять жизнь нашу, жизнь всѣхъ вѣрующихъ церкви? Вы дѣлаете намъ предписанія. Ревизуете насъ, дѣятельность епископовъ. Хвалите насъ, награждаете, судите, порицаете. Какою силою? Чьимъ изволеніемъ? Вы, наконецъ, и при рѣшеніи дѣлъ обще-государственныхъ право голоса церкви присвоили себѣ. Во всѣхъ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ представителемъ церкви, властнымъ выразителемъ ея яко-бы мнѣнія, является вашъ чиновничій вицъ-мундиръ, а не наша духовная ряса. Мы на васъ не имѣемъ никакого вліянія. Вы цацы для насъ, царевны-недотроги, а къ намъ вы вмѣшиваетесь во все. Захотите вы воевать съ земствомъ,—вы насъ заставляете чуть не силой заводить школы и учить въ нихъ. Начинаете репрессивными мѣрами искоренять сектантство,—насъ обращаете въ своихъ агентовъ.

Оставьте насъ въ покоѣ. Дайте намъ пастырское дѣло дѣлать пастырскими средствами и съ пастырскимъ духомъ.

Такъ въ лицѣ пастырства и чиновничества сталкиваются два совершенно различныхъ пониманія церковнаго строительства. Чего достигло главенство чиновниковъ въ духовномъ вѣдомствѣ, ясно показываетъ печальное положеніе церкви теперь, когда и расколъ, и секты растутъ, когда верхній классъ общества все болѣе и болѣе обособляется отъ церкви, и когда православную церковь, изъ-за разныхъ мѣропріятій господъ чиновниковъ духовнаго вѣдомства, винятъ на всѣхъ углахъ и перекресткахъ и въ насиліи, и въ мертвенности, и въ раболѣпствѣ и въ угодничествѣ не Богу, а властямъ. Поэтому доказывать необходимость раскрѣпощенія церковнаго устроенія отъ чиновничьей кабалы врядъ-ли еще нужно. Равно какъ лишне и говорить, что проведеніе этой неотложной церковной реформы отнюдь не можетъ быть отдано въ руки столь печально зарекомендовавшихъ себя чиновниковъ духовнаго вѣдомства.

Мы надѣемся, что слухъ, сообщенный «Церковнымъ Вѣстникомъ», говоритъ о передачѣ дѣла пересмотра правъ нашей церкви разумѣнію іерарховъ церкви, а никакъ не усмотрѣнію чиновниковъ.

---

25 марта.

Статья «**Новаго Времени**» (№ 10.436-й):

Къ преобразованію духовнаго вѣдомства.

Какъ свѣтское общество, такъ и свѣтская печать можетъ отнестись только съ радостью къ возвращенію духовенству нашему независимости положенія, свободы голоса и развязанности силъ. За весь XIX в. не было двухъ мнѣній касательно крайней неудачи церковныхъ преобразованій Петра Великаго, которыя сломили послѣдній еще оставшійся независимымъ голосъ въ странѣ около всемогущей и въ сущности сдѣлавшейся совершенно безконтрольною и «непогрѣшимою» бюрократіи. Поставленное подъ присмотръ чиновниковъ же, духовенство послѣ Ѳеофана Прокоповича могло только пѣть акаѳисты всему сущему, и зрѣлище этого было тѣмъ болѣе противно, что здѣсь явное потворство и скрываемая трусость драпировались въ священные тексты. Быстро теряло духовенство нравственный авторитетъ, и голосъ его еще сохранялъ

значеніе только для простецовъ, не знавшихъ положенія дѣлъ. Для всѣхъ, освѣдомленныхъ касательно реальнаго положенія дѣлъ въ духовномъ вѣдомствѣ, духовенство наше in corpore какъ бы умерло, не говоря конечно о прекрасныхъ личныхъ исключеніяхъ. Но исключенія правила не разрушаютъ, а только ярче его иллюстрируютъ. Богъ въ помощь духовенству; общество надѣется и вѣруетъ, что уже не далекъ часъ, когда это крѣпкое умомъ и исконно-русское сословіе придетъ на помощь ему, помощь энергичную и свѣтлую.

Мы замѣтили, что двухъ мнѣній относительно нашего духовно-свѣтскаго управленія не было. Дѣйствительно, даже такіе принципіальные противники, какъ извѣстный историкъ С. М. Соловьевъ и школа славянофиловъ съ Хомяковымъ, Самаринымъ и Аксаковымъ во главѣ, одинаково считали, что уничтоженіе самостоятельности церкви въ государствѣ было гибельно для послѣдующаго общественнаго историческаго развитія Россіи. С. М. Соловьевъ, во всемъ, даже до мелочей, сторонникъ цѣлостной реформы Петра, въ данномъ пунктѣ отдѣлялся отъ нея. Съ тѣмъ вмѣстѣ, если строй церковно-государственный реформируется въ ближайшемъ будущемъ, то это составитъ одну изъ важнѣйшихъ реформъ наступившаго XX вѣка. Духовенство должно напрячь всѣ свои силы, чтобы довести ее благополучно до конца, и въ особенности, чтобы Россія сразу же увидѣла, что эта реформа служитъ ей всей, т. е. всей Россіи, а не клонится къ выгодамъ одного духовнаго сословія. Поползновенія къ духовной аристократичности сразу же встрѣтили бы себѣ самый жестокій отпоръ. Напротивъ, нѣкоторый видъ духовной демократіи, заявленный нашимъ духовенствомъ сразу же послѣ реформы, сдѣлалъ бы всѣхъ русскихъ друзьями ея и придалъ бы устойчивость и крѣпость самой реформѣ. А послѣднее—весьма и весьма не лишне.

Все—для народа, ничего—для сословія, все—для церкви, ничего или очень немного—для іерархіи: вотъ краткій руководительный принципъ, принявъ который во вниманіе, духовенство и практическіе дѣятели наступающаго преобразованія могли бы избѣгнуть множества ошибокъ, недоумѣній о томъ, для кого и для чего реформа. Какъ можно дальше отъ сходства съ Никономъ—вотъ маякъ всего дѣла; даже мы рѣшимся добавить: подальше и отъ подражанія Филарету Московскому, хотя высокій государственный умъ послѣдняго внѣ всякихъ споровъ. Но времена страшно измѣнились. Весь духъ исторіи теперь другой. Филаретъ былъ послѣднимъ классическимъ представителемъ недвижныхъ позъ и великолѣпныхъ словъ, которыя теперь уже мало кого могутъ удовлетворить, насытить, даже успокоить. Наше время проще и серьезнѣе. Объяснимъ мысль свою примѣромъ. Извѣстно, что Филаретъ былъ

жестокимъ гонителемъ старообрядчества, что отношеніе его къ бѣлому духовенству было жостко до грубости, что взглядъ его на ученыхъ представителей академій былъ высокомѣренъ и презрителенъ (исторія съ Гиляровымъ-Платоновымъ). Мы назвали цѣлый рядъ рубрикъ, и всякій пойметъ, что если бы будущій или возможный патріархъ «Всея Руси» захотѣлъ слѣдовать этой прискорбной программѣ, то онъ не только ровно ни въ чемъ бы не успѣлъ, т. е. все равно не выполнилъ бы этой программы, но и заставилъ бы всю Русь повернуться фронтомъ противъ возстановленнаго сана, сожалѣть объ этомъ возстановленіи, и, кто знаетъ, можетъ быть вторично и уже навсегда рушить его. Совершенно наоборотъ, если бы Россія увидѣла, что выросшая сила церкви направляется къ уврачеванію такихъ ранъ, какихъ отмѣненная оберъ-прокуратура Св. Синода, эта въ сущности свѣтская форма патріарха, не умѣла два вѣка исцѣлить, то это моментально бы страшно укрѣпило новыя формы духовной жизни Россіи. Патріархъ, который бы навсегда уничтожилъ самую возможность суздальскихъ «затворовъ», вернулъ бы свободу академическому преподаванію, вступилъ бы въ переговоры съ восточными патріархами касательно необходимости снять «клятвы», наложенныя неосторожно (это теперь всѣ признаютъ) на старые обряды и на слѣдующихъ этимъ старымъ обрядамъ, — такой патріархъ сразу получилъ бы любовь народа, вѣроятное умиротвореніе сектъ и сектантовъ и довѣріе (нужно говорить и объ этомъ) русскихъ образованныхъ классовъ. Къ великому счастью, наличными двигателями намѣчающагося преобразованія являются люди высоко просвѣщенные и безъ всякой вражды къ наукѣ, литературѣ и культурѣ. Начало всегда рѣшаетъ и послѣдующіе шаги. Верстового Аскоченскаго Россіи не нужно. А если явится съ утроеннымъ авторитетомъ инокъ такого настроенія и такихъ широкихъ взглядовъ на вещи, на міръ и на цивилизацію, какъ приснопамятный архимандритъ Ѳедоръ Бухаревъ, котораго многіе выдающіеся духовные писатели нашего времени считаютъ первымъ провозвѣстникомъ новаго и свѣтлаго духа въ православіи,—то Россія благословитъ свое духовенство, а исторія благословитъ наступающій важный часъ ея.

«Русь» (№ 76-й).

Статья вторая *Н. Симбирскаго:*

Къ церковной реформѣ.

— Итакъ, всероссійскій духовный соборъ необходимъ и прежде всего потому, что церковь православная въ опасности...

Мы сидимъ въ обширныхъ и пустынныхъ покояхъ. Говоримъ и невольно сдерживаемъ голоса—въ этихъ высокихъ покояхъ царитъ такая тишина, такое молчаніе, что каждое даже обычное повышеніе тона звучитъ уже рѣзкимъ диссонансомъ.

Вся черная фигура моего собесѣдника такъ подходитъ къ этой обители молчанія — выдержанная, строгая... И только на лицѣ иногда вдругъ блеснетъ какъ бы отблескомъ—лучъ нашей, мірской жизни.

Блеснетъ и погаснетъ...

— Да, соборъ нуженъ главнымъ образомъ потому, что церковь въ опасности...—задумчиво говоритъ мой собесѣдникъ.—И опасность эта идетъ не извнѣ, а находится внутри ея—это болѣзнь внутренняя, требующая лѣченія продолжительнаго, раціональнаго, неуклоннаго.

Старообрядчество, расколъ—это все болѣзни наружныя. Отъ такихъ ранъ можно излѣчиться успѣшно — средство на лицо, не такъ легко поддается лѣченію недугъ внутренній, глубоко вкоренившійся.

Церковь—это идея. Ибо основой церкви является вѣра, та вѣра, о которой сказано: «вѣра есть увѣренность въ невидимомъ какъ бы въ видимомъ, желаемомъ и ожидаемомъ—какъ бы въ настоящемъ». Основой церкви является высокая идея вѣры; эту идею чрезвычайно трудно уложить въ формы сущаго.

Однако идею эту даже не уложили, а грубо втиснули въ извѣстныя формы и держатъ ее въ таковыхъ уже два столѣтія. И въ результатѣ—у насъ существуетъ не церковь, а лишь министерство религіи православной.

Чиновникъ задавилъ русскую жизнь, онъ же задавилъ и русскую церковь.

И мало того, что задавилъ, но—что хуже всего—и насъ всѣхъ сдѣлалъ духовными чиновниками, воспиталъ цѣлое поколѣніе, образовалъ цѣлую касту духовныхъ чиновниковъ, преемственно передающую свои профессіональныя знанія отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Церковь—это идея, но идея живая, и потому нельзя ни на минуту отдѣлять церковь отъ жизни, въ данномъ случаѣ отъ жизни русской. И какъ русская общественная жизнь вдругъ почувствовала себя до невозможности стѣсненной въ томъ руслѣ, которое заботливо пріуготовила ей бюрократія, такъ и церковь вдругъ проснулась отъ двухсотлѣтней летаргіи, и первымъ ея жизненнымъ вздохомъ было слово, которое стало теперь лозунгомъ всей мыслящей Россіи...

Свобода!..

Осуществленіе этого великаго слова необходимо церкви совершенно въ той-же мѣрѣ, какъ и всей Россіи.

Какъ мы жили доселѣ? Не только священники, но и лица высшаго духовенства были унижены, стѣснены, запрятаны въ глухой футляръ повиновенія не идеѣ, не религіи, а человѣку...

Даже не коллегіи людей свѣтскихъ — съ этимъ можно было бы кое-какъ помириться, ибо коллегія всегда являетъ собой уже нѣчто болѣе справедливое, мудрое, чѣмъ воля одного человѣка, подверженнаго всѣмъ слабостямъ людскимъ.

Одинъ человѣкъ могъ съ гордостью говорить, можетъ быть, не одинъ десятокъ лѣтъ:

— Русская церковь—это я!

И мы, сонмъ русскаго православнаго духовенства, духовные отцы народа русскаго de jure, на дѣлѣ должны были покорно склонять головы передъ волей одного человѣка и говорить:

— Да, русская православная церковь—это онъ!

И такъ тянулись долгіе, долгіе годы. Такъ воспитывались поколѣнія духовныя. И теперь, горько сказать, мы задумали соборъ, одинъ изъ величайшихъ актовъ духовной жизни, разработали программу его и... почти не знаемъ, теряемся, что мы будемъ говорить на этомъ соборѣ.

Мы разучились говорить за долгую летаргію, за десятокъ лѣтъ кошмара. Мы теперь должны учиться говорить, а между тѣмъ призваніе наше «глаголомъ жечь сердца людей»!

Много горечи накопилось въ сердцахъ духовенства...

Послѣ перваго выхода этой горькой волны, бесѣда наша приняла болѣе спокойную форму. Мы перешли къ самой сущности дѣятельности будущаго собора.

— Отъ перваго собора многаго не ждите...—говоритъ мой собесѣдникъ.—Всегда лучше ждать меньшаго, чтобы получить впослѣдствіи большее. Вопросовъ неотложныхъ столько накопилось въ русской церкви, что дай Богъ разобрать ихъ въ нѣсколькихъ соборахъ послѣдующихъ. Первый соборъ займется лишь установленіемъ формы, той формы, при которой можно по крайней мѣрѣ свободно дышать и двигаться. Далѣе передъ нами развертывается громадная перспектива труда. Мы раздѣлимъ этотъ трудъ такъ, чтобы можно было выполнить его честно, съ пользой, а не легкомысленно..

Отъ насъ не скрытъ тотъ чрезвычайной важности фактъ, что религіозныя начала въ народѣ начинаютъ ослабѣвать. Не говоря уже объ интеллигенціи, которая за послѣднее время становится все болѣе и болѣе равнодушной къ церкви, но и въ простомъ народѣ это движеніе

замѣтно. Мы-ли въ этомъ виноваты? Можетъ быть отчасти;—это будетъ однимъ изъ главныхъ пунктовъ обсужденій на послѣдующихъ соборахъ. Но главной причиной ослабленія религіознаго начала въ народѣ все же слѣдуетъ считать то положеніе, изъ котораго мы ищемъ выхода путемъ перваго собора...

На этомъ закончилась наша бесѣда съ однимъ изъ высшихъ лицъ духовенства. Въ послѣдующемъ мы перейдемъ уже ближе къ сущности затронутыхъ вопросовъ.

Статья «**Русскаго Слова**» (№ 81-й):

Церковныя реформы.

Православная церковь возрождается. Она желаетъ быть свободной въ пониманіи и осуществленіи своей миссіи на нашей грѣшной землѣ.

Православная церковь именуется господствующей и первенствующей. Всѣмъ извѣстно, какъ понимала это господство и первенство та свѣтская власть, которая фактически управляла по-своему православной церковью въ теченіе послѣднихъ 25-ти лѣтъ. Въ запискѣ представителей петербургскаго столичнаго духовенства (см. «Русское Слово» № 76), если и не все, то весьма многое сказано опредѣленно и ясно. Старанія воинствовавшей свѣтской власти, распоряжавшейся судьбами православной церкви, немало содѣйствовали тому, чтобы она только именовалась господствующей и первенствующей.

Церковь не можетъ стать и почитаться господствующей и первенствующей только въ силу принудительныхъ велѣній закона и стремленій къ тому свѣтской власти, опирающейся на сложный арсеналъ полицейскихъ мѣръ воздѣйствія, стѣсненія, ограниченія, запрещенія, принужденія и проч. Кто прибѣгаетъ къ этимъ мѣрамъ, тотъ сомнѣвается въ томъ, что первенствующая и господствующая церковь можетъ стоять на подобающемъ ей мѣстѣ силою своего собственнаго внутренняго авторитета. Широкое же примѣненіе стѣснительныхъ мѣръ противъ иновѣрія, инославія и отклоняющихся въ частностяхъ отъ православія, въ защиту первенствующей церкви и ради поддержанія ея авторитета, могло дать и дало результаты, по меньшей мѣрѣ, противоположнаго характера.

Просвѣщенные представители православнаго духовенства скорбѣли о воинствующей политикѣ той свѣтской власти, которая, по волѣ судебъ, фактически направляла судьбы первенствующей церкви туда и такъ, куда и какъ ей хотѣлось. Какъ и слѣдовало ожидать, представители

петербургскаго столичнаго духовенства въ своей запискѣ горячо привѣтствуютъ предначертанія верховной власти по освобожденію религіозной совѣсти отъ внѣшнихъ стѣсненій. Авторы записки привѣтствуютъ эти предначертанія, какъ содѣйствующія возстановленію престижа и авторитета первенствующей церкви. Они говорятъ, что ихъ

«духовная радость усугубляется отъ сознанія, что чрезъ обѣщаемое освобожденіе совѣсти «чужихъ рабовъ», съ самой православной церкви снимается тяжелое, обезоруживавшее ее въ словѣ и въ дѣлѣ нареканіе, выставлявшее ее виновницей насилій и гнета, которые производились подъ предлогомъ ея защиты, *но не ею измышлены, и по существу противны духу ея*. Только по окончательномъ устраненіи всѣхъ поводовъ къ столь долго принижавшему нашу православную церковь нареканію можетъ пріобрѣсти или возстановить она «доброе свидѣтельство отъ внѣшнихъ» (1 Тим. 3, 7) и стать предъ внѣшнимъ міромъ во всей полнотѣ и яркости принадлежащаго ей свѣта».

Первенствующая православная церковь именуется господствующей, а на самомъ дѣлѣ она оказалась въ положеніи господствуемой, подчиненной вѣяніямъ и теченіямъ въ области такъ или иначе понимаемыхъ задачъ внутренней политики. Подчиненіе первенствующей церкви задачамъ внутренней политики государства достигло крайнихъ предѣловъ въ годы деморализаціи страны полицейско-бюрократическимъ режимомъ 80-хъ годовъ, который офиціально признанъ уже не отвѣчающимъ видамъ и намѣреніямъ правительства.

Въ какомъ же положеніи оказалась теперь наша первенствующая, господствующая церковь?

Нельзя не согласиться съ представителями православнаго духовенства, которые въ своей запискѣ говорятъ, что «*церкви надлежитъ выступить изъ несвойственнаго и недостойнаго положенія*», созданнаго служеніемъ мірскимъ дѣламъ внутренней политики государства. Какое значеніе можетъ имѣть «ограниченный въ своемъ самоопредѣленіи и выраженіи голосъ церкви православной, подверженный подозрѣнію въ порабощенности мірскимъ, государственнымъ цѣлямъ и интересамъ»?

Очевидно, первенствующую церковь необходимо освободить отъ служенія цѣлямъ, не совпадающимъ съ ея миссіей и сплошь и рядомъ противоположнымъ ея назначенію. Наша православная церковь можетъ освободиться отъ неподходящаго къ ней мірского ига мірскихъ интересовъ государства только въ томъ случаѣ, когда ея дѣлами будетъ управлять она сама, а не свѣтская чиновничья власть, при которой члены Синода не могутъ пользоваться должной независимостью и самостоятельностью.

Пастыри православной церкви въ своей запискѣ говорятъ:

«Необходимо, настоятельно необходимо, чтобы церковь возвратила себѣ всю силу плодотворнаго вліянія на всѣ стороны жизни человѣческой и всю мощь своему голосу. А для этого она должна *возвратить себѣ прежде всего свободу, искони ей принадлежавшую и опредѣленную строемъ священныхъ каноновъ, пренебрегаемыхъ и забываемыхъ, но не могущихъ утратить своей исконной для нея обязательности.* Только церковь свободная въ исповѣданіи полноты своего самосознанія, во внутреннемъ строѣ своемъ, въ служеніи слова своего, въ управленіи всѣхъ дѣлъ своихъ и всего ей ввѣреннаго, только свободно самоуправляющаяся церковь можетъ поддерживать въ совокупности чадъ своихъ полную, сыновне чистую вѣру въ себя и вполнѣ обладать необходимымъ для осуществленія ея высокаго божественнаго призванія голосомъ, отъ котораго горѣли бы сердца человѣческія. Внѣ этой свободы церковь можетъ только пребывать, сохраняться, но жить, вліять, дѣйствовать такъ, какъ свойственно ей по ея природѣ, она не можетъ».

Для проведенія необходимыхъ реформъ въ области церковнаго управленія авторы записки признаютъ компетентнымъ только помѣстный соборъ русской православной церкви. Духовные члены Синода единогласно одобрили эту идею. Соборъ рѣшено созвать безотлагательно весною для обсужденія реформъ въ области управленія дѣлами первенствующей церкви и для выбора патріарха.

Выборъ патріарха—это довольно ясное указаніе на характеръ предстоящихъ реформъ. Синодальный бюрократизмъ доживаетъ послѣдніе дни. Мы стоимъ наканунѣ крупныхъ историческихъ реформъ въ области церковнаго, а въ силу существующей связи между государствомъ и первенствующей церковью—и государственнаго управленія и во всей нашей внутренней политикѣ.

Освобожденіе православной церкви отъ служенія игу мірскихъ интересовъ внутренней политики, въ разное время разно понимаемыхъ руководящими сферами, несомнѣнно, очиститъ атмосферу въ жизни нашей провинціи. Возрожденіе православной церкви путемъ освобожденія отъ службы «видамъ и намѣреніямъ»—это такой знаменательный актъ въ исторіи русскаго народа, благодѣтельныя послѣдствія котораго въ данный моментъ и предусмотрѣть трудно. Вздохнутъ свободно пастыри церкви, но суть дѣла все-таки состоитъ въ раскрѣпощеніи пасомыхъ. Кто не жилъ въ деревнѣ,—и тому по газетнымъ сообщеніямъ (конечно, послѣдняго времени) нетрудно составить себѣ представленіе о послѣдствіяхъ существовавшаго доселѣ режима.

Въ конецъ обнищавшее, приниженное, забитое духовенство не могло не воспринять вынужденную отраву отъ исполненія различныхъ полицейскихъ обязанностей по наблюденію, надзору и неукоснительному доносу.

Надъ деревней нависъ гнетущій мракъ моральнаго удушья. Учитель попилъ въ среду молока. Это не должно быть упущено, и завтра же долженъ итти рапортъ, куда слѣдуетъ, съ донесеніемъ: «не соблюдаетъ постовъ» и т. д. Атмосфера пропитана разлагающими низменными побужденіями. Стоитъ удушливый чадъ отъ деморализаціи и пасущихъ, и пасомыхъ. Деморализація неизбѣжна въ виду навязанныхъ духовенству многочисленныхъ функцій по неукоснительному наблюденію за тѣмъ, чтобы деревню свѣтская грамотность и книга не вырывали изъ узъ патріархальной тьмы.

Церковный режимъ нанесъ страшный ударъ умственному и моральному развитію деревни. Не будь режима 80-хъ годовъ,—деревня ушла бы впередъ на сто лѣтъ, Россія была бы сильна своими внутренними культурно-политическими порядками, обезпечивающими отъ всякихъ покушеній на цѣлость нашихъ границъ.

«Сынъ Отечества» (№ 32-й).

Статья *Александра Новикова:*

Церковная реформа.

Извѣстіе большой важности для внутренней жизни Россіи появилось въ газетахъ на этихъ дняхъ и, къ удивленію, довольно мало привлекло вниманіе печати.

Рѣшено ни болѣе, ни менѣе, какъ возстановленіе патріаршества и созывъ для этого помѣстнаго собора въ Москвѣ.

Любопытна при этомъ та легкость, съ которою согласилась на это наша бюрократія. Дѣйствительно, если сравнить время, въ которое было принято это рѣшеніе, съ временемъ, потребнымъ у насъ для изданія самаго пустого, но необходимаго закона, то окажется, что куда мудренѣе ввести новую должность фельдшера въ Закавказьѣ. Любопытенъ и способъ осуществленія реформы.

Церковь освобождается отъ гнета міра, гнета, давившаго ее двѣсти лѣтъ. Можно бы думать, что это совершится съ большимъ трудомъ, что духовенство будетъ долго и тщетно этого добиваться и, наконецъ, получитъ это послѣ многихъ жертвъ.

Ничуть не бывало. Даже инициатива изошла отъ бюрократіи. Предсѣдатель комитета министровъ самъ предложилъ нашему первоприсутствующему іерарху свободу церкви! Обсужденіе вопроса было передано исключительно заинтересованной сторонѣ—Синоду, который и отвѣтилъ, что церкви нужны соборъ и патріаршество.

Надо уяснить себѣ, какъ безъ борьбы могло сложить оружіе вѣдомство православнаго исповѣданія, такъ цѣпко державшееся своихъ прерогативъ давить православную церковь. Чѣмъ объяснить себѣ эту неслыханную слабость бюрократіи?

По газетамъ мы знаемъ, что, кромѣ упраздненія должности оберъ-прокурора, созыва собора и введенія патріаршества, было еще формулировано представителями церкви одно желаніе, чтобы духовенство участвовало въ государственной жизни Россіи, имѣя представителей во всякихъ государственныхъ коллегіяхъ, начиная съ сельскаго схода и кончая комитетомъ министровъ.

Если въ учрежденіи патріаршества можно бы видѣть освобожденіе церкви отъ гнета міра, освобожденіе, которому нельзя не сочувствовать, то совсѣмъ не то впечатлѣніе производитъ желаніе духовенства заняться сверху и до-низу дѣлами міра. Тутъ, наоборотъ, начинается опасность гнета клерикализма, болѣе страшнаго, нежели гнетъ бюрократіи, ибо бюрократія основывается лишь на физической силѣ, а клерикализмъ—и на силѣ духовной, хотя бы и ложно воспринимаемой невѣжественнымъ народомъ.

Многіе думали, что опасность клерикализма уже миновала для Россіи. Поэтому появленіе ея несомнѣнно удручающе подѣйствуетъ въ настоящее время.

Возвратимся къ тому, какъ могла бюрократія такъ скоро и безъ сопротивленія не только исполнить желанія духовенства, но и пойти имъ навстрѣчу.

Одно объясненіе можетъ быть найдено въ слухѣ, что вопросъ о войнѣ и мирѣ будетъ переданъ собору іерарховъ, такъ далеко, повидимому, стоящихъ отъ военныхъ и дипломатическихъ сферъ. Какъ же это понять? И не найдемъ ли мы этому объясненія въ газетномъ же примѣчаніи, что монастырскія имущества оцѣниваются въ нѣсколько милліардовъ? Можно думать, что тутъ центръ тяжести вопроса и что не о продолженіи войны пойдетъ рѣчь, а о томъ, чтобы соборъ далъ на войну средства. Не предрѣшенъ ли духовенствомъ вопросъ о продолженіи войны? Не войнѣ ли оно обязано свободой отъ міра?

Вотъ новая опасность для другого міра, міра, несущаго на войну свою жизнь!

Какъ ни смотрѣть на это событіе, нельзя не признать, что, давъ свободу духовенству, бюрократія дѣлаетъ шагъ весьма для нея выгодный. Можно только удивляться, что она давно уже къ этому не прибѣгла. Дѣйствительно, чѣмъ она жертвуетъ? Однимъ вѣдомствомъ православнаго исповѣданія—вѣдомствомъ, правда, сильнымъ, но все же воплощающимъ въ себѣ не болѣе одной четырнадцатой части всей бюрократіи. А пріобрѣтаетъ бюрократія на-вѣки союзника могучаго!

Доселѣ покорное духовенство работало лишь за страхъ. Далеко неизвѣстно, какъ бы оно стало дѣйствовать при новыхъ теченіяхъ; теперь же оно будетъ работать и за совѣсть! И этотъ шагъ бюрократіи, первой пошедшей въ Каноссу,—можетъ быть сочтенъ лишь за шагъ громаднаго политическаго значенія.

Съ послѣдствіями этого нужно будетъ считаться Россіи не только въ ближайшее время, но и при дальнѣйшихъ фазисахъ ея историческаго развитія.

Въ той же газетѣ статья *Ал. Штанге:*

Къ вопросу объ учрежденіи патріаршества.

«Отдѣленіе церкви отъ государства», совершенно неожиданно выставленное въ числѣ требованій рабочихъ въ январскіе дни, встрѣчаетъ, какъ оказывается, большое сочувствіе въ средѣ духовенства и, повидимому, близко къ осуществленію, но въ весьма самобытной формѣ.

Въ газеты проникли слухи о созывѣ всероссійскаго церковнаго собора, объ учрежденіи патріаршества и объ оставленіи своего поста К. П. Побѣдоносцевымъ.

Вполнѣ естественно, что въ переживаемый нами моментъ всеобщаго нравственнаго подъема Россіи и въ духовенствѣ все, что есть въ немъ живого, должно было поднять голосъ за независимое положеніе церкви; за то, чтобы священники перестали быть чиновниками въ рясѣ, вынужденными поддерживать всякія временныя, измѣнчивыя теченія въ правительствѣ, и получили возможность свободно исполнять главную свою задачу—нравственнаго учительства и проповѣди.

Все это естественно, и можно было бы только привѣтствовать возникновеніе у насъ самоуправляющейся церкви, какъ свободнаго единенія вѣрующихъ.

Но требуется ли для такой свободы церкви учрежденіе патріаршества?

Патріархъ, какъ глава и представитель церкви, можетъ быть нуженъ

и полезенъ для такой церкви, религія которой не является господствующей, гдѣ это—религія покореннаго народа. Тамъ патріархъ нуженъ, какъ заступникъ передъ иновѣрною властью не только за религію, но и за весь порабощенный народъ.

Тамъ патріархъ является представителемъ своего народа, и его духовная власть носитъ политическій характеръ.

Но, гдѣ церкви не только не грозитъ никакое преслѣдованіе, гдѣ, наоборотъ, эта церковь—господствующая, тамъ никакой надобности въ патріархѣ не имѣется.

Патріархъ избирается на всю жизнь, и такая сильная пожизненная несмѣняемая власть стоящаго во главѣ іерархіи менѣе всего можетъ содѣйствовать истинной свободѣ церкви и развитію въ ней соборнаго начала.

Патріархъ, избираемый высшими іерархами, подобно тому, какъ папа избирается кардиналами, былъ бы несомнѣнно полнымъ владыкой церкви, который держалъ бы всю іерархію въ такой абсолютной зависимости, передъ которой теперешняя зависимость показалась бы прямо легкой.

Возникла бы ecclesia militans—воинствующая церковь, народился бы клерикализмъ—эта страшная язва, отъ которой, слава Богу, избавилась Россія и возстановлять которую въ двадцатомъ вѣкѣ какъ будто и поздно.

Развѣ нормально было то двоевластіе, которое возникло при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, когда въ лицѣ патріарха Филарета въ Россіи оказался второй великій государь, равноправный съ самимъ царемъ?

Развѣ малую смуту вызвало появленіе второго великаго государя—Никона, расколовшаго всю вѣрующую Русь на двѣ части, неслившіяся еще и черезъ 250 лѣтъ.

Развѣ полезно было учрежденіе цѣлаго государства въ государствѣ со своими финансами, своимъ хозяйствомъ, со своимъ судомъ, какъ это было въ тѣ времена?..

Нѣтъ, для свободнаго развитія церкви нужно не учрежденіе патріаршества; нужны прежде всего общегражданскія условія—свобода совѣсти и слова и неприкосновенность личности.

Для свободы самой церкви нужно установленіе свободной принадлежности къ церкви и свободнаго изъ нея выхода. Нужно выборное священство.

И для священника необходимъ также свободный выходъ изъ духовнаго званія, чтобы священники, въ случаѣ утраты призванія къ духовному сану, могли, не слывя опальными растригами, пріискивать

себѣ другія занятія и чтобы приходъ могъ удалять неподходящаго ему священника, не опасаясь поставить его въ безвыходное положеніе.

Нужно, чтобы и епископы были выборные.

Для самоуправленія церкви необходимы періодическіе всероссійскіе церковные соборы изъ выборныхъ представителей отъ помѣстныхъ соборовъ. Въ послѣднихъ должны участвовать, какъ духовенство, такъ и выборные отъ приходовъ міряне.

Всероссійскій церковный соборъ рѣшаетъ всѣ относящіеся до (православной) церкви вопросы и избираетъ для завѣдыванія дѣлами церкви синодъ изъ извѣстнаго числа іерарховъ, выбираемыхъ на опредѣленное число лѣтъ. Синодъ избираетъ изъ своей среды первоприсутствующаго, который утверждается Высочайшей властью и является высшимъ представителемъ церкви, но не пользуется правами министра въ свѣтскомъ управленіи.

Синодъ управлялъ бы дѣлами церкви на основаніи постановленій соборовъ, и церковь была бы вполнѣ самостоятельной и независимой отъ свѣтской власти, причемъ дѣятельность ея, поскольку она касается государства—владѣніе имуществомъ, завѣдываніе школами, пріютами и другими учрежденіями церкви и т. п.—опредѣлялась бы нормами, устанавливаемыми въ законодательномъ порядкѣ.

Такое положеніе церкви вполнѣ соотвѣтствовало бы соборному, а не авторитарному, характеру христіанской религіи.

Живой источникъ христіанской народной вѣры, нестѣсняемый свѣтской властью, съ одной стороны, и клерикальнымъ гнетомъ—съ другой, сопутствуемый широкимъ научнымъ просвѣщеніемъ, быстро повелъ бы къ умственному и нравственному возрожденію пробуждающейся народной массы...

Для рѣшенія вопроса объ учрежденіи патріаршества предполагается созвать всероссійскій церковный соборъ изъ епископовъ. Но будетъ ли послѣдовательно и правильно со стороны иниціаторовъ этого вопроса, говорящихъ о бюрократизмѣ теперешней іерархіи, о необходимости установленія іерархіи выборной,—предоставлять рѣшеніе столь важнаго вопроса собору іерарховъ, назначенныхъ и дѣйствовавшихъ все время въ атмосферѣ бюрократизма? Отъ нихъ ли ждать переустройства церкви на началахъ широкаго самоуправленія, которое одно могло бы оживить и обновить церковь?

Не слѣдуетъ ли начинать перестройку церкви снизу?

Всего правильнѣе было бы отложить вопросъ объ учрежденіи патріаршества до созыва всенароднаго представительства. Вопросъ этотъ касается не только внутренней жизни церкви, но и отношенія церкви къ

государству, почему и рѣшать его надлежало бы не одной церкви, но также и государству...

Въ пользу немедленнаго учрежденія патріаршества приводятъ тотъ доводъ, что оно будетъ содѣйствовать усиленію авторитета церкви въ глазахъ темной массы, что было бы столь важно въ наше смутное время.

Доводъ этотъ необходимо отвергнуть уже потому только, что сторонники этого авторитета въ глазахъ темной народной массы всегда являются сторонниками сохраненія темноты этой массы, въ тѣхъ видахъ, чтобы престижъ ихъ сохранился возможно дольше.

Статья «**Биржевыхъ Вѣдомостей**» (№ 8.739-й):

Проектъ церковной реформы.

Усиленное обсужденіе вопроса о церковныхъ реформахъ въ печати явилось, какъ извѣстно, только отраженіемъ движенія, идущаго сейчасъ въ высшихъ духовныхъ сферахъ. Намъ удалось освѣдомиться о сущности проекта предполагаемаго церковнаго переустройства въ высшемъ управленіи русской православной церкви, и мы приводимъ его въ сжатомъ видѣ.

Коллегіальный строй управленія церковью, не смотря на продолжительный періодъ его существованія, не успѣлъ сродниться съ чувствами и воззрѣніями Руси.

Составитель Д. Регламента тщетно доказывалъ, будто синодальное управленіе вполнѣ соотвѣтствуетъ каноническому праву. Соборное управленіе, предусмотрѣнное въ правилахъ древней церкви, носитъ совсѣмъ другой характеръ, чѣмъ управленіе, введенное Петромъ I.

Реформа Петра имѣла своимъ послѣдствіемъ обезличеніе церкви предъ государствомъ, подчиненіе ея опекѣ послѣдняго въ ея внутреннихъ дѣлахъ.

Объясненіе этому въ томъ, что Петръ вводилъ коллегіальный порядокъ управленія русскою церковью не для пользы церкви, а въ интересахъ государства.

Каноническій порядокъ управленія помѣстною церковью простъ и несложенъ.

Управленіе принадлежитъ собору епископовъ съ митрополитомъ или патріархомъ во главѣ. Соборъ не можетъ состояться безъ воли и приглашенія его законнаго главы. Въ свою очередь, митрополитъ или патріархъ не долженъ рѣшать единолично ничего важнаго, выходящаго за предѣлы епархіальнаго управленія. Въ виду многочисленности чле-

новъ и епархій русской православной паствы и для сохраненія за русскою церковію законнаго престижа въ сношеніяхъ съ другими помѣстными церквами православной церкви, приличнѣе и умѣстнѣе возстановить санъ патріарха. Возстановленіе должно состояться тѣмъ же порядкомъ, какимъ происходило его уничтоженіе, — по изволенію государственной власти, по приговору русской православной іерархіи и по сношенію съ восточными патріархами. Каѳедра патріарха, по общему правилу, должна быть въ столицѣ имперіи.

Порядокъ избранія патріарха можетъ быть устроенъ примѣнительно къ порядку, соблюдающемуся въ константинопольскомъ патріархатѣ. Въ случаѣ вакантности патріаршей каѳедры, избирается синодомъ мѣстоблюститель патріаршаго престола. Право быть мѣстоблюстителемъ принадлежитъ старшему по посвященію въ епископы изъ постоянныхъ членовъ синода. Мѣстоблюститель извѣщаетъ всѣхъ епархіальныхъ архіереевъ русской церкви о вакантности патріаршей каѳедры и приглашаетъ ихъ сообщить синоду свое мнѣніе о томъ, кого изъ наличныхъ епископовъ каждый изъ нихъ считаетъ достойнымъ быть патріархомъ. По полученіи отвѣтовъ и заявленій намѣчаются три кандидата. Изъ нихъ синодъ избираетъ, посредствомъ тайной подачи голосовъ, одного. Постановленіе синода представляется на Высочайшее воззрѣніе и утвержденіе.

Патріархъ долженъ управлять церковью въ согласіи съ соборомъ епископовъ. Обычай созывать экстренные соборы долженъ соблюдаться и теперь, въ случаѣ возникновенія важныхъ вопросовъ (напримѣръ, принятіе въ православную церковь старокатоликовъ, признаніе законности іерархіи англиканской церкви и др.). Для удобоисполнимости созванія экстренныхъ соборовъ, при многочисленности епархій въ русской церкви, нужно предоставить епископамъ право посылать вмѣсто себя замѣстителей въ лицѣ викаріевъ, заслуженныхъ архимандритовъ или протоіереевъ. Епископамъ, живущимъ въ отдаленныхъ окраинахъ, можно предоставить право подавать свои мнѣнія письменно или телеграммами. Въ неважныхъ случаяхъ можно бы замѣнять созваніе собора опросомъ епископовъ чрезъ телеграфъ.

Синодъ остается *при патріархѣ*. Практичнѣе было бы половину состава его организовать изъ членовъ постоянныхъ. Такими членами должны быть, конечно, епископы старѣйшихъ и важнѣйшихъ каѳедръ— кіевской, московской, новгородской и казанской. Синодъ этотъ состоитъ изъ 12 членовъ—шести постоянныхъ и шести назначаемыхъ на время. Всѣ члены патріаршаго синода пользуются равнымъ голосомъ при рѣшеніи дѣлъ.

Нужно пересмотрѣть книгу правилъ, содержащую въ себѣ основной источникъ дѣйствующаго права русской православной церкви, и самый переводъ правилъ, иногда неточный и даже невѣрный.

Слѣдуетъ привесть въ извѣстность всѣ указы и распоряженія Св. Синода, доселѣ изданные и сохраняющіе значеніе, и издать ихъ въ хронологическомъ или систематическомъ порядкѣ, присоединяя сюда новыя постановленія изъ «Церковныхъ Вѣдомостей».

Для лучшаго обезпеченія удачныхъ выборовъ во епископы, было бы полезно поставлять епархіальныхъ архіереевъ изъ викарныхъ, прослужившихъ въ должности викарія около пяти лѣтъ. Для этого было бы цѣлесообразно учредить викаріатства во всѣхъ епархіяхъ, а въ нѣкоторыхъ епархіяхъ по два, по три викаріатства.

Высокій образовательный цензъ нынѣ имѣетъ очень важное значеніе. Но ему нельзя придавать безусловнаго значенія. Благочестивые иноки и заслуженные іереи и *со среднимъ образованіемъ* могутъ быть возводимы въ архіереи, особенно викарные.

Правила 6-го вселенскаго собора допускаютъ до епископства и лицъ, имѣющихъ женъ, по разлученіи съ женами, и поэтому не слѣдуетъ при изысканіи кандидатовъ на епископство обходить овдовѣвшихъ іереевъ и протоіереевъ.

Порядокъ избранія епископовъ нуждается въ измѣненіяхъ. Можно предоставить каждому епископу, при представленіи имъ годичнаго отчета по управленію епархіей, право рекомендовать изъ наличнаго духовенства и монашества лицъ, достойныхъ архіерейства, съ тѣмъ, чтобы рекомендація сопровождалась не однѣми выписками изъ послужныхъ списковъ кандидатовъ, но и подробной и правдивой характеристикой ихъ нравственнаго облика. Достойнѣйшіе изъ рекомендованныхъ кандидатовъ могутъ быть вызываемы патріархомъ въ столицу на чреду священнослуженія и для засѣданія въ одномъ изъ учрежденій, состоящихъ при патріаршемъ синодѣ. Если эти кандидаты должнымъ образомъ оправдаютъ рекомендацію, данную имъ мѣстными архіереями, то они вносятся въ списокъ кандидатовъ архіерейства.

При замѣщеніи праздныхъ епископскихъ каѳедръ безусловно необходимо уничтожить укоренившійся у насъ обычай передвиженія епископовъ съ одной каѳедры на другую, въ знакъ отличія или награды. Этотъ карьеризмъ вторгся въ нашу церковную практику изъ управленія государственнаго.

Нѣкоторыя епископскія каѳедры, именно столичныя, должны быть замѣщаемы уже послужившими и болѣе опытными и уважаемыми епископами. Къ нимъ у насъ можно отнести каѳедры обѣихъ столицъ—

С.-Петербурга и Москвы, каѳедры кіевскую и новгородскую. Во всякомъ случаѣ, переводъ епископа съ одной каѳедры на другую можетъ быть допущенъ не болѣе одного раза для каждаго епископа.

Компетенція духовно-учебнаго комитета должна быть расширена. Къ вѣдѣнію его должна отойти вся административная часть по духовно-учебнымъ заведеніямъ.

По нынѣшней системѣ, принято назначать на должности ректоровъ и инспекторовъ семинарій и смотрителей училищъ людей молодыхъ, только что кончившихъ курсъ ученія. Очевидно безъ объясненій, что такой порядокъ непедагогиченъ и непрактиченъ.

Нужно искать лицъ, достойныхъ начальства здѣсь, не между монахами только, которые большею частью хлопочутъ о карьерѣ, а главнымъ образомъ между іереями и протоіереями. Въ числѣ послѣднихъ найдутся такіе, которые, взявшись за воспитаніе юношества, даже не будутъ мечтать о другой карьерѣ, а сочтутъ это дѣло призваніемъ своей жизни.

Съ устроеніемъ такого порядка въ высшемъ церковномъ управленіи русской церкви, должны, естественно, возстановиться правильныя отношенія между церковною и свѣтскою властію въ Россіи, характеризуемыя автономіею русской церкви въ ея внутреннихъ дѣлахъ съ подчиненіемъ верховенству государства во внѣшнемъ ея положеніи, а со стороны послѣдняго—уваженіемъ къ внутреннимъ порядкамъ церковной жизни и доброжелательнымъ покровительствомъ имъ.

Статья «**Московскихъ Вѣдомостей**» (№ 83-й):

Церковный переворотъ.

Не болѣе недѣли назадъ никто изъ православныхъ русскихъ людей,—кромѣ, можетъ быть, немногихъ посвященныхъ въ тайны митрополита Антонія и С. Ю. Витте,— не подозрѣвалъ, что къ числу множества переворотовъ и попытокъ къ переворотамъ, приводящихъ Россію во внутреннее безсиліе при борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ, присоединится еще переворотъ церковный.

Россія была убѣждена, что духовенство, вѣрное завѣтамъ святителей московскихъ и преподобнаго Сергія, въ это тяжкое время смуты и войны, помышляетъ лишь о томъ, чтобы умиротворить умы и помочь Православному Царству въ борьбѣ съ нахлынувшимъ монгольскимъ нашествіемъ.

И вотъ внезапно, въ теченіе недѣли, — одно за другимъ посыпа-

лись извѣстія объ очевидно подготовленномъ заранѣе переворотѣ русскаго церковнаго управленія.

Сначала пронесся изумительный слухъ о томъ, будто митрополитъ петербургскій Антоній входилъ въ Комитетъ Министровъ съ какимъ-то проектомъ о возстановленіи патріаршества въ Россіи.

За симъ оказалось, что сужденіе о дѣлахъ церкви изъято изъ всеобъемлющаго вѣдѣнія г. Витте и передано, по принадлежности, въ Св. Синодъ.

Потомъ стало извѣстно, что 15 марта собралась какая-то «группа» петербургскаго духовенства, резолюція которой гласила о необходимости возстановленія патріаршества и созванія помѣстнаго собора. Эта резолюція передана была тому же митрополиту Антонію.

А 17 марта въ Синодѣ, предсѣдательствуемомъ митрополитомъ Антоніемъ, уже состоялось, по словамъ еврейской газеты «Новости», рѣшеніе объ избраніи патріарха и о созывѣ помѣстнаго собора.

Еще черезъ день явились слухи объ отставкѣ оберъ-прокурора Св Синода К. П. Побѣдоносцева.

А сегодня уже телеграмма *Россійскаго Телеграфнаго Агентства* извѣщаетъ:

«*22 марта состоялось засѣданіе Святѣйшаго Синода,* на которомъ въ *окончательной* формѣ былъ рѣшенъ вопросъ о введеніи патріархата въ Россіи и созывѣ для избранія патріарха всероссійскаго духовнаго собора. Постановленіе Синода будетъ представлено Государю Императору. Созывъ собора предполагается въ Москвѣ. Согласно *каноническимъ правиламъ* (?), *ближайшимъ кандидатомъ патріархи считается* (?) *духовное лицо, занимающее высшій архипастырскій постъ* въ столицѣ, почему патріаршій посохъ, вѣроятно, перейдетъ (?) къ *митрополиту петербургскому и ладожскому Антонію.* Святѣйшій Синодъ при патріархѣ будетъ совѣщательнымъ органомъ. Должность оберъ-прокурора Св. Синода имѣетъ быть упраздненною. Право доклада переходитъ къ патріарху».

Итакъ, все совершено въ *семь дней!* Одно—низвергнуто, другое—поставлено вверху горы,—и рѣшенъ краеугольный вопросъ православной церкви и русскаго государства. Все это сдѣлано очень ловко. многія ли политическія партіи похвалятся такимъ строгимъ секретомъ, такою неожиданностью и стремительностью «нападенія»? Никто ничего не зналъ. Вся православная русская церковь находилась въ полномъ невѣдѣніи о замыслахъ кружка духовенства, произведшаго переворотъ. Не слышно было, чтобъ объ этомъ опрашивали даже самихъ архипа-

стырей. Въ семь дней—рядъ ловкихъ ударовъ, и судьба русской церкви внезапно оказалась въ остромъ кризисѣ.

Но, если все это очень ловко, то это ничуть *не церковно!*

Вышеприведенная телеграмма говоритъ о «каноническихъ правилахъ»... Но это тайное веденіе и совершеніе громаднаго церковнаго переворота небольшимъ кружкомъ, безъ вѣдома церкви, ея архипастырства, ея священства, ея мірянъ,—по какимъ же «каноническимъ» правиламъ учинено все это? Такія правила существуютъ въ политической борьбѣ. Но въ канонѣ ихъ нѣтъ Святое дѣло ведется открыто, безъ лихорадочной торопливости; дѣло церковное совершается церковью, а не какимъ-либо отдѣльнымъ кружкомъ. Между тѣмъ въ постановленіи Синода,—не имѣющаго, по существующимъ узаконеніямъ, даже права возбуждать эти вопросы,—предрѣшена вся судьба русской церкви!

Ходатайствуется о созывѣ собора, но обязанности собора уже *заранѣе предрѣшены*. Постановленіе Синода не спрашиваетъ: желаетъ ли соборъ избранія патріарха, желаетъ ли соборъ уничтоженія оберъ-прокуратуры? Постановленіе Синода уже все рѣшило *до собора и за соборъ*. Выставляется даже чуть не обязательный кандидатъ въ будущіе патріархи—все тотъ же самый митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій Антоній...

Можно сказать безъ преувеличенія, — что никогда еще русская церковь не испытывала болѣе произвольнаго обращенія, бо́льшаго пренебреженія въ ея волѣ и мысли, какъ въ этомъ переворотѣ.

Духъ церковнаго канона состоитъ въ святомъ соблюденіи единенія мысли и воли всей церкви. Но этотъ духъ попранъ семидневнымъ переворотомъ, и этотъ насильственный образъ дѣйствій не можетъ не оскорблять всѣхъ чадъ церкви.

Православные русскіе міряне давно уже доказали, что понимаютъ всѣ недостатки нашего «духовнаго вѣдомства» и Петровскаго Регламента. Давно уже они лелѣяли мечту о возстановленіи истинно-соборной церкви съ патріархомъ во главѣ. Но осуществленіе этой мечты они всегда представляли себѣ какъ результатъ открытой, серіозной, глубокой мысли, надъ которою, съ должною и мудрою осторожностью потрудились бы лучшіе умы русскихъ людей церковныхъ, государственныхъ, святыхъ подвижниковъ и серіозныхъ представителей науки. Только такая работа обѣщаетъ измѣнить достодолжно все ненормальное во множествѣ сложныхъ государственно-церковныхъ отношеній, не порвавъ и не уничтоживъ всего того, что̀ въ нихъ и теперь живо и что́ слѣдуетъ тщательно сохранить.

Но такова ли та лихорадочная, скороспѣлая реформа, которую намъ хотятъ навязать реформаторы 14—22 марта?

Даже Петръ не переламывалъ церковнаго устройства въ семь дней.

Православные люди никогда не помирятся съ такою скоропалительною реформой, въ которой неизбѣжно окажется множество ошибокъ.

И что̀ скажетъ чувство народа при мысли о томъ, какое время выбрали гг. реформаторы для задуманнаго ими переворота? Не дѣйствуютъ ли они совершенно такъ, какъ политическія партіи, забывающія о бѣдствіяхъ Отечества, для того, чтобы захватить въ это время себѣ власть?

Вѣдь ни міряне, ни духовенство, проникнутые любовью къ Родинѣ, свойственною православному народу, теперь прямо не въ состояніи обсуждать столь сложный церковный вопросъ, который неизбѣжно отвлекъ бы ихъ отъ заботъ о спасеніи Отечества. Такая минута, конечно, очень удобна для всѣхъ политикановъ, чтобы провести нужныя имъ реформы, конституціонныя или клерикальныя. Но что́ скажетъ народъ русскій *послѣ*, когда будетъ обсуждать дѣйствія реформаторовъ?

Но если конституціоналистамъ безразлично, что́ скажетъ народъ,— то пастырямъ это далеко не все равно. Чѣмъ будутъ они оправдываться, если народная совѣсть осудитъ ихъ скороспѣлыя дѣйствія въ такое время, когда истинный пастырь добрый долженъ думать лишь о томъ, чтобы всѣмъ сердцемъ быть съ народомъ въ его тяжкой борьбѣ противъ враговъ внѣшнихъ и смуты внутренней?

Статья газеты «**Кіевскіе Отклики**» (№ 84-й):

Въ послѣднее время, по словамъ газетъ, въ высшихъ духовныхъ сферахъ возникла мысль о возстановленіи патріаршества.

Извѣстный духовный писатель іеромонахъ Михаилъ, какъ передалъ нашъ петербургскій корреспондентъ («Кіев. Откл.» № 82), такъ формулируетъ необходимость учрежденія патріаршества: «церковь, подчинившаяся государству, подчинилась вмѣстѣ съ тѣмъ чуждымъ ей мірскимъ началамъ, и это гибельно отражается на религіи, на авторитетѣ самой церкви. Кому, въ самомъ дѣлѣ, было неизвѣстно, что въ Россіи голосъ ея раздавался не разъ недобровольно, иногда прямо по принужденію. И, поэтому, этому голосу не вѣрили, заподазривали его искренность и тогда, когда онъ звучалъ даже не подъ чужимъ воздѣйствіемъ».

«Вліяніе церкви у насъ слишкомъ ужъ было поставлено въ зависимость отъ личности оберъ-прокурора Синода».

«Бюрократизмъ цѣликомъ перешелъ въ церковь, и церковь стала теперь еще болѣе бюрократична, чѣмъ государство. Это случилось отчасти по сосѣдству, такъ сказать—инфекціонно, отчасти же и по прямому насилію. Примѣръ перваго — это «усмотрѣніе», которое проникло въ епархіальное управленіе и господствуетъ тамъ не хуже, чѣмъ въ нашей мірской администраціи. Примѣръ бюрократическихъ формъ, навязанныхъ намъ государствомъ, еще хуже; вѣдь церковь отрицаетъ всякое формальное судопроизводство и должна была рѣшать хотя бы брачныя дѣла о разводѣ только по совѣсти; между тѣмъ, всѣмъ, конечно, извѣстенъ господствующій теперь порядокъ собиранія и разбирательства уликъ о прелюбодѣяніи».

Въ этихъ словахъ много правды. Неожиданнымъ совершенно является только выводъ: необходимо избрать патріарха.

Если мы обратимся къ дѣйствительнымъ фактамъ прошлаго, то увидимъ, что православная церковь въ Россіи всегда была въ большей или меньшей степени подчиненія свѣтской власти и всегда ей служила. Великій князь московскій игралъ доминирующую роль при избраніи митрополитовъ; московскіе митрополиты при Калитѣ и его преемникахъ говорили и дѣйствовали такъ, какъ хотѣлось этого великимъ князьямъ; немногіе только изъ духовенства подняли голосъ противъ развода Василія III съ Соломоніей, большинство же, вопреки постановленію каноническихъ правилъ, поступало такъ, какъ хотѣлъ того великій князь. О времени Ивана Грознаго мы уже не говоримъ.

Въ 1589 году было учреждено патріаршество. Фактически это было только перемѣной имени митрополита на патріарха. Патріархомъ былъ избранъ Іовъ, любимецъ Бориса Годунова и всегда дѣйствовавшій въ его интересахъ. Говорить о какой то независимости церкви отъ вліяній свѣтской власти нельзя. Вообще на всемъ протяженіи цѣлаго столѣтія, когда существовало патріаршество, мы встрѣчаемъ одну только колоссальную фигуру патріарха Никона, который стремился къ полной независимости церкви отъ государства, даже больше, къ подчиненію государства церкви. Но онъ проводилъ принципъ теократіи, давно осужденный разумомъ. Кромѣ Никона, да еще патріарха Филарета, отца царя Михаила Ѳеодоровича, остальные патріархи были совершенно незамѣтными личностями. Говорить о какой то самостоятельности и независимости церкви при нихъ не приходится.

Во всякомъ случаѣ, намъ кажется, что мысль о возобновленіи патріаршества ложна въ своей основѣ. Патріаршество не создастъ ни самостоятельности и независимости церкви, не избавитъ ее отъ «усмотрѣнія» и «бюрократизма». Мысль о возстановленіи патріаршества могла

возникнуть только на свойственномъ нѣкоторымъ «консервативнымъ» кругамъ съ «славянофильской» окраской увлеченіи старинными отжившими уже формами нашего быта. Когда заговорили о необходимости созванія у насъ народныхъ представителей, этимъ приверженцамъ старины непремѣнно хотѣлось воскресить отжившую хаотическую форму земскаго собора. Теперь, когда заговорили о реформахъ въ церкви, думаютъ воскресить патріаршество.

Если ставить серьезно вопросъ о коренныхъ реформахъ въ церкви и объ отношеніи ея къ государству и свѣтской власти, то нужно разрѣшать его не внѣшнимъ только образомъ, а по существу. Церковь можетъ быть независимой отъ вліяній свѣтской власти только тогда, если она ограничится религіозными вопросами, вопросами совѣсти, и не будетъ заявлять притязаній на вмѣшательство въ частную, общественную и государственную жизнь.

Вотъ этотъ-то вопросъ, а не объ учрежденіи патріаршества, и слѣдуетъ обсудить всероссійскому помѣстному собору, который, какъ говорятъ, скоро будетъ созванъ.

Статья газеты «**День**» (№ 83-й):

О церковномъ соборѣ.

Въ виду чрезвычайной важности вопроса о церковномъ соборѣ, мы помѣщаемъ сообщеніе объ этомъ, хотя поднятіе такого вопроса, не имѣвшагося въ виду и въ Высочайшемъ Рескриптѣ, именно въ настоящее тревожное время тоже возбуждаетъ опасенія. Сообщаютъ это революціонныя газеты, отличавшіяся постоянно лживыми тенденціозными извѣстіями, неизбѣжно опровергавшимися. Передаютъ чрезвычайно интересныя подробности о подготовленіяхъ къ реформѣ въ управленіяхъ церкви. Когда труды Особаго совѣщанія комитета министровъ по раскрѣпощенію сектантовъ подходили къ концу, предсѣдатель Совѣщанія поѣхалъ къ митрополиту съ визитомъ и отраднымъ извѣстіемъ. Онъ сообщилъ, что получилъ отъ Верховной Власти полномочіе возбудить въ Совѣщаніи вопросъ о преобразованіи управленія господствующей церкви, и просилъ владыку изложить по пунктамъ требованія и чаянія церковной іерархіи. Митрополитъ изложилъ въ 6-ти пунктахъ проектъ главнѣйшихъ преобразованій. Прежде всего говорилось, будто бы, о снятіи съ церкви узъ бюрократіи и о возвращеніи ей правъ каноническаго соборнаго самоуправленія. Затѣмъ митрополитъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи священникамъ *принимать участіе въ дѣлахъ гражданскаго управленія* и при-

сутствовать въ качествѣ непремѣнныхъ членовъ во всѣхъ государственныхъ и центральныхъ учрежденіяхъ (!!), начиная съ сельскаго схода и кончая комитетомъ министровъ. Затѣмъ—уравненіе господствующей церкви съ старовѣрческой въ дѣлѣ пріобрѣтенія завѣщаннаго прихожанами имущества. Предсѣдатель комитета къ этимъ 6-ти пунктамъ составилъ объяснительную записку, которую разослалъ въ напечатанномъ видѣ всѣмъ членамъ комитета, назначивъ на 17-е марта засѣданіе по этому вопросу. Но оберъ-прокуроръ Синода, неожиданно узнавъ о предпринятой *безъ его вѣдома* реформѣ церковнаго управленія, сталъ ходатайствовать во имя автономности церкви изъять вопросъ о церковной реформѣ изъ вѣдѣнія свѣтской власти для передачи его въ Синодъ. Вопросъ о преобразованіи церковнаго управленія былъ изъятъ изъ вѣдѣнія комитета и переданъ въ Синодъ. Во вторникъ состоялось засѣданіе Синода, въ которомъ всѣми присутствовавшими единогласно рѣшено ходатайствовать о разрѣшеніи созвать помѣстный соборъ русской церкви для избранія всероссійскаго патріарха. На засѣданіи присутствовалъ товарищъ оберъ-прокурора. Когда, черезъ день, Синодъ снова собрался, товарищъ оберъ-прокурора увѣрялъ, что искренно счастливъ, ибо его давнія мечты объ автономіи русской церкви сбылись. Одинъ изъ членовъ Синода при видѣ этой радости даже замѣтилъ, что, вѣроятно, у товарища оберъ-прокурора было ночное видѣніе. Окончательное рѣшеніе о созваніи собора Синодъ принялъ, будто бы, въ пятницу вечеромъ, собравшись на квартирѣ у митрополита *безъ присутствія органа свѣтской власти*. Рѣшено ходатайствовать о созывѣ собора въ Москвѣ въ началѣ лѣта, если можно, въ маѣ мѣсяцѣ.

Другая революціонная газета «Русь» приводитъ даже программу 1-го церковнаго собора, будто бы выработанную уже совершенно. Основы перваго собора слѣдующія: избраніе патріарха будетъ произведено 69-ю епископами такимъ порядкомъ. Вначалѣ епископы изъ своей среды изберутъ 3-хъ кандидатовъ; далѣе путемъ тайной подачи голосовъ изъ этихъ трехъ кандидатовъ избирается патріархъ. До этого акта избранія будетъ избранъ изъ среды присутствующихъ предсѣдатель собора путемъ открытаго голосованія. По избраніи патріарха соборъ представляетъ свое рѣшеніе на утвержденіе Государя Императора. Передъ избраніемъ патріарха всея Россіи будутъ оповѣщены всѣ православныя церкви Соборъ войдетъ въ сношенія съ патріархами: константинопольскимъ, александрійскимъ, антіохійскимъ и іерусалимскимъ, церквами: греческой, сербской и черногорской. Эти православныя церкви пришлютъ своихъ делегатовъ на всероссійскій соборъ, ибо актъ требуетъ признанія этими церквами вновь избраннаго патріарха.

Когда будетъ избранъ патріархъ, соберется въ резиденціи его въ С.-Петербургѣ особый патріаршій синодъ изъ 12-ти епископовъ; при этомъ 6-ть епископовъ будутъ постоянными членами этого синода, а остальные 6-ть будутъ избираться сообразно старшинству служенія ихъ. Патріаршій синодъ является какъ бы совѣщательнымъ органомъ патріарха, но одновременно съ этимъ синоду дается право суда надъ патріархомъ, если потребуютъ того чрезвычайныя обстоятельства, напримѣръ, отпаденіе отъ вѣры и т. п. Жалобы на патріарха поступаютъ въ этотъ синодъ. Вновь избранный патріархъ долженъ имѣть право непосредственнаго сношенія съ главою государства. Нынѣ существующіе чины оберъ-прокуратуры при Святѣйшемъ Синодѣ будутъ служить лишь для сношенія патріарха и его патріаршаго синода съ остальными вѣдомствами.

Раздѣлъ Россійской имперіи на духовныя митрополіи по образцу гражданскихъ генералъ-губернаторствъ Нынѣ, какъ извѣстно, власть даже лицъ высшаго духовенства, напримѣръ, митрополита, простирается въ предѣлахъ только той губерніи, въ которой находится митрополія, все дальнѣйшее принадлежитъ всецѣло чинамъ оберъ-прокуратуры Синода. Это порождаетъ много неудовольствій, прежде всего не даетъ возможности объединенія духовныхъ лицъ. Переходя къ положенію епископовъ намѣчается слѣдующее: будетъ поставленъ вопросъ объ отказѣ отъ установившейся градаціи на епископскія каѳедры. Въ настоящее время назначеніе епископа обставлено такъ: если назначается епископъ на какую-либо новую каѳедру, приходится производить передвиженіе едва ли не 10 епископовъ. Эта система взята сколкомъ съ таковой же гражданскаго вѣдомства, но значительно превзошла ее по формѣ. Далѣе весьма неравномѣрно распредѣлены самыя каѳедры епископовъ. Епископъ орловскій, напримѣръ, получаетъ матеріальное обезпеченіе въ 1,500 руб., таковой же епископъ одесскій—до 20 тысячъ. Помимо этого, постоянное передвиженіе епископовъ съ одной каѳедры на другую значительно подрываетъ нравственную связь у епископа съ паствою.

Продолжительность пребыванія епископа въ каждомъ районѣ не превышаетъ 4-хъ лѣтъ; поэтому на разрѣшеніе собора будетъ поставленъ вопросъ о несмѣняемости епископовъ и о возможномъ уравненіи ихъ матеріальнаго положенія.

Статья газеты «**Волынь**» (№ 65-й):

Вопросъ о реформѣ церкви быстро подвигается впередъ. Въ настоящее время въ Синодъ подано уже нѣсколько проектовъ о возста-

новленіи патріаршества въ Россіи. Иниціаторомъ и дѣятельнымъ проводникомъ церковной реформы называютъ высокопреосвященнаго митрополита Антонія, поддерживаемаго всѣми членами Синода и духовенствомъ. Вопросъ о церковной реформѣ, по слухамъ, на-дняхъ получитъ официальное разрѣшеніе. Антонинъ, епископъ нарвскій, пишетъ подъ заголовкомъ «На зарѣ»: «Открывается монументальный входъ въ палату государственнаго разума, и приближается къ ней колыхающееся шествіе разновѣрныхъ процессій. И ждутъ православные съ тревогой: ужели апостолъ Павелъ пройдетъ попрежнему прикованнымъ къ рукѣ центуріона». Въ заключеніе же преосвященный излагаетъ: «Синодъ проситъ у Царя соизволенія Его и мановенія, чтобы поднялся отъ лица земли церковный голосъ рвенія на избраніе богомольца и теплаго печальника за страждущую отчизну передъ престоломъ Божіимъ и передъ тропомъ земнымъ—всероссійскаго патріарха». Вопросъ этотъ о возстановленіи патріаршества года два-три назадъ считался... «нецензурнымъ», теперь же самъ «Синодъ проситъ». Такъ падаютъ, одна за другой, цензурныя «недотроги», бюрократическія догмы съ девизомъ: noli me tangere и къ великой пользѣ и выгодѣ государственной жизни. Всероссійскій соборъ православной церкви будетъ созванъ весною. Первое избраніе патріарха предполагается всѣми епископами безъ участія народа. Патріаршество въ Россіи было учреждено при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ въ 1589 г. и уничтожено при Петрѣ Великомъ, какъ извѣстно, замѣнившемъ изъ соображеній чисто политическаго характера единоличную власть патріарха коллегіей, постояннымъ соборомъ духовнаго правительства, для котораго и составленъ былъ временнымъ мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола Стефаномъ Яворскимъ извѣстный «Духовный Регламентъ».

Статьи «**Астраханскаго Листка**» (№ 64-й):

Прокурорскій надзоръ надъ соборомъ русскихъ іерарховъ уничтожается. Оберъ-прокурорство—этотъ искусственный наростъ на тѣлѣ православной церкви, болѣе двухъ столѣтій препятствовавшій правильной эволюціи церковной жизни, долженъ будетъ уступить свое мѣсто той канонической организаціи, которая единственно достойна автокефальной церкви. Патріаршество повелось на Руси со временъ царя Ѳеодора,—съ 1589 г. Введеніе его было знакомъ независимости россійской церкви отъ византійскаго, константинопольскаго патріархата. Особымъ актомъ, подъ которымъ находились подписи троихъ патріарховъ, 42 митрополитовъ, 19 архіепископовъ и 20 епископовъ установлялось патріаршество

на Руси, при чемъ выборъ ихъ происходилъ или открытой подачей голосовъ или посредствомъ метанія жребія. Канонически слѣдовало вмѣстѣ съ учрежденіемъ патріаршества всю страну раздѣлить на митрополіи, которымъ подчинялись-бы архіепископіи и епископіи, но такое дѣленіе на практикѣ не осуществилось,—остались въ концѣ-концовъ только три или четыре (въ разное время) митрополіи, не имѣвшія значенія центральныхъ окружныхъ управленій. Патріархи дали Россіи нѣсколько выдающихся политическихъ и общественныхъ дѣятелей крупной величины. Имена Филарета, Гермогена, Никона извѣстны всякому школьнику. Еще при Алексѣѣ Михайловичѣ государственная власть стала ограничивать размѣры власти патріаршей, такъ какъ она начала заходить за предѣлы политическихъ разсчетовъ верховодителей русской страны, а при Петрѣ послѣдовало совершенное упраздненіе патріаршаго престола,—съ нимъ рядомъ не могло ужиться крайнее властолюбіе великаго царя. Вообще, ярый государственникъ, Петръ Великій считалъ церковь только однимъ изъ государственныхъ установленій, а потому и подчинилъ ее общему полицейско-прокурорскому режиму. Поставивъ вмѣсто апостольскихъ каноновъ «Духовный Регламентъ», онъ создалъ по образцу нѣмецкихъ—духовную коллегію,—присутственное мѣсто, наименованное греческимъ словомъ «Синодъ», обставивъ это свое мѣропріятіе весьма благовидными съ точки зрѣнія внѣшняго порядка условіями, между прочимъ, онъ прямо оговорилъ, что при наличности духовной коллегіи не можетъ быть стремленія у духовнаго правительства сравняться съ короной, какъ бывало при патріархахъ и т. д.

«Око царево и стряпчій дѣлъ государственныхъ» — оберъ-прокуроръ при Синодѣ, учрежденный въ 1722 году, былъ въ сущности министромъ по дѣламъ православнаго вѣроисповѣданія. Такой видъ приняла эта должность особенно съ послѣднихъ годовъ царствованія Александра I и сохранила до нашихъ дней. Волна реформы, задѣвшая всѣ области русской жизни, не могла оставить безъ своего воздѣйствія и жизнь церковную. Вчера опубликованное окончательно постановленіе Св. Синода возстановляетъ патріаршество, ведетъ къ упраздненію оберъ-прокурорскій постъ и устанавливаетъ соборъ всероссійскаго православнаго духовенства. Эта реформа несомнѣнно поведетъ къ оживленію нашей церковной жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и одухотворитъ дѣятельность силъ, нынѣ сдавленныхъ отжившими формами духовнаго управленія.

26 марта.

«Петербургская Газета» (№ 76-й).

Статья *Иринарха*:

Свобода церкви.

Старый славянофильскій идеалъ... Церковь, лишенная чертъ гражданской организаціи, являющаяся только единеніемъ вѣрующихъ, руководящаяся въ своихъ дѣйствіяхъ не гражданскими законами, а каноническими правилами, имѣющая во главѣ канонично-избраннаго патріарха съ совѣтомъ архипастырей вкругъ него — вотъ въ главныхъ чертахъ реальныя формы этого идеала. Славянофилы, которые всегда безъ ожесточенія нападали на петровскую эпоху, ставили ей въ особенный упрекъ отмѣну патріаршества. Видѣли въ этой мѣрѣ стремленіе принести въ жертву ближайшимъ политическимъ цѣлямъ одну изъ основныхъ общенародныхъ потребностей.

Историки давно изслѣдовали этотъ вопросъ и отвѣтили на него. Уже со временъ патріарха Филарета русскіе патріархи перестали быть только высшими руководителями церкви, сдѣлавшись не въ меньшей мѣрѣ и первенствующими государственными дѣятелями. Въ силу исключительныхъ условій патріархъ Филаретъ фактически управлялъ страной, а впослѣдствіи патріархъ Никонъ олицетворялъ собою цѣлую политическую программу. Какъ извѣстно, онъ вліялъ не только на внутреннія, но и на внѣшнія дѣла. Онъ подсказывалъ выборъ должностныхъ лицъ, онъ же былъ главнымъ противникомъ земскихъ соборовъ, до конца своего патріаршества настаивая на ненадобности соборнаго уложенія, съ которымъ, какъ извѣстно, никогда не могъ помириться. Послѣдующіе патріархи не играли уже такой крупной роли, но тѣмъ менѣе можно считать ихъ силой, которая находилась бы въ единеніи съ государствомъ. Они являлись какъ бы обязательной оппозиціей, тѣмъ болѣе, что примѣръ Никона заставлялъ государственную власть быть осторожной.

Слѣдовательно, едва-ли соотвѣтствуетъ исторической истинѣ утвержденіе, что патріаршество было уничтожено Петромъ по собственному произволу. Патріаршество Никона было кульминаціонной точкой, дойдя до которой, патріаршество, какъ идея, преломилось, и вся послѣдующая исторія является уже началомъ конца. Петръ Великій только за-

вершилъ то, что было начато задолго до него. Оттого, какъ извѣстно, самый фактъ уничтоженія патріаршества былъ принятъ сравнительно покойно и навѣрное много покойнѣе, чѣмъ цѣлый рядъ другихъ мѣръ той же эпохи. Если бы уничтоженіе патріаршества было дѣломъ одного человѣка или даже одной группы лицъ, вѣсть о такой мѣрѣ вызвала бы къ себѣ совсѣмъ иное отношеніе.

Если же теперь обратиться къ исторіи учрежденія патріаршества, то тамъ опять-таки мы встрѣчаемся съ фактами, которые заставляютъ задуматься. Патріаршество было задумано и осуществлено подъ вліяніемъ ближайшихъ политическихъ соображеній, такъ какъ, съ одной стороны, тяготила зависимость отъ греческой церкви, а съ другой, учрежденіемъ патріаршества придавалась внѣшняя крѣпость власти, которая не была вполнѣ увѣрена въ своихъ правахъ. Это вѣдь не историческая случайность, что патріаршество учредилъ царь Борисъ Годуновъ, а впервые задумался надъ государственнымъ значеніемъ патріаршества царь Алексѣй Михайловичъ и уничтожилъ его царь Петръ Великій.

Съ точки зрѣнія современныхъ взглядовъ и стремленій, патріаршество должно знаменовать собой отдѣленіе церкви отъ государства. Это обратный ходъ одного и того же историческаго процесса. Сначала церковь стремится подчинить себѣ государство, затѣмъ государство стремится подчинить себѣ церковь; обезсиленныя въ долгой и тяжкой борьбѣ, оба основныя жизненныя начала расходятся, чтобы начать новую и теперь уже раздѣльную жизнь. Но совокупность историческихъ условій будущаго не можетъ быть предугадана, и потому въ дальнѣйшемъ предстоитъ новая борьба, хотя и въ совершенно иныхъ формахъ.

Существенно важной стороной учрежденія патріаршества для нашихъ дней явится, конечно, неизбѣжность періодическихъ помѣстныхъ соборовъ. Время отъ времени всякій механизмъ старѣется и расшатывается; если за XVI и XVII вѣкъ расшатался тотъ церковный строй, во главѣ котораго стоялъ патріархъ, то за XVIII и XIX вѣка расшатался и тотъ строй, во главѣ котораго стоялъ Синодъ. Устранить современное церковное нестроеніе, влить въ организацію новые жизненные соки могутъ, конечно, только помѣстные соборы. Собранію высшихъ іерарховъ—и никому иному—принадлежитъ право сказать свое авторитетное слово и блюсти свои постановленія, періодически собираясь на совѣтъ. Помѣстные соборы составятъ новую силу, которая, если она станетъ на единственно вмѣстную ей точку зрѣнія—духовнаго единенія, можетъ дѣйствительно оживить вѣру и придатъ ей дѣятельную силу.

Въ связи съ мыслью о помѣстныхъ соборахъ является и мысль о неизбѣжныхъ слѣдствіяхъ. Духовенство давно и справедливо жалуется

на полное неустроеніе своего быта и на разобщенность съ паствой. Разъ будутъ помѣстные соборы, будутъ и выборы высшихъ іерарховъ церкви, и тогда, слѣдовательно, только истинное подвижничество и ученость станутъ мѣриломъ для возвышенія, а не всѣ тѣ условія, которыя и для іерарховъ создали то, что называется карьерой. Тогда, слѣдовательно, явится возможность поставить и давно наболѣвшій вопросъ о выборныхъ священникахъ, вопросъ, который, если будетъ разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, сразу совершенно на иной ладъ повернетъ всѣ отношенія паствы къ ея пастырямъ. Достаточно указать, что мы, интеллигенты, можемъ теперь избирать себѣ духовника, а крестьянство фактически лишено этого права. Духовникомъ каждаго крестьянина фактически можетъ быть только священникъ его прихода. Куда ему ѣхать за другимъ? Развѣ онъ въ состояніи? Да и не станетъ другой священникъ исповѣдывать.

Невольно приходится вспомнить о раскольникахъ. Создавъ собственную іерархію, они построили ее отъ верха до низа на выборномъ началѣ. За ихъ іерархіей нѣтъ принужденія, и она поэтому плоть отъ плоти, кость отъ кости своей паствы. Раскольничій священникъ—выходецъ изъ народа, который прожилъ въ своей общинѣ всю жизнь и который будетъ погребенъ на мірской счетъ на мірской землѣ. Раскольничій епископъ не вѣдаетъ надъ собой иной власти, кромѣ власти собора епископовъ, его избравшаго. Это все придаетъ иной характеръ взаимнымъ отношеніямъ, а эти отношенія, въ свою очередь, только укрѣпляютъ связь между массой и ея духовными руководителями.

Свобода церкви подъ высшимъ управленіемъ патріарха такъ и должна пониматься, какъ стремленіе устроить церковь на началахъ полнаго единенія съ вѣрующими и устраненія всего, что вноситъ какую-либо разобщенность въ отношенія...

Статья вторая «**Московскихъ Вѣдомостей**» (въ № 84-мъ):

Церковный переворотъ.

I. Какъ онъ произошелъ.

Вотъ какимъ образомъ совершился, по свѣдѣніямъ петербургскихъ газетъ *), тотъ церковный переворотъ, на внезапность и несвоевременность котораго мы вчера указывали нашимъ читателямъ.

---

*) «Разсвѣтъ» № 23 и «Слово» № 104.

Оказывается, что вся иниціатива этого переворота принадлежитъ никому иному, какъ г. предсѣдателю Комитета Министровъ С. Ю. Витте.

Дѣло въ томъ, что въ Особомъ совѣщаніи Комитета Министровъ, по окончаніи разсужденій по вопросамъ о положеніи сектантства и иновѣрія, предсѣдатель Совѣщанія С. Ю. Витте обратился къ членамъ его съ краткой рѣчью, въ которой ярко оттѣнилъ ту несомнѣнную мысль, что теперь, когда Высочайшею волей будетъ дана свобода иновѣрію,— православной церкви, стѣсненной тяжелою опекою свѣтской власти, будетъ затруднительна борьба съ расколо-сектантствомъ; что, остановившись въ своихъ сужденіяхъ только на вопросахъ, касающихся иновѣрія, и не коснувшись положенія православной церкви, Особое Совѣщаніе взяло бы на свою душу тяжелый грѣхъ предъ общею нашею матерью— православною церковью. «Не надо забывать,—говорилъ С. Ю. Витте,— что у нашего народа, у этой 120-милліонной массы, есть только два сокровища, которыми онъ живетъ: одно—это *земля* и то «небольшое», что́ онъ отъ нея получаетъ, другое—его живая *вѣра*, которая облегчаетъ тяжесть земной ноши, даетъ ему силу мириться съ его горестью жизни. И страшно, какъ бы намъ не лишить народъ этого, самаго дорогого для него, сокровища».

Вслѣдъ затѣмъ С. Ю. Витте пріѣхалъ къ митрополиту Антонію съ визитомъ и отраднымъ извѣстіемъ. Онъ сообщилъ, что получилъ отъ Верховной Власти полномочіе возбудить въ своемъ Особомъ совѣщаніи вопросъ о преобразованіи управленія господствующей церкви, и просилъ владыку изложить по пунктамъ требованія и чаянія церковной іерархіи.

Въ виду этого, подъ руководствомъ высокопреосвященнаго Антонія, наличнымъ составомъ канонистовъ и профессоровъ церковной исторіи и гомилетики с.-петербургской духовной академіи были выработаны *семь* пунктовъ о желательныхъ преобразованіяхъ въ постановкѣ у насъ православной церкви.

Въ этихъ пунктахъ перечислялись необходимыя, по мнѣнію митрополита, реформы: дарованіе православной церкви такой же автономіи, какою пользуются старообрядцы, сектанты и инославныя общества; участіе священниковъ въ общественно-государственныхъ учрежденіяхъ; привлеченіе архіереевъ въ высшія государственно-законодательныя собранія; дарованіе церкви правъ на недвижимую и движимую собственность, ея пріобрѣтеніе, наслѣдованіе и пользованіе, учрежденіе особаго совѣщанія изъ епископовъ, духовенства и мірянъ для пересмотра церковнаго управленія. Но въ этихъ пунктахъ ничего еще не говорилось о созваніи собора и о возстановленіи патріаршества въ Россіи.

С. Ю. Витте нашелъ эти требованія слишкомъ скромными. Въ виду

этого онъ самъ составилъ краткую записку «О современномъ положеніи православной церкви», представляющую собою сводъ мнѣній выдающихся канонистовъ, современныхъ церковныхъ дѣятелей и профессоровъ духовныхъ академій о «характерѣ и каноническомъ достоинствѣ церковной реформы Петра Великаго». Въ этой запискѣ С. Ю. Витте констатировалъ не-канонический характеръ реформы Петра и ея неблагопріятное вліяніе на послѣдующую церковную жизнь. Главная мысль этой записки и ея выводъ—тотъ, что со времени насильственной, совершенной по протестантскимъ образцамъ, реформы Петра, церковь русская въ своей канонической жизни порвала связь съ церковнымъ преданіемъ, что отъ этого глохнетъ религіозная жизнь.

Не желая вести реформу бюрократическимъ путемъ, С. Ю. Витте совершенно воздержался въ запискѣ отъ проектовъ какихъ-либо реформъ, настаивая только на одномъ, на *созывѣ помѣстнаго собора*, на разсмотрѣніе котораго и долженъ быть представленъ вопросъ о церковной реформѣ.

Митрополитъ Антоній вполнѣ одобрилъ записку С. Ю. Витте. Газета «Слово» сообщаетъ изъ хорошо освѣдомленнаго источника, что въ бесѣдѣ со столичнымъ духовенствомъ высокопреосвященный Антоній назвалъ записку С. Ю. Витте прекрасною; «записка написана хорошо», выразился владыка въ бесѣдѣ съ однимъ лицомъ. Благопріятное впечатлѣніе она произвела и на остальныхъ, ознакомившихся съ нею, іерарховъ.

Свою записку С. Ю. Витте разослалъ въ напечатанномъ видѣ всѣмъ членамъ Комитета Министровъ, назначивъ на 17 марта засѣданіе по этому вопросу.

Но оберъ-прокуроръ Синода, неожиданно узнавъ о предпринятой безъ его вѣдома реформѣ церковнаго управленія, исходатайствовалъ, во имя автономности церкви, изъять вопросъ о церковной реформѣ изъ вѣдѣнія свѣтской власти, для передачи его въ Синодъ.

Предъ синодальнымъ засѣданіемъ, въ которомъ предполагалось обсужденіе вопроса о реформѣ церкви, К. П. Побѣдоносцевымъ была разослана особая записка, представляющая возраженія на записку С. Ю. Витте. Главный, основной тезисъ записки С. Ю. Витте «о неканоническомъ характерѣ церковной реформы Петра и о замѣнѣ въ ней соборно-представительнаго управленія церкви коллегіально-бюрократическимъ», оставленъ, по словамъ петербургскихъ газетъ, безъ всякаго возраженія. К. П. Побѣдоносцевъ доказалъ только то, что реформа Петра I не оказала тягостнаго вліянія на церковную жизнь, что церковь нисколько не

стѣснена свѣтскими чиновниками, что, однимъ словомъ, въ церковной жизни все обстоитъ благополучно.

Эта записка составляетъ, по увѣреніямъ «Слова», сколокъ съ одной диссертаціи нѣкоего Рункевича, именно изъ тѣхъ его главъ и мѣстъ, которыя на совѣтѣ профессоровъ с.-петербургской духовной академіи были офиціально признаны представляющими церковную жизнь въ невѣрномъ, предвзятомъ свѣтѣ, составленными не научно и узко-тенденціозно.

Утверждаютъ также, что далѣе въ запискѣ К. П. Побѣдоносцева возраженія дѣлаются какъ разъ противъ тѣхъ мыслей записки Витте, которыя взяты изъ сочиненій, удостоенныхъ премій за ученые труды самимъ же Синодомъ. Несомнѣнно одно, что контръ-записка К. П. Побѣдоносцева произвела на членовъ Синода отрицательное впечатлѣніе.

Во вторникъ, 15 марта, состоялось засѣданіе Синода, въ которомъ члены Синода единогласно рѣшили ходатайствовать о разрѣшеніи созвать помѣстный соборъ русской церкви для обсужденія вопроса о желательныхъ церковныхъ реформахъ. Направленіе мыслей іерарховъ было такъ ясно, а рѣшимость ихъ, какимъ бы то ни было путемъ, довести до свѣдѣнія Монарха о своихъ желаніяхъ такъ сильна, что свѣтская власть воздержалась отъ прямого противодѣйствія. Къ тому же членамъ Синода стало извѣстно о волѣ Государя — созвать помѣстный соборъ, выраженной Имъ по поводу представленнаго, по слухамъ, тѣмъ же С. Ю. Витте письма съ докладомъ о ходѣ прерванныхъ въ самомъ началѣ сужденій Особаго совѣщанія о церковной реформѣ и о желаніи представителей церкви просить о созывѣ собора.

Присутствовалъ въ этомъ засѣданіи не оберъ-прокуроръ, а его товарищъ В. К. Саблеръ, который, во всякомъ случаѣ, глядѣлъ съ bonne mine на то, что происходило. Когда черезъ день Синодъ снова собрался, товарищъ оберъ-прокурора увѣрялъ, что искренно счастливъ, ибо его давнія мечты объ автономіи русской церкви сбылись. Одинъ изъ членовъ Синода при видѣ этой радости даже замѣтилъ, что, вѣроятно, у товарища оберъ-прокурора было ночное видѣніе.

Окончательное рѣшеніе о созваніи собора Синодъ принялъ въ пятницу, 18 марта, вечеромъ, собравшись на квартиру у митрополита, безъ присутствія органа свѣтской власти. Рѣшено было ходатайствовать о созывѣ собора въ Москвѣ, въ началѣ лѣта, если можно, въ маѣ мѣсяцѣ. Соборъ будетъ состоять изъ епископовъ, управляющихъ епархіями. Такихъ іерарховъ въ Россіи имѣется 63. Исключительная цѣль собора—избраніе патріарха и преобразованіе, сообразно съ этимъ, высшаго церковнаго управленія.

Итакъ, говоритъ «Слово», инициатива въ этомъ великомъ дѣлѣ принадлежитъ С. Ю. Витте.

«— Я и всѣ братья епископы, — высказался преосвященный Антоній, — будемъ всю жизнь молить за него Бога».

Въ виду этого нельзя сомнѣваться, что если митрополитъ петербургскій и ладожскій, — выдвигаемый, какъ мы вчера видѣли изъ петербургской телеграммы, въ качествѣ перваго кандидата на патріаршую каѳедру, — дѣйствительно ее займетъ, то онъ будетъ управлять православною русскою церковью въ полномъ единомыслiи съ С. Ю. Витте.

II. Что теперь слѣдуетъ дѣлать.

Въ особомъ прибавленіи къ № 11 «Русскаго Дѣла», отъ 24 марта, напечатано сообщеніе М. А. Новоселова, сдѣланное имъ въ собраніи частнаго кружка православныхъ ревнителей церкви, клириковъ и мірянъ.

Изложивъ всѣ доводы въ пользу реформы нашей церкви, М. А. Новоселовъ высказываетъ ту же мысль, которую высказали вчера и мы, а именно: *чѣмъ желательнѣе эта реформа, тѣмъ нежелательнѣе поспѣшное, необдуманное ея осуществленіе въ настоящее именно, столь смутное, время.*

Вотъ заключительная часть этого интереснаго сообщенія:

«Рѣшеніе Синода состоялось со столь необычайною торопливостью, что по предмету такихъ важныхъ рѣшеній не происходило никакого опроса даже самихъ *епископовъ* церкви русской. Въ этомъ случаѣ повторилась прискорбная исторія закона о вторичномъ бракѣ прелюбодѣевъ, который синодальные архіереи сочли возможнымъ представить на Высочайшее утвержденіе, не только не спросивъ совѣта у прочихъ русскихъ епископовъ, но даже не сообщивъ имъ ничего о предполагаемомъ шагѣ.

«Во всемъ этомъ проявляется привычка нашего церковнаго управленія дѣйствовать изолированно отъ православнаго народа, этого тѣла церкви, съ неизбѣжнымъ при этомъ произволомъ.

«Россія такая страна, гдѣ одинъ и тотъ же народъ составляетъ единую съ соборами и патріархами церковь, а съ Царемъ въ такомъ же единствѣ составляетъ государство.

«Ходатайствовать передъ нашимъ Царемъ о томъ, что́ необходимо для насъ, какъ членовъ церкви, — составляетъ нашу прямую обязанность. Но въ нашемъ ходатайствѣ не могутъ быть допущены ошибки, коими изобилуетъ постановленіе Св. Синода. Ошибки эти слѣдующія:

«1) Постановленіе Синода игнорируетъ политическое положеніе нашей Родины, привлекающее все вниманіе русскихъ людей къ трудной борьбѣ съ надвинувшимся на Россію монгольскимъ востокомъ.

«2) Постановленіе Св. Синода не принимаетъ во вниманіе, что сложившіяся за 200 лѣтъ отношенія церковнаго управленія къ государству, обществу, а равно внутри самой церкви, въ епархіяхъ и приходахъ, рѣшены сотнями и тысячами узаконеній, коихъ пересмотръ, для замѣны ихъ правильными, представляетъ работу въ высшей степени сложную, которая не можетъ быть разумно исполнена въ «24 часа».

«3) Постановленіе игнорируетъ то обстоятельство, что русская православная церковь, которая вполнѣ уяснила, какъ сказано выше, *общія* основы реформы, даже и до сего дня не имѣла побужденія размышлять о достодолжномъ рѣшеніи всѣхъ упомянутыхъ *частностей*. А между тѣмъ, неправильное ихъ рѣшеніе можетъ исказить дѣйствіе даже самыхъ правильныхъ церковныхъ основъ.

«4) Что касается постановленія Синода о выборѣ патріарха въ «текущую сессію», то противъ этого не можетъ не протестовать ни одинъ православный человѣкъ. Ибо простая замѣна Синода патріархомъ дала бы этому послѣднему незаконныя права. Православные люди не могутъ предоставить патріарху тѣхъ преувеличенныхъ правъ, какими Синодъ, въ силу самой своей неканоничности, облеченъ въ отношеніи низшихъ епископовъ и даже простыхъ мірянъ въ ихъ приходской жизни.

«Поэтому—намъ, мірянамъ,—теперь же надлежитъ войти къ своему Царю со всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ осуществить назрѣвшую потребность русскаго сердца, о которой уже столько лѣтъ свидѣтельствуетъ вся умственная работа просвѣщенныхъ собратій нашихъ—православныхъ мірянъ, но осуществить ее, избѣгнувъ ошибокъ, въ которыя впали въ своемъ постановленіи синодскіе архипастыри.

«Мы должны: 1) просить Государя, чтобы Онъ соблаговолилъ объявить дѣломъ первой необходимости правильное устроеніе русской церкви, *немедленно по окончаніи войны*.

2) Что касается времени продолженія войны, то просить Государя Императора принять во вниманіе состояніе духа православнаго русскаго человѣка, который не можетъ въ настоящую минуту достодолжно предаться дѣлу устроенія родной церкви, требующему всецѣлаго напряженія его умственныхъ и нравственныхъ силъ, тогда какъ любовь къ Родинѣ естественно влечетъ его мысли къ спасенію ея отъ вражескаго нашествія. Посему просить Государя не давать соизволенія на исполненіе постановленія Святѣйшаго Синода.

3) Въ виду же предстоящаго тотчасъ послѣ войны созыва помѣстнаго собора, просить Государя Императора Высочайше обратить вниманіе архипастырей, пастырей и всѣхъ православныхъ мірянъ, ревнующихъ о благѣ церкви, подготовить каждому по мѣрѣ силъ тѣ сооб-

раженія о разныхъ сторонахъ церковной жизни и устройства, которыя должны быть представлены будущему собору, какъ матеріалъ для обсужденія.

«Москвѣ, представительницѣ русскаго духа, слѣдуетъ первой начать дѣло составленія такого всеподданнѣйшаго ходатайства, исполненіе котораго, съ одной стороны, обезпечило бы осуществленіе самыхъ завѣтныхъ желаній православныхъ людей, съ другой—предохранило бы русскую церковь отъ гибельныхъ послѣдствій ошибокъ, допущенныхъ въ постановленіи Синода».

Статья «**Кіевскаго Слова**» (въ № 6.189-мъ):

Изъ бесѣды о церковной реформѣ.

— Итакъ, церковь очнулась отъ «паралича», въ которомъ она обрѣтается со времени Петра Великаго? — спросилъ я одно духовное лицо, хорошо освѣдомленное о положеніи церковнаго вопроса. Какъ же случилось это чудо? Въ какой живой водѣ искупалась наша церковь, прежде чѣмъ исцѣлиться отъ двухсотлѣтняго недуга?

— Этой чудесной купелью для недугующей церкви,—отвѣтилъ мой собесѣдникъ,—было Особое совѣщаніе Комитета Министровъ. Когда труды Совѣщанія по раскрѣпощенію сектантства подходили къ концу, предсѣдатель Совѣщанія пріѣхалъ къ митрополиту съ визитомъ и отраднымъ извѣстіемъ. Онъ сообщилъ, что получилъ отъ Верховной Власти полномочіе возбудить въ Совѣщаніи вопросъ о преобразованіи управленія господствующей церкви и просилъ владыку изложить по пунктамъ требованія и чаянія церковной іерархіи. Митрополитъ изложилъ въ шести пунктахъ проектъ главнѣйшихъ преобразованій, необходимыхъ для того, чтобы церковь очнулась отъ борющей ее летаргіи.

— Вы помните эти пункты?

— Въ общемъ помню. Прежде всего, конечно, говорилось въ нихъ о снятіи съ церкви узъ бюрократіи и о возвращеніи ей права каноническаго соборнаго самоуправленія. Затѣмъ митрополитъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи священникамъ принимать участіе въ дѣлахъ гражданскаго управленія, и для этого присутствовать въ качествѣ непремѣнныхъ членовъ во всѣхъ мѣстныхъ и центральныхъ учрежденіяхъ, начиная съ сельскаго схода и кончая Комитетомъ Министровъ. За этимъ шло ходатайство объ уравненіи господствующей церкви съ раскольничьею въ дѣлѣ пріобрѣтенія завѣщаннаго прихожанами имущества, намѣчены и другія, менѣе важныя, реформы. Предсѣдатель Комитета къ этимъ шести

пунктамъ составилъ объяснительную записку, которую и разослалъ въ напечатанномъ видѣ всѣмъ членамъ Комитета, назначивъ на 17-е марта засѣданіе по этому вопросу. Но оберъ-прокуроръ Синода, неожиданно узнавъ о предпринятой безъ его вѣдома реформѣ церковнаго управленія, вскипѣлъ гнѣвомъ и сталъ ходатайствовать, во имя автономности церкви, изъять вопросъ о церковной реформѣ изъ вѣдѣнія свѣтской власти для передачи его въ Синодъ.

— Такъ что разыгралось qui pro quo. Церковь просила свѣтскую власть вернуть ей автономное управленіе, а оберъ-прокуроръ, во имя церковной автономности, просилъ въ этой просьбѣ отказать.

— Почти что такъ. На самомъ дѣлѣ, церковь просила Комитетъ не о церковной реформѣ, но о снятіи съ нея государственной опеки и предоставленіи ей самой совершить нужное преобразованіе. Какъ бы то ни было, вопросъ о преобразованіи церковнаго управленія изъятъ изъ вѣдѣнія Комитета и перенесенъ въ Синодъ. Во вторникъ состоялось засѣданіе Синода, въ которомъ всѣми присутствовавшими единогласно рѣшено ходатайствовать о разрѣшеніи созвать помѣстный соборъ русской церкви для избранія всероссійскаго патріарха.

— Какъ же оберъ-прокуроръ отнесся къ такому «мятежному» явленію?

— Присутствовалъ не оберъ-прокуроръ, а его товарищъ, который, во всякомъ случаѣ, глядѣлъ съ bonne mine на то, что происходило. Когда черезъ день Синодъ снова собрался, товарищъ оберъ-прокурора увѣрялъ, что искренно счастливъ, ибо его давнія мечты объ автономіи русской церкви сбылись. Одинъ изъ членовъ Синода, при видѣ этой радости, даже замѣтилъ, что, вѣроятно, у товарища оберъ-прокурора было ночное видѣніе. Окончательное рѣшеніе о созваніи собора Синодъ принялъ въ пятницу вечеромъ, собравшись на квартирѣ у митрополита, безъ присутствія органа свѣтской власти. Рѣшено ходатайствовать о созывѣ собора въ Москвѣ, въ началѣ лѣта, если можно, въ маѣ мѣсяцѣ. Соборъ будетъ состоять изъ епископовъ, управляющихъ епархіями. Такихъ іерарховъ въ Россіи имѣется 63. Исключительная цѣль собора— избраніе патріарха и преобразованіе, сообразно съ этимъ, высшаго церковнаго управленія.

— Но вѣдь избраніе патріарха равняется упраздненію должности оберъ-прокурора?

— Не совсѣмъ такъ. Сношеніями со свѣтскими властями при синодѣ патріарха будетъ завѣдывать государственный чиновникъ, на подобіе состоящаго при константинопольскомъ патріархѣ референдарія. На обязанности его будетъ лежать поддержаніе обычныхъ сношеній съ ор-

ганами государственной власти, ибо въ случаяхъ экстраординарныхъ патріархъ имѣетъ право непосредственнаго представительства передъ Верховной Властью.

— Однако до избранія патріарха положеніе дѣлъ остается по прежнему, и самый протоколъ Синода долженъ входить въ докладъ оберъ-прокурора, отъ котораго зависитъ положить его подъ сукно...

Лицо моего собесѣдника озарилось «знающей» улыбкой, и онъ спокойно продолжалъ:

— Вмѣстѣ съ протоколомъ на совѣщаніи у митрополита рѣшено представить благодарственный адресъ отъ Синода за дарованіе церкви столь долго ожидаемыхъ реформъ. Въ этомъ адресѣ будетъ повторено содержаніе протокола.

— А развѣ такой адресъ не можетъ быть положенъ подъ сукно?

Мой собесѣдникъ продолжалъ съ тою же улыбкой:

— Вмѣстѣ съ адресомъ рѣшено было поднести икону. Икона же, какъ вы сами знаете, контролю свѣтской власти не подлежитъ и подъ сукно не можетъ быть положена. Врученіе иконы вмѣстѣ съ адресомъ состоится на дняхъ.

---

27 марта.

Статья «**Новаго Времени**» (№ 10.438-й):

Разница именъ или разница вещей.

Многимъ представляется, что возстановленіе «патріаршества» будетъ только перемѣною имени, титула Это было бы такъ, если бы «митрополитъ», положимъ, петербургскій или московскій, былъ сколько-нибудь «всероссійскимъ», какъ были «всероссійскими» митрополиты московскіе до учрежденія патріаршества. Но въ этомъ случаѣ, какъ и во множествѣ другихъ, мы имѣемъ дѣло съ тяжелыми результатами медленной разрушительной работы чиновничества. На самомъ дѣлѣ теперешніе митрополиты, какъ петербургскій, такъ и московскій, суть только епархіальные владыки московской губ. и петербургской губ., безъ малѣйшаго расширенія ихъ авторитета сравнительно со всѣми другими епархіальными архіереями. Только какъ члены Синода, они имѣютъ отношеніе къ всероссійскимъ дѣламъ, но уже здѣсь голосъ ихъ колле-

гіаленъ, да и кромѣ того ни одно рѣшеніе Св. Синода не можетъ, по закону, быть приведено въ исполненіе безъ подписи на дѣлѣ «читалъ» оберъ-прокурора Св. Синода. Это «читалъ» повидимому такъ не оскорбительно, не стѣснительно: кто же къ этому можетъ придраться, судить объ угнетеніи церкви по этой неопредѣленной надписи? Но дѣло въ томъ, что безъ могучаго «читалъ» все останется недвижнымъ, и что всякое «дѣло» оберъ-прокуроръ «читаетъ» послѣднимъ, т. е. голоса всѣхъ членовъ Св. Синода, всѣхъ іерарховъ русской церкви не значатъ ровно ничего безъ заключительнаго одобренія сановника, не столько введеннаго въ Синодъ, сколько поставленнаго надъ Синодомъ. Да это всѣмъ и общеизвѣстно. Въ то время, какъ ни одинъ изъ митрополитовъ не имѣетъ ни малѣйшаго оттѣнка «всероссійскаго» значенія, «всероссійской» у себя власти, не только оберъ-прокуроръ и его товарищъ, но и остальные крупные чиновники въ Св. Синодѣ имѣютъ значеніе, авторитетъ и власть, простирающіеся на отдѣльныя отрасли церкви въ цѣлой Россіи. Предсѣдатель училищнаго совѣта, ревизоры, имъ посылаемые, — все это распростираетъ свое вліяніе изъ Петербурга на Приволжье, Сибирь. Кавказъ, Малороссію, Литву. Чиновники особыхъ порученій при оберъ-прокурорѣ ѣздятъ въ командировки и на ревизіи во всѣ губерніи: и нужно знать, какъ ихъ тамъ принимаютъ, съ какимъ страхомъ передъ ними склоняются епископы, архіепископы. Достаточно неблагопріятнаго «доклада» въ Петербургѣ этого наѣхавшаго или проѣзжаго чиновника, чтобы «владыка» епархіальный, епископъ или архіепископъ получилъ самыя тяжелыя непріятности «по службѣ», вплоть до рокового «увольненія на покой», т. е. отставки полной и безпенсіонной, съ сохраненіемъ лишь «мундира», т. е. монашеской рясы. Въ Св. Синодѣ въ эти послѣдніе два года былъ возбужденъ вопросъ о томъ, чтобы увольняемымъ «на покой» архіереямъ давалась хоть пенсія, какъ «за выслугу лѣтъ» она дается послѣднему чиновнику. Таковая пенсія не заставляла бы пугаться «увольненія на покой», какъ смерти, какъ гроба, мѣстныхъ епископовъ и архіепископовъ, и этимъ сдѣлать ихъ мужественнѣе хотя въ борьбѣ съ секретарями своихъ консисторій,—съ чиновниками, зависящими отъ оберъ-прокурора Синода, а не отъ самого Синода, и также не отъ епархіальныхъ владыкъ. Но съ истинно чиновничьею скромностью на таковое предложеніе Св. Синода о пенсіяхъ увольняемымъ архіереямъ было отвѣчено: «Ну, зачѣмъ монаху пенсія? Онъ же даетъ при постриженіи обѣтъ бѣдности». Чиновническій элементъ при Св. Синодѣ понялъ, что проектъ былъ поползновеніемъ къ самостоятельности, и парализовалъ это робкое движеніе къ свободѣ.

Такимъ образомъ Петръ Великій уничтожилъ вовсе не одно па-

тріаршество; онъ уничтожилъ также и митрополитство, какъ оно было до патріаршества, какъ слагалось въ Кіевѣ и въ Москвѣ. Московскій митрополитъ былъ «всея Руси». Послѣ Петра остались одни губернскіе или «епархіальные» архіереи, надъ которыми, подѣливъ санъ патріарха, «расчленивъ его на ризы», сталъ обширный штатъ автономнаго, ни отъ кого и ни отъ чего не зависящаго, чиновничества. Ибо по нѣкоторымъ причинамъ дѣла церковныя, какъ не связанныя съ безопасностью и могуществомъ Россіи, могли привлечь къ себѣ лишь самую небольшую дозу вниманія верховнаго правительства. Въ то время, какъ министры военный, иностранныхъ дѣлъ, финансовъ, да и такихъ вѣдомствъ, какъ государственныя имущества, были постоянно на виду и на чеку, ими интересовались и ихъ запрашивали другія вѣдомства, ими интересовалась печать и общество и, словомъ, они были подъ нѣкоторымъ экзаменомъ, въ духовное вѣдомство никто не заглядывалъ, Россіи ничего не грозило, чтобы тамъ ни дѣлалось. И можно представить тѣ дѣла, которыя тамъ развивались при такой исключительной темнотѣ. Вѣдь страшныя тюрьмы Соловокъ и Суздаля, до которыхъ никакая реформа никогда не могла и дойти, ибо «гг. криминалистовъ» туда не пустили бы по спеціальности вѣдомства, тюрьмы эти возникли, увеличивались, въ нихъ Богъ знаетъ что дѣлалось, — и никто ничего достовѣрнаго о нихъ не зналъ, пока не разболтали нечаянно натолкнувшіеся на нихъ публицисты, да и разболтать они смогли лишь при измѣнившихся условіяхъ печати. Расходованіе денежныхъ суммъ духовнаго вѣдомства также почему-то изъято изъ отчетности государственному контролю, какъ-будто тамъ имѣются какія-нибудь «секретныя назначенія».

Возстановленіе патріаршества будетъ такимъ образомъ не перемѣною титула, а возстановленіемъ ну хотя бы митрополичьяго авторитета въ древнихъ московскихъ предѣлахъ, какъ оно существовало до патріаршества. Патріархъ «всея Руси» простретъ компетенцію свою на общерусскія духовныя дѣла; духовенство впервые получитъ въ свое самостоятельное завѣдываніе то, что можно было бы назвать «духовною политикою» или «программою Россіи въ духовныхъ дѣлахъ».

Статьи газеты «**Русь**» (въ № 78-мъ):

О патріархѣ.

Радоваться-ли учрежденію патріаршества? Вопросъ этотъ, сильно волнующій весьма многихъ, порожденъ появившимся въ газетахъ сооб-

щеніемъ, что патріархъ будетъ избранъ епископами на точномъ основаніи существующихъ каноновъ.

Уже при первой вѣсти о возобновленіи патріаршества мы указывали на необходимость избранія его не одними епископами, не однимъ даже чернымъ духовенствомъ, а духовенствомъ бѣлымъ и мірянами.

Жизнь идетъ впередъ,—государственная жизнь также. Нельзя ее направлять по канонамъ, созданнымъ много вѣковъ тому назадъ и отвѣчавшимъ нуждамъ своего времени и его общему складу, теперь смѣнившемуся уже совершенно другимъ.

Намъ нужно возрожденіе патріарха не какъ археологическое возвращеніе къ старинѣ. Еще въ XVII вѣкѣ патріархъ на осленкѣ въѣзжалъ въ Кремль и царь велъ за поводъ его осленка Возстановленіе каноническаго патріарха произвело бы на всѣхъ такое же впечатлѣніе, какъ возстановленіе подобнаго, уже ушедшаго въ глубь вѣковъ, обычая. Современный патріархъ уже не можетъ быть Никономъ, не можетъ также играть текую же роль, какую играетъ римскій папа или восточные патріархи.

Его роль должна быть строго опредѣлена, въ соотвѣтствіи съ условіями нашей текущей жизни. Устраивать ее по старымъ канонамъ — мало чѣмъ будетъ лучше, чѣмъ духовенству жить по Петровскому регламенту.

Дневникъ публициста.

Н. А. Демчинскаго.

«Недоумѣваю: въ чемъ состоятъ предполагаемыя (?) стѣсненія высшаго церковнаго управленія и дѣятельности духовенства»
К. Побѣдоносцевъ.

«Синодальный оберъ-прокуроръ de facto собственно и есть въ настоящее время высшій глава и правитель русской церкви».
А. Иванцовъ-Платоновъ.

«Миръ и тишину въ церкви обязана строго охранять мѣстная полиція».
Уставъ о пред. и прес. прест. ст. 10

Религія составляетъ главную основу народнаго духа, ею до сихъ поръ стояла и была крѣпка Русская земля, только при помощи этой силы можетъ выйти русскій народъ изъ настоящихъ тяжелыхъ испытаній. Отнимите отъ этого народа религію, и это пустое мѣсто тотчасъ будетъ заполнено озвѣрѣлымъ отчаяніемъ голоднаго человѣка, а слѣдовательно, передъ вами возстанетъ кровавый терроръ со всѣми его ужасами.

Но религія, какъ одна изъ отраслей духовной дѣятельности человѣка, требуетъ постояннаго воспитанія и совершенствованія. Какъ научившійся грамотѣ безъ дальнѣйшаго общенія съ книжкой перестаетъ различать буквы, такъ и вѣрующій только по традиціи, такъ сказать наслѣдственно, легко превращается въ простого иконопоклонника, безъ всякаго смысла бьющаго поклоны. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ духовная сторона религіи, ея нравственный стимулъ отсутствуютъ, и чтобы поддержать его, нужны не обряды, а воспитаніе.

Кто же воспитываетъ истинную религіозность народа?

Только церковь, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, «церковь соборная».

Такова и была наша православная церковь до Петра. Церковно-общественная жизнь древне-русскаго прихода отличалась большимъ оживленіемъ. Русскій приходъ представлялъ прежде живую и самодѣятельную единицу. Община сама строила себѣ храмъ, избирала священника и остальной церковный причтъ. Церковная казна имѣла тогда болѣе широкое назначеніе; ею поддерживались и содержались не только храмъ и дома для причта, но и школа съ учителемъ и цѣлый рядъ благотворительныхъ учрежденій; иногда она играла роль крестьянскаго банка и раздавалась неимущимъ. Приходская община сама судила своихъ сочленовъ и имѣла право самаго широкаго вмѣшательства даже въ ихъ внутреннюю семейную жизнь, слѣдя за нравственными поступками каждаго сочлена. Отъ этой живой и дѣятельной общины въ настоящее время осталось только одно имя.

Съ паденіемъ самостоятельности прихода сильно ухудшилось положеніе духовенства; прежде его содержала община, теперь же, предоставленное самому себѣ, оно должно было добывать себѣ пропитаніе обработкой земли наравнѣ съ крестьяниномъ. Понемногу установился обычай оплаты за совершеніе таинствъ и иныхъ требъ, приведшій, наконецъ, къ тѣмъ поборамъ, которые и положили широкую пропасть между священствомъ и прихожанами. Поборы эти подаютъ поводъ относить священника къ числу кулаковъ и міроѣдовъ, а на требоисправленіе стали смотрѣть, какъ на ремесло. При наличіи такихъ условій, конечно, не можетъ быть и рѣчи о «пастырѣ», около котораго могла бы сплотиться община, какъ около центра.

По этому поводу предсѣдатель комитета министровъ въ своей запискѣ говоритъ: «Первымъ условіемъ для поднятія пастырской дѣятельности должно быть изысканіе такихъ путей обезпеченія духовенства, чтобы священникъ былъ избавленъ отъ необходимости торговаться съ прихожаниномъ предъ совершеніемъ таинства. Въ данномъ случаѣ нужно

имѣть въ виду не одно увеличеніе средствъ на содержаніе духовенства изъ казны, быстраго роста которыхъ можетъ не допустить состояніе государственнаго казначейства, а такую организацію земскаго обложенія въ пользу духовенства, путемъ которой оно получало бы съ прихода тѣ же средства, что и теперь, безъ необходимости лично вымогать ихъ у каждаго прихожанина въ частности. Это удобнѣе всего выполнить при возстановленіи свободы самоуправленія церковной общины. Для оживленія приходской жизни церковной общинѣ необходимо вернуть отнятое у ней право на участіе въ церковномъ хозяйствѣ и право выбора или, по крайней мѣрѣ, участія въ выборѣ членовъ причта».

Въ первые вѣка христіанства не только пресвитеры, но даже и епископы избирались мѣстною общиной. Это право избранія имѣло большое моральное значеніе, — епископъ или пресвитеръ вступалъ въ свою общину желаннымъ и званнымъ руководителемъ, а не невѣдомымъ пришельцемъ, котораго гонитъ сюда далеко не всегда даже собственная воля, а только милость или гнѣвъ высшаго начальства.

Тутъ, кажется, все ясно. Но оберъ-прокуроръ опять недоумѣваетъ. Онъ говоритъ: «здѣсь предполагается организація *земскаго обложенія* (курсивъ подлинника) въ пользу духовенства, слѣдовательно, новое обложеніе народа, довольно уже отягченнаго нынѣшнимъ земскимъ обложеніемъ».

Очевидно, только неудачное выраженіе «земское» обложеніе не дастъ покоя сановникамъ. Опять этотъ призракъ, и здѣсь тотъ же кошмаръ—«земство!»

Это ясное недоразумѣніе. Слово «земское» тутъ не связано съ земскимъ хозяйствомъ. Оно означаетъ, что причтъ будетъ содержаться общиной—землей, а вовсе не земской управой.

Излишняго обремененія народа опять-таки не будетъ, такъ какъ тысяча рублей въ годъ на весь приходъ не раззоритъ его, особенно при условіи отмѣны всякихъ теперешнихъ вымогательствъ; вѣдь это дастъ лишняго обложенія 25—30 к. на душу въ годъ, что, пожалуй, будетъ даже менѣе нынѣшнихъ «таксированныхъ» оплатъ.

Что же собственно привело нашу церковь въ настоящій ея видъ, при которомъ она вполнѣ разобщена со своимъ приходомъ?

Та церковь, о которой мы молимся на богослуженіи, есть церковь «соборная», но не «чиновная», каковой ее сдѣлалъ Петръ I, подведя всю Россію, а ужъ кстати—за одно и церковь, подъ табель о рангахъ. Этотъ безсмысленный кусокъ бумаги вотъ уже 200 лѣтъ гнететъ всю страну, и теперь, у насъ на глазахъ, она, сердешная, трепещетъ вся, отъ мала до велика, какъ птица въ клѣткѣ, чтобы сбросить съ себя

иго «той дубинки», которая такъ немилосердно исковеркала всю русскую жизнь.

Соборность церкви есть ея прямой смыслъ и таковой она и была всегда на Руси.

«Соборное начало», говоритъ А. Иванцовъ-Платоновъ, «имѣло довольно значительное развитіе въ церковной жизни, начиная съ низшихъ ступеней ея, гдѣ прежде всего въ каждой мѣстности, населенной православнымъ христіанствомъ, является приходъ, сосредоточенный около мѣстнаго храма и имѣвшій свои правильныя свободныя собранія для избранія членовъ причта, для завѣдыванія церковнымъ хозяйствомъ, для устроенія дѣлъ мѣстной благотворительности, — и оканчивая самыми высшими инстанціями церковнаго управленія».

Органами соборнаго управленія являлись соборы вселенскіе и помѣстные. Первые были явленіями исключительными, вызывавшимися особыми обстоятельствами, и, конечно, не могли повторяться часто. Но помѣстные соборы, на основаніи апостольскихъ правилъ (20 и 37) и каноновъ вселенскихъ соборовъ (I, 5; IV, 19; VII, 8; VIII, 6), получившихъ силу непреложнаго каноническаго закона, должны были собираться дважды или по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ годъ. На помѣстные соборы являлись или присылали своихъ представителей всѣ епископы мѣстной церкви. Епархіальное управленіе было также основано на принципѣ соборности. При епископѣ состоялъ соборъ пресвитеровъ; часто въ этихъ совѣщаніяхъ участвовала и цѣликомъ вся церковная община; такимъ публичнымъ, общественно-совѣщательнымъ было церковное управленіе апостольскихъ временъ и вообще первыхъ вѣковъ христіанства, когда церковная община, имѣвшая отдѣльнаго епископа, не представляла большой численности. При дальнѣйшемъ развитіи церковной жизни присутствіе всѣхъ членовъ общины сохранилось только на приходскихъ собраніяхъ, а на епископскомъ соборѣ постепенно замѣнялось ихъ представительствомъ. Патріаршество, которое разсматривалось Духовнымъ Регламентомъ, какъ помѣха соборному управленію церкви, отнюдь не нарушало принципа соборности, — патріархъ являлся далеко не единоличнымъ управителемъ церкви, а только предсѣдателемъ существовавшаго около него постояннаго собора; онъ былъ немыслимъ безъ собора; это обычный канонической порядокъ, рѣдкія отклоненія отъ котораго всегда сопровождались упадкомъ церковной жизни.

Но вотъ является «Великій преобразователь». Въ его глазахъ достоинство всякой системы внутренняго хозяйства опредѣляется ея «удобствомъ» для управленія, «наипаче же для государства монаршескаго, яковое есть наше россійское». Съ помощью Ѳеофана Прокоповича со-

чиняется Духовный Регламентъ (1720 г.), который «царь приказалъ прочесть въ своемъ присутствіи и, перемѣнивъ кое-что немногое и прибавивъ отъ себя, весьма одобрилъ». Послѣ прочтенія и исправленія Духовнаго Регламента государемъ присланъ былъ имъ слѣдующій собственноручный указъ оберъ-секретарю Сената: «по полученіи сего (т. е. указа), объяви преосвященнымъ архіереомъ и господамъ Сенату, дабы проектъ духовной коллегіи, при семъ вложенный, завтра выслушали, такъ-ли оному быть,—и ежели что не такъ покажется, чтобы ремарки поставили и на каждой ремаркѣ—экспликацію вины дѣла». Изъ архіереевъ въ это время присутствовали въ Сенатѣ шестеро и три архимандрита. Никто изъ слушавшей проектъ коллегіи 23 февраля 1720 г. никакой «ремарки и экспликаціи» не представилъ. На другой день послѣ этого Петръ писалъ Сенату: «понеже вчерась отъ васъ я слышалъ, что проектъ духовной коллегіи какъ архіереи, такъ и вы слушали и приняли всѣ за благо, того ради надлежитъ архіереомъ и вамъ оный подписать, который потомъ и я закрѣплю, а лучше бы два подписать и одинъ оставить здѣсь, а другой послать для подписи архіереомъ». Для этой цѣли посланъ былъ въ Москву и въ Казань подполковникъ Давыдовъ съ Регламентомъ и указомъ Сената; въ указѣ найдено было нужнымъ добавить, что если кто сталъ-бы уклоняться отъ подписанія, у того взять письменное объясненіе о причинѣ уклоненія. Къ декабрю 1720 года подпись подъ Регламентомъ была уже совсѣмъ окончена и, повидимому, благополучно. Только мѣстоблюститель патріаршества «весьма противился и черезъ долгое время подписать Духовный Регламентъ отрицался, отговариваясь немощами, иногда же яко неяснымъ нѣкоторыхъ пунктовъ толкованіемъ».

«Такъ возникъ Святѣйшій Синодъ въ православной церкви», говоритъ проф. Тихоміровъ. «Это — явленіе совершенно небывалое, чтобы государь, а не соборъ іерарховъ, производилъ церковную реформу. Рѣшивъ учредить духовную коллегію, Петръ и не подумалъ освѣдомиться о мнѣніяхъ русскихъ архіереевъ. Объ архіереяхъ онъ вспомнилъ лишь тогда, когда пришло время имъ подписывать Регламентъ: «объяви преосвященнымъ архіереомъ»...

Но и это право оставлено за ними лишь для видимости. Петру необходимы были только ихъ подписи, чтобы придать Регламенту характеръ авторитетности въ глазахъ духовенства и тѣхъ изъ мірянъ, которые помнили традиціи древне-русскаго времени и знали правила св. церкви, по которымъ всякое вмѣшательство свѣтской власти въ дѣло церковнаго законодательства самымъ настойчивымъ образомъ отстра-

няется. И вотъ онъ посылаетъ подполковника Давыдова собрать подписи отъ архіереевъ.

Что этотъ сборъ подписей сдѣланъ былъ не безъ насилія, нечего и доказывать: требованіе письменнаго объясненія, въ случаѣ уклоненія отъ подписи, равносильно угрозѣ судомъ. О свойствахъ суда въ петровское время даетъ достаточное понятіе уже одно существованіе знаменитаго и страшнаго Преображенскаго приказа. А что и архіереевъ, въ случаѣ ихъ сопротивленія дѣлу петровскихъ реформъ, не защищалъ отъ привлеченія къ суду ихъ высокій санъ, показываютъ примѣры: казнь ростовскаго архіерея Досиѳея, лишеніе сана Игнатія тамбовскаго, ссылка въ Сибирь митрополита крутицкаго Игнатія.

Изъ описаннаго ясно видно, что та же «дубинка», на этотъ разъ въ видѣ подполковника Давыдова, не остановилась даже передъ народной святыней и исковеркала весь укладъ церковной жизни, противно каноническому праву, да, пожалуй, даже и въ явное нарушеніе разума. При помощи этой дубинки совершился «подмѣнъ соборнаго начала коллегіальнымъ».

Но и этому «постоянному собору», члены котораго назначались правительствомъ, отводилась изумительная роль. По Регламенту, Синоду надлежало «разыскивать вновь сложенные и слагаемые акаѳисты и молебны и иныя службы»; «искоренять многочисленныя моленія»; «смотрѣть исторіи святыхъ, не суть ли нѣкія изъ нихъ ложно вымышленныя»; «прилежно разыскивать вымыслы, которые человѣка въ недобрую практику ведутъ»; «разыскивать нѣкія церемоніи непотребныя»; «разыскивать о мощахъ святыхъ, гдѣ какія явятся быть сумнительными»; «о иконахъ святыхъ смотрѣть»; «преслѣдовать явленныя иконы, многогласіе въ службахъ» и т. п. «Какъ будто», — говоритъ проф. Тихомировъ,—читаешь отдѣлъ изъ устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій! И такъ опредѣляются задачи церковнаго управленія».

«Сколь далеко у творцовъ реформы заходило увлеченіе полицейскими задачами для дѣятельности іерархіи, можно видѣть изъ того поистинѣ возмутительнаго требованія, какое заявлено въ ст. 10 «правилъ причта церковнаго», гдѣ священникамъ вмѣняется въ обязанность доносить тайной канцеляріи и Преображенскому приказу объ указанныхъ на духу злоумышленіяхъ и о совершенныхъ уже суевѣрныхъ дѣлахъ».

«Недаромъ», замѣчаетъ проф. Заозерскій, «практика XVIII в. выработала для членовъ Синода официальные, чуждые всякой иронiи, термины: «духовной команды» и «духовныхъ командировъ». Недаромъ же Св. Синодъ въ теченіе почти всего XVIII вѣка имѣлъ свою тюрьму и всегда большее или меньшее число своихъ колодниковъ, а для обуз-

данія непокорныхъ, кромѣ духовныхъ средствъ, имѣлъ въ своемъ распоряженіи гвардіи сержанта и 26 солдатъ».

Итакъ, «великое преобразованіе» заключалось въ томъ, что мѣсто «свободнаго» мнѣнія собора занялъ подполковникъ Давыдовъ, на мѣсто пастыря духовнаго стада, его исповѣдника,—сталъ полицейскій доносчикъ, христіанское поученіе замѣнилось «тюрьмой Святѣйшаго (?) Синода», а для «вразумленія» пасомыхъ — духовному собору понадобился сержантъ съ командой солдатъ?

Хорошенькая картинка величія преобразованій!.. Но, по мнѣнію оберъ-прокурора Св. Синода, все-таки Петръ I иначе и не могъ поступить «при водвореніи правильнаго порядка въ государствѣ».

Что называть «порядкомъ»...

Какъ ни ужасенъ Регламентъ Петра, все же онъ не уничтожилъ бы церковь, какъ самоопредѣляющуюся единицу, если бы въ Синодъ не были введены «очи и уши» государевы въ видѣ синодальнаго оберъ-прокурора. Результатъ такого нововведенія самый естественный, ибо куда бы ни послать свои «очи и уши», они будутъ вездѣ дѣлать одно и то же, т. е. очи—соглядать, уши—слушать,—таково физіологическое назначеніе этихъ органовъ.

Именно это самое и совершилось въ самомъ скоромъ времени, т. е. «полное порабощеніе церкви «очами и ушами государевыми». Уже съ вступленіемъ на престолъ императрицы Елисаветы и назначеніемъ Шаховского на постъ синодальнаго оберъ-прокурора, прокуратура начинаетъ довольно широко пользоваться предоставленными ей правами и полномочіями и выходя далеко за предѣлы простого контролированія дѣятельности Святѣйшаго Синода, затрогивающей экономическіе интересы государства; оберъ-прокуроры стремятся ввести въ сферу своего вліянія и такія стороны синодальнаго управленія, какъ производство церковнаго суда, организація системы духовнаго образованія будущихъ пастырей церкви и религіознаго просвѣщенія прихожанъ, устройство церковнаго благочинія, и заявляютъ настойчивое желаніе подчинить своему ближайшему надзору мѣстное епархіальное управленіе.

Съ переходомъ же верховной власти въ руки Екатерины II, усвоившей себѣ либеральные философскіе взгляды на религію и церковь, у синодальной прокуратуры являются покушенія оказывать извѣстное вліяніе на Святѣйшій Синодъ даже въ вопросахъ чисто-религіознаго характера, побуждая его производить въ духѣ времени различныя измѣненія въ церковныхъ канонахъ и обрядахъ.

Крупныя государственныя преобразованія, ознаменовавшія собою начало XIX столѣтія, не прошли безслѣдно и для системы церковнаго

управленія, и уже первый синодальный оберъ-прокуроръ александровскаго времени, подъ вліяніемъ правительственныхъ реформъ, замѣнившихъ старыя, отжившія свой вѣкъ, петровскія коллегіи новымъ учрежденіемъ министерствъ, обнаружилъ явное стремленіе присвоить себѣ нѣкоторыя министерскія полномочія и нѣсколько приравнять свое положеніе въ духовномъ вѣдомствѣ къ положенію министровъ, поставленныхъ во главѣ другихъ вѣдомствъ. И дѣйствительно, онъ успѣлъ присвоить себѣ чисто-министерское право дѣлать вполнѣ самостоятельно и совершенно независимо отъ Святѣйшаго Синода доклады и, получая Высочайшее одобреніе своимъ планамъ, предлагать ихъ къ обязательному исполненію высшему церковному учрежденію.

Въ 1818 г. учреждено министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Съ закрытіемъ его въ 1824 г. вся власть министра духовныхъ дѣлъ перенесена на оберъ-прокурора. Съ этого времени православная церковь получаетъ офиціальное наименованіе «вѣдомства православнаго исповѣданія»... Оберъ-прокуроръ вполнѣ получаетъ права министра по законодательнымъ и административнымъ дѣламъ православной церкви. По дѣламъ этого рода его стали приглашать въ засѣданія государственнаго совѣта и комитета министровъ, гдѣ онъ является единственнымъ представителемъ православной церкви.

Какова же нынѣшняя организація нашего церковнаго управленія?

Во главѣ его стоитъ Синодъ, члены котораго не избранники «церкви», а лица, назначенныя государственной властію и главнымъ образомъ по представленію синодальнаго оберъ-прокурора. Назначеніе это совершается всего лишь на одинъ годъ, вѣрнѣе — на одну зиму. Есть, правда, и постоянные члены Синода — это три нашихъ митрополита, но, и они, безъ особаго вызова, не смѣютъ являться для присутствованія въ Синодѣ. «И если такого вызова, по соображеніямъ оберъ-прокурора, не послѣдуетъ, они могутъ оставаться десятки лѣтъ лишь номинальными членами Синода. Такъ знаменитѣйшіе пастыри русской церкви: Филаретъ московскій и Филаретъ кіевскій, вслѣдствіе своей размолвки съ оберъ-прокуроромъ Протасовымъ, не были вызываемы въ Синодъ съ 1842 года до самой своей смерти».

Такимъ образомъ дѣйствительный глава Синода есть его оберъ-прокуроръ, «который неизмѣнно имѣетъ въ русской церкви такую власть, какой не можетъ имѣть ни одинъ патріархъ», ибо всякій патріархъ ограниченъ въ своихъ правахъ мнѣніемъ синода и помѣстныхъ соборовъ, а оберъ-прокурорская власть со стороны церкви ничѣмъ не ограничивается. А. Иванцовъ-Платоновъ такъ очерчиваетъ эту неограниченную власть:

«Оберъ-прокуроръ прежде всего есть посредникъ между Синодомъ и Государемъ. Онъ докладываетъ Государю о важнѣйшихъ дѣлахъ церковныхъ; онъ испрашиваетъ Высочайшее соизволеніе и утвержденіе по дѣламъ, касающимся церкви; онъ передаетъ Синоду мысль и волю Государя какъ относительно общаго направленія дѣлъ церковныхъ, такъ и относительно частныхъ вопросовъ, касающихся церкви. Уже это одно можетъ давать власти оберъ-прокурора чрезвычайное значеніе. Будучи исключительнымъ посредникомъ между Государемъ и Синодомъ, онъ можетъ какъ при докладѣ Государю дѣлъ синодальныхъ всякое дѣло освѣщать такъ, какъ представляется лучшимъ по его соображенію, такъ и при передачѣ Синоду мыслей Государя представить ихъ въ такомъ освѣщеніи, въ какомъ онѣ сильнѣе могутъ произвести на членовъ Синода желаемое имъ впечатлѣніе».

«Опираясь на такія полномочія, оберъ-прокуроръ въ духовномъ вѣдомствѣ можетъ имѣть гораздо болѣе власти, чѣмъ всякій министръ въ своемъ министерствѣ... и пользоваться такими правами, какими въ другихъ церквахъ не пользуются сами патріархи».

«Онъ можетъ измѣнить основы духовнаго образованія и систему церковнаго устройства, онъ можетъ закрыть тысячу церквей въ православной русской странѣ и опять открыть ихъ, измѣнить составъ церковныхъ причтовъ, дать епархіальному духовенству и духовно-учебнымъ заведеніямъ извѣстныя права и опять отнять ихъ» *).

«Разумѣется это дѣлается прокуроромъ не прямо отъ своего лица, но, повидимому, при содѣйствіи самихъ епископовъ проводится черезъ различные комитеты или даже черезъ самый Синодъ. Но кто же не знаетъ, что самые эти комитеты устрояются и дѣйствуютъ по мыслямъ оберъ-прокурора и что самый составъ членовъ Синода въ извѣстный сезонъ можно устроить такъ, чтобы на немъ заранѣе было обезпечено проведеніе извѣстныхъ мѣръ».

«И этого мало. У оберъ-прокурора могутъ являться покушенія такъ или иначе воздѣйствовать на самое состояніе или, по крайней мѣрѣ, на внѣшнее выраженіе самого церковнаго ученія».

«Дѣло духовной цензуры является нерѣдко такъ поставленнымъ, что въ литературѣ могутъ свободно обсуждаться, хотя бы и въ отрицательномъ смыслѣ, самые основные религіозные вопросы, и вмѣстѣ съ

---

*) «Употребляя здѣсь и въ дальнѣйшихъ описаніяхъ оберъ-прокурорской власти выраженіе «можетъ», мы собственно разумѣемъ не только область возможнаго, но и дѣйствительные факты, совершавшіеся у всѣхъ на глазахъ и безпрепятственно могущіе совершаться и въ будущія времена, если только не измѣнится у насъ система высшаго церковнаго управленія».

тѣмъ воспрещается и въ самыхъ общихъ чертахъ касаться порядковъ, существующихъ въ синодской канцеляріи».

«Наконецъ, и на внѣшнія отношенія русской церкви къ другимъ церквамъ и исповѣданіямъ—единовѣрнымъ и разномыслящимъ—оберъ-прокурорская власть также можетъ имѣть очень большое вліяніе, и эти отношенія могутъ существенно измѣняться съ перемѣною оберъ-прокуроровъ».

«Вотъ что составляетъ главнѣйшую болѣзнь нашего церковнаго управленія: господство свѣтскаго чиновничества и отсюда бюрократическій, чиновническій характеръ церковнаго управленія, съ подавленіемъ въ немъ собственно духовнаго пастырскаго элемента и съ искаженіемъ древнихъ каноническихъ основъ соборнаго управленія».

Интересно здѣсь привести еще одну параллель, которая показываетъ наглядно, что такое въ Россіи «чиновникъ».

Ученіе о человѣческомъ главенствѣ надъ церковью, возникшее на Западѣ, отвергается православной церковью и признается ею за ересь. По этому ученію, и донынѣ «церковь видитъ въ Государѣ преданнѣйшаго своего сына, защитника и покровителя»... «Какъ сынъ не можетъ давать повелѣній своей матери, такъ и православный Государь не можетъ давать повелѣній церкви».

Но вотъ оберъ-прокуроръ... тотъ можетъ!..

Синодъ заслушиваетъ только то, что вноситъ на его обсужденіе оберъ-прокуроръ, не имѣя самъ никакой иниціативы. Постановленіе Синода, по внесеннымъ туда дѣламъ, приводитъ въ исполненіе опять-таки тотъ же оберъ-прокуроръ; удобное рѣшеніе приводится въ исполненіе, неудобное—кладется подъ сукно. Въ такомъ видѣ Синодъ — это нѣчто вродѣ «совѣщанія свѣдущихъ людей при оберъ-прокурорѣ» и даже не коммиссія, хотя бы самая обычная по своимъ правамъ на самостоятельность.

Какимъ же образомъ, спросятъ насъ, православная церковь, эта основа бытія Государства Россійскаго, попала въ такое плѣненіе?

Для поясненія сего нужно заглянуть въ уставъ консисторій.

Ст. 284. «Секретарь консисторіи опредѣляется Синодомъ по избранію и предложенію оберъ-прокурора и увольняется также Св. Синодомъ по предложенію оберъ-прокурора».

Ст. 285. «Секретарь консисторіи, находясь подъ ближайшимъ начальствомъ епархіальнаго архіерея, состоитъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ непосредственномъ вѣдѣніи оберъ-прокурора Св. Синода, какъ блюстителя за исполненіемъ законныхъ постановленій по духовному вѣдомству, и обязанъ исполнять всѣ его предписанія».

Ст. 296. «Ближайшій надзоръ за канцеляріей во всѣхъ отношеніяхъ и отвѣтственность въ правильности дѣлопроизводства возлагается на секретаря».

Ст. 361. «Въ случаѣ потребности сношенія съ высшими присутственными мѣстами, консисторія, по резолюціи архіерея, заготовляетъ къ его подписанію представленіе Св. Синоду или отношеніе оберъ-прокурору. Равномѣрно и всѣ вообще бумаги, по непосредственнымъ сношеніямъ архіерея съ губернаторами и другими начальствующими въ губерніи лицами, заготовляются такимъ же порядкомъ».

Отсюда уже ясно, что начальникомъ мѣстной церкви является секретарь консисторіи, какъ «очи и уши» дѣйствительной главы православной церкви—оберъ-прокурора Синода. А. Иванцовъ-Платоновъ говоритъ по этому поводу: «Есть еще и особенная причина, ненормально усиливающая въ епархіальномъ управленіи значеніе свѣтскаго чиновничества въ ущербъ значенію самой духовной администраціи. Свѣтское чиновничество поставлено въ епархіальномъ управленіи, какъ своего рода status in statu, не только въ малой зависимости отъ духовной епархіальной власти, но отчасти какъ бы и въ противодѣйствіе ей. Чиновниковъ консисторій выбираютъ не члены консисторій и большею частью не самъ архіерей, но главнымъ образомъ секретарь. А секретари консисторій во всѣхъ епархіяхъ назначаются самимъ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода (большею частію изъ чиновниковъ Синода), и при этомъ, мы слышали, имъ дается право и обязанность непосредственно оберъ-прокурору писать негласныя донесенія не только о ходѣ дѣлъ въ консисторіяхъ, но и о дѣйствіяхъ самого архіерея».

Предшествующій очеркъ нынѣ дѣйствующаго церковнаго устройства достаточно наглядно рисуетъ то «порабощеніе» церкви чиновничествомъ, которое превратило и самую церковь въ «вѣдомство православнаго исповѣданія». И послѣ всего этого нѣкогда самъ крупный представитель науки (гражданскаго права), К. П. Побѣдоносцевъ недоумѣваетъ, «въ чемъ состоятъ предполагаемыя (?) стѣсненія высшаго церковнаго управленія и дѣятельности духовенства...»

Будемъ надѣяться, что это недоумѣніе есть единственное въ Россіи.

«Обращаясь къ современному устройству православныхъ церквей, существующихъ внѣ нашего отечества», говоритъ проф. Заозерскій, «мы всюду встрѣчаемъ помѣстный соборъ, какъ высшій органъ церковнаго управленія, но въ различныхъ формахъ».

Эти формы слѣдующія:

1. Соборъ, какъ непрерывно дѣйствующее церковное учрежденіе, состоящее только изъ лицъ епископской степени.

2. Соборъ, какъ учрежденіе, періодически составляющееся изъ лицъ только епископской степени.

3. Но въ нѣкоторыхъ изъ этихъ «церквей» наряду съ архіерейскими синодами дѣйствуютъ соборы смѣшаннаго состава—изъ лицъ іерархіи, духовенства и мірянъ, съ одинаковымъ правомъ голоса. Эти соборы являются и какъ учрежденія, непрерывно дѣйствующія, и какъ учрежденія, составляющіяся періодически. Такъ, въ константинопольской церкви наряду съ синодомъ дѣйствуетъ такъ называемый смѣшанный совѣтъ, состоящій изъ 12-ти членовъ: 4 архіереевъ и 8-ми почетныхъ членовъ мірянъ, подъ предсѣдательствомъ старѣйшаго изъ членовъ-архіереевъ, а во время присутствія на совѣтѣ патріарха—подъ его предсѣдательствомъ.

Въ болгарской церкви наряду съ «святымъ синодомъ» дѣйствуетъ подобно константинопольскому учрежденіе—такъ называемый экзархійскій совѣтъ. Его составляютъ: экзархъ, какъ предсѣдатель, и шесть пользующихся добрымъ именемъ мірянъ, которыхъ избираетъ клиръ и народъ всѣхъ епархій экзарха и утверждаетъ правительство по предложенію экзарха. Служеніе членовъ совѣта продолжается 4 года, а затѣмъ избираются новые члены. Кругъ дѣйствій экзархійскаго совѣта слѣдующій: а) школы, б) построеніе церквей и пріютовъ, в) управленіе церковнымъ имуществомъ, г) контроль годовыхъ счетовъ всѣхъ церквей и монастырей и д) разсмотрѣніе гражданской стороны брачныхъ споровъ.

Въ карловацкой церкви завѣдываніе церковно-правительственными дѣлами, касающимися школъ и церковно-школьныхъ средствъ, принадлежитъ «народно-церковному собору», который состоитъ подъ предсѣдательствомъ карловацкаго митрополита изъ всѣхъ епархіальныхъ епископовъ и 75-ти представителей, одну треть которыхъ составляютъ духовные, а двѣ трети—міряне. Подъ-предсѣдателя соборъ избираетъ изъ представителей—мірянъ. Императорскій прокуроръ не участвуетъ ни въ разсмотрѣніи, ни въ рѣшеніи соборныхъ дѣлъ. Соборъ собирается правильно черезъ каждые три года, а созываетъ его, послѣ полученія на то дозволенія отъ государя, карловацкій митрополитъ, или, если каѳедра митрополита свободна, митрополичій церковный совѣтъ.

Веденіе текущихъ дѣлъ, подлежащихъ народно-церковному собору, ввѣрено соборному совѣту (или комитету), состоящему изъ 9-ти членовъ: митрополита, въ качествѣ предсѣдателя, одного епископа, двухъ членовъ духовныхъ и пяти членовъ мірянъ. Членовъ этихъ соборъ выбираетъ изъ своей среды, а также и замѣстителей ихъ.

Вотъ эти принципы «соборности въ управленіи дѣлами церкви съ представительствомъ отъ мірянъ» — и есть тотъ идеалъ, къ которому стремится теперь наша церковь. Канонъ и практика древней церкви даютъ намъ четыре степени соборности: 1) приходъ съ избраннымъ священникомъ, 2) епархію съ епархіальнымъ соборомъ, 3) митрополію съ представителями отъ епархій, входящихъ въ ея составъ, и наконецъ 4) патріаршій синодъ съ помѣстнымъ соборомъ.

Когда эта организація получитъ право гражданства, тогда только церковь освободится отъ «плѣненія чиновничьяго» и будетъ свободной.

Что такое «свободная» церковь, это мы видимъ по тѣсному единенію старообрядцевъ. Попробуйте позвать на Земскій Соборъ двадцать или двѣсти представителей отъ старообрядцевъ, и они вамъ пришлютъ ихъ черезъ недѣлю, не прося вашихъ указаній ни о системѣ выборовъ, ни о предвыборныхъ агитаціяхъ и т. п. аксессуарахъ, и пришлютъ именно лучшихъ своихъ людей. А вѣдь вся организація старообрядческаго единства создалась только около свободной церкви...

Нынѣ православная, будто бы господствующая у насъ, церковь, молитъ... удивительное дѣло!... о сравненіи ея въ правахъ съ старообрядческой церковью, проситъ дать ей свободу...

«Недоумѣваю»...

Статья газеты «**Новости**» (№ 78-й):

Духовная опасность.

Слухи о созывѣ духовнаго собора, о возстановленіи патріаршества въ Россіи, о предоставленіи церкви полной независимости отъ гражданской власти — встрѣчены въ либерально настроенномъ обществѣ не съ меньшею радостью, чѣмъ въ средѣ самого духовенства. Въ этомъ видятъ какъ-бы одну изъ побѣдъ свободныхъ началъ надъ бюрократическимъ строемъ.

Посмотримъ, такъ-ли это.

Прежде всего, необходимо выяснить, является-ли у насъ церковь учрежденіемъ прогрессивнымъ или реакціоннымъ. Мы думаемъ, что едва-ли тутъ могутъ быть какія-либо колебанія. Вспомнимъ, какъ духовенство противодѣйствовало просвѣтительнымъ начинаніямъ Петра I, вспомнимъ, что при обсужденіи вопроса объ уничтоженіи крѣпостного права духовенство стояло за крѣпостничество еще сильнѣе, чѣмъ дворянство, вспомнимъ, что такое духовная цензура во всѣ времена и во всѣхъ странахъ.

Напрасны ссылки духовенства на то, что его угнетала свѣтская власть. Правда, еще Петръ I возлагалъ на духовенство обязанности, несовмѣстимыя съ истиннымъ пониманіемъ религіи, требуя, напримѣръ, нарушенія тайны исповѣди въ интересахъ государственныхъ. Еще недавно у насъ сообщалось о современныхъ требованіяхъ доносовъ пастырей на ихъ паству. Но самый фактъ полнаго отсутствія борьбы и протеста противъ такихъ требованій свидѣтельствуетъ о томъ, что свѣтская власть отлично знаетъ, къ кому обращается. Кромѣ того, въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о злоупотребленіяхъ свѣтской власти, которыя должны быть устранены другими, болѣе общими, средствами. Когда будетъ дана полная свобода совѣсти, слова и печати, исчезнетъ необходимость шпіонства за гражданами при посредствѣ какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ сыщиковъ.

Затѣмъ, напомнимъ, что дастъ предполагаемая реформа церковнаго управленія. Въ сущности, лишь возвратъ къ XVII вѣку, жестокому, суровому и темному. Петръ I былъ вполнѣ въ уровнѣ новыхъ просвѣтительныхъ идей, когда подчинилъ церковь государству, какъ это существуетъ во всѣхъ государствахъ, которыхъ коснулась реформація. Упрекать его можно лишь въ томъ, что церковныя, какъ и всѣ другія реформы, Петръ I провелъ съ чрезвычайной жестокостью и самодурствомъ. Либеральная, въ сущности, реформа сопровождалась множествомъ казней и небывалымъ даже въ самыя жестокія времена западной инквизиціи преслѣдованіемъ раскола.

Наконецъ, отмѣтимъ всѣ современныя обстоятельства русскаго «отдѣленія церкви отъ государства».

Какъ уже сообщалось въ газетахъ, эту мѣру предложилъ С. Ю. Витте, какъ извѣстный противовѣсъ противъ тѣхъ либеральныхъ реформъ въ пользу свободы совѣсти, которыя проектировалъ комитетъ министровъ въ исполненіе указа 12-го декабря. Но, вѣдь, эти либеральныя реформы еще не проведены. Еще на-дняхъ мы читали о присужденіи къ тяжелому наказанію нѣсколькихъ штундистовъ. Открыты лишь кое-какія раскольничьи молельни, да возвращено изъ ссылки нѣсколько изувѣровъ-сектантовъ, осужденныхъ скорѣе за общія преступленія (напримѣръ, за зарываніе въ землю живьемъ изъ религіознаго фанатизма), нежели за религіозныя убѣжденія. Наконецъ, и самыя занятія комитета министровъ незакончены. Не обсуждались вопросы объ инославныхъ вѣроисповѣданіяхъ и вовсе не былъ затронутъ вопросъ объ иновѣрцахъ, въ томъ числѣ о евреяхъ.

Еще въ большей опасности находится свобода совѣсти людей свободомыслящихъ Если комитетъ министровъ и проведетъ въ жизнь об-

легченія для раскольниковъ, для инославныхъ и иновѣрныхъ, то, вѣдь, вопросъ о вовсе невѣрующихъ даже и не подымался. У насъ, вообще, нельзя жить внѣ религіи. У насъ нѣтъ ни гражданскаго брака, ни гражданскихъ похоронъ. И нѣтъ сомнѣнія, что съ усиленіемъ власти господствующей православной церкви положеніе людей нерелигіозныхъ станетъ совершенно невыносимымъ. При церкви, подчиненной государству, церковь должна была считаться съ такими людьми, существованіе которыхъ неизбѣжно и терпимо во всемъ мірѣ. Церковь-же свободная, но имѣющая такую власть надъ свѣтскими людьми, какъ веденіе метрики, заключеніе браковъ, совершеніе похоронъ, всегда можетъ организовать систематическія религіозныя преслѣдованія всѣхъ, недостаточно, по ея мнѣнію, вѣрующихъ.

Церковь, свободная отъ государства, можетъ быть только въ государствѣ, члены котораго, въ свою очередь, не зависятъ отъ церкви, какъ это установлено, напримѣръ, во Франціи. Тамъ церковь только своимъ нравственнымъ авторитетомъ привлекаетъ къ себѣ адептовъ. При такихъ условіяхъ можно пожелать свободы церкви и порадоваться ей. Но пока у насъ ничего подобнаго нѣтъ и даже не предполагается ввести, освобожденіе церкви отъ государства является въ сущности реакціонной реформой.

Статья «**Русскаго Листка**» (№ 84-й):

Къ возстановленію патріаршества.

(Изъ бесѣдъ съ о. *Н. П Добронравовымъ*).

По поводу газетныхъ сообщеній о предстоящемъ возстановленіи въ Россіи патріаршества мы бесѣдовали съ о. Н. П. Добронравовымъ, занимавшимъ одно время постъ ректора духовной семинаріи и пользующимся авторитетомъ среди духовенства. Намъ прежде всего хотѣлось выяснить вопросъ о причинахъ, заставляющихъ духовенство ходатайствовать о возстановленіи патріаршества.

— Мнѣ кажется,—сказалъ нашъ собесѣдникъ, — что въ данномъ случаѣ дѣло идетъ не столько о возстановленіи патріаршества, сколько о возвращеніи нашего церковнаго строя къ тѣмъ каноническимъ порядкамъ, отъ которыхъ со временъ Петра I онъ значительно уклонился. Сущность дѣла не въ томъ, кто будетъ стоять во главѣ церковнаго управленія — Синодъ или патріархъ, но нужно перейти къ тому непосредственному общенію мірянъ съ пастырями и пастырей съ Верховной Властью, что было завѣщано устроителями православной церкви. Вотъ

это-то общеніе высшаго церковнаго управленія съ Верховной Властью со временъ Петра I нарушено введеніемъ должности оберъ-прокурора Синода, который докладываетъ Государю о дѣлахъ, касающихся церкви. Это посредническое участіе свѣтской власти въ значительной степени способствовало уничтоженію свободы церковнаго управленія. Составъ Синода, назначеніе митрополитовъ, выборъ архіереевъ,—все это косвеннымъ образомъ перешло въ руки оберъ-прокурора и стало зависѣть отъ того, какъ будетъ доложено Государю каждое постановленіе Синода. Возьмемъ хотя-бы назначеніе архіерея. Оно производится теперь по докладу оберъ-прокурора трехъ кандидатовъ на вакантную должность, намѣченныхъ Синодомъ. Ясное дѣло: тотъ, кто докладываетъ объ этихъ кандидатахъ, скорѣе другихъ можетъ оказать извѣстное вліяніе на избраніе того или другого лица. Наша сравнительно недолговременная исторія Синода имѣетъ, однако, нѣсколько примѣровъ смѣщенія митрополитовъ, проявлявшихъ извѣстную самостоятельность и имѣвшихъ столкновеніе съ оберъ-прокуроромъ. Достаточно въ данномъ случаѣ указать на митрополитовъ Платона и Филарета, смѣненныхъ именно въ силу этихъ обстоятельствъ. Поэтому мнѣ представляется самымъ существеннымъ дѣломъ реформы церковнаго управленія — это именно огражденіе его отъ бюрократическаго вліянія. Конечно, наиболѣе простой и лучшей формой является возстановленіе патріаршества, когда патріархъ имѣлъ право непосредственнаго доклада Государю о церковныхъ дѣлахъ. Въ данномъ случаѣ будетъ именно то непосредственное общеніе Царя съ церковью, которое особенно дорого всему духовенству. Но на этомъ, конечно, остановиться нельзя. Нужно это общеніе расширить до общенія Царя съ народомъ, а это возможно установить, опять-же согласно каноническимъ правиламъ, путемъ избранія патріарха на помѣстномъ церковномъ соборѣ, согласно завѣтамъ нашихъ отцовъ церкви. Если это избраніе будутъ производить только одни архіереи, то это едва-ли удовлетворитъ и духовенство, и народъ. Патріархъ долженъ быть ходатаемъ о всѣхъ нуждахъ духовенства и міра, для этого онъ долженъ знать эти нужды, о нихъ долженъ ему сказать соборъ, но архіереи при томъ порядкѣ назначенія, какой производится теперь, конечно, не знаютъ этихъ нуждъ. Поэтому на соборѣ должны участвовать не только архіереи, но и представители бѣлаго духовенства и мірянъ. Каждая епархія должна выставить изъ своей среды представителя бѣлаго духовенства и мірянъ, и только соборъ въ такомъ составѣ можетъ выдвинуть наиболѣе острые вопросы духовной жизни и способствовать практическому разрѣшенію ихъ. Опять-же однимъ избраніемъ патріарха соборъ ограничиться не можетъ. Онъ намѣтитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и рядъ вопросовъ, практическое

рѣшеніе которыхъ будетъ передано въ руки патріарха. Но, вѣдь, эти вопросы нарождаются почти ежедневно. Жизнь не останавливается ни на одну минуту, а соборъ не можетъ быть постояннымъ. Согласно каноническимъ правиламъ, церковь должна по крайней мѣрѣ два раза въ годъ созывать соборъ для выясненія нуждъ пастыря и паствы, но созывъ такихъ соборовъ, конечно, не представляется возможнымъ. Для этого нужно упростить задачу и, раздѣливъ русскую церковь на рядъ митрополій, можно разъ въ годъ созывать соборы по митрополіямъ для обсужденія мѣстныхъ нуждъ церкви и выбора представителей въ общій соборъ подъ предсѣдательствомъ патріарха. Такой соборъ и явится верховнымъ управленіемъ церкви. Въ данномъ случаѣ придется, вѣроятно, при возстановленіи патріаршества, придать ему иной характеръ въ зависимости отъ условій времени. Въ до-петровскій періодъ церковь наша управлялась соборами и патріархомъ, причемъ при патріархѣ не было никакого постоянно дѣйствующаго совѣщательнаго органа. Его замѣняли именно періодическіе соборы. Но теперь жизнь наша сильно усложнилась. Періодическій созывъ соборовъ является неудобнымъ. Необходимо создать при патріархѣ постоянный совѣщательный органъ въ видѣ Синода, въ составъ котораго, мнѣ кажется, должны войти выборные на ежегодныхъ помѣстныхъ соборахъ, созываемыхъ по митрополіямъ. Если бы въ составъ Синода вошли архіереи, то это не отвѣчало бы духу времени. Такой Синодъ былъ бы не чуждъ бюрократическому характеру и не могъ бы знать мѣстныя нужды и нарождающіеся въ обществѣ вопросы. Архіереи должны оставаться на мѣстахъ съ своей паствой, а въ Синодъ могутъ быть выбраны лица, отвѣчающія даннымъ требованіямъ, могущія отстаивать въ Синодѣ нужды своей митрополіи и имѣющія даже для этого спеціальныя порученія.

— Предусмотрѣно-ли въ каноническихъ правилахъ избраніе въ патріархи архіерея, занимающаго высшій постъ въ церкви?

— Нѣтъ. Подобнаго указанія въ каноническихъ правилахъ не существуетъ. Соборъ избираетъ достойнѣйшаго, а исторія русской церкви знаетъ такой примѣръ, какъ избраніе патріарха Іосифа, занимавшаго до тѣхъ поръ постъ архимандрита. Въ византійской церкви былъ случай избранія патріархомъ мірянина,—патріархъ Фотій.

— На какой срокъ избирается патріархъ?

— Избраніе совершается безъ срока. Низложить патріарха можетъ только соборъ, избравшій его. Въ исторіи патріаршества мы знаемъ два случая низложенія патріарховъ, но оба они являются, въ сущности говоря, отреченіемъ патріарха Это прежде всего случай съ патріархомъ Никономъ и, наконецъ, случай съ лжепатріархомъ Игнатіемъ, который

призналь Марію Мнишекъ православной, завѣдомо зная, что она остается католичкой. Съ изгнаніемъ лже-Димитрія Игнатію тоже ничего не оставалось дѣлать, какъ бѣжать изъ Москвы, тѣмъ не менѣе Игнатій былъ судимъ на церковномъ соборѣ.

— Осуществима-ли такая крупная реформа въ церковномъ управленіи въ сравнительно краткій срокъ? Если вѣрить газетнымъ сообщеніямъ, созваніе собора для выбора патріарха предполагается въ маѣ мѣсяцѣ.

— Я не думаю, чтобы такъ быстро возможно было провести эту реформу. Если соборъ будетъ созванъ въ маѣ мѣсяцѣ, то его роль должна ограничиться избраніемъ патріарха, но, какъ я вамъ уже развилъ свою мысль, для русской церкви одного избранія недостаточно, а для того, чтобы создать управленіе на новыхъ началахъ, необходимо многое обдумать, многое взвѣсить, чтобы создать нѣчто цѣлое и стройное. Мнѣ представляется, что для этого нуженъ цѣлый рядъ совѣщаній и съѣздовъ, какъ мѣстныхъ, такъ и центральныхъ. Необходимо, чтобы къ предстоящему церковному собору была выработана цѣлая программа вопросовъ, касающихся церковной реформы. Все это должно быть зрѣло обдумано, и только въ этомъ случаѣ реформа поставитъ наше церковное управленіе на должную высоту и приблизитъ насъ къ завѣтамъ отцовъ церкви, которые всегда работали для единенія пастырей и паствы.

Статья «**Русскихъ Вѣдомостей**» (№ 83-й).

Освободительное движеніе послѣдняго времени, вызванное развитіемъ общественнаго самосознанія, пріобрѣтаетъ, можно сказать, съ каждымъ днемъ новую силу, захватывая всѣ сословія и собирая все большее и большее число лицъ вокругъ своего знамени. Не осталось ему чуждымъ и православное духовенство, въ средѣ котораго возникло сознаніе неудовлетворительности настоящаго положенія православной церкви и необходимости его измѣненія. При стѣсненіи до крайности всѣхъ видовъ общественной самодѣятельности, при поставленіи на мѣсто политической и гражданской свободы полицейскаго усмотрѣнія и административнаго произвола и церковь утратила у насъ свободу самоопредѣленія и самоуправленія и изъ свободнаго общенія вѣрующихъ превратилась въ административное вѣдомство, всецѣло подчиненное государственной власти и поставленное подъ начало бюрократіи. Свободная церковная жизнь на началахъ самоуправленія, съ участіемъ мірянъ, осталась только въ отдѣлившихся отъ господствующей церкви и гонимыхъ государствомъ общинахъ старообрядцевъ и сектантовъ.

Это подчиненное положеніе русской православной церкви, стоящее въ тѣсной связи съ общимъ безправнымъ положеніемъ всего народа, поддерживалось и пассивнымъ отношеніемъ духовенства. Совершенно отдѣлившись отъ мірянъ и обратившись въ замкнутое сословіе,—почти въ касту,—наше духовенство погрузилось въ личные и узко-сословные интересы и въ массѣ настолько привыкло къ своему безправному положенію, что не было въ состояніи мечтать о болѣе свободной и сообразной съ его призваніемъ и достоинствомъ церковно-общественной дѣятельности. Изъ среды духовенства раздавались, правда, отдѣльные голоса, требовавшіе для церкви свободы и болѣе достойнаго положенія, но они не встрѣчали поддержки и замирали безслѣдно. Современное мощное общественное теченіе ворвалось и въ эту доселѣ мертвенную область. Теченіемъ этимъ уже ранѣе были захвачены нѣкоторые изъ наиболѣе талантливыхъ пастырей-писателей, не побоявшихся выступить на публицистическую арену съ обличеніемъ гнетущихъ насъ всѣхъ неправдъ и золъ; теперь сторонниками свободы и обновленія церковной жизни выступили и высшіе представители столичнаго духовенства. Поводомъ къ тому послужилъ вопросъ объ освобожденіи отъ внѣшнихъ стѣсненій религіозной совѣсти старообрядцевъ и сектантовъ, бывшій предметомъ обсужденія въ Особомъ совѣщаніи комитета министровъ и имѣющій быть скоро разрѣшеннымъ въ положительномъ смыслѣ. Этотъ вопросъ вызвалъ и со стороны предсѣдателя Особаго совѣщанія С. Ю. Витте, и со стороны многихъ представителей столичнаго духовенства мысль о желательности преобразованій и въ строѣ православной церкви на началахъ ея большей свободы и независимости. Группой столичныхъ священниковъ была представлена петербургскому митрополиту Антонію записка «О необходимости перемѣнъ въ русскомъ церковномъ управленіи», въ которой выражается радость по случаю освобожденія отъ внѣшнихъ стѣсненій иновѣрія, инославія и старообрядчества. «Этимъ освобожденіемъ,—говорится въ запискѣ,—снимается съ православной церкви тяжелое нареканіе, выставлявшее ее виновницей насилій и гнета, которые производились подъ предлогомъ ея защиты, но не ею измышлены и по существу противны духу ея». «Но,—продолжаютъ авторы записки,—церкви еще недостаточно возстановленія правды въ ея положеніи относительно внѣшнихъ... Еще важнѣе должно быть для нея сознаніе правоты своей внутренней... Только свободно самоуправляющаяся церковь можетъ поддерживать въ совокупности чадъ своихъ полную, сыновне чистую вѣру въ себя и вполнѣ обладать необходимымъ для осуществленія ея высокаго божественнаго призванія голосомъ, отъ котораго горѣли бы сердца человѣческія... Ограниченный въ своемъ самоуправ-

леніи и выраженіи, голосъ церкви православной, подверженный подозрѣнію въ порабощенности мірскимъ, государственнымъ цѣлямъ и интересамъ, сможетъ ли противостоять свободнымъ, искреннимъ и убѣжденнымъ голосамъ исповѣдниковъ иновѣрія, инославія, старообрядчества, всякаго иномыслія, не будетъ-ли заглушаться онъ этими голосами?.. Все чаще и чаще слышатся упреки и обвиненія православной церкви, что общественная жизнь наша отошла отъ ея вліянія... что созидающія силы общественной жизни сторонятся отъ церкви, не находя въ ней мужественнаго свидѣтельства о правѣ общественной жизни безбоязненнаго исповѣданія истины и предъ высшими, какъ передъ низшими, что во дни общественной тревоги и потрясеній подлинный голосъ церкви Христовой, опредѣляемый ея божественнымъ призваніемъ, невозможенъ, а то, что̀ говорится отъ лица церкви, является даже вреднымъ, ибо говорится лишь въ одномъ направленіи, въ одну сторону, и умаляетъ значеніе церковнаго слова... Знаменія времени ярче и властительнѣе, чѣмъ когда-либо, свидѣтельствуютъ въ переживаемую нами годину, что церкви надлежитъ выступить изъ несвойственнаго и недостойнаго положенія, вслѣдствіе котораго она является или силой, дѣйствующей подъ вліяніемъ извѣстнымъ образомъ понимаемыхъ обязательствъ передъ государствомъ, или же ни теплымъ, ни холоднымъ спутникомъ и созерцателемъ человѣческихъ дѣлъ и общественной жизни. Необходимо, настоятельно необходимо, чтобы церковь возвратила себѣ всю силу плодотворнаго вліянія на всѣ стороны жизни человѣческой и всю мощь своему голосу. А для этого она должна возвратить себѣ прежде всего свободу, искони ей принадлежавшую и опредѣленную строемъ священныхъ каноновъ, т. е. каноническое церковное самоуправленіе. А для достиженія этой «великой и святой цѣли возстановленія канонической свободы православной церкви въ Россіи», необходимо, по мнѣнію авторовъ записки, созвать «помѣстный соборъ русской церкви».

Къ такому же мнѣнію о необходимости созыва церковнаго помѣстнаго собора пришелъ и предсѣдатель Особаго совѣщанія С. Ю. Витте, подъ руководствомъ котораго была также составлена записка «О современномъ положеніи православной церкви», представляющая собою сводъ мнѣній выдающихся канонистовъ, современныхъ церковныхъ дѣятелей и профессоровъ духовныхъ академій о «характерѣ и каноническомъ достоинствѣ церковной реформы Петра Великаго». Авторъ этой записки приходитъ къ выводу, что со времени насильственной, совершенной по протестантскимъ образцамъ, реформы Петра церковь русская въ своей канонической жизни порвала связь съ церковнымъ преданіемъ, что отъ этого глохнетъ религіозная жизнь и что для возстановленія этой

жизни необходима церковная реформа, основы которой могутъ быть выработаны только помѣстнымъ соборомъ.

Въ параллель къ запискѣ подъ руководствомъ митрополита Антонія профессорами петербургской духовной академіи былъ выработанъ рядъ «вопросовъ о желательныхъ преобразованіяхъ въ постановкѣ у насъ православной церкви». Вопросы эти касаются желательности автономной организаціи для церкви съ ослабленіемъ постоянной надъ ней опеки или контроля свѣтской власти, лишающихъ церковь самостоятельности и иниціативы, съ освобожденіемъ ея отъ прямой государственной или политической миссіи; съ децентрализаціей церковнаго управленія и пересмотромъ церковнаго строя, что́ предполагаетъ образованіе особаго совѣщанія изъ представителей церковной іерархіи съ участіемъ свѣдущихъ лицъ изъ духовенства и мірянъ для пересмотра существующаго церковнаго управленія и для выработки проекта необходимыхъ въ немъ преобразованій. Наконецъ, въ засѣданіи Святѣйшаго Синода 22-го марта было постановлено, что ближайшей цѣлью предположеннаго помѣстнаго собора, созваніе котораго уже предрѣшено и имѣетъ состояться въ возможно непродолжительномъ времени въ Москвѣ, должно быть избраніе патріарха. Соборъ этотъ имѣетъ составиться, какъ сообщаютъ, изъ однихъ епископовъ, которымъ и предложено будетъ избрать кандидата на патріаршій престолъ; прибавляютъ, что такимъ кандидатомъ, вѣроятно, будетъ избранъ петербургскій митрополитъ Антоній. Патріарху будетъ содѣйствовать въ управленіи церковью Синодъ, какъ совѣщательный органъ; оберъ-прокуратура упраздняется, и докладчикомъ по дѣламъ церкви передъ Государемъ имѣетъ быть патріархъ.

«Охранительные» органы нашей печати, и во главѣ ихъ «*Московскія Вѣдомости*», не преминули выступить противъ намѣченной церковной реформы или, какъ они выражаются, «переворота». Они увѣряютъ, что «православные люди никогда не помирятся съ такой скоропалительной реформой»; газета желала бы, чтобы такая реформа была отложена на неопредѣленное время, отдана была бы на разсмотрѣніе множества разныхъ совѣщаній съ тою цѣлью, вѣроятно, чтобы ее вѣрнѣе похоронить. Увѣреніе, что православные люди никогда не помирятся съ такой реформой, по меньшей мѣрѣ, странно; вѣдь помирились же русскіе люди съ тѣмъ, что церковь была отдана (Петромъ I) подъ надзоръ «добраго человѣка изъ офицеровъ», а затѣмъ оберъ-прокурора. Почему же теперь, когда имѣется въ виду возстановить столь существенное для церковной жизни соборное начало, русскіе люди будутъ протестовать и жалѣть о томъ, что церковь вышла изъ-подъ унизительной для нея бюрократической опеки? Можно утверждать, напротивъ, что чѣмъ скорѣе церковь

освободится отъ давящаго ее бюрократическаго гнета, отъ служенія постороннимъ ей цѣлямъ полицейскаго режима, тѣмъ лучше и отраднѣе будетъ для всѣхъ истинныхъ сыновъ ея, тѣмъ болѣе будутъ ограждены ея свобода и достоинство. Само собою разумѣется, что въ будущемъ должны быть приложены всѣ старанія къ тому, чтобы присущее понятію о церкви начало соборности было проведено во всей его полнотѣ; но для того, чтобы проведеніе этого начала стало возможнымъ, необходимо прежде всего и возможно скорѣе освободить церковь отъ гнетущаго ее и чуждаго ей начала бюрократическаго произвола и дать ей возможность свободнаго прогрессивнаго развитія въ духѣ истиннаго христіанства.

Газета «**День**» (№ 85-й):

Еще реформа.

Итакъ, Петербургъ рѣшилъ облагодѣтельствовать Россію церковной реформой. Сущность предполагаемаго преобразованія уже извѣстна нашимъ читателямъ. Дѣло идетъ не о частныхъ улучшеніяхъ, а о коренномъ всеобъемлющемъ переворотѣ. Въ два-три мѣсяца предполагается исправить ошибки двухъ слишкомъ столѣтій. Церкви будетъ возвращено ея прежнее положеніе. Петербургъ, видите ли, сдѣлается Москвой, и церковнымъ канонамъ будутъ возвращены прежняя сила и значеніе. Всѣми этими благами мы будемъ обязаны, оказывается, бывшему министру финансовъ, а нынѣ предсѣдателю комитета министровъ, С. Ю. Витте. Это онъ, будто бы, послѣ двухъ-трехъ частныхъ бесѣдъ съ высшимъ духовнымъ лицомъ, рѣшилъ дать Россіи то, чего она была лишена болѣе двухсотъ лѣтъ. Вотъ явился неожиданный заботникъ о церкви!

Нѣтъ сомнѣнія, что церковная реформа—реформа всѣхъ реформъ, что нравственная сила и мощь русскаго государства и народа обусловливается степенью церковнаго вліянія на національную жизнь. Сильно это вліяніе,—силенъ и народъ. Но если вліяніе церкви слабѣетъ, то ослабѣваетъ и Россія, берутъ верхъ враждебныя силы.

Если бы можно было представить себѣ, что въ наши дни церковь пользуется такимъ же вліяніемъ на народно-государственную жизнь, какъ въ московскія времена, когда нашей церковью управляли патріархи! Скажите, возможна ли была бы тогда въ Россіи та смута, свидѣтелями которой мы состоимъ много лѣтъ и десятилѣтій, и которая достигла такой дерзости и яркости за послѣдній годъ?

Разумѣется, нѣтъ. Въ московское время внутренніе враги, измѣн-

ники и крамольники не смѣли бы такъ поднять головы. Они знали, что противъ нихъ стоитъ не только государство, но и весь народъ.

Что же теперь? Шайки русскихъ измѣнниковъ и евреевъ открыто ругаются надъ отечествомъ и рукоплещутъ японцамъ. Вражда противъ законной власти вмѣняется какъ бы въ гражданскій подвигъ. Вѣра ослабѣла, и надъ православіемъ открыто ругаются. Измѣнники такъ обнаглѣли, что заявляютъ во всеуслышаніе, будто они— представители народа, и говорятъ отъ его имени.

И народъ не можетъ дать этимъ измѣнникамъ такого отпора, какъ прежде. Потому, что нашъ народъ—православный народъ, и всегда единится съ государствомъ черезъ церковь. Церковь была какъ бы главнымъ органомъ народнаго мнѣнія и народной нравственной силы. Черезъ церковь народъ говорилъ и дѣйствовалъ.

Власть, чрезмѣрно увлекавшаяся въ началѣ XVIII вѣка западноевропейскими идеями, упразднила патріаршество. Церковь утратила свои каноническія права,—и отсюда пошли всѣ наши бѣды.

Глядя на положеніе съ этой точки зрѣнія, нельзя не сказать, что возвращеніе русской церкви къ ея *московскому* состоянію крайне желательно, но не въ такое время и не такими руками, не такими способами.

Ошибки цѣлыхъ вѣковъ не исправляются въ одинъ-два мѣсяца. Благовременна ли церковная реформа именно теперь, когда народная сила напряжена въ высшей степени современными событіями, когда страна борется съ японцами въ Манджуріи и смутой внутри?

Въ Высочайшемъ указѣ 12 декабря прошлаго года, въ Высочайшемъ манифестѣ 18 февраля и въ Высочайшемъ рескриптѣ 16 февраля не было ни слова упомянуто о церковныхъ преобразованіяхъ. Въ виду возникновенія вдругъ какъ-то церковной реформы, это невольно возбуждаетъ сомнѣніе и тревогу.

Причина этого умолчанія власти, конечно, могла быть только одна: слишкомъ трудное и тяжелое время переживаетъ Россія, чтобы можно было думать о такомъ громадной важности дѣлѣ, какъ церковная реформа. Къ этому великому и святому дѣлу надо приступать всенародно, когда страна успокоится и отдохнетъ отъ трудностей войны и невзгодъ, которыя накликала на Россію неистовая крамола конституціоналистовъ-отщепенцевъ.

Царь и народъ не находятъ это большое дѣло благовременнымъ, но въ Петербургѣ разсудили иначе и рѣшили «возвратить церковь къ канонической простотѣ» и, по обыкновенію, «какъ можно скорѣе».

Мы говоримъ прямо, что это неосуществимо. Уже изъ того, что

заявлено о предстоящей реформѣ, явствуетъ съ непреложной ясностью, что петербургскіе реформаторы православной церкви взялись за дѣло, совсѣмъ не такъ и, быть можетъ, только съ цѣлью усилить волненія, ибо ихъ усердію къ интересамъ церкви мы не вѣримъ.

Сущность «изобрѣтенія», сдѣланнаго въ Петербургѣ, извѣстна читателямъ. Оно, повторяемъ, совершенно въ такомъ видѣ не исполнимо.

Всѣ подробности петербургскаго изобрѣтенія совершенно *неканоничны* и *неправославны;* мы завтра же болѣе подробно обратимся къ этому событію.

«**Варшавскій Дневникъ**» (№ 86-й).

Статья *Н. Ак.:*

Кесарево—Кесареви, а Божіе—Богови.

Возстановленіе патріаршества въ Россіи, о которомъ ходатайствуетъ Св. Синодъ, давно уже составляло предметъ горячихъ пожеланій и многихъ пастырей церкви православной, и благочестивыхъ мірянъ, горевавшихъ надъ подначальнымъ положеніемъ «господствующей» церкви.

Вѣдь ни для кого изъ православныхъ не было тайной, что православною церковью руководили въ дѣйствительности не Синодъ, не архипастыри, а свѣтскій оберъ-прокуроръ; что канцелярщина, словно ржавчина, въѣлась въ жизнь православнаго духовенства, занятаго «перепиской» отнюдь не меньше, чѣмъ своею прямою обязанностью; что православныя консисторіи остались и понынѣ учрежденіями дореформеннаго типа, неуклонно исполняющими завѣщанныя былыми временами традиціи крючкотворства...

Живому духу, живому слову не стало мѣста среди «отношеній» и «доношеній», «репортовъ» и «отзывовъ»... Канцелярщина превратила православіе въ «казенную» вѣру и, ограждая его полицейскими мѣрами отъ враговъ внѣшнихъ, создала затхлую атмосферу застоя и безропотнаго раболѣпства, низводившаго пастырей церкви къ роли невольныхъ защитниковъ всего существующаго.

Голоса церкви—живого, независимаго, властнаго, такого голоса, который будилъ бы въ вѣрныхъ «душу живу»—не было слышно. Остались «для формы» тщательно цензированныя «поученія» на общія темы академическаго характера,—и жизнь текла своимъ русломъ, выдвигая все новые и новые недоумѣнные вопросы, а церковь безмолвствовала, потому что она не двигалась, не жила, а была «въ параличѣ»...

Не стало «собранія вѣрныхъ», какимъ должна быть церковь, а

вмѣсто него установилось «православное вѣдомство», заключавшее въ себѣ всѣхъ тѣхъ, кто по исповѣднымъ спискамъ числился православнымъ...

Но надо воздать должное православному духовенству. Иго «казенщины» создало, правда, нѣсколько представителей духовенства, привлекавшихъ къ православію полицейскими мѣрами, но въ преобладающемъ большинствѣ наше духовенство сохранило, не смотря на двухвѣковое «плѣненіе», свѣтлые идеалы, сознаніе ненормальности своего будто бы «господствующаго» положенія и стремленіе возвратить церкви ея нормальное, указанное каноническими правилами, положеніе. Іерархи, ходатайствующіе нынѣ о возстановленіи древняго патріаршества, являются выразителями мнѣній этого большинства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и громаднаго большинства истинно православныхъ людей, стремящихся увидѣть родную церковь не «господствующею» прислужницею чиновничества, а независимою отъ постороннихъ Богомъ указаннымъ ея задачамъ соображеній.

Съ какою радостью прочли эти православные люди проектъ возрожденія православной русской церкви, изложенный въ «*Церковномъ Вѣстникѣ*»... Родная старина въ этой новизнѣ слышится: въ объединенныхъ религіозною жизнью приходахъ, въ чуждыхъ пышности, блюдущихъ свою паству, уѣздныхъ епископахъ, которыхъ теперь замѣняетъ «канцелярскій дѣлопроизводитель» —благочинный, въ соборахъ митрополичьихъ, въ избраніи патріарха, молитвенника и печальника о русской землѣ...

Вѣдь это—возвратъ «домой», въ родную атмосферу, это—грядущее возрожденіе и объединеніе православныхъ русскихъ людей подъ сѣнью родной церкви!

Какимъ живымъ ключемъ забьетъ тогда жизнь въ нашихъ приходахъ, какой подъемъ религіознаго и неразрывнаго съ нимъ патріотическаго чувства вызоветъ возстановленіе родной старины по соизволенію нашего благочестивѣйшаго Монарха. Какимъ могучимъ противовѣсомъ всякимъ разрушительнымъ тенденціямъ явится свободный голосъ свободной церкви православной, опирающейся на вѣрныхъ своихъ сыновъ, вѣрныхъ не по исповѣднымъ спискамъ, а по глубокому убѣжденію.

Дай же, Господи, поскорѣе дождаться этого свѣтлаго праздника— всероссійскаго собора, избирающаго «печальника и молитвенника русской земли» и возстановляющаго живую жизнь церкви, превращенной двѣсти лѣтъ назадъ въ «православное вѣдомство».

Кстати сказать, тогда по изобилію консервативныхъ элементовъ, мѣшавшихъ реформамъ, это, можетъ быть, и было нужно изъ-за политическихъ соображеній. Теперь же, при наличности многочисленныхъ

центро-стремительныхъ и крайнихъ вліяній, тѣ же политическія соображенія требуютъ возстановленія древняго строя церкви, чтобы услышать ея свободный голосъ, вразумляющій и наставляющій на одно лишь добро...

«**Одесскія Новости**» (№ 6.601-й):

Пресса.

Гдѣ они раньше были?—задаетъ «*Разсвѣтъ*» справедливый вопросъ по поводу вдругъ заговорившаго духовенства. Теперь, когда рушатся устои, которые оно не умѣло въ должной мѣрѣ укрѣпить и поддержать, мы узнаемъ, что цвѣтъ церкви готовъ тоже примкнуть къ бурному возрождающему движенію.

Этотъ фактъ—говоритъ газета—безспорно знаменателенъ и важенъ, но только нельзя не вопросить досточтимыхъ отцовъ и учителей: гдѣ они были въ тяжелую пору внѣшняго гнета надъ нашими душами, нашей совѣстью, нашимъ христіанскимъ міровоззрѣніемъ? Если свѣтская печать подымала тогда голосъ за гонимыхъ, скорбѣла о церковномъ нестроеніи, о тяжеломъ подчиненіи ея оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода,—такія рѣчи подвергались преслѣдованію «за вредное направленіе», но молитвенники и заступники за насъ молчали, не присоединяли своего авторитетнаго, властнаго, независимаго мнѣнія къ трепетному протесту мірянъ...

Что же получилось въ результатѣ, куда же забрели мы въ дремучемъ лѣсу рутины? Вотъ разгадка, почему и нынѣшній согласный подъемъ мысли въ высшихъ церковныхъ кругахъ не вызываетъ умиленія въ паствѣ, не обѣщаетъ пока творческаго обновленія, не указываетъ намъ даже отдаленно, кто же то необыкновенное по качествамъ своимъ лицо, на которомъ можно было бы сконцентрировать свои помыслы мечтающимъ избрать всероссійскаго патріарха...

«*Кіевскіе Отклики*» относятся отрицательно къ мысли о возстановленіи патріаршества, которую газета называетъ ложной въ своей основѣ.

Патріаршество не создастъ ни самостоятельности и независимости церкви, не избавитъ ее отъ «усмотрѣнія» и «бюрократизма». Мысль о возстановленіи патріаршества могла возникнуть только на свойственномъ нѣкоторымъ «консервативнымъ» кругамъ съ «славянофильской» окраской увлеченіи старинными отжившими уже формами нашего быта. Когда заговорили о необходимости созванія у насъ народныхъ представителей, этимъ приверженцамъ старины непремѣнно хотѣлось воскресить отжившую хаотическую форму земскаго собора. Теперь, когда заговорили о реформахъ въ церкви, думаютъ воскресить патріаршество.

Если ставить *серьезно* вопросъ о коренныхъ реформахъ въ церкви и объ отношеніи ея къ государству и свѣтской власти, то нужно—говоритъ газета—разрѣшать его не внѣшнимъ только образомъ, а по существу

Церковь можетъ быть независимой отъ вліяній свѣтской власти только тогда, если она ограничится религіозными вопросами, вопросами совѣсти, и не будетъ заявлять притязаній на вмѣшательство въ частную, общественную и государственную жизнь.

Вотъ этотъ-то вопросъ, а не объ учрежденіи патріаршества, и слѣдуетъ обсудить всероссійскому помѣстному собору, который, какъ говорятъ, скоро будетъ созванъ.

Будетъ-ли принятъ совѣтъ кіевской газеты? Вопросъ, не нуждающійся въ отвѣтѣ.

---

28 марта.

«**Слово**» (№ 108-й):

О современномъ положеніи православной церкви.

(Записка С. Ю. Витте).

Объявленіе религіозной свободы вызываетъ необходимость измѣненій и въ государственномъ положеніи православной церкви.

Послѣ двухвѣковой политики религіозныхъ стѣсненій Россія вступаетъ теперь на путь широкой вѣротерпимости. Къ этому побуждаетъ какъ сознаніе несоотвѣтствія религіозныхъ стѣсненій духу православной церкви, такъ и испытанная долгимъ опытомъ ихъ безполезность. И офиціальные отчеты, и особенно частныя сообщенія лицъ, стоящихъ близко къ миссіонерскому дѣлу, убѣждаютъ, что притѣсненія содѣйствуютъ усиленію расколо-сектантства, а никакъ не его ослабленію. Но если вопросъ о религіозной свободѣ можно считать рѣшеннымъ въ положительномъ смыслѣ, то теперь вполнѣ своевременно выяснить и то положеніе, въ которомъ окажется при измѣнившихся условіяхъ сама православная церковь: въ силахъ ли она будетъ выдержать предстоящую борьбу съ сектантствомъ и иновѣріемъ вообще?

Въ духовной литературѣ по этому поводу слышатся весьма тревожные голоса. «Объявить теперь свободу совѣсти для всѣхъ — это значило бы всѣмъ развязать руки, а дѣятелей церкви оставить связанными». Къ этому мнѣнію епископа Сергія (ректора с.-петербургской духовной академіи) присоединяется почти вся современная богословская литература. Очевидно, и при полной внѣшней свободѣ и даже охранѣ со стороны государства, внутреннюю жизнь православной русской церкви опутываютъ какія-то тяжелыя цѣпи, которыя также необходимо снять; слѣды ихъ, дѣйствительно, замѣтны въ современной религіозной жизни.

Современный упадокъ церковной жизни и его причины.

И духовная, и свѣтская печать одинаково отмѣчаютъ общую вялость внутренней церковной жизни: отчужденіе прихода и особенно образованныхъ слоевъ общества отъ своихъ духовныхъ руководителей; отсутствіе живого проповѣдническаго слова; общую слабость пастырской дѣятельности духовенства, ограничивающагося, въ большинствѣ случаевъ, только совершеніемъ богослуженія и требоисправленіемъ; полный упадокъ церковной приходской общины съ ея просвѣтительными и благотворительными учрежденіями; сухость и формальность епархіальнаго, «консисторскаго» дѣлопроизводства и узко-бюрократическій характеръ дѣятельности группирующихся около Синода учрежденій. Еще отъ Достоевскаго мы услышали впервые грозное слово: «русская церковь въ параличѣ», — тогда оно не встрѣтило серьезнаго возраженія. Причину упадка церковной жизни и Достоевскій, и его многочисленные позднѣйшіе единомышленники указываютъ въ нѣкоторыхъ особенностяхъ совершенной Петромъ Великимъ реформы церковнаго управленія и въ томъ укладѣ мѣстной жизни, который сталъ развиваться съ этого времени. Съ начала XVIII вѣка въ церковной жизни стало ослабѣвать, а затѣмъ и совсѣмъ исчезло соборное начало: это, прежде всего, и вызвало застой церковной жизни.

Соборное начало, какъ отличительная особенность древняго православія.

Религіозное начало есть по преимуществу начало общественное; оно развивается и крѣпнетъ тамъ, гдѣ общественной жизни предоставлена нѣкоторая свобода. Естественно, поэтому, что «соборность» была основнымъ началомъ церковной жизни и главнымъ принципомъ церковнаго управленія. Отъ христіанскихъ общинъ временъ апостольскихъ, съ ихъ старѣйшинами и братіею, и до византійскихъ патріарховъ съ придворнымъ штатомъ чиновъ, ихъ окружавшихъ, начало соборнаго управленія непрерывно выдерживалось въ церковномъ канонѣ.

Органы соборнаго управленія.

Органами соборнаго управленія являлись соборы вселенскіе и помѣстные. Первые были явленіями исключительными, вызывавшимися особыми обстоятельствами, и, конечно, не могли повторяться часто. Но помѣстные соборы, на основаніи апостольскихъ правилъ (20 и 37) и каноновъ вселенскихъ соборовъ (I, 5; IV, 19; VII, 8; VIII, 6), получившихъ силу непреложнаго каноническаго закона, должны были соби-

раться дважды или, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ годъ. На помѣстные соборы являлись или присылали своихъ представителей всѣ епископы мѣстной церкви. Епархіальное управленіе было также основано на принципѣ соборности. При епископѣ состоялъ соборъ пресвитеровъ; часто въ этихъ совѣщаніяхъ участвовала и цѣликомъ вся церковная община; такимъ публичнымъ общественно-совѣщательнымъ было церковное управленіе апостольскихъ временъ и, вообще, первыхъ вѣковъ христіанства, когда церковная община, имѣвшая отдѣльнаго епископа, не представляла большой численности; при дальнѣйшемъ развитіи церковной жизни присутствіе всѣхъ членовъ общины сохранилось только на приходскихъ собраніяхъ, а на епископскомъ соборѣ постепенно замѣнялось ихъ представительствомъ. Патріаршество, которое разсматривалось Духовнымъ Регламентомъ, какъ помѣха соборному управленію церкви, отнюдь не нарушало принципа соборности,—патріархъ являлся далеко не единоличнымъ управителемъ церкви, а только предсѣдателемъ существовавшаго около него постояннаго собора; онъ былъ не мыслимъ безъ собора; это обычный канонической порядокъ, рѣдкія отклоненія отъ котораго всегда сопровождались упадкомъ церковной жизни.

Неканонической характеръ церковной реформы Петра Великаго.

Учрежденный преобразователемъ Россіи Синодъ носитъ только внѣшнія, отнюдь не каноническія, черты соборности. Въ немъ соборное начало подмѣнено коллегіальностью. Сущность соборнаго начала не въ томъ, что во главѣ правленія стоитъ не одно, а нѣсколько лицъ, а въ томъ, что каждое изъ этихъ лицъ является представителемъ цѣлой общины. Коллегіальность же есть лишь система внутренней бюрократической организаціи. Въ нашемъ синодальномъ управленіи нѣтъ представительства отъ каждой епархіи, нѣтъ представительства вообще, такъ какъ члены Синода назначаются правительствомъ; онъ представляетъ собою «не правительство церковное, а государственное бюрократическое учрежденіе». «Постоянный Синодъ,—говоритъ профессоръ Заозерскій,—какую бы форму онъ ни имѣлъ, есть во всякомъ случаѣ только исполнительный органъ цѣлаго помѣстнаго собора. Это, конечно, вполнѣ приложимо и къ русскому Синоду. Но въ Россіи помѣстный соборъ не только не собирается ежегодно, но не собирался ни разу уже въ теченіе двухсотъ лѣтъ. А потому вся система нашего церковнаго управленія представляется не имѣющею канонической основанія. Православные канонисты сознаются, что при учрежденіи Синода Петръ Великій дѣйствовалъ не по образцу обязательныхъ для православной церкви каноновъ, а «подъ сильнымъ вліяніемъ протестантскихъ каноническихъ

системъ, съ которыми онъ познакомился въ Голландіи и Швеціи» (Павловъ, Суворовъ и др.).

Въ епархіальномъ управленіи, въ замѣну древняго собора пресвитеровъ, учреждены такъ называемыя «консисторіи», представляющія бюрократическія коллегіи, съ четырьмя—пятью членами изъ духовенства, назначаемыми Синодомъ по выбору епископа, и съ свѣтскимъ чиновникомъ-руководителемъ. Такимъ образомъ, отъ представительства отдѣльныхъ приходскихъ обществъ на епископскомъ соборѣ здѣсь не осталось и слѣда. Если бы даже консисторію и можно было назвать соборомъ, то, во всякомъ случаѣ, это былъ бы соборъ безглавый, ибо онъ никогда не видитъ въ своемъ кругу епископа, а сносится съ послѣднимъ путемъ канцелярской переписки или чрезъ свѣтское лицо—секретаря консисторіи.

Вліяніе на церковную жизнь реформы Петра Великаго.

Изгнаніе изъ церковной жизни принципа соборности управленія повело за собою измѣненіе и самаго духа церковной жизни. Дѣятельность Синода уже въ первые годы приняла внѣшній, бюрократическиполицейскій характеръ: разыскивать разныя злоупотребленія, искоренять суевѣріе и свободомысліе въ разныхъ формахъ. Предписанія Синода епископамъ состояли по преимуществу изъ такихъ же наставленій о средствахъ розыска и искорененія, при чемъ рекомендовалось иногда даже тайное выслѣживаніе и выспрашиваніе. Всѣ духовныя обязанности членовъ православной церкви были строго регламентированы и расписаны по статьямъ и параграфамъ, соотвѣтствующимъ нынѣшнему «уставу о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій». Здѣсь было предусмотрѣно и уловлено всякое малѣйшее религіозное проявленіе духа и подробно предписано какъ держать себя въ храмахъ и соблюдать въ нихъ благопристойность и тишину, какъ стоять предъ иконами, проводить праздники, ходить на исповѣдь и слѣдить за твердостью въ вѣрѣ православныхъ. Эти попытки полицейской регламентаціи неподдающихся ей предметовъ и явленій духовной жизни несомнѣнно вносили въ церковную сферу мертвящее вѣяніе сухого бюрократизма.

Главною цѣлью церковной реформы Петра I было низвести церковь на степень простого государственнаго учрежденія, преслѣдующаго исключительно государственныя цѣли. И, дѣйствительно, церковное управленіе скоро сдѣлалось только однимъ изъ многочисленныхъ колесъ сложной государственной машины. Впослѣдствіи «вѣдомство православнаго исповѣданія» правильно организовалось по образцу остальныхъ министерствъ, съ оберъ-прокуроромъ во главѣ, который сталъ представите-

лемъ церкви предъ Государемъ и въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ (государственный совѣтъ, комитетъ министровъ).

Въ настоящее время наше церковное управленіе носитъ замкнутый канцелярскій характеръ; іерархія сносится съ народомъ чрезъ посредство бумагъ, рѣдко входя съ нимъ въ непосредственное живое общеніе. При чемъ постоянною преградой между церковью и народомъ, и церковью и Государемъ стоитъ свѣтскій бюрократическій элементъ. Говорить о церковной самодѣятельности, самопочинѣ или даже о взаимномъ живомъ общеніи между собою іерархіи не приходится. Живую общественную жизнь и здѣсь замѣнила бумага. Единственнымъ путемъ къ пробужденію замерзшей жизни можетъ быть только возвратъ къ прежнимъ каноническимъ формамъ церковнаго управленія.

Древне-русскій приходъ.

Неблагопріятный поворотъ, совершившійся въ жизни русской церкви въ XVIII вѣкѣ, едва ли не ярче всего сказался въ упадкѣ прихода, этой основной ячейки церковной жизни. Поворотъ этотъ тѣмъ болѣе замѣтенъ, что церковно-общественная жизнь древне-русскаго прихода отличалась большимъ оживленіемъ. Русскій приходъ представлялъ прежде живую и самодѣятельную единицу. Община сама строила себѣ храмъ, избирала священника и остальной церковный причтъ. Церковная казна имѣла тогда болѣе широкое назначеніе; ею поддерживались и содержались не только храмъ и дома для причта, но и школа съ учителемъ и цѣлый рядъ благотворительныхъ учрежденій; иногда она играла роль крестьянскаго банка и раздавалась неимущимъ. Приходская община сама судила своихъ сочленовъ и имѣла право самаго широкаго вмѣшательства даже въ ихъ внутреннюю семейную жизнь, слѣдя за нравственными поступками каждаго сочлена. Отъ этой живой и дѣятельной общины въ настоящее время осталось только одно имя.

Причины упадка прихода.

Паденіе жизнедѣятельности прихода было вызвано сложными причинами, изъ которыхъ многія продолжаютъ оказывать свое гнетущее вліяніе и до сихъ поръ; главными изъ нихъ нужно признать развитіе крѣпостного права, подорвавшаго самостоятельность общинной жизни, и быстрое поступательное движеніе государственной централизаціи, все болѣе и болѣе устранявшей отъ участія въ управленіи мѣстные элементы. Было время, когда не въ мѣру усердные становые пристава преслѣдовали все, что носило на себѣ какую-нибудь тѣнь общины. «Братскій» судъ тогда считался самоуправствомъ, «братскія» сходки—опас-

ными собраніями. Къ этимъ причинамъ общаго характера присоединились весьма своеобразныя требованія, которыя стали примѣняться правительствомъ къ приходскому духовенству.

Смотря на церковь только какъ на составную часть государственнаго механизма, преобразователь Россіи рѣшилъ привлечь ея служителей къ исполненію чисто государственныхъ обязанностей и, къ великому несчастью приходскаго духовенства, возложилъ на него совершенно несвойственное духовному сану полицейско-сыскное дѣло, — священникъ долженъ былъ слѣдить за правильнымъ показаніемъ числа податныхъ душъ и, кромѣ того, неукоснительно доносить обо всѣхъ открытыхъ ему на исповѣди поступкахъ, клонившихся къ вреду государства. Превратившись изъ духовнаго руководителя въ агента полицейскаго надзора, пастырь потерялъ всякое довѣріе своихъ пасомыхъ и нравственную связь съ ними. Этому способствовали и другія обстоятельства.

Съ паденіемъ самостоятельности приходской общины сильно ухудшилось матеріальное положеніе духовенства; прежде община сама собирала извѣстную, заранѣе опредѣленную, сумму на содержаніе причта;— съ паденіемъ общиннаго приходскаго хозяйства, духовенство оказалось вполнѣ предоставленнымъ себѣ и должно было питаться обработкой наравнѣ съ крестьянами тѣхъ небольшихъ клочковъ земли, которые были даны помѣщиками церквамъ, и копѣечными сборами съ прихожанъ за требы; осиротѣвшая же семья священника оставалась совсѣмъ безъ куска хлѣба и могла жить только подаяніемъ милостыни со стороны прихожанъ. Такое матеріальное положеніе приходскаго духовенства вызвало много темныхъ явленій въ церковной жизни. Тяжелое положеніе сиротъ побудило духовное начальство допустить на практикѣ весьма своеобразный способъ благотворенія—наслѣдственную передачу священническихъ мѣстъ сыну или мужу дочери умершаго члена причта. Поддерживаемый долгое время этотъ порядокъ замѣщенія священническихъ мѣстъ, мѣшая приливу въ духовное сословіе новыхъ силъ со стороны, положилъ начало его кастовой замкнутости, производящей теперь такое неблагопріятное впечатлѣніе на общество. Кастовый замкнутый характеръ духовенства—явленіе небывалое въ древней церковной жизни, гдѣ члены клира избирались изъ состава общины безъ всякаго различія ихъ званія и состоянія.

Во второй половинѣ минувшаго вѣка, особенно въ послѣднее его десятилѣтіе, благодаря заботамъ правительства, матеріальное положеніе духовенства стало улучшаться. Но все же 15—20 р. мѣсячнаго жалованья и незначительные доходы съ церковной земли не обезпечиваютъ священнику даже насущнаго хлѣба и принуждаютъ его облагать при-

ходъ рядомъ обязательныхъ сборовъ при совершеніи таинствъ и требоисправленіи Эта необходимость печально отражается на взаимныхъ отношеніяхъ пастыря и паствы. Въ душѣ священника денежные счеты въ самый неподходящій для этого моментъ поселяютъ чувство пастырскаго безсилія; эта вынужденная торговля святыней отнимаетъ у него всякую опору для дѣятельности; прихожанамъ, далеко не всегда способнымъ понять степень матеріальной нужды своего пастыря, такіе поборы подаютъ поводъ относить священника къ числу кулаковъ и міроѣдовъ. При такихъ условіяхъ обезпеченія духовенству трудно подняться выше простого требоисправленія, какъ ремесла, и стать дѣйствительнымъ пастыремъ народа, а церковной общинѣ сплотиться около него, какъ центра; между той и другой стороной будетъ вѣчно стоять какая-то стѣна.

Средства усиленія приходской жизнедѣятельности.

Первымъ условіемъ для поднятія пастырской дѣятельности должно быть изысканіе такихъ путей обезпеченія духовенства, чтобы священникъ былъ избавленъ отъ необходимости торговаться съ прихожаниномъ передъ совершеніемъ таинства. Въ данномъ случаѣ нужно имѣть въ виду не одно увеличеніе средствъ на содержаніе духовенства изъ казны, быстраго роста которыхъ не можетъ допустить состояніе государственнаго казначейства, а такую организацію земскаго обложенія въ пользу духовенства, —путемъ которой оно получило бы съ прихода тѣ же средства, что и теперь, безъ необходимости лично вымогать ихъ у каждаго прихожанина въ частности. Это удобнѣе всего выполнить при возстановленіи свободы самоуправленія церковной общины. Для оживленія приходской жизни церковной общинѣ необходимо вернуть отнятое у нея право на участіе въ церковномъ хозяйствѣ и право выбора или, по крайней мѣрѣ, участія въ выборѣ членовъ причта.

Въ первые вѣка христіанства не только пресвитеры, но даже и епископы избирались мѣстною общиной. Это право избранія имѣло большое моральное значеніе, — епископъ или пресвитеръ вступалъ въ свою общину желаннымъ и званнымъ руководителемъ, а не невѣдомымъ пришельцемъ, котораго гонитъ сюда далеко не всегда даже собственная воля, а только милость или гнѣвъ высшаго начальства. Въ настоящее время вопросъ о замѣщеніи епископскихъ каѳедръ представляется настолько твердо установившимся, что отъ права общины на избраніе себѣ архипастыря уже не осталось и помина; но вопросъ о выборномъ началѣ бѣлаго духовенства подымался неоднократно. При современномъ составѣ сельской приходской общины, въ которой преобладаютъ элементы мало-

освѣдомленнаго въ религіозномъ отношеніи крестьянства, можетъ быть, несвоевременно говорить о выборѣ священника приходомъ, но группа приходскихъ представителей, во главѣ съ пресвитерами, явилась бы вполнѣ компетентнымъ для этого органомъ. Слѣды выборнаго начала до сихъ поръ остаются въ видѣ мертвыхъ археологическихъ остатковъ въ нашемъ богослуженіи, — каково, напримѣръ, пѣніе «аксіосъ» при посвященіи священника или діакона. И, казалось бы, весьма своевременно воскресить это древнее начало, такъ сильно поддерживавшее внутреннюю жизнь церковной общины. Но для осуществленія его мало реорганизаціи только приходской общины. «Возрожденіе прихода, вообще, не достигаетъ благотворнаго значенія для цѣлой помѣстной церкви, если дѣло ограничится только возстановленіемъ автономнаго существованія мелкихъ церковныхъ единицъ. Эти единицы должны быть связаны между собою духовнымъ общеніемъ, должны слиться въ обширнѣйшее епархіальное общество съ центральнымъ пунктомъ—епархіальнымъ архіереемъ. Параллельно съ приходскимъ собраніемъ, должно періодически составляться «епархіальное собраніе», имѣя образцомъ своего устройства помѣстный соборъ» (проф. Заозерскій). Такимъ образомъ, и эта частичная реформа не достигнетъ цѣли безъ общей реформы высшаго церковнаго управленія.

О необходимости возстановленія внутренняго единенія церковной общины.

Необходимымъ условіемъ нормальнаго хода внутренней жизни церкви является полное единеніе между собою вѣрующихъ. У вѣрующихъ первой христіанской общины были, по выраженію апостола, «одно сердце и одни уста»; тѣсно сплоченными союзами любви и братства являлись и позднѣйшія христіанскія общины. Такого единенія въ настоящій моментъ лишена наша православная церковь, почему такъ обильно и разрастаются на ея почвѣ разныя секты и плодится религіозный индиферентизмъ. Помимо общей разъединенности духовенства съ приходомъ, причины которой отмѣчены выше, весьма серьезныя опасенія вызываетъ недружелюбное отношеніе къ церкви значительной части нашей интеллигенціи и общая духовная рознь между послѣднею и народомъ. Сгладить этотъ пагубный духовный расколъ въ нашей внутренней жизни можетъ только церковь.

Но для этого духовенству необходимо прежде всего возстановить свое вліяніе на образованные слои общества. Какъ показали послѣдніе годы, когда обнаружился значительный интересъ образованнаго общества къ религіознымъ вопросамъ, причину отчужденія его отъ церкви нельзя видѣть въ одномъ религіозномъ индиферентизмѣ и языческомъ характерѣ

нашей свѣтской культуры. Причины коренятся, повидимому, глубже — въ самомъ складѣ церковной жизни замерзшей, оторванной отъ волнующихъ общество интересовъ. Но, во всякомъ случаѣ, предъ нами тотъ печальный фактъ, что духовенство оказалось безсильнымъ примирить съ церковью и подчинить ея вліянію значительную часть образованнаго общества, что оно недостаточно подготовлено къ борьбѣ съ неблагопріятными церкви умственными и нравственными теченіями современной культуры.

Недочеты духовной школы.

Значительная доля вины за это падаетъ, по сознанію вполнѣ компетентныхъ органовъ духовной печати, на нашу духовную школу. Духовная школа совсѣмъ мало занимается современными теченіями общественной мысли. Изъ ученическихъ библіотекъ тщательно исключается все, что знакомитъ съ современными отрицательными культурными теченіями. Но прятать отъ будущаго священника литературу, отрицательно относящуюся къ религіи и государству, не значитъ-ли просто обезоруживать его. Въ роли священника — офиціальнаго защитника религіознаго идеала—ему неминуемо придется столкнуться съ представителями самыхъ позднѣйшихъ отрицательныхъ теченій, и удивительно-ли, что батюшка, на соблазнъ всѣмъ окружающимъ, окажется безсильнымъ сказать вѣское слово противъ нихъ. При настоящихъ запросахъ общественной жизни священнику необходимо подробное критическое ознакомленіе со всѣми современными теченіями культурной мысли. Необходимо въ частности обстоятельное знакомство съ условіями соціальной жизни и съ науками общественными, котораго совсѣмъ не даетъ духовная школа. Въ превосходство нашего государственнаго строя надъ формами западноевропейской соціальной жизни наше духовенство вѣритъ, но только дѣтскою вѣрою, и потому, когда обстоятельства вызываютъ его высказаться по тому или иному общественному вопросу, встать на защиту тѣхъ или иныхъ государственныхъ задачъ,—послѣдняя оказывается настолько неумѣлой и порою даже наивной, что, вмѣсто желательнаго результата, производитъ только отрицательное дѣйствіе, клонящееся ко вреду государства, ибо неумѣлая защита принципа—лучшее средство его уронить въ глазахъ общества. Государству нужна отъ духовенства сознательная, глубоко продуманная, защита его интересовъ, а не наивная вѣра въ современное положеніе. «Наша духовная школа вся сосредоточилась на исторіи, на прошломъ, она слишкомъ теоретична, оторвана отъ жизни, и пока останется такою, всѣ проекты возрожденія приходской жизни будутъ имѣть мало успѣха», такъ какъ центральнымъ лицомъ въ при-

ходѣ, его вдохновителемъ и руководителемъ, въ концѣ-концовъ, всегда будетъ священникъ, котораго готовитъ къ общественной дѣятельности церковная школа. Вопросъ о духовной школѣ не есть вопросъ отдѣльнаго вѣдомства, это дѣло, близко касающееся всего государства, ибо всецѣло отъ ея постановки зависитъ степень религіознаго воздѣйствія на народъ. И если теперь духовная школа представляется узко сословною, почти недоступною для постороннихъ свѣтскихъ элементовъ, то такой порядокъ вещей приноситъ существенный государственный вредъ. Если какое иное, то именно религіозное, образованіе должно быть доступно всѣмъ, не взирая на различіе сословія и возраста.

Общіе выводы и проекты реформы церковнаго управленія.

Съ грустью останавливаясь на современномъ упадкѣ внутренней религіозной жизни, духовная литература не разъ отмѣчала нежелательныя насильственныя измѣненія, вводившіяся въ церковную жизнь безъ всякихъ справокъ объ отношеніи къ нимъ церковнаго сознанія. Весь XVIII вѣкъ и начало XIX были, по преимуществу, временемъ такихъ стѣсненій; далѣе уже сама церковная жизнь стала укладываться по указанному шаблону; такъ, на почвѣ обезличеннаго бюрократизмомъ церковнаго управленія уже сама собою создалась сухая, схоластическая, оторванная отъ жизни. школа. Политика насилія надъ церковнымъ сознаніемъ, принеся, можетъ быть, нѣкоторую государственную пользу въ ближайшее время, въ дальнѣйшемъ отразилась страшнымъ вредомъ — тѣмъ упадкомъ церковной жизни, съ которымъ приходится считаться теперь. Въ этомъ отношеніи она весьма напоминаетъ старинное хозяйство нашихъ землевладѣльцевъ, старавшихся извлечь изъ земли все, что можно взять съ нея въ данный моментъ, и этимъ обрекавшихъ на голодъ и нужду своихъ сыновей. Ибо нѣтъ такой тучной земли, которую бы не истощила безпрерывная, немилосердная разработка. Кажется, за два вѣка слишкомъ ужъ интенсивнаго хозяйства государства на церковной почвѣ, послѣдняя окончательно истощилась. Церкви необходимъ союзъ съ государствомъ; необходима и государству поддержка церкви; но условія союза между тою и другою стороною должны быть составлены такъ, чтобы не ослаблять самодѣятельности ни церковнаго, ни государственнаго организма. Реформа Петра Великаго кореннымъ образомъ нарушила это равновѣсіе.

Представители русской іерархіи не разъ пытались протестовать противъ новаго порядка вещей въ видѣ, напр., просьбы императрицѣ Елисаветѣ объ упраздненіи свѣтскихъ чиновниковъ въ Синодѣ, или записокъ (митрополита Филарета) о необходимости созыва помѣстнаго собора, но

свѣтская власть вѣдомства православнаго исповѣданія прилагала всѣ усилія къ сохраненію установленнаго порядка вещей.

Необходимость созыва помѣстнаго собора и его составъ.

Въ настоящее время народнаго неустройства, когда особенно дорого живое, дѣятельное воздѣйствіе церковныхъ силъ на народъ, вопросъ о необходимости церковной реформы обсуждается въ духовной печати съ особеннымъ оживленіемъ. «Теперь,—говорятъ,—настало время подробнѣйшаго разсмотрѣнія всѣхъ дефектовъ нашей церковной жизни и заправляющихъ ею установленій. Чѣмъ шире будетъ поставлено дѣло пересмотра, чѣмъ скорѣе будутъ введены улучшенія и перемѣны, тѣмъ болѣе будетъ увѣренности въ томъ, что церковь вынесетъ настоящее испытаніе и выйдетъ изъ него полною свѣжихъ силъ для продолженія своего святого дѣла». «Но реформа, — замѣчаетъ духовная печать, — должна быть не дѣломъ чиновниковъ и не дѣломъ засѣдающихъ въ Синодѣ или даже нѣсколько большаго числа архіереевъ, а свободнымъ дѣломъ всей русской церкви».

При этомъ всѣ высказывающіеся по этому вопросу духовные органы указываютъ на необходимость созыва помѣстнаго собора. Но для того, чтобы этотъ соборъ представилъ собою дѣйствительно голосъ всей русской церкви, онъ не можетъ быть замкнутою архіерейскою коллегіею, которая есть явленіе не каноническое. Какъ вселенскіе, такъ и помѣстные соборы были не коллегіями іерарховъ - епископовъ, а собраніемъ всѣхъ лучшихъ силъ церкви—какъ клира, такъ и мірянъ (Заозерскій); на нихъ присутствовали и принимали дѣятельное участіе и пресвитеры, и діаконы, и простые міряне. На соборѣ долженъ быть выслушанъ каждый голосъ; только при такихъ условіяхъ достижима одна изъ главныхъ цѣлей собора — достаточная освѣдомленность о запросахъ современной духовной жизни. Въ составѣ постояннаго собора, существующаго въ настоящее время при константинопольскомъ патріархѣ, кромѣ духовныхъ лицъ, находятся представители греческаго народа, избираемые народнымъ собраніемъ. И въ составъ русскаго Синода первоначально входили, кромѣ епископовъ, представители бѣлаго духовенства, и только съ теченіемъ времени онъ обратился въ замкнутую архіерейскую коллегію, что явилось дальнѣйшимъ отклоненіемъ отъ канонической почвы.

Двѣсти слишкомъ лѣтъ мы не слыхали голоса русской церкви, не пора ли, наконецъ, прислушаться къ нему; не пора ли узнать, что скажетъ она о современномъ укладѣ церковной жизни, получившемъ мѣсто помимо ея воли и вопреки завѣщаннымъ ей традиціямъ священной старины. На помѣстномъ соборѣ, гдѣ нужно будетъ организовать предста-

вительство какъ отъ бѣлаго духовенства, такъ и отъ мірянъ, и долженъ быть разсмотрѣнъ вопросъ о тѣхъ необходимыхъ измѣненіяхъ въ строѣ церковной жизни, которыя бы дали возможность церкви стать на надлежащую высоту и получить необходимую свободу дѣйствія. При настоящихъ неоспоримыхъ признакахъ нѣкотораго внутренняго шатанія какъ общества, такъ и народныхъ массъ, ждать дальше опасно. Религія составляетъ главную основу народнаго духа, ею до сихъ поръ стояла и была крѣпка русская земля, только при помощи этой силы можетъ выйти русскій народъ и изъ настоящей тяжелой годины испытаній. И не можетъ быть большаго государственнаго вреда, какъ стѣснять развитіе и свободное проявленіе этой народной силы, пытаясь вложить ее въ рамки сухихъ бюрократическихъ началъ, какъ это дѣлается теперь.

Докладная записка въ Комитетъ Министровъ высокопреосвященнаго митрополита Антонія.

Подъ руководствомъ высокопреосвященнаго митрополита Антонія, наличнымъ составомъ канонистовъ и профессоровъ церковной исторіи и гомилетики с.-петербургской духовной академіи былъ выработанъ рядъ пунктовъ (вопросовъ) о желательныхъ преобразованіяхъ въ постановкѣ у насъ православной церкви, которые въ качествѣ докладной записки и представлены были въ Комитетъ Министровъ.

Вопросы о желательныхъ преобразованіяхъ въ постановкѣ у насъ православной церкви.

1) Бывшія въ Комитетѣ Министровъ сужденія по вопросу о вѣротерпимости открываютъ отдѣлившимся отъ православной церкви (старообрядцамъ, сектантамъ и пр.) извѣстное государственное положеніе съ опредѣленными правами и льготами, и въ то же время не касаются ихъ внутренней, въ собственномъ смыслѣ, церковной жизни. Вопросы, напр., о бракѣ и разводѣ, о церковномъ судѣ надъ духовными и свѣтскими лицами, объ организаціи общинно-приходской жизни и благотворительности, о назначеніи и способахъ выбора высшаго и низшаго духовенства и т. п.—все это останется внѣ вмѣшательства государственной, свѣтской власти (пока не выходитъ, конечно, за предѣлы дозволеннаго русскому подданному вообще). Такая автономія въ своихъ церковныхъ дѣлахъ ставитъ помянутыя общества въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ въ болѣе благопріятное положеніе, чѣмъ то, въ какомъ находится нынѣ признаваемая господствующею въ государствѣ церковь православ-

ная, и предоставляя духовенству этихъ обществъ особенный, исключительный авторитетъ въ дѣлахъ церковныхъ, открываетъ духовенству возможность широкаго вліянія на всю вообще жизнь, и семейную и общественную, своихъ пасомыхъ. Это, вмѣстѣ съ возможностью автономной организаціи, создастъ изъ этихъ обществъ силу весьма внушительную и для многихъ болѣе привлекательную, чѣмъ стѣсненная въ своей чисто церковной дѣятельности церковь православная. Въ особенности это нужно сказать объ общинѣ, пріемлющей «австрійское священство», она имѣетъ всю видимость православной церкви. Можетъ явиться опасность, что эта община обратится въ церковь народную, тогда какъ православная церковь останется только церковью государственной.

Въ виду этого, а также и въ виду того, что православная церковь составляетъ одну изъ главныхъ основъ русскаго государственнаго порядка и одинъ изъ его историческихъ устоевъ, не является ли и съ точки зрѣнія государства существенно необходимымъ пересмотрѣть нынѣшнее государственное положеніе православной церкви въ Россіи съ тѣмъ, чтобы и при измѣнившемся государственномъ положеніи отпадшихъ отъ нея, не лишить ея авторитета у народа и не лишиться ея вліянія на послѣдній.

2) Такъ какъ однимъ изъ величайшихъ преимуществъ инославныхъ обществъ теперь является ихъ автономія во внутреннихъ церковныхъ дѣлахъ, то, чтобы парализовать это преимущество, не благовременно ли устранить или хотя бы нѣсколько ослабить ту постоянную опеку и тотъ слишкомъ бдительный контроль свѣтской власти надъ жизнью церковной и надъ дѣятельностью церковнаго правительства, который лишаетъ церковь самостоятельности и иниціативы и, ограничивая область ея вѣдѣнія почти однимъ богослуженіемъ и исправленіемъ требъ, дѣлаетъ ея голосъ совсѣмъ неслышнымъ ни въ частной, ни въ общественной жизни.

3) Не слѣдуетъ ли, поэтому, предоставить православной церкви большей свободы въ управленіи ея внутренними дѣлами, гдѣ бы она могла руководиться, главнымъ образомъ, церковными канонами и нравственно-религіозными потребностями своихъ членовъ и, освобожденная отъ прямой государственной или политической миссіи, могла бы своимъ возрожденнымъ нравственнымъ авторитетомъ быть незамѣнимой опорой православнаго государства.

4) Наставникъ и пр. духовныя лица инославныхъ общинъ, являясь ставленниками этихъ послѣднихъ, должны имѣть для нихъ особый авторитетъ и, при всѣхъ обстоятельствахъ не только чисто церковной, но и общественной жизни, окажутся естественными представителями своихъ

общинъ и ходатаями за нихъ предъ правительствомъ. Такого же непосредственнаго участія въ общественной жизни прихода желаетъ и отъ православнаго духовенства Высочайшій указъ отъ 26-го іюня 1904 года. Поэтому, не слѣдуетъ ли распространить на православныхъ священниковъ права быть непремѣнными членами общественно-государственныхъ учрежденій, имѣющихъ мѣсто въ ихъ приходахъ (въ случаѣ возстановленія прихода, какъ земской единицы), участвовать въ мірскомъ сходѣ и быть представителями общины предъ властями, при желаніи послѣдней.

5) Чтобы голосъ церкви былъ болѣе слышенъ въ государственномъ управленіи (которое принципіально призываетъ на себя благословеніе церкви), а также, чтобы и государственные сановники могли непосредственно отъ полномочныхъ представителей церкви знать ея взглядъ на тотъ или иной предметъ, и представители церкви могли непосредственно разъяснять государственнымъ сановникамъ церковныя дѣла и ходатайствовать о нуждахъ и потребностяхъ церкви, не признано ли будетъ желательнымъ теперь же предоставить высшимъ представителямъ церковной іерархіи (нѣсколькимъ изъ нихъ, по рангу или по выбору церкви) участія съ правомъ голоса въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта, Комитета Министровъ и подобныхъ высшихъ государственно-законодательныхъ учрежденій.

6) Для развитія приходской благотворительности и вообще для оживленія прихода и правильной организаціи приходской жизни было бы весьма важно признать приходъ юридическимъ лицомъ съ правомъ собственности, что давало бы приходской организаціи устойчивость и средства матеріальныя. Съ другой стороны, православная церковь въ отношеніи къ вопросу о пріобрѣтеніи собственности окажется въ будущемъ едва ли не въ худшемъ положеніи, чѣмъ общины, отдѣлившіяся отъ нея: всякая собственность, хотя бы отказанная церкви по завѣщанію, закрѣпляется теперь за церковнымъ учрежденіемъ только Высочайшею волею. Поэтому, не признано ли будетъ возможнымъ теперь же пересмотрѣть законы о правѣ церкви на собственность, ея пріобрѣтеніе и пользованіе.

7) Возрожденіе и оживленіе прихода, отъ чего справедливо ожидаютъ благодѣтельныхъ послѣдствій для народной и государственной жизни вообще, возможно только при условіи децентрализаціи церковнаго управленія, когда иниціатива во многихъ дѣлахъ, а равно и окончательное вершеніе ихъ будутъ перенесены изъ центра въ области и епархіи. Но такая децентрализація, вмѣстѣ съ указанной выше перемѣной въ государственномъ положеніи православной церкви, естественно, и предполагаетъ и влечетъ за собой многія измѣненія въ строѣ цер-

ковнаго управленія, какъ центральнаго, такъ и епархіальнаго, и во взаимныхъ отношеніяхъ того и другого. Все это приводитъ къ мысли о необходимости пересмотра церковнаго строя. Съ другой стороны и независимо отъ этого, существуетъ настоятельная и въ литературѣ уже давно признаваемая необходимость пересмотра нѣкоторыхъ сторонъ церковнаго управленія, напр., особенно церковнаго суда, правъ и полномочій епархіальныхъ съѣздовъ, участія въ нихъ мірянъ, какъ представителей приходовъ, и многихъ другихъ. Хотя всѣ эти вопросы тѣсно соприкасаются съ интересами общегосударственными и законодательствомъ, но вполнѣ компетентно и окончательно могутъ быть разрѣшены только въ церковномъ совѣщаніи. Поэтому не благовременно ли теперь же представить Его Императорскому Величеству о настоятельной необходимости образовать особое совѣщаніе изъ представителей церковной іерархіи, съ участіемъ свѣдущихъ лицъ изъ духовенства и мірянъ, для пересмотра существующаго церковнаго управленія и для выработки проекта необходимыхъ въ немъ преобразованій.

«**Новое Время**» (№ 10.439-й).

Статья *В. Розанова:*

По поводу статьи проф. Н. К. Никольскаго.

Проф. Никольскій задаетъ рядъ вопросовъ, вызываемыхъ неожиданно выплывшимъ предположеніемъ или мыслью преобразовать наше духовное управленіе. Въ ней много основательнаго, но кое-что требуетъ оговорки и разъясненій.

Тридцать два священника, какъ намъ извѣстно, подали заявленіе вполнѣ самостоятельно, безъ подсказываній и внушеній. Весьма печально, что они не подписались, и мы увѣрены, что это будетъ исправлено, и конечно, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Проф. Никольскій спрашиваетъ, почему же молчатъ 70.000 священниковъ? Неизвѣстно, почему молчатъ. По давней привычкѣ къ молчанію. Но во всякомъ случаѣ всеобщее молчаніе не лишаетъ никого права говорить, заявлять, просить. Начинать долженъ *кто-нибудь*, и честь тому, кто началъ. Иниціативу мы всегда призывали, отчего ее отвергать въ данномъ случаѣ? Намъ въ общихъ чертахъ извѣстно и происхожденіе «32-хъ голосовъ», выдѣлившихся изъ общаго молчанія. Дѣло въ томъ, что петербургское духовенство было поставлено въ довольно угнетенное положеніе порицаніями общества за этотъ духъ то лести, то официальныхъ бездушныхъ словъ, какія оно

произносило въ настоящихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ родины. Группа молодыхъ священниковъ, изъ которыхъ большинство посѣщало бывшія «религіозно-философскія собранія въ Петербургѣ» и на нихъ тоже выслушало много нелестнаго по адресу исторической роли духовенства, стала говорить на «пастырскихъ собраніяхъ петербургскаго духовенства» о необходимости священникамъ дать больше сердца и слова теперешнимъ событіямъ. Группа эта выдѣлилась изъ пастырскаго собранія, жестко-консервативнаго по своему составу и взглядамъ, стала собираться самостоятельно и начала обдумывать положеніе духовенства. Вопросъ: «почему мы не говоримъ» быстро смѣнился сознаніемъ: «да мы отвыкли говорить, да мы не смѣемъ говорить; мы задавлены и общимъ зломъ отечества, чиновничествомъ». Отсюда до «Записки 32 священниковъ» уже одинъ шагъ. Священники оттого и не подписались, что робѣли подписаться; что шагъ, ими дѣлаемый, содержалъ въ себѣ долю служебнаго риска и могъ повернуться весьма и весьма для нихъ неблагопріятно, тѣмъ болѣе, что почти безъ исключеній это священники молодые, «не заслуженные». Такимъ образомъ дѣло это подспудно совершенно чисто. Замѣтимъ, что оно и довольно самоотверженно, потому что пока рѣшительно ничего не обѣщаетъ бѣлому духовенству, священству. Они работали на универсально-церковной почвѣ, тогда какъ все дѣло можетъ свестись къ интересу одного монашества. Страхъ за это, весьма основательный, звучитъ и въ почтенной статьѣ проф. Никольскаго. Замѣтимъ, что, выступивъ довольно рѣзко противъ монашескихъ поползновеній, противъ возможнаго «папизма», и онъ поднялъ мужественный голосъ: ибо вѣдомство, въ которомъ самъ служитъ, есть монашеско-чиновническое, причемъ и сами чиновники вотъ уже лѣтъ двадцать всюду выдвигаютъ впередъ монаховъ, хотя въ наше время и держатъ ихъ подъ «наблюденіемъ». «Ужъ лучше чиновники, чѣмъ монахи»—вотъ resumé протеста проф. Никольскаго.

Но, вѣдь, еще ничего въ реформѣ не началось, ничего не сдѣлалось? Неужели съ монашествующими нѣтъ намъ справы, какъ черезъ чиновниковъ? А полемика, знанія, ученость, правда? Самъ проф. Никольскій ссылается, что по «апостольскимъ правиламъ», соблюдать которыя даетъ обѣщаніе каждый епископъ, принимая свой санъ, «епископъ долженъ быть единыя жены мужемъ». Текстъ этотъ въ томъ отношеніи важенъ, какъ указываетъ и проф. Никольскій, что онъ обнаруживаетъ запутанность и противорѣчія вообще каноническихъ правилъ, которыя въ одномъ вѣкѣ говорили «да» о томъ, о чемъ въ другомъ вѣкѣ говорили «нѣтъ», и разнятся не только между собою, но и противорѣчатъ прямымъ, категорическимъ предписаніямъ апостоловъ, какъ равно и примѣру ихъ

личной жизни (нѣкоторые изъ нихъ, именно апостолы Петръ и Іаковъ, были женаты). Вообще вслѣдъ за возстановленіемъ патріаршества, и именно подъ мотивомъ этого возстановленія, должна сейчасъ же начаться самая страстная, ибо она будетъ реально-страстною, полемика о смыслѣ высшей духовной власти въ церкви, высшаго въ ней авторитета: почему онъ долженъ принадлежать монашеству? Отчего править дѣлами и получать высокую честь можетъ только инокъ, который въ самыхъ обѣтахъ иночества отъ всего этого отрекся? Протопресвитеръ І. Л. Яны шевъ на «религіозно-философскихъ собраніяхъ» вслухъ всѣхъ слушателей говорилъ громко, что еще въ XVIII и XIX вѣкѣ между православными епископами нѣкоторые были *не иноки, не монахи.* Извѣстный Іоаннъ, епископъ смоленскій, написалъ цѣлую книгу: «О монашествѣ епископовъ» въ защиту этой весьма слабо-защитимой истины по порученію митрополита Филарета, а самое порученіе это было дано. когда вопросъ объ отдѣлимости епископата отъ монашества былъ сдѣланъ съ высоты престола. Филаретъ, покровитель чернаго духовенства и тѣснившій бѣлое, и поручилъ разработку этого вопроса знаменитому умомъ и (жестокостью) іерарху. Въ некрологѣ еп. Іоанна Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, человѣкъ совершенно компетентный въ данной области, говоритъ о книгѣ «О монашествѣ епископовъ», какъ наполненной безсильными натяжками, умолчаніями о фактахъ и софизмами. Вообще хотя міряне, всѣ свѣтскіе люди, привыкли видѣть на епископскомъ посту монаха, но это только мірская привычка, это — зрѣлище отъ постоянно повторяемаго злоупотребленія, которое несвѣдущимъ людямъ и начало представляться закономъ, хотя закону оно именно противорѣчитъ (вышеприведенныя слова апостола, выраженныя со словомъ «должны»). Епископство (и патріаршество) есть должность, есть управленіе обширными дѣлами, которое въ самой сердцевинѣ разрушаетъ самые идеальные мотивы иночества: скромность, удаленіе отъ міра, уединеніе, и безусловно оно не имѣетъ съ нимъ другой связи, кромѣ фактической и случайной. Иночество—одно. А епископство и патріаршество—это совершенно другое! «Совмѣстительство» ихъ долгіе вѣка было; вызывало всегда бездну протестовъ; вызывало порчу самого иночества соблазномъ власти и богатства, и порчу епископата черезъ отдѣленіе и противоположеніе имъ себя бѣлому, семейному духовенству и также міру и мірянамъ. Но къ счастью все это привычка, а не законъ; все это нисколько не принципъ. Все это не сразу, но твердо можетъ начать поворачиваться въ совершенно обратную сторону. Какъ одну изъ дробинокъ этого поворота, нельзя не привѣтствовать и статью проф. Никольскаго, которая въ этой второй половинѣ своей заслуживаетъ всякаго сочувствія.

Статья проф. *Николая Никольскаго:*

Почему 32?

Дивныя-предивныя дѣла творятся въ духовномъ вѣдомствѣ. Въ то время, какъ на страницахъ разныхъ газетъ въ поразительномъ изобиліи, говорящемъ объ единодушіи общества, появлялись одна за другой всевозможныя записки о необходимости преобразованій въ системѣ нашего управленія, долгое время ни одна записка за подписью группы лицъ не исходила изъ среды, призванной быть солью земли и свѣтомъ міру. Можно было думать, что духовенство не нуждается въ реформахъ, или боится заявлять о нихъ, или же не желаетъ осложнять внутреннихъ затрудненій Россіи въ тяжелое время войны. Послѣднее предположеніе казалось наиболѣе вѣроятнымъ. потому что офиціально представители церкви призывали всѣхъ къ сохраненію прежняго порядка въ государствѣ и порицали желаніе общественныхъ группъ пользоваться внѣшними и внутренними нестроеніями для полученія большей свободы въ самоуправленіи и для перемѣнъ въ нашемъ государственномъ режимѣ.

И вдругъ, вопреки всѣмъ этимъ заявленіямъ, совершенно неожиданно совершается coup d'état. Группа изъ 32 священниковъ столицы подаетъ высокопреосвященному митрополиту записку, которая требуетъ коренныхъ реформъ въ русской церкви. Записка эта печатается въ «Церковн. Вѣстникѣ», «Нов. Времени», «Руси» и, если довѣрять газетамъ (см. «Нов. Время», № 10.433), получила значеніе документа, до извѣстной степени предрѣшившаго сложный вопросъ объ управленіи всею русской церковью на новыхъ началахъ.

Кто эти 32 священника столицы? Почему мнѣніе этихъ 32 священниковъ возымѣло такую силу, когда одного бѣлаго духовенства въ Россіи числится не менѣе 70.000, и мнѣніе его по этому вопросу остается неизвѣстнымъ?

Въ «Церк. Вѣстникѣ», гдѣ была напечатана записка, она озаглавлена просто: «Мнѣніе группы столичныхъ священниковъ», и не было указано даже число подписавшихся. Почему бы, казалось, имъ не назвать себя, хотя бы для того, чтобы всѣ знали, кто они по своему положенію и авторитету, насколько свѣдущи они въ исторіи и каноникѣ? Это желаніе настолько естественно и законно, что почти всѣ однородныя записки свѣтскихъ лицъ публиковались съ подписями для того, чтобы устранить всякую мысль о мистификаціи. Для духовенства же не скрывать свои имена, это — обязанность, потому что Іисусъ Христосъ сказалъ Своимъ ученикамъ: «Всякаго, кто исповѣдаетъ Меня предъ людьми, того исповѣдаю и Я предъ Отцемъ Моимъ Небеснымъ» (Матѳ. X, 32).

Когда дѣло идетъ о такихъ крупныхъ вопросахъ, какъ система церковнаго управленія и ненормальности церковной жизни, необходимо, чтобы не было и тѣни недоразумѣній, иначе всегда останется мѣсто подозрѣнію, что дѣло идетъ не о пользѣ церковной, а идетъ борьба за власть, за личныя преимущества.

Въ настоящее время вся Россія мечтаетъ о реформахъ и ждетъ ихъ. Но общее требованіе, чтобы эти реформы совершились не въ интересахъ небольшого кружка лицъ, а по желанію всего народа, чтобы предстоящія перемѣны были выполнены не по программѣ собора губернаторовъ, хотя бы и весьма мудрыхъ, а соотвѣтствовали бы наличнымъ потребностямъ народной жизни и были выяснены чрезъ опросъ выборныхъ представителей народа, черезъ земскій соборъ.

Въ предстоящей реформѣ русской церкви дѣло обстоитъ повидимому какъ разъ наоборотъ. 32 столичныхъ священника признали необходимымъ произвести перемѣны въ церкви, возвратившись къ начертанному канонами строю церковнаго самоуправленія, причемъ объявили каноническимъ и то, что таковымъ безъ оговорокъ признано быть ни какъ не можетъ, и для введенія этого строя 32 священника потребовали созыва помѣстнаго собора русской церкви и учрежденія патріаршества.

По свѣдѣніямъ, уже переданнымъ въ газетахъ, желаніе 32-хъ священниковъ, совпавшее съ желаніями іерархіи, будетъ исполнено: не только будетъ созванъ такой соборъ настоящею весною, но уже предрѣшенъ Св. Синодомъ и вопросъ о необходимости возстановленія патріаршества.

Мы менѣе, чѣмъ кто-либо, склонны оспаривать необходимость перемѣнъ въ русской церковной жизни и говорить что-либо противъ церковнаго самоуправленія. Напротивъ, мы склонны настаивать на болѣе широкой программѣ реформъ, но намъ страннымъ кажется то, что 32 неизвѣстныхъ священника могли предрѣшить церковно-государственный вопросъ, рѣшеніе котораго коснется не только 70.000 лицъ бѣлаго духовенства, но и 100 милліоновъ русскаго народа. 32 таинственныхъ священника устроили религіозную и церковную жизнь всей Россіи!!!

Уже весною, какъ пишутъ, спѣшно будетъ созванъ помѣстный соборъ для того, чтобы выбирать патріарха.

Кто будетъ засѣдать на этомъ соборѣ? Газеты отвѣчаютъ: русскіе епископы, т. е. представители иночества и церковной власти. Но при такой обстановкѣ, по нашему мнѣнію, отъ новой реформы едва ли можно ждать тѣхъ полезныхъ и прочныхъ результатовъ, на которые слѣдовало бы надѣяться. Вѣдь для мірянъ и бѣлаго духовенства мало имѣетъ значенія, какой титулъ будетъ носить тотъ, кто будетъ руководить рус-

скою церковью, и въ какое отношеніе поставятъ себя лично епископы къ этому руководителю. Для вѣрующихъ важно, чтобы церковь давала имъ религіозную жизнь, а не заставляла бы стадо разбѣгаться отъ церкви. Существуетъ ли какая-нибудь гарантія тому, что реформа приметъ въ соображеніе всѣ интересы церкви во всей ихъ сложной совокупности, включая сюда жизнь бѣлаго духовенства и историческія условія жизни паствы, и не принесетъ больше дѣйствительнаго вреда, чѣмъ обѣщаемой пользы?

Мы думаемъ, что пока такой гарантіи еще не видно, но уже есть основанія къ опасеніямъ отъ одной крайности перейти въ другую.

Если къ участію въ реформѣ будутъ привлечены только русскіе епископы и Св. Синодъ, то реформа не можетъ не оказаться односторонней потому, что она не будетъ выражать собою общаго желанія, не будетъ обще-церковнымъ строеніемъ. Епископы — это представители монашества, которое оцѣниваетъ жизнь церковную подъ угломъ зрѣнія аскетизма, съ точки зрѣнія идеаловъ монашества, но не съ точки зрѣнія обще-народной и обще-церковной пользы. Монашество далеко отъ міра, не знаетъ жизни, а потому не можетъ охватить обще-церковную пользу во всей ея полнотѣ и многообразіи. Справится ли оно съ реформою, которая будетъ затрогивать и интересы мірянъ, и интересы государства, и интересы науки, и интересы пастырства? На основаніи фактовъ исторіи мы думаемъ, что оно не справится и будетъ производить реформу прежде всего въ интересахъ епископства и монашества, въ интересахъ власти епископской и ея значенія въ государствѣ. Но эти интересы далеко не равны интересамъ обще-церковнымъ; отъ цезарепапизма они могутъ привести къ папизму, крайности еще менѣе желательной, чѣмъ цезарепапизмъ, а обще-церковное дѣло можетъ оставаться въ сторонѣ.

И та записка 32 таинственныхъ священниковъ, которая положила начало вопросу о реформѣ, нисколько не разсѣиваетъ нашихъ опасеній какъ въ виду той обстановки, среди которой она появилась, такъ и въ виду тенденцій, которыхъ она придерживается.

Какъ мы уже указали, намъ кажется загадочнымъ и мало обѣщающимъ то, что вопросъ о реформѣ не только возникъ по иниціативѣ небольшого кружка какихъ-то никому невѣдомыхъ священниковъ, но и пошелъ уже по колеѣ, которая предуказана этимъ кружкомъ, хотя и не отражаетъ собою пока общаго желанія, не выражаетъ мнѣнія народа и всего духовенства.

Смущаетъ насъ и то, что вопросъ о реформѣ русскаго церковнаго управленія выплылъ неожиданно въ періодъ общей смуты и внѣшнихъ затрудненій и, повидимому, поспѣшно, безъ должной осмотрительности,

ведется къ разрѣшенію. Мы полагаемъ, что для церкви, которую врата адова не одолѣютъ, нѣтъ надобности пользоваться затрудненіями государства для полученія своего самоуправленія. Если бы вопросъ обсуждался въ болѣе спокойное время, тогда для всѣхъ было бы яснѣе, что поднятое дѣло о реформѣ есть дѣйствительно вопросъ о пользѣ церковной, а не тенденціи кружка лицъ, хотя бы и изъ бѣлаго духовенства, къ папизму.

Записка заявляетъ, что необходимость нашего церковнаго самоуправленія и устраненіе отсюда мірскихъ началъ вызывается тѣмъ новымъ положеніемъ, которое предоставлено въ настоящее время иновѣрію въ Россіи; но намъ кажется, что это новое положеніе иновѣрія вызываетъ совершенно иныя положенія—именно, чтобы русская церковь была въ состояніи явить міру истинность православія, т. е. чтобы она была бы богата и умственными и нравственными силами, чтобы оживилась ея богословская наука и поднялся бы умственный и нравственный уровень духовенства на ту высоту, которая показала бы всѣмъ, что православная церковь остается носительницею истины. Намъ кажется, что если не будетъ этого, то не будетъ толка и отъ патріаршества, и отъ дѣленія епархіи по уѣздамъ, и отъ соборовъ духовенства и т. д. Проектъ реформы, представленный 32 священниками, намъ представляется ничуть не вызваннымъ новымъ положеніемъ иновѣрія. Если церковь русская два столѣтія управлялась не канонически, то поводомъ къ возстановленію силы кононовъ должна была бы быть обязательность для церкви подчиняться этимъ канонамъ, а ничуть не война съ Японіей, внутреннія неурядицы и ихъ послѣдствіе—новое положеніе иновѣрія въ государствѣ.

Самое содержаніе записки также ни мало не устраняетъ опасеній, что въ предпринимаемой реформѣ дѣло идетъ не исключительно о благѣ церковномъ.

Безспорно, что основная, но скрытая тенденція записки—это уничтоженіе должности оберъ-прокурора Св. Синода и устраненіе свѣтскаго чиновничества отъ участія въ управленіи церковью. Согласимся, что эти пожеланія правильны. Но отсюда еще не слѣдуетъ, что взамѣнъ прежней системы управленія и можетъ и должна быть введена именно та, которую предлагаетъ записка, и что эта новая система управленія будетъ лучше, каноничнѣе прежней. Вѣдь знаемъ же мы, что Св. Синодъ не такъ давно, вопреки мнѣнію совѣта с.-петербургской духовной академіи, увѣнчалъ степенью доктора церковной исторіи г. Рункевича за его книгу, защищавшую синодальную форму управленія, а въ настоящее время эта самая форма управленія уже признается непригодною для русской церкви.

Кто можетъ поручиться, что и новая система управленія вскорѣ будетъ объявлена несостоятельною?

Составители записки стараются оградить себя заявленіемъ, что они требуютъ «возстановленія начертаннаго канонами строя церковной жизни», и что этотъ строй и есть единственный авторитетный. «Если бы даже—говорятъ они—и представлялось возможнымъ въ настоящее время изобрѣтеніе лучшаго устроенія церковнаго управленія въ обезпеченіе свободы церковной, то это лучшее, будучи только мнѣніемъ среди мнѣній, ни въ чьихъ глазахъ не имѣло бы надлежащей авторитетности, подвергалось бы оспариванію и передѣлкамъ и вызвало бы только нареканія за отступленіе отъ стародавнихъ церковныхъ началъ».

Но дѣло въ томъ, что каноны въ одно время были одними, а въ другое время другими, и церковный строй самой первой эпохи христіанства, эпохи апостольской, не былъ тождественъ со строемъ церковнымъ къ концу вселенскихъ соборовъ. Апостольское время не знало ни патріаршества, ни монашества, хотя и въ то время были безбрачные представители церкви. По словамъ апостола Павла, «епископъ» долженъ быть «единыя жены мужъ» (1 Тимоѳ. III, 2), т. е. вовсе не монахъ. Все устройство церковное, начертанное канонами, нельзя представлять себѣ какъ нѣчто постоянное, неизмѣнявшееся подъ давленіемъ исторической жизни. И если высказывать требованіе—возвратиться всецѣло къ каноническому строю древней церкви, то придется еще выяснить, каковъ былъ этотъ строй и почему заповѣдь апостола должна быть менѣе авторитетна, чѣмъ обычай, узаконенный соборами во вниманіе къ условіямъ исторической жизни. Мнѣніе 32 таинственныхъ священниковъ относительно того, *въ чемъ состоялъ* строй церковнаго самоуправленія, мы считаемъ именно «мнѣніемъ среди мнѣній, ни въ чьихъ глазахъ не имѣющимъ надлежащей авторитетности». Съ своей стороны мы полагаемъ, что исторія не повторяется въ подробностяхъ и что не всегда всѣ начала управленія, дѣйствовавшія въ древней церкви, примѣнимы въ современной жизни. Вопросъ о томъ, какъ устроить согласно съ канонами управленіе русской церкви при современныхъ условіяхъ жизни, долженъ еще подлежать обсужденію не только собора русскихъ епископовъ, но и компетентныхъ канонистовъ, бѣлаго духовенства и мірянъ. Во всякомъ случаѣ, заявленіе 32 таинственныхъ священниковъ, что строй церковнаго самоуправленія, начертанный канонами, былъ именно такимъ, какимъ онъ имъ представляется, и что этотъ строй необходимо долженъ быть воспроизведенъ въ настоящее время, намъ кажется болѣе чѣмъ смѣлымъ самомнѣніемъ составителей записки. Дѣйствительно, они требуютъ, напримѣръ, дробленія епархій на мелкія еди-

ницы или уѣзды въ виду того, что въ древности епархіи были незначительными и соотвѣтствовали дѣленію греко-римской имперіи на мелкіе округи. Но это дѣленіе мы считаемъ только историческимъ явленіемъ, указывающимъ на зависимость нѣкоторыхъ фактовъ древняго церковнаго строя отъ государственнаго греко-римскаго строя, но ничуть не канонически неизмѣнною нормою. Мы знаемъ изъ исторіи русской церкви, что дробленіе епархій, не разъ предлагавшееся, не нашло себѣ здѣсь примѣненія. Точно также *никогда не примѣнялся въ русской жизни и весь тотъ строй церковнаго самоуправленія, который начертанъ въ запискѣ и который, какъ намъ кажется, клонится въ сторону папизма.*

Въ основу этого строя записка полагаетъ соборность, но не даетъ гарантій тому, что она не окажется фикціей, подобной той соборности, которая существуетъ въ консисторіяхъ, и что она будетъ въ силахъ устранять произволъ и усмотрѣніе патріарха и состоящаго при немъ синода. Вѣдь при дробленіи епархій и при несмѣняемости епископовъ на каѳедрахъ значеніе епископовъ въ общемъ управленіи русской церкви будетъ умалено, окажется болѣе чѣмъ проблематичнымъ и, какъ показываетъ исторія, необходимо приведетъ къ усиленію власти несмѣняемаго патріарха и состоящаго при немъ синода. Вѣдь общерусскій соборъ патріархата, по проекту, будетъ собираться только по мѣрѣ нужды, конечно по иниціативѣ и желанію патріарха; но будетъ ли такой соборъ компетентенъ въ случаѣ превышенія власти патріархомъ или его еретичества? Чтобы низвергнуть патріарха Никона, былъ признанъ недостаточнымъ соборъ изъ русскихъ епископовъ и потребовалось созвать патріарховъ Востока. Церковная исторія показываетъ намъ, что не одни оберъ-прокуроры бывали еретиками, но что и на патріаршія каѳедры пробирались нерѣдко не лица достойныя, а еретики, грабители церкви, люди пронырливые, и т. д. и т. д., и что ниспроверженіе ихъ сопровождалось сильными смутами.

Было бы ни съ чѣмъ несообразнымъ, если бы въ настоящее время, когда всѣ общественные слои стремятся къ ослабленію централизаціи власти, ея произвола, и къ усиленію законности, въ одномъ духовномъ вѣдомствѣ возродился бы вдругъ папизмъ съ его нетерпимостью и «свободою», равною произволу. Мы не можемъ позабыть, что этотъ папизмъ въ лицѣ патріарха Никона уже былъ виновникомъ раскола, необдуманно отторгнувшимъ отъ церкви столько свѣжихъ и живыхъ силъ. Мы не можемъ не видѣть, что такой же папизмъ можетъ угрожать и русской церкви, потому что та система управленія, которая предложена 32 загадочными іереями, слишкомъ много принимаетъ къ сердцу интересы

іерархіи, а мало думаетъ объ интересахъ клира и народа, ради котораго и существуетъ іерархія. 32 священника даже совершенно забыли о нуждахъ своей среды, двусмысленно выражаются о выборномъ началѣ, молчатъ о необходимости устранить изъ отношеній епископа къ священникамъ характеръ произвола, который болѣе всего лишаетъ охоты лицъ достойныхъ поступать въ ряды духовенства, о неизбѣжности реформы духовной школы, которая дошла до степени разложенія, о необходимости позаботиться о нравственныхъ идеалахъ пастырства и оживить богословскую мысль, науку и т. д. Взамѣнъ всего этого они говорятъ только о формахъ управленія и видятъ здѣсь панацею отъ всѣхъ церковныхъ золъ, какъ будто бы дѣло не будетъ еще хуже, если папою станетъ недостойный или ограниченный въ своихъ воззрѣніяхъ іерархъ, который будетъ управлять церковью съ точки зрѣнія аскетическихъ началъ.

Если современное намъ участіе мірскихъ началъ въ управленіи не канонично, то мы опасаемся, чтобы новыя начала управленія не превратились въ клерикально-монашескія, которыя совершенно отдѣлятъ общество отъ церкви подобно тому, какъ это случилось въ католичествѣ, и сдѣлаютъ изъ церкви учрежденіе, служащее этимъ началамъ, но не соотвѣтствующее ни канонамъ, ни задачамъ ея религіозной жизни. Въ настоящее время *исключительное господство* этихъ началъ въ церкви до извѣстной степени ограничивалось и антагонизмомъ бѣлаго духовенства съ чернымъ, и зависимостью чернаго духовенства отъ государственной власти и т. д. При новомъ порядкѣ можно предвидѣть, что задачею богословской науки будетъ не разысканіе истины, а служеніе аскетизму, что бѣлое духовенство будетъ превращаться постепенно въ поповство XVII вѣка, невѣжественное и безгласное, и что общество еще болѣе будетъ отдѣляться отъ церкви, направляемой монахами къ идеаламъ своей среды, но не къ общецерковнымъ задачамъ.

Свобода нужна церкви, особенно въ настоящее время, это безспорно. Но не нужна ли ей прежде всего свобода внутренняя, свобода служенія идеаламъ Христа, а не лицамъ, свѣтскимъ или монахамъ—все равно? Между тѣмъ при монашескомъ режимѣ такой-то свободы мы и не предвидимъ, потому что иночество требуетъ прежде всего повиновенія,— «покоренія и послушанія», какъ выражались въ древности, но не беззавѣтнаго служенія идеаламъ Христа, во всей ихъ евангельской чистотѣ и полнотѣ. Монашество въ своей идеѣ есть стремленіе къ личному спасенію, но не къ служенію міру, которое лежитъ въ основѣ Евангелія и опирается на примѣръ Іисуса Христа, пострадавшаго за грѣшный міръ. Дастъ ли новый режимъ такую внутреннюю свободу служенія Христу

и представителямъ церкви—мы на основаніи исторіи болѣе чѣмъ сомнѣваемся. Вѣдь недавно еще одинъ епископъ доказывалъ, что лица, служащія народу, пойдутъ въ муку вѣчную.

Какъ достигнуть этой свободы и какъ оградить ее—отвѣта на это не даютъ намъ 32 іерея. Ихъ интересуетъ система управленія, съѣзды, границы епархій, расширеніе власти, титулы іерарховъ. Они говорятъ отъ имени церкви: устраните мірскія начала въ управленіи, дайте намъ волю, создайте для насъ сначала идеальную обстановку, при которой не пришлось бы вести борьбы за идеалы Христовы, тогда мы будемъ ихъ исповѣдывать и проводить въ жизнь. Но мы знаемъ, что въ періодъ гоненій мірскія начала не признавали за церковью даже права на существованіе, и однако она возжигала сердца человѣческія больше чѣмъ когда-либо, и это было потому, что она жила завѣтами Христа, для которыхъ не страшно вліяніе какихъ-либо мірскихъ началъ.

По нашему мнѣнію, предстоящая церковная реформа должна быть согласована съ ожидаемыми реформами въ общерусскомъ строѣ, должна соотвѣтствовать общему желанію членовъ церкви, а не отдѣльнаго кружка лицъ, должна быть произведена согласно съ историческими условіями русской жизни и предварительно должна быть подвергнута обсужденію какъ всего духовенства, такъ и представителей богословской науки.

«Русь» (№ 79-й).

Статья третья *Н. Симбирскаго*:

Говоря съ нѣкоторыми представителями бѣлаго духовенства, я спрашивалъ ихъ прежде всего:

— Нуженъ ли свободный выборъ приходскаго духовенства или слѣдуетъ остаться при теперешнемъ порядкѣ назначенія?

Во всѣхъ случаяхъ отвѣтъ получился одинъ: выборъ неудобенъ, неосуществимъ, даже унизителенъ для духовенства. Одинъ изъ весьма вліятельныхъ говорилъ даже, что есть примѣръ выборнаго начала священниковъ—это священники домашнихъ церквей. И эти примѣры дали результаты совершенно отрицательные для духовенства, роль такихъ священниковъ домашнихъ церквей зачастую не соотвѣтственна высотѣ сана. Были возраженія и чисто-практическаго характера: гдѣ будутъ происходить эти выборы и какимъ образомъ производить ихъ? Вѣдь все почти духовенство уже на мѣстахъ, тѣ, которые не имѣютъ штата, — или стары или недостойны. Изъ молодыхъ кончающихъ семинаристовъ выборъ еще затруднительнѣе, ибо это еще пока матеріалъ сырой и т. д.

Словомъ, выборное начало для духовенства мало желательно. И, насколько я понимаю, главнымъ образомъ, вотъ по какимъ причинамъ: духовенство—это совершенно отдѣльное сословіе, каста. Громадное большинство священниковъ происходитъ изъ духовныхъ семей, и здѣсь «благодать» передается какъ бы преемственно, независимо иногда отъ того, желательна ли даже эта «благодать» принимающему оную. Призваніе, которое, казалось бы, должно играть здѣсь первенствующую роль, отходитъ на задній планъ передъ соображеніями практическаго характера: не потерять приходъ, передать этотъ приходъ сыну, зятю, шурину.

Согласить со всѣмъ этимъ выборное начало, конечно, очень трудно.

А между тѣмъ, думается, что возстановленіе выборнаго начала для приходовъ было бы единственно вѣрнымъ выходомъ для духовенства изъ того положенія, въ которомъ оно теперь находится. Какъ осуществить это выборное начало,—это уже другой вопросъ. Но, чтобы возвратить поколебленное довѣріе—повторяю—выборное начало необходимо.

Петербургъ сравнительно очень мало живетъ приходской жизнью и въ данномъ случаѣ примѣромъ служить не можетъ, но вся деревенская, уѣздная и губернская Русь—дѣло совершенно иное. Тамъ приходъ болѣе или менѣе сплоченъ, всѣ или большинство знакомы между собой, стоятъ значительно ближе къ церкви и приходу. Тамъ выборный священникъ можетъ стать дѣйствительнымъ духовнымъ пастыремъ своей паствы, если его нравственныя силы позволятъ ему это. И, во всякомъ случаѣ—плохъ ли, хорошъ ли, но пастырь будетъ избранъ свободно самимъ приходомъ, а своего избранника всегда слушаютъ и уважаютъ русскіе люди—примѣровъ тому очень много на Руси.

Вся сила русскаго старообрядчества, прошедшая невредимо вѣка гоненій и притѣсненій, именно въ этомъ выборномъ началѣ духовныхъ отцовъ. Сильны старообрядцы (а не раскольники, какъ ихъ называютъ «оффиціально») для народа тѣмъ, что донесли свѣтильникъ своей идеи старой вѣры невредимымъ сквозь всю эту бурю жизни, претерпѣли много бѣдъ, но отъ идеи не отреклись, а формы мужественно отринули. Примѣръ тому хотя бы послѣдній отказъ московскаго съѣзда отъ утвержденія правительствомъ ихъ епископовъ и священниковъ. Выборные свободно пастыри благополучно довели старообрядцевъ теперь до свѣтлаго края—неужели это малое доказательство для православнаго духовенства?

«Петербургскій Листокъ» (№ 78-й).

Статья *Е. С. Игорова*:

Соборы и ихъ значеніе.

Ожидаемъ собора представителей русской церкви.

Вопросъ объ этомъ соборѣ пошелъ быстрыми шагами впередъ, минуя разныя сношенія съ другими вѣдомствами и канцелярскія обсужденія: созвать или не созвать, разрѣшать собраться или не разрѣшать, не будетъ ли опасности какой?..

Оттого онъ такъ быстро и пошелъ впередъ, что его двинули не чрезъ канцеляріи и не чрезъ оберъ-прокурорскій столъ.

Печать и общество встрѣтили сочувственно проектъ созыва собора іерарховъ нашей церкви и, конечно, не безъ основаній.

Собору предстоитъ обсужденіе необходимыхъ въ духовномъ вѣдомствѣ реформъ, вызванныхъ отчасти самой жизнью, искусственно сдерживаемой рамками канцелярскихъ предначертаній, отчасти требованіями церковнаго порядка. Соборъ долженъ будетъ рѣшить вопросъ о патріаршествѣ, если къ тому времени не послѣдуетъ какихъ-либо неожиданныхъ измѣненій.

Повидимому, ничего нѣтъ особеннаго въ томъ, что соберутся представители церкви; повидимому, нѣтъ въ этомъ ничего новаго: мало ли сколько у насъ бываетъ разныхъ съѣздовъ, разныхъ совѣщаній, мало ли сколько толкуютъ о своихъ нуждахъ и о своихъ реформахъ!

Нѣтъ, какъ угодно, но здѣсь, въ созывѣ духовнаго собора, совсѣмъ иное.

Здѣсь затрагиваются вопросы, на которые такъ или иначе отзывается каждый русскій.

Избраніе епископовъ, ихъ отношеніе къ паствѣ, авторитетъ духовенства, его вліяніе и связь съ народомъ, наши духовныя нужды—все это не можетъ проходить мимо насъ незамѣченнымъ, потому что это касается каждаго православнаго русскаго, а если присоединить къ этому вопросъ объ избраніи патріарха, — уже возникаетъ цѣлое памятное событіе для всего православнаго міра.

Но въ соборѣ духовномъ усматривается другая сторона.

Это переноситъ насъ въ то отдаленное время, когда такіе соборы были часты въ русскомъ государствѣ, служили, съ одной стороны, связью земли русской, а съ другой—связью князей и царя съ народомъ.

Въ давнишнія времена епископы были какъ бы представителями князя и народа.

Древній лѣтописецъ замѣчаетъ: «нѣсть бо достойно наскакати на святительскій чинъ на мздѣ, но его же Богъ позоветъ и св. Богородица, князь восхощетъ и людіе».

Вотъ какой принципъ былъ избранія епископа: князь и народъ составляли единеніе въ этомъ дѣлѣ—въ избраніи епископа.

Князья посылали для управленія народомъ своихъ воеводъ, тіуновъ и старостъ, но эти лица были представителями княжеской власти, заботились объ интересахъ князя и о своихъ.

Епископы же были—«печальники» народные, какъ бы его выборные, хотя на практикѣ не всегда епископы выбирались народомъ, но они были близки къ народу и народъ считалъ ихъ своими.

Епископы «печаловались» предъ князьями за народъ, защищали княжескую власть, когда это нужно было, и въ то же время признавали себя «слугами» князя или царя.

Это не то, что духовенство на западѣ, которое проводило идею, что какъ солнце на небѣ, такъ и папа и епископы на землѣ, а какъ луна на небѣ, такъ и свѣтская власть на землѣ.

Въ древней и отчасти до-петровской Руси соборное начало было очень распространено.

Соборъ признавался необходимымъ во всѣхъ важныхъ и даже маловажныхъ случаяхъ для рѣшенія возникавшихъ недоразумѣній въ церковномъ строѣ.

Конечно, по условіямъ того времени не всѣ епископы могли присутствовать на соборѣ, но собирались, по возможности, ближайшіе епископы, а если случалось, что въ столицѣ одновременно находилось нѣсколько епископовъ по дѣламъ своихъ епархій, то иногда пользовались этимъ случаемъ, чтобы соборнѣ обсудить назрѣвшіе вопросы.

На соборахъ присутствовали и настоятели монастырей и даже нерѣдко свѣтскіе представители.

На такихъ соборахъ часто присутствовали князья. Здѣсь они узнавали о нуждахъ народныхъ и нестроеніяхъ въ землѣ своей.

Часто на соборахъ, наряду съ духовными дѣлами, разсматривались и рѣшались вопросы гражданскіе.

Какъ видно, древне-русскіе духовные соборы служили способомъ какъ бы «общественнаго» рѣшенія «законодательныхъ» вопросовъ, т. е. такихъ, которые въ данной мѣстности или для всей Россіи имѣли обязательное значеніе.

Въ то же время они служили взаимнымъ сближеніемъ князя и тѣхъ, кто отъ народа, какими въ то время и были духовныя лица.

Ихъ строй, взаимное довѣріе власти княжеской и епископской, от-

сутствіе стремленія русскаго духовенства къ административному господству,—все это устраняло всякія опасенія князей и московскихъ царей на счетъ умаленія своей власти.

Но древне-русскія формы устроенія церкви слишкомъ теперь далеки отъ нашихъ настоящихъ церковныхъ порядковъ. «Усмотрѣніе канцеляріи» и «какъ угодно»... замѣняютъ собою всѣ соборныя рѣшенія и все представительство церкви русской, какъ единаго общества вѣрующихъ.

Соборы въ древней Руси имѣли громадное «государственное» значеніе, какъ устроители земли русской или совмѣстно съ князьями или какъ помощники князей въ этомъ дѣлѣ.

Будемъ надѣяться, что и предстоящій соборъ принесетъ съ собою запасъ опыта и знаній для рѣшенія тѣхъ вопросовъ, какіе вызываются современнымъ теченіемъ жизни какъ религіозной вообще, такъ и въ духовной средѣ. Желательно, чтобы соборъ пробудилъ дѣятельность духовенства, чтобы собственной силой и энергіей оно могло стоять на стражѣ православной церкви, безъ поддержки полицейскими подпорками, которыя теперь снимаются свободой вѣроисповѣданія.

Въ № 8.744-мъ «**Биржевыхъ Вѣдомостей**», въ статьѣ «Около церковной реформы» приведены выдержки изъ «**С.-Петербургскихъ Вѣдомостей**» и изъ особаго прибавленія къ «**Русскому Дѣлу**».

Около церковной реформы.

Указаніе г. Мухина въ «*С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*».

Въ № 11 «*Церковнаго Вѣстника*» за 1905 годъ напечатана записка о необходимости перемѣнъ въ русскомъ церковномъ управленіи.

Авторы записки полагаютъ, что помѣстный всероссійскій соборъ можетъ вывести русскую церковь изъ затруднительнаго положенія путемъ «возстановленія начертаннаго канонами строя церковнаго самоуправленія».

Намъ же кажется, что помѣстный соборъ при первыхъ же шагахъ въ этомъ направленіи встрѣтитъ немало затрудненій.

Дѣло въ томъ, что наряду со многими канонами, сохранившими свою жизненность и доселѣ, существуютъ и такіе, которые, въ силу измѣнившихся историческихъ условій, должны быть или измѣнены, или отмѣнены.

Каноны эти не примѣняются, но они не отмѣнены.

Отмѣнить или измѣнить эти каноны могутъ не помѣстный соборъ и не канцелярскія сношенія и переписка съ восточными патріархами, а только органъ живого взаимообщенія церквей христіанскихъ—вселенскій соборъ.

Лучшіе мыслители не разъ уже указывали на необходимость созыва вселенскаго собора, какъ на единственное средство выйти изъ затруднительнаго положенія.

Врядъ-ли многіе знаютъ, что теперь, благодаря существованію непримѣняемыхъ, но не отмѣненныхъ церковью каноновъ, не только многіе міряне, но и многіе клирики должны быть отлучены отъ церкви.

«Ради соборной чести» составители записки предлагаютъ назвать «архіепископа царствующаго града (котораго? у насъ ихъ два) патріархомъ».

Не въ званіи, конечно,—сила. Но уроки прошлаго (исторія папства) и современныя событія въ константинопольской церкви (борьба патріарха съ синодомъ) показываютъ, какъ быстро и легко «первенство чести» переходитъ въ «первенство власти»,—и тогда.—прощай церковная свобода!

Преосвященный Антонинъ («На зарѣ» «*Новое Время*» № 10.431) пишетъ, что «пастыри суть подданные царей, но по духу вѣры они—отцы царей».

По мнѣнію его, патріархъ явится не только «богомольцемъ», но и «теплымъ печальникомъ за страждущую отчизну».

Права «печаловаться» у насъ никто не лишенъ. Насколько нужно и полезно будетъ имѣть особаго «печальника», мы, конечно, не можемъ сказать.

Но невольно является горькая мысль: гдѣ были «богомольцы и печальники» въ роковой день 9-го января, когда толпа рабочихъ двигалась по городу съ крестами, иконами и хоругвями?

Какіе «центуріоны» помѣшали высшей церковной власти выйти навстрѣчу толпѣ и тѣмъ спасти многихъ отъ смерти?

Нѣтъ, стремленія и усилія духовенства и всѣхъ вѣрующихъ должны быть направлены не къ созданію высокихъ церковныхъ должностей, а къ самоотверженному служенію въ духѣ истинной вѣры и любви, все проницающей, всѣхъ объемлющей, согрѣвающей и освѣщающей сердца и души человѣческія среди житейскаго мрака и стужи.

Въ особомъ прибавленіи къ «*Русскому Дѣлу*» находимъ сообщеніе М. А. Новоселова, прочитанное въ одномъ частномъ собраніи въ Москвѣ, подъ заглавіемъ: «О возсозданіи живой церковности въ Россіи».

По его мнѣнію, «помѣстный соборъ является верховной властью данной церкви». Патріархъ—власть исполнительная. У Синода нѣтъ правъ помѣстнаго собора, который долженъ состоять изъ всѣхъ епископовъ, а не изъ 12. Вся власть Синода перешла въ руки оберъ-прокурора, «министра церкви». Поэтому необходимо «вмѣсто неправильнаго поставить правильное устройство церкви, начиная съ прихода и кончая высшимъ управленіемъ».

Правильное устройство состоитъ въ томъ, чтобы церковь, этотъ духовный союзъ народа, не находилась въ подчиненіи мірскимъ властямъ того же народа.

Во-вторыхъ, чтобы на всѣхъ инстанціяхъ своего управленія церковь сохраняла единеніе всѣхъ своихъ членовъ, отъ освящающихъ и руководящихъ до освящаемыхъ и руководимыхъ. Средства для этого издавна указаны канонами святой церкви. Ихъ только и требуется осуществить, и если что можно къ этому прибавить, то развѣ то, что осуществлять каноническія правила должно сознательно, понимая ихъ смыслъ.

Профессоръ Н. А. Заозерскій въ своемъ трудѣ «*О средствахъ усиленія нашей церковной власти*» указываетъ приблизительно такой строй церкви.

Прежде всего, во главѣ церковнаго управленія непремѣнно должны быть возстановлены помѣстные соборы, ибо источникъ церковной власти мѣстной церкви только въ нихъ. Соборъ даетъ наставленіе той управительной власти, которая ставится вмѣсто нынѣшняго Синода. Но должно замѣтить, что хотя соборъ, какъ власть церковная, состоитъ изъ епископовъ, которымъ однимъ принадлежитъ рѣшающій голосъ, но въ совѣщаніи собора, по духу и правиламъ церкви, непремѣнно должны быть привлекаемы и міряне. Профессоръ Н. А. Заозерскій указываетъ на пользу, которую могутъ принести собору ученые богословы, канонисты, подвижники монастырей, лица, особенно много дѣлающія для приходовъ, или вообще для церкви, путемъ печатнаго слова, и т. д.

Съ такимъ широкимъ совѣщаніемъ отцы собора могутъ выносить наилучшее рѣшеніе вопросовъ.

Во главѣ управленія церкви долженъ быть поставленъ патріархъ съ синодомъ, при-

чемъ въ синодѣ должны быть также не только лица разныхъ чиновъ священства, но и міряне, хорошо знающіе дѣла.

Само собою разумѣется, что патріархъ долженъ имѣть непосредственныя сношенія съ главою государства.

Во главѣ епархіальнаго управленія долженъ стоять епископъ, а при немъ также «епархіальное собраніе», составленное по типу помѣстнаго собора.

Возстановленіе правильной приходской жизни столь понятно, что не требуетъ особенныхъ толкованій.

---

29 марта.

Статья «**Новаго Времени**» (№ 10.440-й):

Поменьше археологіи!

Въ выдержкахъ, приведенныхъ у насъ изъ письма Дурново къ редактору «Русскаго Труда», непріятно поражаютъ такія выраженія, какъ «болгарская схизма» — о теперешней болгарской національной церкви, или что «московское патріаршество не отмѣнено — ибо отмѣнить его не могла свѣтская власть, а только могъ бы одинъ соборъ». Какая археологія и кому она нужна? Какіе развиваемые на клерикальной почвѣ противо-нравственные тезисы! Вотъ такой-то «закваски фарисейской» въ предстоящихъ церковныхъ реформахъ мы и должны опасаться какъ огня: она сдѣлаетъ до того противнымъ все дѣло, что руки опустятся раньше его окончанія.

«Болгарская схизма» сводится къ слѣдующему. Греческіе епископы, управлявшіе болгарскими епархіями еще во время турецкаго гнета, желая въ зародышѣ задушить будущее болгарское національное возрожденіе, ибо греки надѣялись владѣть болгарскою территоріею, употребили всѣ мѣры, чтобы затушевать, задавить, истребить всякую память былой болгарской исторіи, и съ этою цѣлью собирали по монастырямъ и сжигали памятники древней болгарской письменности, лѣтописи, хронографы и проч. Скажите, это было по братскому и христіанскому чувству? Когда Болгарія получила независимость, то, помня эту каинскую политику фанаріотовъ относительно своей народности, она, и какъ народъ и какъ правительство, потребовала самостоятельныхъ, національныхъ болгарскихъ епископовъ въ городахъ со смѣшаннымъ населеніемъ, болгарскимъ и греческимъ. Но, вотъ видите ли, тамъ уже были раньше греческіе епископы, тѣ самые, что жгли болгарскія рукописи. Тогда фанаріоты,

съ константинопольскимъ патріархомъ во главѣ, сослались на «каноническое правило», по которому въ одномъ городѣ не можетъ быть двухъ епископовъ одной церкви, «ибо это свидѣтельствовало бы о раздорѣ, а христіанство есть любовь». Каины сослались на Евангеліе, добираясь до братской крови. Патріархъ не разрѣшалъ выборъ національныхъ епископовъ, а когда они все-таки были выбраны, онъ объявилъ весь болгарскій народъ схизматиками и національную болгарскую церковь «состоящею въ схизмѣ». За эту фанаріотскую политику въ свое время много распинался покойный нашъ государственный контролеръ Т. И. Филипповъ и посвятилъ этому вопросу много статей въ «Гражданинѣ». Ему послѣдуетъ г. Дурново. Развратъ и злоба соединились противъ несчастной Болгаріи того времени. И вдругъ мы слышимъ голосъ изъ Москвы: «Да, но эти Каины каноническихъ правилъ не нарушили; а Авель—Болгарія, если и прирѣзывалась греками, то это правилами церкви не предусмотрѣно, не запрещено, и потому на Каинѣ за это нѣтъ вины».

Равно о патріаршествѣ. Съ шикомъ дурного тона г. Дурново заявляетъ, что «никакого соборнаго постановленія о закрытіи московскаго патріаршества не было». Скажите, пожалуйста! Вотъ ужъ не ко времени вспомнить Петра Великаго и его «всешутѣйшій соборъ». Такъ-таки г. Дурново и не знаетъ о «закрытіи патріаршества»!! «Нѣтъ ничего кромѣ фанаріотовъ и каноническихъ правилъ», заявляетъ археологически г. Дурново. Ну, мы имѣемъ кой-что поважнѣе: Евангеліе. Апостолы патріархами себя не называли, въ апостольскій вѣкъ «патріаршества не было; «патріаршество» было установлено византійскими императорами, какъ часть своего императорскаго блеска, и равно въ Россіи «патріаршество» было установлено по желанію и происками Бориса Годунова, чтобы найти въ «патріархѣ» себѣ опору при возвышеніи. Да и вообще всякій знающій исторію іерархіи и происхожденіе «боговдохновенныхъ» каноновъ очень хорошо знаетъ, сколько тутъ лежитъ подспудно политики, личныхъ разсчетовъ, властолюбія и корысти. Все сдѣлано изъ золота и нерѣдко пахнувшаго кровью. Г. Дурново припоминаетъ съ презрительнымъ негодованіемъ и отнятіе монастырскихъ имѣній, какъ «схизматическій» поступокъ Екатерины и Димитрія Сѣченова, забывая, что о правѣ монастырей владѣть вотчинами спорили гораздо ранѣе въ самой московской церкви, и нѣкоторые святители церкви, потомъ канонизованные ею, находили таковое владѣніе несовмѣстимымъ съ духомъ и смысломъ монашества. Словомъ, если послушать мудрецовъ изъ «Русскаго Дѣла», то мы дойдемъ не только до папизма, но и до «отцовъ іезуитовъ», устроившихъ цѣлое собственное государство въ Парагваѣ.

Нѣтъ, подальше отъ московскихъ завѣтовъ. Не забудемъ, что «мудрость патріарховъ», именно во всемъ совѣтовавшихся въ данномъ случаѣ съ греческими іерархами, довела невинное дѣло исправленія книгъ до церковнаго раскола. Сіе несчастіе случилось съ московскимъ патріархомъ. А константинопольскій патріархъ, придравшись къ «новшествамъ» въ способѣ печенія просфоръ въ итальянскихъ городахъ (споръ объ опрѣснокахъ), довелъ дѣло до раскола всего христіанскаго міра—на католическій и православный. Христіанскій міръ самъ, въ лицѣ мірянъ и священниковъ, никогда не раскалывался, и дѣло это есть чисто іерархическое и въ частности патріаршее. Каноны-то канонами, но и біологія не дремлетъ. Не могутъ двѣ «матки» ужиться въ одномъ пчелиномъ ульѣ. И вотъ «папы» римскій, константинопольскій и пр., уязвляя другъ друга, довели до раздробленія весь христіанскій міръ, а «папа» или «патріархъ» въ Москвѣ раздробилъ русскую народность (расколъ). Синодальный или оберъ-прокурорскій періодъ все-таки такихъ «прорухъ» не натворилъ.

Археологи напрасно вынимаютъ заржавленные мечи и напяливаютъ на себя вынутыя изъ стараго чулана латы. Потому-то на предлежащій соборъ, если ему суждено состояться, и должны быть непремѣнно призваны міряне и священники, что тѣ и другіе значительно суть просто евангелисты, то-есть болѣе всего помнятъ Евангеліе и страшатся пойти противъ его духа и этимъ выражаютъ коренной строй теперешняго христіанскаго міра, то-есть сущей живой церкви. Напротивъ, іерархія уже однимъ проектомъ собраться въ лицѣ только епископовъ, минуя и мірянъ и подчиненныхъ имъ священниковъ, съ перваго же шага выразила отсутствіе въ ней памяти евангельской. Ибо Христосъ ученикамъ Своимъ заповѣдалъ всегда быть вмѣстѣ и пребывать въ любви: «по этому одному узнаютъ, что вы Мои ученики». Это книжники и фарисеи собирались безъ народа, въ сторонѣ отъ народа, сокровенно отъ его глазъ и ушей. Печальный прецедентъ и роковое слѣдованіе. И греческая и наша іерархія въ прошлой своей исторіи можетъ быть оттого и мало помнила Евангеліе, по крайней мѣрѣ менѣе, чѣмъ подробности каноновъ, что въ Евангеліи объ іерархіи ничего нѣтъ, а все тамъ, и притомъ любовно—о народѣ, о людяхъ, о человѣкахъ простыхъ и частныхъ. Іерархія и не опиралась на книгу, гдѣ нѣтъ ея корней. Ея корни—въ частной греческой исторіи. Это и есть ея любимѣйшая почва. Но русское царство слишкомъ обширно, чтобы его можно было запорошить греческою землицей; да русское царство и почтеннѣе, ибо оно дольше греческаго живетъ. Совершенно достаточно, что мы перенесли къ себѣ изъ Греціи церковныя службы, весь литургическій составъ. Этимъ

дѣло и можетъ ограничиться. Но какъ греческій народъ и цареградскіе базилевсы свободно вводили и измѣняли собственный строй и управленіе церковное, такъ русскій народъ и монархи вправѣ вложить сюда новое вдохновеніе и новое творчество, въ духѣ Христовомъ, по слову Евангелія.

Поменьше археологіи, побольше жизни, практики, сообразованія съ нуждами царства теперешняго и народа нашего.

«Слово» (№ 109-й).

«*Бесѣда съ духовнымъ лицомъ*» и два письма отъ священниковъ.

Какъ обстоитъ дѣло съ патріаршествомъ.

(Бесѣда г *С—ям.* съ духовнымъ лицомъ).

При встрѣчѣ съ представителями іерархіи теперь нельзя не затронуть вопроса, занимающаго всѣ умы: какъ обстоитъ дѣло съ патріаршествомъ? Предложили этотъ вопросъ и мы нашему собесѣднику.

— Какъ ни досадно, отвѣтилъ онъ намъ, а кажется, нужно сказать: Requiescit in pace. Какъ будто бы вопросъ отложенъ, а остальное понятно. Нужно было только какъ-нибудь пережить настоящій критическій моментъ, а впослѣдствіи будетъ ужъ гораздо легче отодвинуть вопросъ и еще далѣе, ad Calendas Graecas.

— Неужели всему вина перенесеніе этого дѣла изъ Комитета Министровъ въ Святѣйшій Синодъ?

— Несомнѣнно. Только я понимаю весь этотъ механизмъ, придуманный для провала непріятнаго дѣла, гораздо болѣе сложнымъ и обдуманнымъ. Взять вопросъ изъ вѣдѣнія и обсужденія всѣхъ министровъ, въ присутствіи свободно высказывающагося митрополита, и перевести его въ портфель одного министра (какъ писали, кажется, въ «Новомъ Времени»), чтобы имѣть возможность просто положить подъ сукно, — это былъ бы планъ очень наивный. Тогда бы всѣ—и печать, и общество, не различая партій, были бы на сторонѣ іерархіи. Голоса дошли бы очень высоко, и прихлопнуть этого движенія было бы невозможно.

По моему мнѣнію, планъ былъ таковъ:

Вопросы, выработанные для представленія въ Комитетъ Министровъ, всѣмъ теперь извѣстны. Они такого свойства, что могутъ быть обсуждены только министрами, т. е. представителями государства, такъ какъ касаются, главнымъ образомъ, государственнаго положенія церкви. Митрополитъ былъ бы на этомъ совѣщаніи только въ качествѣ свѣдущаго

лица, онъ не былъ бы ни просителемъ, ни протестантомъ, ни въ той, ни въ другой роли онъ выступить теперь не могъ, это было бы несвоевременно. Само государство бы возвратило церкви нѣкоторую автономію въ ея церковныхъ дѣлахъ (вѣдь, государство же само и отняло эту автономію и отняло, совсѣмъ не справляясь съ желаніемъ церкви) и привлекло бы священниковъ и іерарховъ къ участію въ общей работѣ. Потомъ, признавъ необходимость измѣнить государственное положеніе церкви, Комитетъ Министровъ предоставилъ бы самой церкви обсудить, что̀ нужно для ея обновленія. Въ послѣднемъ вопросѣ, какъ вы, можетъ быть, помните, прямо и говорится о ходатайствѣ предъ Государемъ образовать особое совѣщаніе изъ іерарховъ, съ участіемъ свѣдущихъ лицъ изъ духовенства и мірянъ, для выработки проекта нужныхъ преобразованій. Митрополитъ былъ бы, конечно, предсѣдателемъ этого совѣщанія. Приглашены были бы наиболѣе выдающіеся представители духовенства, профессора и вообще люди, заявившіе себя трудами по церковному дѣлу. Работа пошла бы широко и независимо. О ходѣ ея, конечно, знала бы и печать. Обсужденіе могло бы быть въ нѣкоторомъ отношеніи всенародное. Всѣ бы лучшія силы православной церкви объединились около этой работы. Какой бы подъемъ духа былъ въ обществѣ! И подъемъ хорошій, не протестующій, не хулиганскій! Совѣщаніе это выработало бы проектъ новаго церковнаго управленія въ согласіи съ преданіемъ и канонами православной церкви. Собранъ былъ бы тогда соборъ, который бы и завершилъ дѣло утвержденіемъ проекта и избраніемъ патріарха. Такъ какъ работа была бы въ доброжелательныхъ рукахъ, такъ какъ надъ ней не висѣлъ бы никакой Дамокловъ мечъ, — совѣщаніе, конечно, не стало бы спѣшить, не стало бы, какъ говорится, ловить моментъ. Дѣло сдѣлано было бы обдуманно и прочно, безповоротно.

Теперь же посмотрите, что выходитъ.

Всѣ члены Св. Синода, конечно, прекрасно и чувствуютъ и видятъ висящій надъ ними Дамокловъ мечъ, знаютъ все магическое значеніе словъ: «читалъ» и «исполнить», знаютъ, что безъ нихъ и символъ вѣры дальше оберъ-прокурорскаго ящика не пойдетъ. Естественно, что у нихъ первою мыслью было какъ-нибудь положить конецъ этому режиму, чтобы потомъ имѣть возможность спокойно и свободно обсудить и выработать проектъ всякихъ преобразованій въ церкви. Вотъ и рѣшили: нужно возстановить патріаршество и собрать соборъ для избранія патріарха, который вмѣстѣ съ соборомъ потомъ бы и занялся церковными реформами. Говорятъ, нѣкоторые наиболѣе энергичные члены Синода даже прямо предлагали избрать теперь же патріарха, избрать Синодомъ.

Синодъ иначе не могъ дѣйствовать при данныхъ условіяхъ. Но по-

ложеніе іерарховъ оказалось весьма неудобное: сами себѣ просятъ государственныхъ льготъ и привиллегій, и это тогда, когда государство переживаетъ самые темные дни! Рѣшаютъ вопросъ о патріархѣ, и не спросясь ни іерархіи, ни клира, ни народа! И вотъ начинается беззастѣнчивая, можно сказать, наглая кампанія «Московскихъ Вѣдомостей» противъ первенствующаго митрополита: это-де онъ вздумалъ воспользоваться смутой, чтобы добиться себѣ патріаршества... Прямо провалить этого дѣла нельзя, такъ обольемъ его помоями, опошлимъ, и тогда всякій отвернется отъ него, не разсуждая. Пріемъ обычный и, увы, весьма дѣйствительный. «Они-де не спросили народа, желаетъ-ли онъ патріаршества». Воображаю, что бы запѣлъ г. Грингмутъ, если бы Синодъ рѣшилъ собрать всенародный соборъ?! Какихъ «измовъ» не открылъ бы онъ въ этой затеѣ? Но теперь можно и про народъ упомянуть, это дѣлу теперь не вредитъ.

За «Московскими Вѣдомостями» потянулась, слышно, и простоватая Москва: «какъ смѣютъ петербургскіе архіереи и попы рѣшать вопросъ о церковныхъ реформахъ, не пригласивъ къ этому дѣлу и Москвы». Говорятъ, тамъ даже адресъ собираются подавать, чтобы дѣло отложить до конца войны. М. А. Новоселовъ, слышно, и рефератъ гдѣ-то тамъ читалъ и все на ту же тему: отложить, какъ смѣли? Теперь позабываютъ и ту простую истину, что безъ реформъ не будетъ подъема духа, а безъ этого не будетъ и почетнаго окончанія войны. И, кромѣ того, вѣдь, не въ два же дня будетъ выдуманъ весь проектъ церковныхъ реформъ. Теперь только нужно возстановить патріарха, правящаго совмѣстно съ соборомъ (не единолично), а подробности можно будетъ обсуждать цѣлые годы.

Боятся клерикализма, боятся, что будетъ свободно только духовенство и совсѣмъ перестанетъ обращать вниманіе на мірянъ. Я получилъ даже въ этомъ смыслѣ телеграмму изъ Москвы. «Поспѣшная и тайно отъ народа проведенная реформа только усилитъ раздѣленіе пастырей отъ паствы». Боязнь, конечно, естественная, но, по моему мнѣнію, совершенно неосновательная. Не можетъ же у насъ въ нѣсколько мѣсяцевъ вырасти папство? Что же будетъ мѣшать тѣмъ же москвичамъ требовать себѣ участія въ выработкѣ церковныхъ преобразованій, когда этимъ дѣломъ будетъ завѣдовать патріархъ? Вѣдь, не нужно забывать, что дѣло идетъ о выборѣ лишь перваго патріарха, дальнѣйшее же отъ этого не зависитъ и не предрѣшается. Вѣдь, это теперь іерархи, отвѣтственные только предъ далекимъ Петербургомъ, да еще мундирнымъ, могутъ величественно не замѣчать своей паствы; при соборномъ режимѣ этого не можетъ быть.

Какъ бы то ни было, а цѣль перенесенія дѣла въ Синодъ достигнута: подобно нашимъ предкамъ при нашествіи монголовъ, и теперь радѣтели церкви раздѣлились, и Москва стѣной идетъ на Синодъ и на его слабую попытку сдѣлать что-нибудь, чтобы не пропало все. Divide et impera! Переклюкали насъ сильно...

О церковной реформѣ.

Первое письмо въ редакцію, священника *Л.*

Можно надѣяться, что созваніе помѣстнаго собора рѣшено окончательно. Конечно, соборъ этотъ — неотложная необходимость, но предварительно слѣдовало бы открыто обсудить программу работъ собора, по возможности при участіи всѣхъ пастырей и даже компетентныхъ въ церковныхъ дѣлахъ мірянъ, причемъ подробные отчеты такихъ обсужденій должны сообщаться на страницахъ свѣтской газеты, независимой отъ «духовнаго міра» и совершенно освобожденной въ этомъ отношеніи отъ какой-либо цензуры. Отъ такого откровеннаго обсужденія будетъ зависѣть успѣхъ полезной дѣятельности собора.

Итакъ, въ русской церкви необходимо возстановить каноническую свободу и вмѣстѣ съ ней приблизиться къ той апостольской общинѣ, которая въ періодъ апостольской проповѣди безъ насилія и притѣсненія побѣдила даже языческій міръ, и потому, если есть искреннее желаніе поставить на должное въ христіанскомъ государствѣ мѣсто русскую церковь, то будущему собору принадлежитъ совершить слѣдующее:

Совершенно уничтожить:

1) Вѣдомство православнаго исповѣданія.
2) Святѣйшій Синодъ, духовныя консисторіи и пр.
3) Правительственное назначеніе и утвержденіе іерарховъ.
4) Оберъ-прокурора, секретарей консисторіи и пр.
5) Обязательность монашества для іерарховъ.
6) Награды свѣтскія и духовныя, какъ-то: ордена, скуфейки, камилавки, набедренники, протоіерейства, архимандритства, черные и бѣлые клобуки и пр.
7) Правительственный надзоръ, цензуру и преслѣдованіе проповѣдника.
8) Монашество въ городахъ и удаленіе ихъ въ «мѣсто пусто».
9) Монашеское начальство въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

Возстановить и учредить:

1) Апостольскую общину.

2) Патріарха, патріаршій соборъ, областныя епископскія управленія и пр.

3) Выборное начало для всѣхъ степеней священства при участіи прихода, патріаршее утвержденіе.

4) Непосредственное личное сношеніе патріарха съ царемъ, право ходатайства за нужды чадъ церкви русской, при отсутствіи стѣснительнаго этикета.

5) Посвященіе не только вдовыхъ священниковъ, но и допущеніе достойныхъ женатыхъ къ принятію епископства по примѣру вѣка апостольскаго.

6) Свободу снятія священнаго сана безъ какихъ-либо послѣдствій при сознаніи полной неспособности служить пастырству, кромѣ случаевъ, влекущихъ за собою уголовное преслѣдованіе.

7) Полную свободу проповѣди подъ руководствомъ епископа.

8) Первоначальный образъ монашескаго житія и передачу ихъ городского имущества епархіальному духовенству для учрежденія духовно-учебныхъ и благотворительныхъ заведеній.

9) Обязательность руководства бѣлымъ духовенствомъ учащихся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и т. д.

Наконецъ, собору необходимо разрѣшить вопросъ о томъ, какъ предохранить патріаршество и пастырей на будущее время отъ посягательства со стороны свѣтской власти, дабы не повторилась та же печальная исторія, которую церковь русская переживаетъ со времени Петра Великаго донынѣ.

Предварительныя дѣйствія предполагаемаго собора мнѣ рисуются такими. Всѣ участники приступаютъ къ выбору предсѣдательствующаго на соборѣ. Выбираютъ при посредствѣ жребія. Право быть выбраннымъ въ предсѣдатели имѣютъ всѣ безъ исключенія епископы, безъ старшинства, и потому жребій вынимаетъ кто-нибудь изъ пресвитеровъ, но самый соборъ происходитъ при непремѣнномъ участіи бѣлаго духовенства. Послѣ выбора всѣ участники собора, не исключая и предсѣдателя, *составляютъ актъ своего отреченія отъ прежнихъ правительственныхъ назначеній и съ этого времени они только временно завѣдующіе тѣми епархіями, во главѣ которыхъ они стояли впредь до новаго утвержденія со стороны патріарха и его собора.* Во свидѣтельство своей искренности служенія церкви Христовой, наши іерархи должны принести въ жертву и митрополитство и архіепископство, полученные отъ

правительства, и стать просто епископами. Кандидатами въ патріархи являются епископы и достойнѣйшіе изъ бѣлаго духовенства и никоимъ образомъ монахи. Также должно быть совершено устраненіе или лучше самоустраненіе отъ выбора въ патріархи всѣхъ бывшихъ и настоящихъ членовъ Синода. Въ этомъ залогъ будущаго успѣха въ предстоящемъ «духовномъ» возвеличеніи церкви русской. Ибо въ старые мѣхи не подобаетъ вливать вино молодое. Конечно, если всѣ іерархи проникнутся искреннимъ желаніемъ «дѣйствительно» послужить Христовой церкви, то для нихъ не будетъ унизительнымъ подчиниться патріарху, выбранному изъ среды подчиненныхъ имъ прежде, вѣдь служили же они Синоду, а это куда хуже. Ни сверженной гордости, ни уязвленному самолюбію нѣтъ мѣста въ этомъ святомъ дѣлѣ, одна любовь искренняя и самоотверженная, любовь Христова должна воодушевлять всѣхъ.

Второе письмо, священника о. *Николая*.

«Я, служитель Христовъ, съ радостію прочиталъ записку петербургскихъ священниковъ «о необходимости перемѣнъ въ русскомъ церковномъ управленіи». Какъ будто занимается заря новой церковной жизни, но дѣло въ томъ,—надо, чтобы была жизнь, а не смерть. Хотятъ патріарха—это недурно. Но горе—горе, если этотъ патріархъ замѣнитъ только оберъ-прокурора Синода, тогда... надѣть рясу на оберъ-прокурора—и вся реформа.

Нѣтъ, нужно начать съ низшей единицы—съ прихода и безусловно необходимо какъ можно большее вмѣшательство мірянъ-христіанъ въ дѣла церковнаго управленія по всѣмъ инстанціямъ, начиная съ прихода, ибо Христова церковь не есть духовенство, а общество вѣрующихъ во Христа. Безъ народа—безъ мірянъ, начиная отъ прихода и кончая патріархомъ, вся реформа—пустой, ничего не значащій, звукъ. Безъ народа насъ сотрутъ, принизятъ и закрѣпостятъ или о.о. протоіереи или о.о. черные архимандриты. Мы—или *я* боимся *больше* своихъ, чѣмъ мірянъ. Если при патріархѣ будетъ синодъ, изъ кого, вы думаете, онъ будетъ состоять? Изъ о.о. украшенныхъ... вы думаете образованіемъ? ничуть нѣтъ—большими крестами; изъ рабовъ предъ высшими, а предъ низшими изъ недоступныхъ деспотовъ. Вы думаете, что мы боимся свѣтскихъ чиновниковъ? Исключая оберъ-прокурора и его канцеляріи, многочисленной и зловредной и ненужной, въ консисторіяхъ, страшныхъ для насъ, одна опора и правда—это секретарь консисторіи, если онъ

не въ ладахъ съ высокопреподобными и преподобными «*членами* консисторіи», а если ладитъ съ ними, то и онъ не опора.

Поэтому 1) приходская община, или приходъ, вѣдаетъ дѣлами прихода. Пусть онъ не отдаетъ, не позволяетъ обирать храмы. О, зло! Съ храмовъ берутъ, если не сказать—дерутъ; на все, на что хотятъ, берутъ, а храмъ стоитъ бѣдный, запущенный — это грабежъ. Пусть средства храма идутъ на храмъ и приходъ, а не Богъ знаетъ куда. Если нужно, пусть приходъ добровольно отпускаетъ суммы, а не священникъ, бѣдный, и напуганный и несчастный, старостѣ на нужды, на семинаріи, и пусть разбираетъ приходъ, нужно ли на нѣкоторыя ненужныя вещи давать.

2) Священникъ пусть имѣетъ доступъ къ хоре-епископу. Благочинные, назначаемые отъ епарх. власти, не нужны—вредны—*деспотичны*. Они гроза для батюшки; они... въ провинціяхъ заставляютъ діаконовъ держать имъ служебники и снимать камилавки; это мелочь, но все это возмущаетъ, да и въ большихъ городахъ они ниже всякой критики; это неприступные для однихъ и очень доступные для другихъ, но они сами трепещутъ и боятся, кого слѣдуетъ, только не епископа.

3) Священника освободить отъ канцелярщины, которая у него, если онъ исполнительный и послушный батюшка, отнимаетъ ей-Богу почти все время, а если онъ вздумаетъ глупить, т. е. читать, писать, а не списывать проповѣди; если онъ вздумаетъ еще больше глупить, т. е. читать книги по сельскому хозяйству или еще хуже по медицинѣ, а не представитъ въ срокъ благочинному «бумагъ и книгъ» (метрич. и т. д., и т. д.), то ему напомнятъ, чтобы онъ глупости оставилъ, а занимался бы дѣломъ. Вотъ гдѣ зло, котораго никто, кромѣ насъ несчастныхъ, не видитъ, а упрекать насъ въ отсталости, грубости и т. п. всѣ упрекаютъ. Да вы-то, міряне,—вѣдь вы тоже—церковь? Вы что же бросили вашихъ служителей и не хотите за нихъ заступиться? Ругать—ругаете, а помочь не хотите и хотите опять отдать насъ черному, сухому, да и бѣлому, не сырому, духовенству. Нѣтъ, безъ васъ—безъ народа—все чепуха. Патріархъ—при немъ синодъ, а про мірянъ—ни слова. Намъ не нужны и очень не нужны прокуроры и оберъ-прокуроры и ихъ директора (это въ церкви-то Христа!) и правители канцелярій, а намъ нуженъ соборъ вѣрующихъ во Христа. Пусть будетъ патріархъ (но не папа), т. е. просто епископъ съ титуломъ патріарха, избранный церковью (народомъ $^1/_2$ и $^1/_2$ духовенствомъ или, лучше, если $^2/_3$ народа и $^1/_3$ духовенствомъ). При немъ (не знаю зачѣмъ) хотятъ синода. На что онъ нуженъ? Онъ очень нуженъ, если онъ не будетъ его канцеляріей, да и то только въ патріаршей области, а для церкви онъ совершенно не нуженъ.

Патріархъ тогда полезенъ и тогда не горшее зло, если онъ не будетъ единоличнымъ главою, а будетъ только предсѣдателемъ повременныхъ соборовъ—равнымъ съ прочими членами собора. И тогда будетъ благо отъ патріарха.

Ахъ, реформы, реформы!

Были апостолы. Кто ихъ боялся? Были у нихъ консисторіи? Были у нихъ оберъ-прокуроры и наводящіе ужасъ члены консисторій?

Въ заключеніе. Церковь только тогда будетъ жить, когда народъ—міряне (а не чиновники) и духовные будутъ вмѣстѣ участвовать въ церковномъ управленіи. А въ противномъ случаѣ Протасовы и ихъ приспѣшники замѣнятся отцами святителями, раболѣпствующими предъ русскимъ папою и т. д., нисходя къ низшимъ ступенямъ.

«Новости» (№ 80-й):

Статья *М. Энгельгардта:*

Чужая радость.

Совершенно неожиданнымъ результатомъ современнаго освободительнаго движенія явилось «раскрѣпощеніе духовенства»: рѣшенный, повидимому, созывъ помѣстнаго собора и возстановленіе патріаршества.

Это пока и весь результатъ (не считая реформъ, запертыхъ въ коммиссіи, которая, по всему видно, не расположена выпускать ихъ на волю) борьбы, въ которой духовенство участія *не* принимало; многочисленныхъ жертвъ, которыхъ духовенство *не* приносило; крови и слезъ, которыхъ духовенство *не* проливало... Не ударивъ палецъ о палецъ, оно всѣмъ обязано интеллигенціи, испекшей, какъ оказывается, каштаны для тѣхъ, кто всегда относился къ ней съ ожесточеніемъ и ненавистью, заставлявшими вспоминать Виргиліевское: «tantae ne animis coelestibus irae!»

Кажется, интеллигенція начинаетъ соображать, что ей тутъ радоваться нечего: въ газетахъ появляются статьи объ опасности клерикализма.

Мнѣ кажется, эти опасенія преувеличены; но, во всякомъ случаѣ, это лучше, чѣмъ глупенькая радость, формулированная одной изъ газетъ въ шутливой фразѣ, вложенной ею въ уста «интеллигента»: «попы-то, попы какъ дѣйствуютъ! ей Богу, сдѣлаюсь православнымъ».

Опасенія преувеличены, потому что «клерикализмъ» у насъ невоз-

моженъ. Сила не сваливается съ неба; она пріобрѣтается историческою борьбою, страданіями, трудами. Сильна интеллигенція,—та самая интеллигенція, противъ которой ополчились нынѣ всѣ отбросы русскаго народа, всѣ буйные и смиренные хулиганы. Интеллигенція сильна,—она уже добыла для народа освобожденіе отъ рабства, рядъ реформъ, хотя и исковерканныхъ реакціей, а все-же сохранившихъ значеніе фермента, «сеничкина яда».

Мимоходомъ она доставила «раскрѣпощеніе» и тѣмъ, кто никогда не умѣлъ цѣнить ея заслуги...

Но тѣ, кто въ теченіи вѣковъ умѣли только служить и угождать,—тѣ не могутъ сдѣлаться силой по щучьему велѣнью Это, вѣдь, не католическая церковь, которая съумѣла управиться съ хаосомъ великаго переселенія народовъ, съумѣла овладѣть духовной жизнью даровитѣйщихъ націй, не подавивъ ея, а направивъ народный геній на созданіе великихъ произведеній искусства, поэзіи и мысли (разумѣю напрасно охаянную схоластическую философію Эригены, Ансельма и др., аргументами которыхъ—космологическимъ, онтологическимъ и проч.—до сихъ поръ питается религіозная мысль, между прочимъ, и въ нашихъ семинаріяхъ). Мудрено-ли, что такая сила, не смотря на всѣ свои позднѣйшіе грѣхи, до сихъ поръ остается непобѣжденной?

Безсиліе-же безсиліемъ и останется. Самая легкость и простота реформы свидѣтельствуетъ о ея маломъ значеніи—положительномъ или отрицательномъ—въ жизни народа. Приказали слушаться оберъ-фискала,—«рады стараться!». Разрѣшили устроиться по своему вкусу,—«благодаримъ покорно!». Завтра опять прикажутъ слушаться и опять послѣдуетъ: «рады стараться!». Какой ужъ тутъ клерикализмъ!

По моему, отношеніе интеллигенціи къ этимъ событіямъ должно формулироваться словами: «какое намъ дѣло?!» Ни горевать, ни радоваться намъ тутъ нечего. Представители духовенства всегда относились къ интеллигенціи и ея вождямъ съ высокомѣрной, хотя и безсильной, враждой. «Суемудріе», «высокоуміе», «въ прельщеніи гордаго ума своего» и Богъ знаетъ какіе еще рогатые семинарскіе укоризненные эпитеты и термины сыпались изъ этого лагеря. Ошибусь ли я, если скажу, что большинство духовенства раздѣляетъ ожесточеніе «слова о страшномъ судѣ» преосвященнаго Антонія Волынскаго; меньшинство не такъ немилостиво, но все-таки враждебно; и развѣ десятокъ лицъ, вродѣ отца Г. Петрова, раздѣляютъ лучшіе совѣты нашихъ учителей. да и то съ такими оговорками, что лучше бы, пожалуй, и не раздѣляли? Не думаю.

Съ своей стороны, интеллигенція никогда не нападала на духовен-

ство и не защищалась отъ его нападеній. Она вела свою линію, и въ томъ же духѣ, мнѣ кажется, должна продолжать. Не враждуя и не дружа, оставимъ въ покоѣ этотъ чуждый намъ міръ. Его радость не наша радость, его горе не наше горе, у насъ тамъ нѣтъ надеждъ и намъ тамъ нечего опасаться...

«С.-Петербургскія Вѣдомости» (№ 77-й).

Статья *Я. Н.:*

Къ вопросу о церковномъ управленіи въ Россіи.

«Русская іерархія сначала, при Никонѣ, потянулась за государственною короною, потомъ крѣпко схватилась за мечъ государственный и, наконецъ, вынуждена была надѣть государственный мундиръ.

(*В. С. Соловьевъ*, т. III, стр. 214).

I. Однимъ изъ самыхъ существенныхъ, отличительныхъ и неотъемлемыхъ свойствъ христіанской церкви является ея соборность, понимаемая въ смыслѣ самоуправленія. Ни одно лицо въ церкви не можетъ быть непогрѣшимымъ ни законодателемъ, ни судьею, ни безконтрольнымъ правителемъ надъ цѣлымъ обществомъ, какъ бы высоко это лицо не стояло по своему общественному положенію, какими бы полномочіями, прерогативами и властью оно ни пользовалось.

Одна только соборная церковь есть и высшій законодатель, и безконтрольный судія; ея только приговоръ есть голосъ Божій...

Въ нашей отечественной церкви, до учрежденія Св. Синода Петромъ I-мъ, начало соборности проявлялось въ болѣе или менѣе постоянныхъ и правильныхъ формахъ, какъ на низшихъ ступеняхъ его, — въ приходахъ (Д. Самаринъ: «Приходъ»), такъ и на высшихъ,—въ постоянныхъ или повременныхъ соборахъ и совѣтахъ (Турчаниновъ: «О соборахъ въ русской церкви»)...

Со времени же учрежденія Св. Синода начало канонической соборности весьма ослабѣло въ нашемъ церковномъ управленіи.

На низшихъ ступеняхъ, въ приходскихъ общинахъ, съ уничтоженіемъ выборнаго порядка и съ устраненіемъ мірянъ отъ участія въ дѣлахъ приходскихъ, оно проявляется, по словамъ проф. Н. К. Соколова, слишкомъ слабо: въ епархіяхъ подмѣнено началомъ коллегіальнымъ, съ совершеннымъ уничтоженіемъ самостоятельности членовъ коллегіи, и, можно сказать, совсѣмъ исчезло, уступивъ свое мѣсто единоличному управленію. Средней или окружной степени въ управленіи совсѣмъ нѣтъ...

На высшей ступени — соборность, за исключеніемъ внѣшней формы, мало сохранило своихъ каноническихъ свойствъ, лишена значенія церковнаго представительства, не самостоятельна и подмѣнена коллегіальностію, притомъ не основанною на выборномъ началѣ. Синодъ является у насъ учрежденіемъ, не имѣющимъ себѣ подобія ни въ одной церкви. начало соборное въ немъ слито съ единоличнымъ и имъ однимъ замѣнены и личная власть патріарха и ограничивающая ее власть соборная.

Правда, Духовный Регламентъ — этотъ учредительный актъ новой (синодальной) формы церковнаго правленія,—какъ на самомъ главномъ преимуществѣ узаконяемой имъ формы церковнаго управленія,—настаиваетъ на ея соборности (Дух. Регл. 3 стр.—«правленіе соборное всегдашнее, совершеннѣйшее есть и лучшее, нежели единоличное правительство», и т. д.).

Но на самомъ дѣлѣ Петровская церковная реформа — осуществленію идеи соборности вовсе не способствовала...

Синодъ—коллегіальное учрежденіе, а коллегія и соборъ—двѣ вещи совершенно разныя, лежащія въ далеко неодинаковыхъ плоскостяхъ. «Идея соборности тожественна съ идеей самоуправленія. Гдѣ нѣтъ послѣдняго, тамъ нѣтъ и соборности.

Соборность состоитъ не въ томъ, что во главѣ правленія стоитъ не одно лицо, а нѣсколько; она заключается въ томъ, что дѣйствія правительства выражаютъ желанія всѣхъ управляемыхъ. Поэтому управленіе можетъ быть соборнымъ даже и въ томъ случаѣ, если во главѣ его стоитъ одно лицо, но отъ всѣхъ надѣленное правительственными полномочіями и довѣріемъ; и наоборотъ,—даже состоя изъ многихъ лицъ, оно вовсе не будетъ соборнымъ, если ему не будетъ гарантировано всеобщее довѣріе и одобреніе». Соборъ, является ли онъ въ лицѣ одного, или въ лицѣ нѣсколькихъ, или, наконецъ, въ лицѣ всѣхъ епископовъ одной области или всей церкви, значитъ вообще—свободное, извнутри самой церкви условленное ея управленіе, и потому единственно возможное и правильное ея проявленіе (Ю. Самаринъ).

Совершенно другое представляетъ изъ себя коллегіальность.

По подобію того, какъ въ бюрократической системѣ управленіе извѣстнымъ кругомъ дѣлъ поручается одному лицу, которое уже за своею отвѣтственностью организуетъ необходимый штатъ канцелярій (bureaux) и чиновниковъ,—въ системѣ коллегіальной управленіе поручается вмѣстѣ многимъ *), но характеръ отвѣтственности въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ же, какъ и характеръ дѣятельности; — чинов-

*) Н. Рождественскій Энциклопедія законовѣдѣнія, стр. 301, ср. Р. Моля. Энциклопедія государствен наукъ, стр. 518—519.

ники суть исполнительные органы верховной власти, ихъ поставившей, и отвѣтственны лишь предъ ней, а не предъ своими довѣрителями, какъ это практикуется въ образѣ правленія соборномъ...

Поэтому съ учрежденіемъ Синода въ русской церкви перестали существовать и другія формы древне-церковной соборности, выражавшейся, напр., въ жизни приходовъ, епархій и митрополій,—въ каковыхъ теперь или совсѣмъ отсутствуетъ характеръ самоуправленія, или соборность подмѣнена холодною бюрократическою коллегіальностью...

II. Церковная реформа Петра Великаго неканонична...

Отмѣна имъ патріаршества унесла съ собою представительство церкви, а учрежденіе духовной коллегіи коснулось и самостоятельности послѣдней.

Произвольно вводя реформу въ области церковнаго управленія, Петръ Великій осуществлялъ и развивалъ свои государственно-техническіе планы не по идеалу древней вселенской церкви и почти совсѣмъ не сообразовался съ особенностями основного церковнаго строя.

Вскрывается, прежде всего, новое пониманіе самого источника власти Синода надъ русскою церковью. Уже не въ качествѣ представителя вселенской іерархіи, Синодъ правитъ русскою церковью, а потому, что онъ въ своемъ имени заключаетъ «судью самого монарха нашего» и потому правитъ «по Указу Его Императорскаго Величества».

Съ Петра Великаго за церковью—государство, за мечемъ духовнымъ—мечъ гражданскій («дѣлать сіе должна коллегія не безъ нашего соизволенія»).

Русскіе архіереи второй половины XVII вѣка, заявлявшіе о своемъ «опасеніи» (подчиненія церкви государству) восточнымъ патріархамъ—Паисію александрійскому и Макарію антіохійскому, — были вполнѣ искренни и правы. «Мы—говорили они—несчастные и ублажаемые за то, что находимся въ самыхъ нѣдрахъ христіанства, терпимъ великую нужду въ своихъ епархіяхъ и всякія затрудненія, и хотя много тяжкаго переносимъ отъ властей (свѣтскихъ), но страшимся еще худшаго впереди, когда утверждено будетъ, что государь выше церкви... Боимся за будущее...» И напрасно въ отвѣтъ на эти опасенія русскихъ архіереевъ за свое подчиненіе свѣтской власти, Паисій Лигаридъ утѣшалъ ихъ: «вы боитесь будущаго,—говорилъ онъ имъ,—чтобы какой-нибудь новый государь, сдѣлавшись самовластнымъ и соединяя самоуправство съ самозаконіемъ, не поработилъ церковь русскую... Нѣтъ! нѣтъ! У добраго царя (Алексѣя Мих.) будетъ еще добрѣе сынъ, его наслѣдникъ... Онъ будетъ попечителемъ о васъ... Будетъ царь, вмѣстѣ и архіерей»...

Но въ дѣйствительности предчувствіе русскихъ архіереевъ оказалось гораздо вѣрнѣе, чѣмъ предсказанія Лигарида. Страшныя ожиданія первыхъ, съ Петра Великаго, сдѣлались тяжелымъ настоящимъ...

Однимъ ударомъ, однимъ росчеркомъ пера подъ Духовнымъ Регламентомъ «въ 25 день генваря 1721 г.», Петръ Великій обезглавливаетъ русскую церковь, снимаетъ съ русскаго государства церковный обликъ.

Духовенство получаетъ неподходящія для его сана обязанности. Главнѣйшими обязанностями епископовъ, по Регламенту, являются:— соглядатайство, тайное выслѣживаніе и выспрашиваніе и доношеніе духовному коллегіуму, которому епископы отданы были въ полную власть тѣломъ и душой. Священникамъ вмѣняется въ обязанность доносить тайной канцеляріи и преображенскому приказу объ узнанныхъ на исповѣди злоумышленіяхъ и о совершенныхъ уже суевѣрныхъ дѣлахъ («Рус. Вѣстн.» 1891 г., XI, 183).

Такія полицейскія задачи ставила духовенству воля Петра! Гдѣ тутъ духъ Христовой любви и братскаго единенія, о которомъ писали въ § 16 восточные патріархи папѣ Пію IX-му?—Нѣтъ и слѣда!

Въ самомъ духѣ, въ самой основѣ церковнаго правительства совершилось радикальное измѣненіе...

Епископы, члены Синода, должны были, напр., постоянно, такъ сказать, раздвояться въ своихъ отношеніяхъ къ клиру и паствамъ; съ одной стороны, они не могли и не должны были оставлять характеръ отцовъ и пастырей христіанскаго народа, съ другой, не могли и не должны были, въ силу государственныхъ полномочій своихъ, отказываться и отъ употребленія въ дѣло, если не прямо gladium sæculare, то, во всякомъ случаѣ, холодно-офиціальныхъ отношеній прещенія и каръ.

Не даромъ же практика церковныхъ полномочій въ теченіе XVIII вѣка Св. Синодомъ и епархіальными архіереями, навыкнувшими «духовной политики», выработала,—по словамъ проф. Заозерскаго,—офиціальные, чуждые всякой иронiи, термины «духовной команды» и «духовныхъ командировъ». Синодъ въ теченіе почти всего XVIII в. имѣлъ свою тюрьму и всегда большее или меньшее число своихъ колодниковъ, равно какъ призрѣвалъ на время и колодниковъ другихъ коллегій, а для примѣненія къ дѣлу средствъ для обузданія непокорныхъ, кромѣ духовныхъ средствъ, имѣлъ въ своемъ распоряженіи гвардіи сержанта и 26 солдатъ.

У русской церкви вынимается, такъ сказать, ея сердцевина,—отнимается соборность въ смыслѣ самоуправленія,—и вмѣсто этой живой сердцевины, разливавшей по всему ея организму мощь и живительную энергію, влагается холодно-формальная коллегіальность, которая, по ка-

кому-то странному недоразумѣнію, совершенно смѣшивается нѣкоторыми съ каноническою соборностію. А извѣстно, что коллегіальность, какъ таковая, создаетъ вездѣ,—по словамъ Сперанскаго,—нестерпимую медленность въ дѣлахъ, недостатокъ раздѣленія труда, безполезный формализмъ, недостатокъ отвѣтственности и т. д. (см. проф. Алексѣевъ: «Русское государственное право», стр. 418).

Такія послѣдствія, дѣйствительно, и не преминули явиться...

Коллегіальность замѣнила собою соборность и тѣмъ заградила уста церкви, которая по идеѣ должна быть свободною: «стойте въ свободѣ, которую даровалъ вамъ Христосъ, и не подвергайтесь опять игу рабства» (Галат. 5, 1). Этотъ великій призывъ апостола языковъ звучитъ вѣчно и повелительно для всей церкви, требуя охраненія самостоятельности и свободы церковной отъ всего, что порабощаетъ или грозитъ поработить ее внѣшнимъ мірскимъ началамъ и цѣлямъ. Самоуправленіе церкви отнято, она лишилась самаго важнаго условія для своего живительнаго и благоплоднаго существованія,—лишилась канонической свободы, какъ главнаго источника ея жизненныхъ силъ... Церковное правительство изъ живого пастырства превратилось въ бюрократическую коллегію съ циркулярами, отношеніями и предписаніями.

«Русское Чтеніе» (№ 37-й).

Статья *А. Н.*:

По вопросу о преобразованіи церковнаго управленія въ Россіи.

Въ послѣднее время много говорятъ и пишутъ о необходимости измѣнить устройство нашего православнаго церковнаго управленія, замѣнивши, напримѣръ, существующій теперь Святѣйшій Синодъ прежнею формою управленія, именно патріаршествомъ. Въ чемъ же тутъ сущность дѣла?

Св. Синодъ учрежденъ около 200 лѣтъ тому назадъ, въ царствованіе Петра Великаго. Цѣль его учрежденія опредѣлена въ «Регламентѣ», т. е. въ уставѣ его, составленномъ тогдашнимъ псковскимъ, потомъ новгородскимъ, архіепископомъ Ѳеофаномъ, подписанномъ 19-ю епископами, въ томъ числѣ 5-ю митрополитами, и утвержденномъ восточными патріархами—константинопольскимъ и антіохійскимъ, которые признали учрежденіе Св. Синода правильнымъ и назвали его своимъ *братомъ*, имѣющимъ власть равную власти каждаго изъ 4-хъ патріаршихъ престоловъ. Патріарха александрійскаго въ это время не

было,—онъ умеръ, новый же пока не былъ выбранъ; а патріархъ іерусалимскій «лежалъ на одрѣ въ тяжкой болѣзни», по заявленію первыхъ двухъ изъ указанныхъ патріарховъ.

Отсюда видно, что учрежденіе Синода имѣло вполнѣ законную основу. А такъ какъ и въ исторіи христіанской церкви первая форма церковнаго правленія была именно *соборная*, а не единоличная (объ апостольскомъ соборѣ упоминается въ кн. Дѣяній Апостоловъ), и помѣстные соборы въ древности, по церковнымъ правиламъ, должны были собираться не менѣе двухъ разъ въ годъ, то и нашъ духовный соборъ, или Синодъ, очевидно, представляетъ форму управленія, совершенно согласную съ духомъ древней церкви и съ церковными канонами. Такъ что раскольники и нѣкоторые изъ газетныхъ писателей, не зная сущности дѣла, въ этомъ случаѣ неправильно нападаютъ на введенное у насъ синодальное управленіе.

Но дѣло въ томъ, что въ Синодѣ, съ теченіемъ времени, слишкомъ возвысилась власть оберъ-прокурора, который, по Регламенту, долженъ быть только «царевымъ окомъ». Онъ сдѣлался единственнымъ посредникомъ между духовнымъ соборомъ нашимъ и Царемъ, и никто изъ духовныхъ лицъ Синода не можетъ непосредственно докладывать дѣла Царю. Правда, свѣтскіе сановники были и на вселенскихъ соборахъ и назывались «комисарами», которые слѣдили за порядкомъ и правильностью преній и дѣлали потомъ доклады императору; но у насъ представители свѣтской власти стали переходить границы своихъ правъ и обязанностей и стѣснять свободу мнѣній и дѣятельности членовъ Святѣйшаго Синода. И вотъ теперь предполагается, согласно съ желаніями самого Св. Синода и всѣхъ благомыслящихъ сыновъ православной церкви, ограничить вліяніе свѣтской власти въ церковномъ управленіи и предоставить духовному правительству больше независимости. Многіе думаютъ, что этого достигнуть всего лучше возстановленіемъ опять у насъ власти патріарха. Но, безъ сомнѣнія, есть возможность достигнуть той же цѣли и другимъ способомъ. Патріаршество же само по себѣ можетъ и не привести къ этому, такъ какъ патріархъ тоже можетъ, и даже скорѣе, подчиниться вліянію свѣтской власти, какъ это въ исторіи и бывало. Напримѣръ, изъ желанія угодить греческимъ императорамъ-иконоборцамъ нѣкоторые изъ константинопольскихъ патріарховъ измѣняли даже православію и становились иконоборцами. А на Флорентійскомъ соборѣ, устроенномъ греческимъ императоромъ Іоанномъ Палеологомъ для соединенія съ папою римскимъ, только нѣкоторые члены собора, во главѣ съ Маркомъ, митр. ефесскимъ, возстали противъ подчиненія папѣ, а престарѣлый патріархъ Іосифъ, напротивъ, соглашался уступить желанію императора. Затѣмъ,

патріархъ не обойдется, конечно, безъ свѣтскихъ чиновниковъ, которые могутъ злоупотреблять своимъ положеніемъ даже болѣе, чѣмъ при нынѣшнемъ устройствѣ.

Для рѣшенія указаннаго вопроса у насъ теперь предполагается созваніе всероссійскаго духовнаго собора, который и долженъ будетъ рѣшить, какимъ способомъ лучше преобразовать наше церковное управленіе,—чрезъ возстановленіе ли патріаршества, или же просто чрезъ ограниченіе власти синодальнаго оберъ-прокурора съ Высочайшаго соизволенія.

«Варшавскій Дневникъ» (№ 88-й).

Статья архимандрита *Діонисія*:

О патріаршествѣ.

(Отвѣтъ «Московскимъ Вѣдомостямъ»).

Доселѣ я не безъ удовольствія читалъ «Московскія Вѣдомости», какъ газету *русскую* и *православную*, которая среди *почти* всеобщей газетной вакханаліи въ послѣднее время твердо говорила о *Россіи, самодержавіи* и *православіи*. Но, прочитавъ въ № 81 (отъ 23 сего марта) передовую статью: «Какая теперь главная задача Россіи», я больше не въ состояніи читать эту газету и понимать ея направленіе. Не говорю о критикуемыхъ здѣсь общегосударственныхъ дѣлахъ и о правильности взгляда на оныя «Моск. Вѣдомостей», ибо я—«смиренный богомолецъ, въ дѣлахъ мірскихъ немудрый судія». Мнѣ причинили нестерпимую душевную боль легкомысленныя (мой санъ не позволяетъ мнѣ сильнѣе выразиться) разсужденія «Моск. Вѣдомостей» о предполагаемомъ возстановленіи патріаршества и о созывѣ церковнаго собора.

Синодальное рѣшеніе о необходимости возстановленія патріаршества въ Россіи и о созывѣ всероссійскаго собора православной церкви «Моск. Вѣдомости» считаютъ на ряду съ прочими реформаторскими стремленіями настоящаго времени плодомъ «незрѣлой скороспѣлости», «психопатическимъ стремленіемъ какъ можно скорѣе перевернуть въ Россіи все вверхъ дномъ». «Даже Св. Синодъ, говорится въ статьѣ, съ необычайной поспѣшностью возбуждаетъ и торопится покончить вопросъ о ломкѣ всего, чѣмъ онъ еще мѣсяцъ назадъ столь спокойно жилъ... Прогрессъ головокружительный». Но развѣ «Моск. Вѣдомости» знаютъ и откуда онѣ могутъ знать, что вопросъ о патріаршествѣ и о соборѣ только въ *мартѣ* 1905 г. возникъ въ умахъ и сердцахъ православно-русскихъ архипастырей и па-

стырей? Или онѣ думаютъ, что *до* подачи извѣстнаго «мнѣнія» столичными священниками высокопреосвященному митрополиту Антонію православные іерархи не думали и не разсуждали о патріаршествѣ и о соборѣ? Беру на себя смѣлость сказать, что «мнѣніе» столичныхъ священниковъ сочувственно было принято первоіерархомъ русскимъ, потому что оно отвѣчало убѣжденію и взгляду и его самого, и другихъ архипастырей, которые давно объ этомъ и говорили, и писали, а главное молились, чтобы Господь «славу и свободу церкве Своея мирно возстановилъ».

Кромѣ торопливости и поспѣшности, «Моск. Вѣдомости» видятъ въ стремленіи къ возстановленію патріаршества и нѣчто худшее, именно— «чисто *личныя* *) карьерныя стремленія на почвѣ реформаторства». «Безспорно, говорятъ «Моск. Вѣдомости», что тому, кто *попадетъ въ патріархи* **), — это будетъ весьма пріятно». Эти слова — не кощунство-ли надъ епископскимъ саномъ и совѣстью? Вѣдь, каждый здравомыслящій православный христіанинъ понимаетъ, что патріаршество для того человѣка (не который «попадетъ въ патріархи»), но «его-же Богъ позоветъ, царь восхощетъ и людіе», будетъ не «пріятность» и не «карьера», а *крестоносный подвигъ* цѣлой жизни; ибо и обычное епископское служеніе, какъ извѣстно изъ устъ самихъ архіереевъ, это—не розы безъ шиповъ, а колючее терніе,—и только «Божественная благодать, всегда немощная врачующи и оскудѣвающая восполняющи», помогаетъ православнымъ архипастырямъ не изнемогать подъ тяжестію креста Христова и не говорить того, что ропотно говорили даже такіе *ветхозавѣтные* праведники, какъ Моисей и Илія.

Наряду съ поспѣшностью и карьеризмомъ «Моск. Вѣдомости» видятъ въ стремленіи духовенства къ возстановленію патріаршества и созыву собора даже прямое непониманіе того, что нужно для *истиннаго* блага Россіи, и чѣмъ и какъ *теперь* само духовенство «обязано служить Царю и Родинѣ?» Однако, чѣмъ и какъ *теперь* духовенство должно служить Россіи, этого и сами «Моск. Вѣдомости» не объясняютъ, а только твердятъ, что упомянутое стремленіе православнаго духовенства не поведетъ ко благу Россіи, и «гибели единственнаго православнаго царства» (разумѣется, Россіи) не предотвратитъ. «Но если Св. Синодъ увидитъ гибель единственнаго православнаго царства, то кѣмъ будетъ править святѣйшій патріархъ?» спрашиваютъ «Моск. Вѣдомости». Отвѣтъ на вторую половину вопроса самъ собою ясенъ и простъ: конечно, патріархъ будетъ

---

*) Курсивъ «Моск. Вѣдомостей».

**) Курсивъ нашъ (т. е. автора настоящей статьи).

править *православными христіанами*. Но столь-же простъ и очевиденъ отвѣтъ и на первую половину вопроса. *Гибели* единственнаго православнаго русскаго царства Св. Синодъ не увидитъ, ибо онъ, «Богу содѣйствующу», этой гибели *не допуститъ*. Съ этой послѣдней цѣлью, именно по горячему и искреннему *нежеланію* допустить и видѣть погибель русскаго царства, Св. Синодъ и стремится къ возстановленію патріаршества, къ обновленію русской церковной жизни. Святѣйшій патріархъ—это неизмѣнный богомолецъ и непоколебимый столпъ и оплотъ русскаго православнаго Царя и Его самодержавной власти, какъ показала наша исторія XVI и XVII вѣковъ. Патріархъ на Руси никогда не былъ и не будетъ и не можетъ быть противникомъ Царя, какъ царя и своего родного народа. Вмѣстѣ съ патріархомъ русскій православный народъ шелъ до XVIII вѣка и впредь будетъ идти за Царемъ русскимъ, православнымъ, самодержавнымъ. Напротивъ, съ совершенной потерей русской православной іерархіею своей *духовной* свободы и самостоятельности—конецъ на Руси и власти самодержавной, и вѣрѣ православной, и народности русской. Тогда уже не одни «римляне», но и прочіе иновѣрцы и инородцы «придутъ и возьмутъ нашъ городъ», т. е. окончательно сядутъ на шею русскому православному народу и поработятъ его и морально, и матеріально,—и «не будетъ помогающаго».

Такимъ образомъ, возстановленія патріаршества, созыва собора и вообще обновленія русской церковной жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ *духовнаго подъема* всего русскаго народа должны бояться *только* революціонеры, анархисты, крамольники, народные возмутители, противники царской власти, ибо тогда они не возьмутъ и не успѣютъ сдѣлать съ русскимъ народомъ и государствомъ то, что хотятъ сдѣлать. А *что* эти крамольники хотятъ сдѣлать съ русскимъ народомъ, это отлично, лучше чѣмъ кто-либо другой, знаютъ и понимаютъ и сами «Московскія Вѣдомости».

«Забайкальскія Областныя Вѣдомости» (№ 68-й):

Событія послѣднихъ лѣтъ выдвинули вопросъ первостепенной важности: о необходимости коренной реорганизаціи въ сферѣ высшаго духовнаго управленія Россіи и возвращеніи къ каноническому строю. Нынѣ телеграфъ принесъ извѣстіе о готовящейся крупной перемѣнѣ во всемъ строѣ нашей церкви. Святѣйшимъ Синодомъ отъ 22 марта въ окончательной формѣ былъ рѣшенъ вопросъ о введеніи патріархата въ Россіи и созывѣ для избранія патріарха всероссійскаго духовнаго собора въ Москвѣ. Святѣйшій Синодъ теряетъ свою руководящую и рѣ-

шающую роль, какъ воплощеніе православной церкви, и остается только въ качествѣ совѣщательнаго органа при патріархѣ. Имѣетъ быть упраздненной и должность оберъ-прокурора Синода,—должность за послѣдніе 50 лѣтъ исключившая самодѣятельность Святѣйшаго Синода, какъ центральнаго органа помѣстной россійской церкви въ дѣлѣ управленія паствою.

Вопросъ о введеніи патріархата въ Россіи и упраздненіи должности оберъ-прокурора — вопросъ совсѣмъ не новый и имѣетъ свою исторію, но лишь январскія событія нынѣшняго года снова выдвинули этотъ вопросъ и привели къ разрѣшенію его въ опубликованномъ смыслѣ.

«Гдѣ-же усердный богомолецъ и теплый печальникъ за народъ — свою паству? Гдѣ патріархъ, въ тяжкія годины народныхъ бѣдствій, смутъ, бунтовъ являвшійся умиротворителемъ толпы, усмирителемъ народныхъ страстей и ходатаемъ предъ Царемъ за опальныхъ?» Такъ спрашивалъ въ эти ужасные дни русскій народъ и не находилъ отвѣта въ дѣйствіяхъ Святѣйшаго Синода, вмѣстившаго въ себѣ всю полноту власти патріарха.

«Гдѣ пастыри, учители и руководители духовной жизни русскаго народа? Почему не слышно ихъ умиротворяющаго голоса, назидающей рѣчи въ наше смутное время, когда такъ много невинныхъ жертвъ, когда падаютъ сотни за грѣхи десятка?»

Ихъ тоже не было.

«Почему не слышно голоса церкви и нашихъ духовныхъ руководителей въ общемъ хорѣ ходатайствъ о преобразованіяхъ и о духѣ ихъ, когда по самой идеѣ своей дѣятельности они должны бы играть здѣсь первенствующую роль?»

Вотъ тѣ вопросы, на которые паства не получала отвѣтовъ.

Объ этомъ заговорили всѣ. Заговорили громко. Заговорили даже сами служители церкви и находили въ свое оправданіе достаточныя основанія: они скрывались въ самомъ бюрократическомъ строѣ церкви, гдѣ служеніе пастырей, какъ высшаго, такъ и низшаго ранговъ, было обусловлено тѣми же циркулярами и предписаніями, какими руководствовались въ своей дѣятельности и другіе чиновники; когда о плодотворности служенія пастырей церкви судили по исходящимъ журналамъ.

По чисто историческимъ причинамъ церковь превратилась въ «вѣдомство православнаго исповѣданія», гдѣ оберъ-прокурору — свѣтскому чиновнику—была предоставлена вся полнота какъ предначертательной, совѣщательной, такъ и исполнительной власти.

Возвращеніе къ каноническому строю являлось самой необходимой мѣрой.

Первый шагъ сдѣланъ: введеніе патріархата въ Россіи изъ области мечтаній переходитъ въ дѣйствительность.

Мы не рискуемъ предугадывать, въ какія формы выльется россійскій патріархатъ XX-го вѣка и что будетъ составлять сущность его дѣятельности, но считаемъ благопріятнымъ симптомомъ то, что эта идея была выношена самимъ же Синодомъ. Епископъ нарвскій Антонинъ, когда еще пресса совсѣмъ не обсуждала вопроса о введеніи патріархата, задолго поставилъ въ извѣстность читателей «Новаго Времени» о томъ, что «Синодъ проситъ соизволенія Царя, чтобы поднялся церковный голосъ для избранія богомольца и теплаго печальника за страждущую отчизну—всероссійскаго патріарха».

Гораздо большее значеніе мы придаемъ созыву церковнаго всероссійскаго собора для выбора патріарха. Мы не думаемъ, что дѣятельность этого собора ограничится только избраніемъ патріарха. На немъ, вѣроятно, будутъ подняты и другіе вопросы о церковномъ устроеніи и правленіи.

Правильная постановка вопросовъ и рѣшеніе ихъ въ духѣ православныхъ каноновъ должна опредѣлить смыслъ реформы и характеръ послѣдующей дѣятельности церкви и ея служителей.

А такихъ вопросовъ много: отношеніе церкви и государства, патріарха и правительственной власти, патріарха и епископовъ, епископовъ къ священнослужителямъ и паствѣ, церковный судъ и управленіе, обезпеченіе церкви, призрѣніе, обученіе духовнаго юношества и т. п.

Измѣненіе одной лишь формы духовнаго управленія безъ обновленія духа, безъ новой программы дѣятельности церкви, ничего новаго не внесетъ и не должно внести.

Лишь полное возвращеніе къ каноническому строю церкви можетъ принести плодотворные результаты.

Этого мы и ждемъ.

---

30 марта.

«Новое Время» (№ 10.441-й).

Статья *В. Розанова*:

Центръ вопроса о реформахъ церковнаго управленія.

Я получилъ множество писемъ, частью очень пространныхъ, и отъ ученыхъ преподавателей разныхъ академій, и отъ простыхъ русскихъ людей (часть изъ нихъ очень трогательныя), которые высказываются

съ величайшимъ страхомъ передъ наступающею реформой церковнаго управленія. Печатать ихъ всѣ нѣтъ никакой возможности (хотя бы и было поучительно). Но позволяю себѣ, обращаясь къ вождямъ реформы, формулировать этотъ голосъ вѣрующихъ, голосъ оченъ чистый и страстный:

1) Кто хочетъ свободы—долженъ самъ дать ее. Духовенство хочетъ освободиться отъ чиновничества. Но это касается только чернаго духовенства, ибо на священника чиновникъ нисколько не давитъ и даже не имѣетъ къ нему никакого отношенія. Только іерархія церковная, сплошь вся изъ монашествующихъ, находится «подъ наблюденіемъ» чиновничества. Міряне и бѣлое духовенство лишь при одномъ условіи могутъ присоединиться къ лозунгу «убрать чиновниковъ», если будетъ дано какое-нибудь обезпеченіе для неугнетеннаго въ будущемъ положенія бѣлаго духовенства a) черезъ систему выборовъ въ будущій соборъ и составъ его, b) черезъ гарантію свободы духовной печати отъ монашеской цензуры и c) особенно черезъ полное отдѣленіе независимо поставленнаго духовнаго суда отъ духовной (сплошь черной) администраціи. Безъ этого, какъ говорятъ самые страстные и вполнѣ вѣрующіе голоса, реформа не желательна и даже будетъ фатальна.

2) Равнымъ образомъ учебныя заведенія, среднія и высшія, гдѣ учатся исключительно дѣти приходскаго бѣлаго духовенства, ни въ какомъ случаѣ не должны быть подъ администраціею монашескою какъ непосредственно въ лицѣ инспекторовъ и ректоровъ, такъ и отдаленно—епископовъ и митрополитовъ. Ибо духъ монашескій въ воспитательномъ отношеніи не годенъ своимъ безпощаднымъ ригоризмомъ, а въ учебномъ и ученомъ отношеніи онъ вреденъ принципіально выражаемымъ презрѣніемъ къ наукѣ и исключительно полемическимъ, а не аналитическимъ отношеніемъ ко всякому возможному научному вопросу, научной доктринѣ.

Мнѣ думается, мотивы эти основательны. Всякъ видитъ ихъ простую правду. Въ полученныхъ письмахъ находятся указанія на даровитѣйшихъ студентовъ и преподавателей академій, на имѣющихъ европейскую репутацію ученыхъ какъ теперешняго, такъ и прошлаго времени, которые были гонимы только оттого, что на лекціяхъ держались документальной исторической правды и отказывались освѣщать вопросы церкви непремѣнно въ монашескомъ подкрашиваніи. Ихъ или выживали, или оскорбляли грубостью. Все дѣло, по описаніямъ, сводится къ картинѣ, какъ если бы универсально-церковная нива была захвачена людьми, соединенными неписаннымъ договоромъ, которые знаютъ только своихъ, проводятъ только своихъ, щадятъ только своихъ—и уже своихъ щадятъ, не смотря ни на какую нравственность и умственное убожество.

Что же, всеобщая радость о реформѣ духовнаго управленія ту имѣетъ цѣну въ себѣ, что вдругъ обнаружила это черное пятно въ сердцевинѣ тѣла церковнаго, о которомъ міряне такъ ярко вовсе не знали. Мнѣ думается, мірянамъ остается все еще нѣсколько времени довѣрять чистотѣ всего начавшагося обновленія—и пожелать просто и ясно.

3) Такъ какъ церковь едина, свята и исполнена въ сердцѣ своемъ любви, и на иныхъ принципахъ никто въ ней открыто не можетъ дѣйствовать, то пусть въ самомъ дѣлѣ прежде чѣмъ получить отъ свѣтской власти свободу, свободу для дѣятельности своей и голоса своего, монашествующее іерархическое духовенство предварительно освободитъ и дастъ на будущее время обезпеченіе свободы—бѣлому духовенству; и также—дастъ обезпеченіе мірянамъ въ видѣ гласно и торжественно выраженнаго обѣщанія, что они не будутъ «выброшены за бортъ» собирающагося «поднять паруса» церковнаго корабля. Торжественность и офиціальность—важная вещь, ибо она помнится, ибо она есть что-то ощутимое, за что можно ухватиться. Вполнѣ возможно подобное торжественное обѣщаніе старшаго чернаго брата въ отношеніи бѣлаго—семейнаго священничества: относиться по-братски къ нему, призывать къ совѣту съ собою въ управленіи, и безъ суда и разбора никого не казнить, т. е. хотя бы моральными и все же мучительными способами (притѣсненіе по службѣ, оскорбительность обращенія).

«Новости» (№ 81-й).

Статья *Мечтателя:*

Свободная церковь въ несвободномъ государствѣ.

Проектъ преобразованія нашего духовнаго управленія естественно привлекаетъ къ себѣ всеобщее вниманіе. Вопросы, возбуждаемые имъ, слишкомъ глубоко врѣзываясь въ народную жизнь, потревожили многіе старые призраки и безпокоющими тѣнями затуманили открывающіяся перспективы. Правда, часть общества и печати, для которой одинъ призывъ къ борьбѣ съ бюрократизмомъ уже является достаточнымъ основаніемъ для ликующихъ возгласовъ, поспѣшила увлечься обманчивымъ «либерализмомъ», будто-бы сквозящимъ въ «запискѣ 32». Однако, мало-по-малу, начинается отрезвленіе. Въ нѣсколькихъ статьяхъ, напечатанныхъ въ «Новостяхъ», уже были установлены коренныя положенія, опредѣляющія взглядъ нашей газеты на этотъ вопросъ. Но вопросъ такъ широкъ и такъ сложенъ, что о немъ можно говорить и долго, и много.

Сторонники высвобожденія нашего духовенства изъ подъ «бюрократической опеки» любятъ ссылаться на то, что наше православное духовенство никогда не уподоблялось воинствующему католицизму. Споръ двухъ авторитетовъ—свѣтскаго и духовнаго—за внѣшнее преобладаніе никогда не возникалъ на почвѣ православнаго ученія. Православное духовенство, какъ подтверждаютъ изслѣдователи, никогда не заявляло претензій на господствующее положеніе въ обществѣ· оно никогда не признавало себя особымъ порядкомъ, стоящимъ внѣ государства. Мало того. Православному духовенству ставятъ въ особую заслугу, что московское самовластіе росло и крѣпло подъ сѣнью занесенныхъ духовенствомъ преданій византійскаго императорства. Словомъ, реакціонный духъ, которымъ православное духовенство подарило крещеную Русь, долженъ послужить ему отмѣнной рекомендаціей...

Съ другой стороны, указывается на то, что невоинствующее, по исторіи и по духу, православное духовенство будто-бы тоже поддалось вліянію времени. Сама записка 32 священниковъ, какъ утверждаетъ, напр., г. Розановъ, является результатомъ сознанной духовенствомъ необходимости «дать больше сердца и слова теперешнимъ событіямъ». Допустимъ, что это дѣйствительно такъ. Но что значатъ эти 32 священника на 70.000 представителей одного только бѣлаго духовенства? Какими сердцами и словами откликнулись-бы они на «теперешнія событія»? Они, которые уже раньше откликались доносами, а теперь въ церковныхъ проповѣдяхъ и на крестьянскихъ сходахъ возстановляютъ темный народъ противъ разныхъ «антихристовыхъ» новшествъ, затѣваемыхъ «смутьянами» и «богоотступниками»... И не слышится ли въ этихъ словахъ и поступкахъ современнаго православнаго духовенства отзвукъ того настроенія русской духовной іерархіи, которое заставило Петра однимъ рѣшительнымъ ударомъ покончить съ воскрешаемымъ нынѣ «патріаршествомъ?..»

Да, русское духовенство, если исключить къ тому же единичную попытку Никона, не было воинствующимъ. Оно никогда не воевало съ правительствомъ, пока это правительство было консервативнымъ. Въ четвертой книжкѣ «Знанія» напечатанъ большой разсказъ «Страна отцовъ» г. Гусева-Оренбургскаго, хорошо знающаго бытъ нашего духовенства. И тамъ студентъ, самъ сынъ благочиннаго, кричитъ гнѣвно и страстно: «Вы говорите о культуркампфѣ во Франціи, проводите параллель между собою и западнымъ государствомъ... Вы не имѣете права на эту параллель! Западное духовенство культурно, просвѣщенно, образовано! Оно, въ лицѣ католическаго духовенства, создало науку, искусство, литературу, положило первое основаніе современной гражданствен-

ности, цивилизаціи! Это—величайшая заслуга! А какія заслуги у васъ?! Чѣмъ можете гордиться вы? Тѣмъ унизительнымъ положеніемъ, которое занимаете въ теченіе вѣковъ, состоя на службѣ сильнаго противъ угнетеннаго и слабаго, забывъ долгъ и традиціи апостольскія, элементарную честь и совѣсть!» На этотъ крикъ не можетъ не откликнуться все русское общество, если оно знаетъ свою исторію. И это же знаніе исторіи не исторгнетъ у него слезъ умиленія по поводу грядущаго «раскрѣпощенія» православнаго духовенства. Нѣтъ основаній увѣровать въ сліяніе этого духовенства съ прогрессивными стремленіями русскаго народа. Одна смѣна оберъ-прокурорскаго мундира полнымъ облаченіемъ патріарха не сдѣлаетъ весны...

Нужно, какъ уже писалось въ «Новостяхъ»,—полное отдѣленіе государства отъ церкви. Но какое? Бываютъ разныя.

Исторія и наука государственно-церковнаго права знаетъ три формы такого раздѣленія «властей»:

1) Признаніе государства и церкви равноправными верховными властями. По этой теоріи, каждая изъ этихъ «властей» пользуется верховными правами на своей «территоріи»: государство—на государственной, церковь—на церковной. Возможныя столкновенія «властей» устраняются взаимнымъ соглашеніемъ, путемъ «конкордатовъ». Но «конкордаты» никогда ни къ чему не приводили и либо рушились, либо подъ quasi-либеральной оболочкой таили косвенное вліяніе церкви на государственную жизнь.

2) Предметное разграниченіе политическихъ дѣлъ отъ церковныхъ и освобожденіе государства во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ отъ воздѣйствія какихъ-либо церковныхъ или вѣроисповѣдныхъ моментовъ и вліяній. Но и эта форма, какъ не заключающая въ себѣ рѣшительнаго отрицанія церковной *власти*, уже признана не отвѣчающей современнымъ требованіямъ мыслящаго человѣчества.

3) Приравненіе церквей и религіозныхъ сообществъ ко всѣмъ остальнымъ частнымъ союзнымъ организаціямъ. При такой постановкѣ вопроса государство не признаетъ за церковью никакихъ особыхъ правъ и преимуществъ, но, съ другой стороны, оно и себѣ не присваиваетъ въ отношеніи церкви никакихъ иныхъ правъ, которыхъ оно не осуществляетъ относительно другихъ частныхъ союзовъ. Такая система раздѣленія государства и церкви покоится на принципѣ, что государство совершенно игнорируетъ церковь и всѣ остальныя религіозныя сообщества, какъ таковыя. Религія признается частнымъ, личнымъ дѣломъ каждаго отдѣльнаго гражданина.

Проведеніе этого принципа обезпечиваетъ, прежде всего, полную

свободу государства отъ всякихъ вѣроисповѣдныхъ вліяній. Оно отрицаетъ признаніе какой-либо вѣры «господствующею» и допускаетъ свободное обращеніе всѣхъ религій и убѣжденій, до атеизма включительно, поскольку онѣ не заключаютъ въ себѣ признаковъ общихъ преступленій.

Образованіе религіозныхъ союзовъ вполнѣ свободно и подлежитъ дѣйствію общихъ законовъ, нормирующихъ возникновеніе и жизнь всякихъ другихъ организацій и юридическихъ лицъ. Никакія изъятія и привилегіи ни для церквей, ни для священно и церковно-служителей не допускаются.

Правду сказать, послѣдовательное и рѣшительное проведеніе этого начала еще не достигнуто нигдѣ, не исключая Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, гдѣ наиболѣе приблизились къ этому идеалу. Во Франціи изъ-за него еще ведется упорная борьба. Но тамъ приходится считаться съ такимъ историческимъ прошлымъ и съ такими пережитками, какъ, напр., пуританскимъ наслѣдіемъ въ Америкѣ, которыхъ у насъ нѣтъ. Мы въ интимной области «исканія Бога» внутренно свободнѣе. И потому насъ никогда не удовлетворятъ ни свободная церковь въ несвободномъ государствѣ, ни какіе-либо компромиссы. Русскаго человѣка можетъ прельстить не отдѣленіе церкви отъ государственной власти, а полное освобожденіе всякаго живущаго на русской землѣ отъ церкви и кошмара «христіанскаго государства»...

«Русское Слово» (№ 86-й):

Гражданская свобода и освобожденіе церкви.

Привычныя точки зрѣнія давятъ на людей иногда вопреки ихъ волѣ и желанію. Мы привыкли видѣть церковь въ служебной зависимости отъ государства. Если мы теперь эту зависимость находимъ вредной во всѣхъ отношеніяхъ, то все-таки привычка къ долголѣтнему режиму мѣшаетъ намъ ясно сознавать, что вредное во всѣхъ отношеніяхъ должно быть прекращено не частью, а именно во всѣхъ отношеніяхъ.

Свобода церкви возможна только при полномъ прекращеніи ея *служебнаго* подчиненія государству. Если церковь и духовенство хотя въ одномъ пунктѣ останутся на службѣ у интересовъ государства, то можно смѣло утверждать, что добра не будетъ. Къ одному пункту будутъ со временемъ, во имя такъ-называемыхъ высшихъ интересовъ, приставать другіе, третьи и т. д. Церковь и духовенство снова будутъ покрыты корой мірскихъ задачъ.

Къ сожалѣнію, объ этой корѣ не думаютъ и тѣ, которымъ мы много обязаны возбужденіемъ вопроса о свободѣ церкви въ руководящихъ сферахъ. С. Ю. Витте, несомнѣнно, оказалъ важную услугу интересамъ свободы, выступивъ въ числѣ иниціаторовъ церковной реформы. Его записка, приспособленная къ пониманію высшихъ круговъ свѣтскаго общества, сыграла важную роль въ практическомъ отношеніи. С. Ю. Витте популяризировалъ вопросъ о порабощеніи церкви въ тѣхъ кругахъ, поддержка которыхъ, хотя бы въ видѣ моднаго увлеченія, имѣетъ практическое значеніе для любого дѣла. Но, отстаивая свободу церкви, С. Ю. Витте, къ сожалѣнію, интересамъ популяризаціи принесъ въ жертву принципіальную послѣдовательность.

Въ его запискѣ, между прочимъ, сказано:

«Въ превосходство нашего государственнаго строя надъ формами западно-европейской соціальной жизни наше духовенство вѣритъ, но только дѣтскою вѣрою, и потому, когда обстоятельства вызываютъ его высказаться по тому или иному общественному вопросу, встать на защиту тѣхъ или иныхъ государственныхъ задачъ,—послѣдняя оказывается настолько неумѣлой и порою даже наивной, что вмѣсто желательнаго результата производитъ только отрицательное дѣйствіе, клонящееся только ко вреду государства, ибо неумѣлая защита принципа—лучшее средство уронить его въ глазахъ общества. Государству нужна отъ духовенства сознательная, глубоко продуманная, защита его интересовъ, а не наивная вѣра въ современное положеніе».

Тутъ сказалась привычка видѣть церковь и духовенство на службѣ у интересовъ государства. С. Ю. Витте, ратуя за освобожденіе церкви отъ ига мірскихъ задачъ государственной политики, самъ вмѣняетъ духовенству въ обязанность стоять на стражѣ интересовъ государства. Онъ требуетъ отъ духовенства, чтобы оно *сознательно и глубоко продуманно* вело борьбу за интересы государства...

Борьба и защита не всегда представляютъ собою философскій диспутъ о метафизическихъ началахъ. Тутъ борьба и защита—это вполнѣ реальное вторженіе въ сферу политическихъ интересовъ того или иного момента, такъ же измѣнчивыхъ, какъ и та историческая почва, на которой они возникаютъ.

Государству,—говоритъ С. Ю. Витте,—*нужна* отъ духовенства сознательная, глубоко продуманная, защита его интересовъ. Несомнѣнно, что С. Ю. Витте не имѣетъ въ виду чтеніе лекцій съ церковной каѳедры по чистой теоріи государственнаго права. Тутъ рѣчь идетъ не о принципахъ или отвлеченныхъ понятіяхъ о «государствѣ» и «государственномъ интересѣ». Перейдемъ на реальную почву. Отвлеченное понятіе о

государствѣ реально даетъ о себѣ знать въ видѣ того правительства, которое въ данный моментъ является его реальнымъ представителемъ. «Государственный интересъ» — это не есть нѣчто вѣщаемое отвлеченнымъ понятіемъ «государство», а такъ или иначе понимаемыя и такъ или иначе преслѣдуемыя цѣли государственной политики правительствомъ и правящими классами населенія. Иго служенія мірскимъ задачамъ измѣнчивой политики не станетъ сладкимъ и подходящимъ къ церкви только отъ того, что защиту этихъ задачъ духовенство будетъ вести сознательно и глубоко продуманно.

Современное порабощеніе церкви и духовенства политическимъ цѣлямъ, «видамъ и намѣреніямъ» реально выражается въ такой полицейской службѣ духовенства, которая является страшнымъ гнетомъ, особенно для провинціальнаго обывателя. Мы привѣтствуемъ освобожденіе церкви, какъ необходимое не только для нея самой, но и для великаго дѣла гражданской свободы въ Россіи. Духовенство, остающееся на службѣ у «видовъ и намѣреній», изъ которыхъ реально складываются интересы государства, само останется въ рабскомъ положеніи и будетъ врагомъ полнаго раскрѣпощенія обывателей.

Къ счастью, теперь вопросъ о свободѣ церкви ясно поставленъ образованными представителями нашего высшаго духовенства. Они желаютъ служить церкви, а не интересамъ политики. Они заявляютъ, что авторитетъ церкви не позволяетъ служителямъ ея выступать въ роли полицейскихъ блюстителей интересовъ политики или пропагандистовъ «видовъ и намѣреній», обѣляющихъ то, что во имя вѣчныхъ началъ правды и добра, быть можетъ, заслуживало бы только полнаго осужденія. Наша православная церковь дѣйствительно можетъ стать первенствующей именно тогда, когда она откажется отъ сознательнаго, преднамѣреннаго служенія интересамъ политики. Въ этомъ пунктѣ образованные представители нашего духовенства, несомнѣнно, не согласятся съ требованіями, изложенными въ популярной запискѣ С. Ю. Витте.

«**Московскія Вѣдомости**» (№ 88-й):

Князь Мещерскій о церковной реформѣ *).

Теперь очередь на сцену реформъ выступить православной церкви. И она выступила...

И газеты затараторили во всю, и какія газеты? — даже такія, которыхъ церковь интересуетъ менѣе шведо-норвежскаго и мароккскаго во-

*) «Гражданинъ» № 21-й.

просовъ, и по тону, съ которымъ онѣ затараторили, нельзя было не догадываться, что вопросъ церкви входилъ въ ту же область, какъ соборъ, конституція: въ область либеральныхъ завоеваній, и призванъ что-то у кого-то отобрать въ пользу общественной свободы. Признаюсь, грѣшный человѣкъ, этотъ газетный жаргонъ о церкви очень расхолодилъ мои мечтанія о возрожденіи нашей церкви.

Затѣмъ, меня смутила вѣсть о какой-то феноменальной быстротѣ, съ которою весь этотъ инцидентъ совершился. Съ недѣлю назадъ, какъ мнѣ разсказывали, члены Синода собрались и, тайкомъ, поспѣшно постановили и проектъ помѣстнаго собора, и проектъ патріархата, и когда вошелъ въ залъ засѣданія товарищъ оберъ-прокурора, святые отцы ему объявили, что вотъ, молъ, что они постановили. Послѣдній, ничего не подозрѣвая, попытался было возражать не столько по существу, сколько по формѣ, но ему святые отцы, подобно Пилату, отвѣтили: «еже писахъ— писахъ», и разъѣхались. Черезъ три дня новое засѣданіе Синода, отличающееся отъ послѣдняго тѣмъ, что изумившимися оказались члены Синода, тогда какъ прежде изумленнымъ былъ В. К. Саблеръ; а изумились святые отцы потому, что товарищъ прокурора самымъ радостнымъ тономъ и съ сіяющимъ лицомъ привѣтствовалъ постановленіе Святѣйшаго Синода прошлаго засѣданія.

Словомъ, все, что́ я слышалъ за эти дни объ этой реформаторской быстротѣ по отношенію къ нашей церкви, меня, признаюсь, смутило.

Когда, напримѣръ, мнѣ случалось увидѣть въ церкви священника во время обѣдни не ходящимъ, а бѣгающимъ, наскоро читающимъ, не договаривая словъ молитвы, хватающимъ и швыряющимъ сосуды, тыкающимъ крестомъ въ лицо, я выходилъ изъ такой церкви смущенный такими явными проявленіями неуваженія къ богослуженію. Нѣчто подобное — я ощущаю въ настоящее время, видя, что съ церковью обращаются съ тою же ненормальною и болѣзненною спѣшкою, съ какою курица либерализма въ эпоху князя Святополкъ-Мирскаго принялась высиживать яйца реформъ, тогда какъ обращеніе съ церковью, — именно потому, что она не съѣздъ самозванныхъ земцевъ или еще болѣе самозванныхъ адвокатовъ, а церковь, — требуетъ благоговѣйно-тихаго и сосредоточеннаго темпа отъ разума и отъ сердца...

А главное, что меня смутило, что все это громаднаго жизненнаго значенія событіе возвѣщается православнымъ людямъ только газетными статейками и росказнями, такъ, мимоходомъ, между извѣстіемъ о требованіи конституціи, съѣздомъ холеровѣдовъ и корзинами цвѣтовъ финляндскому генералъ-губернатору, подносимыми шведоманами въ знакъ благодарности за то, что онъ такъ скоро съумѣлъ послѣ убіенія своего

предмѣстника убить и его дѣло. Неужели,—подумалъ я,—первое слово оповѣщенія о томъ, что сдѣлалъ Синодъ, не должно было быть высказано имъ?

Зародышъ мысли о церковной реформѣ—и тотъ долженъ былъ быть оповѣщенъ Святѣйшимъ Синодомъ, дабы извѣстіе о немъ не могло доходить до русскаго вѣрующаго сына церкви мутною и грязною волной вседневныхъ толковъ и газетнаго вранья...

Я думаю то же, что я думалъ о каждой крупной государственной реформѣ. Слова на бумагѣ безсильны что-либо измѣнить: какъ все плохое на бумагѣ могутъ исправить люди жизненнымъ дѣломъ, такъ все прекрасное на бумагѣ тѣ же люди могутъ испортить и извратить тѣмъ же жизненнымъ дѣломъ. И какъ конституція ничего не можетъ дать полезнаго, пока люди не совершатъ надъ собою внутренней реформы, такъ и соборъ и патріархъ ничего не могутъ обновить и возродить въ церкви, пока ея личный составъ не совершитъ надъ собою внутренней реформы.

Патріархъ! Да ужъ теперь всякій говоритъ, кто будетъ патріархомъ. Прекрасный человѣкъ, во всѣхъ отношеніяхъ, но подъ властью коего церковь, въ лицѣ ея служителей, съ каждымъ днемъ все явнѣе идетъ за духомъ вѣка, а не за духомъ ея вѣчно-неизмѣннаго Учредителя.

И если судьба намъ дастъ такого патріарха, чѣмъ же онъ будетъ отличаться отъ того оберъ-прокурора, который велъ Синодъ за духомъ своихъ воззрѣній, которыя, во всякомъ случаѣ, какъ путь, ближе къ духу церкви, чѣмъ путь слѣдованія за духомъ вѣка, который есть духъ разрушенія и торжества самоволія надъ разумомъ?

Соборъ!

Да, соборъ нуженъ.

Но ранѣе собора, нужнѣе гораздо болѣе, во имя Божіе и любви къ русскому народу, добросовѣстное изученіе въ самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ быта всѣхъ и всего, что́ составляетъ церковь, дабы соборъ не могъ быть ареною преній между слѣпымъ и зрячимъ, между глухимъ и слышащимъ.

«Петербургскій Листокъ» (№ 80-й).

Статья *Н. Вершинина:*

Возрожденіе духовенства.

Задолго до появленія записки 32-хъ столичныхъ священниковъ, въ статьѣ «Духовенство и общество» мы высказали мысль, что наша православная церковь—несвободна, что ее заѣлъ нашъ бюрократизмъ, что

нашему духовенству нужно покаяться, устыдиться своей многовѣковой исторіи и просвѣтиться.

И черезъ нѣсколько дней послѣ появленія нашей статьи, мы получили письмо отъ одного сельскаго священника, изъ далекаго села.

Это письмо онъ озаглавливаетъ: «Въ защиту православнаго духовенства».

Священникъ утверждаетъ, что авторъ статьи «Духовенство и общество» допустилъ мысли, выражающія полное незнаніе нашего православнаго духовенства. И затѣмъ посылаетъ по адресу автора статьи рядъ упрековъ.

Мы воздерживались отвѣчать на этотъ голосъ священника.

Воздерживались не потому, что не хотѣли: всякій откликъ читателя свидѣтельствуетъ о духовной связи между газетой и публикой.

Мы воздерживались до полученія доказательствъ, которыя могли-бы подтвердить наши мысли.

И когда появилась въ свѣтъ записка 32-хъ столичныхъ священниковъ, мы можемъ возразить единичному, дошедшему до насъ, голосу священника.

Священникъ утверждаетъ, что «дѣятельность священника, какъ пастыря, не стѣснена никакими указами и циркулярами, ему всегда возможно проповѣдывать слово Божіе, настоять благовременно и безвременно, ему дано право обличать, запрещать и умолять со всякимъ долготерпѣніемъ и кротостью, ему дано право въ своемъ приходѣ быть организаторомъ христіанской благотворительности, вести народъ къ трезвой, благородной жизни, быть свѣточемъ во тьмѣ и сѣни смертной, и онъ, по большей мѣрѣ, стоитъ таковымъ, какъ на стогнахъ града, такъ и въ закоулкахъ нашего обширнаго отечества».

Такъ пишетъ священникъ. Такъ возражаетъ онъ автору, обнаруживающему полное незнаніе нашего духовенства.

Но послушайте, что говорятъ о своемъ положеніи столичные священники.

Они утверждаютъ, что церковь несвободна, что она потеряла вѣру въ свою внутреннюю правоту, что ея голосъ ограниченъ въ своемъ самоопредѣленіи и выраженіи, что онъ порабощенъ мірскими цѣлями и интересами, что служители церкви связаны предписаніями свыше.

Точно также и записка С. Ю. Витте устанавливаетъ современный упадокъ церковной жизни.

Въ этой запискѣ указывается, что приходъ и образованные слои общества уклоняются отъ своихъ руководителей — пастырей церкви.

И много другого говоритъ та же записка.

У насъ нѣтъ живого, свободнаго проповѣдническаго слова.

Пастырская дѣятельность у насъ—слаба. Она въ большинствѣ случаевъ ограничивается только совершеніемъ богослуженія и исполненіемъ требъ.

Церковно-приходская община, съ ея просвѣтительными и благотворительными учрежденіями, обнаруживаетъ полный упадокъ.

Епархіальная дѣятельность отличается сухостью и формальностью консисторскаго дѣлопроизводства и носитъ узко-бюрократическій характеръ.

Всѣ церковныя учрежденія страдаютъ бюрократизмомъ и группируются около учрежденій Синода.

Какъ Достоевскій, который указывалъ на «параличъ» русской церкви, такъ и его многочисленные позднѣйшіе единомышленники указывали, что застой церковной жизни вызванъ реформой Петра Великаго, которая убила въ зародышѣ начала соборнаго правленія.

Такъ утверждаетъ не газетный служитель, не либералъ, для котораго «нѣтъ ничего святого», а предсѣдатель Комитета Министровъ статсъ-секретарь С. Ю. Витте.

Сознаемся, что записка С. Ю. Витте значительно радикальнѣе нашей статьи и совершенно расходится съ голосомъ сельскаго священника.

И не понимаемъ мы, какъ священникъ, живущій въ селѣ, рядомъ съ жизнью, съ ея нуждами и заботами,—какъ онъ можетъ, возражая намъ, утверждать, что «духовенство наше не чувствуетъ надъ собою никакого внѣшняго режима со стороны своего начальства».

Мы не понимаемъ, какъ можно говорить сельскому священнику, что за послѣднее время православное духовенство стало на высоту своего положенія. «То крѣпостничество надъ духовенствомъ прошлыхъ лѣтъ, когда оно было принижено и стѣснено, рухнуло разъ навсегда, и теперь оно съ высокимъ запасомъ всевозможныхъ знаній, несомнѣнно, стало передовымъ классомъ народа».

Сельскій священникъ дальше говоритъ, что «вѣяніе западнаго, заморскаго направленія расшатало коренные устои нашего народа, когда все русское наше, все хорошее, святое стало какъ бы немило нашему народу».

Откуда это? Если мы хотимъ, чтобы наше духовенство стало ближе къ народу, чтобы духовенство приняло участіе въ общественной жизни, то развѣ это значитъ, что на насъ сказывается «западное, заморское вліяніе»?

Нѣтъ, мы хотимъ возстановленія канонической церкви.

Мы хотимъ видѣть правду Христову, въ которой все «хорошее и святое».

Народъ отошелъ отъ духовенства не потому, что пересталъ вѣрить въ Бога, а потому, что народъ пришелъ къ убѣжденію, что многіе священники превратились изъ «служителя вѣры въ служителя бюрократическаго строя».

Свѣтъ и истина Евангелія не померкнутъ никогда.

Но померкъ свѣтъ духовенства, померкли истины, которыя высказываютъ они съ церковныхъ амвоновъ.

Духовенство «стало немило тому обществу, среди коего оно живетъ, какъ бѣльмо, напоминающее ему давно покинутую правду»,— пишетъ намъ священникъ.

Это—неправда, которая опровергается всею исторіей нашего общества.

Мы идемъ впередъ. Медленно, останавливаясь, падая, но все-таки впередъ.

Мы идемъ къ свѣту истиннаго христіанства.

Мы страшными трудами идемъ къ тому, чтобы у насъ не было ни рабовъ, ни господъ, чтобъ церковь стала жить «вѣчною правдою» и чтобъ человѣческое общество стало жить одною правдою: гуманностью и свободою.

И здѣсь, и за моремъ, людское общество идетъ къ раскрѣпощенію духа, къ ученію Христа.

А наше духовенство пока мѣшало этому движенію. Какъ говорится въ запискѣ г. Витте, «дѣятельность Синода уже въ первые годы приняла внѣшній, бюрократическо-полицейскій характеръ: разыскивать разныя злоупотребленія, искоренять суевѣріе и свободомысліе въ разныхъ формахъ... при чемъ рекомендовалось иногда даже тайное выслѣживаніе и выспрашиваніе».

Такъ было встарь.

А теперь?—Теперь «іерархія сносится съ народомъ чрезъ посредство бумагъ, рѣдко входя съ нимъ въ общеніе».

Теперь «постоянною преградою между церковью и народомъ, и церковью и Государемъ стоитъ свѣтскій бюрократическій элементъ».

Не объ этой-ли «правдѣ» говоритъ сельскій священникъ?

Въ заключеніе своего письма священникъ признается, что «духовенство не безъ грѣха, что и на свѣтломъ фонѣ его исторіи есть темныя пятна. Но близокъ часъ, когда оно, на ряду со всею обширною Русью, покаявшись,—исправится!»

Мы ждемъ этого момента.

Онъ будетъ высокъ, будетъ великъ.

А пока онъ еще не наступилъ, все русское общество,—а духовенство больше всѣхъ,—должно приняться за критическую работу, а по-

томъ и за творческую, чтобы на останкахъ стараго выросло новое прекрасное государственное зданіе.

«Русскій Листокъ» (№ 87-й).

Статья г. *З.*:

Разбираясь въ разнообразныхъ слухахъ о предстоящей и газетами объявленной церковной реформѣ, мы не имѣли повода выразить положительный взглядъ на этотъ предметъ. Нужна-ли вообще церковная реформа? Мы отвѣтили бы, что нужна не реформа, а нужны и всегда будутъ нужны улучшенія въ различныхъ областяхъ церковной жизни. Невѣрно утвержденіе, будто православная церковь—въ параличѣ, невѣрно потому, что всѣ главные органы ея функціонируютъ: канонически правильная церковная іерархія налицо, ученіе, священнодѣйствіе и управленіе духовное не замирали. За всѣмъ тѣмъ имѣются и признаки, требующіе врачеванія. Сюда относятся: наличность раскола старообрядчества и раціоналистическихъ сектъ, ослабленіе религіознаго воодушевленія въ массѣ православнаго населенія, включая сюда и нѣкоторую часть священства, ослабленіе учительной энергіи и т. под. Врачеваніе недуговъ необходимо; стало-быть, стремленіе къ улучшенію церковныхъ дѣлъ можно только привѣтствовать. Духовное врачеваніе естественно искать въ средствахъ духовныхъ, а въ выборѣ и примѣненіи ихъ идти путемъ, указаннымъ въ церковныхъ же источникахъ.

Изъ двухъ намѣченныхъ доселѣ средствъ врачеванія одно исконное и правильное—это соборъ; другое—возстановленіе патріаршества—имѣетъ въ настоящемъ случаѣ значеніе относительное. Безспорнымъ историческимъ фактомъ остается, что расколъ старообрядчества возникъ при патріаршемъ правленіи русскою церковью и этимъ правленіемъ не былъ устраненъ. Первый патріархъ Іовъ избранъ 11-го декабря 1586 г., послѣдній—Адріанъ умеръ 16-го октября 1700 г. Если вычесть изъ этого патріаршаго періода 7 лѣтъ междупатріаршества (между Гермогеномъ и Филаретомъ), то окажется, что расколъ возникъ какъ разъ въ срединѣ этого періода. Отъ дней св. Владиміра до перваго патріарха Іова православная церковь на Руси жила полною жизнью. Ошибочно было бы думать, что два послѣднія столѣтія церковь бездѣйствовала: въ духовномъ ея управленіи оставались епископъ и соборъ. Нѣтъ церковно-историческихъ показаній и о томъ, будто вообще до появленія въ христіанской церкви патріаршаго титула энергія церковной жизни была слабою: до 4-го вселенскаго собора система патріаршаго правленія не была законченною. Этотъ же соборъ былъ въ 451 году. Неужели до

этого времени церковное правосознаніе и церковная правоспособность были неудовлетворительны, церковная жизнь малоплодною? До четвертаго было три вселенскихъ собора. Преимущества чести нѣкоторыхъ епископовъ были давно, но, напримѣръ, на 1-мъ вселенскомъ соборѣ предсѣдательствовалъ епископъ незначительнаго испанскаго городка— Осія Кордовскій. Достойно вниманія и то, что преимущества власти константинопольскаго епископа установлены, раньше халкидонскаго собора, закономъ императоровъ Гонорія и Ѳеодосія. И самое дѣленіе на патріархаты всей территоріи греко-римской имперіи слѣдовало гражданскому дѣленію, съ нѣкоторымъ уменьшеніемъ чести славныхъ въ христіанской исторіи городовъ въ пользу гражданской столицы. Огромная территорія Россійской имперіи не имѣетъ дѣленія, соотвѣтствующаго восточнымъ діоцезамъ, но если ужъ возвращаться къ греко-римскимъ образцамъ, то почему не поставить вопроса о нѣсколькихъ россійскихъ патріархахъ? Напримѣръ, Восточная Сибирь, Средняя Азія, Кавказъ— почему бы не могли имѣть своихъ патріарховъ? Въ единой греко-римской имперіи было нѣсколько патріарховъ; нынѣ на территоріи турецкой монархіи остаются нѣсколько патріарховъ. Быть можетъ, такимъ умноженіемъ устранились бы и тѣ мотивы, какіе изложены въ Регламентѣ противъ духовной монархіи. Словомъ, вопросъ о возстановленіи патріаршества не представленъ доселѣ со всей ясностью, а выставляется какъ средство для освобожденія церкви отъ вліянія свѣтской власти. Отвѣчая современному состоянію умовъ, идея возстановленія патріаршества въ наши дни смѣшивается съ безчисленными петиціями и резолюціями о всяческой свободѣ и въ этомъ смѣшеніи утрачиваетъ свою глубокую важность. Торопливое же по этому предмету рѣшеніе никакимъ образомъ не касается даже чрезвычайной важности вопроса о патріаршествѣ, какъ средствѣ къ уврачеванію наличныхъ церковныхъ недуговъ. Мало того: красота и стройность церковной системы управленія съ патріархомъ во главѣ, обольстительныя на первый взглядъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказываются призрачными, если въ этой системѣ не организованы среднія части — окружныя управленія. Ни въ историческомъ, ни въ логическомъ отношеніи духовная централизація обширной русской церкви, при данныхъ условіяхъ, не имѣла бы оправданія. Казалось бы, что какъ разъ наоборотъ, что у насъ слишкомъ много централизаціи. По крайней мѣрѣ, всѣ показанія послѣднихъ лѣтъ и всѣ усилія правительства и общества клонятся къ децентрализаціи. Идеальную въ отвлеченномъ смыслѣ, разработанную во всѣхъ частяхъ систему централизаціи представляетъ римская церковь, но она же являетъ собою примѣръ церкви безъ христіанъ.

Воздадите убо кесарево кесарю, а Божіе Богу. Соревнованіе изъза власти между церковью и государствомъ несвойственно русской исторіи. Единственное исключеніе—эпоха Никона—не послужило къ церковной славѣ. И думается намъ, проектъ церковныхъ преобразованій, если таковой имѣется, напрасно и неправильно представляется общественному мнѣнію въ освѣщеніи какой-то борьбы. И среди духовныхъ сановниковъ, и между свѣтскими чинами всѣхъ вѣдомствъ есть разные характеры, разные способы обращенія и дѣйствованія. Общее же дѣйствіе культуры и усвоеніе христіанскихъ понятій постоянно и неизбѣжно сглаживаетъ индивидуальныя шероховатости. Во всякомъ же случаѣ, строго іерократическое управленіе не выдержано даже и въ римско-католической церкви. Эта церковь учитъ, что міряне ни къ какому активному участію въ дѣлахъ церкви допускаемы быть не могутъ, но уже въ теоріи дѣлаетъ исключеніе изъ этого правила для главы государства на основаніи конкордата, для частныхъ лицъ на основаніи патроната, а въ дѣйствительности допускаетъ мірянъ въ епископскіе суды. У насъ же іерархіи безусловно и исключительно принадлежитъ одно священнодѣйствіе. Учительство же можетъ принадлежать и не духовнымъ лицамъ, каковы родители въ отношеніи къ своимъ дѣтямъ, профессоры богословскихъ наукъ и преподаватели духовныхъ школъ, даже воспитанники семинарій до посвященія. Наоборотъ, съ іерархической степенью не обязательно соединяется какая-либо юрисдикція, напримѣръ, со степенью діакона, тогда какъ не могущія получить іерархической степени женщины занимаютъ мѣсто въ правительственной іерархіи (игумены и начальницы общинъ). Наконецъ, нельзя предполагать, что теперь, когда общія чаянія обращены къ приходу и такъ настойчиво домогаются участія мірянъ въ церковно-приходскомъ управленіи, именно теперь провозглашается неуклонно іерократическій принципъ управленія.

Помѣстный соборъ нуженъ, но онъ давно нуженъ. Говорятъ, что время созыва его близко. Ничего безспорно добраго и полезнаго не слѣдуетъ откладывать, хотя къ столь великому дѣйствію необходимо приготовиться и приготовиться. Что мы принесемъ на соборный судъ? И зачѣмъ принесемъ? И какъ мы представляемъ себѣ соборъ? И какъ съумѣемъ созвать и охранить его въ наши смутные дни? Въ длинномъ рядѣ вопросовъ, какіе намѣчаются здѣсь въ центрѣ, могутъ оказаться вопросы непервостепенной важности, по сравненію съ вопросами, вся острота и неотложность коихъ чувствуются и сознаются на мѣстахъ. Ничего не можетъ быть проще, какъ разослать приглашенія—посланія, назначить срокъ, мѣсто, желѣзныя дороги дадутъ пропускъ и сибир-

скимъ архипастырямъ, кавказскіе разбойники не воспрепятствуютъ проѣзду тамошнихъ іерарховъ. Однако же позволительно допустить предположеніе, что нынѣшнее именно время требуетъ не отъѣзда, хотя бы на краткій срокъ, а непремѣннаго на мѣстѣ личнаго присутствія іерарха. Возникаетъ вопросъ объ уполномочіи. На что уполномочіе? Какіе именно вопросы предложены будутъ соборному обсужденію, и почему такіе, а не другіе вопросы? Одинаково и порядокъ соборныхъ дѣяній требуетъ предварительнаго и обстоятельнаго обсужденія. Вотъ почему, думается намъ, торопливость и тутъ неумѣстна. Откладывать созваніе собора нельзя уже хотя бы потому, что старообрядческій вопросъ, какъ кажется, только и ждетъ что соборнаго слова. По соображеніи же со всѣми обстоятельствами, частью отмѣченными выше, это неоткладываніе означаетъ не больше, какъ непрерывное приготовленіе къ собору и, главнымъ образомъ, путемъ обмѣна посланій между епископами. Рядомъ съ этимъ на обязанности наличнаго духовнаго предстоятельства лежитъ забота какъ о приготовленіи матеріаловъ для соборнаго сужденія, такъ и внѣшнихъ условій его безпрепятственной и торжественной дѣятельности.

Военное время и внутренняя смута подлежатъ въ этихъ приготовленіяхъ особому учету.

---

31 марта.

Статья газеты «Заря» (№ 259-й):

По поводу предполагаемой реформы высшаго церковнаго управленія.

Странное явленіе!

Чѣмъ либерально-космополитичнѣе наши газеты, чѣмъ дальше стоятъ отъ идеаловъ истинно-русскаго народа, чѣмъ больше проникнуты политическимъ хулиганствомъ, тѣмъ съ бо́льшимъ энтузіазмомъ привѣтствуютъ онѣ ожидаемую реформу высшаго церковнаго управленія—отмѣну оберъ-прокуратуры при Св. Синодѣ и возстановленіе у насъ патріаршества.

Обстоятельство это невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе даже тѣхъ, которые искренно думаютъ о патріаршествѣ. Восторгъ свой либералы и радикалы, «набатчики» и «архинабатчики» оправдываютъ ожидаемымъ отъ реформы благомъ церкви. Они радуются въ предвидѣніи

новыхъ, свободныхъ условій для жизни и дѣятельности церкви, при которыхъ усилится ея вліяніе на общество и на народъ. Но, вотъ, вопросъ: можно-ли считать эту ихъ радость искреннею, нелицемѣрною? Сомнительно, очень сомнительно.

Цѣль церкви, ея призваніе, можно сказать, діаметрально противоположны стремленіямъ и задачамъ нашихъ либеральныхъ, радикальныхъ, агитаторскихъ газетъ. Значитъ, усиленіе вліянія церкви на общество и народъ имъ отнюдь не можетъ быть желательно и дѣйствительное благо церкви для нихъ хуже ножа остраго. Хулиганскимъ настроеніемъ противъ церкви чуть не поголовно заражена и наша интеллигенція. Возьмите для примѣра лидеровъ этой интеллигенціи гг. Розанова и Мережковскаго, ведущихъ открытую борьбу противъ историческаго христіанства вообще и въ частности противъ православія. Они утверждаютъ, что христіанство загубило свѣтлое существованіе арійскихъ народовъ, а православіе сломило самобытность русскаго народа, что догматы церкви—кандалы, убивающіе религіозную мысль и жизнь, что церковь растоптала евангельскія лиліи, т. е. исказила Евангеліе, извратила его духъ и смыслъ. Ссылки въ проповѣдяхъ на отцовъ и учителей церкви они считаютъ вредными для успѣха проповѣди и почти позорными для современнаго проповѣдника.

Неужели такимъ либераламъ, а также разнымъ радикаламъ, агитаторамъ и набатчикамъ въ самомъ дѣлѣ желательно дѣйствительное благо церкви, усиленіе ея вліянія на общество и народъ? Слишкомъ уже наивно было бы повѣрить этому. Напротивъ, они безконечно были бы рады, если бы церковь совсѣмъ перестала жить и голосъ ея умолкъ навсегда.

Почему же теперь всѣ они такъ дружно привѣтствуютъ предполагаемую реформу высшаго церковнаго управленія и отмѣну оберъ-прокуратуры при Св. Синодѣ?

Да потому, какъ убѣждены мы, что съ осуществленіемъ этой реформы они надѣются имѣть больше вліянія на голову и членовъ церкви. И нужно признаться, такія надежды ихъ нельзя считать совсѣмъ уже безосновательными.

Антицерковному лагерю хорошо извѣстно существованіе партій около патріаршихъ престоловъ на Востокѣ, существенно вліяющихъ какъ на самое избраніе патріарха, такъ и на характеръ его управленія церковными дѣлами. Почему же нашимъ либераламъ и радикаламъ не питать надеждъ на образованіе своей партіи, вліятельной и при актѣ избранія патріарха и въ послѣдующее затѣмъ время?

Цѣлямъ враговъ церкви, лицемѣрно желающихъ ей блага, въ зна-

чительной мѣрѣ могутъ послужить даже и однѣ только характеристики, аттестаты, которые они начали уже выдавать нашимъ іерархамъ, пока называя только «почтенныхъ», «просвѣщенныхъ», «друзей культуры», словомъ—прогрессивныхъ. Подобными аттестаціями успѣли же мы изъ нашихъ іереевъ образовать партію «безцерковныхъ» проповѣдниковъ, которыхъ положительно ничѣмъ не отличишь отъ лютеранскихъ пасторовъ И эти проповѣдники теперь въ модѣ, и у нихъ въ чаду похвалъ головы кружатся. Эти же священники заявляютъ себя недругами и прочихъ церковныхъ традицій, напр. покроя одежды лицъ духовнаго сана. Добиваются они свободы посѣщать театры и другія увеселительныя зрѣлища.

А вы представьте, какъ на руку антицерковникамъ, радикаламъ и политическимъ хулиганамъ имѣть вліяніе на высшую церковную власть и на рядовое духовенство. Ради этого они усердно и охотно потрудятся всячески, вплоть до драпировки... въ овечьи шкуры. Тогда имъ облегчатся шаги не только противъ идеи православія, но и противъ идеи самодержавія. Не думаемъ, чтобы кому-нибудь было непонятно это послѣднее, равно какъ и то, что при существованіи оберъ-прокуратуры при Св. Синодѣ этимъ вожделѣніямъ чрезвычайно трудно и даже совсѣмъ невозможно проявиться.

Либераламъ и радикаламъ, повидимому, очень нравится самый путь, по которому выдвинулся вопросъ о реформѣ церковнаго управленія. Путь этотъ, какъ извѣстно, былъ скрытый, тайный и въ обходъ оберъ-прокурора Св. Синода.

Должно сказать, что путь этотъ или—точнѣе—«обходъ» для многихъ представляется положительно недоумѣньемъ. Какъ бы кто не судилъ о К. П. Побѣдоносцевѣ и его дѣятельности, но, думаемъ, и самые враги его считаютъ его однимъ изъ самыхъ честныхъ и вѣрныхъ слугъ Царю и отечеству, преданнѣйшимъ сыномъ православной церкви и, по признанію выдающихся іерарховъ, «лучшимъ изъ оберъ-прокуроровъ Св. Синода». Ясно, поэтому, что на «обходъ» его въ столь важномъ вопросѣ, какъ реформа церковнаго управленія, взгляды могутъ быть далеко неодинаковы.

Различно судятъ и о моментѣ, который избранъ для возбужденія вопроса о реформѣ церковнаго управленія. Всѣмъ очевидно, какія внутреннія затрудненія переживаетъ Россія въ тяжкое время войны. Инымъ не безъ всякаго повода можетъ показаться, что, осложняя внутреннія затрудненія государства, нынѣшній составъ Св. Синода, подобно разнымъ корпораціямъ, *прямо вымогаетъ* у власти то, что ему хочется.

Иниціаторами реформы церковнаго управленія, какъ извѣстно, явились 32 столичныхъ священника, подавшихъ митрополиту Антонію осо-

бую записку по этому дѣлу. Обществу неизвѣстно, кто эти священники. Либераламъ они извѣстны наперечетъ. По аттестаціи г. Розанова, всѣ они молодые и большинство изъ нихъ посѣщало бывшія «религіозно-философскія собранія въ С.-Петербургѣ». Если принять во вниманіе, съ одной стороны, то, что собранія эти митрополитъ Антоній вынужденъ былъ закрыть, а съ другой — что участіе въ нихъ ставитъ въ особую заслугу молодымъ іереямъ г. Розановъ, то что же сказали бы уму и сердцу православныхъ людей имена 32 іереевъ, если бы они открылись? Ровно ничего.

Возбужденное 32-мя іереями дѣло близко принялъ къ сердцу С. Ю. Витте. Какъ сообщалось въ газетахъ, митрополитъ Антоній, благодаря его, между прочимъ, высказалъ: «я и мои братья епископы будутъ за васъ вѣчно молить Бога». Насколько С. Ю. Витте преданъ православной церкви и заинтересованъ въ ея процвѣтаніи и силѣ, въ обществѣ мало извѣстно. Широко извѣстны его иного свойства убѣжденія, но насколько онъ религіозенъ и что онъ думаетъ о церкви — намъ неизвѣстно.

Не насталъ ли для нашихъ іерарховъ, присутствующихъ въ Св. Синодѣ, часъ искушенія, подобный тому, который былъ для Христа въ пустынѣ? Не обольщаютъ ли ихъ какія-либо заманчивыя мечты о персональныхъ интересахъ съ отмѣною оберъ-прокуратуры и съ установленіемъ непосредственныхъ отношеній представителя церкви къ царской власти.

Возможность наличія подобныхъ мечтаній въ нашихъ іерархахъ, пошедшихъ объ руку съ С. Ю. Витте въ обходъ К. П. Побѣдоносцева въ рѣшеніи вопроса о преобразованіи церковнаго управленія, предполагаютъ и сами либералы. Поэтому они и поспѣшили со столбцовъ «Нов. Вр.» (№ 10.436) произвести по адресу ихъ громкій и очень опредѣленный окрикъ въ такихъ выраженіяхъ: при наступающемъ преобразованіи духовнаго вѣдомства «все—для народа, ничего—для сословія, все—для церкви, ничего—для іерархіи... Какъ можно дальше отъ сходства съ Никономъ... подальше и отъ подражанія Филарету московскому». Вотъ маякъ, который ставятъ либералы для дѣла преобразованія духовнаго вѣдомства; въ противномъ случаѣ, грозятъ они, вся Русь повернется фронтомъ противъ этого дѣла. Нечего сказать, твердое и вразумительное предостереженіе... Оно способно въ значительной мѣрѣ предохранить отъ зараженія Виттовою пляскою тѣхъ, кто предрасположенъ къ этой болѣзни на предусматриваемой самими либералами почвѣ клерикально-іерархическихъ или, пожалуй, политическихъ вожделѣній.

Отъ редакціи. Постановка вопроса, дѣлаемая авторомъ письма, дѣйствительно, чрезвычайно важна. Столь грандіозный по серьезности вопросъ прошелъ у насъ такъ скоропалительно, съ такой кабинетной таинственностью, среди такой амальгамы профессій, соціальныхъ положеній и подъ такой аккордъ рукоплесканій явныхъ враговъ церкви, что, дѣйствительно, надъ этимъ удивительнымъ явленіемъ слѣдуетъ призадуматься, а потому мы просимъ всѣхъ компетентныхъ людей въ этомъ вопросѣ высказаться на страницахъ газеты «Заря».

«**Русь**» (№ 82-й).

Статья четвертая *Н. Симбирскаго*:

Очевидно, такова судьба русской дѣйствительности – всѣ реформы назрѣваютъ въ Петербургѣ и отсюда исходятъ, какъ изъ центра, по радіусамъ по всей обширной Россіи.

Въ послѣдней статьѣ я писалъ объ участіи бѣлаго духовенства въ церковномъ движеніи и объ организаціи приходской жизни съ свободно выбранными пастырями, указывая при этомъ на провинціальную Русь, какъ на мѣсто возникновенія такихъ приходовъ. Оказывается, здѣсь, въ Петербургѣ, вопросъ прихода поставленъ на очередь и успѣлъ уже получить нѣкоторую форму и форму очень интересную даже.

Но прежде нѣсколько словъ о самомъ движеніи въ средѣ бѣлаго духовенства. Слѣдуетъ замѣтить, что въ Петербургѣ числится всего 35 приходовъ, т. е. приходскихъ церквей съ опредѣленнымъ штатомъ духовенства при нихъ; одновременно здѣсь же находятся при различныхъ учрежденіяхъ до 150, такъ называемыхъ, домашнихъ церквей—военныхъ, министерскихъ, учебныхъ заведеній, общественныхъ учрежденій и т. д., съ духовенствомъ, уже свободно избираемымъ учрежденіями-хозяевами данной церкви.

Отсюда въ столицѣ двѣ партіи священниковъ—приходскіе и домашніе. Это не двѣ враждебныхъ партіи, но двѣ группы съ интересами неодинаковыми и, вотъ, настоящее движеніе своей первоначальной базой избрало именно эти двѣ группы.

Авторами «записки 32-хъ» явились представители второй группы—священники домашнихъ церквей. Если дѣлить эти группы на общепринятыя мѣрки всякаго общественно-политическаго движенія, можно назвать эту вторую группу—группой прогрессивной. Консерваторами являются тогда священники приходскіе.

Дѣленіе это вытекаетъ, какъ мнѣ кажется, изъ самой сущности

ихъ положенія: священники приходскіе въ Петербургѣ, прежде всего, прекрасно обезпечены матеріально уже самымъ приходомъ (средній петербургскій приходъ насчитываетъ до 40.000 прихожанъ)—отсюда естественное довольство своимъ положеніемъ и... консерватизмъ. Не совсѣмъ такъ поставлены священники домашніе. Въ большинствѣ это люди весьма образованные, здѣсь не мало академиковъ, но матеріальное положеніе ихъ зачастую зависитъ не столько отъ церкви, сколько отъ личной энергіи, знанія и т. д.—отсюда, какъ опять-таки мнѣ думается—не особенное довольство своимъ положеніемъ и... направленіе прогрессивное...

Можетъ быть, я и ошибаюсь въ своихъ субъективныхъ выводахъ, но во всякомъ случаѣ такова схема настоящаго духовнаго движенія въ Петербургѣ.

И пока авторы «записки 32-хъ», собравшись воедино, выработали идейную записку о свободѣ церкви,—первая группа, назовемъ ее для краткости «консервативной»,—не дремала и также выработала свой проектъ организаціи приходской жизни въ Петербургѣ.

Мнѣ пришлось ознакомиться съ этимъ послѣднимъ проектомъ изъ непосредственной бесѣды съ авторомъ этого проекта. Пока проектъ является еще скелетомъ, но для меня довольно ясны уже тѣ абрисы, коими долженъ облечься скелетъ въ недалекомъ будущемъ.

Сущность проекта сводится къ слѣдующему: какъ я говорилъ, въ Петербургѣ 35 приходовъ, насчитывающихъ въ среднемъ до 40.000 прихожанъ въ каждомъ; въ эту приходскую единицу довольно досадными (съ точки зрѣнія хозяевъ приходовъ, конечно) клиньями вдвигаются церкви домашнія, каковыхъ, какъ сказано выше, до 150. Эти домашнія церкви естественно оттягиваютъ часть прихожанъ и, какъ дознано практикой, часть интеллигентную. Причинъ тому много: близость церкви, удобство въ смыслѣ отсутствія тѣсноты и т. д.

Тутъ же происходитъ маленькая, ну, какъ бы это назвать приличнѣе... контрабанда, что ли... Словомъ, домашніе священники и крестятъ, и вѣнчаютъ, и хоронятъ—совершаютъ требы.

Это уже является какъ бы нарушеніемъ нѣкоторыхъ правъ прихода основного.

На основѣ этихъ неудобствъ и столкновеній возникаетъ идея объединенія прихода съ союзомъ приходскихъ пастырей во главѣ. По проекту—каждая узаконенная приходская церковь есть центръ духовно-общественный; здѣсь канцелярія прихода, сюда стекаются всѣ интересы отмежеваннаго района, и «клинья»—домашнія церкви—суть филіальныя отдѣленія этого приходскаго союза съ обязательнымъ подчиненіемъ центру.

Централизація—въ децентрализаціи.

— Нужно,—говоритъ мнѣ одно духовное лицо,—чтобы приходъ явился той церковно-общественно-политической единицей, откуда бы истекало все сущее. Нуженъ ли представитель хотя бы въ будущее государственное собраніе народныхъ представителей—его долженъ дать приходъ путемъ выбора. Ибо, кому же ближе знать своихъ прихожанъ, какъ не приходу при правильной его организаціи? Нужно ли провести вообще какой-либо вопросъ—опять приходъ; собраніе въ 40—50.000 человѣкъ—это нѣчто солидное, вѣское; его мнѣніе можетъ быть обязательнымъ и для высшаго государственнаго учрежденія.

— Кто же будетъ управлять этимъ приходомъ?

— Союзъ пастырей прихода (сюда войдутъ и приходскіе и домашніе священники—не будетъ розни, когда ясна будетъ цѣль!) и выборные отъ прихожанъ. Въ каждомъ такомъ союзѣ будетъ, въ среднемъ, до 15 священниковъ, можно избирать столько же прихожанъ. Это будетъ совѣтъ прихода, его ядро...

Помолчавъ, я задалъ обычный вопросъ:

— Но священники, можетъ быть, будутъ также выбираться для этихъ приходовъ?

Въ отвѣтъ я получилъ обычное молчаніе, а затѣмъ уже извѣстный также мотивъ: Неудобно... едва ли выполнимо и т. д.

Не хочу дѣлать пока выводовъ, привожу лишь фактъ: схему задуманнаго перваго русскаго прихода. Не могу воздержаться отъ одного замѣчанья: какъ извѣстно, въ старообрядческой церкви духовенство выборное; въ Петербургѣ существуетъ три храма единовѣрческихъ, признанныхъ правительствомъ—здѣсь служба идетъ «по старой вѣрѣ», въ силѣ двуперстіе и хожденіе «посолонь», и древніе напѣвы и книги. Все это совершается православными священниками, получившими «благодать» отъ лона православной церкви, но избранными свободно прихожанами единовѣрцами, признающими священство.

Почему же и тамъ, и тутъ возможенъ, выполнимъ и удобенъ выборъ духовенства, и неудобенъ, невыполнимъ только въ церкви господствующей, православной?

Вотъ это прихожанамъ пока совершенно непонятно...

«Новости» (№ 82-й).

Бесѣда *М.* съ *Д. С. Мережковскимъ:*

Къ созыву церковнаго собора.

Въ вопросѣ объ отдѣленіи русской церкви отъ государственнаго вліянія господствуетъ увѣренность, что нежелательное съ политической точки зрѣнія подчиненіе церкви мірскимъ началамъ было вредно и для самой церкви; что ея нынѣшнее «освобожденіе» знаменуетъ собой начало ея перерожденія.

Д. С. Мережковскій, готовящій сейчасъ къ печати статью о церковномъ соборѣ, скептически относится къ такой оцѣнкѣ этого явленія.

— «Такія внутреннія причины желанія освободиться отъ государственнаго вліянія могутъ и даже должны явиться,—сказалъ намъ Д. С.,— но сейчасъ ихъ нѣтъ (или, по крайней мѣрѣ, онѣ не выявлены въ сознаніи церкви). Сейчасъ освободительныя стремленія, выказанныя русскимъ духовенствомъ, составляютъ лишь отголосокъ общаго политическаго движенія, которымъ захвачено русское общество. Для анархичнаго по самому существу своему (въ отношеніи къ мірской власти) христіанства внѣшнее признаніе его свободы излишне; даже больше того: заподозрить отсутствіе такой внутренней свободы въ церкви—значило бы поставить подъ сомнѣніе реальность самаго существованія такой церкви. Наша же монашеская и аскетическая церковь, *поскольку она остается монашеской и аскетической*, не нуждается въ такомъ признаніи потому, что ея вполнѣ искренняя проповѣдь терпѣнія и смиренія отнюдь не можетъ встрѣтить какихъ-либо стѣсненій со стороны государства: ему она будетъ скорѣе на руку. Съ такой проповѣдью церковь мало выиграла бы отъ отдѣленія отъ государства: даже ставъ независимой отъ посторонняго вліянія, она, все равно, не вышла бы изъ своего пассивнаго состоянія, безразлично охраняла бы существующій государственный строй. Ея отношеніе къ преобразовательнымъ общественнымъ начинаніямъ могло бы быть по прежнему только отрицательнымъ. Это было-бы отношеніемъ Серафима Саровскаго къ возстанію декабристовъ и прозрѣваемому имъ движенію 60-хъ годовъ: для него въ томъ и другомъ было только «бѣсовское»; или отношеніемъ Іоанна Кронштадтскаго къ современному освободительному движенію, которое онъ цѣликомъ отвергаетъ. Вотъ вполнѣ на старо-церковной монашеской точкѣ зрѣнія стоитъ Левъ Толстой, когда огуломъ осуждаетъ послѣднія событія общественной жизни Россіи.

Никогда такая церковь, церковь, ищущая одного внутренняго личнаго самосовершенствованія, не оправдаетъ требованій политическихъ правъ; она скорѣе осудитъ свободу слова, неприкосновенность личности, потому что ей дороже ихъ аскетическое отреченіе отъ явленій преходящей жизни.

А если такъ, то и подчиненіе государству для такой церкви могло-бы явиться скорѣе добромъ, чѣмъ зломъ: вѣнецъ мученичества всегда привлекалъ истинныхъ аскетовъ.

Къ чему же въ такомъ случаѣ ходатайство духовенства? Не стоятъ-ли за его спиной лукавые совѣтники, жертвами которыхъ стали лучшіе представители послѣдняго? Не скрывается ли здѣсь нѣкоторый закулисный маккіавелизмъ, снова вліяніе мірскихъ, чуждыхъ церкви, началъ? Не соберетъ ли жатву отъ этого мнимаго освобожденія та-же бюрократія и тѣ-же реакціонеры? Во всякомъ случаѣ, пока можно отмѣтить то, что кампанію въ пользу отдѣленія церкви отъ государства начали Шараповъ и «Московскія Вѣдомости», а горячо поддержалъ ее столь недавній противникъ С. Ю. Витте, едва ли во имя религіозныхъ цѣлей.

Для того, чтобы ожидаемая реформа дѣйствительно имѣла цѣну, сама церковь должна внутренно обновиться въ своей глубочайшей метафизикѣ... Ей придется активно войти въ политическую жизнь, нужно будетъ столкнуться съ интеллигенціей и съумѣть отвѣтить на ея религіозные вопросы».

«Я думаю,—продолжалъ Д. С.,—что, именно, для русской церкви это особенно необходимо, потому что въ нашей атеистической интеллигенціи постоянно живетъ безсознательная жажда религіи. Изъ русскаго «убѣжденнаго атеиста» Бѣлинскаго, напримѣръ, Герцена или Чернышевскаго это скрытое религіозное чувство дѣлаетъ мучениковъ, горящихъ огнемъ.

Вы спрашиваете меня еще о значеніи патріаршества. Я считаю совершенно невозможнымъ у насъ возстановленіе патріарха въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Случись такъ, это было бы лишь возстановленіемъ порядка, бывшаго въ западной церкви и составляющаго уже и для нея пережитокъ. Восточная церковь не знала строго проведеннаго единоличнаго начала; тамъ господствовало соборное правленіе и патріархъ являлся не болѣе, чѣмъ предсѣдателемъ собора. Считаю же я возстановленіе патріарха теперь невозможнымъ потому, что и въ XVII вѣкѣ, когда признаніе духовной власти было не въ примѣръ сильнѣе, чѣмъ теперь, сильное единодержавное церковное правленіе не могло ужиться рядомъ съ государственнымъ».

Таково мнѣніе о церковной реформѣ этого оригинальнаго поэта и мыслителя.

Мережковскій — одинъ изъ «возвратившихся» къ религіи. Онъ одновременно творецъ и слуга того мистическаго теченія, которое съ конца девяностыхъ годовъ такъ ярко проявилось въ эстетическихъ и общественныхъ теченіяхъ на Западѣ и у насъ. И поэтому въ его взглядѣ на отдѣленіе церкви отъ государства господствуетъ скорѣе точка зрѣнія христіанства (въ его своеобразномъ ницшеанскомъ пониманіи), чѣмъ государственная.

«**Русское Слово**» (№ 87-й).

Статья священника *Г. Петрова*:

Почему 32?

Кружкомъ петербургскихъ пастырей была подана высокопреосвященному Антонію, митрополиту петербургскому, записка о неотложной необходимости многихъ существенныхъ реформъ въ современной россійской православной церкви. Записка эта была напечатана въ «Церковномъ Вѣстникѣ», откуда обошла многія петербургскія, московскія и провинціальныя газеты. Напечатанная записка такъ и была отмѣчена: «Мнѣніе группы столичныхъ священниковъ». Въ дополненіе къ ней въ нѣкоторыхъ газетахъ было сообщено, что записка подана отъ лица 32 священниковъ и что она благосклонно была принята митрополитомъ Антоніемъ.

По поводу этой записки въ «Новомъ Времени» теперь появилась статья профессора петербургской духовной академіи Н. К. Никольскаго. Насъ не удивляетъ, почему изъ всѣхъ профессоровъ столичнаго храма богословскихъ наукъ именно Н. К. Никольскій откликнулся первымъ. Мы, признаться, давно уже ждали его компетентнаго, основаннаго на солидной докторской эрудиціи и, прибавлю, откровеннаго, смѣлаго слова. Н. К. Никольскій, серьезный ученый, знатокъ исторіи русской церкви, послѣдніе два или три года на своихъ лекціяхъ съ профессорской каѳедры выступилъ горячимъ и смѣлымъ обличителемъ разносторонникъ уклоненій и нестроеній въ строѣ современной русской православной церкви. Впрочемъ, текущій учебный годъ онъ уже не читалъ лекцій. Если не ошибаемся, ему была *предложена*, кажется, заграничная командировка, съ правомъ жить хотя бы и въ Царскомъ Селѣ *).

*) Предположеніе о. Петрова о *предложеніи* проф. Никольскому столь странной *заграничной* командировки, (значитъ, якобы, затѣмъ, чтобы только не читалъ онъ студентамъ неугодныхъ ака-

Участіе такого человѣка въ обсужденіи вопроса о предстоящихъ преобразованіяхъ, конечно, желательно въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, и голосъ его заслуживаетъ общаго серьезнаго вниманія. Почему нельзя не отмѣтить и первой его статьи (будемъ надѣяться, далеко не послѣдней): «Почему 32?».

Почтенный профессоръ прежде всего спрашиваетъ: «Кто эти 32 священника столицы? Почему бы, казалось, имъ не назвать себя, хотя бы для того, чтобы всѣ знали, кто они по своему положенію и авторитету, насколько свѣдущи они въ исторіи и каноникѣ? Когда дѣло идетъ о такихъ крупныхъ вопросахъ, какъ система церковнаго управленія и ненормальности церковной жизни, необходимо, чтобы не было и тѣни недоразумѣній; иначе всегда останется мѣсто подозрѣнію, что *дѣло идетъ не о пользѣ церкви, а идетъ борьба за власть, за личныя преимущества*». (Курсивъ нашъ, и мы особенно подчеркиваемъ эту мысль: въ предстоящей церковной реформѣ не должно быть и тѣни *личной* борьбы, *личныхъ* чьихъ бы то ни было интересовъ. Намъ, вѣрующимъ, дороги благо и свобода дѣйствій церкви Христовой, а не повышеніе или униженіе тѣхъ или иныхъ лицъ).

«Для мірянъ и для бѣлаго духовенства,—говоритъ Н. К. Никольскій.—мало имѣетъ значенія, какой титулъ будетъ носить тотъ, кто будетъ руководить русскою церковью, и въ какое отношеніе поставятъ себя лично епископы къ этому руководителю. Для вѣрующихъ важно, чтобы церковь давала имъ религіозную жизнь, а не заставляла ихъ разбѣгаться отъ церкви».

Далѣе профессоръ ставитъ вопросъ: «Существуетъ ли какая-нибудь гарантія тому, что реформа приметъ въ соображеніе всѣ интересы церкви во всей ихъ сложной совокупности, включая сюда жизнь бѣлаго духовенства и историческія условія жизни паствы, *и не принесетъ ли больше дѣйствительнаго вреда, чѣмъ обѣщаемой пользы*»? (Курсивъ опять нашъ).

демическому начальству лекцій), со всею рѣшительностію опровергнуто самимъ профессоромъ въ спеціальномъ письмѣ въ «Новое Время». Вотъ это письмо:

«Годичная командировка моя для ученыхъ занятій, съ правомъ пріѣзжать въ Петербургъ и принимать участіе въ академическихъ «совѣтахъ», *никѣмъ не была предложена* мнѣ, а была испрошена *мною* и притомъ не безъ затрудненій. Хлопоты о ней мною были начаты *весною 1903 г.*, еще до чтенія тѣхъ лекцій, о которыхъ упоминаетъ о Петровъ, и никакой связи съ этими лекціями она не имѣетъ. Подробности объ условіяхъ и задачахъ моей командировки можно найти въ «Журналахъ Совѣта Спб. Духовной Академіи» за 1903—1904 гг.».

Проф. *Н. Никольскій.*

9 апрѣля 1904 года. (См. № 10.453).

Всѣ курсивы письма принадлежатъ автору.

Авторъ статьи «Почему 32?» боится, что будетъ скорѣе первое,— больше вреда, чѣмъ пользы.

«Если къ участію въ реформѣ будутъ привлечены только русскіе епископы и Св. Синодъ, то реформа не можетъ не оказаться *односторонней* потому, что она не будетъ выражать собою *общаго* желанія, не будетъ *обще*-церковнымъ строеніемъ. Епископы — это представители монашества, которое оцѣниваетъ жизнь церковную подъ угломъ зрѣнія аскетизма, съ точки зрѣнія идеаловъ монашества, но не съ точки зрѣнія обще-народной и обще-церковной пользы. Монашество далеко отъ міра, не знаетъ жизни, а потому не можетъ охватить обще-церковную пользу во всей ея полнотѣ и многообразіи. Справится ли оно съ реформою, которая будетъ затрогивать и интересы мірянъ, и интересы государства, и интересы науки, и интересы пастырства? *На основаніи фактовъ исторіи* (курсивъ вездѣ нашъ) мы думаемъ, что оно не справится и будетъ производить реформу прежде всего въ интересахъ епископства и монашества, въ интересахъ власти епископской и ея значенія (и значенія, прибавимъ отъ себя, можетъ быть, не нравственно-духовнаго, пастырскаго, а внѣшняго, политическаго, ничего общаго съ апостольствомъ не имѣющаго) въ государствѣ. Но эти интересы далеко не равны интересамъ обще-церковнымъ: отъ цезарепапизма они могутъ перейти къ папизму, крайности еще менѣе желательной, чѣмъ цезарепапизмъ. а обще-церковное дѣло можетъ оставаться въ сторонѣ».

Всѣ эти такъ опредѣленно и открыто выставленныя докторомъ русской церковной исторіи Н. К. Никольскимъ недоумѣнія, вопросы и опасенія имѣютъ огромное и обще-церковное у насъ, въ Россіи, значеніе, и мы не разъ вернемся къ нимъ для самаго обстоятельнаго и всесторонняго обсужденія. Сейчасъ же намъ хочется выяснить смущающее Н. К. Никольскаго недоумѣніе о 32 столичныхъ священникахъ, которые подали свою записку о необходимости скорѣйшаго церковнаго преобразованія.

Почтенный авторъ статьи «Почему 32?» боится, не въ интересахъ ли внѣшняго, чисто-политическаго усиленія духовной власти подана записка 32 столичными пастырями, не стремятся-ли они къ созданію у насъ папизма за счетъ уничтоженія власти оберъ-прокурора и его чиновничьей канцеляріи въ управленіи русскою современною церковью. Подобныя же опасенія намъ приходилось уже слышать въ разныхъ концахъ Россіи и отъ многихъ другихъ преданныхъ церкви людей.

Спѣшимъ ихъ и Н. К. Никольскаго успокоить. И успокоить не голословно, не на основаніи догадокъ, мнѣній и предположеній, а на основаніи точнаго и близкаго знанія дѣла. При чемъ мы не беремся го-

ворить и ручаться за всѣхъ, вдругъ такъ горячо ухватившихся за идею о церковной реформѣ, что у нихъ нѣтъ *личныхъ* интересовъ и соображеній о *внѣшней* власти. Мы говоримъ за кружокъ столичныхъ пастырей, подавшихъ свою записку.

Составители этой записки или, вѣрнѣе, подавшіе ее должны быть освобождены отъ всякой, самой малѣйшей, тѣни какихъ-либо неблаговидныхъ заподозрѣваній. Уже В. Розановъ, къ слову сказать, послѣднее время давшій рядъ прекрасныхъ и сильныхъ статей по вопросу о реформѣ церковнаго строя, въ своемъ предисловіи къ статьѣ Н. Никольскаго говоритъ: «32 священника, *какъ намъ извѣстно*, подали заявленіе вполнѣ самостоятельно, безъ подсказываній и внушеній».

Я позволю себѣ прибавить больше: «подъ угрозами даже за подачу, не смотря на нихъ». Когда среди столичнаго духовенства пошелъ говоръ о составленіи записки кружкомъ священниковъ, тогда упорный *слухъ* передавалъ угрозу синодскаго чиновничества:

— Раскассировать всѣхъ участниковъ кружка.

И участники кружка рѣшили подать свою записку, не обращая ни малѣйшаго вниманія ни на какіе страхи и угрозы.

В. В. Розановъ добавляетъ: «Весьма печально, что подавшіе записку не подписались, и мы увѣрены, что это будетъ исправлено, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше». Мы имѣемъ возможность и тутъ успокоить. Мы достовѣрно знаемъ и утверждаемъ, что всѣ подавшіе записку подписались подъ нею полностью. Подпись одного изъ участниковъ подачи, отсутствовавшаго въ то время изъ Петербурга, была сдѣлана даже по телеграфу. Такъ, съ подписями записка и была подана высокопреосвященному Антонію, а если въ «Церковномъ Вѣстникѣ» она появилась не подписанною, то это произошло уже не по волѣ подававшихъ.

Нужно затѣмъ прибавить, и это самое главное, что напечатанная въ «Церковномъ Вѣстникѣ» записка не была основнымъ заявленіемъ столичныхъ пастырей, обратившихся сыновне къ своему архипастырю. Это было скорѣе приложеніе, дополнительный документъ, матеріалъ, обосновывающій основное положеніе назрѣвшей, по мнѣнію кружка пастырей, церковной потребности.

Основное заявленіе духовенства высокопреосвященному Антонію состояло въ одной краткой, но горячо и сильно выраженной, просьбѣ и настойчивой мольбѣ, насколько отъ него зависитъ, содѣйствовать скорѣйшему созыву россійскаго *обще*-церковнаго собора. Никакихъ вопросовъ въ этомъ заявленіи не предначерталось. Никакихъ постановленій заранѣе не предрѣшалось. И постановка вопросовъ о церковныхъ преобразованіяхъ, и ихъ то или иное рѣшеніе, все это, какъ и должно

быть, предоставлялось разумѣнію и власти будущаго обще-церковнаго собора.

— Мы просимъ созыва россійскаго *обще*-церковнаго собора. Имѣя непосредственное общеніе съ паствою, видя воочію тяжелое и повсемѣстное разстройство церковной жизни и тяжко болѣя о томъ въ своемъ пастырскомъ сердцѣ, мы страшимся за будущее не церкви Христовой, а вѣрующихъ чадъ ея, и видимъ *первый шагъ* къ обновленію и оживленію духовной дѣятельности и жизни церковной въ скорѣйшемъ созывѣ обще-церковнаго собора.—Вотъ сущность основного заявленія кружка пастырей.

Чтобы заявленіе это не было понято и истолковано какъ-нибудь неправильно, такъ какъ предвидѣлось, что свѣтское чиновничество, узурпировавшее власть церкви, будетъ противъ идеи собора, станетъ доказывать полное благополучіе наличности, ненужность собора и, можетъ быть, даже неканоничность его,—и была составлена, въ видѣ дополненія, краткая справка, доказывающая на основаніи каноновъ необходимость возстановленія соборнаго начала въ церковномъ управленіи. Въ дополненіе къ этой справкѣ, какъ соотвѣтствующій матеріалъ, предположено тѣмъ же кружкомъ выработать и подать еще нѣсколько записокъ.

И опять-таки, о высшей формѣ церковнаго правленія, съ патріархомъ во главѣ, или безъ него, этотъ вопросъ и намекомъ не затрогивался подателями записки. Они понимаютъ жгучесть, сложность и обоюдоостріе этого вопроса и оставляютъ его рѣшенію собора. Они подчеркиваютъ только неотложную необходимость обще-церковнаго собора. И собора, во-первыхъ, отнюдь *не для выбора только патріарха*, а для рѣшенія и устроенія самыхъ разнообразныхъ и многочисленныхъ современныхъ церковныхъ нуждъ и нестроеній. Во-вторыхъ, еще болѣе—отнюдь не собора частнаго, замкнутаго, келейнаго, потаеннаго, при закрытыхъ дверяхъ, съ двумя, тремя, четырьмя десятками членовъ.

Нужды, тяготы, неустройства церкви въ современномъ ея состояніи у насъ такъ велики, такъ остры, что одной перемѣной наименованія іерархической степени дѣлу не поможешь, и оставлять рѣшеніе вопроса на усмотрѣніе какой-либо одной части членовъ церкви было бы недостаточно серьезной оцѣнкой положенія вещей.

Первый на нашей памяти у насъ россійскій церковный соборъ долженъ быть соборомъ *обще-церковнымъ*. На немъ должна участвовать *вся* россійская православная церковь въ лицѣ своихъ представителей: и епископы, равно и прочіе члены іерархіи, бѣлое духовенство, и міряне.

Предстоящій духовный соборъ послѣ долгихъ у насъ будней явится первымъ радостнымъ церковнымъ праздникомъ. Какъ же на этомъ

празднествѣ будутъ участвовать одни епископы? Сами пригласятъ себя, а другихъ членовъ церкви оставятъ за дверями? Этого не можетъ быть. Да этого и не будетъ. Газетныя извѣстія о томъ, будто бы предстоящій первый въ новой исторіи Россіи церковный соборъ будетъ состоять изъ однихъ только епископовъ, есть, несомнѣнно, пустой и неосновательный слухъ.

Обще-церковный соборъ для обсужденія обще-церковныхъ нуждъ долженъ и состоять изъ представителей отъ *всѣхъ* членовъ церкви. Въ этомъ духѣ, какъ соотвѣтствующій матеріалъ, тѣми же участниками кружка пастырей, что подавали первую записку, вырабатывается и новая записка.

«Кіевское Слово» (№ 6.194-й):

Для чего нужно возстановленіе должности патріарха?

По старой бюрократической привычкѣ, большая часть реформъ, затѣваемыхъ съ самыми благими намѣреніями, оканчивается увеличеніемъ штатовъ и созданіемъ новыхъ должностей. Затѣвается, напримѣръ, крупная реформа, долженствующая поднять мануфактуры и промышленность Россійской имперіи. Всѣ газеты кричатъ о наступающей эрѣ обновленія; бюрократа, задумавшаго проектъ реформы, величаютъ если не Петромъ Великимъ, то гр. Сперанскимъ или гр. Канкринымъ. Во всѣ концы вселенной летятъ телеграммы о новомъ преобразованіи. Въ ликованіяхъ проходятъ два-три года и... составляется новый штатъ департамента. И только. Такой характеръ носитъ и задуманная реформа православной церкви.

Давно уже слышались голоса о необходимости оживить православную церковь, о необходимости поднять духовенство, въ особенности сельское, о необходимости дать больше простора въ жизни свободѣ совѣсти хотя бы въ виду того, что внутренній духъ церкви укрѣпляется въ борьбѣ, а не въ монополіи. И всѣ эти разговоры вылились въ проектѣ созданія должности патріарха, упраздненной Петромъ Великимъ. Только благодаря освобожденію церкви отъ единовластія патріарховъ оказались возможными тѣ улучшенія, благодаря коимъ церковь XVIII и XIX вѣковъ даже съ внѣшней стороны такъ рѣзко отличается отъ предшествовавшаго темнаго времени, создавшаго расколъ и религіозное буквоѣдство. Ошибка Петра I состояла лишь въ томъ, что онъ смѣшалъ соборность съ коллегіальностью. Ошибка совершенно понятная для того времени, особенно въ виду близости понятій. Если бы онъ вмѣсто синодальной

коллегіи устроилъ постоянный соборъ, то тѣ задачи, которыя имъ же имѣлись въ виду, получили бы полное осуществленіе, и православная церковь была бы организована на истинно-христіанскихъ выборныхъ началахъ.

Прошло лишь нѣсколько дней, а газеты уже начали говорить пессимистически о задуманной реформѣ. Большинство относится отрицательно; но и тѣ газеты, которыя привѣтствовали проектъ, теперь мѣняютъ тонъ. «Русь», напр., пишетъ:

«Жизнь идетъ впередъ,—государственная жизнь также. Нельзя ее направлять по канонамъ, созданнымъ много вѣковъ тому назадъ и отвѣчавшимъ нуждамъ своего времени и его общему складу, теперь смѣнившемуся уже совершенно другимъ.

Намъ нужно возрожденіе патріарха не какъ археологическое возвращеніе къ старинѣ. Еще въ XVII вѣкѣ патріархъ на осленкѣ въѣзжалъ въ кремль и царь велъ за поводъ его осленка. Возстановленіе каноническаго патріарха произвело бы на всѣхъ такое же впечатлѣніе, какъ возстановленіе подобнаго, уже ушедшаго въ глубь вѣковъ, обычая. Современный патріархъ уже не можетъ быть Никономъ, не можетъ также играть такую же роль, какую играетъ римскій папа или восточные патріархи.

Его роль должна быть строго опредѣлена, въ соотвѣтствіи съ условіями нашей текущей жизни. Устраивать ее по старымъ канонамъ—мало чѣмъ будетъ лучше, чѣмъ духовенству жить по Петровскому Регламенту».

Такъ говоритъ газета, которая оживленно привѣтствовала извѣстіе о возстановленіи должности патріарха. Дѣйствительно, это—«возстановленіе ушедшаго въ глубь вѣковъ обычая», это—попытка возстановленія деспотическаго образа управленія тамъ, гдѣ жизнь требуетъ любви и согласія. Въ старину, при общемъ невѣжествѣ и при элементарныхъ условіяхъ жизни, деспотическое управленіе приносило пользу, нейтрализуя страсти и усмиряя жестокость. Теперь подобное же управленіе вызвало бы лишь озлобленіе и отторженіе.

Нѣтъ, возвратъ къ среднимъ вѣкамъ немыслимъ. Новая жизнь не можетъ быть вправлена въ старые тиски, успѣвшіе уже испортиться и ослабѣть отъ ржавчины. Жизнь неминуемо прорветъ проржавленныя цѣпи былыхъ и притомъ темныхъ временъ.

«Олонецкія Губернскія Вѣдомости» (№ 35-й).

Статья г. *К.:*

Къ церковнымъ реформамъ.

Святѣйшій Правительствующій Синодъ возбудилъ вопросъ о созывѣ всероссійскаго духовнаго собора для выбора патріарха и для обсужденія государственнаго положенія нашей церкви, въ видахъ предоставленія ей большей самостоятельности. По намѣченной уже программѣ предположено все управленіе православной церкви сосредоточить въ рукахъ патріарха и состоящаго при немъ Синода, въ составѣ 12-ти епископовъ. Патріархъ по всѣмъ дѣламъ церкви долженъ имѣть личный докладъ у Государя Императора; нынѣ же фактически управляющая нашей церковью, — канцелярія синодальнаго оберъ-прокурора должна превратиться въ личную канцелярію патріарха.

При такихъ условіяхъ русская церковь освободится отъ преобладающаго вліянія свѣтскаго элемента.

Возбужденный Синодомъ вопросъ—несомнѣнно вопросъ величайшей важности, отъ разрѣшенія котораго будетъ зависѣть возрожденіе православной церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ и укрѣпленіе ослабѣвающихъ религіозныхъ началъ русскаго народа.

Дай Богъ, чтобы постановленія собора, дѣйствительно, вылились въ такой формѣ, которая приблизила бы церковь къ старымъ формамъ древней русской церкви, съ соборнымъ управленіемъ и выборными патріархами, независимыми отъ свѣтской власти синодальныхъ чиновниковъ. Россійскій патріархъ долженъ быть, какъ и былъ онъ въ старину, однимъ изъ совѣтчиковъ Царя въ рѣшеніи важнѣйшихъ дѣлъ государственныхъ, и доступъ его къ Монарху необходимо сдѣлать безпрепятственнымъ.

Помимо вопросовъ, уже намѣченныхъ къ разсмотрѣнію въ духовномъ соборѣ, чрезвычайно важно отвести одно изъ первыхъ мѣстъ вопросу объ обезпеченіи нашего бѣлаго духовенства, дабы сразу вывести его изъ того зависимаго отъ прихожанъ положенія, въ которомъ оно въ настоящее время находится.

Не говоря о томъ, что разрѣшеніе такого существеннаго вопроса послужитъ къ поднятію нравственнаго уровня нашего сельскаго духовенства, но и привлечетъ убѣжденныхъ пастырей изъ внѣ духовной касты, нынѣ черезъ чуръ у насъ замкнутой. Обезпечивъ духовенство, легко можно будетъ установить тотъ идеальный порядокъ, при которомъ духовное лицо никоимъ образомъ не можетъ преслѣдовать корыстныхъ цѣлей, т. е. безплатное исполненіе обязательныхъ требъ (креще-

ніе, причастіе, погребеніе и др.). При рекомендованномъ переустройствѣ положенія бѣлаго духовенства, его нравственное положеніе въ глазахъ народа значительно поднимется, а само оно духовно обновится.

Какъ пожеланіе могу еще указать на необходимость устройства, взамѣнъ нынѣ существующихъ церковныхъ старостъ, сельскихъ церковно-приходскихъ попечительствъ, состоящихъ изъ лицъ выборныхъ прихожанами; на обязанности такихъ попечительствъ должна лежать забота о нуждахъ церкви и прихода.

«Пріазовскій Край» (№ 79-й):

О церковной реформѣ.

Члены Синода пришли къ опредѣленному рѣшенію относительно времени созыва собора, хотя преобладало мнѣніе, что удобнѣе всего для этого осеннее время. Что касается патріаршества, то, придя къ полному соглашенію относительно необходимости его возстановленія, члены Синода разсмотрѣли и представленные уже проекты. Въ числѣ ихъ есть и проектъ товарища оберъ-прокурора В. К. Саблера, наиболѣе, будто бы, отвѣчающій желаніямъ іерарховъ. Синодъ при новомъ строѣ предполагается сохранить съ назначеніемъ, какое онъ имѣетъ въ Греціи, вспомогательно-совѣщательнаго учрежденія при патріархѣ. Онъ будетъ состоять изъ коммиссій, гдѣ будутъ разсматриваться и обсуждаться церковные вопросы, и членовъ постоянныхъ и временныхъ (по избранію). По слухамъ, среди московскаго духовенства ходятъ толки о созывѣ духовнаго собора въ Кіевѣ.

---

1 апрѣля.

«Богословскій Вѣстникъ».

Въ «Апрѣльской» книжкѣ органа московской духовной академіи вопросу о церковной реформѣ посвящены двѣ статьи проф. *В. Мышцына:* а) По поводу записки «о необходимости перемѣнъ въ русскомъ церковномъ управленіи» и б) Объ учрежденіи патріаршества и избраніи патріарха въ Россіи.

I.

По поводу записки „о необходимости перемѣнъ въ русскомъ церковномъ управленіи“.

Съ большою радостью привѣтствуемъ мы записку группы петербургскихъ священниковъ о необходимости реформъ въ церковномъ управленіи, именно о необходимости возстановить свободу и независимость церкви отъ мірскихъ началъ и цѣлей, отъ условій и требованій государственной власти, и ввести церковное самоуправленіе на началахъ соборности и на основаніи каноновъ церковныхъ чрезъ нарочито для сего созванный помѣстный соборъ русской церкви. Это всегда было желаніемъ истинныхъ членовъ православной церкви и истинныхъ пастырей. Въ послѣднее же время нужда въ подобныхъ церковныхъ преобразованіяхъ стала чувствоваться съ особенною силою какъ въ обществѣ, такъ и среди духовенства. Записка петербургскихъ священниковъ служитъ лишь отголоскомъ весьма широко распространенныхъ и очень настойчивыхъ желаній. Тѣмъ не менѣе честь и благодарность первымъ иниціаторамъ!

Мы хотѣли бы съ своей стороны высказать по этому поводу и нѣкоторыя свои пожеланія. За недостаткомъ времени (записка была получена нами наканунѣ отсылки нашей статьи въ редакцію) мы можемъ сдѣлать это лишь бѣгло.

1. Ни въ какомъ случаѣ, по нашему мнѣнію, не слѣдуетъ спѣшить съ созывомъ церковнаго собора. Если не трудно установить общіе принципы церковнаго самоуправленія, то въ детальномъ проведеніи ихъ встрѣтятся громадныя трудности вслѣдствіе мѣстныхъ и исторически сложившихся особенностей русской церковной жизни. Поэтому необходима предварительная всесторонняя, детальная разработка предполагаемыхъ реформъ, какъ среди самого духовенства, такъ и среди ученыхъ корпорацій. Съ этою цѣлью было бы полезно предложить епархіальнымъ съѣздамъ текущаго года высказать свои соображенія, предоставивъ мѣсто для подобныхъ соображеній и въ епархіальныхъ органахъ. Было бы весьма желательно привлечь къ обсужденію реформъ и профессоровъ духовныхъ академій, которые, конечно, охотно предложатъ свои услуги. Въ нашемъ академическомъ журналѣ еще ранѣе предположено было заняться разработкой историческаго матеріала изъ древней и новой церковной исторіи по этому вопросу. Лишь по окончаніи этой предварительной работы съ увѣренностью на успѣхъ можно приступить къ созыву собора, долженствующаго имѣть чрезвычайныя послѣдствія для будущей

церковной жизни Россіи. Надо помнить, что церковный соборъ не есть обыкновенное свѣтское совѣщаніе, неудачи котораго можно легко и быстро исправить. Ошибки собора могутъ быть роковыми...

2. Реформу церковнаго управленія на началахъ соборности необходимо провести во всей силѣ и широтѣ, а отнюдь не въ частяхъ. «Всякая система, писалъ Катковъ, можетъ развиться и принести пользу только тогда, когда взяты ихъ начала во всей ихъ истинѣ и полнотѣ. Если вы хотите получить благотворное дѣйствіе отъ тѣхъ началъ, въ благотворности которыхъ не сомнѣваетесь, то дайте имъ возможно большій просторъ, допустите ихъ дѣйствовать съ наибольшею силою, не ослабляйте, не разрывайте, не разрушайте связи, безъ которой они теряютъ всякій смыслъ» *). Хотя отъ записки вслѣдствіе ея краткости нельзя требовать полной ясности въ изложеніи основныхъ пунктовъ реформы, однако невольно бросается въ глаза то, что насколько ясно подчеркнута въ ней соборность управленія, настолько неясно указано начало избирательное. Не сказано, напр., какимъ образомъ должны быть избираемы митрополитъ и патріархъ. Нѣтъ сомнѣнія, что о церковномъ самоуправленіи и свободѣ церкви отъ стороннихъ вліяній можно говорить лишь въ томъ случаѣ, если патріархъ, какъ и митрополитъ, будетъ избираемъ соборомъ, а не свѣтскою властью. Институтъ патріаршества самъ по себѣ ни въ какомъ случаѣ не можетъ гарантировать церкви ея независимости. Доказательство тому можно находить въ древней русской церкви и даже въ напечатанныхъ выше статьяхъ Н. Ѳ. Каптерева. Соборность управленія церковью, которую особенно подчеркиваетъ записка, не спасаетъ еще отъ возможности давленія со стороны патріарха, избраннаго не соборомъ.

Ничего не сказано въ запискѣ и объ избраніи священниковъ при участіи мірянъ. Возможно, что это не случайность, такъ какъ на бывшихъ въ послѣдніе годы пастырскихъ съѣздахъ и въ печати духовенство высказывалось за неудобство примѣненія у насъ выборнаго начала. И вообще участіе приходскаго элемента въ церковной жизни выступаетъ слабо въ запискѣ священниковъ. Сказано, напр., объ управленіи епископомъ совмѣстно съ сонмомъ пресвитеровъ *предъ лицемъ народа*. Слишкомъ туманная и мало говорящая фраза. Прихожане должны принимать участіе какъ въ избраніи священниковъ и епископовъ, такъ и въ управленіи не только жизнью приходской, но и епархіальной, участвуя на епархіальныхъ съѣздахъ, въ преобразованныхъ консисторіяхъ и т. п.

Мы боимся, что это слишкомъ блѣдное указаніе участія мірянъ въ

*) Джаншіевъ, Эпоха великихъ реформъ, стр. XXVI.

церковной жизни было не случайно въ устахъ священниковъ. Боимся вотъ почему. Наше духовенство всегда имѣло склонность замыкаться въ себя, составлять изъ себя нѣчто самодовлѣющее и въ то же время чуть не отожествлять себя съ церковью. Это можно почувствовать даже при внимательномъ чтеніи самой записки. Авторы, говоря о церкви, большею частью разумѣютъ въ ней духовенство. Это большое недоразумѣніе, имѣвшее всегда вредныя послѣдствія. Здѣсь прежде всего и нарушается то понятіе соборности, какое полагаетъ въ основу церковнаго переустройства записка. Соборность обязательно предполагаетъ самое живое и дѣятельное участіе въ церковной жизни всѣхъ членовъ церкви, какъ членовъ тѣла Христова. Церковная іерархія должна не только питать, но и сама питаться духовною жизнью мірянъ. Теперь она воспринимаетъ это вліяніе въ неканонической и противной евангельскому духу формѣ сверху, въ видѣ вліянія опредѣленныхъ лицъ и даже лица. Уничтоживъ это вліяніе, іерархія должна поставить себя въ самую тѣсную, живую связь съ обществомъ прихожанъ. Въ противномъ случаѣ она неминуемо превратится въ тотъ же административный механизмъ съ бюрократическимъ строемъ. Въ противномъ случаѣ освобожденіе церкви отъ давленія свѣтской власти будетъ собственно освобожденіемъ не церкви, а духовенства, независимостью и самоуправленіемъ не церкви, а іерархіи. На самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, что священники будутъ избираться епископами. Значеніе священниковъ въ епархіальномъ управленіи благодаря исключительной ихъ зависимости отъ епископа будетъ незначительнымъ, и самое соборное управленіе будетъ номинальнымъ. Епископъ будетъ царькомъ въ своей епархіи. Сонмъ епископовъ будетъ чувствовать себя независимымъ какъ снизу, такъ и сверху. Вмѣстѣ съ этимъ воцарится прежняя бюрократія.

Итакъ соборное начало можетъ быть дѣйствительно плодотворно и жизненно лишь въ соединеніи съ выборнымъ началомъ. Да и выборное начало есть въ сущности выраженіе той же соборности, понимаемой въ истинномъ смыслѣ. Безъ выборнаго начала ни въ какомъ случаѣ не удастся устранить тотъ существенный недостатокъ въ нашей церковной жизни, который послужилъ для составителей записки исходнымъ пунктомъ, именно отсутствіе связи между «церковью» (какъ выражается записка, слѣдуетъ сказать. духовенствомъ) и обществомъ. Только тогда не будетъ разобщенности между духовенствомъ и народомъ, когда оно будетъ выходить изъ народа.

3. Проводя принципъ соборности и избирательное начало до конца, духовенство должно приготовиться къ нѣкоторой жертвѣ. Церковныя суммы, включая сюда доходы свѣчнаго завода, должны служить цѣлямъ

церкви, а не духовенства. Пока государство не приняло на свое содержаніе духовно-учебныхъ заведеній, послѣднія, какъ назначенныя для образованія будущихъ пастырей, а не для дѣтей духовенства, должны содержаться на церковныя суммы. Но учрежденія, имѣющія въ виду исключительно интересы духовенства, напр. эмеритальныя кассы и пр., не должны пользоваться изъ этого источника. Желательно, чтобы къ несенію расходовъ на обще-церковныя нужды были привлечены наши монастыри и лавры.

4. Начала выборнаго и соборнаго управленія должны, какъ мы сказали, отразиться на всѣхъ сторонахъ церковной жизни. Они должны быть непремѣнно проведены въ учебно-воспитательное дѣло въ нашихъ духовныхъ школахъ въ формѣ, даже болѣе послѣдовательной, чѣмъ это было въ уставахъ 1867—9 гг. Современные же уставы духовно-учебныхъ заведеній, проникнутые бюрократическимъ и административнымъ характеромъ, не могутъ воспитывать пастырей въ духѣ Евангелія и истинно пастырскаго призванія.

5. Такъ какъ сущность соборнаго начала сводится къ тому, что извѣстнымъ учрежденіемъ правитъ не лицо, какъ бы оно ни выдавалось своими дарованіями и нравственными свойствами, а цѣлое, такъ сказать, тѣло учрежденія, то это начало само собой предполагаетъ возможность и необходимость искренняго, откровеннаго выраженія своихъ мнѣній и нуждъ для каждаго члена учрежденія. Поэтому необходимо предоставить извѣстную свободу мнѣнія по церковнымъ вопросамъ, какъ на всѣхъ собраніяхъ церковныхъ, такъ и въ печати. Мнѣніе должно быть выражено прямо, безбоязненно, безъ опасенія вызвать неблаговоленіе начальства. Это требуетъ нѣкотораго подвига самоотверженія со стороны іерархіи. Представители ея не должны претендовать на непогрѣшимость, должны быть готовы выслушать слово, можетъ быть, идущее въ разрѣзъ съ ихъ мнѣніями, заботясь всегда о спасеніи истины, а не своего престижа. Безъ этого условія соборное начало будетъ фиктивнымъ. Да и вообще, стремясь къ усиленію церковной власти, ослабляемой до сихъ поръ воздѣйствіемъ власти свѣтской, не должно забывать, въ чемъ сущность церковной власти. *Вы же не тако: но болій въ васъ, да будетъ яко мній: и старый, яко служай* (Лук. 22, 25—56). Господь не далъ апостоламъ преимуществъ свѣтской власти. Сущность церковной власти въ *служеніи* не только Господу, но во имя Его и людямъ, въ служеніи, вытекающемъ изъ милосердія. *Милосердова о нихъ, яко бяху смятени и отвержени* (Матѳ. 9, 36—37) *). При забвеніи этой заповѣди Христа,

*) Подробнѣе объ этомъ см. у Н. А. Заозерскаго въ его кн. «О церковной власти». Стр. 3—6.

въ церковной жизни всегда не перестанетъ существовать свѣтская, а не духовная власть, если даже и будетъ устранено вліяніе на нее государства.

Углубляясь въ сущность предстоящихъ церковныхъ реформъ, чувствуешь ясно, что ихъ надо начать съ подвига самоотреченія.

21 марта.

II.

Объ учрежденіи патріаршества и избраніи патріарха въ Россіи.

Въ послѣдніе дни въ газетахъ появились сообщенія о церковныхъ событіяхъ, сообщенія, часто странныя и неправдоподобныя (впрочемъ въ настоящее время русскій человѣкъ, кажется, потерялъ критерій для отличія правдоподобнаго отъ неправдоподобнаго). Въ «Русскомъ Словѣ» (22 марта) и «Русскомъ Листкѣ» (23 м.) передается о томъ, будто Св. Синодъ постановилъ ходатайствовать предъ Государемъ Императоромъ не только о созывѣ всероссійскаго церковнаго собора, но и объ учрежденіи патріаршества, будто самое избраніе патріарха Синодъ принципіально рѣшилъ (?) въ текущую сессію своихъ засѣданій. Въ «Словѣ» (21 м.) сообщается слухъ, будто дѣло реформы церковной будетъ всецѣло передано или въ руки Синода, или особаго «совѣщанія» изъ представителей церковной іерархіи съ участіемъ свѣдущихъ лицъ изъ бѣлаго духовенства и мірянъ. Всѣ эти слухи мало правдоподобны. Здравая логика подсказываетъ, что возстановленіе каноническаго управленія русской церкви можетъ быть совершено лишь каноническимъ путемъ. Канонической же путь церковнаго переустройства лишь одинъ, и онъ слишкомъ ясенъ и слишкомъ хорошо извѣстенъ. Этотъ путь есть общероссійскій соборъ, въ которомъ обязаны присутствовать, не дожидаясь особаго личнаго приглашенія, всѣ епископы русской церкви. По каноническимъ правиламъ, епископы, безъ уважительныхъ причинъ (тяжкая болѣзнь и под.) не явившіеся на соборъ, подлежатъ «слову прещенія» (IV Всел. соб. прав. 19), митрополитъ, не исполнившій этого правила, подвергается эпитиміи, и «аще обрящется нѣкій начальникъ, возбраняющій сіе, да будетъ онъ отлученъ» (VII Всел. соб. прав. 6). Избраніе патріарха можетъ состояться лишь на такомъ именно соборѣ. Фактъ избранія епископа въ первенствующаго члена Синода ни въ какомъ случаѣ не только не замѣняетъ, но и не предрѣшаетъ свободнаго избранія патріарха, такъ какъ принципы того и другого избранія различны до противоположности. Возстановленіе патріаршества, какъ одной изъ формъ каноническаго управленія церкви, есть вопросъ едва ли не болѣе важный, чѣмъ самое избраніе патріарха. Поэтому оно, будучи дѣломъ, касаю-

щимся *всей* церкви русской, должно быть рѣшеніемъ *всѣхъ* епископовъ русскихъ, а не случайнаго и незначительнаго собранія ихъ. И вообще дѣло церковной реформы, согласно съ канонами православной церкви, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть дѣломъ ни Синода, ни «особаго совѣщанія». Это значило бы начать возстановленіе соборнаго управленія въ церкви съ фактическаго отрицанія соборности и съ нарушенія православныхъ каноновъ, это значило бы, что идея соборности сохранилась лишь на страницахъ кормчей, а не въ сознаніи іерарховъ. Такой путь церковнаго переустройства привелъ бы въ смущеніе преданныхъ сыновъ православной церкви, далъ бы новый и сильный поводъ противникамъ православія къ новымъ обвиненіямъ православной церкви въ нарушеніи каноновъ и вообще могъ бы имѣть послѣдствія, которыя невозможно даже и предвидѣть. Эти соображенія должны охладить пылъ тѣхъ, кто пожелалъ бы скораго проведенія реформъ «домашнимъ образомъ». Да и вообще для чего и для кого спѣшить въ такомъ крайне важномъ и сложномъ шагѣ? Исходнымъ началомъ церковной реформы должно быть созваніе собора, какъ правильно было указано въ запискѣ петербургскихъ священниковъ. Вотъ почему мы считаемъ вышеприведенныя сообщенія неправдоподобными.

Два слова о соборѣ. Въ древней церкви на соборахъ присутствовали и міряне (ср. Дѣян. Ап. XV, 22: *изволися апостоломъ и старцемъ со всею церковію*) *), съ правомъ не рѣшающаго, а совѣщательнаго голоса **). У насъ же въ Россіи есть особенно вѣсскія побужденія сохранить это право мірянъ. Не говоря о томъ, что это было бы хорошимъ средствомъ для возстановленія почти утраченной живой связи общества съ іерархіею, церковная жизнь въ настоящее время такъ осложнилась, что епископы никакимъ образомъ не могутъ считать себя компетентными въ рѣшеніи нѣкоторыхъ церковныхъ вопросовъ безъ помощи мірянъ. Возьмите, напримѣръ, вопросъ объ исправленіи давно уже въ этомъ нуждающейся славянской библіи. Рѣшить этотъ вопросъ безъ помощи ученыхъ спеціалистовъ епископы ни въ какомъ случаѣ не могутъ. Такихъ вопросовъ можетъ оказаться не мало.

23 марта.

---

*) См. у Н. А. Заозерскаго въ его брошюрѣ: «О средствахъ усиленія власти нашего высшаго церковнаго управленія». 1903 г.

**) Но участіе мірянъ при выборѣ епископа, митрополита и патріарха имѣло большое значеніе.

«Слово» (№ 112-й).

Статья *Рцы:*

Закваска фарисейская.

Іисусъ сказалъ имъ: смотрите, берегитесь закваски фарисейской и саддукейской.
Матѳ. 16, 6.

Какимъ непріятнымъ дуновеніемъ дыхнуло на насъ изъ Москвы на этихъ дняхъ!..

Робкая попытка приподнять бѣдствующую русскую церковь съ одра паралитика тотчасъ подняла отвратительный осадокъ со дна присущаго намъ религіознаго оцѣпенѣнія и церковнаго застоя. Обращаясь мыслью къ церковнымъ дѣламъ и религіознымъ проблемамъ, необходимо постоянно имѣть въ виду, что религіозная купель Россіи—въ Византіи, и что эта послѣдняя представляетъ два теченія: свѣтлое, истинное, прекрасное, вѣковѣчное, и мутное, ложное, ядовитое. Прекрасно выяснена эта двойственность Византіи у незабвеннаго Алексѣя Степановича Хомякова. Полемизируя съ покойнымъ эпитропомъ гроба Господня, Т. И. Филипповымъ, Алексѣй Степановичъ писалъ въ «Русской Бесѣдѣ»: «Исторія Византіи представляетъ двѣ стороны, двѣ совершенно противоположныя стихіи: одну—эллинско-христіанскую... другую—римско-государственную. Съ одной стороны—мысль, человѣчность, любовь, съ другой — форма, себялюбіе, вражда». Эту вторую сторону Хомяковъ опредѣляетъ, какъ «сочетаніе низости съ гордостью и внутреннее гніеніе какъ лицъ, такъ и народа... короче сказать, одна есть просвѣщенное христіанство, то есть православіе, а другая фанаріотство... Первую мы признаемъ единственною животворною истиною, единственною достойною цѣлью для человѣческой жизни и человѣческаго труда; другую ненавидимъ всею душою съ тѣмъ большею ненавистью, что она есть ядъ, отравляющій высшую область человѣческой и общественно-человѣческой жизни, что она сочетаетъ въ себѣ всю мерзость святотатства и всю свирѣпость народныхъ эгоизмовъ. Противъ этого отвратительнаго отсѣда древней Византіи, неожиданно для насъ принятаго подъ защиту однимъ изъ бывшихъ сотрудниковъ «Р. Бесѣды», будемъ мы вооружаться всею силою негодованія и, если можемъ, всею силою слова».

О томъ же предметѣ, много лѣтъ позже, знаменитый московскій публицистъ и глубокій знатокъ церковныхъ вопросовъ, Никита Петровичъ Гиляровъ-Платоновъ, въ письмѣ къ автору настоящихъ строкъ высказался слѣдующимъ образомъ:

«Вы мнѣ напомнили о статьѣ противъ Леонтьева. Очень радъ; но

о болгарахъ ли я говорилъ? Едва ли, а говорилъ, вѣроятно, то же, что писалъ вамъ о ненадобности намъ Константинополя. Леонтьевъ за Византію и великую церковь, а я говорю, что это гниль, и что русскій народъ есть живой организмъ, носящій въ себѣ *свои* (курсивъ подлинника) стихіи».

Вотъ очень важныя свидѣтельства, которыя необходимо постоянно имѣть въ виду. Когда заходитъ рѣчь объ оживленіи и возрожденіи русской церкви, нужно пристально вглядываться: что именно предполагается оживить? «Отвратительный отсѣдъ», который мы восприняли одновременно съ положительными началами Византіи, или подлинно-евангельскій духъ «мысли, человѣчности, любви», какъ выражается Хомяковъ? Облобызаемъ ли мы *гниль*, какъ выражается Гиляровъ, или вмѣстѣ съ нимъ увѣруемъ, что русскій народъ есть живой организмъ, носящій въ себѣ свои собственныя творческія начала? Желаемъ ли мы освобожденія русской церкви въ тѣхъ видахъ, чтобы она отблагодарила насъ ядомъ, отравляющимъ высшую область человѣческой жизни, или мы добиваемся свободы на тотъ конецъ, чтобы пастырство наше въ неразрывномъ единеніи съ народомъ «истинствовало въ любви», по слову апостола?

Твердо держа въ сознаніи указанный критерій, мы можемъ съ полнымъ спокойствіемъ выслушивать нахальные голоса разныхъ *киръ*—лицемѣровъ и *киръ*—фарисѣевъ, число коихъ среди нашихъ домашнихъ византійцевъ довольно значительно... Кончикомъ сапога мы оттолкнемъ нелѣпую попытку поработить жизнедѣятельность освобожденной церкви безсодержательной археологіи, сводящейся къ риторикѣ дурного тона да къ ничѣмъ не оправдываемымъ претензіямъ, племеннымъ и географическимъ.

«Разсвѣтъ» (№ 31-й).

Статья *А. Слезскинскаго*:

О причтѣ и приходѣ.

Русская православная церковь хочетъ сама собою управляться. Значитъ, указы станутъ писать и посылать въ епархіи не оберъ-прокуроры Св. Синода, а патріархи. Но будетъ ли отъ этого лучше церкви и паствѣ, если исполнителями указовъ явятся полновластно епископы, и они же сохранятъ власть надъ «ставленниками» на священническія, діаконскія и причетническія мѣста? Всѣ епископы наши—монахи, чужды внутренней, народной жизни, посвятивъ себя уединенію и даже аскетизму.

Сами они не исполняютъ таинствъ вѣнчанія, крещенія, не исповѣдуютъ, не знаютъ тонкихъ сторонъ брака и, вообще, быта паствы. Какъ же учить тому, въ чемъ самъ слабосиленъ, объяснять, развивать то, что самъ понимаешъ смутно? Вѣдь тогда каждый епископъ долженъ быть въ курсѣ бракоразводныхъ процессовъ, церковнаго строительства, духовнаго образованія: поэтому онъ обязанъ быть, отчасти, и юристомъ, и архитекторомъ, и педагогомъ...

Однако, для его сана сдѣлать это менѣе доступно, чѣмъ для иного духовнаго лица. Наконецъ, владыка-монахъ разъ въ годъ, а зачастую и меньше, видитъ каждую сельскую церковь своей епархіи, да и то мимолетно.

Духовенство стремится сбросить съ себя иго чиновничества, освободиться изъ-подъ его вліянія, несообразнаго съ духомъ церкви. Когда же за епископами останется право опредѣлять и увольнять священнослужителей, то это будетъ, пожалуй, хуже. Старые порядки, всосавшіеся въ плоть и кровь у вершителей судебъ бѣлаго духовенства, конечно, не исчезнутъ, а останутся въ полной неприкосновенности. Ни для кого не секретъ, какъ священническія мѣста съ богатымъ, многодушнымъ приходомъ берутся съ боя,—причемъ пускаются въ ходъ всевозможные происки, и побиваютъ рекордъ тѣ, которые или безъ добрыхъ качествъ, или съ качествами, очень часто совсѣмъ не отвѣчающими обязанностямъ церковнослужителей. Сплошь да рядомъ недостойные, слабые во всѣхъ отношеніяхъ батюшки настоятельствуютъ въ лучшихъ приходахъ и живутъ припѣваючи, а батюшки развитые, нравственные сидятъ гдѣ-нибудь въ глуши, лично пашутъ землю, убираютъ сѣно. Какая тутъ внѣдряется несправедливость! Священникъ, за престарѣлостью или по болѣзни, является къ владыкѣ, подаетъ въ отставку и проситъ безъ всякихъ околичностей укрѣпить его мѣсто за дочерью. Владыка укрѣпляетъ. Подъискивается окончившій семинаристъ,—не съ чѣмъ инымъ, какъ только съ согласіемъ взять въ жены священническую дочку и получить въ придачу мѣсто. Комментаріи излишни. Да, живъ еще Помяловскій! Ярко встаютъ герои его бурсы.

Въ какихъ краскахъ можно нарисовать приходъ такого батюшки, который назначенъ «по усмотрѣнію» епископа, безъ вѣдома прихожанъ, противъ, быть можетъ, ихъ желанія? Исконный взглядъ, что приходскій священникъ долженъ играть въ средѣ пасомыхъ первенствующую роль, стоять на высотѣ своего призванія, служитъ источникомъ и оплотомъ благополучія прихода...

Онъ креститъ прихожанъ, воспитываетъ ихъ религіозныя и нравственныя чувства, вѣнчаетъ, учитъ жить, напутствуетъ въ жизнь вѣч-

ную и погребаетъ. Прихожане должны внимать словамъ и дѣламъ своего батюшки, уважать, любить его. Однако, въ приходѣ съ непрошеннымъ пастыремъ, нерѣдко бываетъ совершенная противоположность. Священникъ на службѣ нерѣдко отбываетъ лишь повинность, индиферентно смотритъ на бытъ паствы, не входитъ въ ея нужды, горе и радости, живетъ обособленно, замкнуто, словомъ—ни съ кѣмъ не знается. Онъ видитъ прихожанина только въ церкви и когда приходитъ съ требой. Приходъ охладѣваетъ къ подобному батюшкѣ, свыкается съ дурными наклонностями, сбивается съ добраго пути, прозябаетъ безъ руководительства, не радѣетъ къ семьѣ.

Не даромъ сложилось у народа гражданственное воззрѣніе: «каковъ попъ, таковъ и приходъ».

Поэтому, создавая патріархатъ, не слѣдуетъ задаваться обновленіемъ только одной головы, надо непремѣнно обновить и остальное тѣло.

Прежде всего надлежитъ снять съ бѣлаго духовенства veto, въ силу котораго священники не идутъ дальше іерея; открыть имъ дорогу къ достиженію какой-нибудь службы, равноправной епископу, откуда долженъ проливаться истинный свѣтъ на низшее духовенство: вѣдь, помимо батюшекъ, не знающихся съ паствою, есть много образованныхъ, одаренныхъ свѣтлымъ разумомъ, дѣятельныхъ священниковъ, служившихъ десятки лѣтъ лицомъ къ лицу съ приходомъ, умудренныхъ опытами въ свѣтской жизни.

Вотъ они то и могутъ быть первыми піонерами по проведенію въ народъ лучшихъ мѣръ патріархата; они вѣрнѣе, чѣмъ епископы-монахи, сплотили бы церковь съ народомъ, сливая ихъ во единую душу. А если священники будутъ настоятельствовать по желанію прихода, то еще болѣе укрѣпится эта душа.

Правда, прежнее патріаршество всецѣло зиждилось на монашествѣ, но тогда были одни времена, а теперь другія. За три вѣка, безъ малаго, Россія далеко ушла по пути развитія и культуры.

«Русскій Листокъ» (№ 89-й).

Статья *Черноморца*:

Несоразмѣрныя претензіи.

Нельзя отказать нашему духовенству въ знаніи дипломатическихъ пріемовъ... Въ то время, когда всѣ возмущались, что наши богатѣйшіе монастыри и, въ общемъ, богатыя церкви совсѣмъ почти ничего не жертвовали и не жертвуютъ на военныя нужды,—даже не заботятся объ

облегченіи участи раненыхъ и больныхъ, — наши черные и бѣлые батюшки измыслили дипломатическую диверсію: мы не виноваты ни въ скряжничествѣ, ни въ непорядкахъ, царящихъ въ церкви; дайте и намъ «свободу», самоуправленіе, патріаршество и т. п.,—и дѣло вѣры процвѣтетъ, яко кринъ сельный...

Тутъ, кстати, обнаружился полный крахъ нашей бюрократіи.

И у насъ-де всѣ непорядки отъ нея же.

Что и говорить,—нигдѣ какъ въ консисторіяхъ нашихъ, — гдѣ ютятся, по безсмертному выраженію Великаго Петра,— «сіи ненасытныя собаки»—нѣтъ такого лихоимства и мздоимства.

Что и говорить,—нашъ духовный чинъ обратился въ ту же бюрократію, въ чиновниковъ.

Но, въ этомъ ли только все зло, и наступитъ ли у насъ духовная Аркадія, если мы возложимъ на рамена народныя нѣчто подобное блаженнымъ временамъ «блаженнѣйшихъ патріарховъ?»

Исторія патріаршества въ Россіи — не составляетъ секрета.

Мы знаемъ и маленькіе плюсы его и большіе минусы, потребовавшіе всей энергіи, всего генія Петрова на ихъ уничтоженіе.

Мы знаемъ исторію и восточныхъ патріархатовъ, знаемъ исторію и папства,—гдѣ принципъ самоуправленія церковнаго, гдѣ могущество церкви проявлялись во всей полнотѣ цѣлое тысячелѣтіе...

Но, пусть,—оставаясь строго каноничнымъ въ восточно-исповѣдномъ смыслѣ,—мы допустимъ, что папство не «оправдало возлагавшихся на него надеждъ», потому что впало въ заблужденіе.

Все-таки передъ нами остаются непреложными свидѣтельства исторіи и восточныхъ патріархій, и нашего россійскаго патріаршества.

Положа руку на сердце, можемъ ли мы въ XX вѣкѣ отринуть великое дѣло Петрово?

Вотъ проектъ главнѣйшихъ преобразованій, необходимыхъ для того, чтобы церковь очнулась отъ борющей ее летаргіи.

«Въ этихъ пунктахъ и въ общемъ прежде всего говорилось о снятіи съ церкви узъ бюрократіи и о возвращеніи ей правъ каноническаго соборнаго самоуправленія. Затѣмъ митрополитъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи священникамъ принимать участіе въ дѣлахъ гражданскаго управленія и для этого присутствовать въ качествѣ непремѣнныхъ членовъ во всѣхъ государственныхъ и центральныхъ учрежденіяхъ, начиная съ сельскаго схода и кончая комитетомъ министровъ. За этимъ шло ходатайство объ уравненіи господствующей церкви съ раскольничьей въ дѣлѣ пріобрѣтенія завѣщаннаго прихожанами имущества. Намѣчены и другія важныя реформы».

Какъ видите, все говорится «о правахъ и преимуществахъ»; объ обязанностяхъ—ни слова.

Очевидно, подразумѣвается, что этихъ обязанностей у духовенства нашего и теперь очень много, что нашимъ отцамъ духовнымъ, особенно черному духовенству, и теперь приходится работать, не покладая рукъ на пользу насъ, «неблагодарныхъ».

Мы и тутъ спорить не станемъ,—дѣло говоритъ само за себя...

Около ста лѣтъ тому назадъ министръ юстиціи И. И. Дмитріевъ,—бюрократъ, стало быть хоть куда,—согрѣшилъ басней: «Мышь, удалившаяся отъ свѣта».

Дмитріева теперь почти позабыли, поэтому считаемъ благовременнымъ припомнить эту басенку: «Благочестива мышь, наскуча суетою, оставила сей шумный міръ и удалилась въ глубокую пещеру въ голландскомъ сырѣ; тамъ святостью одной свою питая вѣру, къ спасенію души трудиться начала: ногами да зубами голландскій сыръ скребла и выскребла досужимъ часомъ изрядну келейку съ достаточнымъ запасомъ».

Когда же на отшельницу набрели земляки, страждущіе и обремененные, и попросили у нея помощи· «Всеобща бѣдность и невзгода причиною, что мы несемъ пустыя лишь сумы; что было съ нами, все проѣли, а путь еще далекъ». Просятъ посильно помочь.

«Затворница на то, съ душевнымъ состраданьемъ,
И лапки положа на грудь свою крестомъ·
«Возлюбленны мои!—смиренно отвѣчала:
Я отъ житейскаго давно уже отстала ..
Чѣмъ, грѣшная, могу помочь?
Да ниспошлетъ вамъ Богъ... а я и день, и ночь
Молить Его за васъ готова».

Такъ думали и писали наши дѣды, въ то трудное «по цензурнымъ условіямъ» время.

Что касается участія батюшекъ во всѣхъ государственныхъ и центральныхъ учрежденіяхъ, «начиная съ сельскаго схода и кончая комитетомъ министровъ»,—отчего же «кончая» — непонятная скромность... Въ нашей древней думѣ духовному чину принадлежало первенствующее мѣсто; просите и теперь того же: запросите больше, будетъ изъ чего уступать...

Теперь на сельскихъ сходахъ мы видимъ батюшекъ только въ томъ случаѣ, когда «надо покланяться православнымъ», чтобы въ праздникъ за угощеніе водкой убрали попову ниву, да въ томъ случаѣ, когда надо «уговорить» тѣхъ же православныхъ помолебствовать о дождѣ или ведрѣ.

Въ нашихъ земскихъ собраніяхъ съ самаго начала ихъ существованія сидятъ, брады уставя, «депутаты». Мы что то не помнимъ, чтобъ они о чемъ-нибудь полезномъ говорили, а вотъ о горячей ихъ полемикѣ противъ земскихъ школъ въ пользу церковно-приходскихъ помнимъ; особенно духовные депутаты стараются по поводу субсидій всякаго рода: на вознагражденіе за преподаваніе Закона Божія, на переводъ земскихъ средствъ съ земскихъ школъ на «наши» и т п.

Что касается свободы получать пожертвованія, то мы что то не слыхали объ утѣсненіяхъ въ этомъ смыслѣ...

Слава нашей исторіи—Петръ и Екатерина II недаромъ наложили свои руки на церковныя имущества; въ ихъ время, мнихи володѣли и «живыми душами» и такими огромными латифундіями, что являлись богатѣйшими земельными собственниками. И тогда батюшки не любили разставаться съ уготованными для себя келіями съ запасцами, и государственная власть должна была «просить честію» оставить насиженныя мѣстечки и принять участіе въ государственныхъ расходахъ чѣмъ-нибудь инымъ, кромѣ воздыханій и молитвъ...

Нелицепріятныя цифры и теперь доказываютъ, что наше духовное вѣдомство является *третьимъ*, послѣ казны и удѣловъ, собственникомъ всей площади Россіи.

Не нескромно ли нѣсколько при этихъ условіяхъ добиваться еще большаго права «привлекать пожертвованія»?

Что касается богатствъ денежныхъ и въ другихъ родахъ,—кромѣ земли,—то и тутъ не оскудѣвала рука дающаго, и то же вѣдомство очень могло бы покрыть чуть ли не всѣ издержки настоящей несчастной войны.

Что если бы вмѣсто своихъ «трудовъ» въ этомъ смыслѣ наши отцы предложили частичку своихъ богатствъ? Японцы,—они закоснѣлые язычники, не боятся нашихъ моленій; не пробрали ли бы мы ихъ сильнѣе тѣми средствами, которыя лежатъ втунѣ по монастырямъ и церквамъ? Я это давно предлагаю попробовать...

Выказавъ такой примѣръ самопожертвованія, выручивъ государство въ его тяжкомъ экономическомъ положеніи, — духовенство наше доказало бы и свой истинный патріотизмъ, и свою гражданскую зрѣлость, что, само собой, повлекло бы и расширеніе его гражданскихъ правъ. Масоны тоже все толковали о разныхъ духовныхъ совершенствахъ. Но когда всѣ убѣдились, что суть то масонства заключается въ томъ, что люди дѣлятся на *датусовъ* и *биратусовъ*,—какъ выразился одинъ острякъ,—къ масонству очень и очень охладѣли.

Далѣе, если бы къ необходимымъ матеріальнымъ жертвамъ наше

духовенство присоединило истинно-христіанское и канонически для него обязательное попеченіе о больныхъ, раненыхъ и страждущихъ, если-бы оно взялось не въ буквѣ только, но и въ духѣ просвѣщать нашу тьму народную,—то оно заняло бы сразу почетнѣйшее положеніе въ сознаніи народномъ, и никакія бы канцелярскія прижимки чиновниковъ не были ему страшны...

Мы переживаемъ не такое время, чтобы намъ легкомысленно заводить новые «дворы».

А патріаршій дворъ ляжетъ не шуточнымъ бременемъ на народную казну.

Если теперь митрополиты наши получаютъ доходовъ отъ 50 до 75 тысячъ въ годъ каждый, если теперь простой епископъ, напримѣръ, одесскій, получаетъ болѣе 20 тысячъ, — то сколько же должно положить патріарху жалованья,—на дворъ, на представительство, на весь вообще антуражъ сего князя церкви?

А чиновничество то, «бюрократія», съ которыми наши батюшки думаютъ бороться путемъ учрежденія осужденнаго исторіей патріаршества, не только останутся въ прежней силѣ, но увеличатся въ числѣ... Въ самомъ дѣлѣ, что измѣнится?

Правительствующій Синодъ замѣнится патріархіей; но... при патріархѣ будетъ учрежденъ синодъ патріаршій»...

По моему,—тутъ будетъ очень «тонкое» отличіе, а суть то останется та же самая,—будетъ та же пріятная во всѣхъ отношеніяхъ консисторія, только на столичный манеръ...

Мы не будемъ повторять избитыхъ фразъ о винѣ новомъ и мѣхахъ старыхъ, не будемъ предрекать нашимъ музыкантамъ: какъ, отцы, не садитесь, а въ музыканты не годитесь...

Не будемъ указывать и на духъ времени, — на то, что мы, какъ-никакъ, а живемъ въ вѣкѣ электричества и пара, а не во времена византійскихъ императоровъ.

Мы спросимъ только духовныхъ реформаторовъ нашихъ: въ какой позиціи утвердится будущій блаженнѣйшій патріархъ по отношенію къ государственной власти: станетъ ли Никономъ или Діонисіемъ.

Въ первомъ случаѣ государству грозятъ междоусобная смута и новый расколъ церкви, а во второмъ—будетъ тотъ же оберъ-прокуроръ, покорный велѣніямъ свыше, только въ монашеской мантіи, а не въ расшитомъ мундирѣ.

Скажутъ, между Никономъ и Діонисіемъ дистанція огромнаго размѣра.

Да, вѣрно, но, что до меня, я предпочитаю имѣть дѣло съ этими

двумя яркими представителями двухъ направленій патріаршей политики, чѣмъ съ людьми, про которыхъ сказано,—не тепелъ и не студенъ.

«День» (№ 90-й).

Петербургскіе реформаторы.

Для свѣтскихъ учрежденій реформы означаютъ часто замѣну стараго новымъ, и замѣна эта оказывается полезной и благотворной. Въ церкви реформъ въ этомъ смыслѣ быть не можетъ, и реформы церковныя оказываются нужными въ томъ только случаѣ, если церковь въ силу какихъ-нибудь неблагопріятныхъ условій отклонилась отъ правильнаго, каноническаго устройства. Реформой въ церкви можетъ быть лишь возвращеніе ея къ правильному, каноническому устройству.

Но возвратиться къ канону можно только канонически. Своимъ умомъ, наспѣхъ и примѣняясь къ чьимъ-либо грубымъ вкусамъ и желаніямъ, производить церковныя преобразованія нельзя. Въ правилахъ церковныхъ мы видимъ не только то, что мы потеряли, но и тотъ путь, идя которымъ—мы должны вернуть себѣ потерянное.

Починъ въ дѣлѣ созванія помѣстнаго собора и избранія патріарха не можетъ исходить отъ Святѣйшаго Синода. Признавая необходимымъ возстановленіе патріаршества, мы тѣмъ самымъ признаемъ *неканоничность* произведенныхъ императоромъ Петромъ I реформъ. Святѣйшій Синодъ поэтому является неканоническимъ учрежденіемъ. Какъ же, спрашивается, мы будемъ возвращаться къ канону при помощи учрежденія, носящаго неканоническій характеръ? Уже одно то, что помѣстный соборъ будетъ созванъ по почину Синода, вызоветъ возраженія противъ него старообрядцевъ, и, вмѣсто примиренія съ ними, такая реформа принесетъ новую вражду и расколы и секты.

Указываютъ путь, какимъ должна быть произведена церковная реформа. Въ Москвѣ является актъ Высочайшей воли—манифестъ. Собирается епископскій соборъ и избираетъ соборную коммиссію, которая подготавливаетъ дѣла для разсмотрѣнія собора. Затѣмъ собирается соборъ и избираетъ сперва митрополитовъ кіевскаго и петербургскаго, а затѣмъ *московскаго патріарха.*

Иными словами, весь петербургскій періодъ объявляется какъ бы не бывшимъ, и церковь возвращается вполнѣ канонически къ своему до-петровскому положенію.

Легкомысленные и невѣрующіе петербургскіе реформаторы не могутъ усвоить себѣ эти крайне важныя указанія и съ величайшею, не-

приличною наглостью называютъ ихъ «археологическими». Но чего ждать отъ людей, которые не могутъ отличить православіе отъ евангелизма. Они уже теперь предлагаютъ пригласить на помѣстный соборъ всѣхъ мірянъ, которые «помнятъ всего болѣе евангеліе и страшатся пойти противъ его духа». Этакимъ способомъ на помѣстномъ соборѣ могутъ очутиться и некрещеные евреи, исповѣдующіе евангеліе «по Толстому»—есть у насъ и такіе!

Въ этомъ петербургскомъ легкомыслiи и пустословіи весь центръ вопроса. Что могутъ понимать такіе люди въ церковныхъ вопросахъ? Имъ только о равноправіи любезныхъ имъ евреевъ толковать въ пору.

Мы ни минуты не вѣримъ искренности петербургскихъ начинателей церковной реформы. Они такъ же мало искренни, какъ и компетентны въ этомъ дѣлѣ. Начать съ того, что Петербургъ затѣялъ избрать какого-то всероссійскаго патріарха. Такого патріарха никогда не было, и замѣчаютъ вполнѣ правильно, что разъ зашла рѣчь о возстановленіи патріаршества въ Россіи, то можно говорить только о возстановленіи того, что было неправильно упразднено, т. е. объ избраніи *патріарха московскаго*.

Но какое дѣло до канона пустопорожнимъ петербуржцамъ. Они, собирающіеся облагодѣтельствовать церковь возвращеніемъ ея къ «канонической простотѣ», не знаютъ на самомъ дѣлѣ, что такое церковный канонъ. Имъ не каноническая простота нужна, а совсѣмъ другое. Вспомните, съ какимъ злорадным удовольствіемъ сообщали воспылавшіе столь внезапной ревностью къ православію радикалы о томъ, что при новомъ порядкѣ докладъ Верховной Власти по дѣламъ церкви будетъ дѣлать уже не оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, а всероссійскій патріархъ.

Очевидно, въ этихъ «докладахъ» и вся тайна столь ярой ревности реформаторовъ. Кому-то понадобилось что-то, и вотъ изобрѣтается наскоро «патріархъ-докладчикъ». А такъ какъ съ докладами изъ Москвы въ Петербургъ ѣздить далеко, то московская патріархія замѣняется такъ же наскоро и съ такимъ же отчаяннымъ легкомысліемъ патріархіей всероссійской.

Легкомыслiе въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ нужды православной церкви, есть великое кощунство. Но явилось новое удивительное обстоятельство.

На-дняхъ была опубликована записка о положеніи православной церкви кого же? С. Ю. Витте *). Какъ извѣстно, предсѣдатель комитета министровъ, купно съ преосвященнымъ Антоніемъ, первые подали мысль

*) Замѣчательно, что записка г предсѣдателя комитета министровъ напечатана въ революціонной газетѣ, изъ которой вчера мы приводили невообразимыя кощунства сотрудницы-еврейки.

о созваніи *въ Петербургѣ* помѣстнаго собора и объ учрежденіи всероссійскаго (а не о возстановленіи московскаго) патріаршества. Записка откровенно выясняетъ взгляды на церковный вопросъ петербургскихъ реформаторовъ. Такъ какъ мы не имѣемъ данныхъ считать С. Ю. Витте знатокомъ церковныхъ дѣлъ, то, въ виду нѣкоторыхъ высказанныхъ тамъ вещей, желаемъ думать, что записку для него кто-нибудь составилъ.

Своевременно мы выражали свое удивленіе по поводу того, что петербургскіе реформаторы настаиваютъ на *совершенной неотложности* церковной реформы. Почему понадобилось начинать такое высоко важное дѣло и въ такую трудную минуту? Вниманіе народа и государства устремлено на Дальній Востокъ, мы ведемъ тяжелую войну, и вся наша народная энергія направлена на ея успѣшное окончаніе. Церковную же реформу развѣ можно было бы сдѣлать *мимоходомъ?*

Въ запискѣ С. Ю. Витте дается объясненіе этой неотложности. Комитетъ министровъ, изволите ли видѣть, вступаетъ «на путь самой широкой вѣротерпимости». Иновѣрцамъ, иными словами, предполагается дать новыя и настолько широкія права, что православная церковь—по словамъ записки С. Ю. Витте—«едва ли будетъ въ силахъ выдержать предстоящую борьбу съ сектантствомъ и *иновѣріемъ вообще*».

Таково это объясненіе. Оно удивительно. Невозможное собираются сдѣлать возможнымъ (ибо невозможно преобразовать церковь по петербургскому рецепту) только потому, что *хотятъ дать иновѣрцамъ какія-то новыя и притомъ настолько широкія права,* что благо православной церкви подвергается опасности.

Логика поистинѣ удивительная! Вѣдь разъ г. предсѣдатель комитета министровъ созналъ, что проектируемая имъ «широкая вѣротерпимость» опасна православной церкви, то не проще ли и не логичнѣе ли оставить эту «вѣротерпимость» въ сторонѣ до тѣхъ поръ, пока церковь не устроитъ своихъ дѣлъ каноническимъ порядкомъ?

Петербургскіе реформаторы, обсуждая недостатки существующаго церковнаго строя, обнаруживаютъ знакомство не съ дѣйствительною жизнью церкви, а съ газетно-либеральной критикой этой жизни. Сужденія записки о духовенствѣ вполнѣ несправедливы и жестоки. С. Ю. Витте утверждаетъ, что *наши священники превратились изъ пастырей «въ агентовъ полицейскаго надзора»* и потеряли «всякое довѣріе своихъ пасомыхъ и нравственную связь съ ними». Это возмутительная неправда.

Составитель записки проникнутъ еврейско-радикальною ненавистью къ духовенству.

Записка г. предсѣдателя комитета министровъ, осуждая систему

содержанія духовенства на добровольныя даянія прихожанъ, рѣшается даже высказать, что прихожане будто бы считаютъ священниковъ за «кулаковъ и міроѣдовъ». Даже въ нашей печати невѣровъ не рѣшались доселѣ говорить такъ.

Это прямая неправда. Русскіе православные люди никогда не позволяли себѣ считать священниковъ какими-то «кулаками и міроѣдами». Составитель записки для С. Ю. Витте позволяетъ себѣ приписывать православному народу мнѣнія, высказываемыя газетными мерзавцами и иновѣрцами, распространяющими пасквили на духовенство и церковь.

Разобщенность, существующую между духовенствомъ и *безбожной интеллигенціей*, записка ставитъ въ вину духовенству, которое «оторвано отъ волнующихъ общество интересовъ». Это совершенно неправильно. Духовенство можетъ оказывать и оказываетъ самое благотворное вліяніе на ту часть нашего образованнаго общества, которая вѣруетъ во Христа и церковь; но что общаго можетъ быть между служителями алтаря и безбожниками и еретиками, которые всячески стараются унизить и осуждать церковь и духовенство. Записка ставитъ духовенству въ вину то, что́ должно быть поставлено ему въ положительную заслугу.

Мы могли бы продолжить нашъ анализъ церковныхъ воззрѣній автора записки, но полагаемъ, что и сказаннаго вполнѣ достаточно, чтобы уяснить, съ какими воззрѣніями на церковный канонъ и съ какимъ полнымъ знакомствомъ съ дѣйствительной церковной жизнью приступали петербургскіе реформаторы къ такому дѣлу. Реформаторскимъ затѣямъ новоявленныхъ защитниковъ и неожиданныхъ заботниковъ о церкви положенъ, однако, вожделѣнный предѣлъ. И дай Богъ, чтобы остановили рѣшительнѣе это новое безуміе.

«Одесскій Листокъ» (№ 6.606-й):

Церковный соборъ и вопросъ о патріархѣ.

Патріаршій вопросъ, а въ связи съ этимъ вопросомъ вопросъ о созывѣ церковнаго собора—вызываетъ много толковъ теперь въ печати. Спрашиваютъ, какая роль предназначается для патріарха, *какой* церковный соборъ его будетъ выбирать и будетъ ли церковный соборъ обсуждать только дѣла православной церкви или на церковный соборъ будутъ возложены нѣкоторыя функціи, которыя русскій народъ хочетъ видѣть въ кругѣ задачъ Земскаго собора съ правами учредительнаго собранія?

Говорятъ, что во всемъ этомъ предполагаютъ руководствоваться «древнимъ примѣромъ». Но «древнихъ примѣровъ» имѣется нѣсколько. Когда въ началѣ XVII столѣтія была рѣчь объ избраніи русскимъ царемъ польскаго королевича Владислава, и польскіе паны удивлялись, что условія диктуетъ патріархъ,—русскіе послы отвѣтили: «изначала у насъ такъ повелось: если великія государственныя или земскія дѣла начнутся, то великіе государи призывали къ себѣ на соборъ патріарховъ, архіепископовъ и епископовъ и безъ ихъ совѣта ничего не приговаривали, и мѣсто сдѣлано патріархамъ съ государемъ рядомъ»... Такое не только церковное, но и политическое положеніе занимали у насъ нѣкоторые патріархи, особенно Филаретъ и Никонъ; но не мало было патріарховъ, которые не выходили изъ сферы церковныхъ интересовъ, да и въ нихъ признавали верховной свѣтскую власть.

Спрашивается, какой типъ патріарха предполагается теперь? Если исходить изъ того, что установленіе свободы совѣсти потребуетъ освобожденія православной церкви отъ свѣтскаго управленія и ей придется самоуправляться, а для этого необходимъ патріархъ, то его компетенція будетъ ясна: онъ будетъ главою церкви въ непосредственномъ смыслѣ этого слова. Но и при такой постановкѣ патріаршества,—а иная и быть не можетъ, если не реставрировать института, не имѣющаго никакихъ корней въ современной жизни,—нельзя не задаться вопросомъ о способѣ его избранія?

Церковный соборъ для этого будетъ созванъ, какъ говорятъ, «по древнему примѣру». Въ древнія времена къ участію въ соборѣ для выбора патріарха призывались митрополиты, архіепископы, архимандриты и «игумены степенные», которые, образовавъ соборъ, выбирали патріарха сначала открытой баллотировкой, а съ 1634 года—посредствомъ жребія изъ шести кандидатовъ, которые выставлялись царемъ. Такіе примитивные выборы врядъ ли отвѣчаютъ условіямъ нашего времени. Уже теперь въ печати ставится вопросъ объ участникахъ въ соборѣ. Почему главу церкви должно выбирать только старшее духовенство? Не удовлетворяются даже чернымъ духовенствомъ, считая, что въ такомъ важномъ вопросѣ должно имѣть голосъ и духовенство бѣлое. Наконецъ, кое-гдѣ раздаются голоса за привлеченіе къ участію въ соборѣ и мірянъ, которые патріарха должны признать своимъ духовнымъ главой.

Выходитъ, такимъ образомъ, что «древніе примѣры» и ничему не поучаютъ, и очень мало кого удовлетворяютъ. Но особенно любопытно, что реакціонная печать возстаетъ вовсе противъ идеи предоставленія православной церкви патріарха. Эта идея представляется ей опаснымъ новшествомъ, требующимъ такого же противодѣйствія, какое она ока-

зываетъ освободительному движенію, охватившему Россію. Казалось бы, чего она тутъ боится? Неужели она не вѣритъ русскому духовенству, неужели и его она причисляетъ къ лагерю «крамольниковъ»? Очевидно, видя свое спасеніе въ застоѣ, реакція боится какихъ бы то ни было перемѣнъ. И нужно отдать ей справедливость—въ данномъ случаѣ она стоитъ на вполнѣ правильномъ пути: да, русская жизнь достигла такого состоянія, что все можетъ во всякое время вызвать кризисъ. Ошибается реакція только въ томъ, что допускаетъ возможность возвращенія къ застою. Нѣтъ, то «прекрасное» время безвозвратно ушло...

Возвращаясь къ церковному собору, мы повторяемъ сказанное выше: не «древними примѣрами» нужно для него руководствоваться, а новыми требованіями жизни. Церковный соборъ въ настоящее время не долженъ заниматься политикой, но онъ и не долженъ ограничиваться однимъ избраніемъ патріарха. Стремясь освободиться отъ вліянія свѣтской бюрократіи, церковь не можетъ не думать о томъ, чтобы противодѣйствовать бюрократіи, развившейся въ ея собственныхъ нѣдрахъ. И это — задача церковнаго собора, задача, гораздо болѣе, можетъ быть, важная, чѣмъ избраніе патріарха. Но для разрѣшенія такой задачи необходимъ церковный соборъ, выражающій настроеніе всего русскаго духовенства, а не только его главарей, и мірянъ, которые не могутъ не быть заинтересованы въ томъ, чтобы церковь стояла на должной высотѣ. Словомъ, нуженъ не соборъ епископовъ, какъ предполагается, а церковный соборъ, церковный не по составу, а по цѣлямъ.

И такой соборъ, упорядочивъ церковь, исполнитъ свой долгъ, оставивъ Земскому собору упорядочить государственный строй Россіи. Предполагать же, что церковный соборъ можетъ дать Россіи нѣчто большее, нежели устройство церкви, простительно развѣ той же бюрократіи, отъ которой церковь старается теперь освободиться.

Газеты «**Бессарабская Жизнь**» (№ 86-й) и «**Волынь**» (№ 70-й)

помѣстили на своихъ столбцахъ бесѣду М. съ Д. С. Мережковскимъ по вопросу о церковной реформѣ.

У насъ эта бесѣда выше напечатана. См. подъ 31-мъ числомъ мѣсяца марта.

---

2 апрѣля.

«Церковныя Вѣдомости» (№ 14-й).

Высочайшее повелѣніе

по всеподданнѣйшему докладу Святѣйшаго Синода о созваніи собора епархіальныхъ епископовъ.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ Святѣйшаго Синода о созваніи собора епархіальныхъ епископовъ для учрежденія патріаршества и для обсужденія перемѣнъ въ церковномъ управленіи Его Императорскому Величеству благоугодно было, въ 31-й день марта сего года, Собственноручно начертать:

«Признаю невозможнымъ совершить въ переживаемое нынѣ тревожное время столь великое дѣло, требующее и спокойствія и обдуманности, каково созваніе помѣстнаго собора. Предоставляю Себѣ, когда наступитъ благопріятное для сего время, по древнимъ примѣрамъ православныхъ Императоровъ, дать сему великому дѣлу движеніе и созвать соборъ Всероссійской церкви для каноническаго обсужденія предметовъ вѣры и церковнаго управленія».

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода отъ 1-го апрѣля 1905 года.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе г. синодальнаго оберъ-прокурора, отъ 1-го сего апрѣля за № 2.333, по Высочайшему повелѣнію, воспослѣдовавшему на всеподданнѣйшемъ докладѣ Святѣйшаго Синода о созваніи собора епархіальныхъ епископовъ для учрежденія патріаршества и для обсужденія перемѣнъ въ церковномъ управленіи. Справка: Во исполненіе Высочайшей воли, объявленной Святѣйшему Синоду 13 минувшаго марта, объ изъятіи вопроса объ управленіи Россійской церковью изъ Особаго совѣщанія Комитета Министровъ и передачѣ онаго на раз-

смотрѣніе Святѣйшаго Синода, былъ составленъ всеподданнѣйшій докладъ и повергнутъ на Высочайшее Государя Императора благовоззрѣніе. Приказали: Означенное Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе всеподданнѣйше воспринять къ свѣдѣнію; о чемъ и напечатать въ журналѣ «Церковныя Вѣдомости».

«Заря» (№ 261-й).

Статья г. *Внѣшняго:*

Особый проектъ реформы высшаго церковнаго управленія.

Въ послѣдніе дни толки о реформѣ высшаго церковнаго управленія положительно доминируютъ надъ всѣми прочими. Они заглушили даже разговоры о войнѣ.

Изъ газетъ достаточно уже опредѣлилось, кто поднялъ вопросъ объ этой реформѣ, какъ она поведена и на какую почву ставится. Надо сказать, что когда уяснилось въ проектируемой реформѣ церковнаго управленія присутствіе значительной дозы «фарисейской закваски», то къ реформѣ возникло чуть не всеобщее отвращеніе, а у нѣкоторыхъ даже страхъ, и эта «закваска», по всей вѣроятности, окажется роковою для затѣянной реформы.

Намъ пришлось бесѣдовать на злободневную тему съ многими духовными лицами, изъ которыхъ нѣкоторыя сами служили въ учрежденіяхъ при Св. Синодѣ и потому отлично знаютъ всю закулисную сторону существующаго церковнаго управленія.

Очень любопытенъ проектъ преобразованія управленія церковью, составившійся у тѣхъ, кто смотритъ на сцену изъ-за кулисъ. Онъ донельзя простъ, несложенъ, можетъ быть введенъ хоть завтра безъ всякой ломки существующаго строя церковнаго управленія и въ то же время, дѣйствительно, можетъ достигнуть цѣли. Познакомимъ читателей «Зари» съ этимъ любопытнымъ проектомъ.

Какъ извѣстно, проектируемая реформа имѣетъ главнѣйшею цѣлію предоставить церкви свободу самоуправленія, говоря же частнѣе—возвысить значеніе церковной іерархіи (явная цѣль) и ослабить, если не совсѣмъ упразднить, оберъ-прокурорскую власть (цѣль скрытная, замаскированная).

Для достиженія такой цѣли, говорили намъ, совершенно не нужно обращаться къ старинѣ, къ археологіи, къ прецедентамъ. Постановка оберъ-прокурорской власти въ настоящее время, дѣйствительно, такова,

что она можетъ стѣснять и умалять силу и значеніе церковной іерархіи. Говорившіе считали, однако, долгомъ добавлять, что упрекать нынѣшняго оберъ-прокурора Св. Синода въ злоупотребленіи своею властію было бы дѣломъ несправедливымъ, даже клеветою на него.

Добивающіеся церковной реформы, если такъ можно выразиться, играютъ на своего рода жупельныхъ словахъ: «читалъ» и «исполнить», а также на томъ, что по дѣламъ церкви съ Высочайшею Властію сносится оберъ-прокуроръ Св. Синода. Слова: «читалъ» и «исполнить» означаютъ то, что безъ начертанія ихъ оберъ-прокуроромъ на синодальномъ протоколѣ, никакое опредѣленіе Св. Синода не можетъ получить силы и значенія. Словомъ, отсутствіе этихъ словъ уничтожаетъ опредѣленіе. Но эти всесильныя, всесокрушающія слова страшны, будто бы, только въ идеѣ, или больше въ идеѣ, чѣмъ на практикѣ.

У оберъ-прокурорской власти есть другія средства, которыми онъ можетъ оказать болѣе сильное, болѣе чувствительное давленіе на церковную іерархію и на весь строй церковнаго управленія. Средства эти болѣе чувствительны для церковной іерархіи потому, что имѣютъ непосредственное отношеніе къ личнымъ интересамъ іерарховъ.

Несправедливо смотрѣть на архіереевъ какъ на особый сортъ людей, которымъ все человѣческое чуждо. Они въ массѣ своей такіе же люди, какъ и всѣ, а одинъ недостатокъ или одна слабость человѣческая въ средѣ архіереевъ особенно сильно развивается, на что имѣлъ случай указать митрополитъ московскій Филаретъ. Этотъ недостатокъ, эта слабость—гордость, честолюбіе. И вотъ какъ нарочно, въ раздраженіе, въ уязвленіе самой чувствительной слабости, такъ присущей нашимъ іерархамъ, исключительно въ рукахъ оберъ-прокурорской власти находится дѣло награжденія ихъ саномъ и орденами. Сравнительно въ меньшей зависимости отъ оберъ-прокурорской власти въ этомъ отношеніи находятся викарные архіереи, такъ какъ они къ наградамъ представляются епархіальными архіереями и не уважить представленія не всегда удобно. А вотъ награжденіе самихъ епархіальныхъ архіереевъ совершается исключительно по усмотрѣнію оберъ-прокурора и безъ вѣдома Синода. Рескрипты и грамоты на имя архіереевъ составляются также по указанію только оберъ-прокурора.

Судя объ архіереяхъ, какъ объ обыкновенныхъ людяхъ, нельзя не признать, что настоящая постановка дѣла объ удостоеніи ихъ почетными наградами очень чувствительна и обидна для ихъ самолюбія, и это тѣмъ болѣе, что къ архипастырямъ, которыхъ находятъ и которыхъ обходятъ наградами, отношенія пасомыхъ бываютъ довольно таки различныя.

И не думайте, говорятъ намъ, воображать, что когда прибывающіе

въ Петербургъ архіереи, прежде чѣмъ поклониться чудотворной иконѣ Казанской Божіей Матери, ѣдутъ на поклонъ къ К. П. Побѣдоносцеву или В. К. Саблеру, хлопочутъ о томъ, чтобы своими поклонами повліять на сокращеніе числа синодальныхъ опредѣленій безъ магическихъ для ихъ жизни и движенія словъ: «читалъ» и «исполнить». Скорѣе всего, ѣдущіе на поклонъ архіереи о словахъ этихъ совсѣмъ и не вспоминаютъ. Странны эти слова, какъ уже и говорилось выше, въ теоріи, а не на практикѣ. Самая вѣрная разгадка этихъ поклоновъ, отвѣшиваемыхъ, быть можетъ скрѣпя сердце, въ наградномъ дѣлѣ.

А если такъ, то зачѣмъ коренная реформа съ отмѣною оберъ-прокурорской власти? Возьмите только изъ рукъ этой власти дѣло о награжденіи архіереевъ и передайте его въ руки Св. Синода, и архіереи станутъ будто бы неузнаваемы со стороны ихъ самостоятельности въ отношеніи къ оберъ-прокурорской власти.

У архіереевъ, которымъ придется присутствовать въ Св. Синодѣ въ наградное по духовному вѣдомству время (къ 6-му мая), во всякомъ случаѣ хватитъ такта не выпрашивать себѣ наградъ, а постоянные члены Св. Синода (митрополиты) пусть будутъ приравнены въ отношеніи наградъ къ министрамъ и въ частности къ оберъ-прокурору Св. Синода.

Завтра мы укажемъ на другой прессъ, которымъ оберъ-прокурорская власть сильно давитъ на церковную іерархію и который также очень легко можно бы было изъять изъ рукъ этой власти.

«Слово» (№ 113-й).

Статья *К. Ровинскаго:*

Патріаршество и приходскій вопросъ.

Грядущее преобразованіе на каноническихъ началахъ нашего церковнаго управленія, съ возстановленіемъ патріаршества, заставляетъ призадуматься надъ нѣкоторыми вопросами нашей церковной практики и дисциплины, такъ какъ только при разрѣшеніи этихъ вопросовъ сообразно потребностямъ времени—давно ожидаемая церковная реформа не должна вызвать никакихъ осложненій въ нашей церковной жизни и будетъ благодѣтельной.

Самоуправленіе церкви немыслимо безъ самой широкой децентрализаціи церковнаго управленія, соборности его и участія въ немъ мірянъ. Раньше, чѣмъ возстановлять патріаршество, нужно признать автономность приходовъ.

Не о князьяхъ церкви надлежитъ теперь думать, а о тѣлѣ церкви— о мірянахъ, которые только числятся прихожанами и, не принимая никакого участія въ жизни приходовъ, не участвуютъ въ разрѣшеніи церковно-общественныхъ вопросовъ, что́ породило у насъ религіозный индифферентизмъ и даже отчужденіе весьма многихъ отъ церкви. Безъ разрѣшенія этого коренного вопроса нашей церковной жизни возстановленіе патріаршества явилось бы только простымъ перенесеніемъ власти изъ рукъ высшей бюрократіи въ руки высшихъ представителей чернаго духовенства И еще вопросъ, было ли бы это лучше, чѣмъ существующій порядокъ вещей, когда, правда, духовенство обратилось въ чиновниковъ духовнаго вѣдомства, но за то мы не знаемъ клерикализма и всѣхъ его опасныхъ и неприглядныхъ сторонъ.

Съ возстановленіемъ церковныхъ общинъ, согласно каноническимъ правиламъ, мы получимъ свободно избираемый мірянами клиръ, и тогда у насъ постепенно исчезнетъ каста духовенства. Конечно, обѣ реформы можно произвести одновременно, но во главу угла во всякомъ случаѣ, полагаемъ, должна быть поставлена забота о мірянахъ, ради которыхъ собственно существуютъ и патріархи и митрополиты и «весь священническій чинъ». Прежде всего нужно разрѣшить приходскій вопросъ. Все остальное приложится

Далѣе необходимо подумать о бѣломъ духовенствѣ: церковная община, конечно, позаботится о матеріальномъ благополучіи своего пастыря, а свободный выборъ приходами своихъ предстоятелей обезпечитъ имъ почетное и вліятельное положеніе, но пресвитера необходимо освободить отъ гнета и порабощенія чернымъ духовенствомъ. Положеніе священника, особенно сельскаго, теперь крайне унизительное: епископы держатъ ихъ, въ большинствѣ случаевъ, въ черномъ тѣлѣ, обезличиваютъ, требуютъ рабскаго повиновенія, а многіе даже внѣшняго проявленія рабской отъ нихъ зависимости. Рѣдкіе епископы входятъ въ нужды бѣлаго духовенства и даже способны ихъ понять и оцѣнить. Между тѣмъ полнота власти принадлежитъ въ нашей церкви одному черному духовенству: отъ него зависитъ и награда и поощреніе и наказаніе священнослужителей, вообще вся судьба бѣлаго духовенства— въ ихъ рукахъ. Неудивительно, что цѣлая пропасть раздѣляетъ наше бѣлое и черное духовенство. Всѣ симпатіи мірянъ на сторонѣ нашихъ «батюшекъ»; у священниковъ только пока крылья связаны, но среди нихъ не мало истинно русскихъ людей, которыхъ мы узнаемъ, когда будетъ возстановлено самостоятельное значеніе приходовъ. Конечно, и среди епископовъ встрѣчаются прекрасные люди; сами происходя изъ священниковъ, многіе изъ нихъ вполнѣ на мѣстѣ; но едва ли удовле-

творяютъ своему назначенію епископы изъ монаховъ-карьеристовъ. А такихъ не мало. Еще будучи въ духовной академіи, они принимаютъ постригъ съ единственной цѣлью сдѣлать карьеру. Не зная жизни и людей, безъ надлежащей подготовки къ епископской административной дѣятельности, ученый монахъ иногда въ очень молодыхъ годахъ становится во главѣ епархіи. Неудивительно, что онъ всю жизнь свою остается чуждымъ подвластному бѣлому духовенству и паствѣ, въ епархіи никто не видитъ «владычнаго суда», всѣми дѣлами вершитъ всесильная консисторія съ бюрократомъ-секретаремъ во главѣ, а епископъ лишь является народу въ пышномъ ритуалѣ церковной службы, или въ каретѣ цугомъ, въ качествѣ «духовной персоны», равной по положенію губернатору.

Отмѣченное нами зло необходимо искоренить и возвратить приходу самостоятельность. Консисторія, составляющая «стыдъ и укоризну» нашего современнаго церковнаго управленія, должна быть упразднена теперь же, дабы «самая память о ней исчезла изъ памяти народной». Епархіи должны быть меньшаго территоріальнаго, чѣмъ теперь, размѣра. Во главѣ епархій должны стоять епископы, избранные *изъ бѣлаго же духовенства.*

Посвященіе епископовъ изъ монаховъ лишь обычай. Правда, постановленіями пято-шестого трульскаго собора рекомендуется посвященіе въ епископы монаховъ, дабы избѣжать развитія въ епархіяхъ непотизма, но имѣются и другія постановленія церковныхъ каноновъ, коими прямо воспрещается ставить епископомъ монаха, ибо «епископу подобаетъ учити, а не послушествовати». И дѣйствительно, обѣты монашества прямо расходятся съ обязанностями и властью епископа. Этимъ, между прочимъ, объясняется тотъ фактъ, что въ греческой церкви епископы не постригаются въ монахи, а лишь посвящаются передъ рукоположеніемъ въ рясофоръ. Да и у насъ былъ случай посвященія въ епископы не-монаха: недавно умершій членъ Св. Синода епископъ Маркеллъ (изъ бывшихъ уніатовъ) былъ посвященъ въ епископы безъ постриженія, прямо изъ протоіереевъ. Такимъ образомъ этотъ, пока единственный, прецедентъ нужно возвести въ обычай.

Я думаю, что къ моему мнѣнію присоединится не мало лицъ не только изъ мірянъ, но и изъ духовенства.

«Сынъ Отечества» (№ 39-й):

Предполагаемая реставрація патріаршества въ однихъ возбуждаетъ надежду на освобожденіе церкви отъ слишкомъ замѣтнаго и очень вреднаго для нея руководительства свѣтской бюрократіи, оживляетъ мечту

объ ея раскрѣпощеніи, въ другихъ—вселяетъ опасеніе, какъ бы церковь не сдѣлалась воинствующей и торжествующей, что̀ повлекло бы за собою новое и нежелательное явленіе—ростъ и укрѣпленіе клерикализма. Правильное рѣшеніе этихъ вопросовъ достигается лишь путемъ обращенія къ исторіи, такъ какъ ни самостоятельность церкви, ни торжество клерикализма не являются результатомъ отдѣльнаго явленія, тѣмъ болѣе чисто-іерархической категоріи, а естественнымъ слѣдствіемъ длительнаго процесса при благопріятныхъ условіяхъ. Римская церковь не одно столѣтіе поработала надъ тѣмъ, чтобы пріобрѣсти себѣ самостоятельность и господство надъ западнымъ міромъ, пользуясь отдаленностью отъ Рима—политическаго центра имперіи — и смутнымъ состояніемъ начальнаго средневѣковья. Наоборотъ, византійскій патріархъ никогда не пользовался такой самостоятельностью, какую всегда имѣлъ папа, и его духовный авторитетъ лишь эксплоатировалъ въ своихъ цѣляхъ каждый изъ основателей династій, такъ часто смѣнявшихся въ Византіи. Русская церковь съ самаго начала стала подъ непосредственное покровительство свѣтской власти. Уже въ XII в. кіевскіе князья распоряжаются митрополитами, главами тогдашней церкви: Изяславичи, овладѣвъ Кіевомъ въ 1158 г., изгнали митрополита Константина. Въ томъ же столѣтіи отъ свѣтской власти пострадали митрополиты Михаилъ и Іоаннъ. Въ началѣ московскаго періода Петръ и Ѳеогностъ всецѣло стали на сторону московскихъ князей и ревностно содѣйствовали имъ въ достиженіи ихъ политическихъ цѣлей, которыя, какъ извѣстно, оправдывали всѣ средства по отношенію къ сосѣднимъ князьямъ. Вслѣдствіе покорности митрополитовъ, между ними и московскими «собирателями русской земли» господствовалъ полный миръ.

Въ послѣдующее время глава русской церкви становится все въ болѣе и болѣе подчиненное положеніе къ великимъ князьямъ. Димитрій Донской безъ собора епископовъ дѣлаетъ митрополитомъ своего любимца Митяя. Василій совершенно отрицаетъ духовный авторитетъ митрополита Исидора и низлагаетъ его за признаніе флорентійской уніи. Съ половины XV в. великіе князья все явственнѣе вмѣшиваются въ избраніе митрополитовъ и устраняютъ ихъ своей властью: достаточно вспомнить судьбу Варлаама, Даніила, Іоасафа при набожномъ Ѳеодорѣ Михаиловичѣ. Митрополитъ Филиппъ былъ свергнутъ, заключенъ и даже умерщвленъ Иваномъ Грознымъ лишь за то, что укоризненно отнесся къ его личнымъ преступленіямъ. Даніилъ былъ свергнутъ за интриги противъ Бориса Годунова. Избраніе патріарха Іова въ 1589 г. не повлекло за собою освобожденія церкви отъ свѣтской власти. Іовъ былъ такой же покорной креатурой Бориса Годунова, какъ Игнатій Лжедимитрія I.

Патр. Филаретъ сталъ «великимъ государемъ» не столько въ силу своего сана, сколько по праву умнаго и твердаго человѣка и отца слабовольнаго и слабоодареннаго Михаила Ѳеодоровича При столкновеніи духовной и свѣтской власти въ лицѣ Никона и Алексѣя Михайловича восторжествовала послѣдняя. Патр. Іоасафъ не рѣшался ничего возражать противъ соборнаго уложенія 1649 г., значительно сократившаго авторитетъ патріарха. При послѣдующихъ патріархахъ духовная власть настолько умалилась передъ свѣтской, что Петръ Великій не обращалъ никакого вниманія ни на Іоакима, ни на Адріана и, наконецъ, собственной властью отмѣнилъ самый санъ патріарха. Въ теченіе 600-лѣтняго періода церковь въ Россіи все болѣе и болѣе отступала передъ свѣтской властью, все болѣе и болѣе превращалась въ служебное орудіе послѣдней, и этотъ процессъ особенно замѣтенъ именно послѣ учрежденія патріаршества. Съ Петра русская церковь окончательно превратилась въ орудіе государственной власти, въ вѣдомство духовныхъ дѣлъ, руководимое свѣтской бюрократіей. Если въ исторіи католической церкви мы видимъ торжество папоцезаризма, то въ русско-православной—другой принципъ, какъ окончательный результатъ долговременнаго историческаго процесса—цезарепапизмъ. Такимъ образомъ, не только возстановленіе патріаршества, но и помѣстный соборъ и реорганизація церкви на каноническихъ началахъ не сдѣлаютъ ея самостоятельной, потому что «дѣло вѣковъ поправлять не легко».

Но, съ другой стороны, исторически сложившіяся отношенія церкви къ государству дѣлаютъ невозможнымъ возникновеніе въ Россіи клерикализма: оно возможно лишь тогда, когда церковь и государство—двѣ независимыя и соперничающія силы. Клерикализмъ выростаетъ исторически, требуетъ почвы, подготовленной цѣлыми столѣтіями борьбы, нуждается въ поддержкѣ независимыхъ общественныхъ круговъ. Ту активную поддержку, которую нѣкоторые представители русскаго духовенства стараются оказывать словомъ и дѣломъ существующему политическому строю, никакъ нельзя смѣшивать съ проявленіями клерикализма — напротивъ, это лишь доказательство подчиненности церкви свѣтской власти, такъ какъ подобныя дѣйствія входятъ въ кругъ свѣтски-бюрократическихъ обязанностей представителей духовнаго вѣдомства.

Видимая уступчивость, съ которой правящая бюрократія отнеслась къ идеѣ возстановленія патріаршества, служитъ косвеннымъ доказательствомъ несостоятельности предположенія, будто подобная реставрація обезпечитъ русской церкви самостоятельность и свободу: быть можетъ, бюрократія полагаетъ, воспользовавшись престижемъ патріаршаго сана, употребить его для поддержанія существующаго порядка вещей. Но эта

надежда имѣетъ мало серьезныхъ основаній. Разноплеменная и разновѣрная Россія насчитываетъ десятки милліоновъ людей, для которыхъ патріархъ, естественно, не будетъ такимъ авторитетомъ, какъ папа для сотенъ милліоновъ католиковъ. Съ другой стороны, для многихъ милліоновъ православныхъ авторитетъ реставрированнаго патріаршества немного усилится въ сравненіи съ авторитетомъ «Святѣйшаго Правительствующаго Синода», о благоденствіи котораго, наравнѣ съ Императорскимъ Домомъ, ежедневно возсылаются молитвы на литургіи во время великаго выхода. Для многихъ милліоновъ темныхъ православныхъ совершенно не ясно и неизвѣстно собирательное коллегіальное значеніе Синода и въ ихъ представленіи онъ какъ бы унифицируется и тринифицируется, такъ что реставрированный патріархъ не явится какимъ-либо новымъ и блестящимъ контрастомъ съ существующимъ Синодомъ. Преданіе о патріархѣ уже забыто народомъ; историческая нить, порванная 200 лѣтъ тому назадъ, не можетъ натянуться снова, какимъ бы золотымъ узломъ ни старались связать ее искусныя руки. И въ смыслѣ поддержанія существующаго порядка престижемъ патріарха, путемъ его реставраціи, осуществленіе проекта должно дать не какіе-либо серьезные практическіе результаты, а сведется къ аксессуарной сторонѣ помпы и внѣшняго уваженія.

Такимъ образомъ, реставрація патріаршества въ Россіи не повлечетъ за собою ни самостоятельности русской церкви, ни зарожденія клерикализма, и даже не поможетъ устойчивости существующаго строя престижемъ возстановленнаго сана. Въ конечномъ выводѣ—реставрація патріаршества не повліяетъ на сложившееся соотношеніе общественно-политическихъ современныхъ силъ, будетъ имѣть внѣшнее, формальное, можно сказать, церковно-археологическое значеніе и не измѣнитъ направленія историческаго пути, на который теперь вступила Россія.

«**Разсвѣтъ**» (№ 32-й).

Статья *Н. М.:*

Крупное разногласіе.

Въ сознаніи и волѣ русской учительствующей церкви въ настоящее время происходитъ движеніе, которое неизбѣжно должно привести къ принципіальному разногласію, можетъ быть, къ неразрѣшимому столкновенію между высшимъ, правящимъ—монашествующимъ—и низшимъ, приходскимъ—бѣлымъ—духовенствомъ. Достойно вниманія то, что стремленіе къ освобожденію церкви отъ государственнаго ига возникло одно-

временно и самостоятельно на высшихъ и на среднихъ ступеняхъ церковной іерархіи. Въ средѣ правящаго монашества это стремленіе выразилось въ извѣстномъ постановленіи Синода, въ средѣ бѣлаго духовенства оно породило пресловутую записку 32-хъ, или «мнѣніе группы столичныхъ священниковъ».

На первый взглядъ оба эти акта кажутся тождественными по цѣлямъ и свойству требуемыхъ преобразованій. И члены Синода, и столичные священники указываютъ на необходимость вернуть церкви древнюю каноническую свободу; тѣ и другіе выдвигаютъ принципъ соборности, тѣ и другіе настаиваютъ на созывѣ помѣстнаго собора и избраніи патріарха. Но по внутреннему устремленію, по вдохновляющему намѣренію, оба эти акта не только различны, но и противоположны другъ другу, имѣютъ наклонъ въ разную сторону, ведутъ къ разнымъ горизонтамъ На принципъ соборности высшая іерархія посмотрѣла какъ на орудіе своего усиленія и перехода власти изъ рукъ оберъ-прокурора къ коллегіи епископовъ и ея ставленнику; между тѣмъ, группа священниковъ видитъ въ соборности условіе внутренней церковной цѣльности и тѣснѣйшаго союза между монашествомъ и бѣлымъ духовенствомъ, съ одной стороны, и между пастырями и паствой—съ другой. Правящее монашество ходатайствуетъ о соборѣ въ надеждѣ придать церковной реформѣ наклонъ въ сторону епископской олигархіи; группа священниковъ мечтаетъ о соборѣ, который сольетъ духовенство съ народомъ и приведетъ къ побѣдѣ демократіи. Въ глазахъ правящаго монашества патріархъ является символомъ церковной власти, въ глазахъ священниковъ—символомъ церковнаго единства. Правящему монашеству оберъ-прокурорская власть кажется помѣхой для непосредственныхъ сношеній съ властью свѣтскою, группѣ священниковъ — помѣхою для сліянія съ народомъ.

То обстоятельство, что записка 32-хъ священниковъ была представлена митрополиту незадолго до постановленія Синода о созывѣ помѣстнаго собора, подало поводъ нѣкоторымъ публицистамъ (между прочимъ, проф. Никольскому) къ обвиненію группы священниковъ въ томъ, что они своею запискою какъ бы съиграли въ руку правящему монашеству, чуть ли не явились его застрѣльщиками и такимъ образомъ измѣнили интересамъ бѣлаго духовенства изъ угодливости передъ властью. Обвиненіе глубоко несправедливое, хотя легко объяснимое Записка 32-хъ составлена въ слишкомъ робкихъ выраженіяхъ, вдохновляющая ее мысль слишкомъ запрятана, замаскирована; главный же недостатокъ записки, повлекшій за собою всѣ другіе, заключается въ томъ, что она была задумана и написана для представленія ея по начальству. Неужели это

было необходимо? Съ мечтой о выборномъ духовенствѣ, объ участіи прихода въ управленіи церковными дѣлами, о сліяніи пастырей съ паствой въ одно живое цѣлое,—неужели не проще, не естественнѣе было обратиться къ интеллигенціи, къ міру, къ народу? Составители записки сами печалуются о томъ, что голосъ церкви не имѣетъ авторитета независимости отъ сторонніхъ вліяній и соображеній и, въ доказательство этой мысли, ссылаются на основной законъ, по которому «въ управленіи церковномъ Самодержавная Власть дѣйствуетъ посредствомъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, ею учрежденнаго». Казалось бы, что съ новыми мыслями о новой жизни церковной незачѣмъ было обращаться къ старому «учрежденію» и къ тѣмъ, кто «назначенъ» засѣдать въ немъ.

Но такова сила привычки. Голова составителей записки работала надъ развитіемъ выдвинутой жизнью освободительной задачи, сердце тяготѣло къ народу, а ноги,—покорныя, привыкшія къ колѣнопреклоненію ноги,—понесли ихъ въ лавру, въ митрополичьи палаты. И случай, любящій шутить жестокія шутки, и на этотъ разъ насмѣялся своимъ злымъ смѣхомъ. Составители записки пришли съ нею къ митрополиту какъ разъ въ то время, когда въ его квартирѣ готовилось засѣданіе Синода. Записка, направленная противъ чиновничьей канцеляріи, именуемой Синодомъ, привела своихъ авторовъ прямо въ святилище этой канцеляріи.

Мысль о начальствѣ положила на всю записку свою печать и свои тѣни. Зная назначеніе записки, не удивляешься ни тому, что въ ней о приходѣ упомянуто въ двухъ словахъ («самостоятельная, широко развитая жизнь приходовъ»), и почти вся заключительная часть посвящена разсужденію объ епископахъ и ихъ власти,—ни тому, что о соборѣ сказано глухо, безъ опредѣленія его состава.

Но истинная мысль записки ясна для всякаго непредубѣжденнаго глаза. Нужно надѣяться, что составители ея сами поспѣшатъ разсѣять возникшія недоразумѣнія и въ слѣдующей запискѣ подробнѣе объяснятъ, что они разумѣютъ подъ принципомъ соборности и какъ они представляютъ себѣ составъ и программу занятій будущаго собора.

«Московскія Вѣдомости» (№ 91-й).

Статья *Мірянина:*

Наканунѣ помѣстнаго собора.

Реформу русскаго церковнаго управленія, судя по газетнымъ сообщеніямъ, предполагается произвести необыкновенно быстро. Въ маѣ

мѣсяцѣ, говорятъ, будетъ помѣстный соборъ епископовъ, и нынѣшнею же весной въ русской церкви будетъ патріархъ.

«Помилуй Богъ, какая быстрота», сказалъ бы самъ Суворовъ.

Къ такой поспѣшности не пріучила насъ особенно дѣятельность нашихъ іерарховъ. Рѣшеніе, напримѣръ, старо-католическаго вопроса у насъ тянется нѣсколько десятилѣтій. Даже сравнительно небольшой вопросъ о реформѣ духовной школы, и тотъ не можетъ подвинуться впередъ чуть не десятокъ лѣтъ. И о необходимости церковной реформы давно и многократно говорили такіе искренне-преданные сыны церкви, какъ Ѳ. М. Достоевскій, Н. П. Гиляровъ-Платоновъ и нѣкоторыя лица изъ бѣлаго духовенства. Широкою извѣстностію пользуется, напримѣръ, сочиненіе протоіерея Иванцова-Платонова «О русскомъ церковномъ управленіи».

Но со стороны іерарховъ мы почти вовсе не слыхали рѣчей о несовершенствѣ нашего церковнаго устройства. Теперь, если вѣрить газетнымъ сообщеніямъ, напомнилъ о «тяжкомъ грѣхѣ противъ матери нашей, православной церкви», и указалъ на необходимость церковной реформы и созыва помѣстнаго собора С. Ю. Витте,—и поистинѣ: «молвилъ слово, чудо стало». Вопросъ о реформѣ всей русской церкви,—громадный и самъ по себѣ, и особенно трудный нынѣ, при необыкновенно осложнившихся отношеніяхъ русской жизни,—будетъ рѣшенъ въ какіе-нибудь два мѣсяца.

Къ церковной реформѣ не могутъ относиться равнодушно и міряне,—и у насъ возникаетъ теперь не мало тревожныхъ вопросовъ. Примутъ ли участіе въ помѣстномъ соборѣ клиръ (бѣлое духовенство, незаконно и не ко благу церкви удаленное изъ Синода) и міряне, которые обыкновенно, какъ мы знаемъ, участвовали въ помѣстныхъ соборахъ,—или же, какъ сообщаютъ газеты, на соборѣ будутъ присутствовать только епископы, изъ нихъ же будетъ состоять и постоянный патріаршій соборъ?

Будетъ ли соборъ обсуждать вопросы, касающіеся духовнаго устроенія церкви,—или же собору сообщится отчасти духъ его иниціатора, и онъ (соборъ) не малое вниманіе удѣлитъ и вопросамъ практическаго характера, напримѣръ, вопросу объ уравненіи епископскихъ каѳедръ со стороны доходности, о чемъ уже есть газетныя извѣстія?

Изберетъ ли соборъ сначала патріарха,—или же онъ предварительно всесторонне уяснитъ себѣ самыя основы реформы въ отношеніи историческомъ, каноническомъ, наконецъ, въ отношеніи существующей практики Восточныхъ церквей? Если предполагается сначала избрать патріарха и потомъ уже произвести реформу, то цѣлесообразно ли это?

Разумно ли вѣнчать зданіе кровлей, не зная предварительно его размѣровъ и расположенія? Возможно ли избирать на высшую іерархическую степень, не опредѣливши предварительно условій и круга дѣятельности, обязанностей и полномочій лица, поставляемаго на эту степень?

Чѣмъ въ такомъ случаѣ руководствоваться при избраніи? Вѣдь, различныя требованія предъявляются и къ кандидатамъ въ чтецы, діаконы, пресвитеры, епископы,—все сообразно съ кругомъ ихъ обязанностей.

Наконецъ, если реформа будетъ произведена послѣ избранія патріарха, самый авторитетъ уже избраннаго патріарха не будетъ ли стѣснять свободнаго хода преобразовательныхъ работъ, и, вмѣсто единодержавія прокурорскаго, не наступитъ ли единодержавіе патріаршее?

Такіе и подобные вопросы невольно смущаютъ и тревожатъ многихъ изъ находящихся въ оградѣ церковной. А газеты несутъ извѣстія неутѣшительныя...

«Казанскій Телеграфъ» (№ 3.680-й).

Статья *Б. Глѣбскаго:*

Два поколѣнія.

Въ послѣднее время говорятъ много и горячо о нашей церкви. Мечтаютъ о возрожденіи русскаго прихода, о возобновленіи добрыхъ нравственныхъ вліяній церкви, объ ея свободномъ дѣйствованіи, о возстановленіи за высшими представителями церкви святого права «печалованія». Не худо, въ связи съ тѣмъ, поговорить и о людяхъ, дѣйствовавшихъ прежде и дѣйствующихъ теперь.

На моихъ глазахъ прошло два поколѣнія русскаго духовенства. Каковъ былъ сельскій священникъ прежде и каковъ онъ теперь?

Сельскій священникъ прежняго и не такъ далекаго времени работалъ въ полѣ, какъ и крестьянинъ. Какъ и крестьянинъ, онъ умѣлъ сдѣлать своими руками все требующееся по дому. Старые русскіе помѣщики крѣпостной поры хвалились, что у нихъ среди дворовыхъ сыщутся всѣ нужные мастеровые. Старый русскій священникъ соединялъ всѣхъ этихъ мастеровыхъ въ своемъ лицѣ.

Онъ и телѣгу поправитъ, и соху починитъ, и за пчелами съумѣетъ ходить.

Общность жизни создавала и общность интересовъ между священникомъ и прихожанами. Общность интересовъ дѣлала батюшку близкимъ

крестьянину человѣкомъ, побуждала его, не за страхъ, а за совѣсть, обходиться съ мужикомъ просто и дружески.

Это были люди патріархально-простой жизни, патріархально-большой и крѣпкой семьи.

Ни ученостью, ни начитанностью они не блистали. Но они любили свою землю, а стало быть, любили свою родину. Заботились о своей семьѣ, а стало быть, опять-таки заботились о своей родинѣ. Горячо и крѣпко вѣрили и сообщали ту же вѣру другимъ.

Ихъ досугъ былъ такъ же простъ, какъ и ихъ труды. Сойдутся нѣсколько сосѣднихъ батюшекъ къ тому, у кого хозяйка помоложе и поживѣе, и зазвенитъ гитара, и зальется согласный хоръ, и пойдетъ гулять простая, веселая пѣсня:

Ты, хозяинъ мой,
Ты кудрявенькій,
Ты кудрями потряси,—
Рюмку водки поднеси!...

Они могли быть, сколько угодно, на дурномъ счету у строгихъ отцовъ благочинныхъ, и не разъ за то или другое излишество могли схватить и четверку, и тройку даже въ поведеніи. Но къ прихожанамъ они были близки по всему строю своей жизни, и отношеніе къ мужику, родственная близость къ нему были у нихъ всего чаще на круглую пятерку.

Современный сельскій батюшка—много поделикатнѣе. Онъ и журналы читаетъ, и поразсуждать не прочь по либеральнымъ вопросамъ, и попадья у него уже въ шляпкѣ, а не въ платочкѣ, и о. Григорія Петрова онъ читалъ и похваливаетъ.

Но землею онъ не занимается, земли не любитъ, а стало быть, не любитъ и мужика. Земельный надѣлъ сдѣлалъ его не земледѣльцемъ, какъ вѣроятно думали сдѣлать, когда надѣлъ производили. Онъ только почувствовалъ себя маленькимъ помѣщикомъ, и, побольше обезпеченный, подальше отошелъ отъ мужика.

Современному сельскому батюшкѣ ничего не стоитъ и прикрикнуть на мужика, если тотъ въ простотѣ сердечной лѣзетъ безъ доклада въ батюшкину горницу, хотя бы и по важному дѣлу, хотя бы и съ неотложной требой. Компанію батюшка водитъ только съ докторомъ, съ фельдшеромъ,—ну, пожалуй, съ мужикомъ, но побогаче и «покулачистѣе»,—водилъ компанію и съ цѣловальникомъ, конечно, пока не настала пора монополіи.

Современный сельскій батюшка «аристократиченъ» въ выборѣ сво-

ихъ знакомствъ. Бѣднымъ учительницамъ, этимъ гимназисткамъ и земскимъ семинаристкамъ, приходится отъ него туговато.

За то «благодѣтелей» батюшка благочтитъ и имъ благоугождаетъ. И—роковая судьба и нашихъ сельскихъ, и городскихъ нашихъ батюшекъ—они страшные поклонники «совмѣстительствъ». Благодѣтель у нихъ всегда—вандалъ, золотящій и искореняющій съ лица земли красивую старину. Въ старосты они вѣчно проведутъ человѣка со всякими, и сомнительными часто, «прецедентами». Святыня все благопригрѣетъ и благопросвѣтитъ...

Изъ какихъ же матеріаловъ, скажите мнѣ, читатель, добрые люди надѣются воздвигнуть великое зданіе добраго русскаго прихода?

«Изъ мрамора ваяютъ Аполлона,
Но развѣ вылѣпишь его изъ»...

Скромный человѣкъ, я не кончаю стиха Жемчужникова. Но желающіе легко справятся и продекламируютъ до конца.

«Приволжскій Край» (№ 69-й).

Статья *В. А.*

Къ вопросу о реформѣ церкви *).

Освободительное движеніе, охватившее всѣ слои русскаго общества, затронуло въ послѣднее время и русское духовенство. Съ слухами объ оставленіи К. П. Побѣдоносцевымъ поста оберъ-прокурора Св. Синода въ газеты проникли одновременно и извѣстія о возстановленіи въ русской церкви старыхъ формъ жизни — патріаршества и соборовъ. Разговоры о возстановленіи въ русской церкви патріаршества и церковныхъ соборовъ давно уже ведутся среди лучшей части чернаго и бѣлаго духовенства. Религіозное невѣжество простого народа, представляющее необычайно удобную почву для развитія всевозможныхъ сектъ, равнодушіе или же вражда къ господствующей церкви со стороны значительной части интеллигентнаго общества, отчужденіе народа отъ духовенства и деспотизмъ чернаго начальствующаго духовенства надъ низшимъ бѣлымъ духовенствомъ, подчиненіе всего духовенства свѣтскимъ властямъ и отсутствіе у него общепризнаннаго общественнаго значенія—всѣ эти темныя стороны современной русской церковной жизни давно уже вызы-

*) Редакція, не раздѣляя нѣкоторыхъ отдѣльныхъ положеній автора, даетъ мѣсто его статьѣ въ виду важности затронутаго имъ вопроса и вѣрной основной мысли, что только свободная церковь способна удовлетворять живое религіозное чувство народа.

вали пристальное вниманіе лучшей части духовенства и заставляли искать выхода изъ настоящаго положенія. Велись разговоры о необходимости освободить русскую церковь отъ полицейскаго режима, о новой постановкѣ духовныхъ школъ, о подъемѣ самосознанія низшаго духовенства, о развитіи духовной журналистики и т. д. И для осуществленія предполагаемыхъ нововведеній и улучшеній въ церковной жизни русскаго народа считалось необходимымъ добиться прежде всего возстановленія патріаршества. Намъ лично, въ бесѣдахъ съ нѣкоторыми лицами, занимающими и теперь высшія іерархическія должности въ духовномъ мірѣ, неоднократно приходилось слышать разговоры на эту тему. Разговоры велись, правда, келейно, они не выходили далеко за стѣны жилыхъ помѣщеній и не оказывали серьезнаго вліянія на направленіе церковной жизни. И только за послѣднее время съ расширеніемъ рамокъ русской жизни разговоры приняли болѣе опредѣленный характеръ. Возможно, что возстановленіе патріаршества и соборовъ осуществится, возможно, что и помѣстные соборы будутъ имѣть мѣсто въ русской церкви. Но возстановленіе патріаршества и соборовъ уничтожитъ ли рознь между интеллигенціей и церковью, освободитъ ли духовенство отъ вліянія свѣтской власти, сдѣлаетъ ли изъ него служителей водворенія правды Божіей на землѣ?

Въ исторіи русской церкви особенно рельефно выдѣляются два представителя русскаго духовенства: митрополитъ Филиппъ и патріархъ Никонъ. И митрополиту Филиппу, и патріарху Никону пришлось встать въ рѣзкія столкновенія съ свѣтской властью. И тотъ, и другой проявили при этихъ столкновеніяхъ необычайную мощь духа, и обоихъ постигла трагическая судьба: митрополитъ Филиппъ былъ, какъ извѣстно, замученъ царемъ Иваномъ IV, а патріархъ Никонъ былъ лишенъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ патріаршества. При внѣшнемъ сходствѣ въ судьбѣ Филиппа и Никона, въ основныхъ чертахъ своего характера и въ своихъ отношеніяхъ къ свѣтской власти оба названныхъ представителя русскаго духовенства необычайно рѣзко отличаются другъ отъ друга.

Столкновеніе между митрополитомъ Филиппомъ и Иваномъ IV было вызвано ни спорами о власти, ни какими-либо личными счетами. Святитель Филиппъ, обличая царя, измѣняющаго своему нравственному долгу, являлся представителемъ нравственнаго принципа, одушевленнымъ противникомъ деспотизма и насилія, безстрашнымъ защитникомъ всѣхъ униженныхъ, погубленныхъ, опозоренныхъ и оскорбленныхъ. Онъ погибъ, но погибъ какъ мученикъ, и благодарная память народа причислила своего защитника святителя къ лику святыхъ, т. е. къ тѣмъ лицамъ, въ обращеніи къ которымъ измученный земной тяготой народъ приноситъ свои мольбы

и свои душевныя муки. Столкновеніе патріарха Никона съ царемъ вызывалось причинами другого характера. Патріархъ сталъ писаться «великимъ государемъ», на-ряду съ царемъ онъ стремился вмѣшиваться во всѣ мелочи придворной жизни и оказывать давленіе на направленіе жизни государственной, онъ называлъ духовную власть—солнцемъ и свѣтскую луной и главную задачу своей жизни ставилъ въ соперничествѣ и тяжбѣ съ царемъ изъ-за власти.

Страстно тяготѣя къ земной власти, патріархъ Никонъ настойчиво и властно, путемъ религіознаго насилія надъ совѣстью и мыслью простого народа, вводилъ такія новшества въ церковную жизнь, какія считалъ необходимыми, и преслѣдованіями и гоненіями старался задавить протестующую мысль и чувство иномыслящихъ. Своей дѣятельностью Никонъ первый рѣшительно обособилъ духовную власть въ Россіи, поставилъ ее внѣ государства и народа. Результаты такого обособленія извѣстны. «Тишайшій» Алексѣй Михайловичъ отшатнулся отъ своего патріарха, а значительная часть русскаго народа, напуганная новшествами, рѣшила, что патріархъ-мучитель есть антихристъ, почувствовала, что наступили послѣднія времена и въ ужасѣ бросилась въ лѣса и пустыни и полѣзла въ горящіе срубы. Съ патріаршествомъ Никона у всякаго связывается мысль о возникновеніи раскола въ русскомъ народѣ, на долгое время затормазившаго правильный ростъ самосознанія народнаго; съ именемъ патріарха Никона должно соединяться и воспоминаніе о неудачной попыткѣ русскаго духовенства завѣты митрополита Филиппа промѣнять на соблазны свѣтской власти.

Разъединеніе между православной церковью и русскимъ народомъ, выразившееся въ образованіи раскола, съ теченіемъ времени не только не уничтожилось, а еще болѣе увеличилось: за послѣднее столѣтіе отдѣлилась отъ русской церкви, если не юридически, то фактически, значительная часть русскаго народа, перешедшаго въ сектантство, и значительная часть русской интеллигенціи, отыскавшая новыхъ духовныхъ руководителей. Разъединеніе же между духовной и свѣтской властью, начавшееся при Никонѣ, теперь уже закончилось, но закончилось далеко не въ пользу духовной власти. Патріархъ Никонъ былъ лишенъ патріаршества, а при Петрѣ Великомъ патріаршество было совсѣмъ уничтожено въ русской церкви, а вмѣсто патріаршества былъ учрежденъ Синодъ, отданный подъ надзоръ свѣтскому чиновнику, — «оку государеву», — оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода.

Поставленная въ зависимость отъ свѣтскаго правительства, духовная власть пошла въ услуженіе, а потомъ и въ подчиненіе свѣтской власти, у которой стала искать и поддержки своему пошатнувшемуся нрав-

ственному авторитету. Начиная съ XVII в., преемники Никона рѣшительно вступили на путь, свойственный только свѣтской власти. Разнообразными преслѣдованіями и кровавыми расправами духовная власть стремилась въ прошломъ возстановить разрушенное единство церковной жизни и укрѣпить церковный авторитетъ. Нужно ли напоминать, какими тяжкими страданіями платилось до послѣдняго времени наше сектантство въ борьбѣ съ духовной властью за свое право вѣровать посвоему! Опираясь на силу внѣшняго принужденія и насилія, духовная власть тѣмъ самымъ открыто заявляла о своемъ внутреннемъ безсиліи, и такое безсиліе являлось прямымъ слѣдствіемъ все большаго и большаго подчиненія духовной власти власти свѣтской. Духовная власть вошла въ составъ бюрократической машины, и всѣ недостатки бюрократіи отражаются и на современномъ строѣ церковной жизни. По личнымъ побужденіямъ человѣколюбія, русскіе государи постепенно ослабляли религіозныя преслѣдованія, а духовная іерархія всегда противодѣйствовала ихъ начинаніямъ. Императоръ Александръ II взялъ на себя починъ въ освобожденіи крестьянъ, и всѣмъ извѣстно, какъ относился къ предполагаемой реформѣ наиболѣе вліятельный тогда среди русской духовной іерархіи митрополитъ московскій Филаретъ.

«Сначала при Никонѣ духовная власть тянулась—говорилъ покойный В. С. Соловьевъ—за государственной короной, потомъ крѣпко схватилась за мечъ государственный и, наконецъ, принуждена была надѣть государственный мундиръ». Но государственный мундиръ, очевидно, кажется неудобнымъ современнымъ представителямъ духовной власти. И дѣйствительно, не смотря на личные таланты и ученость многихъ іерарховъ, самостоятельной духовной науки не существуетъ въ Россіи, богословствующая мысль влачитъ жалкое существованіе, а т. н. духовные журналы говорятъ о хроническомъ умственномъ безплодіи; существуютъ духовныя учебныя заведенія, и высшія, и среднія, и низшія, но около этихъ школъ явилась необходимость выстроить чуть не китайскія стѣны, ограждающія питомцевъ отъ зловредныхъ вліяній. Да! видимо, мундиръ, надѣтый на духовную власть, становится не совсѣмъ удобнымъ.

И вотъ начинаются поиски новыхъ формъ жизни, и въ своихъ поискахъ возвращаются къ мысли о возстановленіи патріаршества, какъ одного изъ радикальнѣйшихъ средствъ противъ неудобнаго положенія. Но развѣ замѣна одного чиновника другимъ можетъ называться радикальной мѣрой? Развѣ спасеніе заключается въ единовластіи духовнаго лица? Развѣ духовное лицо, патріархъ, можетъ оказать серьезное воздѣйствіе на жизнь, если русская церковь будетъ испытывать на себѣ сильное вліяніе правящей бюрократіи? Если истинный авторитетъ и права

духовной власти прямо зависятъ отъ вѣрнаго служенія правдѣ Божіей, и если вѣрное служеніе правдѣ Божіей не даетъ ея служителю права замкнуться въ кругѣ религіознаго культа и оставаться равнодушнымъ къ внѣшней жизни, ко всѣмъ дѣламъ и отношеніямъ человѣческимъ, то, очевидно, для духовенства центральнымъ вопросомъ, при рѣшеніи котораго и все «остальное приложится», долженъ быть вопросъ о томъ, въ какихъ формахъ должна проявляться въ настоящихъ смутныхъ обстоятельствахъ дѣятельность духовенства, желающаго и словомъ и дѣломъ послужить правдѣ Божіей.

Намъ кажется, что формы дѣятельности ясно уже указаны исторіей...

«Бѣлорусскій Вѣстникъ» (№ 119-й).

Статья *Православнаго:*

Къ вопросу о патріаршествѣ.

«Моск. Вѣдомости» въ № 83-мъ, въ передовой статьѣ подъ громкимъ заглавіемъ «Церковный переворотъ» строго осуждаютъ настоящій составъ Св. Синода, что члены его въ теченіе недѣли рѣшили вопросъ о необходимости собранія всероссійскаго собора изъ епископовъ русской церкви и избраніи на этомъ соборѣ патріарха россійской церкви. «Даже Петръ не переламывалъ церковнаго устройства въ 7 дней», говорятъ «Моск. Вѣдомости». «Православные люди никогда не помирятся съ такою скоропалительной реформой, въ которой (будто бы) неизбѣжно окажется множество ошибокъ». Петръ Великій дѣйствительно не мало трудился надъ созданіемъ Духовнаго Регламента по учрежденію Св. Синода или «Духовнаго Коллегіума», какъ названъ Св. Синодъ. Тамъ нужно было «переламывать» церковное устройство. Вмѣсто патріарха, стоявшаго во главѣ русской церкви, нужно было поставить цѣлый коллегіумъ или соборъ епископовъ съ тѣми же правами, какія принадлежали патріарху. Какъ нѣкогда учрежденіе патріаршества въ русской церкви произошло по надлежащемъ сношеніи съ восточными патріархами, такъ и замѣна патріаршаго образа управленія синодальнымъ могла быть произведена не иначе, какъ по сношеніи и одобреніи восточными патріархами. Восточные патріархи не высказали протеста противъ учрежденія Синода, такъ какъ въ идеѣ синодальное управленіе являлось лучшею формою сравнительно съ единоличнымъ правленіемъ патріарха. Но только—въ идеѣ. Не стало церковной главы, не стало іерарха, отвѣтственнаго предъ Богомъ и совѣстью и предъ народомъ — церковью, — жизнь церкви невольно стала

замирать, все свелось къ бумагамъ исходящимъ и входящимъ, циркулярамъ и опредѣленіямъ, идущимъ чрезъ свѣтскихъ чиновниковъ Синода. Но не въ этомъ еще главное зло. При патріаршемъ управленіи нерѣдко собирались, подъ предсѣдательствомъ патріарховъ, соборы епископовъ русской церкви для обсужденія текущихъ церковныхъ дѣлъ. Ни одно важное дѣло безъ совѣта съ епископами не рѣшалось патріархами. На Св. Синодъ посмотрѣли, какъ на соборъ постоянный и, по нашему мнѣнію, превысили его права. Вѣдь онъ замѣняетъ лицо патріарха и долженъ былъ дѣйствовать въ предѣлахъ власти патріарха: опредѣлять и перемѣщать епископовъ, разбирать тяжебныя дѣла низшаго духовенства съ своими епископами, слѣдить за соблюденіемъ вѣры и нравственности въ предѣлахъ русской церкви и пр. Но имѣетъ ли право Св. Синодъ безъ собора судить, напр., епископа и лишать его сана (какъ сдѣлано это съ митрополитомъ ростовскимъ Арсеніемъ Маціевичемъ изъ-за вопроса о церковныхъ имуществахъ)?—вотъ вопросъ, который заслуживаетъ особеннаго вниманія... По нашему мнѣнію, не имѣетъ; это право должно принадлежать цѣлому собору епископовъ, а не 3 — 4, много 5 епископамъ, засѣдающимъ временно въ Синодѣ... Скоро исполнится 200 лѣтъ со времени учрежденія Св. Синода, и за это время не было ни одного собора въ русской церкви. Или не было важныхъ вопросовъ? Нѣтъ, они были, и было ихъ много. Но свѣтскіе синодальные чиновники не желали сихъ соборовъ... Итакъ, главное — въ необходимости немедленно собрать всероссійскій соборъ епископовъ. Соборъ возстановитъ жизнь въ русской церкви. Вѣдь, она умираетъ отъ нашего синодальнаго чиновничества. 37-е апостольское правило ясно повелѣваетъ «быти дважды въ году соборамъ епископовъ для разсужденія о догматахъ благочестія и разрѣшенія случающихся прекословій». Апостольское правило подтверждено было на 1-мъ Вселен. соборѣ (5 прав.) и IV Вселен. соборѣ (19 прав.); IV Вселенскій соборъ присовокупляетъ, что «епископамъ, которые не придутъ на соборъ, хотя могли бы сдѣлать это безпрепятственно, должно дѣлать братское внушеніе». V—VI Вселенскій (Трульскій) соборъ повелѣваетъ быть соборамъ епископовъ, по крайней мѣрѣ, однажды въ году, если они (епископы) по причинѣ набѣговъ варваровъ или по какимъ-либо другимъ причинамъ не могутъ собираться большее число разъ, а тѣмъ епископамъ, которые не явятся на соборъ, не имѣя уважительной причины къ тому, должно дѣлать «братское внушеніе».— Слава Богу, у насъ нѣтъ препятствій къ собранію собора. и нужно радоваться тому, что на собраніе епископовъ является и воля Монарха. Истинные православные сыны должны искренно желать скорѣйшаго осуществленія воли Государя на соборъ епископовъ русской церкви.

Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Начало собора будетъ началомъ новой жизни церкви, или правильнѣе воскресеніемъ ея.

«Западный Вѣстникъ» (№ 83-й).

Отголоски.

(Переворотъ въ средѣ духовенства).

Среди всевозможныхъ петицій въ послѣднее время не мало интересуетъ общество и неожиданная петиція 32-хъ или вѣрнѣе—быстрый переворотъ въ духовномъ вѣдомствѣ. Въ одно и то же время, выражаясь языкомъ лѣтописца, «вложи Богъ мысль благу» въ предсѣдателя комитета министровъ и въ юнѣйшихъ, какъ пишутъ въ газетахъ, пастырей г. С.-Петербурга просить скорыхъ и коренныхъ реформъ въ церковномъ управленіи. Однихъ поразило то, что въ консервативномъ, охранительномъ вѣдомствѣ вдругъ такое, такъ сказать, революціонное стремленіе къ быстрому перевороту, другихъ—то, что желаніе реформы высказано не тѣми, отъ кого можно было ожидать, не архипастырями, кому болѣе вѣдомы церковныя дѣла, а свѣтскимъ лицомъ. «Слово» приводитъ слова митрополита Антонія, который будто бы выразился, что всѣ епископы будутъ всю жизнь молитвенниками за С. Ю. Витте. Неужели епископы не могли высказать сами назрѣвшей необходимости въ церковно-духовной реформѣ? Меня всегда удивляла какая то робость епископовъ предъ свѣтскою властію и въ то же время самовластіе, а нерѣдко и деспотизмъ по отношенію къ меньшей братіи—пастырямъ церкви. Мундиръ, даже блестящія пуговицы уже даютъ право на извѣстную любезность со стороны архіерея, а черная ряса всегда чувствуетъ робость, подобострастіе, благоговѣйный страхъ предъ архіерейскимъ клобукомъ. Боже, что происходило особенно въ прежніе годы, въ деревнѣ въ семьяхъ батюшекъ, когда ожидали на ревизію архіерея, хотя бы и добродушнаго. Много существуетъ разсказовъ про разницу въ отношеніи архіереевъ къ свѣтскимъ и духовнымъ лицамъ. Одинъ изъ бывшихъ даже въ западномъ краѣ епископовъ принималъ священниковъ, сидя въ передней и держа на вытяжку батюшекъ; если же появлялся кто-нибудь изъ свѣтскихъ, тотчасъ направлялъ его въ гостинную и совершенно съ другимъ видомъ. Конечно, оно можетъ быть такъ и лучше. Скверно только то, что у епископа мало бываетъ близости съ пастырями, стоитъ большею частью онъ какъ то далеко отъ нихъ; съ другой, замѣчается недостатокъ иногда извѣстной авторитетности по отношенію къ свѣтскимъ. Архіереи, видимо, боялись какихъ-нибудь жалобъ, доносовъ оберъ-про-

курору Св. Синода. Вотъ этотъ то страхъ и былъ, вѣроятно, причиною той быстроты, той радости, съ которой была встрѣчена мысль о церковной реформѣ, причемъ прежде всего имѣлось въ виду освобожденіе духовной власти отъ подчиненія свѣтскому началу, въ видѣ оберъ-прокурора. Радуются, что будетъ освобождена церковь отъ порабощенія свѣтской власти. Смотря на этотъ вопросъ не съ идейной, а съ практической точки зрѣнія, едва ли можно было протестовать противъ оберъ-прокурорской власти. Оберъ-прокуроръ явился ревностнымъ охранителемъ церкви и ея правъ; для одной церковно-приходской школы сколько сдѣлалъ оберъ-прокуроръ Св. Синода. Но сколько, вѣроятно, страдало самолюбіе архіереевъ отъ сознанія, что всѣ награжденія архіереевъ зависятъ отъ оберъ-прокурора. Это, можетъ быть, самое «горькое» изъ золъ, которыя причинялись оберъ-прокуроромъ Св. Синода и архіереямъ, не исключая, кажется, и членовъ Св. Синода. Нельзя не признать, что эта власть неосновательно дана была свѣтскому лицу и все дѣло должно было принадлежать собору архіереевъ, т. е. Святѣйшему Синоду. Несомнѣнно, очень тягостно было, особенно епископамъ, быть во власти оберъ-прокурора. Одно сознаніе, что духовенствомъ чуть ли не правитъ свѣтское лицо было тяжело. Итакъ, эта петиція объ освобожденіи церковной іерархіи или Св. Синода отъ зависимости оберъ-прокурора настоятельная потребность. Можно только удивляться, что до сихъ поръ наши архіереи не поднимали этого вопроса и для этого понадобилась петиція 32, или благосклонное участіе къ судьбѣ духовенства православнаго С. Ю. Витте. Мнѣ кажется, самъ оберъ-прокуроръ Св. Синода К. П. Побѣдоносцевъ, ревнующій о церкви православной, готовъ былъ бы первый содѣйствовать измѣненію строя Св. Синода, чтобы дать ему больше самостоятельности и предоставить первоприсутствующему больше правъ и даже право непосредственнаго доклада Государю Императору по дѣламъ Синода. Вытекаетъ ли отсюда необходимость и даже потребность въ бытіи у насъ патріарху, а не Св. Синоду? —*чз.*

3 апрѣля.

Статья «**Новаго Времени**» (№ 10,445-й):

Высочайшее повелѣніе Св. Синоду.

Высочайшая резолюція, положенная на докладѣ Св. Синода о созваніи собора епархіальныхъ епископовъ для учрежденія патріаршества и для обсужденія перемѣнъ въ церковномъ управленіи, положенная 31 марта и нынѣ опубликованная въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ», разъяснила тѣ слухи, какіе уже ходили эти послѣдніе дни, о томъ, что все дѣло церковнаго преобразованія временно пріостанавливается. Текущіе дни, въ самомъ дѣлѣ, не допускаютъ возможности сосредоточиться съ надлежащимъ прилежаніемъ и обширною заботою надъ вопросомъ поправленія нашего духовнаго управленія, во всѣхъ его частяхъ, низшихъ и верхнихъ, пришедшаго въ крайне несовершенное состояніе, и къ тому же отъ самаго своего начала противорѣчившаго канонамъ. Въ собственноручныхъ словахъ Государя Императора указана, какъ главный мотивъ отложенія пересмотра этого управленія, «тревожность нынѣ переживаемаго времени», безъ упоминанія о ненужности или невозможности такового пересмотра. «Когда наступитъ благопріятное для сего время»,— говоритъ Государь,—«предоставляю Себѣ, по древнимъ примѣрамъ православныхъ Императоровъ, дать сему великому дѣлу движеніе и созвать соборъ всероссійской церкви для каноническаго обсужденія предметовъ вѣры и церковнаго управленія». Эта многоцѣнная надпись на докладѣ Св. Синода не должна нимало смущать членовъ Синода, подписавшихъ докладъ, или казаться имъ огорчительною: ибо если только вспомнить тотъ трепетъ сердца, съ каковымъ нынѣ вся Россія притаилась и ждетъ вѣстей о нашей эскадрѣ, то совершенно ясно станетъ, что Государь Императоръ, какъ и всѣ русскіе до одного человѣка, не имѣетъ ни малѣйшей возможности удѣлить вниманіе Свое сложнымъ и тонкимъ «предметамъ вѣры и церковнаго управленія», во всякомъ случаѣ отложимымъ по своей сущности. Это вопросы не «вчера» и не «сегодня», тогда какъ мы вынуждены сейчасъ отдать всю свою заботу, впечатлительность и все пониманіе именно «сегодняшнему дню», въ чемъ именно и заключается болѣе всего «тревожность» текущихъ дней. Но слово Государя мимо не идетъ: въ минуту, которую Онъ найдетъ «благопріятною», Онъ

созоветъ «соборъ всероссійской церкви», т. е. исполнитъ давнишнюю мечту всѣхъ вѣрующихъ и религіозныхъ русскихъ людей.

Въ указаніи «православныхъ Императоровъ», безъ включенія слова «русскихъ», и въ указаніи «примѣровъ» созыва соборовъ именно «древнихъ», мы можемъ видѣть, что Россіи предстоитъ, можетъ быть въ недалекомъ будущемъ, увидѣть на своей территоріи и въ своей исторіи возобновленіе и продолженіе тѣхъ частей византійской исторіи, которыя выразились въ періодическомъ созывѣ соборовъ для устроенія дѣлъ вѣры. Зрѣлище величественное, если бы намъ удалось дожить до него. Надежду эту внушаютъ и слова Высочайшей резолюціи, гдѣ значительно измѣнена и углублена собственно тема «доклада» Св. Синода, довольно узкая и формальная: «созванъ будетъ соборъ всероссійской церкви для каноническаго обсужденія предметовъ вѣры и церковнаго управленія». Каждый понимаетъ, насколько понятіе «соборъ всероссійской церкви» неизмѣримо шире «собора епархіальныхъ епископовъ» и насколько «предметы вѣры и церковнаго управленія» шире и даже неизмѣримо шире «выбора патріарха», который, получивъ посохъ патріаршій и новое «возвеличеніе» на митру, не зналъ бы, что́ съ нимъ дѣлать, и вообще, что̀ дѣлать новаго въ совершенно прежней въ духѣ и формахъ своихъ церкви. Око Государево провидитъ далеко горизонты и беретъ широкія условія дѣйствительной возможной «новизны». Нѣкоторое вдохновеніе пронеслось передъ гаагской конференціей. Богъ дастъ, мы дождемся еще вдохновенія, и новая гаагская конференція, великая для всего міра, всѣмъ народамъ многозначительная, соберется въ совершенно другой сферѣ, «по предметамъ вѣры и церковнаго управленія». Въ послѣднее время высказывалось опасеніе, какъ бы «преобразованіе духовнаго управленія» не свелось къ интересамъ и выгодамъ одного сословія надъ другими, и даже въ самомъ сословіи — только кучки довольно исключительныхъ людей (монашествующихъ). Можно было вполнѣ этого опасаться. Но опасность этого теперь совершенно предупреждена, ибо «соборъ россійской церкви» — въ каковую церковь несомнѣно входитъ бѣлое духовенство и всѣ русскіе мірскіе люди — уже ни въ какомъ случаѣ не дастъ только новаго роста митрополичьей митрѣ, ни исключительнаго главенства только однимъ монашествующимъ

Съ тѣмъ вмѣстѣ обильная литература, такъ живо выросшая около даннаго вопроса, обнаружила во-первыхъ чрезвычайный интересъ русскихъ къ духовнымъ дѣламъ и показала этимъ прежнюю живучесть у насъ всяческихъ религіозныхъ вопросовъ, а во-вторыхъ, съ необыкновенною энергіею установились нѣкоторыя истины, еще недавно для многихъ смутныя или неважныя. Полемика шла довольно откровенно, или

точнѣе, раздались довольно откровенныя объясненія нашего духовнаго строя, изъ которыхъ, кромѣ ученыхъ людей, и вся Россія, въ лицѣ мѣщанъ, разночинцевъ, мелкихъ служащихъ, купцовъ и даже ремесленниковъ и можетъ быть даже, наконецъ, мужиковъ, узнала, что строй нашей церкви противорѣчитъ древнимъ канонамъ отцовъ церкви и вселенскихъ соборовъ, и что кромѣ того даже высшіе іерархи, епископы, архіепископы и митрополиты, творятъ болѣе или менѣе «не свою волю» и произносятъ болѣе или менѣе тоже «не свое слово». Въ полномъ и притомъ увѣренномъ почему то ожиданіи, что синодальный и оберъ-прокурорскій періодъ рухнулъ и не сегодня-завтра будетъ ликвидированъ, о немъ были высказаны такія сужденія и стали извѣстны всѣмъ вѣрующимъ, послѣ которыхъ на очень долгое время его дѣйствительно было бы неудобно и щекотливо сохранять. Въ можетъ быть поспѣшной и очень горячей полемикѣ была похоронена, именно для простолюдиновъ похоронена, великая мечта, что у насъ «все свято и безукорно» на самомъ святомъ мѣстѣ. Словомъ, научная истина была разболтана слишкомъ широко; и что «земля круглая и движется» — это теперь знаютъ не Галилей съ Коперникомъ, но и всякій, говоря педагогическимъ языкомъ, «приготовишка». Возвращаясь отъ иллюстраціи къ иллюстрируемому, мы должны сказать, что колоссальная для народной вѣры истина: «церковь русская не имѣетъ каноническаго устройства», что она «лишена свободы и независимости»,—сдѣлалась достояніемъ той тѣсной и горячей народной толпы, какая ежедневно молится по церквамъ. Послѣ чего, разумѣется, отложить «разсмотрѣніе предметовъ вѣры и управленія» можно, Богъ дастъ, только на краткіе «тревожные дни».

«Заря» (№ 262-й).

Статья вторая *Внѣшняго:*

Особый проектъ реформы высшаго церковнаго управленія.

Кромѣ дѣла награжденія архіереевъ, сосредоточеннаго исключительно въ рукахъ оберъ-прокурорской власти, у власти этой есть и другой прессъ, которымъ она можетъ сильно давить на церковную іерархію и прежде всего на Св. Синодъ. Этотъ тяжелый прессъ чиновники и чиновники именно синодальной канцеляріи.

По логикѣ вещей, чиновники синодальной канцеляріи должны бы находиться въ непосредственномъ и полномъ распоряженіи Св. Синода, какъ чиновники канцеляріи оберъ-прокурорской въ распоряженіи оберъ-прокурора. Однако, вопреки этой естественной логикѣ, служба, а съ нею

и судьба синодальныхъ чиновниковъ внѣ всякой зависимости отъ Синода, хотя къ службѣ они опредѣляются Синодомъ, по предложеніямъ оберъ-прокурора.

Синодальные чиновники будто бы находятся въ такой же безусловной зависимости отъ оберъ-прокурора, какъ и чиновники его собственной канцеляріи. Чтобы прессъ этотъ, при надобности, былъ послушенъ и даже ревновалъ къ этому послушанію «по собственному влеченію», за нимъ, можно сказать, особо ухаживаютъ. Къ синодскимъ чиновникамъ особое благоволеніе со стороны оберъ-прокуратуры; ихъ задобриваютъ.

Въ доказательство этого намъ указывали на то, что всѣ лучшія мѣста въ духовномъ вѣдомствѣ замѣщены лишь по представленіямъ оберъ-прокурорской власти чиновниками канцеляріи, находящейся при Синодѣ. Ими замѣщены должности управляющихъ: контролемъ, синодальными конторами (въ Москвѣ и Тифлисѣ), канцеляріею училищнаго совѣта и синодальною типографіею. Вездѣ на лучшихъ должностяхъ синодскіе чиновники, изъ нихъ и чиновники особыхъ порученій при самомъ оберъ-прокурорѣ. Ни одинъ чиновникъ не выдвинутъ на эти лучшія въ вѣдомствѣ должности ни изъ оберъ-прокурорской канцеляріи, ни изъ учебнаго и хозяйственнаго комитетовъ.

Объяснять все это предположеніемъ, что синодскіе чиновники образованнѣе, даровитѣе, дѣльнѣе и заслуженнѣе чиновниковъ прочихъ учрежденій духовнаго вѣдомства, значило бы конфузить именно синодальныхъ чиновниковъ, такъ какъ сами они постыдились бы приписывать себѣ это превосходство.

Синодскіе чиновники видятъ, ощущаютъ (ну, еще бы не видать, не ощущать!), откуда имъ свѣтитъ и даже грѣетъ, и вотъ они, естественно, какъ цвѣтки, тянутся въ сторону тепла и свѣта.

Отчего же это тепло и свѣтъ не направить на нихъ съ другой стороны, что̀ къ тому же сдѣлать такъ легко и удобно? Отчего же въ самомъ дѣлѣ? Почему чиновниковъ «канцеляріи Св. Синода» не поставить въ непосредственную фактическую зависимость «отъ Св. Синода», при которой ихъ опредѣленіе, повышеніе по службѣ, награжденіе за службу совершалось бы не иначе, какъ по рекомендаціи, по иниціативѣ Св. Синода? Вѣдь, это дѣло прямо песчинка по сравненію съ горою, которую представляетъ изъ себя затѣваемая коренная реформа высшаго церковнаго управленія, а между тѣмъ, цѣль достигалась бы одинаково.

Нынѣ, когда архіереи пріѣзжаютъ въ зданіе Св. Синода на засѣданіе, они чувствуютъ, что являются какъ бы въ чужой домъ, гдѣ имъ не особо рады, ждали по обязанности, ничего отъ нихъ не чаютъ и, потому, мало величаютъ. Поэтому архіереи и держатъ себя въ Синодѣ,

что называется, отреся ножку, и работаютъ, какъ бы безъ рукъ. Иное дѣло, если бы они являлись въ Синодъ дѣйствительными хозяевами собственнаго дома. Они были бы тогда несравненно сильнѣе и дѣйствовали несравненно самостоятельнѣе. На даромъ говорится, что въ своемъ домѣ стѣны помогаютъ.

Не трудно было бы поослабить зависимость секретарей духовныхъ консисторій отъ оберъ-прокурорской власти и усилить зависимость ихъ отъ епархіальныхъ архіереевъ.

Итакъ, для почти полнаго освобожденія церковной іерархіи отъ давленія свѣтской власти, по глубокому убѣжденію бесѣдовавшихъ съ нами лицъ духовныхъ, рѣшительно нѣтъ никакой надобности въ коренной реформѣ высшаго церковнаго управленія. Для этого достаточно изъять изъ рукъ этой власти два пресса, которыми она давитъ на церковную іерархію, именно сдѣлать оберъ-прокурора непричастнымъ къ дѣлу награжденія архіереевъ и синодскихъ чиновниковъ поставить въ исключительную зависимость отъ Синода, какъ все это было бы и естественно. Слова: «читалъ» и «исполнить» для архіереевъ, для Синода совсѣмъ не страшны, и они лишь звонкая струна, на которой заиграли реформаторы.

«Петербургскій Листокъ» (№ 84-й):

Высочайшее повелѣніе.

Созывъ помѣстнаго собора для учрежденія патріаршества и для обсужденія перемѣнъ въ церковномъ управленіи теперь же въ «переживаемое тревожное время» признанъ невозможнымъ.

Нельзя не признать, что это—«великое дѣло, требующее и спокойствія, и обдуманности»

Такимъ образомъ, вопросъ остается открытымъ до будущаго, «когда наступитъ благопріятное для сего время».

И соборъ, и патріаршество—въ будущемъ.

Но это еще не значитъ, что мысль о соборѣ остается безъ движенія.

За мыслью этой мало исторіи. Сначала она разрабатывалась въ тайникахъ души лучшихъ людей нашего времени.

Изрѣдка она пробивалась въ печать. Но пробивалась тихо, незамѣтно, робко... Этой мысли боялись.

Но она все-таки зрѣла и готовилась вылиться наружу.

Не больше трехъ недѣль тому назадъ мысль о патріаршествѣ и о

соборѣ вылилась въ первую опредѣленную и смѣлую форму—въ запискѣ 32 столичныхъ священниковъ.

Появленіе записки вызвало въ нашемъ обществѣ и въ печати различные толки. Заговорили о клерикализмѣ, о господствѣ духовенства. Привѣтствовали упраздненіе духовной бюрократіи, привѣтствовали зарю обновленія и свободы.

Мысль получила и друзей, и враговъ.

Послѣднихъ было немного.

Враги таились и молчали. Теперь они поднимаютъ голосъ.

Они утверждаютъ, что созывъ собора отложенъ на неопредѣленное время, что о патріаршествѣ пока не идетъ еще и рѣчи, что и въ будущемъ, далекомъ будущемъ, церковь наша не отойдетъ и не отложится отъ свѣтской власти.

Такъ заговорили враги, которые радуются владычеству бюрократіи въ ущербъ автономіи церкви.

Но этому факту радуются и нѣкоторые изъ друзей.

Эти друзья, конечно, радуются по другимъ основаніямъ.

Они утверждаютъ, что созывъ собора теперь, въ наше смутное время, явился бы дѣйствительно преждевременнымъ.

Другіе друзья возражаютъ имъ, что въ старину соборы созывались именно въ годину бѣдствій для устроенія назрѣвшихъ недоумѣній церкви, для упорядоченія отношеній между мірянами и духовенствомъ, когда было дѣло, когда его нужно было вернуть.

Съ этими утвержденіями соглашаются, но и возражаютъ.

Возражаютъ, что условія древняго общественнаго быта намъ не къ лицу, что уподобленіе нашего времени—старинѣ не выдерживаетъ критики, что въ древней жизни могли возникать только частные, мѣстные, случайно назрѣвшіе вопросы.

Наша современная жизнь—одинъ сплошной вопросительный знакъ.

Намъ приходится имѣть дѣло не съ частными вопросами, а съ общимъ вопросомъ, съ переустройствомъ всего государственнаго общежитія въ духѣ народнаго представительства.

Передъ нами стоитъ одна огромная неразрѣшенная задача.

Въ ней много частностей, много мелочей и подробностей.

Созывъ помѣстнаго собора для упорядоченія церковныхъ дѣлъ—не болѣе, какъ деталь общегосударственной задачи, какъ одна частная величина, входящая въ цѣлое, какъ одно изъ заданій.

Но не все, не сама задача.

Точно такъ же и учрежденіе патріаршества.

Вѣдь, въ сущности патріаршество должно явиться на смѣну бюрократическому правленію.

Созывъ помѣстнаго собора и патріаршество—воплощеніе идеи церковнаго самоуправленія, внѣ всякихъ руководящихъ указовъ и предписаній.

А отсюда ясно, что дѣйствительное самоуправленіе церковь можетъ получить только послѣ того, какъ разрѣшится задача объ измѣненіи бюрократическаго режима.

Слѣдовательно, для раціональнаго церковнаго преобразованія необходимо выждать время.

Мы спокойно и обдуманно отнесемся къ «великому дѣлу» созыва собора и учрежденія патріаршества.

И когда у насъ расцвѣтетъ народное представительство на началахъ всеобщаго и равнаго голосованія, когда общая государственная задача будетъ разрѣшена, тогда мы станемъ лицомъ къ лицу съ деталями великой задачи. Мы остановимся передъ ними и увидимъ, что онѣ уже разрѣшены рѣшеніемъ общей задачи.

Наше представительство соберется, когда мысль о патріаршествѣ и о соборѣ выкристаллизуется въ опредѣленную форму.

А при новомъ законодательномъ творчествѣ вопросъ о переустройствѣ церкви будетъ разрѣшенъ просто и скоро.

Все это заставляетъ насъ привѣтствовать появленіе трезваго голоса.

Патріаршество и помѣстный соборъ будутъ созваны.

Это—установлено безусловно.

Когда? Вопросъ времени не долженъ смущать насъ.

Все это будетъ, когда Россія перестанетъ переживать тревожное время, время растерянности, время нарощенія нуждъ и накопленія вопросовъ, и когда все это выльется въ одну опредѣленную задачу.

И намъ остается съ надеждами ждать этого времени.

Откладывать окончательное разрѣшеніе вопроса вовсе не значитъ отказываться отъ разрѣшенія.

Теперь, пока до времени, въ церковномъ быту есть много другихъ вопросовъ, надъ которыми надо задуматься. Эти вопросы могутъ выйти изъ поля зрѣнія при переустройствѣ церковнаго управленія.

Надо теперь же ихъ подготовить, взвѣсить и обдумать, и потомъ выдвинуть на разрѣшеніе.

Пока предстоитъ черная подготовительная работа.

Съ церковныхъ каѳедръ, съ амвоновъ, въ проповѣдяхъ, — словомъ и дѣломъ, духовенство должно показывать примѣры любви къ человѣчеству, подготавливать и себя, и паству къ евангельской жизни.

Церковь станетъ свободной. Духовенство займетъ подобающее положеніе. Все, все придетъ, когда придетъ общее.

А пока съ терпѣніемъ займется собственнымъ дѣломъ, выясненіемъ и накопленіемъ нуждъ.

«Русскій Листокъ» (№ 91-й).

Статья *И. Гофштеттера:*

Независимость церкви.

Церковный и журнальный міръ переполошился сообщеніемъ о возстановленіи патріархата. Многихъ поразила и всколыхнула неожиданность реформы, внезапность ея, пугающая легкость коренного преобразованія, не вселяющая въ робкія сердца увѣренности, что въ нашей жизни есть что то прочное, что то постоянное. Даже многіе изъ самыхъ ярыхъ сторонниковъ самыхъ смѣлыхъ новшествъ не оспариваютъ, что естественный ходъ реформъ долженъ бы быть нѣсколько инымъ, что онѣ должны были бы находиться въ большемъ соотношеніи съ работою общественныхъ силъ, медленно вырабатываться и зрѣть на землѣ, а не падать, какъ снѣгъ на голову. Съ созывомъ Земскаго собора понятны и не страшны были бы самыя капитальныя ломки, потому что Россія знала бы, что планъ предстоящаго ремонта выработанъ и одобренъ въ сердцѣ ея; но наканунѣ пріобщенія всенародной мысли къ разрѣшенію вопросовъ государственной жизни эта спѣшная, безумно торопливая, реформаціонная работа доживающихъ послѣдніе дни своего единовластія канцелярій кажется немножко сбившейся съ историческаго такта, какой то неуравновѣшенно-истерической. Какъ лампада передъ тѣмъ, чтобы погаснуть, въ послѣдній разъ вспыхиваетъ яркимъ пламенемъ, такъ и оторванное отъ народной мысли канцелярское творчество дѣлаетъ послѣднія героическія усилія, пытаясь своими трепетными и колеблющимися вспышками что то озарить, и безсильно угасаетъ, оставляя послѣ себя легкій трескъ и острый запахъ перегара. Наканунѣ пріѣзда новаго владѣльца старый управляющій проявляетъ усиленную и порывистую дѣятельность. Чего онъ хочетъ? На что надѣется? Думаетъ ли остаться при новомъ хозяинѣ или торопится вписать свое имя въ скрижали исторіи, подчистивъ и вытравивъ въ забывчивой памяти народа тѣ непріятныя воспоминанія, которыя остались отъ его предшествовавшей дѣятельности и бездѣятельности? Кто знаетъ! Кто разберется въ этой до крайности сложной и спутанной психологіи. Внутренняя сумятица, которую обнаруживаетъ бюрократія наканунѣ предстоящаго

обновленія Россіи, ея реакціонныя поползновенія и смѣлые реформаціонные порывы показываютъ, что вообще она себя чувствуетъ немножко лучше, чѣмъ чортъ передъ заутреней. И странное дѣло: растерянность бюрократической души всего больше чувствуется именно въ этомъ запоздаломъ новаторствѣ, въ желаніи какъ-нибудь проскочить впередъ своей эпохи и предрѣшить основные вопросы общественной жизни на всѣ предбудущія времена. Она словно никакъ въ толкъ не возьметъ, что это запоздалое новаторство отнынѣ, наканунѣ пріобщенія къ государственной жизни общественныхъ силъ, оказывается уже и преждевременнымъ, что самый смѣлый либеральный починъ становится при такихъ условіяхъ въ сущности въ высшей степени анти-либеральнымъ, потому что онъ разсчитываетъ оттѣснить общество отъ самостоятельнаго рѣшенія своихъ судебъ и поставить его въ такое положеніе, про которое поется:

«Безъ меня меня женили...»

Съ другой стороны, проведеніе широкихъ общественныхъ реформъ по иниціативѣ канцелярій безъ участія общества очень тяжело и непріятно отражается на душевномъ самочувствіи страны. Она погружается въ пучину непредвидимыхъ и непредотвратимыхъ случайностей. Принимаясь съ утра за газету, каждый обыватель съ внутреннимъ трепетомъ спрашиваетъ себя: «ну, а что то придумали наши предпріимчивые канцеляристы сегодня? Чѣмъ то они подарили Россію, что рѣшили построить новаго и что обрекли на сломъ?» Даже если на сломъ обрекается завѣдомая рухлядь, обыватель все-таки трепещетъ, потому что видитъ въ этомъ не результатъ спокойнаго хозяйственнаго разсчета, а просто счастливое совпаденіе вольной фантазіи канцелярскаго реформатора съ истинною потребностью жизни. Но, вѣдь, такія совпаденія могутъ быть, а могутъ и не быть. Отлученная отъ жизни и общества реформаторская работа съ завязанными глазами пріобрѣтаетъ характеръ веселаго государственнаго petits jeux. Въ ней могутъ быть всякіе сюрпризы. Какъ въ рулеткѣ: иной № даетъ хорошій выигрышъ, а слѣдующій дѣлаетъ васъ банкротомъ. Вмѣсто ровнаго и яснаго государственнаго творчества получается какая то бѣшеная игра честолюбій, политическое банкометство, въ которомъ неожиданно рождающіеся проекты играютъ роль счастливой или несчастливой, крапленной или некрапленной карты. Банкометы наслаждаются захватывающими волненіями своей рискованной игры, а бѣдная Россія... она чувствуетъ себя чѣмъ то вродѣ лермонтовской казначейши, которая была проиграна въ штоссъ своимъ мужемъ, какъ послѣдняя ставка зарвавшагося въ неудачной игрѣ казначея.

Исторія возникновенія вопроса о патріархатѣ, дѣйствительно, представляется довольно странною и довольно темною. Отъ нея вѣетъ всемогуществомъ случая. Какіе то тридцать два священника составили петицію о нуждахъ церкви. Починъ въ такомъ хорошемъ дѣлѣ достоинъ всякой похвалы и одобренія. Къ сожалѣнію, иниціаторы не сочли нужнымъ подписаться подъ своимъ заявленіемъ и обратиться съ нимъ къ 70 тысячамъ своихъ сотоварищей по сану. По странной превратности судьбы, петиція попадаетъ не въ епархіальныя совѣщанія, а въ такое свѣтское учрежденіе, какъ... комитетъ министровъ. Освобожденія отъ бюрократической опеки петербургскіе батюшки стали искать у той же бюрократіи. Къ самосознанію и религіозной совѣсти духовенства они не обратились, повели свое дѣло не съ того конца. Сѣмя сразу упало на тучную почву. Энергичный и разносторонній г. предсѣдатель комитета министровъ тотчасъ же понялъ, какъ блестяще можетъ быть использованъ вопросъ, и далъ ему полный ходъ. Рядомъ съ преосвященнымъ митрополитомъ Антоніемъ С. Ю. Витте сталъ отцомъ обновленія русской православной церкви. Послѣ благоустроенія министерства путей сообщенія и русскихъ финансовъ онъ занялся благоустроеніемъ нашихъ душъ. Мы, разумѣется, всѣмъ сердцемъ вѣримъ, что на новомъ поприщѣ талантливому государственному дѣятелю удастся достигнуть такихъ же блестящихъ положительныхъ результатовъ, какъ и на старыхъ, но дѣло въ томъ, что свободу и независимость очень трудно насаждать какими-либо административными мѣропріятіями. Для независимости церкви необходимо, чтобы духовенство проявило какую-нибудь самодѣятельность, а ея то оно какъ разъ и не успѣло обнаружить въ этомъ важномъ вопросѣ. Вина за это падаетъ не на тѣхъ 32 батюшекъ, которые келейно заговорили о нуждахъ церкви, а скорѣе на тѣ десятки тысячъ чиновъ бѣлаго и чернаго духовенства всѣхъ ранговъ, которые столько десятилѣтій молчали о томъ, о чемъ грѣшно было молчать. Трудно думать, чтобы духовнаго главу петербургской митрополіи просвѣтила въ такомъ важномъ для религіи дѣлѣ бумага, написанная, но не подписанная тридцатью двумя батюшками. Если при молчаніи духовенства вопросъ выдвигается свѣтскою властью, ей все-таки нужно сочувствовать, хотя бы ея побужденія и мотивы были даже отнюдь нерелигіознаго характера. Не все ли равно, изъ какой пустыни дуетъ попутный вѣтеръ, разъ онъ гонитъ судно въ намѣченную гавань? Высшіе представители петербургскаго духовенства поставили свой парусъ и двинулись впередъ съ попутными административными вѣяніями. Теперь вопросъ только въ томъ, какова сила и прочность этихъ вѣяній, не смѣнятся ли они мертвымъ штилемъ и можно ли ввѣрять имъ судьбу столь драгоцѣнной ладьи?

Скептики увѣряютъ, что въ качествѣ чисто-бюрократическаго вѣянія, оно должно скоро упасть, какъ падаетъ на взморьѣ вечерній береговой вѣтерокъ. Тѣмъ не менѣе церковный вопросъ не замретъ и не будетъ сданъ въ архивъ. Было нерасчетливо только связывать его рѣшеніе съ мелкими административными комбинаціями, потому что, независимо отъ какихъ бы то ни было тонкихъ до виртуозности комбинацій и наперекоръ имъ, при грядущемъ обновленіи общественной жизни Россіи церковь все равно не могла оставаться на прежнемъ положеніи. Она тоже неизбѣжно должна обновиться.

Я думаю, что истинное обновленіе церкви, какъ и обновленіе всей русской жизни, пойдетъ не сверху, а снизу. Для настоящей и доподлинной Россіи свободный приходъ несравненно важнѣе, чѣмъ независимый патріархатъ. Избираемый самими прихожанами священникъ въ нравственно-религіозной жизни ихъ значитъ несравненно больше, чѣмъ избираемый соборомъ патріархъ. Церковь должна стать, какъ во времена первыхъ христіанъ, органомъ живой совѣсти прихода, религія должна воедино слиться съ нравственностью, которая есть не что иное, какъ религія сердца. Съ патріархомъ или безъ патріарха во главѣ, союзъ 70 тысячъ приходовъ, объединенныхъ одними и тѣми же религіозно-нравственными идеалами и завѣтами, составитъ огромную силу. Съ нею нельзя будетъ не считаться, но опасаться ея не слѣдуетъ потому, что эта сила свѣтлая и творческая. Патріархатъ можетъ придать ей только большее политическое значеніе, но въ то же время можетъ и тормозить ея внутренній культурный ростъ, такъ какъ авторитетъ высшей единоличной духовной власти неудержимо стремится вырасти въ догматъ папской непогрѣшимости и сковать желѣзной дисциплиной послушанія живое соборное начало. Едва ли есть основанія ожидать серьезной опасности для государства отъ обособленія духовной власти: можно думать, что времена Никона прошли безвозвратно; историческіе покойники не воскресаютъ и не встаютъ изъ гробовъ. Въ наше время государству нечего спорить съ церковью о первенствѣ, потому что его царство—на землѣ, а ея—на небѣ. Они размежевались между собою и могутъ жить въ мирѣ. Этотъ миръ долженъ переродиться въ дѣятельный союзъ, человѣческій законъ долженъ слиться съ Божьимъ, земная правда съ небесной. Поскольку государственная власть опирается на религіозныя и моральныя основы, независимая церковь не можетъ ограничивать ея, она можетъ ее только укрѣплять, давать ей незыблемую опору въ сердцахъ гражданъ. Отсюда неизбѣжный выводъ: въ христіанскихъ государствахъ церковь должна быть независимой. Но для этого сама она должна опираться только на свой нравственный авторитетъ и не пре-

даваться соблазну власти, которымъ дьяволъ испытывалъ Христа въ пустынѣ. Для государственнаго единодержавія опасна не религія, а властный клиръ, вожделѣющій славы, почестей и богатства. Свѣтской власти и духовныхъ лицъ не вынесъ ни Римъ, ни Испанія, тѣмъ менѣе опасности можетъ угрожать съ этой стороны Россіи. Опасенія русскаго клерикализма слишкомъ эфемерны, слишкомъ вычитаны изъ заграничныхъ газетъ. Для вѣрующихъ русскихъ людей возстановленіе патріархата будетъ дорого не какъ начало политической власти избранниковъ духовенства, а какъ символъ независимости церкви. Мы слишкомъ устали душою и отъ собственнаго безправія, и отъ безправія служителей алтаря. Хочется видѣть святыню неприкосновенную, силу необезличенную. Пожалуй, патріархатъ и могъ бы быть этимъ примиряющимъ и одухотворяющимъ символомъ, но вѣдь главное вовсе не въ немъ, а въ той свободѣ религіознаго строя, основа которой таится въ самыхъ низинахъ духовной іерархіи,—въ независимости приходовъ, въ неприкосновенности соборнаго религіозно-нравственнаго общенія вѣрующихъ и живущихъ своею вѣрою прихожанъ.

Какъ бы ни предрѣшалъ этотъ вопросъ комитетъ министровъ, что бы ни проектировали на этотъ счетъ бюрократическія сферы—въ настоящее время это почти уже безразлично: грядущее обновленіе государственной жизни Россіи само собою предполагаетъ и обновленіе внутренней жизни религіозныхъ общинъ, т. е. независимость церкви отъ высоты патріаршаго престола до самаго бѣднаго и захолустнаго деревенскаго прихода.

«Московскія Вѣдомости» (№ 92-й).

Высочайшее рѣшеніе церковнаго вопроса.

Петербургскій планъ церковнаго переворота, задуманный внѣ сношенія съ церковью и проводимый съ лихорадочною поспѣшностью на образецъ политическихъ партій, уже началъ было приводить къ печальнымъ послѣдствіямъ, которыя не трудно было предвидѣть заранѣе.

Разногласія и раздоры уже были внесены въ среду православныхъ людей, духовенства и мірянъ. Изъ среды мірянъ стали слышаться голоса о рождающемся «клерикализмѣ».

Рядъ газетъ, какъ «*День*» и «*Русскій Листокъ*», возмущаясь самовольными дѣйствіями небольшой группы,—уже подвергали ихъ самой рѣзкой критикѣ... Либералы, ни во что̀ не вѣрующіе и отвергающіе церковь, на сей разъ очень сочувственно отнеслись къ попыткѣ цер-

ковнаго переворота. Среди духовенства же выдвинулся даже епископъ, который не усомнился вступить въ союзъ съ «*Русскими Вѣдомостями*» и поддерживать клеветы этой газеты противъ насъ, лишь бы, по его мнѣнію, повредить намъ, всегда вѣрно служившимъ православію и церкви *). Не трудно предвидѣть, въ какое внутреннее разложеніе погрузили бы православный русскій міръ петербургскіе реформаторы, особенно съ такими тактичными и мудрыми пособниками, какъ только что упомянутый епископъ... Въ довершеніе смуты, нѣкоторые осмѣливались даже ссылаться якобы на Царскую волю въ оправданіе самовольныхъ петербургскихъ дѣяній...

Къ счастію, очень быстро раздалось *дѣйствительное* Царское слово, кладущее конецъ тревогамъ, столь неблагоразумно возбужденнымъ смѣсью петербургско-нижегородскаго реформаторства.

Слово Государя Императора, въ резолюціи 31 марта, исполнено той высшей мудрости, которая,—отметая все фальшивое въ возникшихъ проектахъ, возраждаетъ все здоровое и необходимое для церкви.

На докладѣ о ходатайствѣ Св. Синода о созывѣ собора для выборовъ патріарха и другихъ дѣлъ, Государь Императоръ положилъ такое рѣшеніе: «*Признаю невозможнымъ совершить, въ переживаемое нынѣ тревожное время, столь великое дѣло, требующее и спокойствія, и обдуманности, каково созваніе помѣстнаго собора. Предоставляю Себѣ, когда наступитъ благопріятное для сего время, по древнимъ примѣрамъ православныхъ Императоровъ, дать сему великому дѣлу движеніе и созвать соборъ Всероссійской церкви для каноническаго обсужденія предметовъ вѣры и церковнаго управленія*».

Таковъ истинно «Царскій путь», указанный съ высоты Престола для надлежащаго совершенія необходимаго и назрѣвшаго дѣла благоустроенія русской церкви. Всѣ православные встрѣтятъ милостивое и мудрое Царское слово съ величайшею благодарностью и радостью.

Считаемъ излишнимъ говорить, что среди этихъ православныхъ всецѣло находимся и мы. Еще въ 1903 году,—когда петербургскіе дѣятели, въ настоящую минуту смуты столь поспѣшно устремившіеся на возстановленіе могущественнаго патріаршескаго званія, молчали и бездѣйствовали,—мы уже выдвинули вопросъ о необходимости улучшенія, каноническаго исправленія церковнаго строя нашего. Читатели припомнятъ рефератъ г. Л. Тихомирова о «Запросахъ времени и нашемъ церковномъ управленіи», у насъ помѣщенный. Къ этому же вопросу мы возвращались и въ другихъ статьяхъ. Осуждая неблагоразумную и вред-

*) Имѣется въ виду письмо въ редакцію «*Р В—ей*» Исидора, еп. балахнинскаго.

ную поспѣшность и тайну дѣйствій нынѣшнихъ реформаторовъ, мы снова категорически подтвердили свое убѣжденіе въ необходимости каноническаго строя церкви и требуемой для сего серьезной и обдуманной работы. Понятно, съ какою радостью и благодарностью привѣтствуемъ мы теперь Царское рѣшеніе.

Оно, какъ мы замѣтили, отметаетъ все фальшивое, примѣшавшееся къ святому дѣлу, и въ то же время обличаетъ несправедливость тѣхъ, которые защищали легкомысленную поспѣшность реформъ на томъ основаніи, будто бы «у насъ» нужно «ковать желѣзо пока горячо», и будто бы «у насъ ничего иначе не достигнешь».

Царское рѣшеніе наглядно опровергаетъ этотъ клеветническій пессимизмъ. Государь Императоръ объявляетъ волю Свою—созвать помѣстный соборъ Всероссійской церкви для каноническаго обсужденія предметовъ вѣры и церковнаго управленія, какъ только наступитъ благопріятное время. Итакъ помѣстный соборъ, которыхъ Россія уже 200 лѣтъ была лишена, объявленъ словомъ Государя, и если въ настоящее время еще не созывается, то лишь по невозможности въ такую минуту работать съ должною обстоятельностью.

Мы увѣрены, что если бы теперь былъ созванъ помѣстный соборъ. то онъ, полный духа мудрости, и самъ бы сказалъ то же, что́ изрекло нынѣ Царское слово, то есть объявилъ бы благоразумнѣйшимъ отложить засѣданія до болѣе благопріятнаго для работы времени.

Итакъ, рѣшеніе Государя Императора сдѣлало все, что только можно было пожелать въ *настоящее* время.

Что касается до попытокъ преобразованія русской церкви *помимо собора*, и какого-либо предрѣшенія соборныхъ постановленій, то все это было бы совершенно незаконно, и могло бы не устроить, а лишь разстроить церковь. Ни духовное вѣдомство вообще, ни въ частности Святѣйшій Синодъ не имѣютъ той власти и авторитета, какіе потребны для каноническаго преобразованія церкви.

Это дѣло, въ которомъ могутъ плодотворно созидать не оберъ-прокуроръ со Святѣйшимъ Синодомъ, а только Государь Императоръ съ помѣстнымъ соборомъ Всероссійской церкви.

Мудрое рѣшеніе Царское даетъ намъ, православнымъ, истинно-правильную постановку того важнѣйшаго дѣла, какое для святой Руси составляетъ церковное благоустройство.

Да даруетъ же Господь Богъ нашему Государю здравіе и силы и всякое благое поспѣшеніе на совершеніе возвѣщеннаго Имъ великаго дѣла, которое прославитъ имя Его среди царей русскихъ.

«Южный Край» (№ 411-й).

Мудрымъ рѣшеніемъ Его Императорскаго Величества созваніе помѣстнаго собора, предложенное Святѣйшимъ Синодомъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ, признано невозможнымъ въ переживаемое нынѣ тревожное время, ибо столь великое дѣло требуетъ спокойствія и обдуманности.

Тѣмъ не менѣе соборъ будетъ созванъ тогда, когда это окажется возможнымъ.

Высочайшая надпись, начертанная Государемъ Императоромъ на всеподданнѣйшемъ докладѣ Святѣйшаго Синода, заканчивается слѣдующими словами:

«*Предоставляю Себѣ, когда наступитъ благопріятное для сего время, по древнимъ примѣрамъ православныхъ Императоровъ, дать сему великому дѣлу движеніе и созвать соборъ Всероссійской церкви для каноническаго обсужденія предметовъ вѣры и церковнаго управленія*».

Итакъ, Государь Императоръ предоставляетъ *Себѣ* опредѣлить, когда наступитъ благопріятное для созванія собора время.

Государемъ Императоромъ будетъ дано движеніе «сему великому дѣлу» «по древнимъ примѣрамъ православныхъ Императоровъ».

О какихъ императорахъ говорится здѣсь?

Очевидно, о византійскихъ.

Помѣстный соборъ будетъ созванъ для *каноническаго* обсужденія не только реформъ церковнаго управленія, но и «предметовъ вѣры», о которыхъ Святѣйшій Синодъ не упоминалъ.

Такимъ образомъ программа будущаго собора будетъ значительно расширена сравнительно съ предположеніями Святѣйшаго Синода.

Святѣйшій Синодъ ходатайствовалъ о созваніи собора прежде всего для учрежденія патріаршества, о которомъ въ надписи, начертанной Его Императорскимъ Величествомъ, не упоминается, но само собою разумѣется, что вопросъ о возстановленіи патріаршества возникнетъ самъ собою при каноническомъ обсужденіи церковнаго управленія.

Въ послѣдніе дни въ статьяхъ нашихъ духовныхъ писателей о возстановленіи патріаршества, нежданно-негаданно ставшемъ на очередь, неоднократно упоминалась молитва, читаемая священникомъ въ алтарѣ на литургіи Василія Великаго послѣ пресуществленія Святыхъ Даровъ.

Въ этой молитвѣ о церкви и Государѣ говорится, между прочимъ: «Возглаголи въ сердцѣ Его благая о церкви Твоей». Господь

услышалъ молитву вѣрующихъ и «возглаголалъ благая» въ сердцѣ Своего Помазанника.

---

4 апрѣля.

«Новое Время» (№ 10.446-й).

Статья *К. Скальковскаго:*

Возстановленіе патріархата.

Русская церковь находится въ параличѣ, заявилъ г. Витте и всеподданнѣйшимъ докладомъ испросилъ позволеніе реформировать ее. Дѣло это изъ комитета министровъ выскользнуло, но вопросъ о реформѣ церковнаго управленія остался и пошелъ быстро впередъ. Подобно тому какъ въ Парижѣ нѣкто Antoine создалъ théâtre libre, у насъ предлагаютъ создать église libre, на первый разъ въ смыслѣ свободы отъ вліянія синодальныхъ и консисторскихъ чиновниковъ или такъ называемаго вѣдомства православнаго исповѣданія.

Для устраненія этого вліянія слѣдуетъ-де вернуться къ порядкамъ XVII столѣтія и возстановить патріаршее достоинство въ Россіи, уничтоженное въ 1718 г.

Мысль эта не нова. Двадцать лѣтъ назадъ я писалъ противъ нея въ «Новомъ Времени» (см. мою «Современную Россію» т. I, 2 изд., стр. 40—42) и теперь приходится приниматься вновь за разборъ тѣхъ же положеній. Десятки лѣтъ новаго, однако, ничего не принесли, но въ то время, какъ четверть вѣка назадъ, это было мечтою нѣсколькихъ ученыхъ, теперь, при общемъ желаніи перемѣнъ во что бы то ни стало, проектъ возстановленія патріаршества, какъ досадительный вышеозначенному вѣдомству, принятъ публикою съ восторгомъ и отнесенъ даже къ числу радикальныхъ!

Еще Пушкинъ замѣтилъ:

> За новизной бѣжать смиренно
> Народъ безсмысленный привыкъ.

И дѣйствительно не все то хорошо, что ново, а особенно когда за новое и свѣжее предлагается очень старое и подогрѣтое.

Петръ уничтожилъ патріаршее достоинство по совѣту Вильгельма

Оранскаго. Но не одно желаніе подражать англиканской церкви было причиною реформы. Петръ былъ создателемъ неограниченной монархіи въ Россіи по примѣру западнаго абсолютизма. Онъ не могъ допустить власти, которая и въ умаленномъ видѣ могла бы соперничать съ нимъ. А недавній примѣръ доказывалъ, что и нашъ патріархъ не былъ чуждъ папизма, т. е. полной независимости и даже превосходства духовной власти.

Исторія Никона можетъ дать этому лучшія доказательства. Въ своихъ замѣчаніяхъ къ отвѣтамъ Стрѣшнева на вопросы Паисія Лигарида Никонъ, считаемый у насъ нѣкоторыми чуть не за либерала, формулировалъ слѣдующую теорію отношеній церкви къ государству:

Не отъ царей начальство священства пріемлется, но отъ священства на царства помазуются; явлено много разъ, что священство выше царства. Какими привилегіями подарилъ насъ царь? Привилегіею вязать и рѣшить? Мы другого себѣ законоположника не знаемъ, кромѣ Христа. Не давалъ онъ намъ правъ, а похитилъ наши права. Церковью обладаетъ, священными вещами богатится и питается, славится въ нихъ, ибо митрополиты, архіепископы, священники и всѣ причетники покоряются, работаютъ, оброки даютъ, воюютъ. Судомъ, пошлинами владѣетъ. Господь Богъ Всесильный, когда небо и землю сотворилъ, тогда двумъ свѣтиламъ, солнцу и мѣсяцу, свѣтить повелѣлъ, и черезъ нихъ показалъ намъ власть архіерейскую и царскую: архіерейская власть сіяетъ днемъ, власть эта надъ душами; царская въ вещахъ міра сего; мечъ царскій долженъ быть готовъ на непріятелей вѣры православной, архіерейство и все духовенство требуетъ, чтобы ихъ обороняли отъ всякой неправды и насилій; это мірскіе люди дѣлать обязаны. Мірскіе нуждаются въ духовныхъ для душевнаго избавленія, духовные нуждаются въ мірскихъ для обороны внѣшней; въ этомъ власть духовная и мірская другъ друга *не выше*, но каждая происходитъ отъ Бога...

Развѣ это не папскія притязанія? Неудивительно, что «подобные замахи», какъ выражается Духовный Регламентъ, были не во вкусѣ властолюбиваго Петра. При содѣйствіи южно-русскихъ поповичей, этихъ нигилистовъ своего времени, онъ и установилъ полное подчиненіе церкви государству, давъ духовенству почти исключительно утилитарное направленіе—роль духовной полиціи.

На упрекъ въ томъ, что учрежденіе Синода было не вполнѣ канонично, отвѣчалъ уже у насъ г. Розановъ, весьма справедливо замѣтивъ, что и каноны должны идти съ жизнью. Это не догматы, которые могутъ быть истолковываемы, но не измѣняемы. Что реформа Петра не рѣзко противорѣчила канонамъ, доказывается и тѣмъ, что точно такіе же синоды учредились въ Греціи и Румыніи. Да и русская реформа совершилась съ одобренія восточныхъ патріарховъ.

Недостатки патріаршаго управленія, подробно перечисленныя въ Духовномъ Регламентѣ, сознавались и ранѣе. Еще церковный соборъ 1667 г. нѣсколько ограничилъ власть патріарха.

Что церковь была неблагополучна и при патріархахъ, доказывается

расколомъ, отторгнувшимъ отъ церкви милліоны лучшихъ и наиболѣе энергичныхъ людей. Было ли тогда болѣе вѣры? «Я мню,—писалъ Посошковъ,—что и на Москвѣ едва ли сотый человѣкъ знаетъ, что то есть христіанская вѣра, или есть Богъ, или что есть воля Его и какъ Ему молиться»... Что же было въ провинціи? Не болѣе было довѣрія и къ патріаршему суду. Еще въ 1682 г. новгородцы били челомъ, чтобы ихъ судили не духовные, а приказные суды.

Съ внѣшней стороны, конечно, исторія церкви и при Синодѣ не блестяща. Петръ объявилъ себя ея «крайнимъ судіею», архіереевъ казнилъ и заставлялъ устраивать у себя ассамблеи. Анна Іоанновна сѣкла архіереевъ плетьми. Екатерина заставляла ѣздить ихъ въ итальянскую оперу; одинъ ея оберъ-прокуроръ—Чебышевъ былъ атеистомъ, другой, Мелисино, предлагалъ Синоду дать на пересмотръ нѣкоторыя постановленія вселенскихъ соборовъ екатерининской законодательной коммиссіи. Павелъ I хотѣлъ служить обѣдню, пожаловалъ митрополита Платона генералъ-адъютантскимъ аксельбантомъ и назвалъ себя «главою церкви», чему опроверженіе, подъ видомъ объясненія, помѣщено даже въ Сводѣ Законовъ т. I, ч. 1.

Власть оберъ-прокурора, первоначально контрольная «ока царскаго», постепенно возвысилась до власти министра и начальника вѣдомства. Церковь обратилась въ вѣдомство! Особенно усилилось значеніе оберъ-прокурора съ 1803 г., когда онъ получилъ личный докладъ у государя. Изъ сочиненія Ѳ. В. Благовидова видно, какъ искусно и систематически прокуроры подтачивали значеніе Синода и возвеличивались.

Но если Синодъ растерялъ часть своего значенія и его члены обратились въ робкихъ исполнителей прокурорскихъ затѣй, то это не значитъ еще, что само по себѣ синодальное правительство не пригодно и что прокурорская власть излишня.

Никакое государство не дастъ въ настоящее время церкви полной автономіи, а тѣмъ болѣе церкви «господствующей», въ пользу которой оно поступается политическими правами огромной части населенія, не говоря уже о томъ, что этой церкви поручены многія административныя и судебныя обязанности, не входящія въ прямую сферу церковныхъ дѣлъ.

И въ настоящее время, при яко бы угнетеніи церкви администраціей, многіе факты доказываютъ, что, наоборотъ, администрація скорѣе безсильна. О томъ, что петербургскія кладбища передаются городу и запрещается тамъ хоронить, состоялось, напримѣръ, три Высочайшихъ повелѣнія. Ни одно изъ нихъ не исполнено, и когда явились думскіе

землемѣры, то попы ихъ прогнали въ зашей. Это фактъ, огласившійся недавно въ думѣ.

Что не самая система нынѣшнихъ отношеній администраціи дурна, доказывается и тѣмъ, что почти буквально тѣ же отношенія, но еще въ болѣе стѣснительной формѣ, существуютъ у насъ и для другихъ вѣроисповѣданій (не говоря уже о раскольникахъ, предоставленныхъ произволу полиціи). Это не помѣшало, однако, духовенству тѣхъ церквей, которыя представляютъ элементы развитые, какъ духовенству протестантскому, пользоваться и вліяніемъ и уваженіемъ среди своихъ единовѣрцевъ, а равно пользоваться и матеріальнымъ достаткомъ.

На-повалъ бранятъ синодальныхъ и консисторскихъ чиновниковъ, но вся эта бюрократія, состоящая сплошь изъ поповичей и дѣтей церковниковъ, есть плоть отъ плоти, кость отъ кости того же православнаго духовенства. Недостатки его вытекли изъ недостатковъ самого духовенства: низкопоклонства и жадности.

Если попадали въ синодальное управленіе люди со стороны, то они скорѣе дѣйствовали тамъ въ просвѣщенномъ духѣ, и духовенство считало ихъ всегда за либераловъ. Либералами почитались не только Мелисино или Чебышевъ, но и гр. Толстой и г. Побѣдоносцевъ, особенно первый, желавшій сократить число ненужныхъ церквей, діаконовъ и улучшить духовно-учебныя заведенія. Всѣ эти попытки были очень быстро уничтожены противодѣйствіемъ самого духовенства, а не чиновниковъ. Послѣдніе являлись противовѣсомъ исключительному господству чернаго духовенства.

Недостатки духовныхъ учебныхъ заведеній также объясняются главнымъ образомъ недостатками самого духовенства. Если семинаріи наши были неудовлетворительны въ церковномъ отношеніи, то въ гражданскомъ онѣ были прямо вредны. Не въ нихъ ли зародился и пышно расцвѣлъ нашъ нигилизмъ? Семинаріи создали Сперанскаго, этого родоначальника канцеляризма, Вышнеградскаго, насадителя государственнаго соціализма, Чернышевскаго, Добролюбова и другихъ создателей русскаго нигилизма экономическаго, философскаго и литературнаго. Изъ семинарій вышли Филаретъ и другіе іерархи, давшіе нашей церкви узко-формалистическое, византійско-схоластическое направленіе.

Можетъ ли помочь въ этомъ дѣлѣ патріархатъ? Нельзя себѣ и вообразить, что вновь возстановленный патріархъ можетъ имѣть силу бывшаго патріарха московской Руси. Тогда духовенство имѣло огромнѣйшія имѣнія и сотни тысячъ крѣпостныхъ, сотни богатыхъ монастырей представляли культурную силу, все образованіе было въ рукахъ духовенства.

патріархъ имѣлъ своихъ бояръ и дворянъ, творилъ самостоятельно судъ и расправу далеко не по однимъ духовнымъ вопросамъ.

Совершенно немыслимо теперь вообразить, чтобы какое угодно духовное лицо, хотя бы самое высокопоставленное, могло, какъ Никонъ, самовольно бросить свое пастырство и пять лѣтъ оставаться внѣ закона, оправдываясь тѣмъ, что «досаждать царю всѣмъ запрещено, но обличать по правдѣ не возбранено».

Ничего подобнаго теперь быть не можетъ Будущій патріархъ, сидящій на казенномъ жалованьи, будетъ не многимъ вліятельнѣе нынѣшняго первоприсутствующаго члена Синода. Онъ будетъ имѣть значеніе гораздо менѣе константинопольскаго патріарха, потому что послѣднему турецкое правительство присвоило званіе политической главы всего православнаго населенія и онъ производитъ гражданскій судъ по дѣламъ семейнымъ, наслѣдственнымъ и др.; ему отчасти подчинены и другіе патріархи на Востокѣ.

Новый русскій патріархъ будетъ имѣть власть не болѣе патріарховъ антіохійскаго, іерусалимскаго и александрійскаго. Если при этомъ значеніе Синода умалится до значенія «домашняго собора», т. е. простого министерскаго совѣта, то спрашивается, гдѣ будутъ тогда разбираться законодательные вопросы? Нельзя же предоставить ихъ единоличному рѣшенію патріарха. Не имѣя личнаго доклада (ибо трудно вообразить патріарха съ портфелемъ подъ мышкой, ожидающаго очереди въ пріемной), онъ будетъ имѣть значеніе менѣе и нынѣшняго оберъ-прокурора.

Для крупныхъ вопросовъ придется собирать вѣроятно то и дѣло помѣстные соборы, что вполнѣ соотвѣтствуетъ и каноническимъ правиламъ; но не столкнется ли компетенція послѣднихъ съ дѣятельностью будущихъ Земскихъ соборовъ, которые будутъ имѣть въ своей средѣ представителей духовенства и конечно пожелаютъ, и совершенно справедливо, участвовать въ разрѣшеніи церковно-государственныхъ вопросовъ? Извѣстно, что уже Земскій соборъ, сочинявшій уложеніе Алексѣя Михайловича, хотѣлъ умалить власть патріарха и духовенства.

Во всякомъ случаѣ патріархи могутъ быть избираемы только соборами, и правительству, какъ было при московскихъ государяхъ, останется одно предложеніе кандидатовъ.

Съ учрежденіемъ патріаршества возникнетъ также вопросъ о грузинской церкви, которая, какъ церковь автокефальная, не можетъ быть подчинена всероссійскому патріарху.

Ослабленія чиновничьяго контроля можно достигнуть безъ возстановленія громоздкой фигуры патріарха съ его сложнымъ чиномъ.

Состояніе нашей церкви содѣйствуетъ искорененію въ народѣ ре-

лигіозности. Это вопросъ чрезвычайной важности, но суть не въ усложненіи іерархіи и увеличеніи пышности обрядовъ. Церковь возрождается и обновляется сама собой извнутри, а не извнѣ. Извѣстенъ страшный упадокъ католической церкви въ средніе вѣка и затѣмъ блестящее ея возрожденіе въ XVI и XVII вѣкахъ, подъ вліяніемъ Тридентскаго собора, іезуитовъ и другихъ монашескихъ орденовъ. Этотъ подъемъ превосходно изображенъ Ранке. Церковь въ Англіи также чрезвычайно упала въ XVIII столѣтіи. Она очень напоминала русскую церковь въ нынѣшнемъ ея положеніи.

Обновленіе явилось со стороны отдѣльныхъ лицъ. Явились Джонъ Веслей, Витфильдъ и др., и подъ ихъ вліяніемъ и въ Англіи и въ Сѣверной Америкѣ воспрянулъ духъ и возгорѣлась самая живая вѣра.

Въ Англіи нѣтъ религіи, писали въ свое время Монтескье и Вольтеръ. Теперь, какъ извѣстно, англичане и американцы самые религіозные народы въ мірѣ.

И у насъ, при чуткости народа къ дѣламъ вѣры, чуткости, которой, какъ показалъ штундизмъ, не чуждо даже южно-русское населеніе, религіозное возрожденіе еще легче. Пусть сброситъ съ себя духовенство турецкое платье, перестанетъ мечтать о казенномъ жалованьи, привлечетъ новыя силы изъ другихъ сословій, уничтожитъ свою кастовую организацію и, отказавшись отъ ремесленнаго воззрѣнія на свою профессію, поищетъ Бога въ самомъ себѣ.

Только въ такомъ исканіи, связанномъ съ реформой семинарій и съ оживленіемъ духовной литературы, можно ожидать уничтоженія церковнаго паралича, указаннаго г. Витте. Не поможетъ тутъ и рекомендованное раздробленіе епархій.

Въ первые вѣка христіанства въ каждомъ городѣ было по епископу, церковныя имущества вѣдались діаконами, священники явились впослѣдствіи, болѣе для сельскаго населенія. Жизнь измѣнила все это, епископы стали главами крупныхъ территоріальныхъ единицъ, между ними появились необходимыя градаціи, патріархатъ учредили уже въ V, быть можетъ, даже въ IV вѣкѣ. Очевидно, измельченіе епархій, какъ шагъ назадъ, только понизитъ достоинство и значеніе епископства.

«Свѣтъ» (№ 89-й).

Статья *В. К—ва:*

Вопросъ о возстановленіи патріаршества въ Россіи и созывѣ нынѣшнею же весною помѣстнаго собора русской церкви въ Москвѣ самъ

по себѣ такъ важенъ, до такой степени затрогиваетъ все русское, православное, населеніе имперіи, что самое поднятіе этого вопроса чуть ли не превышаетъ по своему значенію всю сумму поднятыхъ ранѣе вопросовъ о нашемъ государственномъ строеніи будущаго.

Въ дѣлахъ церковныхъ всякая быстрота и спѣхъ—только вредятъ дѣлу. Даже императоръ Петръ Великій, который велъ все съ неудержимою быстротою и не останавливался ни передъ чѣмъ, если сознавалъ справедливость дѣла, и тотъ при установленіи Синода и уничтоженіи патріаршества долго подготовлялъ умы къ реформѣ и, предоставляя дѣйствовать Синоду, охранялъ одновременно и патріаршее мѣсто, предоставивъ Стефану Яворскому быть «мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола». Только кончина Стефана Яворскаго и окрѣпшая дѣятельность Св. Синода утвердили въ Россіи церковное управленіе черезъ Св. Синодъ.

Очевидно, что нѣчто подобное должно произойти и теперь при обратномъ переходѣ управленія церковью отъ Святѣйшаго Синода къ патріарху.

Нашимъ читателямъ извѣстна уже Высочайшая резолюція на постановленіи Св. Синода о созывѣ помѣстнаго собора русской церкви и о возстановленіи патріаршества. Государь на докладѣ Святѣйшаго Синода, представленномъ черезъ оберъ-прокурора и, конечно, при мнѣніи его, изволилъ начертать:

«Признаю невозможнымъ совершить въ переживаемое нынѣ тревожное время столь великое дѣло, требующее и спокойствія, и обдуманности, каково созваніе помѣстнаго собора. Предоставляю Себѣ, когда наступитъ благопріятное для сего время, по древнимъ примѣрамъ православныхъ Императоровъ, дать сему великому дѣлу движеніе и созвать соборъ Всероссійской церкви для каноническаго обсужденія предметовъ вѣры и церковнаго управленія».

Всѣ, конечно, хотятъ знать, какъ совершалось такое важное дѣло въ Св. Синодѣ и почему дѣяніе Св. Синода получило отрицательный результатъ. Точно обо всемъ этомъ разскажетъ со временемъ исторія. Мы же можемъ знать лишь приблизительно, руководствуясь тѣмъ, что составляетъ уже и въ наше время несомнѣнный жизненный фактъ.

Членами Св. Синода нынѣ состоятъ: высокопреосвященнѣйшій Антоній, митрополитъ с.-петербургскій, Флавіанъ, митрополитъ кіевскій и галицкій, Владиміръ, митрополитъ московскій и коломенскій, Алексій, экзархъ Грузіи, Гурій, архіепископъ новгородскій и старорусскій, Николай, архіепископъ финляндскій, Алексій, епископъ вологодскій и тотемскій. Все это такіе просвѣщенные іерархи, что они не нуждались ни въ чьей иниціативѣ для возбужденія вопроса, въ сущности давно назрѣв-

шаго. Записка 32 священниковъ Петербурга, поданная митрополиту Антонію о коренныхъ реформахъ въ русской церкви и напечатанная въ «Церковномъ Вѣстникѣ» (см. № 74 «Свѣта»), указывала только, что когда въ средѣ нашей высшей іерархіи возникъ подобный вопросъ и настолько уже подвинулся, что можно было безопасно высказаться, и 32 священника, безъ риска быть обвиненными въ нарушеніи нравственной дисциплины, столь строго преслѣдующейся въ церковномъ управленіи, сказали свое слово.

Святѣйшій Синодъ въ своихъ дѣйствіяхъ, въ той части ихъ, которая соприкасается съ государственнымъ строеніемъ, дѣйствовалъ независимо отъ воззрѣній на то же дѣло оберъ-прокурора Св. Синода, но несомнѣнно дѣйствовалъ не отвлеченно, не одиноко. Протоіерей Философъ Орнатскій, близко стоящій къ правительственнымъ духовнымъ сферамъ и пользующійся ихъ довѣріемъ, сообщаетъ объ этомъ слѣдующее:

«Въ дѣйствительности починъ церковной реформы исходитъ съ высоты царскаго престола.

«Покойный великій князь Сергій Александровичъ весьма сочувственно относился къ этому дѣлу и высказывалъ надежду дожить до патріаршества въ Россіи. Въ самое послѣднее время въ этомъ дѣлѣ имѣлъ рѣшающее значеніе также царскій починъ. Когда рѣшено было въ комитетѣ министровъ дать свободу иновѣрію и расколо-сектантству въ Россіи, предсѣдатель комитета заявилъ, что онъ имѣетъ Высочайшее указаніе обсудить и вопросъ о тѣхъ измѣненіяхъ въ строѣ управленія русскою православною церковью, которыя обезпечивали бы за нею значеніе господствующей въ государствѣ церкви. Вотъ когда выступилъ вопросъ о преобразованіи церкви. И тогда высокопреосвященный митрополитъ с.-петербургскій поручилъ составить проектъ необходимыхъ преобразованій. Этотъ то проектъ, дополненный запиской по тому же вопросу, составленною по порученію предсѣдателя комитета министровъ, потомъ переданъ былъ, согласно представленію синодальнаго оберъ-прокурора, въ Св. Синодъ на разсмотрѣніе. Единогласное постановленіе Св. Синода по этому дѣлу извѣстно въ общихъ чертахъ. Оно, видимо, не удовлетворило всѣхъ, да и трудно было ожидать единомыслія въ вопросѣ такой сложности и важности.

«Агитація не свойственна духовенству, оно не пользовалось затрудненіями государства и ничего не просило, исполняя въ то же время тяжелый долгъ учительства въ столь смутное время. Но вотъ Самъ Царь рекъ слово о скорбяхъ матери-церкви—и встрепенулось всероссійское духовенство и будетъ оно горячо молиться, выражаясь словами литур-

гійной молитвы св. Василія Великаго, чтобы Господь Богъ «возглаголалъ въ сердцѣ царевомъ благая о церкви Своей».

Въ этомъ сообщеніи о. Философа Орнатскаго каждое слово имѣетъ неоцѣненную важность. Изъ него, между прочимъ, видно, что со стороны свѣтскихъ дѣятелей вчинаніе въ этомъ важномъ дѣлѣ принадлежало не прокурору Св. Синода, а предсѣдателю комитета министровъ С. Ю. Витте. Онъ сообщилъ митрополиту петербургскому Высочайшее указаніе обсудить вопросъ объ измѣненіяхъ въ строѣ управленія русскою церковью. Онъ же, С. Ю. Витте, составилъ отъ себя и проектъ управленія русскою церковью и этимъ проектомъ была дополнена записка, составленная митрополитомъ. Окончательно выработанный проектъ и былъ представленъ въ Св. Синодъ, гдѣ удостоился единогласнаго одобренія духовныхъ лицъ.

О. Ф. Орнатскій говоритъ: «Единогласное постановленіе Синода не удовлетворило всѣхъ». Дѣйствительно, раздались протесты отъ нѣсколькихъ епископовъ. Отрицательная сторона синодальнаго постановленія была наиболѣе ярко высказана профессоромъ с.-петербургской духовной академіи Н. Никольскимъ.

Въ своей статьѣ, помѣщенной въ «Новомъ Времени», изъ которой видны и его мнѣнія, и изложенныя въ запискахъ, имѣвшихъ официальный ходъ, профессоръ Никольскій высказываетъ положенія, которыя главнымъ образомъ распадаются на три отдѣла.

1. Что реформа предложена на почвѣ личности и предложена несвоевременно и не будетъ популярна, ибо идетъ въ разрѣзъ съ требованіями времени.

«Въ предпринимаемой реформѣ дѣло идетъ не исключительно о благѣ церковномъ, говоритъ проф. Никольскій.

«Безспорно, что основная, но скрытая тенденція записки — это уничтоженіе должности оберъ-прокурора Св. Синода и устраненіе свѣтскаго чиновничества отъ участія въ управленіи церковью. Согласимся, что эти пожеланія правильны. Но отсюда еще не слѣдуетъ, что взамѣнъ прежней системы управленія и можетъ и должна быть введена именно та, которую предлагаетъ записка, и что эта новая система управленія будетъ лучше, каноничнѣе прежней. Вѣдь знаемъ же мы, что Св. Синодъ не такъ давно, вопреки мнѣнію совѣта с.-петербургской духовной академіи, увѣнчалъ степенью доктора церковной исторіи г. Рункевича за его книгу, защищавшую синодальную форму управленія, а въ настоящее время эта самая форма управленія уже признается непригодною для русской церкви. Кто можетъ поручиться, что и новая система управленія вскорѣ будетъ объявлена несостоятельною?»

«Смущаетъ насъ и то, что вопросъ о реформѣ русскаго церковнаго управленія всплылъ неожиданно въ періодъ общей смуты и внѣшнихъ затрудненій и, повидимому, поспѣшно, безъ должной осмотрительности, ведется къ разрѣшенію. Мы полагаемъ, что для церкви, которую врата адова не одолѣютъ, нѣтъ надобности пользоваться затрудненіями государства для полученія своего самоуправленія. Если бы вопросъ обсуждался въ болѣе спокойное время, тогда для всѣхъ было бы яснѣе, что поднятое дѣло о реформѣ есть дѣйствительно вопросъ о пользѣ церковной, а не тенденціи кружка лицъ, хотя бы и изъ бѣлаго духовенства, къ папизму».

«Въ настоящее время вся Россія мечтаетъ о реформахъ и ждетъ ихъ. Но общее требованіе, чтобы эти реформы совершились не въ интересахъ небольшого кружка лицъ, а по желанію всего народа, чтобы предстоящія перемѣны были выполнены не по программѣ собора губернаторовъ, хотя бы и весьма мудрыхъ, а соотвѣтствовали бы наличнымъ потребностямъ народной жизни и были выяснены чрезъ опросъ выборныхъ представителей народа, черезъ Земскій соборъ».

2. Что реформа не канонична.

По словамъ проф Никольскаго, «составители записки стараются оградить себя заявленіемъ, что они требуютъ «возстановленія начертаннаго канонами строя церковной жизни», и что этотъ строй и есть единственный авторитетный.

«Но дѣло въ томъ, что каноны въ одно время были одними, а въ другое время другими, и церковный строй самой первой эпохи христіанства, эпохи апостольской, не былъ тождественъ со строемъ церковнымъ къ концу вселенскихъ соборовъ. Апостольское время не знало ни патріаршества, ни монашества, хотя и въ то время были безбрачные представители церкви. По словамъ апостола Павла, «епископъ» долженъ быть «единыя жены мужъ» (1 Тимоѳ. III, 2), т. е. вовсе не монахъ. Все устройство церковное, начертанное канонами, нельзя представлять себѣ какъ нѣчто постоянное, неизмѣнявшееся подъ давленіемъ исторической жизни. И если высказывать требованіе — возвратиться всецѣло къ каноническому строю древней церкви, то придется еще выяснить, каковъ былъ этотъ строй и почему заповѣдь апостола должна быть менѣе авторитетна, чѣмъ обычай, узаконенный соборами во вниманіе къ условіямъ исторической жизни».

«Вопросъ о томъ, какъ устроить согласно съ канонами управленіе русской церкви при современныхъ условіяхъ жизни, долженъ еще подлежать обсужденію не только собора русскихъ епископовъ, но и компетентныхъ канонистовъ, бѣлаго духовенства и мірянъ».

3. Что въ реформѣ замѣчаются стремленія къ папизму.

Это обвиненіе, поставленное проф. Никольскимъ, такъ важно, что на немъ слѣдуетъ остановиться нѣсколько болѣе.

«Если къ участію въ реформѣ будутъ привлечены только русскіе епископы и Св. Синодъ, то реформа, говоритъ проф. Никольскій, не можетъ не оказаться односторонней, потому что она не будетъ выражать собою общаго желанія, не будетъ обще-церковнымъ строеніемъ. Епископы—это представители монашества, которое оцѣниваетъ жизнь церковную подъ угломъ зрѣнія аскетизма, съ точки зрѣнія идеаловъ монашества, но не съ точки зрѣнія обще-народной и обще-церковной пользы. Монашество далеко отъ міра, не знаетъ жизни, а потому не можетъ охватить обще-церковную пользу во всей ея полнотѣ и многообразіи. Справится ли оно съ реформою, которая будетъ затрогивать и интересы мірянъ, и интересы государства, и интересы науки, и интересы пастырства? На основаніи фактовъ исторіи мы думаемъ, что оно не справится и будетъ производить реформу прежде всего въ интересахъ епископства и монашества, въ интересахъ власти епископской и ея значенія въ государствѣ. Но эти интересы далеко не равны интересамъ обще-церковнымъ: *отъ цезарепапизма* они могутъ привести *къ папизму*, крайности еще менѣе желательной, чѣмъ цезарепапизмъ, а обще-церковное дѣло можетъ оставаться въ сторонѣ».

И далѣе:

«Составители записки требуютъ, напримѣръ, дробленія епархій на мелкія единицы или уѣзды въ виду того, что въ древности епархіи были незначительными и соотвѣтствовали дѣленію греко-римской имперіи на мелкіе округи. Мы знаемъ изъ исторіи русской церкви, что дробленіе епархій, не разъ предлагавшееся, не нашло себѣ здѣсь примѣненія. Точно также *никогда не примѣнялся въ русской жизни и весь тотъ строй церковнаго самоуправленія, который начертанъ въ запискѣ и который, какъ намъ кажется, клонится въ сторону папизма*».

И далѣе:

«Было бы ни съ чѣмъ несообразнымъ, если бы въ настоящее время, когда всѣ общественные слои стремятся къ ослабленію централизаціи власти, ея произвола, и къ усиленію законности, въ одномъ духовномъ вѣдомствѣ возродился бы вдругъ *папизмъ* съ его нетерпимостью и «свободою», равною произволу. Мы не можемъ позабыть, что этотъ *папизмъ* въ лицѣ патріарха Никона уже былъ виновникомъ раскола, необдуманно отторгнувшимъ отъ церкви столько свѣжихъ и живыхъ силъ. Мы не можемъ не видѣть, что такой же *папизмъ* можетъ угрожать и русской церкви, потому что та система управленія, которая предложена 32 зага-

дочными іереями, слишкомъ много принимаетъ къ сердцу интересы іерархіи, а мало думаетъ объ интересахъ клира и народа, ради котораго и существуетъ іерархія».

И далѣе:

«Если современное намъ участіе мірскихъ началъ въ управленіи не каноничнo, то мы опасаемся, чтобы новыя начала управленія не превратились въ клерикально-монашескія, которыя совершенно отдѣлятъ общество отъ церкви, подобно тому, какъ это случилось *въ католичествѣ*, и сдѣлаютъ изъ церкви учрежденіе, служащее этимъ началамъ, но не соотвѣтствующее ни канонамъ, ни задачамъ ея религіозной жизни».

Читатель нашъ теперь ознакомился вполнѣ съ сущностью записки профессора Н. Никольскаго и съ степенью добросовѣстности его полемическихъ пріемовъ, которыми онъ опозориваетъ идею о созывѣ помѣстнаго собора и избранія патріарха, какъ результатъ стремленія высшаго духовенства къ папизму.

Быть можетъ, эти полемическіе пріемы одинаково нужны и для докладовъ и для прессы, но съ перваго раза даже трудно понять, откуда можетъ появиться измышленіе о папизмѣ.

Такъ же непостижимо утвержденіе проф. Н. Никольскаго, что скрытая тенденція записки — уничтоженіе должности оберъ-прокурора Св. Синода. Кому это надо? Люди, сильные волею, умомъ и опытомъ, которымъ чуждо ложное представленіе о почестяхъ и которыхъ не точетъ червь стяжанія, занимая высшее духовное положеніе, всегда съумѣютъ быть выслушанными. Такимъ церковнымъ сановникамъ оберъ-прокуроръ не страшенъ. Невольно припоминается анекдотъ, усиленно державшійся лѣтъ шесть тому назадъ въ Петербургѣ, будто кто-то изъ нашихъ іерарховъ въ Синодѣ сказалъ: «легче подчиняться папѣ, чѣмъ оберъ-прокурору». На что получилъ въ отвѣтъ: «что-жъ, переходите въ римскій католицизмъ!» Этотъ анекдотъ хотя и обошелъ высокія сферы Петербурга, но онъ былъ явно несообразенъ. Такъ же несообразенъ, какъ несообразны и даже недобросовѣстны и положенія профессора Никольскаго, хотя они кому-нибудь и нужны, кому-нибудь даже нравятся. Во всякомъ случаѣ фактъ принятія предсѣдателемъ комитета министровъ, С. Ю. Витте, участія въ церковныхъ дѣлахъ не имѣетъ примѣра въ нашей государственной практикѣ.

Нашъ Августѣйшій Монархъ, высоко правильно разсудивъ вопросъ о созваніи помѣстнаго собора, назвалъ это дѣло великимъ и далъ торжественное обѣщаніе созвать, когда на то приспѣетъ время, соборъ, по древнимъ примѣрамъ православныхъ императоровъ, для каноническаго обсужденія предметовъ вѣры и церковнаго управленія. Русская православная

церковь сдѣлала, слѣдовательно, великій шагъ впередъ въ дѣлѣ, требующемъ столь же великой осторожности.

---

5 апрѣля.

«Новое Время» (№ 10.447-й).

Статья *А. Кирѣева:*

О коренномъ преобразованіи строя помѣстной русской церкви.

«Не ждáно, не гáдано» очутились мы передъ новымъ грознымъ «вопросомъ»! Какъ громъ изъ безоблачнаго неба пронеслась надъ Россіею вѣсть о коренномъ преобразованіи всего строя нашей церкви? Оказалось *), что по случайной иниціативѣ ст.-секр. Витте поднятъ вопросъ о преобразованіи церковнаго управленія. Вслѣдъ затѣмъ былъ выдвинутъ вопросъ о созывѣ собора нашей помѣстной церкви и объ избраніи россійскаго патріарха, а стало быть и объ упраздненіи нынѣ дѣйствующаго Святѣйшаго Синода.

Вопросъ о неудовлетворительности нашей церковной организаціи, о незаконности насильственной реформы Петра поставленъ у насъ давно и въ свѣтской, и въ духовной печати.

Что строй нашъ неудовлетворителенъ и неканониченъ, объ этомъ не можетъ быть двухъ мнѣній; защищать его могутъ развѣ одни офиціальные (казенные) апологеты! Что намъ *необходимо* возвратиться къ строю соборному, что церковь нашу необходимо освободить отъ мірского вліянія, это знаетъ и чувствуетъ всякій, вдумчиво и сочувственно относящійся къ дѣламъ нашей церкви!

Но какъ сдѣлать, чтобы изъ одной бѣды не попасть въ другую, можетъ быть, еще большую? Упразднить Синодъ и возстановить патріаршество совсѣмъ не такъ легко, какъ упразднить и создать какое-нибудь министерство! Притомъ одной этой перемѣной или замѣной достигается весьма не многое. Дурная сторона Петровской реформы не въ томъ только, что она уничтожила патріаршество и установила Синодъ, а въ томъ главнѣйше, что вмѣстѣ съ этимъ упразднился и законный, древній, *соборный* строй церкви, не имѣющій ничего общаго съ новымъ, синодальнымъ

*) Сужу по газетнымъ извѣстіямъ.

(Петровскимъ), кромѣ этимологическаго сходства, которымъ и пользуются офиціальные богословы для того, чтобы оправдать нашъ современный строй. «У насъ совершенно законное, правильное церковное управленіе,— говорятъ они: — по древнимъ канонамъ церковь управляется соборомъ (по-гречески Σύνοδος). Вотъ у насъ и есть этотъ самый Синодъ или соборъ! Ничего иного не нужно! Нашъ соборъ-Синодъ даже и лучше древняго, ибо тотъ собирается 2 раза (прав. 37 св. апостол.) въ годъ, а нашъ Синодъ засѣдаетъ цѣлый годъ!» Но бѣда въ томъ, что это лишь наивная игра словъ, ибо настоящій законный «Синодъ», настоящій «соборъ» состоитъ не изъ нѣсколькихъ высокихъ іерарховъ, *созываемыхъ (въ дѣйствительности)* представителемъ мірской власти и дѣйствующихъ въ очень стѣснительныхъ рамкахъ, а изъ всѣхъ, по возможности, іерарховъ русской церкви, притомъ съ привлеченіемъ въ него и низшаго духовенства *), и даже мірянъ (неимѣющихъ впрочемъ права участвовать въ голосованіи). Вотъ *такой* именно соборъ и можетъ рѣшить судьбу нашей церкви, а не какой-либо другой; *его*, и только его голосъ, замолкнувшій болѣе двухъ столѣтій, и хочется намъ, православнымъ людямъ, услышать! Вотъ стало быть къ чему надо стремиться: важна не замѣна Синода патріархомъ, это дѣло лишь *показное*, это можетъ быть лишь перемѣною декорацій; не въ нихъ сущность драмы, столь неожиданно, столь повидимому случайно выдвинутой на первый планъ нашей исторіи и притомъ столь страшно-несвоевременно! Церковная реформа эта требуетъ огромной осторожности и полнаго спокойствія ума и чувства, а таково ли наше политическое и общественное положеніе, чтобы мы могли спокойно обсуждать намѣченную реформу!?

Но даже и тогда, когда важное это дѣло будетъ рѣшено у насъ, въ нашей церкви оно еще не можетъ считаться вполнѣ законченнымъ. Какъ не могъ самъ себя установить Синодъ нашей церкви, такъ не можетъ онъ упразднить себя самъ. Столь важная реформа въ нашей жизни должна быть одобрена и освящена голосомъ *всей* православной церкви; на нее должны отозваться и другія православныя автокефальныя церкви. Необходимо далѣе, чтобы реформа эта велась строго соборно и *гласно*, чтобы не повторилось того, что было съ отмѣной запрещенія вступать въ бракъ супругамъ, уличеннымъ въ прелюбодѣяніи! Не дай Богъ, чтобы и дѣло о замѣнѣ синодальнаго нашего строя инымъ— было ведено «келейно». Нѣтъ. Не только не одни члены Святѣйшаго Синода, имѣющаго вѣдь не законодательное, а лишь исполнительное значеніе (по настоящему онъ лишь приводитъ въ исполненіе рѣшенія и

*) Аѳанасій (еще діаконъ) на Никейскомъ соборѣ.

указанія церкви, собранной въ соборъ), но и всѣ іерархи помѣстной церкви не достаточны для законныхъ постановленій; какъ сказано выше, въ соборѣ должны участвовать и другіе клирики — бѣлое духовенство, и даже міряне. Не слѣдуетъ забывать, что вѣдь до 270 года (Антоній) объ организованномъ монашествѣ нѣтъ и помина, и что отстраненіе мірянъ отъ участія въ дѣлахъ церкви, раздѣленіе ея на учащую и обучаемую и т. п., дѣло въ сущности латинское, дѣло вредное для церкви даже въ смыслѣ способности ея противостоять незаконнымъ притязаніямъ міра. Горькій укоръ, вызванный этимъ положеніемъ дѣлъ, чувствуется во многихъ рѣчахъ и писаніяхъ: «Вы, молъ, іерархи, отстранили насъ, мірянъ, отъ веденія дѣлъ церковныхъ, вы взывали къ мірской силѣ въ нашихъ спорахъ съ вами, вы монополизировали власть, ну, такъ и вѣдайтесь теперь съ вашимъ союзникомъ — міромъ, когда онъ начинаетъ васъ гнуть въ бараній рогъ»; и нельзя сказать, чтобы этотъ упрекъ былъ неоснователенъ. Золотыя ризы, украшенныя блестящими орденами, превращаются иногда въ ужасный Нессовъ плащъ. съ которымъ уже нельзя разстаться! Утраченная у насъ органическая связь пастырей и пасомыхъ, доселѣ существующая въ нашемъ расколѣ, объясняетъ необыкновенную его живучесть, его силу. (То же явленіе слу. житъ объясненіемъ живучести и благоустройства церкви ст.-католической).

Да, измѣненіе нашего церковнаго строя можетъ быть или, какъ я сказалъ выше, одной перемѣной декорацій, или дѣйствительной великой и благодатной реформой, если только намъ удастся возвратиться къ древнему соборному началу, къ истинной древней церковной организаціи «тѣла Христова». Реформа должна быть совершена не мірскими или духовными сановниками, а всей церковью. Одной совмѣстной дѣятельности статсъ-секретарей и іерарховъ недостаточно для успокоенія нашихъ смутъ духовныхъ, какъ, замѣчу, не достаточны усилія этихъ же статсъ-секретарей и иныхъ сановниковъ для успокоенія нашихъ смутъ политическихъ. И не странное ли это совпаденіе толковъ о необходимости возвращенія къ соборному началу и въ политической и въ церковной нашей жизни? Не странно ли, что недовѣріе всего, или почти всего, общества къ управляющимъ имъ мірскимъ и духовнымъ сановникамъ выразилось въ тожественной формѣ: въ стремленіи возвратиться къ древнимъ законнымъ укладамъ?

Но если настоящее, ежедневно ухудшающееся, политическое положеніе Россіи требуетъ поспѣшнаго рѣшенія (да, казалось бы, и не особенно труднаго), то необходимая реформа церковная, гораздо сложнѣйшая, требуетъ усугубленной осторожности. Она затрогиваетъ такія сложныя отрасли духовной жизни нашего народа, которыя требуютъ глубокаго

вниманія; приступая къ реформѣ, нужно впередъ подумать и о тѣхъ вопросахъ, которые немедленно выдвинутся самой жизнью вслѣдъ за реформой высшаго управленія нашей церкви. Избави насъ Богъ отъ какихъ-либо скороспѣлыхъ рѣшеній! Церковь, вѣдь, та область, въ которой вопросы религіозные сталкиваются съ житейскими; они должны быть разрѣшаемы въ полномъ согласіи.

Конечно, отказъ отъ синодскаго строя дѣло великое, и разъ вопросъ этотъ рѣшенъ или хотя бы полурѣшенъ, ни подъ какимъ видомъ не должно допускать поворота назадъ; какъ бы случайно, какъ бы, скажемъ, необычно, неправильно онъ ни возбудился, его не слѣдуетъ устранять, за него крѣпко слѣдуетъ ухватиться и рѣшить какъ должно. Но было бы большой наивностью думать, что стоитъ намъ перейти отъ нашего синодскаго строя къ болѣе правильному, или даже совершенно правильному, чтобы все такъ само собою и пришло въ порядокъ. Нѣтъ! Нашей церкви предстоитъ огромная, тяжелая работа, хотя бы напримѣръ въ дѣлѣ освобожденія нашей богословской мысли отъ наложенныхъ на нее путъ. Да и это ли одно?! Вѣдь, все наше богословіе столѣтіями было въ плѣну у латинства! Сколько потребуется работы, сколько усилій для того, чтобы высвободить наше богословіе отъ римскихъ объятій! Этотъ плѣнъ, эти объятія не лучше (если не хуже) плѣна мірского. Не легче и вопросъ о возсозданіи нашей древней первоначальной церковно-государственной ячейки, о возсозданіи нашего «прихода», существующаго нынѣ лишь на бумагѣ, и отсутствіе коего чувствуется, какъ только начинаешь вдумываться въ отношенія церкви и міра. Въ древнемъ нашемъ приходѣ церковь и міръ соединялись органически. При немъ, подъ его сѣнью, образовались и древнія братства, которымъ мы обязаны сохраненіемъ православія на западной нашей окраинѣ. И что же мы видимъ? Какъ только западъ этотъ, отторгнутый у Россіи въ XV и XVI стол., былъ нами возвращенъ, Синодъ, съ одобренія правительства, поспѣшилъ упразднить братства: мы-де чиномъ выше васъ, мы лучше васъ понимаемъ, что вамъ нужно! Не то ли же самое говорятъ теперь политиканы русскому народу? Ты вотъ молчи, мы чиномъ выше тебя, видишь, какіе у насъ «дипломы»! Мы лучше тебя знаемъ, что тебѣ нужно. И въ результатѣ получилось слѣдующее: съ уничтоженіемъ братствъ была надломлена православная сила, а латинская пропаганда усилилась. Нѣтъ. Съ одними генералами (если бы даже предположить, что они очень хороши) воевать трудно! Нужны и рядовые. Одной іерархіи съ возникающими затрудненіями не справиться! Повторяю, возстановленіе (или устройство вновь) нашего прихода будетъ одною изъ первыхъ заботъ нашей возстановленной церковной жизни; безъ этого

основанія, этого фундамента церкви, обойтись невозможно; безъ правильно организованнаго прихода и патріархъ, и Синодъ будутъ висѣть на воздухѣ, будутъ безъ корней, а стало быть и безъ вліянія на народную жизнь! Не мало усилій однако потребуется на то, чтобы возстановить это утерянное вліяніе церкви, загнанной двухсотлѣтнимъ режимомъ въ «казенное помѣщеніе»; но я не сомнѣваюсь въ томъ, что, поставленная въ нормальныя условія, она весьма скоро получитъ возможность стать на подобающую ей высоту и снова получитъ законное вліяніе на ходъ нашихъ дѣлъ, на развитіе нашей духовной жизни!

«Слово» (№ 116-й):

Къ исторіи «записки 32-хъ».

Въ виду разнообразныхъ толкованій въ печати извѣстнаго мнѣнія группы столичныхъ священниковъ о церковной реформѣ, считаемъ не лишнимъ познакомить съ текстомъ той краткой вводной записки, при которой это «мнѣніе» группы столичнаго духовенства было представлено на благоусмотрѣніе высокопреосвященнаго Антонія. Изъ текста вводной записки видно, въ чемъ заключались ихъ главныя пожеланія.

«Ваше Высокопреосвященство.

Современное положеніе столичнаго духовенства, а равно и пастырей всей Россіи, невыносимо тяжело. Со всѣхъ сторонъ слышатся требованія, просьбы, мольбы, полныя душевной муки: отъ насъ требуютъ положительнаго и яснаго отвѣта на поставленные современностью неотложные вопросы общественной жизни. Каждый пастырь въ отдѣльности, обратившись къ своей совѣсти, могъ бы дать этотъ отвѣтъ; но отъ насъ требуютъ не нашего личнаго мнѣнія, а голоса всей церкви. въ которой желали бы видѣть святую учительницу жизни. И пастырь молчитъ. Печальный опытъ отдѣльныхъ попытокъ показалъ ему, что какой бы онъ ни далъ отвѣтъ, онъ одинаково возбуждаетъ неудовольствіе и соблазнъ многихъ. Призываетъ пастырь къ терпѣнію, къ борьбѣ съ крамолой,—ему указываютъ на то, что христіанинъ долженъ слушаться Бога больше, чѣмъ людей, защищать сироту и обиженнаго, укоряютъ его въ томъ, что духовенство становится на сторону притѣснителей, неправедныхъ и беззаконныхъ судей. Но стоитъ пастырю встать на защиту униженнаго, указать на произволъ и беззаконіе сильныхъ міра сего, призвать къ покаянію не только бѣдныхъ и смиренныхъ, но и богатыхъ и власть имущихъ, какъ начинаютъ раздаваться голоса съ другой стороны,

обвиняющіе духовенство въ намѣреніи стать на сторону смуты, въ неблагопріятномъ вліяніи такой проповѣди на народъ. Опаснѣе всего то, что голосъ отдѣльныхъ представителей церкви въ эти моменты возбужденнаго состоянія общественной мысли больше, чѣмъ когда-либо въ другое время, склонны отожествлять съ голосомъ всей православной церкви, ошибки и недоумѣнія личности ставить въ вину вѣчной истинѣ. Для многихъ и многихъ въ это тревожное и смутное время рѣшается вопросъ о томъ, итти ли имъ впередъ подъ церковнымъ крыломъ, или оставить ограду церкви, какъ «учрежденія отжившаго, связаннаго неразрывными нитями со старымъ порядкомъ вещей». И страшно, дѣйствительно, чтобы вѣчное Божіе дѣло не связать съ непрочнымъ твореніемъ рукъ человѣческихъ, чтобы своимъ неосторожнымъ словомъ не оттолкнуть кого-либо отъ церкви. Для насъ несомнѣнно одно, что въ эту тяжелую годину намъ необходимо полное церковное единеніе. Безсильны будутъ канцелярскіе указы, циркуляры и посланія. Чтобы быть увѣреннымъ въ правотѣ рѣшенія жизненныхъ вопросовъ, нужно слышать голосъ всей русской церкви, голосъ церковнаго сознанія, предъ авторитетомъ котораго склонится и пасомый и пастырь. Мы не слыхали его двѣсти лѣтъ. Двѣсти лѣтъ не собиралось въ русской церкви помѣстнаго собора, хотя настоятельная нужда въ немъ уже давно сознается и указывается. И вотъ теперь,—мы глубоко убѣждены,—сами обстоятельства требуютъ неотложнаго возвращенія къ забытому каноническому порядку обсужденія церковныхъ вопросовъ.

Къ Вамъ, владыко, какъ къ первосвятителю церкви русской и первенствующему члену нашего церковнаго правительства, обращаемся мы, столичные пастыри, съ горячей просьбой, во имя блага нашей церкви: употребите все свое вліяніе, настойте на томъ, чтобы немедленно былъ созванъ церковный соборъ, на которомъ епископы вмѣстѣ съ пастырями, свободно избранными отъ каждой епархіи, и представителями отъ мірянъ могли бы всесторонне обсудить современное положеніе нашей церкви и рѣшить неотложные церковные вопросы.

О первѣйшемъ, по нашему взгляду, изъ насущныхъ церковныхъ вопросовъ, которые предстоитъ разрѣшить всецерковному собору—*о неотложности возстановленія канонической свободы* нашей *церкви*,—представляемъ Вашему Высокопреосвященству наше подробно мотивированное мнѣніе».

«Новости» (№ 87-й):

Бесѣда *М.* съ профьссоромъ Спб. университета *М. И. Горчаковымъ.*

Мнѣніе почтеннаго ученаго (дающаго, кстати сказать, свои заключенія Св. Синоду по каноническимъ вопросамъ) о предполагаемыхъ реформахъ по духовному вѣдомству представляется особенно интереснымъ, между прочимъ, потому, что имя о. Горчакова также имѣется среди 32 подписей извѣстной записки группы столичныхъ священниковъ.

Этимъ, конечно, заранѣе предопредѣляется его точка зрѣнія. Профессоръ съ первыхъ словъ указалъ на то, что ходатайство о созывѣ помѣстнаго собора вполнѣ согласно съ правилами, имѣющими значеніе законодательства для нашей церкви, и со всей ея исторіей. Соборъ, согласно имъ, является необходимымъ каноническимъ элементомъ, настолько существеннымъ, что до сихъ поръ замѣнявшій его Синодъ находилъ дѣятельныхъ противниковъ и противоборцевъ.

Приведу взглядъ о. Горчакова на ближайшіе поводы эмансипаціоннаго движенія въ духовенствѣ, заставившаго своей неожиданностью очень многихъ заподозрить чистоту его цѣлей и побужденій. Говорили даже о томъ, что грядущая свобода церкви была ей запродана за милліоны изъ монастырскихъ имуществъ, жертвуемыхъ на продолженіе войны.

Вотъ вкратцѣ исторія этихъ «ближайшихъ поводовъ», любопытная, между прочимъ, и тѣмъ, что она вводитъ нѣсколько за кулисы такъ недавно пережитой драмы.

«Нѣсколько лѣтъ тому назадъ,—разсказывалъ намъ о. Горчаковъ,—въ Полтавѣ у молодого, недавно рукоположеннаго, священника Георгія Гапона умерла жена, оставивъ его съ маленькой дочерью на рукахъ. Гапонъ уѣхалъ въ Петербургъ, поступилъ въ духовную академію и, окончивъ ее, обратился къ митрополиту Антонію съ просьбой о мѣстѣ священника въ Петербургѣ. Высокопреосвященный не довѣрялъ молодому священнику и отказалъ ему. Тотъ черезъ нѣсколько дней опять явился къ митрополиту, на этотъ разъ съ бумагой отъ начальника главнаго тюремнаго управленія. Управленіе настойчиво желало имѣть Гапона священникомъ въ пересыльной тюрьмѣ, и митрополитъ согласился. Такъ молодой священникъ схоронилъ свою кипучую энергію среди недолгихъ гостей «пересылки».

Скоро, однако, для нея нашелся другой выходъ. Изъ Москвы явилась къ предсѣдателю «О-ва распространенія просвѣщенія въ духѣ православной церкви», протоіерею Орнатскому, делегація отъ Зубатовской, какъ оказалось впослѣдствіи, организаціи фабричныхъ рабочихъ. Деле-

гація просила организовать среди петербургскихъ рабочихъ религіозно-нравственныя бесѣды по образцу московскихъ. О-во отнеслось къ дѣлу сочувственно, В. К. Плеве такъ же, и митрополитъ далъ благословеніе.

Дальше произошло слѣдующее. Наканунѣ открытія перваго собранія петербургскихъ рабочихъ С. Ю. Витте лично снесся съ протоіереемъ Орнатскимъ: онъ сообщилъ ему, что Соколовъ, Филипповъ и др. изъ делегаціи состоятъ на службѣ... въ сыскномъ отдѣленіи и пріѣзжали въ С.-Петербургъ съ цѣлями, далеко не религіозно-нравственными.

Союзъ рабочихъ, однако, организовался. Предсѣдателемъ его былъ избранъ о. Гапонъ, который не замедлилъ явиться за разрѣшеніемъ на принятіе званія къ митрополиту; при этомъ имъ была представлена рекомендательная бумага отъ министерства внутреннихъ дѣлъ и, не смотря на то, что м. Антоній категорически запретилъ священнику принять участіе въ обществѣ, занятомъ мірской борьбой за хлѣбъ насущный, рабочій день и заработную плату, Гапонъ предсѣдательство принялъ, получивъ при этомъ по особой инструкціи министерства внутреннихъ дѣлъ право, не имѣвшееся даже и у градоначальника: онъ могъ свободно и самостоятельно открывать отдѣленія союза во всемъ Петербургѣ.

Нельзя сомнѣваться, что тогда Гапонъ искренно хотѣлъ одного лишь миролюбиваго соглашенія рабочихъ съ капиталистами...

За три дня до 9-го января къ митрополиту пріѣхалъ директоръ департамента полиціи Лопухинъ. Онъ просилъ высокопреосвященнаго оказать вліяніе на ихъ же бывшаго протеже.

Гапону была немедленно послана соотвѣтственная повѣстка, но вручена ему, за нерозысканіемъ, не была. Его не нашли; удалось только установить, что 8-го онъ былъ на пріемѣ у министра юстиціи. Затѣмъ о немъ услышали вновь только 9-го...

9-го января... Что сдѣлали пастыри церкви для умиротворенія своей паствы? Передъ ними прошла кровавая страница нашей исторіи,—какъ отнеслись они къ ней съ точки зрѣнія не преходящихъ задачъ минуты, а съ высоты вѣчности и христіанской любви. Они молчали. И этотъ упрекъ, который со всѣхъ сторонъ бросали имъ, былъ новымъ оскорбленіемъ, переполнившимъ чашу. Въ пастырскомъ собраніи стали громче раздаваться голоса о томъ, что церковь не свободна.

Затѣмъ было обнародовано извѣстное «посланіе» Синода и разослано по епархіямъ вмѣстѣ съ примѣрной проповѣдью. О томъ и о другомъ стали говорить, что они врядъ ли могутъ содѣйствовать умиротворенію. То же повторяли о нѣкоторыхъ отдѣльныхъ проповѣдяхъ. Положеніе церковно-служителей становилось все болѣе фальшивымъ.

А, между тѣмъ, изъ всѣхъ концовъ Россіи раздавались голоса при-

зыва къ освобожденію, и эхо проникало подъ своды огражденной отъ него бюрократіей церкви.

Такъ, по мнѣнію профессора Горчакова, складывались внѣшнія обстоятельства, приведшія давнее признаніе гибельности для церкви свѣтскаго воздѣйствія къ запискѣ 32-хъ и синодскому ходатайству.

Я спросилъ о мѣстѣ, занимаемомъ въ этомъ ходатайствѣ предположеніемъ объ избраніи патріарха. Такъ ли это необходимо? Изъ лекцій о. Горчакова я помнилъ, что Петръ учредилъ коллегію «понеже не видѣлъ лучшаго способа къ устроенію чина духовнаго паче соборнаго представительства». Не приведетъ ли развитіе сильной единодержавной духовной власти къ «папежскому духу», котораго такъ боялся великій Преобразователь?

— У насъ этого не можетъ случиться, — отвѣтилъ профессоръ.— Предполагаютъ, вѣдь, созывать соборъ періодически, такъ что патріархъ будетъ лишь первоприсутствующимъ постоянной делегаціи этихъ соборовъ, значеніе которой сохранитъ Синодъ. Церкви будетъ необходимо сноситься съ Верховной Властью, и это также составитъ обязанность патріарха. За названіе я не стою, но верховный глава нуженъ церкви; старообрядцы и то считаютъ нашу церковь неканонической, потому что она лишена такого главы.

«**Русскія Вѣдомости**» (№ 92-й):

Письмо *епископа Исидора.*

«На письмо мое, посланное г. редактору «Московскихъ Вѣдомостей» 26-го минувшаго марта за № 2.388, перепечатанное во многихъ газетахъ, я получилъ отвѣтъ слѣдующаго содержанія:

«29-го марта 1905 года. Многоуважаемый преосвященнѣйшій владыко Исидоръ. В. А. Гринмутъ сообщилъ мнѣ, что вы рѣзко протестуете противъ статьи «Московскихъ Вѣдомостей»—«Церковный переворотъ»... Считаю долгомъ сказать по сему предмету свое слово. Я думаю, что, вѣроятно, вы, преосвященный владыко, не освѣдомлены о ходѣ дѣла въ Петербургѣ. Если такъ, то это—еще новое доказательство неправильности дѣйствій митрополита. Въ письмѣ трудно было бы излагать все, что къ намъ доходитъ о возникновеніи этого плана реформы. Но вы знаете, что я, напримѣръ, безусловно за патріаршество и за соборы. Затѣмъ, на рефератѣ Новоселова было человѣкъ 60 лучшаго православнаго общества Москвы (въ томъ числѣ двое Самариныхъ, проф Заозерскій, врачъ Великой Княгини д-ръ Корниловъ, В. К. Истоминъ и т. д.). Былъ и я. И все это собраніе заявило себя рѣзко противъ петербургскаго способа дѣйствій, что, конечно, не осталось безъ вліянія и на «Московскія Вѣдомости». А согласитесь, что всѣ мы—не меньше православные люди, чѣмъ Сергѣй Юльевичъ Витте. И все собраніе было за патріаршество и за соборъ. Весь вопросъ въ томъ, что мы вовсе не желаемъ подъ видомъ церковнаго возрожденія служить политиканскимъ (и отчасти очень опаснымъ и подозрительнымъ) планамъ. Когда я говорю. «все собраніе», то долженъ, къ сожалѣнію, прибавить: «за исключеніемъ духовенства». Дѣйствительно, всѣ присутствовавшія духовныя лица рѣзко разошлись съ міранами. Одинъ отецъ Серафимъ Остроумовъ сказалъ, что онъ согласенъ съ нами.

Видите, владыко, вотъ уже сразу вредные плоды того, что святое дѣло взялись вести политиканы. Да вотъ и вы прислали Грингмуту протестъ. А вѣдь онъ, согласитесь, издавна служитъ церкви,—и очень усердно. Что же будетъ дальше? На собраніи и то говорили, что петербуржцы дѣйствуютъ, какъ «клерикалы». Впрочемъ въ письмѣ трудно изложить столь сложный предметъ, въ которомъ всю сущность заключаетъ то, что никто не согласенъ дѣлать церковь орудіемъ плановъ Витте. Но что касается патріаршества и соборовъ, то *всѣ*—за нихъ, и никто не сомнѣвается, что теперь все это будетъ достигнуто. Вѣдь, политиканы только оттого и примазались къ этому дѣлу, что оно неизбѣжно. Мы же желаемъ этихъ политикановъ отстранить отъ святого мѣста. Мы желаемъ собора, и пусть самъ соборъ рѣшитъ, что нужно дѣлать. Достаточно насильничали надъ церковью. Пусть ее устроитъ не Витте, не митрополитъ Антоній со штатомъ, а соборъ. Въ этомъ только и задача, которая, дастъ Богъ, и будетъ достигнута. И посему то, владыко святой, полагаю, что вы также насъ благословите на дѣло Божье, а не на служеніе карьерамъ политикановъ. Душевно преданный *Л. Тихомировъ*».

На все это отвѣчаю кратко.

Теперь, когда сказано Царское слово Благочестивѣйшаго Самодержца, всѣмъ чадамъ православной русской церкви необходимо горячо молиться, чтобы Господь Богъ «возглаголалъ въ сердцѣ Царевомъ благая о церкви Своей». Петербургскій протоіерей Философъ Орнатскій въ письмѣ своемъ отъ 29-го марта въ редакцію «Новаго Времени», прекрасно разъясняя «важное недоразумѣніе», указалъ необходимость такой молитвы. Теперь я въ Петербургѣ и, повторяя свой протестъ «Московскимъ Вѣдомостямъ», никѣмъ уже не могу быть названъ «не освѣдомленнымъ о ходѣ дѣла» сего. Митрополитъ Антоній «со штатомъ» и С. Ю. Витте—не «политиканы» и не «клерикалы». Не они хотятъ «подъ видомъ церковнаго возрожденія служить политиканскимъ (и отчасти очень опаснымъ и подозрительнымъ) планамъ». Не они «насильничаютъ надъ церковью». А когда будетъ напечатанъ самый текстъ доклада Святѣйшаго Синода Государю Императору, обнаружится ясно и величественно, на какой высотѣ истинно церковнаго самосознанія и любви къ отечеству были іерархи россійскіе, писавшіе сей докладъ, и сочувствующіе имъ государственные люди.

Прошу и другія газеты перепечатать настоящее мое письмо.

Исидоръ, епископъ балахнинскій, викарій нижегородской епархіи.

С.-Петербургъ, 1905 г. апрѣля 1-го.

«**Русское Слово**» (№ 92-й):

Судьба реформъ.

«Соборъ всероссійской церкви для каноническаго обсужденія предметовъ вѣры и церковнаго управленія» отложенъ до наступленія благопріятнаго времени.

Не будемъ уменьшать, но не станемъ и преувеличивать значеніе

этого факта. Прежде всего, онъ едва-ли можетъ быть признанъ указаніемъ на то, что и призваніе выборныхъ представителей отъ народа для участія въ законодательныхъ работахъ отлагается или можетъ быть отложено до болѣе благопріятнаго времени. Къ такимъ поспѣшнымъ предположеніямъ подали поводъ тѣ соображенія, въ силу которыхъ церковный соборъ признано необходимымъ отложить до болѣе благопріятнаго времени. Не касаясь вопроса о томъ, съ равнымъ ли успѣхомъ тѣ же мотивы могутъ быть приведены для отдаленія созыва народныхъ представителей до благопріятнаго времени, мы полагаемъ, что возможность примѣненія однихъ и тѣхъ же мотивовъ ничего не говоритъ о благопріятныхъ условіяхъ для ея использованія.

Едва ли кто сомнѣвается въ томъ, что громадное большинство размышляющихъ людей такихъ благопріятныхъ условій въ данное время не усматриваетъ. Но въ то же самое время едва ли возможно сомнѣваться въ томъ, что мотивы для отдаленія церковнаго собора до болѣе благопріятнаго времени и самое его отдаленіе не лишены значенія для общей характеристики данной, переживаемой нами, минуты. Во всякомъ случаѣ, созданъ прецедентъ для извѣстнаго толкованія причинной связи между крупными реформами и особенностями переживаемаго времени. Но не слѣдуетъ гадать о предстоящемъ, возможномъ или вѣроятномъ, использованіи этого прецедента въ широкихъ размѣрахъ. Будемъ надѣяться и вѣрить

Мы склонны думать, что и до созыва церковнаго собора нѣкоторыя реформы въ области церковнаго управленія и въ бытѣ православнаго духовенства возможны и вѣроятны.

Духовенство безъ собора и до собора можетъ быть освобождено отъ тѣхъ функцій по надзору, наблюденію и контролю, которыя не подходятъ не только къ служителямъ православной церкви, но и къ органамъ полиціи, поставленной въ опредѣленныя рамки законности и закономѣрности. Православное духовенство можетъ быть освобождено отъ навязанныхъ ему и крайне для него обременительныхъ обязанностей по народному просвѣщенію въ рѣзко клерикальномъ духѣ, такъ какъ у насъ имѣется учрежденіе, которое пока безъ достаточныхъ основаній именуется министерствомъ народнаго просвѣщенія. Можетъ быть измѣнена постановка образованія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, такъ какъ она насаждена недавно и теперь обнаружила свою полную несостоятельность.

Мы не думаемъ перечислять всѣ реформы, осуществимыя до собора и безъ собора, а приводимъ примѣры возможныхъ реформъ безотлагательнаго характера. Не будетъ ничего удивительнаго, если оправдаются

слухи о томъ, что скоро на практикѣ будетъ доказано отсутствіе воздержанія отъ неотложныхъ освободительныхъ реформъ и при данномъ строѣ синодальнаго управленія.

«Варшавскій Дневникъ» (№ 95-й).

Статья священника *Гр. М—ского:*

Невольныя опасенія.

Итакъ, въ недалекомъ будущемъ мы должны ожидать созыва церковнаго собора и избранія патріарха. Радоваться ли намъ въ виду подобнаго рода перспективы или нѣтъ? «Несомнѣнно да», старается увѣрить насъ (*«Варш. Дневн.»* отъ 29 марта) архим. Діонисій; никакихъ колебаній и сомнѣній въ этомъ отношеніи, такъ какъ, говоритъ онъ, «возстановленія патріаршества, созыва собора и вообще обновленія русской церковной жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ духовнаго подъема всего русскаго народа должны бояться только революціонеры, анархисты, крамольники, народные возмутители» и проч., и пр. Смѣлый и рѣшительный отвѣтъ, свидѣтельствующій о глубокой преданности автора излюбленной мечтѣ, но въ то же время, къ сожалѣнію, и необычайно жесткій, такъ какъ съ истинно-инквизиторской нетерпимостью отрѣзываетъ намъ всѣ пути къ изслѣдованію вопроса, безаппеляціонно относя къ «революціонерамъ» и даже—horribile dictu—анархистамъ (!) всякаго, кто отказался бы слѣпо послѣдовать за почтеннымъ архимандритомъ и воспѣть вмѣстѣ съ нимъ «многая лѣта» будущему патріарху.

Но не нужно забывать, что истина лежитъ въ концѣ того долгаго пути, который называется «сомнѣніемъ», что пройти этотъ путь безусловно необходимо каждому, кто хотѣлъ бы приблизиться къ истинѣ, и что, слѣдовательно, и въ данномъ случаѣ всѣ мы, прежде чѣмъ послѣдовать за почтеннымъ архимандритомъ, совершенно вправѣ, не рискуя стать дѣйствительно революціонерами и анархистами, кругомъ осмотрѣться и дать себѣ отчетъ въ томъ, что же обѣщаетъ намъ будущее патріаршество. Зачѣмъ такъ необдуманно пускать въ ходъ всѣ эти страшные «жупелы», когда предъ нами чрезвычайно краснорѣчивый и убѣдительный фактъ, на который, однако, досточтимый архимандритъ Діонисій къ сожалѣнію закрылъ глаза: изъ огромныхъ слоевъ духовенства и мірянъ, при вѣсти о возстановленіи патріаршества, послышались вѣдь только единичные, робкіе голоса. Гдѣ же наши доктора и магистры богословія? Гдѣ духовенство? Гдѣ наша свѣтская интеллигенція? Почему они молчатъ, а не рукоплещутъ вмѣстѣ съ о. Діонисіемъ? Изъ того,

что попадаетъ въ печать по этому вопросу, совершенно ясно, что вся толща, если только можно такъ выразиться, народа находится еще въ состояніи колебаній, сомнѣній, неувѣренности и *не можетъ* еще питать торжественныхъ и радостныхъ чувствъ въ виду неопредѣленнаго и туманнаго церковнаго будущаго, гдѣ едва-едва маячитъ пока еще ничего не говорящій ни уму, ни сердцу образъ всероссійскаго патріарха. Неужто же всѣ, весь народъ, кромѣ досточтимаго о. Діонисія, крамольники, революціонеры и анархисты единственно только потому, что при кличѣ «патріархъ» не бѣгутъ, очертя голову, на поклоненіе въ Каноссу?

Мы говоримъ: «не можетъ». И дѣйствительно это такъ, факты за насъ. Мы видимъ, что вѣсть о соборѣ и о возстановленіи патріаршества вызвала съ одной стороны нѣкоторое чувство облегченія въ виду приближенія конца господства свѣтскихъ чиновниковъ въ дѣлахъ церкви, но съ другой стороны—въ гораздо большей степени чувство опасенія, цѣлый рядъ тревожныхъ мыслей и настроеній. Положительно можно сказать, что теперь мы не встрѣчаемъ ни одной статьи, которая касалась бы наступающей церковной реформы и не была бы проникнута чувствомъ опасенія за будущее. Въ самомъ дѣлѣ, что сулитъ намъ соборъ и патріаршество? Въ настоящее время вся власть въ церкви принадлежитъ монашеству, оно стремится заполнить собою все въ церкви, вытѣснить бѣлое духовенство и мірянъ изо всѣхъ тѣхъ, теперь уже немногихъ, сферъ церковной дѣятельности, гдѣ они еще были. Со стороны монашества ясно высказывалось довольно откровенное поползновеніе превратить церковь въ клерикально-монашеское учрежденіе. Но клобукъ въ оградѣ церкви до настоящаго времени встрѣчалъ фракъ и долженъ былъ отступать предъ нимъ. Съ возстановленіемъ патріаршества правящія монашескія сферы возвратятъ себѣ полную свободу дѣйствій въ церкви, и гдѣ гарантіи, что вся, теперь уже не стѣсняемая фракомъ, дѣятельность не сведется единственно только къ интересамъ монашества, гдѣ мы можемъ почерпнуть увѣренность, что возстановленіе патріаршества не будетъ равносильно установленію у насъ своего рода монашескаго папизма? Одна мысль объ этомъ способна вызвать въ высшей степени тревожныя опасенія у всѣхъ: монашескій папизмъ—вѣдь это самая худшая въ мірѣ во имя Бога тиранія надъ душой и тѣломъ человѣка! Въ сферѣ богословской мысли это означало бы еще большее ухудшеніе и безъ того печальнаго положенія, конецъ всякой работы во имя научной истины, совершенное паденіе духовной школы. Для бѣлаго духовенства это создало бы страшный моральный гнетъ, было бы равносильно отрицанію самаго права его на степень неизбѣжнаго

и потому терпимаго зла. Филареты московскіе и Іоанны смоленскіе съ ихъ жестокостью очень памятны духовенству... Для мірянъ это означало бы превращеніе ихъ въ то безправное и безгласное стадо, какое они представляютъ собою въ нѣдрахъ католической церкви... Архимандритъ Діонисій старается увѣрить насъ, что соборъ приведетъ къ обновленію русской церковной жизни и къ духовному подъему всего русскаго народа. Вотъ съ этого то ему и слѣдовало бы начинать. Докажи онъ намъ, что будущій соборъ будетъ дѣйствительно собраніемъ всѣхъ лучшихъ силъ церкви, тѣмъ чисто демократическимъ собраніемъ, какое предполагается церковными канонами, а не собраніемъ, за крѣпкими запорами, однихъ церковныхъ аристократовъ–монаховъ; увѣрь онъ насъ, что на соборъ въ первую голову будутъ приглашены *міряне*, для которыхъ и ради которыхъ и соборъ, и патріархъ, и Евангеліе, и Христосъ, а затѣмъ и *бѣлое духовенство*; убѣди онъ насъ, что голоса, желанія, рѣчи всѣхъ, какъ бы они странны и необычны ни были, будутъ любовно выслушаны и приняты во вниманіе; покажи онъ намъ, что правящее монашество желаетъ всего этого, одушевлено этимъ и, созывая соборъ, стремится именно къ этому, а не ведетъ партійной своекорыстной политики,—да, тогда разсѣялись бы несомнѣнно всѣ наши колебанія и сомнѣнія, и мы повѣрили бы въ то обновленіе церковной жизни, которое обѣщаетъ намъ о. Діонисій отъ собора. Но онъ этого не дѣлаетъ; все же то, что мы видимъ вокругъ себя, способно не разсѣять, а только усилить наши опасенія и тревоги. Что съ нашимъ будущимъ соборомъ дѣло обстоять будетъ несомнѣнно неладно, что имъ стремятся воспользоваться въ партійныхъ цѣляхъ, это ясно изъ того, что все дѣло организаціи его, вся подготовительная работа ведется келейно, въ глубочайшей тайнѣ; никто ничего не знаетъ о предположеніяхъ, намѣреніяхъ и воззрѣніяхъ организаторовъ собора. Но если бы затѣваемая церковная реформа имѣла въ виду дѣйствительно интересы народа, то конечно, въ виду близкаго созыва собора, уже теперь неизбѣжно было бы оповѣщеніе самыхъ широкихъ круговъ населенія, самая широкая гласность, весь народъ долженъ видѣть, что эта реформа служитъ ему на пользу. Вѣдь и міряне, и духовенство должны произвести выборы депутатовъ. Но очевидно ничего этого не будетъ. Монашество не позволитъ, не допуститъ до этого, такъ какъ несомнѣнно и на соборѣ, какъ нынѣ въ печати, сталъ бы дебатироваться вопросъ о томъ, на какомъ основаніи вся власть въ церкви захвачена монашествомъ? Если до настоящаго времени наша правящая монашеская аристократія спокойно продавала церковно-каноническую истину за чечевичную похлебку власти и денегъ, то очевидно она не рѣшится рискнуть возможностью найти на

будущемъ соборѣ себѣ смертный приговоръ. Намъ будетъ сразу преподнесена церковная реформа въ видѣ собора епископовъ монаховъ, съ патріархомъ во главѣ, и потомъ предоставлено будетъ каждому мириться или не мириться съ такимъ положеніемъ вещей. Но если такъ, то—повторимъ слова проф. Никольскаго—пусть ужъ будутъ чиновники, а не монахи!

Мы были бы очень рады и благодарны, если бы о. Діонисій намъ показалъ, что наши тревоги и опасенія лишены всякаго основанія, но пока пусть онъ не сердится на насъ за то, что мы, хотя и рискуемъ прослыть анархистомъ, но не находимъ пока возможнымъ спѣшить въ Каноссу, и не можемъ раздѣлить его монашеской радости о томъ, что «наши идутъ въ гору».

Варшава, 31 марта 1905 г.

---

6 апрѣля.

Статья «**Новаго Времени**» (№ 10.448-й):

Какъ возбудился вопросъ о церковной реформѣ?

Въ виду появившихся и продолжающихъ появляться въ газетахъ непровѣренныхъ и неточныхъ свѣдѣній о томъ, какъ возникъ вопросъ о пересмотрѣ положенія православной церкви, мы имѣемъ возможность сообщить по этому важному предмету совершенно вѣрныя свѣдѣнія, которыя заключаются въ слѣдующемъ.

При обсужденіи въ комитетѣ министровъ, въ исполненіе указа 12 декабря 1904 г., вопросовъ о вѣротерпимости, на засѣданіяхъ все время присутствовали вмѣстѣ съ другими членами комитета митрополитъ Антоній и товарищъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода В. К. Саблеръ. По поводу различныхъ облегченій, которыя намѣчались въ комитетѣ для сектантовъ и различныхъ исповѣданій, митрополитъ Антоній и другіе члены указывали на то, что нѣкоторыми изъ этихъ облегченій не пользуется православная церковь и что, въ случаѣ осуществленія проектируемыхъ облегченій для другихъ исповѣданій и для русскихъ сектантовъ, она можетъ утерять свое господствующее положеніе.

Подобныя заявленія вынудили предсѣдателя комитета министровъ возбудить, въ установленномъ порядкѣ, вопросъ о томъ, что же надлежитъ сдѣлать, чтобы устранить или ослабить эти опасенія.

По просьбѣ С. Ю. Витте, митрополитомъ Антоніемъ были составлены вопросные пункты, подлежащіе обсужденію, при чемъ *совсѣмъ не возбуждалось ни вопроса о патріархатѣ, ни вопроса о соборѣ* въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Одновременно, по заведенному порядку, канцеляріей комитета министровъ былъ изготовленъ необходимый матеріалъ для обсужденія поднятыхъ вопросовъ по источникамъ, указаннымъ митрополитомъ Антоніемъ. Кромѣ того, была составлена записка отъ предсѣдателя комитета министровъ, уже оглашенная въ печати. Въ этой запискѣ статсъ-секретарь Витте выражаетъ ту мысль, не разъ уже высказывавшуюся въ нашей печати духовными и свѣтскими мыслителями, что православная церковь находится въ параличѣ и будетъ пребывать въ такомъ состояніи, пока она будетъ управляться чиновниками.

Сказанные вопросные пункты и весь матеріалъ своевременно были разосланы всѣмъ членамъ комитета министровъ и въ томъ числѣ оберъ-прокурору Св. Синода. Затѣмъ, по иниціативѣ синодальнаго оберъ-прокурора, вопросъ былъ изъятъ изъ обсужденія комитетомъ министровъ и въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла предсѣдатель комитета министровъ не принималъ ни прямого, ни косвеннаго участія.

Изъ всего сказаннаго ясно, что вопросъ о пересмотрѣ положенія православной церкви не былъ возбужденъ ни статсъ-секретаремъ Витте, ни какимъ-либо другимъ лицомъ, а что онъ вытекъ непосредственно изъ Высочайшаго указа 12 декабря 1904 г.

«**Нижегородскій Листокъ**» въ № 91-мъ и «**Одесскій Листокъ**» въ № 6.611-мъ помѣстили «Бесѣду съ протоіереемъ Горчаковымъ» (у насъ она уже напечатана подъ 5-мъ апрѣля).

«*Нижегородскій Листокъ*» «бесѣдѣ» этой предпослалъ нѣсколько словъ отъ себя. «Созывъ церковнаго собора, говоритъ газета, по-прежнему продолжаетъ занимать печать и общество и, судя по тому, какое вниманіе онъ привлекаетъ къ себѣ въ настоящемъ, весьма еще неопредѣленномъ, своемъ положеніи, слѣдуетъ ждать, что разговоры, слухи и предположенія о немъ прекратятся еще не скоро.

«А между тѣмъ, въ настоящую минуту церковная реформа едва ли не болѣе проблематична, чѣмъ когда-либо. Есть свѣдѣнія о томъ, что синодскій докладъ, набранный и имѣвшій появиться въ субботу въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ», до сихъ поръ, вопреки ожиданіямъ, не только не получилъ еще Высочайшей санкціи, но и самый № «Вѣдомостей» не вышелъ и будто бы уже разверстанъ.

«Слухъ этотъ сообщилъ впервые заслуженный профессоръ университета, протоіерей М. И. Горчаковъ».

---

7 апрѣля.

«Церковный Вѣстникъ» (№ 14-й).

Воля Государя.—О возстановленіи соборности въ русской церкви, *проф В. Завитневича.*—Мнѣнія и отзывы печати. (Сужденія о свободѣ церковной. — Мнимые страхи зарожденія клерикализма.—Узкій и широкій взгляды на реформу церковнаго управленія).

Воля Государя.

Вопросъ о необходимости реформы нашего церковнаго управленія былъ выдвинутъ въ послѣднее время, какъ извѣстно, по почину не духовной, а свѣтской власти. Когда въ комитетѣ министровъ было предположено дать полную свободу вѣроисповѣданія старообрядцамъ и иновѣрцамъ, то естественно было спросить: не окажется ли православная церковь, при измѣнившихся условіяхъ, въ положеніи худшемъ, чѣмъ инославныя и старообрядческія общины? Этимъ вопросомъ, съ Высочайшаго соизволенія, и долженъ былъ заняться комитетъ министровъ послѣ разсмотрѣнія вопроса о свободѣ вѣроисповѣданія. Затѣмъ, когда вопросъ о положеніи православной церкви въ Россіи былъ переданъ изъ комитета министровъ въ Св. Синодъ, то онъ получилъ здѣсь неожиданно быстрый ходъ и завершился «всеподданнѣйшимъ докладомъ Св. Синода о созваніи собора епархіальныхъ епископовъ для учрежденія патріаршества и для обсужденія перемѣнъ въ церковномъ управленіи». Трудно гадать, таково ли было бы рѣшеніе комитета министровъ, если бы вопросъ остался на его обсужденіи; можетъ быть, по аналогіи съ другими, и для этого важнаго и сложнаго дѣла была бы образована особая коммиссія изъ свѣдущихъ лицъ, духовныхъ и свѣтскихъ, которая подвергла бы его всестороннему разсмотрѣнію и свои предположенія выработала бы, конечно, не въ столь короткій срокъ; несомнѣнно, эти предположенія не миновали бы Св. Синода, которому и предстояло бы высказаться по поводу уже готовыхъ предположеній. Но рѣшеніе Св. Синода осталось бы, конечно, въ существѣ своемъ тѣмъ же, какое и состоялось при настоящемъ ходѣ этого вопроса: оно давно уже подсказывалось и въ духов-

ной, и въ свѣтской печати,—и не только публицистами, но и высоко авторитетными учеными. Имѣемъ въ виду главную мысль синодальнаго рѣшенія—мысль о созваніи помѣстнаго собора; она давно уже высказывается нашими «лучшими людьми», искренними благожелателями православной церкви, особенно изъ славянофильскаго лагеря.

И вотъ теперь изъ устъ самого Государя мы слышимъ признаніе важности этого «великаго дѣла»: Онъ предоставляетъ Себѣ, когда наступитъ благопріятное время, «по древнимъ примѣрамъ православныхъ императоровъ, дать сему великому дѣлу движеніе и созвать соборъ всероссійской церкви для каноническаго обсужденія предметовъ вѣры и церковнаго управленія». Только настоящее тревожное время, когда тяжелая война должна отвлекать къ себѣ все вниманіе, всѣ силы и заботы русскаго народа, Государь признаетъ неудобнымъ для осуществленія столь великаго дѣла, «требующаго и спокойствія, и обдуманности». Съ другой стороны, и въ печати многими уже высказывается мысль о томъ, что къ будущему собору необходимо подготовиться самымъ основательнымъ образомъ, заранѣе обсудить не только тѣ вопросы, какіе будутъ поставлены на соборное рѣшеніе, но и самый составъ собора, способъ обсужденія и рѣшенія предстоящихъ ему дѣлъ и т. под. «Ни въ какомъ случаѣ, по нашему мнѣнію, не слѣдуетъ спѣшить съ созывомъ церковнаго собора»,—читаемъ въ апрѣльской книжкѣ почтеннаго журнала московской духовной академіи, «Богословскаго Вѣстника» (статья помѣчена «21 марта»). «Необходима предварительная всесторонняя, детальная разработка предполагаемыхъ реформъ, какъ среди самого духовенства, такъ и среди ученыхъ корпорацій. Съ этою цѣлью было бы полезно предложить епархіальнымъ съѣздамъ текущаго года высказать свои соображенія, предоставивъ мѣсто для подобныхъ соображеній и въ епархіальныхъ органахъ. Было бы весьма желательно привлечь къ обсужденію реформъ и профессоровъ духовныхъ академій, которые, конечно, охотно предложатъ свои услуги» (стр. 846—847). Нельзя не присоединиться къ этой мысли: въ результатѣ такой общей работы церковныхъ людей, людей науки и опыта, духовныхъ и свѣтскихъ, въ столицахъ, городахъ и деревняхъ, получится рядъ вопросовъ, которые необходимо обсудить всероссійскому помѣстному собору, выработаются проекты рѣшеній этихъ вопросовъ, выяснится и каноническій составъ собора, и порядокъ его дѣйствій. Тогда только работа самого сбора будетъ плодотворна, и въ результатѣ ея наша церковь получитъ каноническое устройство, необходимое для безпрепятственнаго совершенія ею дѣла Божія.

Итакъ, дѣло реформы не отмѣнено, а только отложено до «благопріятнаго времени». Будемъ же надѣяться на скорое наступленіе этого

времени и, въ надеждѣ на Бога и Царское слово, будемъ всѣ нелѣностно готовиться къ великому дню нашего церковнаго возрожденія, такъ ясно и опредѣленно возвѣщенному съ высоты Престола.

Статья проф. *В. Завитневича:*

О возстановленіи соборности въ русской церкви.

Уже давно у насъ, въ обществѣ и печати, раздаются жалобы на ненормальное состояніе нашей церкви. Если люди, примыкающіе по своему умственно нравственному складу къ сектантству раціоналистическихъ толковъ, нападаютъ на самыя начала нашей церкви, то лица, убѣжденныя въ абсолютномъ достоинствѣ этихъ началъ, жалуются на то, что положенныя въ основаніе православной церкви святыя, вполнѣ отвѣчающія духу ученія Христова, начала лишены возможности проявиться вовнѣ и показать свою жизненную силу вслѣдствіе утвердившагося въ церкви, какъ общественномъ организмѣ, мертваго формализма. Главною причиной послѣдняго обстоятельства обыкновенно признается ненормальное отношеніе церкви къ государству, которое своею чрезмѣрною опекою дѣлаетъ свободное проявленіе церковнаго начала невозможнымъ. Послѣдняя мысль требуетъ серьезнаго, вдумчиваго отношенія къ себѣ

Въ противоположность государству, которое зиждется на формально-юридической основѣ, церковь есть институтъ по преимуществу нравственный. Государство ставитъ своею задачею охраненіе посредствомъ внѣшнихъ мѣропріятій правъ личности отъ вреднаго посягательства на нихъ извнѣ; церковь, путемъ чисто нравственнаго воздѣйствія на внутреннюю жизнь человѣка, на его умъ, на его волю, на его сердце, имѣетъ цѣлью пересоздать внутренній міръ его души по закону любви, которая есть первая и наибольшая заповѣдь Христова. Сообразно съ этимъ, государство самымъ убѣдительнымъ аргументомъ въ системѣ своихъ мѣропріятій признаетъ внѣшнюю принудительную силу; основной стихіей церковной жизни является свобода. Личность, искренно вступающая въ церковь, заблаговременно отрекается отъ своего эгоизма и выражаетъ готовность добровольно подчиниться водительству Духа Божія, живущаго въ единствѣ человѣческихъ убѣжденій, въ единствѣ человѣческихъ совѣстей. Единство церкви не исключаетъ возможности разногласія мнѣній; но оно не допускаетъ вражды изъ-за этого несогласія. Іисусъ Христосъ, опредѣляя признаки истинныхъ послѣдователей Своихъ, сказалъ: «по тому узнаютъ всѣ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою» (Іоан. 13, 35). Если обычныя человѣческія сред-

ства для примиренія разногласія мнѣній оказываются недѣйствительными, то у церкви есть еще одно могущественное средство; это молитва къ Св. Духу, да вразумитъ Онъ неразумныхъ. Но если бы человѣческое сердце до того одебелѣло, что сдѣлалось недоступнымъ и этому воздѣйствію, то это показало бы, что человѣкъ пересталъ быть христіаниномъ и фактически вышелъ изъ церковнаго состава, и церкви ничего не оставалось бы, какъ формально признать то, что фактически уже совершилось. Таковъ смыслъ церковной анаѳемы. Ясно, что въ церкви нѣтъ и быть не можетъ мѣста для насилія, по той простой причинѣ, что насильственныя мѣропріятія своимъ дѣйствіемъ не могутъ проникать въ ту область, которою владѣетъ церковь. Въ области внутренней жизни духа насиліемъ можно создать лицемѣріе, ложь, обманъ, но нельзя создать честнаго, искренняго убѣжденія. Вотъ почему примѣненіе въ религіозной сферѣ насильственныхъ мѣропріятій — это несомнѣнный признакъ того, что чистота христіанскаго сознанія стала мутиться и церковное начало стало уступать мѣсто началу государственному. Цѣль высшихъ идеальныхъ стремленій церкви въ отношеніи къ государству заключается въ томъ, чтобы ассимилировать его по своимъ законамъ, пропитать его своимъ духомъ, т. е. формально-юридическія отношенія его членовъ замѣнить отношеніями нравственными. Пока церковь этого не достигла, она, по возможности, должна держаться въ сторонѣ отъ государства, строжайше соблюдая чистоту своихъ нравственныхъ основъ Проникновеніе церкви государственнымъ началомъ есть смерть для церкви. Какъ только нравственныя отношенія членовъ церкви замѣняются отношеніями формально-юридическими, а для поддержанія церковнаго единства начинаютъ употребляться внѣшнія, насильственныя мѣропріятія, то это несомнѣнный признакъ того, что начало церковности стало изсякать въ общинѣ и, чувствуя ослабленіе своихъ собственныхъ силъ, она открыла нѣдра свои для проникновенія туда начала государственнаго. Такая община нуждается во внутреннемъ самоочищеніи, и если она этого не сдѣлаетъ, то Духъ Христовъ оставитъ ее, она станетъ обычнымъ человѣческимъ обществомъ, и нравственно-воспитательное воздѣйствіе ея на государство сдѣлается невозможнымъ.

Что въ нѣдра нашей церкви проникло начало государственное, это уже давно сознано. Тѣмъ не менѣе истинный смыслъ этого явленія едва ли сознается у насъ со всею ясностью, во всей полнотѣ его объема. Дѣло въ томъ, что корень разсматриваемаго зла заключается не столько въ формѣ установившихся отношеній церкви и государства, какъ это обыкновенно полагаютъ, сколько во всемъ строѣ нашей государственно-общественной жизни, который вообще характеризуется чрезмѣрнымъ

развитіемъ государственнаго начала на счетъ начала личнаго и общественнаго. Было время, когда созиданіе государства было у насъ дѣломъ первой и безусловной необходимости, и тогда русскій народъ съ полнымъ самоотверженіемъ приносилъ въ жертву этому дѣлу всѣ свои матеріальныя средства, почти всѣ свои духовныя силы и даже самое дорогое свое сокровище—свободу. И это было необходимо: безъ этихъ великихъ жертвъ не возникла бы русская земля. Но время это прошло; государство организовалось, окрѣпло, и никакая опасность ему не угрожаетъ, а поэтому теперь пора намъ понять, что цѣль и смыслъ государства заключается не въ самомъ государственномъ механизмѣ, а въ свободномъ развитіи подъ его охраной личности, организованной на началахъ разумной общественности. Думать иначе—это то же, что цѣль и смыслъ жизни какой-нибудь улитки полагать въ покрывающей ее мертвой скорлупѣ, а не въ развивающемся подъ ея прикрытіемъ живомъ организмѣ. Одну изъ характерныхъ особенностей нашего времени составляетъ то, что личность, прежде сильно задавленная, теперь неудержимо стремится къ развитію и проявленію. А развивающаяся личность неизбѣжно требуетъ признанія своихъ правъ, не тѣхъ правъ, которыя предоставляются ей запоздалой въ своей регламентаціи формой закона, а тѣхъ правъ, которыя опредѣляются безотносительнымъ достоинствомъ самой личности. Остановить послѣднюю въ ея поступательномъ движеніи никто не въ силахъ; думать иначе, это значитъ не знать ни исторіи, ни человѣческой души. Вы можете временно остановить внѣшнее проявленіе личности, но этимъ достигнете лишь того, что заставите ее, такъ сказать, замкнуться внутри себя, гдѣ она, окрѣпнувъ и получивъ въ борьбѣ съ препятствіями упругость и страстность, проявитъ себя при случаѣ тамъ и такъ, гдѣ и какъ вы не ожидали. Да и что за охота брать на себя столь неблагодарную задачу—бороться съ тѣмъ, что очевидно беретъ подъ свое покровительство исторія? Переживаемая нами государственная смута служитъ блестящей иллюстраціей этой мысли. Для всякаго вдумчиваго наблюдателя до очевидности ясно, что причина ея заключается не въ ослабленіи государственнаго начала, а наоборотъ, въ чрезмѣрномъ развитіи этого начала и въ запозданіи съ его стороны уступокъ въ пользу законныхъ требованій началъ личнаго и общественнаго. Къ сожалѣнію, пониманіе этой, казалось бы, столь очевидной истины намъ слишкомъ туго дается. Вслѣдствіе чрезмѣрнаго развитія у насъ государственнаго начала съ его формально-юридической основой, общественное начало съ его нравственной основой у насъ совершенно задавлено. Внутренно-изолированная, связанная лишь внѣшнею формой, лишенная благотворнаго воздѣйствія общественности, личность въ своей

внутренней жизни предоставлена произволу своего личнаго эгоизма и вслѣдствіе этого, если можно такъ выразиться, нравственно засохла и духовно омертвѣла; а изъ мертвыхъ частей нельзя составить живого цѣлаго.

Здѣсь главный источникъ мертвенности нашей церкви. Ревнивое отношеніе правительства къ своимъ правамъ и вытекающая отсюда, граничащая иногда съ полнымъ деспотизмомъ, опека надъ личностью, пріучили насъ къ формальному отношенію къ своимъ обязанностямъ и къ заботамъ лишь о томъ, чтобы быть чистыми предъ формой закона. Проявленіе при такихъ условіяхъ частной иниціативы крайне затруднительно, а въ дѣлахъ серьезной важности даже совершенно невозможно. А гдѣ не уважается и даже преслѣдуется частная иниціатива, тамъ нѣтъ мѣста и для общественной самодѣятельности, тамъ неизбѣжно воцарится все-мертвящій формализмъ, на который у насъ столько жалуются. Тотъ же формализмъ, съ какимъ относятся къ дѣлу наши гражданскіе чиновники, наблюдается и въ служеніи пастырей церкви, которымъ нѣтъ дѣла до того, что происходитъ въ душѣ ихъ пасомыхъ, исполняли бы они только возлагаемыя на нихъ церковнымъ правительствомъ обязанности и повинности. Въ наше время можно быть не только злѣйшимъ еретикомъ, но и полнымъ атеистомъ, и въ то же время считаться примѣрнымъ членомъ церкви; ибо для насъ дороги не убѣжденія человѣка, а его внѣшнее отношеніе къ формѣ закона. Загоняя въ церковь людей силою, мы не считаемъ нужнымъ заглядывать во внутренній міръ ихъ души, и хорошо, пожалуй, дѣлаемъ, иначе мы ужаснулись бы при видѣ того, изъ какихъ членовъ состоитъ это нами насильственно созданное «тѣло Христово». Поступая такъ, мы даже не догадываемся, что совершаемъ преступленіе противъ самаго духа христіанства, что мы просто кощунствуемъ надъ святыней церкви.

Неудивительно послѣ этого, что всякая свѣжая мысль, всякое живое движеніе души, хотя бы онѣ исходили изъ самаго чистаго источника, насъ пугаютъ; ибо мы не знаемъ, подъ какой параграфъ регламента или устава ихъ подвести; а это намъ необходимо знать хотя бы, напримѣръ, на случай отписки, которой отъ насъ можетъ потребовать высшее начальство. Мы считаемъ себя православными христіанами, но потребуйте отъ насъ положительнаго опредѣленія нашего православія (критиковать другихъ мы прекрасно умѣемъ) и увидите, что даже наши спеціалисты въ области богословской науки разойдутся во мнѣніяхъ по самымъ основнымъ вопросамъ ученія нашей церкви. И этому не нужно удивляться: сознательное единогласіе въ области науки достигается лишь путемъ свободнаго обмѣна мыслей; а развѣ возможенъ свободный обмѣнъ

богословской мысли тамъ, гдѣ часто даже не умѣютъ дѣлать различія между книгами, имѣющими церковно-символическое значеніе, и учеными диссертаціями, представляющими лишь опытъ исканія истины частнымъ лицомъ и поэтому требующими, съ одной стороны, полной свободы изслѣдованія, съ другой стороны, полнаго уваженія и терпимости ко всякому мнѣнію, если, конечно, оно явилось плодомъ добросовѣстной ученой работы. Въ области вѣры всякое недомысліе должно быть не скрываемо, а разъясняемо, ибо здѣсь дѣло касается спасенія души, которая не можетъ быть оставлена на произволъ судьбы, разъ ея заблужденіе обнаружено: а силою внѣшней дисциплины убѣжденія перемѣнить нельзя. Вотъ почему бороться съ заблужденіями въ области вѣры нужно не цензурою, а наукою. Пастыри церкви, которые относятся къ дѣлу иначе,— не добрые пастыри, а наемники: они заперли свое стадо въ душный сарай и думаютъ лишь о томъ, чтобы оно численностью было цѣло, а что ихъ овцы томятся отъ голода и жажды, до этого имъ нѣтъ никакого дѣла. Такой порядокъ вещей возможенъ лишь въ омертвѣломъ общественномъ организмѣ. и наша церковь, насколько оно есть человѣческое общество, дѣйствительно омертвѣло отъ того, что мы уморили лежащее въ ея основаніи начало соборности.

Свою церковь мы признаемъ соборною. Соборная она не потому только, что ея ученіе раскрыто и утверждено вселенскими соборами, а и потому, что начало соборности лежитъ въ самой основѣ всего ея жизненнаго строя. Самые вселенскіе соборы потому и получили въ церкви такое рѣшающее значеніе, что они были проявленіемъ начала соборности. Соборное же начало по своему существу есть начало хоровое, начало общинное, т. е. начало свободнаго общенія людей въ интересахъ живого обмѣна мыслей и чувствъ, съ цѣлью умственно-нравственнаго воспитанія личности. Разсматриваемое съ этой точки зрѣнія соборное начало въ жизни церкви есть то же, что движеніе крови въ живомъ организмѣ; оно есть жизнь церкви, біеніе ея пульса. Уморивъ соборное начало, мы атрофировали самый источникъ ея жизни; живой организмъ церкви мы поразили въ самое его сердце, мы остановили біеніе его пульса. Какъ ни односторонне католическое начало папизма, но оно въ католической церкви живо, и послѣдняя обнаруживаетъ ту живучесть, которая не разъ соблазняла такихъ членовъ нашей церкви, какъ, напримѣръ, князь Гагаринъ, Чаадаевъ, Владиміръ Соловьевъ, Боборыкинъ и др. Наша же церковь, не смотря на всю широту лежащаго въ ея основаніи начала, мертва, ибо это начало не функціонируетъ: мы засушили, мы уморили его. Текущій ручей тотчасъ же останавливается, какъ только живой ключъ, доставляющій ему воду, перестаетъ бить. Такъ точно и

жизнь нашей церкви остановилась потому, что самый источникъ этой жизни атрофированъ.

Есть, конечно, люди, которые вполнѣ довольны настоящимъ положеніемъ дѣлъ, ничего лучшаго они не только не хотятъ, но и представить себѣ не могутъ. И это не только совершенно естественно, но и неизбѣжно,—иначе на чемъ же держался бы весь нынѣшній строй нашей жизни? Но горе тому обществу, гдѣ смерть считается жизнію, гдѣ мертвый трупъ не умѣютъ отличить отъ живого тѣла! И если мы не сознаемъ своего основного грѣха и не покаемся въ немъ, то горе насъ несомнѣнно постигнетъ. Есть люди, которые указываютъ даже источникъ, изъ котораго они ждутъ бѣды. Наше общество, истомленное царящею кругомъ мертвенностью, сдѣлалось до болѣзненности отзывчивымъ на все то, что проявляетъ хоть нѣкоторый проблескъ жизни. Неудивительно поэтому, что послѣ послѣдняго старообрядческаго московскаго собора послышались рѣчи, которыя раньше могли бы показаться дикими, но которыя теперь выслушиваются съ большимъ интересомъ. Теперь, между прочимъ, нетрудно встрѣтиться и съ вопросомъ о томъ, кому принадлежитъ будущее въ исторіи: офиціальной ли церкви или расколу? Въ догматахъ, говорятъ, разницы между ними нѣтъ; обрядовая же разница, во-первыхъ, неважна, во-вторыхъ, безпристрастная историческая наука въ послѣднее время по обрядовымъ вопросамъ высказывается въ такомъ направленіи, что трудно сказать, кто тутъ правъ и кто виноватъ. А между тѣмъ проявленіе соборнаго начала въ старообрядчествѣ, несомнѣнно показывая его живучесть, свидѣтельствуетъ въ то же время о его вѣрности духу вселенской церкви, чего нельзя сказать о церкви офиціальной. Итакъ, у насъ, говорятъ, есть теперь двѣ церкви, одинаково претендующія на православіе: одна офиціальная, затянутая въ блестящій мундиръ, украшенная лентами, орденами, надѣленная правами и привилегіями и проявляющая свою вѣру на офиціальныхъ молебнахъ въ царскіе дни, и другая церковь, наряженная въ сѣрый зипунъ, гонимая и преслѣдуемая, но полная живой, искренней вѣры и вѣрная началу вселенскаго православія. Которой изъ нихъ принадлежитъ будущее,—рѣшить, говорятъ, нетрудно: мертвая будетъ погребена, а живая будетъ жить и развиваться. Трудно сказать, чего больше въ этихъ рѣчахъ: злой ироніи, или зловѣщаго пророчества? Отвѣтъ на этотъ вопросъ дастъ, конечно, исторія. А теперь пока невольно хочется спросить: ужели же люди, въ рукахъ которыхъ находится судьба нашей церкви, всего этого не понимаютъ? Ужели же имъ не больно, ужели имъ не стыдно?

Итакъ, чтобы пробудить дремлющія силы церкви, необходимо прежде

всего вызвать къ жизни лежащее въ основаніи ея начало соборности, которое, проходя снизу вверхъ, должно проникать всю ея организацію. Простѣйшей единицей, той первичной клѣточкой, изъ которой должно вырости все зданіе церковнаго организма, долженъ попрежнему остаться приходъ, оживленный путемъ возбужденія среди его членовъ болѣе тѣснаго единенія на почвѣ сознанія единства интересовъ не только внѣшнихъ, каковы, напримѣръ, заботы о благоустроеніи храма, но и внутреннихъ, каковы заботы о религіозно-нравственномъ просвѣщеніи. Душою прихода, его естественнымъ средоточіемъ, долженъ быть, конечно, священникъ. Въ виду того, что примѣненіе въ глухой провинціи желанной системы выбора прихожанами священниковъ при настоящихъ условіяхъ встрѣтитъ серьезныя затрудненія, необходимо пока оставить нынѣшнюю систему назначенія, не устраняя, впрочемъ, права прихожанъ рекомендовать на священническія мѣста своихъ излюбленныхъ кандидатовъ. Чтобы дѣятельность священника была цѣлесообразною, вполнѣ отвѣчающею его высокому назначенію, необходимо, во-первыхъ, поднять его умственную и особенно нравственную правоспособность, во-вторыхъ, освободить его отъ теперешней экономической зависимости отъ прихожанъ. Перваго можно достигнуть путемъ одухотворенія системы воспитанія въ духовныхъ школахъ, второго—путемъ замѣны нынѣ практикуемаго способа вознагражденія за требы опредѣленнымъ жалованьемъ, средства для чего могутъ быть взяты изъ того же источника. Въ виду сильнаго роста нравственной личности, прежняя система вознагражденія, вслѣдствіе многихъ отрицательныхъ ея сторонъ, должна быть признана безусловно вредною.

Церковные приходы соединяются въ болѣе сложныя церковно-общественныя единицы, границы которыхъ однако же не должны выходить за предѣлы уѣзда. Во главѣ каждой такой единицы стоитъ епископъ. Значительный объемъ нынѣшнихъ епархій, обремененіе епархіальныхъ архіереевъ массой дѣлъ, часто не имѣющихъ ничего общаго съ ихъ святительскимъ служеніемъ, отдаляетъ архипастырей отъ ихъ паствы и часто сводитъ совершенно на нѣтъ ихъ воздѣйствіе на послѣднюю. Послѣднему обстоятельству много способствуетъ и внѣшняя обстановка епархіальныхъ архіереевъ, которые скорѣе напоминаютъ высшихъ сановниковъ въ государствѣ, чѣмъ смиренныхъ служителей алтаря и любвеобильныхъ пастырей стада Христова. Перемѣщеніе епархіальныхъ архіереевъ изъ губерніи въ уѣздъ, ближе къ паствѣ и въ болѣе скромную обстановку, при сокращеніи подвѣдомственнаго имъ круга дѣлъ, сильно ослабитъ многія отрицательныя стороны ихъ нынѣшняго служенія и сдѣлаетъ ихъ дѣятельность болѣе плодотворною. Но чтобы эта

дѣятельность была дѣйствительно такою, уѣздныя архіерейскія каѳедры необходимо замѣщать не юношами изъ монашествующаго духовенства, которые сами нуждаются въ воспитаніи, а людьми духовно зрѣлыми, лучше всего изъ мѣстнаго духовенства, независимо отъ того, въ состояніи ли они принять монашество (какъ напримѣръ вдовые священники) или нѣтъ. Польза отъ такой постановки дѣла до того очевидна, что останавливаться на ея мотивировкѣ было бы совершенно излишне.

Уѣздныя епископіи соединяются въ губернскія или областныя архіепископіи или митрополіи, которыя въ концѣ концовъ объединяются во всероссійскомъ патріархатѣ.

Всѣ архіерейскія каѳедры, начиная съ уѣздныхъ епископій, оканчивая столичной патріархіей, замѣщаются не по назначенію, а по свободному избранію.

Всѣ намѣченные церковные округа являются естественными районами для созыванія троякаго рода соборовъ: уѣздныхъ, губернскихъ и столичныхъ или обще-русскихъ помѣстныхъ. На этихъ соборахъ, которые должны быть посвящены разсмотрѣнію самыхъ разнообразныхъ вопросовъ церковнаго благоустройства, будетъ разсматриваться и тутъ же рѣшаться много такихъ дѣлъ, которыми теперь завалены канцеляріи консисторій и Св. Синода. Такъ нанесенъ будетъ рѣшительный ударъ той церковной бюрократіи, отъ которой теперь наша церковь страдаетъ не меньше, чѣмъ государство *).

Мнѣнія и отзывы.

Сужденія о свободѣ церковной.—Мнимые страхи зарожденія клерикализма. — Узкій и широкій взгляды на реформу церковнаго управленія.

За послѣднюю недѣлю вопросъ о церковной роформѣ служилъ главной темой для газетъ. Высказаны были на разные лады общеизвѣстныя мысли и пожеланія. Вмѣстѣ съ тѣмъ началось и нѣкоторое углубленіе въ этотъ важный вопросъ и задѣто было нѣсколько еще не выясненныхъ его сторонъ. Таково, напр., понятіе о свободѣ церковной. Г. Л. Полонскій въ «Новостяхъ» (№ 73) утверждаетъ, что свобода церковная не будетъ достигнута ни возстановленіемъ патріаршества, ни принципіальнымъ провозглашеніемъ независимости церкви отъ государства.

---

*) Настоящая записка прочитана была въ частномъ собраніи ревнителей просвѣщенія въ духѣ православной церкви въ Кіевѣ. Послѣ обмѣна мнѣній собраніе признало свое единомыслие съ авторомъ во всѣхъ основныхъ положеніяхъ записки и выразило желаніе, чтобы текстъ ея преданъ былъ гласности путемъ напечатанія въ одномъ изъ періодическихъ изданій

Чтобы слово церковнаго проповѣдника было вполнѣ свободно, чтобы духовенство могло обличить всякое злоупотребленіе властей,—этого никогда не бывало и въ московской Руси, не смотря на то, что номинально при свѣтскомъ государѣ былъ еще и государь духовный—патріархъ. Единственный изъ русскихъ патріарховъ, который стремился къ независимости и даже вступилъ въ столкновеніе съ государственной властью, былъ Никонъ. Но и тотъ безъ всякаго затрудненія былъ устраненъ царемъ Алексѣемъ, не смотря на его крайнюю набожность. Никогда и при патріаршествѣ русскіе епископы и священники не являлись обличителями беззаконій, жестокостей, невѣжества и грубой порочности всего тогдашняго государственнаго и общественнаго быта. Съ другой стороны, церкви протестантскія находятся во всѣхъ странахъ подъ властью свѣтскаго правленія и законодательства, но существующія на Западѣ условія гражданской свободы обезпечиваютъ тамъ въ достаточной мѣрѣ свободу церковной проповѣди и общественной дѣятельности духовенства. Итакъ, вполнѣ сочувствуя мысли о возстановленіи патріаршаго сана и отмѣнѣ преобладанія бюрократіи въ области церковной, какъ и всякой другой, мы думаемъ, однако, что свобода проповѣдническаго слова и общественной дѣятельности духовенства гораздо вѣрнѣе можетъ быть обезпечена осуществленіемъ свободы общегражданской.

Оставляя эту сторону дѣла безъ вниманія, свящ. П. Л. Л—ій въ «Петерб. Листкѣ» (№ 75) подчеркиваетъ другую его сторону, на которой исключительно сосредоточивается интересъ православной іерархіи. Онъ пишетъ, что «свобода церкви» совсѣмъ не обозначаетъ «свободы ея отъ свѣтской власти» въ смыслѣ римско-католическомъ. Это—недоразумѣніе, проистекающее изъ неопредѣленнаго смысла слова «свобода».

Вѣдь патріархъ остается подданнымъ своего Государя и утверждается имъ же. Отъ воли Государя зависитъ принять того, кто намѣченъ въ патріархи, или даже указать своего кандидата. Слѣдовательно, если говорится о «свободѣ церкви», то разумѣется не свобода «государственная», а свобода отъ того регламента, по которому управленіе духовными дѣлами сдавлено оберъ-прокуратурой,—не свобода духовной власти отъ государственнаго контроля и не право патріарха или духовенства вообще дѣлать, что хотятъ,—нѣтъ, а «свобода» управляться такъ, какъ требуетъ православная церковь, своими правилами, своимъ ученіемъ.

Такимъ образомъ отъ указанныхъ пожеланій православнаго духовенства и до извѣстной задачи отдѣленія церкви отъ государства—дистанція огромнаго размѣра... Однако, эта свобода управленія, внутренняго канонически-правильнаго устроенія церкви нужна ей дѣйствительно прежде всего, составляетъ необходимое условіе ея силы и процвѣтанія. Только при свободномъ соборномъ самоуправленіи церковь можетъ проявить всю полноту присущихъ ей творческихъ, жизненныхъ силъ. Лишенная этой свободы, она захирѣла и, какъ больной организмъ, не въ состояніи съ желательнымъ успѣхомъ противодѣйствовать заразительнымъ вліяніямъ на своихъ духовныхъ дѣтей со стороны невѣрія и сектантской пропаганды. Напротивъ, установленіе независимости церкви отъ теперешняго усмотрѣнія свѣтскихъ чиновниковъ, возвращеніе ей свободы самоуправленія, т. е. освобожденіе отъ Духовнаго Регламента, подмѣнившаго церковную жизнь мертвенной бюрократической машиной, будетъ для церкви истиннымъ воскресеніемъ, послѣ котораго она безбоязненно встрѣтитъ введеніе въ нашемъ государствѣ принципа свободы

религіозной совѣсти. Ясное сознаніе столь тѣсной связи между раскрѣпощеніемъ въ Россіи иновѣрія и сектантства и необходимостью возстановить въ православной церкви начало соборности и привело какъ іерархію, такъ и государственныхъ дѣятелей къ одновременному рѣшенію поставить на очередь вопросъ о церковной реформѣ. Понять этой связи почему то не хочетъ уже упомянутый сотрудникъ «Новостей» (№ 84). Въ статьѣ «Свобода совѣсти и независимость церкви» онъ старается доказать, что между этими двумя явленіями совсѣмъ нѣтъ той зависимости, какая отмѣчена въ словахъ преосвящ. Сергія: «объявить теперь свободу совѣсти для всѣхъ значило бы всѣмъ развязать руки, а дѣятелей церкви оставить связанными». Что это значитъ, почему это такъ?—недоумѣваетъ г. Полонскій. Надѣемся, что послѣ сдѣланныхъ нами, хотя и краткихъ, замѣчаній нѣтъ особенной нужды тратить слова на разъясненіе этихъ недоумѣній.

— Любопытныя предположенія сдѣлали нѣкоторые органы печати относительно возможныхъ послѣдствій реформы православной церкви: выразили опасенія появленія у насъ клерикализма и чисто-религіозныхъ стѣсненій свободы совѣсти. «Новости» (№ 78) посвятили этой темѣ цѣлую статью: «Духовная опасность». Газета встревожена за спокойствіе людей нерелигіозныхъ, которымъ господствующая церковь, подчиненная государству, до сихъ поръ фактически предоставляла свободу невѣрія при условіи нѣсколькихъ формальностей. «Церковь же свободная, но имѣющая такую власть надъ свѣтскими людьми, какъ веденіе метрики, заключеніе браковъ, совершеніе похоронъ, можетъ организовать систематическія религіозныя преслѣдованія всѣхъ, недостаточно, по ея мнѣнію, вѣрующихъ». Все это излишніе страхи, порождаемые недоразумѣніемъ. Церковь сама по себѣ не можетъ имѣть никакихъ средствъ для внѣшняго преслѣдованія невѣрующихъ; гоненія для нея тутъ просто немыслимы. Если же церкви поручить метрическія книги и проч., то она будетъ не вполнѣ свободна отъ государственной миссіи и потому отнесется къ этой миссіи съ тѣмъ неизбѣжнымъ формализмомъ и снисходительностью, безъ изслѣдованія совѣсти подневольно идущихъ къ ней людей, съ какими вынуждена относиться теперь. Что касается страховъ клерикализма, то опроверженіемъ ихъ занялись сами же газеты, допустившія на своихъ страницахъ подобныя обмолвки. Такъ напр. «Сынъ От.» (№ 39) путемъ подробныхъ справокъ съ древне-русской и новой церковной исторіей доказываетъ невозможность появленія у насъ клерикализма за неимѣніемъ для того исторической почвы. «Реставрація патріаршества въ Россіи—заключаетъ газета—не повлечетъ за собой ни самостоятельности русской церкви, ни зарожденія клерикализма.»

— Въ «Зарѣ» (№ 261) нѣкто г. Внѣшній предлагаетъ упростить рѣшеніе вопроса *о преобразованіи высшаго церковнаго управленія*. Онъ увѣряетъ, будто отнимаетъ свободу сужденій и дѣйствій у нашихъ іерарховъ главнымъ образомъ не контроль оберъ-прокурора надъ всѣми входящими и исходящими дѣлами Синода, а то, что награжденіе епископовъ совершается исключительно по усмотрѣнію оберъ-прокурора и безъ вѣдома Синода. Будто бы стоитъ только передать право представленія къ наградамъ въ Синодъ, и іерархія станетъ неузнаваемой по своей самостоятельности. Упоминаемъ объ этомъ несерьезномъ проектѣ только для того, чтобы показать, какъ еще просто нѣкоторые смотрятъ на предстоящее великое дѣло обновленія нашей церкви. Думать все время о томъ, какъ благоустроить положеніе самыхъ верхушекъ церковной администраціи,—значитъ не понимать, кому и для чего собственно нужна реформа. Не церковь для іерархіи, а іерархія для церкви. Надо прежде всего и больше всего думать о самой церкви. *Реформа* нужна *всей церкви*, всему тѣлу церковному, народному. Въ нашей церкви затеряна настоящая церковная, соборная, общинная, братская любовно-христіанская жизнь. Надо возродить и оживить ею церковь, надо вернуться къ ней и усердно насадить ее во всѣхъ частяхъ церковнаго организма, во всѣхъ малѣйшихъ его проявленіяхъ. Соборность, т. е. общинная, братская, подлинно-церковная жизнь, нужна нашей церкви, какъ вода живая, нужна не для іерархическихъ только верховъ ея, но для всего народа. Нуждается въ ней и простой темный народъ, бѣгущій отъ духовной тоски то въ раскольничьи, то въ сектантскія общины, нуждается и не потерявшая окончательно вѣры интеллигенція. «Все—для народа, ничего—для сословія, все—для церкви, ничего или очень немного—для іерархіи: вотъ краткій руководительный принципъ, принявъ который во вниманіе, духовенство и практическіе дѣятели преобразованія могли бы избѣгнуть множества ошибокъ, недоумѣній о томъ, для кого и для чего реформа»; такъ пишетъ «Нов. Время» (№ 10.436). Необходимо начать введеніе соборности одновременно и сверху и снизу, какъ предлагаетъ Шараповъ, или даже скорѣе снизу, какъ думаютъ многіе другіе.

Раньше, чѣмъ возстановлять патріаршество, нужно признать автономность приходовъ. Не о князьяхъ церкви надлежитъ теперь думать, а о тѣлѣ церкви — о мірянахъ, которые только числятся прихожанами и, не принимая никакого участія въ жизни приходовъ, не участвуютъ въ разрѣшеніи церковно-общественныхъ вопросовъ, что породило у насъ религіозный индиферентизмъ и даже отчужденіе весьма многихъ отъ церкви. Безъ разрѣшенія этого коренного вопроса нашей церковной жизни возстановленіе патріаршества явилось бы только простымъ перенесеніемъ власти изъ рукъ высшей бюрократіи въ руки высшихъ представителей чернаго духовенства. Съ возстановленіемъ церковныхъ общинъ, согласно каноническимъ правиламъ, мы получимъ свободно избираемый мірянами клиръ, и тогда у насъ постепенно исчезнетъ каста духовенства. Конечно, обѣ реформы можно произвести одновременно, но во главу угла во всякомъ случаѣ, полагаемъ, должна быть поставлена забота о мірянахъ,

ради которыхъ собственно существуютъ и патріархи, и митрополиты, и «весь священническій чинъ». Прежде всего нужно разрѣшить приходскій вопросъ. Все остальное приложится.

Эти мысли развиваетъ К. Ровинскій въ «Словѣ» (№ 113) Далѣе онъ ставитъ заботу о бѣломъ духовенствѣ, возвышеніи его авторитета черезъ освобожденіе отъ гнета и униженія со стороны монашествующаго епископата. Достичь этого можно умноженіемъ епископовъ, сокращеніемъ границъ епархій и поставленіемъ въ епископы бѣлыхъ священниковъ. Подобныя же по духу и по буквѣ задачи реформы выдвигаютъ и нѣкоторые священники въ письмахъ въ редакцію «Слова» (№ 109). Менѣе всего должны насъ сковывать при переустройствѣ нашего изветшавшаго церковнаго быта византійскіе шаблоны. Рабское ихъ копированіе не оправдывается просвѣщеннымъ взглядомъ на византійскую исторію. «Исторія Византіи—говоритъ А. С. Хомяковъ—представляетъ двѣ стороны, двѣ совершенно противоположныя стихіи: одну—эллинско-христіанскую, другую, римско-государственную. Съ одной стороны—мысль, человѣчность, любовь, съ другой—форма, себялюбіе, вражда, сочетаніе низости съ гордостью, внутреннее гніеніе какъ лицъ, такъ и народа». Такъ же въ одномъ мѣстѣ отозвался о Византіи и Н. П. Гиляровъ-Платоновъ: «Леонтьевъ за Византію и великую церковь, а я говорю, что это гниль и что русскій народъ есть живой организмъ, носящій въ себѣ свои стихіи». Приведя эти авторитетныя мнѣнія, г. Рцы («Слово» № 112) заключаетъ: «вотъ очень важныя свидѣтельства, которыя необходимо постоянно имѣть въ виду, когда заходитъ рѣчь объ оживленіи и возрожденіи русской церкви».

Статья «**Новаго Времени**» (№ 10.449-й):

«Келейное» и національное рѣшеніе дѣлъ.

На-дняхъ мы высказались о томъ, что отложеніе на время собора русской церкви—скорѣе благопріятное явленіе, чѣмъ не благопріятное, и ни малѣйше не должно смущать или останавливать въ дальнѣйшей работѣ друзей церковной реформы. Одновременно съ офиціальнымъ объявленіемъ о таковомъ «отложеніи» была получена въ Петербургѣ апрѣльская книжка лучшаго нашего богословскаго журнала «Богословскій Вѣстникъ» (органъ московской духовной академіи). Мы вполнѣ удовлетворены тѣмъ, что профессора московской духовной академіи черезъ посредство этого органа высказываются одинаково съ нами, но съ той разницею, что они высказались еще до Высочайшей резолюціи каса-

тельно этого предмета. «Возстановленіе каноническаго управленія русской церкви,—говорится здѣсь,—можетъ быть совершено лишь каноническимъ путемъ. Таковой путь одинъ и онъ слишкомъ ясенъ и слишкомъ хорошо извѣстенъ. Этотъ путь есть общероссійскій соборъ, на которомъ обязаны присутствовать, не дожидаясь особаго личнаго приглашенія, всѣ епископы русской церкви. По каноническимъ правиламъ, епископы, безъ уважительныхъ причинъ, какъ-то: тяжкая болѣзнь и т. п., не явившіеся на соборъ, подлежатъ запрещенію (IV Вселенскаго собора, правило 19-е), а митрополитъ, не исполнившій этого правила, подвергается епитимьѣ, и если найдется свѣтскій начальникъ, возбраняющій сіе, то да будетъ онъ отлученъ (VII Вселенскаго собора правило 6-е)». Прервемъ рѣчь почтеннаго журнала. Значитъ, по приведеннымъ имъ правиламъ, «свѣтскіе начальники», вовсе не приглашавшіе въ составъ нашего Синода, т. е. предполагаемаго «русскаго собора», сплошь всѣхъ русскихъ епископовъ, и ни въ какомъ случаѣ ихъ туда не допустившіе бы и не допускавшіе, по правилу Вселенскаго собора «быть отлучены отъ церкви»? Извѣстіе это можетъ пощекотать много русскихъ нервовъ: какъ же, напр., налагалась «епитимья» и разные страхи, ну, хоть на разведенныхъ супруговъ въ случаѣ новаго брака, когда, по Вселенскимъ соборамъ, все наше духовное управленіе подлежало лично и по-именно «епитимьѣ», т. е. «отлученію отъ церкви»? Россія можетъ отчасти плакать, отчасти улыбнуться при такомъ извѣстіи. Цитируемъ дальше: «Избраніе патріарха можетъ состояться лишь на такомъ именно соборѣ. И вообще дѣло церковной реформы, согласно съ канонами православной церкви, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть дѣломъ ни Синода, ни Особаго совѣщанія. Это значило бы начать возстановленіе соборнаго управленія въ церкви съ фактическаго отрицанія соборности и съ нарушенія православныхъ каноновъ; это значило бы, что идея соборности сохранилась лишь на страницахъ Кормчей, а не въ сознаніи іерарховъ. Это могло бы имѣть послѣдствія, которыя даже невозможно и предвидѣть. Эти соображенія должны охладить пылъ тѣхъ, кто пожелалъ бы скораго проведенія реформъ домашнимъ образомъ. Да и вообще для чего и для кого спѣшить въ такомъ крайне важномъ и сложномъ шагѣ».

Нельзя не отмѣтить тревоги почтеннаго журнала за то, что весь вопросъ о церковной реформѣ получилъ очень быстро какой-то «домашній характеръ», характеръ чего то «келейно» задумываемаго и предрѣшаемаго въ уединеніи нѣсколькихъ іерарховъ, безъ участія и даже безъ оповѣщенія широкихъ общественныхъ слоевъ или печати. Думалось, что удобнѣе и успѣшнѣе все пойдетъ, если будетъ состоять въ «разговорѣ

нѣсколькихъ умныхъ людей». Но... на всякаго мудреца довольно простоты. Трудно остановить улицу, но «нѣсколько умныхъ господъ» остановить очень не трудно. Такъ все, или приблизительно такъ, и случилось. И неопытные въ общественно-историческихъ движеніяхъ, «умные люди» аскетическаго образа жизни имѣли всѣ причины къ нѣкоторому слабому покаянію. Именно. вопросъ о церковной реформѣ не только по каноническимъ основаніямъ, но и по другимъ соображеніямъ слѣдовало становить какъ можно шире, общеизвѣстнѣе, привлекать сюда болѣе и болѣе вниманія, не обѣгать печать, а привлекать ее, ибо она есть органъ голоса «міра», т. е мірянъ, дабы все получило такое массивное, броненосное выраженіе, которое погасить «келейно» нѣтъ вообще никакой возможности. Одно дѣло—ходъ лодочки, хотя бы и «мудрой», и громаднаго корабля, хотя бы и глупо управляемаго. Мизинцемъ его не задержишь.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о будущемъ соборѣ. «Въ древней церкви на соборахъ участвовали и міряне», говоритъ органъ московской духовной академіи. «Въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ, въ главѣ XV, при описаніи перваго апостольскаго собора, послужившаго прототипомъ для всѣхъ остальныхъ, такъ опредѣляется его составъ: «изволися апостоламъ и старцамъ со своею церковью» (т. е. съ общиною мірянъ). «У насъ же въ Россіи», продолжаетъ онъ, «есть особенно вѣскія побужденія сохранить это право мірянъ. Не говоря о томъ, что это было бы хорошимъ средствомъ для возстановленія почти утраченной живой связи общества съ іерархіей, церковная жизнь въ настоящее время такъ осложнилась, что епископы никоимъ образомъ ни могутъ считать себя компетентными въ рѣшеніи нѣкоторыхъ церковныхъ вопросовъ безъ помощи мірянъ. Возьмите, напримѣръ, вопросъ объ исправленіи давно уже въ этомъ нуждающейся славянской Библіи. Рѣшить этотъ вопросъ безъ помощи ученыхъ спеціалистовъ епископы ни въ какомъ случаѣ не могутъ. Такихъ вопросовъ можетъ оказаться не мало» («Богосл. Вѣстн.». апрѣль, стр. 851—852).

---

8 апрѣля.

Въ этотъ день вышелъ 5-й № «**Миссіонерскаго Обозрѣнія**». Въ немъ по вопросу о церковной реформѣ помѣщены статьи: 1) «*Благовѣстъ или набатъ?*» *Н. Гринякина* и 2) «*Къ исторіи возникновенія патріаршаго вопроса*» *В. Скворцова.*

Статья *Н. Гринякина:*

Благовѣстъ или набатъ.

(По поводу записки группы столичныхъ священниковъ «о необходимости перемѣнъ въ русскомъ церковномъ управленіи»).

«Не уклони сердце мое въ словеса лукавствія, непщевати вины о грѣсѣхъ»...

Предъ нами записка группы петербургскихъ священниковъ «о необходимости перемѣнъ въ русскомъ церковномъ управленіи». Записка подписана, какъ сообщаютъ, 32 столичными пастырями; хотя цифра эта, сравнительно съ общимъ числомъ столичнаго духовенства, и незначительна, тѣмъ не менѣе записка составляетъ явленіе серьезное и знаменательное! Теперь о необходимости реформы нашего церковнаго управленія сказано слово группой самихъ церковныхъ *пастырей*, *благосклонно* принято высокопреосвященнымъ *архипастыремъ*, опубликовано на страницахъ органа столичной академіи и тѣмъ отдано на обсужденіе печати. Правда, еще ранѣе записки раздавались въ свѣтской прессѣ голоса по этому вопросу; но они въ большинствѣ своемъ едва ли достойны были вниманія церковныхъ людей: ну чего стоитъ напр. статья «Русскаго патріота» изъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», гдѣ баснословится, что «на дѣла русской церкви долженъ обратить вниманіе русскій (хорошо, что хоть не германскій!) *министръ внутреннихъ дѣлъ*, возстановить дѣйствіе *церковныхъ каноновъ*—прямая и первая обязанность *гражданской* власти... *вся* русская помѣстная церковь благословила бы министра внутреннихъ дѣлъ на немедленное проведеніе въ жизнь *церковныхъ реформъ*, благословила бы его попытку поднять упавшій *церковный духъ*... для этихъ реформъ достаточно одного магическаго слова—fiant... духовенство должно стать выборнымъ—это настоятельная потребность нашей *гражданской церкви!*» и что о возстановленіи у насъ патріаршества «долженъ позаботиться всѣмъ помышленіемъ своимъ *русскій министръ внутреннихъ дѣлъ* (№ 43 с. г). Можно ли считаться, на почвѣ церковно-канонической, съ призывомъ *министра внутреннихъ дѣлъ* къ *церковной* реформѣ, къ приведенію въ дѣйствіе *церковныхъ каноновъ* въ *гражданской церкви* и къ поднятію упавшаго *церковнаго духа?* Если «Русскій патріотъ» знаетъ, какъ рѣшительно отвергается церковными канонами вмѣшательство гражданской власти во внутреннія дѣла церкви, то его словъ нельзя понимать иначе, какъ за нѣкое иносказаніе. Иначе дѣло обстоитъ съ «запиской». Тутъ говорятъ пастыри, участвуетъ перво-архипастырь, приведены каноны; и дѣло представлено, какъ неотложная не-

обходимость. Повторяемъ, что записка представляетъ собою событіе огромной исторической важности. Содержаніе «записки» наши читатели прочтутъ выше въ «Мисс. Вѣстникѣ». Обойти молчаніемъ эту записку нельзя; надъ ней стоитъ глубоко задуматься.

Въ ней между прочимъ пишется:

Необходимо, настоятельно необходимо, чтобы церковь возвратила себѣ всю силу плодотворнаго вліянія на всѣ стороны жизни человѣческой и всю мощь своему голосу. А для этого она должна возвратить себѣ прежде всего свободу, искони ей принадлежавшую и опредѣленную строемъ священныхъ каноновъ, пренебрегаемыхъ и забываемыхъ, но не могущихъ утратить своей исконной для нея обязательности.

Слава Богу, повѣяло стариной. «Мы пришли бить челомъ объ исправленіи вѣры»...

Вопросъ о возстановленіи въ русской церкви патріаршества — не сегодняшній. О немъ есть уже своя литература. И, откровенно говоря, записка петербургскихъ батюшекъ—наислабѣйшая ея страница, хотя и самая крикливая: тутъ слышатся именно ноты: «мы пришли бить челомъ о исправленіи вѣры».

По условіямъ *настоящаго* времени, для православной церкви *неотложна необходимость* получить исконную каноническую свободу. Но чтобы возвратить эту свободу, она должна возстановить въ полнотѣ и неприкосновенности каноническое церковное устроеніе, воспринятое по преданію апостольскому, отъ котораго она не должна была и не можетъ отступать».

Но, позвольте, какія же это такія условія *настоящаго* времени, которыя создали бы именно теперь лишь «неотложную необходимость» возстановленія канонической свободы церкви? Трудно догадаться! Ужъ не война ли съ Японіей и ея неудачи? Для газетнаго набата о Земскомъ соборѣ, который предъявилъ бы *теперь именно* длинный счетъ министерствамъ иностранныхъ дѣлъ, морскому, военному и др., которыя своею барскою безпечностью навлекли на страну позоръ и разореніе, наша война на Дальнемъ Востокѣ — причина вполнѣ понятная. Тутъ дѣйствительно по адресу бюрократовъ своевременъ окрикъ: встаньте — «соборный судъ идетъ».

Мы васъ кормили, а вы лишаете насъ пищи; мы васъ обогащали, а вы насъ разоряете; мы вамъ воздавали честь, а вы насъ безчестите... «пріидите и стяжимся». Такъ большинство понимаетъ задачи предстоящаго Земскаго собора. А въ чемъ raison d'être «неотложной необходимости» именно теперь возстановленія для церкви канонической свободы, «*искони* ей принадлежавшей и опредѣленной строемъ священныхъ каноновъ, пренебрегаемыхъ и забываемыхъ, но не могущихъ утратить своей исконной для нея *обязательности*»? Ужели японцы — причина

такой ревности о возстановленіи пренебрегаемыхъ, но *обязательныхъ* для церкви священныхъ каноновъ?! Въ противномъ случаѣ, — естественно спросить, а гдѣ вы, отцы, были «раньше» и почему не могли потерпѣть до «послѣ»?

Попавши, видимо, въ фарватеръ современнаго теченія и приподнятой настроенности, отцы, впрочемъ, такъ объясняются:

Знаменія времени ярче и властительнѣе, чѣмъ когда-либо, свидѣтельствуютъ въ переживаемую нами годину, что церкви подлежитъ выступить изъ несвойственнаго и недостойнаго положенія, вслѣдствіе котораго она является или силой, дѣйствующей подъ вліяніемъ извѣстнымъ образомъ понимаемыхъ обязательствъ предъ государствомъ, или же ни теплымъ, ни холоднымъ спутникомъ и созерцателемъ человѣческихъ дѣлъ и *общественной* жизни.

Да ужели же въ самомъ дѣлѣ пастыри духовные, не «судящіе *чужого* раба» и «руководящіе своихъ духовныхъ чадъ къ *спасенію* во Христѣ» (какъ говорятъ они о себѣ въ запискѣ), будутъ съ *церковной* каѳедры громить порядки того или другого *министерства* и политиканствовать въ вопросахъ *общественной* жизни? Что то не послѣдовательно! Нѣтъ, отцы, если вы признаете, что «*только* православная церковь хранительница *подлинной* Христовой истины и благочестія» и въ то же время «во всей полнотѣ духовной радости» привѣтствуете снятіе всякихъ «огражденій господствующей церкви отъ иновѣрія, инославія и старообрядчества» (сектантство, болѣе опасное для церкви, почему то опущено), если вы eo ipso проповѣдуете въ «церковной свободѣ» собственно отдѣленіе церкви отъ государства; то естественно вамъ государство скажетъ: знайте только «свой шестокъ»: спасайте души своихъ чадъ духовныхъ, «повинуясь велѣніямъ Св. Духа»,—читайте имъ назиданія и душеспасительныя сказанія изъ прологовъ, Четь-Миней и т. п., словомъ, пользуйтесь всѣми духовно-пастырскими средствами нашего «патріаршаго» періода, а чужого дѣла, «чужихъ рабовъ» не касайтесь. Да если по правдѣ сказать, то, при полной свободѣ исповѣданій, которая неминуемо перейдетъ въ свободу пропаганды, для васъ, отцы, и своей работы будетъ болѣе, чѣмъ преизбыточно. Займитесь словомъ Божіимъ, изучите расколо-сектантство и познакомьтесь съ церковными канонами, «пренебрегаемыми», но «обязательными» въ церкви, чтобы въ газетныхъ писаніяхъ съ апломбомъ не заявлялось, напр., со стороны пастырей, что теперь «даже не богословски образованному человѣку извѣстно, что книга Притчей *неканоническая*» (свящ. А. Смирягинъ въ газетѣ «Слово») *). Если же съ такими, какъ въ «Словѣ», познаніями, съ такимъ оружіемъ выступите вы, отцы, на поле брани съ инославіемъ и расколо-сектантствомъ, при полной свободѣ исповѣ-

*) Ср. 85 ап. пр., 2 пр 6 Вс соб., 6 пр. Лаодик. собора.

даній, то не придется вамъ радоваться «всей полнотой духовной радости»... ибо едва ли половина теперешней православной паствы устоитъ противъ искушенія нашей слабости. А другая половина, исключительно по винѣ нашей, можетъ уйти изъ церкви, и никакая соборность управленія и никакое патріаршество не удержитъ ее на лонѣ «подлинной Христовой истины»: настолько теперь силенъ врагъ церкви и настолько слабы силы стражей церковнаго стада... Если Японія, втрое слабѣйшая Россіи, гонитъ и бьетъ насъ, потому, что она подготовленнѣе насъ къ войнѣ, то то же случится и при нашей войнѣ съ отступнической пропагандой: тамъ давно идетъ подготовка, а у насъ, и при сознаніи своей правоты и силы, однѣ—«шапки»...

Духовная радость усугубляется отъ сознанія, что чрезъ обѣщаемое освобожденіе совѣсти «чужихъ рабовъ» съ самой православной церкви снимается тяжелое, обезоруживавшее ее въ словѣ и въ дѣлѣ, *нареканіе*, выставлявшее ее виновницей насилій и гнета, которые производились подъ предлогомъ ея защиты, *но не ею измышлены* и по существу противны духу ея. Только по окончательномъ устраненіи всѣхъ поводовъ къ столь долго принижавшему нашу православную церковь нареканію можетъ пріобрѣсти или возстановить она «доброе свидѣтельство отъ внѣшнихъ» (1 Тим. 3, 7) и стать предъ внѣшнимъ міромъ во всей полнотѣ и яркости принадлежащаго ей свѣта.

Еще важнѣе сознанія своей правоты предъ внѣшними должно быть для нея *сознаніе правоты своей внутренней*, свидѣтельство обитающаго въ ней Духа, что внутри себя она живетъ только Его вѣчною правдою, что она свободна отъ мірскихъ началъ, не вѣдаетъ другихъ внушеній и повелѣній, кромѣ внушеній Духа Святаго и повелѣній своего божественнаго назначенія. Только церковь *свободная въ исповѣданіи полноты своего самосознанія*, во внутреннемъ строѣ своемъ, въ служеніи слова своего, въ управленіи всѣхъ дѣлъ своихъ и всего ей ввѣреннаго, только свободно самоуправляющаяся церковь можетъ поддерживать въ совокупности чадъ своихъ полную, сыновне чистую вѣру въ себя и вполнѣ обладать необходимымъ для осуществленія ея высокаго божественнаго призванія голосомъ, отъ котораго горѣли бы сердца человѣческія.

Отъ всего этого отдаетъ доктринерствомъ и не свободнымъ при томъ отъ логическихъ и психологическихъ дефектовъ. То правда, конечно, что «внѣшнія мѣры» стѣсненія инославной и отступнической пропаганды ставили православную церковь въ обидное въ нѣкоторомъ смыслѣ положеніе охраняемой немощи, вызывали на церковь нареканіе и т. п. Но, отцы честные,—да и по вашему вѣдь это—только *нареканіе*, эти мѣры *не церковью измышлены!*... Такъ какимъ же это образомъ онѣ могутъ тяготить сознаніе церковью *своей правоты* предъ внѣшними и правоты своей *внутренней?* Какимъ это образомъ онѣ могли ограничивать ея «свободу въ исповѣданіи полноты своего самосознанія»?! Развѣ церковь во внутреннѣйшемъ сознаніи и при «исповѣданіи полноты своего самосознанія», можетъ имѣть укоръ за дѣло, *не ею измышленное* и не отъ нея зависящее? Развѣ кто отвѣчаетъ за чужое дѣло или терзается за него въ своей совѣсти? Нѣтъ, многократно нѣтъ,—какъ выходитъ и по «запискѣ»,

внѣшнія мѣры въ огражденіе церкви «не церковью измышлены» и, стало быть, ровно никакого отношенія не имѣютъ къ ея сознанію своей внутренней правоты, къ ея «свободѣ въ исповѣданіи полноты своего самосознанія»! «Записка» даетъ здѣсь явный промахъ. А если такъ, то само собою ослабляется и значеніе всего того, что на этихъ ея словахъ основывалось: что только при означенной свободѣ, «церковь можетъ *поддержать* въ совокупности чадъ своихъ полную сыновне *чистую вѣру въ себя* и вполнѣ обладать необходимымъ для осуществленія ея высокаго божественнаго призванія *голосомъ*, отъ котораго *горѣли бы сердца человѣческія*»... Какъ показано, свобода эта для «сознанія церковью своей *внутренней* правоты» была, а дессидентство умножалось, чада церкви расходились изъ-подъ отчаго крова «во страну далече»—по расколо-сектантскимъ дебрямъ, отъ пастырскаго слова не «горѣли», а тухли и холодѣли человѣческія сердца. Что это значитъ? Причина на лицо, а дѣйствія нѣтъ! Да дѣло понятное: дѣйствіе этой причины парализуется другой причиной. А эту другую причину скорбно, но необходимо указать въ отсутствіи духа церковности, въ игнорированіи множества «пренебрегаемыхъ, но обязательныхъ каноновъ», въ теплохладности къ православной вѣрѣ и, наконецъ, въ бездарности—среди самихъ нашихъ пастырей .. Прости, Господи, что, по великому посту, когда такъ часто читается въ церкви трогательная молитва св. Ефрема Сирина: «Господи и Владыко живота моего... даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія и не осуждати брата моего»,—приходится писать эти слова! Вызываемся на это «непщеваніемъ вины о грѣсѣхъ», тоже часто вспоминаемымъ въ великомъ посту и какъ разъ въ этотъ постъ появившимся въ печати.. Въ самомъ дѣлѣ, при свв. Григоріи Богословѣ, Іоаннѣ Златоустѣ и др., «внѣшнія мѣры» тоже принимались во огражденіе церкви отъ еретиковъ, да еще и посильнѣе современныхъ, гражданская власть не менѣе, если не болѣе нашей, современной, принимала участіе въ церковной жизни; а какъ они «глаголомъ жгли сердца людей»?! А паства ихъ по своему религіозно-гражданскому развитію едва ли еще—не наше будущее! А слово Кронштадтскаго «добраго пастыря», о. Іоанна? Развѣ въ другомъ царствѣ оно раздается? Развѣ при иной общественно-государственной обстановкѣ жгуче оно и дѣйственно для сердецъ человѣческихъ?.. Да спросите вы нашихъ отступниковъ, спросите и тѣхъ, у кого вообще не горитъ сердце отъ нашего пастырскаго слова: въ чемъ причина ихъ отступничества отъ церкви или холодности къ ней? Едва-ли вамъ хоть одинъ укажетъ прежде всего на «внѣшнія мѣры» или форму нашего церковнаго управленія. Всегда же, и во-первыхъ, покажутъ перстомъ на служебныя или личныя

немощи нашихъ пастырей... Нѣсколько лѣтъ я проводилъ въ бесѣдахъ съ раскольниками и сектантами. И въ самыхъ рѣдкихъ исключеніяхъ не приходилось обороняться отъ указаній: «посмотри, какіе у васъ пастыри». Тутъ: и игра въ карты, тутъ и нарушеніе поста, и пр. под. И ко всему подведены во множествѣ каноническія правила, подысканы мѣста «изъ писанія» объ удаленіи отъ недостойныхъ пастырей и т. п. Миссіонерскій щитъ отъ такихъ стрѣлъ, правда, крѣпокъ. Противъ раскольниковъ въ данномъ случаѣ считается особенно отразительнымъ мѣсто изъ Благов. Евангелія Ѳеофилакта (отъ Іоанна л. 301), о почитаніи «іереевъ»... яко Бога, аще и недостойны суть: «Божія бо дара суть слуги и благодать дѣйствуетъ ими, якоже и осломъ валаамлимъ глагола». И вотъ въ нѣсколько голосовъ вопятъ, бывало, раскольники о нашихъ пастыряхъ. А ты ихъ все—«осломъ валаамлимъ», «осломъ»!... но тутъ уже наблюдаешь, что это доказательство и изъ старопечатной книги мало, однако, дѣйствуетъ на старообрядческія сердца. Итакъ, прежде всякихъ реформъ и доктринерства, чтобы слово наше было не кимваломъ бряцающимъ, а огнемъ жгучимъ, чтобы имѣли къ намъ довѣріе и наши и «внѣшніе», намъ «самимъ» лично необходимо «исцѣлиться». «И все это приложится» намъ...

Созидающія силы общественной жизни сторонятся отъ церкви, не находя въ ней мужественнаго свидѣтельства о правдѣ общественной жизни, безбоязненнаго исповѣданія истины и предъ высшими, какъ предъ низшими... Отъ этого умножается число чадъ церкви, которыя уже не знаютъ гласа ея, не вѣрятъ ему, когда приходится его слушать, не идутъ къ ней и за ней, и, много-много, если только относятся къ ней съ равнодушнымъ незлобіемъ.

А вѣдь члены отходящаго отъ церкви общества суть утрачиваемыя словесныя овцы словеснаго стада Христова, болѣзнь которыхъ отражается страданіемъ и всѣхъ остальныхъ членовъ тѣла церковнаго (1 Кор. 12, 26) и за которыхъ пастыри церкви должны дать строгій отвѣтъ предъ Пастыремъ добрымъ, душу Свою положившимъ за овцы Свои.

«Стойте въ свободѣ, которую даровалъ намъ Христосъ и не подвергайтесь опять игу рабства» (Галат. 5, 1). Не подчиняться должна церковь условіямъ и требованіямъ общественной и государственной жизни... она должна дѣйствовать всегда какъ свободная благодатная сила, провозглашая лѣто Господне благопріятное.

О «созидающихъ силахъ общественной жизни» особенно не скорбите, отцы! Онѣ не идутъ къ церкви и за церковью и не слушаютъ вашего гласа потому, что «не отъ двора сего», и настояще-церковнымъ гласомъ вы ихъ во дворъ овчій не «приведете». Трудно предполагать, что этимъ силамъ дорога вѣра и церковь православная!.. Что имъ вѣра и церковь?.. Имъ нужно лишь ваше «мужественное свидѣтельство о правдѣ общественной жизни», т. е. ваше слово въ подтвержденіе ихъ политико-общественныхъ теорій, и то лишь для воздѣйствія на темный людъ... Внѣ этого, повѣрьте, не нужна имъ ни ваша православная вѣра, ни ваша церковь, ни вашъ голосъ. Для иллюстраціи. Въ 104 № газеты

«Слово» за т. г. въ статьѣ «изъ бесѣдъ о церковной реформѣ», между прочимъ, сообщается, что одинъ «невѣрующій интеллигентъ», по поводу скоропалительной реформы нашего церковнаго управленія, воскликнулъ: «попы то, попы-то,—какіе молодцы; ей Богу, *если они такъ будутъ дѣйствовать*, то я опять *сдѣлаюсь православнымъ*»... Sapienti sat,—комментаріи лишни... Поскорбите, отцы, лучше о тѣхъ, кто не потерялъ еще вѣры Христовой и уходитъ изъ церкви по другимъ причинамъ, отъ васъ зависящимъ, и за кого вы дѣйствительно дадите строгій отвѣтъ... Къ тому же: вамъ необходимо «мужественное свидѣтельство о правдѣ *общественной* жизни»? Тогда зачѣмъ ваши дальнѣйшія слова о томъ, что церковь не должна подчиняться «никакимъ *требованіямъ общественной* и государственной жизни» и «должна дѣйствовать всегда, какъ свободная благодатная сила, превозглашая *лѣто Господне благопріятное*»? Уже забыто вами, что небесный Провозгласитель «лѣта Господня благопріятнаго» проповѣдывалъ царство не отъ міра *сего* и отказался *раздѣлить имущество* между двумя братьями?.. И намъ думается, что втягивать церковь въ политико-общественные вопросы значитъ рыть для нея могилу, а вѣрующимъ въ нее благословить полный разбродъ. Вдали отъ этого можемъ любить ближнихъ и печаловаться объ обездоленныхъ, какъ умѣли это дѣлать въ старину наши мудрые и мужественные пастыри и архипастыри, и не засѣдая на правахъ членовъ въ гражданскихъ, не касающихся дѣлъ вѣры и нравственности, «совѣтахъ», «комитетахъ», «коммиссіяхъ» и т. п., невѣдомыхъ св. канонамъ, установленіяхъ...

Вопроса о каноническомъ предначертаніи переустройства нашего церковнаго управленія въ данный разъ не будемъ касаться, тѣмъ болѣе, что и «записка» касается его слегка. Она указываетъ на соборность церковнаго управленія, приводитъ, не вездѣ къ дѣлу, нѣсколько каноническихъ правилъ, констатирующихъ будто бы власть епископа совѣтомъ пресвитеровъ, упоминаетъ о патріаршествѣ и настаиваетъ на необходимости всероссійскаго собора православной церкви. Мысли о соборности церковнаго управленія, объ ограниченіи территоріи епархіальныхъ епископовъ однимъ уѣздомъ, о ближайшемъ и болѣе живомъ участіи ихъ въ религіозной жизни прихода, о большей церковности въ церкви, объ оживленіи каноновъ и т. п.—нельзя не порадоваться. Давно пора... Хорошо бы и благопотребно присовокупить къ этому вопросъ о монашествѣ епископата и правѣ бѣлаго духовенства на епископство.

Какъ бы то ни было, «записка», повторяемъ, знаменательная. Церковь переживаетъ историческія минуты. Быть можетъ, скоро болѣе

«оживится» наша церковная жизнь, быть можетъ, меньше будутъ уходить отъ церкви ея недовольныя чада, и слово пастырей будетъ болѣе «жечь сердца человѣческія!».. А быть можетъ, капризная исторія приподнесетъ намъ тутъ повтореніе очень недавняго прошлаго: въ началѣ истекшаго года пламенно вопили: послать Куропаткина на врага, Куропаткина послать!.. а въ началѣ текущаго года съ зубовнымъ скрежетомъ заворчали: отозвать Куропаткина, отозвать—неспособенъ... Да, тревожное время, страшное время переживаемъ мы, и подъ черной и грозной тучей неудачъ на войнѣ, неудачъ великаго историческаго для насъ значенія, мы совершенно изнервничались и растерялись: сегодня мы восклицаемъ «осанна» тому самому, о комъ или о чемъ завтра способны крикнуть: «распни его»...

Статья *В. Скворцова:*

Къ исторіи возникновенія патріаршаго вопроса.

(Со скрижалей сердца).

События и явленія огромной исторической и жизненной важности выплываютъ на поверхность взбаламученнаго моря современной русской жизни съ такою поразительною неожиданностью,—развертываются съ такою головокружительною быстротою, что недоумѣвающая мысль невольно останавливается надъ вопросомъ: что это? не насталъ ли ужъ для нашей изстрадавшейся родины какой-то *страшный судъ*, который все и всѣхъ зоветъ къ строжайшему отвѣту и отчету, который безъ милости и снисхожденія выноситъ свой суровый приговоръ о негодности всего, бывшаго и сущаго, исконнаго и вѣкового, что еще такъ недавно считалось неприкосновенною святынею, незыблемымъ оплотомъ! О, если бы это—было судомъ праведнаго гнѣва Божія, а вмѣстѣ и плодомъ Божія милосердія, направляющаго все къ добру и созиданію,—а не роковымъ изволеніемъ злой, мстительной Немезиды, все разрушающей, но ничего не созидающей!

Вопросы, предметы и лица, за которые мѣсяцъ или два назадъ критическая мысль боялась даже зацѣпиться стороною, нынѣ вдругъ,—какъ deus ex machina,—поднимаются съ глубины самого дна, гдѣ, казалось, обречены были еще долго лежать въ покоѣ и безъ движенія, а они вдругъ по какому то невѣдомому велѣнію не только всплываютъ, но и въ мгновеніе ока, какъ призракъ, выступаютъ во весь ростъ, около нихъ разводится огромная, пѣнистая волна газетной критики, безцеремонно раздѣвающей все и всѣхъ до самой подноготной, съ какимъ-то

сатанинскимъ смѣхомъ злорадствующей надъ тѣмъ, о чемъ надо бы благоговѣйно размышлять, плакать и молиться...

Такая именно исторія произошла на сихъ дняхъ съ церковной реформой, глубоко захватившей своимъ интересомъ всю читающую и мыслящую Россію, церковную и безцерковную, вѣрующую и безбожную, консервативную и либеральную.

Ничего подобнаго два мѣсяца назадъ и не ожидали, и не предполагали—не только мы, простые смертные, но и сами, стоящіе нынѣ во главѣ реформы. Такъ, въ напечатанныхъ въ январьской книжкѣ «Мисс. Обозрѣнія» «Новогоднихъ думахъ» о. Платонова доказывалось, что для поднятія дисциплины церковной необходима сильная власть, въ лицѣ патріарха. Хотя въ цензурномъ отношеніи и не было препятствій къ помѣщенію въ журналѣ этой части статьи, но чувство мѣры и такта побудило насъ справиться по сему вопросу въ іераршихъ сферахъ, и намъ благожелательно посовѣтовали опустить эту часть статьи, дабы въ наше *смутное* время не колебать устоевъ центральной церковной власти. Теперь, послѣ всего того, что наговорено въ печати по адресу нынѣшняго положенія Синода, замѣтка о. Платонова уже не способна, конечно, «колебать основы», а между тѣмъ она чрезвычайно искренно написана и мѣтко опредѣляетъ единственно вѣрную причину, для чего намъ нуженъ патріархъ—это для поднятія и установленія твердой дисциплины въ церкви и духовенствѣ, и при дальнѣйшемъ обсужденіи вопроса о церковной реформѣ мы дадимъ мѣсто этой статьѣ. Будь у насъ въ вѣдомствѣ дисциплина, не появилось бы въ печати іерейскаго набата о реформѣ въ видѣ записки 32 столичныхъ священниковъ, не могло бы быть безшабашныхъ откровенностей съ газетными интервьюерами, такъ извратившими характеръ великаго дѣла, придавши ему соблазнительный тонъ какой-то борьбы, агитаціи, тайнаго заговора и переворота. Какъ неумѣстны и прямо вредны для хода дѣла всѣ эти разоблаченія! Слѣдя за преждевременнымъ восторгомъ либеральныхъ набатчиковъ по поводу мнимой побѣды надъ дѣйствующимъ церковнымъ режимомъ, когда великое историческое дѣло церковной реформы находится еще въ мукахъ рожденія,—такъ и хочется крикнуть: «шапки долой, прочь немытыя руки, прильпни хулиганскій языкъ къ гортани»,— здѣсь совершается не простая реформа во имя конституціоннаго или революціоннаго тріединства, въ судьбахъ церкви никогда и ничего не дѣется безъ великой тайны воли Божіей, промышляющей о единственной хранительницѣ истины и спасительницѣ Руси—церкви Христовой, которой нынѣшнее лихолѣтіе, стремящееся къ ограниченію самодержавія, также угрожаетъ гибельными послѣдствіями!

Дружный хоръ рукоплесканій, со стороны либеральной, радикальной и даже еврейской прессы, реформѣ церковнаго управленія—озадачилъ и расхолодилъ симпатіи къ этому дѣлу даже тѣхъ церковныхъ людей, которые давно мечтаютъ о ней и искренно одушевлены желаніемъ блага и преуспѣянія жизнедѣятельности нашей церкви. Теперь многими ставится вопросъ: почему это прогрессивный и либеральный лагери общества и печати неистово рукоплещутъ упраздненію синодальнаго творенія великаго преобразователя Петра, которое онъ обдумывалъ 20 лѣтъ, прежде чѣмъ рѣшить его, и ратуютъ за возвращеніе къ порядкамъ древне-русскаго патріаршаго періода церковной жизни, а консерваторы, наоборотъ, вдругъ стали въ оппозицію реформѣ, которую раньше сами же намѣчали (разумѣемъ «Моск. Вѣд.»)? Этотъ вопросъ старается освѣтить газета «Заря», давая откровенный и наиболѣе яркій отвѣтъ, въ которомъ, между прочимъ, повторены и всѣ распространенныя въ печати и въ обществѣ недоразумѣнія во взглядѣ на реформу, но въ немъ высказано также и много такого, надъ чѣмъ нельзя не задуматься.

«Цѣль церкви, ея призваніе, можно сказать, діаметрально противоположны стремленіямъ и задачамъ нашихъ либеральныхъ, радикальныхъ, агитаторскихъ газетъ. Значитъ, усиленіе вліянія церкви на общество и народъ имъ отнюдь не можетъ быть желательно, и дѣйствительное благо церкви для нихъ хуже ножа остраго. Хулиганскимъ настроеніемъ противъ церкви чуть не поголовно заражена и наша интеллигенція. Возьмите для примѣра лидеровъ этой интеллигенціи—гг. Розанова и Мережковскаго, ведущихъ открытую борьбу противъ историческаго христіанства вообще и въ частности противъ православія. Они утверждаютъ, что христіанство загубило свѣтлое существованіе арійскихъ народовъ, а православіе сломило самобытность русскаго народа, что догматы церкви—кандалы, убивающіе религіозную мысль и жизнь, что церковь растоптала евангельскія лиліи, т. е. исказила Евангеліе, извратила его духъ и смыслъ. Ссылки въ проповѣдяхъ на отцовъ и учителей церкви они считаютъ вредными для успѣха проповѣди и почти позорными для современнаго проповѣдника.

Неужели такимъ мыслителямъ въ самомъ дѣлѣ желательно дѣйствительное благо церкви, усиленіе ея вліянія на общество и народъ? Слишкомъ уже наивно было бы повѣрить этому. Напротивъ, они безконечно были бы рады, если бы церковь совсѣмъ перестала жить, и голосъ ея умолкъ навсегда».

Газета убѣждена, что этимъ лагеремъ такъ дружно привѣтствуется предполагаемая реформа высшаго церковнаго управленія и отмѣна оберъ-прокуратуры при Св. Синодѣ потому, что съ осуществленіемъ этой реформы антицерковные либералы надѣются имѣть больше вліянія на голову и членовъ церкви. Газета признаетъ такія надежды совсѣмъ не безосновательными.

По мнѣнію газеты, «цѣлямъ враговъ церкви, лицемѣрно желающихъ ей блага, могутъ послужить даже и одни эти аттестаты, которые они начали уже выдавать нашимъ іерархамъ, пока называя только «почтенныхъ», «просвѣщенныхъ», «друзей культуры», словомъ—про-

грессивныхъ Подобными аттестаціями успѣли уже изъ нашихъ іереевъ образовать партію «безцерковныхъ» проповѣдниковъ, которыхъ положительно ничѣмъ не отличишь отъ лютеранскихъ пасторовъ». Вотъ какъ далѣе разсуждаетъ «Заря» по данному вопросу.

А вы представьте, какъ на руку антицерковникамъ, радикаламъ и политическимъ хулиганамъ имѣть вліяніе на высшую церковную власть и на рядовое духовенство. Ради этого они усердно и охотно потрудятся всячески, вплоть до драпировки... въ овечьи шкуры. Тогда имъ облегчатся шаги не только противъ идеи православія, но и противъ идеи самодержавія. Не думаемъ, чтобы кому-нибудь было непонятно это послѣднее, равно какъ и то, что при существованіи оберъ-прокуратуры при Св. Синодѣ этимъ вожделѣніямъ чрезвычайно трудно и даже совсѣмъ невозможно проявиться.

Либераламъ и радикаламъ, повидимому, очень нравится тотъ обходный путь, по которому выдвинулся вопросъ о реформѣ церковнаго управленія. Инымъ можетъ показаться, что, осложняя внутреннія затрудненія государства, нынѣшній составъ Св. Синода, подобно разнымъ корпораціямъ, прямо вымогаетъ у власти то, что ему хочется.

Иниціаторами (?) реформы церковнаго управленія, какъ извѣстно, явились 32 столичныхъ священника, подавшихъ митр. Антонію особую записку по этому дѣлу. Обществу неизвѣстно, кто эти священники. По аттестаціи г. Розанова, всѣ они молодые, и большинство изъ нихъ посѣщало бывшія «религіозно-философскія собранія въ С.-Петербургѣ». Если принять во вниманіе, съ одной стороны, то, что собранія эти митр. Антоній вынужденъ былъ закрыть, а съ другой—что участіе въ нихъ ставитъ въ особую заслугу молодымъ іереямъ г. Розановъ, то что же сказали бы уму и сердцу православныхъ людей имена 32-хъ іереевъ, если бы они открылись? Ровно ничего.

Возбужденное 32-мя іереями дѣло близко принялъ къ сердцу С. Ю. Витте. Насколько С. Ю. Витте преданъ православной церкви и заинтересованъ въ ея процвѣтаніи и силѣ, въ обществѣ мало извѣстно. Широко извѣстны его иного свойства убѣжденія, но насколько онъ религіозенъ и что онъ думаетъ о церкви—намъ неизвѣстно.

Не насталъ ли для нашихъ іерарховъ, присутствующихъ въ Св. Синодѣ, часъ искушенія, подобный тому, который былъ для Христа въ пустынѣ? Не обольщаютъ ли ихъ какія-либо заманчивыя мечты о персональныхъ интересахъ съ отмѣною оберъ-прокуратуры и съ установленіемъ непосредственныхъ отношеній представителя церкви къ Царской Власти?

«Заря», повидимому, раздѣляетъ тѣ—едва ли вѣрныя—предположенія, что при патріархѣ и строго соборномъ церковномъ управленіи, будто бы, легче вліять на церковь либеральному духу времени, чѣмъ при теперешнемъ режимѣ. Но, кажется, уже болѣе либеральнаго настроенія въ рясофорныхъ сферахъ, какъ нынѣ, и не можетъ быть. Лучше всего это заблужденіе опровергается нынѣ самимъ же либеральнымъ лагеремъ, въ которомъ среди недавнихъ охранителей незыблемости каноновъ и защитниковъ церковной реформы вдругъ совершилось какое то прозрѣніе, и тамъ бьютъ отбой. Газета «Слово» картинно изображаетъ это газетное отступленіе отъ патріаршаго вопроса.

«Въ печати необычное волненіе и даже какъ бы суматоха; стройно, какъ на шахматной доскѣ, стоявшія фигуры перепутались между собою, получились самыя неожиданныя сочетанія,—враги сдѣлались друзьями и наоборотъ. Юрицынъ («Сынъ Отечества») несется въ стройномъ галопѣ съ Грингмутомъ («Моск. Вѣд.»), Алексѣй Алексѣевичъ Суворинъ («Русь») готовъ подать руку Мещерскому («Гражданинъ»), и всѣ вчетверомъ составляютъ дружную кадриль, дирижерство которой пытается взять на себя Шараповъ («Русское Дѣло»), не прочь присоединиться къ танцующимъ и кн Ухтомскій («Разсвѣтъ»), и только «Новое Время» стоитъ въ нерѣшительности, созерцая величественное зрѣлище, да неизмѣнныя въ своей

благородной серіезности «Русскія Вѣдомости», отрясая прахъ отъ ногъ, бѣгутъ изъ этого пріятнаго собранія. Но кто же устроилъ этотъ дивный балъ? Церковная реформа,—она покумила враговъ

Церковная реформа захватила наше общество врасплохъ, точно такъ же, какъ японская война наше правительство, и, послѣ непродолжительной схватки, началось безпорядочное отступленіе. Русскаго патріарха испугались больше, чѣмъ японскаго генерала Куроки».

Такимъ образомъ, фарисейская маска либеральныхъ радѣтелей церкви скоро слетѣла, и изъ-подъ пера защитниковъ каноновъ раздался по адресу реформаторовъ громкій и очень опредѣленный окрикъ въ такихъ выраженіяхъ: «при наступающемъ преобразованіи духовнаго вѣдомства; все—для народа, ничего—для сословія, все—для церкви, ничего—для іерархіи... Какъ можно дальше отъ сходства съ Никономъ... подальше и отъ подражанія Филарету московскому» («Нов. Вр.»). Вотъ какой маякъ ставятъ теперь либералы для дѣла преобразованія духовнаго вѣдомства; въ противномъ случаѣ, грозятъ они, вся Русь повернется фронтомъ противъ этого дѣла. Предостереженіе болѣе чѣмъ ясное, но.. совсѣмъ уже неканоническое.

Либеральная газета «Русь» вспомнила даже объ «осленкѣ», котораго въ московской Руси велъ царь подъ уздцы, когда патріархъ возсѣдалъ на осляти въ Вербное воскресеніе, совершая церемонію входа Господня во Іерусалимъ. Для великосвѣтскихъ кумушекъ аргументъ этотъ оказался настоящимъ «жупеломъ» и самымъ убѣдительнымъ возраженіемъ противъ патріаршества, способнаго якобы въ XX в. соревновать съ самодержавіемъ и вести папскую борьбу съ государственностью. Наоборотъ, г. Новиковъ, новый лидеръ прогрессивнаго лагеря (а ранѣе бывшій бакинскій городской голова, а еще ранѣе — попечитель козловскихъ церковныхъ школъ) въ «Сынѣ Отечества» пустилъ самую что ни есть «радикальную утку», доказывая, что архибюрократъ С. Ю. Витте въ союзѣ съ митрополитомъ Антоніемъ, и съ молчаливаго согласія К. П. Побѣдоносцева, рѣшили создать въ лицѣ патріарха могучую консервативную силу, на которую обопрется государство въ борьбѣ съ современнымъ освободительнымъ движеніемъ.

Словомъ, случайно образовавшаяся около чистаго, святаго дѣла церковной реформы муть и грязныя наслоенія быстро всплыли наружу и время, конечно, ихъ очиститъ, удушливая атмосфера освѣжится, начатое спѣшно дѣло, Богъ дастъ, Царскимъ велѣніемъ будетъ доведено до конца — соборно и гласно, но безъ агитаціоннаго шума и опасной торопливости.

Въ настоящихъ нашихъ *Скрижаляхъ* мы воздержимся отъ обсужденія по существу этого огромной важности вопроса о церковной ре-

формѣ, а лишь попытаемся помочь нашимъ читателямъ разобраться въ массѣ циркулирующихъ и сбивающихъ ихъ съ толку, невѣрныхъ и часто нелѣпыхъ, вредныхъ для дѣла, слуховъ о начатой реформѣ,— освѣтивъ исторію дѣла настоящимъ свѣтомъ. Мы уже не разъ заявляли, и теперь оговоримся, что наше изданіе есть *личное* наше дѣло, и мы будемъ говорить лишь по мѣрѣ нашего *собственнаго* разумѣнія и личнаго вдохновенія.

Церковный вопросъ—слишкомъ сложный и деликатный, касающійся самыхъ нѣжныхъ струнъ сердца каждаго сына церкви и народной вѣры. Здѣсь нужно блюсти въ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ благоговѣйство и крайнюю осмотрительность. Исторія церковныхъ расколовъ и схизмъ даетъ на это слишкомъ поучительныя предостереженія.

Прежде всего не правильно, крайне обидно и тяжело для вѣрующаго сердца представлять начало церковной реформы въ видѣ какого-то внезапнаго «переворота», «тайнаго заговора», приспособляемости со стороны духовнаго вѣдомства къ затруднительнымъ обстоятельствамъ нашего времени, когда всѣ стараются чего-нибудь урвать, что-нибудь вынудить у государственной власти. Грубою ошибкою также является предположеніе печати, будто бы «Записка 32» столичныхъ іереевъ играетъ роль иниціативы и чуть не рѣшающаго аргумента въ предпринятой реформѣ. Виноваты, кажется, въ этомъ недоразумѣніи печати восторги и самообольщеніе «молодыхъ іереевъ», серьезно думающихъ и глаголющихъ, что де «и мы пахали».

Записка эта прежде всего явилась post factum, какъ выраженіе «неусыпающей» прогрессивной дѣятельности недавно образовавшагося въ столицѣ, изъ молодыхъ іереевъ, «христіанскаго братства борьбы» (?), дѣйствующаго пока «вольно», т. е. безъ утвержденія устава и программы, однако опубликовавшаго уже о своемъ бытіи и о характерѣ собраній и дѣятельности въ концѣ истекшаго года въ «Православн. Путеводителѣ», а на дняхъ и въ «Биржев. Вѣдом.». Кружокъ почему то стыдливо или вѣрнѣе трусливо умалчиваетъ о составѣ своихъ сочленовъ въ подписяхъ не только «подъ боевой своей запиской», но и въ вышеупомянутыхъ сообщеніяхъ. А разъ такъ, то и намъ нѣтъ надобности, конечно, раскрывать его анонимовъ. Вотъ только о. Петровъ проливаетъ въ «Русск. Словѣ» нѣкоторый свѣтъ на этотъ кружокъ, утверждая, что де ему всѣ извѣстны члены, что они исполнены мужества и готовности «пострадать» (отъ кого и за что?) и сочиняютъ новыя записки и въ томъ же реформаціонномъ духѣ.

«Записка» 32 іереевъ въ исторіи церковной реформы сослужила развѣ только ту службу, что открыла собою газетный походъ противъ

существующей центральной духовной власти, авторитетъ и силу которой въ теченіе двухъ недѣль отчаянныя печатныя атаки расшатали и ослабили въ глазахъ православнаго русскаго духовенства и общества (а въ народъ это просочится позже) настолько, что съ нашей, *миссіонерской*, точки зрѣнія, безъ надлежащаго *каноническаго оснащенія*, нашъ церковный корабль едва ли можетъ оставаться среди волнующагося моря русской жизни въ долготу лѣтъ. Новый газетный богословъ В. В. Розановъ, еще такъ недавно отметавшій не только силу каноновъ, но и догматовъ при полемикѣ по брачному вопросу, вдругъ сдѣлался ревнителемъ каноническихъ нормъ и не задумался смутить читателей своимъ открытіемъ, что якобы всѣ православные русскіе іерархи *неканоничны*, а, принимая хиротонію, входятъ въ сдѣлку съ совѣстію ради шелковыхъ рясъ и проч.

Мы знаемъ, какъ жестоко слова эти рѣзнули по сердцу даже самихъ іерарховъ; что же сказать о невѣдующихъ Св. Писанія и каноники — мірянахъ и народѣ!

А почтенному В. В. какое до того дѣло, что соблазнъ и духовную смуту подобныя диллетантскія его догадки вносятъ въ простыя вѣрующія сердца,—ему лишь бы больнѣе ужалить...

Неканоничность устройства нашего церковнаго управленія доселѣ была самымъ больнымъ мѣстомъ для миссіи въ ея борьбѣ съ расколомъ старообрядчества; апологеты послѣдняго всегда ставили однимъ изъ своихъ возраженій, самыхъ тяжелыхъ для миссіонеровъ, что де наша церковь—безглавая, и что господствующій у насъ цезарепапизмъ служитъ однимъ изъ существенныхъ препонъ къ возсоединенію старообрядцевъ съ православною церковью. Теперь «записка» столичнаго духовенства будетъ служить неопровержимымъ, въ глазахъ старообрядцевъ, аргументомъ противъ православія, и тяжкое положеніе миссіонеровъ-полемистовъ сдѣлается нынѣ еще болѣе затруднительнымъ. Ранѣе мы умѣли «базироваться» въ защитѣ этой нашей ахиллесовой пяты, а нынѣ разрыхлена почва настолько, что миссія безотвѣтною окажется и безсильною. Если это заслуга предъ исторіей, тогда 32 іерея не вотще ликовали по поводу успѣховъ своей записки.

Нельзя считать вопросъ о церковной реформѣ внезапнымъ, явившимся какъ бы ex abrupto. — По нашимъ личнымъ наблюденіямъ, вопросъ этотъ носится въ воздухѣ уже болѣе 10—15 лѣтъ, и только доселѣ не доставало для воплощенія его въ жизнь толчка и благопріятныхъ условій, главнымъ образомъ, въ единствѣ взглядовъ и солидарности дѣйствій самихъ іерарховъ. Мы знаемъ, какъ *патріархиста*, по-

койнаго митрополита кіевскаго Платона, который громко критиковалъ синодальную систему управленія и даже, по его признанію, разъ дерзалъ говорить объ этомъ въ аудіенціи покойному Государю Александру III. Но тогда сильнымъ защитникомъ синодальнаго status quo являлся извѣстный архіеп. Никаноръ херсонскій, который разъ на экзаменѣ въ семинаріи, когда преподаватель пытался критиковать Ѳеофана Прокоповича за его Регламентъ и учрежденіе оберъ-прокуратуры, не обинуясь, замѣтилъ: «если бы не было оберъ-прокуроровъ, то мы бы всѣ (архіереи) другъ съ другомъ перегрызлись».

Митрополитъ московскій, а послѣ кіевскій, Іоанникій—былъ также сторонникомъ патріаршества. Всегда были прежде, не мало найдется и нынѣ среди епархіальныхъ архіереевъ такихъ, которые предпочитаютъ синодальную систему управленія патріаршей, ибо при синодальномъ управленіи у епархіальныхъ владыкъ канонической и личной свободы и *произволенія* несравнимо больше, чѣмъ при патріаршемъ, ни одинъ въ мірѣ δεσπότης (начальникъ) не пользуется такою полнотою власти, широтою иниціативы и безотвѣтственностью личнаго усмотрѣнія, какъ русскіе архіереи, и они слишкомъ мало зависимы отъ духовнаго центра власти и in principio и de facto.

Среди молодого ученаго монашества патріаршій вопросъ давно служитъ предметомъ оживленныхъ толковъ: одно время ходила между ними печатная брошюра, посвященная реформѣ церковнаго управленія. Выступившіе нынѣ съ извѣстными эксцентричными печатными заявленіями по поводу реформы нѣсколько викарныхъ епископовъ — послѣдователи этой «новой школы» молодого монашества. Огромную подготовку почвы въ богословскомъ сознаніи для реформы создали своими учеными и полемическими статьями по исторіи церковнаго управленія и по каноническому праву профессора академій, главнымъ образомъ, казанской и московской, отчасти с.-петербургской, и только одна кіевская въ ученыхъ трудахъ своихъ профессоровъ стоитъ въ сторонѣ отъ этого вопроса.

Успѣхъ патріаршей идеи въ обществѣ сказался, когда она изъ монашескихъ келлій и ученыхъ кабинетовъ богослововъ передалась свѣтскимъ мыслителямъ и писателямъ. Статьи Мережковскаго и рефераты въ «Религіозно-философскихъ собраніяхъ», съ рѣзкою критикою синодальнаго status quo, свободно пропущенные духовной цензурой, развели широкую волну около даннаго вопроса въ читающемъ и, такъ или иначе, интересующемся судьбами церкви, обществѣ. Статьи въ «Моск. Вѣд.» извѣстнаго писателя Льва Ал. Тихомирова — «О реформахъ церковнаго управленія», провели идею реставраціи церковнаго управленія въ придворныя сферы. Покойный великій князь Сергій Александровичъ счи-

тался сторонникомъ возстановленія патріаршества и, разсказываютъ, что онъ одному изъ нашихъ іерарховъ высказывалъ пламенное желаніе дожить до того времени, когда будетъ Русь православная имѣть своего патріарха.

Однимъ изъ профессоровъ академіи канонистовъ, сколько намъ извѣстно, нѣсколько лѣтъ назадъ былъ даже составленъ проектъ церковнаго управленія съ патріархомъ во главѣ: проектъ этотъ, говорятъ, и послужилъ основаніемъ для послѣднихъ сужденій и постановленій Св. Синода.

Если ранѣе, когда жизнь церкви шла по петровскому руслу, безъ особыхъ потрясеній, не было толчка и подобающаго момента двинуть реформу, то нынѣ толчекъ этотъ явился извнѣ и непредвидѣнно для духовнаго вѣдомства, но никакъ не въ войнѣ съ Японіей или въ затрудненіяхъ Государственной Власти, а въ *правительственной вѣроисповѣдной реформѣ, радикально измѣняющей отношенія свѣтской власти и закона къ расколу, сектамъ и иновѣрію.* Намъ представляется, что реформа управленія господствующей церкви явилась, какъ *логическій конецъ и естественное послѣдствіе вѣроисповѣдной* реформы, такъ быстро и рѣшительно проведенной С. Ю. Витте въ Особомъ совѣщаніи комитета министровъ.

По дальнозоркости Государственнаго своего ума, или по чувству религіозной скорби о православной церкви, которая, если судить по благожелательному отношенію бывшаго министра финансовъ къ церковно-приходскимъ школамъ, ему *не чужая*, С. Ю. Витте, хотя можетъ быть и поздно, но понялъ, что созданныя его вѣроисповѣдною реформою правовое положеніе и автономія внутренней жизни религіозныхъ общинъ въ расколѣ и сектахъ во многомъ преимуществуютъ предъ православною церковью, что послѣдняя теряетъ принадлежавшія ей привилегіи и права господствующей, но ничего взамѣнъ не получаетъ, напротивъ— государство фактически *отъединяется* отъ церкви и нарушаетъ съ нею свой вѣковой союзъ въ дѣлѣ *взаимоохраненія:* церковь предоставляется собственнымъ силамъ и средствамъ въ огражденіи своей святой неприкосновенности и въ борьбѣ съ наступающими на нее внутренними врагами,—еретиками и отступниками; отъ союза съ государствомъ остаются для церкви однѣ путы, лишь связывающія ея свободу дѣйствій, и препоны, ограничивающія ея автономію внутренней жизни. При этомъ С. Ю. Витте, при томъ довѣріи, какое питаютъ къ нему всѣ наши диссиденты, долженъ былъ знать, что въ поповщинскомъ расколѣ организовалась независимая отъ государства, свободная, народная церковь, которая рѣшила возглавить себя «митрополитомъ всея Россіи» или

патріархомъ, и расколъ только ждетъ для сего удобнаго момента, который именно теперь, съ вѣроисповѣдною реформою, и наступитъ.

Старообрядческій патріархъ въ народномъ представленіи затмитъ своимъ авторитетомъ нашъ — доселѣ непонятый и чуждый народному сознанію—Св. Синодъ, отождествляемый съ Сенатомъ, что создастъ расколу еще болѣе удобную почву для борьбы съ православіемъ.

Вотъ что единственно только и могло, по нашему мнѣнію, послужить нравственнымъ основаніемъ и оправданіемъ факта реформаторскаго вмѣшательства въ дѣла церкви со стороны всеобъемлющаго предсѣдателя комитета министровъ. Хотѣлось бы думать, что С. Ю. Витте по этимъ покаяннымъ, такъ сказать, побужденіямъ и мотивамъ счелъ долгомъ обратить Высочайшее вниманіе на органическую связь проводимой имъ въ Особомъ совѣщаніи вѣроисповѣдной реформы съ нынѣшнимъ, колеблемымъ этою реформою, положеніемъ господствующей церкви, которая такъ дорога благоговѣйно вѣрующему сердцу Благочестивѣйшаго Монарха, и испросилъ Высочайшее соизволеніе на обсужденіе нуждъ церкви въ своемъ реформаторскомъ совѣщаніи. Иначе было бы въ высшей степени прискорбно и обидно для вѣрующихъ, если бы при общегосударственныхъ преобразованіяхъ, такъ чувствительно задѣвающихъ кровные интересы церкви новою вѣроисповѣдною политикой, забыта была одна церковь. Думать объ иныхъ мотивахъ для церковной реформы просто страшно...

Такъ выходитъ и по сообщенію печати: въ Особомъ совѣщаніи комитета министровъ, по окончаніи разсужденій по вопросамъ о положеніи сектантства и иновѣрія, предсѣдатель совѣщанія С. Ю. Витте обратился къ членамъ его съ краткою рѣчью, въ которой ярко оттѣнилъ ту несомнѣнную мысль, что теперь, когда Высочайшею волей будетъ дана свобода иновѣрію,—православной церкви, стѣсненной тяжелою опекой свѣтской власти, затруднительна борьба съ расколо-сектантствомъ; что, остановившись въ своихъ сужденіяхъ только на вопросахъ, касающихся иновѣрія, и не коснувшись положенія православной церкви, Особое совѣщаніе взяло бы на свою душу тяжелый грѣхъ предъ общею нашею матерью—православною церковію. «Не надо забывать,—говорилъ С. Ю. Витте,—что у нашего народа, у этой 120-милліонной массы, есть только два сокровища, которыми онъ живетъ: одно—эта *земля* и то «небольшое», что онъ отъ нея получаетъ, другое—его живая *вѣра*, которая облегчаетъ тяжесть земной ноши, даетъ ему силу мириться съ горестью жизни. И страшно, какъ бы намъ не лишить народъ этого, самаго дорогого для него, сокровища».

Вслѣдъ затѣмъ С. Ю. Витте пріѣхалъ къ митрополиту Антонію съ

извѣстіемъ о томъ, что получилъ отъ Верховной Власти полномочіе возбудить въ своемъ Особомъ совѣщаніи вопросъ о преобразованіи управленія господствующей церкви, и просилъ владыку изложить по пунктамъ требованія и чаянія церковной іерархіи.

Въ виду этого, подъ руководствомъ высокопреосвященнаго Антонія, канонистами и профессорами церковной исторіи и гомилетики с.-петербургской духовной академіи были выработаны *семь* пунктовъ о желательныхъ преобразованіяхъ въ нѣдрахъ самой православной церкви.

Эти преобразовательныя pia desideria *) ближайшимъ образомъ соприкасаются съ интересами и чаяніями миссіи. Пожеланія высказаны въ сущности *смиренныя*,—и не пошли далѣе того, чтобы господствующая церковь пользовалась автономіей только *равною* съ религіозными расколо-сектантскими общинами, со включеніемъ лишь правъ на участіе священниковъ въ общественно-государственныхъ учрежденіяхъ, и на привлеченіе архіереевъ въ высшія государственныя и законодательныя установленія.

Въ этихъ пунктахъ и помину нѣтъ ни о соборѣ церковномъ, ни о патріаршествѣ.

Вопросъ о патріаршествѣ явился въ Синодѣ и, слѣдовательно, принадлежитъ всей коллегіи отцовъ членовъ. Вопросъ о помѣстномъ соборѣ впервые выдвинутъ въ запискѣ С. Ю. Витте, которая составлена имъ для членовъ Особаго совѣщанія и должна была послужить основой для сужденій государственныхъ людей о нуждахъ церкви, согласно Высочайшей о семъ волѣ.

Записка С. Ю. Витте «о современномъ положеніи православной церкви» ничего новаго и особо-серьезнаго, а тѣмъ паче глубокаго, не представляетъ,—это не болѣе какъ компиляція, и даже не блестящая, изъ журнальныхъ статей «Богословскаго Вѣстника», «Церк. Вѣстника» и «Нов. Пути». Въ запискѣ С. Ю. Витте констатируется неканоническій характеръ реформы Петра и ея неблагопріятное вліяніе на послѣдующую церковную жизнь.

Записка эта появилась уже въ газетахъ, и мы о ней поговоримъ подробнѣе въ другой разъ.

По доведеніи до свѣдѣнія г. оберъ-прокурора, не принимавшаго участія по болѣзни въ засѣданіяхъ Особаго совѣщанія, о предстоящемъ обсужденіи вопроса о нуждахъ церкви, съ точки зрѣнія канонической, естественно, было признано наиболѣе соотвѣтственнымъ перенести въ Св. Синодъ обсужденіе этого чисто церковнаго дѣла, на что и испро-

*) У насъ они напечатаны подъ 30-мъ числомъ мѣсяца марта.

шено было новое Высочайшее изволеніе—на этотъ разъ уже г. оберъ-прокуроромъ.

Св. Синодъ, при участіи товарища г. оберъ-прокурора,—за болѣзнію его высокопревосходительства,—въ нѣсколькихъ частныхъ своихъ собраніяхъ у первоприсутствующаго члена, митрополита Антонія, и въ двухъ засѣданіяхъ въ Св. Синодѣ единогласно постановилъ ходатайствовать предъ Государемъ о возстановленіи ради чести Руси патріаршества, а затѣмъ собрать помѣстный соборъ епархіальныхъ епископовъ въ Москвѣ для избранія патріарха и для соборнаго обсужденія назрѣвшихъ нуждъ церковной жизни. Относительно времени созыва собора, сколько намъ извѣстно, Синодъ высказался съ осторожностью,—*когда настанетъ для сего благопріятное время.*

Отсюда заявленія печати о назначеніи собора въ маѣ или октябрѣ—невѣрны. До времени созванія собора предполагается въ особыхъ коммиссіяхъ разработка подлежащихъ его обсужденію церковныхъ реформъ, касающихся центральнаго епархіальнаго управленія и приходской жизни.

Постановленіе Синода вызвало отклики въ печати всѣхъ лагерей: признавалось, что рѣшеніе о томъ, нуженъ ли патріархъ, долженъ высказать соборъ церковный, а не Синодъ, что соборъ долженъ быть не изъ однихъ только епископовъ, но и изъ бѣлаго духовенства и изъ мірянъ, и прежде избранія патріарха необходимо обсудить церковныя нужды, опредѣлить условія и характеръ дѣятельности главы церкви. При этомъ представилось, что въ теперешнее время, пока не будетъ окончена война, — собору быть неблаговременно. Этого справедливаго мнѣнія нельзя не раздѣлять. Созваніе собора, конечно, несвоевременно теперь, въ годину военной страды, когда долгъ всякаго вѣрнаго слуги отечества и Государя, а тѣмъ паче долгъ духовенства — призываетъ всецѣло отдаться заботѣ и трудамъ на дѣло одолѣнія грознаго внѣшняго врага и спасенія чести Россіи, а также на умиротвореніе крамольной смуты внутри государства.

Не нужно забывать, что созваніе церковнаго собора и дѣло церковной реформы—дѣло великое и слишкомъ громоздкое, затрогивающее самые священные интересы *всей* православной многомилліонной русской семьи, гдѣ каждая ошибка и недоразумѣніе, несоблюденіе каноническихъ и историческихъ традицій грозитъ великими бѣдствіями новаго религіознаго раздора. Нынѣ Русь, вѣдь, не древняя, богобоязненная, безгласная и благопокорливая; прежде чѣмъ собрать соборъ, надо все хорошо взвѣсить и подготовить, иначе можетъ выдти новая смута на религіозной почвѣ, т. е. самая страшная и опасная и для церкви, и для государства. Да, отцы и братія, къ такому священному событію, какъ церковный

соборъ, нужно приготовиться постомъ и молитвою, и запастись безстрастнымъ, нелицепріятнымъ настроеніемъ духа, который бы ничего другого не мыслилъ, кромѣ *одной только пользы церкви*. А теперь вся Россія нервно напряжена, болѣзненно взволнована, приподнята духомъ. Хочется вѣрить, что Господь сохранитъ православную Русь отъ этого новаго искушенія, способнаго внести новыя треволненія и смуту въ той области, гдѣ каждый желалъ бы обрѣсти миръ и покой своей смятенной душѣ.

Никакъ нельзя собору ни собираться въ такое тяжкое, полное политическихъ смутъ и общественныхъ треволненій, время, ни совершать предстоящаго ему великаго дѣла церковной реформы. Нельзя также забывать и того чрезвычайно важнаго обстоятельства, что вѣдь къ собору то церковному, если онъ, паче чаянія, соберется теперь, въ переживаемую несчастную годину, и мирная, и волнующаяся Россія вправѣ предъявить запросъ и требовать отъ св. отцовъ мнѣнія, по пастырскому долгу и совѣсти, и разрѣшенія отъ лица церкви вопросовъ и о войнѣ, и о мирѣ, и о политическихъ общественныхъ дѣлахъ и реформахъ, находящихся, какъ извѣстно, въ мукахъ болѣзненнаго перерожденія. Спрашивается: подготовлены ли наши архипастыри и пастыри къ такому отвѣту? А вѣдь отъ него будетъ зависѣть послѣдующая исторія отношеній къ церкви всѣхъ русскихъ правительственныхъ, общественныхъ, политическихъ и народныхъ классовъ. Церковь можетъ покрыть себя великимъ посрамленіемъ историческимъ. Если посланіе Св. Синода, съ повтореніемъ невольной ошибки латинскаго агентства, вызвало такія нападки извѣстной части русскихъ слоевъ и печати на духовныя сферы, то за приговоръ церковнаго собора правящая церковь будетъ въ сто кратъ болѣе отвѣтственна.

Церковь наша никогда не занималась политикой и политиканствомъ.

Зачѣмъ же съ столь легкимъ сердцемъ подвергать ее нынѣ искушенію, а можетъ быть даже и крушенію! Нѣтъ, это страшная задача. Да минуетъ чаша сія!

Напечатавъ далѣе Высочайшую резолюцію на всеподданнѣйшемъ докладѣ Св. Синода о созваніи собора епархіальныхъ епископовъ, г. Скворцовъ дѣлаетъ такое замѣчаніе:

«Думаемъ, что, прочитавъ Царскій благой и мудрый глаголъ объ устроеніи церкви Божіей, всякій вѣрный сынъ церкви вздохнетъ тѣмъ глубокимъ вздохомъ, который разрѣшаетъ налегшую на сердце тяжесть смятенныхъ думъ и безконечныхъ опасеній. Высочайшая воля вноситъ въ душу двѣ отрады. во-первыхъ, что Его Величество не изволилъ отвергнуть всеподданнѣйшаго ходатайства церковной власти «о созывѣ собора для каноническаго обсужденія предметовъ вѣры и церковнаго

управленія», а во-вторыхъ, что великое и трудное дѣло церковной реформы будетъ совершаться не въ нынѣшнее смутное время, а когда настанетъ благопріятное для сего время, соборъ будетъ не епископскій только, но всероссійскій, и задачи его гораздо шире намѣчены. Слава Богу, благодѣющему церкви Своей! Всѣ истинные радѣтели церкви должны молиться, чтобы Царь вѣковъ и временъ скорѣе послалъ смятенной русской землѣ миръ и спокойствіе, столь нужные и для государства и для церкви. Боже, Царя храни!»

«С.-Петербургскія Вѣдомости» (№ 87-й).

Статья *А. Р.*:

Немножко „церковной“ статистики.

За послѣднее время достаточно выяснилось, какое положеніе намѣреваются занять въ дѣлѣ рѣшенія вопроса церковной реформы представители іерархіи въ Россіи — епархіальные епископы. Желаніе безконтрольно руководить дѣломъ мало скрывается ими. Поэтому всякому интересно, конечно, знать, поскольку епархіальные епископы могутъ считаться дѣйствительно компетентными въ этомъ случаѣ лицами. Насколько хорошо можетъ быть извѣстно имъ состояніе ихъ собственной епархіи? Явятся ли они, такимъ образомъ, истинными выразителями желаній и нуждъ церковныхъ?

Въ поискахъ отвѣта на этотъ «животрепещущій» вопросъ, я обратился къ офиціально-достовѣрному источнику — «Составъ Святѣйшаго Правительствующаго Всероссійскаго Синода и Россійской церковной іерархіи на 1905 годъ», изданному Синодомъ. Точныя статистическія свѣдѣнія, почерпнутыя въ немъ, еще разъ убѣдили меня въ справедливости извѣстнаго изреченія, взятаго Н. С. Лѣсковымъ въ эпиграфъ его «Мелочей архіерейской жизни»: «Нѣтъ ни одного государства, въ которомъ не находились бы превосходные мужи во всякомъ родѣ, но, къ сожалѣнію, каждый человѣкъ собственному своему взору величайшей важности кажется предметомъ». («Народная гордость». Москва, 1788 г.).

Прежде всего, обращаютъ на себя вниманіе поразительно частыя перемѣщенія епархіальныхъ епископовъ съ одной каѳедры на другую. За самый краткій срокъ почти каждый изъ нихъ перемѣнилъ 3, 4, а то и 6 епархій, являясь вездѣ какъ бы случайнымъ гостемъ, а вовсе не спеціально призваннымъ для изученія быта епархіи лицомъ.

Впрочемъ, для большей доказательности этой мысли я позволю себѣ привести буквально нѣкоторыя наиболѣе характерныя данныя.

На стр. 78 — 79 читаемъ: «Арх. ярославскій и ростовскій Іаковъ. 1891 г. 28 апрѣля епископъ балахнинскій. 29 сентября слѣдующаго года епископъ уманскій. Чрезъ 3½ мѣсяца епископъ чигиринскій. 1898 г. января 26 епископъ кишиневскій, а 1904 г. августа 12 арх. ярославскій». Пять перемѣщеній за 14 лѣтъ, и лишь 7 мѣсяцевъ на мѣстѣ теперешняго служенія!.. Епископъ олонецкій и петрозаводскій Анастасій на 6-мъ мѣстѣ съ 1885 г., причемъ годъ былъ «на покоѣ». Епископъ уфимскій и мензелинскій Христофоръ. 1887 г. 25 мая епископъ волоколамскій. Съ 13 декабря 1890 г. по 19 декабря 1892 г. «на покоѣ». Въ 1892 г. епископъ ковенскій. 1897 г. іюня 6 епископъ екатеринбургскій. 1900 г. марта 29 епископъ подольскій и 1903 г. ноября 26 епископъ уфимскій. На послѣднемъ мѣстѣ лишь полтора года, и это послѣ переѣзда изъ Каменецъ-Подольска въ Уфу, послѣ такой рѣзкой перемѣны состава населенія епархій, обычаевъ и нравовъ пасомыхъ!..

На четырехъ мѣстахъ побывалъ епископъ екатеринбургскій Владиміръ и тоже въ разныхъ концахъ Россіи; архангельскій Іоанникій въ 5 епархіяхъ за 17 лѣтъ. Епископъ черниговскій Антоній на 4-мъ мѣстѣ; епископъ гродненскій и брестскій Никаноръ за 14 лѣтъ на 6-мъ мѣстѣ: «1891 г. 7 марта епископъ чебоксарскій; 1893 г. апрѣля 16 епископъ архангельскій; 1896 г. февраля 10 епископъ смоленскій; 1899 г. января 2 епископъ орловскій; 1902 г. марта 28 епископъ екатеринбургскій и 1903 г. 26 ноября епископъ гродненскій». Прямо-таки стремительно изъ епархіи въ епархію!.. На 4-мъ мѣстѣ за 9 лѣтъ епископъ оренбургскій и уральскій Іоакимъ. Антоній, епископъ волынскій и житомірскій, имѣя 42 г. отъ роду, съ 1897 г. сентября 7 на 4-мъ мѣстѣ. Полтора года былъ онъ епископомъ чебоксарскимъ, годъ и 4 мѣсяца епископомъ чистопольскимъ, меньше 2 лѣтъ епископомъ уфимскимъ и съ 1902 г. 27 апрѣля епископъ волынскій...

1898 г. марта 8 назначенъ епископомъ вольскимъ Никонъ; 1899 г. 6 февраля онъ уже епископъ нарвскій; въ 1901 г. декабря 10 перемѣщенъ въ Вятку, а съ 27 ноября 1904 г. назначается епископомъ владимірскимъ, побывавъ за 7 лѣтъ въ 4-хъ епархіяхъ. Менѣе чѣмъ за 7-лѣтній срокъ епископъ орловскій и сѣвскій Кириѳнъ перемѣнилъ 5 епархій!

№ 14 «Церковныхъ Вѣдомостей», вышедшій 2 апрѣля, извѣщаетъ о нѣкоторыхъ новыхъ перемѣнахъ въ замѣщеніи епископскихъ каѳедръ. На 4 каѳедрахъ: херсонской и одесской, казанской и свіяжской, тверской и кашинской, таврической и симферопольской—новые епископы, «текущею весною» лишь вступающіе въ управленіе упомянутыми епархіями.

Вопросъ о продолжительности служенія того или другого епископа на нынѣ занимаемой имъ каѳедрѣ въ данномъ случаѣ имѣетъ особенно

важное значеніе. И вотъ самыя точныя статистическія данныя говорятъ намъ, что изъ числа 64 епархіальныхъ епископовъ (я не упоминаю о китайской и японской «миссіяхъ» и о петербургской, московской и кіевской митрополичьихъ каѳедрахъ), лишь 16 служатъ свыше 5 лѣтъ на одномъ мѣстѣ, 22 епископа отъ 2-хъ до 5 лѣтъ, 13 около одного года и 13 же (экое «счастливое» число!) менѣе одного года...

Читатель пойметъ теперь, насколько основательно высказываемое мною опасеніе за судьбу церковнаго вопроса, ввѣряемаго рѣшенію лицъ, такъ «много» потрудившихся для его изученія. Примите, кромѣ того, во вниманіе, какъ часто и при какихъ обстоятельствахъ практикуется тотъ, едва ли не единственный, способъ ближайшаго ознакомленія епископа со своею епархіею—торжественные епархіальные «объѣзды», — и вы вполнѣ согласитесь съ вышеизложеннымъ мнѣніемъ.

«**Русскія Вѣдомости**» (№ 95-й).

Письмо *Е.* въ редакцію газеты:

По поводу одного недоразумѣнія *).

Слухъ о реформѣ церковнаго управленія горячо обсуждается въ нашей печати. Мнѣнія, высказанныя по этому поводу, раздѣлились, но раздѣлились довольно своеобразно. Между тѣмъ какъ реакціонныя газеты не скрываютъ своего недовольства ожидаемымъ преобразованіемъ и дѣлаютъ усилія затормозить его, нѣкоторые органы прогрессивной печати привѣтствуютъ въ немъ одно изъ проявленій общаго освободительнаго движенія: имъ кажется, что предстоящая перемѣна въ порядкѣ церковнаго управленія означаетъ освобожденіе церкви отъ рабства государству, переходъ ея отъ служенія политическимъ цѣлямъ бюрократіи къ служенію единому истинному Богу, возрожденіе религіозной жизни на началахъ древне-христіанскихъ преданій, возстановленіе правъ религіи на свободное саморазвитіе и самоопредѣленіе.

Можетъ, конечно, казаться, что уже самая группировка этихъ мнѣній до нѣкоторой степени опредѣляетъ характеръ и значеніе разсматриваемаго событія. Арабы говорятъ: «Если хочешь поступить правильно,

---

*) Письмо это, принадлежащее лицу, компетентному въ церковныхъ вопросахъ, было доставлено намъ ранѣе обнародованія Высочайшаго повелѣнія объ отложеніи созыва помѣстнаго собора, а потому можетъ считаться нѣсколько запоздавшимъ. Съ другой стороны, въ немъ высказывается мнѣніе, несогласное съ тѣмъ, которое высказывалось на страницахъ «Русск Вѣд.». Тѣмъ не менѣе мы считаемъ это письмо не лишеннымъ интереса, такъ какъ оно даетъ иное освѣщеніе важному общественному вопросу. *Прим. ред*

спроси женщину и дѣлай обратное тому, что она скажетъ». Эта арабская поговорка у насъ переводится на русскій языкъ такъ: «Если хочешь дать правильную оцѣнку какому-нибудь явленію русской жизни, прочти «*Московскія Вѣдомости*» и думай какъ разъ наоборотъ». Однако боюсь, что въ настоящемъ случаѣ этотъ простой и испытанный методъ не могъ бы привести насъ къ правильнымъ результатамъ. Почему публицисты реакціоннаго лагеря нападаютъ на предстоящую церковную реформу, это—ихъ секретъ, который я не берусь разгадать; но сочувствіе къ ней со стороны прогрессивной печати мнѣ кажется чистымъ недоразумѣніемъ. И сущность этого недоразумѣнія, очевидно, заключается въ томъ, что смѣшиваются двѣ совершенно различныя вещи: желанія передовой части русскаго духовенства и дѣйствительныя намѣренія нашихъ высшихъ церковныхъ властей. Чего желаютъ представители нашей «духовной интеллигенціи» (у насъ есть и такая общественная группа, только, очевидно, немногочисленная и не совсѣмъ однородная), это мы знаемъ изъ статей профессоровъ духовныхъ академій въ ихъ журналахъ и изъ записки «о необходимости перемѣнъ въ русскомъ церковномъ управленіи», поданной петербургскимъ духовенствомъ митрополиту Антонію. Они выдвигаютъ на сцену церковную программу старыхъ славянофиловъ и добиваются im Grossen und Ganzen трехъ вещей: 1) уничтоженія оберъ-прокуратуры; 2) возстановленія патріаршества и 3) введенія соборнаго управленія церковью *при участіи мірянъ*. Вполнѣ ли удовлетворительна эта программа, способна ли она разрѣшить не только церковный, но и религіозный вопросъ, осуществима ли она въ полномъ видѣ ранѣе кореннаго измѣненія нашего государственнаго строя, обо всемъ этомъ, конечно, можно спорить. Но каковы бы ни были ея недочеты и недомолвки, она во всякомъ случаѣ заслуживаетъ искренняго сочувствія. Если бы церковныя дѣла перешли изъ вѣдѣнія государства подъ серьезный контроль просвѣщенныхъ общественныхъ силъ, а власть патріарха на практикѣ не оказалась въ противорѣчіи съ правами и интересами остального «общества вѣрующихъ», церковь дѣйствительно могла бы быть избавлена отъ той позорной политической «миссіи», которую ей навязали, и передъ нею открылся бы путь новой, болѣе свободной, внутренней жизни и внутренняго развитія.

Но эта программа лучшихъ представителей духовенства совпадаетъ ли съ тою «реформой», которую собирается выполнить наша высшая церковная іерархія? Отвѣчать на этотъ вопросъ утвердительно значило бы предаваться совершенно неосновательнымъ иллюзіямъ. Правда, мы знаемъ, что записка петербургскаго духовенства была принята весьма

благосклонно, что официальная мотивировка реформы чуть не цѣликомъ заимствована изъ статей профессоровъ духовныхъ академій, что указанная ими необходимость возстановить *каноническій* порядокъ церковнаго управленія вполнѣ признана Св. Синодомъ; но отсюда еще нисколько не слѣдуетъ, чтобы дѣйствительныя предначертанія духовнаго начальства обязаны были согласоваться съ планами, придуманными «ограниченнымъ разумомъ» его подчиненныхъ. Судя по тѣмъ свѣдѣніямъ, какія проникли въ печать, наша духовная бюрократія расположена, и притомъ очень расположена и давно расположена, осуществить только два первыхъ пункта названной программы: уничтоженіе оберъ-прокуратуры и возстановленіе патріаршества. Что же касается третьяго ея пункта, самаго важнаго и основного, то онъ, повидимому, вовсе не входитъ въ официальный проектъ. Вопросъ о соборности церковнаго управленія, конечно, не обходится молчаніемъ: это было бы невозможно, разъ идетъ рѣчь о каноническомъ устройствѣ церкви и не считается «благовременнымъ» формально упразднить девятый членъ символа вѣры; но онъ ставится въ такой своеобразной формѣ, что вскрываются совсѣмъ иныя карты.

Въ самомъ дѣлѣ, что̀ извѣстно намъ хотя бы о томъ «всероссійскомъ помѣстномъ соборѣ», который долженъ избрать будущаго россійскаго патріарха? По слухамъ, идущимъ, очевидно, изъ официальныхъ духовныхъ сферъ, онъ будетъ состоять изъ однихъ епархіальныхъ архіереевъ. Объ участіи въ немъ мірянъ съ правомъ свободнаго рѣшающаго или хотя бы совѣщательнаго голоса нѣтъ рѣчи. Даже, какъ это ни кажется страннымъ, участіе представителей бѣлаго духовенства первоначально совсѣмъ не предполагалось, и только въ послѣднее время возникъ слухъ, что они, можетъ быть, будутъ удостоены этой чести, — конечно, по «свободному выбору» начальства. Такимъ образомъ, это будетъ простой архіерейскій съѣздъ, въ родѣ, напримѣръ, того съѣзда южно-русскихъ іерарховъ, который въ началѣ 90-хъ годовъ декретировалъ извѣстныя мѣры противъ штундистовъ. Да и въ такомъ видѣ этотъ своеобразный «соборъ» можетъ оказаться пустою формальностью, если правда, что будущій всероссійскій патріархъ уже кѣмъ то предъизбранъ. То же самое приходится сказать и о «синодѣ», который долженъ существовать при патріархѣ: его хотятъ сдѣлать простымъ совѣщательнымъ учрежденіемъ, и нѣтъ никакихъ серьезныхъ основаній думать, что въ его составъ могутъ войти, по примѣру константинопольскаго синода, другіе члены русской православной церкви, кромѣ тѣхъ, которые въ немъ теперь засѣдаютъ.

Такимъ образомъ, ожидаемая реформа церковнаго управленія по существу не имѣетъ ничего общаго съ современнымъ освободительнымъ

движеніемъ. Вытекаетъ ли она изъ какихъ-нибудь принципіальныхъ побужденій, или вдохновляется исключительно личными мотивами, она во всякомъ случаѣ направлена не къ тому, чтобы замѣнить государственную опеку надъ дѣлами русской церкви общественнымъ контролемъ и закономѣрно ограничить церковную власть, а, наоборотъ, къ тому, чтобы сдѣлать эту власть неограниченной и избавить ее отъ всякаго контроля. Какую цѣнность можетъ имѣть такая «реформа», объ этомъ едва ли есть надобность распространяться: слишкомъ очевидно, что она не только не обновитъ нашу церковную жизнь, но даже не внесетъ въ нее никакихъ улучшеній. Конечно, церковь, управляемая самодержавнымъ патріархомъ, не будетъ болѣе воплощаться въ печальной фигурѣ «добраго человѣка изъ офицеровъ», но отсюда еще вовсе не слѣдуетъ, что функціи этого «добраго человѣка» совсѣмъ упразднятся: онѣ только перейдутъ вмѣстѣ съ другими прерогативами къ новому церковному главѣ. Выйдя изъ непосредственнаго подчиненія государственной власти, церковь перестанетъ быть невольнымъ орудіемъ реакціонной политики; но при отсутствіи общественнаго вліянія на церковныя дѣла едва ли что-нибудь помѣшаетъ ей превратиться изъ рабыни государства въ его добрую союзницу и воспріять на себя ту же самую политическую задачу добровольно. Она будетъ свободна въ своихъ внѣшнихъ отношеніяхъ, но нужно быть слишкомъ наивнымъ, чтобы вообразить, будто вслѣдствіе этого свобода расцвѣтетъ и въ ея внутренней жизни.

---

9 апрѣля.

«**Новое Время**» (№ 10.451-й).

Статья *Я. Кирѣевскаго:*

Забытый фундаментъ церковной реформы.

Церковной реформѣ данъ срокъ вызрѣть безъ торопливости; но реформа все-таки предрѣшена и съ тою же основною задачею, которая намѣчена при самомъ возникновеніи рѣчи объ ней, т. е. для возстановленія нормальной жизни въ нашей церкви, выбитой Петромъ Великимъ изъ колеи и поставленной подъ тяжкую опеку свѣтской бюрократіи.

Дай Богъ, чтобы такъ внезапно выдвинутая реформа церковнаго управленія возродила поблекшую, придавленную жизнь въ нашей цер-

кви. Но столь великое и важное дѣло надо хорошенько обдумать и дѣлать его не горячась. Вѣдь, изъ всѣхъ нашихъ реформъ, намѣченныхъ историческимъ развитіемъ страны и обстоятельствами времени, реформа церковная всего глубже и непосредственнѣе затрогиваетъ жизнь народныхъ массъ, тѣхъ десятковъ милліоновъ православнаго населенія Россіи, которыхъ высшіе, самые жизненные, интересы неразрывно связаны съ церковью. Обдумать надо не только схему управленія—это вовсе не самая трудная и не самая важная часть реформы; обдумать надо въ особенности, какъ вдохнуть новую жизнь въ нашу церковь, возстановить ея силы, ослабленныя долгимъ вынужденнымъ бездѣйствіемъ, возвратить ей все то значеніе, которое должно ей принадлежать въ религіозно-нравственной жизни русскаго народа. Но именно эта задача церковной реформы и не нашла себѣ еще яснаго выраженія. Замѣна оберъ-прокурора патріархомъ, а канцелярій, подначальныхъ оберъ-прокурору, собраніями епископовъ, при которыхъ роль канцелярій замѣняютъ единолично секретари-келейники, нерѣдко съ успѣхомъ оспаривающіе у консисторій пальму первенства по части угашенія духа жива въ подначальномъ приходскомъ духовенствѣ,—такая замѣна для всего, забитаго нынѣ, пришибленнаго клира сама по себѣ ровно еще ничего не обѣщаетъ; вѣдь, этотъ клиръ очень мало имѣетъ дѣла съ синодальнымъ оберъ-прокуроромъ и его канцеляріей; онъ въ полномъ подчиненіи своимъ архіереямъ, которые въ начальственныхъ отношеніяхъ къ нему не связаны никакими правилами, а руководятся только собственнымъ благоусмотрѣніемъ. Правда, архіереи являются большею частью лишь исполнителями требованій оберъ прокурора и его канцеляріи; даже слишкомъ рабски исполняютъ эти требованія; монашескій санъ, отреченіе отъ міра и всѣхъ его прелестей нисколько не воспитываетъ въ нихъ той свободы духа, которая давала бы имъ мужество стоять на-стражѣ добра и правды и истинныхъ церковно-религіозныхъ нуждъ противъ чрезмѣрныхъ притязаній свѣтской власти. Но справедливо ли обвинять въ томъ одну свѣтскую власть? И если у архіереевъ нѣтъ мужества предъ свѣтской властью, то откуда же у нихъ возьмется мужество передъ патріархомъ, вооруженнымъ если не большими полномочіями, то большимъ авторитетомъ, чѣмъ оберъ-прокуроръ Св. Синода? Притязанія и произволъ этого свѣтскаго владыки церковнаго управленія все-таки могли бы нѣсколько сдерживаться Синодомъ, который по закону вовсе не подчиненъ ему. А что́ же будетъ сдерживать произволъ и чрезмѣрныя притязанія патріарха, который будетъ и de jure главою всего церковнаго управленія? Синодъ при немъ будетъ еще въ большей мѣрѣ простой декораціей, чѣмъ теперь.

Для общества, для того собранія вѣрующихъ, которое и образуетъ церковь, не столько важно то, кто распоряжается церковною жизнью и направляетъ ее, а всего болѣе важно то, какъ распоряжаются этою жизнью и куда ее направляютъ. У нашихъ такъ-называемыхъ старообрядцевъ церковная іерархія совсѣмъ не имѣетъ за собой внѣшняго авторитета, въ видѣ высокихъ сановниковъ свѣтскихъ или духовныхъ, а жизнь церковныхъ общинъ у нихъ идетъ такъ хорошо, что мы съ своими высокопоставленными церковными властями можемъ только завидовать въ этомъ отношеніи старообрядцамъ. Въ чемъ же дѣло? Да только въ томъ, что у нихъ церковь есть дѣйствительно общество вѣрующихъ, объединенное религіозно-нравственными интересами, а не одно только внѣшнее установленіе, властно управляемое и направляемое церковными сановниками. У нихъ — сомнительной крѣпости крыша на зданіи церкви, но зато сохранился превосходной крѣпости фундаментъ старорусской церковной жизни, въ видѣ самоуправляющагося прихода, выбирающаго своихъ пастырей и завѣдующаго всѣми дѣлами своей церковной жизни, конечно, подъ общимъ руководствомъ и съ благословенія своей высшей церковной іерархіи, которая тоже не чужая мірянамъ, а выбирается изъ ихъ среды и при ихъ участіи.

Почему же наши церковные реформаторы такъ горячо набросились на составленіе проекта крыши для церковной жизни, а о фундаментѣ какъ будто и думать не желаютъ? Это тѣмъ болѣе характерно, что въ запискѣ, которая послужила такъ сказать толчкомъ для церковной реформы, вопросу о фундаментѣ, т. е. объ оживленіи церковно-приходской жизни, отведено подобающее, весьма видное, мѣсто. «Для оживленія приходской жизни, читаемъ здѣсь, церковной общинѣ необходимо вернуть отнятое у нея право на участіе въ церковномъ хозяйствѣ и право выбора или по крайней мѣрѣ участія въ выборѣ членовъ причта... Необходимымъ условіемъ нормальнаго хода внутренней жизни церкви является полное единеніе между собою вѣрующихъ. Такого единенія въ настоящій моментъ лишена наша православная церковь, почему такъ обильно и разрастаются на ея почвѣ разныя секты и плодится религіозный индиферентизмъ» и т. д. Всякій, кто ставитъ на первомъ планѣ сущность дѣла, а не форму одну, согласится, что замѣна въ церковной администраціи всевластнаго и далекаго отъ церковной жизни вицъ-мундира такимъ же всевластнымъ и — скажемъ это съ увѣренностью — еще болѣе далекимъ отъ церковной жизни клобукомъ сама по себѣ еще ничего не предрѣшаетъ для церковно-приходской жизни, тѣмъ болѣе, что по части властолюбія, честолюбія и деспотизма монашескій клобукъ,

какъ извѣстно, нисколько не уступитъ вицъ-мундиру и даже переще-голяетъ его...

Будемъ надѣяться, что церковная реформа, «по достаточномъ соображеніи» ея, станетъ на правильный путь.

«Разсвѣтъ» (№ 39-й).

Статья *Рославлева:*

Мысли.

Мы переживаемъ странное время, когда не только сущность подымаемыхъ вопросовъ волнуетъ общество, но и оболочка ихъ,—и даже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, болѣе второе, чѣмъ первое. Къ такимъ вопросамъ примкнулъ и вопросъ о церковной реформѣ, блеснувшій яркимъ, но, увы! кратковременнымъ метеоромъ на горизонтѣ нашего обновленія. Внезапно возникнувъ, онъ еще внезапнѣе и исчезъ... Но внезапность эта, въ томъ и другомъ случаѣ, только кажущаяся. Вопросъ о реформѣ церкви такъ же назрѣлъ, какъ и всѣ остальные. И снятъ онъ съ очереди по причинамъ, исключающимъ всякую внезапность. И то и другое,—и вспышка, и угашеніе (хотя и временное) вовсе не стоитъ въ связи съ сущностью вопроса и вовсе не является продуктомъ сцѣпленія случайностей. Здѣсь мы сталкиваемся со своеобразнымъ явленіемъ русской жизни—необходимостью считаться съ оболочкой всякаго жизненнаго вопроса—прежде чѣмъ доходить до сути его. Объ этой оболочкѣ, объ этой атмосферѣ, окутавшей церковную реформу, мнѣ и хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ, вовсе не касаясь сути вопроса.

Опубликованная Высочайшая резолюція на представленіи Св. Синода о церковной реформѣ не могла не успокоить возбужденное общественное настроеніе. Но рядомъ съ этимъ явилось и недоумѣніе: отчего не было опубликовано и самое представленіе Св. Синода? Недоумѣніе это тѣмъ глубже, что до сихъ поръ опубликованіе Царскихъ резолюцій обыкновенно сопровождалось опубликованіемъ и документовъ, вызывавшихъ таковыя. Сдѣланное на этотъ разъ исключеніе по вопросу столь жгучему наводитъ на мысль, что оболочка, въ которой вопросъ этотъ предсталъ на рѣшеніе компетентныхъ сферъ, нѣсколько колючая. Во всякомъ случаѣ, не самая суть вопроса, свободно трактовавшагося въ печати, а только оболочка его (мотивы, способъ изложенія, тонъ) могли воспрепятствовать опубликованію одного изъ цѣннѣйшихъ документовъ нашей эпохи—петиціи отцовъ церкви о церковной реформѣ. Кому же могла принести вредъ огласка фактическихъ данныхъ, вызвавшихъ все-

подданнѣйшее представленіе отцовъ церкви? Публикѣ, народу? Сомнительно. Конклавъ высшихъ іерарховъ русской церкви врядъ ли позволилъ бы себѣ въ обращеніи къ Государю опираться на факты, смущающіе православную совѣсть, пользоваться тономъ, неприличествуемымъ столь важному акту, и подкрѣплять свое ходатайство мотивами, противорѣчащими государственной и церковной этикѣ. Такое предположеніе, неумѣстное по существу, опровергается уже фактомъ, проникшимъ въ печать, что товарищъ оберъ-прокурора Св. Синода, тайный совѣтникъ Саблеръ, присутствовавшій на засѣданіи Синода, когда читалось уже редактированное представленіе, выразилъ свое единомысліе съ нимъ и даже, какъ говорятъ, «умилился»... Это умиленіе представителя вѣдомства православнаго вѣроисповѣданія окрылило надежды какъ отцовъ церкви, рѣшившихся на столь важный шагъ безъ предварительной санкціи вѣдомства, такъ и сочувствующей реформѣ части публики.

Нѣкоторыя газеты во главѣ съ «Нов. Временемъ» уже праздновали побѣду, уже привѣтствовали патріаршество. Была опубликована даже записка по этому вопросу предсѣдателя комитета министровъ, были пропѣты кое-кому дифирамбы. И вдругъ все оборвалось, исчезло... Суть вопроса куда то провалилась, а общественное вниманіе было отвлечено оболочкой его—грознымъ окрикомъ охранительной печати и походомъ бѣлаго духовенства противъ чернаго. Кому же нужна была такая перемѣна?

Если вѣрить газетамъ, то церковный вопросъ возникъ при слѣдующей обстановкѣ. При обсужденіи въ комитетѣ министровъ вопроса о вѣротерпимости, с.-петербургскимъ митрополитомъ и другими членами было замѣчено, что нѣкоторыми изъ льготъ, предположенныхъ для сектантовъ и инославныхъ вѣроисповѣданій, не пользуются православные. Отсюда выяснилась необходимость заняться вопросомъ о православной церкви. Митрополитъ отнесся къ нему весьма сочувственно, самъ составилъ главныя положенія и далъ освѣщающій матеріалъ. На основаніи его была составлена особая записка, не выводившая вопроса о церкви изъ рамокъ государственности. Запискѣ этой данъ былъ ходъ; но, какъ говорятъ, оберъ-прокуроръ Св. Синода воспротивился обсужденію ея въ комитетѣ министровъ, и дѣло было передано въ канцелярію Св. Синода. За этимъ первымъ актомъ драмы церковнаго вопроса занавѣсъ падаетъ. Что происходило въ нѣдрахъ вѣдомства православнаго исповѣданія, никому неизвѣстно. Занавѣсъ подымается опять надъ работой конклава отцовъ церкви. Вопросъ, изъятый изъ комитета министровъ, былъ переданъ по распоряженію оберъ-прокурора на разрѣшеніе Св. Синода. Въ этой стадіи онъ уже возбудилъ вниманіе общества и печати. Началась рѣзкая критика «Моск. Вѣд.» и другихъ газетъ,

упрекавшихъ главнымъ образомъ церковныхъ реформаторовъ въ томъ, что они начали свое дѣло съ крыши, а не съ фундамента. Тѣмъ не менѣе, слухъ о рѣшеніи Св. Синода проникъ въ публику и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали дальнѣйшей судьбы его. И... опять занавѣсъ! Въ третій разъ занавѣсъ поднялся надъ этимъ вопросомъ на нѣсколько минутъ, чтобы дать прочесть публикѣ Высочайшую резолюцію. И вопросъ отложенъ до лучшихъ временъ.

Тѣмъ лучше! Но... почему не опубликовано представленіе Св. Синода? Кому оно мѣшало, чьи разсчеты путало? Церковная реформа, будучи изъятой изъ комитета министровъ, попала въ вѣдѣніе оберъ-прокурора Св. Синода. Вся Россія и вся Европа до сихъ поръ считала К. П. Побѣдоносцева въ полномъ единомыслiи съ голосомъ русской церкви — поскольку за таковой можно считать мнѣніе іерарховъ, возводимыхъ въ этотъ санъ по представленію оберъ-прокурора.

И вотъ, группа этихъ іерарховъ, въ присутствіи представителя вѣдомства, постановила что то столь непріятное вѣдомству, что оно не рѣшилось опубликовать сего. Но дипломатическій поступокъ вѣдомства православія не умаляетъ всеобщаго недоумѣнія: какъ могъ произойти расколъ между К. П. Побѣдоносцевымъ и Синодомъ? А если онъ произошелъ, то почему не измѣнятъ состава Синода или высшихъ представителей вѣдомства? Ибо антагонизмъ между церковными чиновниками и церковными іерархами грозитъ Россіи послѣдствіями весьма печальными. Примѣромъ тому служитъ газетная полемика «Моск. Вѣд.» съ нижегородскимъ владыкой Исидоромъ, перешедшая за предѣлы всего до сихъ поръ у насъ слыханнаго. Такова оболочка вопроса о церкви!

«Московскія Вѣдомости» (№ 98-й).

Статья *А. Басаргина*:

Конституція и церковь.

I.

Нѣтъ, наши стремительно-поспѣшные реформаторы рѣшительно не хотятъ, а въ большинствѣ, по своей политической безграмотности, даже и не могутъ разсматривать вопросъ о реформахъ въ исторической перспективѣ: уроки исторіи для нихъ какъ бы не существуютъ.

Въ прошлый разъ я говорилъ о шаблонахъ и трафаретахъ *политической* реформы, повторяющихся какъ избитые перепѣвы, въ достаточно-таки уже исчерпанной исторически «революціонной темѣ».

Я сказалъ, что въ реформаціонныхъ замыслахъ, которыми насы-

щена теперь наша политическая атмосфера, совсѣмъ не замѣчается сознательно поставленнаго *общаго плана* начинаній, который бы связывалъ наше настоящее съ нашимъ прошедшимъ и, въ виду поучительныхъ уроковъ исторіи, предусмотрительно оберегалъ бы наше будущее отъ дорого оплачиваемыхъ увлеченій.

Теперь мнѣ хотѣлось бы сказать хоть нѣсколько словъ, по поводу нашихъ *церковно-религіозныхъ* реформаціонныхъ начинаній и замысловъ, столь смущающихъ—прежде всего именно своею лихорадочною торопливостью—за послѣднее время.

Всего пронзительнѣе и рѣзче—и здѣсь раздаются требованія всевозможныхъ «свободъ». И всѣ эти требованія аккомпанируются однимъ припѣвомъ.

— Дайте,—говорятъ,—свободу, во всемъ и всяческую, и посмотрите, какъ все у насъ въ церковно-религіозной жизни расцвѣтетъ: пусть враги будутъ тогда открыто и страстно ругать даже святое и завѣтное, но зато и друзья будутъ тогда столь же страстно парировать эту брань...

— Дайте,—продолжаютъ,—автономію и свободу прежде всего духовнымъ школамъ, потомъ—печати, потомъ—«приходскимъ единицамъ», которыя должны-де сами себѣ выбирать священниковъ, потомъ—и епархіямъ, которыя тоже, сами и «автономно», должны выбирать себѣ епископовъ... Дайте, вообще, во всѣхъ этихъ и иныхъ соприкосновенныхъ отношеніяхъ просторъ, и—борьба создастъ, молъ, лучшія условія и формы церковной жизни...

Увы!—*не создастъ* лучшаго, а скорѣе погубитъ и тѣ остатки хорошаго, которые, благодареніе Богу, еще уцѣлѣли въ нашей церковной жизни.

Борьба, говорятъ, выведетъ одушевленныхъ борцовъ, которые соединенными усиліями выработаютъ для нашей церковной жизни новыя и лучшія формы... Но, пока взойдетъ солнце, роса лже-либерализма, проникающаго теперь повсюду, не исключая и церковно-богословскихъ сферъ, успѣетъ тысячамъ, даже милліонамъ православныхъ очи выѣсть.

Да не будьте же, наконецъ, слѣпы, и посмотрите, что выходило изъ либеральныхъ начинаній въ тѣхъ странахъ, которыя ихъ уже пережили!

Говорю не о Комбовской вакханаліи во Франціи.

О, нѣтъ! Еслибъ я указалъ *только* на это, мнѣ справедливо могли бы возразить, что это, молъ, «совсѣмъ другое дѣло»: «то де папство, которое всегда разжигаетъ страсти и возбуждаетъ противъ себя раздраженіе».

Пусть и такъ. Но вотъ предъ вами *православныя* конституціонныя страны, обладающія всѣми «свободами». Ну, и что же мы здѣсь видимъ? Благоденствуютъ ли въ нихъ чада православной церкви, при свободахъ, всѣхъ и всяческихъ, къ которымъ тянутся и у насъ теперь узурпаторско-прокаженныя руки властолюбцевъ, желающихъ въ трудную годину урвать у правительства клочки прерогативъ и власти?..

Увы!—не благоденствіе церкви, не расцвѣтъ церковной жизни мы видимъ тамъ при такихъ условіяхъ, а нѣчто радикально-противоположное: полное разстройство церковной жизни и—крайнюю безпомощность представителей церкви, призванныхъ направлять великій корабль душепопеченія.

Иллюстрирую сказанное историческою справкой, которую беру изъ вполнѣ компетентнаго источника—изъ недавно-появившагося ученаго, увѣнчаннаго степенью доктора церковной исторіи, труда епископа Арсенія, бывшаго ректора московской духовной академіи: *Изслѣдованія и монографіи по исторіи Молдавской церкви* (С.-Петербургъ, 1904 года, стр. 583).

Изъ многаго, въ высокой степени поучительнаго въ книгѣ, поучительнаго именно для насъ и въ переживаемое нами безобразное время, когда власти опустили руки, а литературные хулиганы гордо подняли свои головы и возвысили свои требовательные голоса,—изъ многаго поучительнаго возьму лишь немногое, но и въ малости своей весьма смущающее, въ корнѣ разрушающее оптимистическія мечты и надежды, связываемыя теперь у насъ съ ожиданіемъ «свободъ».

II.

Въ 1866 году православная Румынія получила какъ разъ именно то, къ чему такъ жадно и у насъ теперь тянутся руки наиболѣе откровенныхъ провокаторовъ политическихъ реформъ,—получила конституцію.

21-я статья конституціи гласитъ:

«...*Свобода совѣсти абсолютная, свобода всѣхъ культовъ гарантирована, лишь бы только исповѣданіе ихъ не нарушало общественнаго порядка и не портило добрыхъ нравовъ. Православная восточная религія, господствующая въ Румынскомъ государствѣ*...»

Этою статьей,—комментируетъ преосвященный авторъ книги,—государство обязывается оказывать особое предъ другими исповѣданіями покровительство православной религіи, какъ религіи предковъ румынъ и всего румынскаго народа въ настоящее время. Да и помимо этого, посягательство на свободу исповѣдниковъ православной церкви въ Румыніи,

хотя и конституціонной, предполагается недозволительнымъ, уже въ силу общихъ началъ конституціи, такъ какъ 24-ю статьею конституціи свобода слова, письма и печати признается лишь подъ условіемъ отвѣтственности за злоупотребленіе этою свободой въ случаяхъ, опредѣленныхъ кодексомъ о наказаніяхъ.

Но что же мы видимъ? Пользуется ли въ Румыніи фактически «господствующая» церковь «свободой» отъ грубыхъ посягательствъ на ея честь и достоинство?

Вотъ что, по этому поводу, пишетъ, между прочимъ, румынскій синодальный органъ:

«Область вліянія церкви религіозно-нравственная... Надъ хулителями всего священнаго церковь нынѣ не имѣетъ никакой власти. Все, что она можетъ сдѣлать, это—исключить ихъ изъ числа своихъ членовъ. Это право основывается на словахъ Спасителя: «аще и церковь преслушаетъ, буди тебѣ яко язычникъ и мытарь». Но каковъ практическій результатъ такого отлученія?... Это даетъ поводъ отлученному еще разъ поглумиться надъ представителями церкви и ея ученіемъ. Тутъ церковь должна быть защищаема гражданскою властью, которой принадлежитъ право наблюденія за исполненіемъ законовъ. Къ великому прискорбію, — продолжаетъ офиціальный органъ, — *наша національная церковь, вмѣсто того, чтобы, какъ подобаетъ по существу и по законамъ, найти себѣ поддержку и защиту со стороны правительственной власти, всегда испытывала тяжелую руку ея и стѣсненіе своихъ древнихъ правъ*. Такъ, религіозное обученіе до самаго послѣдняго времени ввѣрялось правительствомъ такимъ лицамъ, которыя могли знать все, кромѣ религіи; назначеніе церковнаго персонала зависитъ не прямо отъ епископа, отвѣтственнаго за достоинства клира, а отъ предварительнаго согласія съ министерствомъ исповѣданій; въ обученіи клира допускается только поверхностное наблюденіе іерарха за нравственностью клириковъ; избраніе епископа зависитъ не столько отъ синода или, по крайней мѣрѣ, митрополита, сколько отъ той или иной *правительственной партіи*...

«Что не было поругано нашею совершенно вольною прессой,—читаемъ мы тамъ же,—начиная съ нашего любимаго короля? Имѣемъ, благодареніе Богу, достойныхъ архіереевъ: всѣ они были оклеветаны; священники—осмѣяны; церковныя пѣснопѣнія и молитвы—поруганы. Кто это сдѣлалъ?—Писаки, которымъ нечего терять... И это дѣлается среди дня. Правительство ихъ знаетъ, общественные дѣятели ведутъ съ ними знакомство и читаютъ ихъ произведенія, не предпринимая противъ нихъ никакихъ мѣръ, потому, что они нужны имъ самимъ, какъ

орудія проведенія ихъ партійныхъ взглядовъ. Они—порожденіе нашей развращенной общественной среды, въ которой и находятъ себѣ достаточную поддержку. А сознавая такое свое положеніе, эти продажные писаки конкурируютъ другъ съ другомъ въ порнографіяхъ и богохульствахъ. А церковь терпитъ, увѣщевая вѣрныхъ пребывать въ мирѣ: только это и остается ей теперь дѣлать»...

Вотъ смущающая картина!

И тутъ, въ такомъ отношеніи конституціоналистовъ именно къ *православной* церкви, есть своего рода психологія,—сатанинская психологія. На протестантизмъ, напримѣръ, съ такимъ ожесточеніемъ и яростью въ конституціонныхъ государствахъ не нападаютъ. Почему? Да потому, что протестантизмъ *приспособился* къ требованіямъ «свободныхъ» формъ жизни и «эмансипированнаго» міросозерцанія. Но православіе, стойкое въ своихъ преданіяхъ, не склонное ни на іоту поступаться чѣмъ-либо изъ организма истины, которою живетъ, въ угоду либерализму и въ цѣляхъ житейскаго приспособленія,—о, это совсѣмъ другое дѣло! Отношеніе къ нему со стороны враговъ—всегда адски злобно и непримиримо.

III.

И что́ всего печальнѣе,—служители церкви православной, болѣющіе отъ ея позора и униженія, ничѣмъ не могутъ, при конституціонномъ режимѣ, ей помочь.

Конкретный примѣръ всего лучше поясниτъ, какъ это происходитъ.

Въ началѣ 1899 года, въ одномъ весьма распространенномъ юмористическомъ журналѣ появился возмутительно-грубый пасквиль на представителей румынской церкви, проникнутый кощунственнымъ отношеніемъ къ самымъ святымъ предметамъ православной вѣры.

Къ епископу Сильвестру, представителю церковныхъ интересовъ въ Сенатѣ, равно какъ и къ другимъ іерархамъ румынской церкви, стали приходить отъ горожанъ и народа депутаціи, которыя просили преосвященныхъ защитить святую вѣру отъ хулы и поруганія.

Епископъ Сильвестръ обратился, по этому поводу, къ сенаторамъ съ горячею рѣчью, въ засѣданіи 13 января 1900 года, въ которой, между прочимъ, сказалъ:

«Тяжкая скорбь и сильное огорченіе объемлютъ сердца всего клира нашей православной румынской церкви и сердца нашихъ пасомыхъ, добрыхъ христіанъ, по поводу появленія въ одномъ журналѣ возмутительной статьи, исполненной всякаго рода кощунственныхъ глумленій и хуленій на нашу святую церковь, на Господа нашего Іисуса Христа, основателя ея, и на ея священнослужителей.

«Это подвигнуло меня къ слову, съ которымъ я теперь обращаюсь къ вамъ.

«И прежде всего протестую въ лицѣ вашемъ, представители страны, противъ появленія подобныхъ памфлетовъ и кощунствъ, направленныхъ къ униженію нашей святой вѣры и ея представителей. Затѣмъ, вопрошаю правительство и спеціально—министра юстиціи: предусмотрѣны ли закономъ какія-либо мѣры противъ возможности появленія въ печати подобныхъ позорныхъ статей, и подлежатъ ли какому-либо наказанію допускающіе подобныя кощунства? Преосвященный митрополитъ молдавскій недавно тутъ же предъ вами говорилъ, что у насъ теперь дуетъ гибельный, тлетворный вѣтеръ. Дѣйствительно, онъ все сильнѣе и сильнѣе дуетъ, и дуновеніе его все больше и больше распространяется, сопровождаясь гибельными послѣдствіями. Враги нашего отечества, его же недостойные сыны, пытаются уничтожить великую нашу внутреннюю мощь—вѣру въ Бога, ослабленіе которой угрожаетъ и нашему національному существованію.

«Давно уже дуетъ этотъ вѣтеръ. Давно обращалось на него вниманіе истинныхъ патріотовъ и православныхъ чадъ церкви. Но ихъ все успокоивали, предлагая не безпокоиться, не придавать этому особеннаго значенія, въ надеждѣ, что все это само собою утихнетъ. Видно, напрасно насъ убаюкивали обѣщаніями «вчера», «сегодня», «завтра»!.. Когда же конецъ этому? Чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе и болѣе зрѣютъ атеистическіе плоды»...

Такъ, между прочимъ, говорилъ почтенный іерархъ,—казалось, въ себѣ самомъ сосредоточившій всю скорбь сыновъ поруганной церкви румынской.

Ну, и что́ же сенаторы? Что́ министры?

Увы,—выслушавъ съ большимъ вниманіемъ рѣчь епископа, они наговорили, въ отвѣтъ ему, много хорошихъ *словъ*, но ничуть не помогли *дѣлу*.

Такъ, министръ внутреннихъ дѣлъ прямо-таки совѣтовалъ оставить дѣло безъ всякихъ послѣдствій, обратившись лишь съ просьбой къ редактору журнала впредь не допускать подобнаго: «обращеніе къ его совѣсти»,—такъ мотивировалъ свое отношеніе къ вопросу министръ внутреннихъ дѣлъ,—«указаніе вреда, какой онъ приноситъ обществу своими писаніями, а также совѣты и просьбы—могутъ привести его къ сознанію своей преступной дѣятельности и въ будущемъ, надѣюсь, заставятъ прекратить свои нападки на церковь». Вотъ типичное отношеніе *конституціонной* власти къ острому вопросу... И все это изъ-за опасенія, какъ бы привлеченіе редактора листка къ суду присяжныхъ,—

что́ предусмотрѣно закономъ,—не дало ему повода прибѣгнуть къ худшимъ клеветамъ и инсинуаціямъ!

Съ своей стороны, и министръ юстиціи оказался солидарнымъ со своимъ коллегой и—все по тѣмъ же основаніямъ. Только, вмѣсто обращенія къ редактору «съ просьбой» о прекращеніи нападокъ на церковь, онъ далъ совѣтъ... предоставить пасквилянта суду общественнаго презрѣнія и своей собственной совѣсти...

И все это преподносится, со стороны представителей конституціонно-государственной власти, служителямъ и защитникамъ церкви подъ самымъ пикантнымъ соусомъ увертливаго парламентскаго краснорѣчія!

Приведя эти справки, ученый авторъ «*Исторіи Молдавской церкви*» совершенно справедливо замѣчаетъ:

«Подобными витіеватыми фразами отдѣлывались министры отъ настоятельныхъ требованій представителей церкви. Вмѣсто наказанія по законамъ,—совѣтуютъ обращаться съ просьбами къ хулителямъ церкви, вымаливая у нихъ молчаніе; угрожаютъ еще бо́льшимъ скандальнымъ разоблаченіемъ; предоставляютъ ихъ суду собственной совѣсти, которая у такихъ личностей... едва-ли даже и есть»...

Да, воистину, печальное положеніе дѣла,—печальное и безпомощное!

И это лишь одна изъ микроскопическихъ страничекъ скорбной лѣтописи православія въ конституціонныхъ государствахъ, и притомъ именно въ такихъ, въ которыхъ оно считается религіей господствующею.

Иного, впрочемъ, и ожидать нельзя отъ угодливыхъ прислужниковъ всевластнаго парламентарнаго большинства, съ которымъ имъ волею-неволею, по мотивамъ сохраненія своихъ окладовъ, приходится считаться.

И вотъ гдѣ со всею осязательностію выступаетъ предъ нами все незамѣнимо-благодѣтельное значеніе Самодержавной власти не связаннаго конституціонными путами Монарха... И вотъ этого-то, Самимъ Богомъ даннаго церкви на землѣ, Защитника и Покровителя хотятъ теперь отнять и у церкви всероссійской православной!..

Какимъ ужасомъ неизбытныхъ бѣдъ давитъ сердце уже одна мысль объ этомъ. Но... что́ *имъ* Гекуба?..

«Рижскій Вѣстникъ» (№ 77-й).

Статья *В. Щукина*:

Мнимые грѣхи православной русской церкви *).

I.

Въ настоящее время православная русская церковь обращаетъ на себя особенное вниманіе всѣхъ просвѣщенныхъ и непросвѣщенныхъ, русскихъ и нерусскихъ людей, въ виду поднятаго вопроса о коренной реформѣ въ ея управленіи и вообще въ внѣшнемъ строѣ ея жизни. Вниманіе большинства особенно упорно направляется на недостатки и темныя стороны русской церковной жизни. Не много, однако, находится лицъ, которыя видѣли бы недостатки лишь въ частныхъ проявленіяхъ православной церковной жизни и не взваливали бы ихъ, въ качествѣ непростительныхъ винъ и проступковъ, на самое православную церковь.

Отъ такой ошибки не свободны даже высоко авторитетные ученые изслѣдователи, въ родѣ проф. Милюкова. Выводы этого почтеннаго представителя науки, касающіеся историческаго значенія и современнаго состоянія православной церкви, слишкомъ ужъ печальны. Однимъ изъ первыхъ такихъ выводовъ представляется слѣдующій: «Русская православная церковь не оказала культурнаго вліянія на жизнь русскаго народа, такого, по крайней мѣрѣ, вліянія, какое оказала католическая церковь на западно-европейскую жизнь. Она не создала, напр., на Руси спеціальнаго религіознаго просвѣщенія, какъ это сдѣлала западная католическая церковь».

Но, во-первыхъ, культурное вліяніе на мірскую временную жизнь не составляетъ не только основной, но даже и второстепенной задачи православной христіанской церкви. Основная задача церкви—задача не внѣшней, а духовной культуры, дающей въ результатѣ святыхъ людей, совершенныхъ христіанъ, или, по меньшей мѣрѣ, «смиренныхъ сердцемъ и нищихъ духомъ» простецовъ, въ силу этихъ безцѣнныхъ качествъ, «недалекихъ отъ царствія Божія».

Исполнила ли православная церковь эту свою задачу, принесла ли она плоды этой своей специфической (духовно-нравственной) культуры—вотъ вопросъ, отъ такого или иного рѣшенія котораго зависитъ надле-

---

*) Настоящая статья представляетъ сокращенный рефератъ, прочитанный преп. дух. семинаріи В. В. Щукинымъ въ собраніи «рижскаго религіознаго просвѣтительнаго общества» 7 апрѣля н. г.

жащее опредѣленіе ея истиннаго достоинства и сравнительнаго значенія предъ другими церквами. Вѣскій отвѣтъ на этотъ рѣшающій вопросъ даетъ цѣлый сонмъ святыхъ русской православной церкви. Антоніи, Ѳеодосіи, Сергіи, Димитріи, Митрофаны, Серафимы и цѣлые полки русскихъ святыхъ увѣряютъ, что православная церковь русская съ момента основанія и до сихъ поръ не оскудѣвала въ дивныхъ благодатныхъ силахъ, культивирующихъ человѣческія души въ высшихъ гражданъ царствія Божія. Никакой католическій университетъ, никакая іезуитская коллегія не могутъ быть поставлены въ сравненіе съ кельями Ѳеодосія Печерскаго, Сергія Радонежскаго и Серафима Саровскаго. Первые теперь стираются съ лица земли, а послѣднія неослабно продолжаютъ вызывать всенародный благоговѣйный энтузіазмъ и быть всенародными русскими университетами, обогащающими русскія милліонныя массы самымъ несложнымъ, но самымъ вѣрнымъ и высокопробнымъ знаніемъ смысла христіанской жизни, какого не получишь ни въ одномъ изъ самыхъ прославленныхъ европейскихъ университетовъ.

Что касается того, что русская православная церковь не создала своихъ духовныхъ школъ, а заимствовала западный типъ схоластической школы, то вѣдь и католическая церковь создала эту свою схоластическую школу не изъ ничего, а изъ формъ и основъ классическаго просвѣщенія; за это ручается уже Аристотель—краеугольный камень всей схоластической науки. Слѣдовательно, и та, и другая церковь одинаково воспользовались формальной стороной просвѣщенія, выработаннаго до нихъ; и, конечно, и той, и другой нелѣпо было бы покушаться творить изъ ничего то, образцы чего давно уже существовали.

II.

Но вотъ другое, пожалуй еще болѣе тяжкое, обвиненіе противъ православной русской церкви: «Она не внушила народу истинной, сознательной христіанской религіозности. Она привела его лишь къ крайнему безсмысленному обрядовѣрію. Мало того—легкомысленнымъ отношеніемъ къ привычнымъ уже для народа обрядамъ, легкомысленной и легковѣсной реформой Никона она отсѣкла отъ себя лучшую, болѣе энергичную и ревностную, часть народа и тѣмъ нанесла себѣ непоправимый ущербъ».

Однако, проливаемыя надъ русскимъ обрядовѣріемъ и расколомъ слезы покажутся не столь ужъ горькими, если къ обрядовѣрію относиться безъ излишняго презрѣнія, а къ раскольничеству безъ излишней идеализаціи его. Обрядовѣріе само по себѣ — наилучшее средство держать умственно младенчествующій народъ въ курсѣ божественнаго, нравственнаго, вѣчнаго. Отвлеченное богословствованіе или философствованіе

религіознаго характера далеко еще не даетъ адэкватныхъ представленій о Богѣ и вѣчности, и предлагать его неразвитому народу было бы крайнимъ заблужденіемъ. Равнымъ образомъ отвлеченное и разсудочное христіанство протестантовъ нисколько не дѣлаетъ ихъ болѣе совершенными христіанами, чѣмъ обрядовѣріе нашихъ русскихъ простолюдиновъ, — въ этомъ увѣряютъ образъ жизни и общее нравственное настроеніе тѣхъ и другихъ. Но нужно, конечно, отличать живое обрядовѣріе православныхъ христіанъ, предполагающее за собою и питаемое имъ общее христолюбивое настроеніе, отъ мертваго раскольническаго обрядовѣрія, за которымъ кроется вполнѣ антихристіанскій духъ. Этотъ именно антихристіанскій духъ, а не реформа патріарха Никона, откололъ раскольническую часть русскаго народа отъ церкви; и воспитали этотъ антихристіанскій духъ въ извѣстной части русскаго народа не православная церковь, а нѣкоторые представители греческаго духовенства и византійская апокрифическая литература, постепенно распространившаяся въ русскихъ народныхъ массахъ. Греческіе пастыри и апокрифы возбудили у многихъ русскихъ людей ненависть къ латинству, которая мало-по-малу обобщилась въ ненависть ко всему иностранному и въ расколѣ дошла до предѣльной ненависти ко всему нераскольническому. И безъ Никона, и безъ книжнаго исправленія расколъ непремѣнно появился бы въ русской церкви и не позже, какъ при Петрѣ I. Дурной наростъ византизма рано ли, поздно ли, долженъ былъ отпасть отъ православной русской церкви. Нужно быть довольно таки близорукимъ, чтобы не видѣть въ расколѣ именно отпавшій наростъ, усматривать въ немъ разумный жизненный протестъ. Если угодно, русскій расколъ можно въ извѣстномъ смыслѣ считать русскимъ протестантствомъ; только это наше протестантство выступило не подъ знаменемъ духовнаго либерализма, а подъ знаменемъ обрядовѣрнаго обскурантизма и абсолютизма. Въ немъ и незаконный протестъ противъ церкви, и слѣпое отстаиваніе старыхъ заблужденій. На нашемъ расколѣ, такимъ образомъ, съ формальной стороны тяготѣетъ двойной грѣхъ: грѣхъ западнаго протестантства и грѣхъ католичества.

III.

Къ болѣе современнымъ грѣхамъ русской православной церкви и ученымъ изслѣдователемъ русской культуры, и вообще очень многими современными русскими интеллигентами относятся: а) «потеря православною русскою церковью со временъ Петра I самостоятельной церковной власти, б) подпаденіе свѣтскому бюрократическому режиму и в) отторженіе отъ себя лучшей части своихъ членовъ, т. е. русской интеллигенціи».

О потерѣ церковью своей власти и подчиненіи ея свѣтской власти болѣе всего печалуются тѣ, кому не по вкусу у насъ союзъ государственной власти съ властью церковною. Несомнѣнно, что этотъ союзъ даетъ въ результатѣ колоссальную власть, небывалую во всемъ мірѣ. Болѣзненнѣе всего тяготу этой власти чувствуетъ на себѣ, конечно, никто иной, какъ наше высшее сословіе, наша свободолюбивая интеллигенція.

Прекрасно понимая, что главная опора русской государственной власти въ союзѣ и поддержкѣ церковной власти, русская интеллигенція всегда стремилась и стремится расшатать и разорвать этотъ союзъ. Отсюда уже само собою понятно, что, упрекая церковь въ уступчивости государственной власти и ратуя за освобожденіе ея отъ этой послѣдней, большая часть интеллигенціи прикровенно ратуетъ собственно за ослабленіе государственной власти и за собственное самовластительство.

Сама же русская церковь никогда не боялась и ничего не имѣла противъ подчиненія государственной власти въ дѣлахъ, не касающихся чистоты вѣры и совершенства нравственной жизни. Она первая всегда, вездѣ и во всемъ охотно и любовно сама воздастъ и пригласитъ другихъ «воздавать кесарево кесарю».

Вообще въ дѣлѣ отношенія церковной и государственной власти важно не то, равноправны ли онѣ, а и то, есть ли у нихъ нормальный «modus vivendi», т. е. мирное согласіе и любовное взаимное содѣйствіе къ достиженію вѣчнаго блага для русскаго народа. Такое согласіе власти можетъ быть одинаково и при синодальномъ, и патріаршемъ управленіи церковью, такъ что та или иная форма управленія церковнаго не играетъ здѣсь особо важнаго значенія. Говорятъ, что при Синодѣ церковная власть совершенно подавлена, церковное дѣло подорвано. Но и слабый, недостаточно ревнующій о Христовомъ дѣлѣ, патріархъ можетъ допустить ущербъ для церковнаго дѣла, уступая несправедливому посягательству свѣтской власти, и единодушный, ревностный Синодъ въ концѣ концовъ можетъ отстоять святое дѣло, не смотря ни на какое властное оберъ-прокурорское давленіе. Такимъ образомъ, дѣло не въ томъ, патріархъ или Синодъ правитъ православной церковью, а въ томъ, есть ли ревность Божія въ правителяхъ ея. Значитъ, со стороны русской православной церкви не было рѣшительно никакой вины въ томъ, что она допустила смѣнить у себя патріаршую власть на синодальную.

Напрасно ставятъ въ спеціальную вину синодальной формѣ церковнаго управленія чиновничій бюрократизмъ. Кто поручится, что онъ не можетъ быть и при патріаршемъ управленіи? Рясоносцы на мѣстѣ фрачниковъ могутъ быть, въ сущности, такими же и даже еще горшими

бюрократами. Не внѣшняя церковная реформа, не церковная конституція должна спасти русскую церковь отъ холоднаго, безжизненнаго бюрократизма. Церковь Христова — не общественное учрежденіе обычнаго мірского типа. Она живетъ и оживаетъ не властію іерархіи и не формами управленія, а Божественнымъ Христовымъ Духомъ: духомъ Христовой любви, свободы и самоотверженнаго служенія меньшей братіи. Дѣло Божіе и каждаго отдѣльнаго члена церкви возжигать въ себѣ этотъ духъ Христовъ. Онъ можетъ воспламеняться при любой формѣ церковнаго управленія и при какихъ угодно внѣшнихъ нестроеніяхъ. Современный бюрократическій режимъ нисколько не воспрепятствовалъ этому духу ярко вспыхнуть и озарить весь міръ въ лицѣ кронштадтскаго о. Іоанна и въ его колоссальной благотворной дѣятельности.

Наконецъ, въ отвращеніи и отпаденіи отъ нашей церкви русской интеллигенціи виновата отнюдь не церковь, а растлѣвающее вліяніе западнаго атеизма, раціонализма, индиферентизма и т. п. Это вліяніе обильно хлынуло въ Россію съ прорубленіемъ знаменитаго «окна въ Европу». И въ этомъ вліяніи сосредоточились, можно сказать, всѣ силы ада, которыя если съ своей стороны не одолѣютъ православной церкви, то не дадутъ и себя одолѣть. Интеллигенція наша, исподволь калѣчившаяся умственно и нравственно раціонализмомъ, позитивизмомъ, пессимизмомъ, марксизмомъ, ницшеанствомъ, демонизмомъ и т. д., хочетъ сразу излѣчиться отъ своихъ болѣзней благодѣтельнымъ вліяніемъ церкви, заранѣе предопредѣляя это вліяніе. Она упрекаетъ православную церковь за то, что та не идетъ спасать ее своимъ православіемъ, но такимъ православіемъ, которое было бы вполнѣ удобопріемлемо скептическимъ умомъ и избалованнымъ воображеніемъ интеллигенціи.

Интеллигенціи нашей нужно такое православіе, предъ которымъ поблѣднѣли бы и марксизмъ, и ницшеанство, и, словомъ, все модное и пикантное въ области мысли и искусства. Православіе безъ идеи личнаго Бога, вѣчной жизни и личнаго усовершенствованія, безъ аскетизма, монашества, поповства и т. п.—вотъ отрицательные контуры желательнаго для нашей интеллигенціи православія. Но пусть фабрикуютъ для интеллигенціи такое православіе г. Розановъ и компанія. Не можетъ истинное православіе спасать другихъ собственной гибелью, отреченіемъ отъ коренныхъ своихъ основъ и самого себя. Не оно погубило душу интеллигенціи, не ему и спасти ее, пока интеллигенція не откажется отъ своей гордой и безумной притязательности.

Выводъ изъ всего сказаннаго тотъ, что православная русская церковь сама по себѣ не порождала никакого зла. Истинная церковь Хри-

стова, какъ церковь, какъ благодатный организмъ Христовъ, и не можетъ произвести какого-либо зла. Ея плоды — лишь добрые плоды. Если же въ жизни православной русской церкви и прежде и теперь замѣчались и замѣчаются темныя и отрицательныя стороны, то въ этомъ вина не всей вообще церкви, а отдѣльныхъ недостойныхъ элементовъ ея. Нужно отъ самой церкви строго отличать эти недостойные элементы, которые «исходятъ отъ нея, но не суть ея». Эти элементы могутъ принадлежать и къ паствѣ, и къ пастырству. Творя зло, они дѣйствуютъ не силою церкви и не во имя ея полномочій, поэтому и вина ихъ— не вина всей церкви.

Вообще, если въ православной церкви и есть темныя мѣста, то они сосредоточиваются не въ живомъ священномъ центрѣ церкви, а ютятся на ея периферіяхъ, да и здѣсь появляются подъ воздѣйствіемъ вѣчно обуревающей эти периферіи «тьмы вѣка сего». Бороться съ этой периферической тьмой можно лишь путемъ живого внутренняго распространенія сюда центральнаго свѣта церковнаго, а не путемъ внѣшнихъ формальныхъ мѣропріятій. Самая необходимая для церкви нашей реформа—это внутреннее духовное возрожденіе отдѣльныхъ членовъ церкви. Свѣтъ появляется только отъ свѣта, и жизнь зарождается только отъ жизни.

«**Пріазовскій Край**» (№ 88-й).

Статья *Ф. Б.:*

Церковные приходы.

Недавно въ сообщеніяхъ о проектируемыхъ реформахъ въ нашемъ церковномъ управленіи упоминалось и о томъ, что предстоитъ пересмотръ правилъ о дѣленіи городскаго и сельскаго населенія на церковные приходы. Очевидно, старыя правила признаны не цѣлесообразными и во всякомъ случаѣ нуждающимися въ обновленіи.

Вопросъ о церковныхъ приходахъ среди прочихъ вопросовъ, выдвинутыхъ въ послѣднее время въ такой массѣ русской дѣйствительностью, не играетъ, конечно, первостепенной роли, но для населенія, въ особенности сельскаго, имѣетъ крупное значеніе.

Въ екатеринославской губерніи, напримѣръ, мнѣ приходилось наблюдать такой случай.

Близъ одного большого села, назовемъ его А., имѣвшаго церковь, находилось верстахъ въ 2-хъ, другое село Б., тоже большое, но церкви не имѣвшее. Въ третьемъ селѣ В., очень маленькомъ, также была церковь; это В. находилось отъ первыхъ двухъ селъ на разстояніи 10-ти

верстъ. И вотъ, чтобы уравнять приходы обѣихъ церквей и не нарушить въ этомъ смыслѣ математической гармоніи, все населеніе громаднаго села Б. было приписано къ церкви села В., отстоящей отъ нихъ въ 10 верст. разстояніи, тогда какъ оно, это населеніе, имѣло церковь подъ бокомъ, всего въ 2 верстахъ.

Было это сдѣлано, какъ все, что дѣлается при бюрократическомъ режимѣ, однимъ росчеркомъ пера, а расхлебывать приходилось нѣсколькимъ поколѣніямъ крестьянъ на протяженіи многихъ десятилѣтій.

Неудобствъ изъ этого административнаго дѣленія сельскаго населенія по приходамъ, дѣленія, произведеннаго разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ, вытекало для крестьянъ села Б. масса.

Особенно чувствовалось это великимъ постомъ. Боже сохрани, если крестьянинъ изъ Б. забирался говѣть въ А., а не въ В. Его съ позоромъ изгоняли и указывали, что онъ не туда попалъ. Очень немногимъ крестьянамъ удавалось выполнить эту религіозную обязанность контрабандой въ А.

Причтъ села В. очень зорко слѣдилъ, чтобы крестьяне изъ Б. не стали обращаться къ священникамъ тѣхъ селъ, къ приходу которыхъ они не были приписаны. И если ему удавалось обнаружить, что крестьяне изъ Б. говѣютъ или вѣнчаются въ другомъ селѣ, а не въ В., то причтъ возбуждалъ цѣлое дѣло. Поэтому отъ Б—скихъ крестьянъ отказывались всѣ окружные священники. чтобы только не причинять себѣ же непріятности.

Во время говѣнія всему Б—скому крестьянству приходилось тащиться за 10 верстъ и жить здѣсь по нѣскольку дней; бѣдняки, не имѣвшіе лошади, совершали этотъ путь пѣшкомъ. А сосѣдняя церковь была подъ рукой, но обращаться туда съ религіозными потребностями было по странной нелѣпости строжайше воспрещено.

Тяжко-больные не соборовались, и если умирали, то безъ всякаго духовнаго напутствія, потому что крестьяне затруднялись требовать священника для этихъ надобностей въ свое село, за 10 верстъ отъ мѣста постояннаго жительства его.

Мы знаемъ, какимъ ужасомъ представляется въ глазахъ нашего простолюдина смерть безъ покаянія, а Б—скіе крестьяне, почти всѣ, переходили въ лучшій міръ безъ этого самаго покаянія, и это причиняло всему населенію села Б. нестерпимыя душевныя мученія.

Вообще священникъ въ Б. показывался раза три въ годъ передъ большими праздниками, когда онъ объѣзжалъ приходъ «съ молитвою» и собиралъ дань съ своей паствы.

Въ остальное же время онъ являлся лишь по вызову деревен-

скихъ богатѣевъ—молебенъ ли отслужить, ребенка ли перекрестить или по другой причинѣ.

Обыкновенно этихъ наѣздовъ батюшки и ждали Б—скіе крестьяне и къ нимъ пріурочивали удовлетвореніе своихъ религіозныхъ нуждъ.

Если у бѣдняка Б—скаго крестьянина рождался ребенокъ, то онъ обыкновенно говорилъ:

— Вотъ у С. (мѣстный богачъ) баба на сносяхъ; когда родитъ, привезутъ для своего ребенка священника, тогда и нашего окрестить.

Случалось, однако, что хилый новорожденный, не дождавшись крещенія, умиралъ. Бабы подымали вой на всю деревню. И не отъ того, что умеръ ребенокъ, а отъ того, что умеръ то онъ—не введенный въ лоно церкви православной.

Словомъ, каждая религіозная потребность ставила Б—скихъ крестьянъ въ затруднительное положеніе, тѣмъ болѣе глупое, что церковь была подъ бокомъ.

Причиной такого дѣленія населенія по приходамъ было желаніе обезпечить обѣ церкви равнымъ поступленіемъ доходовъ. Село А.—большое и само въ состояніи содержать свою церковь, а вотъ село В.—маленькое, и чтобы уравнять обѣ церкви, къ послѣднему приписали село Б., хотя оно географически и примыкало къ А. Такія вещи возможно было творить, когда царилъ принципъ: «не учрежденія для населенія, а населеніе для учрежденій». Кажется, этотъ принципъ теряетъ свое значеніе, на его смѣну вступаютъ другія идеи, находящіяся въ большемъ согласованіи съ элементарной справедливостью. Будемъ думать, что также скоро отойдутъ въ область прошлаго и послѣдствія осуществленія этого дикаго принципа.

---

10 апрѣля.

«Разсвѣтъ» (№ 40-й).

Статья *архимандрита Николая*:

Необходимое разъясненіе.

По поводу предполагаемой реформы въ русской православной церкви появляется въ нашей прессѣ множество статей, въ коихъ вопросъ этотъ обсуждается всесторонне, съ полною свободою печатнаго слова,

что нужно признать дѣломъ хорошимъ. Но въ то же время нѣкоторые писатели, какъ видно, стоятъ не въ курсѣ дѣла, плохо освѣдомлены о томъ, о чемъ они взяли на себя трудъ писать, а вслѣдствіе этого дается невѣрное представленіе. Къ числу такихъ писателей, стоящихъ не въ курсѣ дѣла, слѣдуетъ отнести г. А. Слезскинскаго, статьи коего помѣщаются въ газетѣ «Разсвѣтъ». Въ № 31-мъ названной газеты помѣщена статья г. Слезскинскаго, подъ заглавіемъ: «О причтѣ и приходѣ», въ коей даются невѣрныя свѣдѣнія о лицахъ нашей высшей церковной іерархіи—епископахъ. Г. Слезскинскій пишетъ: «всѣ епископы наши—монахи, чужды внутренней, народной жизни, посвятивъ себя уединенію и даже аскетизму. Сами они не исполняютъ таинствъ вѣнчанія, крещенія, не исповѣдуютъ, не знаютъ тонкихъ сторонъ брака. Прежде всего надлежитъ снять съ бѣлаго духовенства veto, въ силу котораго священники не идутъ дальше іерея, открыть имъ дорогу къ достиженію какой-либо (?) службы, равноправной епископу. Вотъ они то и могутъ быть первыми піонерами по проведенію въ народъ лучшихъ мѣръ патріархата; они вѣрнѣе, чѣмъ епископы-монахи, сплотили бы церковь съ народомъ, сливая ихъ во единую душу».

Вся эта тирада, написанная г. Слезскинскимъ, есть сплошное недоразумѣніе. По всей вѣроятности, автору статьи неизвѣстно, что въ составѣ теперешняго нашего епископата—75 проц. изъ лицъ бѣлаго духовенства, бывшихъ приходскихъ священниковъ, іереевъ и протоіереевъ, или наставниковъ духовно-учебныхъ заведеній, бывшихъ въ бракѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ ознакомиться съ составомъ Св. Синода и россійской церковной іерархіи изъ книжекъ, ежегодно печатаемыхъ въ синодальной типографіи.

У насъ подъ руками имѣется такая книжка за 1897 годъ. Въ ней мы насчитали изъ 108 іерарховъ, епархіальныхъ и жившихъ на покоѣ, 78 лицъ, бывшихъ въ бракѣ, большинство изъ вдовыхъ іереевъ и протоіереевъ, или изъ наставниковъ духовно-учебныхъ заведеній, послѣ вдовствъ принявшихъ монашеское постриженіе.

Изъ этого видно, что упрекъ епископамъ-монахамъ, брошенный авторомъ статьи, что они «чужды внутренней, народной жизни, незнакомы съ тонкостями брачной жизни, и что для лицъ бѣлаго духовенства поставлено какое-то veto, въ силу котораго они не идутъ дальше іерея», не имѣетъ за собой никакихъ основаній.

Правда, что всѣ наши іерархи имѣютъ монашеское постриженіе, принимаемое ими съ цѣлью полученія епископскаго сана. Вчерашній іерей, сегодня монахъ-архимандритъ, чтобы завтра стать епископомъ. Насколько это правильно съ канонической и нравственной стороны,

это—другой вопросъ, котораго мы не касаемся. Но, чтобы отрицать за ними знанія внутренней, народной жизни, которую они изучали теоретически, въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и практически, живя десятки лѣтъ семейною жизнью, состоя на отвѣтственныхъ служебныхъ постахъ приходскихъ священниковъ или наставниковъ юношества, не позволяютъ здравый смыслъ и логика.

Касательно монашескаго аскетизма, якобы препятствующаго епископамъ-монахамъ сообщаться съ народною жизнію, то это—также не правда. Исторія съ полною убѣдительностію намъ говоритъ о прошломъ. Кому не извѣстны преподобные Антоній, Ѳеодосій, Сергій изъ давняго прошлаго, и о.о. Серафимы, Амвросіи, Ѳеофаны изъ недавняго прошлаго, монахи-аскеты, которые раздѣляли съ народомъ его горе и радости?

Кому также не извѣстно, что есть аскеты-міряне, живущіе семейною жизнію, стоящіе на разныхъ поприщахъ общественнаго служенія, отъ высокаго сановника до простого рабочаго, которые не уступаютъ въ подвигахъ аскетизма монахамъ, и это не мѣшаетъ имъ исполнять свои обязанности? Отрицая это, пришлось бы отрицать святыя слова ап. Павла: «благочестіе на все полезно, имѣя обѣтованіе жизни настоящей и будущей» (Тимоѳ. 4, 8).

Супрасль.

«Московскія Вѣдомости» (№ 99-й).

Статья *Spectator'a:*

Вопросы русской жизни.

Чего они хотѣли.

Идея была у нихъ, по своей смѣлости и дальновидности, дѣйствительно грандіозная: поставить Самодержавіе въ необходимость подписать позорный миръ и этимъ на вѣки погубить и Самодержавіе, и Россію.

Для осуществленія этой идеи, конечно, не достаточно было одного лишь хора революціонной печати и банкетныхъ крикуновъ, кстати и не-кстати требующихъ немедленнаго заключенія мира, съ тѣмъ, чтобы на другой же день послѣ его подписанія обратиться съ яростными упреками противъ Самодержавія, которое де «довело Россію до такого позорнаго униженія». Нѣтъ, для всѣхъ теперь уже ясно, что газетныя статьи и крики демагоговъ не могутъ смутить Самодержца, твердо увѣреннаго, что Господь не оставитъ Россіи и даруетъ ей, послѣ тяжкой и долгой борьбы, желанную, свѣтлую побѣду.

Необходимо было изобрѣсти болѣе сильное, внушительное средство,

И вотъ явилась вышеупомянутая идея расколоть несокрушимую доселѣ вѣковую тріединую силу Россіи—Православіе, Самодержавіе и Народность, возставить, хотя бы призрачно, церковь и народъ противъ Царя, и черезъ нихъ потребовать отъ Царя немедленнаго прекращенія войны путемъ все того же позорнаго мира.

Чтобы достигнуть этого, необходимымъ являлось созданіе фикціи «народной воли» въ лицѣ Земскаго собора, Государственной думы или иного «представляющаго народъ» собранія, а съ другой стороны,—фикціи «воли Божіей» въ лицѣ церковнаго собора и послушнаго внѣшнему вліянію патріарха. Развѣ тогда Самодержавіе могло бы устоять противъ дружнаго натиска «церкви» и «народа», еслибъ они одновременно потребовали немедленнаго заключенія мира?

Таковъ былъ грандіозный планъ, который, однако, теперь на-половину рушился.

Мы говоримъ: «на-половину», такъ какъ церковная реформа,—которая сама по себѣ такъ нужна для Россіи, и которая такъ внезапно была выдвинута по совершенно чуждымъ церкви побужденіямъ,—признана Государемъ Императоромъ «невозможною въ переживаемое нынѣ тревожное время», такъ какъ это «столь великое дѣло требуетъ и спокойствія, и обдуманности». Но не меньшаго спокойствія и обдуманности требуетъ столь же великое дѣло гражданскихъ государственныхъ реформъ, грозящихъ принять теперь, подъ вліяніемъ революціонной смуты, характеръ чисто народовластный, стремящійся, — подъ личинами «Земскаго собора» и «Государственной думы»,—создать фикцію «народной воли», которая будетъ предъявлять свои требованія Самодержавному Царю, искусственно возбуждая раздоръ между Царемъ и народомъ, дабы въ концѣ-концовъ ограничить, а затѣмъ уничтожить Царское Самодержавіе.

Мы вполнѣ понимаемъ ту поспѣшную стремительность, которую смута старается придать всѣмъ нашимъ внутреннимъ реформамъ и которую она хотѣла было навязать и реформѣ церковной: она боится, какъ бы ея не предупредили благія вѣсти съ Дальняго Востока, которыя придадутъ бодрость правительству и народу въ борьбѣ ихъ съ революціей. Вотъ почему она спѣшитъ на всѣхъ парахъ со всякаго рода наскоро и кое-какъ составленными демократическими проектами; вотъ почему она въ такомъ отчаяніи, что до сихъ поръ еще не созвано хоть какое-нибудь «представительное» собраніе, которое могло бы диктовать Самодержавію «народную волю» относительно всего, что̀ нужно смутѣ и, между прочимъ, относительно немедленнаго подписанія позорнаго мира.

Но такая поспѣшность, очевидно, не можетъ соотвѣтствовать ни

интересамъ государства, ни интересамъ народа, ни интересамъ Самодержавія.

Вотъ почему мы находили бы вполнѣ логичнымъ и цѣлесообразнымъ, если бы и всѣ наши гражданскія реформы тоже признаны были *невозможными* въ переживаемое нынѣ тревожное время, и еслибъ онѣ отложены были до тѣхъ поръ, пока возстановленъ будетъ внѣшній и внутренній миръ, столь необходимый для того спокойствія и той обдуманности, среди которыхъ только и можетъ достодолжнымъ образомъ вершиться великое дѣло внутренняго обновленія Россіи подъ сѣнью Самодержавной Власти.

Они хотѣли разъединить Царя, церковь и народъ; а *мы* поэтому должны стремиться еще болѣе усилить столь необходимую для Россіи неразрывную сплоченность этихъ ея драгоцѣннѣйшихъ государственныхъ устоевъ.

Въ этомъ и заключается цѣль нашей *монархической* партіи.

«Русское Слово» (№ 97-й).

Статья свящ. *Г. Петрова*:

Нуженъ ли патріархъ?

Предполагавшаяся реформа высшаго церковнаго управленія у насъ, въ Россіи, неожиданно для большинства вѣрующихъ сыновъ православной церкви, чуть было не вылилась въ форму патріаршества.

Возникшее среди русскаго православнаго духовенства движеніе стремилось и стремится къ *внутреннему* обновленію сыновъ и работниковъ православной церкви. Настойчиво говоритъ о необходимости усиленія *духовныхъ* силъ въ пастырствѣ. Красною чертою отмѣчаетъ потребность пріобрѣтенія духовенствомъ *исключительно-нравственнаго* вліянія безъ всякихъ внѣшне-полицейскихъ поддержки и покровительства.

Объ этомъ давно уже болѣютъ сердцемъ лучшіе сыны православной церкви, какъ пастыри, такъ и міряне. Много и писали, и говорили. Послѣднее время особенно горячо принялись за дѣло цѣлые кружки духовенства. Возникли такіе кружки въ Петербургѣ, въ Кіевѣ, въ Москвѣ и въ другихъ большихъ городахъ. Всѣ они вызваны были къ жизни и и къ дѣятельности ясно-сознаннымъ и болѣзненно-перечувствованнымъ печальнымъ состояніемъ многихъ сторонъ нашей церковной жизни. Именно: казенщиной, рутинностью и спячкою въ столь живомъ, высокомъ и отвѣтственномъ дѣлѣ, какъ пастырство. Въ этой области мно-

гое наболѣло, многое уже давно вопіетъ и къ Богу, и къ людямъ объ исправленіи, многое ждетъ живого и благодатнаго «движенія воды».

Въ одиночку, отдѣльнымъ лицамъ, даже цѣлымъ кружкамъ такое обновленіе, вѣрнѣе, оживленіе нашей церковной жизни, конечно, не по силамъ. Да и нравственнаго авторитета, внутренней силы, общей убѣдительности *частная* работа, *частное* слово, *частный* призывъ имѣть не могутъ. Наконецъ, гдѣ же все схватить, все уловить, все уяснить, все надлежаще освѣтить и рѣшить отдѣльнымъ лицамъ, будь они даже семи пядей во лбу. Нуженъ соборный разумъ, соборное пониманіе дѣла, соборная постановка вопросовъ о церковныхъ нуждахъ нашего времени и соборное рѣшеніе ихъ, которое тогда будетъ имѣть обще-церковное значеніе.

Поэтому, духовенство то, которое подавало записку, духовенство и и то, которое только еще обсуждало мѣры объ устроеніи своего пастырскаго дѣланія на началахъ истинно-церковныхъ, а не синодально-бюрократическихъ, а равно и всѣ истинно-вѣрующіе сыны церкви, міряне, всѣ въ одинъ голосъ, единымъ сердцемъ и едиными устами выражали желаніе, насущную потребность обще-церковнаго россійскаго собора.

— Россія переживаетъ критическій моментъ. Идетъ общее броженіе. Ищутся и намѣчаются новые пути жизни. Чувствуется общая потребность въ новомъ строѣ, въ новомъ укладѣ, въ новыхъ формахъ жизни. Дорога каждая живая сила. Цѣнно каждое слово, способное внести лучшее освѣщеніе, болѣе глубокое, широкое и правдивое пониманіе жизни. Дайте же это слово, если оно у васъ есть,—обращаются представители свѣтскаго общества къ представителямъ церкви. Проявите вашу силу, о которой вы всегда говорите. Но только *говорите*. Явите ее теперь *на дѣлѣ*.

Живыя силы церкви, чуждыя *личныхъ* интересовъ, которымъ дорого одно только благо ближнихъ и которыя ищутъ не *своей* славы, а славы церкви Христовой, не могли остаться глухи къ выстраданному крику времени и, въ свою очередь, сами стали изъ глубины своего изстрадавшагося за безславіе церкви Божіей сердца молить:

— Дайте же намъ обсудить современное положеніе церкви. Дайте сознать наши собственные слабости и недостатки и помогите общими силами всѣхъ вѣрующихъ сыновъ церкви выяснить всю полноту церковныхъ силъ, все нравственное ихъ величіе и неземное обаяніе.

Таковы были побужденія въ рѣчахъ о необходимости всероссійскаго церковнаго собора и такова была предполагаемая, самою сущностью дѣла намѣчавшаяся, программа этого собора. *Точныхъ* свѣдѣній о предположеніяхъ выполнить эту программу мы не имѣли. Приходилось до-

вольствоваться газетными слухами, а эти слухи передавали, будто программа перваго предполагавшагося помѣстнаго собора была значительно сужена, будто предполагалось *только* произвести выборы патріарха и предоставить ему большія внѣшне-государственныя права и преимущества.

Теперь, когда волею Государя Императора открытіе помѣстнаго собора отложено на нѣкоторое время, благоумѣстно заранѣе спокойно и обстоятельно обсудить, въ чемъ собственно первая и важнѣйшая, неотложная потребность церковной реформы.

Рѣчи о патріархѣ не новы у насъ. Онѣ время отъ времени настойчиво повторялись. Иногда заранѣе намѣчались даже самыя имена. Но было бы, конечно, большою ошибкою, скажу болѣе,—непростительнымъ грѣхомъ, если бы всю церковную реформу нашего времени свели къ замѣнѣ одного титула другимъ, болѣе пышнымъ для одного или другого лица.

Немного бóльшимъ пріобрѣтеніемъ для церкви была бы и одна лишь замѣна синодальнаго правленія патріаршимъ. Сила и блескъ Христовой церкви не въ пышности іерархическихъ титуловъ, а въ духовной силѣ и нравственномъ величіи церковнаго клира. Не особенно ужъ страшное значеніе для успѣховъ пастырскаго дѣянія имѣетъ и гнетъ синодальнаго чиновничества. Конечно, канцелярщина мертвитъ и тормозитъ живое пастырское дѣло. Конечно, непристойно для церкви Божіей, что ея дѣла, хотя бы и внѣшнія, вершатъ чиновники, но, повторяю, это не изъ препятствій неодолимыхъ. Во времена гоненій церковь Христова терпѣла гнетъ не канцелярскаго формализма, а прямо насиліе. Тутъ, при чиновничествѣ, только замедленіе, а тамъ было полное непризнаніе, прямое отрицаніе церкви. И церковь Христова жила. Раскрывала присущую ей полноту силъ. Да еще какъ! Гонимая язычествомъ при посредствѣ самаго грубаго насилія, мученій и казней, она своею *внутреннею* силою сама согнала язычество съ лица земли.

Гоненія, насилія и притѣсненія для церкви, стало быть, есть нѣчто *внѣшнее*. Не въ нихъ—*главныя* бѣдствія и несчастія церкви. Церкви Христовой страшно не *внѣшнее* насиліе враговъ ея,—ей страшно *внутреннее* безсиліе сыновъ ея.

Поэтому, когда года два-три тому назадъ въ печати кто-то поднялъ вопросъ о необходимости у насъ патріаршества для усиленія церковной православной жизни въ Россіи, говоря, что власть Св. Синода поставлена *слабо* и что ее надо усилить, возведя первоприсутствующаго его члена въ достоинство патріарха, то на это профессоръ московской духовной академіи, извѣстный канонистъ,. Н. Заозерскій тогда же от-

вѣтилъ обстоятельнымъ разборомъ сдѣланнаго предложенія. Онъ съ богатѣйшей, широкой эрудиціей разобралъ вопросъ о современныхъ нуждахъ и болѣзняхъ нашей церковной жизни и доказалъ, что не одной перемѣной титула и не однимъ *внѣшнимъ* усиленіемъ іерархической власти лѣчить проступившія язвы и слабости русской церковной общины.

Въ своей интересной и содержательной брошюрѣ: «О средствахъ усиленія власти нашего высшаго церковнаго управленія» профессоръ Заозерскій пишетъ:

«По нашему мнѣнію, введенія у насъ патріаршества недостаточно, и не въ томъ состоитъ средство *дѣйствительнаго* усиленія церковной власти. Формально власть Св. Синода и власть епархіальнаго начальства у насъ поставлена очень *сильно*, но онѣ (обѣ эти власти) не въ должной степени сильны *нравственнымъ* своимъ вліяніемъ на жизнь. Вотъ если бы отыскались какія-либо средства укрѣпить это нравственное вліяніе нашей церковной власти, тогда въ формальныхъ внѣшнихъ какихъ-либо преобразованіяхъ, пожалуй, даже не было бы и нужды.

«Чтобы изыскать эти средства, должно выразумѣть главный недугъ, главную причину недостаточности нашего церковнаго управленія,— говоритъ далѣе профессоръ-канонистъ Заозерскій.—По нашему мнѣнію, главная причина—въ исключительно канцелярскомъ, замкнутомъ веденіи всего нашего церковнаго управленія. Наша іерархія правитъ народомъ православнымъ черезъ посредство бумагъ, не входя съ нимъ въ непосредственное, живое соприкосновеніе. Вслѣдствіе этого всѣ мѣры іерархіи: законодательныя, административныя, судебныя не имѣютъ въ глазахъ народа не только нравственнаго авторитета, не дѣйствуютъ на сердце или совѣсть его, но и не достигаютъ должной общеизвѣстности. Это должно сказать какъ объ епархіальномъ управленіи, такъ и, въ особенности, о центральномъ.

«Ежедневно слышитъ русскій народъ молитву о Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ. Но что такое это Св. Синодъ? Гдѣ онъ? Изъ кого состоитъ?—для нашего народа въ большинствѣ остается неизвѣстнымъ. Въ большинствѣ Св. Синодъ представляется смутно, какъ гдѣ-то существующее начальство, котораго никто не видалъ, съ которымъ никакихъ дѣлъ непосредственно не имѣлъ».

Подобное же смутное представленіе, въ свою очередь, о паствѣ Н. Заозерскій отмѣчаетъ и въ сознаніи высшей церковной администраціи.

«Можно безъ преувеличенія сказать,—пишетъ онъ въ своей брошюрѣ далѣе,—что архипастыри наши, какъ отдѣльно, такъ и коллегіально, собравшись въ Синодѣ,—видятъ предъ собою не живыхъ людей,

на которыхъ воздѣйствуютъ своими резолюціями, а только написанныя ими бумаги или «дѣла»—въ канцелярскомъ смыслѣ слова.

«Это бумажное средостѣніе приноситъ двойной вредъ въ дѣлахъ церковнаго управленія: іерархія получаетъ нерѣдко совсѣмъ превратное освѣщеніе дѣйствительности, бываетъ не только недостаточно, а иногда прямо *невѣрно* освѣдомлена о дѣйствительномъ положеніи вещей, о дѣйствительныхъ качествахъ лицъ, фигурирующихъ въ дѣлѣ, и издаетъ распоряженія, прямо не соотвѣтствующія цѣли и не удовлетворяющія заинтересованныхъ лицъ. Въ результатѣ—взаимное недовольство правящихъ и управляемыхъ».

Это опредѣленіе одной изъ самыхъ существенныхъ болѣзней нашей церковной жизни сдѣлано профессоромъ въ высокой степени вѣрно. Разобщены мы, младшіе, отъ нашихъ старшихъ братьевъ: міряне и пастыри отъ архипастырей. Ни ихъ думы, планы, мечты и намѣренія намъ не извѣстны; ни наши горести, нужды и порывы имъ не вѣдомы. Напиши бумагу, подай прошеніе, приложи еще марку,—да и жди резолюціи. Живого общенія душъ, тѣсной и постоянной духовной близости нѣтъ. Наглядный примѣръ. На-дняхъ протоіерей Ф. Орнатскій въ своемъ письмѣ въ редакцію «Новаго Времени» разъясняетъ «важное недоразумѣніе». Онъ пишетъ, что проектъ преобразованія русской церкви явился не результатомъ записки кружка столичныхъ пастырей, какъ нѣкоторые подумали, а что сама-де записка, надо полагать, явилась отголоскомъ мыслей, уже давно созрѣвшихъ «наверху». (Послѣднее предположеніе о. протоіерея—тонкая, но ошибочная догадка: записка родилась и созрѣла совершенно *самостоятельно)*. Далѣе о. Ф. Орнатскій подробно, съ прекраснымъ знаніемъ дѣла, разсказываетъ, какъ проектъ преобразованія готовился «наверху», какія тамъ составлялись записки и контръ-записки.

Я читалъ всѣ эти разсказы съ большимъ, все наростающимъ, вниманіемъ и думалъ только одно:

— Все это хорошо, все это прекрасно, но дѣло, вѣдь, касается строя *всей Россійской церкви*,—отчего же о немъ освѣдомленъ *одинъ счастливый избранникъ*, а все остальное духовенство оставлено въ неизвѣстности? Оно собирается многими десятками людей, обсуждаетъ дѣло цѣлыми вечерами до поздней ночи, съ 8 часовъ вечера до 1 часу, до двухъ за полночь, собираетъ матеріалы, вырабатываетъ докладныя записки, оттачиваетъ каждое слово, и все это оказывается, по словамъ свѣдущаго о. протоіерея, напраснымъ, ненужнымъ: все уже давно предрѣшено, заготовлено, и ждали только удобной минуты.

И все это въ тиши канцеляріи, при участіи и съ вѣдома развѣ

только отдѣльныхъ избранниковъ, снискавшихъ высшее благоволеніе и тѣмъ получившихъ доступъ къ лону архипастырскаго сердца.

Общей пастырской близости, общаго церковнаго единенія всѣхъ вѣрующихъ между собою не на почвѣ взаимнаго ласкательства и угодничества, а на почвѣ одушевленнаго общаго пастырскаго дѣланія, во имя взаимнаго братскаго одушевленія на подвигъ церковнаго строительства жизни,—вотъ чего молитъ и чаетъ наше время, вотъ нужду какого перваго и самаго главнаго преобразованія настойчиво заявляетъ современная церковная жизнь.

«Вторая причина слабости нашего церковнаго управленія,—пишетъ далѣе профессоръ Заозерскій,—состоитъ въ полномъ разобщеніи тѣхъ нравственно-интеллектуальныхъ силъ, которыя имѣются въ распоряженіи церкви. Этихъ силъ, слава Богу, у насъ много, но онѣ дѣйствуютъ всѣ врозь. Нерѣдко въ печальномъ антагонизмѣ между собою. Соберите ихъ воедино, и наша церковь явится великою нравственною силою.

— Какія же это силы? Вотъ онѣ:

«1) Сила общественно-нравственнаго авторитета, или наши іерархи.

2) Сила субъективной *горящей* вѣры, т. е. подвижники, энтузіасты въ вѣрѣ, не имѣющіе офиціально-церковнаго авторитета, но могущіе встрѣтиться едва ли не въ каждомъ сословіи, въ каждой профессіи.

3) Сила богословскаго знанія, т. е. люди академической науки, ученые богословы, профессора, или такіе люди, какъ были, напримѣръ, Хомяковъ, Самаринъ, Вл. Соловьевъ, или—какъ есть теперь, Н. П. Аксаковъ и другіе. Наши іерархи, конечно, тоже прошли черезъ академическую школу, но, за немногими исключеніями, погруженные впослѣдствіи въ практическую церковно-административную дѣятельность, они неизбѣжно отходятъ отъ научной разработки богословскихъ вопросовъ. Поэтому люди научной богословской мысли, естественно, являются не только желанною, но и прямо необходимою самостоятельною силою.

4) Сила интеллигенціи: писатели и художники, ищущіе религіозной истины и стремящіеся воплотить ее въ своемъ творчествѣ, хотя иногда и недостаточно въ ней свѣдущіе, колеблющіеся, неустойчивые».

Я съ особой радостью и силой подчеркиваю указаніе профессоромъ духовной академіи на значеніе этой послѣдней силы, именно—силы нашей свѣтской интеллигенціи. Грубое изувѣрство нѣкоторыхъ духовныхъ писателей заставляло и заставляетъ ихъ обрушиваться зря, бездоказательно, съ рѣзкой хулой, иногда чуть ли не бранью на всю интеллигенцію огуломъ. Это, въ свою очередь, интеллигенціи даетъ основаніе нападать на церковь, ошибочно обвиняя ее всю цѣликомъ, за изувѣрство нѣкоторыхъ тупыхъ душъ, въ сплошномъ изувѣрствѣ.

Приведенныя слова профессора Заозерскаго убѣдительно доказываютъ, что изувѣрство отдѣльныхъ духовныхъ писателей есть ихъ личное изувѣрство, а никакъ не общее свойство Христовой церкви. У насъ, къ сожалѣнію, не всегда еще сознаютъ ту простую и очевидную истину, что если человѣкъ выступаетъ въ качествѣ духовнаго писателя, то это не значитъ непремѣнно, что онъ по духу своему дѣйствительно «духовный». Такимъ «духовнымъ» писателямъ приходится только напомнить слова Спасителя: «не знаете, какого Я духа».

Какъ общій выводъ изъ перечисленія поименованныхъ силъ въ нашей церкви, проф. Заозерскій заключаетъ:

«Силы есть. Онѣ дѣйствуютъ. Ихъ носители проявляютъ иногда героизмъ, полный энтузіазма и самоотверженія, но ихъ дѣятельность келейная, одинокая. Всѣ они таятся, дѣйствуютъ розно и сходятъ со своей жизненной арены, вѣдомые только Богу, да развѣ небольшому кружку лицъ, непосредственно ихъ знавшихъ».

Собрать всѣ эти силы воедино, сплотить, воодушевить на проявленіи въ жизни всей ихъ полноты,—вотъ великая задача и насущная потребность современной церкви; но для этого нуженъ не патріархъ, не усиленіе пышности титула, а живой, одушевленный Духомъ Божіимъ обще-церковный братскій соборъ, усиленіе пастырскаго духа въ устроителяхъ церковной жизни, хотя бы и при еще болѣе скромныхъ титулахъ.

Въ интересномъ сборникѣ «Записокъ религіозно-философскихъ собраній въ Петербургѣ» мы находимъ еще болѣе яркое, сильное и обоснованное, рѣшеніе вопроса о необходимости или излишности у насъ патріарха. На собраніяхъ религіозно-философскаго общества также подымалась рѣчь о важности сильной и авторитетной церковной власти. Нѣкоторые возможность желаннаго усиленія власти видѣли въ патріаршествѣ, въ учрежденіи его у насъ, въ Россіи.

На это г. Тернавцевъ вѣско возразилъ. Онъ говорилъ (81 стр. «Записокъ» и далѣе):

«Многіе жалѣютъ, что у насъ нѣтъ сильнаго авторитета въ духовныхъ дѣлахъ,—патріаршества. Меня пугаетъ это. Патріаршество или, вѣрнѣе, обгорѣвшіе остатки его и теперь существуютъ на Востокѣ. Но что даютъ они тамъ? Сообщаютъ ли своимъ церквамъ царственное величіе исполняющейся истины? Поражая слухъ народа гремящими эпитетами въ родѣ «вселенскій владыка», «13-й апостолъ» и т. п., что даютъ они всему христіанству? Ищутъ ли они путей для его объединенія, углубленія?»

Что было бы у насъ? «Увеличились бы пышность богослуженія, богатство одеждъ, свита, робость просителей въ пріемныхъ у духовныхъ

особъ, долгота службъ. Все это еще болѣе удалило бы насъ отъ апостольской простоты, *и такъ почти уже забытой нами* (курсивъ нашъ).

«Если епископы недоступны,—и какъ страдаетъ отъ этого дѣло вѣры!—то патріархъ, вѣдь, былъ бы еще менѣе доступенъ. Что патріархъ могъ бы сказать больше того, что мы слышимъ отъ епископовъ въ ихъ проповѣдяхъ, въ ихъ ученыхъ сочиненіяхъ, наконецъ, въ ихъ епархіальной и обще-русской церковной политикѣ?.. Патріархъ былъ бы изъ тѣхъ же епископовъ. Ужели почувствуетъ въ немъ Россія, на которой теперь сошлось столько міровыхъ загадокъ, своего духовнаго главу, вождя?»

Далѣе г. Тернавцевъ справедливо отмѣчаетъ ту упускаемую обыкновенно изъ виду историческую истину, что если патріаршество у насъ было отмѣнено свѣтскою властью, то оно ею же вѣдь было и создано.

«Патріаршество явилось въ связи съ успѣхами тогдашняго русскаго государства и проистекавшаго отсюда подъема *національнаго* самосознанія, а не болѣе глубокаго пониманія христіанства, какъ новаго завѣта русской земли съ Богомъ».

То-есть, говоря другими словами, появленіе перваго патріаршества въ русской церкви было вызвано причинами чисто внѣшняго характера, и внутренняго подъема, оживленія духовныхъ силъ вѣрующихъ оно не вызвало. Несомнѣнно, не вызоветъ и теперь. А вѣдь въ пробужденіи душъ вѣрующихъ, въ усиленіи церковной жизнедѣятельности заключается теперь и весь вопросъ времени. Поэтому церковное преобразованіе, столь необходимое для болѣе свободнаго и полнаго раскрытія духовныхъ силъ, таящихся въ сынахъ церкви, должно начинаться не съ замѣны титуловъ и не съ усиленія внѣшнихъ правъ и преимуществъ іерархіи, а съ собиранія разрозненныхъ крупицъ живой вѣры воедино, съ уясненія и проведенія въ жизнь такого пастырскаго служенія, при которомъ бы всѣ отдѣльныя, сокрытыя иногда подъ пепломъ и еле тлѣющія, искры Христова огня вдругъ ярко разгорѣлись и слились въ одно живое Божіе пламя, все и всѣхъ очищающее, всѣхъ приводящее къ Богу, какъ лучшую и совершеннѣйшую жертву земли. А когда это будетъ достигнуто или, по крайней мѣрѣ, когда къ этому будутъ намѣчены пути, то-есть, когда существенное, внутреннее будетъ сдѣлано, тогда, если угодно, можно подумать и о второстепенномъ, о внѣшнемъ. Первая и главная задача вѣрующихъ сыновъ церкви должна быть забота о славѣ и величіи дѣла Господня. Не намъ, не намъ, а имени Твоему даждь, Господи, славу!

Одесса.

«Южное Обозрѣніе» (№ 2.794-й).

Статья *Я. К. Яковлева*:

На житейскія темы.

Въ недалекомъ будущемъ у насъ соберется, вѣроятно, помѣстный соборъ россійской церкви. Объ этомъ, какъ извѣстно уже изъ газетъ, ходатайствовалъ Св. Синодъ. Такимъ образомъ послѣ двухсотлѣтняго слишкомъ перерыва, во время котораго церковь наша, по мѣткому выраженію Достоевскаго, находилась въ «параличѣ», занимается заря обновленія церковной жизни. Когда же, однако, соберется соборъ? Для церковной жизни вопросъ этотъ не менѣе важенъ, чѣмъ вопросъ о созывѣ народныхъ представителей для всей Россіи. И здѣсь промедленіе грозитъ такими же тяжелыми недоразумѣніями, какъ и въ первомъ случаѣ—въ вопросѣ о созывѣ народныхъ представителей. Управляемая свѣтскими чиновниками, отданная на служеніе цѣлямъ, чуждымъ духу ученія Христа, церковь наша далеко отошла отъ Св. Писанія и преданія, признаваемыхъ единственными руководителями и вдохновителями церковной жизни. Для религіозной жизни народной, потребность въ которой такъ ясно ощущается многомилліоннымъ населеніемъ нашимъ, то или другое положеніе церкви въ государствѣ имѣетъ первенствующее значеніе. У насъ въ духовныхъ журналахъ то и дѣло громятъ сектантовъ и «еретиковъ», а между тѣмъ сектантство есть непосредственный результатъ «паралича» церкви, «исканія Бога» населеніемъ, Котораго оно не находитъ въ существующей церковной организаціи. «Вѣдомство православнаго исповѣданія» съ его чиновниками и канцеляріями не можетъ, разумѣется, удовлетворить религіозныхъ нуждъ населенія, ибо таковыя нужды удовлетворяются только въ «обществѣ вѣрующихъ», которое, по Св. Писанію, одно только и составляетъ церковь.

Кому не извѣстенъ типъ захудалаго, робкаго сельскаго «батюшки», вѣчно боящагося наѣзда о. благочиннаго, станового, урядника, при свѣтѣ крохотной лампы переписывающаго вмѣстѣ съ псаломщикомъ десятки никому не нужныхъ «вѣдомостей» и «свѣдѣній», для отсылки ихъ за номеромъ и печатью въ консисторію? Кому не извѣстенъ типъ батюшки «хозяйственнаго», сѣющаго и жнущаго, разъѣзжающаго по ярмаркамъ и базарамъ для покупки и продажи лошадей, рогатаго скота, овецъ и т. д.? Кому не извѣстенъ, далѣе, типъ батюшки, являющагося грозой своего прихода и околодка, по заказу изъ канцеляріи громящаго «крамольниковъ»—въ лицѣ учителей земскихъ школъ—и пишущаго «донесенія» въ «губернію»?

Развѣ это тотъ пророкъ, пастырь и учитель, который можетъ «глаголомъ жечь сердца людей», учить своихъ прихожанъ Вѣчной Правдѣ? Развѣ это тотъ безстрашный духовный вождь, который открыто обличитъ Пилата, выгонитъ изъ храма торгующихъ, ободритъ своихъ прихожанъ въ бѣдствіи, утѣшитъ ихъ въ горѣ, правды ради пойдетъ на крестъ, какъ пошелъ Тотъ, Кого онъ именуетъ своимъ Учителемъ?

Отвѣтъ ясенъ...

До тѣхъ поръ, пока церкви не будетъ возвращено ея каноническое устройство, до тѣхъ поръ, пока Евангеліе не вытѣснитъ изъ души и разума пастыря канцелярскіе циркуляры,—напрасно было бы ожидать обновленія церковной жизни и появленія истинныхъ пастырей. Возвратить же церковь къ ея каноническому положенію въ состояніи только соборъ свободно избранныхъ представителей духовенства и полная автономія церкви. Само собою разумѣется, что мысль о созваніи церковнаго собора уже взята подъ подозрѣніе православными изъ нѣмцевъ публицистами «Московскихъ Вѣдомостей»; они и тутъ не преминули усмотрѣть «крамолу». Но смущаться этимъ нечего: кого только ни облаяли наши охранители! Людямъ робкимъ, колеблющимся, но искренно желающимъ обновленія религіозной жизни и только смущающимся начатымъ противъ собора походомъ, слѣдуетъ припомнить, какъ говорила одна газета, что вѣдь съ точки зрѣнія фарисеевъ Христосъ былъ первымъ крамольникомъ.

---

11 апрѣля.

«**Новое Время**» (№ 10.453-й).

Статья *В. Розанова*:

Государство и церковь во взаимной автономіи.

«Царства тѣ погибали, которыми управляли попы»,—выразился однажды Грозный. Петръ, преобразуя духовное управленіе, только привелъ въ осуществленіе то пожеланіе, которое сквозитъ (и не можетъ не сквозить) въ афоризмѣ Іоанна IV. Государство избавилось отъ опеки духовенства, каковая опека была всепроницающей въ Московской Руси. Для Россіи, выступавшей на западный, на европейскій путь, было жизненнымъ вопросомъ юридически, морально, въ быту, во всемъ строѣ

и всячески порвать узелъ зависимости отъ Византіи, который держало въ своихъ рукахъ духовенство и не давало его развязать. Будь Россія просто христіанскою державою, будь она церковью, но безъ спеціальныхъ византійскихъ «вздоховъ», предсмертно завѣщанныхъ ей умиравшимъ царствомъ на берегахъ Босфора,— Синода бы не появилось, могъ бы существовать русскій самостоятельный патріархъ или русскій самостоятельный соборъ, ибо онъ не мѣшалъ бы царству ни въ чемъ. Слова Грознаго относятся къ единственной формѣ христіанства, какую онъ зналъ; какъ и Петръ имѣлъ въ виду, ограничивая и подчиняя государству церковь, нашихъ же только «бородачей». Умирая, Византія нашептала дѣтскому народу, принятому ею въ «крестильную рубашечку», всѣ свои предсмертные стоны, всю патологію, всю органическую ненависть умирающаго къ жизни, къ цвѣту, къ обилію и напору силъ. Гробъ, монашество, «отреченіе отъ міра», вотъ съ чѣмъ она слила христіанство. И отъ Грознаго до Петра и сейчасъ до послѣдняго журналиста всѣ одинаково чувствуютъ эту роковую истину: «ну, если въ самомъ дѣлѣ таково дѣло, если религія есть точно гробъ, смерть и отреченіе,—то государству не сдобровать; да и народу не сдобровать же; обществу, наукѣ, искусству—всему не сдобровать».

И государство установило Синодъ, гдѣ соблюдена была видимость церкви, но коего сущность и заключалась въ постоянной, до мелочныхъ дѣлъ, самозащитѣ государства отъ древняго византійскаго и вмѣстѣ старо-московскаго, смертнаго и гробового вліянія.

Россія могла отселѣ цвѣсти, жить, двигаться, ибо «попы ею болѣе не управляли» (Грозный).

Но она не только цвѣла, но и придавила до боли и до изуродованія «поповъ», «поповство», отвлеченно и вдали—церковь. И справедливость и гуманность требуютъ, чтобы она не давила ихъ. Пусть будетъ сама свободна. Но пусть, однако, даетъ и другимъ свободу.

Вотъ, мнѣ кажется, въ чемъ заключается вопросъ. Государство въ оба эти вѣка, скрывая отъ народа истину своихъ отношеній къ церкви, считало наружно долгомъ своимъ всегда немножечко ханжить. Выключая эпохи Петра и Екатерины, когда оно было наиболѣе свободнымъ, оно этимъ ханжествомъ своимъ было сдавлено и не развертывало всей мощи своихъ естественныхъ силъ. Духовенство, хороня еще глубже свою ненависть къ давящей свѣтской силѣ, потупивъ въ землю очи, полголосомъ произносило въ сторону народа тексты: «всякій человѣкъ властямъ предержащимъ да повинуется», «нѣсть власть аще не отъ Бога».

Чѣмъ больше въ государственности было «церковности», тѣмъ

несчастнѣе становилась пора царства (афоризмъ Грознаго); періоды эти всѣмъ въ русской исторіи знакомы. Чѣмъ «государственнѣе» становилась церковь, тѣмъ болѣе холодѣла вѣра, отпадали вѣрующіе, распространялся религіозный индиферентизмъ и нигилизмъ. Гдѣ же выходъ?

Алгебра точна, какъ катехизисъ, «неопровержима», какъ онъ; къ Пушкину народное благоговѣніе не менѣе, чѣмъ къ Филарету. Религіозное творчество Достоевскаго занимаетъ и Европу, и насъ, цитируется свѣтскими писателями и приводится въ книгахъ своихъ монахами. Итакъ, положеніе науки и поэзіи безукорно, высоко, уважительно, авторитетно; и вмѣстѣ—свободно. Отчего бы не установиться между государствомъ, матеріальнымъ міромъ, и между церковью, духовнымъ міромъ, тѣхъ же взаимно уважительныхъ, благожелательныхъ, но съ обѣихъ сторонъ абсолютно независимыхъ, до полной автономности, отношеній, какія существуютъ между государствомъ и наукою или поэзіей, вдохновенными областями?

Государство теперь «ханжитъ», а духовенство нисходитъ до роли «духовной полиціи» (тезизъ К. А. Скальковскаго, не весьма далекій отъ истины).

Всѣмъ извѣстно и никто не отрицаетъ, что золотой вѣкъ христіанства—до союза его съ государствомъ, до Константина Великаго, послѣ котораго оно моментально потеряло эѳиръ, чистоту и силу. Вотъ когда оно было свободно, какъ вдохновеніе! И когда оно было свободно, какъ вдохновеніе, оно въ два вѣка покорило и переработало чудовищную цивилизацію, и цѣлый міръ странъ и народовъ, въ Азіи, Африкѣ, Европѣ!

Теперь оно не можетъ справиться даже съ туземными остатками язычества, съ чувашами и мордвою. Изъ Китая его прогнали; магометане отгоняютъ отъ себя. Собственные вѣрующіе разбѣгаются по сектамъ. Положеніе христіанства въ мірѣ сейчасъ до того грустное, какъ не бывало ни въ какую эпоху отъ муки Христа. Просто, у христіанства нѣтъ друзей, кромѣ офиціальныхъ. Оно все похолодѣло. Оно громадно по протяженію, но нигдѣ не шевелится, не дышитъ, не живетъ. Оно «господствующее». Но, въ то же время, какъ истинно и искренно именно въ наши дни сказалось это завидованіе «принадлежащихъ къ господствующей вѣрѣ» состоянію и положенію гонимыхъ и чужевѣрцевъ, ихъ свободѣ, ихъ жизни, одушевленію!

Вотъ въ чемъ дѣло, и вотъ гдѣ нужда «реформы церкви», въ каковой государство, конечно, не нуждается, какъ справедливо говоритъ

г. Скальковскій. Но цивилизованный міръ, но всѣ вѣрующіе, но цѣлое общество въ ней слишкомъ нуждается. Государство рѣшительно не въ правѣ удерживать долѣе такое устроеніе и теченіе духовныхъ дѣлъ, которое лишаетъ вѣрующихъ возможности сказать: «у насъ есть церковь», «ея голосъ святъ», «постановленія ея праведны». Не можетъ К. А. Скальковскій оспорить, что дальнѣйшее продолженіе той же «политики церковной» уже равняется косвенному отнятію вѣры вѣрующихъ, колебанію религіи въ народѣ. Секты, расколъ,—что это такое? Да просто—неувѣренность народа въ самой вѣрѣ, именно «колебаніе религіи», идущее на этотъ разъ не отъ нигилистовъ, но отъ системы государственнаго къ церкви отношенія. Церковь похолодѣла. Изъ холоднаго дома всѣ бѣгутъ. «Гдѣ-то теплѣе?»—«Въ сектахъ»! Туда и бѣгутъ! Простые законы термодинамики. Съ другой стороны, духовенство, загнанное и запуганное, точно «объюродивѣло». Какъ выйдутъ изъ духовенства люди его же сословія—являются первыми свѣтилами науки, государственными сановниками, финансистами, законодателями. Но тотъ же Сперанскій или Вышнеградскій въ митрѣ,—они только бы говорили проповѣди. «Пять томовъ проповѣдей, цѣна 10 руб.; продаются у Тузова». И ничего болѣе. И проповѣди эти у Сперанскаго, Вышнеградскаго и Добролюбова сливались бы до неразличимости въ одно полотнище словъ вялыхъ, безжизненныхъ, ненужныхъ, съ чернымъ макомъ по строчкамъ. Черный макъ—это курсивомъ тексты.

Вотъ отчего государство не въ правѣ отказать въ реформѣ вѣрующимъ.

Государство наше много брало у церкви, напр. при Екатеринѣ Великой—церковныя имущества. Но само оно изъ шкатулки своей церкви ничего не давало, кромѣ обѣщаннаго и еще не ассигнованнаго жалованья. Церковь у насъ сама содержится; міряне сами кормятъ и одѣваютъ духовенство. «Союзъ церкви и государства» у насъ—къ матеріальному и къ идеальному ущербу церкви, къ страшному порабощенію государствомъ духовенства. «Реформа церкви», думается намъ, ни въ чемъ такъ счастливо не могла бы выразиться, какъ въ полной автономіи этихъ двухъ сковавшихъ другъ друга или скованныхъ другъ съ другомъ узниковъ—къ счастью обоихъ и великому въ будущемъ полету обоихъ. Пусть будетъ церковь свободна, какъ поэзія, какъ поэты; и государство пусть такъ же мало беретъ «совѣтовъ» у Синода ли, у патріарховъ ли, какъ оно мало совѣтуется о перемѣнѣ системы ружей съ Пушкинымъ или Филаретомъ. Suum cuique—когда разнородны стихіи.

«Заря» (№ 270-й).

Письмо въ редакцію свящ. *Пестрякова*:

Въ виду Вашего добраго приглашенія къ читателямъ—высказаться по поводу предполагаемой церковной реформы, считаю нравственнымъ долгомъ сказать нѣсколько словъ. Возобновленіе патріаршества—вопросъ настолько важный, что рѣдкій изъ насъ, пастырей, не думаетъ о немъ, не волнуется имъ; скажу на основаніи наблюденій, далеко не всѣ мы согласны въ этомъ вопросѣ.

Въ скоропостижномъ рѣшеніи вопроса о возстановленіи патріаршества, намъ думается, сказывается вліяніе эпохи, вліяніе общества, чрезмѣрно вѣрующаго *въ форму*; между тѣмъ жизнь создаютъ и самыя формы выковываютъ *лица*, т. е. ихъ нравственные устои, ихъ вѣру и убѣжденія. Было у насъ патріаршество и патріархи, много добра они дѣлали; но кто докажетъ, что это добро они дѣлали только потому, что были патріархами? Докажите, напримѣръ, что митрополиты св. Петръ, Алексій, Іона сдѣлали для русской церкви меньше, чѣмъ патріархи?

Съ другой стороны, кто станетъ отрицать, что «лучшій изъ оберъ-прокуроровъ», какъ вы пишете, маститый К. П. Побѣдоносцевъ, такъ много создалъ для церкви, такъ высоко поднялъ и облагообразилъ духовенство, какъ оно раньше не стояло и во снѣ ему не снилось? Правда, въ прошломъ у насъ бывали оберъ-прокуроры и отрицательнаго направленія, люди вредные для церкви и ея блага; но, положа руку на сердце, скажите, не могъ ли этотъ вредъ быть парализованъ, если бы рядомъ съ такими оберъ-прокурорами *сидѣли люди крѣпкаго духа, люди, готовые за церковь итти въ какую угодно ссылку?*

Одни ли оберъ-прокуроры создавали «вавилонское плѣненіе», какъ любятъ выражаться нѣкоторые? Не были ли тутъ виноваты и тѣ, кто шелъ въ это плѣненіе, покорно склонивъ выю?

Существующій порядокъ церковнаго устройства, съ оберъ-прокуромъ—какъ вліятельнымъ, но, во всякомъ случаѣ, не всемогущимъ же своимъ членомъ — желателенъ для духовенства и вотъ почему. Свѣтскія лица въ Синодѣ—это представители Царя и мірянъ въ немъ, каковые представители бывали на всѣхъ почти соборахъ. Для духовенства бѣлаго они нерѣдко являются *ходатаями и заступниками* предъ епископскою властію: синодальные архивы, навѣрно, многое могли бы разсказать на эту тему. Епископы наши—монахи, аскеты, люди чуждые міру; а мы, іереи, люди на-половину мірскіе; у насъ масса нуждъ, горя, для монаховъ совершенно чуждыхъ и далекихъ: больная жена, неудач-

ныя дѣти, матеріальная нужда — какое до всего этого дѣла строгому аскету?

Вѣдь есть монахи, которые на семейныхъ то людей смотрятъ какъ на низшую породу людей!..

Матеріальные интересы церкви, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, въ настоящее время очень обширны: сюда относятся церковно-приходскія школы, духовно-учебныя заведенія, благотворительныя учрежденія и т. д. Опять эта часть требуетъ свѣтскихъ блюстителей и приставниковъ, ибо для лицъ духовнаго сана есть масса прямыхъ цѣлей и задачъ, и матеріальныя дѣла будутъ ихъ только затруднять.

Возстановленіе, а особенно *экстренное*, патріаршества, неудобно потому, что нашъ народъ *совершенно* не приготовленъ къ нему, забылъ о немъ; и если нѣкоторые питаютъ надежду (мало вѣроятную) черезъ патріаршество возвратить въ церковь нѣкоторыхъ изъ старообрядцевъ, то не отдѣлятся ли отъ насъ многіе простые люди, которые не поймутъ патріаршества, о которомъ они съ удивленіемъ узнаютъ въ храмѣ изъ ектеніи?

Совершенно правильно въ № 259 вашей «Трибуны» изъяснено ликованіе разныхъ набатчиковъ и архинабатчиковъ по поводу ожидаемаго возстановленія патріаршества; не правъ только Z, думая, что всѣ наши либеральнѣйшіе либералы радуются этому обстоятельству: «Новости», напримѣръ, находятъ, «что русскаго человѣка можетъ прельстить не отдѣленіе церкви отъ государственной власти, а полное освобожденіе всякаго живущаго на русской землѣ отъ церкви и кошмара «христіанскаго государства»!..

Вообще, набатчики, по части патріаршества, еще не столковались, не учли всѣхъ выгодъ и невыгодъ этого обстоятельства, въ виду его экстренности и скоропостижности; тѣ изъ нихъ, что радуются, лишь на половину искренни; патріаршество во всякомъ случаѣ есть *единовластіе*, а это вѣдь либераламъ вещь весьма ненавистная; по всей вѣроятности разсчитываютъ, что съ русскою церковью, воплощенною въ одномъ лицѣ всероссійскаго патріарха, имъ легче будетъ бороться и ошибки (возможныя, конечно, и въ патріархѣ) они всегда постараются превратить въ обще-церковное пятно.

«Южный Край» (№ 8.419-й).

Статья *Н. Ш—ва:*

Вопросы церкви.

Подъ вліяніемъ общегосударственныхъ реформъ, направленныхъ къ упорядоченію внутренней жизни Россіи, и религіознаго движенія, возникшаго среди раскольниковъ и инославныхъ христіанъ, ищущихъ *свободнаго* удовлетворенія религіозныхъ потребностей духа, *Россійская православная церковь,* испытывающая со времени императора Петра I стѣсненность своего положенія и несогласіе съ апостольскими и каноническими правилами 7-ми Вселенскихъ соборовъ, въ лицѣ Св. Синода выразила желаніе церковныхъ реформъ, учрежденія въ Россіи патріаршества и созыва *всероссійскаго православнаго церковнаго собора.* Какъ извѣстно, по Высочайшей волѣ реформы отложены, но не отмѣнены.

Необходимость церковныхъ реформъ давно сознавалась какъ духовными, такъ и свѣтскими писателями и богословами. Соборъ, несомнѣнно, долженъ тщательно разсмотрѣть всѣ правила, постановленія, циркуляры, которыми русская православная церковь руководствовалась въ своей церковной жизни, многіе изъ коихъ, какъ палліативы, имѣвшіе когда-то, десятки вѣковъ назадъ, значеніе, слѣдовательно, какъ историческіе памятники, теперь составляющіе анахронизмъ или даже церкви навязанные извнѣ гражданскимъ законодательствомъ, соборъ устранитъ, многое измѣнитъ соотвѣтственно условіямъ современной церковной жизни, строго памятуя, что *церковь Божія жива, столпъ и утвержденіе истины.*

Наша русская церковь, заимствовавшая не только христіанство, но и церковное устройство изъ Византіи въ IX в., не имѣвшая подобныхъ византійскимъ и другимъ церковныхъ кодексовъ, возникавшихъ при появленіи христіанства и, слѣдовательно, соотвѣтствующихъ жизни извѣстной церкви, до сего времени регулируетъ свою церковную жизнь, помимо апостольскихъ правилъ, кодексомъ періода Вселенскихъ соборовъ, созданнымъ подъ вліяніемъ исключительныхъ церковно-государственныхъ, культурныхъ, нравственныхъ, бытовыхъ и др. соціальныхъ условій Востока и Запада.

Періодъ Вселенскихъ соборовъ—эпоха внутренняго церковнаго строительства, когда церковь выработала точное догматическое ученіе и опредѣлила свое юридическое положеніе какъ церковная община, согласно Евангелію и ученію апостоловъ. Отстаивая свое бытіе, правоту своего ученія, высоту христіанской нравственности, церковь столкнулась съ высокой языческой философіей, съ развитой греко-римской культурой,

съ классическимъ искусствомъ, съ своеобразной греко-римской жизнью и ея нравами, обычаями, съ неограниченнымъ монархизмомъ римскихъ и византійскихъ императоровъ, стремившихся ее подчинить государству; притомъ она вела ожесточенную борьбу съ различными ересями, возникшими на почвѣ греческой философіи. При изложеніи своего вѣроученія и нравоученія церковь въ своихъ соборныхъ постановленіяхъ, а также въ правилахъ отдѣльныхъ отцовъ, принятыхъ соборами, хотя и отражала голосъ своихъ представителей, хотя и признавала ихъ обязательными для вселенской церкви, тѣмъ не менѣе внесла въ нихъ много такого, что имѣло значеніе только для той эпохи и не можетъ быть примѣнимо къ позднѣйшимъ временамъ.

Какъ жизнь и культура христіанскихъ народовъ XX в. отличается отъ языческихъ народовъ II и III вв., такъ и церковная жизнь XX в., несомнѣнно, отличается отъ жизни эпохи Вселенскихъ соборовъ, эпохи внѣшней и внутренней борьбы церкви; что тогда было для церкви животворно, то теперь для ея жизни мертво и потеряло значеніе.

Церковь Божія *жива*—живой организмъ, и, какъ таковая, она нуждается въ постоянномъ обновленіи, въ удаленіи стараго, обветшавшаго, утратившаго смыслъ и значеніе, съ замѣной новымъ, нужнымъ для жизни, но не искажающимъ ея основной идеи.

Въ самый періодъ Вселенскихъ соборовъ, когда уже существовалъ опредѣленный и обязательный для всѣхъ церквей кодексъ церковныхъ правилъ, тѣмъ не менѣе нѣкоторые св. отцы (епископы) и помѣстныя церкви имѣли свои взгляды по нѣкоторымъ церковнымъ вопросамъ и свои церковные кодексы, напримѣръ, африканская церковь до VI в. руководствовалась своимъ каноническимъ кодексомъ—codex canonum ecclesiæ africanæ (Walter, стр. 186).

Св. Василій В. признавалъ полное соотвѣтствіе естественной нравственности съ христіанской моралью, св. Амвросій Мед. только признавалъ нравственность, основанную на Св. Писаніи; Св. Василій Великій безусловно осуждаетъ ложь, св. Августинъ признаетъ нѣсколько степеней лжи; бл. Іеронимъ считаетъ воспрещеннымъ употребленіе мяса и вина для всѣхъ христіанъ; относительно лишенія жизни на войнѣ и преступниковъ св Августинъ выражается положительно, а Василій Великій и Амвросій Мед. отрицательно (Суворовъ).

Въ отношеніи еретиковъ и вообще заблуждающихся І. Златоустъ, Григорій Нисскій и Назіанзинъ чужды были репрессій и преслѣдованій, но заповѣдывали кроткое и исполненное любви обращеніе; совершенно другого взгляда держались отцы Западной церкви.

Такихъ особенностей во взглядахъ по нѣкоторымъ церковнымъ во-

просамъ можно бы привести очень и очень много; тѣмъ не менѣе изъ церковной практики не видно, чтобы за несущественное церковное разногласіе церкви или епископы подвергались отлученію, но, наоборотъ, правила отдѣльныхъ епископовъ, какъ Василія Великаго, вошли въ кодексъ каноническихъ правилъ Вселенскихъ соборовъ, хотя, какъ мы видѣли, Василій Великій во многомъ расходился съ голосомъ другихъ епископовъ и цѣлыхъ церквей.

Отсюда ясно слѣдуетъ, что и теперь помѣстныя церкви, напримѣръ, русская, на своемъ *соборѣ* можетъ вносить свои измѣненія и дополненія въ кодексъ каноническихъ правилъ, лишь бы они не касались существеннаго и служили къ церковному благоустройству.

Теперь, если мы бросимъ хотя бѣглый взглядъ на нѣкоторыя постановленія Св. Синода и сравнимъ ихъ съ точкой зрѣнія соборныхъ или каноническихъ правилъ, которыя должны быть нерушимы, то увидимъ, что и россійская церковь допустила отступленія и измѣненія въ силу современныхъ потребностей церковной жизни.

Трульскій Вселенскій соборъ въ 11 правилѣ воспрещаетъ всякое общеніе съ іудеями: «Никто изъ принадлежащихъ къ священному сану, или изъ мірянъ, отнюдь не долженъ ясти опрѣсноки, даваемые іудеями, ни вступати въ содружество съ ними, ни въ болѣзняхъ призывати ихъ и врачевства принимати отъ нихъ, ни въ баняхъ купно съ ними мытися».

Несомнѣнно, что за общеніе съ іудеями, въ какихъ бы формахъ оно (кромѣ брака) ни проявлялось, теперь церковь не осуждаетъ. Антіохійскій соборъ (пр. 2) угрожаетъ отлученіемъ оставляющимъ богослуженіе по лѣности или нетерпѣнію; Трульскій соборъ въ 76 правилѣ воспрещаетъ *куплю-продажу въ церковныхъ оградахъ*.

VII Вселенскій соборъ въ 14 правилѣ воспрещаетъ чтеніе Св. Писанія съ *амвона* лицамъ, не рукоположеннымъ епископомъ.—Св. Синодъ отдѣльнымъ распоряженіемъ предписалъ воспитанникамъ духовныхъ семинарій произносить поученія, что и практикуется посвященными въ стихарь и не посвященными. Надгробныя же рѣчи и слова произносятся, какъ извѣстно, и лицами, не причастными къ клиру.

Сардикійскій (10 пр.), и Двукратный соборы (17 пр.) воспрещаютъ скачки или непослѣдовательность въ іерархическихъ должностяхъ, между тѣмъ въ русской церкви непосредственно изъ-за семинарской скамьи юноши посвящаются въ священники, не достигшіе 40 л., въ епископы поставляются лица, не проходившія низшихъ іерархическихъ должностей и не имѣющія 40 л.

Каноническія правила, вообще, неодобрительно относящіяся къ повторяющимся брачнымъ союзамъ—второму и третьему браку, *безусловно*

воспрещаютъ вступленіе въ бракъ разведеннымъ супругамъ (Василія В. пр. 9, 48 и 77; Трульскаго собора пр. 87).

Наша россійская церковь допускала вступленіе въ бракъ одному изъ разведенныхъ супруговъ, не уличенному въ прелюбодѣяніи, другой же супругъ навсегда лишался права вступать въ бракъ.

Въ 1904 году Святѣйшій Синодъ особымъ постановленіемъ *разрѣшилъ* вступленіе обоимъ разведеннымъ супругамъ въ бракъ, причемъ, супругъ, изобличенный въ прелюбодѣяніи, что́ и служитъ одной изъ причинъ къ разводу, получаетъ право на вступленіе въ бракъ послѣ понесеннаго духовнаго покаянія и духовнаго исправленія, засвидѣтельствованнаго духовнымъ начальствомъ.

Какъ извѣстно, это высокогуманное постановленіе Св. Синода, вызванное потребностями жизни, хотя и *не согласное* съ каноническими правилами соборовъ, было встрѣчено обществомъ и печатью восторженно и избавило общество отъ ужасныхъ трагическихъ исторій, разыгрывавшихся на почвѣ супружескаго несогласія, или явнаго разврата со стороны одного изъ супруговъ, пользовавшагося безвыходнымъ и безправнымъ положеніемъ другого. И только это благодѣтельное постановленіе Св. Синода пролило свѣтъ на семейную драму, избавляя и церковную жизнь отъ печальныхъ явленій.

Въ заключеніе скажемъ о взглядѣ св. отцовъ, напримѣръ, І. Златоуста на театръ.

Ко времени І. Златоуста классическое значеніе театра, какъ школы для воспитанія народа, пало, и театры сдѣлались мѣстомъ чувственныхъ, грубыхъ наслажденій. Желая оградить христіанъ отъ театральныхъ непотребностей, І. Златоустъ произносилъ жестокія обличенія на зрѣлища, называя театръ «зданіемъ діавола, сценой безнравственности, школой распутства, гимназіей разврата»; присутствіе въ циркѣ, какъ и въ театрѣ, онъ считаетъ также соблазнительнымъ, такъ какъ въ нихъ христіане слышатъ «дикій крикъ, хулы, праздныя рѣчи, видятъ непотребныхъ женщинъ, предавшихся разврату юношей» и т. д. (Суворовъ).

Западный моралистъ Сальвіанъ (V в.) говоритъ, что зрѣлища того времени совмѣщали въ себѣ всѣ виды пороковъ и преступленій. Малала, составитель «хроникъ», свидѣтельствуетъ, что актрисы въ тѣ времена выступали совершенно голыя.

Въ наше время въ лицѣ лучшихъ представителей сценическаго искусства театръ возстановилъ свое высокое значеніе, почему и со стороны духовныхъ проповѣдниковъ и Св. Синода онъ не только не вызываетъ нареканій или обличеній, но, наоборотъ, въ послѣднія нѣсколько

лѣтъ театральныя представленія разрѣшены даже въ Великій постъ, кромѣ трехъ недѣль.

Что же касается вопроса о томъ, можетъ ли русскій соборъ отмѣнить правила Вселенскихъ соборовъ, отмѣняемыя только вселенскимъ соборомъ, то въ положительномъ смыслѣ за это говоритъ практика восточныхъ и нашей церквей, а съ другой стороны — въ важныхъ случаяхъ для подтвержденія своихъ постановленій Св. Синодъ всегда сносился съ восточными патріархами *).

«Петербургскій Листокъ» (№ 92-й).

Мнѣніе по вопросу о церковной реформѣ *составителя «Сборника»*.

Свое мнѣніе по вопросу о церковной реформѣ мы высказали 4 апрѣля, въ «Русскомъ Собраніи». Репортеръ «П. Листка» рѣчи наши исказилъ до послѣдней крайности и не только въ подробностяхъ, но и въ существѣ ихъ. Это вынудило насъ напечатать въ газетѣ слѣдующія строки:

Говорилось о реформѣ церковнаго управленія. Свою рѣчь мы начали съ того, что выразили сомнѣніе въ возможности осуществленія одного pium desiderium реформы, это—посадить представителей духовенства во всѣхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, начиная съ Государственнаго Совѣта и кончая волостнымъ правленіемъ. Мы усумнились именно въ томъ, что въ учрежденіяхъ этихъ представители духовенства будутъ желательными сотрудниками. Указали на то, что нынѣ стараются даже выжить ихъ отовсюду. Недавно ихъ выставили изъ городскихъ думъ (кромѣ петербургской, гдѣ мѣсто за лицомъ духовнымъ сохранилось не по желанію гласныхъ). Для членовъ Русскаго Собранія не могло не показаться особенно убѣдительнымъ въ этомъ отношеніи наше указаніе на то, что даже между членами совѣта самого Русскаго Собранія нѣтъ ни одного духовнаго лица, хотя вопросъ объ этомъ, будто бы, и возбуждался. Что же удивительнаго, если мы остаемся при убѣжденіи, что pium desiderium посадить представителей духовенства во всѣ учрежденія, къ которому прилежитъ и наше сердце, является, такъ сказать, «наперекоръ стихіямъ»?

Голосъ церкви, голосъ духовенства,—говорили мы далѣе,—нашимъ интеллигентамъ и полуобразованнымъ либераламъ нежелателенъ, непріятенъ, даже нестерпимо непріятенъ. Въ подтвержденіе этого изъ множе-

---

*) Фактическимъ матеріаломъ для статьи мы пользовались изъ книги Н. Суворова: «Объемъ дисц. суда и юрисд. церк. въ пер. Всел. соб.». Ярославль, 1884 г.

ства доказательствъ нами указано было лишь на злобную критику, на глумленіе и издѣвательство, съ которыми отнеслись они къ слову высокопреосвященнаго митрополита Антонія къ рабочимъ Путиловскаго завода.

Мы высказали сомнѣніе и въ томъ, чтобы получилась большая благодать для церковно-приходской жизни отъ возстановленія самостоятельности приходовъ. Если можетъ привлекать жизнь такихъ приходовъ въ Финляндіи, то только городскихъ приходовъ, а не сельскихъ. Въ Америкѣ же существующіе тамъ самостоятельные уніатскіе приходы являютъ собою положительное уродство. По свидѣтельству свящ. Борецкаго (въ «Церк. Вѣд.»), тамъ прихожанъ нисколько не удовлетворяетъ завѣдываніе хозяйственною частью церкви; они вторгаются во внутреннюю ея жизнь и настолько, что, говоритъ Борецкій, скоро будутъ дѣлать постановленія о томъ, кого изъ прихожанъ Іисусъ Христосъ долженъ принять въ рай, а кого послать во адъ.

Позволимъ себѣ здѣсь добавить, что, судя по письму священника къ одному изъ сотрудниковъ «Петербургской Газеты» (Руслану), начинающемуся словами (по адресу 32-хъ и единомышленныхъ имъ петербургскихъ священниковъ): «Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры»,— провинціальное сельское духовенство положительно въ ужасъ приходитъ отъ представленія одной только возможности попасть въ крѣпкія и цѣпкія лапы міроѣдовъ и кулаковъ и утверждаетъ, что говорить о возстановленіи самостоятельности приходовъ спокойно могутъ только столичные священники въ «шелковыхъ рясахъ, въ казенныхъ квартирахъ и на шелковой мебели» (см. № 84 «Пет. Газ.»).

Болѣе подробно мы высказались объ одномъ мотивѣ церковной реформы, который предполагаетъ наличіе «паралича церкви». Мы утверждали и теперь продолжаемъ утверждать, что выраженіе Достоевскаго «наша церковь въ параличѣ»—нынѣ въ особенности не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Повторяемъ и теперь, что составитель записки, по порученію С. Ю. Витте, изображалъ современное состояніе церкви, взирая не на предметъ, а на призракъ.

Свое положеніе мы утверждаемъ на статистическихъ данныхъ, имѣющихся во всеподданнѣйшихъ годичныхъ отчетахъ синодальнаго оберъ-прокурора.

Если въ Русскомъ Собраніи одинъ священникъ (изъ «32-хъ») высказалъ, что статистика помело, имѣющее два конца (не остроумнѣе ли было сказать—кропило, у котораго также два конца?), то, вѣдь, такое мнѣніе о статистикѣ совсѣмъ не общепринятое. Статистическія данныя о внѣшнемъ состояніи церкви, имѣющіяся въ оберъ-прокурорскихъ отче-

тахъ, если и нельзя назвать точными и идеально совершенными, то во всякомъ случаѣ они самыя лучшія для своего назначенія и ими пользуются всѣ ученые. Извѣстный статистикъ Моро-де-Жоннесъ придаетъ большую цѣну и лишь приблизительнымъ числамъ.

Цифры, статистическія данныя признаются серьезными учеными людьми настолько краснорѣчивыми и убѣдительными, что въ этомъ отношеніи онѣ превосходятъ иногда самыя подробныя описанія тѣхъ или другихъ явленій.

Вопросъ можетъ быть лишь въ томъ, умѣемъ ли собственно мы читать цифры? Щекотливо отвѣчать на такой вопросъ, но приходится. Смѣемъ утверждать, что читать цифры мы способны. Эту способность признали за нами такіе солидные журналы, какъ «Странникъ», «Вѣра и Разумъ», «Миссіонерское Обозрѣніе», «Руководство для сельскихъ пастырей» и «Православный Собесѣдникъ» (въ лицѣ профессора А. Гусева) по поводу нашего труда—«Отечественная церковь по статистическимъ даннымъ» за цѣлыхъ 50 лѣтъ.

Такъ вотъ, по статистическимъ даннымъ (въ вычисленіяхъ и абсолютныхъ, и относительныхъ), внѣшнее состояніе нашей церкви въ настоящее время очень отрадное. Ризы ея, какъ выражались мы въ Собраніи, несравненно богаче, пышнѣе, чѣмъ онѣ были, когда Достоевскій высказался о «параличѣ церкви».

Нами указано было, что прогрессъ въ жизни церкви начался приблизительно со дня мученической кончины Императора Александра II. Мы попутно коснулись *причинъ* этого явленія и въ ряду импульсовъ къ оживленію церкви указали на самую мученическую кончину Императора Александра II, на примѣръ, который подавалъ собою Императоръ Александръ III, на проповѣдниковъ, къ которымъ прислушивалась вся Россія (Никаноръ херсонскій и Амвросій харьковскій), на о. Іоанна Кронштадтскаго.

Одинъ изъ членовъ Русскаго Собранія, признавая фактъ подъема церковной жизни, привелъ свое объясненіе этому отрадному факту (реакція матеріализму и атеизму 50-хъ и 70-хъ гг.). На это мы замѣтили, что если бы задачею нашею было указывать причины большого подъема церковной жизни, то мы могли бы указать еще и другія причины.

Кромѣ священника изъ «32-хъ», самаго факта, устанавливаемаго нами о современномъ внѣшнемъ состояніи церкви (а оно, вѣдь, есть выраженіе жизни внутренней), никто не оспаривалъ, если не считать нѣсколькихъ краткихъ замѣчаній А. В. Васильева, но къ намъ вполнѣ

присоединился профессоръ академіи прот. С. А. Соллертинскій, приведшій священника «изъ 32-хъ» къ безмолвію.

Вопроса о томъ, нужна или нѣтъ реформа церкви, мы рѣшать не брались. Когда же іерей изъ «32-хъ» хотѣлъ навязать намъ отрицательное заключеніе, мы отвѣтили ему: «Вы беретесь отгадывать чужой сонъ, когда трудно и свои объяснять».

Мы утверждаемъ лишь то, что въ настоящее время наша церковь не «въ параличѣ», а, слава Богу, живетъ и дѣйствуетъ. По сравненію же съ состояніемъ ея за 60-ые и 70-ые годы она нынѣ, не обинуясь можно сказать, процвѣтаетъ.

---

13 апрѣля.

«**Заря**» (№ 272-й):

По адресу 32-хъ.

Въ ряду первыхъ иниціаторовъ церковной реформы на «фарисейской закваскѣ» стоятъ 32 петербургскихъ священника. Большинство изъ этихъ священниковъ, какъ поспѣшилъ аттестовать ихъ «лжебратъ» нашъ г. Розановъ (въ «Нов. Вр.»), посѣщало закрытыя, за ихъ антихристіанскій, антицерковный характеръ «религіозно-философскія собранія». Никакъ нельзя сказать, чтобы аттестація эта дѣлала большую честь 32-мъ. Но не въ этомъ дѣло.

Гораздо интереснѣе знать, какъ на записку 32-хъ взглянуло провинціальное сельское духовенство. Достоенъ полнаго вниманія голосъ одного священника, поданный имъ въ письмѣ сотруднику «П. Газеты» (Руслану), который по поводу этого письма напечаталъ въ № 82-мъ газеты нѣсколько весьма интересныхъ и столько же поучительныхъ для столичныхъ іереевъ, заболѣвшихъ зудомъ реформаторства, строкъ. Вотъ эти строки:

«Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что очищаете внѣшность чаши и блюда, между тѣмъ, какъ внутри онѣ полны неправды и хищенія.

«Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что уподобляетесь окрашеннымъ гробамъ, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвыхъ и всякой нечистоты.

«Горе вамъ, журналисты-сочинители...

Но тутъ я,—говоритъ «Русланъ»,—прежде всего долженъ сказать, что этими укоризнами начинается полученное мною письмо отъ одного изъ сельскихъ священниковъ, написанное подъ впечатлѣніемъ распространившихся по деревенскимъ захолустьямъ извѣстій о церковной реформѣ.

Основы и проекты этой реформы повергли сельское духовенство въ удручающее настроеніе.

То, что представляется въ радужномъ свѣтѣ столичнымъ священникамъ въ шелковыхъ рясахъ и казенныхъ квартирахъ, обставленныхъ шелковою мебелью и всякимъ комфортомъ жизни,—деревенскому попу сулитъ мрачную перспективу.

А именно, рабская зависимость отъ прихода или, вѣрнѣе сказать, отъ тѣхъ Разуваевыхъ и Колупаевыхъ, которые держатъ прихожанъ въ своихъ ежевыхъ рукавицахъ.

Въ основу реформы, какъ извѣстно, кладется выборное начало (весьма удобопримѣнимое въ организаціяхъ государственныхъ и общественныхъ), а именно, чтобы священникъ назначался въ приходъ не архіереемъ, а избираемъ былъ самими прихожанами.

Казалось бы, какая это прогрессивная идея примѣнить къ церкви избирательный принципъ, а между тѣмъ она въ дѣйствительности есть попятный шагъ назадъ, примѣрно лѣтъ на 50—75, когда немногіе архіереи и въ немногіе приходы назначали священниковъ, а выбирали ихъ для своихъ вотчинъ сами помѣщики. Они же ихъ, когда хотѣли, и смѣщали:

— Владыко! Возьмите отъ меня попа Миронія. Не желаю его.

— Чѣмъ онъ не угодилъ вамъ?

— Просто непріятенъ, и вздумалъ по воскресеньямъ благовѣстить къ обѣднѣ безъ моего разрѣшенія, такъ что въ Троицу жена моя не успѣла даже одѣться.

— Хорошо, графъ, я дамъ ему другой приходъ. Всегда радъ исполнить ваше желаніе. А вы кого хотите, чтобы я вамъ назначилъ?

— Сына нашего дьякона. Почтительный молодой человѣкъ.

— Но онъ вѣдь курса семинарскаго не кончилъ. Малоуспѣшенъ.

— Къ церкви зато усерденъ. Прошу васъ, владыко.

— Аминь. Да будетъ по вашему!

То было давно, въ мрачное крѣпостническое время, когда помѣщичье слово было закономъ. То былъ выборъ единовластный, а теперь народный, выражающій голосъ цѣлаго прихода.

Однако, кто же не знаетъ положенія нынѣшней деревни и роли,

которую занялъ въ ней Разуваевъ, выбившій изъ родового гнѣзда аристократа-помѣщика.

Этому новому идолу поставленъ въ необходимость приносить нѣкоторыя жертвы бѣдный сельскій священникъ.

Ему съ почтеніемъ поднести въ церкви просфору, его супругѣ и домочадцамъ оказать всяческое вниманіе. У него же, пожалуй, и въ праздничный день спросить позволенія заблаговѣстить къ обѣднѣ.

Конечно, ничего этого священникъ можетъ и не дѣлать, а современный епископъ просьбы міроѣда Разуваева перемѣнить неугоднаго ему іерея во вниманіе не приметъ; но вотъ, когда служба духовенства поставлена будетъ въ зависимость отъ выборнаго начала и голоса прихожанъ, тогда этотъ самый міроѣдъ, держащій всю деревню и весь приходъ въ ежовыхъ рукавицахъ, сдѣлается безапелляціоннымъ вершителемъ судьбы причта.

Допустимъ даже, что таково будетъ не общее правило, а только исключенія (хотя, конечно, весьма не рѣдкія), но и тогда духовенство будетъ настолько напугано одною возможностью зависѣть отъ самодура, что никогда не посовѣтуетъ дѣтямъ своимъ итти по проторенной традиціонной прародительской дорогѣ.

Духовенство перестанетъ существовать кореннымъ сословіемъ, а ряды его пополнятся изъ другихъ классовъ общества, недостаточно подготовляющихъ свою молодежь къ этого рода дѣятельности.

Уже и теперь множество семинаристовъ не прельщаются духовною карьерою, а тогда едва ли будутъ желающіе служить церкви «по выборамъ», при которыхъ придется заискивать у вліятельныхъ прихожанъ.

Пониженіе авторитета духовенства представляется весьма невѣроятнымъ, хотя совершенно невѣроятно, чтобы утвержденъ былъ проектъ церковной реформы въ томъ видѣ, какъ его составило столичное духовенство. *Русланъ.*

Сообщилъ «Тридцать третій».

«**Разсвѣтъ**» (№ 42-й).

Статья *А. Р.:*

Патріаршій кризисъ.

«Церковный Вѣстникъ» (№ 14, апр. 7) извѣщаетъ о «благополучномъ» окончаніи патріаршаго кризиса въ Константинополѣ. Нѣкоторыя перипетіи этого событія, въ связи съ его исходомъ, наглядно показываютъ, какъ обширна въ дѣйствительности сфера вліянія патріаршей власти.

Нынѣшній константинопольскій «вселенскій» патріархъ Іоакимъ III (1878—1884 и съ 1901 г.) — полный энергіи общественный дѣятель. Недаромъ его называютъ «корифеемъ» вселенскихъ патріарховъ: въ первый періодъ своего патріаршества онъ много способствовалъ водворенію мира и спокойствія внутри страны и огражденію отъ произвола несчастной ромейской райи.

Въ прошломъ году, 30 сентября, у патріарха Іоакима возникъ конфликтъ съ 8 митрополитами греческой церкви, членами патріаршаго синода, ставшими къ нему въ оппозицію. Casus'омъ belli послужилъ конкордатъ 1880 г. о юридической зависимости отъ патріарха епархій Босніи и Герцоговины, оккупированныхъ Австріей. Второй членъ этого конкордата говоритъ: «епископовъ всегда выбираютъ епископы». Оппозиція потребовала права участія въ выборахъ патріарха и мірянъ, на что встрѣтила энергичный отпоръ со стороны Іоакима III. Онъ нашелъ, что привлеченіе мірянъ къ выборамъ патріарха было бы нарушеніемъ церковныхъ каноновъ (вотъ и поймите эти «каноны»!)

Восемь митрополитовъ были удалены патріархомъ изъ столицы къ ихъ епархіямъ, и онъ снова благополучно занялся текущими дѣлами церкви.

Но горячіе «обструкціонисты» не унимались. Въ аѳинской газетѣ «Κρα'τος» они напечатали подробный докладъ, въ которомъ обвиняли Іоакима III въ нарушеніи каноновъ церковныхъ, въ попраніи «прономіи церкви и народа» и, между прочимъ, въ томъ, что онъ, уклоняясь въ сторону «примирительной» политики, пересталъ ревностно заботиться о спокойствіи греческой церкви. Оппозиція добилась даже сочувствія Порты, но и та не могла измѣнить непоколебимаго рѣшенія патріарха.

Шесть мѣсяцевъ борьбы съ нимъ окончились полною побѣдою послѣдняго, признанною официальнымъ «тескере» на имя патріарха отъ министра юстиціи и исповѣданій Абдуррахманъ-паши. Порта должна была признать за патріархомъ полное право такъ властно распорядиться съ осмѣлившимися оппонировать ему митрополитами.

«Церковный Вѣстникъ» замѣчаетъ, что «такое рѣшеніе патріарха было въ высшей степени снисходительнымъ и милостивымъ по отношенію къ его противникамъ, такъ какъ въ его распоряженіи было болѣе рѣшительное средство—лишеніе каѳедръ и низложеніе».

«Это митрополитовъ-то»?—невольно задаемся мы вопросомъ,—членовъ синода? А что же тогда можетъ учинить патріархъ съ другими «соборянами»? Для насъ этотъ вопросъ имѣетъ теперь самое животрепещущее значеніе. Толковали о патріархѣ, лишь какъ о предсѣдателѣ собора церковнаго, который-де (соборъ) и явится главою церкви рус-

ской: на немъ «соборнѣ» будутъ бесѣдовать о церковныхъ нуждахъ достойныя ея чада. А тутъ, вдругъ, такая неожиданность преподносится изъ Греціи, откуда мы заимствуемъ идею патріаршества! Патріархъ-то возьметъ да и вовсе не созоветъ собора, или лишь въ рѣдкомъ случаѣ его пригласитъ, а въ остальное время окажется такимъ полновластнымъ господиномъ церкви, что будетъ имѣть право «во мгновеніе ока» разжаловать въ причетники любого митрополита.

Да минуетъ насъ чаша сія!..

«Церковный Вѣстникъ» говоритъ, что «патріархія константинопольская въ своихъ дѣйствіяхъ всегда опиралась на церковные и прочіе законы», а «Христіанское Чтеніе» (апрѣль 1903 г.) пытается раскрыть «закулисную сторону» дѣйствій оппозиціи. Восемью-де руководили личные съ патріархомъ счеты. Каковы были эти счеты и правы ли восемь митрополитовъ (въ числѣ которыхъ находится, между прочимъ, и знаменитый Германъ халкидонскій, оказавшій такъ много услугъ церкви въ 1891 г.), мы не знаемъ. Да это и не интересно: для насъ важно то, граничащее съ произволомъ, величіе власти патріаршей, какое здѣсь такъ ярко обнаружилось. Шесть мѣсяцевъ боролась Порта и сильная партія оппозиціи (восемь митрополитовъ!) противъ патріарха, и потерпѣла полное пораженіе!...

А вѣдь всякій согласится, что въ Турціи, государствѣ мусульманскомъ, гораздо слабѣе почва для проявленія власти патріарха, чѣмъ у насъ въ Россіи, гдѣ такъ велика еще власть вицъ-мундирнаго патріарха!

Почему нуженъ намъ предсѣдателемъ, такъ желаннаго для всѣхъ собора, непремѣнно патріархъ? Развѣ нельзя, просто, предсѣдателя собора, избираемаго самимъ же соборомъ и въ своей дѣятельности отъ собора же зависящаго?! Надо быть послѣдовательными и, проводя въ церковной реформѣ принципъ соборности, не уклоняться неосторожно въ сторону принципа единоличной власти. Послѣдній исключаетъ значеніе перваго и имѣетъ, иногда, нежелательную тенденцію—граничить съ деспотизмомъ, какъ это было, хотя бы въ данномъ случаѣ, съ константинопольскимъ патріархомъ.

«Севастопольскій Вѣстникъ» (№ 97-й).

Голосъ *Земца*:

О возстановленіи патріаршества въ Россіи.

Возстановленіе патріаршества въ Россіи, какъ вы уже знаете, признано несвоевременнымъ, такъ же, какъ и созывъ епархіальныхъ архіереевъ для обсужденія и разрѣшенія вопроса о каноническомъ устройствѣ нашей церкви.

Положенная Государемъ Императоромъ резолюція на опредѣленіе Синода о созывѣ помощнаго совѣщанія, кромѣ того, мудро устанавливаетъ, что вопросъ о церковной реформѣ—гораздо болѣе сложный и широкій, чѣмъ онъ указанъ въ помощномъ опредѣленіи Синода. Поэтому Монархомъ и предполагается въ будущемъ созвать всероссійскій помѣстный церковный соборъ, а не только съѣздъ однихъ епархіальныхъ епископовъ. Высшее духовенство столицы было въ полной увѣренности, что ихъ ходатайство будетъ имѣть успѣхъ и что къ Пасхѣ мы будемъ уже имѣтъ патріарха, но, какъ мы видимъ, Верховный Вождь Россіи, въ качествѣ высшаго покровителя православной церкви, вошелъ въ тяжелое положеніе церкви и проникся сознаніемъ необходимости коренного преобразованія всего нашего церковнаго строя.

И дѣйствительно, самый важный вопросъ нашей церковной жизни, это—вопросъ о необходимости возстановленія древняго значенія приходовъ, въ качествѣ церковныхъ самоуправляющихся общинъ и юридическихъ лицъ. Синодъ же ставитъ это преобразованіе, повидимому, на второй планъ, если не на послѣдній.

Одно возстановленіе патріаршества не разрѣшитъ, кромѣ того, и другихъ вопросовъ церковной дисциплины и порядка, требующихъ серьезной реформы.

Разрѣшеніе всѣхъ назрѣвшихъ нуждъ нашей церкви требуетъ привлеченія къ совмѣстной дѣятельности всѣхъ ея творческихъ силъ, а не одного только чернаго духовенства. Помѣстный всероссійскій соборъ долженъ состоять не изъ однихъ епархіальныхъ епископовъ, но и изъ викарныхъ, а также изъ бѣлаго духовенства и мірянъ.

Возстановленіе патріаршества дѣяніемъ одного Синода, при участіи подвластныхъ ему епископовъ, какъ оказывается, грозитъ даже смутой въ нашей церкви. Въ Москвѣ такое одностороннее разрѣшеніе не встрѣчало сочувствія ни въ духовенствѣ, ни въ обществѣ.

Въ двухъ кружкахъ, Ф. Д. Самарина и доктора Корнилова, состоящихъ изъ свѣтскихъ лицъ и духовенства, давно уже обсуждаются

церковно-общественные вопросы и въ послѣднемъ кружкѣ было твердо рѣшено 31 марта послать Его Величеству петицію и ходатайствовать не возстановлять патріаршества, пока не будетъ созванъ помѣстный всероссійскій соборъ, который разсмотритъ церковный вопросъ въ полномъ объемѣ и вмѣстѣ съ симъ сниметъ клятвы собора 1667 г. съ старообрядцевъ. Старообрядческій вопросъ не менѣе важный, чѣмъ приходскій. Оба вопроса, кромѣ того, тѣсно между собой связаны: старообрядцы,—мы говоримъ, конечно, о пріемлющихъ священство,—болѣе всего дорожатъ существующей у нихъ церковной общиной. Устройте такія общины въ православной церкви, не возбраняйте употребленіе стараго обряда, какъ это сдѣлано въ единовѣрческой церкви, и старообрядцы постепенно сольются съ православными. Исчезнетъ великій расколъ въ нашей церкви.

Къ сожалѣнію, не все наше духовенство, почти сплошь проникнутое бюрократическими тенденціями, уясняетъ себѣ великое значеніе идеи возстановленія автономіи приходскихъ общинъ, въ чемъ между тѣмъ именно и заключается залогъ будущаго обновленія всей православной церкви. Многіе видные представители нашего бѣлаго духовенства даже являются противниками этой идеи, считая ея сторонниковъ враждебно относящимися къ православной церкви и духовенству. Это ярко выразилось въ собраніяхъ столичныхъ пастырей, происходившихъ у насъ осенью прошлаго года и минувшей зимой и посвященныхъ приходскому вопросу. Любопытно кончились эти совѣщанія священниковъ: договорились они до многихъ общихъ положеній, согласились по многимъ вопросамъ приходскаго управленія и т. п., но все соглашеніе разсыпалось, когда возникъ вопросъ о территоріальномъ разграниченіи приходовъ: въ Петербургѣ больше домовыхъ церквей, чѣмъ приходскихъ, и само собой зашла рѣчь объ образованіи приходовъ при домовыхъ церквахъ. Но противъ этого возстало духовенство существующихъ приходскихъ храмовъ, боясь умаленія своихъ доходовъ.

«Южный Край» (№ 8.421-й).

Статья *И—на:*

Что лучше?

(Къ вопросу о возстановленіи патріаршества въ Россіи).

Итакъ, по словамъ «Новаго Времени» (№ 10.445), «теперь вся Россія въ лицѣ мѣщанъ, разночинцевъ, мелкихъ служащихъ и даже мужиковъ узнала, что строй нашей церкви противорѣчитъ древнимъ канонамъ отцовъ церкви и Вселенскихъ соборовъ». Получается что-то ужас-

ное, даже нѣчто такое, какъ будто настоящая церковь русская, существующая вопреки церковнымъ канонамъ, впала въ какую то ересь и лишена благодати. На самомъ же дѣлѣ ничего ужаснаго нѣтъ.

Во-первыхъ, патріаршество въ древне-вселенской христіанской церкви не было первоначальною, исконною формою церковнаго управленія; оно явилось впослѣдствіи и окончательно было принято только лишь на четвертомъ Вселенскомъ соборѣ (въ 451 г.), по мысли и настоянію византійскихъ императоровъ, стремившихся черезъ учрежденіе патріаршества придать больший блескъ и значеніе своей власти. Точно также и у насъ, въ древне-русской церкви, первоначальною формою церковнаго управленія была митрополичья; патріаршество же появилось у насъ только въ 1589 году, и явилось оно не по мысли русскаго духовенства или же слабаго умомъ и волей хотя и благочестиваго царя Ѳедора Іоанновича, а по мысли могущественнаго и хитраго временщика Бориса Годунова, желавшаго учрежденіемъ патріаршества, съ одной стороны, способствовать возвышенію Москвы, а съ другой стороны, имѣть въ патріархѣ опору въ своихъ стремленіяхъ къ достиженію царскаго престола. Учрежденіе у насъ патріаршества произошло съ вѣдома и согласія восточныхъ патріарховъ, которые въ особой грамотѣ, подписанной тремя патріархами, 42 митрополитами и 19 архіепископами, указали— считать патріарха русской церкви послѣ Іерусалимскаго. Замѣна патріаршаго управленія синодальнымъ, послѣдовавшая въ 1721 г. при Петрѣ Великомъ, была произведена, какъ и учрежденіе патріаршества, съ вѣдома и согласія восточныхъ патріарховъ. Спрашивается теперь: могли ли восточные патріархи и бывшіе при нихъ епископы, среди которыхъ, безъ сомнѣнія, было много глубокихъ знатоковъ церковныхъ каноновъ, дать свое согласіе на замѣну въ русской церкви патріаршаго управленія синодальнымъ, если бы эта замѣна стояла въ противорѣчіи древнимъ церковнымъ канонамъ? Конечно, нѣтъ. Но допустимъ, что учрежденіе Синода вмѣсто патріаршества явилось дѣйствительно нарушеніемъ нѣкоторыхъ каноновъ; слѣдуетъ ли изъ этого, что произошло въ церкви нѣчто ужасное, что церковь потеряла свободу, впала въ рабское состояніе, даже чуть ли не сдѣлалась еретическою?.. Каноны—не догматы, которые, какъ основныя истины, касающіяся самаго существа вѣры, должны остаться вѣчными и неизмѣнными; каноны—правила, касающіяся внѣшняго устройства церкви и церковной дисциплины. Поэтому съ историческимъ измѣненіемъ и развитіемъ церковной жизни измѣнялись и самые каноны. Для примѣра укажемъ на слѣдующія наиболѣе характерныя измѣненія въ канонахъ: Неокесарійскій соборъ 15-мъ правиломъ установилъ имѣть въ каждомъ городѣ по семи діаконовъ, какъ

писано въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ, «аще градъ и великъ есть»; шестой Вселенскій соборъ 29 правиломъ отмѣнилъ это постановленіе на томъ основаніи, что въ Дѣяніяхъ говорится не о служащихъ тайнамъ, а о служащихъ трапезамъ. При этомъ толковникъ означеннаго правила выразился отъ имени собора объ отцахъ Неокесарійскаго собора, что не *добрѣ разумѣша того собора отцы* («Кормч.» л. 56). Въ первые вѣка, согласно посланію св. апостола Павла къ Тимоѳею, гл. III, ст. 2 и 5 правилу св. апостоловъ, епископы были женаты; шестой Вселенскій соборъ заповѣдалъ 12 правиломъ епископу съ женою не жить («Кормч.» л. 180). Наконецъ, по словамъ толковника 11 правила Лаодикійскаго собора, нѣкоторые каноны *отъ времени забвени быша, инїи же отнюдь престаша* («Кормч.» л. 74).

Итакъ, при взглядѣ самой церкви на каноны, какъ на правила, измѣняемыя сообразно ходу и требованіямъ церковной жизни, стремиться возстановить вмѣсто синодальной формы церковнаго управленія патріаршую лишь только потому, что она является болѣе соотвѣтствующею древнимъ церковнымъ правиламъ, изъ которыхъ *инїи забвени быша*, а не потому, что она является болѣе соотвѣтствующею современнымъ требованіямъ церковной жизни, не значитъ ли это стремиться повернуть самую церковную жизнь назадъ?

Иное дѣло—вопросъ о нѣкоторыхъ ненормальностяхъ, существующихъ въ настоящее время въ самомъ синодальномъ управленіи и отмѣченныхъ въ современной печати. Объ устраненіи этихъ ненормальностей надобно позаботиться, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Если, напримѣръ, справедливо то, что свѣтская власть получила въ Синодѣ столь преобладающее значеніе, что епископы и митрополиты, по замѣчанію «Новаго Времени» (№ 10.445) «творятъ болѣе или менѣе не свою волю» и «говорятъ» болѣе или менѣе не свое слово, то надобно предпринять реформы, клонящіяся къ ослабленію въ Синодѣ власти свѣтской и къ возвеличенію власти духовной, чтобы іерархи могли творить свою волю и говорить свое слово. Если для епископовъ кажется обиднымъ, что ревизовать управляемыя ими епархіи посылаютъ синодальныхъ чиновниковъ, пусть посылаютъ ревизовать архимандритовъ и архіереевъ.

Если среди оберъ-прокуроровъ были хлысты (князь Голицынъ), то зато среди епископовъ были люди, не чуждые заблужденій, осуждаемыхъ церковью; были, напримѣръ, а можетъ быть и теперь есть, среди нихъ лица, которыя подъ вліяніемъ чрезмѣрнаго увлеченія идеей монашества, простой обрядъ постриженія въ иночество возводили на степень таинства, а таинство брака, какъ противное иночеству, понимали въ смыслѣ простого обряда и слова апостола Павла, сказанныя

относительно брачнаго союза, *тайна сія велика есть*, относили только къ союзу Христа—съ церковію, а не къ союзу брачному, хотя древнехристіанская церковь и чужда была такого односторонняго пониманія этихъ словъ. Если оберъ-прокуроръ изъ хлыстовъ, князь Голицынъ, подъ вліяніемъ хлыстовскаго отрицательнаго взгляда на бракъ былъ вреденъ для церкви въ рѣшеніи вопросовъ брачныхъ и семейныхъ, то врядъ ли можетъ быть и полезенъ возведенный на патріаршую каѳедру епископъ, который, подъ вліяніемъ крайняго увлеченія монашествомъ, утверждаетъ, что воспитаніе духовнаго юношества должно быть всецѣло отдано въ руки монашества, что ректорами и инспекторами въ семинаріяхъ должны быть только игумены и архимандриты и что ректоры-протоіереи—мошенники и казнокрады, кормящіе свои семьи на казенный счетъ.

Итакъ, необходимо стремиться къ реформамъ въ самомъ Синодѣ, къ устраненію въ немъ такихъ ненормальностей, которыя мѣшаютъ правильному теченію и развитію церковной жизни; утверждать же, что управленіе церковью единоличное патріаршее, при которомъ открывается слишкомъ широкій просторъ всякому произволу и административнымъ усмотрѣніямъ,—лучше и совершеннѣе, нежели управленіе коллегіальное, синодальное—едва ли возможно.

---

14 апрѣля.

«Церковный Вѣстникъ» (№ 15-й).

Изъ кого долженъ состоять церковный соборъ? *Архим Михаила.* — Мнѣнія и отзывы печати. (Сужденія о запискѣ петербургскихъ священниковъ — Московская тенденція. — Единомысліе въ главномъ всѣхъ серьезныхъ проектовъ церковной реформы)

Изъ кого долженъ состоять церковный соборъ?

Полагаемъ, что рѣшеніе вопроса очень зависитъ отъ того, зачѣмъ, съ какими цѣлями будетъ созванъ соборъ.

Если этотъ соборъ будетъ созванъ только для выборовъ патріарха и первоначальной, такъ сказать, черновой организаціи Синода, то тогда можно допустить, чтобы онъ состоялъ изъ *однихъ епископовъ*.

Созвать соборъ въ ниже предполагаемомъ составѣ теперь, при не-

организованности прихода, было бы почти нельзя: кто будетъ выбирать мірянъ на соборъ, пока нѣтъ ни первой ячейки объединенныхъ мірянъ, т. е. прихода, ни обще-епархіальныхъ приходскихъ организацій?

Говорятъ, что можно бы избрать представителей мірянъ земствами; но развѣ земство — церковная организація? Принципъ выборовъ здѣсь будетъ неизбѣжно нецерковный, инструкція избраннымъ будетъ только земская, и избранными будутъ люди нецерковные, не имѣющіе никакой «сближенности» съ интересами церкви (я не говорю — противоцерковные).

Собирать теперь соборъ епископовъ, пресвитеровъ и мірянъ немыслимо; нужно, по крайней мѣрѣ, годъ подготовительной организаціонной работы. Но откладывать на годъ все же опасно и нежелательно.

Поэтому, повторяю, первый избирательный соборъ можетъ быть только епископскимъ; но первый соборъ — *законодательный*, *реформирующій*,—а всѣ будущіе помѣстные соборы русской церкви? Изъ кого будутъ состоять они?

Вотъ вопросъ, въ которомъ все отъ того или иного рѣшенія,—это быть ли Россіи дѣйствительно обновленной и сильной.

Одинъ изъ моихъ учителей утверждаетъ, что соборъ можетъ быть только изъ епископовъ. Это будто бы истинно каноническая норма. На этой точкѣ зрѣнія стоитъ, повидимому, Л. Тихомировъ («Запросы жизни и наше церковное управленіе»).

Полагаемъ, что эта точка зрѣнія и невѣрна, и опасна.

Однимъ изъ принциповъ обновленія жизни церкви, какъ мы ее понимаемъ, можетъ и должно быть сближенье съ интеллигенціей, «церковнымъ народомъ», въ общей церковной работѣ.

Какъ справедливо писалъ Заозерскій, главная причина слабости нашего церковнаго управленія и состоитъ именно «въ полномъ разобщеніи тѣхъ нравственно-интеллектуальныхъ силъ, которыя имѣются въ распоряженіи церкви. Этихъ силъ, слава Богу, у насъ много; но онѣ дѣйствуютъ всѣ врозь, нерѣдко въ печальномъ антагонизмѣ между собою. Соберите ихъ воедино, и наша церковь явится великою нравственною силою. Какія же это силы? Вотъ онѣ: сила общественно-нравственнаго авторитета, или наши іерархи; сила субъективной горящей вѣры (я бы прибавилъ: и молитвы)—подвижники, энтузіасты въ вѣрѣ, не имѣющіе офиціально-церковнаго авторитета, но могущіе встрѣтиться едва ли не въ каждомъ сословіи, въ каждой профессіи; сила богословскаго знанія, сила интеллигенціи—писателей и художниковъ, ищущихъ религіозной истины, стремящихся воплотить ее въ своемъ творчествѣ и т. д.»

Можно ли разъединить эти силы въ самомъ началѣ дѣла?

Мы думаемъ, что въ такомъ разъединеніи святое церковное дѣло было бы несвободно даже и отъ опасности чисто внѣшней.

Не чувствуя за собой силы церковныхъ мірянъ, ихъ голоса, соборъ могъ быть нерѣшительнымъ и слабымъ въ своихъ трудахъ, и не потому даже, что ему придется бороться съ какой-нибудь внѣшней силой; нѣтъ,—просто потому, что сочтетъ слишкомъ тяжелымъ для себя брать отвѣтственность за свои рѣшенія.

Но не это главное. Главное то, что созвать соборъ изъ однихъ епископовъ—значитъ, на самомъ дѣлѣ, намъ погасить огонь, который долженъ разгорѣться. Міряне жалуются, что они изгнаны изъ жизни церковной, что они только «гости» въ храмѣ и пассажиры на «церковномъ суднѣ» (Розановъ).

Простолюдины и въ церкви — только пыль мостовая, по которой идутъ книжники.

Храмъ для мірянъ — чужое мѣсто и чужое дѣло, дѣло клириковъ и какой-то тамъ администраціи. «Мы чужіе для храма и онъ для насъ. Возвратите намъ храмъ и церковное дѣло,—говорятъ,—и вы получите церковный народъ, и пассажиры на церковномъ кораблѣ станутъ трудниками на немъ, помогутъ судну итти къ его великой цѣли».

Мы увѣряемъ мірянъ, что они ошибаются, пожалуй, даже клевещутъ.

Церковь,—говоримъ мы,—священники давно зовутъ мірянъ, чтобы они были не «гостями», а работниками въ церковномъ дѣлѣ, возвратились въ церковь въ качествѣ живыхъ членовъ, восполняющихъ полноту жизни церковной.

Церковь православная,—увѣряли мы,—тѣмъ и отличается, напр., отъ католической, что считаетъ каждаго мірянина творцомъ церковной жизни.

«Міръ изгнанъ церковью изъ храма, отстраненъ отъ церковной жизни, и ему холодно отъ этого недружелюбія церкви»,—говорили намъ.

Нѣтъ,—отвѣчали мы,—храмъ Христовъ выстуженъ, оледенѣлъ, потому что міряне его бросили, не желая создавать изъ себя «собора церковнаго».

И вотъ, когда въ первый разъ обсуждаются вопросы, ближайшимъ образомъ затрогивающіе интересы ихъ жизни, какъ членовъ церкви (напр., вопросъ о приходѣ), когда не аллегорически созывается «соборъ»,—для нихъ закрываются его двери.

Не значитъ ли это оттолкнуть навсегда тѣхъ, кого хотѣли возвратить?

Мы собираемъ соборъ во имя идей возобновленія церковнаго, идей соборности, и сами разрушаемъ то, что хотимъ создать, изгоняя мірянъ, съ которыми должны быть едиными.

Не нужно забывать, что между церковью и мірянами давно ведется «судное дѣло».

Къ церкви предъявленъ длинный и серьезный обвинительный актъ, и она, вѣчная и чистая, ради спасенія душъ, должна снисходительно принять обвиненіе и на него отвѣтить.

Только на почвѣ взаимнаго примиренія возможна будущая работа.

Само собою разумѣется, я говорю не о тѣхъ обвиненіяхъ, какія предъявляютъ церкви люди, «канканирующіе въ области святыхъ понятій». Церковь не будетъ судиться съ авторомъ «Мессы», напр. Нѣтъ, много обвиненій (держащихся отчасти на недоразумѣніи) предлагаютъ истинно церковные люди, и вотъ ими начатый «судный процессъ» долженъ быть такъ или иначе покончен. Ихъ оттолкнуть—значитъ «разорить церковь».

Но, можетъ быть, допуская мірянъ, вы стали въ противорѣчіе съ церковною практикой и канономъ?

Конечно, нѣтъ. По идеѣ церкви восточной, сила всякаго собора держится именно на томъ, что онъ не «только» епископскій соборъ, даже тогда, когда по составу, внѣшне-статистически, онъ состоитъ изъ однихъ епископовъ (если таковые бывали).

Присутствіе мірянъ на соборахъ, какъ и вообще участіе ихъ въ дѣлахъ церковныхъ, не только вполнѣ законно, но и необходимо. Тѣло церковное, составляемое и совокупляемое посредствомъ всякихъ взаимоскрѣпляющихъ связей, получаетъ приращеніе для созиданія себя въ любви только при дѣйствіи въ свою мѣру каждаго члена (Еф. 4, 12—13, 16). Церковь Христова есть союзъ взаимоназиданія, въ которомъ каждый, буде не препятствуетъ ему совѣсть его, долженъ быть не только назидаемымъ, но и назидающимъ. Апостолъ Павелъ не порицаетъ участія мірянъ въ благовѣствованіи, а радуется ему (Филип. 1, 4—5). Міряне не удаляемы должны быть епископами отъ участія въ дѣлахъ церковныхъ, а привлекаемы; тогда только и собственная ихъ дѣятельность будетъ плодотворною. «Церковь, — говоритъ св. Кипріанъ Карѳагенскій,— есть народъ, соединенный со своимъ епископомъ, стадо, прилежащее пастырю. Церковь обитаетъ въ епископѣ, клирѣ и вѣрномъ народѣ». Необходимо присутствіе на соборахъ мірянъ, чтобы согласіе и единодушіе собравшихся было полнѣе. И если не всѣ міряне присутствовали на соборахъ, потому что это было невозможно при многочисленности ихъ въ церкви, то всѣ они имѣли право присутствовать на нихъ и своимъ молчаливымъ согласіемъ подтверждали постановленія соборовъ. При этомъ только условіи и постановленія Вселенскихъ соборовъ имѣютъ авторитетъ непогрѣшимости и общеобязательности; ибо «непогрѣшимость по-

чіетъ единственно во вселенскости церкви, объединенной взаимною любовію. Неизмѣняемость догмата, равно какъ и чистота обряда, ввѣрены не одной іерархіи, но всему народу церковному». «У насъ, — говорятъ восточные патріархи,—ни патріархи, ни соборы никогда не могли внести что-нибудь новое, потому что хранитель благочестія (вѣры, религіи и нравственности) есть само тѣло церкви, т. е. самый народъ». И Вселенскіе соборы признаются таковыми не потому только, что на нихъ присутствовало множество епископовъ, но потому, что церковь, т. е. клиръ и народъ вмѣстѣ признали ихъ выразителями своего ученія, своей внутренней жизни. «Въ обыкновенной формулѣ соборныхъ объявленій— «изволися Св. Духу и намъ», выражается, — говоритъ Хомяковъ, — не горделивое притязаніе, но смиренная надежда, которая впослѣдствіи оправдывалась или отвергалась согласіемъ или несогласіемъ всего народа церковнаго, или всего тѣла Христова, какъ выразились восточные патріархи». — «Соборы еретическіе, числомъ подписавшихся епископовъ (какъ, напр., соборы, составившіе полуаріанскій символъ) превосходившіе, напримѣръ, Никейскій соборъ,—отвергнуты были единственно потому, что ихъ рѣшенія не были признаны за голосъ церкви всѣмъ церковнымъ народомъ; тѣмъ народомъ и въ той средѣ, гдѣ въ вопросахъ вѣры нѣтъ различія между ученымъ и невѣждою, церковникомъ и міряниномъ, мужчиною и женщиною, государемъ и подданнымъ, рабовладѣльцемъ и рабомъ; гдѣ, когда это нужно, по усмотрѣнію Божію, отрокъ получаетъ даръ видѣнія, младенцу дается слово премудрости, ересь ученаго епископа опровергается безграмотнымъ пастухомъ, дабы всѣ были едино въ свободномъ единствѣ живой вѣры, которое есть проявленіе Духа Божія. Таковъ догматъ, лежащій въ глубинѣ идеи собора».

Но если такъ, то участіе мірянъ на соборѣ безъ права рѣшающаго голоса необходимо. И оно канонично. Первый соборъ церковный (соборъ апостольскій) состоялъ изъ «епископовъ, старцевъ и народа»,— Дѣян. XV гл.

На первомъ Вселенскомъ соборѣ, святую икону котораго мы надѣемся видѣть въ залѣ будущихъ соборныхъ совѣщаній, кромѣ 318-ти «отцовъ» присутствовало очень много мірянъ, являвшихся на соборъ для разсужденія и состязанія о вѣрѣ и вообще для выясненія своихъ догматическихъ мнѣній. Не говоря о вѣрныхъ (т. е. полноправныхъ членахъ-мірянахъ), здѣсь были даже язычники-философы, вступавшіе въ философско-богословскіе дебаты съ отцами собора. Они допущены, очевидно, для цѣлей выясненія истины.

Объ одномъ изъ Карѳагенскихъ соборовъ имѣемъ такое заявленіе святого Кипріана: «Надлежитъ, составивъ общій совѣтъ съ епископами,

пресвитерами, діаконами, исповѣдниками и твердыми въ вѣрѣ мірянами, разсудить о дѣлѣ падшихъ».

На 6-мъ Вселенскомъ соборѣ видную роль играетъ простой нотарій (св. Андрей Критскій, не имѣвшій никакой церковной степени). По словамъ Пролога, «тамъ онъ явился доблестнымъ противъ еретиковъ воиномъ Іисуса Христа и много содѣйствовалъ собору святыхъ отцовъ. Самъ императоръ и весь соборъ святыхъ отцовъ преисполнились почтенія къ Андрею».

И эти иллюстраціи могутъ быть безконечны.

«Архіерейскій соборъ», какъ замкнуто дѣйствующая отъ прочихъ членовъ церкви коллегія, явился въ значительно позднее время: появленіе его можно объяснить чисто историческими причинами, напр. отсутствіемъ интереса въ народѣ къ чисто духовнымъ или вообще церковнымъ дѣламъ, его невѣжествомъ, но признать идеальною канонически такой формы нельзя. Духъ замкнутыхъ коллегій, «секретовъ» или «консисторій», былъ совершенно чуждъ церкви апостольскаго вѣка, равно какъ и слѣдующихъ вѣковъ (проф. Заозерскій).

Но если на соборѣ должно быть мѣсто мірянамъ, то тѣмъ болѣе двери собора не могутъ быть закрыты для священниковъ.

Древнее церковное право считаетъ необходимымъ, чтобы епископы рѣшали дѣла со своими старцами пресвитерами. Епископъ немыслимъ безъ пресвитеріума, пресвитерскаго совѣта... Понятно, при этихъ условіяхъ немыслимъ былъ безъ пресвитеровъ и епископскій соборъ. Мы видѣли, что на Карѳагенскомъ соборѣ пресвитеры были. На Аредатскій соборъ епископы ѣдутъ, взявъ съ собой два духовныхъ лица 2-й степени, т. е. пресвитеровъ. На помѣстномъ соборѣ Эльвирскомъ въ 309 г., издавшемъ многія очень важныя опредѣленія касательно церковной дисциплины, было 19 епископовъ, 26 пресвитеровъ, діаконовъ и великое множество народа. Римскій помѣстный соборъ 465 г., подъ предсѣдательствомъ папы Иларія, состоялъ изъ 98 епископовъ и всѣхъ пресвитеровъ и діаконовъ.

Что же препятствуетъ допустить бѣлое духовенство теперь къ участію въ соборныхъ совѣщаніяхъ?

Ихъ участіе обязательно. Никто не станетъ утверждать, что епископъ въ епархіальномъ управленіи могъ бы справиться безъ помощи священниковъ. Было бы наивностью сказать, будто епископы освѣдомлены во всѣхъ сторонахъ епархіальной жизни, что для нихъ открыты всѣ раны и язвы епархіальнаго устройства и т. д. Что же они будутъ рѣшать? Какимъ чудомъ епископъ, безсильный обнять всю область епархіальныхъ дѣлъ у себя дома, здѣсь, на соборѣ, окажется сильнымъ

для того, чтобы говорить объ улучшеніяхъ и перемѣнахъ въ области тѣхъ же самыхъ дѣлъ?

Кто дастъ ему «вѣдѣніе»?

Этого мало; будущій соборъ будетъ судомъ надъ бѣлымъ духовенствомъ. Здѣсь будетъ рѣшаться, между прочимъ, «ихъ дѣло», ихъ отношенія къ епископской власти, вопросъ о священническихъ соборахъ и такъ далѣе... Неужели же этотъ первый судъ обновленной церкви будетъ совершаться безъ подсудимыхъ?

Вѣдь, не говоря о томъ, что епископы, рѣшающіе вопросъ о епархіальномъ управленіи, не могутъ быть свободны отъ подозрѣній въ пристрастіи, они не могутъ вынести правильнаго суда, не выслушавъ подсудимыхъ, и по своей неосвѣдомленности.

Поэтому устранить изъ собора бѣлое духовенство было бы и несправедливо, и вредно для дѣла и интересовъ церкви.

Такъ требуютъ и каноны.

Мнѣнія и отзывы.

Сужденія о запискѣ петербургскихъ священниковъ.— Московская тенденція.—Единомыслие въ главномъ всѣхъ серьезныхъ проектовъ церковной реформы.

— Вопросъ о церковной реформѣ вскорѣ долженъ вступить въ стадію болѣе детальной и дѣловой разработки. Пока сужденія свѣтской и духовной печати неизбѣжно вращаются еще около самыхъ общихъ и основныхъ его сторонъ, хотя, по свойственной людямъ мелочности, иногда останавливаются съ излишнимъ вниманіемъ на второстепенныхъ и случайныхъ подробностяхъ. Такою подробностью въ данномъ случаѣ оказалась извѣстная записка группы петербургскаго духовенства. Хорошо встрѣчена была она свѣтскими писателями, но не вездѣ благосклонно своими. Посыпались какіе-то неспокойные вопросы: чѣмъ вызвана эта записка, почему она появилась именно теперь, почему подписались подъ ней только 32, почему ихъ подписи не опубликованы въ печати и т. п. Тамъ, гдѣ не привыкли даже мысленно допускать возможность крупныхъ преобразованій, гдѣ личная иниціатива и корпоративныя дѣйствія совершенно исключены изъ обихода, подобнаго рода недоумѣнія, можетъ быть, даже и естественны. Тревожныя ощущенія отъ надвигающихся перемѣнъ могутъ дать достаточное психологическое объясненіе недостаточно логически обоснованнымъ нареканіямъ. «Миссіон. Об.» (№ 5) касается записки петербургскихъ священниковъ въ двухъ статьяхъ. Въ одной она называется не «благовѣстомъ», а «набатомъ», не совсѣмъ умѣстнымъ въ данный моментъ, затѣмъ доказывается благодѣ-

тельность политическаго охраненія церкви и необходимость не внѣшней реформы, а внутренняго, нравственнаго «исцѣленія» самихъ пастырей. Въ другой статьѣ появленіе пастырской записки объясняется ничѣмъ инымъ, какъ «недостаткомъ у насъ въ вѣдомствѣ дисциплины». «Будь дисциплина, не появилось бы въ печати іерейскаго набата о реформѣ». Хотя подписи подъ запиской еще рѣзче нарушали бы «дисциплину», но журналъ почему-то удивляется «трусливой» анонимности записки, хотя онъ, несомнѣнно, хорошо знаетъ, что разъ записка была подана митрополиту, то она была и подписана: иначе откуда бы стало извѣстно это число подписавшихъ—32? Онъ считаетъ ее, наконецъ, вредной съ миссіонерской точки зрѣнія, потому что авторитетныя указанія на «неканоничность устройства нашего церковнаго управленія» отнимаютъ у миссіонеровъ «базу въ защитѣ этой нашей ахиллесовой пяты». Нельзя не посочувствовать трудности положенія миссіонеровъ, но невозможно во имя этого остановить ростъ богословской науки и церковной самокритики, какъ нельзя во имя педагогическихъ интересовъ и школьныхъ программъ остановить развитіе міровой философіи и литературы. Радуясь отдаленію реформы, миссіонерскій журналъ воздерживается отъ сужденія о ней по существу, но высказываетъ мимоходомъ опасеніе, что замѣна оберъ-прокурорской власти патріаршею откроетъ какимъ-то образомъ для «антицерковныхъ либераловъ возможность большаго вліянія на голову и членовъ церкви». Въ противоположность всему этому «Богосл. Вѣстн.» (апр.) смотритъ на дѣло не съ дисциплинарной точки зрѣнія, а по существу, и потому привѣтствуетъ записку и ея идейное содержаніе: «это всегда было желаніемъ истинныхъ членовъ православной церкви и истинныхъ пастырей. Записка служитъ лишь отголоскомъ весьма широко распространенныхъ и очень настойчивыхъ желаній. Тѣмъ не менѣе честь и благодарность первымъ иниціаторамъ!»

— Несущественными и нецѣнными намъ представляются и взгляды на церковную реформу специфически московскаго оттѣнка. Типичнымъ выраженіемъ ихъ является письмо П. Дурново къ митрополиту петербургскому («Рус. Дѣло» № 12). Весь смыслъ реформы для автора письма сводится не столько къ соборной автономіи церкви, сколько къ возстановленію патріаршества «въ Москвѣ и нигдѣ болѣе». Для него «верховная патріаршая каѳедра въ Москвѣ еще существуетъ. Никакого соборнаго постановленія о закрытіи московскаго патріаршества не было». Патріаршество въ Петербургѣ было бы «восхищеніемъ» правъ «ветхаго Рима—Москвы». Противъ столь буквалистической привязанности къ городамъ и именамъ лучше всего говоритъ исторія. Главенствующія каѳедры національныхъ церквей всегда перемѣщались вмѣстѣ съ пере-

движеніемъ политическихъ центровъ. Такъ было и у балканскихъ славянъ, и у насъ на Руси. При этомъ никакія соборныя постановленія не властны были остановить стихійныхъ перемѣнъ въ жизни государствъ и народовъ. Когда, послѣ монгольскаго погрома, нашъ древній митрополичій Кіевъ потерялъ значеніе политическаго центра, каѳедра митрополіи русской перекочевала во Владиміръ, помимо всякихъ соборныхъ опредѣленій, а когда такое опредѣленіе post factum состоялось при митроп. Алексіи, судьбы исторіи уже передвинули митрополію фактически въ Москву, гдѣ она и осталась и превратилась въ московскую, опять безъ всякаго соборнаго опредѣленія. Такимъ образомъ, справка съ исторіей какъ разъ говоритъ противъ мечтательныхъ попытокъ воскрешенія археологическихъ титуловъ, не имѣющихъ опоры въ конкретной національно-государственной дѣйствительности. Московскій періодъ русской исторіи прожитъ безвозвратно; нельзя ждать возвращенія туда и церковно-правительственнаго центра. Можетъ быть, геніальный императоръ оставилъ бы теперь Петербургъ, но уже конечно не для Москвы, а для какого-нибудь южнаго приморскаго города, ближе къ Цареграду...

— Всѣ серьезные взгляды на церковную реформу, оцѣнивающіе ее по существу, безъ всякихъ пристрастій, почти буквально совпадаютъ между собою. Ихъ общая мысль та, что интересъ реформы заключается не въ перемѣнѣ образа высшаго церковнаго правленія, а въ переустройствѣ всего быта церкви на началѣ подлинной соборности, безъ чего реформа одного «верха» была бы не только безполезной, а скорѣе даже вредной. Самое проведеніе реформы должно, по справедливому мнѣнію А. А. Кирѣева («Нов. Время» № 10.447), подчиниться каноническому порядку соборности.

Столь важная реформа въ нашей жизни должна быть одобрена и освящена голосомъ всей православной церкви Необходимо, чтобы она велась строго соборно и гласно при участіи не только іерарховъ, но и другихъ клириковъ и даже мірянъ. Отстраненіе мірянъ отъ участія въ дѣлахъ церкви есть дѣло въ сущности латинское, дѣло вредное для церкви... Важна не замѣна Синода патріархомъ: это дѣло лишь показное, это можетъ быть лишь перемѣною декорацій. Великая и благодатная сила реформы въ томъ, чтобы возвратиться къ древнему соборному началу, къ истинной древней церковной организаціи «тѣла Христова», начавъ съ возсозданія прихода. Безъ этого основанія, этого фундамента церкви обойтись невозможно, безъ правильнаго организованнаго прихода и патріархъ и Синодъ будутъ висѣть на воздухѣ, будутъ безъ корней, а стало быть и безъ вліянія на народную жизнь.

Г. Я. Кирѣевскій (ib. № 10.451) также центръ тяжести реформы видитъ въ «фундаментѣ церковной жизни», т. е. въ оживленіи прихода. Безъ этой предпосылки онъ находитъ опаснымъ единоличное главенство патріарха. Для автора главный вопросъ: въ чемъ гарантія отъ возможнаго произвола и чрезмѣрныхъ притязаній патріарха? Ея не видитъ онъ въ нравахъ іерархіи и духовенства, не воспитавшихъ въ себѣ

надлежащей свободы духа и мужества. Гарантія только во введеніи общественнаго контроля въ церковное управленіе, начиная съ приходской жизни.

Почему же наши духовные реформаторы такъ горячо набросились на составленіе проекта крыши для церковной жизни, а о фундаментѣ какъ будто и думать не желаютъ? Всякій, кто ставитъ на первомъ планѣ сущность дѣла, а не форму одну, согласится, что замѣна въ церковной администраціи всевластнаго и далекаго отъ церковной жизни вицъ-мундира такимъ же всевластнымъ и—скажемъ это съ увѣренностью—еще болѣе далекимъ отъ церковной жизни клобукомъ сама по себѣ еще ничего не предрѣшаетъ для церковно-приходской жизни, тѣмъ болѣе, что по части властолюбія, честолюбія и деспотизма монашескій клобукъ, какъ извѣстно, нисколько не уступитъ вицъ-мундиру и даже перещеголяетъ его.

Въ «Руси» (№ 83) напечатано одушевленно составленная записка отъ шести духовныхъ лицъ изъ провинціи. Авторы заявляютъ о пламенномъ желаніи церковной реформы. Но—говорятъ они—не о патріархѣ собственно печалилось ихъ сердце, они желали не уничтоженія оберъ-прокуратуры, какъ таковой, а церковнаго абсолютизма, подъ какой бы формой онъ ни скрывался. Ихъ врагъ—централизація церковной власти съ ея роднымъ дѣтищемъ — бюрократизмомъ, умертвившіе церковную жизнь. Но вотъ вмѣсто свѣтскаго папы является духовный папа. Чѣмъ патріаршество можетъ помочь бѣлому духовенству выйти изъ безправія и безгласія предъ своими владыками? Главное зло церковной жизни—абсолютизмъ и произволъ—можно уничтожить только введеніемъ ея въ каноническое русло соборности.

Соборность—это самый существенный нервъ церковнаго организма, слава церкви, гордость ея и ея святыня. Это по существу обратное абсолютизму. Современной церковной централизаціи надо противопоставить осуществленіе соборнаго начала въ самомъ широкомъ объемѣ. Не патріархъ съ Синодомъ, а каноническій соборъ долженъ править церковью. Всѣ церковныя отношенія должны быть преобразованы на основаніи этого забытаго и задавленнаго принципа соборности. Каждый отдѣльный іерархъ долженъ стать вновь живой единицей въ церковномъ организмѣ и перестать быть только владыкой для однихъ и служкой для другихъ. И каждый священникъ долженъ стать тоже живой единицей и перестать быть только жалкимъ винтомъ въ епархіальной машинѣ. Наконецъ, надо вспомнить, что по вѣрѣ вселенской церкви, «сохраненіе таинствъ и чистота обрядовъ ввѣрены не одной іерархіи, но всему народу церковному, который есть тѣло Христово» (посланіе вост. патр. къ папѣ Пію IX). Пора и мірянъ призвать къ строительству церковнаго дѣла. Здѣсь, и только здѣсь, смыслъ и значеніе церковной реформы для русскаго вѣрующаго общества. Создать патріаршество и на томъ покончить—значитъ едва только начать дѣло и ничего не сдѣлать Абсолютизмъ церковной власти, централизація, съ помощью которой мірское начало 200 лѣтъ владычествовало надъ жизнью церкви,—вотъ истинная и страшная опасность для церкви, искони парализовавшая ея здоровыя силы. Чтобы реформа удовлетворила церковный организмъ, должны быть возстановлены періодическіе помѣстные соборы іерарховъ (1—2 раза въ годъ) съ представительствомъ отъ низшаго духовенства и мірянъ, должно раскрѣпостить духовенство и дать ему право свободнаго голоса, право активнаго участія въ церковной жизни, снявъ съ него архіерейскую опеку, и должно мірянъ признать живыми силами церковнаго тѣла. Уничтоженіе абсолютизма въ церкви и возвращеніе къ принципу соборности—вотъ то главнѣйшее и единственное, въ чемъ нуждается и чего ждетъ нынѣ православное общество отъ церковныхъ реформъ.

Точно такія же мысли и опасенія высказываются въ письмѣ въ «Русск Вѣд.» (№ 95), принадлежащемъ, по заявленію редакціи, «лицу компетентному въ церковныхъ вопросахъ». Авторъ письма сначала намѣчаетъ, какою должна бы быть идеальная реформа церковнаго управленія. Именно: а) уничтоженіе государственнаго вмѣшательства въ дѣла церкви, б) возстановленіе автономіи церковной власти въ формѣ патріаршества, но в) съ непремѣннымъ условіемъ соборнаго контроля ея дѣйствій со стороны всего общества вѣрующихъ. Однако, авторъ не видитъ признаковъ, которые бы доказывали, что настоящія духовныя власти, при всей ихъ склонности выполнить два первыхъ пункта реформаціонной программы, столь же готовы осуществить и третій, самый важный. Принимая во вниманіе распространившійся слухъ о томъ, что будущій помѣстный соборъ имѣетъ состоять изъ однихъ епископовъ, авторъ строитъ пессимистическое предположеніе, будто бы вся реформа «направлена не къ тому, чтобы замѣнить государственную опеку надъ дѣлами русской церкви общественнымъ контролемъ и закономѣрно ограничить церковную власть, а наоборотъ, къ тому, чтобы сдѣлать эту власть неограниченной и избавить ее отъ всякаго контроля». Да не будетъ!..

«**Новости Дня**» (№ 7.853-й).

Статья *Арскаго:*

Духовный бытъ и реформы.

Въ послѣдніе годы наше духовенство выдвинуло изъ своей среды не одного недюжиннаго и пользующагося большой популярностью дѣятеля. Эти одиночки показывали, что живыя силы не изсякаютъ въ средѣ нашего чернаго и бѣлаго духовенства даже во времена самой узкой государственной опеки. Благодаря же этимъ живымъ элементамъ, были выдвинуты въ наши дни переоцѣнка бюрократическихъ цѣнностей и вопросъ о реформахъ въ бытѣ духовенства.

Можно считать общеустановленной ту мысль, что необходимость рѣзкаго разграниченія задачъ священнослужителя, церкви отъ цѣлей внѣшне-государственныхъ, бюрократическихъ, признается, какъ необходимое жизненное условіе. Реформы, которыя должны привести къ этому, сознаны подавляющимъ большинствомъ представителей самого же духовенства и встрѣтили въ правительственныхъ сферахъ согласіе и утвержденіе. Такъ что голосъ г. Грингмута о вредѣ и опасности этихъ реформъ оказывается вопіющимъ въ пустынѣ.

Слѣдуетъ многаго ожидать отъ истинно-осуществленныхъ реформъ въ нашемъ церковномъ бытѣ. Вотъ еще громадный запасъ мало использованныхъ силъ! Странное дѣло,—носители священническаго служенія, обязанности которыхъ прежде всего вызываютъ требованіе истинной и глубокой духовности, являются, по свидѣтельству нашей художественной литературы, которой не противорѣчитъ дѣйствительность, далеко не идеалистами. Наоборотъ, типичныя черты, которыя отражаются и въ народныхъ поговоркахъ, и въ произведеніяхъ литературныхъ, говорятъ объ особенностяхъ чисто-матеріальнаго характера, о многихъ отрицательныхъ сторонахъ представителей духовнаго быта, которыя обусловлены положеніемъ вещей.

Можно прослѣдить историческую преемственность опеки, въ особенности надъ бѣлымъ духовенствомъ, что́ лишало его представителей возможности истиннаго служенія и авторитета активной духовной силы. Вспомнимъ времена крѣпостничества, когда произволъ каждаго самодура-помѣщика тяготѣлъ надъ личностью жившаго въ его имѣніи священника.

Но прошли времена позорнаго рабовладѣльчества, а опека, въ видѣ ограничительной и проникнутой бюрократическимъ духомъ организаціи, продолжаетъ тяготѣть надъ нашимъ священникомъ, являющимся по многимъ своимъ обязанностямъ чиновникомъ. И это приноситъ, конечно, свои неминуемые плоды.

Мы знаемъ, что городской и еще болѣе—деревенскій священникъ, кромѣ исполненія возложенныхъ на него требъ, могъ бы вносить и громадную долю своего духовнаго вліянія въ бытъ темнаго и нуждающагося крестьянина.

Черезъ него, священника, облеченнаго бо́льшимъ довѣріемъ, чѣмъ кто-либо, или, во всякомъ случаѣ, при его громадномъ содѣйствіи экономическое благосостояніе крестьянина возрастало бы параллельно его культурному развитію. Самодѣятельность, активность, которой лишены теперь необходимѣйшіе работники страны, какъ учителя, врачи и проч., и проч., однѣ могли бы лишь послужить могущественными рычагами ея обогащенія и поднятія. Поэтому вопросъ о большей или меньшей степени свободы въ дѣятельности того или иного класса затрогиваетъ общіе насущнѣйшіе вопросы жизни страны.

Въ общей культурной освободительной работѣ священникъ, стоящій такъ близко къ народу, долженъ сыграть свою немалую роль. Вмѣсто той человѣконенавистнической проповѣди, которая раздается порой съ амвона деревенскихъ церквей, раздастся повсюду живое, призывающее къ дѣятельной и свѣтлой работѣ, слово. Это должны намъ принести ре-

формы, которыя въ результатѣ своемъ каждаго пастыря поставятъ лицомъ къ лицу съ его сложной и отвѣтственной задачей служенія, при полной духовной самостоятельности въ немъ. Всѣ живыя силы церкви ратуютъ за это, и, конечно, онѣ окажутся дѣйствительнѣе безсильно злобствующихъ единомышленниковъ г. Грингмута. Вопросъ объ этомъ — одинъ изъ тѣхъ, которые назрѣли и стоятъ на очереди къ разрѣшенію.

---

15 апрѣля.

«**Русскія Вѣдомости**» (№ 102-й).

Статья *П. Астрова:*

Задача церковной реформы.

Церковная реформа отложена. Но широко пронеслись по Россіи слова, что «церковь русская не имѣетъ каноническаго устройства», что она «лишена свободы и независимости». Естественно, что вопросъ можетъ быть лишь отложенъ, но не снятъ съ очереди.

Чтобы разобраться во всей массѣ недоумѣній, вызванныхъ неожиданностью его практической постановки, обратимся къ принципамъ, опредѣляющимъ отношенія церкви къ государству въ христіанской Европѣ.

Двумя принципами опредѣляются эти отношенія. Въ своемъ крайнемъ развитіи они получаютъ характерные признаки папизма и цезаре-папизма. Древнѣйшее изъ нихъ (для Запада) папистическое начало характеризуется стремленіемъ сильной, централизованной, опирающейся на замкнутый клиръ церковной власти подчинить своему вліянію все остальное общество со всѣми его общественными союзами до самаго большаго союза—государства—включительно.

Открытое, опиравшееся когда-то на юридическія нормы, вліяніе смѣнилось теперь болѣе внутреннимъ и интимнымъ давленіемъ клерикализма,—давленіемъ, во многихъ случаяхъ столь же чуждымъ ученію Христа, какъ и пытки средневѣковой инквизиціи.

Въ великую эпоху реформаціи въ странахъ, сбросившихъ съ себя ярмо папскаго ига, на смѣну папизму явилось другое начало, опредѣлившее отношенія церкви и государства,—принципъ цезаре-папизма, т. е. соединеніе въ одномъ лицѣ главенства какъ надъ государствомъ, такъ и надъ церковной организаціей.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что не старая Византія, а именно примѣръ западно-европейскихъ протестантскихъ государствъ, имѣвшихъ въ глазахъ Петра Великаго такой авторитетъ, привелъ и у насъ къ учрежденію Синода въ замѣну прежде существовавшаго церковнаго строя. «Православные канонисты,—говоритъ проф Заозерскій,—сознаются, что при учрежденіи Синода Петръ Великій дѣйствовалъ не по образцу обязательныхъ для православной церкви каноновъ, а подъ сильнымъ вліяніемъ протестантскихъ каноническихъ системъ, съ которыми онъ познакомился въ Голландіи и Швеціи. Появившееся въ русской жизни съ учрежденіемъ Синода начало цезаре-папизма уничтожило самостоятельную церковную организацію, замѣнило ее *вѣдомствомъ* въ системѣ государственнаго управленія, что̀ отразилось и на языкѣ XVIII вѣка, употреблявшемъ официально, безъ всякой иронiи, выраженія: «духовная команда», «духовные командиры». Откровенная рѣзкость этихъ выраженій не могла не претить своимъ крайнимъ несоотвѣтствіемъ самому существу задачъ церкви, и эти выраженія скоро вышли изъ употребленія. Но исчезла лишь откровенность, а постановка дѣла по существу не измѣнилась.

Не входя въ историческую оцѣнку реформы Петра, нельзя, однако, не говорить о ней теперь потому, что въ данной области она имѣетъ и для насъ, въ XX вѣкѣ, значеніе современности, какъ ни парадоксально показалось бы такое сопоставленіе на первый взглядъ. Начала, положенныя въ основу петровской церковной реформы, не только не поколебались въ теченіе послѣдующихъ столѣтій, но напротивъ того находили себѣ болѣе полное развитіе.

Открыто обнаружившееся, особенно въ послѣднее время, стремленіе сдѣлать церковь орудіемъ для проведенія въ общество идей реакціоннаго характера,—до распространенія слуховъ о 18-ти японскихъ милліонахъ включительно,—не могло не вызвать живѣйшаго негодованія какъ въ средѣ самого духовенства, такъ и у всѣхъ тѣхъ, кому дѣйствительно дороги интересы общества и церкви.

Религія свободна. Нѣтъ болѣе непримиримаго противорѣчія, какъ въ понятіяхъ религія и принужденіе. Единственно правильной организаціей церковнаго союза является поэтому организація его на началахъ, наиболѣе обезпечивающихъ эту свободу,—свободу извнѣ, т. е. въ отношеніяхъ церковнаго союза къ другимъ общественнымъ союзамъ и лицамъ, внѣ данной церкви находящимся, а также и свободу внутри, т. е. свободу каждаго члена союза.

Въ отношеніяхъ внѣшнихъ свобода церкви должна выразиться въ полномъ отдѣленіи церкви отъ государства, въ независимости ея отъ

него въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ возможна при государственномъ союзѣ независимость всякаго союза.

Въ отношеніяхъ внутреннихъ свобода каждаго члена церкви можетъ и должна обезпечиваться лишь широкимъ и послѣдовательнымъ проведеніемъ въ жизнь начала соборнаго или,—что то же,—начала представительнаго.

Такъ какъ, вопреки мнѣнію «*Московскихъ Вѣдомостей*», свобода не есть анархія, то такое рѣшеніе вопроса при всей его современности имѣетъ и свою многовѣковую исторію, свою давность, своихъ авторитетныхъ провозвѣстниковъ, начиная отъ апостоловъ, которые созвали первый соборъ въ Іерусалимѣ изъ членовъ общины и внесли на этотъ соборъ свое предложеніе избрать должностныхъ лицъ. «И одобрено было сіе предложеніе всѣмъ собраніемъ»,—читаемъ въ Дѣяніяхъ Св. Апостоловъ (6, 4); должностныхъ лицъ избрало собраніе, а апостолы, помоливши, лишь возложили на нихъ руки (тамъ же 6, 6). Позднѣе соборное начало широко примѣнялось и при бо́льшемъ многолюдствѣ союзовъ. Такъ, въ III вѣкѣ въ Сѣверной Африкѣ соборы сдѣлались существеннымъ элементомъ церковной организаціи.

То же начало находило себѣ практическое примѣненіе и въ рядѣ послѣдующихъ вѣковъ; цѣлая эпоха получила отъ нихъ свое названіе,—эпоха Вселенскихъ соборовъ.

Различныя уклоненія отъ нормальнаго хода жизни церковныхъ организацій привели къ тому, что это соборное начало утратилось въ практической жизни, сохранившись лишь въ отвлеченіи, какъ догматъ, и встрѣчающіеся по временамъ слабые отблески этого начала не воспроизводятъ намъ его реально, въ той полнотѣ, какъ оно должно осуществляться и осуществлялось.

Соборное начало есть начало своего рода *самоуправленія*,—но не самоуправленія лишь клира, а *самоуправленія всей церковной общины*, всего церковнаго союза. Это обстоятельство необходимо имѣть въ виду при обсужденіи примѣненія соборнаго начала для будущей церковной организаціи. Правильная въ этомъ отношеніи постановка реформы можетъ предохранить отъ выдѣленія клира въ замкнутую единицу съ вреднымъ клерикализмомъ, какъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого выдѣленія.

Вопросъ о самоуправленіи и представительствѣ является однимъ изъ наиболѣе разработанныхъ вопросовъ публичнаго права, къ которому, какъ часть къ цѣлому, относится, какъ извѣстно, въ принятой классификаціи и *церковное* право. Едва ли поэтому представило бы теперь серьезныя затрудненія примѣнить начала соборнаго самоуправленія, вве-

денныя апостолами въ немноголюдной общинѣ первыхъ лѣтъ христіанства въ Іерусалимѣ, къ современному многолюдному церковному союзу. Конечно, мы говоримъ не о безразборчивомъ заимствованіи началъ государственнаго права, но о глубокомъ и самостоятельномъ использованіи результатовъ блестящей многолѣтней работы человѣческой мысли въ этой области.

Не обезличивая церковь, какъ союзъ *религіозный*, и сохранивъ въ немъ все специфически связанное съ этимъ особымъ его характеромъ, церковное право могло бы воспользоваться у государственнаго лишь тѣмъ, что̀ относится, такъ сказать, къ механизму представительства, лишь схемой представительства, по которой *соборность* временъ апостольскихъ могла бы реально осуществиться и теперь.

Не новымъ явилось бы и взаимодѣйствіе человѣческой мысли въ области права церковнаго и государственнаго.

Давно и долго шли эти науки рука объ руку, одновременно развиваясь въ тѣсной связи одна съ другой. Расцвѣтъ и пробужденіе мысли въ области одной изъ нихъ былъ одновременно расцвѣтомъ и въ другой. Обособленіе церковнаго права особенно нежелательно именно теперь, когда выдвинулся вопросъ о реформѣ церковной организаціи.

Не подлежитъ сомнѣнію, что реформа эта должна быть разработана и проведена лишь при совмѣстной работѣ всѣхъ просвѣщенныхъ силъ; лишь дружныя совмѣстныя усилія могутъ поставить дѣло на правильный путь и, избавляя церковь отъ подчиненія государству, предохранятъ насъ отъ всякихъ другихъ нежелательныхъ явленій.

Особое значеніе получилъ за послѣднее время вопросъ о патріархѣ. Въ этомъ отношеніи нельзя не замѣтить, что съ положеніемъ патріарха не связывается опредѣленныхъ, единообразныхъ для всѣхъ временъ и народовъ реально-правовыхъ функцій. Патріархатъ эпохи Вселенскихъ соборовъ не совпадаетъ съ этой точки зрѣнія съ современнымъ положеніемъ восточныхъ патріарховъ, а тѣмъ менѣе съ русскимъ допетровскимъ патріаршествомъ. Исторія знаетъ и такихъ представителей реально-соборныхъ православныхъ церковныхъ организацій, которые никакихъ особыхъ титуловъ и внѣшнихъ преимуществъ не имѣли. Такое положеніе патріарха, какъ представителя церкви, заслуживаетъ особаго вниманія, и нельзя не пожелать, чтобы и русскій патріархъ XX столѣтія, если патріаршество будетъ установлено, оказался бы *не болѣе какъ предсѣдателемъ и представителемъ соборной организаціи*. Пусть ни въ исторіи, ни въ современныхъ условіяхъ русской жизни нѣтъ тѣхъ условій, которыя привели на Западѣ къ появленію папизма; нельзя однако

отрицать, что то или иное правовое положеніе патріарха имѣетъ большое общественное значеніе.

Много вѣковъ отдѣляютъ насъ отъ того средневѣковья, гдѣ кроются корни современнаго католическаго папизма,—корни, безъ которыхъ это явленіе не могло ни появиться, ни окрѣпнуть, безъ которыхъ его нельзя и объяснить. Какъ ни отстала Россія по сравненію съ Западной Европой, но XX вѣкъ христіанской культуры уже постучался и стучится въ наши родныя, долго затворенныя, отяжелѣвшія отъ времени двери. И для насъ не прошла даромъ многовѣковая работа человѣческой мысли,—хотя и не видимъ мы еще широкаго примѣненія ея въ жизни. И наше общество выросло, и у насъ выдѣлился кругъ людей, живущихъ сознательно въ общественномъ отношеніи; классъ этотъ растетъ и увеличивается и въ ширь и въ глубь количественно и качественно. Нѣтъ препонъ могучему развитію русской интеллигенціи, понимая это слово въ его самомъ широкомъ демократическомъ значеніи. И, конечно, не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы послѣ долгой зависимости отъ государства, при особомъ характерѣ и степени образованности нашего духовенства со всѣми вытекающими отсюда послѣдствіями, оно могло имѣть, говоря вообще, независимо отъ отдѣльныхъ случаевъ, теперь то значеніе, которое имѣли представители католическаго духовенства въ средніе вѣка или въ эпоху возрожденія, когда около папскаго престола сосредоточивалось почти все движеніе человѣческой мысли.

Но если теперь у насъ нѣтъ условій для образованія чего-нибудь подобнаго папизму, то опасность клерикализма,—хотя и въ нѣсколько иномъ, по сравненію съ Западомъ, проявленіи,—не исключается. Къ этому можетъ привести въ числѣ другихъ условій и сосредоточеніе церковной власти въ одномъ лицѣ, въ лицѣ патріарха, если онъ будетъ не *только* представителемъ соборной организаціи, но будетъ имѣть и самостоятельныя, значительныя функціи.

Лишь соборное начало, проведенное широко и послѣдовательно, можетъ обезпечить церковную организацію, вытекающую изъ ученія Іисуса Христа и соотвѣтствующую настоятельнымъ нуждамъ нашего времени, можетъ обезпечить церкви надлежащую, правильно проведенную, свободу.

«Кіевская Газета» (№ 105-й).

Церковныя реформы.

Согласно Высочайшей волѣ, вопросъ о церковной реформѣ въ смыслѣ возстановленія патріаршества и введенія въ церковное управленіе на-

чала соборности, откладывается впредь до наступленія болѣе нормальныхъ и спокойныхъ условій въ русской жизни. Церковная реформа, поставленная на очередь съ такою настойчивостью, не признана излишней, но только откладывается...

Все это заставляетъ русское общество отнестись съ большимъ вниманіемъ къ предстоящей реформѣ, глубже вдуматься въ тотъ вопросъ, который, безспорно, имѣетъ весьма важное общественное значеніе. Это тѣмъ болѣе необходимо, что вопросъ въ первые моменты его постановки поставилъ общество втупикъ Всѣ отзывы печати свидѣтельствовали о томъ, что люди, привыкшіе задумываться и разбираться въ серьезныхъ общественныхъ дѣлахъ, далеко не сразу оріентировались въ народившемся вопросѣ.

За реформу высказалось значительное большинство нашей прогрессивной печати, противъ—реакціонная печать. Прогрессивная печать, привѣтствуя реформу, имѣющую цѣлью освобожденіе церкви отъ бюрократическаго гнета, поступала вполнѣ послѣдовательно: она привѣтствовала освобожденіе an und für sich, не вдумываясь въ дальнѣйшія послѣдствія реформы. Она оцѣнивала предстоящую реформу съ точки зрѣнія извѣстныхъ принциповъ, не связывая ее ни съ прошлымъ, ни съ будущимъ. Нѣсколько позже другіе отнеслись къ церковной реформѣ недовѣрчиво и опасливо. Возрожденіе церковной жизни неизбѣжно должно повести къ развитію и усиленію клерикализма, а клерикализмъ, какъ учитъ опытъ Запада, имѣетъ тенденцію стать политической силой и выступать въ рѣзкомъ противорѣчіи со всякими прогрессивными стремленіями. Такова сущность тѣхъ опасеній, какія съ большею или меньшею опредѣленностью высказывались въ послѣднее время.

Въ настоящій моментъ, конечно, преждевременно настаивать на безусловной справедливости того или иного взгляда. Но нельзя не замѣтить, что люди, отрицательно относящіеся къ предстоящей церковной реформѣ, имѣли къ этому достаточныя основанія. Возражая имъ, необходимо доказать, что тенденціи нашей церковной жизни не имѣютъ ничего общаго съ тенденціями западной церкви. Въ какой мѣрѣ такія доказательства возможны,—это, конечно, вопросъ особый...

Кромѣ людей, отрицательно относящихся къ церковной реформѣ изъ соображеній чисто-политическихъ, есть люди, безразлично относящіеся къ предстоящей реформѣ потому, что не ожидаютъ никакихъ благихъ послѣдствій отъ нея и для самой церкви. Обсуждая основы намѣченной реформы, посколько онѣ проникли въ печать, лицо, которое редакція «Рус. Вѣд.» рекомендуетъ, какъ весьма компетентное въ церковныхъ вопросахъ, замѣчаетъ слѣдующее. Ожидаемая реформа «во вся-

комъ случаѣ направлена не къ тому, чтобы замѣнить государственную опеку надъ дѣлами русской церкви общественнымъ контролемъ, а, наоборотъ, къ тому, чтобы сдѣлать эту власть неограниченной и избавить ее отъ всякаго контроля»...

Вполнѣ ясно, что общество отъ церковной реформы ожидаетъ гораздо большаго, чѣмъ измѣненія чисто-внѣшнихъ отношеній и замѣны одной власти другою. Общество стремится къ такой церковной реформѣ, которая обновила бы церковь путемъ полнаго освобожденія ея отъ служенія мірскимъ цѣлямъ. Только при безусловной свободѣ отъ политическихъ задачъ церковь возвратитъ себѣ то значеніе, объ утратѣ котораго такъ скорбятъ теперь сами священнослужители...

---

17 апрѣля.

«**Новое Время**» (№ 10.459-й).

«Письма къ ближнимъ» *М. Меньшикова*:

Духъ дышитъ, гдѣ хочетъ.

Этотъ первый день Пасхи многіе благочестивые люди мечтали видѣть патріаршее богослуженіе въ Исаакіевскомъ соборѣ. Ходилъ слухъ, что помѣстный соборъ созовутъ на шестой недѣлѣ — нынче, при телеграфахъ и курьерскихъ поѣздахъ, это можно бы устроить въ четыре дня. Такъ какъ права и обязанности патріарха опредѣлены уже тысячу лѣтъ неподвижными канонами, то іерархамъ предстояло бы рѣшить одинъ вопросъ: *кого* избрать въ первосвятители. О томъ, нужно ли возстановлять единовластіе въ церкви, казалось, не могло быть спора: и духовенство, и огромное большинство мірянъ, конечно, за патріаршество. Въ дни глубокаго народнаго унынія, въ страшные дни гнѣва Божія надъ Россіей многіе находили полезнымъ возвеличить церковь, придать ей болѣе авторитета—надо же хоть чѣмъ-нибудь поднять зашатавшійся духъ народный! Еще живъ, хотя и на склонѣ лѣтъ, отецъ Іоаннъ Кронштадтскій. Многіе думали, что если начинать новую линію «святѣйшихъ патріарховъ всея Руси», то имя знаменитаго пастыря, заживо прославленнаго чудотворца, могло бы составить нимбъ вокругъ возстановленнаго сана. Умретъ о. Іоаннъ—и ждите опять столѣтіе, пока явится въ духовенствѣ святой человѣкъ. Теперь, когда выяснилась вся пучина

нашего государственнаго упадка, униженная церковь, а съ нею и духъ народный нуждаются въ неотложномъ подъемѣ.

Такъ думали благочестивые люди—и ошиблись. Поразительно, до чего наше время неспособно рѣшать серьезные вопросы. Какъ плохой школьникъ старательно обходитъ трудныя задачи, такъ и высокопочтенные господа бюрократы. Подобно тому, какъ у людей, запутавшихся въ долгахъ, есть чудный выходъ—не платить долговъ, такъ чѣмъ серьезнѣе дѣла, загружающія канцеляріи, тѣмъ соблазнительнѣе для нихъ излюбленный рецептъ: «отложить до болѣе благопріятнаго времени».

Надо признаться, мысль о патріаршествѣ была встрѣчена въ самой публикѣ крайне вяло. На минуту больное общество пріоткрыло грустные глаза и, узнавъ, въ чемъ дѣло, вновь завело ихъ. Собственно съ тѣмъ же безотчетнымъ недовѣріемъ встрѣченъ и проектъ о Земскомъ соборѣ. И патріаршество и соборъ являются изъ нѣдръ той самой бюрократіи, которая когда-то ихъ проглотила. Пробыть живымъ три дня во чревѣ китовѣ — и то чудо; но быть похороненными двѣсти лѣтъ въ бумажной утробѣ, въ чернильныхъ сокахъ канцелярскихъ,—можетъ-ли остаться сколько-нибудь дыханія въ учрежденіяхъ еще до гибели своей полумертвыхъ? Чувствуется, что не такъ рождается жизнь. Не вслѣдствіе тошноты и несваренія, а путемъ медленнаго съ микроскопической клѣтки нарастанія плода, который, наконецъ, является готовымъ съ головы до ногъ. Какъ реторта алхимиковъ неспособна была создать даже гомункула, хотя, къ изумленію почтенныхъ ученыхъ, ихъ кухарки рожали дѣтей походя,—такъ и наша бюрократія. Кромѣ нея самой безусловно ни въ комъ въ обществѣ не осталось ни капли вѣры въ ея способность создать хоть атомъ жизни. Канцелярская мудрость чувствуется какъ схоластическій бредъ, претензія котораго управлять жизнью кощунственна въ самомъ корнѣ. Всѣ понимаютъ, что отдѣльные бюрократы могутъ быть людьми въ высшей степени почтенными и умными, но астрологія, которой они руководятся—какъ и въ средніе вѣка—парализуетъ ихъ собственную волю и ихъ собственный здравый смыслъ. Вотъ почему и патріаршество, и Земскій соборъ почти не всколыхнули общества. Помните мудрое изреченіе короля Лира: «изъ ничего и выйдетъ ничего».

Чтобы понять, какъ мало данныхъ имѣетъ патріаршество и въ будущемъ, стоитъ вспомнить, отчего оно исчезло. Многіе думаютъ, что его уничтожилъ Петръ и что это было актомъ не столько мудрости, сколько самодурства великаго царя. Спрошенный свободно народъ ни за что не согласился бы унизить церковь: вмѣстѣ съ церковью онъ почувствовалъ въ отмѣнѣ патріаршества свое собственное уни-

женіе. Сломивъ стрѣльцовъ, пытавшихся стать преторіанцами, унизивъ остатки боярства, задушивъ въ семьѣ своей всякій протестъ, желѣзный царь не могъ вынести даже безплотной тѣни какого-то иного кромѣ него единовластителя, хотя бы въ области вѣры, и нашлись продажные епископы, которые согласились на переворотъ.

Такъ думаютъ, но мнѣ кажется, дѣло обстояло нѣсколько иначе. Петръ уничтожилъ то, что уже было достаточно ничтожнымъ и что въ высотѣ первоначальнаго замысла уже вовсе не существовало. Человѣкъ громадной воли и ума, Петръ былъ искрененъ въ своихъ рѣшеніяхъ и серьезенъ. Онъ *не уважалъ* патріаршества — вотъ главный доводъ для отмѣны послѣдняго. А не уважалъ онъ его потому, что оно не внушало уваженія. Въ патріаршествѣ того времени не было внутреннихъ достоинствъ, которыя оправдывали бы высокій санъ. Коренной русскій человѣкъ, Петръ, любилъ православіе, но какъ у большинства русскихъ, для него вѣра была обычаемъ, а не нравственнымъ убѣжденіемъ. Послушать церковнаго пѣнія, самому подтянуть на клиросѣ, почитать громогласно апостола,—это Петръ любилъ и въ этомъ подданнымъ не перечилъ. Но когда онъ видѣлъ совершенно незначительныхъ людей подъ царственнымъ облаченіемъ, когда видѣлъ ханжество тамъ, гдѣ полагался подвигъ, Петръ возмущался, его огромный здравый смыслъ этого не допускалъ. Тогдашнее духовенство, какъ и вся Москва, напоминало евангельскіе «повапленные гробы». Снаружи все было почтеннымъ и важнымъ, ходило къ парчѣ, въ самоцвѣтныхъ камняхъ, говорило священными формулами и текстами, а внутри была корысть, невѣжество, рабская низость и ничего недѣланіе. Лѣнивые граждане объявляли своихъ владыкъ всесильными только для того, чтобы на нихъ свалить всю заботу. На властителей возложили чрезмѣрныя права, чтобы увильнуть отъ всякихъ обязанностей. Чѣмъ выше учреждались званія, тѣмъ призрачнѣе оказывалась ихъ роль. Великому работнику, какъ Петръ, всѣ эти боярскія шапки и патріаршія митры казались коронованіемъ народной лѣни. Ни государственнаго ума, ни наслѣдственнаго величія Петръ не видѣлъ ни въ тогдашнемъ духовенствѣ, ни въ боярствѣ—и оба сословія похѣрилъ, надъ обоими поставилъ людей способныхъ. Даровитаго пирожника, едва умѣвшаго написать свое имя, Петръ сдѣлалъ княземъ, какъ способнаго еврея—барономъ. Петръ не скупился на титулы, но держать въ управленіи церковью почти царственный санъ и знать, что въ него по очереди наряжаются люди скудоумные и трусы,—умному государю это было не по душѣ. Изъ исторіи запада Петръ зналъ, что даже при тамошнихъ утонченныхъ культурахъ первосвященники только тѣмъ и занимались, что роняли свое достоинство. Петръ публично и съ

величайшимъ цинизмомъ осмѣивалъ претензію на святость. «Всешутѣйшій соборъ» съ патріархомъ-папою во главѣ былъ каррикатурою по замыслу болѣе глубокой, чѣмъ требовала пьяная потѣха. Можетъ быть тотъ же Петръ поддержалъ бы патріаршество всѣмъ могуществомъ, если бы видѣлъ въ духовенствѣ истинную силу и истинное священство. Зачеркнувъ духовную и свѣтскую знать, — а для этого оказалось достаточнымъ зачеркнуть ее,—Петръ справедливо думалъ, что вычеркиваетъ нѣкоторую ложь изъ русской жизни. Что онъ былъ искрененъ въ этомъ и глубокъ—показываетъ то, что и собственный свой столь возвеличенный имъ царскій престолъ онъ отказался передать своему сыну, не считая его достойнымъ. Кто знаетъ, не умри великій царь слишкомъ рано, онъ можетъ быть и въ учрежденіе своего императорскаго сана внесъ бы коррективы, напоминающіе реформу патріаршества. Сторонникъ вообще соборнаго начала, Петръ создалъ Сенатъ и Синодъ, причемъ первый изъ нихъ облеченъ былъ въ извѣстныхъ случаяхъ державными правами. Только нравственное ничтожество тогдашняго духовенства и дворянства помѣшало этимъ двумъ коллегіямъ развиться въ верхнія законодательныя палаты. Петръ подумывалъ о созывѣ и остальныхъ двухъ сословій (по шведскому типу); помѣшало этому презрѣніе, которое возбуждало въ немъ полное отсутствіе въ низшихъ классахъ политическаго развитія. Воспитанная въ историческомъ рабствѣ, Россія уже и тогда пугала внутреннимъ параличемъ. Подобно мусульманскому фатализму, въ народѣ создалась слѣпая вѣра во всемогущество власти. Народъ отказывался заботиться о себѣ и всю судьбу свою безповоротно возложилъ на чиновниковъ. «Какъ повелишь, великій государь, во всемъ твоя царская воля»—эта рабская реплика вмѣсто умнаго и твердаго совѣта приводила Петра въ отчаяніе. Подобно тому, какъ въ механикѣ сила безусловно нуждается въ сопротивленіи—иначе не получается никакой работы, подобно тому, какъ для крыльевъ необходимъ упругій воздухъ, такъ государственная власть всегда нуждается въ оппозиціи, въ смѣлой и честной критикѣ, въ бодромъ контролѣ, регулирующемъ всю страну. Петръ не могъ этого не понимать. Онъ уничтожилъ патріаршество вовсе не потому, что боялся оппозиціи, а можетъ быть потому, что не встрѣтилъ ея. Рискуя быть четвертованнымъ, Яковъ Долгорукій какъ-то разорвалъ несправедливый указъ царскій и привелъ этимъ грознаго царя въ восхищеніе. Такую оппозицію Петръ любилъ, въ такой нуждался. Но трусливые вздохи и кислыя мины, но рабское подобострастіе и вѣчно протянутая рука за подачкой—что тутъ интереснаго, чтобы облекать это властью духовнаго монарха всея Руси?

Величавые пережитки.

Какою-то важной стороной души все-таки жаль, что у насъ не было патріаршества, какъ жаль, что нѣтъ исполинскихъ храмовъ Запада и рыцарскихъ замковъ. Дѣвственная природа родитъ колоссальную флору и фауну — даровитое племя за тысячу лѣтъ создаетъ крупныя формы быта и мощныя учрежденія. Нельзя не любоваться крестовыми походами, феодализмомъ, папствомъ, и жаль, что у насъ тѣ же явленія приняли сплошь карликовые, приполярные размѣры. Патріархатъ на Западѣ развился во всемірную монархію католичества. Въ то время, какъ греческіе патріархи цѣловали руку турецкихъ пашей, вымаливая нищенское пропитаніе, — римскій первосвященникъ объявилъ себя царемъ-царей и раздавалъ троны. Какъ хотите, это крупно и красиво, и болѣе похоже на жизнь, какою она должна быть. Въ завистливой полемикѣ наши богословы пытались унизить папство, но оно въ свое время все же было вселенскимъ и не только носило титулы, но и оправдывало ихъ. Даже теперь, когда старое христіанство въ развалинахъ, западная церковь все же представляетъ собою царство независимое «отъ міра сего», такъ какъ глава ея до сихъ поръ ничей не подданный, и престолъ его до сихъ поръ признанъ во всемъ свѣтѣ какъ царскій престолъ. Церковная область въ сущности нисколько не уничтожена, она только сужена до предѣловъ Ватикана и нѣсколькихъ десятинъ, его окружающихъ. Что касается грубой силы, итальянскій король могъ бы въ четверть часа завоевать эту имперію въ нѣсколько десятинъ — однако, онъ этого не смѣетъ сдѣлать, тогда какъ папа осмѣливается тридцать пять лѣтъ держать свое проклятіе надъ царствующимъ домомъ Италіи. До сихъ поръ коронованный тройной короной одинокій старикъ, родомъ крестьянинъ, охраняемый нѣсколькими гвардейцами-аристократами, въ силахъ не допустить пріѣзда въ Италію католическаго императора, сколько ни порывался Францъ-Іосифъ, союзникъ Италіи, это сдѣлать. Сравните это восемнадцативѣковое духовное могущество съ декораціей нашего патріархата. Вчера эту декорацію поставили, сегодня убрали, а завтра можетъ быть опять поставятъ. Мнѣ кажется, при нашихъ условіяхъ назовите петербургскаго митрополита хотя бы архипапой, никакой независимости церкви отъ государства не выйдетъ. Чтобы сдѣлать его независимымъ, патріаршество слѣдовало учредить у насъ при введеніи христіанства. Непрерывно возрастая въ духовной власти, оно могло бы еще пріобрѣсти нѣкоторое значеніе,—теперь же мечтать о патріархѣ на второй тысячѣ лѣтъ черезчуръ поздно. Единственный способъ имѣть патріарха, независимаго какъ папа,—это признать патріархомъ папу; но соединеніе цер-

квей—мечта хоть и симпатичная, но тоже невѣроятная. Нѣтъ никакихъ серьезныхъ различій между католичествомъ и православіемъ, но инерція раздѣленія слишкомъ велика, а главное —времена ужъ не тѣ. Каждое десятилѣтіе подвигаетъ насъ къ новому состоянію умовъ, къ новымъ формамъ богопониманія, къ новой, совсѣмъ особенной, нравственности. Что и католичество, и наша церковь нуждаются въ коренныхъ реформамъ—это безспорно; но чтобы намъ недоставало въ церковномъ строѣ только единовластія—это не заслуживаетъ даже возраженія.

Что собственно намъ нужно отъ церкви? Отъ каждой вещи нужно, чтобы она была сама собой. Единственно, что нужно отъ церкви, это чтобы она была церковью, т. е. прежде всего обществомъ (ekklesia). Древняя церковь-общество выродилось въ церковь-сословіе; но поднимать церковь, какъ сословіе, нѣтъ смысла, ни даже возможности. По замыслу Христа церковь есть община единовѣрныхъ, связанныхъ между собою симпатіей общаго убѣжденія. Стало быть, нужна *прежде всего* искренность убѣжденія, иначе не будетъ ни единенія, ни любви. Общество притворяющихся вѣрующими не можетъ составить церкви, какъ и общество колеблющихся, недоумѣвающихъ, неуспѣвшихъ подумать о вѣрѣ или просто безпечныхъ къ ней. Общество запуганныхъ проклятіями и карами небесными и земными тоже не составляетъ церкви. Общество людей невѣжественныхъ и суевѣрныхъ, связанныхъ общимъ непониманіемъ, опять-таки не есть церковь. Мнѣ кажется, если желательна реформа церкви, то лишь такая, которая снова, какъ въ первые вѣка христіанства, предоставила бы полную свободу религіознаго выбора, полную свободу поисковъ, полную безнаказанность исповѣданія, полный просторъ общенія. Религія не есть что-то будничное, всѣмъ доступное. Это даръ, съ которымъ нужно родиться. Нельзя связывать одаренныхъ людей и придурковатыхъ въ одну толпу. Чтобы вернуть на землю очарованіе и восхищеніе вѣры, освободите людей одаренныхъ изъ плѣна толпы. Дайте священнѣйшую изъ свободъ; ею воспользуются избранные, толпа же останется какъ всегда суевѣрной и какъ всегда—внѣ той внутренней скиніи, которая во всякой вѣрѣ есть святая святыхъ.

Въ церковномъ вопросѣ есть разные пути. Самый доступный—это возстановить патріаршество, т. е. надъ коллегій митроносныхъ сановниковъ поставить одного, еще болѣе высокопоставленнаго. Подобное рѣшеніе вопроса—совершенно въ господствующемъ у насъ стилѣ. Нагромождать начальство на начальство, возводить вавилонскую башню отвѣтственностей и контролей, которыя сходятся въ лицѣ министра, на бумагѣ всемогущаго, на дѣлѣ безсильнаго,—это широкій путь для всѣхъ общественныхъ реформъ, и всѣ онѣ сводятся пока къ вящшему торже-

ству бюрократіи. Правами патріарха всея Руси пользуется до сихъ поръ К. П. Побѣдоносцевъ. Рѣчь идетъ о дарованіи одному изъ митрополитовъ оберъ-прокурорскихъ правъ. Реформа не сложная. Практическое ея значеніе будетъ равно нулю.

Есть другой путь, гораздо болѣе узкій и трудный и потому мало вѣроятный. Это—возвращеніе церкви къ забытымъ каноническимъ началамъ, къ тѣмъ постановленіямъ Вселенскихъ соборовъ, которыя на словахъ такъ свято чтутъ, на дѣлѣ же такъ грубо нарушаютъ. Каноническій строй древней церкви былъ соборный, выборный, если хотите—республиканскій. Древняя церковь была духовною демократіей, т е. вѣрующимъ народомъ, самоуправляющимся въ дѣлахъ вѣры. Прихожане *выбирали* священниковъ, людей праведныхъ и ревностныхъ въ ученіи. Изъ выдающихся священниковъ избирались епископы, а соборъ послѣднихъ вмѣстѣ съ мірянами выбиралъ патріарха. Это выборное начало было освящено VII правиломъ Лаодикійскаго собора, по которому епископъ, принявшій свое назначеніе отъ свѣтской власти, подвергался анаѳемѣ. Съ этой точки зрѣнія, какъ говорилъ Вл. Соловьевъ, по прямому смыслу не отмѣненнаго до сихъ поръ канона, вся наша іерархія, какъ назначенная, а не выбранная, подлежитъ отлученію. У насъ въ средніе вѣка долго держалось выборное начало. Оно до сихъ поръ держится у старообрядцевъ, а на Западѣ—въ основномъ актѣ католической церкви—въ избраніи папы. Такая выборная, соборная и свободная власть предполагаетъ организованный приходъ, т. е. живое и всестороннее участіе прихожанъ въ церковной жизни. До какой степени, однако, бюрократія противъ этого, показываетъ любопытный примѣръ. Два года назадъ въ Петербургѣ составился кружокъ людей, восторженно преданныхъ православію, съ цѣлью способствовать возстановленію прихода въ древнецерковномъ духѣ. Во главѣ дѣла стали извѣстные писатели по церковно-приходскимъ вопросамъ А. А. Папковъ (тавастг. губернаторъ) и К. И. Ровинскій, а также нѣкоторые профессора и уважаемые въ Петербургѣ лица изъ общества. Частнымъ образомъ кружокъ встрѣтилъ искреннее одобреніе и даже въ высокихъ сферахъ. Но когда дѣло дошло до рѣшающей духовной коллегіи, кружокъ былъ признанъ *вреднымъ* и не получилъ разрѣшенія.

Мелодія и гармонія вѣры.

Если церковное возрожденіе когда-нибудь состоится, оно пройдетъ по тому же плану, по которому строилась церковь. Въ эпоху безвѣрія религіозно-одаренные люди молча выходятъ изъ толпы и создаютъ въ глубинахъ сердца своего невидимый храмъ, гдѣ и живутъ согласно съ

затаенными и нѣжными потребностями истины. Получается то, что предлагалъ Христосъ: «если хочешь молиться, запрись въ клѣть твою, и Отецъ твой, видящій тайно, воздастъ тебѣ явно». Самъ Христосъ только и зналъ эту уединенную и тайную форму молитвы—«не на горѣ сей», а «въ духѣ и истинѣ». Для людей творчески-вѣрующихъ вопросъ о патріаршествѣ показался бы страннымъ: «Никого не называйте отцомъ—одинъ у васъ Отецъ Небесный; никого не называйте учителемъ—одинъ у васъ Учитель—Христосъ». Никакой іерархіи, никакой церковной политики: «всѣ вы—братья». Вы скажете, зачѣмъ же Христосъ основалъ церковь, если изъ нея отходитъ самый таинственный процессъ общеніе молитвы, т. е. если каждый станетъ молиться (а значитъ и вѣровать) отдѣльно? На это замѣчу, что кромѣ Христа и всѣ отшельники выходили изъ толпы, но ихъ замкнутое одиночество не считалось выходомъ изъ церкви. Даже затворники находятся въ постоянномъ единеніи съ обществомъ святыхъ, которыхъ они вспоминаютъ и чьи мысли и настроенія переживаютъ вновь и вновь. Физически мертвая, эта церковь избранныхъ изъ разныхъ вѣковъ и странъ для отшельника есть самая живая и животворящая церковь. Ефремъ Сиринъ, Златоустъ, Іоаннъ Дамаскинъ—безсмертное общество такихъ людей живитъ пустынника, тогда какъ, очутившись въ толпѣ безпечныхъ мірянъ, онъ остываетъ, теряетъ возвышенный паѳосъ вѣры. «Въ толпѣ я чувствую себя менѣе человѣкомъ», говорилъ Сенека. Только съ самимъ собой можно быть искреннимъ, только въ одиночествѣ внутренняго богообщенія укрѣпляется настоящая вѣра, и только на почвѣ индивидуально-взрощенной вѣры возможно святое человѣческое общеніе, ekklesia. Мнѣ кажется, такимъ было начало христіанства, такимъ будетъ и завершеніе его. Какъ истинная страсть выражается не хоромъ, а мелодіей, такъ по общему свидѣтельству людей, которымъ нельзя не вѣрить, самая совершенная радость молитвы, какъ и всякаго творчества, индивидуальна.

Прекрасно, скажете вы, но все это доступно для избранныхъ, для вождей церкви. Кромѣ людей исключительно одаренныхъ, есть и всегда будетъ міръ людей суетныхъ и безпечныхъ, которыхъ, какъ дѣтей, тянетъ не жить, а играть въ жизнь, и которые одиноко совсѣмъ не молятся и не могутъ молиться. Для такихъ нужны величественные храмы, нуженъ торжественный культъ, полный поэзіи и накопленнаго вѣками вдохновенія святыхъ. Для такихъ нужна священная іерархія и святѣйшій патріархъ, по возможности недоступный, вознесенный на свѣтозарную высоту. Что все это нужно, доказываетъ поразительное сходство такихъ явленій, какъ папство и ламаизмъ. На разныхъ материкахъ, у разныхъ расъ и у цивилизацій совершенно чуждыхъ выработался почти

тожественный культъ. Стало-быть это дѣйствительно нужно и требуется самой природой человѣческой.

Противъ культа нельзя спорить уже потому, что онъ есть. Пусть онъ созданъ внушеніемъ мертвыхъ, но мертвое имѣетъ часто бо̀льшее очарованіе, чѣмъ живое. Священныя преданія, идя изъ древности, наростаютъ въ мертвую массу, но именно мертвой массѣ принадлежитъ сила. Заурядный человѣкъ лично холоденъ. Ему недоступна страсть. Только подхваченный волной онъ чувствуетъ себя движущимся и вдохновеннымъ и только въ этомъ массовомъ движеніи радость вдохновенія ему доступна. Отдѣльный плохой пѣвецъ чувствуетъ, что въ хорѣ онъ поетъ недурно, онъ не прочь думать, что гармонія принадлежитъ ему. Обратно Сенекѣ, только въ толпѣ заурядный человѣкъ и чувствуетъ себя человѣкомъ. Значитъ культъ для толпы нуженъ. Но чтобы онъ былъ дѣйствительно культомъ, нужно, чтобы толпа была не случайнымъ сбродомъ, а хоромъ, т. е. художественно-организованнымъ собраніемъ, гдѣ каждый вноситъ столько голоса и вкуса, сколько способенъ. Но если девяносто девять сотыхъ, стоящихъ въ храмѣ, умѣютъ только креститься и кланяться, сморкаться и кашлять — это плохой хоръ, плохая гармонія. Если сознаніе массы исчерпывается наборомъ нелѣпыхъ словъ, въ родѣ «батюшка Покровъ», «матушка Пятница», «Скорбящая радость» и т. п.— то это плохой культъ. Запросъ на вѣру можетъ быть свѣжій и чистый, и предложеніе вѣры можетъ быть таинственное и высокое, но культъ все-таки можетъ быть очень плохимъ. Въ древнихъ молитвахъ и символическихъ священнодѣйствіяхъ скрыта бездна поэзіи и мудрости, но толпа не участвуетъ въ этомъ, ибо не понимаетъ. Какъ при полномъ разстройствѣ хора, при разстройствѣ церкви не получается никакой психологіи, ни красоты, ни истины, или страшно блѣдные намеки на нихъ. Вмѣсто соборной, могучей, блаженной жизни, ощущаемой какъ гармонія, получается физическая страда, простое и скучное «стояніе» въ церкви. Реформа въ области вѣры необходима, но ея дѣйствительное зачатіе въ одномъ условіи—въ свободѣ. Только отъ свободы идетъ просвѣщеніе, только отъ нея—творчество, возможность всякой радости— и личной, и всемірной.

«Недѣля» (№ 23-й).

Статья *В. А. Зор.:*

О церковной реформѣ и о свободѣ совѣсти.

Фактъ разнорѣчиваго толкованія предполагаемыхъ въ высшемъ церковномъ управленіи перемѣнъ самъ по себѣ чрезвычайно интересенъ,

какъ показатель неопредѣленности, неполноты и даже внутренней противорѣчивости ожидаемой реформы. Поучительно уже то, что «Новое Время», это порожденіе «неопредѣленности» и «противорѣчивости», первое выступило съ очередными гимнами. Пресса отнеслась различно: придерживаясь огульнаго дѣленія, скажемъ, что несогласія возникли какъ среди передовыхъ, такъ и консервативныхъ партій Съ одной стороны, какъ ни какъ, налицо реформа, серьезная и капитальная; съ другой— полная неизвѣстность ея происхожденія и мотивовъ, необычность того пути, которымъ она прошла, наличность какого-то сюрприза со стороны высшаго начальства. Съ одной стороны слухи о выходѣ въ отставку оберъ-прокурора Св. Синода, съ другой — опять-таки слухи о его иниціативѣ и авторствѣ въ дѣлѣ реформы. «Timeo Danaos et dona ferentes», думаютъ нѣкоторые, колеблясь между полнымъ принятіемъ реформы и категорическимъ ея отрицаніемъ.

Такимъ образомъ, на пути къ оцѣнкѣ церковной реформы неожиданно выростаютъ препятствія. Какъ воспринять, какою мѣрою измѣрить достоинства и выгоды ея? Какъ мы не обижены судьбою, какъ ни жалки, намъ приходилось, однако, имѣть дѣло съ реформами и мы въ преобладающемъ большинствѣ согласно и точно уяснили себѣ ихъ положительныя стороны. Съ реформами же намъ предстоитъ имѣть дѣло въ недалекомъ будущемъ; и мы не теряемся. Мы заранѣе обсудили, взвѣсили все то, что́ онѣ намъ могутъ дать. Мысль о нихъ зародилась, развилась и окрѣпла въ нашей средѣ; зная, во имя чего мы ихъ требовали, мы не затруднимся оцѣнить ихъ. Далеко не такъ обстоитъ дѣло съ церковною реформою. Создалась она помимо тѣхъ, кто могъ бы сказать о ней свое авторитетное и вѣское слово. Въ защиту ея раздаются такія, сами по себѣ лишенныя смысла, слова, какъ «старинный укладъ», «голосъ старины», «давнія чаянія» и т. д. «Даруемая безъ петицій», безъ обоснованныхъ записокъ, она какъ бы претендуетъ на обособленность въ дѣлѣ прочихъ реформъ, на несоизмѣримость съ ними. Попытаемся, однако, отбросивъ предвзятую мысль о такой несоизмѣримости, отыскать общую, намъ уже знакомую, мѣру для оцѣнки всякаго рода церковныхъ реформъ и нашей реформы въ частности.

Есть одно слово, избитое и затрепанное, но полное глубокаго смысла и красоты. Это слово—свобода. Къ нему неизбѣжно обращаемся мы всякій разъ, когда дѣло идетъ о какой-либо дѣйствительной реформѣ— о прогрессѣ. И внимательно изучая эти дѣйствительныя реформы, каждый убѣждается, что за грубо-утилитарными мотивами, за міромъ матеріальныхъ отношеній, всеобъемлющимъ и всеоправдывающимъ символомъ является свобода. Изъ сознательнаго и безсознательнаго стремленія къ

ней выростаютъ грозныя, стихійныя движенія и протесты и въ конечной формулировкѣ этихъ протестовъ слово «свобода», облеченное въ форму какой-либо опредѣленной свободы, является неизбѣжнымъ лозунгомъ движенія. Свобода личности, свобода слова и печати, свобода союзовъ и собраній—вотъ во имя чего совершались и будутъ совершаться тѣ реформы, которыя получаютъ названіе великихъ. Всякая другая реформа, не исходящая изъ этого общаго источника, не есть реформа прогрессивная.

Обращаясь къ реформамъ церкви, мы припомнимъ, что понятіе «церковь» въ обширномъ смыслѣ заключаетъ въ себѣ всю область религіи, какъ внѣшняго и несовершеннаго проявленія человѣческой совѣсти вообще. Изъ такой непосредственной связи вытекаетъ возможность и даже необходимость—всякое существенное измѣненіе въ дѣлахъ церкви судить съ точки зрѣнія запросовъ и потребностей человѣческой совѣсти. Изъ всѣхъ же запросовъ совѣсти коренной и всеобъемлющій запросъ — ея свобода. И подобно тому, какъ всѣ реформы политическаго характера мы цѣнимъ по степени ихъ согласованія со свободою личности — реформы церковныя должны мы принимать и привѣтствовать по степени ихъ приближенія и согласованія со свободою совѣсти. Такова, на нашъ взглядъ, мѣра церковныхъ реформъ въ наше время и эту мѣру приложимъ мы къ интересующей насъ реформѣ—къ возобновленію патріаршества.

Свобода совѣсти, какъ одна изъ главныхъ пружинъ идеальнаго государственнаго механизма, должна пониматься въ смыслѣ абсолютной независимости политическихъ правъ гражданина отъ его религіознаго міросозерцанія. Разграничивая области церкви и политики, она отводитъ религіи ея истинное, почетное мѣсто, внѣ сутолоки и шума государственной жизни, воздаетъ должное Богу и должное кесарю. Стремленіемъ къ своего рода эмансипаціи совѣсти опредѣляется общее направленіе церковныхъ реформъ въ культурныхъ государствахъ (Франція въ наше время); ни для кого не тайна, что Россія, болѣе чѣмъ какая-либо другая великая страна Европы, страдаетъ отъ искусственнаго смѣшенія религіи съ политикой. Страдаютъ милліоны русскихъ подданныхъ непривилегированнаго государствомъ вѣроисповѣданія, страдаютъ интересы государства и ничего не выигрываютъ тѣ, чьимъ именемъ легализируются такія стѣсненія. Страдаетъ коренное русское населеніе—старовѣры, и настойчивымъ укоромъ будутъ долго звучать въ сознаніи мыслящаго человѣка предсмертныя слова казака старовѣра, умиравшаго въ Манчжуріи и лишеннаго возможности исповѣдаться по своему обряду: «у Бога правды много». У Бога правды много и не вмѣстятъ ея сухіе параграфы циркуляровъ и установленій.

Что даетъ въ указанномъ смыслѣ ожидаемая нами реформа? Облегчитъ ли она хоть на іоту положеніе этихъ непривилегированныхъ милліоновъ? Внесетъ ли она свою долю въ творческое дѣло созданія новой, цѣлой и сильной Россіи? Спаяетъ ли она общими интересами части населенія, раздѣленныя условными перегородками религій и вѣроисповѣданій? Смягчитъ ли она, сгладитъ ли ту нелѣпую, неестественную вражду, которая такъ тщательно и безпрепятственно сѣется между народностями Россіи?

По существу своему реформа не такова, чтобы могла создать что-либо въ этомъ направленіи. Зависимость церкви отъ государства остается во всей силѣ—зависимость матеріальная,—ergo самая тяжелая. Предстоящая перемѣна въ церковномъ управленіи не выходитъ по значенію своему за предѣлы узко-церковныхъ интересовъ. Хозяинъ мѣняетъ управляющаго и даже систему управленія какой-либо отраслью хозяйства, но работающимъ не легче уже потому, что и новый управляющій находится въ полной крѣпостной зависимости отъ своего хозяина.

Краткій выводъ, къ которому приводитъ насъ наша точка зрѣнія, тотъ, что *при нынѣшнемъ общемъ положеніи дѣлъ внутреннія перемѣны въ управленіи церковью особаго значенія имѣть не могутъ*. Конечно, за предѣлами нашей точки зрѣнія, возможны и раздаются разсужденія о сравнительныхъ достоинствахъ и недостаткахъ новой системы, но на нашъ взглядъ все это вопросы важности второстепенной и разрѣшеніе ихъ въ нашу задачу не входитъ.

---

20 апрѣля.

«**Заря**» (№ 275-й).

Крайне печальная исторія проектировавшейся церковной реформы, сколько намъ извѣстно, шла въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Иниціатива вопроса принадлежала С. Ю. Витте, т. е. лицу, *абсолютно не освѣдомленному* въ этомъ вопросѣ. 2) Одновременно, какъ бы по плану, на сцену появились какіе-то 32 столичныхъ іерея, имена которыхъ слѣдовало бы сохранить въ назиданіе потомства, которые представили петицію о реформѣ. 3) Его высокопреосвященство Антоній благосклонно принимаетъ эту петицію и, не спрашивая никого, отожествляетъ личное свое желаніе съ желаніемъ всего русскаго духовенства и говоритъ при-

вѣтствіе С. Ю. Витте отъ имени церкви. 4) Вся эта поразительная *неправда*, слава Богу, срывается и, выпавъ изъ рукъ С. Ю. Витте, попадаетъ на разсмотрѣніе Синода. 5) Синодъ, подъ предсѣдательствомъ опять-таки его высокопреосвященства Антонія, составляетъ всеподданнѣйшій докладъ Государю о неотложности церковной реформы, возрожденія патріаршества и созыва для сего всероссійскаго собора епископовъ. 6) Все это идетъ подъ громъ рукоплесканій провокаторской прессы: еврейской, еврействующей и японофильской и 7) Государю Императору благоугодно было начертать благословенныя слова: «*признаю невозможнымъ совершить въ переживаемое тревожное время столь великое дѣло*».

Вотъ грустная исторія проекта реформированія церкви *Кто и что* имѣлъ въ виду учинить путемъ составленія новыхъ законовъ, реформирующихъ церковное устройство,—мы не знаемъ, да это намъ и не нужно знать. Намъ важно отмѣтить послѣдствія, уже полученныя въ первой стадіи этого *хода*, и можетъ быть по этимъ послѣдствіямъ будетъ понятно, кто и что имѣлъ въ виду. Въ то время, когда Россія страдаетъ войной, когда полумилліонная русская армія требуетъ общаго для всей Россіи вниманія къ ея положенію и къ ея поддержкѣ, когда нужно напрячь всѣ свои силы для уничтоженія врага Россіи—въ это время создается проектъ, волнующій все общество и въ особенности духовенство и, такимъ образомъ, *отвлекается* вниманіе общественной мысли отъ войны. Вѣдь это несомнѣнно же выгодно для Японіи. Зачѣмъ же была такая поспѣшность и такая несвоевременность? Думаемъ, что каждое русское сердце почувствуетъ эту совершенно непонятную и чрезвычайно вредную для интересовъ Россіи поспѣшность. Мы не знаемъ, что вообще сдѣлали С. Ю. Витте и митрополитъ Антоній для подъема упавшаго, благодаря провокаторамъ, чувства патріотизма въ Россіи, но что въ этомъ вопросѣ такая несвоевременность шла не къ подъему, а къ подавленію этого чувства,—то это несомнѣнно.

Другая особенность этой вдругъ возникшей реформаторской дѣятельности по церковной жизни, возникшей въ средѣ рѣшительно ничего не знающаго по этому вопросу С. Ю. Витте, митрополита Антонія и 32 невѣдомыхъ іереевъ,—эта та, что въ такомъ грандіозной важности вопросѣ всю иниціативу и даже первоначальныя положенія они взяли на себя, совершенно игнорируя чуть ли не 40,000 священниковъ. Смѣемъ увѣрить гг. иниціаторовъ, что между даже сельскими священниками есть много столь почтенныхъ умовъ и талантовъ, что невѣдомымъ и непрошеннымъ 32 іереямъ, самовольно взявшимъ на себя иниціативу, слѣдуетъ во многомъ поучиться у этихъ священниковъ. Нако-

нецъ, существуетъ и цѣлая духовная литература и журналистика и неужели же этимъ подготовленнымъ 32 іереямъ не слѣдовало бы прежде всего обратиться за обсужденіемъ такого вопроса къ этимъ редакціямъ?

Мы, имѣя въ средѣ духовенства свыше 4000 подписчиковъ, ежедневно получаемъ цѣлыя груды писемъ, въ которыхъ говоритъ одно чувство изумленія и протеста по поводу такъ ловко и такъ скоропалительно возникшаго вопроса. Всѣ теперь пишутъ: «слава Богу, прочитавъ чудную благовѣсть Царя»...

Въ заключеніе, мы считаемъ необходимымъ сказать по адресу 32 іереевъ, что смѣлымъ быть можно, но доводить смѣлость свою до нахальства не всегда возможно. Будучи поддерживаемымъ еврейской печатью всего міра, можно прослыть даже за генія, но, когда начинается дѣйствительная дѣятельность, то подобные геніи обыкновенно выражаются и неучами, и невѣждами. Вообще, въ проводкѣ тѣхъ или другихъ ходовъ, нахалы могутъ многое сдѣлать, а когда необходимо понять и удовлетворить истиннымъ нуждамъ многомилліоннаго народа, то для этого одного нахальства очень и очень мало...

---

21 апрѣля.

«Церковный Вѣстникъ» (№ 16-й).

Письмо въ редакцію и. д. доцента кіевской духовной академіи *П. Кудрявцева:*

По поводу реформы церковнаго управленія.

Судя по газетнымъ извѣстіямъ, завѣтныя чаянія искреннихъ сыновъ православно-русской церкви близятся къ осуществленію: вопросъ о коренной реформѣ церковнаго управленія поставленъ на очередь. Основы реформы яснѣе всего намѣчены въ запискѣ «О необходимости перемѣнъ въ церковномъ управленіи», выражающей мнѣніе—смѣю думать—не только группы столичныхъ священниковъ. Думаю также, что этой запискѣ принадлежитъ отселѣ историческое значеніе. Да почіетъ благословеніе Божіе на тѣхъ, которые имѣли дерзновеніе открыто выразить то, что́ уже давно съ болью переживалось «въ тишинѣ сокровеннаго

духа» всѣми тѣми, для кого православно-русская церковь и вѣдомство православнаго исповѣданія—не одно и то же...

Но, выражая свою радость по поводу намѣченной реформы, не могу скрыть и той невольной тревоги, которая примѣшивается къ этой радости. Прибавлю, что если бы эта тревога переживалась мною однимъ, я не позволилъ бы себѣ доводить о ней путемъ печати до всеобщаго свѣдѣнія.

По глубокому и непоколебимому убѣжденію многихъ лицъ, жаждущихъ коренной реформы православно-русской церкви, эта реформа поведетъ къ освобожденію связанныхъ силъ церкви и къ оживленію ея внутренней жизни лишь при слѣдующихъ двухъ условіяхъ: 1) если реформа будетъ произведена силами всей православно-русской церкви, если, т. е., въ составъ ожидаемаго помѣстнаго собора войдутъ не одни епископы, которые при настоящихъ условіяхъ не являются тѣсно, внутренно связанными съ своими паствами, а вмѣстѣ и во главѣ съ епископами выборные представители отъ приходскихъ причтовъ и прихожанъ: какъ народъ безъ епископовъ, такъ и епископы безъ народа не составляютъ церкви (см. Посланіе восточныхъ патріарховъ); 2) если реформа пройдетъ черезъ всѣ слои церковной организаціи сверху донизу или—лучше—снизу доверху, если, т. е., будетъ одновременно преобразованъ строй прихода, епархіи, митрополіи и, наконецъ, всей православно-русской церкви: только тогда, когда будетъ установлена помѣстнымъ соборомъ органическая связь между священникомъ и приходомъ, епископомъ и епархіей, митрополитомъ и митрополіей, тогда—и только тогда!!—избранный голосомъ всей православно-русской церкви патріархъ будетъ органически связанъ (а вѣдь мы, въ силу завѣта апостола Павла, ищемъ именно органическихъ связей) со всею церковію. Если же дѣло ограничится тѣмъ, что первенствующему члену Св. Синода будетъ дарованъ санъ патріарха и переданы нѣкоторыя полномочія оберъ-прокурора Св. Синода, то это не будетъ коренной реформой нашего церковнаго строя, а потому и ждать отъ этой мѣры освобожденія связанныхъ силъ нашей родной церкви едва ли есть вѣскія основанія: при пренебреженіи указанными условіями реформа можетъ повести къ вящшему разъединенію церковныхъ элементовъ и къ ослабленію жизненной энергіи въ тѣхъ членахъ церкви, которые теперь одушевлены свѣтлыми чаяніями.

Изъ сказаннаго, думается, видно, что коренная реформа нашего церковнаго строя требуетъ большой обдуманности. Не то это значитъ, чтобы отложить реформу на неопредѣленное время,—пока-де обдумаемъ всѣ подробности реформы,—а то, чтобы напречь всѣ силы церкви (а

онѣ—слава Богу!—есть) для работы надъ проведеніемъ реформы: при большомъ запасѣ энергіи и напряженности работы въ короткое время много можно сдѣлать. Припомнимъ работу знаменитой «Редакціонной Коммиссіи» наканунѣ освобожденія крестьянъ...

Голосъ сельскаго священника.

Слухи о предполагавшейся реформѣ нашей русской церкви дошли и до сельскаго духовенства. Въ ожиданіи этихъ реформъ какъ-то дышится легче. Въ воздухѣ повѣяло весною. И мы, сельскіе священники, ждемъ—не дождемся этихъ реформъ, которыхъ мы такъ давно желали, не думая и дождаться ихъ. Господи, какъ хорошо, какъ легко чувствуется на душѣ, когда воочію начинаешь убѣждаться, что наша русская церковь, наконецъ, сознаетъ необходимость освободиться отъ тѣхъ оковъ, въ какія она была заключена вотъ уже двѣсти лѣтъ, и мы, сельскіе священники, выходимъ изъ крайне тяжелаго гнета. Повторяю, что мы, сельскіе священники, хотя и съ «семинарскимъ образованіемъ», хорошо сознаемъ всю важность и желательность предполагавшихся реформъ нашей русской церкви. Мы не видимъ и «посягательства на наши права и благосостояніе со стороны мірянъ» при возстановленіи древняго русскаго прихода, какъ о насъ нѣкоторые говорятъ («Церк. Вѣстн.» № 12, Письмо православнаго епископа), такъ какъ этихъ «посягательствъ» здѣсь нѣтъ.

Мы привѣтствуемъ выборное начало. Намъ любъ тотъ порядокъ, когда пастыря будетъ выбирать себѣ приходъ, когда въ дѣлахъ церкви будутъ принимать близкое участіе и міряне и когда всѣ мы—и пастыри и пасомые—составимъ одну сплоченную семью. Какъ это хорошо и какъ полезно для созиданія дѣла Божія! При такомъ порядкѣ мы, сельскіе священники, избѣжимъ многихъ недоразумѣній, какъ при вступленіи на приходъ, такъ равно и при нашей дальнѣйшей пастырской дѣятельности.

Въ настоящее время архіерей назначаетъ священника на приходъ, часто совершенно не зная кандидата. Руководится онъ свѣдѣніями благочинныхъ, членовъ консисторіи и другихъ близкихъ къ нему лицъ, но отзывы эти иногда заставляютъ желать много лучшаго: рекомендованные архіерею кандидаты на тотъ или другой приходъ часто не оправдываютъ довѣрія къ нимъ архіерея, а священники честные, трудолюбивые, ревностные большею частью остаются не замѣченными и во всю свою жизнь не увидятъ лучшихъ для себя условій.

Вотъ примѣръ послѣднихъ дней, осуждающій настоящіе порядки. Въ одномъ селеніи N епархіи былъ открытъ приходъ. Крестьяне просили своего архіерея перевести къ нимъ священника изъ другого прихода (этотъ священникъ по семейнымъ обстоятельствамъ нуждался въ переходѣ), хорошо имъ извѣстнаго, какъ пастыря трудолюбиваго, трезваго и рачительнаго. Но просьба ихъ, равно какъ и просьба самого священника, о которомъ просили прихожане, не была удовлетворена: нужно было перевести туда родственника члена консисторіи. Прихожане были огорчены, но все же приняли новаго батюшку, имъ неизвѣстнаго, съ любовію—это былъ ихъ первый пастырь. Но этотъ прибывшій новый батюшка, родственникъ вліятельнаго и близкаго архіерею члена консисторіи, не по-пастырски отнесся къ своимъ прихожанамъ, и произошелъ между нимъ и прихожанами на первыхъ же порахъ разладъ. И дѣло Божіе стало погибать. При выборномъ началѣ подобныхъ случаевъ не будетъ, священникъ тогда явится на приходъ желаннымъ гостемъ, и сами прихожане безъ побужденій власти епархіальной позаботятся о немъ. Въ настоящее же время въ нашей епархіи бываетъ часто, что пріѣзжаетъ священникъ съ семьею, а жить негдѣ: нѣтъ квартиръ, нѣтъ и церковнаго или общественнаго дома.

«**Петербургская Газета**» (№ 100-й).

Двѣ статьи: 1) «Изъ бесѣды *Н. Г—е* съ о. архимандритомъ Сергіемъ» и 2) «На новомъ пути».

1) Православное духовенство и Высочайшій указъ.

Взошедшее надъ Россіей солнце свободы совѣсти послужитъ несомнѣнно къ возвышенію престижа православной церкви, но вмѣстѣ съ тѣмъ налагаетъ на русское православное духовенство высокія и отвѣтственныя обязанности поддерживать этотъ престижъ.

— Нашъ простой народъ проснулся уже давно какъ бы отъ продолжительной умственной спячки и хочетъ жить. Онъ предъявляетъ большіе запросы, требующіе серьезнаго отвѣта; въ религіозномъ отношеніи стремленіе къ свѣту проявляется въ желаніи народа все усвоить сознательно, понять, объяснить. Стремленіе къ свѣту умственному и религіозному настолько велико, что народъ готовъ ринуться на первый проблескъ свѣта, хотя бы и обманчивый. Отсюда увлеченіе штундой, пашковщиной и другими сектами.

Такъ охарактеризовалъ намъ духовное настроеніе русскаго народа

за послѣднее время одинъ изъ выдающихся представителей православной церкви, ректоръ с.-петербургской духовной семинаріи о. архимандритъ Сергій.

— Пастырямъ церкви пора перестать «ахать» и «охать» при видѣ уклоняющихся въ сектантство народныхъ массъ, а нужно бодро выступить на работу и щедро нести въ народныя массы чистый свѣтъ Христова ученія. Странно было бы опровергать заблужденія сектантовъ, явившіяся какъ результатъ стремленія къ свѣту, правда, неудачный, и не давать самимъ свѣта положительнаго. Проснувшійся народъ усыплять невозможно и не нужно. Отвѣчать на духовные запросы его—пастырскій долгъ современнаго православнаго духовенства; за удачное или неудачное отнынѣ выполненіе этого долга современное духовенство отвѣтитъ впослѣдствіи передъ судомъ исторіи.

Такъ говоритъ о. архимандритъ Сергій объ отношеніи православнаго духовенства къ народу.

Причину розни православнаго духовенства и интеллигенціи онъ видитъ въ недостаточномъ уровнѣ образованія духовенства, недостаточномъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, его нравственномъ развитіи, выражающемся только въ формальномъ отношеніи къ своему дѣлу, въ недостаткахъ самой организаціи церкви, далекой отъ того, чтобы являть собою христіанскую общину.

До сихъ поръ единственное отношеніе интеллигенціи къ духовенству въ обществѣ заключалось въ ожиданіи, когда уйдетъ священникъ, а духовенства къ интеллигенціи—когда уйдутъ «эти еретики». А между тѣмъ тѣ часы общенія съ интеллигенціей,—говорилъ намъ о. Сергій,—которые выпали на мою долю, убѣдили меня, что это люди глубокомыслящіе, убѣжденно, по большей части, вѣрующіе, хотя часто вѣрующіе довольно оригинально. Глубинѣ мысли и силѣ убѣжденія приходится у интеллигенціи учиться. Къ сожалѣнію, отсутствіе духовнаго единенія въ теченіе многихъ лѣтъ имѣло результатомъ то, что мы—духовенство и интеллигенція—часто другъ друга не понимаемъ, даже иногда говоримъ другъ съ другомъ непонятнымъ взаимно языкомъ. Въ настоящее время, когда среди интеллигенціи проявляется стремленіе разумно посмотрѣть на то, что́ многими ея представителями доселѣ легкомысленно отрицалось, поддержать съ ней общеніе—задача современнаго духовенства. Общеніе это достижимо при помощи кружковъ и особенно чрезъ чтеніе интеллигенціи по интересующимъ ее вопросамъ».

Словомъ, православному духовенству предстоитъ въ будущемъ огромная работа «поученіемъ, кротостью и добрыми примѣрами» сохранять

свою паству отъ перехода въ инославныя ученія и сдѣлать православную церковь дѣйствительно господствующею въ Россіи.

---

2) Статья *Сезама:*

На новомъ пути.

Высочайше утвержденнымъ журналомъ комитета министровъ *прежде всего* высказывается «рѣшительное убѣжденіе, что законодательными измѣненіями не должно отнюдь быть поколеблено устанавливаемое основными законами государства положеніе, признающее первенствующею и господствующею въ Россійской имперіи вѣру христіанскую православную каѳолическую восточнаго исповѣданія».

До сихъ поръ это первенствующее и господствующее положеніе охранялось уголовными законами, паства принудительно оставлялась въ оградѣ господствующей церкви, но теперь по тому же журналу признано, что отпаденіе отъ православія не составляетъ уголовно-наказуемаго преступленія, каждый воленъ «отпасть» отъ господствующей церкви и принять любое вѣроисповѣданіе, кромѣ нехристіанскихъ, которыя поставлены въ значительно болѣе невыгодное положеніе.

Православная церковь, такимъ образомъ, ставится въ новое положеніе, выходитъ на новый путь, гдѣ ей придется уже собственными силами охранять цѣлость своего духовнаго стада. Первенствующее и господствующее положеніе въ этомъ отношеніи не даетъ никакихъ преимуществъ. Даже больше того, можетъ быть именно это положеніе будетъ хранить въ себѣ зародышъ неуспѣха борьбы съ другими исповѣданіями, сектами и толками.

По журналу комитета министровъ господствующая церковь пользуется слѣдующими преимуществами: «принадлежностью къ ней Государя Императора, свободой привлеченія послѣдователей и полученіемъ денежныхъ средствъ для удовлетворенія ея нуждъ изъ общегосударственныхъ доходовъ».

Изъ этихъ трехъ преимуществъ имѣетъ существенное практическое значеніе второе—свободное привлеченіе послѣдователей, т. е. ничѣмъ не стѣсненная пропаганда вѣры, даже поощряемая.

Но съ уничтоженіемъ наказуемости отпаденія отъ православія это же преимущество въ значительной мѣрѣ пріобрѣтается и другими исповѣданіями. Не можетъ быть рѣчи объ особыхъ поощреніяхъ, но свобода исповѣданія вѣры, очевидно, открывается для всякаго. Это довольно ясно отмѣчается въ журналѣ комитета министровъ. Всѣмъ разрѣшается совершать общественныя и публичныя молитвенныя собранія, на кото-

рыхъ, конечно, могутъ быть произносимы и проповѣди, а также и толкованіе и разъясненіе вѣроученія.

А этого совершенно достаточно для привлеченія прозелитовъ въ любомъ количествѣ.

Разрѣшается также преподаваніе Закона Божія для всѣхъ,—а отсюда необходимо вытекаетъ и разрѣшеніе въ печати духовныхъ учебниковъ, толкованій и прочихъ пособій къ утвержденію въ вѣрѣ.

Словомъ, въ конечномъ результатѣ каждая церковь или секта будетъ пользоваться тѣми же средствами распространенія своего вѣроученія, какія предоставляются и господствующей православной церкви.

Зато третье преимущество — пользованіе государственными доходами, т. е. готовая обезпеченность православнаго духовенства и, главнымъ образомъ, его высшихъ чиновъ, можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, имѣть даже отрицательное значеніе, а не положительное. Какъ и вездѣ, готовая обезпеченность жизненныхъ потребностей поведетъ (и ведетъ сейчасъ) не къ увеличенію энергіи, а къ ея ослабленію.

Духовное лицо превращается въ государственнаго чиновника, всѣ силы котораго направлены къ удовлетворенію требованій начальства, а не запросовъ духовнаго стада. Энергія направляется туда, откуда идетъ обезпеченіе, къ непосредственному источнику благъ.

Это мы и видимъ на каждомъ шагу. Пастырь по церковнымъ канонамъ прежде всего долженъ быть учительнымъ, и нигдѣ вы не найдете столько плохихъ, небрежныхъ учителей вѣры, какъ въ средѣ православнаго духовенства. Постановка народнаго образованія въ церковныхъ школахъ, законоучительство въ земскихъ и городскихъ школахъ, въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ служатъ яркимъ доказательствомъ того, что учительскія обязанности извѣстная часть православнаго духовенства считаетъ лишней обузой, бременемъ неудобоносимымъ, а если и удобоносимымъ, то порою только вслѣдствіе матеріальныхъ соображеній.

Въ среднихъ и высшихъ школахъ батюшки въ большинствѣ случаевъ задаютъ уроки «отъ сихъ и до сихъ» и этимъ ограничиваются; въ отчетахъ земскихъ школъ весьма часто встрѣчаются отмѣтки: «законоучитель въ теченіе года посѣтилъ школу 10 разъ». Но не рѣдки случаи, когда законоучители посѣщаютъ своихъ учениковъ и 5, 3 и 1 разъ въ годъ и даже ни одного въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ.

Что касается поученій въ церкви, то всѣмъ извѣстенъ фактъ, что для священниковъ установлены 4 обязательныхъ проповѣди въ годъ. Въ этой обязательности, конечно, не было бы нужды, если бы эти 4 проповѣди и больше произносились добровольно, по собственной охотѣ

къ «учительности». Но желанія этого нѣтъ, и 4 обязательныхъ проповѣди многими и очень многими не произносятся.

Все учительство, такимъ образомъ, ограничивается общественными моленіями въ церкви, на славянскомъ языкѣ, которыхъ народъ въ массѣ своей не понимаетъ.

И къ этому непониманію презрительно относится прежде всего само же духовенство и иногда даже высмѣиваетъ его тутъ же. Общеизвѣстенъ анекдотъ о молебнѣ.

Старушка проситъ отслужить молебенъ.

— Кому?—спрашиваетъ дьячекъ.

— Мнѣ, кормилецъ, мнѣ.

— Ну, такъ давай, я тебѣ свѣчку прилѣплю. Безъ свѣчки нельзя молебенъ служить.

Старуха не понимаетъ, что молебенъ служится святому, а не заказывающему его, и въ этомъ непониманіи виноваты всецѣло ея духовные пастыри, но они же и издѣваются надъ ней, очевидно, не сознавая своей тяжкой вины предъ ней.

Обязательность оклада или извѣстнаго приношенія за требоисправленіе такъ отдалила духовенство отъ его паствы, что отъ однихъ къ другимъ нѣтъ никакихъ путей. Одни «господствуютъ», а другіе только издали смотрятъ на господствующихъ.

Овцы не слышатъ и не знаютъ голоса своего пастыря, онъ чуждъ имъ и далекъ отъ нихъ, и онѣ ищутъ себѣ пастырей болѣе близкихъ, болѣе отзывчивыхъ и учительныхъ. Эти другіе пастыри, можетъ быть, люди болѣе невѣжественные, чѣмъ пастырь господствующей церкви, но они охотно идутъ на встрѣчу духовнымъ потребностямъ каждаго. А эта потребность сильна въ русскомъ человѣкѣ, она превратилась въ ничѣмъ неутолимую жажду. Поговорить «о душѣ и по душѣ» онъ всегда готовъ и, при малѣйшей возможности эти разговоры и разсужденія превращаются въ настоящую эпидемію. У Г. Успенскаго особенно ярко нарисована картина такой эпидеміи, которая и разрослась-то и захватила цѣлую округу только потому, что въ селѣ случайно поселился солдатъ, умѣющій говорить о душѣ. Этихъ разговоровъ деревенскій людъ путемъ не понималъ, но все же волновался и даже ходоковъ посылалъ въ городъ, чтобы досконально разузнать о душѣ.

И такое движеніе вызвалъ случайный солдатъ. А духовенство почти цѣлое тысячелѣтіе живетъ въ деревнѣ и вызываетъ только отчужденіе народа отъ себя.

Полной картины этого отчужденія мы еще не видѣли, мы не знаемъ, сколько въ Россіи осталось еще истинно православныхъ, убѣжденныхъ,

такъ какъ выясненію этой картины мѣшали уголовныя репрессіи и наружный показной блескъ господствующей церкви. Но вотъ насталъ моментъ и уголовныя репрессіи по дѣламъ вѣры пали, нѣтъ ихъ больше, а вмѣстѣ съ тѣмъ встаетъ и вопросъ, насколько православное духовенство полномочно удержать вокругъ себя числящуюся при немъ паству?

Вопросъ этотъ мы не беремся разрѣшать по существу, но не можемъ не сказать, что православное духовенство стоитъ теперь предъ великимъ моментомъ. Это рѣшительный моментъ въ его будущей судьбѣ. Господство за нимъ осталось теперь только формально и по существу можетъ только скорѣе принести ему вредъ, чѣмъ пользу, если, конечно, оно не отрѣшится отъ старыхъ традицій индиферентизма и не сократитъ разстоянія между собой и народомъ.

«Русское Дѣло» (№ 17-й).

Статья *В. Сенатова:*

О возстановленіи патріаршества.

Общая оцѣнка.

Русской церкви суждено, можетъ быть, даже въ ближайшемъ будущемъ, начать новый періодъ въ своей тысячелѣтней исторической жизни, — періодъ возврата къ *патріаршеству* или «совыборно»-патріаршескій.

Явится ли этотъ періодъ, какъ необходимое естественное слѣдствіе періода современнаго, «синодальнаго», повидимому, доканчивающаго свое послѣднее «лѣто»? Или же этотъ будущій «чаемый» періодъ будетъ лишь «реставраціей», т. е. явится не какъ неизбѣжное развитіе нынѣшняго, а только какъ его неотвратимое «крушеніе» и какъ «возстановленіе» церковнаго управленія, бывшаго въ до-синодальный патріаршескій періодъ?

Вопросы эти не только любопытны съ теоретической и, скажемъ такъ, «догадочной» стороны, они въ то же время и важны, какъ увидимъ ниже, по своему глубокому, чисто-практическому, значенію.

Прислушиваясь къ печатнымъ и общественнымъ разсужденіямъ о «патріаршествѣ», можно догадываться, что надвигается реставрація: говорятъ, нуженъ патріархъ, Синодъ слабъ, канонически незаконенъ, но ни отъ кого не слыхать: «Синодъ такъ высоко развился, что его переходъ въ патріархатъ неизбѣженъ». О реставраціи же можно думать, судя по направленію двухъ журналовъ, удѣляющихъ данному жизненному вопросу особенно почетное вниманіе: «Русскаго Дѣла», сердечно

чуткаго ко всѣмъ «нестроеніямъ» русской жизни, и «Церковнаго Вѣстника», умнаго, вдумчиваго къ современнымъ церковнымъ и обще-религіознымъ нуждамъ.

Да и намѣченный «обликъ» будущаго патріархата указываетъ на тотъ же самый «реставраціонный» характеръ предполагаемой церковной реформы. Обликъ этотъ или «программа» можетъ быть изложенъ всего въ нѣсколькихъ строчкахъ.

Вся русская земля расчленится на великое множество, числомъ въ нѣсколько сотъ, епархій съ «просто» епископами во главѣ. Эти мелкія единицы будутъ затѣмъ сгруппировываться все въ болѣе и болѣе крупныя величины: нѣсколько сосѣднихъ епископій составятъ архіепископію, нѣсколько также сосѣднихъ архіепископій объединятся въ митрополію и всѣ митрополіи, наконецъ, сосредоточатся въ патріархатѣ. Мелькнула даже мысль учредить три патріаршихъ престола—Кіевскій, Московскій и Петербургскій («Русское Дѣло» № 7), а, прибавимъ къ этому, четвертый и пятый—Сибирскій и Кавказскій — возникнутъ по необходимости.

Душею этого дѣленія и постепеннаго групповаго объединенія являются *выборность духовенства* и *всеобщая соборность*.

Приходское духовенство избирается представителями прихода, или же всѣмъ приходомъ. Епископъ избирается представителями епархіи, т. е. выборными (депутатами) отъ духовенства и отъ мірянъ. Архіепископъ—представителями архіепископіи, т. е. соборомъ мѣстныхъ епископовъ и выборныхъ отъ епархій, какъ духовныхъ лицъ, такъ и мірскихъ. Такъ же избираются митрополиты и патріархи, съ тою лишь разницею, что чѣмъ выше избираемый, тѣмъ сложнѣе и разнообразнѣе по своему составу избирающій соборъ. Такими чертами опредѣляется выборность духовенства.

Всѣ мѣстныя приходскія дѣла, не имѣющія болѣе широкаго, сравнительно съ приходомъ, значенія обще-церковнаго или принципіальнаго, рѣшаются и выполняются собраніемъ прихожанъ или ихъ выборныхъ подъ непремѣннымъ предсѣдательствомъ священника (?) *). Епархіальныя дѣла рѣшаются соборомъ подъ предсѣдательствомъ епископа и состоящимъ изъ выборныхъ отъ духовенства и земскихъ, мірскихъ, дѣятелей епархіи. У архіепископа состоитъ соборъ выборныхъ изъ еписко-

*) Здѣсь - недоразумѣніе. Приходъ, какъ церковная, общественная, земская и государственная единица, не можетъ идти въ аналогію съ епископіей, единицей чисто церковной, какъ и священникъ не можетъ у себя повторять епископа. Отсюда необходимость имѣть въ приходскомъ совѣтѣ священника только непремѣннымъ членомъ, но вовсе не обязательнымъ предсѣдателемъ. Это внесло бы въ приходъ великую смуту. *Ред.*

повъ, духовенства и земцевъ архіепископіи. У митрополита—соборъ выборныхъ изъ архіепископовъ и т. д. У патріарха—соборъ (патріаршій синодъ) выборныхъ изъ митрополитовъ и т. д. Указанными свойствами опредѣляется всеобщая соборность.

Вся программа предполагаемой церковной реформы, такимъ образомъ, укладывается всего въ три начала: *патріархатъ* при условіи, или на почвѣ *выборности* и *соборности*. Всѣ эти начала объединены въ одну ясную и точно опредѣленную мысль: «Церковь управляется *соборомъ* отъ *земли* подъ непремѣннымъ предсѣдательствомъ *одного* опредѣленнаго, пожизненно избраннаго, лица».

Мысль эта красною чертою проходитъ по всѣмъ стадіямъ церковнаго строя, такъ что приходское собраніе подъ предсѣдательствомъ священника является точнѣйшимъ прототипомъ патріаршаго синода, и патріаршій синодъ во всей церкви не является большимъ или меньшимъ, чѣмъ приходское собраніе въ приходѣ. Все это служитъ яркимъ доказательствомъ стройности и логичности программы

Съ точки зрѣнія церковно-канонической и обще-юридической, программа тоже неоспорима, какъ несомнѣнна и ея логичность. Въ церковныхъ канонахъ имѣются всѣ данныя къ созданію церковнаго строя по указанной программою схемѣ *дѣленія* (на митрополіи и ниже—до самоуправляющихся приходовъ) и *сосредоточенія* (въ епископіи и выше—до самостоятельнаго независимаго патріархата). Въ тѣхъ же канонахъ найдемъ и данныя къ такой «выборности» и такой» «соборности».

Съ обще-юридической точки зрѣнія программа является образцомъ «парламентарнаго» строя, образцомъ такимъ высокимъ и такъ художественно во всѣхъ частяхъ отдѣланнымъ, что Западная Европа не имѣетъ ничего подобнаго. Программа, повидимому, вполнѣ примѣнима къ обширнѣйшему земскому построенію государства, къ созданію свободныхъ мелкихъ земскихъ единицъ, къ свободному объединенію ихъ все въ болѣе и болѣе крупныя величины, до единаго цѣльнаго государства включительно. И земцы-конституціоналисты и церковники-патріархисты, въ сущности, предлагаютъ одну и ту же юридическую программу; между тѣми и другими полная солидарность въ воззрѣніяхъ на существеннѣйшія человѣческія права, обязанности и даже задачи; разница между ними заключается только въ томъ, что одни предлагаютъ осуществить эти права при пѣніи псалмовъ, а другіе—при чтеніи стиховъ Некрасова или произведеній Максима Горькаго. Все это свидѣтельствуетъ о безусловной правильности церковной программы съ самой строгой юридической точки зрѣнія.

Изложенная церковная программа имѣетъ также и живое могучее

доказательство своей зрѣлой политической мудрости. Это соединенные Сѣверо-Американскіе Штаты: общины, округа, города, штаты и хозяинъ Бѣлаго дома въ Вашингтонѣ съ сенатомъ суть не что иное, какъ параллели прихода, епископіи, архіепископіи, митрополіи и патріарха съ синодомъ.

Очевидно, программа эта съ внѣшней стороны выдерживаетъ самую строгую критику. Но при произведенной оцѣнкѣ, обнаружившей блескъ и великолѣпіе данной программы, мы все время вращались въ кругу отвлеченныхъ юридическихъ понятій, ни на минуту не усомнились въ ихъ достоинствѣ, ни разу не спросили: каково внутреннее содержаніе этихъ чрезвычайно тщательно сцѣпленныхъ между собою понятій? Предъ нашими глазами былъ художественно-отдѣланный, роскошно выгравированный кувшинъ, и мы не потрудились заглянуть внутрь его—имѣетъ ли онъ какое-либо содержимое, наполненъ ли онъ пѣнящимся бодрящимъ виномъ, или, быть можетъ, совершенно пустъ?

Мы нарочно отмѣтили юридическую цѣнность изложенной церковной программы, для многихъ кажущейся могучимъ цѣлебнымъ средствомъ, способнымъ излѣчить рѣшительно всѣ современные русскіе недуги: церковно-религіозные, народно-земскіе и всемірно-политическіе, вплоть до торжества надъ страною Восходящаго Солнца.

---

24 апрѣля.

«Слово» (№ 133-й).

Выдержка изъ статьи *кн. Евг. Трубецкаго*, помѣщенной въ № 15-мъ «Права», подъ заглавіемъ «Церковь и современное общественное движеніе»:

«Великое событіе,—говоритъ кн. Трубецкой,—совершается на нашихъ глазахъ. Наша церковь прервала молчаніе и готовится сбросить съ себя путы вѣкового рабства. Теперь въ борьбѣ съ инославными исповѣданіями она уже не можетъ разсчитывать на поддержку свѣтскаго меча. Духовная цензура вскорѣ перестанетъ преграждать путь свободному изслѣдованію. Силою вещей церковь, до сихъ поръ шедшая на буксирѣ свѣтской власти, призывается стать на собственныя ноги. Церковь—воплощеніе вѣчнаго, божественнаго начала на землѣ, не можетъ связывать своихъ судебъ съ тѣмъ временнымъ мірскимъ порядкомъ, который рушится. Чтобы уцѣлѣть среди всеобщаго пожара, она должна быть независимой отъ свѣтской власти. И вотъ мы, наконецъ, слышимъ властный, независимый голосъ нашей церкви, провозглашающій необходимость церковной автономіи. Изъ заявленій лучшихъ представителей нашей іерархіи видно, что дѣло идетъ о полномъ внутреннемъ обновленіи церковной жизни въ духѣ евангельскомъ, а не объ одномъ только возстановленіи незави-

симой духовной власти (патріарха), какъ думаютъ поверхностные наблюдатели, — вотъ почему это церковное движеніе заслуживаетъ особеннаго сочувствія... Въ наши дни новаго смутнаго времени только незримая сила любви можетъ сплотить насъ воедино и спасти отъ окончательнаго распаденія нашъ государственный и общественный организмъ. Въ виду повсемѣстно надвигающейся анархіи,—церкви, можетъ, быть вновь предстоитъ выступить въ роли собирательницы русской земли. Но для этого она должна дѣйствовать вкупѣ со всѣми созидательными силами русскаго общества, со всѣми тѣми православными, инославными и невѣрующими, которые, хотя бы и не вѣдая Христа, осуществляютъ дѣло любви Христовой на землѣ. Въ христіанствѣ прогрессивныя теченія могутъ быть примирены съ охранительными началами. Но пусть церковь свидѣтельствуетъ намъ, что достойно охраненія не то, что гніетъ и разлагается и безобразитъ нашъ народный обликъ, а только то, что можетъ быть согласовано съ началами вѣчной справедливости».

Далѣе авторъ основательными доводами доказываетъ, что грядущее церковное обновленіе будетъ спасительнымъ и для нашей государственной жизни.

---

25 апрѣля.

«Новое Время» (№ 10.467-й):

Предполагаемыя „перемѣщенія“ въ духовномъ вѣдомствѣ.

Независимость какой-либо области, хоть нѣкоторая свобода или, по крайней мѣрѣ, не рабство опредѣленной корпораціи людей опредѣляется тѣмъ, что люди эти, держась того или иного мнѣнія, не несутъ за это никакой кары, не подвергаются преслѣдованію явному или тайному, прямому или особенному за высказанный взглядъ или то или иное направленіе дѣятельности, согласованное съ личнымъ разумомъ и совѣстью. Группа духовенства, сперва въ лицѣ священниковъ и затѣмъ высшей іерархіи, преимущественно петербургской, высказавшаяся за возвращеніе церкви къ древне-каноническому строю, во всякомъ случаѣ, дѣйствовала по совѣсти и разуму; наконецъ, она дѣйствовала именно въ духѣ церковныхъ традицій и можетъ быть только не въ духѣ могущественныхъ чиновничьихъ вліяній. Такъ на войнѣ поступилъ бы каждый солдатъ и генералъ; такъ, кромѣ самыхъ робкихъ, поступилъ бы каждый священникъ. Возстановленіе въ церкви «соборности» на мѣстѣ чиновной коллегіальности, возстановленіе прихода, возможное возстановленіе патріаршества, это такія аксіомы богословской науки, тысячу разъ пережеванныя на страницахъ рѣшительно всѣхъ богословскихъ журналовъ, о которыхъ давно никто не споритъ. Если это не двигалось

практически, то только «по независящимъ обстоятельствамъ», подъ которыми въ Россіи подразумѣвается простое чиновническое непозволеніе. Но по долгу священнической службы, по долгу іерархической службы, передъ Евангеліемъ и крестомъ, всякій священникъ и каждый епископъ долженъ былъ полагать всѣ усилія, чтобы способствовать словомъ и дѣломъ возстановленію въ религіозной жизни Россіи, если не непремѣнно московскихъ, то, напримѣръ, кіевскихъ или греческихъ формъ жизни и управленія на мѣсто всего 200 лѣтъ существующихъ петербургскихъ формъ. Такимъ образомъ, при самомъ строгомъ анализѣ нельзя найти ничего порицаемаго въ иниціативѣ церковной реформы, принятой на себя группою петербургскихъ священниковъ и затѣмъ взятою подъ свое покровительство высшею петербургскою іерархіею. Реформа отложена. Но, вѣдь, мысль ея признана истинною, справедливою, основательною съ высоты Престола, въ резолюціи, положенной Государемъ на докладной запискѣ, представленной отъ лица Св. Синода. Отложена, въ памятныхъ словахъ Государя, не по ложности мысли реформы, а за трудностью и тревожностью современнаго положенія Россіи, мѣшающаго спокойно и глубоко провести реформу.

Во всякомъ случаѣ, конечно, кромѣ общественной благодарности и нѣкоторой исторической чести, иниціатива этихъ добрыхъ пастырей и іерарховъ ничего за собою не должна бы повлечь. Мы, поэтому, не придали въ свое время никакого значенія появившемуся недѣли двѣ назадъ извѣстію въ газетахъ о предположенномъ «перемѣщеніи высокопреосвященнаго митрополита Антонія изъ Петербурга на другую каѳедру». Каждому понятно значеніе «перемѣщенія» изъ столицы имперіи уже, очевидно, не въ столицу же, а въ губернскій городъ «съ оттѣнкомъ» историческихъ воспоминаній, и изъ первоприсутствующихъ Св. Синода, каковая должность неотъемлемо соединена съ каѳедрою въ митрополіи, въ «члены» Св. Синода, и, можетъ быть, даже безъ нарочитаго вызова въ Петербургъ. Труднѣе изъ Петербурга «вывезти», а уже не позвать въ Петербургъ совсѣмъ легко. Вспомнимъ митрополита Филарета, не «вызывавшагося» въ Петербургъ изъ Москвы почти во все время оберъ-прокуратуры враждебнаго къ нему Протасова, которому онъ «возражалъ»... Намъ казалось, что времена 40-хъ годовъ XIX вѣка вовсе не то, что наши времена, и, повторяемъ, такому слуху-извѣстію мы не хотѣли вѣрить, пока и до насъ не дошли извѣстія болѣе мрачнаго характера, фактическая сторона которыхъ передана въ «Словѣ» отъ 24 апрѣля (см. «Среди газетъ»).

Заговорили послѣдніе мѣсяцы о приходѣ; о томъ, что прихожане храма въ правѣ имѣть «излюбленнаго батюшку» и жители города въ

правѣ пожелать себѣ «чтимаго, уважаемаго архипастыря»... Нужно подумать гг. чиновникамъ и о жителяхъ нашего Петербурга.

Кончимъ евангельскимъ словомъ: «поражу пастыря и разсѣются овцы». Очевидно, дѣло идетъ вовсе не объ одномъ митрополитѣ Антоніи, или о немъ пока «въ первую голову». Если его «перемѣщеніе» еще возбуждаетъ вниманіе и толки, то разныя «перемѣщенія» вплоть до полнаго «аннулированія», т. е. приравненія къ нулю, такихъ друзей реформы, какъ епископъ нарвскій Антонинъ, какъ свящ. А. П. Рождественскій или тѣ 32 священника (мы слышали, что число ихъ возросло до 80), которые сдѣлали первый шагъ во всемъ этомъ дѣлѣ, — разныя «удаленія», «перемѣщенія» и, наконецъ, вовсе смѣщенія ихъ не возбудятъ никакого общественнаго вниманія и пройдутъ бюрократически «гладко». Но, къ счастью, общество считаетъ очень серьезною заслугою и первый голосъ этихъ 32-хъ священниковъ, и взгляды въ коммиссіи о выработкѣ новаго «Устава о печати», высказанныя еп. Антониномъ и А. П. Рождественскимъ, и, наконецъ, вообще все движеніе въ сторону реформы, взятое подъ покровительство свое высокопреосвященнымъ митрополитомъ Антоніемъ въ согласіи со всѣми остальными членами Синода. Общество не склонно забывать историческихъ заслугъ, какъ и имѣетъ память объ общественно-историческихъ «дефектахъ». Его вниманіе пробудится. Оно будетъ ждать «ожидаемыхъ перемѣщеній». И вѣщее сердце говоритъ намъ, что этихъ «перемѣщеній» не произойдетъ...

«Рижскій Вѣстникъ» (№ 87-й).

Выдержка изъ статьи *кн. Мещерскаго* въ «**Гражданинѣ**»:

Реформа православной церкви, возбудившая было въ печати и въ обществѣ самый оживленный обмѣнъ мнѣній, — теперь дѣло болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго.

«Надо надѣяться, говоритъ кн. Мещерскій, что эта пріостановка будетъ кратковременная, но все же пока нельзя безъ прискорбія не свидѣтельствовать и не понимать и не чувствовать, что, пока съ днями величайшаго христіанскаго празднества соединилось празднество свободы для всѣхъ иновѣрцевъ и сектантовъ Россіи, одна лишь православная церковь въ тѣни отъ праздничнаго свѣта и свободы. Надежду, что такое положеніе будетъ кратковременно, ничто не можетъ ослабить, ибо всякій изъ десятковъ милліоновъ русскихъ людей понимаетъ, что какъ свобода печати можетъ быть благомъ только тогда, когда она дается и осуществляется сильною правительственною властью, такъ и свобода

иновѣрческихъ исповѣданій можетъ быть благомъ для Россіи только подъ условіемъ, чтобы свобода дала силу православной церкви; и какъ въ первомъ случаѣ свобода печати, данная и осуществляемая слабымъ правительствомъ, не можетъ ничего дать другого, какъ еще большее ослабленіе правительства и даже опасность его разрушенія, такъ и свобода иновѣрныхъ исповѣданій безъ укрѣпленія свободою православной церкви ничего не можетъ дать, кромѣ еще большаго ослабленія ея! Теперь сильнѣе, чѣмъ когда-либо надо русскою душою припомнить, что русскій народъ держится, какъ главная духовная опора Россійскаго царства, благодаря тому убогому сельскому священнику, участь котораго доселѣ брошена на произволъ судьбы».

---

26 апрѣля.

«Новое Время» (№ 10.468-й).

Мысли и мнѣнія *Мірянина:*

Въ ожиданіи церковной реформы.

Многіе и многое пишутъ о церковной реформѣ: пишутъ иниціаторы дѣла и ихъ оппоненты, пишутъ профессора и богословы, подаютъ, наконецъ, свои слабые, робкіе и—пока только единичные—голоса представители тѣхъ 70,000 лицъ бѣлаго духовенства, которыхъ, повидимому, совсѣмъ забыли спросить 32 священника, что подали митрополиту Антонію свою извѣстную петицію. И вотъ, выражаясь словами евангелиста, разсудилось и мнѣ, мірянину, сказать свое слово о «совершенно извѣстныхъ между нами событіяхъ». Лично, я къ этому дѣлу нисколько неприкосновенъ и нисколько, поэтому, не заинтересованъ исходомъ этого историческаго турнира, происходящаго между «князьями церкви» и ихъ приспѣшниками съ одной стороны и синодальнымъ оберъ-прокуроромъ и его «партіей» съ другой. Я лишь позволю себѣ сообщить здѣсь нѣкоторые факты, непосредственно относящіеся къ ожидаемой реформѣ, и, затѣмъ, выскажу нѣсколько своихъ взглядовъ и мнѣній по данному предмету. «Факты» извѣстны мнѣ потому, что когда-то, около 20 лѣтъ назадъ, я, сочувствуя дѣлу народнаго образованія, состоялъ почетнымъ попечителемъ церковно-приходскихъ школъ, и, въ то же время, и членомъ епархіально-училищнаго совѣта; я посѣщалъ назван-

ныя школы, разъѣзжая для этого по самымъ, иногда, глухимъ и отдаленнымъ деревнямъ литовской епархіи, и, затѣмъ, оренбургской; видѣлъ во-очію убогую и полную скорбей и лишеній страдную жизнь сельскаго духовенства: писалъ и печаталъ отчеты о своихъ поѣздкахъ по церковно-приходскимъ школамъ, предварительно представляя эти отчеты епархіальнымъ архіереямъ, и, затѣмъ, г. синодальному оберъ-прокурору. Такимъ образомъ я имѣлъ полную возможность видѣть и наблюдать вблизи, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, не только сельское духовенство, но и многихъ «князей церкви» — епархіальныхъ владыкъ. Вотъ эти-то прошлыя мои отношенія къ вѣдомству православнаго исповѣданія и позволяютъ мнѣ высказать кое-что такое, что, можетъ быть, отчасти поможетъ разобраться въ тѣхъ, по выраженію профессора Н. К. Никольскаго, «дивныхъ-предивныхъ дѣлахъ, которыя творятся въ настоящее время въ духовномъ вѣдомствѣ».

Я не буду уснащать свою статью ни ссылками на каноны, ни на посланія св. отцовъ, такъ какъ хорошо извѣстно, что каноны можно толковать, какъ и законы наши, и такъ и этакъ, а тексты изъ «посланій» и богословскихъ сочиненій не относятся къ тѣмъ фактамъ изъ дѣйствительной жизни, о коихъ я намѣреваюсь говорить.

Ab ovo. Годы, когда я исполнялъ обязанности почетнаго попечителя церковно-приходскихъ школъ, я считаю лучшимъ временемъ моей жизни, не только потому, что я сознавалъ, что приношу нѣкоторую, хотя и небольшую, пользу великому дѣлу народнаго образованія, но главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что имѣлъ возможность близко ознакомиться и изучить совершенно невѣдомыя мнѣ до того сферы— скорбную жизнь сельскаго духовенства, задавленнаго, приниженнаго и обезличеннаго «князьями церкви» — епархіальными владыками, надъ которыми имѣлся въ то время и пока имѣется и понынѣ единый страхъ и единая власть — Св. Синодъ съ его оберъ-прокуроромъ. На моихъ глазахъ было нѣсколько случаевъ, когда общественное и имущественное положеніе и самое доброе имя сельскихъ пастырей было спасено только страхомъ отвѣтственности предъ Синодомъ и его оберъ-прокуроромъ. Я второй разъ повторяю: «и оберъ-прокуроромъ»—потому, что для всѣхъ, мало-мальски знающихъ дѣло, ясно, что участь какого-нибудь сельскаго священника весьма мало можетъ интересовать членовъ Св. Синода, въ большинствѣ, иноковъ, никогда не вѣдавшихъ и не вкусившихъ ни радостей и скорбей жизни, ни семейнаго счастія и горя.

На моихъ глазахъ совершались факты возмутительные—по своему деспотизму и жестокосердію, или же по своей неправдѣ, вызывавшіе во мнѣ чувства величайшаго негодованія къ утѣснителямъ и въ то же

время чувства благоговѣйнаго уваженія къ христіанскому терпѣнію и кротости утѣсняемыхъ. Я позволю себѣ привести здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ нѣсколько такихъ фактовъ, за точность коихъ ручаюсь и отвѣчаю.

На мою долю выпала честь быть первымъ почетнымъ попечителемъ церковно-приходскихъ школъ въ литовской епархіи. Порядокъ назначенія былъ такой: я заявилъ литовскому архіепископу о своемъ желаніи получить это назначеніе; затѣмъ епархіально-училищный совѣтъ меня избралъ, а Св. Синодъ утвердилъ въ этомъ званіи своимъ указомъ.

Въ первую же зиму по назначеніи — съ 1886 на 1887 годъ—я объѣхалъ свой районъ и старался тщательно ознакомиться съ положеніемъ церковно-приходскихъ школъ и отцами-законоучителями, которые были, въ то же время, и настоящими хозяевами и начальниками названныхъ школъ. Во время этого объѣзда, я встрѣтилъ, между прочимъ, школу въ селѣ Л., необыкновенно хорошо устроенную—двухклассную, съ особымъ учителемъ, съ особыми отдѣленіями для дѣвочекъ и мальчиковъ, помѣщавшуюся въ чистомъ, свѣтломъ и довольно обширномъ домѣ, выстроенномъ на церковной землѣ, при которомъ имѣлся уже небольшой садикъ. Такъ какъ, въ то время, т. е. въ 1886 году, церковно-приходскія школы только еще зарождались и не обладали еще тѣми матеріальными средствами, которыя у нихъ есть въ настоящее время, то я былъ необыкновенно удивленъ увидѣннымъ внѣшнимъ благоустройствомъ, а затѣмъ, когда проэкзаменовалъ дѣтей, то и успѣхами ученія въ школѣ. Оказалось, что все дѣло велъ старикъ-священникъ, бездѣтный вдовецъ, вложившій всю душу свою и всѣ свои средства въ дѣло обученія,—и едва чрезъ это не пострадавшій. Дѣло въ томъ, что викарный епископъ С. не сочувствовалъ церковно-приходскимъ школамъ и это свое несочувствіе перенесъ на священника.

— Ты, видно, мнишь быть протоіереемъ, хочешь отличиться,— говорилъ викарный.

Старикъ-священникъ сталъ противорѣчить, увѣряя, что о протоіерействѣ онъ и не думаетъ, а хочетъ лишь послужить своимъ прихожанамъ, такъ какъ вблизи не было министерскаго училища. Викарный архіерей, однако, остался недоволенъ противорѣчіемъ.

— Поступай лучше въ монахи, чѣмъ толочь воду,—посовѣтовалъ епископъ.

— И вотъ благочинный меня тѣснитъ: хочетъ, конечно, угодить начальству,—говорилъ мнѣ, вздыхая, почтенный іерей,—консисторія не разъ уже вызывала меня въ Вильну «для объясненій по дѣламъ служебнымъ», и не знаю теперь, что дѣлать; просто, опускаются руки. И

жаль бросить дѣло, которому отдалъ всю душу, и хочется, съ другой стороны, имѣть на старости лѣтъ покой, то есть избавиться отъ непріятностей съ начальствомъ...

По пріѣздѣ въ Вильну, мнѣ, однако, не сразу удалось задуманное заступничество за этого «пастыря добраго», и я даже узналъ, что его хотятъ перевести въ другой приходъ, уничтоживъ такимъ образомъ начавшую процвѣтать школу. Тогда я рѣшился на крайнее и, какъ оказалось, самое вѣрное средство, чтобы спасти и школу, и священника: я составилъ подробный отчетъ о всей своей поѣздкѣ, а дѣлу школы въ селѣ Л. посвятилъ нѣсколько особыхъ страницъ, на которыхъ и разсказалъ о нападкахъ на законоучителя со стороны его начальства. Отчетъ этотъ я представилъ на предварительное разсмотрѣніе литовскому архіепископу, прося разрѣшенія потомъ напечатать его. Вскорѣ же я былъ приглашенъ протоіереемъ Г—цкимъ отъ имени «владыки», и меня убѣдительно попросили исключить изъ отчета описаніе нападокъ на законоучителя Л—ской церковно-приходской школы и объяснили, что эти нападки произошли «по недоразумѣнію», что священника не переведутъ и все останется «по хорошему».

Я отлично понималъ, что «отчетъ» мой не могъ устрашить епархіальныхъ властей, которыя всегда могли отписаться отъ него; но вся суть была въ опасеніи, что отчетъ, будучи напечатанъ, попадетъ къ синодальному оберъ-прокурору.

Вскорѣ, впрочемъ, къ благополучію Л—ской школы, на литовскую епархію назначенъ былъ архіепископъ Алексій Лавровъ, бывшій профессоръ московской духовной академіи, а супротивникъ школъ, епископъ С., былъ, тоже, переведенъ изъ Вильны въ М—ъ, на самостоятельную каѳедру.

Слѣдующій фактъ произошелъ три года спустя, уже въ Оренбургской губерніи, гдѣ я, по приглашенію оберъ-прокурора, удѣлялъ свободное отъ коронной службы время церковно-приходскимъ школамъ.

Въ селѣ Покровкѣ, вблизи Оренбурга, я познакомился съ священникомъ Ц—ымъ, вдовцомъ, бывшимъ воспитанникомъ пензенской духовной семинаріи. Онъ былъ также и законоучителемъ въ церковно-приходской школѣ, имѣвшейся въ его селѣ, и школа эта была, по успѣхамъ, въ блестящемъ состояніи. Но зданіе школы, обошедшееся очень дорого, было такъ недобросовѣстно выстроено, что зимою дѣти мерзли отъ холода, а несчастная учительница говорила мнѣ, что ея подушка, за ночь, если только былъ вѣтеръ въ стѣну ея комнаты, покрывалась снѣжнымъ инеемъ. Священникъ подтвердилъ все это.

Священника этого, нынѣ покойнаго отца Ц—ова, не долюбливало его начальство.

— Непокоренъ онъ и гордъ, и выпиваетъ лишнее,—отозвался о немъ тогдашній оренбургскій архіерей М—ій.

Этотъ недобрый отзывъ меня интересовать не могъ, а школа заинтересовала; по ученію она оказалась первою, а по удобствамъ внѣшнимъ послѣднею: дѣти сидятъ въ классѣ въ полушубкахъ и кафтанчикахъ, постукиваютъ нога объ ногу, да дуютъ себѣ въ кулаченки, отогрѣвая стынущіе пальцы. Учительница тоже сидитъ, зубъ на зубъ не попадаетъ и жалуется, что стала уже похварывать ногами — простудила ихъ.

За постройкой школы «наблюдалъ» городской священникъ С—скій, одинъ изъ любимцевъ архіерея; бревна не были даже хорошо проконопачены, такъ что въ стѣнахъ были замѣтные просвѣты, которые дѣти затыкали бумагою отъ старыхъ тетрадей, а изъ-подъ дверей и оконъ дуло;—и это при оренбургскихъ-то морозахъ, которые часто доходятъ до 35 град. Реомюра и даже болѣе!..

Сталъ я говорить архіерею, что П—ская школа не стоитъ и половины той суммы, которая показана священникомъ С—скимъ, что ее всю непремѣнно надо перестроить, или, по крайней мѣрѣ, вновь проконопатить и обшить тесомъ. Вижу—преосвященный недоволенъ; говоритъ:

— Я осматривалъ эту школу; она превосходно выстроена.

— А когда вы ее осматривали?—спрашиваю.

— Минувшимъ лѣтомъ,—отвѣчаетъ.

— А вы пожалуйте-ка въ школу теперь, тогда и изволите убѣдиться, что я докладываю вамъ правду.

Преосвященный и слушать не хочетъ...

Вскорѣ поѣхалъ я по дѣламъ своей коронной службы въ Петербургъ. Оберъ-прокуроръ былъ боленъ и я, не повидавъ его, разсказалъ о неудобствахъ П—ской школы тогдашнему управляющему канцеляріей Синода г. Саблеру, а для большаго подтвержденія истины своихъ словъ представилъ ему копію съ рапорта П—скаго волостнаго правленія, въ районъ коего входило село Покровка. Въ этомъ рапортѣ по своему начальству волостное правленіе сообщало, въ какомъ невозможномъ видѣ оно нашло П—скую школу при пріемѣ ея отъ строителя.

Оказалось потомъ, что я поступилъ очень опрометчиво. Вскорѣ же по возвращеніи въ Оренбургъ я узналъ, что учительница была уволена отъ должности безъ объясненія причинъ,—а когда она пошла узнать—за что именно лишили ее куска хлѣба, то ей отвѣтили: «Вы очень болѣзненны и не можете поэтому заниматься обученіемъ дѣтей»... Едва-

едва мнѣ удалось исхлопотать ей мѣсто учительницы, но уже въ министерской школѣ.

Затѣмъ, назначена была цѣлая коммиссія для «переосвидѣтельствованія» зданія П—ской церковно-приходской школы, составленная изъ благочиннаго, изъ нѣсколькихъ чиновниковъ-поповичей и двухъ городскихъ батюшекъ. Осмотръ школы былъ весною и коммиссія нашла, что зданіе выстроено очень добросовѣстно и что зимою въ немъ никакого холода не замѣчалось.

А вскорѣ дошла очередь и до священника. Однажды, недѣли черезъ двѣ или три послѣ освидѣтельствованія школы, онъ пріѣзжаетъ ко мнѣ въ Оренбургъ разстроенный и убитый, и сообщаетъ:

— Мнѣ объявлено постановленіе консисторіи—приказано отправляться въ монастырь «на смиреніе»... То есть, на исполненіе монастырскихъ работъ. Не знаю за собой никакой вины.

Я изумился... Сталъ разспрашивать его,—былъ ли онъ въ консисторіи, что ему тамъ сказали и пр.

— Вѣдь, консисторія имѣла же въ виду какіе-нибудь поводы,—вѣдь, не безъ суда же васъ, батюшка, наказуютъ?—спрашиваю у него.

— Суда не было,—отвѣчаетъ онъ:—я даже ничего не зналъ... Въ административномъ порядкѣ меня наказываютъ; говорятъ: «ты пьешь водку съ прихожанами», и пр.; а я пью, какъ и всѣ сельскіе священники: вѣдь, я долженъ оскорбить хозяевъ, если бы, напримѣръ, на крестинахъ или на свадьбѣ отказался выпить рюмку-другую на ихъ пиру. Но за мной есть вина другая...

— Какая же?—спрашиваю.

— Я не кланяюсь въ ноги преосвященному, когда являюсь къ нему. Нахожу это, просто, грѣхомъ, такъ какъ кланяюсь земно единому лишь Господу Богу, на молитвѣ, или въ храмѣ, во время богослуженія. А затѣмъ, вотъ, прямо скажу вамъ. изъ-за этого училищнаго дома на меня косятся,—что я не съумѣлъ и не пожелалъ увѣрить васъ, что зданіе сооружено хорошо. Если можете, то ради Бога, помогите мнѣ—попросите преосвященнаго. Я не перенесу этого позора; у меня взрослыя дочери, дѣвушки; онѣ съ голоду пропадутъ, пока меня будутъ «исправлять» въ монастырѣ.

— Телеграфируйте и пишите въ Синодъ,—посовѣтовалъ я.

— Если я это сдѣлаю,—отвѣчалъ о. Ц—овъ,—то съ меня «ризу снимутъ», то есть окончательно воспретятъ совершать богослуженіе.

Я въ тотъ же день поѣхалъ къ архіерею—и долго и напрасно просилъ его за опальнаго батюшку; онъ не сдавался на мои просьбы. Тогда я рѣшилъ говорить съ нимъ прямо: я сказалъ, что хорошо знаю и вижу,

за что именно обрушился на бѣднаго о. Ц—ова гнѣвъ консисторіи (я не смѣлъ обвинять его, преосвященнаго): что не подтверди факта недобросовѣстнаго строительства церковно-приходскихъ школъ, его, конечно, не тронули бы. Поэтому, я извиняюсь предъ нимъ, что вынужденъ буду просить о справедливости и милосердіи къ священнику Ц—ову, письмомъ, г. оберъ-прокурора, которому и изложу дѣйствительную вину этого правдиваго пастыря.

Это спасло тогда священника Ц—ова: онъ не былъ отправленъ въ монастырь; но тѣмъ не менѣе его все-таки перевели изъ богатаго села Покровки въ какой-то отдаленный и глухой приходъ, а въ П—ку назначили только-что посвященнаго и очень юнаго священника П—скаго, племянника архіерея, вышедшаго изъ 4-го класса воронежской гимназіи, а затѣмъ служившаго въ томъ же Воронежѣ по акцизному вѣдомству; потомъ поступившаго въ псаломщики, перешедшаго въ Оренбургъ, женившагося и, черезъ два мѣсяца, получившаго священство. Онъ служилъ съ короткими еще волосами и по книжечкѣ.

Въ скорости я уѣхалъ изъ Оренбурга на Кавказъ. Годъ спустя, въ Пятигорскѣ, встрѣтился какъ-то съ священникомъ изъ оренбургской епархіи и отъ него узналъ, что Ц—ова систематически преслѣдуютъ... А затѣмъ, прочелъ въ газетахъ, что этотъ несчастный священникъ застрѣлился.

Очевидно, не перенесъ гоненій.

---

28 апрѣля.

«Церковный Вѣстникъ» (№ 17-й).

1) «Канонъ и свобода», *Н. Аксакова* и 2) «Еще по поводу записки петербургскихъ священниковъ и постановленія Св. Синода».

1) Канонъ и свобода.

Съ глубокою радостью, съ облегченіемъ и умиротвореніемъ давно возмущеннаго религіознаго чувства прочелъ я, какъ прочли, вѣроятно, и всѣ истинно православные сыны церкви, призывъ къ церковной свободѣ, выраженный въ «мнѣніи группы столичныхъ священниковъ о необходимости перемѣнъ въ русскомъ церковномъ управленіи». Несо-

всѣмъ согласенъ или, точнѣе, совсѣмъ несогласенъ я только съ странно звучащимъ заглавіемъ поданной достойными священно-служителями и благосклонно, какъ говорятъ, принятой митрополитомъ записки. Почему это «мнѣніе» и только «мнѣніе», разъ все содержаніе записки представляется только повтореніемъ искони и на всѣ времена установленнаго самою церковью, представляющаго обязательныя для нея значеніе и силу, категорическое ея требованіе, какъ признаютъ и сами составители записки? Да и какую силу можетъ имѣть какое бы то ни было «мнѣніе» въ дѣлѣ устроенія и упорядоченія церковнаго управленія? Мнѣнія могутъ быть весьма различны и. даже противорѣча другъ другу, могутъ обладать каждое значительнымъ запасомъ правды, такъ что и выборъ между ними представляетъ значительныя затрудненія, если и не дѣлается вполнѣ невозможнымъ. Остановиться среди разнообразныхъ мнѣній на одномъ или объединить многоразличныя мнѣнія въ одно, представляющее только условное и искусственное ихъ объединеніе, не только крайне трудно, но, что всего важнѣе, и крайне опасно. Изъ хаоса мнѣній, если ограничиваться мнѣніями при рѣшеніи вопроса о церковномъ управленіи, можетъ легко возникнуть такой проектъ, отъ котораго съ ужасомъ и негодованіемъ отшатнулась бы церковь. Предпочитать мнѣніе большинства? Но большинство и меньшинство въ дѣлѣ церкви не имѣютъ никакого значенія и не могутъ быть допустимы, ибо церковь живетъ не только въ своемъ настоящемъ, но и въ прошедшемъ, и въ будущемъ. Сегодняшнее подавляющее большинство—только ничтожная крупица въ сравненіи съ великимъ сонмомъ уже подававшихъ въ церкви свой голосъ, который не можетъ быть оставляемъ безъ вниманія, а равно и въ сравненіи съ тѣмъ, можетъ быть, еще большимъ сонмомъ, которому только еще суждено жить въ ней и пользоваться благодатными ея дарами. Церковь, по опредѣленію Златоуста, есть совокупность вѣрующихъ, сущихъ, бывшихъ и будущихъ. Къ вѣчному нельзя примѣнять тѣхъ пріемовъ, которые при всей своей условности, не только могутъ быть терпимы, но иногда и полезны по отношенію къ временному. Да и вообще мнѣніе даже подавляющаго большинства можетъ быть только грубою и сплошною ошибкою, отклоненіемъ и отходомъ отъ истины, тогда какъ убѣжденіе сравнительно ничтожнаго меньшинства лицъ можетъ заключать въ себѣ истину и потому быть уже не мнѣніемъ, а провозглашеніемъ и исповѣданіемъ истины. Вся исторія церкви служитъ блистательнымъ доказательствомъ тому и примѣромъ.

Но въ томъ-то именно и состоитъ главное и существенное достоинство записки столичныхъ священниковъ, въ томъ именно и заключается

внушительная сила ея и убѣдительность, что при составленіи ея не было дано ни малѣйшаго мѣста ни личному мнѣнію, ни мнѣнію какого бы то ни было кружка или партіи. Въ ней нѣтъ ничего, что носило бы характеръ личнаго или партійнаго измышленія, что было бы сочинено такъ, но могло бы быть сочинено и иначе. Безъ этого существеннаго достоинства все значеніе записки было бы совершенно ничтожно и ей предстояло бы быть только мнѣніемъ среди мнѣній. Церковь искони и разъ навсегда начертала и установила идеалъ своего самоуправленія, утвердивъ основныя нормы этого самоуправляющагося строя незыблемымъ авторитетомъ апостольскаго преданія. Въ этомъ искони предначертанномъ и установленномъ строѣ своего самоуправленія церковь обезпечила внѣшнюю свободу себѣ, какъ совокупному цѣлому, и распредѣлила всю жизнь свою на началѣ внутренней свободы. Въ церкви, при вѣрности ея нормамъ самоуправленія, священнымъ канонамъ ея, нѣтъ мѣста ни произволу и самовластію отдѣльныхъ лицъ, каково бы ни было іерархическое положеніе ихъ, ни деспотизму торжествующаго и такъ или иначе сплотившагося или сложившагося большинства; нѣтъ въ ней ни единовластительства, ни какой бы то ни было олигархіи, ибо власть принадлежитъ только ей самой во всей ея совокупности, а осуществленіе власти совершается только посредствомъ соборныхъ опредѣленій съ постояннымъ контролированіемъ низшихъ соборовъ высшими, если рѣшенія низшихъ оставляютъ мѣсто недовольству и не удовлетворяютъ умиротворенію церковному. Такимъ образомъ, нормы самоуправленія церковнаго, будучи гарантіями внѣшней свободы для церкви, обезпечиваетъ въ ней свободу какъ для единицъ, ее составляющихъ, такъ и для меньшихъ группъ церковнаго общенія (приходовъ, епархій, областей и пр.) и всѣхъ лицъ, канонически призванныхъ къ служенію ей. Отсюда ясно, что сознаніе необходимости возстановленія церковной свободы вполнѣ тожественно съ сознаніемъ возстановленія во всей чистотѣ и безпримѣстности каноническаго строя ея самоуправленія. Знаменательное торжество это вполнѣ ясно и опредѣленно исповѣдуется и запискою.

Казалось бы, что основная идея должна была бы быть выражена и въ самомъ заглавіи записки, въ коей не выражается никакихъ иныхъ пожеланій, кромѣ указанія на неотложную необходимость возстановленія каноническаго строя церковнаго самоуправленія. На дѣлѣ, однако, заглавіе записки не только не соотвѣтствуетъ ея содержанію, но въ нѣкоторомъ отношеніи даже противорѣчитъ ему, ибо гласитъ не о необходимости возстановленія, а о необходимости перемѣнъ. Возстановленіе и перемѣна далеко не тожественны между собою и указаніе на нихъ

далеко не обладаетъ равносильною обязательностью. Мѣнять можно сколько угодно разъ и въ какомъ угодно направленіи, а возстановленіе можетъ быть только одно. Перемѣна зависитъ отъ человѣческаго мнѣнія и вообще человѣческаго усмотрѣнія, а необходимость возстановленія вытекаетъ изъ самой сущности церкви и задачъ, возложенныхъ на нее Божественнымъ ея Основателемъ. Если законный строй позабытъ или нарушенъ, его безусловно необходимо возстановить; это имѣетъ значеніе категорическаго императива. Заглавіе записки, вѣроятно, наскоро ей данное, вполнѣ ослабляетъ категорическій характеръ ея содержанія. Если въ церкви допустимы перемѣны въ управленіи, то почему же не допустить, что управленіе ея не имѣетъ ничего обязательно-твердаго и стойкаго и можетъ мѣняться не только съ каждымъ столѣтіемъ, но, пожалуй, даже и съ каждымъ десятилѣтіемъ. Реформы и контръ-реформы могутъ, стало быть, слѣдовать въ ней съ такимъ же чередованіемъ, съ какимъ зачастую возникаютъ онѣ въ дѣлахъ мірскихъ, государственныхъ. Правда, указаніе на необходимость перемѣнъ звучитъ гораздо безобиднѣе, чѣмъ указаніе на необходимость возстановленія, ибо не заключаетъ въ себѣ ни упрека, ни обвиненія. Строй, бывшій вполнѣ пригоднымъ и вполнѣ законнымъ для однихъ временъ, оказался не соотвѣтствующимъ и недостаточнымъ для другихъ и потому его необходимо перемѣнить... Совершенно иначе звучитъ призывъ къ возстановленію. Если необходимо возстановить, то, слѣдовательно, законный строй былъ такъ или иначе нарушенъ, искаженъ, частію въ силу нѣкоего небреженія церковнаго, частію же, и прежде всего, въ силу внѣшняго, посторонняго вмѣшательства въ дѣла церкви. Но приличествуетъ ли церкви закрывать глаза передъ дѣйствительностью или производить завѣдомо неправильную оцѣнку непосредственнаго своего прошлаго? Разумѣется, нѣтъ! Именно ошибку прошлаго и необходимо имѣть прежде всего въ виду, чтобъ избѣжать повторенія ошибокъ въ будущемъ. Недугъ прошлаго и заключается именно въ томъ, что церковнымъ управленіемъ распорядилось торжествующее, но укрѣпляемое насиліемъ мнѣніе, вопреки установленному, освященному временемъ и апостольскимъ преданіемъ, строю.

Сдвинутая въ дѣлѣ управленія съ каноническихъ основъ своихъ, церковь естественно должна была утратить обезпечиваемую этими канонами свободу, перестала быть самоуправляющимся цѣлымъ и стала управляемою извнѣ, примѣнительно къ внѣшнимъ воздѣйствіямъ и внѣшнимъ цѣлямъ. Изъ свободной отъ государства, духовно—и только духовно—на него вліяющей черезъ религіозно-нравственное воздѣйствіе на лицъ, его составляющихъ и имъ управляющихъ, она сдѣлалась, подъ

громкимъ и лицемѣрнымъ титуломъ господствующей, рабою того же самаго государства. Голосъ церкви слился, такимъ образомъ, съ голосомъ государства, сталъ даже въ лучшихъ случаяхъ только равночестнымъ ему и утратилъ вслѣдствіе того обаятельное значеніе свое и силу.

Глубоко вѣрно передаваемое газетами талантливое выраженіе С. Ю. Витте, что русское крестьянство живетъ въ настоящее время двумя благодатными для него дарами—землею и вѣрою. Но какъ ни прискорбно современное состояніе русскаго крестьянства, нельзя не признать еще благословеннымъ жребій этой значительнѣйшей части русскаго народа, по консервативному своему характеру или традиціонной косности еще сохранившей ту духовную силу и благодать, которая должна была бы быть достояніемъ всего русскаго народа во всей его полнотѣ. Нельзя, однако, въ этомъ отношеніи преувеличивать и благословенный жребій крестьянства. Развѣ за двухсотлѣтній періодъ искаженнаго и нарушеннаго церковнаго строя тысячи изъ него не уходили въ расколъ и всевозможныя секты и не рвутся до сего времени въ штунду, тщетно ища у ереси и раскола того, что̀ давала бы и должна была бы давать свободная церковь, но чего не давало и не можетъ давать вѣдомство православнаго исповѣданія? И этимъ далеко еще не исчерпывается зло даже по отношенію къ сравнительно благословенному крестьянству. Отношенія къ церкви ограничиваются въ массовомъ отношеніи только отбываніемъ религіозной повинности наряду съ отбываніемъ ряда повинностей государственныхъ и мірскихъ; безвѣрная вѣра исподволь замѣняетъ вѣру живую, переходящую въ жизнь и опредѣляющую ея отношенія. Да иначе и не можетъ быть и не могло быть при двухсотлѣтнемъ безмолвіи и бездѣйствіи церкви.

А такъ называемые высшіе интеллигентные классы русскаго народа... Ихъ жизнь въ теченіе двухъ вѣковъ,—а таковъ только и есть историческій ихъ возрастъ,—слагалась не только вполнѣ независимо отъ церкви, не только по существу въ противоположность ей, но даже въ большей или меньшей степени — во враждебномъ къ ней отношеніи. Культура и церковь, интеллигенція и церковь съ большею или меньшею яркостью и опредѣленностью жили въ теченіе двухъ вѣковъ церковнаго нестроенія, какъ независимые другъ отъ друга лагери, въ лучшемъ случаѣ относясь другъ къ другу вполнѣ индиферентно, и враждуя другъ къ другу въ худшемъ. Попытки Магницкихъ и Шихматовыхъ съ духовными ихъ приспѣшниками, равно какъ и попытки многочисленныхъ ихъ послѣдователей въ позднѣйшія времена, могли приносить только чисто отрицательные результаты, исходя изъ близорукаго и совершенно ложнаго предположенія, что наука и пытливая мысль сами по себѣ, по

самому существу своему противоположны церкви, а потому необходимо подавлять мысль и урѣзывать или удерживать науку. Плодомъ сдержаннаго или безшабашнаго неистовства ихъ являлась только тщеславная увѣренность всѣхъ, такъ или иначе причащавшихся древу познанія, всѣхъ, воспріявшихъ хотя бы ничтожнѣйшія крупицы научнаго знанія, что антагонизмъ ихъ къ христіанству и церкви является именно послѣдствіемъ научнаго достоинства ихъ и превосходства ихъ надъ вѣрующею толпою, отъ которой они отклонились. Противники, сами того не замѣчая, были безусловно солидарны между собою, стояли безусловно на одной и той же почвѣ или, точнѣе, на одномъ и томъ же, замѣнявшемъ дѣйствительную почву, лукавомъ и тлетворномъ софизмѣ. Одни положительно проповѣдывали невѣріе; другіе проповѣдывали его отрицательно, но проповѣдывали съ несравненно большею успѣшностью, вселяя отвращеніе къ церкви и ко всему, что̀ такъ или иначе связано съ ней. Не такъ дѣйствовало и думало христіанство первыхъ, да и не однихъ только первыхъ, вѣковъ. Оно не оставило не использованнымъ ни одного золотника мудрости жившихъ до него, но не вѣдавшихъ еще его народовъ, употребило во славу и на пользу себѣ весь, крайне еще скудный тогда, арсеналъ научнаго познанія. А что же было бы теперь? Подъемъ философской мысли двухъ послѣднихъ вѣковъ и съ небывалою широтой раскинувшійся кругозоръ научнаго познанія предоставлялъ бы церкви только новыя и новыя орудія къ исполненію ею святого своего призванія, если бы она вообще исполняла его и могла исполнять, если бы, вполнѣ независимо отъ знанія и науки, она не была вполнѣ дискредитирована въ глазахъ всѣхъ, такъ или иначе тяготѣвшихъ къ наукѣ, возлагавшихъ на нее упованія или хотя бы кичившихся нѣкоторою принадлежностью къ ней *). Причащающіеся ростущаго и расширяющагося знанія, укрѣпляющіеся подвигами свободной мысли тяготѣли бы къ церкви, проповѣдующей стремленіе къ высшей истинѣ и безграничное, полнѣйшее человѣколюбіе, а не враждовали бы съ ней, какъ враждуютъ они уже второе столѣтіе, не безъ основанія усматривая въ покоренной и подчиненной церкви призваннаго врага всяческой свободы, поддержку и опору существующаго государственнаго строя, всегда обладающаго

*) На Западѣ счеты культуры, науки и человѣчности (гуманизма) съ церковью были еще болѣе древни и еще болѣе обоснованы, чѣмъ у насъ, а потому высказываемое о причинахъ скорбнаго положенія у насъ вовсе не опровергается примѣромъ Запада, въ которомъ существовали и дѣйствовали тѣ же причины, но съ увеличенною силой и многосложностью. Распаденіе Запада на римско-католическій и протестантскій не ослабило дѣйственности этихъ причинъ, такъ какъ, если Римъ вмѣщалъ въ себѣ государственную власть и государственное начало, будучи церковью, то протестантскій міръ не только выступалъ открыто религіознымъ освященіемъ существующаго государственнаго начала, но и открыто же предоставлялъ ему право Sacrorum regiminis.

недостатками и несовершенствами, зачастую ослѣпленнаго неразумiемъ, по временамъ даже и преступнаго.

Ослабленная въ своемъ воздѣйствiи на такъ называемые низшiе, консервативные слои народа и оторванная отъ такъ называемыхъ высшихъ, культурныхъ слоевъ, порабощенная, прикованная, по выраженiю поэта-богослова, «къ подножiю суетной земной власти», церковь не только не возжигала вѣру въ сердцахъ человѣческихъ, но и содѣйствовала ея охлажденiю, если даже и не угашала ея. «Когда существующiй порядокъ вещей весь, цѣликомъ, ставится подъ непосредственную охрану вѣры, когда ей, такъ сказать, навязывается одобренiе, благословенiе и освященiе всего, что есть въ данную минуту, но чего не было вчера и чего можетъ не быть завтра, тогда естественно всѣ самыя разумныя потребности, не удовлетворяемыя настоящимъ, всѣ самыя мирныя и скромныя надежды на лучшее, наконецъ, самая вѣра въ народную будущность, все это прiурочивается смотрѣть на вѣру, какъ на преграду, черезъ которую рано или поздно надо будетъ перешагнуть и мало-помалу склоняется къ невѣрiю... Вѣра воспитываетъ терпѣнiе, самопожертвованiе и укрощаетъ личныя страсти — это такъ, но нельзя прибѣгать къ ней только тогда, когда страсти разыгрываются, и только для того, чтобы кого-нибудь урезонить, пристращать расправою на томъ свѣтѣ. Вѣра не палка, а въ рукахъ того, кто держитъ ее какъ палку, чтобы защищать себя и пугать другихъ, она разбивается въ щепы... Требованiе отъ вѣры какой бы то ни было полицейской службы есть ни что иное, какъ своего рода проповѣдь невѣрiя, можетъ быть, опаснѣйшая изъ всѣхъ по ея общепонятности». Въ этихъ, поистинѣ золотыхъ, словахъ приснопамятнаго и рано умолкшаго Ю. Ѳ. Самарина весьма возможно слово «вѣра» замѣнить словомъ «церковь». Смыслъ останется безусловно одинъ и тотъ же, ибо церковь представляетъ изъ себя не что иное, какъ живой, организованный союзъ, зиждущiйся на вѣрѣ, дѣйствующей любовью, по слову апостола.

Еще по поводу записки петербургскихъ священниковъ и постановленiя Св. Синода.

Записка 32-хъ петербургскихъ священниковъ не потому только является выдающимся историческимъ фактомъ, что содержитъ въ себѣ указанiе на весьма важныя, насущно-необходимыя, перемѣны въ нашемъ церковномъ устройствѣ, но и потому главнымъ образомъ, что она была единственнымъ во-время сказаннымъ, печатнымъ, во всякомъ случаѣ

авторитетнымъ, смѣлымъ словомъ правды о нуждахъ церковныхъ. Такое слово бываетъ въ общественномъ отношеніи несравнимо плодотворнѣе и важнѣе тѣхъ обыденныхъ скромныхъ дѣлъ, какія каждый совершаетъ отдѣльно въ своемъ уголкѣ; и сказать такое слово, при нашихъ порядкахъ,—цѣлый подвигъ, недоступный для натуръ своекорыстныхъ и косныхъ. Но, какъ мы уже имѣли случай говорить, это само по себѣ крупное явленіе вызвало рядъ мелочныхъ придирокъ со стороны людей, внутренно враждебныхъ всякимъ перемѣнамъ и реформамъ или не сознающихъ ясно, чего они хотятъ. Къ послѣдней преимущественно категоріи принадлежатъ корреспонденты и сотрудники газеты «Заря». Въ однѣхъ статьяхъ газета призываетъ къ оживленію церкви посредствомъ возстановленія прихода и привлеченія мірянъ къ церковно-административной дѣятельности (№ 238), осуждаетъ оберъ-прокуратуру, формализмъ и казенщину епархіальной жизни, договаривается до неясно выраженнаго тезиса о совершенномъ отдѣленіи церкви отъ государства: «церковь всегда будетъ въ проигрышѣ отъ союза съ политической властью» (№ 278). Въ другихъ статьяхъ газета клонитъ въ совершенно противоположную сторону. Такъ, въ № 270 одинъ священникъ заявляетъ, что «существующій порядокъ церковнаго устройства съ оберъ-прокуроромъ желателенъ для духовенства». Становясь почему-то вдругъ на эту точку зрѣнія, газета начинаетъ изыскивать, хотя и безуспѣшно, какія-нибудь обвиненія противъ «32-хъ» и, въ противорѣчіе себѣ самой, борется даже противъ самыхъ основныхъ началъ необходимой церковной реформы. По ея словамъ (№ 275), «какіе-то невѣдомые и непрошенные 32 іерея самовольно берутъ на себя въ такомъ грандіозной важности вопросѣ всю иниціативу, совершенно игнорируя чуть ли не 40,000 священниковъ». За это газета «считаетъ необходимымъ сказать по адресу 32-хъ іереевъ, что «смѣлымъ быть можно, но доводить смѣлость свою до нахальства не всегда возможно». «Самыя основы проекта реформы», какова организація прихода съ выборнымъ духовенствомъ, «повергли», будто бы, «сельское духовенство въ удручающее настроеніе». Выборное начало, будто бы, обязательно приведетъ къ холопству священниковъ передъ деревенскими кулаками. Извѣстно, что то же самое писали «Моск. Вѣд.», «Русское Дѣло» (Дурново, Шараповъ, Новоселовъ) и о синодальномъ постановленіи: какъ смѣлъ Синодъ говорить о церковной реформѣ, не спросивъ нарочито мнѣнія всѣхъ іерарховъ, духовенства и мірянъ. Чѣмъ продиктованы всѣ эти ни на чемъ не основанные упреки и запугиванья? Просто-напросто нашей общественной невоспитанностью, органической враждой (проистекающей изъ плохо скрытой зависти) ко всякой смѣлой личной иниціативѣ, грубымъ мѣщанскимъ «ничегонехо-

тѣніемъ», девизъ котораго: «до насъ положено—лежи оно такъ во вѣки вѣковъ!» Для всякаго, кто безкорыстно ждетъ церковной реформы и сознательно понимаетъ ея основы и реальные пути осуществленія, положительно безразлично, говорятъ ли о ней въ нужную минуту 332 іерея, 32, или только 2,—100 нарочито собранныхъ архіереевъ, окруженныхъ выборными отъ духовенства и мірянъ, или только 5, случайно оказавшихся въ Петербургѣ и запрошенныхъ Высочайшею Властію. Слава Богу, что говорятъ, въ то время, какъ кругомъ царитъ косность и молчаніе. При чемъ тутъ «зрѣніе на лица?» «Если они неправду сказали, то докажи, а если правду, зачѣмъ ты ихъ бьешь?» Единственный допустимый тутъ судъ—судъ по существу. Коль скоро правы эти люди, т. е. выражаютъ выношенныя въ церковномъ сознаніи идеи, то за ними незримо стоятъ уже десятки тысячъ, вся церковь, а если неправы, то и здѣсь вина (если можно назвать это виной) только въ искренности, пастырской ревности и гражданскомъ мужествѣ, не позволившихъ молчать въ минуту остраго напряженія церковной совѣсти. Итакъ, если хотите провѣрить правоту этихъ немногихъ, опросите всѣхъ, соберите всероссійскій соборъ, а не топчите въ грязь, по слѣпому капризу, прежде суда. Не лицемѣріе ли это, гг. обличители,—требовать обязательно голоса всѣхъ іерарховъ, всѣхъ 40,000 священниковъ и всѣхъ мірянъ, въ то время, какъ всѣ пути къ этому у насъ отняты, соборность почитается офиціально недозволенной, и единственную возможность говорить что-нибудь имѣютъ только отдѣльныя личности? Нѣтъ, возстановите сначала соборность въ русской церкви, а затѣмъ и клеймите именемъ беззаконія слова и дѣйствія отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ группъ, не справляющихся съ волей всѣхъ. Теперь же такое обвиненіе не можетъ быть объяснено ничѣмъ инымъ, какъ только лицемѣріемъ или грубымъ непониманіемъ наличнаго положенія вещей. Что касается защиты корреспондентами «Зари» существующаго церковнаго строя и возраженій ихъ противъ выборнаго начала въ духовенствѣ, то здѣсь сказывается и непониманіе идеала церкви, и невѣріе въ разумность каноническихъ принциповъ, которые, по логикѣ возражателей, должны совершенно стушеваться передъ случайнымъ фактомъ существованія въ русской деревнѣ міроѣдовъ...

29 апрѣля.

«Разсвѣтъ» (№ 55-й).

Статья *Рославлева:*

Мысли.

Снятый съ очереди церковный вопросъ неизбѣжно выдвигается вслѣдъ за раскрѣпощеніемъ религіозной совѣсти. Умѣстно поэтому ближе познакомиться съ офиціально выдвинутыми мотивами возбужденія сего вопроса и съ причинами, по которымъ онъ былъ снятъ съ очереди. Какъ извѣстно, мысль о преобразованіяхъ въ православной церкви возникла въ совѣщаніи высшихъ государственныхъ сановниковъ и духовныхъ іерарховъ и первоначально вылилась въ рядѣ вопросовъ, намѣченныхъ по соглашенію съ митрополитомъ Антоніемъ. Во главѣ этихъ вопросовъ поставлено опасеніе, чтобы предстоящее освобожденіе религіозной совѣсти не создало для инославныхъ общинъ привилегированнаго, сравнительно съ православіемъ, положенія и тѣмъ не сдѣлало бы изъ этихъ общинъ силу «болѣе привлекательную, чѣмъ стѣсненная въ своей чисто церковной дѣятельности церковь православная». Это опасеніе особенно рельефно вылилось въ пунктѣ второмъ программы церковныхъ преобразованій:

«Такъ какъ однимъ изъ величайшихъ преимуществъ инославныхъ обществъ теперь является ихъ автономія во внутреннихъ церковныхъ дѣлахъ, то, чтобы парализовать это преимущество, не благовременно ли устранить, или, хотя бы, нѣсколько ослабить ту постоянную опеку и тотъ слишкомъ бдительный контроль свѣтской власти надъ жизнью церковной и надъ дѣятельностью церковнаго правительства, который лишаетъ церковь самостоятельности и иниціативы, и, ограничивая область ея вѣдѣнія почти однимъ богослуженіемъ и исправленіемъ требъ, дѣлаетъ ея голосъ совсѣмъ не слышнымъ ни въ частной, ни въ общественной жизни?»..

Такой исходный пунктъ даетъ поводъ совѣщанію высказать рядъ предложеній, которыя я позволю себѣ здѣсь изложить вкратцѣ.

1) Не слѣдуетъ ли предоставить православной церкви такую свободу въ управленіи ея внутренними дѣлами. гдѣ бы она, освобожденная отъ прямой государственной или политической миссіи, своимъ возрож-

деннымъ нравственнымъ авторитетомъ могла бы стать незамѣнимой опорой православнаго государства?

2) Не слѣдуетъ ли распространить и на православныхъ священниковъ (по примѣру духовныхъ лицъ инославныхъ общинъ) права быть непремѣнными членами общественно-государственныхъ учрежденій, имѣющихъ мѣсто въ ихъ приходахъ (въ случаѣ возстановленія прихода, какъ земской единицы), участвовать въ мірскомъ сходѣ и быть представителями общины передъ властями, при желаніи послѣдней?

3) Не признано ли будетъ желательнымъ теперь же предоставить высшимъ прадставителямъ церковной іерархіи (по рангу, или по выбору церкви) участіе съ правомъ голоса въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта, комитета министровъ и другихъ высшихъ государственно-законодательныхъ учрежденіяхъ?

4) Въ виду того, что православная церковь въ отношеніи къ вопросу о пріобрѣтеніи собственности окажется въ будущемъ едва ли не въ худшемъ положеніи, чѣмъ отдѣлившіяся отъ нея общины,—не признано ли будетъ возможнымъ пересмотрѣть законы о правѣ церкви на собственность, ея пріобрѣтеніе и пользованіе?

5) Не предоставляется ли настоятельно необходимымъ образовать совѣщаніе изъ представителей церковной іерархіи съ участіемъ свѣдущихъ лицъ изъ духовенства и мірянъ, для пересмотра существующаго церковнаго управленія и для выработки проекта необходимыхъ въ немъ преобразованій?

Вотъ скромная программа вопросовъ, предложенныхъ на разсмотрѣніе гг. сановниковъ. Эта программа впослѣдствіи выросла и переродилась въ одинъ общій вопросъ—вопросъ о патріаршествѣ. Мнѣ кажется, что такая постановка вопроса и сгубила его, давъ въ руки врагамъ церковной реформы оружіе для борьбы съ нею. Если бы все дѣло ограничилось пока перечисленными пунктами, по всей вѣроятности, ни г. Побѣдоносцевъ, ни его чиновники не такъ старались бы затормозить его. Къ несчастью, охватившая все русское общество нервность сообщилась, вѣроятно, и иниціаторамъ въ возбужденіи церковнаго вопроса. Они поторопились, задѣли личное самолюбіе чиновниковъ и тѣмъ выпустили его изъ своихъ рукъ. А между тѣмъ, современное положеніе православной церкви, при вновь открывшихся обстоятельствахъ духовной и общественной жизни, грозитъ стать невыносимымъ.

Епископъ Сергій (ректоръ с.-петербургской духовной академіи), передъ объявленіемъ свободы совѣсти, выразился такъ: «объявить теперь свободу совѣсти для всѣхъ—это значило бы всѣмъ развязать руки, а дѣятелей церкви оставить связанными». Паутина, опутывающая свободу

православной церкви, сложна. Но главныя ея нити всѣмъ извѣстны. Онѣ сводятся: къ отсутствію соборности, самодѣятельности, выборнаго начала, несвойственнымъ духу церкви, навязаннымъ ей государствомъ, обязанностямъ, кастовой замкнутости, матеріальной необезпеченности, недостаткамъ духовнаго образованія и воспитанія и, наконецъ, самымъ формамъ государственно-церковнаго единенія.

Религіозное начало есть по преимуществу начало общественное; оно развивается и крѣпнетъ тамъ, гдѣ общественной жизни предоставлена нѣкоторая свобода. Вотъ почему «соборность» была основнымъ началомъ церковной жизни и главнымъ принципомъ церковнаго управленія. Изгнаніе изъ нашей церковной жизни принципа соборности управленія повело за собою измѣненіе и самого духа церковной жизни. Дѣятельность Синода приняла характеръ внѣшній, полицейско-бюрократическій. Духовныя обязанности членовъ православной церкви были строго регламентированы и расписаны по статьямъ и параграфамъ, соотвѣтствующимъ «уставу о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій». Было предусмотрѣно и уловлено малѣйшее религіозное проявленіе духа. Были подвергнуты полицейской регламентаціи всѣ явленія духовной жизни. Церковь была низведена на степень второстепеннаго государственнаго учрежденія. Этотъ поворотъ, который многіе приписываютъ безвѣрію Петра Великаго и его злобнопрезрительному отношенію къ ничтожнымъ личнымъ качествамъ стоявшихъ въ ту пору во главѣ церкви іерарховъ, прежде всего выразился въ упадкѣ основной ячейки церковной жизни—прихода. Русскій приходъ представлялъ прежде живую и самодѣятельную единицу. Община сама строила себѣ храмъ, избирала священника и остальной причтъ. Церковная казна поддерживала школы, благотворительныя учрежденія и даже нерѣдко играла роль кредитнаго учрежденія, выдававшаго крестьянамъ ссуды на покупку земель. Община судила своихъ членовъ и имѣла право вмѣшательства въ семейную жизнь. Что осталось нынѣ отъ этой живой и дѣятельной общины?... Глядя на церковь, какъ на одно изъ колесъ государственнаго механизма, на приходское духовенство возложили полицейско-сыскное дѣло. Убивъ въ корнѣ экономическое значеніе церковной общины и не обезпечивъ священнослужителей, создали церковный пролетаріатъ—вдовъ и сиротъ умершихъ священниковъ. Въ борьбѣ съ этимъ зломъ прибѣгли къ другому, еще горшему—установили наслѣдственность священническихъ мѣстъ по мужской и женской линіи. Отсюда кастовая замкнутость; отсюда—взглядъ на священство просто какъ на извѣстнаго рода занятіе. Система денежныхъ сборовъ съ прихожанъ развила такъ называемое «пастырское безсиліе». Требоисправленіе стало ремесломъ.

Вынужденная торговля святыней отняла у духовенства всякій авторитетъ передъ народомъ и нравственную опору дѣятельности. Таково положеніе церкви среди народа.

Среди образованнаго общества положеніе это еще хуже. Недружелюбное или прямо враждебное отношеніе къ церкви значительной части интеллигенціи—ни для кого не тайна. Причины отчужденія общества отъ церкви не въ одномъ религіозномъ индиферентизмѣ, не только въ языческомъ характерѣ нашей свѣтской культуры. Онѣ коренятся глубже—въ складѣ церковной жизни, замершей, оторванной отъ волнующихъ общество интересовъ. Духовенство оказалось безсильнымъ примирить съ церковью и подчинить ея вліянію значительную часть образованнаго общества. Добрая доля вины въ этомъ падаетъ на духовную школу, которая мало или даже вовсе не занимается современными теченіями общественной мысли. Государству нужна отъ духовенства сознательная, глубоко продуманная, защита его интересовъ, а не наивная вѣра въ современное положеніе. А наша духовная школа вся сосредоточена на исторіи, на прошломъ. Такъ называемый союзъ церкви съ государствомъ на практикѣ выразился тѣмъ, что государство вотъ уже два вѣка интенсивно хозяйничаетъ на церковной почвѣ, не возвращая ей взятыхъ соковъ. Результатомъ такого хищническаго хозяйничанья явилось окончательное истощеніе церковной почвы. Отсюда самъ собою рождается и единственный способъ предотвращенія грозящаго худшаго упадка православной церкви—возстановленіе самодѣятельности церковнаго организма.

Вотъ схема основаній, послужившихъ поводомъ для возбужденія сонмомъ свѣтскихъ сановниковъ и церковныхъ іерарховъ вопроса о церковной реформѣ. Какъ отнеслось къ этимъ начинаніямъ вѣдомство православнаго исповѣданія, сообщу въ слѣдующій разъ.

Рѣчи съ церковной каѳедры.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ рѣчи о церковной реформѣ раздавались и съ церковной каѳедры.

«Церковь наша,—говорилъ уфимскій архимандритъ Андроникъ,—отселѣ будетъ жить лишь своею собственною, спасительною и для отдѣльнаго человѣка, и для общества, и для всего государства жизнью,—тою жизнью, которая единственно собрала нашу отчизну, извела ее изъ разрозненнаго ничтожества, просвѣтила, обогатила и прославила; это—несомнѣнное дѣло церкви, по признанію всѣхъ историковъ. И такую творческую силу являла она, доколѣ жила сама собой, несвязываемая никакой посторонней опекой и помощью свѣтской власти, доколѣ она управлялась и въ цѣломъ, и въ частяхъ, совершенно самостоятельно... Но по *грѣхамъ нашимъ* два вѣка тому назадъ церковь утратила свою самостоятельность и, вопреки церковнымъ законамъ, переданнымъ отъ св. Вселенскихъ соборовъ и отцовъ, сведена была къ дѣятельности отдѣльной отрасли въ государствѣ. И смотрите, какой грустный плодъ имѣло это для всего народа русскаго: голосъ церкви замеръ, ее перестали слушать, укоряя въ несамостоятельности и неискренности; расплодились иномыслящіе учители, они заглушили голосъ церкви, укоряя ее въ исполненіи лишь воли власти, а не Божіей, а потому неискреннимъ объявили они и самое искреннее слово церковное. Постигали годины тяжкія, и тогда церковь съ трудомъ могла властно говорить къ людямъ и заставлять ихъ одуматься, оглядѣться и дѣлать дѣло безъ страстности, спокойно. А въ постигшее нынѣ Русь испытаніе всѣ требуютъ спасительнаго голоса церкви и не находятъ его, укоряя, и законно, церковь въ обмірщеніи и оскудѣніи. Увраченія общественныхъ бѣдъ, совѣта къ исправленію всей испорченной жизни, пособничества не находятъ въ церкви, да и не вѣрятъ ей, какъ говорящей несамостоятельно, а по приказанію власти, противъ которой бурнымъ потокомъ такъ устремились теперь всѣ недовольные. А теперь то именно болѣе чѣмъ когда либо и необходимъ самостоятельный, властный и успокоительный, а вмѣстѣ и цѣлительный голосъ церкви, какъ голосъ Самого Бога».

Вѣсть о созывѣ всероссійскаго собора для рѣшенія многочисленныхъ неотложныхъ назрѣвшихъ церковныхъ вопросовъ такою радостью наполнила сердце автора, что онъ въ порывѣ восторга восклицаетъ: «земно кланяемся Тебѣ, Боголюбивый Царь нашъ, и не перестанемъ молить о Твоихъ царскихъ дѣлахъ, да совершиши Ты вся во славу Божію и во благо народа». (*«Уфим. Епарх. Вѣдомости»*).

Другой церковный витія, іеромонахъ Серафимъ, произноситъ въ тамбовскомъ каѳедральномъ соборѣ на Благовѣщеніе проповѣдь на текстъ: «благовѣствуй, земле, радость велію; хвалите, небеса, Божію славу». Изложивъ сущность грядущей церковной реформы, онъ заканчиваетъ свою рѣчь слѣдующими восторженными словами: «Да будетъ благословенъ тотъ день и часъ, когда сердце Царево подвигнулось сказать благое, великое историческое слово о своей родной церкви россійской. Да будетъ вѣчная, блаженная память архипастырямъ и пастырямъ нашей церкви, всѣмъ труженикамъ богословской науки и всѣмъ сынамъ церкви, поднимавшимъ свои голоса за свободу церкви и воздыхавшимъ объ ея угнетеніи; да увѣнчается небесными вѣнцами память ихъ. Да будутъ благословенны имена архипастырей и пастырей, и тружениковъ богословской науки, и всѣхъ истинныхъ сыновъ церкви, ратующихъ за ея свободу и содѣйствующихъ ея воскресенію. Да будутъ благословенны имена ихъ во вѣки». (*«Тамбов. Епарх. Вѣдомости»*).

Третій ораторъ, епископъ Сергій, говоритъ съ церковной каѳедры: «Близится время, когда церковь получитъ свою прежнюю красоту, дарованную ей Богомъ. Она—наканунѣ освобожденія отъ тяготѣвшаго надъ ней контроля и вступленія на новый путь жизни». Наступаетъ для пастырей время «не половинчатаго, какъ сейчасъ, но цѣльнаго и полнаго служенія». (*«Церк. Вѣстникъ»*).

Говорили на эту тему съ церковной каѳедры и другіе пастыри и архипастыри наши, говорили съ неменьшимъ одушевленіемъ *)...

---

*) См. «*Богосл. Вѣстникъ*» за май мѣсяцъ, стр. 159—160, въ статьѣ епископа Евдокима «На зарѣ новой церковной жизни» (Думы и чувства).

Считаемъ долгомъ обратить вниманіе интересующихся вопросомъ о церковной реформѣ на эту статью. Въ ней авторъ заявляетъ себя горячимъ сторонникомъ реформы. Отъ нея онъ съ несомнѣнною увѣренностію ожидаетъ, можно сказать, неисчислимыхъ благъ для церкви. Съ большимъ стараніемъ сдѣланы имъ для обоснованія своего утвержденія выборки преимущественно изъ газетныхъ и журнальныхъ статей за мартъ и апрѣль мѣсяцы Въ виду обширности статьи (40 страницъ) мы не имѣемъ возможности помѣстить ее въ своемъ Сборникѣ, хотя бы это и было разрѣшено намъ ея составителемъ. Съ другой стороны, въ статью преосвященнаго Евдокима вошло много и изъ того, что заключается въ нашемъ Сборникѣ

Въ той же книгѣ «Б. Вѣстника» помѣщена не менѣе обширная статья проф. Н. Ѳ Каптерева «*О власти патріаршей и архіерейской въ древней Руси*». (Первая половина этой статьи напечатана въ книгѣ за м. апрѣль). Какъ большой знатокъ трактуемаго предмета, авторъ съ неотразимою убѣдительностью доказываетъ, что «списывать церковные порядки съ древней патріаршей Руси, возстановлять ихъ, въ видахъ улучшенія и возвышенія религіозной жизни современнаго общества, не приходится, такъ какъ въ этомъ случаѣ скорѣе бы получилось ухудшеніе, чѣмъ улучшеніе» При сужденіяхъ о церковной реформѣ статья проф Каптерева можетъ служить воистину путеводною звѣздою *Составитель «Сборника».*

«Православно-Русское Слово» (Апрѣль, № 7).

О соборности церкви въ связи съ вопросомъ о возстановленіи всероссійскаго патріаршества.

Въ довольно обширной статьѣ (20 стр.) подъ такимъ заглавіемъ авторъ ея, обозначившій себя: «Не изъ 32-хъ, но съ 32-мя», на основаніи главнымъ образомъ богословско-историческаго матеріала, высказываетъ рядъ сужденій по назрѣвшему церковному вопросу.

Приводимъ здѣсь нѣкоторыя, по мнѣнію нашему, наиболѣе характерныя изъ этихъ сужденій.

Въ виду высказываемаго иными мнѣнія о совершенномъ, якобы, оскудѣніи нашей церкви добрыми пастырями и неспособности духовенства исполнять свое высокое служеніе, авторъ замѣчаетъ слѣдующее: «Духовенство молчитъ, мало проповѣдуетъ, не проявляетъ должной силы и вліянія на жизнь, оно омертвѣло, омірщилось... Пусть такъ! Но тѣмъ хуже для тѣхъ, кто употребляетъ всѣ мѣры къ подавленію въ немъ живого начала и не даетъ возможности нашей церкви оправиться отъ своего параличнаго состоянія. Тѣмъ все это прискорбнѣе, что только одна церковь располагаетъ могучими средствами воздѣйствія на умы и сердца мятущихся людей. Развяжите ей руки, дайте необходимую свободу дѣйствія—и вы тогда убѣдитесь въ противномъ. Мы, церковные пастыри, тогда воспрянемъ духомъ и съ удесятеренными силами пойдемъ на святое дѣло обращенія гибнущихъ овецъ».

Но, съ другой стороны, такія выраженія, какъ напр. «казенный формализмъ», «бездушная форма» и т. п. сдѣлались у насъ «общимъ мѣстомъ». Выходитъ такъ, какъ будто во всѣхъ бѣдахъ и неудачахъ виновны только формализмъ и форма, а не тѣ лица, которыя должны бы вдохнуть въ нихъ живое начало. И на этомъ козлѣ отпущенія многіе спокойно почиваютъ отъ дѣлъ своихъ, не имѣя охоты даже двинуть пальцемъ для исполненія своихъ обязанностей. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше распространяется въ обществѣ пренебрежительное отношеніе къ формѣ, маскирующееся мнимо-самоотверженнымъ служеніемъ только «дѣлу». Однако несправедливо отрицать всякое значеніе внѣшнихъ формъ для преуспѣянія человѣческихъ дѣлъ и учрежденій и настаивать только на личномъ усовершенствованіи самихъ дѣятелей. Но также мало правды и въ другой крайности, по которой человѣческое благоустроеніе *всецѣло* обусловлено такими или иными формами гражданственности и общественности, причемъ дѣятельное участіе человѣка сводится почти къ нулю. Происхожденіе односторонніхъ взглядовъ на форму до нѣко-

торой степени объясняется болѣе или менѣе внѣшнимъ отношеніемъ между содержаніемъ и формой въ чисто-человѣческихъ учрежденіяхъ, и если бы церковь была основана только людьми, то и къ ней можно было бы приложить сказанное. Но въ томъ то и дѣло, что ея Основатель—Самъ Христосъ; Онъ въ ней, какъ въ зданіи — «краеугольный камень». Божественное начало въ церкви стоитъ на первомъ мѣстѣ, и только на второмъ человѣческое. Церковь, поэтому, не есть только общество, на подобіе другихъ человѣческихъ обществъ, но общество въ преимущественномъ значеніи этого слова, или, по юридической терминологіи, societas *perfecta*.

Въ смыслѣ «совершеннаго общества», церковь требуетъ для себя совершенной и организаціи: церковное управленіе должно быть совершеннымъ. Отвѣчая этой сторонѣ дѣла, никео-цареградскій символъ вѣры учитъ насъ вѣровать «во едину святую соборную и апостольскую церковь». Само собой разумѣется, что она является таковою же и по единогласному свидѣтельству всѣхъ древнихъ отцовъ своихъ: какъ церковь—*каѳолическая*. Это наименованіе весьма знаменательно, почему и заслуживаетъ особаго вниманія со стороны каждаго члена «соборной» церкви. Каѳолическая церковь—это не вполнѣ одно и то же, что и вселенская церковь: καθολική ἐκκλησία и οἰκουμενική ἐκκλησία, разумѣется, одна и та же Христова церковь, но предикаты: «каѳолическая» и «вселенская» не синонимы. Мы, говоритъ авторъ, отнюдь не отрицаемъ того, что «выраженіе: καθολικός можетъ означать понятіе о всемірности, но утверждаемъ, что не въ такомъ смыслѣ оно понято было славянскими первоучителями, св. Меѳодіемъ и Кирилломъ. Имъ и на мысль не приходило опредѣлять церковь географически или этнографически: такое опредѣленіе было несогласно съ ихъ богословскимъ умозрѣніемъ» (Хомяковъ). Церковь—не мірская сходка, на которой дѣла вершатся большинствомъ голосовъ, что́ такъ прекрасно выражено св. Аѳанасіемъ Великимъ въ словахъ: «толпы, не повинующейся убѣжденіямъ, слѣдуетъ страшиться, но только отнюдь не довѣрять ей. Возможно ли, чтобы міріады людей убѣдили меня принимать день за ночь?» (Athan. Opp. T. II, p. 293).

Далѣе авторъ съ цѣлью уясненія понятія: «каѳолическая» церковь приводитъ, между прочимъ, слѣдующія замѣчательныя слова св. Игнатія Богоносца изъ его посланія къ смирнянамъ (гл. 8, по русск. пер. прот. Преображенскаго, стр. 305): «гдѣ Іисусъ Христосъ, тамъ и каѳолическая церковь», т. е., гдѣ присутствуетъ Онъ, тамъ всѣ вѣрующіе христіане образуютъ изъ себя нераздѣльное единство. Непосредственно предъ этимъ св. отецъ выражается такъ: «гдѣ будетъ епископъ, тамъ долженъ быть

и народъ» (τὸ πλῆθος)—и только; наоборотъ: «гдѣ І. Христосъ, тамъ (и только тамъ находится) и каѳолическая церковь». Въ первомъ случаѣ—«множество, толпа, народъ» и «каѳолическая церковь»—во второмъ находятся между собою въ строгомъ соотвѣтствіи. Первымъ выраженіемъ обнимается единство вѣрующихъ на *опредѣленномъ* мѣстѣ, вторымъ—единство *всѣхъ* вѣрующихъ. Такимъ образомъ, гдѣ І. Христосъ, тамъ всѣ вѣрующіе составляютъ собой единство, также и вѣрующіе помѣстной церкви должны, посредствомъ епископа, образовывать собой единство. Слѣдовательно, св. Игнатій единство помѣстной церкви основываетъ на единствѣ цѣлой церкви. Итакъ, только одинъ Господь есть невидимый Глава церкви, изъ ея же епископовъ нѣтъ ни одного, который могъ бы служить такой главою; слѣдовательно, никакой архипастырь и никакая мірская власть не могутъ и не должны быть послѣднею. Таковъ смыслъ евангельскаго изреченія: «вы же не нарицайтеся учители: *Единъ* бо есть вамъ *Учитель Христосъ*, вси же вы *братія* есте» (Матѳ. XXIII, 8). «Все» церковное тѣло, скрѣпляемое и соединяемое составами и связями, растетъ возрастомъ Божіимъ отъ своей единой Божественной Главы (Кол. II, 19). Ясно, что церковь и въ своемъ жизненномъ проявленіи должна быть «каѳолическою» или «соборною».

Надо полагать, что высокообразованные братья-первоучители не безъ основанія перевели слово «каѳолическая» черезъ «соборная». *Соборъ* выражаетъ идею собранія не только въ смыслѣ проявленнаго, видимаго соединенія многихъ въ какомъ-либо мѣстѣ, но и въ болѣе общемъ смыслѣ идеи единства во множествѣ. Соборная церковь является таковой по всему: это церковь *свободнаго единодушія, единодушія полнаго;* церковь, въ которой исчезли народности, нѣтъ ни грековъ, ни варваровъ, ни различій по одѣянію, нѣтъ ни господъ, ни рабовъ.

Если въ современномъ намъ обществѣ теперь пробудилось сознаніе истинно-понимаемой церковной соборности, то каждый православный христіанинъ долженъ благословить торжественный часъ этого пробужденія. Слава Богу! Живъ Господь, жива и Его церковь, въ членахъ которой не совсѣмъ еще погасла искра, столь драгоцѣнная для преуспѣянія христіанской жизни церковнаго сознанія.

Переходя затѣмъ къ вопросу о реформѣ церковнаго управленія, авторъ, естественно, прежде всего касается церковной реформы императора Петра Великаго. По общепринятому мнѣнію, говоритъ онъ, реформа эта была поставлена у насъ «криво» *). Отчасти оправдываемая

*) См статью А А. Кирѣева: «О коренномъ преобразованіи строя помѣстной русской церкви» (въ «Нов. Вр.», № 10.447 за 1905 г.).

исключительными обстоятельствами того времени, она—говорятъ—теперь отжила свой вѣкъ, и русская церковь, для преуспѣнія своей жизнедѣятельности, нуждается въ дарованіи ей прежняго, патріаршаго устройства, но, разумѣется, съ полнымъ сохраненіемъ соборности, этого существеннаго признака церкви. «Мы молимся о свободѣ для самой Божіей церкви, о возстановленіи для нея единственно правильной и законной жизни, сообразной ея природѣ, при которомъ голосъ церкви слышенъ и обязателенъ для всѣхъ ея чадъ, въ которомъ ею управляютъ лишь ея законы и нужды, и въ которомъ пастыри являются отнюдь не хозяевами и господами положенія, а несмѣнными слугами общаго спасенія» (изъ рѣчи преосвященнаго Сергія, см. «Церк. Вѣстн.» № 12, за 1905 г.).

Приведши далѣе слова Высочайшей резолюціи, начертанной на всеподданнѣйшемъ докладѣ Св. Синода о созваніи собора епархіальныхъ епископовъ для учрежденія патріаршества и для обсужденія перемѣнъ въ церковномъ управленіи, авторъ по поводу ея говоритъ слѣдующее. По словамъ премудраго Соломона, «сердце царя – въ десницѣ Господней, какъ водные потоки: куда изволитъ, Онъ направляетъ его» (Притч. XXI, 1). И если, какъ говорится въ другомъ мѣстѣ, «величіе царя—во множествѣ народа» (XIV, 28), то — думается — съ особой силой первое проявится въ созваніи всероссійскаго собора, на которомъ раздастся материнскій «голосъ русской церкви, который мы не слыхали двѣсти слишкомъ лѣтъ» («Записка» С. Ю. Витте, см. «Нов. Вр.», отъ 29-го марта 1905 г., № 10.440).

Каждый православный христіанинъ, продолжаетъ авторъ, долженъ не только желать, но и всемѣрно содѣйствовать скорѣйшему слышанію обще-церковнаго голоса и, при царящей у насъ повсюду смутѣ, послѣдній теперь важенъ, чтобы не сказать— неотложно необходимъ. Вспомнимъ по этому случаю свое родное прошлое, а именно, время установленія всероссійскаго патріаршества,—вспомнимъ не ради занимательной исторической параллели съ настоящимъ, а по той причинѣ, что, не вѣдая прошлаго, мы не опредѣлимъ задачъ и своего будущаго; историческій прагматизмъ —существенное условіе человѣческаго прогресса. Разсуждая о патріаршемъ служеніи святѣйшихъ Іова и Гермогена, съ современнымъ духовенствомъ, «бѣдствующему отечеству», высокопреосвящ. Филаретъ, архіепископъ черниговскій, пишетъ слѣдующія назидательныя строки: «чудны судьбы Божіи! Патріаршество явилось въ церкви русской въ такое именно время, когда власть патріарха всего болѣе могла быть *полезною* для церкви и отечества. Разумѣемъ страшное время самозванцевъ, когда въ волнахъ безначалія и чужеземной власти *со-*

всѣмъ готова была погибнуть Россія и когда личность патріарха, пользовавшагося самымъ высокимъ уваженіемъ въ Россіи, почти одна направляла дѣйствія народа ко спасенію Россіи *)». Надъ этими словами слѣдуетъ призадуматься, въ виду переживаемыхъ нами событій, и не забывать ихъ уже по одному тому, что названный церковный историкъ—мужъ великаго совѣта. Правда, сравненіе не доказательство; но безспорно и то, что прочная историческая жизнь созидается подъ непремѣннымъ условіемъ «справки», дѣлаемой современниками «у прошлыхъ родовъ, и проникновенія въ наблюденія отцовъ ихъ» (Іов. VIII, 8).

Къ сожалѣнію, въ серьезный вопросъ о возстановленіи соборнаго начала и патріаршества впутывается довольно всякаго произвола. Такъ, напримѣръ, однихъ особенно страшитъ грозная тѣнь властнаго Никона, а другіе въ извѣстной «Запискѣ 32 священниковъ столицы» усматриваютъ стремленіе «въ сторону папизма» **) Мало ли у кого можетъ быть вожделѣній: не въ томъ дѣло. Примѣненіе извѣстнаго начала можетъ оказаться ложнымъ, какъ это бываетъ сплошь и рядомъ въ практической жизни; вопросъ не въ примѣненіи, а въ другомъ: *истинно ли* само начало? Пусть какой угодно ревнитель церковныхъ дѣлъ устрашаетъ членовъ православной церкви грядущими на нее ужасами патріаршаго самовластія,—они справедливо отвѣтятъ указаніемъ на каѳоличество своей церкви, принципіально отрицающее всякій произволъ. Почти полвѣка тому назадъ (въ 1858 г.) А. С. Хомяковъ, въ статьѣ «Еще нѣсколько словъ православнаго христіанина о западныхъ вѣроисповѣданіяхъ», основательно опровергъ возведенную на русскую церковь клевету на счетъ цезаропапизма (Полн. собр. соч. Изд. 3, т. II. М. 1886, стр. 215 и сл.), преподавъ своимъ возражателямъ хорошій урокъ о необходимости различенія между фактической и принципіальной сторонами дѣла. Mutatis mutandis, разсужденія великаго писателя приложимы и къ вопросу о патріаршествѣ, и потому при всемъ глубокомъ нашемъ уваженіи къ исторической эрудиціи проф. Н. К. Никольскаго, его аргументы намъ кажутся не вполнѣ достаточными для доказательства защищаемыхъ имъ положеній. Прежде всего, несправедливо упрекать «какихъ то никому невѣдомыхъ священниковъ» въ стремленіи ихъ къ своего рода «coup d'état»: сдѣланная нами историческая справка достаточно отстраняетъ отъ нихъ незаслуженное подозрѣніе. Можно не соглашаться съ содержаніемъ ихъ «Записки», но брать себѣ судъ надъ ихъ совѣстью—это болѣе смѣло, чѣмъ основательно. Далѣе, утвержде-

*) Ист. Р. Ц. пер четв., «Патріаршество» (изд. 4-е. Черн. 1862 г., стр. 19).

**) Проф Н. К. Никольскій, «Почему 32?» («Нов. Вр.» отъ 28 марта 1905 г., № 10.439).

ніе проф. Н. К. Никольскаго, что предлагаемый «Запиской» строй церковнаго управленія «клонится къ папизму», виситъ на воздухѣ, въ силу уже приведенныхъ соображеній на счетъ каѳоличества православной церкви, не говоря уже о другомъ, что всѣ эти «жупелы» представляютъ собою совершенно безполезный импортъ изъ заморскихъ странъ, имѣющихъ свою *особую* исторію, свои счеты, свои идеалы, возросшіе на чужеземной для насъ почвѣ, для которыхъ въ русской жизни нѣтъ подходящихъ условій. Требуется больше, чѣмъ сколько это дозволительно, сблизить римскій папизмъ съ каѳолическимъ православіемъ, чтобы ожидать въ нашемъ патріархѣ носителя папскихъ вожделѣній. Предположимъ, что какимъ-либо образомъ на первосвятительскомъ престолѣ русской церкви возсѣлъ бы римскій папа: что сталось бы съ этимъ первосвятителемъ? Думается, то же, что́ дѣлается и съ «гордыми пальмами аравійской земли», попавшими въ сѣверныя оранжереи или съ развѣнчаннымъ царемъ звѣрей, находящимся въ узахъ зоологическаго сада. Папизмъ только и возможенъ въ Римѣ, что и доказывается хотя бы авиньонскимъ плѣненіемъ папъ, оказавшимся, по завѣренію одного р.-католическаго историка (Гергенретера), полезнымъ въ томъ отношеніи, «что римляне должны были получить спасительный опытъ, что такое ихъ городъ безъ папы»... Можетъ быть, и раздавшаяся въ Ватиканѣ звонкая пощечина представляетъ собой столь же «спасительный опытъ», спорить не беремся, но, во всякомъ случаѣ у насъ, въ русской православной церкви, папѣ не мѣсто. Съ точки зрѣнія проф. Н. К. Никольскаго, задатки папизма легко найти даже и въ апостолахъ. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ инымъ можетъ представиться неутомимая дѣятельность ап. Павла, эти его постоянныя путешествія, денно-нощныя бесѣды, борьба съ лицемѣрами и лжебратьями, частныя посланія, ревнивое стояніе на стражѣ своего апостольства; свидѣтельство о себѣ самомъ, какъ о «паче всѣхъ потрудившемся», созиданіе римской общины «на чужомъ основаніи», изобличеніе Петра, — чѣмъ можетъ показаться все это, съ извѣстной точки зрѣнія, какъ не стремленіемъ къ своего рода папизму? Что представляютъ собой, затѣмъ, слова Христовы ап. Петру (Матѳ. XVI, 18),—подъ угломъ зрѣнія римско-католика, какъ не первое сѣмя, брошенное въ церковно-историческую борозду, изъ котораго выросло величавое древо папизма? Вѣдь, съ помощью такой герменевтики можно набрать безчисленное множество всякихъ «измовъ» откуда угодно: такого рода наборъ, какъ это ясно само собою, не высокой пробы, да и такая герменевтика заслуживаетъ скорѣйшаго забвенія.

Допустимъ однако, что указанный въ «Запискѣ 32 священниковъ»

строй церковнаго самоуправленія «никогда не примѣнялся въ русской жизни». Но, вѣдь, и синодальное управленіе, какимъ оно вышло изъ рукъ преобразователя Россіи, также никогда не примѣнялось въ русской церкви до XVIII-го вѣка. Шансы на существованіе у того и другого, ихъ raison d'être—равны; слѣдовательно, опровергая своимъ доказательствомъ проектируемый строй церковнаго самоуправленія, авторъ долженъ отказаться отъ неудобной, въ такомъ случаѣ, защиты и учрежденія, существующаго *наперекоръ* его доказательству. За то патріаршее управленіе примѣнялось издревле въ православныхъ восточныхъ церквахъ, этихъ старшихъ сестрахъ всероссійской церкви, а это что-нибудь значитъ.

По православному понятію, основанному на священныхъ — соборныхъ и святоотеческихъ—опредѣленіяхъ, помѣстныя церкви православнаго востока, имѣющія патріарховъ съ подчиненной имъ лѣстницей архіерейскихъ степеней, дѣйствительно, въ существѣ своего строя не отличаются отъ первенствующей Хр. церкви. Вселенскіе патріархи, въ отношеніи степени присущей имъ благодатной власти учительства и тайнодѣйствій, совершенно равны со всѣми другими епископами. Но, какъ въ обширныхъ епархіяхъ явилась потребность въ назначеніи священниковъ-благочинныхъ, чѣмъ, однако, не причиняется никакого униженія свящ. чину, такъ и въ обширныхъ помѣстныхъ церквахъ, для соблюденія единства управленія, родилась необходимость учредить и въ самомъ архіерейскомъ чинѣ разныя іерархическія степени, начиная отъ простого епископа и до патріарха. Съ учрежденіемъ патріаршаго достоинства, характеръ церковнаго управленія въ существѣ своемъ остался, однако, *прежнимъ*, ибо, какъ въ первенствующей церкви, такъ и въ патріаршихъ церквахъ, высшею законодательною и судящей властью являются *соборы*. Въ патріаршихъ православныхъ церквахъ, какъ во времена свв. патріарховъ Аѳанасія Александрійскаго и Іоанна Златоуста, такъ и донынѣ, *церковное управленіе продолжаетъ быть соборнымъ, а не монархическимъ* (Благов., стр. 15).

Въ самомъ дѣлѣ, патріархи избираются и получаютъ свое освященіе отъ соборовъ и судятся соборами; при патріархахъ находятся постоянные синоды; важнѣйшія дѣла отдаются на рѣшеніе и судъ соборовъ, въ которыхъ и понынѣ нерѣдко участвуютъ представители не одной какой-либо, а нѣсколькихъ помѣстныхъ церквей. И наша россійская церковь, какъ во времена митрополитовъ, такъ и при всероссійскихъ патріархахъ, была не монархическою церковью, а *соборною*, что и доказывается соборами 1589, 1667 и 1681 годовъ. Въ каноническихъ соборахъ участвуютъ *всѣ* епископы подвластныхъ юрисдикціи собора об-

ластей, участвуютъ въ силу своего сана, не по праву только, *но и по обязанности;* каждый участникъ собора призывается свободно высказать свое мнѣніе и произнести свой судъ. Петровскій же коллегіумъ былъ составленъ изъ небольшого числа людей разнаго чина и званія, назначавшихся притомъ *свѣтскою властью.* Разночинный составъ коллегіума, какъ это пояснено въ Дух. Регламентѣ (ч. I, ст. 5), имѣлъ цѣлью затруднять членамъ коллегіи входить между собою въ «коварныя умышленія» и стачки. Надо признать, послѣдняя цѣль достигнута въ совершенствѣ, какъ о томъ и засвидѣтельствовано многочисленными примѣрами русской церковной исторіи синодальнаго періода, не оскудѣвающими и доселѣ: «дрождіе не истощися». И если русская церковь остается еще не монархическою, а соборною, то отнюдь не благодаря Духовнымъ Регламенту и коллегіуму, а наперекоръ имъ. Остается по той причинѣ, что природа ея *соборная,* а побѣдить Давшаго ей послѣднюю никогда и никому не удастся, какъ не удалось одолѣть Его нечестивому императору, умершему съ вынужденнымъ признаніемъ: «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!»

Въ дальнѣйшей своей рѣчи авторъ переходитъ къ статьѣ г. Скальковскаго: «Возстановленіе патріархата» («Нов. Вр.», отъ 4 апр. 1905 г., № 10.446), въ которой высококомпетентный цѣнитель музъ и грацій гнѣвно выступаетъ и противъ патріаршества и противъ духовнаго сословія вообще. Вотъ, что мы здѣсь читаемъ объ этой статьѣ.

Приводимыя авторомъ (г. Скальковскимъ) доказательства въ пользу церковнаго status quo прямо-таки поразительны своею бездоказательностью. Противорѣчій въ нихъ не оберешься, и только удивляешься той необыкновенной рѣшительности, съ которой могутъ выступать въ печати жрецы вольныхъ профессій. По словамъ самого же г. Скальковскаго, «Петръ I далъ духовенству почти исключительно утилитарное направленіе—роль духовной полиціи». Самъ же авторъ подтверждаетъ, что «съ внѣшней стороны, конечно, исторія церкви и при Синодѣ не блестяща. Петръ объявилъ себя ея «крайнимъ судіею», архіереевъ казнилъ и заставлялъ устраивать у себя ассамблеи. Анна Іоанновна сѣкла архіереевъ плетьми. Екатерина заставляла ихъ ѣздить въ итальянскую оперу; одинъ ея оберъ-прокуроръ, Чебышевъ, былъ атеистомъ; другой, Мелисино, предлагалъ Синоду дать на пересмотръ нѣкоторыя постановленія Вселенскихъ соборовъ Екатерининской законодательной коммиссіи. Павелъ I хотѣлъ служить обѣдню, пожаловалъ митрополита Платона генералъ-адъютантскимъ эксельбантомъ и назвалъ себя «главою церкви». Авторъ могъ бы прибавить къ сказанному еще и то, какъ, «будучи великимъ княземъ, Петръ III выражалъ свое нерасположеніе къ право-

славному духовенству высовываніемъ языка священникамъ и діаконамъ во время богослуженія», какъ призывалъ къ себѣ первенствующаго члена Синода, архіепископа новгородскаго, Димитрія Сѣченова, и приказывалъ, «чтобы въ церквахъ оставлены были иконы Христа и Богородицы, и чтобъ всѣмъ попамъ предписано было бороды свои обрить и вмѣсто длинныхъ своихъ рясъ носить такое платье, какое носятъ иностранные пасторы» (см. «Истор. Вѣстн.» апрѣль, 1900 г., стр. 297), тѣмъ болѣе, что носимое духовенствомъ платье самъ же г. Скальковскій называетъ почему то «турецкимъ». И вотъ, имѣя у себя такія данныя для сужденія о духовенствѣ, авторъ оказывается вдругъ какъ бы ослѣпшимъ, и изрекаетъ слѣдующій, отчасти неудобопостижимый, а въ своей постижимой части неправильный, приговоръ недостаткамъ духовной «бюрократіи». «Вся эта бюрократія, состоящая сплошь изъ поповичей и дѣтей церковниковъ, есть плоть отъ плоти, кость отъ кости того же православнаго духовенства. Недостатки его (?) вытекали изъ недостатковъ самого духовенства (что это за странное idem per idem?!): низкопоклонства и жадности». Слѣдуя Щедринскому раздѣленію «генерическаго понятія» о чиновникѣ — на чиновниковъ «осетровъ» и «пискарей», надо имѣть въ виду то обстоятельство, что синодальные «осетры» — люди не духовнаго званія, подъ руководствомъ которыхъ чиновники «пискари» исполняютъ свои обязанности. Фактовъ въ подтвержденіе такого положенія дѣлъ — безчисленное множество. Не угодно ли, какъ напримѣръ, «министръ просвѣщенія (Шишковъ) затруднялъ дѣло, утвержденное Синодомъ и самимъ государемъ» о православномъ катихизѣ, составленномъ митрополитомъ московскимъ Филаретомъ; или, какъ А. Н. Муравьевъ «подлинно немилостиво возставалъ противъ перевода Евангелія, частію потому, что не бралъ въ соображеніе подлинника, частію по требованію такой чистоты языка, до которой едва ли какой бѣлильникъ. можетъ убѣлить слово. Иныя замѣчанія его трудно было и понять» (Филаретъ, м. М. Письма къ архим. Антонію. Москва, 1884 г. Ч. 4-я, стр. 237). Выступали у насъ ревнителями православія и особаго рода лица. Такъ, напримѣръ, на одинъ константинопольскій соборъ, «на которомъ разсуждали о положеніи тамошней церкви, отправляютъ», по словамъ проф. П. С. Казанскаго («Бог. Вѣстн.» 1904, III, стр. 566), «Саломона (управляющаго канц. Св. Синода), сына еврея, и Зедергольма, сына лютеранскаго пастора, какъ представителей православія... Кажется, нечего и прибавлять къ этому». «Неужели и «атеистъ» (въ чемъ признается самъ г. С—ій) Чебышевъ, находясь за оберъ-прокурорскимъ столомъ, также «дѣйствовалъ въ просвѣщенномъ духѣ?» Не въ этомъ ли духѣ выводитъ его Фонъ-Визинъ, разсказывая, какъ два унтеръ-офицера

разсуждали при немъ о томъ, что Бога нѣтъ, и что «они слышали это отъ синодальнаго оберъ-прокурора Чебышева, который толковалъ объ этомъ предметѣ во всеуслышаніе на гостинномъ дворѣ» (проф. П. В. Знаменскій. Руководство къ русск. церк. исторіи. Изд. 5-е. Казань, 1888, стр. 395). Всѣ эти и подобные имъ дѣятели — совсѣмъ не плоть отъ плоти православнаго духовенства! И, во всякомъ случаѣ, каждому православному христіанину «громоздкая фигура патріарха» несравненно сроднѣе этихъ фигуръ, что и доказывается, между прочимъ, тѣми «милліонами лучшихъ», по словамъ г. Скальковскаго, «и наиболѣе энергичныхъ людей», принадлежащихъ къ расколу и озабочивающихся введеніемъ у себя не иного чего, а патріаршества. Что же касается послѣдней ссылки автора на «одобреніе» Синода со стороны восточныхъ патріарховъ, то ни кто иной, какъ они же одобрили и всероссійское патріаршество. Аргументъ, ничего особенно не доказывающій.

Въ концѣ своей статьи авторъ приводитъ взглядъ на разсматриваемый предметъ покойнаго проф.-протоіерея А. И. Иванцова-Платонова. «Патріаршая власть, читаемъ мы здѣсь, могла бы дать правильное средоточіе, твердую опору для болѣе широкаго развитія совѣщательнаго соборнаго начала. Опасаться отъ патріаршей власти какихъ-нибудь столкновеній съ государственною властью — также по существу дѣла нѣтъ основаній. Не таковъ, вообще, духъ восточной церкви, чтобы отъ нея можно было ожидать смутъ для государства. На высшей степени своей силы, напримѣръ, во времена митрополита Алексія, церковная власть являлась у насъ лишь опорою власти государственной. Частный примѣръ столкновенія Никона, и можетъ быть не столько съ царской властью, сколько съ боярскимъ высокомѣріемъ, ничего не доказываетъ. И въ древней Византіи патріаршая власть никогда не являлась серьезною соперницею государственной власти. Во всякомъ случаѣ, всякія возможныя столкновенія между церковною и государственною властью могутъ быть предусмотрѣны точнымъ разграниченіемъ самыхъ сферъ, подлежащихъ вѣдѣнію той и другой власти. При правильной постановкѣ патріаршей власти, несомнѣнно, много можетъ быть пользы и для внутренняго развитія церковной жизни. Уже то одно важно, что во главѣ церкви будетъ стоять одинъ высшій пастырь, считающій себя отвѣтственнымъ за правильное направленіе церковныхъ дѣлъ и порядковъ. Его властью не должны быть подавляемы низшіе органы церковнаго управленія. Онъ будетъ постояннымъ представителемъ за церковь предъ государственною властью Ему должна быть предоставлена для этого широкая возможность непосредственнаго доступа къ Государю, и чѣмъ ближе будутъ отношенія между высшими представителями церковной и

государственной власти, тѣмъ больше пользы будетъ и для церкви, и для государства.

«Возстановленіе патріаршества требуется, затѣмъ, внѣшнимъ положеніемъ и значеніемъ русской церкви среди другихъ православныхъ церквей. Наша церковь—самая главная и обширная между всѣми восточными церквами; она во многихъ отношеніяхъ опора для другихъ православныхъ церквей. За что же ей быть лишенной того права—имѣть высшаго церковнаго пастыря, какимъ пользуются другія, менѣе значительныя, церкви? Разоренныя и обезлюдѣвшія, находящіяся подъ магометанскимъ подданствомъ, церкви сирскія и египетскія имѣютъ своихъ патріарховъ. У православныхъ сербовъ австрійскихъ, численностью своей не превышающихъ населенія любой нашей епархіи, есть свой патріархъ. А въ русской церкви, имѣющей болѣе шестидесяти милліоновъ православнаго населенія, нѣтъ своего патріарха.

«Наконецъ, возстановленіе патріаршества въ Россіи можетъ оказаться необходимымъ для болѣе правильнаго развитія отношеній нашей церкви къ другимъ православнымъ церквамъ». Обстоятельному разъясненію этого и посвящена дальнѣйшая выдержка изъ приводимаго автора. Не будемъ здѣсь ее выписывать подробно (желающихъ познакомиться съ ней отсылаемъ къ оригиналу *), а закончимъ словами самого автора («Не изъ 32 хъ, но съ 32-мя») взятой статьи:

«Преступно было бы придавать забвенію, говоритъ онъ, слова достопочтеннаго пастыря, много потрудившагося на Христовой нивѣ и сотрудничавшаго въ одномъ изъ лучшихъ, чисто-русскихъ, журналовъ, редактированномъ глубоко-просвѣщеннымъ патріотомъ, равнаго которому не такъ то легко найти особенно въ наше время. А еще хуже вносить смуту и въ безъ того мятущіеся умы и разжигать незаслуженную вражду къ тому сословію, которое безропотно несетъ свой тяжелый крестъ и никому не загораживаетъ пути на служеніе церкви. Идите, служите въ ней, научите насъ исполненію своего долга: къ этому зоветъ всѣхъ каѳолическая наша церковь. Но только возлюбите правду и не говорите гнилыхъ словъ, ибо, выражаясь словами одного св. отца, «какой проступокъ можетъ быть больше, или какой порокъ безобразнѣе, какъ разорять Христову церковь и, забывъ о евангельскомъ мирѣ и любви, бороться въ ярости враждебнаго несогласія противъ единодушнаго и согласнаго народа Божія» (св. Кипріанъ, еп. Карѳ. Письмо 72).

И. Преображенскій.

*) Прот. А. М. Иванцовъ-Платоновъ. О русскомъ церковномъ управленіи. Двѣнадцать статей изъ №№ 1 — 16 газеты «Русь» 1882 г. Съ предисловіемъ Сергѣя Шарапова. Особое приложеніе къ № 27 «Русскаго Труда» за 1898 г. Спб., 1898 г., стр. 18—21.

Мѣсяцъ май.

«Богословскій Вѣстникъ».

Статьи *проф. В. Мышцына:*

А) Объ автономіи церкви и государства (В. В. Розанову).

В. В. Розанову мы обязаны рядомъ очень интересныхъ и очень поучительныхъ статей (въ «Новомъ Времени») по церковному вопросу, въ которыхъ онъ съ свойственной ему глубиной, правдивостью и яркостью ставитъ діагнозъ современной церковной жизни въ Россіи. Но о нихъ, какъ и о всѣхъ другихъ думахъ свѣтскихъ людей о церковныхъ реформахъ, дающихъ весьма интересный матеріалъ для будущей церковно-преобразовательной работы, мы будемъ говорить въ слѣдующихъ книжкахъ журнала. Теперь мы отмѣтимъ лишь одну его статью, имѣющую близкое отношеніе къ только-что сказанному нами. Въ «Новомъ Времени» (11 апр.) онъ высказываетъ нѣсколько соображеній о желательныхъ отношеніяхъ государства и церкви. Вотъ его мысли.

«Царства тѣ погибали, которыми управляли попы», выразился однажды Грозный. Петръ избавилъ государство отъ опеки духовенства, каковая опека была всепроникающей въ Московской Руси. Будь Россія просто христіанской державой, но безъ спеціальныхъ византійскихъ «вздоховъ», предсмертно завѣщанныхъ ей умирающимъ царствомъ на берегахъ Босфора, Синода не появилось бы, патріархъ продолжалъ бы существовать, такъ какъ онъ не мѣшалъ бы царству ни въ чемъ. Но, умирая, Византія нашептала своему дѣтищу ненависть умирающаго къ жизни, къ цвѣту, обилію и напору силъ; она слила христіанство съ гробомъ, монашествомъ, отреченіемъ отъ міра. Чувствовалось, что отъ такого христіанства не сдобровать ни государству, ни народу, ни наукѣ и искусству. Смыслъ Синода заключался въ самозащитѣ государства отъ древняго византійскаго и старомосковскаго смертнаго и гробового вліянія. Россія зацвѣла, но вмѣстѣ съ тѣмъ до боли придавила «поповъ» и вдали саму церковь. Что она зацвѣла, это хорошо, но давить церковь она не въ правѣ. Она должна дать ей свободу. Эти два сковавшіе другъ друга или скованные другъ съ другомъ узники должны къ счастію обоихъ получить полную автономію. Пусть церковь будетъ свободна, какъ поэзія, какъ поэты; и государство пусть такъ же мало беретъ совѣтовъ

у Синода ли, у патріарха ли, какъ оно мало совѣтуется о перемѣнѣ системы ружей съ Пушкинымъ и Филаретомъ.

Мы позволимъ себѣ высказать по этому поводу нѣсколько соображеній. Что все византійское и русское христіанство, все, начиная съ пониманія заповѣди о любви къ ближнему вплоть до восковой свѣчи, оттѣнено спеціально-византійскимъ «вздохомъ», съ этимъ едва ли можно не соглашаться. Эти «вздохи» слышатся и въ богословіи, и въ каноникѣ, и въ богослуженіи. Едва ли можно оспаривать и то, что изъ полноты первенствующаго христіанства Византія и Русь переняли больше слезъ и воздыханій, чѣмъ радостей свѣтлаго и обновленнаго бытія, благодаря господству въ церкви монашескаго элемента и уменьшенію вліянія бѣлаго духовенства, которое вслѣдствіе своей соціальной связи съ обществомъ менѣе чуждалось міра Божьяго и лучшихъ плодовъ человѣческой культуры. Быть можетъ, не малую вину въ томъ приняли на себя и сами государи, для которыхъ бѣлое духовенство, какъ связанное съ народомъ, являлось болѣе устойчивымъ, менѣе податливымъ и потому менѣе желательнымъ элементомъ.

Если такъ, то можно надѣяться, что съ уничтоженіемъ бюрократическаго строя въ Россіи и съ проведеніемъ церковной реформы на началахъ соборнаго и выборнаго самоуправленія, въ церковной жизни и въ указанномъ отношеніи произойдутъ важныя перемѣны. Бѣлое духовенство, болѣе близкое къ обществу и народу, менѣе проникнутое византійскимъ аскетизмомъ, будетъ выдвигаться народомъ въ противовѣсъ черному духовенству, которое по всей вѣроятности останется представителемъ интересовъ государственной власти. При дѣятельномъ участіи мірянъ въ церковной жизни это возвышеніе бѣлаго духовенства освободитъ нашу церковь отъ излишняго византійскаго аскетизма и отъ пренебрежительнаго отношенія къ культурѣ и общественной жизни. Оно будетъ содѣйствовать тому, что церковь, не ограничиваясь поэзіей обряда и проповѣдью индивидуальнаго самоусовершенствованія, все болѣе и болѣе будетъ пріобрѣтать значеніе жизненной, всеобъемлющей, все очищающей и все возвышающей силы. Мы думаемъ, что нашему бѣлому духовенству предстоитъ великая задача.

Автономія церкви, какъ и государства, весьма желательна. Но какъ достичь ея? Мы сомнѣваемся, чтобы такъ легко было разграничить область церковную отъ области государственно-общественной. Посмотрите, какъ тѣсно связаны въ народной душѣ религіозныя вѣрованія и вся его жизнь. Если даже къ наукѣ и искусству государство не всегда относится безразлично, то тѣмъ болѣе трудно ожидать этого въ отношеніи къ церкви, скрывающей въ себѣ глубочайшую подпочву всей личной и

общественной жизни народа. Вслѣдствіе неразграниченности этихъ сферъ, пока государственная и церковная власть будутъ стоять рядомъ, онѣ всегда будутъ или въ борьбѣ, или одна изъ нихъ будетъ ассимилироваться съ другой ко вреду государства и церкви. Только тогда водворится прочный миръ между ними, когда онѣ будутъ брать свои корни не въ разныхъ лицахъ, облеченныхъ властью, а въ одной душѣ, въ одномъ сердцѣ, именно въ душѣ народной. Здѣсь народная психологія сама съумѣетъ разграничить Божіе отъ кесарева.

Б) По поводу Высочайшаго указа 17 апрѣля.

Въ день Св. Пасхи, 17 апрѣля, обнародованъ Высочайшій указъ, даровавшій каждому подданному свободу вѣрованія и молитвъ по велѣніямъ его совѣсти. Отнынѣ отпаденіе отъ православной вѣры въ другое христіанское исповѣданіе или вѣроученіе не подлежитъ преслѣдованію и не влечетъ ограниченія личныхъ и гражданскихъ правъ. Оно уже не составляетъ преступленія, наказуемаго государствомъ. Старообрядчество и сектантство, за исключеніемъ изувѣрныхъ сектъ, объявляются признанными государствомъ религіозными исповѣданіями съ правомъ общественнаго богослуженія. Старообрядческія и сектантскія общины признаются юридическими лицами. Избираемыя ими духовныя лица, подъ наименованіями «настоятелей» и «наставниковъ», освобождаются отъ воинской повинности, получаютъ сословныя права, свободно отправляютъ требы и завѣдуютъ метрическими книгами, бывшими дотолѣ въ вѣдѣніи полиціи. Старообрядцамъ и сектантамъ разрѣшены народныя школы подъ контролемъ министерства народнаго просвѣщенія, распечатываются всѣ молитвенные дома и разрѣшены кладбища и сооруженіе новыхъ молитвенныхъ домовъ. Вводится свобода преподаванія Закона Божія на родномъ языкѣ инославныхъ христіанскихъ исповѣданій. Устраняются различныя стѣсненія въ отношеніи къ католикамъ, къ инославному и иновѣрному духовенству. Признается необходимость пересмотра законоположеній о лицахъ магометанскаго исповѣданія, о ламаитахъ. Приняты мѣры къ отмѣнѣ административныхъ распоряженій, стѣсняющихъ права старообрядцевъ и сектантовъ на службу государственную и общественную. По предложенію высокопреосвященнаго Антонія приняты мѣры къ измѣненію или отмѣнѣ 1006 ст. уг. суд., возлагавшей на духовное начальство обязанность требовать уголовнаго преслѣдованія по дѣламъ о совращеніи изъ православія или отступленія отъ вѣры христіанской (Высочайше утвержденныя 17 апрѣля положенія комитета министровъ объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости).

Удивительно, до какой степени медленно входятъ въ общественное сознаніе и жизнь идеи, возвѣщенныя почти двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ и сами по себѣ чрезвычайно ясныя. Область совѣсти есть область церкви, но отнюдь не государства. Государственная власть, вступая въ эту область, берется не за свое дѣло и превышаетъ свои полномочія. Для церкви, наоборотъ, совѣсть — исключительная сфера дѣйствія, а исключительныя средства ея—слово убѣжденія и примѣръ. Какъ только церковь начинаетъ дѣйствовать насиліемъ, она въ этотъ моментъ перестаетъ быть церковью. Церковь и насиліе взаимно исключаютъ другъ друга. Церковь можетъ быть лишь тамъ, гдѣ есть свобода духа.

Къ жизненному усвоенію этой, какъ и другихъ истинъ, возвѣщенныхъ Евангеліемъ, человѣчество приходитъ путемъ долгой культурной работы. Для того, чтобы воспринять въ себя евангельскія идеи братства, равенства и свободы, ему надо начать самостоятельно думать, искать, работать, неизбѣжно при этомъ заблуждаясь, но неизмѣнно все идя впередъ, собирая по пути драгоцѣнные уроки жизни. И лишь тогда, выстраданныя на собственномъ опытѣ, смоченныя кровью и орошенныя слезами, эти идеи становятся для него безусловными жизненными принципами, а не отвлеченными теоріями и утопическими вѣрованіями, какими онѣ являются часто у служителей Евангелія и представителей церкви. Въ этомъ великій смыслъ культуры. Въ Евангеліи истина идетъ съ неба на землю, въ культурѣ она идетъ отъ земли къ небу. Высочайшій указъ 17 апрѣля, «будучи дѣломъ мира и любви», есть великая побѣда и Евангелія и культуры.

Въ частности указъ 17 апрѣля мы привѣтствуемъ какъ начало общей церковной реформы, какъ крупный шагъ въ раскрѣпощеніи православной церкви. Для освобожденія церкви отъ государственнаго гнета необходимо устранить вмѣшательство свѣтской власти не только въ жизнь православія, но и вообще въ сферу религіи, въ какой бы она формѣ не выражалась. Стѣсненія по отношенію къ старообрядчеству и сектантству съ своей обратной стороны являются насиліемъ надъ самимъ православіемъ, поскольку цѣлость послѣдняго они охраняютъ мѣрами насилія. Такимъ образомъ въ указѣ 17 апрѣля истинно-православные люди найдутъ освобожденіе не только для старообрядчества и сектантства, но отчасти и для самого православія. Теперь, болѣе чѣмъ когда либо, можно надѣяться въ скоромъ времени на полное раскрѣпощеніе православной церкви.

Было бы не только малодушіемъ, но и большимъ заблужденіемъ, съ объявленіемъ вѣротерпимости опасаться за сохранность православія. Наше православіе лишь съ наружней и внѣшней стороны представляетъ

собою зрѣлище благополучія, съ внутренней же—оно благодаря ненужнымъ услугамъ государства, опочивъ отъ дѣлъ своихъ, въ блаженствѣ покоя уснуло и какъ бы замерло. Про него можно сказать то же, что Никоновская лѣтопись говорила объ архіереяхъ временъ уніи: «епископы русскіа вси умолчаша и воздремаша и уснуша». Вотъ что́ писалъ Гиляровъ-Платоновъ о положеніи православія: «Ревнители казеннаго православія готовы поставить расколу даже въ обвинительный пунктъ его церковную самостоятельность; сами же лобызаютъ зависимость церкви отъ гражданской власти, хотѣли бы сѣсть къ ней совсѣмъ на руки, и не прочь доказывать, что въ этомъ даже состоитъ преимущество истинно православнаго устройства! «Лишь бы числились нашими!» Желаніе ревнителей фронта только этимъ и ограничивается, и оно то есть глубочайшая деморализація. Въ немъ скрывается прямое отрицаніе вѣры, и первымъ его наслѣдіемъ является небреженіе о духовной жизни пасомыхъ, за признаніемъ ея ненадобности... Мертвое однообразіе есть механизмъ, отреченіе отъ духовности» *). Теперь необходимость борьбы разбудитъ дремлющихъ, воскреситъ то, что замерло. Портъ-артурцы до прошлаго года были самыми обыкновенными людьми, но постоянное присутствіе врага вблизи сдѣлало изъ нихъ самоотверженныхъ героевъ. Чѣмъ больше будетъ борьбы, тѣмъ сильнѣе и богаче будетъ внутренними дарами православіе.

Высочайшій указъ является прекраснымъ урокомъ для насъ и нашего духовенства. Вспомните, какой шумъ поднялъ въ духовенствѣ докладъ Стаховича о свободѣ совѣсти. Въ нашихъ богословскихъ журналахъ до послѣдняго времени цензура не пропускала статей въ защиту свободы вѣры. Но то было вчера. А нынѣ дарованіе свободы вѣры признается «дѣломъ мира и любви». Какъ скоро мѣняются принципы! Что мѣняетъ ихъ государство—это неудивительно, такъ какъ оно идетъ и должно итти за духомъ времени. Но гдѣ же вѣчные принципы церкви? Увы! Въ провозглашеніи христіанскихъ истинъ церковь не только не опережаетъ, но, кажется, отстаетъ отъ государства. Правда, высокопреосвященный Антоній заявилъ въ комитетѣ министровъ, что церковь, болѣзнуя объ отпадающихъ отъ нея, не можетъ въ то же время желать насильственнаго въ ней ихъ удержанія, что всякое насиліе чуждо самой природѣ церкви Христовой». Прекрасныя слова. Но почему такъ рѣдко и такъ поздно говорятся они?

---

*) Сборникъ сочиненій. Т. II, стр. 211—212.

3 мая.

«Слово» (№ 140-й).

Три письма въ редакцію о церковной реформѣ: *Преподавателя семинаріи, свящ. Василія Л—овскаго и Черноризца.*

I.

Церковный соборъ и бѣлое духовенство.

Не только духовная, но и свѣтская печать съ большимъ сочувствіемъ отнеслась къ поднятому вопросу о реформѣ церковнаго управленія,—послѣдняя даже съ нѣкоторою завистью къ той быстротѣ, съ которою дѣло было двинуто впередъ. Но вскорѣ наступило охлажденіе, и на первый планъ выступили сомнѣнія. Стали сомнѣваться въ успѣшномъ рѣшеніи предполагаемымъ соборомъ даже самыхъ существенныхъ вопросовъ церковной жизни, въ виду ограниченія его состава одними епископами. Раздались справедливые голоса, что соборъ долженъ быть голосомъ всей церкви, а не нѣсколькихъ десятковъ облеченныхъ въ епископскія мантіи лицъ. На соборѣ должны быть представители отъ каждой церковной общины прежде всего.

Въ древнее время лучшими представителями голоса церковной общины на соборахъ были епископы, избиравшіеся общиной и служившіе живымъ воплощеніемъ ея вѣрованій и желаній. И теперь это возможно гдѣ-нибудь въ антіохійскомъ патріархатѣ, гдѣ въ силу его незначительности митрополиты и епископы знаютъ каждаго члена своей общины. Не то въ Россіи, въ которой каждая епархія чуть ли не больше двухъ восточныхъ патріархатовъ, вмѣстѣ взятыхъ; здѣсь немыслимо такое тѣсное общеніе вѣры и мысли между паствой и ея архипастыремъ, что является серьезной помѣхой къ развитію религіозной жизни. Что знаютъ о своихъ церквахъ и своихъ пасомыхъ наши епископы, перемѣщаемые постоянно съ одной каѳедры на другую? Они не знаютъ даже своего каѳедральнаго города, не говоря уже о другихъ городахъ епархіи, и тѣмъ болѣе о селахъ и деревняхъ. И нѣкоторые архипастыри дѣйствительно сознаютъ, что, явившись къ паствѣ не по зову ея, а по назначенію оберъ-прокурора, они не могутъ быть представителями своихъ общинъ.

На замкнутой епископской коллегіи вопросъ о реформѣ церкви можетъ свестись къ попыткѣ утвердить въ церкви монашеское властительство. За послѣдніе 20—25 лѣтъ монашествующее духовенство и безъ того пріобрѣло неподобающее ему значеніе. Еще не такъ давно во главѣ духовно-учебныхъ заведеній стояло по преимуществу бѣлое духовенство или даже свѣтскія лица. Теперь только за недостаткомъ ученыхъ монаховъ допускаютъ протоіерея въ качествѣ инспектора или ректора семинаріи и смотрителя духовнаго училища. Къ тому, чтобы этого недостатка не было, принимаются самыя энергичныя мѣры. Преосвященный Антоній волынскій, въ бытность свою ректоромъ казанской духовной академіи, имѣлъ самое пламенное желаніе всѣхъ студентовъ постричь въ монашество. Вообще, во всѣхъ академіяхъ студенты-монахи живутъ не «подъ закономъ», а подъ благодатью. Лишь только станетъ извѣстнымъ, что тотъ или иной изъ желающихъ поступить въ духовную академію семинаристовъ, гимназистовъ и вдовыхъ священниковъ имѣетъ въ виду принять монашескій постригъ,—рискъ неудачи на пріемномъ экзаменѣ для него уже перестаетъ существовать; изъ курса на курсъ такого студента тащутъ за уши, а по окончаніи курса, по большей части въ числѣ самыхъ послѣднихъ (это не смотря на всѣ поблажки начальства) его назначаютъ начальникомъ и распорядителемъ судьбы его же товарищей, которые несравненно выше его и по знаніямъ, и по общему развитію.

Такой порядокъ служитъ камнемъ преткновенія для честолюбивыхъ и неразборчивыхъ на средства къ достиженію своихъ цѣлей натуръ, и вотъ онѣ-то по преимуществу и пополняютъ кадры ученаго монашества и являются кандидатами во епископы. Отсюда дѣлается понятнымъ и то оскудѣніе епископства, которое такъ замѣтно въ настоящее время, и та чиновничья робость предъ начальствомъ, готовность поступиться совѣстью, которая сказалась въ безропотномъ несеніи «оберъ-прокурорскаго ига». «Мы, епископы, пишетъ одинъ изъ нихъ, сознавали и сознаемъ ненормальность настоящаго положенія церкви и порабощенность ея мірскимъ началомъ. Но что же дѣлать? Протестовать противъ этого мы не можемъ. Вотъ если бы за это дѣло взялись міряне,—это было бы хорошо». И это пишетъ епископъ, которому интересъ церкви долженъ быть дороже самой жизни. Князь церкви открыто сознается въ своей слабости и проситъ помощи у мірянина. Нѣтъ, свое благополучіе для большей части этихъ людей дороже всего. Исключеніе составляютъ только нѣсколько дѣйствительно выдающихся іерарховъ.

Почему же наши епископы не могли списавшись, если ужъ нельзя съѣхаться въ одно мѣсто, выработать что-либо подобное той запискѣ, которую представили 32 священника. У нихъ не хватило на это рѣши-

мости, а вотъ бѣлое духовенство нашло въ себѣ силы пойти на борьбу за истинную жизнь церкви; эти люди, имѣющіе за своими спинами цѣлыя семьи, не убоялись тяжелыхъ для себя послѣдствій. Стремленіе монашествующаго духовенства забрать все въ свои руки сказалось уже во многомъ. Еще не такъ давно въ числѣ членовъ Синода были представители и бѣлаго духовенства, но потомъ черное духовенство вымѣстило ихъ оттуда, полагая, очевидно, что они занимаютъ тамъ неподобающее мѣсто. При такомъ составѣ современнаго чернаго духовенства и при такихъ его тенденціяхъ было бы опасно ввѣрять ему реформу церковнаго управленія; она должна быть произведена при участіи всѣхъ истинно вѣрующихъ, а не одного только священноначалія оберъ-прокурорскаго постановленія.

Преподаватель семинаріи.

II.

Мы не учились писать для газетъ, не старались пробовать силъ на этомъ поприщѣ, но когда намъ больно — и мы, какъ люди, умѣемъ и смѣемъ кричать. Прошу почтеннѣйшую редакцію принять къ свѣдѣнію мой посильный, далеко не полный, отвѣтъ, и... щадить насъ, болѣющихъ о своемъ отчужденіи отъ обще-государственной жизни.

Казалось, понятно всѣмъ, что говорить о духовенствѣ русскомъ, какъ живомъ органѣ государства, никто не станетъ. Давно вышвырнули духовенство изъ рядовъ людей живыхъ, имѣющихъ право претендовать на участіе во всемъ, что касается жизни человѣка. Давно, очень давно «соль обуяла» и нечѣмъ міру осолиться. Давно духовенство лишено иниціативы, а исполняетъ только приказы, распоряженія и усмотрѣнія высшей власти.

Было бы большою неправдою обвинять въ забитости духовенства одно духовное начальство, какъ принято говорить, духовную бюрократію. И большіе и малые въ духовенствѣ имѣютъ власть только терпѣть, выжидать и исполнять. Вопросъ — кого винить въ такомъ положеніи духовенства? Само собою вина ложится не только на духовенство, какъ закостенѣвшее сословіе, бездѣятельное, тупое, но еще болѣе на тѣхъ, кто считали себя христіанами и не радѣли объ оживленіи духовенства. Если мы, настоящіе представители духовенства, плохи, почему вѣрующіе во Христа не выдѣлили изъ своей среды лучшихъ ратоборцевъ на полѣ религіи? Если говорятъ, каковъ попъ, таковъ и приходъ, то можно сказать и обратно, каковъ приходъ, таковъ и попъ. Въ Россіи духовенство выдѣлено, отгорожено, какъ прокаженные, въ отдѣльный классъ людей

и въ этомъ положеніи закрѣпощено. Духовенство отъ себя должно воспитать представителей церкви, содержать свои училища, давать жалованье своимъ начальникамъ — благочинному, слѣдователю, депутатамъ и проч., т. е. духовенство нужно какъ бы только самому себѣ, а Россіи, вѣрующимъ, вообще—оно не нужно. Въ Россіи умѣютъ только доносить и поносить духовенство, что бы ни случилось, всегда духовенство должно быть козломъ отпущенія. Никто никогда не задавался вопросомъ: почему, ни въ чемъ неповинный, козелъ долженъ выносить на себѣ въ пустыню всѣ прегрѣшенія народа? Но таковъ приговоръ судьбы: «у сильнаго всегда безсильный виноватъ». Съ такимъ ощущеніемъ прочитали мы въ вашей уважаемой газетѣ: «Была пора, когда духовенство чутко отзывалось не только на нравственныя, но и соціальныя потребности своихъ духовныхъ чадъ. Но это великое время прошло, и колоссальная духовная сила утрачена. Духовенство превратилось въ скромное чиновничество, безпрекословно исполняющее волю начальства». Но, вѣдь, въ ту пору, какъ на вѣчѣ въ Новгородѣ, такъ и предъ княземъ, митрополитъ былъ первымъ совѣтникомъ. Теперь же что́ такое митрополитъ? Насъ насильно оттерли отъ жизни, насильно навязали намъ и тяжелыя обязанности полицейскаго сыска. Мы болѣемъ неестественнымъ нашимъ положеніемъ, тяготимся имъ, силимся бѣжать изъ духовнаго вѣдомства, но насъ, какъ несчастнаго козла, скрутили за рога и ведутъ, куда положительно не желаемъ. И съ верховъ, и съ низу сѣяли вѣтеръ, теперь приходится пожинать бурю, а мы, духовенство, держи отвѣтъ.

Священникъ *Василій Л—овскій.*

III.

Есть много вопросовъ, которые назрѣли давно и кои необходимо разрѣшить. Намъ совершенно нежелательно назначеніе синодальными чиновниками къ намъ настоятелей; по протекціи этихъ чиновниковъ поступаютъ къ намъ въ монастыри настоятели, совершенно не подготовленные къ дѣлу: ни духовно-нравственнаго воспитанія преподать не могуть, хозяйственныхъ же вопросовъ положительно не понимаютъ, да и гдѣ они могли и то и другое изучить? Съ академической скамьи поступаютъ смотрителями духовныхъ училищъ или инспекторами семинарій, послѣ сего возводятъ ихъ, черезъ небольшой промежутокъ времени, въ архимандрита; и вотъ онъ настоятель большого монастыря. Не изучивъ монастырской жизни и въ маломъ объемѣ, т. е. даже часто и не поживъ въ монастырѣ, что́ онъ можетъ помочь намъ? Онъ насъ чуждается, бѣгаетъ; мы—его; черезъ это — обоюдное недовольство, по-

рой даже злоба. А если кто изъ нихъ какъ-нибудь случайно и поживетъ гдѣ-либо въ монастырѣ съ годъ, то послѣ всегда говоритъ: «я тамъ-то жилъ, тамъ поступаютъ такъ и вы должны тоже такъ». А мы въ это время думаемъ вотъ что: «ты, братъ, со своимъ уставомъ въ чужой монастырь не приходилъ бы, мы не звали, не желали; когда-то тебя отъ насъ возьмутъ». Мѣняютъ ихъ черезъ два, три года, и вотъ опять шлютъ другого, къ нему привыкать, и онъ къ намъ. И этотъ тоже: «это не такъ, другое не такъ»; положительно—одно мученье. А то въ придачу къ этому выберетъ себѣ помощниковъ или тоже по малограмотности ничего не понимающихъ или... и вотъ получается не жизнь, а цѣлый адъ. Мы хотимъ не просить, а указать на законъ, по которому мы должны выбирать настоятеля сами себѣ, да желательно и на должности казначеевъ и другія тоже самимъ выбирать, потому что мы другъ друга знаемъ лучше, нежели настоятель, проживший у насъ полъгода или съ годъ. Прошу, по возможности, сказать что-либо и за насъ. Заботиться мы всѣ должны другъ о другѣ, а Господь Богъ о всѣхъ насъ!

Черноризецъ.

---

4 мая.

«С.-Петербургскія Вѣдомости» (№ 103-й).

Статья *Я. Н.:*

Къ вопросу о церковномъ управленіи въ Россіи.

III*).

Въ инструкціи, данной Петромъ синодскому оберъ-прокурору, послѣдній называется «окомъ государевымъ и стряпчимъ о дѣлахъ государственныхъ въ Синодѣ». Первоначально, по инструкціи, оберъ-прокуроръ въ Синодѣ имѣлъ значеніе только наблюдателя; но потомъ въ теченіе всего XVIII в. значеніе оберъ-прокурора постепенно усиливается. Такъ какъ власть всегда стремится къ соотвѣтствующимъ отличіямъ, а отвѣтственность оберъ-прокурора была очень велика, то послѣдній скоро сдѣлался полнымъ руководителемъ Синода. Оберъ-прокуроры Синода впослѣдствіи дѣйствовали очень нерѣдко чрезъ Синодъ, какъ чрезъ свое орудіе, и управляли такимъ образомъ внутренними дѣлами всей

*) См № 77 «С.-Пет. Вѣд.», а у насъ подъ 29 марта.

русской церкви. Канцелярія синодская, которую долженъ былъ имѣть въ своей дирекціи оберъ-прокуроръ, по петровской инструкціи, постепенно расширяется,—и изъ первоначальной «дирекціи» развивается та обширная административная власть оберъ-прокурора въ русской православной церкви, которая сжала послѣднюю въ холодные тиски мертвящаго бюрократизма и парализовала ее, превративъ въ одно изъ вѣдомствъ—«вѣдомство православнаго исповѣданія». Почти всѣ дѣла русской церкви вершаетъ лицо свѣтское, синодскій оберъ-прокуроръ, который изъ обыкновеннаго охранителя гражданскихъ законовъ сдѣлался болѣе, нежели министромъ, хотя и безъ такого громкаго титула.

Въ запискахъ Пальмера (Palmer, Notes of a visit to the Russian Church) на этотъ счетъ сохранились интересныя замѣтки, каковыя нелишне здѣсь привести.

Заручившись, послѣ нѣкоторыхъ формальныхъ затрудненій, одобреніемъ со стороны примаса англиканской церкви, архіепископа кэнтерберійскаго, Пальмеръ отправился въ Россію. Англійскій посланникъ при русскомъ дворѣ, лордъ Чанрикардъ, будучи въ то время въ Лондонѣ, далъ ему нѣсколько рекомендательныхъ писемъ къ разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ въ Петербургѣ и прежде всего къ оберъ-прокурору Св. Синода графу Протасову, о которомъ онъ, между прочимъ, замѣтилъ Пальмеру: «вы удивитесь, когда увидите гусарскаго офицера въ своей формѣ, адъютанта Императора, предсѣдательствующимъ (?) въ Синодѣ, распоряжающимся епископами и управляющимъ церковью». При встрѣчѣ съ графомъ Протасовымъ, благодаря предупрежденію англійскаго посланника, Пальмеръ уже не удивился, когда и въ товарищѣ оберъ-прокурора встрѣтилъ также кавалерійскаго офицера, и А. Н. Муравьевъ—товарищъ оберъ-прокурора—поэтому поразилъ его не отношеніемъ своего военнаго званія къ церковному положенію, а только своимъ исполинскимъ ростомъ, требовавшимъ крѣпкой лошади, чтобы носить такого кавалериста».

Когда, затѣмъ, въ бесѣдѣ съ однимъ монахомъ Сергіевской пустыни, жаловавшимся на то, что правительство отобрало у монастырей имущество, Пальмеръ выразилъ мысль о желательности опять дать монастырямъ имѣнія, чтобы сдѣлать ихъ болѣе независимыми отъ свѣтской власти, то его русскій собесѣдникъ отвѣтилъ: «э-э, въ чемъ мы нуждаемся, такъ это—въ патріархѣ. Въ настоящее же время Протасовъ—у насъ патріархъ. Онъ ѣздитъ по баламъ и театрамъ, прекрасно танцуетъ, и вообще un très galant homme—но»... Пальмеръ началъ было объяснять, что графъ Протасовъ по своему положенію—ни что иное, какъ древне-греческій великій логоѳетъ, но монахъ стоялъ на своемъ и гово-

рилъ, что «при теперешнемъ порядкѣ вещей, если бы, напр., всѣ епископы возстали противъ какого-нибудь опаснаго нововведенія, это было бы безполезно, если только Синодъ не будетъ на ихъ сторонѣ, а если бы Синодъ вздумалъ подъ вліяніемъ свѣтской власти сдѣлать что-нибудь вредное въ церковномъ отношеніи, то этому пришлось бы подчиняться»...

Два таинственныхъ магическихъ слова: «читалъ» и «исполнить», безъ всякаго даже имени, рѣшаютъ дѣла церковныя...

Въ собраніе русскихъ іерарховъ вошла сила посторонняя, — при этомъ настолько огромная и сильная своимъ свѣтскимъ авторитетомъ, что почти совершенно подавила иниціативу и самостоятельность первыхъ...

Превращенная въ одно изъ многочисленныхъ колесъ государственной бюрократической машины, церковь лишилась свободы и автономіи; надъ головой ея, съ реформы Петра Великаго, закрылась та страшная гробовая доска, которая, къ великому счастію и радости, нынѣ начинаетъ приподниматься... Записка кружка столичныхъ пастырей явилась первымъ звучнымъ и гармоничнымъ аккордомъ, первымъ коллективнымъ протестомъ противъ порабощенія церкви государствомъ.—«Для сознанія своей внутренней правоты церкви необходимо быть свободною отъ мірскихъ началъ, не вѣдать другихъ внушеній и повелѣній, кромѣ внушеній Св. Духа; только такая свободная церковь можетъ обладать голосомъ, отъ котораго горѣли бы сердца человѣческія»—такъ гласитъ записка столичныхъ священниковъ.

«Близко то время, — говоритъ преосвящ. Сергій, — когда церковь получитъ свою прежнюю красоту, дарованную ей Богомъ. Она — наканунѣ освобожденія отъ излишняго, тяготѣющаго надъ ней контроля, наканунѣ вступленія на новый путь жизни, присущій церкви по самому духу и существу ея ученія. Настаетъ время, когда церковь освободится отъ свѣтской власти, представители ея будутъ свободнѣе говорить всѣмъ безбоязненно отъ лица Бога и Его церкви о великомъ призваніи христіанъ, объ исполненіи всѣми людьми воли Божіей и о насажденіи царства Божія въ людяхъ. Свобода можетъ быть вредна церкви только въ томъ случаѣ, если ее получатъ одни пастыри и будутъ властвовать надъ душами пасомыхъ, но партійность не должна имѣть мѣста въ жизни обновленной церкви»...

Остается, значитъ, только вмѣстѣ со всею православною Русью радостно рукоплескать и привѣтствовать давно желанный починъ!

...Краски чуждыя съ годами
Спадаютъ ветхой чешуей...

IV.

Что, въ самомъ дѣлѣ, представляетъ изъ себя бывшая духовная коллегія?

Насколько Святѣйшій Синодъ является соборомъ пастырей русской церкви?

— При имени «Святѣйшій Синодъ»,—прекрасно разсуждаетъ епископъ Агаѳангелъ (Соловьевъ *),—обыкновенно воображаютъ, что тамъ засѣдаетъ, подъ предсѣдательствомъ перваго митрополита, нѣсколько іерарховъ, не менѣе 12 (по числу св. апостоловъ), которые, по очереди, или по взаимному избранію, пріѣзжаютъ изъ своихъ епархій на извѣстное число лѣтъ, въ живомъ сознаніи присутствія невидимаго главы церкви, Сына Божія, и изрекаютъ мнѣнія, напоминающія св. отцовъ церкви. Воображаютъ, что они засѣдаютъ въ храмѣ или, по крайней мѣрѣ, въ залѣ, въ которомъ на первомъ мѣстѣ стоитъ изображеніе Іисуса Христа, а по обѣимъ сторонамъ его изображены 12 апостоловъ и преемниковъ ихъ отцовъ и учителей церкви. Думаютъ, что предметы для обсужденія предлагаетъ первенствующій митрополитъ, который есть главное отвѣтствующее лицо предъ Богомъ въ судьбѣ и дѣлахъ русской церкви, и что мнѣнія, собираемыя имъ и подвергаемыя взаимному обсужденію, приводятся имъ самимъ къ единству...

Пусть кто-либо, проникнутый этими мыслями, войдетъ въ засѣданіе Синода; съ перваго же раза поразитъ его отсутствіе того, что онъ считалъ необходимымъ для состава Синода. Посрединѣ небольшого зала онъ увидитъ столъ, за которымъ сидятъ митрополитъ и архіереи. На правой сторонѣ зала стоитъ другой столъ, за которымъ сидитъ оберъ-прокуроръ съ 2—3 своими чиновниками. У средняго стола стоитъ аналой, предъ которымъ секретарь читаетъ вслухъ, т. е. докладываетъ дѣла...

Зритель будетъ искать символовъ, которые бы указывали на духовное значеніе зала засѣданій Синода, и, къ изумленію, не встрѣтитъ почти ничего, кромѣ того, что находится въ каждомъ русскомъ присутственномъ мѣстѣ...

Съ смѣшаннымъ чувствомъ стыда и негодованія посторонній наблюдатель становится въ сторонѣ и слушаетъ. Начался докладъ. Чтеніе одного дѣла длится часъ. Вотъ, наконецъ, оно окончилось! Начинаютъ подавать голоса. Не трудно замѣтить, что архіереи, вызванные изъ епархій для временнаго присутствованія въ Синодѣ, подавая мнѣніе, чувствуютъ себя въ какомъ-то неестественномъ, принужденномъ положеніи.

---

*) Еп. ревельскій,—съ февр. 1860 г.—вятскій, а съ 1866 г. волынскій и житомірскій.

Если всмотрѣться въ причины этого, то легко поймемъ, что иначе и быть не можетъ. Они вызваны только на годъ, вызваны—по представленію оберъ-прокурора. Чѣмъ руководствовался оберъ-прокуроръ, вызывая того, а не другого архіерея, мы не знаемъ,—только очевидно, что не закономъ, а какими-либо личными соображеніями. Отсюда происходитъ, что архіереи, пріѣзжающіе въ Синодъ, въ первую половину года только присматриваются къ дѣламъ, докладываемымъ въ Синодѣ, а во 2-й половинѣ заботятся уже о томъ, какъ бы благополучно возвратиться изъ С.-Петербурга въ свои епархіи...

Въ самомъ положеніи, данномъ составу Синода, замѣчается, такимъ образомъ, не то намѣреніе, чтобы іерархи, пользуясь данною имъ отъ Бога властью, способствовали правильному развитію христіанской церкви въ Россіи, но какое-то желаніе парализовать эту власть и запутывать развитіе церковной жизни.

По внутреннему строю и направленію синодальная администрація вовсе не имѣетъ характера соборнаго и не можетъ претендовать на титулъ—«церковно-пастырскій». Коллегіальность еще не придаетъ ей значенія «соборной», «верховной». Соборъ, какъ власть церкви, согласно канонамъ, долженъ состоять изъ всѣхъ епископовъ данной церкви (или ихъ уполномоченныхъ)—1 Вс. соб. 5 пр.; 4 Вс. соб. 19 пр., 6 Вс. соб. 8 пр. и др.

Въ Синодѣ же не такъ.

Идея коллегіальности, предъ которою преклонялся Петръ Великій, практически доказала свою полную несостоятельность и во всѣхъ отрасляхъ управленія упразднена государствомъ. Осталась она пока только въ церковномъ управленіи, гдѣ въ дѣйствительности еще менѣе состоятельна, чѣмъ въ управленіи гражданскомъ.

Тамъ, по словамъ Л. Тихомирова («Запросы жизни и наше церковное управленіе»), коллегіи имѣли постоянный составъ, а въ Св. Синодѣ, составленномъ изъ лицъ, вызванныхъ изъ епархіальнаго управленія, не было и не можетъ быть постояннаго состава».

Епископы, присутствующіе въ Св. Синодѣ, не выбираются самою церковью, а назначаются государственною властью — на каждый годъ, или собственно на одинъ зимній сезонъ особымъ Высочайшимъ повелѣніемъ,—главнымъ образомъ, разумѣется, по представленію синодальнаго оберъ-прокурора. Какъ не свободно избранные, они не могутъ быть и свободными выразителями мѣстныхъ нуждъ и мнѣній церковныхъ. Затѣмъ, какъ приглашаемые для присутствованія въ Синодѣ на краткій срокъ,—при нетвердости и, такъ сказать, случайности своего положенія,—святители-члены Синода не могутъ имѣть здѣсь преобладающаго значенія.

Послѣднее принадлежитъ тѣмъ, которые, хотя и не имѣютъ (званія) членовъ Синода, но на самомъ дѣлѣ пользуются здѣсь болѣе постояннымъ и прочнымъ положеніемъ. Это—высшіе свѣтскіе чиновники во главѣ съ синодскимъ оберъ-прокуроромъ.

Члены Синода каждаго новаго состава не могутъ близко знать дѣлъ, возникшихъ при прежнемъ составѣ, и, въ свою очередь, предполагая и устанавливая какія-либо мѣры, уже не имѣютъ времени приводить ихъ въ исполненіе, а принуждены передавать это дѣло новому составу, который долженъ исполнять то, что обдумали и установили другіе. Получается нѣчто очень странное... Пока члены Синода извѣстнаго состава войдутъ, такъ сказать, въ курсъ синодскихъ дѣлъ, знакомятся съ поставленными здѣсь вопросами и проектами, и пройдетъ срокъ ихъ сессій — и они отправляются съ миромъ по своимъ епархіямъ, къ своимъ паствамъ; на мѣсто ихъ въ Синодъ вызываются новые члены епископы, и опять повторяется то же...

Въ результатѣ такихъ порядковъ является слабость церковнаго управленія, его неосвѣдомленность и невозможность быть послѣдовательнымъ и энергичнымъ: для того, чтобы извѣстное правительство было «важнымъ и сильнымъ», необходимо, чтобы оно обладало достаточною освѣдомленностью и обильными средствами для благоустроенія и удовлетворенія всѣхъ запросовъ жизни, относящихся къ области его вѣдѣнія. Церковное же наше управленіе слишкомъ часто обнаруживаетъ, какъ недостатокъ своевременной освѣдомленности въ дѣлахъ церкви, такъ и скудость средствъ къ разрѣшенію и нормальному урегулированію ихъ.

Видя при этомъ отсутствіе со стороны церкви надлежащаго руководства, сами православные, — по словамъ Л. Тихомирова, постепенно привыкаютъ жить и дѣйствовать на свой страхъ, самовольно раздробляясь при этомъ на фракціи и утрачивая мысль объ общемъ церковномъ руководствѣ ихъ дѣйствіями...

5 мая.

«Церковный Вѣстникъ» (№ 18-й).

Статья *Н. Аксакова:*

Каноиъ и свобода [*]).

Итакъ, прежде всего надо трезво глядѣть на прошлое и изъ такого взгляда почерпать силу для умудренія на будущее. Нарушеніе канонического строя и замѣна его строемъ неканоническимъ было совершено, представляетъ историческій фактъ, разрѣшившійся цѣлымъ рядомъ историческихъ же послѣдствій. Отрицать этого факта нельзя, ибо имъ объясняется прежде всего то глубоко прискорбное и тяжелое внутреннее положеніе, которое мы переживаемъ. Сдвинутая съ каноническихъ основъ своихъ, а потому несвободная, не самоуправляющаяся, не самоопредѣляющая церковь, сохраняя еще крайне умѣренное вліяніе на единицъ, радѣющихъ о личномъ своемъ спасеніи, не принимала никакого участія въ жизнедѣятельности народа, въ зодческомъ трудѣ его. Это вынужденное бездѣйствіе церкви, естественно сопровождавшееся и духовнымъ упадкомъ неправильно призываемыхъ къ служенію церковному лицъ, съ одной стороны, отрывало народную массу, такъ называемые низшіе слои народа, отъ жизни и стремленій такъ называемыхъ высшихъ слоевъ, ибо только въ церкви, какъ общемъ достояніи всѣхъ, и могла поддерживаться полнота общенія, въ другихъ сферахъ самостоятельно не достигаемая, ибо ничто не можетъ быть такъ демократично, какъ церковь, не знающая ни іудея, ни эллина, ни раба, ни свободнаго, ни простеца, ни высокомудраго. Съ другой стороны, то же вынужденное бездѣйствіе церкви, въ связи съ отрицательною проповѣдью невѣрія, которая велась отъ ея имени и подъ ея личиною, отрывало отъ народа и во вредъ ему, равно какъ и во вредъ себѣ самой, все, что жило свободною мыслью, пріобщалось или мнило себя пріобщившимся наукѣ и жизни, все, что стремилось къ улучшенію общественныхъ формъ ради вящшаго служенія человѣчности, и черезъ это вынуждало развитіе «дикорастущей» интеллигенціи, отрѣшенной отъ историческихъ идеаловъ народа, неразрывно связанныхъ съ идеалами церкви. Царство распалось на самого себя; великій расколъ совершился

[*]) Окончаніе. См. № 17 «Церк. Вѣстника», а у насъ подъ 28 апрѣля.

и продолжаетъ существовать въ русскомъ народѣ, а возсоединеніе, возстановленіе нарушеннаго и жизненно-необходимаго единства не можетъ воспослѣдовать на иной почвѣ, какъ на почвѣ церкви, и не можетъ быть плодотворно осуществлено помимо единенія въ церкви. Ищите церкви, какъ царствія Божія, и все остальное приложится вамъ, приложится не безъ труда, не само собою, но черезъ оживотвореніе, очищеніе и объединеніе ищущихъ силъ.

Недугу, чтобы вѣдаться съ нимъ ради его уврачеванія, надо прямо смотрѣть въ глаза, называть его по имени, видѣть причины его возникновенія и слѣдить за его ростомъ и симптомами, а не зажмуривать глаза передъ дѣйствительностью и передъ вызвавшимъ ее прошлымъ.

Мы посвящаемъ всѣ эти строки заголовку записки, изданной петербургскими священниками. Дѣло, конечно, не въ заголовкѣ, который можетъ объясняться совершенно случайными причинами, а въ основной мысли, которую необходимо ясно и опредѣленно имѣть въ виду и которой содержаніе записки является только развитіемъ и мотивировкою. Да не будетъ судьба русской церкви поставляема въ зависимость отъ какихъ бы то ни было мнѣній и чьихъ бы то ни было мнѣній, ибо въ церкви нѣтъ мѣста для мнѣній, и строй управленія церковнаго въ основныхъ, главенствующихъ чертахъ опредѣленъ разъ навсегда, и это опредѣленіе, обезпечивая свободу церкви, никакимъ измѣненіямъ и отклоненіямъ подлежать не можетъ, ибо составляетъ не мнѣніе, а долгъ или категорическій императивъ. Сдвинутая съ каноническихъ основъ, церковь должна быть возстановлена на тѣхъ же именно основахъ, ибо внѣ ихъ церковь не можетъ обладать ни внѣшнею, ни внутреннею свободой, а безъ того не можетъ воспослѣдовать и уврачеваніе недуга, во власти котораго находятся общество и народъ. Церковь должна быть прежде всего ограждена и при томъ извнутри, а не извнѣ только, отъ управленія мнѣніями, отъ торжества опирающагося на насиліе мнѣнія человѣческаго. Въ настоящее время, въ виду возможности государственныхъ реформъ, полная самостоятельность церкви и ея управленія представляется болѣе, чѣмъ когда-либо, необходимой, дабы не могла она подпадать зависимости отъ перемѣнчиваго политическаго большинства и не обращалась въ арену для политическихъ страстей и вожделѣній.

Итакъ, необходимо прежде всего установить, что все дѣло оживленія церковнаго, въ смыслѣ устроенія внѣшнихъ ея формъ, сводится только къ возстановленію ея, сообразно каноническому ея идеалу, въ главномъ, существенномъ, не представляющемъ простора для измышленій и зависимости отъ мнѣній. Рѣчь можетъ итти не о перемѣнахъ, которыя могутъ быть безконечно многообразны и явиться только пред-

метами еще большаго многообразія перемѣнъ, а о возстановленіи, которое въ существенномъ и главномъ можетъ быть только одно. Между тѣмъ, едва только оказался поднятымъ вопросъ о церкви, какъ проявились и стремленія поставить разрѣшеніе его въ зависимость только отъ наскоро фабрикующихся или приходящихъ на память мнѣній. Записка петербургскихъ священниковъ, вопреки своему заголовку, является свободною отъ мнѣній и измышленій, и въ этомъ-то заключается достоинство ея и сила. Она гласитъ только, что необходимо вернуться къ каноническому строю церковнаго управленія и къ изученію такихъ условій, въ которыхъ жизнедѣятельность существующихъ соборныхъ установленій, безусловно для церкви обязательныхъ, становилась бы возможною и осуществимой.

Каковы же эти условія? Безъ образованія, сообразно духу каноновъ и строю древней церкви, малыхъ территоріально и по населенію епископій, невозможно дѣйствительное единеніе съ паствой, а въ то же время невозможно и образованіе близкихъ къ дѣлу, не номинальныхъ, а дѣйствительныхъ митрополичьихъ соборовъ, въ которыхъ каноны усматривали живое средоточіе церковнаго управленія — вторую инстанцію для исправленія всѣхъ дѣлъ церковныхъ. Безъ живого существованія этой второй инстанціи немыслимо стало существованіе высшей инстанціи—патріаршаго собора, въ свою очередь канонами предусмотрѣннаго и опредѣленнаго, а безъ этого собора и образованіе патріаршества будетъ не только безполезнымъ, но и неканоническимъ.

Чѣмъ же руководствоваться въ дѣлѣ возстановленія? Мнѣнія въ этомъ отношеніи уже и теперь представляются совершенно различныя; но не мнѣніями должно подсказываться рѣшеніе. Говорятъ, что необходимо возстановить строй русской церкви XVI и XVII вѣковъ... Но почему же именно этотъ строй, а не какой-нибудь иной, разъ представляется возможность выбора? Преимущество этого строя передъ существующимъ заключается только въ сравнительно большей его каноничности. Итакъ, отчего же не взять то, что было въ немъ строго каноническаго, отринувъ то, что и въ немъ было не вполнѣ канонично, и восполнивъ всѣмъ, что въ немъ было упущено, но что также требуется полнотою каноническаго начертанія. Но тогда не гораздо ли проще и не гораздо ли цѣлесообразнѣе просто-на-просто возстановить канонической строй, какъ онъ предначертанъ въ своемъ идеалѣ? Говорятъ, что необходимо примѣнить къ высшему управленію русской церкви образецъ константинопольскаго патріархата... Но, если этотъ строй примѣнимъ къ высшему управленію, то прежде всего онъ долженъ былъ бы быть примѣненъ къ низшему, что потребовало бы образованія мелкихъ епи-

скопій и сравнительно мелкихъ митрополичьихъ округовъ, въ коихъ должны были бы совершаться соборы. Къ тому же, что побуждало бы принимать за образецъ церковь константинопольскую съ ея устроеніемъ, а не порядки церковнаго управленія въ Греческомъ королевствѣ, въ Румыніи, Болгаріи и т. п.? Вѣдь, всѣ эти виды церковнаго управленія имѣютъ весьма значительное сходство съ каноническимъ строемъ, но всѣ представляютъ весьма значительныя отъ него отступленія и несовершенства. Для чего же останавливаться на несовершенныхъ формахъ, когда совершенный, обязательный строй указанъ со всею опредѣленностью и нѣтъ сколько-нибудь серьезныхъ препятствій къ полному его возстановленію? Не думайте, что Петръ былъ первымъ, дерзнувшимъ посягнуть на переустройство церковнаго управленія, на упраздненіе или парализованіе церковнаго самоуправленія ради подчиненія его мірскимъ государственнымъ цѣлямъ... Десятки византійскихъ императоровъ раньше его усердно и успѣшно подвизались на томъ же поприщѣ и, по выраженію грамоты объ избраніи Григорія Цамблака въ кіевскіе митрополиты, имѣли обыкновеніе «наскакивать на церковь» (вѣроятно, подразумѣвается каноническій терминъ ἐπιβαίνειν, переводимый у насъ съ меньшею буквальностью черезъ «вторгаться»). Со слѣдами этого «наскакиванія» и созданными черезъ нихъ учрежденіями вошло нѣкогда патріаршество въ русскую жизнь; отъ тѣхъ же слѣдовъ не очищалось и не отрѣшалось оно и въ порабощенномъ Константинополѣ. Къ чему же копировать несовершенное, помутившееся или относительное, когда мы имѣемъ образецъ идеальный, ибо въ церковныхъ канонахъ передъ нами развернута «великая хартія» церковной свободы и самоуправленія?

«Русь» (№ 117-й).

Полемика двухъ сановниковъ по церковному вопросу.

Записка одного высокопоставленнаго сановника о желательныхъ преобразованіяхъ въ положеніи нашей православной церкви подала другому высокопоставленному сановнику поводъ представить свои соображенія противъ предложенныхъ реформъ, которыя, по мнѣнію его, клонятся, повидимому, «подъ предлогомъ освобожденія церкви, къ существенному ослабленію этой связи, въ результатахъ своихъ угрожающему великой опасностью церкви и государству».

Оставляя въ сторонѣ всю личную полемику, особенно въ виду нѣкоторой ея рѣзкости, показывающей, что внутреннее разногласіе охва-

тило и верхи нашей бюрократіи, приведемъ лишь главные доводы противника реформъ въ нашемъ церковномъ строѣ и возраженія ему сторонника этихъ реформъ.

Точка зрѣнія перваго та, что патріаршество устроено было въ Россіи не ради внутренней потребности, но ради возникшей въ Москвѣ политической мечты водворить на Руси порядки византійскаго высшаго церковнаго управленія; желали имѣть, какъ въ актахъ говорится, для церкви новаго Константина, а Москву хотѣли видѣть третьимъ Римомъ.

Событія въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія показали, что патріаршее правленіе опасно для государства, и потому, въ цѣляхъ самозащиты (sic), государству не оставалось иного исхода, какъ уничтожить патріаршее правленіе и замѣнить его соборнымъ, но съѣзжаться въ Россіи, при ея обширности и безпутьѣ, хотя разъ въ годъ, какъ требуется канонами, было невозможно, а потому явилась необходимость учредить постоянный соборъ, въ формѣ Святѣйшаго Синода.

Съ кончиною Петра не стало уже руководителя новыхъ учрежденій. Все измѣнилось, и XVIII столѣтіе было дѣйствительно для церкви временемъ порабощенія и стѣсненій. Но не по винѣ новаго учрежденія, а потому, что Россіей стали править чуждые Россіи и русской вѣрѣ нѣмцы, и по причинѣ всеобщаго невѣжества въ дѣлахъ церкви и вѣры. Это же невѣжество было причиною и того, что въ царствованіе Павла I въ офиціальномъ государственномъ актѣ императоръ поименованъ былъ главою церкви—названіе, не получившее впрочемъ офиціальнаго значенія и дѣйственной силы. Но затѣмъ въ XIX столѣтіи, по мѣрѣ о степеннаго смягченія нравовъ и расширенія правъ, ничто уже, по словамъ автора, забывающаго хотя бы о временахъ оберъ-прокуроровъ Протасова, Толстого и ихъ преемниковъ,—не препятствовало церкви, ограждаемой государствомъ, усилить и расширить свое духовное вліяніе въ народѣ и въ обществѣ.

Теперь жалуются, что просвѣтительная и духовно-назидательная дѣятельность церкви стѣсняется, сравнительно съ иновѣрцами, въ своей автономіи, опекою государства и контролемъ свѣтской власти надъ жизнью церковной. Желали бы, повидимому, устранить изъ церковной жизни всякое участіе людей свѣтскаго чина, т. е. чиновниковъ, являющихся представителями и орудіями государственнаго попеченія о церкви, т. е., по мнѣнію автора, въ сущности пособниками церкви, служителями въ одинаковой степени и церкви и государства. Авторъ полагаетъ, что безъ чиновниковъ церкви не обойтись: «церковное управленіе несомнѣнно обязано подчиняться общимъ государственнымъ

законамъ и нуждается поэтому въ спеціальныхъ знаніяхъ, нуждается въ содѣйствіи спеціалистовъ разнаго рода, инженеровъ, архитекторовъ и т. п. Какъ же при этомъ церковная власть могла бы обойтись безъ содѣйствія чиновниковъ, совершающихъ всю эту громадную работу,—и если церковь полагаетъ свою автономію въ устраненіи такого содѣйствія, то, употребивъ на то массу духовныхъ лицъ, она только отвлекла бы ихъ отъ прямого духовнаго служенія церкви и не получила бы того содѣйствія (спеціальныхъ работниковъ), которое имѣетъ теперь».

Указываютъ на устраненіе изъ церковной жизни основного начала соборности, какъ главнаго принципа церковнаго управленія. Но въ чемъ же тутъ стѣсненіе со стороны государства? — возражаетъ сановникъ, защищающій нынѣшній церковный строй. — Выше показано, почему древней византійской церкви каноническое правило съѣзжаться хотя разъ въ годъ оказалось не примѣнимо къ Россіи по ея обширности, по обширности епархій и по трудности сообщеній. «Правда, въ первой половинѣ XIX столѣтія бывалъ запретъ епископамъ съѣзжаться, но объ немъ давно уже нѣтъ помину, и въ послѣднія 25 лѣтъ по распоряженію Синода устроялись неоднократно соборы помѣстныхъ церквей, именно въ Казани, въ Кіевѣ и въ Иркутскѣ».

Стѣсненіемъ признается, повидимому, учрежденіе духовныхъ консисторій, служащее «бюрократическою замѣной древняго собора пресвитеровъ». Но учрежденіе это «было по необходимости вызвано тѣмъ же крайнимъ осложненіемъ переписки по дѣламъ того же церковнаго управленія въ соприкосновеніи ихъ съ дѣлами общаго гражданскаго управленія, и работниками этой переписки по необходимости стали чиновники и свѣтскіе люди,—а эта переписка, размножаясь, доходитъ въ иныхъ консисторіяхъ до 20.000 исходящихъ бумагъ въ годъ. Какъ же обойтись безъ нея?»

Жалуются на упадокъ прихода сравнительно съ тѣмъ, что бывало въ XVI и XVII столѣтіяхъ, когда приходъ представлялъ живую и самодѣятельную единицу,—и здѣсь вину возлагаютъ на реформу Петра и на стѣснительное вмѣшательство государственной власти.

Напрасно, по мнѣнію автора, какъ бы возлагается на государство вина разоренія самостоятельной приходской единицы. Дѣйствительные факты исторіи показываютъ противное, и первая забота о возстановленіи прихода принадлежитъ не кому иному, а государству. Историческія справки въ доказательство сего не восходятъ, однако, у автора далѣе 1808 г.

Указываютъ на кастовый замкнутый характеръ духовенства—явленіе, говорятъ, небывалое въ древней церковной жизни. «Не трудно

видѣть, почему образовалось сословіе священнослужителей въ замкнутомъ видѣ. Духовенство у насъ не безбрачное, крайне обильное дѣтьми, но имъ предстоитъ большею частію искать себѣ пропитанія и дѣла въ томъ же званіи; но и затѣмъ всѣ, кто можетъ, ищутъ себѣ мѣстъ на другихъ поприщахъ, такъ что есть у насъ епархіи, въ коихъ пустуютъ годами до 30 мѣстъ въ бѣдныхъ приходахъ за неимѣніемъ охотниковъ занять оныя», т. е. охотниковъ умирать съ голоду, слѣдовало бы сказать.

Указываютъ на «недочеты» духовной школы и ставятъ ей въ вину неприготовленность духовенства къ нравственному воздѣйствію на «образованное общество». Надлежало бы, по мнѣнію критика, измѣнить въ ней программы и предметы преподаванія съ тѣмъ, чтобы дать въ ней мѣсто знакомству съ современными теченіями общественной мысли и съ «отрицательными культурными теченіями». На это сторонникъ нынѣшняго строя возражаетъ, что «наши духовно-учебныя заведенія состоятъ совершенно въ вѣдѣніи Св. Синода, и учрежденный при немъ духовно-учебный комитетъ, состоя изъ духовныхъ лицъ и профессоровъ духовныхъ академій, служитъ для Св. Синода пособіемъ для необходимаго формальнаго производства и для исполненія порученій Св. Синода, слѣдовательно отъ Св. Синода зависитъ дать желаемое направленіе обученію и воспитанію въ духовной школѣ и указать въ желаемомъ духѣ и смыслѣ знающихъ и способныхъ руководителей и преподавателей. Государство же, оставляя въ семъ полную свободу высшему духовному управленію, съ своей стороны помогаетъ на содержаніе учебныхъ его заведеній щедрыми пособіями».

Осуждаютъ преобразователя Россіи и за то, что онъ возложилъ на духовенство будто бы полицейско-сыскное дѣло—священникъ долженъ былъ слѣдить за правильнымъ показаніемъ податныхъ душъ. Но необходимо вспомнить, что, приступая къ водворенію правильнаго порядка въ государствѣ, къ счету населенія и къ установленію метрическихъ записей, Петръ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи иного для сего орудія, кромѣ духовенства, которое одно являлось грамотнымъ для письма и счета, посреди невѣжественнаго сельскаго населенія. И до нынѣ духовенство обременено тяжелою повинностью веденія метрическихъ записей, собиранія разныхъ статистическихъ свѣдѣній и исполненія требованій разныхъ вѣдомствъ по статистической, по санитарной части и по другимъ предметамъ. «Освобожденіе отъ этой повинности было бы благодѣяніемъ для духовенства и несомнѣнно когда нибудь оно наступитъ,—но оно зависитъ не отъ одной воли правительства. Веденіе метрическихъ записей и списковъ, повсюду предо-

ставленное особому разряду чиновниковъ, потребовало бы, въ случаѣ введенія такого порядка у насъ, милліонныхъ расходовъ, кои не подъ силу нашимъ средствамъ, и новыхъ учрежденій, кои весьма трудно устроить на русской территоріи, тогда какъ потребность записки существуетъ всюду, гдѣ есть какое-либо населеніе, и не на кого до сихъ поръ возложить ея удовлетвореніе иначе, какъ на приходское духовенство, совершающее акты крещенія, брака и погребенія, съ коими связана записка».

Наконецъ, предлагаютъ, чтобы голосъ церкви слышенъ былъ въ государственномъ управленіи, предоставить высшимъ представителямъ церковной іерархіи участіе съ правомъ голоса въ засѣданіяхъ государственнаго совѣта, комитета министровъ и подобныхъ (?) высшихъ государственно-законодательныхъ учрежденій. Но вопросъ этотъ возникалъ уже въ 1862 г., возбужденный министромъ внутреннихъ дѣлъ Валуевымъ, и подвергался обсужденію, причемъ митрополитомъ московскимъ Филаретомъ «высказано было мудрое, на опытѣ и знаніи дѣла основанное, мнѣніе, что это нововведеніе послужитъ не къ пользѣ церкви и можетъ только повредить самостоятельности ея сужденій въ вопросахъ, вѣдѣнію церковному подлежащихъ».

Второй высокопоставленный сановникъ не замедлилъ отвѣтить на возраженія перваго высокопоставленнаго сановника. Онъ прежде всего отмѣтилъ, что именно положенный въ основу записки тезисъ, что со времени Петра I русская церковь вступила на невѣдомый дотолѣ православной церкви путь церковнаго управленія, оставленъ безъ возраженій. Въ отвѣтѣ мы имѣемъ только случайно брошенную фразу, что «Синодъ есть постоянный соборъ». Не подтвержденная никакими соображеніями, она ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить возраженіемъ противъ достаточно обоснованной мысли, что Синодъ въ настоящемъ его видѣ, при отсутствіи представительства отъ мѣстныхъ церквей, есть не болѣе какъ бюрократическая коллегія.

Фактъ отпаденія русской церкви отъ «канона» остается фактомъ. Церковь должна руководствоваться въ своемъ управленіи не тѣми или другими человѣческими измышленіями, хотя бы и искусно придуманными, а единственно правилами апостоловъ и Вселенскихъ соборовъ; завѣтъ быть вѣрной преданіямъ апостольской соборной церкви звучитъ и въ словахъ символа: «вѣрую въ... соборную и апостольскую церковь».

Правда, «канонъ»—не догматъ; онъ можетъ быть измѣненъ, но только Вселенскимъ соборомъ, а ни въ какомъ случаѣ не свѣтскою властью и даже не голосомъ помѣстной церкви. Съ вселенскимъ «ка-

номъ» нельзя смѣшивать каноническое творчество отдѣльныхъ помѣстныхъ церквей, каково, напримѣръ, творчество византійской церкви въ періодъ послѣ Вселенскихъ соборовъ. Только освященное голосомъ Вселенскаго собора оно можетъ получить силу обязательнаго каноническаго закона и санкцію вѣрности церковному преданію. Въ какихъ бы мрачныхъ краскахъ ни рисовалась церковная жизнь нашего патріаршаго періода, она все же не давала основаній къ разрыву съ церковнымъ преданіемъ и переустройству церковнаго управленія по протестантскимъ образцамъ.

Сторонникъ нынѣшняго строя готовъ считать за помѣстные соборы случайные съѣзды нѣсколькихъ архипастырей въ Москвѣ, Казани, Иркутскѣ, упуская изъ виду то, что на помѣстномъ соборѣ должны быть представители отъ всѣхъ епархій данной церкви; но если бы даже онъ былъ и правъ, то вѣдь это только три-четыре случайныхъ съѣзда за 200 лѣтъ!

Критикъ совершенно справедливо нападаетъ затѣмъ на механически-поверхностное пониманіе явленій церковной жизни и ихъ причинъ.

Высокопоставленный сановникъ, стоящій за нынѣшній строй, отказывается итти далѣе понятія непосредственнаго «стѣсненія высшаго церковнаго управленія и дѣятельности духовенства со стороны государственной власти». Онъ отказывается видѣть гнетъ тамъ, гдѣ нѣтъ полицейскаго стѣсненія. И это послѣ того, какъ отмѣченъ цѣлый рядъ такихъ фактовъ церковной политики, какъ изгнаніе изъ высшаго и епархіальнаго управленія принципа соборности и мѣстнаго представительства; прекратившійся созывъ помѣстныхъ соборовъ; сообщеніе сухо-бюрократическаго характера дѣятельности Синода и епархіальному управленію; лишеніе церковной общины права избранія себѣ епископовъ и пресвитеровъ, права распоряженія церковнымъ имуществомъ и всякаго почина въ приходскомъ управленіи; сухое направленіе школы; несеніе духовенствомъ полицейско-сыскныхъ обязанностей; необходимость жить побором; а такія явленія государственной жизни, какъ чрезмѣрное развитіе государственной централизаціи, убившей всякіе слѣды общины и вообще мѣстной иниціативы,—все такіе факты, печальнаго, гнетущаго вліянія которыхъ на церковную жизнь никто не рѣшится отрицать.

Въ отвѣтъ на указаніе, что консисторія, вмѣсто каноническаго «собора пресвитеровъ» или епископскаго собора, представляетъ канцелярію, гдѣ задыхаются отъ бумагъ, авторъ спокойно отвѣчаетъ: что же дѣлать, если бумагъ стало поступать 20.000 въ годъ? А откуда же это бумажное море?—спрашиваетъ критикъ. Авторъ не задумался надъ тѣмъ, что бумажное море пошло оттого, что въ «епископскомъ соборѣ»

неправильно сосредоточили, въ силу принциповъ государственной централизаціи, всѣ приходскія дѣла, вплоть до разрѣшенія починить разваливпуюся ограду церкви, вслѣдствіе чего замерла и свелась на нѣтъ дѣятельность приходской общины, образовалось бумажное море въ консисторіяхъ и бумажная стѣна въ архіерейскомъ кабинетѣ, которая мѣшаетъ архипастырю войти въ живую связь съ паствой.

Авторъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что въ паденіи прихода не виновата государственная власть: оно совершилось, повидимому, какъ-то само собой, онъ даже указываетъ нѣсколько частичныхъ мѣръ Петра I и его преемниковъ, направленныхъ къ упорядоченію приходской жизни. Но что же могли сдѣлать частичныя мѣры, порою, можетъ быть, идущія въ разрѣзъ общей политикѣ, если вся общественная атмосфера дѣйствовала гнетущимъ образомъ, если развивавшееся крѣпостное право и гоненіе на общинную жизнь и всякую мѣстную инпціативу уничтожали въ корнѣ возможность развитія приходской общественной жизни?

Аргументація сторонника нынѣшняго строя основана на подборѣ единичныхъ случаевъ и фактовъ. Объясняется это, повидимому, особенностью ея источниковъ: почти вся фактическая сторона возраженій сторонника нынѣшняго строя однородна съ диссертаціей чиновника синодальной канцеляріи Рункевича, именно—съ тѣми ея главами и мѣстами, о которыхъ имѣлось подробное обоснованное сужденіе въ совѣтѣ профессоровъ с.-петербургской духовной академіи.

«Каноническая оцѣнка Синода», докладывалъ совѣту свое мнѣніе епископъ Сергій, ректоръ академіи, «совершенно игнорируется Рункевичемъ... Есть возможность думать, что авторъ потому не говоритъ о каноническомъ смыслѣ и достоинствѣ Петровской реформы, что для него церковь—не Божественное учрежденіе съ незыблемыми, неприкосновенными основами, а лишь извѣстное вѣдомство въ государствѣ, съ которымъ, поэтому, государство можетъ совершенно не церемониться: сначала во главѣ стоялъ патріархъ и имъ правили іерархи, но это не понравилось, или стало неудобно, тогда патріарха отмѣнили и управленіе отдали свѣтскимъ чиновникамъ, болѣе «способнымъ» и болѣе «подконтрольнымъ государству».

Картины упадка церковной жизни въ періодъ патріаршества и ея возрожденія въ синодальный періодъ, которыми авторъ доказываетъ необходимость реформы Петра и нежелательность возврата къ старинѣ, однородны съ соотвѣтствующими мѣстами того же труда Рункевича; но вотъ что говорятъ о нихъ профессора академіи: «И та, и другая картины до очевидности форсированы и на полную историческую достовѣрность претендовать не могутъ. Всѣ примѣры нестроеній и прямо безобразій

въ церковной жизни тогдашняго (дореформеннаго) времени—такого рода, что любой консисторскій архивъ по судному столу въ любую эпоху можетъ доставить автору цѣлыя сотни ихъ» (епископъ Сергій). Ту же мысль выражаетъ и другой оппонентъ, профессоръ Никольскій. Указывая на то, что отрицательные факты только черезъ статистику могутъ получить значеніе матеріала для общихъ характеристикъ, онъ отмѣчаетъ, что историческая правда у Рункевича остается въ сторонѣ, уступая мѣсто тенденціознымъ соображеніямъ; что воспользовавшись матеріалами синодальнаго и консисторскаго архивовъ и вырвавъ отдѣльныя фразы изъ заграничныхъ изданій о Россіи, по методу Рункевича не трудно представить въ худшемъ состояніи даже настоящее время. Такіе же уничтожающіе отзывы дали и другіе профессора.

Въ отвѣтъ на замѣчаніе, будто реформаторскія пожеланія клонятся къ существенному ослабленію связи между церковью и государствомъ, въ результатахъ своихъ угрожающему великой опасностью и церкви, и государству, высокопоставленный сановникъ, сторонникъ преобразованій, указываетъ, что если бы тѣ порядки, къ которымъ предлагаютъ возвратиться,—порядки свято-отеческаго періода, считающагося золотымъ вѣкомъ въ исторіи христіанской церкви,—были дѣйствительно гибельными, то Византія не мирилась бы съ ними въ теченіе свыше 1.000 лѣтъ, а церковь не процвѣтала бы въ это время. Если даже допустить, что желаютъ возврата не къ свято-отеческому времени, а къ системѣ управленія русской церковью XVI и особенно XVII вѣка, и тогда не надо забывать, что въ это время сложилась и окрѣпла наша государственная жизнь, заговорила живая богословская мысль, чему не могла бы способствовать, особенно въ то тяжелое переходное время, «гибельная» система церковнаго управленія.

По вопросу о средствахъ усиленія жизнедѣятельности прихода указывалось на необходимость или обезпеченія духовенства жалованьемъ, или устройства такой организаціи земскаго обложенія, путемъ которой священникъ получалъ бы съ прихода тѣ же средства, что и теперь, безъ необходимости лично вымогать ихъ у каждаго прихожанина въ частности. Очевидно, нельзя говорить, что это будетъ новая тягота и безъ того обремененному народу. Говорятъ не о новомъ налогѣ, а только о перемѣнѣ формы сбора съ прихода тѣхъ средствъ, которыя и теперь берутся священникомъ.

Возложеніе на духовенство полицейско-сыскныхъ обязанностей, сыгравшее такую печальную роль въ исторіи прихода, окончательно разъединившее пастыря съ паствой, признается сторонникомъ нынѣшняго строя дѣломъ необходимости, за неимѣніемъ у казны средствъ

учредить для того особыхъ должностныхъ лицъ; а обязанность доносить объ открытыхъ на исповѣди вредительныхъ для государства вещахъ авторъ совѣтуетъ забыть, какъ устарѣвшее правило. Совѣтъ забыть неотмѣненный законъ, конечно, не особенно вразумителенъ; неубѣдительна и ссылка на неимѣніе у казны средствъ, чтобы завести отдѣльныхъ сыскныхъ агентовъ и регистраторовъ. Но, насколько извѣстно, по этому предмету оберъ-прокуроры не входили съ ходатайствомъ въ подлежащее вѣдомство; а затѣмъ, если бы недостатокъ средствъ и побудилъ правительство возложить полицейскія обязанности на какое-либо существующее должностное лицо, чтобы не плодить новыхъ, то во всякомъ случаѣ нужно было возложить ихъ на мѣстные полицейскіе органы, или на кого угодно другого, но только не на пастырей душъ.

---

8 мая.

«Слово» (№ 145-й):

Отношеніе духовенства къ церковной реформѣ.

Извѣстная записка 32-хъ священниковъ о церковной реформѣ вызвала самые оживленные отклики среди духовенства. Серьезные духовные журналы—органы с-петербургской («Церковный Вѣстникъ»), московской («Богословскій Вѣстникъ»), казанской («Православный Собесѣдникъ») духовныхъ академій отнеслись къ запискѣ съ горячимъ сочувствіемъ. Въ Москвѣ, Кіевѣ и другихъ большихъ городахъ образовались кружки духовенства, горячо обсуждающіе вопросъ о реформѣ; проснулась даже глухая провинція,—десятки писемъ и разныхъ заявленій въ редакціи полетѣли со всѣхъ сторонъ. Нѣсколько десятковъ писемъ было получено и редакціей «Слова»; къ сожалѣнію, за недостаткомъ мѣста, пришлось помѣстить только немногія, наиболѣе характерныя. Всѣ пожеланія бѣлаго духовенства сводятся, собственно, къ одному, — къ созыву церковнаго собора съ участіемъ бѣлаго духовенства и мірянъ. Въ большинствѣ писемъ видна сильная боязнь монашеской тиранніи. На имя кружка столичныхъ священниковъ поступило не мало сочувственныхъ писемъ и заявленій; нѣкоторыя съ просьбою опубликовать ихъ въ печати. Характерный образецъ такихъ заявленій печатаемъ ниже:

«1905 года, марта 31-го дня.

Мы, нижеподписавшіеся духовные и міряне г. Ржева,—города, гдѣ подавляющая масса населенія старообрядцы, теперь окрыленные широкими правами свободы, наиболѣе сильно чувствуемъ *неотложную нужду* въ церковно-освободительной реформѣ, отъ которой ждемъ внутренняго обновленія и подъема нашей церковной жизни.

Ревность о благѣ православной церкви побуждаетъ насъ привѣтствовать душой и сердцемъ петербургское духовенство, поднявшее давно назрѣвшій вопросъ объ освободительной реформѣ.

Выражаемъ неподдѣльную радость и молимъ Бога, чтобы эта реформа прошла вполнѣ каноническимъ путемъ, съ самымъ широкимъ проведеніемъ соборнаго принципа, т. е. при участіи духовенства чернаго, бѣлаго и мірянъ».

Слѣдуетъ 22 подписи; изъ нихъ 12 принадлежатъ духовенству и 10 мірянамъ.

«Ярославскія Епархіальныя Вѣдомости» (№ 19-й).

Статья *священника Петра Горицкаго:*

Надежды на будущій всероссійскій духовный соборъ.

Ѣхалъ я по желѣзной дорогѣ, въ вагонѣ 2-го класса. Сосѣдомъ моимъ оказался весьма прилично одѣтый господинъ лѣтъ 40, какъ оказалось, человѣкъ интеллигентный, образованный, изъѣздившій по своимъ дѣламъ вдоль и поперекъ и Россію и Европу,—побывавшій и въ Азіи... Разговорились. Поговорили, конечно, о политикѣ, о войнѣ, о злобахъ дня. Досталось, конечно, всѣмъ—и большимъ и малымъ чинамъ, и статскимъ и военнымъ. Однимъ словомъ—все какъ слѣдуетъ, по духу времени...

— Поздравляю, батюшка,—сказалъ онъ между прочимъ,—у васъ будетъ патріархъ.

— Читалъ объ этомъ,—отвѣтилъ я,—лучше будетъ?

— Несомнѣнно! тогда церковь будетъ независима и для духовенства пойдутъ благодѣтельныя реформы.

— Но, вѣдь, и Синодъ можетъ проводить реформы?

— Ну, Синодъ, по существующему порядку, совершенно стѣсненъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

— Да и патріархъ, вѣдь, смотря потому, какой будетъ: хорошо, если будетъ при благихъ желаніяхъ—съ непреклонной волей. Во всякомъ случаѣ и на патріарха свѣтская власть можетъ имѣть давленіе.

— Конечно, все можетъ быть, но будемъ надѣяться, что при патріархѣ русское духовенство вздохнетъ свободно. Представьте себѣ,— продолжалъ онъ,—побывалъ я во всей Европѣ, знакомъ со всѣми религіями и исповѣданіями, и нѣтъ же нигдѣ духовенства болѣе жалкаго, какъ русское духовенство. А вѣдь, не угодно-ли, къ нему предъявляютъ громадныя требованія. Обвиняютъ его въ малодѣятельности и чуть-ли не въ потворствѣ людскимъ порокамъ. Да Боже мой! Сдѣлайте сначала духовенство независимымъ отъ насъ, словесныхъ овецъ, дайте священнику сто цѣлковыхъ жалованья въ мѣсяцъ, а потомъ и спрашивайте съ него. А то—извольте думать, ну-те-ко, пообличайте меня какъ слѣдуетъ, такъ ужъ и не ждите отъ меня ничего. Отъ меня, отъ другого, отъ третьяго, и т. д. А чѣмъ же будете жить? Содержать семью, давать образованіе дѣтямъ, всѣмъ поголовно, даже и дѣвочкамъ?! А обученіе нынѣ достается не дешево. Какъ это не поймутъ простую поговорку: «что и за честь, когда нечего ѣсть». Говорятъ, что нѣтъ денегъ на обезпеченіе духовенства: удивительное дѣло, — рѣшительно на все находятся средства, только для одного бѣднаго русскаго духовенства ихъ нѣтъ...

Собесѣдникъ мой смолкъ, очень взволнованный.

Я тоже поникъ головой: было и грустно и стыдно...

Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ о жалованьи русскому духовенству занимаетъ меня давно. Существующее пособіе отъ казны въ размѣрѣ 300 рублей священнику—не жалованье, такъ какъ при немъ продолжаются всѣ сборы и поборы съ прихожанъ, т. е. продолжается зависимость отъ нихъ. Мало того, благодаря этому «пособію», произошло нѣчто аномальное.

Дѣло вотъ въ чемъ.

Приходы бываютъ (по числу душъ) большіе, средніе и малые. Само собой разумѣется, что размѣръ дохода причта зависитъ, въ большинствѣ случаевъ, отъ величины прихода. Въ маломъ приходѣ и дохода мало. Тутъ получали священники отъ 200 до 400 рублей въ годъ. Но зато и дѣла на такихъ приходахъ мало: служба отъ праздника до праздника, а требамъ бываешь радехонекъ, какъ прогулкѣ по приходу. Значитъ, по трудамъ и заработокъ. Съ другой стороны прихожане, сознавая, что ихъ приходъ «бѣденъ», и не всякій къ нимъ пойдетъ (иногда такіе приходы бывали безъ священника по 8—12 мѣсяцевъ), дорожили священникомъ и не предъявляли къ нему такихъ требованій, съ какими приходится считаться на большихъ приходахъ. Я на такомъ приходѣ прожилъ 9 лѣтъ: бывало—уѣдешь на родину недѣли на двѣ, и—хоть бы что,—никакихъ претензій, а теперь на три дня

надумаешься уѣхать... А между тѣмъ не обремененный ни службой, ни требами, священникъ (и другой причтъ) очень удобно пополнялъ недостатокъ своего бюджета трудами по домашнему и полевому хозяйству, хотя конечно въ ущербъ своей паствѣ, такъ какъ, при матеріальной обезпеченности, свой досугъ онъ могъ бы именно ей посвящать...

Совсѣмъ не то на большихъ приходахъ.

Относительно службы, — приходится знаться и съ календаремъ: нѣтъ ли полукруга и даже крестика... Много бываетъ заказныхъ службъ, бываютъ сорокоусты; нерѣдко 2—3 школы въ приходѣ; лѣтомъ масса хожденій по приходу; масса требъ, — нужно быть всегда на «чеку».

Прихожане тутъ требовательны. Каждый праздникъ ожидаютъ проповѣди и даже внѣбогослужебныхъ собесѣдованій. Тутъ уже въ сознаніи прихожанъ имѣется та мысль, что священникъ долженъ дорожить ихъ приходомъ, что на его мѣсто будетъ священниковъ.

Между тѣмъ, священникъ получаетъ на такомъ приходѣ всего, со всѣми выгодами, 600—700 рублей въ годъ, т. е. рублей на триста больше противъ прихода малаго. Но какъ они получены, эти лишніе 300 руб.? Горломъ, потомъ и кровію, путемъ большой политики, чтобы и себя не забыть и прихожанъ не обидѣть. За то—барыши отъ сельскаго хозяйства прощай!

Какая есть скотина,—вполнѣ сдана на совѣсть прислуги, самому некогда ею заниматься. А лѣтомъ, въ рабочую пору, всѣ крестные ходы и бываютъ. Какъ будто—хлѣбъ, молоко и масло свое, а выходитъ дороже купленаго...

Наконецъ, на большомъ (на свѣтломъ) приходѣ надо и жить иначе. Приходится имѣть знакомство съ людьми свѣтскими, интеллигентными, самъ бываешь у нихъ и ихъ надо принять какъ слѣдуетъ. И одежду надо имѣть приличную: не пойдешь въ церковь въ овчинномъ тулупѣ, какъ я, бывало, съ легкимъ сердцемъ щеголялъ первые 9-ть лѣтъ.

Въ итогѣ выходитъ, что и на большомъ приходѣ, и на маломъ, «приходъ съ расходомъ вѣренъ».

Прошли тѣ блаженныя времена, когда наши отцы и дѣды, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, наравнѣ съ крестьянами, работали въ полѣ и на ригѣ, когда обученіе дѣтей стоило очень дешево, а дѣвочки совсѣмъ не обучались, такъ что они, наши отцы и дѣды, даже ухитрялись откладывать «копѣйку» на «черный» день...

Однако, что ни говорить, а все-таки всѣмъ желалось большихъ приходовъ

И вотъ, тутъ владыки поступали такъ: на большіе приходы опре-

дѣляли іереевъ заслуженныхъ, т. е. уже искусившихся, «понесшихъ тяготу дне и варъ» (исключая случаевъ «со взятіемъ»), а на малые приходы посылались люди молодые, — пусть-де, пока еще семьи нѣтъ, да физическія силы не тронуты,—поживутъ въ бѣдности, поработаютъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, попривыкнутъ къ пастырству. И было вполнѣ вѣрно,— заслуживалъ, и переходи на лучшій приходъ. И вездѣ каждый служащій начинаетъ съ маленькаго жалованья. Что мы видимъ теперь, при «казенномъ жалованьи» въ 300 рублей? Роли перемѣнились: денежныя средства священника малаго прихода не только сравнялись, но часто— превысили средства священника большого прихода. А въ то же время, какъ послѣдній, можно сказать, въ котлѣ кипитъ, первый можетъ жить чуть ли не помѣщикомъ: на малыхъ приходахъ и земли всегда больше нормы и дѣлится она только съ псаломщикомъ, безъ діакона. Въ итогѣ,— взоры кандидатовъ священства теперь обращены уже не на большіе приходы, а на маленькіе, гдѣ «дано жалованье»... И многіе, уже живущіе на большихъ приходахъ, часто стремятся перейти на такіе маленькіе...

По моему мнѣнію и, думаю, основанному на здравомъ смыслѣ, ужъ если давать *пособіе* въ 300 руб., то давать всѣмъ причтамъ безъ исключенія (о городскихъ не говорю, — объ ихъ доходахъ и источникахъ я понятія не имѣю). Правда, на большихъ приходахъ тогда опять придетъ больше, но зато достойно и праведно, да къ нимъ тогда съ охотой опять пойдутъ священники заслуженные, опытные въ пастырствѣ, лучшія силы, что̀ тутъ и требуется.

А самое бы хорошее дѣло,—дать бы православному русскому духовенству настоящее казенное жалованье, избавить его отъ тягостной *обязанности* торговаться въ платѣ за совершеніе таинствъ и обязательныхъ требъ. Какъ, вѣдь, тяжело *заставлять* мужичка вынимать холщевый кошель въ то время, какъ закрываютъ крышкой гробъ съ покойникомъ! Да хорошо еще, если онъ безропотно вынимаетъ этотъ кошель, а если говоритъ, что у него нѣтъ ничего? Не взирая ни на что, приходится читать строгую нотацію, съ заключеніемъ, чтобы онъ въ скорѣйшемъ будущемъ заплатилъ... Это при покойникѣ то, при общихъ слезахъ и причитаніяхъ! А иначе нельзя, потому что — чуть прослышали, что священникъ равнодушенъ къ уплатѣ, — тотчасъ и многіе другіе будутъ отговариваться неимѣніемъ чѣмъ заплатить. А чѣмъ же жить тогда?

Есть довольно распространенное мнѣніе, что, съ назначеніемъ жалованья, духовные люди превратятся въ чиновниковъ и душевная связь между ними и народомъ порвется... Неправда! Душевная связь между

пастырями и пасомыми всегда будетъ, потому что православные пастыри никогда не забудутъ Евангелія и Слова Божія, проповѣдниками котораго они являются. А затѣмъ,— они все-таки будутъ продолжать жить и дѣйствовать *среди* своихъ прихожанъ, будутъ по прежнему посѣщать ихъ дома съ напутствіемъ больныхъ, съ молебнами, съ крестными ходами, со славленьемъ. Но только теперь пастыри будутъ уже бесѣдовать со своими пасомыми дѣйствительно какъ отцы со своими *дѣтьми*.

И отчего бы, дѣйствительно, правительству не обезпечить духовенства жалованьемъ? Вѣдь всегда Цари награждали своихъ вѣрныхъ слугъ и приближали къ себѣ. А духовенство—это самые вѣрные слуги Государя и молитвенники за Него, самый прочный оплотъ Его престола.

Вотъ теперь вездѣ волнуются народныя массы, происходятъ забастовки. Но что онѣ? Ничего! всѣ эти забастовки ничуть не отражаются на общемъ строѣ русской государственной жизни. А забастуй бы духовенство?—Что бы вышло?! Но этого не было, нѣтъ и никогда не будетъ, потому что духовенство—хранители мира и оплотъ Престола.

Не потому ли до сихъ поръ православному духовенству не дано жалованья, что «дитя не плакало», а если и плакало, то втихомолку, тайкомъ, такъ что его слезъ, хотя и горькихъ, мать не разумѣла?...

Нужно духовенству дать жалованье отъ казны.

Тогда бы дѣйствительно — можно было всей душой, всѣмъ сердцемъ отдаться дѣлу пастырства, не заботясь о томъ, *какъ*, *гдѣ* и *отъ кого* и *какими судьбами* пріобрѣтешь себѣ и своему семейству средства къ жизни; тогда бы легко было снять съ себя клеймо «попрошаекъ, завидущихъ, дерущихъ съ живого и мертваго». Можно бы тогда и дѣтей своихъ воспитать какъ слѣдуетъ, тогда бы и званія священника не бѣжали лучшія молодыя силы. Тогда бы и на сельскіе приходы пошли люди не только съ семинарскимъ образованіемъ, но и съ академическимъ.

— Да откуда же взять денегъ на жалованье духовенству,— вѣдь ихъ много?!

— Во первыхъ, духовенства гораздо меньше, чѣмъ чиновниковъ и другихъ служащихъ въ разныхъ вѣдомствахъ, для которыхъ источники для жалованья найдены. А во вторыхъ, думаю, ларчикъ не просто ли открывается?...

Да главнымъ образомъ оттуда же, откуда духовенство и теперь получаетъ, т. е. съ народа!

Существуютъ же раскладки для сборовъ на военное вѣдомство, на народное образованіе, на народное здравіе и т. п. Пусть еще прибавится пунктъ «на содержаніе русскаго православнаго духовенства». Пусть народъ почти то же, что теперь *платитъ* непосредственно намъ *за*

работу, пусть платитъ (взноситъ) въ казну. Недостающее — казна можетъ доплатить изъ тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ теперь находитъ возможнымъ платить по 300 рублей...

Пусть будутъ *народы Россіи* обложены посильной податью на содержаніе православнаго русскаго духовенства. Крестьяне-земледѣльцы—меньше; крестьяне-торговцы — больше; мѣщане, купцы, ремесленники, фабриканты, чиновники (отъ низшихъ до высшихъ), дворяне—всѣ подданные русскаго царя пусть платятъ эту повинность, но не поровну, а каждый сообразно со своимъ званіемъ и состояніемъ... Пусть всѣ несутъ тяготы другъ друга.

Думается мнѣ, что никто не возмутится этимъ «духовнымъ» налогомъ, будутъ платить охотно, потому что всѣ поймутъ его цѣлесообразность.

Конечно, въ семьѣ не безъ урода, но, вѣдь, и вообще, не нѣтъ «недоимка» во всякомъ сборѣ.

Вотъ теперь, говорятъ, будетъ созванъ всероссійскій духовный соборъ. Первымъ вопросомъ намѣчено быть на немъ вопросу о возстановленіи патріаршества. Пусть же еще вопросомъ будетъ наболѣвшій и назрѣвшій вопросъ—обезпеченіе русскаго духовенства жалованьемъ. Дай Богъ, чтобы православное духовенство было облагорожено, поставлено на надлежащій пьедесталъ и были ему развязаны руки въ его пастырской дѣятельности...

---

10 мая.

«С.-Петербургскія Вѣдомости» (№ 113-й).

Статья *Н. Г. Дебольскаго:*

Задачи освобожденной церкви.

Провозглашенная нынѣ съ высоты Престола свобода вѣроисповѣданій въ Россіи и хотя отсроченное, но все же твердо ожидаемое русскимъ обществомъ, преобразованіе управленія православной церкви, въ смыслѣ освобожденія ея отъ незаконнаго гнета свѣтской власти, открыли и откроютъ русскому религіозному сознанію возможность свободнаго развитія. Но въ какую сторону направится это развитіе,—зависитъ отъ внутреннихъ его задатковъ. Сами по себѣ начала вѣротерпи-

мости и церковнаго самоуправленія суть лишь внѣшнія формы, плодотворность которыхъ опредѣляется скрывающимся подъ ними внутреннимъ содержаніемъ. Для русскаго человѣка, не только такого, который искренно вѣруетъ въ истину православія, но и такого, который, даже не имѣя этой вѣры, ясно понимаетъ историческое значеніе православія, какъ главной скрѣпы русской народности, въ высшей степени важнымъ представляется вопросъ о томъ, какому процессу развитія будетъ служить въ Россіи вѣроисповѣдная и церковная свобода — процессу-ли укрѣпленія, или процессу разложенія положительныхъ религіозныхъ вѣрованій. Примѣръ Западной Европы, повидимому, располагаетъ ко второму предположенію, такъ какъ господствующее тамъ теченіе образованія несомнѣнно ведетъ къ разложенію христіанскихъ вѣрованій. Образованное общество въ меньшинствѣ своемъ прямо отрѣшилось тамъ отъ христіанства, въ большинствѣ же хранитъ его по привычкѣ, относясь къ его догматамъ, какъ къ уважаемымъ и освященнымъ употребленіемъ символамъ. Послѣднее отношеніе захватываетъ нынѣ даже широкіе круги протестантскихъ богослововъ, для которыхъ точный смыслъ христіанской догматики давно уже потерялъ свою обязательность. Римско-католическая церковь, правда, продолжаетъ строго хранить дисциплину буквальнаго смысла догматовъ, но этимъ достигаетъ лишь того, что интеллигенція католическихъ странъ открыто отрѣшается отъ всякой церковности и въ передовой католической странѣ — Франціи—даже офиціально расторгаетъ союзъ государства и церкви.

Опасность, которая можетъ грозить Россіи отъ вѣроисповѣдной и церковной свободы, именно и заключается, по нашему мнѣнію, не въ возможности, — по крайней мѣрѣ, въ близкомъ будущемъ, — массоваго отпаденія народа въ другія христіанскія исповѣданія (для этого наша народная масса еще слишкомъ предана православію), но въ томъ, что русское образованіе пойдетъ усиленнымъ шагомъ къ разложенію въ умахъ общества всякаго религіознаго сознанія: къ фактическому, если не офиціальному, господству безвѣрія. Послѣдствіемъ этого процесса можетъ оказаться или то, что мы видимъ въ католическихъ странахъ — отдѣленіе церкви съ ея неподвижною догматическою оцѣпенѣлостью отъ интеллигенціи съ ея полнымъ безвѣріемъ, или то, что оказывается въ странахъ протестантскихъ — превращеніе въ средѣ самихъ богослововъ положительнаго ученія христіанства въ собраніе отвлеченныхъ символовъ и аллегорій философски-нравоучительнаго смысла Въ обоихъ случаяхъ православіе потеряетъ свое значеніе орудія національной русской культуры, и духъ многочисленнаго, до сихъ поръ дѣтски-простодушнаго, народа окажется беззащитно преданнымъ губительному религіозно-нравственному броженію.

Возвратъ человѣческой души къ утраченной ею вѣрѣ въ весьма рѣдкихъ случаяхъ мыслимъ. Но человѣкъ, размышляющій и добросовѣстный, обязанъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, что онъ утратилъ, и, по меньшей мѣрѣ, воздерживаться отъ распространенія своихъ отрицательныхъ взглядовъ среди людей, совершенно не могущихъ отнестись къ нимъ съ сознательною критикою. Если и есть люди, для которыхъ отвлеченное философствованіе безъ вреда ихъ нравственности можетъ замѣнить положительныя вѣрованія церкви, то такіе люди, во всякомъ случаѣ, составляютъ неизмѣримо малую часть даже въ образованномъ обществѣ,—тѣмъ болѣе въ Россіи, гдѣ основательное философское образованіе почти отсутствуетъ. Рѣдкое вѣяніе религіознаго отрицанія несетъ съ собою смертельную заразу для простой, неприготовленной души. Поэтому даже не вѣрующій, но сознающій свои нравственныя обязанности русскій интеллигентъ долженъ понимать важность для народной массы воспитательнаго вліянія церкви. Ея ученія въ простыхъ и категорическихъ требованіяхъ предъявляютъ народу тѣ нравственныя правила, которыя философія должна доказывать и доказывать нерѣдко аргументами, допускающими возраженія. Предлагаемыя отъ имени Бога заповѣди: «не убей, не укради, люби ближняго, какъ самого себя», превращенныя въ философскія положенія, должны быть логическими выводами изъ философскаго начала, всегда гипотетическаго, и для массы неудобопонятнаго. Какую же страшную отвѣтственность беретъ на себя тотъ, который замѣняетъ авторитетъ Божественнаго закона въ обоснованіи нравственности шаткою силою человѣческаго разсужденія? И что ожидаетъ ту народную массу, въ сознаніи которой этотъ авторитетъ разложится ранѣе, чѣмъ она пріобрѣтетъ даже элементарную способность размышленія? Но если, такимъ образомъ, наиболѣе осмотрительные даже изъ числа невѣрующихъ должны охотно итти на встрѣчу правильному вліянію церкви на народную массу, то, съ другой стороны, и представители церкви, облеченные офиціальною обязанностью учить, должны въ теперешнихъ въ высшей степени серьезныхъ условіяхъ русской жизни отдать себѣ ясный отчетъ, въ чемъ состоитъ это правильное вліяніе.

Опытъ народовъ, уже вкусившихъ отъ плодовъ религіозной свободы, указываетъ намъ три главныхъ условія, препятствующихъ правильному вліянію церкви: 1) господство въ ней того, что мы ранѣе назвали догматическою оцѣпенѣлостью; 2) господство другой крайности—слишкомъ свободнаго обращенія съ догматомъ, и 3) неправильное ограниченіе сферы церковнаго воздѣйствія на общество. Эти три условія мы и разсмотримъ по порядку.

1. Церковный догматъ, будучи словеснымъ изложеніемъ истины, превышающей силу человѣческаго разумѣнія, въ своемъ буквальномъ пониманіи всегда даетъ эту истину въ грубомъ, такъ сказать, матеріализованномъ видѣ. Ясное дѣло, что, когда второе лицо св. Троицы именуется «Сыномъ Божіимъ», то отношеніе «сыновства» нельзя тутъ понимать буквально. Сверхъ того, выражаемая догматомъ истина, хотя она въ своей полнотѣ и превышаетъ силу нашей мысли, допускаетъ, однако, извѣстную философскую обработку, возвышающую и одухотворяющую наше отношеніе къ ней. Выраженія «сотвореніе», «воплощеніе», «богодухновенность» суть слова, смыслъ которыхъ не можетъ быть одинаковъ для неграмотнаго крестьянина и для человѣка съ высшимъ образованіемъ. Поэтому богословъ, желающій стоять въ уровень съ современнымъ состояніемъ образованія, долженъ усвоить себѣ такую степень философскаго развитія, которая позволяла бы ему, сохраняя внутреннюю нерушимость истины, выражаемой догматомъ, давать послѣднему то толкованіе, которое соотвѣтствуетъ степени пониманія интересующагося догматомъ лица. Но, кромѣ углубленія философскаго образованія, русскіе православные богословы нуждаются въ освѣженіи своей мысли результатами современной исторической критики, такъ какъ при ея свѣтѣ прежнее простое и огульное рѣшеніе вопроса о составѣ и времени происхожденія различныхъ частей Библіи, очевидно, уже невозможно и только даетъ поводъ къ распространенію безвѣрія. Великая задача освобожденной церкви должна будетъ состоять въ томъ, чтобы, сохранивъ существенное въ православіи, примирить его ученія съ требованіями философіи и исторіи, сдѣлавъ наши высшія духовныя училища центрами дѣйствительно научнаго богословскаго образованія. Примѣръ римскаго католичества доказываетъ, что упорное нежеланіе считаться съ законными запросами современной мысли отшатываетъ послѣднюю и отъ того въ ученіи вѣры, съ чѣмъ она, быть можетъ, охотно вступила бы въ соглашеніе. Подъ первыми пятью параграфами 1-го отдѣла постановленій ватиканскаго собора сессіи 24 апрѣля 1870 г. не встрѣтили бы препятствія подписаться очень многіе свободные мыслители. Эти параграфы постановляютъ отлученіе отъ церкви тѣхъ: 1) кто отрицаетъ, что есть единый истинный Богъ, Творецъ и Господь всего видимаго и невидимаго; 2) кто утверждаетъ, что не существуетъ ничего, кромѣ матеріи; 3) кто говоритъ, что одна и та же субстанція или сущность свойственна Богу и всѣмъ вещамъ; 4) кто утверждаетъ, что вещи произошли отъ божественной субстанціи путемъ эманаціи (истеченія), или что божественная сущность чрезъ свое собственное проявленіе или эманацію становится вещами, или, наконецъ, что Богъ составляетъ совокупность

вещей, и 5) кто учитъ, что вещи не созданы Богомъ изъ ничего или созданы Имъ не свободно, а по необходимости. Современное образованіе въ лучшихъ своихъ представителяхъ можетъ отнестись съ полнымъ уваженіемъ къ этому возвышенному ученію теизма; но небольшая прибавка портитъ дѣло. Она гласитъ, что подлежитъ отлученію тотъ, кто отрицаетъ, что міръ созданъ для прославленія Бога. Верховное и свободное Существо понижается этою прибавкою до уровня тщеславнаго самодовольца, желающаго, чтобы его хвалили и прославляли, и изъ міровоззрѣнія, достойнаго Канта, мы внезапно погружаемся въ міровоззрѣніе грубаго варвара.

Еще, конечно, опаснѣе для церкви, если она (какъ то дѣлаетъ римскій католицизмъ) требуетъ безусловнаго признанія, какъ догмата, того, что вовсе не есть догматъ, но лишь мнѣніе хотя бы и уважаемыхъ въ ней лицъ. Знаменитый Syllabus errorum 1864 г., осуждающій съ высоты церковнаго престола рядъ современныхъ, якобы, заблужденій, служитъ лучшимъ тому примѣромъ. Въ немъ мы находимъ осужденіе такихъ мнѣній: «XIII. Методы и принципы, коими пользовались въ богословіи старинные схоластическіе учителя, не соотвѣтствуютъ потребностямъ нашихъ временъ и прогрессу наукъ. — XXIV. Церковь не имѣетъ ни права принудительной силы, ни какой-либо прямой или косвенной временной власти.—LXXVII. Въ наше время уже не полезно, чтобы католическая религія, съ исключеніемъ всѣхъ прочихъ культовъ, считалась единственною государственною религіею.—LXXVIII. Поэтому похвально, что въ нѣкоторыхъ католическихъ странахъ установлено закономъ, что иммигрантамъ дозволяется свободное отправленіе ихъ культа, каковъ бы онъ ни былъ и т. п. Извѣстно, что Syllabus вызвалъ разногласіе въ средѣ самого католичества, выдѣливъ изъ послѣдняго партію ультрамонтанства, и, такимъ образомъ, не только не послужилъ къ усиленію вліянія церкви на общества, но даже въ ея собственныхъ нѣдрахъ нарушилъ согласіе и миръ.

Эти примѣры поучительны и для православной церкви, указывая ея іерархіи на необходимость считаться въ защитѣ догматики съ уровнемъ современнаго образованія, а тѣмъ болѣе, не настаивать на догматической обязательности такихъ правилъ, которыя, по существу своему, имѣютъ характеръ временный и случайный.

2. Отличіе ученій церкви отъ философскихъ ученій состоитъ въ томъ, что первыя провозглашаются богооткровенными, слѣдовательно, основанными на высшемъ и непреложномъ авторитетѣ, а не на свободномъ умозрѣніи. Если опасно, по примѣру римскаго католичества, освящать такимъ авторитетомъ мірскія и человѣческія измышленія, то не

входитъ въ интересы церкви, по примѣру значительной части протестантскихъ богослововъ, и превращать ученія церкви въ родъ умозрительной философіи, оставляя за церковными догматами значеніе лишь поучительныхъ символовъ. Такое превращеніе можетъ, конечно, привлекать къ церкви часть отрѣшившейся отъ нея интеллигенціи, но оно лишаетъ церковь ея живого вліянія на народную массу или, что еще хуже, ради сохраненія этого вліянія побуждаетъ образованныхъ богослововъ къ принятію на себя передъ народомъ маски лицемѣрія. Между тѣмъ, казалось бы, возможенъ средній путь, состоящій въ такомъ отношеніи къ откровенію, при которомъ его понятіе не заключало бы въ себѣ ничего неправдоподобнаго съ точки зрѣнія научнаго сознанія. Въ томъ, что Божественная Сила не только создала міръ, но сохраняетъ съ нимъ попечительное общеніе, нѣтъ ничего несогласнаго съ требованіями самой точной и строгой науки. Правда, многіе дѣятели этой науки, признавая міръ съ его законами постояннымъ откровеніемъ Бога, возстаютъ собственно противъ откровенія, совершающагося путемъ чуда, т. е. путемъ нарушенія Богомъ Имъ же данныхъ міру законовъ, такъ какъ этимъ дѣятелямъ науки представляется недостойнымъ премудрости Божіей, чтобы она исправляла ею же созданный міропорядокъ. Но христіанскій богословъ, если онъ дѣйствительно знакомъ съ наукою, безъ труда найдетъ отвѣтъ на это возраженіе. Законъ природы есть ни что иное, какъ постоянный порядокъ ея явленій. Весьма немного такихъ постоянныхъ порядковъ, за безусловное постоянство которыхъ наука могла бы дѣйствительно поручиться, и слѣдовательно, если данный порядокъ нарушается такъ называемымъ чудомъ, то вполнѣ возможно, что это нарушеніе есть послѣдствіе нѣкотораго высшаго постоянства, высшаго закона, предусмотрѣннаго въ планѣ творенія такъ же, какъ предусмотрѣно наступленіе прилива и отлива. Если въ мірѣ физическомъ Богъ допускаетъ катастрофы, самымъ рѣзкимъ образомъ нарушающія повседневное теченіе событій,— то почему такія же катастрофы, по волѣ Божіей, не могутъ вполнѣ планомѣрно и закономѣрно происходить въ мірѣ нравственномъ для назиданія и исправленія людей? Такимъ образомъ, предвзятыя, апріорныя возраженія противъ возможности чудесъ не могутъ считаться имѣющими силу, и вопросъ о томъ, было ли дѣйствительно чудо, есть вопросъ чисто фактическій, который долженъ быть рѣшенъ обычными пріемами исторической критики. Въ этой критикѣ и должна будетъ въ особенности обнаружиться сила свободной русской богословской науки, которая одинаково обязана не служить орудіемъ ни грубому суевѣрію, ни плоскому раціонализму, отрицающему всякій мистическій, сверхприродный элементъ въ жизни че-

ловѣка и человѣчества. Для правильнаго исполненія такой задачи русскимъ богословамъ весьма полезно расширить свое образованіе, какъ теоретическое, такъ и практическое, въ направленіи той отрасли знанія, которой можно дать столь осмѣянное и униженное названіе магіи, науки о дѣйствующихъ въ мірѣ сверхприродныхъ силахъ. Проявленіе этихъ силъ въ такъ называемыхъ чудесахъ не есть принадлежность одного христіанства. Оно сопровождаетъ всю религіозную исторію человѣчества съ замѣчательнымъ постоянствомъ и единообразіемъ своихъ фактовъ, критическій разборъ многихъ изъ которыхъ оставляетъ во всякомъ безпристрастномъ умѣ весьма мало сомнѣній въ ихъ достовѣрности. Такое отношеніе къ чудесамъ переноситъ ихъ изученіе со спеціально христіанской на антропологическую почву, къ явной пользѣ для научнаго обоснованія сверхъестественной стороны въ самомъ христіанствѣ, такъ какъ обнаруживаетъ, что эта сторона есть принадлежность всего человѣчества, и что, слѣдовательно, источникъ христіанства не есть какой-либо спеціально для него созданный Богомъ. Нынѣ вѣрующему христіанину внушается, что истинныя, Божественнаго происхожденія, чудеса имѣли мѣсто лишь въ исторіи христіанства и въ подготовительныхъ къ нему событіяхъ Ветхаго Завѣта, чудеса же въ прочихъ религіяхъ суть или вымыслы, или порожденія хотя сверхъестественныхъ, но темныхъ, злыхъ силъ.

Историческая достовѣрность многихъ христіанскихъ чудесъ не превышаетъ такой же достовѣрности многихъ чудесъ внѣхристіанскихъ, а нерѣдко даже уступаетъ ей; что же касается нравственной оцѣнки чудотворящихъ силъ, то она чрезвычайно произвольна, опредѣляясь религіознымъ настроеніемъ самого оцѣняющаго. Гораздо проще и научнѣе предположеніе, что чудо *вообще возможно*, независимо отъ того или иного положительнаго вѣроисповѣданія. Правда, намъ могутъ возразить на это, что при такомъ предположеніи не усматривается преимуществъ христіанскаго Откровенія передъ откровеніями, на которыя могутъ опираться другія религіи. Но здѣсь, казалось бы, и должно помочь то углубленное и возвышенное пониманіе откровенія, о которомъ было упомянуто выше. Если стать на такую точку зрѣнія, что человѣкъ, по самой природѣ своей, способенъ, при извѣстныхъ условіяхъ, входить въ общеніе съ сверхъестественнымъ, какъ онъ по природѣ способенъ мыслить, чувствовать и любить, то откровеніе окажется общечеловѣческимъ органомъ, цѣнность котораго постигается по его плодамъ. Какъ мысль или чувство могутъ дать результаты болѣе или менѣе цѣнные, такъ и общеніе съ сверхъестественнымъ, служа первоисточникомъ религіозной вѣры, можетъ, смотря по уровню развитія воспринимающаго

его лица, а быть можетъ и по достоинству открывающихъ себя человѣку сверхъестественныхъ силъ, давать тѣ или иные результаты. Преимущество христіанства окажется, съ этой точки зрѣнія, не въ томъ, что оно есть религія откровенная, а въ томъ, что въ основѣ его лежитъ Откровеніе высшаго качества, имѣющее своимъ плодомъ всю христіанскую нравственную культуру, которая, а отнюдь не отвлеченно взятый фактъ откровенія, и служитъ оправданіемъ христіанства. Съ точки зрѣнія христіанства, казалось бы, отнюдь не нечестиво смотрѣть на всѣ прочія религіи не какъ на сплошныя заблужденія, но какъ на истины недостаточныя, приспособленныя къ нуждамъ болѣе низкаго духовнаго развитія и долженствующія, какъ мы въ это вѣруемъ, въ конечномъ исходѣ быть поглощенными въ истинѣ христіанства. Эта идея постепеннаго религіознаго воспитанія человѣчества путемъ приспособленнаго къ его пониманію откровенія есть идея, способная дать жизнь религіозному сознанію освобожденной церкви, которое иначе вліяніемъ современнаго раціонализма можетъ быть легко отклонено отъ настроенія собственно религіознаго въ настроеніе отвлеченно-философское.

3. Третьимъ условіемъ правильнаго вліянія церкви на общество служитъ ограниченіе ея нравоучительнаго воздѣйствія исключительно сферою личной добродѣтели, съ рѣшительнымъ устраненіемъ себя отъ попытки разрѣшенія вопросовъ политическихъ и соціальныхъ. «Царство Мое не отъ міра сего», сказалъ Христосъ не въ томъ смыслѣ, чтобы Онъ былъ равнодушенъ къ міру, но въ томъ смыслѣ, что Онъ равнодушенъ къ мірскому царству, къ интересамъ земной власти. Поэтому и апостолъ Павелъ требуетъ отъ христіанина лишь покорности предержащей власти и довольства своимъ общественнымъ положеніемъ, не рѣшая вопроса о лучшемъ устройствѣ государства и общества. Уклоненіе отъ этихъ основныхъ началъ приводитъ, съ одной стороны, къ теократіи, съ другой стороны, къ разнообразнымъ еретическимъ ученіямъ, пытающимся перестроить государственный и общественный бытъ на основаніяхъ христіанскихъ: свободы, равенства и любви. Отъ обоихъ этихъ уклоненій освобожденная церковь должна рѣшительно и принципіально воздерживаться, если она хочетъ сохранить на общество правильное вліяніе.

Къ тому и другому уклоненію легко приводитъ рядъ, повидимому, убѣдительныхъ, но въ дѣйствительности софистическихъ, разсужденій. «Церковь хранитъ важнѣйшіе интересы людей; поэтому ей въ человѣческомъ обществѣ должна принадлежать и высшая мѣра власти»,—такъ разсуждаетъ приверженецъ теократіи; «христіанство есть религія свободы, равенства и братства, поэтому христіанинъ долженъ и въ госу-

дарствѣ и обществѣ дѣятельно способствовать ихъ внѣшнему торжеству»,—такъ разсуждаетъ, якобы, христіански-настроенный демократъ. Но оба эти разсужденія, какъ сказано, софистическія. Обращаясь, прежде всего, къ защитникамъ теократическаго начала, мы находимъ нужнымъ замѣтить, что относительная важность дѣла, которому служитъ данная группа людей, отнюдь не создаетъ основанія къ относительному преимуществу власти. Изъ того, что дѣло ученаго важнѣе дѣла сапожника, слѣдуетъ ли, что ученый долженъ имѣть болѣе власти, чѣмъ сапожникъ, а тѣмъ паче, что сапожникъ долженъ быть подвластенъ ученому? Болѣе важное дѣло требуетъ лишь болѣе бережнаго къ нему отношенія, т. е. государственная власть должна помнить, что нарушеніе свободы научнаго изслѣдованія гораздо пагубнѣе, чѣмъ нарушеніе свободы въ производствѣ обуви. Точно также и чрезвычайная важность дѣла церкви обусловливаетъ лишь надлежащую мѣру для ея свободы, но вовсе не государственную власть церковной іерархіи. Основной законъ (или конституція государства) долженъ гарантировать церкви эту надлежащую мѣру свободы, какъ онъ долженъ гарантировать ученому сословію право свободнаго научнаго изслѣдованія. За симъ, вмѣшательство церковной власти въ дѣйствія правителей государства допустимо лишь постольку, поскольку послѣдніе, какъ сыны церкви, подлежатъ ея суду и наказанію. Такъ, св. Амвросій наложилъ эпитимію на императора Ѳеодосія за избіеніе солунянъ; такъ, преподобный Ѳеодосій Печерскій осуждалъ великаго князя Святослава за лишеніе имъ власти его старшаго брата Изяслава, а св. Филиппъ уличалъ Іоанна Грознаго за жестокость. Эти свѣтила церкви были авторитетными судьями грѣховъ правителей, а не пользы или вреда ихъ государственныхъ предпріятій. О послѣднихъ церковный іерархъ, какъ всякій гражданинъ, можетъ, конечно, имѣть свое мнѣніе; но никакой особой авторитетности этому мнѣнію, какъ таковому, не принадлежитъ сравнительно съ мнѣніемъ мірянина.

Въ видахъ обезпеченія нравственнаго контроля церкви надъ дѣйствіями представителей государственной власти, какъ сыновъ церкви, полезно сохраненіе государственной или господствующей церкви, къ которой долженъ принадлежать глава государства, и эмблемами и обрядами которой должны быть освящаемы дѣйствія государственныхъ учрежденій. Господствующей церкви должны принадлежать преимущества почета и покровительства со стороны государственной власти: она поддерживается государствомъ, между тѣмъ какъ другія религіозныя общины только допускаются или терпятся имъ. Такое положеніе господствующей церкви должна, конечно, сохранить въ Россіи церковь православ-

ная. Но было бы желательно, чтобы вся мѣра внѣшней вѣдомственной власти перешла отъ церкви къ государственному правительству. Церкви принадлежитъ право учить свою паству истинамъ вѣры и христіанской нравственности, но нѣтъ никакого основанія сохранять въ ея вѣдомствѣ цѣлую отдѣльную категорію народныхъ школъ. Вѣрующій православный христіанинъ закрѣпляетъ свой бракъ церковнымъ таинствомъ; но бракъ, какъ гражданское отношеніе, какъ правомѣрный договоръ брачущихся сторонъ, можетъ и долженъ быть изъятъ изъ вѣдѣнія церкви. О томъ, насколько самая организація церковнаго управленія нуждается въ освобожденіи и переустройствѣ, мы распространяться не будемъ, такъ какъ объ этомъ было уже писано довольно.

Въ наиболѣе интеллигентныхъ и молодыхъ частяхъ русскаго православнаго духовенства можно ожидать не столько усиленія теократическихъ тенденцій, сколько тенденцій переустройства государственнаго и соціальнаго быта на началахъ христіанскихъ—свободы, равенства и братства; и весьма возможно, что съ водвореніемъ большей свободы въ церковной жизни эти тенденціи проявятся съ значительною силою. Но христіанскій демократизмъ и соціализмъ, какъ сказано выше, такъ же основанъ на софистикѣ, какъ и ученіе теократіи. Христіанство есть дѣйствительно религія свободы, равенства и любви, но не въ смыслѣ внѣшняго устройства государственной и общественной жизни. Христіанинъ освобожденъ отъ природнаго грѣха и связаннаго съ нимъ проклятія чрезъ искупительную жертву Христа. Но никакой государственной свободы христіанство ему не обѣщаетъ, а устами великаго своего Учителя требуетъ отъ него покорности всякой предержащей власти, ибо нѣтъ власти, которая не отъ Бога. Гдѣ же тутъ завѣтъ политической свободы? Равнымъ образомъ, христіанство установляетъ равенство, но только въ смыслѣ равноцѣнности передъ Богомъ и ближними всякой искупленной Христомъ души, а вовсе не въ смыслѣ равенства правъ или имущества. Но особеннымъ поприщемъ софистики стало въ послѣдніе годы начало христіанской любви, толкуемое такъ, будто это начало осуждаетъ судъ и наказаніе преступника, а также войну. Изъ того, что Христосъ воспрещаетъ намъ осуждать нашихъ ближнихъ, дѣлается заключеніе о грѣховности функцій государственнаго правосудія по отношенію къ преступникамъ, хотя грѣхъ перваго вида осужденія состоитъ, конечно, въ самомъ настроеніи души осуждающаго человѣка, настроеніи, котораго у судьи по отношенію къ преступнику вовсе не должно быть. О незаконности же принятія внѣшнихъ мѣръ для огражденія общественной безопасности отъ преступниковъ Христосъ нигдѣ не говоритъ. Что же касается заповѣди: «не убей», то въ своемъ первона-

чальномъ ветхозавѣтномъ смыслѣ она, несомнѣнно, выражаетъ требованіе отношенія частнаго лица къ другому частному же лицу, но никакъ не требованіе, предъявляемое къ органу государства, какимъ является состоящій на службѣ послѣдняго воинъ. Это видно изъ того, что заповѣдь «не убей» дана тому же народу, который, по повелѣнію Божію, шелъ на завоеваніе обѣтованной земли, т. е. на войну. Христосъ нисколько не расширяетъ внѣшнихъ границъ этой заповѣди, т. е. нигдѣ не высказывается противъ войны. Онъ только углубляетъ смыслъ заповѣди, указывая на то, что грѣхъ убійства состоитъ собственно въ грѣхѣ напраснаго гнѣва на брата своего. Но это углубленіе заповѣди «не убей» направляется скорѣе въ пользу, чѣмъ противъ войны, такъ какъ воинъ убиваетъ врага не по гнѣву, а въ исполненіе государственной обязанности.

Все сказанное клонится не къ тому, чтобы отрицать за духовнымъ лицомъ принадлежащее всякому гражданину право имѣть тѣ или другіе взгляды на государственное и общественное устройство и на международныя отношенія. Но духовное лицо должно помнить, что это суть его личные взгляды, а вовсе не взгляды церкви. Тотъ,—кто отъ лица церкви осмѣливается проповѣдывать тѣ или иныя начала государственнаго и экономическаго устройства, порицать судъ, наказаніе или войну,—грѣшитъ противъ началъ церковнаго ученія, которое ничего не говоритъ о политикѣ, а единственно о добродѣтели для свободнаго и раба, богатаго и бѣднаго, для всякаго человѣка во всякомъ государственномъ и общественномъ положеніи. И поэтому мы полагаемъ, что для человѣка, имѣющаго склонность къ дѣятельности государственной или къ общественной агитаціи, священный санъ едва-ли пригоденъ, такъ какъ народу весьма трудно разобраться, что онъ слышитъ отъ такого человѣка—его личный голосъ или голосъ церкви.

Намъ скажутъ: почему же, однако, церкви, — даже безъ прямого каноническаго на то основанія,—по собственному почину, не высказываться въ пользу государственныхъ и общественныхъ мѣръ, направленныхъ къ прогрессу и народному благу? Отвѣчаемъ: оцѣнка всѣхъ этихъ мѣръ зависитъ отъ того или другого взгляда. Люди, одинаково нравственные, могутъ стоять—одни за Самодержавіе, другіе за конституцію, одни за продолженіе войны съ Японіею, другіе за заключеніе мира и т. п. Что же? Должны ли и въ нѣдра церкви проникнуть всѣ эти разногласія, порознивъ и, слѣдовательно, ослабивъ ея обращенный къ народу учительный голосъ? Или же она должна соборнымъ опредѣленіемъ принять одно изъ противоположныхъ рѣшеній, рискуя черезъ пять или десять лѣтъ сознаться въ своей ошибкѣ? Тотъ и другой образъ дѣйствія не до-

стоинъ церкви, которая должна учить только вѣчному, постоянному, неизмѣнно сохраняющему свою силу. Властвуетъ ли народомъ самодержецъ или соборъ народныхъ представителей, голосъ церкви гласитъ одинаково: «всяка душа властямъ предержащимъ да повинуется». Рабу и свободному, богачу и нищему она одинаково внушаетъ любить другъ друга и цѣнить въ каждомъ изъ нихъ равное достоинство безсмертной, Христомъ искупленной, души. Пусть проходятъ надъ земною жизнью бури и грозы революціи, демократіи, соціализма съ ихъ временными приманками, непрерывнымъ ожесточеніемъ борьбы, возникновеніемъ и крушеніемъ государственныхъ и общественныхъ идеаловъ, — надъ всею этою ревущею смутою по прежнему долженъ раздаваться мощный звонъ церковнаго благовѣста, смиряющаго души людей и призывающаго ихъ обращать взоры туда, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія.

Многочисленность и напряженность земныхъ страданій, естественно побуждающая людей жадно стремиться къ улучшенію ихъ внѣшняго быта, нерѣдко заставляетъ ихъ забывать двѣ простыя истины. Первая состоитъ въ томъ, что опорою прочности самаго совершеннаго государственнаго и общественнаго быта служитъ нравственная добропорядочность людей, ихъ честность, правдивость, трудолюбіе, взаимное уваженіе, готовность помогать своему ближнему, вѣрность своей семьѣ и попечительность о ней. Вторая истина заключается въ томъ, что самый совершенный внѣшій порядокъ жизни не избавитъ людей отъ множества случайныхъ и непредвидѣнныхъ страданій, врачуемыхъ только силою христіанской вѣры и любви. На стражѣ этихъ вѣчныхъ устоевъ всякаго быта стоитъ и должна стоять церковь, а не на стражѣ временныхъ и случайныхъ интересовъ, волнующихъ жизнь.

---

11 мая.

«**Новое Обозрѣніе**» (№ 102-й).

Статья *N—скаго:*

Интересы дня.

Вопросъ о церковной реформѣ отложенъ до наступленія болѣе нормальныхъ условій въ русской жизни и лишь печатаемыя въ газетахъ письма духовенства, продолжая привлекать къ себѣ общественное вни-

маніе, заставляютъ полагать, что затишье достигнуто лишь съ внѣшней стороны и что въ нѣдрахъ сознанія вопросъ о реформѣ остался въ той же фазѣ настойчивости, съ какой былъ выдвинутъ жизнью.

Возстановленіе патріаршества и соборное начало въ церковномъ управленіи—вотъ два пожеланія духовнаго сословія, которыя породили въ прессѣ крайне любопытное явленіе: за реформу высказалось большинство органовъ прогрессивной печати, противъ—вся реакціонная пресса.

Поэтому установить отправныя точки зрѣнія какъ прогрессивныхъ, такъ и реакціонныхъ органовъ прессы представляется особенно интереснымъ. Въ этомъ отношеніи цѣнныя строки мы находимъ въ «Кіевской Газетѣ», которыя я и привожу какъ продуманную характеристику отношенія къ церковной реформѣ прогрессистовъ.

«Прогрессивная печать, привѣтствуя реформу, имѣющую цѣлью освобожденіе церкви отъ бюрократическаго гнета, поступала вполнѣ послѣдовательно: она привѣтствовала освобожденіе an und für sich, не вдумываясь въ дальнѣйшія послѣдствія реформы. Она оцѣнивала предстоящую реформу съ точки зрѣнія извѣстныхъ принциповъ, не связывая ее ни съ прошлымъ, ни съ будущимъ. Нѣсколько позже другіе отнеслись къ церковной реформѣ недовѣрчиво и опасливо. Возрожденіе церковной жизни неизбѣжно должно повести къ развитію и усиленію клерикализма, а клерикализмъ, какъ учитъ опытъ Запада, имѣетъ тенденцію стать политической силой и выступать въ рѣзкомъ противорѣчіи со всякими прогрессивными стремленіями».

Это привѣтствіе an und für sich безъ отношенія къ возможнымъ послѣдствіямъ въ будущемъ и есть, по мнѣнію многихъ, ошибка прогрессивной печати. До сихъ поръ Россія не знала клерикализма, съ которымъ вступила въ отчаянную борьбу Франція и котораго такъ боялся Петръ I, когда говорилъ о «папежскомъ духѣ», а какія гарантіи имѣются у насъ, что церковная реформа не создастъ различныхъ духовныхъ ассоціацій съ претензіей на вмѣшательство въ государственныя дѣла?

Гарантій этихъ, къ сожалѣнію, нѣтъ и въ этомъ и заключается оправданіе задержки въ возстановленіи у насъ патріаршества; не связывать эту реформу ни съ прошлымъ, ни съ будущимъ нельзя; создавать силу, которая можетъ оказаться при извѣстныхъ условіяхъ «въ рѣзкомъ противорѣчіи со всякими прогрессивными стремленіями», имѣетъ тѣмъ меньше основаній, что свободная проповѣдь евангельскихъ началъ и освобожденіе этой проповѣди «отъ бюрократическаго гнета» зависитъ вообще отъ отсутствія этого гнета, но вовсе не отъ такого внѣшняго условія, какъ наличіе патріаршаго сана.

Если бюрократическій порядокъ созданія народнаго благополучія былъ осужденъ такимъ важнымъ актомъ, какъ Высочайшій рескриптъ 18 февраля, то всѣ блага, какихъ ждетъ общество отъ новаго порядка вещей, естественно должны распространяться на всѣхъ безъ различія, включая, слѣдовательно, и проповѣдниковъ евангельскихъ истинъ; создавать же при такихъ условіяхъ силу, стоящую внѣ общественнаго контроля,—не значитъ ли создать ту самодовлѣющую единицу въ государствѣ, которая, какъ свидѣтельствуетъ историческій опытъ, можетъ уклониться отъ своихъ ближайшихъ задачъ и оказаться въ противорѣчіи съ прогрессивными стремленіями общества?

Просматривая текущую литературу по данному вопросу, невольно поражаешься тѣмъ противорѣчіемъ способовъ, которые предлагаются во имя одной и той же цѣли — видѣть церковь на высотѣ ея призванія. Такъ, Д. С. Мережковскій въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ «Сѣверо-Западнаго Слова» говоритъ: «ей (церкви) придется активно войти въ политическую жизнь, нужно будетъ столкнуться съ интеллигенціей и съумѣть отвѣтить на ея религіозные запросы».

«Кіевская же Газета» полагаетъ, что «только при безусловной свободѣ отъ политическихъ задачъ церковь возвратитъ себѣ то значеніе, объ утратѣ котораго такъ скорбятъ теперь сами священнослужители».

Два діаметрально противоположныхъ основанія, но думается — послѣднее ближе къ цѣли и не страдаетъ такимъ общимъ мѣстомъ, какъ необходимость умѣнія отвѣчать на общественные запросы.

Такимъ образомъ, ошибка, происшедшая, по вѣрному опредѣленію «Кіевской Газеты», отъ безотносительной оцѣнки предполагавшейся было реформы «съ точки зрѣнія извѣстныхъ принциповъ» общеосвободительнаго характера, имѣла все-таки то несомнѣнное значеніе, что ею же были вызваны и голоса, указавшіе на необходимость общественнаго контроля и въ сферѣ церковнаго управленія.

Реакціонная же печать осталась, какъ всегда, вѣрной домостроевскимъ традиціямъ и тоже впала въ ошибку, ратуя противъ реформы, но, конечно, на старыхъ основаніяхъ, ничего общаго съ общественнымъ контролемъ и свободой не имѣющихъ. Не будемъ входить въ подробный анализъ ея положеній — достаточно сказать, что на сцену попрежнему появились и «бунтари», и «крамольники, и «революціонеры».

Да, вопросъ о церковной реформѣ назрѣлъ, но по другимъ основаніямъ... Чтобы пояснить эти основанія, приведу нѣсколько выдержекъ изъ писемъ въ столичныя и другія газеты священниковъ:

Въ письмѣ сельскаго священника къ русскому духовенству въ «Южныхъ Запискахъ» читаемъ:

«Пора намъ смѣло взглянуть въ глаза грядущему, пора сбросить апатію и рутину, къ которымъ пріучили насъ бюрократическіе циркуляры!»

В. Быстренинъ пишетъ въ «Разсвѣтѣ»:

«Ужаснѣе всего то, что нѣкоторые іереи примкнули къ этому движенію, проповѣдуютъ и съ каѳедры, и въ школахъ, и въ частныхъ бесѣдахъ съ крестьянами крестовый походъ противъ интеллигенціи».

Въ открытомъ письмѣ священника А. Лебединскаго къ канонистамъ русской церкви, между прочимъ, находимъ:

«Нашъ духовный судъ ничуть не лучше крестьянскаго суда, наканунѣ упраздненія коего мы живемъ,—та же зависимость суда отъ администраціи, та же безапелляціонность и тѣ же закрытыя двери»...

«Дѣло можетъ быть поправлено только совершеннымъ упраздненіемъ духовнаго суда съ передачей духовенства подъ судъ свѣтскій»...

Священникъ А. Смирягинъ говоритъ въ «Словѣ» о консисторскихъ порядкахъ, гдѣ считается еще, что въ Россіи существуетъ крѣпостное право:

«Если сомнѣваетесь—возьмите «Книгу для записи брачныхъ обысковъ» и на первой же страницѣ, оказывается, можно прочитать слѣдующее: «Желающіе вступить въ бракъ должны представлять разрѣшеніе—люди удѣльные отъ удѣльнаго приказа, помѣщичьи крестьяне, дворовые люди, равно крѣпостные, принадлежащіе къ семействамъ, отыскивающимъ свободы, но не получившимъ еще оной, отъ владѣльцевъ своихъ позволеніе» и т. д.

Приведенныхъ выдержекъ, пожалуй, достаточно, чтобы заключить, что единственная нужда нашего духовенства—это... просвѣщеніе!

---

12 мая.

«Церковный Вѣстникъ» (№ 19-й).

Статья *архимандрита Михаила:*

„Первосвятитель“ или „первоприсутствующій“?

Волею Государя созывъ церковнаго собора отложенъ. Полагаемъ, что это не только не освобождаетъ отъ обязанности обсуждать вопросы будущей реформы, но, наоборотъ, заставляетъ торопиться, чтобы къ ве-

ликому часу была сдѣлана вся черновая работа, собраны всѣ «матеріалы» для соборнаго обсужденія. Какъ такіе матеріалы, мы и намѣрены дать рядъ замѣтокъ о возможномъ устройствѣ церковнаго управленія.

Нуженъ ли намъ первосвятитель, или только «новый» синодъ съ первоприсутствующимъ?

У канониста едва ли бы и возникъ когда-нибудь такой вопросъ,— но онъ поставленъ въ печати («Сынъ Отечества»), и, слѣдовательно, его должно рѣшить.

Первосвятитель или первоприсутствующій? Если первое — то патріархъ или первый митрополитъ?

Да, первосвятитель... Идея приматства недаромъ стала канонической догмой. Первосвятительство нужно, необходимо требуется интересами церковной жизни, и г. Л. Тихомировъ едва ли не правъ, видя здѣсь, т. е. въ приматствѣ, одно изъ условій будущаго возрожденія церкви, гарантію оживленія и оздоровленія церковной жизни.

Прежде всего «приматство» необходимо должно быть возстановлено уже по внѣшне-формальнымъ причинамъ. Церковная реформа можетъ быть прочной и пользоваться довѣріемъ только при одномъ условіи,— если она будетъ держаться не на произволѣ и желаніи преобразователей, а на основѣ «канона». А этотъ канонъ говоритъ опредѣленно за первосвятительство... «Епископамъ всякаго народа подобаетъ знати перваго въ нихъ и признавати его яко главу, и ничего превышающаго ихъ власть не творити безъ его разсужденія: творити же каждому только то, что касается до его епархіи и до мѣстъ, къ ней принадлежащихъ» (Апост. 34). Если возвращеніе къ каноническимъ началамъ, то—«первосвятитель».

Правда, въ послѣдніе дни послышался авторитетный голосъ, что нѣтъ нужды слишкомъ цѣпляться за каноны. Чрезмѣрное пристрастіе къ археологіи въ проектахъ реформы грозитъ, говорятъ, опасностью возрожденія устарѣвшихъ и отжившихъ формъ. Канонъ никогда не былъ неподвижнымъ, мертвымъ. «Одно время одни каноны, въ другое другіе» (проф. Никольскій).

Конечно, въ этихъ голосахъ есть много вѣрнаго. Само собою разумѣется,— не церковь для канона, а канонъ для церкви. Канонъ, насколько онъ касается дисциплины и внѣшняго порядка церковнаго управленія, — норма церковной жизни подвижная, а не абсолютная и вѣчная. Церковное сознаніе нерѣдко отказывалось отъ однѣхъ формъ церковнаго строя и дисциплины и замѣняло ихъ другими.

Все это такъ,—но иногда держаться археологіи, даже именно потому, что это археологія, бываетъ необходимо. Для того, чтобы пере-

создавать нормы церковной жизни, реформировать формы управленія, церковь — полагаемъ мы — должна уже предварительно быть организованной по духу «соборности» на истинно-церковномъ принципѣ. Церковь съ ослабленной силой творчества, задавленная вѣками бюрократическаго гнета, не можетъ сразу найти въ себѣ силу для живой перестройки всего «внѣшняго плана» церковнаго зданія извнутри себя, изъ пребывающаго въ церкви откровенія,—только на фундаментѣ, а не «по планамъ» вѣчно живого канона. Поэтому она должна прежде всего возстановить внѣшнимъ образомъ связь съ преданіемъ древней церкви, принять, какъ первый «очеркъ» будущаго плана «церковнаго строенія», то, что дано готовымъ въ старо-каноническихъ системахъ церковнаго устройства, въ соборномъ канонѣ. Чрезъ это церковь становится въ благое единство съ вселенской церковью и пріобрѣтаетъ свободу независимой истинно-церковной организаціи, устойчивость организаціи, построенной «на твердомъ камени вѣчнаго преданія», — а это единство, каноническая свобода и устойчивость уже послѣ дадутъ церкви и силу каноническаго творчества, «право и волю» извѣстнаго относительнаго измѣненія и церковно-каноническихъ нормъ. Но исходить безопаснѣе— изъ археологіи, это во-первыхъ. А во-вторыхъ, едва ли можно далеко отойти отъ «археологіи» и стараго канона даже и въ освобожденной, сильной церкви. Не нужно забывать, что канонъ вовсе не есть безразличныя, случайныя формы благочинія, или церковнаго порядка, въ родѣ того или другого покроя церковной одежды или храмовой архитектуры. Канонъ канону рознь. Есть нормы (и это даже большинство каноническихъ нормъ), которыя вовсе не связаны съ «мѣстомъ и временемъ», а представляютъ простой выводъ, внѣшнее выраженіе «догмы», евангельскаго закона. Возьмите канонъ о поставленіи епископа соборомъ епископовъ,—это вовсе не норма этикета, а догматическая необходимость, требованіе, тѣснѣйшимъ образомъ связанное съ самой идеей церкви. Въ виду этого, простая осторожность требуетъ съ большою осмотрительностью порывать съ «археологіей». Съ ней можно столкнуть и Евангеліе. Нечего и говорить, что наше «старообрядческое недовѣріе» къ измѣненію церковныхъ формъ въ основѣ своей держится на болѣе глубокомъ пониманіи церковной идеи, чѣмъ теоріи «подвижности и эволюціи канона», и потому не считаться съ этимъ недовѣріемъ было бы грѣхомъ.

И потому, повторимъ: «первосвятительство нужно, потому что оно требуется канономъ, а будущая система должна быть близкой къ канону, чтобы не вызвать опаснаго недовѣрія».

Въ то же время первосвятительство нужно и по существу дѣла.

Первый епископъ въ канонической системѣ — самостоятельный и

необходимый дѣятель (факторъ) церковнаго строенія, съ своей особою задачею и областью дѣйствованія.

Его мѣсто въ системѣ велико и серьезно. Нужно особенно помнить, что въ церкви, кромѣ епископовъ и церковной, правящей организаціи, есть народъ и власть. Для этой половины необходимо нуженъ всероссійскій епископъ. Народъ никогда не можетъ свои чаянія воплотить въ Синодѣ, т. е. «многоликомъ соборѣ». Онъ желаетъ видѣть церковь воплощенной въ ея верховномъ епископѣ, какъ главномъ духовномъ руководителѣ всего народа, съ правомъ къ народу говорить отъ своего лица, какъ духовной главы его. Здѣсь правъ Тихомировъ, заявляя, что отсутствіе первенствующаго епископа сознается русскимъ народомъ, какъ недостатокъ «нужнаго свѣточа» или церковнаго авторитета. А еще, говорю я, рядомъ съ народомъ стоитъ Государь. Уже давно сознана необходимость тѣснѣйшаго, непосредственнаго общенія церковной власти съ Государемъ. Церковь — это половина Россіи, больше, — это Россія «коренная», внутренняя душа народа... Основной тезисъ русскаго пониманія отношеній Государя къ народу — возможно большая близость общенія между народомъ и Государемъ,— тезисъ, недавно вновь подтвержденный Высочайшей властью. Но очевидно, что больше всего возможна и нужна близость въ той области, гдѣ народъ уже себя созналъ и опредѣлилъ — въ области церковной. Здѣсь отсутствіе этого желаннаго общенія, недостатокъ непосредственнаго отношенія Государя къ церкви особенно способны вызвать скорбное недоумѣніе, смуту въ привычномъ міровоззрѣніи народа.

Какимъ путемъ должны вѣдаться тѣ многочисленныя дѣла, гдѣ церковь входитъ въ организмъ государственный своими чисто человѣческими сторонами,—объ этомъ пока говорить неумѣстно.

Но дѣла церкви, какъ организаціи спасенія, просвѣщенія, дѣла вѣры, проповѣди, миссіи, нравственнаго руководства? Можетъ быть, это будетъ нѣкоторымъ преувеличеніемъ (хотя я не думаю этого), но мнѣ кажется, церковная жизнь народа, его вѣрованія есть интимнѣйшія «святая святыхъ», которыя и вѣдомы только церкви, какъ ея духовнику. И ясно, поэтому, что передаваться Государю эта жизнь можетъ только тѣми, кому ввѣрена тайна ея; передача черезъ какое бы то ни было посредство убиваетъ смыслъ духовныхъ отношеній между народомъ, церковью, и главой народа, Государемъ. И потому нуженъ первосвятитель.

Какъ? Зачѣмъ? Отсюда слѣдуетъ, что докладъ Государю долженъ дѣлаться не свѣтскимъ лицомъ, а епископомъ, — но вѣдь для этого первоприсутствующій такъ же достаточенъ. какъ «первосвятитель». —

Совсѣмъ нѣтъ. Первоприсутствующій — только представитель «Синода», только дѣловой докладчикъ, а народу нужно посредника и предстателя, имъ избраннаго и «нареченнаго», или, по крайней мѣрѣ, принятаго въ «предстоятели».

Нечего и говорить, что у первосвятителя возможенъ и кругъ дѣлъ, особая сфера дѣятельности, въ которой его не можетъ замѣнить Синодъ. Однако объ этомъ послѣ.

Но имя патріарха,—нужно ли оно? Странно и мелочно,— скажете вы. Зачѣмъ споръ изъ-за словъ? Развѣ «имя» такъ важно, чтобы ставить его вопросомъ?

Да, важно. Да, патріархъ! Здѣсь дѣло идетъ не о словѣ, не о «гремящемъ титулѣ». Нѣтъ,— дѣло идетъ о границѣ, «вѣхахъ» новой церковной жизни. Мы не хотимъ говорить, какъ иногда говорятъ, будто со временъ Петра церковь въ параличѣ. Нѣтъ. Въ это время въ церкви жили св. Тихонъ и Серафимъ, въ это время писали А. С. Хомяковъ, Самаринъ и т. д. Но въ то же время ясно, что съ освобожденіемъ церкви для нея настанетъ «новое лѣто» свободной, интенсивной и благодарной работы, время сѣянія, и нужно поставить вѣху на границѣ этого «новаго». Народъ, въ глазахъ котораго измѣненіе «основъ» учрежденія необходимо должно выразиться и перемѣной одеждъ, старообрядчество, для котораго возрожденіе стараго дорогого имени есть призывъ къ соединенію,—ради всѣхъ этихъ немощныхъ и малыхъ очень нужно имя. Перемѣны въ строѣ Синода они не замѣтятъ, не схватятъ, по крайней мѣрѣ сразу. Имъ нужно яркое и видимое, чтобы они поняли перемѣну и ради нея перемѣнили свое отношеніе къ церкви.

Теперь — вопросъ, какое мѣсто занимаетъ Синодъ при патріархѣ или патріархъ при Синодѣ?

«Новое Время» (№ 10.484-й):

Лукавая фразеологія.

Въ каждой вещи должна быть своя мѣра. Но это требованіе мѣры въ дѣлахъ и мнѣніяхъ никакъ нельзя сводить къ «бездѣлью» и «безмнѣнью». Между тѣмъ г. Дебольскій въ своемъ энергичномъ призывѣ духовенства устраниться отъ «временныхъ житейскихъ дѣлъ», чтобы сосредоточиться на вѣчныхъ подъ «звонъ церковнаго благовѣста, смиряющаго души людей и призывающаго ихъ обращать взоры туда, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія», повторяетъ въ сущности знаменитый и неудачный даже подъ перомъ генія призывъ къ пресловутому «недѣ-

ланію», во время котораго, и по мысли Толстого, душа сосредоточивается на «вѣчномъ». И какое лицемѣріе: будто бы духовенство XIX, XVIII, да и всѣхъ рѣшительно вѣковъ, до сихъ «мятежныхъ дней», помышляло только о «вѣчномъ, постоянномъ, неизмѣнно сохраняющемъ свою силу», какъ въ этомъ завѣряетъ насъ г. Дебольскій! А монастырскія имущества и исторія ихъ при Екатеринѣ II? А борьба противъ земской и министерской школы въ пользу исключительнаго господства церковно-приходской? А хлопоты каждаго священника о приходѣ, о хозяйствѣ, о прибыткѣ? А полтинники и рубли, иногда весьма сурово взыскиваемые за требы?!. И, вѣдь, все это г. Дебольскій отлично знаетъ, ибо эта обстановка духовнаго сословія извѣстна не то что образованному писателю, а каждому мужику и всякому воспитаннику духовнаго училища! Надъ чѣмъ же, надъ какою дѣйствительностью поетъ г. Дебольскій свою соловьиную пѣсню о «вѣчномъ, постоянномъ и неизмѣнномъ», призывая сверхъ этого духовенство раньше смерти—умереть? Дѣло въ томъ, что только надъ покойниками въ гробу поетъ церковь, что они теперь перешли въ міръ, «гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія», а намъ нравоучитель изъ «С.-Петерб. Вѣдомостей» говоритъ, что въ этотъ же міръ должны смотрѣть священники, діаконы и псаломщики якобы «по призыву церковнаго благовѣста», который на самомъ дѣлѣ зоветъ къ обѣднѣ, а не къ смерти; зоветъ живыхъ людей къ живой церковной службѣ, а вовсе не къ покою «яко въ гробу». Да, храмовое торжество именуется «службою», и это церковь не мараетъ ни дѣломъ, ни словомъ; и духовенство наше ни мысленно, ни житейски не унизится, если жизнь каждаго духовнаго лица станетъ тоже вотъ такою «службою», мучительною, но и нравственною, тяжелою, но и радостною—около народа, отечества. Этакъ, послушать г. Дебольскаго, такъ духовенству и телеграммъ объ эскадрѣ Рожественскаго читать нельзя будетъ, «чтобы не повредить душѣ»... А вѣдь наступили и еще наступятъ событія въ отечествѣ, которыя также приковали или прикуютъ къ себѣ вниманіе, какъ и броненосцы нашего адмирала? И что за безтактность, что за политическая безталанность нашихъ писателей: въ то время какъ «составляютъ опредѣленныя мнѣнія», постановляютъ «резолюціи», раздѣляются въ группы профессора, земцы, техники, врачи, адвокаты и кажется даже гимназисты, только одно и притомъ исторически самое солидное русское сословіе, самое крѣпкое и вѣрное русскимъ государственнымъ завѣтамъ, должно «воздержаться отъ всякаго мнѣнія», «устраниться отъ дѣлъ» ничего не думать, кромѣ: 1) сколько взять за свадьбу, 2) во-время заблаговѣстить и упереть взоръ въ небо?! Да чьи же «мнѣнія» будетъ слушать государство? А оно, очевидно, собирается

«слушать», хочетъ «слушать». Очевидно, если г. Дебольскій (а онъ не одинъ такой) выведетъ за уши изъ «подачи мнѣній» всѣхъ достаточно солидныхъ людей, подъ предлогомъ, что имъ неприлично мараться въ «преходящихъ и низменныхъ вещахъ и интересахъ», то правительство и услышитъ «мнѣнія» однихъ гимназистовъ и адвокатовъ, которыя ему останется только похерить.

Духовенство, именно какъ солиднѣйшее наше сословіе, въ роковую годину отечества должно начать, именно энергично начать, работать умомъ, сердцемъ, душою, подвигомъ, ежедневною работою надъ самыми что-ни-на есть простыми и грубыми дѣлами, вопросами; и не уходить отъ вопросовъ жизни въ уклончивыя, двоящіяся, а то и двуличныя фразы, а на все отвѣтить голосомъ прямымъ и яснымъ, громкимъ и мужественнымъ. Вотъ дѣло христіанина и священника, ни мало не расходящееся съ дѣломъ гражданина и вѣрноподданнаго.

---

13 и 14 мая.

«**Бирж. Вѣдомости**» въ № 8.820-мъ (13 мая), «**Новости**» въ № 120-мъ (14 мая) напечатали выдержки изъ статьи архимандрита Михаила — «Первосвятитель» или «Первоприсутствующій»? (Въ «Сборникѣ» ст. эта помѣщена выше, подъ 12 мая).

---

15 мая.

«**Холмско-Варшавскій Вѣстникъ**» (№ 20-й).

Статья *А.*:

Царскій путь къ укрѣпленію церкви.

Съ чувствомъ величайшей благодарности и радости прочтутъ всѣ истинные сыны церкви православной исполненное высшей мудрости слово Государя, собственноручно начертанное 31 минувшаго марта на всеподданнѣйшемъ докладѣ Святѣйшаго Синода о созваніи собора епар-

хіальныхъ епископовъ для учрежденія патріаршества и обсужденія перемѣнъ въ церковномъ управленіи. Вотъ это мудрое слово и рѣшеніе: «*Признаю невозможнымъ совершить въ переживаемое нынѣ тревожное время столь великое дѣло, требующее и спокойствія и обдуманности, каково созваніе помѣстнаго собора. Предоставляю Себѣ, когда наступитъ благопріятное для сего время по древнимъ примѣрамъ православныхъ императоровъ, дать сему великому дѣлу движеніе и созвать соборъ всероссійской церкви, для каноническаго обсужденія предметовъ вѣры и церковнаго управленія*».

Отнынѣ всѣ истинные сыны православія и вѣрные слуги Царя и родины—святой Руси—будутъ знать, что вѣра и церковь православная составляетъ одно изъ величайшихъ, первѣйшихъ заботъ Благочестивѣйшаго Императора, какъ это было во времена Вселенскихъ соборовъ, созывавшихся всегда по волѣ и усмотрѣнію императоровъ—Константина, Ѳеодосія I, Ѳеодосія II, Маркіана, Юстиніана, Константина Погоната, Ирины.

Дивно звучитъ это Царское: «Предоставляю Себѣ, когда наступитъ благопріятное для сего время, по древнимъ примѣрамъ православныхъ императоровъ, дать сему великому дѣлу движеніе»... Прозвучало это дивное слово,—и исчезли боязнь и смущеніе, закрадывавшіяся въ души многихъ отъ опасенія, что великое дѣло,—начатое какимъ-то не внушавшимъ общаго довѣрія путемъ, запискою анонимныхъ 32 священниковъ, не уполномоченныхъ ни отъ братій своихъ прочихъ 70.000 іереевъ россійскихъ, ни отъ мірянъ, которые, какъ «тѣло», всегда признавались главными хранителями чистоты вѣры,—приметъ не то направленіе, какое желательно строго канонично, и обезпечивало бы истинную соборность—самостоятельность и участіе въ жизни и дѣятельности церкви всѣхъ членовъ всего великаго тѣла ея.

Теперь мы знаемъ, что когда наступитъ «благопріятное время», то Царь созоветъ помѣстный соборъ *всероссійской церкви*, а не только соборъ епархіальныхъ епископовъ, каковой, конечно, не могъ бы имѣть всего необходимаго авторитета. Этотъ соборъ всероссійской церкви, безъ сомнѣнія, рѣшитъ и вопросъ о томъ, быть ли опять патріаршеству на святой Руси, или оставаться существующему управленію. Всесторонне будутъ обслѣдованы, обсуждены всѣ стороны — каноничность, цѣлесообразность, удобство того или другого способа управленія церковью, а въ промежутокъ времени въ спокойствіи и съ обдуманностью совершится подготовка къ великому дѣлу—созванія собора и каноническаго исправленія нашего церковнаго строя.

Въ духовной и свѣтской печати уже выражается опасеніе и боязнь за дальнѣйшую судьбу такъ быстро поднятаго и приблизившагося было

къ рѣшенію вопроса. Напрасное опасеніе и неосновательное! Напротивъ. Вы посмотрите, кто болѣе всего интересовался ожидавшимся преобразованіемъ въ церкви русской? Тѣ, кто давно уже все порвалъ съ церковью и вѣрою; кто болѣе всего разжигалъ агитацію среди учащейся молодежи противъ обязательнаго посѣщенія церкви, противъ всякой принудительности въ дѣлѣ религіознаго воспитанія, а въ сущности кто клонилъ все дѣло къ совершенному изгнанію закона Божія и религіознаго обученія и воспитанія изъ школы. Всѣ эти прямо еврейскія, жидовствующія и либеральствующія въ духѣ атеизма и ниспроверженія существующаго строя газеты и газетки, сегодня возникающія, завтра закрывающіяся и опять возрождающіяся подъ новою кличкою, имъ же теперь нѣсть числа. Одно это горячее сочувствіе со стороны извѣстныхъ невѣровъ къ реформѣ церковной заставляло чуждаться и сторониться или по крайней мѣрѣ недоумѣвать многихъ истинныхъ ревнителей блага и мира церковнаго. А тутъ и среди самого духовенства выдвинулись такіе защитники предпринятаго переворота, которые еще болѣе увеличили смущеніе, какъ извѣстные всѣмъ своими крайне сомнительными качествами и поведеніемъ, что всѣ они уже воочію доказали обращеніемъ за подкрѣпленіемъ своихъ мыслей и дѣятельности къ органамъ печати, занимающимся спеціально подрываніемъ корней нашего государственнаго и церковнаго дуба.

«Церковь прикована къ рукѣ центуріона!» «Освободите ее!» восклицаютъ защитники переворота въ 24 часа. Но, согласитесь же, что кто свободенъ въ духѣ такъ, какъ Павелъ, или какъ первенствующіе христіане, гонимые и мучимые, тотъ, если бы и былъ прикованъ дѣйствительно къ рукѣ центуріона, и тогда ничего не потерпѣлъ бы для своей свободы. Иное дѣло,—кто самъ добровольно, по извѣстнымъ ему соображеніямъ, прикуетъ себя. Таковой, если бы и не было центуріона, самъ изобрѣтетъ его и все-таки прикуетъ себя къ его рукѣ.

Отнюдь не защищая statum quo нашего церковнаго управленія, мы не вѣримъ и не хотимъ вѣрить, чтобы гдѣ-либо и когда-либо существующій строй церковнаго управленія могъ полагать препятствіе истинно пастырской, вытекающей изъ духа Христова, дѣятельности и проявленію этого духа жизни во всѣхъ тѣхъ (безъ исключенія) видахъ, которые восторгаютъ и умиляютъ сердца наши въ древнихъ христіанскихъ вселенскихъ и россійскихъ пастыряхъ и учителяхъ церковныхъ.

Поэтому истинный и глубочайшій смыслъ Царскаго слова мудрости въ томъ, чтобы само духовенство и все тѣло церкви *возродилось и обновилось духовно*, и тогда преобразованіе явится естественнымъ внѣшнимъ выраженіемъ этого преобразованія духа и мысли.

«Южный Край» (№ 845-й).

Статья *Н. Ш—ва:*

Нѣсколько словъ по поводу статьи „Что лучше?“.

Авторъ статьи: «Что лучше?», помѣщенной въ № 8.421 «Южнаго Края», по вопросу о томъ, какое лучше для россійской церкви управленіе—патріаршее или синодальное, ad hoc рѣшаетъ вопросъ о нуждахъ учрежденія патріаршества, приписывая это явленіе чисто случайнымъ обстоятельствамъ и честолюбивымъ «стремленіямъ» царя Бориса Годунова. Онъ говоритъ: «... патріаршество (же) появилось у насъ только въ 1589 году, и явилось оно не по мысли русскаго духовенства или же слабаго умомъ и волей, хотя и благочестиваго, царя Ѳеодора Іоанновича, *а по мысли* (курсивъ нашъ) могущественнаго и хитраго временщика Бориса Годунова, желавшаго учрежденіемъ патріаршества, съ одной стороны, способствовать возвышенію Москвы, а съ другой стороны, имѣть въ патріархѣ опору въ своихъ стремленіяхъ къ достиженію царскаго престола».

Мы на основаніи историческихъ данныхъ и, по возможности, кратко покажемъ, что мысль объ автокефальности россійской церкви явилась вскорѣ послѣ принятія христіанства; что учрежденіе патріаршества вызвано историческимъ ходомъ жизни русскаго государства и церкви; что оно задерживалось случайными и искусственными обстоятельствами; что моментъ учрежденія патріаршества и отдѣленія отъ константинопольскаго патріарха былъ самый удобный, и что оно учреждено далеко не «по мысли» Бориса Годунова.

Начнемъ съ кіевскаго періода. Въ 1051 г. по желанію князя въ Кіевѣ созванъ былъ первый соборъ изъ русскихъ епископовъ для рѣшенія вопроса о постановленіи митрополита соборомъ русскихъ епископовъ, помимо сношеній съ константинопольскимъ патріархомъ, такъ какъ «зависимость каѳедры митрополичьей отъ патріарха константинопольскаго нѣкоторымъ образомъ унижала престолъ россійскій въ глазахъ константинопольскаго двора;—и Ярославъ хотѣлъ возвысить свой тронъ предъ императоромъ греческимъ, содѣлавъ митрополита своего независимымъ отъ константинопольскаго патріарха». (О соборахъ, бывшихъ въ Россіи. С.-Пет., 1829 г., стр. 10). Дѣйствительно, соборъ поставилъ въ митрополиты епископа Иларіона.

Второй кіевскій соборъ 1147 г. созванъ былъ съ тою же цѣлью. На этотъ разъ соборъ даже старался подыскать для оправданія своихъ дѣйствій юридическія основанія или случаи изъ церковной практики.

Послѣ долгихъ преній соборъ рѣшилъ самостоятельно поставить въ митрополиты епископа Климента Смолятича «главою святого Климента», папы римскаго, которая хранилась въ Кіевѣ, какъ практиковалось издревле въ Греціи «посвящать патріарха константинопольскаго рукою Іоанна Крестителя» (ibid.).

И только благодаря наступившимъ тяжелымъ государственнымъ обстоятельствамъ—удѣльнымъ смутамъ, татарскому игу,—на время мысль объ автокефальности россійской церкви какъ бы забывается. Но въ московскій періодъ, когда политическое значеніе государства снова начало возвышаться, а славная Византія приходила въ упадокъ и, наконецъ, совсѣмъ была завоевана турками, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пало значеніе патріарха константинопольскаго, то, естественно, для отдѣленія россійской церкви наступилъ самый благопріятный моментъ. Въ это же время начинаютъ посѣщать Россію для сбора пожертвованій восточные патріархи, напр., патріархъ Іоакимъ, Іеремія.

Такъ, въ 1378 г. созванъ былъ въ Москвѣ соборъ для поставленія московскаго митрополита; соборомъ 1447 г. поставленъ былъ первый митрополитъ—архіепископъ рязанскій Іона (ib.).

Насколько послѣ паденія Византіи среди русскихъ распространена была и укрѣпилась мысль о церковномъ значеніи Россіи, ясно показываетъ сложившаяся легенда о трехъ Римахъ, причемъ третьимъ называлась Москва, «а четвертому не бывать» (см. Исторію церкви митр. Макарія), первый же и второй пали.

И вотъ теперь наступило осуществленіе завѣтной мечты русскаго правительства и церкви отдѣлиться отъ константинопольскаго патріархата. Правда, власть московскаго митрополита была не меньше «патріарховъ къ подчиненнымъ имъ церквамъ; власть эта всегда ограничивалась властію соборною. Но патріаршество возвысило самого русскаго первосвятителя и русскую церковь предъ лицомъ всего христіанства. Онъ взошелъ на такую ступень, выше которой нѣтъ въ православной церкви». (Исторія церкви митр. Макарія, т. X, ст. 52—53).

Затѣмъ, «митрополиту подчинены были только архіепископы и епископы», а патріарху подчинялись и митрополиты (ib.).

Въ заключеніе скажемъ по послѣднему вопросу, кому принадлежала иниціатива учрежденія въ Россіи патріаршества—Борису Годунову или царю Ѳеодору Іоанновичу — словами компетентнѣйшаго русскаго агіографа митрополита Макарія. «Кому же принадлежала мысль объ учрежденіи патріаршества въ Россіи?—спрашиваетъ историкъ. Первый высказалъ ее точно и опредѣленно самъ государь Ѳеодоръ Іоанновичъ. Но это не значитъ, что ему первому она принадлежала, что онъ самъ ее

придумалъ, или что ее придумала царица, съ которой онъ совѣщался. Нѣтъ, мысль эта еще прежде существовала въ Россіи и была распространена между книжными и образованными людьми, которые ясно видѣли высокое значеніе своего отечества и своей церкви среди всего православнаго христіанскаго міра, ясно сознавали высокое положеніе своего митрополита въ сравненіи со всѣми патріархами, находившимися въ тяжкомъ порабощеніи и нищетѣ, хотя не такъ опредѣленно высказывали эту мысль еще въ первые годы XVI вѣка *). Не доставало только случая, чтобы выразить ее прямо и рѣшительно и приступить къ ея осуществленію: случай такой представился съ пріѣздомъ въ Москву одного изъ патріарховъ... Мысль о патріаршествѣ русскимъ не была новая...

Царь высказалъ (патріарху Іоакиму) только то, что еще прежде знали и въ чемъ вполнѣ сочувствовали ему всѣ, окружавшіе его... Слѣдовательно, заключаетъ митрополитъ Макарій, совершенно произвольно извѣстное мнѣніе, будто собственно Борисъ Годуновъ задумалъ учредить въ Россіи патріаршество, чтобы возвести въ этотъ санъ своего любимца, митрополита Іова, и тѣмъ еще болѣе привлечь его къ себѣ для своихъ честолюбивыхъ цѣлей». (Ист. цер. т. X, ст. 12—13).

Одно несомнѣнно, что въ учрежденіи патріаршества Борисъ Годуновъ принималъ самое дѣятельное участіе.

Изъ послѣдующихъ отношеній патріарха Іова къ царю Борису не видно, чтобы онъ способствовалъ послѣднему въ достиженіи его честолюбивыхъ «стремленій».

19—20 мая.

«**Забайкалье**» (№ 101—543-й и 102—544-й).

Въ статьѣ «О церковныхъ реформахъ» *Сельскій священникъ* пишетъ:

Проектируемый способъ избранія духовенства приходомъ, если не будетъ разрѣшенъ свободный выходъ изъ духовнаго званія, на практикѣ долженъ вызвать тѣ же неурядицы, какія были во время существованія этого обычая въ древности. Если сейчасъ духовенство порабощено

*) Посланіе старца Елеазара монаху Филоѳею.

своимъ приходомъ самой чувствительной стороной своего бытія — матеріальной зависимостію, чего можно будетъ ожидать добраго, если къ этому злу присоединится еще другое, когда самое избраніе и служеніе священника будетъ зависѣть отъ его прихожанъ? Допустить въ практику этотъ порядокъ, прежде чѣмъ самъ народъ добьется политической свободы и научится ею пользоваться, значитъ окончательно парализовать дѣятельность духовенства, поставивши его между Сциллой и Харибдой, административнымъ произволомъ и полной зависимостію отъ прихода, кромѣ того безъ права свободнаго выхода изъ духовнаго званія, т. е. выхода безъ лишенія правъ. Какъ стоитъ дѣло сейчасъ, можетъ образоваться уже особый цехъ «крестныхъ поповъ», какъ необходимое добавленіе къ бродячему безпризорному и безпомощному заштатному духовенству. Словомъ, предполагаемая реформа церковнаго управленія безъ общей реформы политической, по нашему мнѣнію, не только не достигнетъ цѣли — поднятія уровня церковно-общественной жизни русскаго народа и его клира, но еще болѣе отрѣшитъ духовенство отъ міра, еще болѣе расширитъ образовавшуюся между клиромъ и обществомъ пропасть. Чего же бы желало сельское духовенство въ данное время? Пока немногаго. Прежде всего законности и освобожденія отъ административнаго произвола. Въ настоящее время, съ пробужденіемъ народнаго самосознанія, духовенство сплошь и рядомъ ставится въ фальшивое положеніе. Возьмемъ хотя надѣлавшее такъ много шуму сообщеніе латинскаго агентства о подкупѣ. Много ли нашлось въ Россіи іереевъ, которые не рѣшились поднести это блюдо, въ видѣ синодскаго поученія, своимъ прихожанамъ? А подобнаго рода случаевъ не мало бываетъ въ практикѣ духовенства. Близорукій людъ за все обвиняетъ духовенство, не желая знать, что оно вынуждено дѣлать то, что ему приказываютъ, вынуждено потому, что оно связано божественнымъ авторитетомъ: «всяка душа властемъ да повинуется». Для свѣтскаго человѣка эти слова могутъ быть пустымъ звукомъ, для священника они — непреложный законъ по его внутреннему убѣжденію. Второе, вынуждено потому, что духовенство стоитъ «внѣ закона». За одно лишь непрочтеніе какого-либо манифеста, по доносу любого благопріятеля, священника безъ суда и слѣдствія, одной резолюціей епископа, могутъ лишить мѣста, слѣдовательно лишить средствъ къ существованію.

Припомнимъ эпопею забайкальскаго епархіальнаго свѣжаго склада, на кого упала вся грязь этого возмутительнаго дѣла? Кого осудило, надъ кѣмъ издѣвалось общество? Надъ духовенствомъ. Между тѣмъ, оно такъ же было причастно этому дѣлу, какъ все русское общество къ русско-японской войнѣ съ ея сюрпризами.

Сельскому духовенству не чувствителенъ тотъ нравственный гнетъ, какой несутъ члены Синода и высшая церковная іерархія, но гнетъ епархіальной власти, гнетъ своего безправія и безсилія даже предъ благочиннымъ, оно испиваетъ полной чашей. Поэтому, предоставляя большимъ кораблямъ большое плаваніе, сельское духовенство желало бы:

1) совершеннаго изъятія финансовыхъ дѣлъ епархіи изъ вѣдѣнія епархіальной власти и передачи ихъ бѣлому духовенству.

2) Ограниченія власти благочинныхъ совѣтомъ выборныхъ отъ духовенства представителей съ правомъ суда надъ духовенствомъ въ маловажныхъ случаяхъ.

3) Введенія суда надъ духовенствомъ по образцу свѣтскаго суда.

4) Уничтоженія обидной для духовенства графы въ клировыхъ вѣдомостяхъ о поведеніи, или, если она неизбѣжна, то передачи права атестаціи благочинническому совѣту.

5) Предоставленія духовенству права съѣздовъ для разсмотрѣнія и ревизіи финансовыхъ дѣлъ епархіи и выработки общихъ мѣръ по вопросамъ своего служенія.

6) Уничтоженія 25% сбора на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній и права расходовать церковныя суммы на мѣстныя нужды прихода по обоюдному согласію съ приходомъ.

7) Права свободнаго обсужденія всѣхъ вопросовъ церковно-общественной жизни на страницахъ періодической прессы.

8) Уничтоженія матеріальной зависимости отъ прихода.

Обвиненіе духовенства въ безучастіи къ современному освободительному движенію, къ своему пастырскому дѣлу и въ отсутствіи интереса къ жизни общества — едва ли справедливо. Безспорно, исключенія есть, но лучшая часть духовенства давно уже заявила свой протестъ существующимъ непорядкамъ нашей церковно-общественной жизни. Протестъ этотъ мало замѣтенъ постороннему глазу, а потому обычно ему даютъ неправильное объясненіе. Мы говоримъ объ уклоненіи дѣтей духовенства отъ поступленія въ духовное званіе. Обычно думаютъ, что само юношество, по собственной иниціативѣ, не желаетъ налагать на себя иго священства. Несомнѣнно, что и это мнѣніе частью справедливо, но мы фактами можемъ доказать, что во многихъ случаяхъ причина уклоненія заключается въ родителяхъ-священникахъ. Не справедливо было бы утверждать, будто на факты «уклоненія» вліяетъ главнымъ образомъ забота о большей матеріальной обезпеченности дѣтей, которую они могутъ имѣть на другихъ поприщахъ жизни. Далеко не такъ. «Уклоненіе» — это открытый, твердый протестъ современному цер-

ковно-общественному неустройству, молчаливое, но твердое требованіе его исправленія.

Почему духовенство не требовало этого исправленія гласно? Почему оно молчало о немъ до сихъ поръ?

Во-первыхъ потому же, почему молчало и все русское общество до министерства Святополкъ-Мирскаго. Во-вторыхъ и потому, что, какъ нами выше было сказано, оно связано не внѣшне только, но и внутренно, въ глубинѣ своей души, словомъ Писанія: «нѣсть бо власть, аще не отъ Бога. Ты кто еси, судяй чуждему рабу?» Итти духовенству противъ власти, значитъ итти противъ самого себя, противъ собственныхъ убѣжденій. Допустимъ, что духовенство неправильно понимаетъ эти слова Писанія, это другой вопросъ, но пока смыслъ этихъ словъ для него ясенъ, измѣнить имъ, значитъ — отречься отъ самого себя. Но и примириться съ современнымъ церковно-общественнымъ неустройствомъ, со своимъ правовымъ положеніемъ, для него невозможно, поэтому «уклоненіе» является единственнымъ средствомъ избѣжать компромисса со своей совѣстію. Мы даже увѣрены, что не будь тѣхъ стѣсненій и преградъ, которыми обставленъ желающимъ выходъ изъ духовнаго званія, то не только дѣти, но и очень многіе отцы не приминули бы воспользоваться случаемъ сложить съ себя непосильное иго. Но и здѣсь главный тормозъ не внѣшнее общественное положеніе, а строгій «церковный» судъ измѣнникамъ своему званію.

---

21 мая.

«**Пятигорскій Листокъ**» въ № 328-мъ и другихъ перепечаталъ статью «**Нов. Времени**» «Мысли и мнѣнія Міряннна» (въ «Сборникѣ» статья эта помѣщена выше, подъ 26 апрѣля, стр. 434—440).

---

22 мая.

«Новости» (№ 127-й).

Статья *А. Матюшенскаго:*

Что пробудилось?

Вопросъ о помѣстномъ соборѣ заглохъ не окончательно.

(Газетная замѣтка).

Общее пробужденіе общественнаго самосознанія дало толчекъ и нашимъ *духовнымъ пастырямъ;* они тоже заговорили о чемъ-то новомъ, циркулярами не предусмотрѣнномъ, своемъ, благопріобрѣтенномъ. И они тоже пробудились отъ усыпляющаго руководительства сверху, — или, какъ они выражаются, «со стороны»,—и приступили къ созиданію своей жизни по инымъ шаблонамъ.

И это пробужденіе, если не обрадовало, то заинтересовало общество. Каково бы ни было пробужденіе, все же это не сонъ, все же это протестъ противъ старыхъ, отжившихъ формъ, лишнее доказательство непригодности этихъ формъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ кроется и зародышъ надежды на новаго союзника, который до сихъ поръ былъ силой и орудіемъ въ рукахъ противной стороны.

Съ этой стороны толки о *патріархѣ*, Синодѣ, помѣстномъ соборѣ и прочихъ православно-духовныхъ злобахъ въ высокой степени интересны для всякаго обывателя. Превращеніе силы враждебной въ силу союзную—это такое пріобрѣтеніе, отъ котораго никто не откажется, въ особенности въ моменты всеобщей борьбы, всеобщей переоцѣнки житейскихъ положеній.

Немудрено, что и наше общество частью заинтересовалось, а частью даже и привѣтствовало новыя теченія въ духовныхъ кругахъ. Вѣдь, это пробуждаются 40 тысячъ духовныхъ руководителей народа,— 40 тысячъ каѳедръ пріобрѣтаютъ оживающихъ ораторовъ.

Обстоятельство огромной важности!

Но послѣ перваго «радостнаго» изумленія, полагаемъ, не мѣшаетъ и разобраться, что несетъ намъ это пробужденіе: что пробудилось?

— Добро ли—помѣстный духовный соборъ, или же онъ ничего не говоритъ и не можетъ сказать ни уму, ни сердцу обывателя? А можетъ быть и еще что-нибудь?

При разрѣшеніи этого вопроса, прежде всего, напрашивается въ голову другой вопросъ: сближаетъ ли этотъ соборъ духовныхъ пастырей съ народомъ, или отдаляетъ?

И отвѣтъ получается скорѣе отрицательный, чѣмъ положительный.

Духовные пастыри вмѣстѣ со всѣми говорятъ, что старое, отжившее должно быть замѣнено новымъ,—но въ то время, какъ *всѣ* предлагаютъ созвать представителей отъ всего народа, духовные пастыри добиваются созванія *своего* отдѣльнаго собора.

Въ общемъ соборѣ они тоже будутъ участвовать и рѣшать общія дѣла и вопросы, а *свои* дѣла они стремятся какъ бы выдѣлить и перенести на *свой* соборъ.

Дѣла церкви они не считаютъ дѣлами народа и какъ бы говорятъ: если народъ хочетъ собраться на соборъ, то и мы тоже должны созвать свой соборъ.

А это уже тактика двухъ противниковъ, а никакъ не союзниковъ и тѣмъ менѣе одной общественной единицы. Это ни что иное, какъ приготовленіе къ борьбѣ двухъ враждебныхъ единицъ. Духовенство чувствуетъ себя не съ народомъ, а противъ народа, — или, по меньшей мѣрѣ, не чувствуетъ солидарности своихъ нуждъ съ нуждами народа. Оно смотритъ на будущее съ точки зрѣнія господствующей церкви и употребляетъ всѣ усилія, чтобы удержать это господство.

Устами своихъ вожаковъ оно говоритъ, что «намъ нуженъ» глава, «первосвятитель» для непосредственныхъ сношеній съ Государемъ. На вопросъ: почему нужны эти сношенія и непремѣнно непосредственныя?— тотъ же авторъ (арх. Михаилъ) говоритъ:

«Церковная жизнь народа, его вѣрованія есть интимнѣйшія «святая святыхъ», которыя и вѣдомы только церкви, какъ ея духовнику. И ясно поэтому, что передаваться Государю эта жизнь можетъ только тѣми, кому ввѣрена ея тайна...».

Это, прежде всего, очень тонкая мотивировка, трудно поддающаяся возраженію, и, именно, благодаря тому, что авторъ весьма «умѣло» пользуется неопредѣленностью понятія—церковь, имѣя въ виду въ данномъ случаѣ всю массу вѣрующихъ, которые, въ сущности, и составляютъ церковь, а въ другомъ—только ея руководителей, по существу своему являющихся только церковной іерархіей.

Въ первомъ случаѣ онъ правъ, говоря, что только сама церковь знаетъ нужды вѣрованій, — но во второмъ случаѣ глубоко неправъ, утверждая, что первосвятитель и только первосвятитель можетъ быть выразителемъ этихъ нуждъ.

Если церковь есть всѣ вѣрующіе, то они или ихъ представители и

могутъ отстаивать свои нужды въ общемъ для всѣхъ представительномъ учрежденіи. А чрезъ это учрежденіе ихъ представленія дойдутъ и до Государя въ общемъ для всѣхъ порядкѣ, рядомъ съ нуждами другихъ группъ вѣрующихъ.

И собственно православное населеніе ничего другого и не добивается. Оно только говоритъ: дайте намъ право посылать своихъ представителей, а затѣмъ эти представители вмѣстѣ со всѣми будутъ отстаивать *всѣ* наши нужды: и экономическія, и политическія, и духовныя, и всякія.

О духовномъ соборѣ говоритъ только духовенство и участвовать въ этомъ будетъ только духовенство, причемъ свои сношенія съ Верховной властью хочетъ обособить, выдѣлить, стремясь какъ бы создать три самостоятельныя единицы: верховную власть, духовную и народную.

Свою судьбу оно, значитъ, отдѣляетъ отъ народной судьбы и свои нужды оно не довѣряетъ народнымъ представителямъ. Получается нѣчто вродѣ того, что и у «пробудившихся» чиновниковъ:

— Насъ не любитъ народъ и не выберетъ въ парламентъ, а потому разрѣшите намъ самимъ выбирать себя.

Но чиновники все же «просятся» только въ общій парламентъ, а духовные отцы хотятъ быть и вмѣстѣ, и отдѣльно.

Въ «новомъ» пробужденіи сказывается, такимъ образомъ, старая черточка: — опираясь на народъ, итти противъ народа, въ союзѣ съ внѣшней силой.

Иначе нельзя объяснить себѣ это стремленіе обособиться и отъ народныхъ учрежденій, и отъ Верховной власти. Ссылка, напримѣръ, на профессіональныя нужды тутъ не имѣетъ значенія. Для удовлетворенія этихъ нуждъ достаточно того, чего требуетъ весь народъ, — права союзовъ, петицій, свободы слова и собраній.

При наличности такихъ правъ никто не помѣшаетъ православному духовенству собираться на «соборы», помѣстные и общіе, въ столицѣ и въ провинціи, организоваться, какъ оно хочетъ, и рѣшать вопросы іерархіи, прозелитизма, борьбы съ другими исповѣданіями и пр. Никто не помѣшаетъ дѣлать все, что не противорѣчитъ существующимъ законамъ и не нарушаетъ ихъ. Но въ толкахъ духовенства, къ сожалѣнію, слышится совсѣмъ не это. Въ духовныхъ кругахъ пробуждается не стремленіе къ освобожденію вмѣстѣ со всѣми, а совсѣмъ другое—стремленіе удержать за собой господствующее положеніе. Для этого и нуженъ первосвятитель съ правами непосредственныхъ сношеній съ Верховной властью, помимо народно-представительныхъ учрежденій.

Имъ нужна не свобода, а власть,— та самая власть, которой они

пользовались много вѣковъ и которая теперь ускользаетъ изъ ихъ рукъ, переходитъ въ руки народа.

По крайней мѣрѣ, въ такомъ видѣ представляются планы «представителей» духовенства, выступающихъ публично со своими проектами.

Они говорятъ, что народъ не пойметъ преобразованій въ Синодѣ, ему нуженъ наружный блескъ въ видѣ патріаршаго жезла.

На это можно бы возразить, что народъ отлично пойметъ, если отношенія духовенства къ нему измѣнятся. Но въ томъ-то и дѣло, что этого измѣненія отношеній, очевидно, не предвидится, оно, повидимому, считается нежелательнымъ и недопустимымъ.

И это понятно. Вѣдь, это значило бы отказаться отъ положенія народныхъ властителей и перейти на положеніе слугъ народа, радѣтелей и борцовъ за его нужды. Шагъ, который добровольно не дѣлается. Власть теряютъ многіе, а отказываются отъ нея только отдѣльныя единицы, исключительныя.

Можно, конечно, и служить, чтобы властвовать, что и заповѣдалъ Христосъ Своимъ послѣдователямъ: «большій изъ васъ да будетъ... слугою всѣмъ»,—но какъ разъ эта то заповѣдь Христа и не прививается, въ особенности въ верхахъ нашей православной іерархіи.

---

24 мая.

«Наша Жизнь» (№ 100-й).

Статья *П. Павловскаго:*

Церковные вопросы.

«Въ эпоху широкаго общественнаго движенія, охватившаго многочисленныя группы и объединеннаго общимъ требованіемъ обновленія государственной жизни, всколыхнулся самый неподвижный, самый консервативный классъ общества—духовенство. «Мертвые въ гробахъ зашевелились», и пастыри духовныхъ овецъ робко и несмѣло подняли голосъ о своихъ нуждахъ.

«Движеніе, совершающееся въ настоящее время въ нѣдрахъ церкви, имѣетъ интересъ и значеніе для широкихъ слоевъ общества, уже по одному факту своего существованія. До сихъ поръ безпрекословное и нѣмое подчиненіе темной и сѣрой среды духовенства простиралось до

того, что духовенство, отъ низшаго служителя церкви до высокопоставленныхъ іерарховъ церкви, уподоблялось воску въ рукахъ ловкой, искусной и жесткой свѣтской власти. Церковь была послушнымъ орудіемъ государства и оказывала всѣ возможныя и всѣ посильныя услуги власти: по требованію послѣдней, она подыскивала годные аргументы для оправданія различныхъ теорій и фактовъ, освящала своимъ авторитетомъ явленія, чуждыя всякой христіанской морали. И вдругъ въ этой средѣ, которая являлась крѣпкимъ оплотомъ и, казалось, должна была остаться оплотомъ до скончанія вѣка, начинается броженіе; правда, только начинается. Не раскрылись еще съ полной опредѣленностью задачи движенія, не выяснились скрытыя тенденціи, вопросъ о путяхъ и средствахъ еще даже и не поставленъ. Повидимому, одинъ девизъ объединяетъ все духовенство: освобожденіе отъ угнетающей всякое развитіе опеки свѣтской власти, свобода церкви. Но и теперь уже можно намѣтить различіе скрытыхъ тенденцій, указать фактъ распаденія духовенства на группы, расходящіяся и въ пониманіи предѣловъ церковной свободы, и въ мотивахъ необходимости церковной реформы».

Напомнивъ далѣе кратко исторію возникновенія вопроса о церковной реформѣ, авторъ продолжаетъ: «Вопросъ о свободѣ церкви, какъ таковой, въ сущности никоимъ образомъ не можетъ быть разрѣшенъ свѣтской властью въ положительномъ смыслѣ при современныхъ правовыхъ условіяхъ. Зачѣмъ же свѣтской власти отказываться отъ услугъ церкви, которыми она такъ щедро пользовалась до сихъ поръ, и которыя, быть можетъ, въ настоящее время ей необходимѣе, чѣмъ когда-либо? Характерны въ этомъ смыслѣ условія возникновенія вопроса о церковной реформѣ въ комитетѣ министровъ. Вопросъ былъ поднятъ, когда были сдѣланы постановленія о снятіи извѣстныхъ ограниченій съ отдѣлившихся отъ православной церкви. Явилось опасеніе, какъ бы не оказалась въ связанномъ положеніи православная церковь. «Въ виду того, что православная церковь составляетъ одну изъ главныхъ основъ русскаго государственнаго порядка и одинъ изъ его историческихъ устоевъ», является необходимость обезпечить ей могущій совсѣмъ исчезнуть авторитетъ у народа и извѣстное, готовое стать проблематическимъ, вліяніе на народъ. Такимъ образомъ возникъ проектъ перенести центръ тяжести: церковь, «освобожденная отъ прямой государственной власти или политической миссіи, могла бы своимъ возрожденнымъ нравственнымъ авторитетомъ быть незамѣнимой опорой православнаго государства». Такимъ образомъ, свѣтская власть, при современномъ положеніи дѣлъ, отнюдь не можетъ имѣть въ виду свободы церкви, какъ таковой.

«Правда, идея патріаршества казалась одно время пріемлемой въ высшихъ сферахъ, а огромная часть духовенства, желающая дѣйствительной свободы церкви, готова признать достаточнымъ ея обезпеченіемъ избраніе патріарха и возстановленіе каноническаго строя церкви.

«Обращающіе взоры ко времени русскаго патріаршества ищутъ тамъ золотого вѣка церкви. Непонятное заблужденіе!

«Русское патріаршество всегда было лишь внѣшнимъ украшеніемъ церкви, первый патріархъ былъ поставленъ волею свѣтской власти, послѣ совѣщанія царя не съ духовными, а съ боярами. Патріархъ могъ быть силенъ только личнымъ благоволеніемъ царя. Единственный сильный патріархъ—Никонъ—былъ силенъ только капризомъ Тишайшаго. Обстоятельныя разъясненія въ этомъ смыслѣ о значеніи патріарха и объ отношеніи его къ свѣтской власти были сдѣланы въ послѣднее время извѣстнымъ авторитетомъ по исторіи русской церкви проф. П. Ѳ. Каптеревымъ. Если независимость патріарха была призрачна въ XVII вѣкѣ, то отчего ей не быть призрачной въ XX вѣкѣ? Патріархъ могъ бы быть силенъ, если бы онъ былъ избранъ волею всѣхъ членовъ церкви. Ясно, что единственно возможная въ настоящій моментъ, идущая сверху, «коренная» реформа церковнаго управленія — возложеніе сана патріарха на первенствующаго члена Синода и передача ему функцій оберъ-прокурора Синода.

Но въ воззваніи о свободѣ церкви чуется утомленіе отъ долголѣтней, напряженной, крѣпостной службы. Церковь, какъ пособница свѣтской администраціи, подаетъ въ отставку, церковь не хочетъ служить администраціи. Церковь, которая до сихъ поръ отдавалась всѣмъ своимъ содержаніемъ на служеніе государственнымъ, политическимъ цѣлямъ, хочетъ служить самой себѣ, своимъ цѣлямъ, искать Бога. Колеблется троичность извѣстнаго символа: два тезиса оказываются противорѣчащими, и одинъ изъ нихъ долженъ быть ограниченъ другимъ. Въ обнаруженіи этого противорѣчія тезисовъ мы видимъ смыслъ церковнаго движенія нашихъ дней. Можетъ ли оно разсчитывать на успѣхъ и при какихъ условіяхъ?»

26 мая.

«Церковный Вѣстникъ» (№ 21-й).

О составѣ церковнаго собора *).

Вопросъ о возстановленіи канонической свободы православной церкви въ Россіи естественно связанъ съ вопросомъ о составѣ будущаго церковнаго собора, чрезъ который должно совершиться это возстановленіе. Мы имѣемъ въ виду отвѣтить на естественно возникшій у многихъ вопросъ: какого же собора, по составу его членовъ, надобно желать для дѣла каноническаго устроенія нашей церковной жизни? Отвѣчаемъ: такого собора, который непремѣнно мыслится въ понятіи о церкви Христовой и который не разъ собирался въ древнѣйшія времена жизни церкви,—*собора всецерковнаго.*

Церковь, по ученію ап. Павла, «есть тѣло Христово» (Еф. 1, 22—23). «Какъ въ одномъ тѣлѣ у насъ много членовъ, но не у всѣхъ членовъ одно и то же дѣло, такъ мы многіе составляемъ одно тѣло во Христѣ, а порознь одинъ для другого члены» (Рим. 12, 4—5). Въ тѣлѣ всѣ члены такъ обусловлены одинъ другимъ, что ни одинъ, безъ вреда для всего тѣла, не можетъ сказать другому: «ты мнѣ ненуженъ»; напротивъ, «члены тѣла, которые кажутся слабѣйшими, гораздо нужнѣе, и которые намъ кажутся менѣе благородными въ тѣлѣ, о тѣхъ болѣе прилагаемъ попеченія» (1 Кор. 12, 20—23). Такъ и въ церкви Божіей не можетъ быть ни мертвыхъ членовъ, ни ненужныхъ и излишнихъ для домостроительства церковнаго, «ибо дары различны, но Духъ одинъ и тотъ же; и служенія различны, а Господь одинъ и тотъ же; и дѣйствія различны, а Богъ одинъ и тотъ же, производящій все во всѣхъ. Но каждому дается проявленіе Духа на пользу» (1 Кор. 12, 4—7). Поэтому все церковное «тѣло, составляемое и совокупляемое посредствомъ всякихъ взаимно скрѣпляющихъ связей, *при дѣйствіи въ свою мѣру каждаго члена,* получаетъ приращеніе для созиданія самого себя въ любви» (Еф. 4, 16).

Сообразно такому ученію о церкви, устроялась въ вѣкъ апостольскій и церковная жизнь съ церковнымъ управленіемъ. Дѣянія Апостольскія свидѣтельствуютъ, что апостолы обсуждали предъ всѣмъ «множе-

*) Статья эта представляетъ собою вторую записку группы столичныхъ священниковъ. *Составитель «Сборника».*

ствомъ» свои предположенія и осуществляли ихъ при молитвѣ и при содѣйствіи всей церкви. Въ собраніи «человѣкъ около ста двадцати», вѣроятно, всей тогдашней церкви, послѣ общей молитвы, «поставили двоихъ», изъ коихъ по жребію былъ «сопричисленъ къ одиннадцати апостоламъ» св. Матѳій (Дѣян. гл. 1). Избраніе семи діаконовъ произошло при участіи всего общества іерусалимской церкви: «и угодно было это предложеніе всему собранію, и избрали Стефана»... (Дѣян. гл. 6). На апостольскомъ соборѣ апостолы и пресвитеры «со всею церковію разсудили» и, «избравши изъ среды себя мужей», отправили ихъ въ Антіохію съ посланіемъ отъ имени всего собора: «Апостолы и пресвитеры и братія находящимся въ Антіохіи»... (Дѣян. гл. 15, 22—23). Ап. Павелъ укоряетъ коринѳянъ, что они сами не извергли изъ среды своей кровосмѣсника, и наставляетъ ихъ объявить ему приговоръ въ общемъ собраніи вѣрующихъ (1 Кор. гл. 5); по прошествіи же нѣкотораго времени «проситъ» тѣхъ же коринѳянъ «оказать ему любовь», «простить его и утѣшить», безъ его—апостола—присутствія, прибавляя: «кого вы въ чемъ прощаете, того и я» (2 Кор. 2 гл.).

Въ слѣдующее за апостольскимъ время церковь продолжала жить такою же соборною жизнію. Св. Игнатій Богоносецъ хорошо это выразилъ въ посланіи къ Ефесянамъ: «составляйте изъ себя вы всѣ до одного хоръ, чтобы согласно, настроенные въ единомысліи, дружно начавши пѣснь Богу, вы единогласно пѣли ее Отцу чрезъ Іисуса Христа... Полезно вамъ быть въ невозмутимомъ единеніи между собою, чтобы всегда быть и въ союзѣ съ Богомъ» (гл. 4). И когда это единеніе нарушалось, напр., появленіемъ какой-либо ереси, то вѣрующіе, безъ различія ихъ церковныхъ полномочій, собирались на соборы и судили о ней. Такъ, напр., во II-мъ вѣкѣ, при появленіи ереси Монтана, «вѣрующіе начали часто и во многихъ мѣстахъ Азіи собираться и, изслѣдовавъ новое ученіе, объявили его нечестивымъ и отвергли, какъ еретическое; тогда преданные ему отлучены были отъ церкви и лишены общенія съ нею» (Евсевій, Ц. ист., V, 16). Не подлежитъ сомнѣнію, что на соборахъ этихъ непремѣнными членами являлись епископы окружныхъ церквей; однако, не они одни, но и клирики и міряне тѣхъ же церквей должны подразумѣваться подъ общимъ наименованіемъ «вѣрующихъ». И эти-то «вѣрующіе», совокупно со своими епископами, производили изслѣдованіе новаго ученія, осудили его, какъ еретическое, и извергли его проповѣдниковъ и послѣдователей.

Отъ III-го в. имѣемъ многочисленныя свидѣтельства св. Кипріана Карѳагенскаго. Такъ, онъ писалъ пресвитерамъ и діаконамъ: «съ самаго начала епископства моего я положилъ за правило ничего не дѣлать по

одному моему усмотрѣнію, безъ совѣта вашего и безъ согласія народа». По его словамъ, «смиренномудріе, и ученіе, и самая жизнь наша требуютъ, чтобы предстоятели, собравшись съ клиромъ, въ присутствіи народа, которому также за вѣру его и страхъ должна быть воздана честь, могли распорядиться во всемъ по общему соглашенію». Когда возникъ вопросъ о падшихъ, онъ писалъ разнымъ лицамъ, что этотъ важный вопросъ необходимо разрѣшить по окончаніи гоненія, «при совѣщаніи со всѣми епископами, пресвитерами, діаконами, исповѣдниками и... въ присутствіи мірянъ». Такой порядокъ веденія церковнаго дѣла вполнѣ соотвѣтствовалъ воззрѣніямъ и установившемуся обычаю римской церкви, которая отвѣчала Кипріану: «въ столь важномъ дѣлѣ мы согласны съ тѣмъ, что и ты утверждалъ, именно, что прежде нужно дождаться мира церкви, а потомъ уже, составивъ общій совѣтъ съ епископами, пресвитерами, діаконами, исповѣдниками и твердыми въ вѣрѣ мірянами, разсудить о дѣлѣ падшихъ» (Кипріанъ, Творенія, р. пер., 2 изд., т. I, стр. 175, 133, 165, 217, 221).

Не инымъ былъ и обычай восточной церкви. Такъ, по поводу ереси антіохійскаго епископа Павла Самосатскаго неоднократно собирались въ Антіохіи соборы, на которыхъ участвовали мѣстные и прибывшіе изъ Палестины и Малой Азіи епископы съ пресвитерами и діаконами. «Всѣ они, по свидѣтельству историка Евсевія, въ разныя времена и часто сходились въ одно мѣсто, и въ каждомъ засѣданіи разсматривали отдѣльный вопросъ». Въ послѣднемъ соборѣ, постановившемъ приговоръ и низложившемъ еретика-епископа, также участвовали, какъ видно изъ надписанія приводимаго Евсевіемъ посланія собора, «епископы, пресвитеры и діаконы... и церкви Божіи». Главнымъ дѣятелемъ на этомъ соборѣ явился пресвитеръ Малхіонъ, «мужъ ученѣйшій». «Онъ-то, разсказываетъ Евсевій, вступилъ съ Павломъ въ преніе, которое, какъ записали его скорописцы, сохранилось донынѣ, и одинъ изъ всѣхъ умѣлъ обнаружить мысли этого скрытнаго и обманчиваго человѣка». Епископы, пресвитеры и діаконы и церкви Божіи, отъ имени которыхъ составлено и отправлено окружное посланіе, всѣ совокупно объявляютъ въ посланіи: «мы принуждены были отлучить этого неуступчиваго противника Богу, и вмѣсто его, по Божію, какъ мы увѣрены, усмотрѣнію, епископомъ каѳолической церкви поставили другого» (Евсевій, Ц. ист., VII, 28, 29, 30).

Съ измѣненіемъ внѣшняго положенія церкви съ IV в., внутренній ея строй, характеръ жизни и управленія остался соборнымъ, соотвѣтственно ученію и практикѣ св. апостоловъ. «Церковь, по словамъ св. Амвросія Медіоланскаго, есть нѣкая форма справедливости, общее право

всѣхъ. Сообща она молится, сообща трудится, сообща испытуется» (О должностяхъ, I, гл. 29). «Не можешь сказать, пишетъ св. Іоаннъ Златоустъ въ своемъ толкованіи на 1 Кор. 12, 12, что одинъ какой-нибудь членъ составляетъ тѣло самъ по себѣ, а другой—нѣтъ; въ этомъ отношеніи они всѣ равны и всѣ одно тѣло»... «Быть или не быть въ составѣ тѣла зависитъ не отъ положенія въ томъ или другомъ мѣстѣ,— это производитъ только различіе въ мѣстѣ, — но отъ слитія или раздѣла; быть или не быть тѣломъ зависитъ отъ соединенія съ нимъ или несоединенія» (Творенія, пер. спб. д. акад., 1904 г., т. X, стр. 297, 299). «Въ церкви нѣтъ ни высокомѣрія начальствующихъ, ни раболѣпства подчиненныхъ», говоритъ этотъ великій отецъ въ бесѣдѣ 18 на 2 посл. къ Коринѳянамъ: «въ церкви должно жить какъ въ одномъ домѣ... Тогда бы и меньшій могъ приносить пользу большему... И нынѣ, если одинъ не говоритъ полезнаго, то пусть другой встаетъ и говоритъ. Хотя бы онъ былъ и меньшій, но если предлагаетъ что-нибудь полезное, предпочти его мнѣніе; хотя бы онъ былъ даже послѣдній, не оставь безъ вниманія» (т. X, стр. 633, 634). Великій ревнитель благочинія церковнаго, горячо обличавшій въ письмахъ своихъ всякія отступленія отъ него, св. Исидоръ Пелусіотъ съ глубокою скорбью порицаетъ то печальное явленіе, что въ церковную среду, по выраженію восьмого канона III Вселенскаго собора, «вкрадывается, подъ видомъ священнодѣйствія, надменность власти мірскія, и утрачивается помалу непримѣтно, та свобода, которую даровалъ намъ Кровію Своею Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Освободитель всѣхъ человѣковъ». «Крайне дивлюсь, говоритъ онъ въ одномъ изъ писемъ, почему иные изъ древнихъ право самоуправства обращали въ отеческую попечительность; нынѣ же нѣкоторые изъ нововводителей и пастырское сердолюбіе превратили въ самоуправное самозаконіе, думая, что не начальство, отчету подлежащее, ввѣрено имъ, но дана въ удѣлъ самодержавная власть» (Твор., рус. пер., III, 305). Церковное сознаніе высказывалось всегда отрицательно по отношенію къ подобнымъ понятіямъ «нововводителей». Какъ все управленіе церкви, такъ и всякое въ частности церковное дѣло почиталось общественнымъ и потому близкимъ для каждаго члена церкви, какое бы положеніе въ отношеніи другихъ онъ ни занималъ. Такъ, св. Аѳанасій В. даже разборъ дѣла по жалобѣ на епископа считаетъ предметомъ вѣдѣнія собравшагося народа и пріявшихъ власть отъ Духа Святаго. «Если бы и дѣйствительно, пишетъ онъ, имѣла силу какая-нибудь на меня жалоба, то ни аріанину, ни кому-либо изъ держащихся аріанскихъ мудрованій, но—по церковнымъ правиламъ и по слову Павлову — собравшемуся народу и тѣмъ, которые пріяли власть отъ

Духа, съ силою Господа нашего Іисуса Христа (1 Кор. 5, 4), подлежало законно все изслѣдовать и произвести въ присутствіи изъявляющихъ свое требованіе мірянъ и клириковъ» (Окружное Посланіе,—Твор. Аѳанасія В., р. пер., изд. 2, ч. I, стр. 279).

Соборный строй жизни церковной, тѣсное общеніе іерархіи съ клиромъ и народомъ, близкое участіе всѣхъ во всѣхъ дѣлахъ церкви опирались на освященное апостольскимъ преданіемъ избирательное начало: предстоятели церквей—епископы, какъ и весь вообще клиръ, были избранниками церковныхъ общинъ. «Все множество жителей, всѣ принадлежащіе ко вселенской церкви, читаемъ мы объ избраніи св. Аѳанасія В. во епископа, собравшись вмѣстѣ и единодушно, какъ бы во единомъ тѣлѣ вопіяли, взывали, требуя во епископа церкви Аѳанасія» (Защитит. слово противъ аріанъ,—Творенія Аѳанасія В., р. пер., изд. 2, ч. I, стр. 295). По смерти константинопольскаго епископа Нектарія, «послѣ многократныхъ совѣщаній согласились (вѣрующіе той церкви) вызвать изъ Антіохіи пресвитера Іоанна... И царь Аркадій, по общему опредѣленію всѣхъ, то есть клира и народа, призвалъ его» (Сократъ, Ц. ист., кн. VI, гл. 2). Поистинѣ таковые епископы были въ полномъ смыслѣ слова предстоятелями, выразителями вѣросознанія и жизни ихъ пасомыхъ, «устами церкви». И не смотря на это естественное представительство церквей въ лицѣ ихъ избранниковъ—епископовъ, на соборы для разсужденія о церковныхъ нуждахъ собирались не одни лишь предстоятели-епископы, но и пресвитеры, діаконы и міряне.

Такъ, въ IV в. на соборѣ эльвирскомъ 309 г. было 19 епископовъ, 26 засѣдавшихъ съ епископами пресвитеровъ, діаконы и множество народа. На константинопольскомъ соборѣ 394 г. епископы присутствовали «со всѣмъ священнымъ чиномъ». Въ V в. римскіе соборы 461, 465 и 487 г. состояли изъ епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ. Постановленіе римскаго собора 490 г. подписали отъ своего имени 67 пресвитеровъ и 6 діаконовъ. Въ VI в. константинопольскій соборъ 536 г. при патр. Минѣ имѣлъ въ составѣ своемъ и весь клиръ столицы.

И на Вселенскихъ соборахъ встрѣчаемъ пресвитеровъ, діаконовъ и мірянъ. Напримѣръ, на I Вселенскомъ соборѣ, кромѣ 318 «отцовъ», присутствовало очень много лицъ, явившихся для разсужденій о вѣрѣ. Опредѣленія второго Вселенскаго собора подписаны, кромѣ 150 епископовъ, пятью пресвитерами,—не въ качествѣ представителей епископовъ, а отъ своего имени: «Флавіанъ и Елпидій, пресвитеры антіохійскіе, Тираннъ, пресвитеръ аморійскій, Авксанонъ, пресвитеръ апамейскій, Елладій, пресвитеръ комманскій.

Такое участіе въ соборныхъ засѣданіяхъ пресвитеровъ, діаконовъ

и мірянъ, никѣмъ никогда въ древней церкви не оспариваемое и не отвергаемое, признавалось, слѣдовательно, ихъ правомъ, какъ членовъ церкви.

Указаннымъ представленіемъ о составѣ собора, какъ полнаго осуществленія и выраженія внутренняго единства церкви, православіе отличаетъ себя отъ крайностей римскаго католицизма, сведшаго церковь къ жизнедѣятельности епископата, и протестантства, оказавшагося вынужденнымъ отвергнуть іерархическое начало. Какъ народъ безъ епископовъ, такъ и епископы безъ народа не составляютъ церкви: «у насъ—гласитъ посланіе восточныхъ патріарховъ папѣ Пію IX—ни патріархи, ни соборы никогда не могли ввести что-нибудь новое, потому что хранитель благочестія у насъ есть самое тѣло церкви, т. е. самый народъ».

И въ нашей русской церкви по временамъ собирались помѣстные соборы. О многихъ изъ нихъ сохранились важныя свѣдѣнія, на основаніи коихъ мы приходимъ къ заключенію, что и на русскихъ соборахъ, какъ на древнихъ, присутствовали вмѣстѣ съ епископами низшее духовенство и міряне. Подобно областнымъ соборамъ древней церкви, они занимались вообще церковнымъ благоустроеніемъ, избирали и рукополагали первосвятителей-митрополитовъ, судили ихъ и епископовъ, исправляли распоряженія отдѣльныхъ архіереевъ, рѣшали вопросы о вѣрѣ, благочестіи и церковномъ управленіи, прекращали мѣстныя религіозныя волненія, производимыя еретиками. Въ послѣдній разъ помѣстный соборъ былъ созванъ въ русской церкви въ послѣдней четверти XVII столѣтія.

Когда въ наши дни пронеслась вѣсть о созваніи церковнаго собора у насъ на Руси, сердца истинныхъ чадъ нашей церкви наполнились великою радостію; отовсюду—отъ духовенства и мірянъ—были высказаны горячія пожеланія такого собора. Но въ то же время со всѣхъ сторонъ послышались то вопросы, то недоумѣнія, то прямо опасенія относительно того, изъ кого же этотъ русскій церковный соборъ долженъ состоять: изъ однихъ ли епископовъ, или изъ епископовъ, пресвитеровъ и мірянъ? Кто на немъ будетъ разсуждать о дѣлахъ русской церкви?

Уже приведенныя выше историческія справки даютъ намъ право утверждать, что и на ожидаемомъ русскомъ помѣстномъ соборѣ, кромѣ непремѣнныхъ членовъ его — всѣхъ епархіальныхъ архіереевъ, должны непремѣнно присутствовать и выборные отъ духовенства и мірянъ. Двухсотлѣтнее же отсутствіе у насъ соборовъ и современное положеніе нашей высшей іерархіи въ отношеніи къ паствѣ такое участіе на соборахъ низшаго духовенства и мірянъ дѣлаютъ неизбѣжною необходимостію.

Для того, чтобы соборное рѣшеніе имѣло обязательное значеніе для всей церкви русской, нужно, чтобы засѣдающіе и рѣшающіе на соборѣ были выразителями церковнаго сознанія, устами вѣрующихъ, какъ то было въ древней церкви. Одни же наши русскіе епископы таковыми въ настоящее время не являются. Они, прежде всего, не избранники ихъ епархіальныхъ общинъ. При томъ, они и не знаютъ, въ большей ихъ части, не только своей паствы, но даже и духовенства своего, — за своею частою смѣною и кратковременностію пребыванія на епархіяхъ, за обширностію своихъ епархій и многочисленностію пасомыхъ. Не имѣя тѣсной связи съ своей паствою, нерѣдко не виданный двумя третями мірянъ и доброй половиной духовенства, такой епископъ и самъ не дерзнетъ говорить отъ лица своей паствы, какъ онъ долженъ говорить на соборѣ, и не будетъ признанъ за выразителя голоса своей паствы отъ нея самой, въ случаѣ ея несогласія съ рѣшеніемъ собора. Поэтому, чтобы избѣжать очень естественнаго при такихъ условіяхъ и очень опаснаго церковнаго раскола, необходимо, чтобы на соборѣ присутствовали избранные отъ духовенства его представители и избранники отъ народа—извѣстные своею ревностію о благѣ церкви міряне.

Отсутствіе на соборѣ бѣлаго духовенства и мірянъ опасно и съ другой стороны. Въ наши дни замѣтенъ очень сильный интересъ къ вопросамъ церкви у большого количества мірянъ, прежде часто совершенно безразличныхъ къ ней. И дать возможность этому интересу, этой, скажемъ даже, ревности о церкви выразиться въ сужденіяхъ церковныхъ чрезъ своихъ представителей на соборѣ — значитъ приблизить ихъ къ духовенству и церкви, объединиться всѣмъ въ единое стадо Христово для полной церковной жизни. Не допустить же ихъ до собора — значитъ у однихъ погасить этотъ священный огонь ревности, у другихъ вызвать недовѣріе къ архипастырямъ и къ самой церкви, а третьихъ совершенно оттолкнуть отъ нея.

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ мы приходимъ къ твердому убѣжденію, что дѣло обновленія русской церковной жизни и возстановленія канонической свободы въ управленіи ея можетъ быть достигнуто только на всецерковныхъ соборахъ.

Вопросъ о томъ, какъ именно произвести выборы представителей отъ бѣлаго духовенства и отъ мірянъ на первый соборъ всей русской церкви, нелегко разрѣшимъ, въ виду отсутствія каноническаго устройства епархіальнаго управленія. Правильное и обстоятельное выясненіе этого вопроса представляется возможнымъ только путемъ всесторонняго обсужденія его заинтересованными и свѣдущими людьми. И намѣчая здѣсь основныя черты организаціи перваго собора, мы имѣемъ

скорѣе цѣль привлечь въ печати вниманіе къ этому важному практическому вопросу, чѣмъ дать собственно опытъ разрѣшенія его.

Слѣдующія положенія должны быть, по нашему мнѣнію, основными при обсужденіи вопроса о производствѣ первыхъ выборовъ на всецерковный соборъ.

1. Соборъ уже въ самомъ порядкѣ выборовъ долженъ служить къ сплоченію разъединенныхъ нынѣ составныхъ частей церковнаго общества—духовенства и мірянъ, обезпечивая тѣмъ себѣ довѣріе всѣхъ и возбуждая общій интересъ къ предстоящей соборной работѣ. Не считая, поэтому, правильной мысль, что первый соборъ, по встрѣчающимся для совершенной организаціи его затрудненіямъ, можетъ состоять и изъ однихъ только епископовъ, мы полагаемъ, что онъ-то, прежде всего, и долженъ обладать характеромъ всецерковнаго представительства. Равнымъ образомъ, мы признаемъ ошибочнымъ допущеніе отдѣльныхъ по чинамъ церковнымъ выборовъ: особо отъ духовенства и особо отъ мірянъ. Единство церкви требуетъ совмѣстности выборовъ.

2. Выборы въ церковный соборъ не могутъ быть произведены чрезъ гражданскія выборныя установленія, напр. земскія собранія, городскія думы, какъ не имѣющія должныхъ для этого связей съ церковью и отношенія къ церковнымъ задачамъ. Эти выборы должны производиться посредствомъ церковныхъ же учрежденій съ характеромъ представительства.

3. Не слѣдуетъ прибѣгать къ созданію нарочитыхъ новыхъ учрежденій для первыхъ выборовъ на соборъ, что было бы сопряжено съ громадными затрудненіями и только отвлекало бы вниманіе отъ главной цѣли, ради которой была бы предпринята трудная работа новаго насажденія на мало подготовленной почвѣ. Можно воспользоваться—хотя бы и несовершенными — существующими установленіями церковными для организаціи выборовъ, допустивъ необходимыя измѣненія въ этихъ установленіяхъ, направленныя спеціально къ тому, чтобы достигнуть возможно лучшаго представительства общецерковнаго сознанія.

4. Въ наличномъ строѣ епархіальной жизни имѣется установленіе съ характеромъ представительства, именно—епархіальный съѣздъ духовенства, и это установленіе удобно примѣнить къ цѣли епархіальныхъ выборовъ на соборъ. Предшествующую степень его составляетъ окружной или благочинническій съѣздъ всего клира входящихъ въ составъ благочинія приходовъ для выбора депутата на епархіальный съѣздъ. Этотъ епархіальный съѣздъ духовенства слѣдуетъ обратить въ общеепархіальное собраніе представителей духовенства и мірянъ епархіи, предварительно обративъ и благочинническій съѣздъ въ общецерковное учрежденіе.

5. Самое избраніе членовъ всероссійскаго церковнаго собора могло бы быть произведено слѣдующимъ образомъ. Въ каждомъ отдѣльномъ приходѣ на общеприходскомъ собраніи, непремѣнно въ храмѣ, прихожане сами, не стѣсняемые въ своей свободѣ, избираютъ изъ своей среды не менѣе двухъ представителей для благочинническаго или окружного собранія. Клиръ каждой церкви на этомъ окружномъ собраніи присутствуетъ въ полномъ своемъ составѣ, причемъ всѣ члены клира—съ равнымъ голосомъ. Въ окружномъ собраніи выбираются совмѣстно клиромъ и мірянами не менѣе какъ два депутата отъ духовенства и два отъ мірянъ на общеепархіальное собраніе. На этомъ собраніи также совмѣстно духовными и свѣтскими депутатами избираются на соборъ всей церкви не менѣе двухъ членовъ изъ лицъ духовенства и столько же изъ мірянъ.

6. Соборъ восполняется выборными представителями придворнаго и военнаго духовенства, которые являются членами собора вмѣстѣ съ стоящими во главѣ того и другого протопресвитерами; въ составъ собора входятъ также выборные представители отъ духовныхъ академій, напр. въ количествѣ двухъ отъ каждой. Можно быть увѣреннымъ, что ради большей плодотворности своихъ трудовъ соборъ восполнитъ себя самъ, пригласивъ въ свой составъ по общему рѣшенію выдающихся подвижниковъ вѣры, представителей богословскаго знанія, науки, литературы, выдающихся общественныхъ дѣятелей, — изъ тѣхъ, кто не войдетъ въ составъ собора по выборамъ.

7. Какъ самый соборъ, такъ и общеепархіальныя и окружныя собранія происходятъ подъ условіемъ полной свободы. Посему, будучи открываемы первый — первенствующимъ іерархомъ русской церкви, вторые — епархіальными архіереями, третьи — благочинными, они затѣмъ сами выбираютъ себѣ предсѣдателей и устанавливаютъ порядокъ веденія дѣлъ. Общеепархіальныя и окружныя собранія, кромѣ выборовъ, обсуждаютъ свои нужды и свои желанія въ виду общей церковной реформы. Имъ принадлежитъ право приглашать по общему рѣшенію въ свой составъ лицъ, выдающихся въ церковной жизни епархіи или округа. Членовъ собора — представителей отъ духовенства и мірянъ епархіи — общеепархіальное собраніе избираетъ не только изъ лицъ, вошедшихъ въ составъ этого собранія по выборамъ, но свободно изъ всего духовенства и мірянъ епархіи *).

---

*) *Примѣчаніе.* Слабая сторона представленнаго проекта—въ его сословности. Боясь вліянія епископовъ, авторъ хочетъ большую часть голосовъ отдать бѣлому (не низшему) духовенству, позабывая, что и оно не избрано народомъ (особенно это нужно сказать о духовенствѣ придворномъ и

27 мая.

«Русь» въ № 139-мъ и «Слово» въ № 161-мъ перепечатали полностію статью «Церк. Вѣстника» «О составѣ церковнаго собора».

28 мая.

«С.-Петербургскія Вѣдомости» (№ 129-й).

Статья *А. Юзскаго:*

Отношеніе духовенства къ современному общественному движенію.

Въ № 113 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» г. Дебольскій въ интересной статьѣ «Задачи освобожденной церкви» утверждаетъ, что церковь должна стоять внѣ разрѣшенія политическихъ и соціальныхъ вопросовъ, а задачи ея должны ограничиваться лишь нравственнымъ воздѣйствіемъ на личную добродѣтель человѣка. Совсѣмъ иначе по данному вопросу высказывается г. Мережковскій въ «Вопросахъ жизни». Отмѣтивши тотъ фактъ, что духовенство не приняло участія въ великой освободительной реформѣ, въ уничтоженіи крѣпостного права, онъ пишетъ, что духовенство, по крайней мѣрѣ, должно примкнуть къ нынѣшнему общественному движенію и принять участіе въ настоящей освободительной реформѣ.

Невольно рождается вопросъ: на чьей сторонѣ правда? Должно ли духовенство стоять на стражѣ лишь «вѣчныхъ устоевъ всякаго быта» или же должно принять активное участіе въ устроеніи общественнаго быта?

Соціальный вопросъ есть «прежде всего вопросъ этическій» (Рилль). Сопоставляя заповѣдь Христа: «ищите прежде царства Божія и правды его, и это все (матеріальныя блага) приложится вамъ» (Матѳ. VI, 33)

военномъ). Та же тенденція сказывается и въ совершенномъ исключеніи изъ собора монашества, и въ сословной постановкѣ выборовъ (отъ прихода только двое мірянъ и весь причтъ). Изъ того же источника, наконецъ, и это желаніе избрать предсѣдателемъ кого-нибудь изъ «своихъ». Едва ли много довѣрія вызоветъ къ себѣ такой «соборъ» и едва ли онъ можетъ быть признанъ выразителемъ церковнаго сознанія *Епископъ Серій.*

съ параллельнымъ мѣстомъ «царство Божіе внутри васъ есть» (Лук. XVII, 20—21), приходимъ къ выводу, что главное вниманіе Христосъ обращаетъ на нравственное усовершенствованіе личности. Послѣднее является неизбѣжнымъ условіемъ добропорядочности соціально-экономическаго строя. За нравственное усовершенствованіе личности ратуетъ нашъ извѣстный моралистъ графъ Л. Н. Толстой. «Даже законъ, при всемъ значеніи авторитета, опирающагося на вооруженную силу, — пишетъ Бернштейнъ, — часто бываетъ безсиленъ относительно вкоренившихся нравовъ и предразсудковъ народа... Зачастую идеальные законы и предписанія оказываются недѣйствительными противъ національной продажности чиновничества и легкомыслія народной массы... (законъ) не есть безупречное средство противъ всякаго рода сильнаго паразитизма и подкупности» («Исторія матеріализма»). Если роль этическаго фактора въ соціальномъ вопросѣ далеко не послѣдняя, то на нравственное воспитаніе общества необходимо обратить вниманіе. Нравственное воспитаніе личности и составляетъ первую и главную обязанность церкви. Духовенство должно проводить въ индивидуальную и общественную жизнь нравственные христіанскіе принципы: любовь, честность, правдивость, трудолюбіе, сознаніе долга, взаимную солидарность, вѣрность своей семьѣ и т. д.

Высокіе христіанскіе принципы, проникая въ жизнь, перерождаютъ нравы и измѣняютъ соціальныя отношенія. Проф. Сергѣевичъ выдаетъ за несомнѣнный фактъ, что положеніе рабовъ и въ Западной Европѣ и на Руси измѣнялось къ лучшему подъ вліяніемъ церкви *). «Челядь же свою также милуй, дажь имъ потребная; показай же я на добро не яростію, но яко дѣти своя» — читаемъ въ одномъ поученіи духовника. Подъ вліяніемъ церкви измѣнилось правовое положеніе рабовъ въ древней Руси: за рабами начинаютъ признавать права на бракъ, на собственность, на наслѣдство и т. п. Женщины рабыни защищаются отъ насилій господъ. Христіанская идея равенства людей предъ Богомъ проникаетъ и въ практическую жизнь; такъ, нѣкто Башкинъ говоритъ: «написано...: возлюби искренняго твоего, какъ самъ себя..., Христосъ называетъ всѣхъ братіею, а у насъ на иныхъ кабалы нарядныя, на иныхъ полныя... Благодарю Бога моего: у меня были кабалы полныя, всѣ изодралъ, держу людей добровольно» (Сергѣевичъ, «Юридическія

*) По мнѣнію проф. В. О. Ключевскаго, и уничтоженію у насъ самаго крѣпостного права прежде всего и болѣе всего содѣйствовала именно церковь въ лицѣ ея пастырей, содѣйствовала, конечно, проведеніемъ въ жизнь евангельскихъ принциповъ (см. обширную статью подъ заглавіемъ: «Содѣйствіе церкви благоустроенію гражданскаго права и порядка въ русской землѣ». Приб. къ твор св. Отецъ за восьмидесятые годы. *Составитель «Сборника».*

древности», I т.). Несомнѣнно, высокія христіанскія идеи любви, взаимной солидарности и равенства, могуче воздѣйствовавшія на умы, подготовили въ умахъ передовыхъ людей великую освободительную реформу; они рѣшаются на этотъ важный переворотъ въ соціальной жизни.

Что же наше духовенство? Съ одной стороны оно проповѣдуетъ высокіе христіанскіе принципы, съ другой стороны тормозитъ проведеніе ихъ въ дѣйствительную жизнь. Даже приснопамятный митрополитъ московскій Филаретъ долго не рѣшался на уничтоженіе крѣпостного права и вычеркнулъ изъ проекта манифеста слово «радостный» (день). Нечего и говорить про духовенство въ его большинствѣ! Вслѣдствіе своей косности, подавленности и забитости, оно боится подать голосъ за всякое новшество...

Во время настоящаго общественнаго движенія духовенство, думается, оказывается непослѣдовательнымъ: проповѣдуетъ принципы взаимной солидарности и равенства и въ то же время тормозитъ проведеніе этихъ принциповъ въ жизнь. Что значитъ отвлеченная проповѣдь безъ проведенія ея въ дѣйствительную жизнь?

Въ свое оправданіе іерархія ссылается на то, что царство ея (церкви) не отъ міра сего, что церковь не должна вмѣшиваться въ соціально-экономическій вопросъ. На самомъ же дѣлѣ, какъ показываетъ жизнь, іерархія лишь теоретически стоитъ внѣ этого вмѣшательства, на практикѣ же принимаетъ участіе въ общественной жизни: освящаетъ разныя общественныя начинанія, предпріятія, фабрики, заводы, мосты, крѣпости, привѣтствуетъ рѣчами изданіе новыхъ законовъ, напутствуетъ войска, благословляетъ—какъ было въ старину—соборомъ царскіе судебники и т. п. Все это дѣлаетъ, не смотря на то, что общества и учрежденія, ею благословляемыя, оказываются иногда недобросовѣстными и безполезными, а законы и судебники причиняютъ множество притѣсненій и жестокостей и т. д. И, однако, никто, ради одного этого, не отрицаетъ истинной непогрѣшимости церкви («Церковный Вѣстникъ», № 20-й). Христіанскіе принципы отнюдь не теряютъ отъ этого своего авторитета.

Нельзя сказать, чтобы и въ настоящее время іерархія не принимала участія въ общественномъ движеніи. По газетнымъ извѣстіямъ, ректоръ минской семинаріи публично приравнивалъ защитниковъ идеи земскаго собора къ слугамъ діавола и призывалъ вѣрующихъ къ борьбѣ съ искусителями. По мнѣнію одного священника, весны ждутъ и желаютъ лишь враги государственнаго порядка, ловцы человѣковъ въ возмущенной водѣ («Екатериносл. Епарх. Вѣд.» № 5). «Могилевскія Епарх. Вѣдомости» считаютъ желающихъ свободы слова, печати и вѣры «про-

возвѣстниками мнимой свободы или вѣрнѣе своеволія, которые готовы ниспровергнуть законы Божескіе и человѣческіе (№ 4). «Орловскія Епарх. Вѣдомости» думаютъ, что въ настоящее время есть очевидные признаки того, что вся эта небывалая еще, по напряженности, смута приходитъ къ концу.

Вдохновители этой смуты почти выболтались. Священникъ Г. Петровъ съ кучкой мятущихся ученыхъ, писателей, адвокатовъ, земскихъ и думскихъ дѣятелей, студентовъ и рабочихъ, это—больные, требующіе скорѣйшаго лѣченія, больные глубокою болѣзнью. Невозможно, чтобы земскій дѣятель, не будучи нравственно искалѣченнымъ, осмѣлился составлять резолюцію о народномъ представительствѣ. Голосъ церкви по отношенію ко всѣмъ этимъ людямъ одинъ, именно: «о еже... потребити отъ насъ вся неистовыя крамолы супостатовъ» (№ 6). Одинъ изъ епископовъ пишетъ: «берегитесь, возлюбленные, такихъ измѣнниковъ царскому самодержавію, гоните ихъ прочь отъ себя, не слушайте ихъ сладкихъ рѣчей о свободѣ: они проповѣдуютъ не свободу для добра,— а просторъ для зла, для лжи, для насилія совѣсти христіанской... Вотъ какой свободы хочется нашимъ смутьянамъ!—свободы разбойничать! не слушайте ихъ мечтаній о выборѣ какихъ-то «народныхъ» представителей... Государь лучше ихъ самъ выберетъ себѣ вѣрныхъ слугъ»... Современное общественное движеніе въ устахъ нѣкоторыхъ пастырей является «нравственной эпидеміей», «общественнымъ помраченіемъ», а представители его считаются «смутьянами», «внутренними врагами», «злыми и лукавыми людьми», «противниками законной власти», «мятежниками», «врагами» народа, «безумцами» и т. д. Одинъ изъ священниковъ призываетъ слушателей положить предѣлъ либеральной пропагандѣ.

Всѣ эти только что указанныя ссылки свидѣтельствуютъ о томъ, что духовенство участвуетъ въ общественномъ движеніи, только старается его подавить, вѣрное своей традиціонной косности. Проповѣдуя евангельскіе принципы любви и свободы, въ то же время боится ихъ осуществленія въ жизни. Мало однихъ словъ и отвлеченныхъ разглагольствованій. Холодны они, не согрѣты духомъ любви Христовой. Жестока традиціонная проповѣдь о терпѣніи. Недостаточно терпѣть и молчать, надо строить жизнь. Развѣ можетъ пастырь церкви равнодушно молчать, какъ матери изъ рабочаго класса, отправляясь съ утра на работу, поятъ своихъ дѣтей виномъ, опіумомъ и другими снотворными веществами, чтобы дѣти спали, и такимъ образомъ съ юныхъ лѣтъ отравляютъ ихъ? А вѣдь, матери жизнію вынуждаются къ такой практикѣ. Малолѣтнія дѣти, участвуя въ фабричной жизни, истощаясь

физически и развращаясь нравственно, развѣ могутъ не вызвать со стороны іерархіи требованій объ улучшеніи ихъ ненормальнаго быта? Сколько такихъ ненормальностей заключаетъ въ себѣ жизнь! Развѣ не ихъ долгъ требовать устраненія этихъ ненормальностей во имя христіанскихъ принциповъ? Въ усвоеніи людьми высокихъ христіанскихъ принциповъ и въ реализаціи этихъ принциповъ заключается главная задача церкви. Не безразлична должна быть для церкви и внѣшняя жизнь христіанъ. Жизнь въ постоянномъ трудѣ, политической задавленности и тяжелой экономической кабалѣ подавляетъ человѣческую личность. Въ такихъ условіяхъ невозможно христіанское индивидуализированіе личности, семейная жизнь утрачиваетъ всякій человѣческій, нравственный характеръ; здѣсь—очагъ всякихъ пороковъ: пьянства, воровства, проституціи и т. п. Если христіанское усовершенствованіе личности находится въ связи съ ея соціально-экономическимъ положеніемъ, то и іерархія должна заботиться не только о развитіи духа въ человѣкѣ, но и объ улучшеніи внѣшней обстановки, болѣе пригодной для духовнаго развитія личности.

Къ счастію, въ средѣ духовенства наряду съ группой лицъ, девизъ которыхъ составляетъ изреченіе: «той землѣ не устоять, гдѣ начнутъ уставы ломать» («Кишиневскія Епарх. Вѣд.» № 5), есть другая группа лицъ, несолидарныхъ въ данномъ случаѣ со своими собратіями и чуждыхъ узко-традиціонныхъ взглядовъ. Проф. Мышцынъ въ «Богословск. Вѣстникѣ» (апрѣль) такъ отзывается о пастыряхъ, которые тормозятъ современное общественное движеніе: «глубокою скорбью наполняютъ сердца людей, привыкшихъ съ уваженіемъ относиться къ пастырскому слову, всѣ эти обличенія. Если понимать ихъ «огульно», то они полны неправды, незаслуженной обиды, оскорбленія лучшихъ порывовъ, безкорыстныхъ желаній. Люди хотятъ правды, ихъ обвиняютъ въ своеволіи и лжи; люди хотятъ ненарушимой, для всѣхъ одинаково обязательной законности, ихъ обвиняютъ въ желаніи ниспровергнуть всякіе законы. Но и этого мало. Надъ всѣмъ этимъ ставятъ страшное слово «крамола», этотъ поистинѣ знакъ каиновъ. Это ужъ слишкомъ не по пастырски! Если они ошибаются, разъясните имъ ихъ заблужденія, но не обвиняйте въ томъ, въ чемъ они невинны; не душите ихъ мыслей и чувствъ»... Въ Высочайшемъ рескриптѣ 18 февраля Государь выражаетъ сердечную благодарность дворянскимъ и земскимъ собраніямъ, купеческимъ, городскимъ и крестьянскимъ обществамъ за вѣрноподданническія чувства и готовность по зову Государя притти содѣйствовать успѣшному осуществленію возвѣщенныхъ имъ преобразованій. Въ какомъ положеніи оказываются наши пастыри, обвиняющіе въ нравствен-

номъ искалѣченіи, безуміи и крамолѣ за то, за что Государь выражаетъ свою Высочайшую благодарность? Изъ среды второй группы лицъ съ либеральнымъ направленіемъ раздается голосъ епископа, выражающій надежду, что послѣднія тяжелыя событія избавятъ русское общество отъ «порабощенности духа». Къ активному участію въ общественномъ движеніи призываетъ духовенство свящ. Крыловъ («Церк. Вѣстн.» № 9). Онъ возстаетъ противъ «традиціоннаго, уклончиваго, молчаливаго, граничащаго съ равнодушіемъ, если не болѣе, отношенія духовенства къ бытовой сторонѣ народной жизни, къ землѣ и плоти... Пора, пора подумать духовенству о своей, завѣщанной І. Христомъ, роли въ мірѣ и объ отношеніи къ плоти и землѣ. А то какъ бы, при его неподвижной стойкости въ традиціонныхъ принципахъ пастырской дѣятельности, совсѣмъ не порвалась связь съ нимъ народа и не ушелъ народъ къ инымъ руководителямъ?» Свящ. Чельцовъ М. («Церк. Вѣстн.» № 6) призываетъ духовенство говорить о нуждахъ народныхъ, а не призывать только народъ къ терпѣнію. Рѣчь голодному о терпѣніи можетъ вызвать только злобу, особенно въ виду того, что духовенство старается замалчивать неправды властей. «Кіевскія Епарх. Вѣдомости» (№ 15) заявляютъ о сочувственномъ отношеніи духовенства кіевскаго къ общественнымъ реформамъ, а, пока, молчать заставляетъ война. Не мало еще можно указать голосовъ изъ среды духовенства въ пользу общественныхъ реформъ. Отрадное явленіе! Духовенство отрѣшается отъ своей традиціонной спячки, начинаетъ всматриваться въ народную душу и народныя нужды и принимать участіе въ улучшеніи народнаго быта. «Тотъ, кто (изъ священниковъ) проходитъ мимо братьевъ, подавленныхъ кривдой общественныхъ условій, отзываясь: кто-де поставилъ меня судить между вами,—тотъ клевещетъ на Господа Христа и кощунственно жонглируетъ Его словами» (Іером. Михаилъ). Мало для іерархіи (на словахъ) говорить только о правдѣ Христовой; необходимо проводить ее въ жизнь. «Не дѣло церкви—политическія устроенія, но ея голосъ долженъ звучать, особенно въ тревожное время, настраивая и озаряя внутренніе мотивы, заправляющіе дѣйствіями»... (еп. Антонинъ). Законныя стремленія общества, направленныя къ улучшенію соціально-экономическаго строя и вытекающія изъ нравственныхъ мотивовъ, должны быть поддерживаемы іерархіею. Сочувственное отношеніе духовенства къ общественному дѣлу сблизитъ его и съ интеллигенціею и съ народомъ и со всѣми поборниками правды и свободы.

Можетъ быть, безучастное отношеніе духовенства къ общественному движенію объясняется полнымъ незнакомствомъ значительнаго большинства изъ духовенства съ соціально-экономическимъ вопросомъ,

соціальныя экономическія теоріи и рабочій вопросъ для многихъ изъ духовенства—terra incognita: соціальныя и экономическія науки не входятъ въ программу ни средней, ни даже высшей духовныхъ школъ. Необходимо бы восполнить этотъ существенный пробѣлъ.

Нельзя не привѣтствовать это новое направленіе въ средѣ нашего духовенства, не закрывающее глазъ на запросы времени, а вполнѣ сочувствующее всякимъ новымъ добрымъ начинаніямъ, направленнымъ къ улучшенію общественнаго строя.

«Слово» (№ 162-й).

Статья *Ф. Бѣлявскаго:*

Монашество и всецерковный соборъ.

Вторая записка группы столичныхъ священниковъ, на-дняхъ появившаяся въ печати, какъ нельзя лучше убѣждаетъ въ несправедливости упрековъ въ склонности къ монашескому режиму, которые дѣлались этой группѣ духовенства послѣ появленія ея извѣстной первой записки. Во второй запискѣ монашество увидѣло столько непріятнаго для себя, что, пользуясь цензорскими правами, выбросило изъ нея нѣкоторыя мѣста, затрогивавшія щекотливыя стороны жизни монашествующей администраціи. Къ запискѣ, на основаніи тѣхъ же цензорскихъ правъ, епископомъ Сергіемъ сдѣлано примѣчаніе, имѣющее видъ краткой, но чрезвычайно острой критики, если и не самой записки, составленной на основаніи строго каноническихъ источниковъ, то хотя приложеннаго къ ней проекта производства выборовъ на предполагаемый общецерковный соборъ. Печатаемъ цѣликомъ эти замѣчанія епископа Сергія:

«Слабая сторона представленнаго проекта—въ его сословности. Боясь вліянія епископовъ, авторъ хочетъ большую часть голосовъ отдать бѣлому (не низшему) духовенству, позабывая, что и оно не избрано народомъ (особенно это нужно сказать о духовенствѣ придворномъ и военномъ). Та же тенденція сказывается и въ совершенномъ исключеніи изъ собора монашества, и въ сословной постановкѣ выборовъ (отъ прихода только двое мірянъ и весь причтъ). Изъ этого же источника, наконецъ, и это желаніе избрать предсѣдателемъ кого-нибудь изъ «своихъ». Едва ли много довѣрія вызоветъ къ себѣ такой «соборъ» и едва ли онъ можетъ быть признанъ выразителемъ церковнаго сознанія.

Епископъ *Сергій*».

Мы не беремъ на себя защиты проекта столичнаго духовенства,—составленный на скорую руку, онъ, можетъ быть, дѣйствительно заключаетъ какіе-либо недочеты. Но положительно должны заявить, что эта цензорская критика представляетъ сплошную передержку, допущенную съ плохо скрытой тенденціей уронить въ общественномъ мнѣніи этотъ документъ. Примѣчаніе говоритъ о проектѣ, какъ о работѣ отдѣльной личности,—«авторъ хочетъ»...—къ чему это лукавство, когда епископу Сергію хорошо извѣстно, что здѣсь не одинъ, а 60 авторовъ. Вѣдь можно бы обойтись и безъ этого. Относительно выбора представителей отъ прихода, авторъ примѣчанія совершенно невѣрно передаетъ текстъ записки: сказано не два, а не менѣе двухъ — это разница; наконецъ, епископу Сергію, конечно, извѣстно, что въ огромномъ большинствѣ сельскихъ приходовъ *весь причтъ* составляютъ тоже всего два человѣка—священникъ и псаломщикъ; — но про это онъ счелъ болѣе удобнымъ умолчать.

Отъ общаго епархіальнаго собранія на общій церковный соборъ депутаты являются въ равномъ числѣ — по два отъ духовенства и отъ мірянъ; кромѣ того, предполагается пригласить выдающихся подвижниковъ вѣры, представителей богословскаго знанія, науки, литературы, выдающихся общественныхъ дѣятелей — это помимо тѣхъ, кто войдетъ въ составъ собора по выборамъ. Какая же можетъ быть здѣсь рѣчь о желаніи дать одному бѣлому духовенству большинство голосовъ и о «сословности» собора?!

Что касается предсѣдателя, то, конечно, при господствѣ представительнаго начала и на соборѣ, и на предварительныхъ епархіальныхъ собраніяхъ,—онъ долженъ быть выборный. Намъ хорошо извѣстно, какъ руководятъ дѣломъ нынѣшніе предсѣдатели епархіальныхъ собраній — епископы, и какъ мало они считаются съ мнѣніемъ собираемаго больше для формы духовенства.

— «Едва ли,—заключаетъ еп. Сергій,—много довѣрія вызоветъ къ себѣ такой соборъ и едва ли онъ можетъ быть признанъ выразителемъ церковнаго сознанія».

Да проститъ намъ авторъ, но намъ положительно совѣстно слышать эту рѣчь изъ устъ епископа. Вызоветъ или нѣтъ «такой» общецерковный соборъ довѣріе среди монашества—для русской церкви не важно; не важно именно теперь, когда съ такою силою проявилось общественно-церковное сознаніе, что правящее церковью монашество—это только дикій, больной наростъ на здоровомъ тѣлѣ церкви. Мы знаемъ только одно, что проектъ замкнутаго монашескаго собора уже провалился, вызвавъ общественное недовольство; что монашество своимъ чрезмѣрнымъ иска-

тельствомъ не допустило уже готоваго совершиться церковнаго обновленія, что къ нему такъ же мало довѣрія, какъ и къ обанкротившейся бюрократіи. Мы твердо увѣрены въ одномъ, что чрезмѣрныя монашескія домогательства могутъ привести насъ только къ церковному расколу. Монашеское владычество церковью явленіе незаконное, наносное мрачнымъ средневѣковьемъ, — это та темная туча, которая, по словамъ одного выдающагося богослова, облегла горизонтъ православной церкви; пока она не пронесется—нельзя ждать свѣтлаго, яснаго утра въ церковной жизни. И мы отъ всей души привѣтствуемъ пробужденіе бѣлаго духовенства отъ тяжелаго кошмарнаго сна въ монашескихъ объятіяхъ; въ добрый путь, на широкую дорогу свободной, народной церковной жизни — къ жизни золотого вѣка христіанства. Что же касается того положенія, что этотъ общецерковный «соборъ не можетъ будто бы быть признанъ выразителемъ церковнаго сознанія», то по этому пункту весьма желательно было бы слышать мнѣніе преосвященнаго твердо обоснованное, а не брошенную только мимоходомъ фразу. Только, намъ кажется, что едва ли для этой мысли можно найти не только твердыя, но и какія-либо «каноническія» основанія?

«**Новости**» (№ 132-й).

Въ этомъ № газета помѣстила выводы, къ которымъ пришли авторы записки «о составѣ церковнаго собора».

---

29 мая.

«**Либавскій Вѣстникъ**» (№ 111-й).

Подъ заглавіемъ «Прибалтійскій Край» въ этой газетѣ помѣщена статья «*Ревельскихъ Извѣстій*» — «Съѣздъ духовенства въ Ревелѣ *).

17 мая сего года въ Ревелѣ состоялся съѣздъ духовенства двухъ

---

*) Должно замѣтить, что не на одномъ только ревельскомъ съѣздѣ духовенства поднимались сужденія и дѣлались постановленія о желательныхъ преобразованіяхъ въ строѣ церковной жизни. Статью о ревельскомъ съѣздѣ мы помѣщаемъ, какъ наиболѣе характеризующую pia desiderla извѣстной части нашего духовенства, особенно въ сѣверо-западномъ краѣ.

Составитель «Сборника».

ревельскихъ благочиній для выработки вопросовъ на предстоящій епархіальный съѣздъ.

Ревельское духовенство привѣтствовало Высочайшій указъ о вѣротерпимости какъ отрадное явленіе свободы духа, какъ освобожденіе православія отъ ненужныхъ стѣсненій и ему несвойственныхъ ограниченій. Оно предвидитъ довольно значительное отступленіе отъ православія среди сельскаго населенія какъ отъ невнимательности къ нѣкоторымъ приходамъ епархіальнаго начальства, такъ и отъ экономическаго давленія на православныхъ крестьянъ со стороны землевладѣльцевъ-лютеранъ. Оно даже предвидитъ полное упраздненіе нѣкоторыхъ православныхъ сельскихъ приходовъ, которые въ свое время открывались не по настоятельной нуждѣ съ 200—300 прихожанъ при томъ разсѣянныхъ на десятки верстъ, а для блестящаго счета, и которые служили въ качествѣ богадѣльни для больныхъ или ссылки для неудобныхъ священниковъ. Оно предвидитъ даже разстройство нѣкоторыхъ благоустроенныхъ приходовъ, если не измѣнятся существующія неблагопріятныя условія церковной жизни. Но духовенство увѣрено во внутренней силѣ православія въ мѣстномъ краѣ и въ его прочности при условіи отмѣны многихъ несвойственныхъ ему порядковъ и думаетъ, что православіе уменьшится на первое время количественно, но зато усилится качественно.

Предсѣдатель съѣзда въ своей рѣчи установилъ тотъ несомнѣнный фактъ, что самымъ опаснымъ условіемъ для мѣстнаго православія является безучастное и потому равнодушное отношеніе православнаго населенія къ церкви.

Долгъ настоящаго съѣзда указать пути и средства для оживленія православной прибалтійской церкви въ томъ смыслѣ, чтобы православное населеніе края считало православную церковь своею дорогою собственностью, своею святынею. Когда это будетъ достигнуто, тогда положеніе православія въ Прибалтійскомъ краѣ можно считать прочнымъ и непоколебимымъ.

Признавъ сказанное справедливымъ, съѣздъ предлагаетъ ввести въ православной церкви Прибалтійскаго края соборное начало, намѣчая слѣдующія главныя положенія соборнаго строя:

1) избраніе прихожанами приходскаго духовенства съ опредѣленнымъ образовательнымъ цензомъ и утвержденіе его епархіальнымъ епископомъ;

2) избраніе епархіальнаго епископа духовенствомъ, при участіи представителей отъ приходовъ, изъ лицъ, знающихъ мѣстный край и языкъ населенія епархіи;

3) образованіе въ краѣ, вмѣсто одной, нѣсколькихъ епархій съ самостоятельнымъ епископомъ въ каждой, одной или двухъ для эстонскихъ и одной или двухъ для латышской части края;

4) рѣшеніе касающихся церковной области вопросовъ на окружныхъ и епархіальномъ съѣздахъ, съ участіемъ представителей отъ мірянъ по одному отъ каждаго прихода. Постановленія окружныхъ съѣздовъ представляются епархіальному съѣзду. Постановленія епархіальнаго съѣзда, на которомъ обязательно предсѣдательствуетъ епархіальный епископъ, считаются окончательными и обязательными и объявляются во всеобщее свѣдѣніе чрезъ офиціальный органъ.

Примѣненіе мѣры объ участіи мірянъ въ съѣздахъ духовенства начать, если возможно, уже съ нынѣшняго года.

Изъ 22-хъ присутствующихъ голосовъ за принятіе соборнаго строя дано было 18, а противъ 4 голоса.

Кромѣ того съѣздъ рѣшилъ и другіе вопросы, вызываемые какъ нуждами церкви, такъ и измѣнившимися условіями православія въ отношеніи къ другимъ мѣстнымъ неправославнымъ исповѣданіямъ.

Между прочимъ постановлено было ходатайствовать: о разрѣшеніи православному духовенству вѣнчать браки во всѣ дни года, кромѣ четырехъ большихъ постовъ;

о разрѣшеніи и погребать умершихъ по усмотрѣнію священниковъ и въ царскіе дни;

о разрѣшеніи вѣнчать браки двуродныхъ — два родныхъ брата съ двумя родными сестрами, со свояченицею и др., т. е. въ степеняхъ, дозволенныхъ въ лютеранской церкви, а также и съ евреями и магометанами безъ обязательнаго принятія ими христіанства;

о дозволеніи духовенству выступать изъ священнаго сана безъ лишенія гражданскихъ правъ;

о дозволеніи вдовымъ священникамъ вступать во второй бракъ въ священномъ санѣ;

о дозволеніи духовенству внѣ службъ носить свѣтскую одежду;

о дозволеніи священникамъ поручать, въ случаѣ крайней нужды, крещеніе дѣтей и мірянамъ;

объ улучшеніи быта псаломщиковъ;

о сокращеніи многочисленныхъ денежныхъ сборовъ по церквамъ, убивающихъ средства церкви;

объ упраздненіи составленія и представленія ежегодно исповѣдныхъ росписей и клировыхъ вѣдомостей и объ обязательномъ веденіи вмѣсто нихъ правильнаго приходскаго списка;

принять мѣры ко введенію въ церквахъ общаго пѣнія, съ перело-

женіемъ нѣкоторыхъ церковныхъ пѣснопѣній въ стихи, и къ введенію въ употребленіе въ школахъ и при домашней молитвѣ духовныхъ кантовъ, изданныхъ о. А. Рамулемъ;

принять мѣры къ большему распространенію въ народѣ духовнаго журнала на эстскомъ языкѣ «Waimulik Sönumetooja»;

обязать священниковъ преподавать, гдѣ нужно и удобно, въ начальныхъ школахъ Законъ Божій на родномъ языкѣ дѣтей; и наконецъ, ходатайствовать предъ епархіальнымъ начальствомъ о томъ, чтобы предложенные съѣздомъ вопросы, въ разрѣшеніи которыхъ епархіальное начальство признаетъ себя некомпетентнымъ, были представлены на разсмотрѣніе высшаго духовнаго начальства. Это ходатайство можетъ быть, конечно, кассировано епархіальнымъ начальствомъ, какъ и всѣ другія ходатайства. Но духовенство вправѣ желать, чтобы его голосъ въ настоящее тревожное время не остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

«**Слово**» (№ 163-й).

Статья *С. Н. Сыромятникова:*

Замѣтки писателя.

Для того, чтобы оживить умирающую государственность русскаго народа, лучшія силы котораго ушли на созданіе имперіи, разрушаемой нынѣ неспособностью бюрократіи,—необходимо освободить русскую церковь отъ чиновничьяго и монашескаго гнета. Между тѣмъ, реформа о вѣроисповѣдной свободѣ, улучшивъ и освободивъ иновѣрческія общины отъ полицейскихъ стѣсненій, только ухудшила положеніе православныхъ, поставивъ ихъ неорганизованными въ свободные приходы и не вооруженными самодѣятельностью противъ инославныхъ и иновѣрныхъ общинъ, сплоченныхъ долгимъ преслѣдованіемъ и имѣющихъ всѣ права самоуправленія. Какъ всегда въ Россіи—русскіе признаны недостойными той доли свободы, которою пользуются инославные и инородные ея подданные. Русскому народу все равно, кто виноватъ въ этомъ, тотъ или другой совѣтникъ, тотъ или другой монахъ, не понимающій жизни, живущій средневѣковымъ прошлымъ. Но каждый, кому дороги интересы православной церкви, кто въ ней родился и привыкъ въ минуту духовной тревоги и горести обращать къ ней взоры и молитвы за помощью и утѣшеніемъ — не можетъ не видѣть всего ужаса слѣдующаго сопоставленія.

Старообрядческія и сектантскія общины имѣютъ право выбирать себѣ духовныхъ руководителей, священниковъ и епископовъ. Если избран-

ный ими руководитель окажется недостойнымъ своего сана, они имѣютъ возможность устранить его.

Православная церковная община получаетъ почти всегда неизвѣстнаго ей пастыря изъ рукъ консисторскихъ или синодальныхъ чиновниковъ (епископа) и принуждена мириться со всѣми ихъ недостатками.

Старообрядческія и сектантскія общины могутъ развиваться, ставить новыхъ епископовъ и устраивать новые приходы.

Православныя общины закрѣплены въ своей настоящей формѣ почти неизмѣнно. Хлопотать объ открытіи новаго прихода нужно цѣлые годы и, въ большинствѣ случаевъ, безуспѣшно, о раздѣленіи же епархій православные не смѣютъ и помышлять. А громадные размѣры нашихъ епархій превратили монаховъ-епископовъ въ чиновниковъ, закрытыхъ отъ паствы грудами бумажнаго производства. Нашъ епископъ не знаетъ паствы, не видитъ ея, не руководитъ ею. Разъ въ годъ его, какъ персидскаго сатрапа, развозятъ по епархіи, да и то не по всей. Для возвращенія къ истинному древне-христіанскому укладу церковной жизни изъ каждой епархіи нужно сдѣлать пять или шесть.

Старообрядческая и сектантская община ничѣмъ не стѣснена въ своей внутренней жизни: она можетъ устраивать школы, богадѣльни, обновлять храмы, безотчетно распоряжаясь своими средствами.

Православная община шагу не можетъ ступить безъ указа консисторіи. Ей приходится по полугоду ждать разрѣшенія починить испорченную бурей крышу на церкви. Почти всѣ ея средства отбираются у нея на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній, изъ которыхъ лучшіе люди бѣгутъ на государственную службу,—на содержаніе разныхъ миссій, на консисторскихъ чиновниковъ, на другія нужды, ничего общаго не имѣющія съ мѣстными. Обираемая консисторіей община съ трудомъ поддерживаетъ церковь, а объ устройствѣ какихъ-либо просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учрежденій не смѣетъ и мечтать. Лишеніе прихода почти всѣхъ его средствъ дѣлаетъ совершенно излишнимъ участіе прихожанъ въ церковномъ хозяйствѣ и въ корнѣ подрываетъ всякую необходимость общинной жизни.

Старообрядческая и сектантская община имѣетъ права юридическаго лица, пріобрѣтаетъ недвижимую собственность на свое имя.

Православная община правъ юридическаго лица въ Россіи не имѣетъ и можетъ пріобрѣтать собственность на имя церкви, а не на имя прихода и только съ Высочайшаго разрѣшенія. Старанія воскресителей древняго самоуправляющагося прихода, о признаніи за нимъ правъ юридическаго лица, пока не увѣнчались успѣхомъ.

Старообрядческая и сектантская община, существуя на дѣлѣ, а не

на бумагѣ, обезпечиваютъ сообща своихъ пастырей, ограждая ихъ отъ необходимости вступать въ торгъ съ каждымъ прихожаниномъ о вознагражденіи.

Православный священникъ, получающій жалованья отъ казны меньше, чѣмъ полицейскій урядникъ, принужденъ жить поборами и торговлей требами, что не можетъ не лишить его всякаго уваженія и авторитета въ глазахъ паствы.

Старообрядческая и сектантская община не унижена несеніемъ полицейскихъ обязанностей. Православный священникъ обязанъ открывать даже тайну исповѣди, т. е. заниматься кощунствомъ.

Старообрядческій и сектантскій духовникъ имѣетъ право духовнаго суда въ общинѣ, въ особенности въ дѣлахъ семейныхъ. У православныхъ самый острый вопросъ семейной жизни — разводъ — отданъ въ грязныя руки повытчиковъ и лжесвидѣтелей, между тѣмъ, какъ главнымъ лицомъ въ сужденіи о необходимости развода долженъ бы былъ быть духовникъ.

Старообрядческая и сектантская община, черезъ своихъ выборныхъ, участвуетъ въ высшемъ церковномъ управленіи, чѣмъ и поддерживается внутреннее общеніе и внутренняя связь всей ихъ церкви. Православная община, не принимая участія ни въ епархіальномъ, ни въ синодальномъ управленіи, чувствуетъ себя только платежною силою, которая не знаетъ даже, куда идутъ ея трудовые гроши.

Если вдумчивый православный, ищущій вѣры и жизни по вѣрѣ, сдѣлаетъ такое сопоставленіе, ему представится два выхода: или перейти въ старообрядчество, или создать свою особую духовную жизнь независимо отъ прихода. И вотъ, образованное православное общество поддерживаетъ связи съ церковью только какъ съ необходимымъ приказомъ для веденія списковъ гражданскаго состоянія, а простой народъ или охладѣваетъ къ церкви и вѣрѣ, или уходитъ въ старообрядчество и секты. А наши монахи толкуютъ въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ о несвоевременности реформъ и «о еже потребити отъ насъ вся неистовыя крамолы супостатовъ», къ которымъ по христіанской любви причисляютъ и народныхъ представителей.

Полицейскіе урядники и полицейскіе пастыри безсильны измѣнить потребности жизни и уничтожить силы Св. Духа, Который есть духъ свободы, любви и правды, а не духъ рабства, ненависти и лжи. Духовная жажда никогда не умирала ни въ одномъ народѣ, она, какъ подземный ключъ, только измѣняла свое русло, безсильная, въ иныя эпохи, промыть камни, которыми заваливали ее живые мертвецы. Но для каждаго изъ насъ, русскихъ, выросшихъ въ преданіяхъ православной церкви,

сросшихся съ ея многострадальнымъ прошлымъ во времена всешутѣйшихъ соборовъ, бироновщины и тираніи старыхъ и новыхъ Протасовыхъ,—для насъ, привыкшихъ видѣть въ ней духовную хранительницу лучшихъ завѣтовъ русскаго народа, настоящее положеніе православія не можетъ не возбуждать мучительныхъ вопросовъ. Передъ православіемъ встала грозная дилемма—или возвратиться ко Христу, сдѣлаться народнымъ и скинуть съ себя не принадлежащій ему чиновничій вицъ-мундиръ, или потерять всѣхъ лучшихъ изъ мірянъ и превратиться въ остатокъ старины, любопытный для любителей древняго обряда.

Православіе не есть остатокъ восточной археологіи, не есть отжившій фактъ исторіи религій, оно—огромная живая сила, объединяющая милліоны разноплеменныхъ людей апостольскаго Востока. Оно не измѣнится отъ того, какъ къ нему относится тотъ или другой русскій тайный совѣтникъ. Но долгіе вѣка, во время торжества ислама, русскій народъ былъ его хранителемъ. Кому же нужно, чтобы русскій народъ сдѣлался протестантскимъ, кому же нужно, чтобы новый восточный Лютеръ увлекъ насъ въ холодныя области раціонализма? А если разрушеніе нашей церкви не желательно никому, кромѣ враговъ Россіи, то надо же сдѣлать ее апостольской, т. е. народной, а не чиновничьей, отъ кого бы ни исходило начало такой реформы. Можно жить съ дурными государственными учрежденіями, но нельзя жить съ потухшей вѣрой и съ рабскимъ духомъ. Началомъ же церковной реформы должно быть образованіе самоуправляющагося прихода, для введенія котораго не надо участія вселенскихъ патріарховъ, такъ какъ онъ существуетъ и въ Греціи и въ Румыніи и даже въ Выборгѣ.

«Слово» (№ 163-й).

Письмо *свящ. В. Калачева:*

М. г., г. редакторъ!

«Прочиталъ рецензію епископа Сергія на проектъ организаціи церковнаго собора, помѣщенную въ № 21 «Церк. Вѣстн.» въ качествѣ примѣчанія къ проекту, и хочется сказать преосвященному рецензенту: «врачу, исцѣлися самъ!» Не партійность ли, которую заподозриваетъ въ составителѣ проекта еп. Сергій, такъ ослѣпляетъ его самого, что онъ дѣлаетъ явно ложные выводы?

Изъ каждой строки проекта ясно, что составитель стоитъ не на узко-сословной, а на широко-церковной почвѣ. Какъ можно утверждать, что въ проектѣ отдается «большая часть голосовъ бѣлому *(не низшему)*

духовенству», когда въ п. 5 прямо сказано: «всѣ члены клира съ равнымъ голосомъ?» Какъ можно укорять въ забвеніи того, что и бѣлое духовенство «не избрано народомъ», когда избирательное начало въ проектѣ называется «освященнымъ апостольскимъ преданіемъ» въ отношеніи «всего вообще клира», и когда, въ виду прискорбнаго упраздненія въ церковной практикѣ этого начала, ни разу не говорится въ проектѣ о представительствѣ отъ бѣлаго духовенства безъ одновременнаго упоминанія и о представительствѣ отъ мірянъ? Неправда и то, что «постановка выборовъ сословна» и что по проекту, будто бы, только двое мірянъ посылаются на выборы отъ прихода. Въ п. 1 ясными словами осуждаются выборы особые отъ «чина» духовенства и особые отъ «чина» мірянъ, именно, изъ-за сословности такихъ выборовъ. А въ упомянутомъ уже п. 5 не менѣе ясно указано, съ одной стороны, что мірянъ уполномоченныхъ отъ прихода не «только двое», а «не менѣе двухъ», а съ другой стороны, что выборныхъ должно быть столько же отъ мірянъ, сколько и изъ духовенства. Говоря, что такихъ выборныхъ должно быть «не менѣе двухъ» какъ изъ духовенства, такъ и изъ мірянъ, проектъ, очевидно, даетъ цифры минимальныя для достиженія цѣли имѣть въ будущемъ церковномъ соборѣ представительство не одной іерархіи, а всей церкви. Эти цифры, нисколько не нарушая проекта, можно увеличить, соблюдая принципъ равнаго количества представителей изъ духовенства и изъ мірянъ, до такого предѣла, какой допустятъ условія соборной работы.

Что же касается «тенденціи», сказавшейся, по мнѣнію епископа Сергія, въ совершенномъ исключеніи изъ собора монашества, то правильно здѣсь можно говорить только объ одной тенденціи,—не подпасть каноническому осужденію за несоблюденіе 4-го правила 4 Вселенскаго собора, въ силу котораго проектъ и права не имѣлъ вводить на соборъ монаховъ. Вотъ это правило: ...*Монашествующіе* же, въ каждомъ градѣ и странѣ, да... соблюдаютъ безмолвіе, да прилежатъ токмо посту и молитвѣ, безотлучно пребывая въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ отреклись отъ міра, *да не вмѣшиваются ни въ церковныя, ни въ житейскія дѣла, и да не пріемлютъ въ нихъ участія, оставляя свои монастыри*». Слова достаточно ясныя, чтобы понимать ихъ такъ, какъ они есть, а не въ перетолкованіи нѣкоторыхъ канонистовъ изъ монаховъ, что соборъ здѣсь «только воспрещаетъ своеволіе и злоупотребленіе въ иноческой жизни».

Интересно бы знать, какую организацію будущаго церковнаго собора еп. Сергій считалъ бы свободной отъ сословности, составляющей, якобы, слабую сторону рецензированнаго имъ проекта. Ужъ не собраніе ли только однихъ епископовъ?

30 и 31 мая.

«**Русское Слово**» въ № 144-мъ (30 ч.) перепечатало полностію статью «**Церковнаго Вѣстника**»: «О составѣ церковнаго собора»; «**Одесскій Листокъ**» въ № 138-мъ (31 ч.) помѣстилъ лишь краткую выдержку изъ этой статьи, характеризуя ее какъ «достойную особаго вниманія».

Мѣсяцъ іюнь.

«**Миссіонерское Обозрѣніе**» (Іюнь).

Статья *И. В. Преображенскаго:*

Есть-ли историческій смыслъ въ словахъ Достоевскаго, что „церковь русская въ параличѣ со времени Петра Великаго“?

Большою популярностію пользуется нынѣ литературное выраженіе Достоевскаго: «Церковь русская въ параличѣ со времени Петра Великаго». Популярности этого выраженія много содѣйствовали бывшія въ Петербургѣ «религіозно-философскія собранія», на которыхъ оно съ особенною любовію высказывалось доказывавшими неканоничность нынѣшняго строя высшаго церковнаго управленія, возглавляемаго Св. Синодомъ. Въ послѣднее же время, когда злобою дней былъ вопросъ о коренной реформѣ церковнаго управленія, слова Достоевскаго о параличѣ русской церкви со времени Петра Великаго выставлялись сторонниками реформы, какъ одно изъ главныхъ основаній необходимости ея. Фраза Достоевскаго фигурируетъ даже въ составленной по порученію С. Ю. Витте запискѣ, которая представляема была вниманію Государя Императора.

Въ виду столь важнаго, можно даже сказать, необыкновенно важнаго значенія, какое усвояется выраженію Достоевскаго о параличѣ нашей церкви со времени Петра I-го, чрезвычайно интересно и настолько же важно и именно для настоящаго времени имѣть основательный авторитетный отвѣтъ на поставленный нами вопросъ: есть ли въ приводимомъ выраженіи Достоевскаго о параличѣ церкви *историческій* смыслъ?

Такой отвѣтъ можно найти въ обширной, солидной, глубоко-научной статьѣ профессора московской духовной академіи Н. Ѳ. Каптерева: «*Власть патріаршая и архіерейская въ древней Руси въ ихъ отношеніи къ власти царской и къ приходскому духовенству* *).

Статья эта можетъ быть названа богатѣйшею историческою справкою о высшемъ управленіи русскою церковію съ самаго начала офиціальнаго существованія русской церкви, или—говоря точнѣе—объ отношеніи высшей церковной власти къ государству и наоборотъ. Справка эта, какъ нельзя больше ко времени, и вотъ о чемъ говоритъ она.

Со введеніемъ у насъ христіанства и во весь удѣльно-вѣчевой періодъ нашей исторіи власть митрополита всея Руси была совершенно независимою отъ свѣтскихъ туземныхъ властей. Митрополиты были греки, ихъ избирали и ставили на Русь константинопольскіе патріархи вмѣстѣ съ греческими императорами,—судить и осудить ихъ, лишить ихъ каѳедры могъ только патріархъ, который разбиралъ всѣ жалобы на русскаго митрополита. Русскіе князья, въ случаѣ недовольства какими-либо дѣйствіями митрополита, могли только жаловаться патріарху, но сами, соборомъ своихъ мѣстныхъ архіереевъ, судить и низвергать митрополита не могли. Полная независимость митрополита отъ князей обезпечивала ему полную самостоятельность въ его дѣйствіяхъ и не только въ управленіи церковію, но и въ отношеніи самихъ князей. Не боясь князей, онъ могъ смѣло обличать ихъ и мирить враждующихъ, смѣло вступаться за всѣхъ обиженныхъ и несчастныхъ, обличать общественныя беззаконія и неправды.

Князья были полными господами и хозяевами лишь въ своихъ удѣлахъ. Власть великаго князя была очень неопредѣленна, слабо выражена и часто переходила изъ рукъ въ руки. Поэтому въ удѣльно-вѣчевой періодъ на Руси не было совсѣмъ такой свѣтской власти, которая могла бы дѣйствовать на всю русскую территорію, на строй жизни и направленіе ея въ цѣломъ народѣ. Совершенно иною была тогда власть церковная въ лицѣ митрополита. Она была единою для всей Руси, и только въ ней объединялась тогдашняя политически-разъединенная Русь. Духовный владыка русской земли былъ во многихъ отношеніяхъ сильнѣе и вліятельнѣе разъединенныхъ и враждующихъ между собою свѣтскихъ владыкъ. И если тогдашніе митрополиты не использовали всей силы и могущества своей духовной власти въ видахъ того или другого своего воздѣйствія на весь строй и

*) Статья эта помѣщена въ апрѣльской книгѣ «Богословскаго Вѣстника» за текущій годъ.

характеръ народной жизни, не подчинили всецѣло эту послѣднюю своему духовному водительству, то это вовсе не потому, что свѣтская власть ограничивала или стѣсняла ихъ въ стремленіяхъ къ этому, а потому, что они, какъ иноземцы (за рѣдкими исключеніями), сами далеки были отъ такого стремленія. Вліяніе митрополитовъ-иностранцевъ въ ихъ общественно-государственной дѣятельности выражалось не въ творчествѣ на основѣ русскихъ національно-мѣстныхъ условій, для нихъ чуждыхъ и ихъ не интересовавшихъ, а въ перенесеніи на русскую почву сторонних ей греко-византійскихъ идеаловъ, общественнаго и государственнаго строя и жизни.

Но, вотъ, на Руси стало складываться сильное московское княжество, а въ немъ сильная власть великаго князя. Московскіе князья хорошо видѣли и понимали то политическое значеніе, которое имѣли тогдашніе митрополиты, и потому постарались привлечь митрополита къ себѣ, убѣдивъ его поставить свою митрополичью каѳедру въ Москвѣ. Достигнувъ этого, они, теперь уже сильные и вліятельные, настояли предъ константинопольскимъ патріархомъ, чтобы русскіе митрополиты ставились обязательно изъ русскихъ и *чтобы они были избранниками великаго князя.* Образовался тѣсный союзъ власти духовной и свѣтской въ лицѣ митрополита и въ лицѣ великаго князя московскаго и всея Руси.

Опираясь, между прочимъ, на содѣйствіе митрополита, великій князь московскій подавилъ всѣ удѣльныя княжества и объединилъ ихъ подъ своею властію. Съ этого времени стали измѣняться и отношенія московскихъ князей къ митрополитамъ. Князья достигли того, что митрополиты не только избирались ими, великими князьями, изъ русскихъ, слѣдовательно ихъ же подданныхъ, но и ставились въ Москвѣ. Новый порядокъ этотъ сразу кореннымъ образомъ измѣнилъ общественное положеніе митрополита и его отношеніе къ свѣтской власти. Изъ свободнаго и независимаго прежде отъ свѣтской власти митрополитъ превращается теперь въ покорнаго слугу великаго князя, исполнителя его велѣній и желаній. Изъ прежнихъ правъ, которыя ранѣе принадлежали митрополиту, независимому отъ свѣтской власти, теперь осталось только одно: право печаловаться предъ великимъ княземъ за опальныхъ, несчастныхъ и обиженныхъ, да и этимъ-то правомъ пользовались даже не всѣ митрополиты, и пользовались при томъ съ большою оглядкой.

Какъ скоро свѣтская власть вполнѣ убѣдилась, что она сильнѣе духовной, что митрополитъ въ существѣ такой же подданный великаго князя, какъ и другіе его подданные, съ ними не стали церемониться.

Митрополитовъ, не нравившихся высшей свѣтской власти, стали спокойно низводить съ ихъ престоловъ и замѣнять другими, болѣе подходящими, лицами. За обличенія свѣтской власти и за «печалованія» предъ нею святой митрополитъ Филиппъ не только лишенъ былъ каѳедры, но и самой жизни. Послѣ этого и право митрополитовъ «печаловаться» стало все болѣе суживаться и все рѣже проявляться, а наконецъ и совсѣмъ было забыто представителями нашей церкви.

Такимъ образомъ, заключаетъ проф. Каптеревъ, еще московскіе митрополиты превращены были въ покорныхъ и нерѣдко раболѣпныхъ слугъ—«потаковниковъ», какъ ихъ тогда называли, великаго князя; высшая духовная власть—митрополитъ былъ совершенно безсиленъ и безправенъ предъ выросшею и окрѣпшею властію великаго князя, который уже избиралъ, ставилъ и низводилъ митрополита по своему желанію и усмотрѣнію. Народъ и все общество не находило въ такомъ порядкѣ дѣлъ ничего ненормальнаго; по его мнѣнію, дѣло такъ именно и должно стоять, такъ какъ митрополитъ у насъ никогда не былъ народнымъ избранникомъ. Въ такихъ взаимныхъ отношеніяхъ находилась у насъ свѣтская и духовная власть, когда учреждено было патріаршество.

Москва была признана русскими наслѣдницею Византіи, въ силу чего московскій великій князь вѣнчался *царскимъ вѣнцомъ*. Но византійскія представленія требовали, чтобы рядомъ съ царемъ всегда существовалъ и патріархъ, *это было необходимо для полноты православнаго христіанскаго царства*. Въ силу, между прочимъ, именно этого представленія болгарскіе и сербскіе государи, принимая титулъ императоровъ, въ то же время всегда учреждали у себя и патріаршество, не смотря на энергическое противодѣйствіе константинопольскихъ патріарховъ. Русскіе въ этомъ случаѣ стояли также на почвѣ византійскихъ представленій, и потому у нихъ, вслѣдъ за утвержденіемъ на Руси царскаго достоинства, естественно явилась мысль и объ учрежденіи въ Москвѣ патріаршества, чтобы Москва и съ церковной стороны ничѣмъ не уступала старой Византіи.

Исторію учрежденія патріаршества проф. Каптеревъ передаетъ такъ. Когда въ 1586 году въ Москву прибылъ за милостынею антіохійскій патріархъ Іоакимъ, то царь Ѳедоръ Ивановичъ, «помысля съ своею благовѣрною и христолюбивою царицею Ириною», высказалъ боярамъ о томъ, какъ поставлялись на Руси митрополиты. «Изначала», говорилъ онъ, «митрополиты всея Россіи поставлялись отъ патріарховъ цареградскихъ и вселенскихъ; потомъ ихъ стали поставлять въ Москвѣ *по приговору и по избранію прародителей нашихъ* и всего освящен-

наго собора, отъ архіепископовъ и епископовъ россійскаго царства даже и до нашего царствія». Теперь же государь рѣшилъ просить у Бога милости, «дабы устроилъ въ нашемъ государствѣ московскомъ россійскаго патріарха», почему и слѣдуетъ просить антіохійскаго патріарха Іоакима, чтобы онъ взялъ на себя миссію довести желаніе царя до свѣдѣнія другихъ восточныхъ патріарховъ. Бояре одобрили мысль царя объ учрежденіи въ Россіи патріаршества, и Борису Ѳедоровичу Годунову поручено было войти объ этомъ въ переговоры съ антіохійскимъ патріархомъ Іоакимомъ, что тотъ и исполнилъ.

Въ этомъ офиціальномъ (по статейному списку) разсказѣ, замѣчаетъ проф. Каптеревъ, невольно обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что мысль объ учрежденіи патріаршества въ Россіи высказывается въ первый разъ царемъ, который, посовѣтовавшись съ своею царицею, сообщаетъ затѣмъ свое рѣшеніе учредить въ Москвѣ патріаршество не собору русскихъ іерарховъ, какъ бы можно было ожидать, а боярамъ, и, заручившись только ихъ согласіемъ, поручаетъ вести переговоры съ антіохійскимъ патріархомъ не митрополиту или какому-либо другому іерарху, а Борису Годунову. На участіе въ этомъ церковномъ дѣлѣ какого-либо духовнаго лица, а тѣмъ болѣе собора іерарховъ, нѣтъ и намека.

Безъ сомнѣнія, это замѣчаніе профессора Каптерева по поводу учрежденія у насъ патріаршества въ высшей степени важно и не можетъ не быть принимаемо во вниманіе при современныхъ толкахъ о возстановленіи у насъ патріаршества.

Когда въ 1588 году въ Москву неожиданно прибылъ за милостынею самъ константинопольскій патріархъ Іеремія, царь, опять посовѣтовавшись со своею царицею и поговоря только съ боярами, а не духовными властями, рѣшается воспользоваться пребываніемъ въ Москвѣ Іереміи, чтобы поставить русскаго патріарха. Для переговоровъ съ Іереміею, по рѣшенію царя и бояръ, назначается попрежнему Борисъ Годуновъ, къ которому впослѣдствіи приданъ былъ дьякъ Андр. Щелкаловъ. Когда Іеремія уже окончательно согласился поставить въ русскіе патріархи—«*кого благочестивый государь произволитъ*», только тогда, именно въ 17-й день января 1589 года, царь, наконецъ, собралъ соборъ изъ русскихъ іерарховъ и изложилъ на немъ историческій ходъ переговоровъ объ учрежденіи на Руси патріаршества, заявилъ собору о согласіи Іереміи поставить въ патріархи русскаго и въ заключеніе предложилъ митрополиту Іову посовѣщаться со всѣми отцами собора, «какъ бы, Богъ далъ, такое великое и преславное дѣло устроилось». На это предложеніе царя отцы собора смиренно отвѣтили, «что они

полагаются на волю его—благочестиваго государя. *По избранію и повелѣнію царя*, митрополитъ московскій Іовъ и былъ потомъ поставленъ Іереміею въ патріархи московскіе и всея Руси.

Если учрежденіе патріаршества было у насъ, съ одной стороны, исключительно дѣломъ свѣтской власти, безъ всякаго участія въ немъ лицъ духовныхъ, то, съ другой стороны, оно не вызывалось и какими-либо особыми настоятельными причинами, лежавшими во внутреннемъ строѣ и характерѣ нашей церковной жизни. Патріаршество, какъ говоритъ проф. Каптеревъ, по отношенію ко всей совокупности нашей внутренней церковной жизни, было явленіемъ чисто внѣшнимъ, не затрогивавшимъ ея прежнихъ основъ, направленія и характера. Съ учрежденіемъ патріаршества получилась не новая какая-либо церковная сила, а только внѣшнее украшеніе церкви. Московскій патріархъ и по своему положенію и по правамъ духовнымъ былъ совершенно то же, что и московскій митрополитъ. И патріархомъ, какъ прежде митрополитомъ, московская свѣтская власть распоряжалась, въ своихъ видахъ, по собственному только усмотрѣнію, нисколько не церемонясь съ самою личностью патріарха. Это съ особенною ясностію обнаружилось уже при самыхъ первыхъ патріархахъ.

Умеръ царь Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ, и патріархъ со всѣмъ священнымъ соборомъ присягнулъ сыну Бориса — Ѳеодору. Ѳеодоръ былъ убитъ, а Лжедимитрій провозглашенъ царемъ. Прежде чѣмъ онъ вступилъ въ Москву, толпы москвичей съ оружіемъ и дреколіемъ вторгнулись въ Успенскій соборъ, гдѣ тогда служилъ Іовъ, не дали ему окончить литургію и, заставивъ разоблачиться, съ позоромъ таскали его по церкви и вывели затѣмъ за Кремль, къ лобному мѣсту, гдѣ толпа била и безчестила патріарха, а потомъ съ криками: «богатъ, богатъ Іовъ патріархъ, идемъ и разграбимъ его», разграбили домъ и имущество, а самъ онъ въ простой рясѣ чернеца и на убогой телѣгѣ отправленъ былъ въ г. Старицу. Между тѣмъ, Лжедимитрій торжественно въѣхалъ въ Москву и на лобномъ мѣстѣ, гдѣ недавно народъ билъ и безчестилъ своего патріарха, онъ былъ торжественно встрѣченъ митрополитами, архіепископами, епископами и всѣмъ священнымъ соборомъ съ крестами, иконами, хоругвями, съ пѣніемъ священныхъ пѣсней. Новый царь привезъ съ собою и новаго патріарха (рязанскаго архіепископа Игнатія, изъ греческихъ архіепископовъ). Русскіе архіереи безпрекословно согласились санкціонировать законность поставленія Игнатія. Никто изъ нихъ не вступился за обезчещеннаго, публично опозореннаго Іова, никакимъ образомъ не лишеннаго своихъ патріаршихъ правъ. Лжедимитрій былъ убитъ, и воцарившійся В. Ив.

Шуйскій низложилъ Игнатія, а на его мѣсто велѣлъ поставить Гермогена, архіепископа казанскаго. Низложенъ былъ Шуйскій и временно взяла верхъ та боярская партія, которая дѣйствовала въ пользу призванія на московскій престолъ польскаго королевича Владислава. Она низвергла Гермогена, и этотъ великій патріотъ погибъ насильственною (голодною) смертію. Снова возведенъ въ патріархи Игнатій, который, однако, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ бѣжалъ въ Литву, и московская патріаршая каѳедра осталась теперь совсѣмъ безъ патріарха. Такъ продолжалось слишкомъ семь лѣтъ, вплоть до избранія въ патріархи Филарета Никитича.

Если патріархъ Филаретъ имѣлъ у насъ огромное значеніе, одинаково какъ въ церковныхъ, такъ и во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ, нося титулъ, наравнѣ съ царемъ, великаго государя, то это исключительно потому, что онъ былъ отцомъ государя, который во всѣхъ дѣлахъ руководствовался всегда совѣтами и указаніями своего родителя.—Два первые преемника Филарета Никитича, патріархи Іоасафъ и Іосифъ, были избранниками и ставленниками государя, и оба были личностями довольно безцвѣтными, даже вовсе и не думавшими о какой-то независимости отъ свѣтской власти, предъ которой они чувствовали и сознавали все свое безсиліе. Не даромъ, конечно, патріархъ Іосифъ, въ послѣднее время своего патріаршества, говорилъ приближеннымъ: «перемѣнить меня, скинуть меня хотятъ, а буде и не отставятъ, я и самъ за соромъ объ отставкѣ стану бить челомъ». Иное положеніе дѣлъ началось со вступленіемъ на патріаршій престолъ Никона.

Благодаря своимъ личнымъ выдающимся качествамъ Никонъ, поставленный въ патріархи царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, пріобрѣлъ сильное вліяніе на послѣдняго и сдѣлался полнымъ господиномъ всѣхъ церковныхъ дѣлъ. Мало того, что Алексѣй Михайловичъ «положилъ свою душу и всю Русію на патріархову душу», онъ сдѣлалъ Никона рядомъ съ собою великимъ государемъ, и великій государь—патріархъ сталъ теперь принимать участіе во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ наравнѣ съ настоящимъ государемъ, а иногда даже какъ будто и совсѣмъ заслонять послѣдняго. У Никона совсѣмъ закружилась голова, и онъ не понялъ, что его совершенно исключительное положеніе, какъ великаго государя, не имѣетъ подъ собою никакой другой реальной почвы, кромѣ каприза царя, и что, поэтому, силенъ онъ лишь до разрыва съ царемъ. Разрывъ этотъ случился, и Никонъ сразу палъ.

Но Никонъ былъ человѣкъ въ высшей степени увлекающійся, че-

столюбивый и не уступчивый. Онъ рѣшился и послѣ паденія бороться и доказать всѣмъ, что его высокое положеніе въ государствѣ не было слѣдствіемъ милости или каприза царя, а принадлежало ему по праву, какъ главѣ церкви, какъ верховному представителю духовной власти, которая во всѣхъ отношеніяхъ выше власти свѣтской. Свои воззрѣнія на отношеніе царства и священства Никонъ выразилъ очень откровенно и опредѣленно въ своемъ обширномъ «Возраженіи» противъ вопросовъ боярина Стрешнева, обращенныхъ этимъ послѣднимъ къ газскому митрополиту Паисію Лигариду и противъ Паисіевыхъ отвѣтовъ.

Въ сочиненіи этомъ Никонъ доказываетъ ту мысль, что престолъ царскій находится на землѣ, а престолъ священства «на небеси посажденъ есть», и кого священство свяжетъ на землѣ, тотъ будетъ связанъ и на небѣ, что помазаніе на царство совершается чрезъ священство, «священства же помазаніе—непосредственно Св. Духомъ» и что, поэтому, «власть священства толико гражданскія лучши есть, елико земли небо, паче же и много вящше»... Съ своей точки зрѣнія Никонъ подвергъ безпощадной критикѣ существовавшія при немъ, *но гораздо ранѣе его сложившіяся*, отношенія церкви къ государству и естественно пришелъ къ тому выводу, что церковь у насъ не имѣетъ и тѣни самостоятельности, что она находится въ положеніи гонимой и угнетаемой со стороны свѣтской власти. Ту же мысль объ угнетеніи у насъ церковной власти свѣтскою высказалъ онъ и въ особой грамотѣ константинопольскому патріарху Діонисію, которому онъ жаловался на царя.

Высказанныя Никономъ воззрѣнія на отношенія между свѣтской властью и духовной, на долгъ послѣдней руководить первою, какъ душа, высшее начало, руководитъ тѣломъ — началомъ низшимъ, были такъ новы и необычны для русскихъ, такъ сильно расходились съ тѣмъ, что давала и завѣщала имъ византійская и своя исторія, что никакъ не могли разсчитывать, повидимому, на какое-либо сочувствіе къ себѣ съ чьей бы то ни было стороны.

Во времена Никона выразителями народныхъ воззрѣній можно въ извѣстномъ отношеніи считать тогдашнихъ первыхъ противниковъ его реформъ и основателей русскаго раскола. Будучи вообще противниками реформъ Никона, они въ частности діаметрально противоположно Никону судили и о власти свѣтской и духовной. Если Никонъ выраженіе при обращеніи къ царю: «ты богъ земной», считалъ безумнымъ глаголомъ, то Нероновъ, обращаясь къ царю, величалъ его «воистину по Бозѣ богомъ»; если Никонъ заявлялъ: «власть священства толико

гражданскія лучши есть, елико земли небо, паче же и много вящше», то Лазарь, совершенно наоборотъ, училъ, что власть царская божественна и что «яко отстоитъ небо отъ земли, и солнце выше луны и больше свѣтомъ есть: сице и царская божественная власть высши и больши прочихъ властей»;—если Никонъ вмѣшательство царя въ дѣла церковныя считалъ «не строеніемъ церкви, но паче гоненіемъ», то противники его, совершенно наоборотъ, считали прямою и непремѣнною обязанностью, священнымъ долгомъ царя, наблюдать не только за гражданскими дѣлами, но и за церковными, распоряжаться въ нихъ и приказывать, созывать соборы и на нихъ, «яко превеликому столпу, предсѣдати и всѣхъ зрѣти».—Одинъ изъ единомышленниковъ Неронова, инокъ Авраамій, писалъ государю: «вся тягота церковная нынѣ на твоей выи виситъ; а на власти (т. е. духовныхъ іерарховъ) ни на которыхъ нечего смотрѣть—времени служатъ, а напередъ не озираются бѣдніи пастуси».

Изъ указаннаго враждебнаго отношенія современниковъ Никона къ его воззрѣніямъ на свѣтскую и духовную власть никакъ, однако, не слѣдуетъ, чтобы эти воззрѣнія прошли совсѣмъ безслѣдно для русскаго общества и вовсе не находили себѣ сторонниковъ такъ, чтобы свѣтская власть могла не обращать на нихъ никакого вниманія. Сторонниками никоновскихъ воззрѣній оказались тогдашніе архіереи. По свидѣтельству поддьяка Ѳедора Трофимова, вмѣстѣ съ Никономъ «на царскую державу возгордились» другіе русскіе архіереи, которые, называя себя «свободными архіереями», не хотѣли, по примѣру Никона, подчиняться царскому суду, не желали допускать со стороны свѣтской власти никакого вмѣшательства въ свои епархіальныя дѣла. Правда, тогдашніе архіереи считали Никона своимъ поработителемъ, всячески желали и добивались его окончательнаго низверженія, но зато, относительно высказанныхъ Никономъ воззрѣній на отношеніе царства и священства, они рѣшительно стали на его сторону.

Въ виду такого положенія дѣлъ, свѣтская власть, нисколько не думавшая поступаться своимъ значеніемъ власти церковной и тѣмъ болѣе уступать первенство послѣдней, сочла необходимымъ спорный вопросъ предложить на рѣшеніе также духовнымъ властямъ, только болѣе компетентнымъ и авторитетнымъ, чѣмъ Никонъ и русскіе архіереи, именно—къ восточнымъ патріархамъ. Къ этимъ патріархамъ, ко всѣмъ четыремъ, съ указанною цѣлью и отправленъ былъ нашимъ правительствомъ іеродіаконъ грекъ Мелетій. Отвѣты онъ добылъ и привезъ въ Москву, но отвѣты эти, какъ и слѣдовало ожидать, оказались составленными въ духѣ, совершенно противоположномъ воззрѣніямъ Никона.

Восточные патріархи признали, что царская власть выше духовной, такъ какъ царь есть намѣстникъ Божій на землѣ, что патріархъ, наравнѣ со всѣми другими подданными, обязанъ царю безусловнымъ во всемъ повиновеніемъ, что всякое повелѣніе, идущее отъ царя, «законъ есть» и потому вполнѣ обязательно для патріарха, который долженъ «подлагать себя подъ судъ царскій» и наравнѣ съ другими подданными нести кару за всякое противленіе царскимъ повелѣніямъ.

Понятно само собою, что русскіе архіереи, мечтавшіе было освободиться отъ свѣтской власти, не могли согласиться съ предложеннымъ восточными патріархами рѣшеніемъ вопроса о власти царской и патріаршей, отдававшимъ архіереевъ въ безусловное распоряженіе свѣтской власти. Естественно было, съ ихъ стороны, попытаться снова подвергнуть этотъ вопросъ обсужденію, въ видахъ болѣе благопріятнаго для нихъ его рѣшенія. За это дѣло взялись, главнымъ образомъ, два архіерея, выдававшіеся тогда своимъ умомъ и относительною образованностью — Павелъ, митрополитъ крутицкій, и Иларіонъ, архіепископъ рязанскій. Такъ какъ въ 1666 г. въ Москву прибыли два восточныхъ патріарха съ нѣкоторыми архіереями для соборнаго суда надъ Никономъ, то Павелъ и Иларіонъ рѣшились открыто поднять на соборѣ вопросъ о царской и патріаршей власти, рѣшенный на Востокѣ, по ихъ мнѣнію, очень односторонне, за отсутствіемъ тамъ представителей и защитниковъ иного взгляда на этотъ вопросъ.

Дѣйствительно, на соборѣ 1667 года, вопросъ этотъ былъ поднятъ. Въ теченіе нѣсколькихъ засѣданій по нему происходили очень горячія пренія, при чемъ русскіе архіереи употребляли всѣ усилія доказать, на основаніи преимущественно свидѣтельствъ изъ отцовъ церкви, что священство выше царства; они рѣшительно заявляли, что Златоустъ и другіе св. отцы «яснѣе солнца утверждаютъ, что степень священства выше степени царской». Напротивъ, греческіе іерархи съ неменьшимъ усиліемъ стремились доказать, что царство выше священства, «что тѣ никонствуютъ и папствуютъ, кто покушается уничтожить царство и поднять на высоту священство». Ни та, ни другая сторона не хотѣли уступить другъ другу. Тогда соборъ счелъ за лучшее избрать средній, примирительный путь. Патріархи въ концѣ концовъ заявили: «да будетъ признано заключеніе, что царь имѣетъ преимущество въ дѣлахъ гражданскихъ, а патріархъ въ церковныхъ». Всѣ воскликнули: «сіе есть мнѣніе богоносныхъ отецъ! Такъ мыслимъ всѣ!»...

Такъ былъ рѣшенъ у насъ соборомъ 1667 г. вопросъ объ отношеніи власти царской и патріаршей, вопросъ только въ этотъ *единственный разъ* офиціально возникавшій у насъ въ теченіе всей на-

шей исторіи и *единственный разъ* публично обсуждавшійся на соборѣ. Но рѣшеніе собора и самыя соборныя разсужденія по этому вопросу не вошли, однако, въ соборныя офиціальныя дѣянія, не были закрѣплены подписями присутствовавшихъ на соборѣ, а потому и не получили обязательнаго офиціальнаго значенія.

Фактически и по существу, говоритъ профессоръ Каптеревъ, положеніе дѣлъ и послѣ собора 1667 г. осталось прежнее; попрежнему патріархъ находился въ полной безусловной зависимости отъ царской власти. Царь Алексѣй Михайловичъ, послѣ удаленія Никона управлявшій всею русскою церковію почти десять лѣтъ, могъ бы и совсѣмъ прекратить у насъ существованіе патріаршества;—никакихъ серьезныхъ препятствій къ этому онъ ни откуда бы не встрѣтилъ. И если онъ рѣшился, наконецъ, на мѣсто Никона поставить въ патріархи стараго, болѣзненнаго, совершенно безличнаго Іоасафа, то единственно потому, что хотѣлъ быть царемъ по примѣру древнихъ благочестивыхъ греческихъ царей, рядомъ съ которыми всегда обязательно былъ и патріархъ. Но уже его сынъ Петръ не считалъ старую Византію за образецъ для себя,—для полноты русскаго православнаго царства не считалъ обязательнымъ существованіе патріаршества, а потому окончательно уничтожилъ его, при томъ безъ протестовъ съ чьей бы то ни было стороны и даже при всеобщемъ, можно сказать, равнодушіи къ этому явленію въ церковной жизни.

Очевидно, наше патріаршество, созданное исключительно свѣтскою властію по политическимъ чисто мотивамъ, въ свое столѣтнее существованіе не пустило никакихъ прочныхъ въ народной жизни корней, не имѣло съ нею никакой живой, органической связи, и потому, какъ возникло, такъ и умерло, только по хотѣнію свѣтской верховной власти.

Какое же послѣ этого основаніе, какой есть смыслъ утверждать, что со времени учичтоженія у насъ патріаршества, со времени Петра Великаго, церковь наша была въ состояніи паралича?

Но, можетъ быть, этотъ смыслъ откроется, если мы обратимъ вниманіе на строй епархіальнаго управленія во времена патріаршества, на степень власти и значенія епархіальныхъ архіереевъ въ управляемыхъ ими епархіяхъ, на степень самостоятельности патріарха въ управленіи своею спеціально патріаршею областью? Посмотримъ.

Въ древней Руси еще съ XV вѣка, если не ранѣе, существовалъ у всѣхъ архіереевъ довольно сильно развитый институтъ свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ, избиравшихся изъ цѣлыхъ родовъ служилыхъ людей, которые жили при архіерейскомъ домѣ, имѣли въ своемъ

пользованіи архіерейскія земли и несли при архіереѣ разныя службы, отъ которыхъ они и кормились. Такъ какъ архіерейскіе дома и все архіерейское управленіе устроены были тогда по образцу княжескаго двора и управленія, то и многочисленные чиновники архіерейскіе имѣли тѣ же наименованія, что и княжескіе чиновники. Когда потомъ у великихъ князей и царей московскихъ явились разные «приказы», какъ правительственныя учрежденія, то и въ патріаршемъ и епархіальномъ управленіяхъ появились такіе же приказы. Въ большинствѣ приказы эти вѣдали также свѣтскіе чиновники. Самыми важными и вліятельнѣйшими изъ этихъ чиновниковъ въ архіерейскомъ управленіи были: бояре, дворецкіе и дьяки.

Бояре составляли при архіереяхъ судное отдѣленіе по всѣмъ дѣламъ, подлежавшимъ архіерейской юрисдикціи; къ нимъ, а не къ архіереямъ непосредственно, обращались царскіе приказы со своими памятями по тѣмъ или другимъ вопросамъ. — Дворецкіе при архіереяхъ завѣдывали прежде всего архіерейскимъ домомъ въ хозяйственномъ отношеніи. Они же, какъ прямые начальники, надзирали за всѣми архіерейскими служилыми людьми до домовой прислуги включительно. На ихъ обязанности лежало вѣдать и управлять всѣми архіерейскими землями и имѣніями. Но самая главная и важнѣйшая обязанность дворецкихъ состояла въ томъ, что они имѣли право суда надъ всѣми лицами, жившими на архіерейскихъ земляхъ.— Архіерейскіе дьяки—это были знатоки законовъ, старины, письменнаго канцелярскаго искусства. Безъ ихъ подписи ни одна бумага не могла получить офиціальнаго характера.

Архіерейскіе бояре, дворецкіе и дьяки держали въ своихъ рукахъ почти все архіерейское управленіе, такъ какъ къ нимъ нерѣдко поступали на разсмотрѣніе и собственно духовныя дѣла. Свѣтское правительство понимало столь важное значеніе этихъ вліятельныхъ въ епархіальномъ управленіи свѣтскихъ чиновниковъ и потому постаралось поставить ихъ въ прямую зависимость отъ себя. Еще на Стоглавомъ соборѣ было постановлено, что архіереи не могутъ единолично, безъ одобренія и согласія царя, назначать своихъ бояръ, дворецкихъ и дьяковъ, и что въ случаѣ неимѣнія архіереемъ лицъ, способныхъ занять эти должности, царь назначаетъ ихъ изъ своихъ чиновниковъ, и назначеннаго царемъ чиновника архіерей не могъ уволить безъ согласія на то царя. Въ такой зависимости отъ свѣтской власти находились не только чиновники простыхъ епархіальныхъ архіереевъ, но и самого московскаго и всея Руси митрополита, а потомъ патріарха.

Очень естественно, что свѣтскіе чиновники въ епархіальномъ упра-

вленіи, какъ зависѣвшіе отъ царя, а не отъ архіерея, въ дѣятельности своей стремились болѣе угодить свѣтскому правительству, чѣмъ духовному, по отношенію къ которому они являлись не исполнителями его распоряженій, а бдительными контролерами его дѣйствій. Очевидно, каждый архіерей древней Руси, такъ же какъ и самъ патріархъ, постоянно чувствовалъ себя связаннымъ и очень стѣсненнымъ даже въ управленіи своею собственною епархіею. Понятно, съ другой стороны, почему русскіе архіереи на соборѣ 1667 года такъ горячо и дружно стали на сторону нелюбимаго ими Никона по вопросу объ отношеніи свѣтской власти къ духовной.

По заключенію профессора Каптерева, говорить, что патріархи въ древней Руси были независимы отъ свѣтской власти, что они какъ верховные представители церкви, пользовались полною свободою и самостоятельностію и руководились въ своей дѣятельности только церковными началами и нормами, рѣшительно невозможно. Церковная власть и въ патріаршій періодъ древней Руси находилась въ такой же зависимости и подчиненіи свѣтской власти, въ какой она находилась и въ послѣдующій синодальный періодъ; съ уничтоженіемъ патріаршества и съ учрежденіемъ Св. Синода никакихъ существенныхъ перемѣнъ въ этомъ отношеніи не произошло: взаимныя отношенія между свѣтскою и духовною властію остались тѣ же, какія были и ранѣе. И напрасно нѣкоторые наши писатели винятъ императора Петра Великаго въ томъ, что онъ, уничтоживъ патріаршество и учредивъ Св. Синодъ, тѣмъ самымъ будто бы лишилъ русскую церковь ея былой самостоятельности и независимости, сдѣлавъ ее только послушнымъ орудіемъ свѣтской власти. Ничего подобнаго въ дѣйствительности не было. Послушнымъ орудіемъ въ рукахъ свѣтской власти духовная власть была съ того самаго времени, когда на Москвѣ выросла и вполнѣ окрѣпла власть сначала великаго князя, а потомъ царя Московскаго.

Не ясенъ ли,—спросимъ опять,—отвѣтъ на вопросъ: есть-ли историческій смыслъ въ словахъ Достоевскаго о параличѣ нашей церкви со временъ Петра Великаго? Очень ясенъ, и онъ таковъ: смысла историческаго въ красивомъ литературномъ выраженіи Достоевскаго нѣтъ, какъ нѣтъ его и въ трогательныхъ сравненіяхъ, которыя любили употреблять, по поводу уничтоженія патріаршества, славянофилы, «вдовства церкви», «сиротства ея», обезглавленія и т. п. Голова, какъ была, такъ и осталась, только не на тѣхъ плечахъ, на которыхъ хотѣлось представлять ее славянофиламъ. И напрасно и теперь нѣкоторые послѣдователи и не послѣдователи славянофиловъ продолжаютъ употреблять всѣ эти, начиная «съ паралича церкви», лишенныя историческаго

смысла, выраженія. Въ серьезныхъ рѣчахъ для серьезныхъ людей они прямо неизвинительны.

Точно также нельзя серьезно говорить и о соборности въ управленіи церковію въ патріаршій періодъ. Тогда была лишь блѣдная тѣнь этой соборности. Въ грамотѣ къ константинопольскому патріарху Діонисію Никонъ такъ высказался на счетъ этой соборности: «егда царь повелитъ быти собору, тогда бываетъ; и ково велитъ избрати и поставити архіереемъ,—избираютъ и поставляютъ; и ково велитъ судити и обсуждати, и они судятъ и обсуждаютъ и отлучаютъ». Ну, какая же это соборность и можно ли о ней говорить?...

Но если наши патріархи древней Руси, говоритъ проф. Каптеревъ, и зависѣли во всемъ и всецѣло отъ свѣтской власти, то, все-таки, не смотря на это, ихъ вліяніе въ то время, какъ верховныхъ представителей церкви, несомнѣнно было гораздо сильнѣе и замѣтнѣе на всю нашу общественную жизнь, чѣмъ въ синодальный періодъ. Въ лицѣ патріарховъ наша церковь пользовалась и со стороны свѣтской власти бо́льшимъ вниманіемъ и уваженіемъ, чѣмъ это было послѣ учрежденія Св. Синода. Но это явленіе, которое обыкновенно приписываютъ самому факту существованія у насъ патріаршества, объясняется, однако, совершенно другими обстоятельствами, къ которымъ существованіе или несуществованіе у насъ патріаршества не имѣло собственно никакого прямого отношенія. Дѣло тутъ, по мнѣнію профессора Каптерева, заключалось единственно въ томъ, что государи Московской Руси были обыкновенно завзятыми искренними церковниками, соблюдавшими и въ жизни, и даже въ домашней обстановкѣ требованія церковнаго устава и разныхъ церковныхъ постановленій. Для нихъ церковные вопросы, даже подробности церковной жизни, всегда были очень близкими и дорогими. Вопросами, напр., о хожденіи посолонь, о сугубой аллилуіи, о церковныхъ звонахъ и т. п. они интересовались не менѣе вопросовъ чисто государственныхъ и потому принимали въ ихъ рѣшеніи самое горячее и дѣятельное участіе. Очень понятно, что при томъ значеніи, какое московскіе цари придавали церковной жизни, съ ея спеціальными требованіями и уставами, и высшій представитель этой жизни—патріархъ—долженъ былъ обязательно занимать особое, очень видное, положеніе при царскомъ дворѣ, тѣмъ болѣе, что и всѣ окружающіе царя и близкія къ нему лица были болѣе или менѣе такими же церковниками, какъ и самъ царь.

Но если, прежде, продолжаетъ профессоръ Каптеревъ, царь—церковникъ постоянно чувствовалъ нужду имѣть около себя близкое ему духовное лицо, чтобы посовѣтоваться съ нимъ, побесѣдовать объ оди-

наково интересующихъ обоихъ церковныхъ предметахъ: то со времени Петра обстоятельства рѣзко измѣнились. Наши цари стали воспитываться уже совершенно иначе, нежели ихъ московскіе предшественники, а вслѣдствіе этого у нихъ образовался на все иной кругъ воззрѣній, иное пониманіе окружающаго, иные вкусы и интересы, очень далекіе отъ прежнихъ, при чемъ ихъ прежняя церковность необходимо все болѣе и болѣе отодвигалась на задній планъ, а вмѣстѣ съ нею отдалялись отъ дворца и ея представители, скоро и совсѣмъ забывшіе прежнюю торную для многихъ изъ нихъ дорогу во дворецъ.

Это новое направленіе въ нашей умственно-культурной жизни, начавшись съ самыхъ верховъ, постепенно проникло въ широкіе круги общества, охлаждая въ нихъ любовь и привязанность къ былой московской церковности. За холодностью къ послѣдней, добавимъ мы, постепенно выступала вражда къ ней—скрытая и явная. Не о параличѣ нашей церкви со времени Петра Великаго надо говорить, а о томъ, что съ того времени *Россія мыслящая начала постепенно отторгаться отъ Россіи благочестивой*, въ чемъ къ настоящему времени такъ много и преуспѣла.

БИБЛІОТЕКА

УКАЗАТЕЛЬ

А) Журнальныхъ статей за май.

„Богословскій Вѣстникъ“: «На зарѣ новой церковной жизни». (Думы и чувства). Стр. 144—185 . . . *Епископъ Евдокимъ.*

— Власть патріаршая и архіерейская въ древней Руси въ ихъ отношеніи къ власти царской и къ приходскому духовенству. Стр. 27—64 . . . . . *Н. Ѳ. Каптеревъ.*

— Въ отдѣлѣ—**Изъ періодической печати:** Общественное освободительное движеніе и интересы церкви.—Объ отношеніи церкви и государства (В. В Розанову).—По поводу Высочайшаго указа 17 апрѣля. Стр. 195—206 . . . . *В. Н. Мышцинъ.*

„Православный Собесѣдникъ“. Въ отдѣлѣ — **Обозрѣніе внутренней церковно-общественной жизни Россіи:** «Къ работѣ общественной мысли по вопросу о церковной реформѣ». Стр. 142—159 . . . . . *Ѳ. В. Благовидовъ.*

„Миссіонерское Обозрѣніе“, №№ 7-й и 8-й. Въ отдѣлѣ—**Отклики:** «О забытомъ». (Эпилогъ къ газетной реформѣ нашего церковнаго управленія). Стр. 1241—1250 . *Н. Гринякинъ.*

„Вѣра и Разумъ“, № 8-й. О желательныхъ измѣненіяхъ и улучшеніяхъ современнаго строя церковно-приходской жизни. (По поводу современныхъ толковъ о возрожденіи древне-русскаго прихода). Стр. 350—366 . *Л.*

— Желательно-ли возстановленіе права прихожанъ выбирать себѣ священника? Стр. 366—370 . . . . . *Павелъ Левитовъ.*

„Душеполезное Чтеніе“. Въ отдѣлѣ—**Отклики на современность:** «Къ вопросу о всероссійскомъ церковномъ соборѣ». (Голосъ одного изъ нашихъ архипастырей, † преосвящ. Варлаама Успенскаго). Стр. 141—146 . . *С. Артоболевскій.*

„Руководство для сельскихъ пастырей“ №№ 20-й и 21-й: «Какъ подготовить приходъ къ возможнымъ въ будущемъ реформамъ церковно-приходской жизни» *). Стр. 61—69, 104—109 . . . . . *Св.-мис. С. Потѣхинъ.*

„Современная Лѣтопись“ (при «Воскресномъ Днѣ» № 20-й. Отдѣлъ—**«Среди газетъ и журналовъ».**

„Русскій Вѣстникъ“, № 5-й. Въ отдѣлѣ—**Современная**

*) Считаемъ не лишнимъ упомянуть здѣсь, что вопросомъ о реорганизаціи прихода, въ цѣляхъ возстановленія его самостоятельности, печать особенно много занималась въ 1902—1904 гг., вызванная къ тому капитальными трудами А. А. Папкова. Сводку многочисленныхъ статей духовной и свѣтской печати по этому вопросу сдѣлалъ А. Г. Балдовскій на страницахъ «Церковныхъ Вѣдомостей» въ №№ 6—8 за 1903 годъ (статьи эти вышли отдѣльною брошюрою) и въ №№ 48 и 49 за 1904 годъ.

Лѣтопись: Pro domo.—Провозглашеніе свободы совѣсти.—Постановленіе Св. Синода о возстановленіи патріаршества—Проф. Никольскій и М. А. Новоселовъ о реформѣ церкви.—Противорѣчія церковнаго самосознанія.—Записка г. Витте.—Письма викарія въ «**Русскихъ Вѣдомостяхъ**». «Кошмаръ» христіанскаго государства. . *Никол. Энгельгардтъ.*

Б) Газетныхъ статей за іюнь.

Числа.

2. **„Петербургскій Листокъ“,** № 140-й «Среди кружка столичнаго духовенства». Подписано: «*Кто-то*».
— **„Бессарабская Жизнь“** въ № 141-й приводитъ изъ ст. *Юзскаго* въ «*Спб. Вѣдомостяхъ*» (№ 129-й подъ 28-мъ мая) ту часть, которая составляетъ выдержку изъ ст. проф. *Мышцина* въ «*Богосл. Вѣстн.*» за м. апрѣль.
— **„Восточное Обозрѣніе“,** № 118-й· «Къ вопросу о положеніи православнаго духовенства въ Россіи». *Священникъ Іоаннъ Анисимовъ.*
3. **„С.-Петербургскія Вѣдомости“,** № 134-й: «О русскомъ церковномъ управленіи не центральномъ (епархіальномъ)». *Я. Н.*
— **„Слово“,** № 167-й: «Офиціальная полемика по вопросу о церковной реформѣ». *Ф. Б.*
4. **„Слово“,** № 168-й: «Офиціальная полемика по вопросу о церковной реформѣ». (Окончаніе). *Ф. Б.*
— **„Новости“,** № 139-й: «Православный Соборъ». *А. Матюшенскій.*
— **„Рижскій Вѣстникъ“,** № 118-й: Статья безъ оглавленія со схемою желательныхъ преобразованій въ строѣ церковной жизни.
7. **„Биржевыя Вѣдомости“,** № 8.851-й: «Духовенство и общественное движеніе». *В.*
8. **„Русскій Листокъ“,** № 154-й. Въ отдѣлѣ—«О чемъ пишутъ»: выдержка изъ «*Мис. Обозр.*» о необходимости единенія между пастырями церкви.
9. **„Рижскій Вѣстникъ“,** № 121-й: Корреспонденція изъ м. Грива со свѣдѣніями о тѣхъ вопросахъ, которые были предметомъ обсужденія духовенства Зельбургскаго благочинія.
— **„Биржевыя Вѣдомости“** въ № 8.861-мъ говорятъ о постановленіи съѣзда духовенства въ г. Ревелѣ. (См. «*Либавскій Вѣстникъ*»).
11. **„Слово“,** № 174-й. «Планы и проекты церковной реформы».
14. **„Ревельскія Извѣстія“,** № 130-й: «Мнѣнія и мысли духовенства Гапсальскаго благочинія».
15. **„Ревельскія Извѣстія“,** № 131-й: Окончаніе предыдущей статьи.
16. **„Разсвѣтъ“,** №96-й: «Быть ли помѣстному собору въ Россіи?» *Н. Дурново.*
— **„Южный Край“,** № 8.482-й· «Какъ восполнить «дух. оскудѣніе». *П. М. Х*
17. **„Русское Слово“,** № 161-й: «Церковный соборъ». *Н. Толстой.*
— **„Пятигорскій Листокъ“,** № 349-й: «Въ ожиданіи церковной реформы». (Мысли и мнѣнія мірянина).
18. **„Пятигорскій Листокъ“,** № 350-й: Окончаніе предыдущей статьи.
21. **„Петербургская Газета“,** № 160-й. «Церк. приходы». *Съверный.*
25. **„Сѣверо-Западное Слово“,** № 2.328-й: «Освободительное движеніе среди православнаго духовенства». *В. Л.*

28. **„С.-Петерб. Вѣдомости“,** № 155-й· «Мірской элементъ въ церкви».
29. **„Казанскій Телеграфъ“,** № 3.749-й «Мобилизація духовенства».

В) Журнальныхъ статей за іюнь.

„Церковный Вѣстникъ“, № 22-й. Въ отдѣлѣ—**Мнѣнія и отзывы:** Изъ мнѣній объ ожидаемой церковной реформѣ.—О свободѣ для пастырской дѣятельности.—Религіозныя послѣдствія приходской реформы.

— № 23-й. Въ отдѣлѣ—**Мнѣнія и отзывы:** О подготовленіи къ собору.—Духовенство и общество.

— «Правящій соборъ» . . . . . *Архим. Михаилъ*

— № 24-й. Въ отдѣлѣ—**Мнѣнія и отзывы:** Апологія существующаго строя церковнаго управленія.

— № 26-й. Въ отдѣлѣ—**Мнѣнія и отзывы:** Церковный соборъ и сословная рознь въ церкви.

— Объ областномъ управленіи въ церкви . . . . *Архим. Михаилъ.*

„Богословскій Вѣстникъ“: На зарѣ новой церковной жизни. (Думы и чувства). Стр. 207—237 . . . . *Епископъ Евдокимъ*

— Въ отдѣлѣ—**Изъ періодической печати.** Къ исторіи церковно-преобразовательнаго движенія.—Вѣротерпимость и церковный соборъ. Стр. 359—383 . . . . . *В. Н. Мышцинъ*

„Православный Собесѣдникъ“. Въ отдѣлѣ — **Обозрѣніе внутренней церковно-общественной жизни Россіи:** Къ работѣ общественной мысли по вопросу о церковной реформѣ. (Продолженіе). Стр. 320—344 . . . . . *Ѳ. В. Благовидовъ.*

„Странникъ“. Въ отдѣлѣ—**Обзоръ журналовъ** подробно передается статья Н. Ѳ. Каптерева, помѣщенная въ апрѣльской книгѣ «*Богословскаго Вѣстника*».

„Мисс. Обозрѣніе“, № 9-й: Со скрижалей сердца . *В. М. Скворцовъ.*

„Руководство для сельскихъ пастырей“, № 24-й: «Къ вопросу о предстоящемъ помѣстномъ церковномъ соборѣ». Стр. 173—178.

— № 25-й: «О составѣ церковнаго собора». Стр. 197—201. *Св. Евг. Капраловъ.*

„Русскій Паломникъ“, № 24-й. Въ отдѣлѣ—**На распутіяхъ жизни** «О церковномъ обновленіи» Стр. 369—371. *И. Мглинскій.*

— № 26-й· Продолженіе. Стр. 400—403 . . . . *И. Мглинскій.*

„Душеполезное Чтеніе“. Въ отдѣлѣ—**Отклики на современность:** «Кощунственный «голосъ» и легкомысленное «слово». (Замѣтка сельскаго священника). Стр. 307—318. *Св. А. Рѣчменскій.*

Г) Газетныхъ статей за іюль

Числа

1. **„С.-Петербургскія Вѣдомости“,** № 158-й: «Письмо священника».
4. **„Свѣтъ“,** № 170-й· «Отголоски». *С.*

— **„Петерб. Листокъ“,** № 171-й. «Подъ канонической клятвой». *К. Т—въ*

5. **„Петербургская Газета“,** № 174-й. «Отклики дня». *Русланъ.* (Заимствовано изъ «*Сына Отечества*»).

12. **„Кіевскіе отклики“,** № 160-й: «Новое теченіе среди духовенства».
13. **„Пет. Газета“,** № 181-й. «Духовенство и общественное движеніе». *Н. Г—е.*
17. **„Русскій Листокъ“,** № 193-й: «Печальникамъ земли русской». (Письмо въ редакцію). *Н. Коваленко.*
— **„Разсвѣтъ“,** № 122-й: «Тяжелыя думы православнаго въ Россіи». *С. Х.*
— **„Петербургскій Листокъ“,** № 184-й: Корреспонденція изъ Суджи, Курской губ.—«Крестьянскія пожеланія». (Изъ «*Сына Отечества*»).
— **„Бирж. Вѣдомости“,** № 8.929-й: Письмо въ редакцію. *Вдовый священникъ.*
— **„Сынъ Отечества“,** № 129-й. Корреспонденція изъ м. Пебалка, Лифляндской губ, о постановленіи съѣзда священниковъ Керстенбемскаго благочинія.
18. **„Петербургская Газета“,** № 189-й: «Монашество и власть». (Изъ письма въ редакцію). *Старый.*
20 **„Разсвѣтъ“,** № 124-й: «По поводу статьи «Лиловый батюшка». *Архимандритъ Николай.*

Д) Журнальныхъ статей за іюль.

„Церковный Вѣстникъ“, № 27-й: Епископъ и епархіальные съѣзды . . . . . *Арх. Михаилъ.*
— № 28-й: Епископство и монашество . . . . . *В. Введенскій.*
— № 29-й: Епископъ и консисторія . . . . . *Арх. Михаилъ.*
— № 30-й: Корреспонденція изъ Симбирска—«Епархіальный съѣздъ духовенства» . . . . . *Депутатъ Р—ій.*

„Богословскій Вѣстникъ“ (кн. іюль—августъ). На зарѣ церковной жизни. (Думы и чувства). Стр. 401—424 *Епископъ Евдокимъ.*

„Православный Собесѣдникъ“. Въ отдѣлѣ — **Обозрѣніе внутренней церковно-общественной жизни Россіи:** «Къ работѣ общественной мысли по вопросу о церковной реформѣ». (Продолженіе). Стр. 621—644 . . . *Ѳ. В. Благовидовъ.*

„Православно-Русское Слово“, № 11-й: Условія и способы участія мірянъ въ церк. жизни. Стр. 33—42. *Павелъ Верховскій.*

„Странникъ“. Въ отдѣлѣ—**Хроника епархіальной жизни:** «Вопросъ объ участіи прихожанъ въ избраніи пастырей съ точки зрѣнія духовенства». Стр. 104—105.

„Таврическія Епархіальныя Вѣдомости“, № 13-й: «Объ отношеніи духовенства къ современнымъ общественнымъ движеніямъ». (Рефератъ, предложенный въ Кіевскомъ пастырскомъ собраніи 29 марта 1905 г.).

„Русскій Паломникъ“, № 27-й. Въ отдѣлѣ—**На распутіяхъ жизни:** «О церковномъ обновленіи». (Продолженіе). Стр. 418—420 . . . . . *И. Милинскій.*
— № 30-й: Продолженіе помѣщенной въ № 27 статьи. Стр. 467—470 . . . . . *И. Милинскій.*

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

А, сотрудникъ «Холмско-Варшавскаго Вѣстника». 518.
А. Н., сотр «Русскаго Чтенія» 168.
Августинъ, блаж 373
Аѳанасій, правитель анамейскій. 537.
Авраамій, инокъ, расколоучитель. 566.
Агаѳангелъ (Соловьевъ), еп. ревельскій. 478.
Адріанъ, послѣдній патріархъ всея Руси 23, 31, 187, 235.
Аксаковъ, Ив. 9, 17, 58.
Аксаковъ, Н. П., 362, 440, 481.
Александръ I-й, императоръ 21, 82
Александръ II-й, императоръ. 245, 378.
Александръ III-й, императоръ. 323, 378
Александръ Северъ, римскій императоръ. 28
Алексій, архіеп. литовскій. 437.
Алексій, еп. вологодскій. 271.
Алексій, митр., святой 370, 396, 464
Алексій, экзархъ Грузіи. 271.
Алексѣевъ, проф 168
Алексѣй Михаиловичъ, царь. 11, 82, 84, 166, 235, 243, 244, 269, 303, 564, 568.
Амвросій Медіоланскій, блаж. 28, 373, 506, 535.
Амвросій оптинскій, 355
Амвросій, архіеп. харьковскій, 378.
Анастасій, епископъ олонецкій, 330.
Андрей Критскій, св. 393.
Андроникъ, архим. 453.
Анисимовъ, І., свящ. 573.
Анна Іоанновна, императрица. 267, 462
Ансельмъ, катол богословъ. 163
Антоній, архим. 463
Антоній Великій, основатель монашества. 279.
Антоній, епископъ волынскій. 52, 163, 330, 472.
Антоній, еп. черниговскій. 330.
Антоній, митр. с.-петербургскій и ладожскій. 1, 15, 16, 22, 23, 43, 44, 45, 47, 48, 73, 74, 75, 81, 86, 87, 89, 114, 116, 133, 171, 192, 193, 199, 202, 223, 248, 259, 271, 272, 281, 283, 284, 286, 291, 292, 319, 320, 325, 326, 327, 332, 377, 417, 418, 432, 433, 434, 449, 468, 470
Антоній, препод 355.
Антонинъ, епископъ нарвскій. 13, 17, 41, 81, 151, 174, 433, 547
Аристотель. 347.
Аркадій, императоръ. 537.
Арсеній, еп псковскій. 341.
Арсеній Мацѣевичъ, митр. ростовскій. 247
Арскій, сотр. «Новостей Дня». 398.
Аскоченскій, 59
Астровъ, П, сотр. «Русск. Вѣд.». 400.
Аѳанасій, арх. александрійскій, св 278, 456, 461, 536, 537.
Басаргинъ, А. 339.
Башкинъ. 543
Бернштейнъ, авторъ «Исторіи матеріализма». 543
Благовидовъ, Ѳ В., проф. 267.
Боборыкинъ 299.
Борецкій, свящ. 377.
Борисъ Годуновъ. 30, 77, 84, 153, 234, 386, 521, 522, 523, 562, 563.
Быстренинъ, В. 512.
Бѣлинскій, В Г. 198
Бѣлявскій, Ф. 548.
Валуевъ, графъ, министръ внутреннихъ дѣлъ. 24, 488.
Walter. 373.
Варлаамъ, митрополитъ. 234.
Василій, в к. 234
Василій III, великій князь, 77.
Василій Великій, святой. 5, 264, 273, 313, 373, 374, 375.
Васильевъ, А. В. 378
Введенскій, В. 573
Верховскій, П. 573
Вершининъ, Н, сотр. «Пет Листка». 183.
Веслей Джонъ. 270
Вильгельмъ Оранскій. 265.
Витте, С. Ю. 44, 45, 46, 73, 74, 86, 87, 88, 89, 109, 114, 115, 117, 122, 180, 181, 184, 185, 186, 193, 198, 223, 224, 225, 239, 248, 249, 259, 265, 270, 273 276, 277, 284, 285, 286, 292, 319, 320, 324, 325, 326, 377, 417, 418, 444, 458, 558.
Витфильдъ 270
Владиміръ, св -равноапостольный князь. 187.
Владиміръ, еп. екатеринбургскій. 330.
Владиміръ, митр. московскій. 271.
Владиславъ, польскій королевичъ. 226, 564.
Внѣшній, сотр. «Зари» 229, 252, 305.
Вольтеръ. 270.
Вышнеградскій. 268, 369.
Гагаринъ, князь. 299.
Галилей 252.
Гапонъ Георгій, священникъ. 283, 284.
Гергенретеръ, р.-кат. историкъ. 460.
Германъ, митр. халкидонскій. 383.
Гермогенъ, патріархъ всея Руси. 82, 187, 458, 564.
Герценъ. 198.
Г—е, Н., сотр. «Пет Газеты». 422
Гиляровъ-Платоновъ, Н. П, проф. 59, 138, 214, 215, 239, 306, 470.
Глѣбскій, Б, сотр. «Каз. Телегр.» 240.
Голицинъ, князь, оберъ-прокуроръ Св. Синода. 10, 21, 22, 387, 388.
Гонорій, императоръ. 188.
Горицкій, Петръ, свящ. 493.
Горчаковъ, М. И, протоіерей, профессоръ спб. университета. 24, 283, 285, 292, 293.
Гофштетеръ, И. 257.
Григорій Богословъ, св. 313, 373.
Григорій Нисскій. св. 373.
Григорій Цамблакъ, митр. 484.

Грингмутъ, В. А. 157, 285, 286, 319, 398, 400.
Гринякинъ, Н. 308, 309.
Гурій, архіеп. новгородскій. 270.
Гусевъ, А., проф. 378.
Гусевъ-Оренбургскій 177.
Давыдовъ, подполковникъ. 100, 101, 102.
Данилъ, митрополитъ. 234.
Дебольскій, Н. Г. 498, 516, 517 518, 542.
Демчинскій, Н. А. 96.
Джаншіевъ. 209.
Димитрій, епископъ новомиргородскій. 12, 32, 37, 40.
Димитрій Донской, в к 234.
Димитрій Сѣченовъ, архіеп. новгородскій. 153, 463.
Діонисій, архимандритъ. 170, 288, 289, 290, 291.
Дюнисій, патріархъ 221, 565, 571
Дмитріевъ, И. И. 219.
Добролюбовъ 268, 369
Добронравовъ, Н. П., протоіерей 110.
Долгорукій, Яковъ. 409.
Досиѳей, арх ростовскій. 101.
Достоевскій, Ѳ М 9, 123, 185, 239, 365, 368, 377, 378, 558, 570.
Дурново, П. 152, 153, 395, 447.
Е, пис. «Русск. Вѣд.» 331.
Евдокимъ, епископъ, ректоръ московской д. академіи. 454.
Евсевій, ц. историкъ. 534, 535.
Екатерина II, императрица. 102 153, 220, 267, 367, 369, 462, 517.
Елеазаръ, старецъ. 523.
Елисавета Петровна, императрица 102, 131
Елладій, пресвитеръ комманскій 537.
Елпидій, пресвитеръ антіохійскій. 537.
Ефремъ Сиринъ, св. 313, 413.
Жемчужниковъ. 242.
З., сотр. «Р. Листка». 187.
Завитневичъ, В, проф. 293, 302
Заозерскій, Н. А., профессоръ. 21, 41, 101, 106, 124, 129, 132, 151, 167, 211, 213, 285, 359, 360, 362, 363, 389, 393, 401.
Зедергольмъ, іером. 463.
Земецъ, сотр. «Севаст. Вѣстн.» 384.
Знаменскій, П. В., проф. 464.
Зор..., В. А., сотр «Недѣли». 414
Иванцовъ-Платоновъ, А. И., протоіерей-профессоръ. 96, 99, 103, 106, 239, 464, 465.
Игнатій Богоносецъ, св. 456, 457, 534.
Игнатій, еп. тамбовскій. 101.
Игнатій, лжепатріархъ. 112, 113, 234, 563, 564,
Игнатій, митр. крутицкій. 101.
Игоревъ, Е. С., сотр «Пет. Листка». 148.
Изяславъ, вел. князь. 506
Иларіонъ, архіеп. рязанскій. 567.
Иларіонъ, митр. 521.
Иларій, папа. 393.
Илья, пророкъ 171
И—нъ, сотр. «Ю. Края». 385
Ирина, императрица. 519.
Ирина, царица, супруга царя Ѳеодора Ивановича. 561.
Иринархъ, сотрудникъ «Петерб. Газеты». 83
Исидоръ, епископъ балахнинскій. 262, 285, 286, 339.
Исидоръ, митрополитъ. 234
Исидоръ Пелусіотъ, св. 536
Истоминъ, В К. 285.
Іаковъ, апостолъ 138
Іаковъ, архіеп ярославскій. 330.
Іеремія, патріархъ константинопольскій. 30, 522, 562, 563
Іеронимъ, бл 373
Іисусъ Христосъ. 2, 3, 21, 32, 139 145, 146, 154, 161, 168, 186, 193, 211, 225, 261, 266, 290, 295, 311, 314, 319, 342, 343, 365, 366, 368, 377, 393, 413, 431, 456, 457, 463, 478, 505, 507, 508, 509, 547, 556.
Іоакимъ, еп. оренбургскій 330
Іоакимъ, патр антіохійскій. 29, 30, 522, 523, 561, 562
Іоакимъ III, патр константинопольскій 382.
Іоакимъ, патр. московскій. 235
Іоанникій, еп архангельскій. 330
Іоанникій, митр. кіевскій. 323
Іоаннъ Грозный. 77, 234, 243, 366, 367, 368, 466, 506.
Іоаннъ Дамаскинъ, св 413.
Іоаннъ Златоустъ, св. 313, 373, 375, 413, 441, 461, 536, 537, 567
Іоаннъ Креститель, св 522.
Іоаннъ Кронштадтскій, прот. 197, 313, 350, 378, 406
Іоаннъ, митр. 234
Іоаннъ Палеологъ, греч императ 169.
Іоаннъ Смоленскій, епископъ. 27, 138, 290
Іоасафъ, митр. 234
Іоасафъ, патріархъ 235, 564, 568.
Іовъ, патріархъ всея Руси. 30, 77, 187, 234, 458, 523, 562, 563
Іона, митр. святой. 29, 370, 522
Іосифъ, патріархъ всея Руси. 112, 564
Іосифъ, патріархъ константинопольскій. 169.
Казанскій, П. С., проф. 463.
Калачевъ, В., свящ. 556.
Калита, в. кн. 77
Канкринъ, графъ. 204
Кантъ. 502.
Каптеревъ, Н. Ѳ, проф 209, 454, 532, 559, 561, 562, 563, 568, 570, 571.
Катковъ, М. Н 209.
Кипріанъ, епископъ карѳагенскій, св 391, 392, 465, 534, 535.
Кириллъ, св. просвѣтитель славянъ. 456
Киріонъ, еп орловскій. 330.
Кирѣевскій, Я. 334, 396.
Кирѣевъ, А. А 277, 396, 457.
Климентъ, папа, святой. 522.
Климентъ Смолятичъ, митр. 522.
Ключевскій, В. О. проф. 543
Коваленко, Н. 573.
К—въ, В., сотр. «Свѣта». 270.
Константинъ Великій. 368, 519.
Константинъ, митрополитъ. 234.
Константинъ Погонатъ, императоръ. 519.
Коперникъ. 252.
Корниловъ, д-ръ. 285, 384.
Крыловъ, свящ 547.
Кудрявцевъ, П 419
Куроки, японскій генералъ. 320.
Куропаткинъ, А Н., генералъ. 316.
Л, священникъ. 158
Лазарь, расколоучитель 566.
Лебединскій, А, свящ 512
Левитовъ, П. 573
Леонтьевъ. 214, 215, 306.
Лже-Димитрій 1-й 113, 234, 563.
Лиръ, король 407
Л—ій, П Л, свящ 303
Л—овскій, В, свящ. 471, 474.
Лопухинъ, директоръ департамента полиціи 284.
Лѣсковъ, Н С 329.
М., сотр. «Новостей». 197, 227, 283
Макарій, митр. московскій. 522, 523.
Макарій, патр. антіохійскій. 166.
Максимъ Горькій. 429.
Малала, составъ «хроники». 375.
Малхіонъ, пресвитеръ. 535.
Марія Мнишекъ. 113
Маркелъ, епископъ. 233
Маркіанъ, императоръ 519
Маркъ, митр ефесскій 169
Матюшенскій, А. 527
Матѳей, ап., св 534
Мелетій, іеродіаконъ 566
Мелисино, оберъ-прокуроръ Св. Синода 267, 268, 462.
Меньшиковъ, М 406.
Мережковскій, Д С. 191, 197, 198, 199, 227. 318, 323, 462, 511, 542.
Мечтатель, сотр. «Новостей». 176,
Мещерскій, В., князь 181, 319, 433.
Меѳодій, св просвѣтитель славянъ. 456
Мина, патріархъ константинопольскій 537.
Милюковъ, проф. 346
Митяй. 234.
Михаилъ, іеромонахъ, а затѣмъ архимандритъ 32, 50, 51, 76, 388, 512, 518, 528, 547.
Михаилъ, митрополитъ 234.
Михаилъ Ѳеодоровичъ, царь. 31, 68, 77, 235
Міряниинъ 238, 434, 526
Моисей, пророкъ 171
Моль, Р 165
Монтанъ, еретикъ. 534
Монтескье 270.
Моро-де-Жоннесъ 378
Муравьевъ, А. Н. 463, 476.
Мухинъ, сотр. «С.-П. Вѣд.» 150.
Мышцынъ, В., проф 207, 466, 546.
М—скій, Гр. свящ 288.

Н., Ак., сотрудникъ «Варшавскаго Дневника». 119.
Н., М., сотрудникъ «Разсвѣта» 236.
Нектарій, патр константинопольскій. 537.
Нероновъ, расколоучитель. 565, 566.
Нечаевъ, П. И 28.
Никандръ, еп. гродненскій. 330.
Никаноръ, архіеп. херсонскій. 323, 378.
Никодимъ, епископъ. 28.
Николай, архіеп. финляндскій. 271
Николай, архимандритъ. 354, 573
Николай, свящ 160.
Никольскій, Н. К., профессоръ 136, 137, 138, 139, 199, 200, 201, 202 237, 273, 274, 275, 276, 291, 435, 459, 460, 491, 513.
Никонъ, патріархъ 11, 58, 68, 77, 82, 83, 96, 112, 144, 164, 177, 189, 193, 205, 221, 226, 235, 243, 244, 245, 260, 266, 269, 275, 303, 320, 347, 348, 459, 464, 532, 564, 565, 566, 567, 568, 570, 571.
Никонъ, еп. владимірскій. 330
Новиковъ, Александръ. 65, 320.
Новоселовъ, М. А 35, 37, 89, 151, 157, 285, 447.
N—скій, сотрудникъ «Нов Обозрѣнія». 509.
Орнатскій, Ф. Н., протоіерей 272, 273, 283, 284, 286, 361.
Осія, кордовскій еп. 188.
Остроумовъ, Серафимъ, о. 285
Павелъ, апостолъ. 13, 17, 19, 41, 81, 143, 274, 355, 387, 391, 420, 460, 505, 520, 533, 534
Павелъ I-й, императоръ. 51, 267, 462, 485.
Павелъ, митр. крутицкій. 567.
Павелъ Самосатскій, еретикъ. 535
Павловскій, П 530.
Павловъ, проф. 125.
Паисій, патр. александрійскій. 166
Паисій Лигаридъ, митр. 166, 167, 266, 565.
Пальмеръ. 476.
Папковъ, А А. 412.
Перевозниковъ. К. 1, 6.
Периклъ. 15.
Перцовъ, П. 37.
Пестряковъ, свящ. 370.
Петровъ, Г. свящ. 52, 163, 199. 200, 241, 321, 357, 545.
Петръ, апостолъ. 138, 460.
Петръ Великій. 9. 15, 23, 24, 31, 34, 44, 45, 49, 51, 57, 58, 70, 75, 76, 81, 82, 83, 84, 87. 91, 94, 95, 97, 98, 99, 100, 102, 108, 109, 110, 111, 115, 116, 123, 124, 125, 127, 131, 153, 159, 164, 166, 167, 168, 177, 185, 204, 205, 218, 220, 222, 235, 244, 246, 265, 266, 267, 271, 277, 285, 318, 326, 334, 348, 366, 367, 372, 386, 401, 407, 408, 409, 451, 457, 460, 462, 466, 475, 477, 479, 484, 485, 486, 487, 488, 490, 510, 516, 558, 568, 570, 571, 572
Петръ III, импер. 462.
Петръ митрополитъ, св. 234, 370
Пилатъ. 182, 366
Пій IX, папа. 167, 397, 538.
Платоновъ, свящ 317.
Платонъ, митрополитъ московскій 10, 18, 111, 267, 462
Платонъ, митр кіевскій. 323.
Плеве, В. К. 284.
Побѣдоносцевъ. К. П, оберъ-прокуроръ Св. Синода. 45, 46, 67 74, 87, 88, 96, 106, 192, 193, 231, 242, 249, 268, 320, 339, 370, 412
Полонскій, Г. Л 302, 304.
Помяловскій. 216
Посошковъ 267
Православный 246
Преображенскій, Ив В. 376, 465, 558.
Преображенскій, прот. 456.
Протасовъ, графъ, оберъ-прокуроръ Св Синода 10, 103, 432, 476, 485
Пушкинъ, А С. 265, 368, 369, 467
Р А, сотр «Разсвѣта». 381.
Рамуль, А, свящ 553.
Ранке. 270
Рилль 542
Ровинскій, К И. 231, 306, 412
Рождественскій, А. П., свящ. 433
Рождественскій, Н 165.
Рожественскій адмиралъ 517.
Розановъ, В. В 13, 14, 136, 174, 177, 191, 193, 202, 266, 318, 319, 322, 350, 366, 379, 390, 466.
Рославлевъ. 337, 449.
Рункевичъ, С Г. 45, 88, 142, 490, 491.
Русланъ, сотрудникъ «Пет. Газеты». 377. 379, 380, 381.
Рцы. 214, 306.
Саблеръ, Вл. К 88, 182, 207, 231. 291, 338, 438.
Саломонъ, управляющій канц. Св Синода. 463.
Сальвіанъ (V в.) 375.
Самаринъ, Д. 164
Самаринъ, Ф. Д. 384.
Самаринъ, Ю В. 52, 58, 165, 362, 446, 516
Самарины. 285.
Святополкъ-Мирскій, князь. 182, 526.
Сезамъ, сотр «Пет Газеты». 424
Сенатовъ, В. 427.
Сенека, философъ. 413, 414.
Серафимъ, іером. 454.
Серафимъ Саровскій, преп. 197, 347, 355, 516.
Сергій, архим. 422, 423.
Сергій, епископъ ямбургскій, ректоръ спб д. академіи. 32, 122, 304, 450, 454, 458, 477, 490, 491, 542, 548, 549, 556, 557.
Сергій, преп. 73, 347, 355.
Сергій Александровичъ, вел. князь. 272, 323.
Сергѣевичъ, проф 543
Сильвестръ, еп. румынскій. 343
Симбирскій, Н. 47, 59, 146, 194.
Скальковскій, К А. 265, 368, 369, 462. 463, 464.
Скворцовъ, В. М. 308, 316, 328,
Слезскинскій, А. 215, 354
Смирягинъ, А., свящ. 311, 512.
Соллертинскій, С. А. прот. 379.
Соловьевъ. Вл С. 9, 17, 164, 245, 299. 362, 412.
Соловьевъ, С М. 58.
Соломонія, супруга вел кн Василія III 77.
Соломонъ, прем. 458.
Соколовъ, делегатъ отъ Зубатовской организаціи фабричныхъ рабочихъ. 284.
Соколовъ, Н. К., проф. 164.
Сократъ, ц историкъ 537.
Spectator. 355.
Сперанскій, графъ 168, 204, 268, 369.
Суворинъ, А А. 319.
Суворовъ, А. В. 232.
Суворовъ, Н, проф. 125, 373, 375, 376
Сыромятниковъ, С Н. 553
Стефанъ, архидіаконъ 534
Стефанъ Яворскій, митрополитъ рязанскій 31, 81, 271.
Стрѣшневъ, бояринъ. 266, 565.
С—ямъ., сотр «Слова». 155.
Тернавцевъ. 363, 364
Тираннъ, пресвитеръ аморійскій. 537
Тихомировъ, проф. 100, 101.
Тихомировъ, Левъ Ал 262, 286, 323, 389, 479, 489, 513, 515.
Тихонъ воронежскій, святой. 516.
Толстой, А. П., графъ, оберъ-прокуроръ Св. Синода. 10, 24, 268, 485
Толстой, Л. Н, графъ 197, 517, 543.
Толстой, Н. 573.
Трофимовъ, Ѳедоръ, поддьякъ. 566.
Трубецкой, Евг., князь. 430.
Тузовъ, И Л 369
Тургеневъ А. И, оберъ-прокуроръ Св. Синода. 24.
Турчаниновъ. 164.
Успенскій, Г. 426.
Ухтомскій, Э. Э. 319.
Ф., Б, сотр. «Пріаз Края». 351.
Филаретъ, архіеп. черниговскій. 458.
Филаретъ, митрополитъ кіевскій. 103.
Филаретъ, митрополитъ московскій. 10, 18, 24, 58, 103, 111, 131, 138, 193, 230, 245, 268, 290, 320, 368, 369, 432, 463, 467, 488, 544.
Филаретъ (Никитичъ), патріархъ всея Руси. 30, 31, 68, 77, 82, 83, 187, 226, 235, 564.
Филипповъ, делегатъ отъ Зубатовской организаціи ф рабочихъ. 284
Филипповъ, Т. И 153, 214
Филиппъ, митр св. 234, 243, 244. 506, 561

Филоѳей, монахъ. 523.
Флавіанъ, митр. кіевскій и галицкій. 271.
Флавіанъ, пресвитеръ антіохійскій. 537.
Фонъ-Визинъ 463.
Фотій, патріархъ константинопольскій. 19, 112.
Францъ-Іосифъ, импер. австрійскій. 410
Хомяковъ, А С 9, 15, 17, 58, 214, 215, 306, 362, 392, 456, 459, 516.
Христофоръ, епископъ уфимскій 330
Чаадаевъ. 299
Чанрикардъ, лордъ. 476
Чебышевъ, оберъ-прокуроръ Св. Синода. 267, 268, 462, 463, 464.
Чельцовъ, М. П. свящ. 547.
Черноморецъ, сотр. «Р. Листка». 217
Черноризецъ 471, 475.
Чернышевскій. 198, 268.
Шараповъ, С. Ѳ. 12, 34, 39, 40, 198, 305, 319, 447, 465.
Шаховской, оберъ-прокуроръ Св. Синода 102.
Ш—въ, Н., сотрудникъ «Южнаго Края» 372, 521.
Шиповъ, Ф Н 37.
Шишковъ, министръ просвѣщенія 463.
Штанге, А. 67.
Шуйскій, В. И., царь. 564.
Щелкаловъ, Андрей, дьякъ. 562
Щукинъ, В. 346.
Энгельгардтъ, М. 162.
Эригена, схоластикъ. 163.
Юзскій, А. 542.
Юрицынъ. 319.
Юстиніанъ, императоръ. 519
Я., Н., сотр. «Пет Вѣд.». 164, 475
Яковлевъ, Я. К. 365.
Янышевъ, І. Л., протопресвитеръ. 138.
Ярославъ Мудрый, в. к 521.
Ѳеогностъ, митрополитъ. 234.
Ѳеодоръ Борисовичъ Годуновъ, царь. 563.
Ѳеодоръ Бухаревъ, архим. 59.
Ѳеодоръ Іоанновичъ, царь. 29, 81, 386, 521, 522, 561.
Ѳеодоръ Михаиловичъ 234.
Ѳеодосій, императоръ. 188, 506, 519
Ѳеодосій Печерскій, преп 347, 355, 506
Ѳеофанъ затворникъ 355.
Ѳеофанъ Прокоповичъ, архіепископъ. 18, 22, 57, 99, 168, 323.
Ѳеофилактъ Болгарскій, арх. 314.
Ѳеофилъ Александрійскій 5.